

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXIII.

1892.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія 3

А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ (<i>продолженіе</i>).	1
О. Н. Фортинскій. Борьба Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка	61
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (<i>продолженіе</i>).	90
И. А. Тихомировъ. Нѣсколько замѣтокъ о надгробныхъ лѣтописяхъ	144
А. С. Хахановъ. Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи	163

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. В. Помяловскій. L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs par <i>M. René Cagnat</i> .	161
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Опытъ русской исторіографіи. В. С. <i>Иконниковъ</i> . Томъ первый. Кіевъ. 1891	179
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. Н. Погодина. <i>Н. Барсукова</i> . Книга 6. С.-Пб. 1892	201
— Книжныя новости	203
Е. М. Ковалевскій. Сельско-хозяйственные занятія въ учительскихъ семинаріяхъ и начальныхъ школахъ	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1890 году.	1
И. В. Помяловскій. Николай Михайловичъ Влаговѣщенскій (<i>мекрологъ</i>)	28

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Майковъ. Четыре эпиграммѣ Пиндара въ честь Герона Онкавузскаго и Этнейскаго (<i>продолженіе</i>).	113
И. Мейеръ. <i>Caesariana</i>	116
О. Г. Мищенко. Судъ присяжныхъ въ Афинахъ и означеніе Архототеля объ Афинскомъ государствѣ	119
С. Н. Ждановъ. Къ Гомеру и Гесиоду.	142
В. К. Еришtedтъ. Къ надгробію Иланемъ, дочери Главкія	147

Редакторъ В. Васильевскій.

((Вышла 1-го сентября)).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССЛXXXIII.

1892.
СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашкина, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.
1892.

Слб. Кватори. тп. д. 80.

2927

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (18-го іюня 1892 года). *О разъясненіи закона о правахъ и преимуществахъ, предоставленныхъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ училищахъ Императорскаго русскаго техническаго общества.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта, о разъясненіи закона о правахъ и преимуществахъ, предоставленныхъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ училищахъ Императорскаго русскаго технического общества, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи льготъ по отбыванію воинской повинности ученикамъ школы десятниковъ Одесскаго отдѣленія Императорскаго русскаго технического общества, *мнѣніемъ положилъ:*

Разъяснить, что права и преимущества, предоставленные лицамъ, окончившимъ курсъ въ училищахъ Императорскаго русскаго технического общества, распространяются и на лицъ, окончившихъ курсъ въ школахъ, учреждаемыхъ отдѣленіями сего общества, если эти школы удовлетворяютъ условіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 9 Вы-

сочайше утвержденного 25-го мая 1882 г. мѣнія государственнаго совѣта (собр. узак. 1882 г. ст. 442):

Подлинное мѣніе подписано въ журналъ прѣдсѣдательствующимъ и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (17-го апрѣля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени законоучителя Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища протоіерея Василия Ивановича Соловьева.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ собраннаго по подпискѣ капитала, заключающагося въ восьми сторублевыхъ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, учреждается при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени законоучителя реальнаго училища протоіерея Василия Ивановича Соловьева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ (въ гор. Шуѣ, Владимірской губерніи) въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала за удержаніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются одному изъ бѣдныхъ учениковъ училища, уроженцевъ гор. Иваново-Вознесенска, или Шуйскаго уѣзда, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію, для уплаты за право ученія въ училищѣ и на учебныя принадлежности.

Примѣчаніе: при всѣхъ равныхъ условіяхъ, дѣти лицъ духовнаго званія пользуются преимуществомъ на полученіе стипендіи.

§ 4. Могущій оказаться остатокъ, по случаю временнаго незамѣненія стипендіи или по другимъ какимъ либо причинамъ, выдается стипендіату въ единовременное пособіе при окончаніи имъ полнаго курса училища.

§ 5. Право избранія стипендіата, а также лишеніе его стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, принадлежитъ пожизненно протоіерею Соловьеву, а послѣ его смерти переходитъ къ педагогическому совѣту Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища.

§ 6. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (6-го мая 1892 года). *Списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

А. Издаваемые въ *С.-Петербургѣ*: Библіографъ, Виржевыя вѣдомости, Благовѣсть, Ветеринарное дѣло, Воскресеніе, Врачъ, Всемирная иллюстрація, Вѣстникъ общественной ветеринаріи, Вѣстникъ рыбопромышленности, Вѣстникъ садоводства, плодоводства и огородничества, Вѣстникъ російскаго общества краснаго креста, Вѣстникъ російскаго общества покровительства животнымъ, Гражданинъ, День, Досугъ и дѣло, Дѣтское чтеніе, Образованіе, Живописное обозрѣніе, Задушевное слово, Записки Императорскаго русскаго техническаго общества, Звѣзда, Зодчій, Игрушечка, Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества, Колосъ, Коннозаводство и коненодство, Лѣсной журналъ, Нива, Новое время, Новъ, Переводы отдѣльныхъ романовъ, Практическая медицина, Родина, Родникъ и приложеніе къ нему: Воспитаніе и обученіе, Русскій вѣстникъ, Русскій начальный учитель, Русскій паломникъ, Русскій пчеловодный листокъ, Русская медицина, Русскій слѣпецъ, Санитарное дѣло, Свѣтъ, Сельскій хозяинъ, Семейные вечера, Славянское обозрѣніе, Странникъ, Счетоводство, Сѣверъ, Труды Императорскаго вольно-экономическаго общества, Читальня народнои школы, Чтеніе для солдатъ.

В. Издаваемые въ *Москвѣ*: Вокругъ свѣта, Вѣстникъ литературный, политическій, научный, художественный, Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства, Дѣтская помощь, Дѣтскій отдыхъ, Записки Московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества, Малютка, Московскія вѣдомости, Московскій листокъ, Наука и жизнь, Охотничья газета, Природа и охота, Ремесленная газета, Русское садоводство, Русскій архивъ, Садъ и огородъ, Царь-колоколъ, Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей.

3. (20-го іюня 1892 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени штабъ-лѣкаря коллежскаго совѣтника Исидора Ивановича Юшкевича при Гродненской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ доходовъ съ заимствованной штабъ-лѣкаремъ Исидоромъ Ивановичемъ Юшкевичемъ суммы въ 12.000 руб. и присоеди-

ненныхъ въ оной 500 руб. изъ накопившихся процентовъ, учреждаются при Гродненской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени заѣщателя.

§ 2. Весь означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, а именно въ 5% билетахъ государственнаго банка 1-го выпуска на сумму 5.500 руб., 2-го выпуска на сумму 6.500 руб. и въ 4% облигаціяхъ внутренняго займа на сумму 500 руб., хранится въ Гродненскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія обезпечивающихъ стипендію процентныхъ бумагъ гимназіи приобретаетъ вмѣсто нихъ новыя, государственныя же, процентныя бумаги.

§ 4. Стипендіи выдаются изъ годовыхъ процентовъ со всего капитала, за вычетомъ изъ нихъ въ казну по закону 20-го мая 1885 г. государственнаго 5% сбора, при чемъ проценты дѣлятся на двѣ стипендіи по равной части. Стипендіатеъ, окончившій курсъ гимназіи и получившій аттестатъ зрѣлости, при поступленіи въ университетъ, получаетъ въ единовременное пособіе изъ процентовъ же съ капитала Юшкевича 100 руб. на первоначальное обустройство и, кромѣ того, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ пребыванія въ университетѣ по 50 руб. каждую третью года, всего по 150 руб. въ годъ. Въ случаѣ выхода стипендіатеа изъ университета выдача ему пособія прекращается. На мѣсто стипендіатеа-гимназиста, поступившаго въ университетъ, изъ учениковъ гимназіи избирается новый стипендіатеъ, который получаетъ въ стипендію ту сумму, какая окажется въ остаткѣ, за покрытіемъ расходовъ по выдачѣ пособія лицу, находящемуся въ университетѣ. Если въ университетъ поступятъ оба стипендіатеа, то вся остающаяся отъ пособій имъ сумма процентовъ выдается одному ученику гимназіи.

§ 5. Выдача стипендій производится впередъ по-полугодно.

§ 6. Правомъ получать стипендію пользуются родственники штабъ-лѣкаря Исидора Ивановича Юшкевича, состоящіе учениками Гродненской мужской гимназіи. Въ случаѣ отсутствія таковыхъ въ числѣ учениковъ Гродненской гимназіи стипендія предоставляется ученикамъ той же гимназіи римско-католическаго исповѣданія, происходящимъ изъ дворянъ Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Въ стипендіатеы могутъ быть назначаемы ученики всѣхъ классовъ Гродненской гимназіи, не исключая и

приготовительнаго, съ перваго же учебнаго полугодія по поступленіи въ Гродненскую гимназію.

§ 7. Стипендіаты избираются племянникомъ заѣщателя Иваномъ Іосифовичемъ Юшкевичемъ, а послѣ его смерти, старшимъ въ его родѣ лицомъ, и утверждаются педагогическимъ совѣтомъ гимназій.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Могущіе образоваться почему либо остатки отъ стипендіальной суммы выдаются стипендіату-гимназисту въ дополненіе къ получаемой имъ неполной стипендіи въ то время, когда предшественникъ его, стипендіатъ, поступившій въ университетъ, будетъ пользоваться на основаніи § 4, пособіемъ изъ той же стипендіи. При этомъ, однакожъ, наблюдается, чтобы дополнительная выдача въ совокупности съ неполною стипендіею не превышала установленнаго тѣмъ же § размѣра стипендіи, то-есть, половинной суммы годовыхъ процентовъ съ капитала.

§ 10. Въ случаѣ закрытія Гродненской гимназій капиталъ штабъ-лѣвара Исыдора Ивановича Юшкевича передается, для выдачи стипендій на основаніи сего положенія, въ вѣдѣніе другаго подобнаго мужскаго учебнаго заведенія, находящагося въ Гродненской губерніи и состоящаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Выборъ такого учебнаго заведенія предоставляется г. попечителю Виленскаго учебнаго округа по соглашенію съ племянникомъ заѣщателя Иваномъ Іосифовичемъ Юшкевичемъ, а послѣ его смерти со старшимъ въ его родѣ лицомъ.

§ 11. Всѣ недоразумѣнія, могущія возникнуть при примѣненіи сего положенія, разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа.

4. (4-го іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Динабургскаго реальнаго училища, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора и всей Ею Императорской Семьи 17-ю октября 1888 года.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ отчисленной изъ запаснаго капитала общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Динабургскаго реальнаго училища суммы, въ двѣ тысячи руб. — учреждается при семъ училищѣ одна стипендія, съ присвоеніемъ ей названія „стипендія общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ въ память чу-

деснаго спасенія жизни Государя Императора и всей Его Императорской Семьи 17-го октября 1888 года".

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, 1-го выпуска, за №№ 25959 и 25960, хранится въ динабургскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Динабургскаго реальнаго училища, оставаюсь навсегда неприкосновеннымъ.

Въ случаѣ выкупа или выхода въ тиражъ означенныхъ билетовъ таковые замѣняются другими государственными процентными бумагами.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ сбора въ доходъ казны по закону 20-го мая 1885 года, выдаются стипендіату ежегодно въ два срока: въ ноябрѣ и май мѣсяцахъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается правленіемъ общества вспомошествованія изъ кандидатовъ, представляемыхъ на усмотрѣніе правленія педагогическимъ совѣтомъ реальнаго училища изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ сего заведенія, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія, при чемъ однако же наблюдается, чтобы въ кандидаты были зачисляемы только дѣти лицъ, принадлежащихъ къ числу постоянныхъ жителей города Динабурга или прожившихъ въ этомъ городѣ, хотя временно, не менѣе пяти лѣтъ.

§ 5. Въ случаѣ закрытія общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Динабургскаго реальнаго училища, право распоряженія стипендіею переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 6. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса въ училищѣ; но въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или оставленія его по лѣности и нерадѣнію въ одномъ классѣ на два года, онъ лишается права пользованія стипендіею.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ остатки отъ процентной суммы причисляются къ стипендіальному капиталу на предметъ увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Могущія возникнуть при назначеніи стипендіи недоразумѣнія разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа.

§ 10. Въ случаѣ закрытія реальнаго училища въ г. Динабургѣ, стипендіальный капиталъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ другое мужское учебное заведеніе, въ названномъ городѣ, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

5. (10-го іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени надворнаго советника Ивана Александровича Сампсона при Одесскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщаннаго умершимъ надворнымъ совѣтникомъ И. А. Сампсоновымъ, учреждается при Одесскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го и 3-го восточнаго займа, составляетъ неотъемлемую собственности Одесскаго реального училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Облигаціи, по выходѣ въ тиражъ погашенія, обмѣниваются на другія государственныя процентныя бумаги.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 6%, государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, вносится плата за ученіе стипендіата въ реальномъ училищѣ; остальная же за сими сумма выдается впередъ пополюгодно родителямъ стипендіата или замѣняющимъ ихъ мѣсто, а въ случаѣ отсутствія ихъ, распоряженіе стипендіей предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 4. Стипендія предоставляется бѣднымъ ученикамъ Одесскаго реального училища, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами, христіанскаго вѣроисповѣданія, русскимъ подданнымъ, преимущественно сиротамъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ, равно какъ и лишеніе ученикомъ стипендіи, въ случаѣ неуспѣшности ихъ или дурнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту Одесскаго реального училища, при чемъ непереводъ стипендіата въ высшій классъ не считается законнымъ поводомъ къ лишенію его стипендіи, если стипендіатъ остался въ томъ же классѣ по уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣненія стипендіи или по другимъ какимъ либо причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Одесскаго реального училища въ учебное заведеніе другаго типа, стипендіальный капиталъ передается въ это послѣднее съ тѣмъ же назначеніемъ, въ случаѣ же закрытія

сего училища стипендія Сампсонова переходитъ въ то учебное заведеніе, въ которое перейдутъ и другія стипендіи, имѣющіяся при означенномъ училищѣ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (14-го Іюля 1892 года). *Правила объ единовременномъ денежномъ пособіи, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, завѣщаннаго генералъ-адъютантомъ, генераломъ отъ кавалеріи княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ и заключающагося въ двухъ облигаціяхъ 4-ю четырехъ-процентною внутреннею займа по 1.000 руб. каждая.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 2.000 рублей учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ единовременное денежное пособіе имени завѣщателя капитала, генералъ-адъютанта генерала отъ кавалеріи князя Владиміра Андреевича Долгорукова — бывшаго московскаго генералъ-губернатора.

§ 2. Проценты съ сего капитала, въ размѣрѣ семидесяти шести рублей въ годъ, согласно волѣ завѣщателя, назначаются для взноса платы за слушаніе лекцій недостаточными студентами Московскаго университета и поэтому на руки имъ не выдаются, а перечисляются въ сумму сбора за слушаніе профессорскихъ лекцій.

§ 3. Назначеніе пособій для означенной выше цѣли дѣлается правленіемъ университета на основаніи существующихъ общихъ на этотъ предметъ правилъ, а кандидатовъ рекомендуютъ факультеты.

7. (16-го іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ 6.000 руб., завѣщаннаго докторомъ медицины Федоромъ Федоровичемъ Зигелемъ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго докторомъ медицины Федоромъ Федоровичемъ Зигелемъ, учреждается при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ 5-го 5% займа въ шесть тысячъ рублей, хранится въ дерптскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Дерптскаго университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала выдаются въ стипендію бѣдному студенту во время пребыванія его въ университетѣ. При неудовлетворительныхъ успѣхахъ и неодобрительномъ поведеніи стипендіата выдача стипендіи прекращается.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется правленію Дерптскаго университета на основаніи существующихъ на сей предметъ общихъ правилъ.

§ 5. Образовавшіеся по случаю временнаго незащипенія и по какимъ либо другимъ причинамъ остатки отъ стипендіи, по усмотрѣнію правленія университета, могутъ быть употребляемы для выдачи единовременнаго пособія окончившему университетскій курсъ стипендіату или новоизбранному, или же причисляются къ основному капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ перевода Дерптскаго университета въ другой городъ стипендіальный капиталъ, согласно желанію завѣщателя, остается при Дерптской гимназіи для такой же цѣли.

8. (19-го іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени полковника Якова Петровича Яковлева.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію тургайскаго уѣзднаго пачальника полковника Якова Петровича Яковлева, при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ учреждается стипендія имени покойнаго Я. П. Яковлева изъ процентовъ съ капитала въ 2.927 рублей, представленнаго въ университетъ, послѣ смерти завѣщателя, тургайскимъ уѣзднымъ начальникомъ и обращеннаго затѣмъ въ государственныя 5% бумаги.

§ 2. Стипендія имени Якова Петровича Яковлева находится въ пользованіи факультетовъ по очереди, въ порядкѣ, въ какомъ факуль-

теты значатся въ дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ, съ тѣмъ, чтобы въ распоряженіи каждаго факультета по очереди стипендія была въ теченіе трехъ и ни въ какомъ случаѣ не болѣе четырехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ стипендія передается въ распоряженіе слѣдующаго факультета. До истеченія трехлѣтняго срока стипендія передается въ распоряженіе другаго факультета только тогда, когда на очередномъ факультетѣ не окажется студентовъ, удовлетворяющихъ условіямъ для полученія стипендіи. О переходѣ стипендіи изъ одного факультета въ другой правленіе увѣдомляетъ соотвѣтствующіе факультеты.

§ 3. Стипендія назначается въ размѣрѣ 120 руб. въ годъ. Остающіеся же невыданными проценты съ завѣщаннаго капитала, равно какъ могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендіи или по какой либо другой причинѣ, присоединяются къ основному капиталу. Какъ скоро проценты съ этого капитала позволятъ, размѣръ стипендіи опредѣляется въ 150 рублей. Остающіеся же невыданными проценты и прочіе остатки присоединяются вновь къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія процентовъ съ котораго размѣръ стипендіи опредѣляется послѣдовательно въ 200, 250 и 300 руб. Послѣ чего новыя приращенія основнаго капитала послужатъ для образованія изъ процентовъ второй стипендіи имени полковника Н. П. Яковлева въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ.

§ 4. Стипендіи имени Н. П. Яковлева назначаются на основаніи общихъ дѣйствующихъ нынѣ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ, преимущественно лицамъ изъ бѣдныхъ сиротъ, отличнымъ по поведенію и прилежнымъ въ наукахъ.

§ 5. Студентъ, получающій стипендію Н. П. Яковлева, именуется по имени пользованія ею стипендіатомъ Н. П. Яковлева и никакой обязательной службѣ за пользованіе стипендіею не подлежитъ.

9. (25-го іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей дочери статскаго советника Порфирія Жука, жены штабс-капитана Людмилы Порфирьевны, Воронцовой - Вельяминовой, при 1-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждается при 1-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны

женской гимназіи одна стипендія имени дочери статскаго совѣтника Порфирія Жука, жены штабсъ-капитана Людмилы Порфирьевны Воронцовой-Вельяминовой на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу четыреста руб., пожертвованнаго женою статскаго совѣтника Елисаветою Андреевною Жукъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ государственныхъ 5%, банковыхъ билетахъ четвертаго десятилѣтія и трехъ 5%, облигаціяхъ втораго восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія.

§ 3. Согласно волѣ жертвовательницы, стипендія предоставляется, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи преимущественно дворянскаго происхожденія, православнаго исповѣданія, безъ различія національности, и при томъ, начавшей ученіе съ приготовительнаго класса гимназіи.

§ 4. Проценты съ пожертвованнаго капитала за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на уплату за право ученія стипендіатки лишь обязательнымъ предметамъ, въ размѣрѣ установленной за эти предметы платы.

§ 5. Могушіе образоваться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала выдаются стипендіаткѣ въ пособіе по окончаніи ея курса.

§ 6. Стипендіальный капиталъ, въ случаѣ преобразованія гимназіи въ другое какое-либо учебное заведеніе, передается въ новое учрежденіе на тѣхъ-же основаніяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

10. (31-го іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Степановича Парамонова при С.Петербургской Введенской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу двѣсти руб., пожертвованнаго обывателями Петербургской стороны, учреждается при С.Петербургской Введенской гимназій стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Степановича Парамонова въ

память десятилѣтняго среди нихъ служенія его въ должности мирового судьи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность С.-Петербургской Введенской гимназій и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на уплату за право ученія одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ названной гимназій, живущихъ на Петербургской сторонѣ, заслуживающаго того по своимъ хорошимъ успѣхамъ и отличному поведенію, а могущій затѣмъ образоваться остатокъ, выдается ему на одежду и учебныя пособія.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Введенской гимназій.

11. (3-го августа 1892 года). *Циркулярное предложеніе и. попочетителямъ учебныхъ округовъ о воспрещеніи лицамъ, желающимъ занять учительскія должности въ начальныхъ народныхъ училищахъ, или занимающимъ таковыя, вступать въ договоры съ общественными учрежденіями по предметамъ, предоставленнымъ по закону въ дѣянію училищнаго начальства.*

По донесенію начальства Дерптскаго учебнаго округа, Эстляндская высшая комиссія евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ школъ, существующихъ по правиламъ 25-го апрѣля 1875 года, имѣя въ виду, что нѣкоторые учителя сихъ школъ служатъ по контрактамъ, заключеннымъ съ волостными обществами, содержащими училища, обратилась къ нему за разъясненіемъ значенія такихъ контрактовъ по отношенію къ опредѣленію и увольненію учителей. По свѣдѣніямъ министерства народнаго просвѣщенія оказывается, что и во внутреннихъ губерніяхъ допускается иногда составленіе договоровъ между учителями училищъ, открываемыхъ по положенію о начальныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года, и учрежденіями, содержащими училища. Означенные договоры и контракты касаются не только размѣра содержанія или вознагражденія учителей и учительницъ, но и исправнаго исполненія ими обязанностей по учебно-воспитательной части, а также и срока пребыванія ихъ на учительскомъ мѣстѣ въ данной школѣ.

Признавая заключеніе контрактовъ и договоровъ такого рода несогласнымъ ни съ гражданскими, ни съ училищными узаконеніями, и, по соглашенію съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать надлежащее распоряженіе о томъ, чтобы лица, желающіи занять учительскія должности въ начальныхъ народныхъ училищахъ выбраннаго вамъ учебнаго округа, или занимающіи уже таковыя должности, не вступали съ земскими, городскими и сельскими общественными учрежденіями ни въ какіе договоры по предметамъ, предоставленнымъ по закону вѣдѣнію училищнаго начальства, и въ частности по опредѣленію размѣра содержанія сихъ лицъ.

12. (9-го августа 1892 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени жены временно-Оренбургскаго купца Прасковьи Андріановой Софроновой при Оренбургской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣніи 5-го декабря 1881 года учреждается при Оренбургской женской гимназіи двѣ стипендіи имени жены временно-Оренбургскаго купца Прасковьи Андріановой Софроновой на счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ руб., заведеннаго ею съ этою цѣлю.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ отдѣленіи государственнаго банка въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи и составляетъ ея неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на износъ платы за ученіе въ гимназіи двухъ стипендіатокъ, излишекъ же выдается въ началѣ cadaго полугодія лицамъ, на поведеніи коихъ находятся стипендіатки, для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ послѣднихъ.

§ 4. Выборъ стипендіатокъ изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ ученицъ гимназіи, исключительно изъ жителей города Оренбурга, равно какъ и право лишенія стипендіи, если пользующаяся оною окажется по своимъ успѣхамъ и поведенію ея недостойною, принадлежитъ попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Могущіе образоваться, по случаю незамѣщенія стипендій, остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, присоединяются

къ основному капиталу на предметъ учрежденія новой стипендіи на тѣхъ-же основаніяхъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

11-го августа 1892 г. *Утвержденн:* ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иконниковъ* — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 13-го іюня 1892 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Совьтовъ* — вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на четыре года, съ 1-го іюля 1892 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Казанцевъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римскаго права, съ 17-го іюня 1892 года; экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: *Анисимовъ*, *Амалицкій* и *Митрофановъ* — ординарными профессорами сего университета по кафедрамъ: первый — чистой математики, второй — геологій и палеонтологій и третій — сравнительной анатоміи, гистологій и эмбриологій, всѣ трое съ 1-го іюля 1892 года; директоръ Тифлисскаго прогимназіи, преобразованной въ Тифлискую третью гимназію, статскій совѣтникъ *Мартыновскій* — директоромъ сей гимназіи, съ 1-го іюля 1892 года; инспекторъ Кіевской второй гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Истоминъ* — директоромъ Кіевской третьей гимназіи, со 2-го іюля 1892 года; инспекторъ Одесской первой прогимназіи, статскій совѣтникъ *Феерчакъ* — директоромъ Одесской третьей гимназіи, съ 1-го августа 1892 года; статскіе совѣтники, исполняющіе обязанности инспекторовъ мужскихъ гимназій: Сѣдлецкой, заслуженный преподаватель сей гимназіи *Солыскій*, Плоцкой, заслуженный преподаватель сей гимназіи *Эльмановичъ* и Прагской, преподаватель сей гимназіи *Туруцъ* — директорами мужскихъ гимназій: первый — Вѣльской, второй — Холмской и третій — Ломжинской, всѣ съ 1-го іюля 1892 года; директоръ Одесской первой Риппельевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Осержинскі* — директоромъ Одесской прогимназіи, съ 1-го августа 1892 года; инспекторъ Ефремовской прогимназіи,

статскій совѣтникъ *Смирновъ*—директоромъ Тверскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1892 года; преподаватель харьковскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Сokolovъ*—директоромъ Дернитскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1892 года; исправляющій должность директора Свислочской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Лазровъ*—въ сей должности, съ 31 іюля 1892 года; причисленный къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Евстафьевъ*—директоромъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, съ 1-го августа 1892 года; инспекторъ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, статскій совѣтникъ *Красновъ*—директоромъ народныхъ училищъ той же губерніи, съ 1-го іюля 1892 года.

Назначены: приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковского университета, докторъ греческой словесности *Деревицкій*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ классической филологіи, съ 17-го іюня 1892 года; приватъ-доценты Императорскаго Московскаго университета: *Шефферъ* и *Соболевскій*—сверхштатными экстраординарными профессорами сего университета по кафедрѣ классической филологіи, съ 16-го іюня 1892 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ *Николескій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего университета по кафедрѣ полицейскаго права, съ 17-го іюня 1892 года; директоръ Холмской мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Царевскій*—начальникомъ Калишской учебной дирекціи, съ 1-го іюня 1892 года; директоръ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, статскій совѣтникъ *Колосовскій*—начальникомъ Кілецкой учебной дирекціи, съ 1-го августа 1892 года; преподаватель Саратовской мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Смолютинъ*—директоромъ Саратовскаго Александровскаго дворинскаго пансіонъ-пріюта, съ 10-го іюля 1892 года.

Определены: изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ *Котеловъ*, коллежскій совѣтникъ *Бабинъ* и коллежскій секретарь *Тихановъ* и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Флоринскій*—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ ополу: первый—съ 30-го іюня, второй—съ 7-го іюля, третій—съ 24-го іюня и четвертый—съ 16-го іюля 1892 года; кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи *Александровскій*—на службу по министерству народнаго просвѣщенія исправляющимъ должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 14-го іюня 1892 года.

Перемѣщены: директоры гимназій: Одесской третьей, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бѣлицкій*, Каменецъ-Подольской, статскій совѣтникъ *Фирсовъ* и Прилуцкой, статскій совѣтникъ *Васильевъ* — директорами гимназій: первый — Одесской первой Риппельевской, второй — Прилуцкой и третій — Каменецъ-Подольской, всѣ трое съ 1-го августа 1892 года; директоръ Тверскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Земель* — директоромъ Московскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1892 года; директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ *Блазютичскій* — директоромъ Ревельскихъ народныхъ училищъ, съ 1-го августа 1892 года.

Переведенъ на службу по ведомству министерства народнаго просвѣщенія, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, младшій врачъ клиники душевныхъ болѣзней, состоящей при клиническомъ военномъ госпиталѣ, коллежскій совѣтникъ *Анфимовъ*, съ назначеніемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Томскаго университета по кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, съ 1-го мая 1892 года.

Причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, младшій сотрудникъ Высочайше учрежденнаго комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, коллежскій ассесоръ *Цѣтковъ*, съ 26-го іюля 1893 года, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ нынѣ должности.

Оставлены на службу: директоры гимназій: Нижегородской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миротворцевъ*, до 23-го іюня 1893 года, Рижской городской, статскій совѣтникъ *Шведеръ*, съ 1-го августа 1892 года, на одинъ годъ, Херсонской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кустовскій*, до 22-го декабря 1893 года, Харьковской третьей, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Отефани*, съ 1-го іюля, и Черниговской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кизимовскій*, со 2-го августа, и директоръ С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Раевскій*, съ 28-го іюля 1892 года, всѣ трое на пять лѣтъ.

Продолженъ срокъ командировки изъ Москвы, доценту Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскому совѣтнику *Молину*, до 1-го декабря 1892 года.

Командированы съ ученою цѣлью: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира *Оболонскій* — въ Москву, съ 1-го по 18-е августа 1892 г.; врачъ С.-Петербургской Введенской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вирениусъ* — въ Вильну, Варшаву, Кіевъ, Одессу, Харьковъ и Москву, на одинъ мѣсяцъ;

ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чаусовъ*, надворный совѣтникъ *Бяллезъ*, коллежскій ассессоръ *Пасоновъ* и титулярный совѣтникъ *Амалицкій* и Казанскаго—статскій совѣтникъ *Смирновъ*—въ Москву, по 1-е сентября 1892 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Красносельцевъ* въ Москву и Казань, на полтора мѣсяца, сверхъ лѣтнаго вакаціоннаго времени 1892 г.; профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, титулярный совѣтникъ *Хмѣлевскій*—въ Минскую губернію, по 20-е августа 1892 г., экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Кротовъ*—въ Костромскую и смежныя губерніи и въ Москву, по 29-е августа 1892 г.; ординарные профессора Императорскаго Новороссійскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кочубинскій*—въ С.-Петербургъ и Москву, на лѣтнее вакаціонное время 1892 г. и 20 дней, и статскій совѣтникъ *Модестовъ*—внутри Имперіи, съ 20-го августа по 1-е декабря 1892 г.; кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Михайловъ*—внутри имперіи, на одинъ годъ, съ 1-го іюня 1892 года.

Продолженіе срока отпуска: а) въ Россіи: заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайному совѣтнику *Васильеву*—по 20-е сентября 1892 г., директору Туркестанской учительской семинаріи, статскому совѣтнику *Мироніеву*—по 7-е октября 1892 г. и экстраординарному профессору историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, коллежскому совѣтнику *Пытухову*—по 15-е октября 1892 г., и б) за границу: директору Калишской мужской гимназій, дѣйствительному статскому совѣтнику *Семеновичу* на три недѣли, сверхъ лѣтнаго вакаціоннаго времени 1892 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: директоры гимназій: Слуцкой—статскій совѣтникъ *Ивановскій*—по 15-е августа 1892 г. и Кіевской второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ*—съ 10-го по 25-е августа 1892 г.; директоръ Виленскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Голубиновъ*—съ 12-го по 28-е августа 1892 г.; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Виленскаго—статскій совѣтникъ *Иконтовъ*—на три недѣли; С.-Петербургскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: *Муромцевъ* и *Ройскій* и Кіевскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шульженко*; директоръ Псковской гимназій, статскій совѣтникъ *Новоселовъ*; директоръ Павло-

градской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Синъ*; по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводитель VII класса, титулярный совѣтникъ *Авиловъ*, помощникъ дѣлопроизводителя, титулярный совѣтникъ *Самойловъ* и канцелярскій чиновникъ, коллежскій регистраторъ *Раздольскъ*—всѣ по восемь на 28 дней; помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бялеуцкій*, директоръ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ *Введенскій* и начальники учебныхъ дирекцій: Лодзинской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Абрамовичъ*, Радомской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Великановъ* и Сѣдлецкой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Добровольскій*—всѣ пятеро на одинъ мѣсяцъ; директоръ Елисаветградскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Бучинскій*—съ 20-го іюля до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1892 года; канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ *Хрионовичъ*—на полтора мѣсяца; директоръ Витебской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ *Тихомировъ*—по 25-е августа 1892 г.; директоръ Тифлисскаго первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марковъ*, директоры реальныхъ училищъ: Вологодскаго Александровскаго, статскій совѣтникъ *Маакъ*, и Сызранскаго, статскій совѣтникъ *Ивановъ*, правители канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, статскій совѣтникъ *Борейши* и Кавказскаго, статскій совѣтникъ *Соколовскій*, дѣлопроизводитель департамента народнаго просвѣщенія: V класса, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Опошковичъ-Нуми* и VII класса, коллежскій совѣтникъ *Ивановъ* и надворный совѣтникъ *Потыгинъ* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Мирскій*—всѣ девятеро на два мѣсяца; ректоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Богалюповъ*—на время лѣтнихъ вакацій въ университетѣ; на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.: директоры гимназій: Харьковскихъ: первой, статскій совѣтникъ *Знаменскій* и второй, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Одарченко*, Кіевской первой, статскій совѣтникъ *Посадскій-Духовской* и Бѣлгородской ево королевскаго высочества Герцога Эдинбургскаго, статскій совѣтникъ *Тихоновичъ*, директоры реальныхъ училищъ: Псковскаго-Сергіевскаго, статскій совѣтникъ *Бутыларовъ* и Влоцлавскаго, статскій совѣтникъ *Лазинтовъ*, исправляющій должность директора Камратскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Клюсовскій*, начальницы женскихъ гимназій: частной въ С.-Петербургѣ, *Стеблитъ-Каменская*, Псковской, *Тубенгаль*, и Выборгской

Елистратова и начальника Кутаисскаго женскаго учебнаго заведеніи св. Нины *Тихменева*; *сверхъ лѣтнюю вакаціонную времени 1892 г.*: васслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Васильевъ*—по 1-е сентября 1892 г. и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, надворный совѣтникъ *Федоровъ*—на двѣ недѣли; б) *въ Россіи и за границу*: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мамантовъ*—на два мѣсяца и преподаватель гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ надворный совѣтникъ *Вульфъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.; и в) *за границу*: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Василій Данилевскій*—съ 5-го по 28-е августа 1892 г.; ординаторъ акушерской клиники при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ *Поторовскій*—на 28 дней; учитель Минской гимназій, статскій совѣтникъ *Андерсонъ*—на одинъ мѣсяць: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Чижъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета *Курловъ*—по 10-е августа 1892 г.; ректоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Алекспенко*, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Репенкамифъ* и регистраторъ Императорской Публичной Библіотеки, коллежскій совѣтникъ *Миллеръ*—по 15-е августа 1892 г.; исполняющая должность учительницы Никольскаго приходскаго училища *Бетехтина*—по 15-е сентября 1892 г.; врачъ Кутаисской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Вороновъ* и учитель Кривцово-Лавровскаго училища, Болховскаго уѣзда, *Соломинъ*—на два мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Симоненко*—по 18-е сентября 1892 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Брауде*—по 10-е августа 1892 г.; сверхштатный ординаторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Пржиборовскій*—и преподавательница частной женской гимназій г-жи Гелда въ С.-Петербургѣ *Викеръ*—на три мѣсяца; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Петровскій* на четыре мѣсяца; *на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.*: заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—тайный совѣтникъ *Грубе* и Московскаго,

дѣйствительный статскій совѣтникъ *Столятовъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гершельманъ* и Варшавскаго, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Бродовскій*, *Гоцера*, *Косинскій* и *Струве*, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Дыновскій*, лаборанты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, *Горбова* и Варшавскаго, сверхштатный—*Майзель*, лекторъ сего послѣдняго университета, коллежскій совѣтникъ *Плонскій*, наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института статскій совѣтникъ *Шмидъ*, адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института *Зерновъ*, учителя мужскихъ гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской, *Цибульскій*, Московской шестой, *Касицынъ*, Варшавскихъ: второй, *Дуисбургъ*, третьей, *Хойко*, четвертой, коллежскіе совѣтники: *Пельтинъ* и *Бадовскій*, пятой, *Познанскій*, *Лаудонъ* и *Войно* и шестой, *Неру*, *Гляссъ*, *Мединъ* и *Гольдбергъ*, Прагской, *Диспутъ* и *Жака*, Калишской, *Реуттъ*, *Росицкій*, *Смоляковскій* и *Гиллеръ*, Лодзинской, статскій совѣтникъ *Служевскій*; Кѣлецкой, статскій совѣтникъ *Рыбарскій*, надворный совѣтникъ *Зваръ*, *Вабнеръ*, *Матулевичъ*, *Шперъ* и *Стравинскій*, и Плоцкой, статскій совѣтникъ *Миллеръ* и *Масловскій*, законоучители еврейскаго закона върн мужскихъ гимназій: Калишской, *Шапочникъ* и Лодзинской, *Донхинъ*, есендзы законоучители римско-католическаго въроисповѣданія мужскихъ гимназій: Прагской, *Вышинскій* и Сѣдлецкой, *Шшиковский*, учительницы женскихъ гимназій: Варшавскихъ, первой, *Брендель* и третьей, *Шикеръ* и Плоцкой, *Яковлева*, классная дама Калишской женской гимназій *Гибержантъ*, классная надзирательница Рижской Ломоносовской женской гимназій *Гальяръ*, законоучитель римско-католическаго въроисповѣданія Кѣлецкой женской гимназій, есендзъ *Голоцинскій*, учителя мужскихъ прогимназій: Варшавской первой, коллежскій ассесоръ *Коперницкій*, Замостской, *Новакъ*; Пинчовской, статскій совѣтникъ *Ростковскій* и Сандомирской, коллежскіе совѣтники: *Норунъ* и *Празиловскій*, учителя реальныхъ училищъ: Одесскаго, статскій совѣтникъ *Струве*, Ловичскаго, *Дубсъ* и Виленскаго, *Кюнъ*, законоучитель римско-католическаго въроисповѣданія Одесскаго реальнаго училища *Тумановъ*, учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви святой Анны въ С.-Петербургѣ *Рейманъ*, учителя Лодзинскаго вышшаго ремесленнаго училища: статскій совѣтникъ *Маркевичъ*, коллежскій совѣтникъ *Шмидтъ* и *Фуксъ*, учителя Варшавскаго института

глухонѣмыхъ и слѣпыхъ: коллежскій совѣтникъ *Трояновскій* и *Витковскій*, учительница сего института *Доманская*, учитель-инспекторъ Томашевскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища. надворный совѣтникъ *Модеровъ*, старшіе учителя начальныхъ училищъ: Томашовскаго двухкласснаго, *Юрелевичъ* и Пабіаницкаго однокласснаго, *Вольфъ*, учителя начальныхъ училищъ: Радомскаго двухкласснаго мужскаго, *Гржибовскій* и Жиравдовскаго втораго, Варшавской губерніи, *Куртъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Радомскаго двухкласснаго женскаго *Скрентовская* и Костельно-Злаковскаго, Варшавской губерніи, *Полонецкая* и учитель Варшавскаго рисовальнаго класса, коллежскій ассессоръ *Герсонъ*; *сверхъ лѣтнюю ваканціоннаго времени 1892 года*: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Палаузовъ* — на 8 дней, классная надзирательница Болградской женской гимназіи *Ничева* — по 1-е сентября 1892 года; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лизинъ*, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, почетный директоръ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, въ званіи камергера, *Лизницкій* и ординаторы Императорскихъ университетовъ: святаго Владиміра, *Писемскій* и Харьковскаго, сверхштатный *Суручки*, всѣ четверо на двадцать восемь дней.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: коллежскій совѣтникъ *Блаонправовъ*, согласно прошенію, съ 31-го іюля 1892 года, коллежскіе секретари: *Пановъ* и *Монкевичъ* и кандидатъ Императорскаго Дерптскаго университета *Горемкинъ*, по случаю назначенія: первый — сверхштатнымъ преподавателемъ Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи, второй — преподавателемъ Ялтинской Александровской прогимназіи, оба съ 1-го августа, и третій — чиновникомъ особыхъ порученій IX класса при государственномъ контролѣ — съ 3-го іюня 1892 года.

Уволены отъ службы: а) *за выслугою срока*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Будзинскій* и директоръ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, статскій совѣтникъ *Меландеръ*, оба съ 1-го іюля 1892 года, съ дозволеніемъ первому носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; и б) *согласно прошеніямъ*: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Унферихтъ*, съ 11-го іюня, ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбо-

родко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фохтъ*, съ 7-го іюля, инспекторъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, статскій совѣтникъ *Таннеръ* по болѣзни, съ 1-го августа; директоры мужскихъ гимназій: Бѣльской, статскій совѣтникъ *Маковельскій*, съ 1-го іюля, Ломжинской, статскій совѣтникъ *Семеновъ*, съ 1-го іюля, и частной доктора Видемана въ С.-Петербургѣ, не имѣющій чина *Шнеринъ*, съ 1-го іюля; директоръ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рихтеръ*, съ 1-го іюля, Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кривоносовъ*, съ 1-го августа, и Дерптскаго, статскій совѣтникъ *Ринке*, съ 1-го іюля, и начальники учебныхъ дирекцій: Калишской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Аничковъ*—по болѣзни, съ 1-го іюня, и Кѣлецкой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Аквилевъ*, съ 1-го іюля 1892 г., съ дозволеніемъ *Фохту*, *Таннеру*, *Маковельскому*, *Семенову*, *Рихтеру*, *Кривоносову* и *Аквилеву* носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Ливенскаго реальнаго училища, Ливенскому уѣздному предводителю дворянства, капитану гвардіи *Шереметеву*, за старанія его по открытію VII дополнительнаго класса при означенномъ училищѣ; предводителю дворянства Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, коллежскому совѣтнику *Столярцову*, за заботливое его отношеніе къ улучшенію матеріальнаго положенія начальныхъ училищъ сего уѣзда; землевладѣльцу с. Лопушны, Кишиневскаго уѣзда, надворному совѣтнику *Томульцу*, за постоянную и полезную его дѣятельность по народному образованію; потомственному почетному гражданину Лазарю *Бродскому*, за денежное пожертвованіе на окончаніе постройки зданія Златопольской мужской гимназій; потомственному почетному гражданину *Родоконяки*, за его шестнадцатилѣтнюю полезную дѣятельность въ качествѣ почетнаго блюстителя Гурагалбинскаго начальнаго училища, Бессарабской губерніи; лодзинскому фабриканту *фонъ-Гербсту*, за пожертвованіе въ пользу Лодзинской мужской гимназій; попечительницамъ начальныхъ училищъ Шуйскаго уѣзда: Харитовскаго, потомственной почетной гражданкѣ *Сорокиной*, Кохомскаго, потомственной почетной гражданкѣ *Истининской*, Елюнинскаго, женѣ купеческаго сына *Грязновой* и Иваново-Вознесенскаго женскаго, *Бурылиной* и бывшей попечительницѣ Шуйскаго городского женскаго училища, женѣ купца

Павловой, за горячее ихъ сочувствіе школьному дѣлу и матеріальныя поддержки онаго.

Исключены изъ списковъ умершіе: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Благовѣщенскій*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Паукъ*, и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Подвисоцкій*.

14-го августа 1892 года, утверждены на три года: отставной корнетъ гвардіи *Себряковъ* и дворянинъ *Ефремовъ*—почетными почитателями гимназій: первый—Усть-Медвѣдицкой и послѣдній—Новочеркасской; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дымченко*, отставной полковникъ *Васильевъ* и надворный совѣтникъ *Павловъ*—почетными почитателями реальныхъ училищъ: первый—Казанскаго, второй—Урюпинскаго и послѣдній—Новочеркаскаго.

Командированы съ ученою цѣлью за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета святаго Владиміра, надворный совѣтникъ *Сусловъ*—съ 10-го по 18-е сентября 1892 года; профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, титулярный совѣтникъ *Хмѣлевскій*—съ 20-го августа по 1-е ноября 1892 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Жуковскій*—по 15-е сентября 1892 года; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, надворный совѣтникъ *Бевальдъ*—на одинъ годъ съ 1-го октября 1892 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Корниловъ*—на четыре мѣсяца, съ 15-го августа 1892 года, и б) за границу, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ князь *Волконскій*—на два мѣсяца, по болѣзни (Высочайшее повелѣніе 17-го іюня 1892 года).

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Геоэолия (Athalie). Трагедія Ж. Расина, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (1691). Переводъ съ французскаго разиѣромъ

подлинника *Льва Поливанова*. Москва. 1892. стр. CLXIII+88. Съ портретомъ Расина.*—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Энеида Виргилія. Полное изданіе въ одномъ томѣ, съ введеніемъ и комментаріями. Издалъ *Д. И. Навушевскій*, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Казань. 1891. стр. XXVI+520. Цѣна 3 руб. 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій министерства, а также и для подарковъ гимназистамъ.

— Книгу: „Методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе и Сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (для старшихъ классовъ). Составилъ *И. Александровъ*, преподаватель Тамбовской гимназіи. Четвертое, исправленное изданіе. Москва. 1891. Цѣна 1 руб.“—одобрить какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „По Южной Америкѣ (въ двухъ томахъ). Составилъ *А. С. Юмине*. С.-Пб. 1892. стр. 292+462. Цѣна 4 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса. Составилъ *С. Опацкій*. Изданіе 3-е, обработанное примѣнительно къ новымъ планамъ и снабженное многими приложеніями. Казань. 1892, стр. II+192. Цѣна 1 руб.“—рекомендовать какъ руководство по латинскому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Латинско-русскій словарь *О. Петрученко*. Москва, стр. II+290. Цѣна 2 руб. 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „*Н. Дружининъ*. Общеизвестное руководство къ изученію законовъ. Часть первая. Начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія. Часть вторая. Основные государственныя законы. С.-Пб. 1892, стр. IV+194. Цѣна 1 руб.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія и ученическія низшихъ.

— Книгу: „Начальная латинская хрестоматія для трехъ первыхъ классовъ гимназій. Выпускъ I. Курсъ перваго класса. Латинскій текстъ, грамматическіе выводы и слова. Составилъ *И. Силь*. Изданіе 2-е, исправленное и снабженное географическими картами. Москва.

1892, стр. 115" — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по латинскому языку.

— Брошюру: „Бесѣда врача о холерѣ. Н. П. Черепнина. Безилатное приложеніе къ *Церковнымъ Вѣдомостямъ*. С.-Пб. 1892, стр. 12" — одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Исторія среднихъ вѣковъ (Курсъ систематическій). Приимѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, составилъ К. А. Ивановъ, преподаватель С.-Петербургской пятой гимназіи. С.-Пб. 1892, стр. VII + 217. Цѣна 80 коп." — одобрить какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Н. Бородинъ. Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. Москва. 1892. стр. 349. Цѣна 1 руб. 25 коп." — допустить въ ученическія библіотеки для младшаго возраста, не включая ее въ нормальный каталогъ.

— Книгу: „А. Киселевъ. Систематическій курсъ ариметики. Изданіе 5-е. Москва. 1892. стр. IV + 220. Цѣна 75 коп." — одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Опытъ руководства по сравнительной географіи для шестаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія въ 1888 году, преподаватель Кіевскаго реального училища И. П. Матченко. Кіевъ. 1892. стр. 268. Цѣна 1 руб. 30 коп." — допустить для шестаго класса реальныхъ училищъ какъ учебное руководство, впредь до появленія болѣе соотвѣтственнаго программѣ, и одобрить для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возрастовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Его Сіятельство г. управлявшій министерствомъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія изволилъ одобрить для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста и для фундаментальныхъ — среднихъ учебныхъ заведеній книгу подъ заглавіемъ: „Поэмы и пѣсни А. Д. Львовоі (Шидловскоі). С.-Пб. 1890, стр. 227. Цѣна 1 руб. 50 коп."

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Славянская грамматика съ приложеніемъ образцовъ для фонетическаго, этимологическаго, синтаксическаго и стилистическаго разбора, Составилъ *Д. Ивановъ*. С.-Пб. 1891. Въ 8 д. л., 141 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки учительскихъ семинарій и институтовъ, съ тѣмъ, чтобы къ ней былъ приложенъ листокъ съ исправленіемъ указанныхъ ученымъ комитетомъ ошибокъ.

— Составленные *А. Павловымъ* книги: „Русское слово. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, назначенный для чтенія и письменныхъ упражненій въ старшемъ классѣ городскихъ училищъ. 5-й и 6-й годъ обученія. С.-Пб. 1886. Въ 8 д. л., 319 стр. Цѣна 1 руб.“, и 2) „Руководство къ Русскому слову“. Опытъ веденія логико-стилистическаго чтенія въ связи съ письменными упражненіями въ старшемъ классѣ городскихъ училищъ. С.-Пб. 1886. Въ 8 д. л., 103 стр. Цѣна 60 коп.“—одобрить первую изъ нихъ какъ руководство для учениковъ старшаго класса городскихъ училищъ, а вторую — для учительскихъ бібліотекъ тѣхъ-же училищъ.

— Книгу: „Педагогическій календарь на 1892—1893 г. Справочная книга для учителей. Годъ третій. Составилъ *В. А. Воскресенскій*. С.-Пб. 1892. Изданіе Н. П. Карбасникова. Въ 8 д. л., 114 стр. въ два столбца. Цѣна 50 коп.“—одобрить для учительскихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Издаваемый въ С.-Петербургѣ журналъ *Дѣтское чтеніе* за 1891 годъ—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Съ начала 1892—1893 учебнаго года при Кунгурской трех-классной женской прогимназіи открывается четвертый классъ.

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ О ФОТІѢ, ПАТРІАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ ¹⁾.

(По поводу совершившагося тысячелѣтія со времени кончины его).

VI.

Соборные акты, какъ историческій источникъ.—Константинопольскіе соборы, бывшіе при Фотіѣ.—Значеніе и судьба ихъ актовъ.—Соборы въ Римѣ и другихъ мѣстахъ въ связи съ исторією Фотія.

Еще большее значеніе, чѣмъ официальная переписка между константинопольскими императорами, римскими папами, восточными патріархами и другими лицами, имѣвшими отношенія къ Фотію, могли бы имѣть для насъ акты и опредѣленія церковныхъ соборовъ, бывшихъ тогда. Во время патріаршества Фотія, и въ большей или меньшей связи съ его исторіей, было много соборовъ въ Константинополѣ, въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ на Востокѣ и Западѣ. На церковныхъ соборахъ обыкновенно составлялись или подробныя записи (акты, протоколы) о происходившемъ, сказанномъ, читанномъ, постановленномъ, или, по крайней мѣрѣ, краткія опредѣленія о дѣлахъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію собора. Еслибы отъ всѣхъ соборовъ того времени сохранились до насъ подробныя акты или хотя краткія опредѣленія,—какая широкая картина исторической жизни открылась бы здѣсь передъ нами, какая живая характеристика главныхъ дѣятелей, направленій, стремленій и столкновеній, сколько неясныхъ запутанныхъ вопросовъ разрѣшилось бы само собою, и какъ уяснилась бы для насъ личность патріарха Фотія и значеніе тѣхъ дѣлъ, изъ-за которыхъ онъ боролся и противъ него боролись ")? Но, къ сожалѣнію, изъ всего этого сохранилось до насъ очень немногое; и именно сохранилось главнымъ образомъ то, что опять направлено было противъ

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1892 г. — *Продолженіе*. См. юньскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

патріарха Фотія, а что исходило отъ него или совершалось подъ его руководствомъ, то или безслѣдно пропадало или въ продолженіе многихъ вѣковъ задерживалось подъ спудомъ, и если, наконецъ, появлялось на свѣтъ Божій, то очень не скоро, съ большими затрудненіями и часто искаженіями. И здѣсь уже мы ясно видимъ не простую случайность, а опредѣленную тенденцію, послѣдовательно передающуюся черезъ многіе вѣка, то-есть. тенденцію, исходящую отъ римской церкви и болѣе или менѣе отражающуюся у всѣхъ почти католическихъ историковъ и издателей историческихъ памятниковъ. а за ними и у другихъ новыхъ писателей ⁹⁰⁾.

Прожде всего намъ извѣстны три собора, бывшіе въ Константинополѣ при самомъ началѣ Фотіева патріаршества: соборъ въ присутствіи императора Михаила, царскихъ сановниковъ и многихъ епископовъ по поводу избранія Фотія на константинопольскій престолъ ⁹¹⁾, и два собора, происходившіе, вѣроятно, въ слѣдовавшемъ 858 или 859 году: въ церкви св. Ирины, гдѣ приверженцы удаленнаго патріарха Игнатія въ первый разъ отдѣлились отъ церковнаго общенія съ Фотіемъ и произнесли на него анафему, и въ церкви свв. Апостоловъ, гдѣ Фотій въ свою очередь предалъ отлученію возмущившихся противъ него Игнатіанъ, формальнымъ опредѣленіемъ закрѣпивъ и изложеніе самого Игнатія, именемъ котораго дѣйствовали возмутители церковнаго порядка ⁹²⁾. Никакихъ подлинныхъ документовъ отъ этихъ соборовъ до насъ не дошло, хотя и есть основанія предполагать, что, по крайней мѣрѣ, на послѣднемъ изъ нихъ такіе документы были составлены ⁹³⁾. И объ этой уtratѣ нельзя не пожалѣть, потому что, еслибы сохранились подлинные документы упомянутыхъ соборовъ, для насъ вопросъ о первомъ избраніи Фотія на патріаршество не представлялъ бы тѣхъ запутанностей, какія онъ теперь представляетъ, и для насъ яснѣе были бы и характеръ, и взаимныя отношенія, и самая вѣдѣшняя численность вступившихъ тогда въ борьбу константинопольскихъ партій.

Далѣе идутъ большіе и очень важные соборы, собиравшіеся въ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ патріарха Фотія въ дальнѣйшіе годы его перваго патріаршества: 1) Соборъ 861 г.—въ церкви свв. Апостоловъ, въ присутствіи 318 епископовъ (въ томъ числѣ двухъ папскихъ легатовъ—Родоальда и Захаріи), созданный для испроверженія остатковъ иконоборческой ереси, для установленія правилъ церковной дисциплины, нужныхъ при тогдашнемъ состояніи церкви константинопольской, и, между прочимъ, для подтвержденія

низложенія патриарха Игнатія, которое постановлено было уже на предшествовавшемъ соборѣ, но которое оказалось нужнымъ подтвердить въ присутствіи папскихъ легатовъ потому, что приверженцы Игнатія на низложеніе его желали апеллировать къ папскому суду и этимъ смущали народъ ⁹⁴⁾. 2) Соборы, созванные Фотіемъ въ 866 и 867 гг. для осужденія злоупотребленій, обнаружившихся въ христіанствѣ со стороны папства, неправильныхъ дѣйствій папскихъ миссіонеровъ въ новообращенной Болгаріи и папскаго деспотизма въ западныхъ церквахъ, на который жаловались Фотію нѣкоторые изъ западныхъ епископовъ ⁹⁵⁾. На этихъ соборахъ несомнѣнно составлялись подробные акты. Списки съ нихъ съ императорскими посланными представлялись въ Римъ, а подлинники хранились въ Константинополѣ. Содержаніе этихъ актовъ несомнѣнно представляло важнѣйшіе документы не только для исторіи Фотія, но и вообще для исторіи христіанства: такъ какъ оно касалось перваго важнѣйшаго момента столкновеній христіанскаго Востока съ Западомъ, изъ которыхъ потомъ вышло многовѣковое раздѣленіе церквей. Но такъ какъ эти документы были очень непріятны папству, то они и сожжены были сначала въ спискахъ въ Римѣ, потомъ при полученной папствомъ возможности и въ подлинникахъ въ Константинополѣ ⁹⁶⁾.

По низложеніи Фотія императоромъ Василиемъ Македонскимъ, созванъ былъ въ Константинополѣ новый соборъ въ 869 — 870 гг. На этомъ соборѣ дѣйствовали враги Фотія: римскіе легаты, присланные папою Адріаномъ 2-мъ ⁹⁷⁾, сановники императора, низложившаго Фотія ⁹⁸⁾, подставные мѣстоблюстители восточныхъ патриарховъ ⁹⁹⁾, наиболѣе ярые представители партіи, приверженной къ патриарху Игнатію ¹⁰⁰⁾, и самъ престарѣлый Игнатій, возвращенный на патриаршество и сильно въ это время возбужденный и настроенный противъ Фотія ¹⁰¹⁾. Члены собора старались измысливать всевозможныя обвиненія противъ Фотія, но такъ какъ эти обвиненія оказывались неясными и бездоказательными ¹⁰²⁾, довольствовались тѣмъ, что во всякомъ засѣданіи осыпали Фотія ругательствами и проклятіями, расточая самые пышные и льстивые панегирики папамъ Николаю и Адріану, императору Василию, и въ гораздо меньшей степени патриарху Игнатію ¹⁰³⁾. Нѣкоторые изъ преданныхъ Фотію епископовъ пытались защищать его, но имъ не давали говорить, осыпали ихъ бранью и прогоняли съ собора ¹⁰⁴⁾. Самъ Фотій, двукратно вызванный на соборъ ¹⁰⁵⁾, зная, что его уже прежде всякихъ изслѣдованій рѣшили осудить ¹⁰⁶⁾, большею частью ничего не отвѣчалъ на предъявляемые ему вопросы ¹⁰⁷⁾.

и на увѣщанія къ раскаянію отвѣчалъ лишь то, что его обвинители и судьи сами должны были бы раскаяться въ несправедливости противъ него ¹⁰⁹). Фотію подвергли страшнымъ проклятіямъ ¹⁰⁹), запечатлѣли ихъ кощунственными подписями, омочивъ писчую трость въ евхаристическую кровь Христову ¹¹⁰); затѣмъ низложили епископовъ и клириковъ, большею частію оставшихся вѣрными ему (разославъ потомъ многихъ изъ нихъ въ ссылку, а самого Фотію подвергнувъ тягчайшему заточенію) ¹¹¹), и сожгли множество отобранныхъ у него важныхъ документовъ и рукописей ¹¹²). Вотъ дѣянія этого собора сохранились до насъ ¹¹³), хотя и нѣсколько разъ угрожала имъ опасность быть уничтоженными ¹¹⁴),—сохранились въ разнообразныхъ редакціяхъ, въ пространныхъ и краткихъ изложеніяхъ ¹¹⁵). И они у западныхъ историковъ считаются важнѣйшимъ памятникомъ для исторіи Фотія ¹¹⁶), какъ и самый соборъ, совершившій эти дѣянія, ставится на Западѣ очень высоко и осыпается всякими восхваленіями ¹¹⁷). Впрочемъ, и на этомъ соборѣ было одно засѣданіе, на которомъ спорный между римскою и константинопольскою церквами вопросъ о церкви болгарской рѣшенъ былъ не въ пользу римской церкви ¹¹⁸). Описаніе этого послѣдняго засѣданія не вошло въ издаваемые соборные акты, и намъ извѣстно о немъ уже изъ посторонняго источника ¹¹⁹).

По возвращеніи Фотія на патріаршество, былъ въ Константинополѣ новый соборъ ¹²⁰), съ ноября 879 г. по мартъ 880 г. ¹²¹). Этотъ соборъ, какъ сознаются и не благопріятствующіе Фотію западные писатели ¹²²), и по внѣшней своей торжественности ¹²³), и по внутреннему характеру и значенію ¹²⁴) составлялъ какъ бы триумфъ патріаршествованія Фотіева. Онъ созванъ былъ для возстановленія мира церковнаго, поколебленнаго въ константинопольской церкви волненіями противофотіанской партіи и дѣяніями собора 869 года,—поколебленнаго во всемъ христіанствѣ незаконными нововведеніями и притязаніями панства ¹²⁵). На этомъ соборѣ Фотію удалось достигнуть замѣчательныхъ результатовъ: 1) представителями всѣхъ христіанскихъ церквей и самой римской церкви онъ торжественно признанъ былъ законнымъ патріархомъ и великимъ учителемъ церковнымъ ¹²⁶); 2) партія, противодѣйствовавшая ему въ Константинополѣ, оказалась совершенно ничтожною, и послѣдніе остатки ея были осуждены какъ восточными, такъ и западными представителями ¹²⁷); 3) соборъ, осудившій Фотія въ 869 г., признанъ былъ незаконнымъ, лишеннымъ всякаго значенія и отвергнутъ какъ восточными епископами, такъ и легатами римскаго папы ¹²⁸). 4) Для предупрежденія смутъ и столк-

новеній между римскою и константинопольскою церквами, признано равенство и общеніе константинопольскаго патріарха съ римскимъ, и положено всѣхъ отлучаемыхъ въ римской церкви считать отлученными въ Константинополѣ, и наоборотъ; въ преимущества же, принадлежащія римской церковной каедрѣ и ея предстоятелю, ни теперь ни на будущее время ничего новаго не вводитъ ¹²³⁾; 5) для предупрежденія нововведеній и измѣненій въ самой православной вѣрѣ, положено утвердить во всѣхъ церквахъ признаніе седьми вселенскихъ соборовъ ¹²⁰⁾, и въ символѣ вѣры, составленномъ первыми двумя соборами, не дѣлать никакихъ прибавленій и убавленій, измѣненій и поврежденій ¹²¹⁾. Это—все то, чего могъ только желать тогда патріархъ Фотій. Постановленія собора 879—880 гг. утверждены были подписями византійскаго императора, „охранителя православія“, и православныхъ представителей христіанскаго міра, въ томъ числѣ легатовъ римской церкви ¹²²⁾... И еслибы всѣ церкви, которыхъ представители подписались подъ этими соборными актами, остались вѣрны постановленному на соборѣ, не совершилось бы разрыва церквей, и имя патріарха Фотія, какъ великаго охранителя православія и церковнаго миротворца, единодушно восхвалялось и прославлялось бы во всемъ христіанскомъ мірѣ, какъ восхвалялось и прославлялось оно на самомъ соборѣ 879—880 гг... Но въ римской церкви не признанъ былъ этотъ соборъ, вслѣдствіе побужденій мелкихъ и своекорыстныхъ ¹²³⁾, — и миръ церковный разорвался и остается разорваннымъ до настоящаго времени... Вина въ томъ не останется на памяти великаго дѣятеля церковнаго, старавшагося до послѣдней возможности предотвратить этотъ разрывъ. И историческій памятникъ его послѣднихъ усилій къ охраненію обще-христіанскаго міра (то-есть, акты собора 879—880 гг.) навсегда останется памятникомъ и его великаго личнаго значенія въ исторіи, котораго не поколеблютъ никакія клеветы, никакія недоразумѣнія ¹²⁴⁾.

Понятное дѣло, какъ же и непріятно долженъ быть этотъ памятникъ для той части христіанскаго міра, которая не приняла собора 879—880 гг.! И удивительнымъ въ настоящемъ случаѣ представляется еще то, какъ эта часть христіанскаго міра, въ продолженіе многихъ вѣковъ преобладавшая и заправлявшая въ важнѣйшихъ дѣлахъ науки и исторіи, попустила уцѣлѣть этому памятнику до настоящаго времени? Кажется, всего скорѣе нужно было бы ожидать, что и этотъ памятникъ (то-есть, акты собора 879—880 гг.) подвергнется той же участи, какой, мы видѣли, подверглась большая часть

важныхъ историческихъ документовъ, благоприятныхъ для патріарха Фотія и неблагоприятныхъ для его противниковъ: какъ акты соборовъ 861 и 867 гг., письма, писанныя въ пользу Фотія византійскими императорами, восточными патріархами и т. д. Но, къ счастью, въ исторіи и самымъ предусмотрительнымъ и искуснымъ людямъ не всегда удается сдѣлать то, чего бы они желали. Списки соборныхъ актовъ 879—880 гг. во множествѣ экземпляровъ распространялись по разнымъ странамъ христіанскаго міра ¹³⁵⁾, и противникамъ Фотія, панистамъ, послѣ 880 г. уже ни однажды не приходилось въ Константинополѣ и вообще на Востокѣ распоряжаться такъ, какъ они распоряжались въ 869 году; непріятные для папства соборные акты остались во многихъ старыхъ архивахъ и бібліотекахъ. Ученые ревнители папства пытались другими способами затмить въ исторіи память этого собора. Пытались, сколько возможно, не выпускать этихъ актовъ изъ старыхъ архивовъ и бібліотекъ, не опубликовывать ихъ ¹³⁶⁾. Пытались заподозрѣвать самое существованіе собора, пускали въ ходъ мифы, что этотъ соборъ всецѣло былъ измышленъ самимъ Фотіемъ, или, если онъ и происходилъ на самомъ дѣлѣ, то не такъ, какъ это представляется въ актахъ, которые будто бы во всемъ составѣ своемъ сочинены Фотіемъ ¹³⁷⁾. Пытались въ особенности заподозрѣвать тѣ засѣданія собора, на которыхъ состоялось подтвержденіе неприкосновенности древняго символа вѣры, и такимъ образомъ косвенно отвергнуто было западное *Символическое* ¹³⁸⁾. Затѣмъ, когда памятникъ этотъ былъ уже обнародованъ, и стало невозможно поддерживать такія крайнія мнѣнія о немъ, стали нападать на отдѣльныя частности, заподозрѣвать подлинность нѣкоторыхъ документовъ, входящихъ въ составъ памятника ¹³⁹⁾, заподозрѣвать подписи, находящіяся подъ нимъ ¹⁴⁰⁾, указывать на разности редакцій въ различныхъ спискахъ ¹⁴¹⁾, нападать на папегирическій тонъ соборныхъ актовъ по отношенію къ Фотію ¹⁴²⁾ и т. д. Но все эти предубѣжденія мало-по-малу разсѣиваются, и новымъ даже и католическимъ ученымъ, тѣмъ болѣе внимательно они всматриваются въ указанный памятникъ, тѣмъ болѣе приходится отказываться отъ прежнихъ крайнихъ мнѣній и приходитъ къ признанію значенія собора 879 — 880 гг. и важности его актовъ для разъясненія исторіи Фотія ¹⁴³⁾.

Кромѣ соборовъ константинопольскихъ, имѣвшихъ прямое и непосредственное отношеніе къ исторіи Фотія, въ большемъ или меньшемъ соприкосновеніи съ этою исторіей намъ извѣстно и еще нѣсколько соборовъ, бывшихъ въ то время въ другихъ церквахъ запад-

ныхъ и восточныхъ. Но отъ нихъ осталось очень мало историческихъ документовъ.

Такъ, намъ извѣстны три римскіе собора, созданные папами по дѣлу о занятіи Фотіемъ константинопольскаго престола: 1) соборъ 863 г. при папѣ Николаѣ, на которомъ въ первый разъ отвергнута была въ Римѣ законность Фотіева патріаршества, Фотій преданъ анаемѣ, и положено начать дѣятельную агитацію противъ него предъ константинопольскимъ правительствомъ, клиромъ и въ другихъ восточныхъ церквахъ; 2) соборъ 869 года при папѣ Адріанѣ 2-мъ, на которомъ, воспользовавшись политической опалой, постигшею Фотія отъ новаго императора Василія, въ Римѣ спѣшили торжественно закрѣпить и его церковное осужденіе, уничтожить замѣчательнѣйшіе памятники его патріаршей дѣятельности и приготовить уполномоченныхъ для болѣе торжественнаго повторенія и подтвержденія римскихъ приговоровъ и дѣйствій въ самомъ Константинополѣ на соборѣ, который въ качествѣ новаго вселенскаго собора и созванъ императоромъ Василіемъ въ томъ же 869 году; и 3) соборъ 879 года при папѣ Іоаннѣ VIII въ совершенно противоположномъ направленіи, на которомъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, возвратившагося къ Фотію благоволенія византійскаго императора и особенныхъ расчетовъ, которыхъ папа надѣялся достигнуть чрезъ сближеніе съ Византіей, положено было войти въ общеніе съ Фотіемъ, навсегда отвергнутымъ и проклятымъ въ римской церкви при прежнихъ папахъ, отвергнуть и уничтожить приговоры, прежде постановленные противъ него, и закрѣпить союзъ съ нимъ на новомъ константинопольскомъ соборѣ, который потомъ и открылся въ концѣ 879 года. Отъ этихъ трехъ римскихъ соборовъ сохранились нѣкоторые документы, но немногіе, и при томъ такіе, о которыхъ можно сказать лишь то, что они, какъ и письма папскія, писанныя въ то время въ Константинополь, не столько уясняютъ обстоятельства Фотіевой исторіи, сколько характеризуютъ тенденціи папства и свойства его представителей въ то время ¹⁴⁴).

Было еще на Западѣ нѣсколько соборовъ по поводу полемики, возбужденной Фотіемъ противъ папства, по поводу обличенія имъ неправильныхъ нововведеній, распространявшихся въ западныхъ церквахъ. Но объ этихъ соборахъ сохранились очень немногія и очень неудовлетворительныя свѣдѣнія, вѣроятно, потому, что и сами распространители и попустители церковныхъ нововведеній на Западѣ въ то время не давали себѣ яснаго отчета въ ихъ смыслѣ и происхожденіи ¹⁴⁵).

Есть основанія предполагать, что и на Востокѣ, въ странахъ, уже подчиненныхъ магометанскому господству, по дѣламъ, касавшимся Фотія, и вопросамъ, возбужденнымъ имъ, было нѣсколько церковныхъ соборовъ. но отъ нихъ не дошло никакихъ документовъ, и о нихъ не сохранилось никакихъ ясныхъ свѣдѣній ¹⁴⁸⁾.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

89. Такъ называемые соборные акты (*Acta Conciliorum*) часто представляютъ любопытнѣйшія данныя не только для церковной, но и для политической исторіи известной эпохи: въ нихъ живо характеризуются господствующія идеи, общественные нравы, стремленія, настроенія, логическіе приемы и самые вѣтшіе способы общественныхъ совѣщаній. Эпоха Фотія во многихъ отношеніяхъ замѣчательнѣйшая историческая эпоха. Въ византійской политической исторіи это—эпоха перехода отъ частой смѣны царственныхъ династій и придворныхъ переворотовъ по крайней мѣрѣ къ теоретическому признанію необходимости болѣе постояннаго и твердаго правленія. Въ церковной жизни это—эпоха перехода отъ бурныхъ религіозныхъ споровъ къ богословскому затихнію, консерватизму, твердому охраненію уже выясненныхъ въ предшествовавшей вѣкѣ церковныхъ началъ, когда еще много оставалось въ Византіи осадковъ и остатковъ старыхъ еретическихъ партій (см. 2-е письмо Фотія къ папѣ Николаю), но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалась необходимость установленія болѣе твердыхъ нормъ и опредѣленнаго типа православія (примѣч. 42). Въ исторіи общественнаго образованія это—эпоха пробужденія интеллектуальныхъ стремленій и интересовъ въ византійскомъ обществѣ (послѣ упадка и гнета иконоборческой эпохи), время учрежденія новыхъ высшихъ школъ, новаго развитія науки и литературы, въ чемъ лично имѣлъ большое участіе патріархъ Фотій (см. *Bernhardi Grundriss der griechisch. Literatur*, I, 597). Въ исторіи западно-европейской это также эпоха образованія новыхъ формъ политической и общественной жизни, а собственно въ церковной жизни Запада здѣсь начало новаго церковно-политическаго направленія, имѣвшаго въ основаніи законное стремленіе къ историческому прогрессу, на сколько онъ возможенъ въ церковной жизни, но безъ достаточнаго уваженія къ исконнымъ церковнымъ традиціямъ и безъ достаточнаго пониманія ихъ. И все это сосредоточивается около личности патріарха Фотія. Понятно, какой огромный научный интересъ могло бы имѣть изслѣдованіе его исторіи, еслибы до насъ сохранились всѣ важнѣйшіе памятники этой исторіи. Да и вообще изученіе исторіи IX вѣка, по нашему мнѣнію, имѣетъ такое важное научное значеніе, какое для церковной исторіи имѣетъ изученіе первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, или для западно-европейской исторіи изученіе XV и XVI вѣковъ.

90. Сохранившіеся акты, каноны, опредѣленія и другіе документы соборовъ, бывшихъ при Фотіѣ, см. въ известныхъ собраніяхъ актовъ соборныхъ (*Acta Conciliorum*) въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся къ IX вѣку: у *Harduina*, tt. V и VI, pars 1; у *Манси*, tt. XV, XVI и XVII; у *Лаб-*

бел, tt. VIII и IX; Editio regia, tt. XXII, XXIII, XXIV. Полезныя указанія къ пользованію актами соборными у *Фабриція*, *Bibliotheca Graeca*, ed. Nagles, Hamburgi, 1809, volum. 12; сравн. *Геселе* *Conciliengeschichte*, Bd. 1, Ss. 61—68. Дополнительныя къ актамъ соборнымъ извѣстія о фотіанскихъ и противфотіанскихъ соборахъ у писателей современныхъ или близкихъ Фотію: у Никиты, Оеогноста, Митрофана, Оеофанова продолжателя, Анастасія, Вильгельма (см. примѣч. 12, 8, 9, 19 22, 26). Въ новой литературѣ наиболѣе значительныя описанія фотіанскихъ и противфотіанскихъ соборовъ у *Флери* (VII и VIII части, I.—LIII книги), *Шрекка* (24 ч.), *Гфрѣрера* (III ч., 1 отд., 5 гл.), *Геселе* (Bd. IV, §§ 464, 470, 479, 485, 487—498), *Гериспрѣтера* (II кн., 4, 7 гл.; III кн., 1, 8, 9 гл.; IV кн., 2, 4—7, 9 гл.; VI кн., 2—8 гл.), *Guettté* (VI т., 4 гл.). На рускомъ языкѣ—у *Лебедева* „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка. М., 1888 г.“ и у *Платонова* „Патріархъ Фотій“, 1891 г., гл. 3, 4, 7. Но во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ есть и пробѣлы, и недостаточное пользованіе источниками, и неправильное освѣщеніе фактовъ (особенно у католическихъ писателей). Исторія соборовъ, бывшихъ при Фотіѣ, требуетъ еще болѣе полной, внимательной и безпристрастной разработки.

91. Что избраніе Фотія на патріаршество, какъ мы уже упоминали (примѣч. 58), было совершенно не произволомъ государственной власти, а законнымъ способомъ соборнаго совѣщанія, это видно не только изъ писемъ самого Фотія къ папѣ Николаю и къ Вардѣ, но и изъ показаній враждебныхъ Фотію церковныхъ писателей—Митрофана, Никиты, Анастасія, Стиліана, а также изъ извѣстій придворныхъ византійскихъ хронистовъ (Оеофанова продолжателя). Всѣ эти писатели, хотя очень кратко и съ разными отгѣнками и взаимными противорѣчіями, упоминаютъ о соборѣ, бывшемъ при избраніи Фотія.

92. Объ этихъ соборахъ упоминаютъ также поименованныя въ предшествовавшемъ примѣчаніи писатели и также съ неясностями и противорѣчіями. Всего яснѣе и раздѣльнѣе говоритъ о нихъ Митрофанъ, всего слутаннѣе и фальшивѣе Стиліанъ.

93. Папа Николай какъ будто нигдѣ уже въ виду соборное опредѣленіе о низложеніи патріарха Игнатія, когда писалъ первое письмо къ императору Михаилу и посылалъ своихъ легатовъ на соборъ 861 г. Это видно и изъ словъ легатовъ къ Игнатію на соборѣ 861 г., приводимыхъ въ запискѣ Оеогноста (сравн. примѣч. 52, А). А въ письмѣ 866 г. папа просилъ императора Михаила выслать въ Римъ подлинныя документы перваго низложенія Игнатія (*Migne*, Lat. S., CXIX, 957).

94. Мы опредѣляемъ цѣль собора 861 г. пѣсколько иначе, чѣмъ какъ опредѣляется она у большей части (почти у всѣхъ) церковныхъ историковъ и специальныхъ изслѣдователей исторіи Фотія, но опредѣляемъ ее болѣе согласно съ показаніями древнихъ греческихъ писателей, удерживавшихъ въ памяти сохранившіися на Востокѣ преданія объ этомъ соборѣ. Единственный изъ византійскихъ хронографистовъ, упоминающій о соборѣ 861 г., продолжатель Оеофановой лѣтописи прямо говоритъ, что соборъ созванъ былъ собственно для осужденія иконоборцевъ; только папскіе легаты, присланные изъ Рима, воспользовались случаемъ, чтобы подтвердить на немъ низложе-

ніе патріарха Игнатія и возведеніе Фотія на константинопольскій престолъ (*Migne*, CIX, 209). Древніе византійскіе канонисты: Аристинъ, Зонара, Вассамовъ, писавшіе толкованія на составленные соборомъ правила (см. въ изданіи правилъ помѣстныхъ соборовъ *Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія*, Москва, 1880 г.), также поставляютъ главною цѣлю этого собора осужденіе ереси иконоборцевъ. И Никита Пафлагонскій въ жизнеописаніи патріарха Игнатія говоритъ, что видимою цѣлю созванія собора объявлялось ниспроверженіе ереси иконоборцевъ и устроеніе церковной дисциплины (*Migne*, CIX, 516), но, согласно главной своей тенденціи касаться всѣхъ событій лишь на столько, на сколько они имѣли отношеніе къ патріарху Игнатію, Никита прибавляетъ, что объявленная цѣль будто бы только выставилась на видъ, а въ сущности соборъ созывался для осужденія Игнатія и утвержденія Фотія. Архимандритъ Теоностъ, приписавшій напѣ жалобу на этотъ соборъ, не указывая прямо цѣли его, описываетъ дѣянія собора, подобно Никитѣ, на столько, на сколько они касались Игнатія. Въ Римѣ же, какъ только получились первыя извѣстія о спорахъ въ Константинополѣ между приверженцами стараго и новаго патріарха,—а они получились тамъ еще раньше донесенія Теоностова, какъ это видно изъ самого же этого донесенія (*Migne*, Gr. S., CIX. 867) и изъ призванія папы Николая въ письмѣ къ французскимъ епископамъ (*Migne*, Lat. S., CXIX, 1153),—съ самаго начала старались поставить главною цѣлюю созывавшагося въ Константинополѣ собора разсмотрѣніе вопроса о замѣщеніи константинопольской кathedры. И папа Николай, получивъ въ 860 г. отъ императора Михаила приглашеніе на соборъ, прямо отвѣчалъ ему, что онъ посылаетъ въ Константинополь своихъ легатовъ для разслѣдованія дѣла о низложеніи Игнатія и возведеніи Фотія на патріаршество (сравн. примѣч. 76, 74, А). Самъ Фотій, вопреки увѣреніямъ враждебныхъ ему писателей—Никиты и Анастасія, разказывающихъ о его будто бы заискиваніяхъ передъ папою, во всей вѣроятности, ни въ какомъ утвержденіи папскомъ въ это время не нуждался: онъ уже два года занималъ патріаршій престолъ по избранію императора и собора епископовъ (примѣч. 91), и на самомъ соборѣ 861 г. онъ прямо явился (какъ это видно и изъ описаній Никиты и Теоноста), какъ предсѣдатель собора, а не какъ лицо, церковное положеніе котораго требовало еще перекрѣпленія и утвержденія. Для Фотія, во всей вѣроятности, главною цѣлью собора 861 г. представлялось въ то время именно ниспроверженіе ереси иконоборцевъ, какъ и сообщаютъ византійскіе историки и канонисты. Борьба съ иконоборчествомъ, еще имѣвшимъ силу въ Константинополѣ, была для Фотія одною изъ главныхъ задачъ жизни и церковнаго управленія, была для него дѣломъ и семейнаго преданія и личнаго убѣжденія. Фотій еще въ молодости вѣдѣлъ съ родителями терпѣть гоненія отъ иконоборцевъ. На патріаршескомъ престолѣ онъ поставлялъ себѣ одною изъ главныхъ цѣлей поддержаніе традицій знаменитаго предка, блаженнаго патріарха Тарасія, предсѣдателя VII вселенскаго собора, и забота объ утвержденіи VII вселенскаго собора, можно сказать, проходитъ красною нитью черезъ все его патріаршее управленіе. Она занимаетъ видное мѣсто и на созываемыхъ Фотіемъ соборахъ. Объ этомъ дѣлѣ хлопоталъ Фотій передъ созваніемъ собора 867 г.,

какъ это видно изъ окружнаго посланія, разосланнаго къ другимъ восточнымъ патріархамъ съ приглашеніемъ на соборъ (*Валетти* стр. 181). Это дѣло занимаетъ Фотія и на соборѣ 879 г. (см. 5-е засѣданіе собора; сравн. примѣч. 130). Тѣмъ болѣе могло представляться это нужнымъ на соборѣ 861 г., когда авторитетъ 7-го вселенскаго собора былъ еще очень неустойчивъ въ другихъ церквахъ, кромѣ константинопольской, и когда въ Константинополѣ продолжались еще волненія, возбуждаемыя иконоборцами (сравн. оба письма Фотія къ папѣ Николаю у *Валетти*, стр. 142, 160). Въ Римѣ потомъ выдумали (и эта выдумка повторяется и доселѣ западными писателями), что съ иконоборчествомъ, ниспровергнутымъ на VII вселенскомъ соборѣ и на мѣстномъ константинопольскомъ соборѣ 842 г. (при императрицѣ Теодорѣ), не было уже надобности бороться во времена Фотія... Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ въ самомъ Римѣ, когда касались дѣлъ константинопольскихъ, находили нужнымъ заниматься этимъ вопросомъ и постановлять нѣкоторыя опредѣленія о почитаніи св. иконъ (это было на Римскомъ соборѣ 863 г., какъ видно изъ письма папскаго къ клиру константинопольскому, писаннаго въ 866 году: *Nicolai epist. CIV у Милл* CXIX, 1077—1078)? Зачѣмъ нужно было и на константинопольскомъ соборѣ 869 г., собранномъ противниками Фотія, спорить съ иконоборцами и осуждать ихъ (см. 8-е засѣданіе собора)? Иконоборческая партія въ то время далеко еще не могла представляться въ Константинополѣ такою религиозною партіею, относительно которой правители церковные могли быть покойными, въ увѣренности, что она уже не оживетъ. При томъ эта партія была не религиозная только, но и политическая, имѣвшая свои корни и развѣтвленія и при дворѣ, и въ войскахъ, и въ народѣ, и въ нѣкоторой части духовенства. Осужденіе иконоборчества на VII вселенскомъ соборѣ далеко не было окончательнымъ ниспроверженіемъ этой ереси. Какъ первый никейскій соборъ 325 г. нанесъ только начальный ударъ аrianству, которое послѣ него, но крайней мѣрѣ, еще въ теченіе полулѣтія продолжало волновать церковь, такъ и второй никейскій соборъ завершилъ первую стадію въ борьбѣ православія съ иконоборчествомъ, которое потомъ, спустя уже и значительное время послѣ собора, съ особенной силой вновь поднялось въ IX вѣкѣ при императорахъ Львѣ Армяннѣмъ и Теофиломъ. Можно ли было, когда не прошло еще и 20-ти лѣтъ послѣ смерти Теофила, мечтать, что иконоборство вновь уже не встанетъ болѣе? Что во времена Фотія нужно еще было спорить съ иконоборцами и принимать мѣры противъ нихъ, это видно, кромѣ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Фотія, и изъ другихъ памятниковъ, напримѣръ, изъ жизнеописанія Константина философа, лишь незадолго передъ тѣмъ временемъ имѣвшаго въ Константинополѣ диспутъ съ иконоборцами... Другою цѣлью собора 861 г. представлялось, какъ говоритъ и Никита, устроеніе церковной дисциплины. Что и эта цѣль не выставилась только на видъ, а дѣйствительно имѣлась въ виду на соборѣ, это доказываютъ самыя правила собора, къ счастью, сохранившіяся до насъ (числомъ 17, см. во всѣхъ сборникахъ церковныхъ правилъ). Католическіе историки стараются, сколько возможно, объяснить смыслъ этихъ правилъ примѣнительно къ борьбѣ Фотія съ партіею приверженцевъ Игнатія (*Гершенкертъ*, Bd. I, 430—433; *Hefele*, Bd. IV, 233—234). Нѣкоторые изъ

правилъ дѣйствительно имѣютъ отношеніе къ этому предмету (преимущественно прав. 12—16), но вообще смыслъ и цѣль ихъ гораздо шире. Фотій, вступивъ на патріаршій престолъ, несомнѣнно имѣлъ въ виду твердое устройство церковной дисциплины, въ частности ограниченіе злоупотребленій, обнаруживавшихся въ то время въ жизни монашества, къ чему и направлена большая часть правилъ (1—7). Монашество Константинопольскаго патріаршаго округа оказало большія заслуги въ церкви во время борьбы съ иконоборцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ, конечно, своихъ представителяхъ стало и слишкомъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и вліяніемъ въ церкви и государствѣ, расширяться не въ мѣру и въ направленіяхъ, не соотвѣтствующихъ истинной его цѣли, мѣшаться въ политическія дѣла и т. д. Фотій не былъ вообще противникомъ монашества; напротивъ, какъ видно изъ переписки его со многими монахами, онъ глубоко почиталъ идею монашества и находился въ близкихъ отношеніяхъ со многими монахами (см. письма его къ отшельникамъ Аванасію, Θεοδοσίю, Ζωσимиъ, Θεόδору и Θεоктисту у *Валетти*, 249—253, 161, 254, 43—45, 47, 48, 100—101, 176. Какія высокія понятія Фотій имѣлъ объ истинномъ монашествѣ, представляла его себѣ какъ бы осуществленіемъ первобытнаго идеальнаго христіанства, видно изъ письма его къ ученому протоспаваріу Христофору у *Валетти*, стр. 379. Что Фотій въ молодости и самъ имѣлъ влеченіе къ иноческой жизни, объ этомъ онъ писалъ антиохійскому патріаршему клиру: у *Валетти*, стр. 145). Но то самое, что онъ высоко представлялъ себѣ настоящее призваніе и сущность монашества, должно было вызывать его на борьбу съ злоупотребленіями въ монашествѣ. Эта борьба должна была увеличить число его враговъ, приверженцевъ противной партіи; но Фотій, вопреки увѣреніямъ враговъ, не принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые ради спокойствія и поддержанія личныхъ связей готовы бывають терпѣть злоупотребленія въ той средѣ, которая подлежитъ ихъ вѣдѣнію. И потому ограниченіе злоупотребленій, распространенныхъ въ монашествѣ, несомнѣнно составляло для него одну изъ главныхъ цѣлей на соборѣ 861 г.... Имѣлъ ли въ виду Фотій, при созваніи собора, борьбу съ партіею Игнатія и утвержденіе свое на престолѣ? Въ утвержденіи на престолѣ, какъ мы уже сказали, Фотій въ это время во всякомъ случаѣ не могъ нуждаться, ибо уже два года назадъ былъ избранъ на престолъ императоромъ, сенатомъ и соборомъ епископовъ и около двухъ лѣтъ управлялъ церковью. На соборѣ 861 г. онъ являлся прямо въ качествѣ предсѣдателя, а не какъ нищій признанія и утвержденія въ своихъ правахъ. Что касается до борьбы съ противодействовавшими ему приверженцами патріарха Игнатія, она, конечно, не могла не смущать его настырской ревности, какъ смущали его и другія религиозныя партіи, остатки которыхъ держались въ Константинополѣ въ то время. Но едва ли сколько нибудь болѣе того. Кажется, совершенно напрасно представляютъ себѣ католическіе, а за ними и другіе историки, будто партія Игнатія въ Константинополѣ была очень сильна, и борьба съ нею требовала особенныхъ чрезвычайныхъ мѣръ. Во главѣ этой партіи, по признанію одного изъ самыхъ вліятельныхъ ея членовъ—Митрофана, при началѣ Фотіева патріаршества стояло пять епископовъ, да и тѣ на нѣкоторое время подчинились Фотию. Преслѣдованія, воздвигнутыя правительствомъ на

эту партію, и агитація ея главныхъ вождей должны были нѣсколько увеличить число приверженцевъ этой партіи (сравн. примѣч. 52, D), но едва ли очень сильно. И послѣ, еще черезъ годъ или болѣе, когда развитіе этой партіи могло достигнуть наибольшаго предѣла вслѣдствіе подстрекательства изъ Рима и расчетовъ на папское вмѣшательство, архимандритъ Теофностъ въ донесеніи на Фотія папѣ Николаю могъ насчитать единомысленныхъ себя 10 митрополитовъ и 15 епископовъ (*Migne*, CV, 856; да и это счисленіе не представлялось ли преувеличеннымъ?). Еще далѣе, когда, при перемѣнѣ правительства, Игнатіевой партіи удалось захватить преобладаніе въ церкви, и она уже около двухъ лѣтъ пользовалась этимъ преобладаніемъ, на составленный противъ Фотія соборъ 869 г. игнатіане могли выставить значагъ лишь 12 епископовъ, и потому уже всякими неправдами, смисхожденіями и прещеніями увеличили это число переманенными переметчиками изъ Фотіевыхъ приверженцевъ до 100 съ небольшимъ (см. примѣч. 117); а Фотіа собирагъ на свои соборы по триста и болѣе епископовъ. Еще далѣе, по заточеніи Фотія и разсѣяніи главныхъ его приверженцевъ, число ставленниковъ изгнаннаго Фотія, по созванію самого Игнатія, составляло въ вѣмрѣ константинопольской церкви такое великое множество (*innumera bilis multitudo in universis regionibus et civitatibus ecclesiae*), что помимо нихъ нельзя было и набрать достаточнаго числа кандидатовъ для отиравленіи священныхъ должностей (см. *epist. Ignatii ad Hadrianum II у Гардумма*, V, 938). При началѣ же втораго патріаршества Фотія, папа Іоаннъ VIII, отиравляя особенное посланіе къ влѣстельнымъ лицамъ, противившимся Фотію въ Константинополѣ, могъ назвать между ними только трехъ митрополитовъ и трехъ патріархіевъ (*Ioannis VIII epist. ad constantinopolitanos; Hard.*, VI, 1, 77—78). Что партія Игнатія въ управленіе Фотія составляла въ Константинополѣ не большинство, а не особенно значительное меньшинство, это, вопреки раздутымъ представленіямъ прежнихъ католическихъ историковъ, ближе присматриваясь къ фактамъ, начинаютъ признавать новыя католическіе историки. Только у нихъ дается особенная постановка этому дѣлу. Партія Игнатія будто бы была несильна въ духовенствѣ и высшемъ обществѣ, но была сильна въ народѣ. Изъ нашихъ историковъ такой взглядъ на дѣло высказывается по мѣстамъ, хотя не твердо, у А. П. Лебедева. Но онъ ни на чемъ не основывается, кромѣ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ фразъ Никиты Пафлагонскаго и еще болѣе далекихъ отъ дѣла римскихъ писателей (см. выше прим. 59, стр. 67, 74). Во всякомъ случаѣ, хотя волненія, производимыя игнатіанцами, и не могли не причинить нѣкотораго безпокойства пастырской ревности Фотія, но это безпокойство едва ли должно было вынуждать Фотія къ какому либо чрезвычайному мѣрамъ. Такія волненія нерѣдко возникали въ Константинополѣ и усмирлялись обычными домашними дисциплинарными средствами. Вѣроятно, и волненіе игнатіанъ было бы скоро прекращено въ Константинополѣ обычными мѣрами умнаго и энергичнаго патріарха, еслибы оно не получало сторонняго возбужденія со стороны папы, пожелавшаго воспользоваться замутившимися отношеніями для привлеченія Фотія подъ свою зависимость и утвержденія своей супрематіи въ константинопольской церкви... И, вопреки показаніямъ Никиты Пафлагонскаго, а за нимъ и позднѣйшихъ

католическихъ писателей, ни изъ чего не видно, чтобы Фотій для борьбы съ партіею приверженцевъ Игнатія считалъ нужнымъ искать содѣйствія папы и для этого льстить передъ папою и просить его объ утвержденіи въ патриаршемъ достоинствѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ письмѣ, посланномъ Фотіемъ къ папѣ въ 860 г. Это просто извѣстительное посланіе, которое пишетъ одинъ патриархъ къ другому патриарху, написанное очень вѣжливо, но съ нѣкоторымъ даже поученіемъ этому послѣднему, какъ мы уже говорили (примѣч. 76). Подобное же посланіе, какъ сказано (тамъ же), Фотій писалъ къ антиохійскому патриаршему престолу. (Предполагать же, что Фотій писалъ папѣ при началѣ своего патриаршества еще другое письмо, кроме сохранившагося до насъ, нѣтъ никакихъ основаній). Что касается до приглашенія папы на соборъ 861 г., то, кажется, Фотій, вѣроятно, уже жившій нѣкоторымъ понятіемъ о политикѣ папъ, о ихъ стремленіи мѣшаться не въ свои дѣла и во всемъ искать случая для распространенія своего вліянія, и совсѣмъ даже не желалъ обращаться къ папѣ съ такимъ приглашеніемъ, въ дѣлахъ утвержденія своего на патриаршествѣ. Объ этомъ ничего не говорится въ упомянутомъ его письмѣ къ папѣ. (Послѣ собора въ посланіи 861 г. Фотій благодарилъ папу и папскихъ легатовъ за содѣйствіе къ обузданію константинопольскихъ мѣтежниковъ (*Валетты*, стр. 161). Но этого требовала простая вѣжливость, а не то что дѣйствительное признаніе важности римскаго содѣйствія въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ и безъ сторонняго содѣйствія могъ самъ управиться). Иное дѣло—тогдашнее константинопольское правительство, молодой императоръ Михаилъ. Кажется, нужно признать, что императоръ частію по тщеславію неосторожной молодости, чтобы придать болѣе важности созываемому собору, а частію и потому, что борьба съ партіею Игнатія, какъ мы уже говорили, имѣла въ глазахъ правительства политическое значеніе и могла представляться ему очень серьезною, желалъ воспользоваться для обузданія волновавшейся партіи тѣмъ авторитетомъ, на который желала опираться эта самая партія, то-есть, авторитетомъ папскимъ. Поэтому императоръ и нашелъ нужнымъ пригласить легатовъ на соборъ, но опять не для перевѣсѣдованія дѣла о низложенномъ уже Игнатіѣ и тѣмъ болѣе не для разсмотрѣнія вопроса о правильности Фотіева избранія (относительно этого въ Константинополѣ не сомнѣвались), а лишь для подтвержденія папскимъ авторитетомъ, важнымъ въ глазахъ волновавшейся партіи, того рѣшенія объ Игнатіѣ, которое постановлено было на мѣстномъ константинопольскомъ соборѣ 858 или 859 года. (Такъ и объяснилъ послѣ сего императоръ смыслъ своего приглашенія въ письмѣ къ папѣ 865 г.). Но папа, не по недоразумѣнію, конечно, а потому, что находилъ это выгоднымъ для себя, истолковывалъ себѣ императорское приглашеніе именно такъ, что его или его легатовъ просить на соборъ для перевѣсѣдованія вопросовъ о правильности Игнатіева низложенія и Фотіева избранія по самому существу дѣла, и въ такомъ смыслѣ онъ составилъ инструкцію для легатовъ и отвѣтное письмо къ императору (*Migne*, Lat. S., CXIX, op. Nicolai, 4). Императоръ потомъ въ 865 г. (ср. примѣч. 76) пытался объяснить папѣ, что онъ кевѣрно, преувеличенно полагалъ приглашеніе на соборъ и роль легатовъ въ дѣлѣ Игнатія и Фотія. Но папа продолжалъ и въ дальнѣйшихъ письмахъ настаи-

вать на своемъ толкованіи (Nicolai ep. 86, 98) опять-таки потому, что это было выгодно для него. И вотъ отсюда-то такое толкованіе константинопольскаго приглашенія и роли легатовъ на соборѣ черезъ римскаго панегриста дѣяній и рѣшеній папы Николая—Анастасія бібліотекаря (см. *Hard.*, V, 751; сравн. *Migne*, Lat. S., CXXVIII, 1386) перешло и къ позднѣйшимъ католическимъ историкамъ (нужно сказать, впрочемъ, что и по сказанію Анастасія видимою цѣлью собора выставляется осужденіе иконоборчества). И отсюда-то такое представленіе о соборѣ 861 г., что соборъ этотъ созванъ былъ для утвержденія Фотія на престолѣ (который онъ занималъ уже болѣе двухъ лѣтъ), что для этого утвержденія необходимо было содѣйствіе папы, что безъ этого ничего не могли сдѣлать въ Константинополѣ съ возмущавшемся сильною, будто бы партією Игнатія, и что все это сдѣлано было по желанію и устроенію самого Фотія, то-есть, представленіе *панистическое* вошло во всѣ церковныя исторіи и спеціальныя изслѣдованія о Фотіѣ. И представленіе это не только проводится католическими учеными, для которыхъ оно выгодно, но отъ нихъ оно перешло и къ протестантскимъ по традиціи и неглубокому вниманію въ дѣло, отражается по недоразумѣнію и у нашихъ православныхъ, даже наиболѣе строгихъ и ревностно настроенныхъ противъ папизма—у Ильи Минятія, Муравьева, Зернина, Платонова, Лебедева. Поэтому-то мы и сочили нужнымъ сдѣлать эту длинную оговорку: ибо здѣсь дѣло касается не простой фразы, а того, какъ представлять себѣ самый исходный пунктъ сношеній Константинополя съ Римомъ, начавшихся при патріархѣ Фотіѣ и приведшихъ къ раздѣленію церквей. Итакъ, повторимъ, Фотій лично едва ли даже и желалъ присутствія папскихъ легатовъ на соборѣ 861 года. Но, если желалъ того императоръ, Фотій, конечно, не могъ противодѣйствовать этому. После папскіе прибыли въ Константинополь, приняты были по обычаю съ большимъ почетомъ, осмыпаны императорскими подарками (что послѣ въ Римѣ истолковано было за подкупъ и *captatio benevolentiae*, какъ и вообще почетныя встрѣчи, оказываемыя панамъ или папскимъ легатамъ въ Константинополѣ, и щедрые подарки, расточаемые въ такихъ случаяхъ пышнымъ и тщеславнымъ византійскимъ правительствомъ, доселѣ принимаются католическими писателями за *доказательство признанія власти папской надъ восточною церковью*). Фотій долженъ былъ, согласно желанію правительства и требованію папскихъ легатовъ, допустить на соборѣ пересмотръ дѣла о низложеніи Игнатія. Въ томъ засѣданіи собора, на которомъ сдѣланъ этотъ пересмотръ, даже, кажется, по деликатности онъ предоставилъ роль слѣдователей и судей легатамъ папскимъ, какъ лицамъ стороннимъ для константинопольской церкви и авторитетнымъ въ глазахъ приверженцевъ Игнатіевой партіи (если только можно въ этомъ довѣрять Овогносту и Никитѣ). Поэтому же, кажется, устроено было и то, что пересмотръ дѣла Игнатіева на соборѣ произведенъ былъ по правиламъ римскаго слѣдственнаго процесса съ приглашеніемъ 72-хъ свидѣтелей противъ обвиняемаго лица (Никита у *Миня*, CV, 517; сравн. *Gieseler*, Kirchengeschichte, Bonn, 1846, Th. 3, § 20, п. 5). Въ угоду также римскимъ желаніямъ постановлено было на будущее время правило (17-ое), чтобы свѣтскихъ людей не допускать къ епископскому званію,—правило, которое впоследствии признали стѣснительнымъ для церкви и потребовали отиѣнить—но Фотій, по

другіе восточные епископы на соборѣ 879 года. (Сравни. примѣч. 58, 4 подъ конецъ). Такъ мы понимаемъ положеніе дѣла объ Игнатіевомъ и Фотіевомъ патріаршествахъ на соборѣ 861 года. Дѣло это, согласно съ свидѣтельствами большей части древнихъ греческихъ историковъ и канонистовъ, вовсе не было главнымъ дѣломъ собора, какъ представляютъ пристрастные къ Игнатію писатели — Никита и Θεοφάνης. Главнымъ дѣломъ собора было разсмотрѣніе вопроса объ иконоборцахъ и устроеніе церковной дисциплины; а разсмотрѣніе вопроса объ Игнатіевомъ низложеніи было, вѣроятно, въ отдѣльномъ добавочномъ засѣданіи собора, подобно тому, какъ разсмотрѣніе вопроса о причисленіи болгарской церкви къ тому или другому патріаршему округу было устроено въ отдѣльномъ добавочномъ засѣданіи собора 869 года (см. примѣч. 118). Все это, конечно, можно было бы документально подтвердить тогда, когда бы въ рукахъ нашихъ были полные акты собора 861 года. Но акты эти сожжены по требованію папѣ (примѣч. 96), вѣроятно, не потому, что дѣло собора представлялось въ нихъ согласно съ папистическими толкованіями... Впрочемъ, нѣкоторые слѣды того, что дѣло было именно такъ, какъ мы представляемъ, остаются и въ сохранившихся документахъ благопріятной папству стороны. Именно въ письмѣ папы Николая, писанномъ гораздо позже собора 861 г. (въ 866 г. ad Clerum Constantinopolitanum), есть извѣстіе, что акты собора, по окончаніи его, были доставлены въ Римъ патрищемъ Львомъ въ *двухъ свѣткахъ*: отдѣльно по разсмотрѣнію вопроса объ иконоборцахъ и отдѣльно по дѣлу объ Игнатіѣ (*Legatus Imperialis nomine Leo a secretis a nobis susceptus, duo volumina obtulit, quorum unum depositionis Ignatii gesta continebat, alterum autem de sanctis habebat imaginibus acta: Migne, Lat. S., CXIX, col. 1071*). Далѣе соборъ 861 г. въ преданіяхъ позднѣйшихъ византийскихъ канонистовъ удержалъ названіе „перво-второй“. Не то ли это значитъ, что свѣщанія собора раздѣлялись на два отдѣла: 1) по вопросу объ иконоборцахъ и другихъ общецерковныхъ дѣлахъ, 2) по частному вопросу объ Игнатіѣ и его приверженцахъ (сравни *Геофил.* IV, 230, 234; другія менѣе удовлетворительныя объясненія названія *перво-второй* см. у греческихъ канонистовъ, у *Герменкретера* I, 438, и у *Лебедева* въ „Исторіи константинопольскихъ соборовъ“, стр. 37—38). Все это, намъ кажется, нужно имѣть въ виду при перенаслѣдованіи въ исторіи патріарха Фотія вопроса о соборѣ 861 года. А вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, требуетъ серьезнаго перенаслѣдованія. Созваніе собора 861 года—это первый исходный пунктъ сношеній константинопольской церкви съ римскою при патріархѣ Фотіѣ,—сношенія, начавшихся довольно мирно, но потомъ приведшихъ къ раздѣленію церкви, вслѣдствіе именно разности воззрѣній на эти сношенія со стороны Рима и Константинополя. Отъ правительнаго разъясненія этого пункта, на сколько оно возможно при сохранившихся источникахъ, много зависитъ освѣщеніе и другихъ дальнѣйшихъ пунктовъ Фотіевой исторіи. Другихъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ исторіи собора 861 года, напримѣръ вопросовъ, объ измѣненіи на соборѣ папскихъ писемъ и инструкцій, подкупѣ, обольщеніи или застрашаніи легатовъ, поведеніи игнатіевой партіи на соборѣ и обращеніи съ этою партіею другой, преобладавшей въ то время, мы уже нѣсколько касались; и эти частные вопросы не такъ важны, но и все это опять требуетъ новаго перенаслѣдованія и освѣщенія.

95. Что въ Константинополѣ по этому поводу было два собора (какъ и признають теперь болѣе внимательные западные исследователи—Гефеле, Гергенрѣтеръ, изъ нашихъ, кажется, одинъ отецъ Преображенскій, въ *Страникахъ*, 1891 г., № 4): первый, надо полагать, въ 866 г., а другой въ 867 г.,—это отчасти видно изъ самого окружнаго посланія Фотія восточнымъ патріархамъ, писаннаго, вѣроятно, въ началѣ 867 года. Въ этомъ посланіи Фотій говоритъ, что онъ по поводу злоупотребленій папскихъ миссіонеровъ въ Болгаріи уже держалъ въ Константинополѣ мѣстный соборъ съ епископами Константинопольскаго округа; но въ виду того значенія, какое получаютъ папскія притязанія и нововведенія для всей церкви и по жалобамъ, обращеннымъ къ нему на папскія притѣсненія со стороны западныхъ епископовъ, онъ считаетъ нужнымъ созвать новый большой соборъ, съ участіемъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ, къ которому они окружнымъ посланіемъ и приглашаются; при этомъ представляется необходимымъ на новомъ соборѣ дать общецерковное подтвержденіе VII вселенскому собору, который доселѣ во многихъ церквахъ еще не признавался за вселенскій (*Василетта*, стр. 180—181). О константинопольскомъ соборѣ 866 года не сохранилось болѣе никакихъ извѣстій. Можно, однако-жъ, предполагать, что именно на основаніи его рѣшеній и составлены были: то обличительное противъ латинскихъ нововведеній посланіе императоровъ Михаила и Василія къ болгарскому царю Борису, о которомъ писалъ папа Николай французскимъ епископамъ въ 867 г., и то исповѣданіе вѣры, которое предложено было для подписанія папскимъ легатамъ, пѣшимъ черезъ Болгарію письма папы Николая въ Константинополѣ, писанныя въ 866 году, о которомъ упоминаетъ папа въ томъ же письмѣ къ французскимъ епископамъ (*Migne*, CIX, 1135). Но о второмъ соборѣ 867 года сохранились, хотя краткія, очень запутанныя и взаимно противорѣчащія, но весьма знаменательныя извѣстія у многихъ лицъ, близкихъ событію: у Митрофана Смирискаго (*Hard.*, V, 1113—1114), Анастасія бібліотекаря (*ibid.*, 752), у продолжателя его аббата Вильгельма (*Migne*, Lat. S., CXXVIII, 1386—1388), у Никиты Пафлагонскаго (*Migne*, CV, 538), въ опредѣленіяхъ римскаго собора 869 года (*Hard.*, V, 868—869), въ актахъ константинопольскаго собора того же года (въ 7, 8, 9 засѣданіяхъ). И по всѣмъ этимъ извѣстіямъ представляется, что соборъ, созванный Фотіемъ въ 867 году, имѣлъ огромное значеніе. На соборѣ этомъ присутствовали императоры Михаилъ и Василій (которые и утвердили его постановленія своими подписями, какъ это видно изъ опредѣленій римскаго собора 869 г.), представители восточныхъ патріарховъ (они заподозрѣны были потому и сами, будто бы, сознались въ своемъ самозванствѣ предъ соборомъ 869 года; но ни изъ чего не видно, чтобы въ 8 и 9 засѣданіяхъ собора 869 г. допрашивались тѣ самыя лица, которые выдавали себя за патріаршихъ представителей въ 867 году, а не подставныя—см. *Лебедева* „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“, стр. 112—113; сравн. *Герасими Яреда* главу VIII; даже имена этихъ представителей въ 8 и 9 засѣданіяхъ собора 869 года обозначаются неодинаково). Подъ актами этого собора, по свидѣтельству Анастасія (loc. cit.), значилось до тысячи именъ (конечно, не однихъ епископовъ, но и свѣтскихъ лицъ высшихъ и низшихъ званій: Фотій, можетъ быть, пытался дать собору дѣйствительно общецерковное и общенародное значеніе).

Анастасій говоритъ, что изъ этихъ тысячи подписей только 21 были подлинные, а остальные поддѣланы Фотіемъ, который будто для этого заказывалъ особымъ писемъ трости толстыя и тонкія, чтобы дѣлать подписи разными почерками. (Какъ могъ знать это Анастасій? И какъ могъ Фотій экземпляръ актовъ, подписанный на соборѣ только двадцатью лицами, представить потомъ хотя бы императору или кому бы то ни было съ тысячею подписями? Нарочно что ли онъ хотѣлъ позорить себя передъ всѣми?) Послы же императора Василія, принесшіе означенные акты въ Римъ въ 868 г., говорили, что всѣ эти подписи были подложныя, и всѣ акты соборныя сочинены Фотіемъ, да и самъ соборъ едва ли существовалъ, едва ли не былъ выдуманъ Фотіемъ, о немъ будто бы въ Константинополѣ никто не зналъ, пока не вскрыли *сумагъ* Фотія послѣ низложенія его при Василіѣ Македонскомъ (у аббата *Вильгельма*, loco cit.). Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ нужно было такъ много хлопотать объ этомъ соборѣ въ 869 году? Зачѣмъ нужно было истреблять акты его въ Римѣ и Константинополѣ, чтобы отъ нихъ ни одной іоты (пес jota una) не оставалось? Не лучше ли было бы противникамъ Фотія сохранить эти акты во всей цѣлости въ поворъ коварному патріарху? Зачѣмъ нужно было на римскомъ соборѣ 869 года (въ IV опредѣленіи) налагать страшную анафему на лицъ, подписавшихся подъ актами 867 года, если всѣ подписи подъ ними были поддѣльными, и даже самого собора не было? Зачѣмъ нужно было изъподъ этой анафемы выгораживать личность императора Василія, котораго нѣмъ стояло въ числѣ другихъ, подписанныхъ подъ актами (въ томъ же опредѣленіи римскаго собора 869 года)? Зачѣмъ нужно было съ епископомъ Теодоромъ Карійскимъ проходить ту процедуру, какая проходила была на соборѣ 869 года, то-есть, сначала приняли его въ общеніе церковное, когда онъ согласился прервать къ партіи Игнатія, а потомъ вновь отлучили отъ церкви, когда узнали, что онъ былъ одинъ изъ числа епископовъ, которыми поручено было доставить въ Римъ акты собора 867 года (сравни. 2 и 8 засѣданія собора и у *Герменртера*, II, 214—215)? Зачѣмъ нужно было такъ много полноваться изъ-за всего этого, если все это была только пустая выдумка одного лица? И зачѣмъ объ этой пустой выдумкѣ, если соборъ даже и не существовалъ, находить нужнымъ говорить, и говорить съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ, нѣсколько византійскихъ писателей, враждебныхъ Фотію—Митрофанъ, Никита и нѣсколько римскихъ: Анастасій, Вильгельмъ и самъ папа Адрианъ въ своихъ посланіяхъ въ Константинополь? „На соборѣ 867 года, по сказанію Митрофана, представлено было шестьсотъ обвиненій противъ папы Николая (*Hard.*, V, 1113)“. Еслибы этихъ обвиненій было хоть иъ десять, даже иъ двадцать разъ мнѣе шестисотъ,—какой богатый матеріалъ для исторіи первоначальной полемики Константинополя съ Римомъ заключался въ сожженныхъ актахъ собора! И все это погибло! И ни одинъ изъ предусмотрительныхъ повѣствователей о соборѣ не нашелъ нужнымъ передать ни одного изъ обвиненій? И римскій и константинопольскій соборы 869 года, осудившіе Фотія и Фотіевъ соборъ 867 года, не нашли нужнымъ ничего сказать въ опроверженіе тѣхъ обвиненій, ни даже перечислить ихъ? „Фотій, по сказанію того же Митрофана (*ibid.*), выступилъ на соборѣ 867 г. какъ бы защитникомъ заочно судимаго папы (вѣроятно, потому, что другіе

члены собора слишком увлекались в своих обвинениях против папы, а, конечно, не потому, что Фотий, устроив осуждение Николая, оставлял будто бы на всякий случай лазейку для примирения с ним — новую *cartaio benevolentiae*, как предполагают некоторые из самых замысловатых католических историков: *Gfrörer*, *Kirchengeschichte*, Bd. III, Abth., 1, S. 267). В заключение собора, по сказанию повествователей, положено было осудить папу Николая и просить содействия к низложению его, даже к изгнанию из Рима у западного императора Людовика и супруги его Ингельберты; при этом тут же на соборе в присутствии византийских самодержцев провозглашено было и западным многолествованием с титулом августейших, против которого доселе спорили и после опять стали спорить в Византии (Митрофанъ, Никита; срав. примѣч. 59, стр. 68, 73). Такие широкие замыслы были у Фотия на соборе 867 года! Онъ думалъ сблизить Восточную и Западную имперію и восточное и западное епископство въ общей борьбѣ противъ непомѣрно возросшей силы папской, опасной для всѣхъ, какъ и показали послѣдствія... Фотій, можетъ быть, и увлекался, слишкомъ много рассчитывалъ на тѣ зачатки противопапской оппозиціи, которые въ то время можно было замѣтить на Западѣ (сравни. стр. 75). А можетъ быть, еслибы кормило церковнаго управленія и еще на нѣсколько лѣтъ оставалось въ рукахъ этого необыкновенно умнаго и энергичнаго патріарха, ему и удалось бы довести свой планъ до конца, и, можетъ быть, тогда судьба не только христіанскаго Востока, но и христіанскаго Запада сложилась бы иначе, нежели какъ она сложилась въ средніе вѣка?.. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать того, что задачи собора 867 года, на сколько намъ извѣстны онѣ даже изъ враждебныхъ сказаній, были самыя широкія, грандіозныя! А если принять во вниманіе еще то, что созваніе собора 867 года совпадало съ тѣмъ временемъ, когда Фотій хлопоталъ въ Константинополѣ объ учрежденіи торжества и установленіи тина православія (примѣч. 42, 51), то, можетъ быть, не лишнимъ будетъ и то предположеніе, что не только полемическія, но и положительныя задачи этого собора были весьма значительныя... Какая же память осталась объ этомъ соборѣ въ исторіи? Писавшіе Фотія, сожгли акты собора, наложивъ анаѣму на подписавшихъ и признавшихъ его, и память о значительнѣйшемъ, можетъ быть, изъ христіанскихъ соборовъ почти исчезла, и еще хуже — совершенно исказилась въ исторіи. Это не единственный примѣръ того, какъ написти усилывали не только искоренять всѣмъ послѣдствіямъ непріятнаго для нихъ факта, но и замѣтать, такъ сказать, запутывать всякіе слѣды, всякія воспоминанія о немъ (въ исторіи искорененія православія у западныхъ славянъ не мало такихъ фактовъ). У позднѣйшихъ западныхъ писателей повторялись о соборѣ 867 года всѣ тѣ нелѣпыя сказки, которыя пущены были въ ходъ съ 868 — 869 годовъ: то соборъ этимъ представлялся нечестивѣйшимъ и богоульнѣйшимъ изъ дѣланій Фотія, то совсѣмъ отрицалось самое существованіе его, то высказывалось мнѣніе, что соборъ хотя и былъ, но не такъ, какъ представлялось въ актахъ Фотіевыхъ (а какъ же представлялось?), что акты его были подложные, что подписи подъ ними были поддѣльныя и т. д. Лишь въ послѣднее время ученые, ближе всматривающіеся въ смыслъ

сохранившихся хотя и краткихъ, запутанныхъ и непріазненныхъ собору извѣстій, начинаютъ понемногу прозрѣвать истину и приходятъ къ признанію, что соборъ въ Константинополѣ въ 867 году дѣйствительно былъ (даже, какъ сказано выше, два собора по этому поводу было), и что онъ имѣлъ очень серьезное значеніе, и объ актахъ его и подписяхъ подъ ними едва ли можно оставаться при тѣхъ мнѣніяхъ, какія высказаны были Митрофаномъ и Анастасіемъ (см. *Гершенкстера*, т. I, кн. II, гл. 8, и *Гефеле*, Bd. IV, § 479). Нужно сознаться, что и у нашихъ восточныхъ писателей, твердо православныхъ, значеніе этого собора оцѣнено еще очень мало. И *Муравьевъ*, и *Зеркинъ*, и о. *Герасимъ Яресь*, и *Платоновъ*, и о. *Владиміръ Геттс* говорятъ о немъ лишь мимоходомъ (большую частью, ссылая дѣятельность двухъ Фотіевыхъ противоположныхъ соборовъ 866 и 867 гг.). И специальный историкъ „Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“ профессоръ *А. П. Лебедевъ*, излагая исторію борьбы Фотія съ папствомъ въ 867 году, этотъ соборъ совсѣмъ было пропустилъ и уже потомъ, при изложеніи дѣяній собора 869 года, вспомнилъ и о соборѣ 867 года и подъ чертою (стр. 110—111) высказалъ о немъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній... Не незначительнымъ представляется еще такой вопросъ: отчего самъ Фотій на соборѣ 879—880 годовъ ничего не сказалъ о соборѣ 867 года и отчего не упоминаютъ о немъ позднѣйшіе греческіе писатели? Но Фотій въ 879—880 годахъ желалъ и считалъ возможнымъ на законномъ основаніи достигнуть примиренія съ папствомъ, потому и нецѣлесообразно было ему тогда упоминать о соборѣ и о самомъ окружномъ посланіи 867 года (примѣч. 125—131); а, можетъ быть, Фотій въ 879—880 годахъ и съ нѣкоторымъ уже разочарованіемъ вспоминалъ о своей радикально послѣдовательной и смѣлой борьбѣ противъ папства въ 867 году (примѣч. 59). Позднѣйшіе же греческіе писатели относительно большей части Фотіевой исторіи уже находились въ томъ туманѣ, какой въ ближайшее къ Фотію время напущенъ былъ его врагами западными и восточными (ср. примѣч. 21 подъ концемъ).

96. Эта возможность открылась по изложеніи Фотія Василіемъ Македонскимъ въ 867 году. Императоръ Василій приказалъ воротить съ дороги послы Фотія, посланныхъ въ Римъ со спискомъ актовъ собора 867 года (епископовъ Захарію Халкидонскаго и Θεодора Карійскаго), потомъ приказалъ другимъ своимъ посламъ отвезти этотъ списокъ папѣ. Биографъ Адриана 2-го довольно подробно описываетъ пріемъ этого посольства въ Римѣ (*Vita Adriani: Migne, Latina Ser., CXXVIII, 1386—1388*). Папа Адрианъ принялъ византійское посольство въ торжественной аудіенціи въ церкви св. Маріи, окруженный многими епископами и сановниками. Митрополитъ Іоаннъ Кесарійскій, вынесши кодексъ съ актами собора на средину храма, бросилъ его на землю со словами: „прокляты ты въ Константинополѣ, будь проклятъ и въ Римѣ. Тебя измыслилъ Фотій, служитель діавола, новый Симонъ, сплетатель лжи; тебя сокрушилъ Николай, новый Петръ, любитель истины“. (Когда же это? Допустимъ, что въ Константинополѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, безъ всякихъ, впрочемъ, основаній, патриархъ Игнатій, по возвращеніи на престолъ, составилъ соборъ, на которомъ будто бы проклялъ Фотія и составленный имъ соборъ; документальныхъ свидѣній объ этомъ Игнатіевомъ со-

боръ мы никакихъ не имѣемъ. Но какъ соборъ 867 года могъ быть сокрушенъ Николаемъ, который умеръ ранѣе, чѣмъ акты собора были доставлены въ Римъ?). А другой посланный императора, синоарій Василій, толкнувъ связку актовъ ногою и ударивъ мечемъ, какъ бы въ ужасѣ воскликнулъ: „я думаю, въ этой связкѣ сидитъ самъ дьяволъ и чрезъ уста своего сподѣшника Фотія изрыгаетъ то, чего не могъ сказать самъ“. Папа назначилъ нѣсколько дней на изслѣдованіе этого кодекса людьми, хорошо знающими греческій и латинскій языки, и потомъ приказалъ сжечь его на соборѣ публично, чтобы не соблазнялась совѣсть простосердечныхъ людей, и души струсившихъ не потеряли бы отъ того какою либо вѣдой. Не извѣстно, въ чемъ состояло изслѣдованіе актовъ людьми *сендуцими*, которое продолжалось довольно долго; но извѣстно, что на собранномъ потомъ соборѣ въ храмѣ св. Петра присутствовавшіе топили ихъ ногами (*cunctorum pedibus librum conculeatum*). Потомъ предъ дверями храма на ступенькахъ въ присутствіи епископовъ, сенаторовъ и собравшагося народа кодексъ торжественно преданъ сожженію. „Онъ горѣлъ необыкновенно быстро, съ трескомъ и звономъ, и хотя обиліе случившагося въ то время дождя естественно должно было заливать пламя, но пламя разгоралось еще сильнѣе, какъ бы отъ падавшихъ капель масла, такъ что изумленіе вслѣдствіе совершившагося чуда растворяло сердца присутствовавшихъ латинянъ и грековъ къ прославленію Бога и святѣйшихъ напъ Николая и Адріана верховнаго первосвященника (*Migne, CXXVIII, 1387*)“. Не менѣе торжественно совершено было сожженіе документовъ, неблагопріятныхъ для папства и въ Константинополѣ, въ 8-мъ засѣданіи собраннаго противъ Фотія собора 869—870 годовъ (*Hard., V, 876—876, 1086*). Здѣсь ауто-да-фе было устроено среди самой церкви, гдѣ засѣдали члены собора. Два важныя церковныя сновника вынимали изъ большаго мѣшка книжныя свитки, обреченныя на сожженіе, и передавали служителямъ, которые должны были повергать ихъ въ большой мѣдный сосудъ, въ которомъ разведенъ былъ огонь. Здѣсь, кромѣ греческаго подлинника актовъ собора 867 года, на основаніи опредѣленій папы Николая (въ письмѣ 866 г.) и римскаго собора 869 года, сожжены были еще и подлинники соборныхъ документовъ по дѣлу низложенія патріарха Игнатія (то-есть, соборовъ 869 и 881 г.г.), и письма императора Михаила, непріятныя для папства, и какія-то подлинки, данныя въ разное время и разными лицами въ пользу Фотія (такихъ подлинковъ, по свидѣтельству соборныхъ актовъ, было очень много), и всѣ сочиненія Фотія противъ партіи игнатіанъ и противъ папы, а также, вѣроятно, и многія другія его сочиненія и письма, и, можетъ быть, писанія его приверженцевъ (Никита Нафлагонскій упоминаетъ о какомъ-то будто бы хульномъ сочиненіи, составленномъ сообща Фотіемъ и Григоріемъ Сиракузскимъ противъ патріарха Игнатія: всего, по свидѣтельству Никиты, отобрано было у Фотія и сожжено замѣчательнѣйшихъ историческихъ документовъ — семь книжковъ (*Migne, Series graeca, CV, 540*). И, кромѣ того, всѣмъ христіанамъ не только Константинопольскаго церковнаго округа, но и Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго объявлялось опредѣленіе римскаго собора 869 года, подъ страхомъ отлученія церковнаго, сжигать всѣ, гдѣ бы то ни было находящіяся, списки нечестивыхъ соборныхъ актовъ и

другихъ писаній Фотія и императора Михаила, направленныхъ противъ чести и привилегій апостольскаго престола (*Hard.*, V, 869—870; 1081—1083). А затѣмъ подвергались сожженію и отобрабнныя у Фотія книги его огромной, въ теченіе многихъ лѣтъ собранной библіотеки, въ которой было, предполагають, до 12000 экземпляровъ (см. въ энциклопедіи Эрша и Грубера статью Даніэля, стр. 142). Трудно представить себѣ, отъ какой массы документовъ, неудобныхъ папству и тогдашнему византійскому правительству, освобождена была исторія въ это позорное время!... Нужно сказать, что когда новымъ католическимъ писателямъ приходится говорить объ этихъ варварскихъ неистовствахъ, они стараются главную отвѣтственность въ нихъ отнести на византійское правительство и на церковную партію ивнатіанъ. Но византійское правительство и константинопольскіе враги Фотія дѣйствовали въ этомъ случаѣ по плану, уже напередъ определенному изъ Рима. Мы видѣли, что папа Николай еще въ 866 году требовалъ, чтобы высылали къ нему въ Римъ неправившіеся ему документы и писанія, угрожая сжечь ихъ въ Римѣ передъ лицомъ всѣхъ народовъ, приходящихъ на поклоненіе св. апостоламъ (см. примѣч. 74, А, б), и на римскомъ соборѣ 869 года уже со всею ужасающе-позорною обстановкой проходила была та церемонія сожженія церковныхъ документовъ, которая потомъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ повторена въ Константинополѣ (см. *выше въ этомъ же примѣчаніи*).

97. Донатъ епископъ остіійскій, Стефанъ епископъ непііскій (*Nepesinus*) и архидіаконъ Маринъ. Два изъ нихъ въ послѣдствіи были папами и вновь проклинали Фотія на папскомъ престолѣ такъ же, какъ и Формозъ, главный въ то время распространитель римскихъ нововведеній въ Болгаріи, которыхъ вызвали обличенія Фотія.

98. Придворные сановники на соборѣ, исполняя волю императора, нѣсколько, впрочемъ, сдерживали крайнюю неприязнь къ Фотію, выражаемую духовными членами собора, какъ въ послѣдствіи и самъ императоръ въ 6 и 7 засѣданіяхъ собора (сравни. примѣч. 59 къ концу). Послѣ собора, во время заточенія Фотіева, наиболѣе выдающійся изъ этихъ придворныхъ сановниковъ собора Ваанесъ въ письмѣ къ Фотію высказывалъ ему увѣренія въ своей преданности, сравнивая себя съ цитаделью страха ради Іудейска ученикомъ Христа—Іосифомъ аримафеевскимъ. На это Фотій отвѣчалъ ему, что когда онъ перестанетъ быть только тайнымъ приверженцемъ его и выкажетъ, какъ Іосифъ при погребеніи Христа, явное расположеніе къ нему, покажетъ себя сыномъ свѣта и дня, тогда только и можетъ сколько нибудь угодоблять себя Іосифу аримафеевскому (у *Валетты* письмо Фотія 122).

99. Что эти мѣстообитатели были не настояще, а подставные, это обличено письмами восточныхъ патріарховъ, присланными на константинопольскій соборъ 879 года и читанными во 2-мъ засѣданіи послѣдняго собора. Впрочемъ, кажется, нельзя слишкомъ строго судить о самозванствѣ приходившихъ съ востока изъ странъ, завоеванныхъ арабами, духовныхъ лицъ, которыхъ безъ полномочія отъ своихъ патріарховъ являлись иногда по желанію императоровъ византійскихъ на соборахъ, созываемыхъ послѣдними. Крайнее положеніе восточныхъ христіанъ въ странахъ, завоеванныхъ арабами, вынуждало ихъ заискивать милостей у самодержцевъ византійскихъ. И, мо-

жесть быть, иногда сами патріархи давали позволенія духовнымъ лицамъ, посылаемымъ въ Константинополь съ какими-нибудь порученіями, наиримѣрь, для сбора милостыни или для переговоровъ о разнѣхъ мѣстныхъ, какъ и въ данномъ случаѣ, являлись на соборахъ, созываемыхъ въ Константинополь, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ своихъ церквей, чтобы усиливать своимъ голосомъ мѣстныя и постановленія, которыя въ извѣстномъ случаѣ въ Константинополь требовалось провести. Занутанность выходила тогда, когда лицамъ, самихъ себя уполномочивающимъ на представительство церковное, приходилось попадать въ Константинополь въ такія времена, когда тамъ шла борьба партій и возникали тенденціи, къ которымъ нужно было прилаживаться противъ совѣсти (какъ и было въ данномъ случаѣ).

100. Митрофанъ Смирскій, ораторствовавшій преимущественно въ шестомъ засѣданіи собора (*Hard.*, V, 824, 831 и дал.). Архимандритъ Оеогностъ, представившій папѣ доносъ на Фотія въ 862 году, также былъ виднымъ агентомъ въ сношеніяхъ между Римомъ и Константинополемъ въ 868—870 годахъ, хотя, конечно, по сану и не могъ быть членомъ собора (*Hanke, De scriptoribus Byzantinis*, pag. 252—256).

101. См. рѣчь Игнатія противъ Фотія въ 7-мъ засѣданіи собора (*Hard.*, V, 872 — 873, если только эта рѣчь дѣйствительно принадлежала Игнатію и точно передана въ актахъ соборныхъ). Но вообще участіе Игнатія не особенно выдавалось на соборѣ; онъ, видимо, находился подъ влияніемъ другихъ. Ораторствовали на соборѣ главнымъ образомъ папскіе легаты, мнимые представители восточныхъ патріарховъ и нѣкоторые изъ свѣтскихъ сановниковъ, — послѣдніе, какъ мы замѣтили, нѣсколько въ смягченіе общему фанатическому тону собора (*примѣч. 59 въ концѣ*).

102. Обвиненія противъ Фотія сосредоточивались главнымъ образомъ около двухъ пунктовъ: возведенія на патріаршество изъ свѣтскихъ сановниковъ и посвященія отъ Григорія сиракузскаго. На тотъ и другой пунктъ обстоятельныя разъясненія, сколько можно было, пытался давать Захарія Халкидонскій въ 6-мъ засѣданіи собора. (*Hard.*, V, 829, 833, 840). Старались еще набросать тѣнь на частную жизнь Фотія, обвинить его въ потворствѣ кощунственнымъ оргіямъ императора Михаила, но это обвиненіе осталось не выясненнымъ и не доказаннымъ (*сравн. примѣч. 18, 31*). „Ни свидѣтелей, ни обвинителей, ни предмета для обвиненія противъ меня не могли они найти, хотя все сверху до низу перерыли и переверочали“, писалъ потомъ Фотій къ пустынику Θεοδοсію (см. у *Валетты* письмо 161, въ которомъ вообще характеристичныя ссѣднія и сужденія о соборѣ 869 года; также выдержки изъ другихъ писемъ у *Миланова*, гл. V).

103. См. въ особенности ашизматствованія Фотію и напегирки на-пакъ Николаю и Адриану, императору Василію и супругѣ его и патріарху Игнатію въ 7-мъ засѣданіи собора (*Hard.*, V, 873; 1083—86, также 837 и въ другихъ мѣстахъ).

104. Въ 4, 7 и 8 засѣданіяхъ собора. Смотри вышеприведенныя (въ примѣч. 71) слова митрополита Кесарійскаго, обращенныя на соборѣ къ императору.

105. Въ 5 и 7 засѣданіяхъ.

106. „Мы сошлись сюда не для того, чтобы судить; мы уже осудили васъ напередъ, и вы должны только покориться нашему осужденію“,—такъ передаетъ Фотійъ клики своихъ судей на соборѣ (у *Валетти* въ письмѣ къ пустыннику Оеодосію, стр. 498; сравн. *Лебедева* „Исторія константинопольскихъ соборовъ“, 71—72). И подобныя сужденія находятся въ самыхъ актахъ соборныхъ: смотри, напримѣръ, заключительный отвѣтъ папскихъ легатовъ на рѣчи Захаріи Халкидонскаго въ 6-мъ засѣданіи: „мы уже довольно заслушали вашихъ пустыхъ возраженій и словопроній; перестаньте уклоняться въ словеса лукавствія, подчинитесь святому собору и спасетесь отъ клятвеннаго осужденія“ и такъ далѣе (*Hard.*, V, 833—834). Также въ 7-мъ засѣданіи: „мы не затѣмъ сошлись здѣсь, чтобы получать отъ нихъ (фотіанъ) укоры и поны, но они должны принимать отъ насъ таковыя“ (*ibid.*, стр. 839).

107. *Hard.*, V, 819.

108. *Ibid.*, 839.

109. *Ibid.*, 873.

110. Свидѣтельство Никиты Пафлагонскаго у *Милл*, *Ser. Graeca*, CV, 545. Исключительные примѣры такого изувѣрства можно указать только въ исторіи западной церкви. См. *Гергенрѣтера*, II, стр. 109, примѣчаніе 47. Гергенрѣтеръ сомнѣвается въ показаніи Никиты, но другіе болѣе рьяные католическіе историки (*Бароній*, *Лаже*) принимали его.

111. См. письма Фотія изъ ссылки къ императору Василию и епископамъ, подвергшимся преслѣдованіямъ вмѣстѣ съ нимъ (*Валетта* 218, 219, 146, 147), сравни *Гергенрѣтера* (V кн., 1, 2, 4 глав.), *Платонова* (5 глава) и другіе.

112. См. выше примѣчаніе 96.

113. *Harduini*, t. V, *Mansi*, XVI; *Labbei*, VIII; Editio regia, XXIII.

114. Опасность утраты угрожала этимъ актамъ еще во время самаго собора. Епископы греческіе, члены собора, хотя и поддавшіеся желаніямъ правительства, собравшаго соборъ, и притязаніямъ папскихъ легатовъ, сами настолько смущены были теченіемъ дѣлъ на соборѣ и тѣми подписками, которыя они дали въ пользу привилегій римской церкви, что обратились къ императору Василию съ просьбою о возвращеніи назадъ этихъ подписокъ, находившихся въ рукахъ легатовъ. Императоръ приказалъ дворцовымъ служителямъ, приставленнымъ къ легатамъ, во время отсутствія послѣднихъ, унести изъ помѣщенія ихъ находившіеся тамъ соборные документы. Но оказалось, что предусмотрительные легаты лишь нѣкоторые, менѣе важные документы хранили у себя, а другіе болѣе важные передали въ болѣе надежныя руки (Анастасію библіотекаря, бывшему въ Константинополѣ посломъ отъ германскаго императора Людовика). Потомъ, при содѣйствіи Анастасія, легаты упростили императора Василия возвратить имъ похищенные бумаги; и императоръ долженъ былъ, хотя и неохотно, исполнить это (*Hergentröther*, II, 148, 149). Но потомъ случилась другая бѣда. Когда соборъ кончился и легаты папскіе съ подарками отъ императора Василия и съ актами соборными отплыли въ Римъ, на нихъ у береговъ Далмаціи напали славянскіе пираты и отняли у нихъ соборные акты. (Что за любознательные были пираты, интересовавшіеся церковными документами? Вѣроятно, они дѣйствовали по тѣмъ же указаніямъ, по каковымъ и въ Константинополѣ часть соборныхъ актовъ была

похищена у легатовъ дворцовыми прислужниками.). Но оказалось, что, хотя подлинныя акты и остались въ рукахъ пиратовъ, списокъ съ нихъ сохранился у Анастасія бібліотекаря, который и представилъ этотъ списокъ папѣ Адріану съ переводомъ на латинскій языкъ (*Hard.*, V, 755—756; *Migne*, CXXVIII, 1394; сравн. *Hergenr.*, II, 160—161). Затѣмъ оказались и другіе списки актовъ того же собора (см. слѣдующее примѣчаніе). Такимъ образомъ въ точности оправдался смыслъ русской пословицы: „что бываетъ нужно ловкимъ людямъ (въ данномъ случаѣ папистамъ—врагамъ Фотія), то и въ водѣ не тонетъ и на огнѣ не горитъ“. А сколько потонуло и погорѣло документовъ, которые могли бы представлять дѣло Фотія съ благопріятныхъ сторонъ?

115. Въ изданіяхъ *Acta Conciliorum* помѣщаются: латинскій переводъ, сдѣланный для папы Анастасіемъ бібліотекаремъ съ находившагося у него греческаго списка (куда дѣвался самый этотъ греческій списокъ, не извѣстно; *Hard.*, V, 749—942); болѣе краткій греческій списокъ съ позднѣйшимъ латинскимъ переводомъ, изданный іезуитомъ Радеромъ (*Hard.*, V, 1025—1107); сокращенное изложеніе исторіи собора 869 г. въ изданіи того же Радера (*Hard.*, V, 1139—1147). Между учеными остается вопросомъ, какой текстъ актовъ соборныхъ болѣе заслуживаетъ предпочтенія—латинскій Анастасія, или греческій Радера. Кажется, ни тотъ ни другой не представляютъ точнаго соответствія дѣйствительности: первый значительно интерполированъ, второй сокращенъ, и, вѣроятно были и, можетъ быть, существуютъ и теперь другіе списки, уклоняющіеся отъ напечатанныхъ (сравн. примѣч. 119). Но въ обоихъ напечатанныхъ спискахъ общій характеръ собора представляется сходно и почти въ одинаковой степени враждебно Фотію. См. *Герценрёттера* IV кн., 4 гл.; *Гейбеля*, § 487; *Герасима Урста* VII гл., стр. 169—170; *Лебедева* „Очерки византійской восточной церкви“, стр. 116, и „Исторія константинопольскихъ соборовъ“, стр. 63—64.

116. Описание дѣятельности собора 869 г. у западныхъ историковъ католическихъ и протестантскихъ, да и у многихъ нашихъ православныхъ (у *Муромцева*, *Лебедева*, *Платонова*, о. *Владимира Гиттѣ*), составляетъ самую видную часть въ біографіи Фотія. Какъ будто соборъ едва ли стоитъ того? Впрочемъ, соборъ представляетъ много данныхъ для характеристики... противниковъ Фотія.

117. Соборъ этотъ считается на западѣ VIII вселенскимъ соборомъ. Такъ онъ назвалъ самъ себя (въ концѣ 10-го засѣданія; *Hard.*, V, 1103), и такъ стали называть его римскіе папы и католическіе писатели (за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями: см. *Герценрёттера*, II, 131—132). Уже Анастасій бібліотекарь въ предисловіи къ актамъ собора представляетъ сложное и хитрое разсужденіе о томъ, что этому собору не можетъ болѣе приличствовать другое названіе, какъ названіе VIII вселенскаго собора (*Hard.*, V, 755). Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что, хотя у католическихъ писателей къ описанію дѣятельности этого собора почти всегда присоединились разсужденія о вселенскомъ значеніи его (см. у *Гейбеля*, IV, § 495; у *Герценрёттера*, II, 125—132), тѣмъ не менѣе въ этихъ разсужденіяхъ чувствуется какая-то нечеловѣчность, и дѣлаются разныя оговорки относительно малочисленности членовъ, недостаточной важности предмета и цѣли собора, а также и относи-

тельно недостаточнаго приличія и достоинства его собраній. Въ сущности же этотъ соборъ не только нельзя назвать *вселенскимъ* соборомъ, но онъ представляеть въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ какую-то народію на церковный соборъ. У нѣкоторыхъ пѣмскихъ церковныхъ историковъ для характеристики неправыхъ или нѣсправедливыхъ соборовъ употребляется неприличное названіе *Afersynode* (тоже, что *conciliabulum* или *pseudocouncilum* у насъ и другихъ римскихъ писателей); если позволительно употребленіе такого термина, то его можно примѣнить развѣ лишь къ такому собору. 1) Этотъ соборъ въ самой постановкѣ и цѣли своей не могъ имѣть общецерковнаго значенія, которое всегда считалось важнѣйшимъ характеристическимъ признакомъ истинныхъ вселенскихъ соборовъ. Здѣсь не было разсужденія о догматѣ, о какомъ либо основномъ принципѣ церковномъ: здѣсь разсматривался, и даже не разсматривался, а былъ разсужденіемъ въ извѣстномъ направленіи рѣшался (срвн. примѣч. 106) частный вопросъ о лицѣ, объ извѣстномъ правителѣ церковномъ, законно или незаконно занимавшемъ патріаршій престолъ, и о приверженцахъ этого лица. Такую постановку дали собору самые его учредители и лица, присутствовавшіе на немъ. А между тѣмъ здѣсь могла представляться важная общецерковная, даже догматическая сторона, еслибы соборъ по существу дѣла вошелъ въ разсужденіе о тѣхъ догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ между восточною и западною церквами, которыя выставилъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 867 г. и еще ранѣе того въ посланіи изъ Константинополя къ Борису болгарскому, надѣлавшемъ столько тревоги въ Римѣ (см. примѣч. 74, в, 88). Но, какъ мы уже сказали, ни римскій, ни константинопольскій соборы 869 г. даже и не коснулись этой важнѣйшей стороны дѣла, затронутой Фотіемъ (примѣч. 96). Почему не коснулись? По всей вѣроятности, потому, что члены римскаго и константинопольскаго соборовъ 869 г. считали для себя неудобнымъ входить въ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ. Пражіе католическіе историки обыкновенно замечивали эту сторону дѣла, весьма важную для разъясненія значенія соборовъ 869 г. *Герцгербертъ* дѣлаеть мимоходомъ (Bd. II, S. 42) такое замѣчаніе, что соборы 869 года, осудивъ личность Фотія, не имѣли надобности входить въ разборъ мнѣній его, высказанныхъ въ страстной полемикѣ противъ Рима; съ осужденіемъ личности папскаго противника, будто бы сами собою осуждались и всѣ мнѣнія его. Удивительное объясненіе! Развѣ Никейскій, Іѳесскій и Халкидонскій соборы, осудившіе лично Арія, Несторія, Евтихія и Діоскура, довольствовались этимъ и не находили нужнымъ (что было главное) подробно изобличать и въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ опровергать ихъ погрѣшительныя мнѣнія? И неужели въ самомъ дѣлѣ римскій и константинопольскій соборы, осудивъ личность Фотія, тѣмъ самымъ отвергли и осудили всѣ его мнѣнія? Въдѣ Фотій вѣровалъ въ Св. Троицу, въ таинство воплощенія, признавалъ семь вселенскихъ соборовъ?... Неужели, съ точки зрѣнія римскаго и константинопольскаго соборовъ, и это все нужно было отвергнуть, потому что Фотій такъ училъ и исповѣдалъ въ иѣсколькихъ составленныхъ имъ изложеніяхъ вѣры? 2) Въ томъ частномъ вопросѣ, который былъ почти исключительнымъ предметомъ сужденія на константинопольскомъ соборѣ 869 г., то-есть, въ вопросѣ о личности и партіи Фотія, не было собственно никакого серьезнаго изслѣдованія и разсмотрѣнія.

Члены собора уже заранѣе, по желанію императора, сошлись съ готовымъ осужденіемъ Фотію (примѣч. 106); въ инструкціи папской, предъявлявшейся епископамъ, призываемымъ на соборъ, осужденіе Фотія и его приверженцевъ напередъ требовалось, какъ условіе sine qua non участія въ засѣданіяхъ собора (*Hard.*, V, 773—775); и все, что далѣе продолжалось въ этихъ засѣданіяхъ, продолжалось только для формы. Развѣ такъ поступали на древнихъ истинныхъ соборахъ? 3) Вообще, константинопольскій соборъ 869 г. не представлялъ въ своихъ совѣщаніяхъ ничего самостоятельнаго, а былъ только сколкомъ предшествовавшаго ему римскаго собора, исполнителемъ его опредѣленій. И послѣ этого можно его назвать вселенскимъ соборомъ съ точки зрѣнія каноническаго права, какова бы то ни было, восточнаго или западнаго? 4) Число членовъ этого собора было до крайности малочисленно. И западные писатели сознаются, что ни на одномъ изъ древнихъ вселенскихъ соборовъ не было такъ мало епископовъ, какъ на этомъ. На первое засѣданіе собора (5 октября 869 г.), куда могли явиться только, такъ сказать, чистые приверженцы патріарха Игнатія, не находившіеся въ общеніи съ Фотіемъ, кромѣ папскихъ легатовъ и (подставныхъ) мѣстооблудителей восточныхъ патріарховъ, — греческихъ собственно епископовъ набралось только 12 человекъ (*Hard.*, V, 764—765). И вотъ будто народная и преобладающая церковная партія Игнатія, — и это уже послѣ двухлѣтняго втораго патріаршества Игнатія! А на соборахъ Фотіевыхъ 861 и 879 г., не говоря уже о соборѣ 867 г., являлось по триста слишкомъ епископовъ, и это, по утвержденіямъ католическихъ писателей, будто схизматическая партія *меньшинства*?! На слѣдующія засѣданія собора 869 г. нашли нужнымъ вербовать членовъ изъ епископовъ, признававшихъ Фотія, и вербовали ихъ въ самыхъ же засѣданіяхъ собора (см. 2 и 3 засѣданія) и въ промежутки между засѣданіями (которые для этого дѣлались продолжительные), — вербовали съ одной стороны угрозами и прещеніями, съ другой обольщеніями и снисхожденіями. На священниковъ, діаконовъ и низшихъ клириковъ, соглашавшихся отъ Фотія перейти на сторону его противниковъ, все-таки накладывалась какая нибудь епитимія — нѣкоторое воздержаніе въ пищѣ, по 50 поклоновъ въ день, воспрещеніе священнослуженія на 2 съ половиною мѣсяца; а епископовъ, отступавшихся отъ Фотія, прямо тутъ же зачисляли членами собора и судіями доселѣ признаваемаго ими патріарха (*Hard.*, V, 785—788). Но и такимъ мѣры имѣли мало успѣха: на второмъ засѣданіи собора явилось съ небольшимъ 20 епископовъ; на третьемъ и четвертомъ почти то же число; на пятомъ, шестомъ, седьмомъ, восьмымъ прибавлялось, можетъ быть, по пятьку; лишь въ девятомъ засѣданіи послѣ трехмѣсячнаго промежутка, во время котораго производилась усиленная вербовка членовъ, число присутствовавшихъ епископовъ успѣли довести до семидесяти и на десятомъ послѣднемъ до ста съ небольшимъ. (Члены, бывшіе на засѣданіяхъ собора, записаны въ самыхъ *актахъ соборныхъ съ началомъ каждой засѣданія*). Жалкій соборъ! Католическіе писатели стараются всячески скрасить эту его левзвращную сторону такими, напримѣръ, разсужденіями, что внутреннее значеніе соборовъ не можетъ опредѣляться вѣдущемою численностью его членовъ. Конечно, хотя это и не католическій принципъ: но все же собраніе въ двадцать-тридцать человекъ едва ли можетъ быть

названо вселенскимъ соборомъ? Или, сознаваясь, что по числу членовъ соборъ противъ Фотія никакъ не могъ сравняться съ соборами Фотіевыми, и что ни на одномъ изъ вселенскихъ соборовъ не было такъ мало епископовъ, *Гермендтеръ* оговаривается (Вд. II, 127), что, конечно, соборъ могъ бы собрать большее число членовъ (какими же еще мѣрами?), еслибы захотѣлъ импонировать числомъ, но онъ остался вѣрны строгимъ принципамъ (какими это?).... 5) При всей малочисленности членовъ собора 869 г., между ними совершенно не было единомыслия, которое также всегда почиталось существеннымъ условіемъ истинныхъ соборовъ. Членовъ собора 869 г. собственно объединяло только одно, что уже указано было ими нанередъ, стремленіе по что бы ни стало осудить Фотія и его приверженцевъ, не хотѣвшихъ измѣнить ему. Да и тутъ, какъ мы уже сказали, между свѣтскими сановниками и духовными членами собора замѣчалось раздвоеніе: послѣдніе желали самыхъ фанатическихъ мѣръ, первые старались нѣсколько сдерживать ихъ (примѣч. 59 къ концу). Въ разсужденіяхъ же собственно церковныхъ между восточными членами собора и западными легатами черезъ всѣ засѣданія собора проходить живое разногласіе: послѣдніе стараются запросить какъ можно болѣе, первые дать какъ можно менѣе. Легаты стараются провести теорію *папскаго абсолютизма* во всей ея широтѣ; греческіе члены стараются противопоставить имъ, хотя слабую и несильную, теорію *церковной неимпартности и автономности* отдѣльныхъ патріаршествъ (сравни объ этомъ предметѣ рѣчи папскихъ легатовъ съ залегенными греческихъ членовъ собора, свѣтскихъ и духовныхъ, у *Гермендтера*, IV кн., 8 гл.). Можеть быть, съ этой стороны соборъ оказался и нѣсколько полезнымъ для восточной церкви. Греческіе епископы изъ партіи, начинавшей питать предрасположеніе къ римской церкви (см. примѣч. 6), здѣсь воочію должны были увидѣть, до чего могутъ простираться римскія притязанія, если поддаться имъ. Можеть быть, поэтому отчасти члены собора и опасались въ своихъ разсужденіяхъ касаться общихъ, помимо осужденія Фотіева, серьезныхъ церковныхъ вопросовъ, чтобы до времени не обнаруживалось еще болѣе это внутреннее разномысліе. Но уже въ полной силѣ это равномысліе высказалось въ добавочныхъ разсужденіяхъ членовъ собора по вопросу о юрисдикціи болгарской церкви (см. слѣдующ. 118 примѣч.). Здѣсь легаты папскіе прямо уже высказали внушительное предостереженіе патріарху Игнатію (*Migne, Series Lat.*, CXXVIII, 1394), а дагѣ патріархъ Игнатій, при разности направленій восточной и западной церковной политики, еслибы не умеръ въ 877 г., несомнѣно дождался бы отъ папы такихъ же ищреній и проклятій, какія постигли его соперника Фотія (см. письма папъ Адріана и Іоанна VIII въ Константинополѣ, касавшіяся болгарскаго вопроса: *Hard.*, V, 939; VI, 1, 20—22).... Въ частныхъ отношеніяхъ между греческими и римскими членами собора, въ засѣданіяхъ соборныхъ, также не было и тѣни взаимнаго расположенія и довѣрія: одни жаловались на послѣднихъ, какъ на притѣснителей, другіе притѣялись отъ первыхъ, какъ отъ воровъ (*Гермендтеръ*, II, 148—149). 6) Въ самомъ вѣшнемъ порядкѣ и веденіи засѣданій соборныхъ допускались всякія безобразія. Законной свободы совѣщаній на соборѣ 869—870 г. совсѣмъ не было. По отношенію къ подсуднымъ допускались крайнія несправедливости и насилія; при допросахъ нарушались установившіеся церковные обычаи. Фо-

тія привлекали на соборъ безъ соблюденія церковнаго правила, которымъ требовалось и обвиняемыхъ епископовъ призывать къ суду чрезъ епископовъ же (см. 5 засѣданіе собора: *Hard.*, V, 818—819; Фотіѣ, котораго называли тиранномъ, сообщалъ это правило и на соборѣ 861 г. по отношенію къ Игнатію, и на соборѣ 879 г. по отношенію къ Митрофану смирскому). Держали на сухѣ Фотіѣ и его приверженцевъ по шести—по девяти часовъ, не позволяя имъ сѣсть и подвергая ихъ насмѣшкамъ и поруганіямъ; кругомъ стоялъ отрядъ воиновъ, вооруженныхъ мечами и грозившихъ обвиняемымъ смертью за всякое свободное слово (см. выше указанное письмо Фотіѣ къ отшельнику Θεοδοσκo: *Вал.*, 161). Приверженцамъ Фотіѣ, желавшимъ защищать его, не давали говорить; рѣчи ихъ заглушали и прерывали и самихъ ихъ прогоняли съ собора (въ 4-мъ засѣданіи). Въ 6-мъ засѣданіи императоръ, не заявленіи приверженцевъ Фотіѣ, что имъ не даютъ свободно говорить, позволялъ было имъ защищать свое дѣло, и Захарія халкидонскій, воспользовавшись даннымъ позволеніемъ, успѣлъ было сказать обстоятельную рѣчь; но когда опъ, послѣ возраженій Митрофана смирскаго, въ другой разъ хотѣлъ говорить, легаты римскіе прямо закричали: „довольно намъ слушать эти пустыя и бесполезныя для дѣла прекословія“ (*Hard.*, V, 833, 1061)“. О варварскомъ соженіи на соборѣ множества важныхъ церковныхъ документовъ и рукописей мы уже говорили (примѣч. 96). И вотъ вселенскій соборъ? По истинѣ это не соборъ, а позорищное дѣйствіе, народія на соборѣ!.. Мы высказывали выше негодованіе на панистовъ за то, что они уничтожили болѣе важные памятники для исторіи Фотіѣ и сохранили акты этого собора. Постараемся отнестись къ дѣлу отрѣшеніѣ отъ прямыхъ непосредственныхъ впечатлѣній и скажемъ *спасибо* тѣмъ, которые сохранили до позднѣйшихъ временъ акты собора 869—870 г. Если эти акты мало даютъ матеріала для положительнаго разъясненія исторіи и значенія Фотіѣ, за то позорный характеръ и темныя тенденціи *противниковъ Фотіѣ* для имѣющихъ очи видѣть раскрываются здѣсь во всей ясности. И, можетъ быть, панистическіе писатели о сохраненіи актовъ этого-то собора скоро станутъ жалѣть болѣе, чѣмъ о томъ, что вопреки ихъ стараніямъ уцѣлѣли для исторіи нѣкоторые изъ памятниковъ, благопріятныхъ Фотію (напримѣръ, акты собора 879 г.). Пусть безпристрастный читатель прочтетъ описанія дѣяній собора 869 года, — чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше (напримѣръ, у Гергенрѣтера и всего лучше въ самыхъ *Acta Conciliorum*), и скажетъ, какое впечатлѣніе остается у него отъ этихъ описаній, не смотря на всѣ замазыванія и сглаживанія темныхъ сторонъ собора и на всѣ, хотъ и хитрыя на видъ, но въ сущности тупыя восхваленія и разсужденія о вселенскомъ значеніи его. Это начинаютъ, кажется, нѣсколько понимать болѣе проникательные изъ католическихъ историковъ: у Гефеле, Пихлера, Гергенрѣтера сквозь наружныя восхваленія и хитрыя скрашиванія неприглядныхъ дѣяній собора даетъ себѣ чувствовать не мѣстамъ скорбная пропія, и открыто она высказывается у наиболѣе свободнаго и критическаго изъ католическихъ историковъ—Гфрѣрера (который, какъ извѣстно, перешелъ въ католическій лагерь изъ рационалистовъ тубингенцевъ). Касаясь нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ исторіи этого собора (*Allgemeine Kirchengeschichte*, III Band, 1 Abtheil., Ss. 285—288), опъ прямо говоритъ, что даѣе не могли идти ллцедріе и изувѣрство, и что этотъ соборъ составляетъ позоръ

для учреждавшихъ его и присутствовавшихъ на немъ. (Еще ранѣе одинъ изъ протестантскихъ писателей, *Геймекій*, прямо называлъ соборъ 869 г. *нехристианскимъ сборищемъ*: *Abbildung d. Griechischen Kirche*, Leipzig, 1711 года, стр. 157). Впрочемъ, и здѣсь... у неистощимыхъ въ хитрости католическихъ писателей является новая (пейсусная, впрочемъ) увертка. Стараются наиболѣе позорныя дѣйствія собора 869 г. записать на счетъ грекамъ же игнатіанамъ: забываютъ или представляются забывающими, что главными заправителями соборныхъ дѣяній и совѣщаній были представители изъ Рима, и что греки — игнатіане дѣйствовали по ихъ программѣ и руководству. Постараемся, наконецъ, отнестись къ дѣлу со всею возможною объективностью. Если хоть что нибудь можно отмѣтить положительное въ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ собора 869 г.: то это, во первыхъ, то, что соборъ подтвердилъ осужденіе иконоборцевъ (въ 8-мъ засѣданіи), во вторыхъ, то, что онъ постановилъ нѣсколько полезныхъ правилъ противъ незаконныхъ вторженій свѣтской власти въ дѣла церкви, особенно въ назначеніе епископовъ. (См. въ 10 засѣданіи *Hard.*, V, 899 — 912, 1093 — 1103; сравн. *Гершенкретера*, II, 68 — 70, 120 — 124; *Лебедева* „Истор. констант. соборовъ“, 133 — 134). Но и здѣсь опять-таки мы должны сдѣлать нѣкоторыя оговорки. а) Мысль о необходимости еще разъ подтвердить осужденіе иконоборцевъ, безъ сомнѣнія, перехвачена членами собора у того же осужденнаго и проклятаго ими Фотія и, можетъ быть, съ практическою цѣлью, какъ предполагаетъ Гфререръ (стр. 284), дать хоть какую нибудь популярность столь несочувственному въ глазахъ грековъ собору. Только не совсѣмъ хорошо было со стороны собора 869 г. обосновать рѣшеніе по этому предмету на опредѣленіи папы Николая 863 г. (*Hard.*, V, 880), а не на опредѣленіи вселенскаго собора 787 г. Со стороны легатовъ здѣсь, можетъ быть, сказалась намѣренная тенденція поставить авторитетъ папскій выше авторитета вселенскихъ соборовъ, но со стороны греческихъ епископовъ допущеніе такой постановки дѣла было рѣшительнымъ недомыслиемъ и униженіемъ преданій восточной церкви (какого, конечно, никакъ не оставилъ бы безъ протеста Фотій). Впрочемъ, и здѣсь оказался хоть тотъ полезный результатъ, что, признавъ свой новый соборъ VIII вселенскимъ соборомъ, римскіе легаты тѣмъ самымъ и со стороны римской церкви признали авторитетъ VII вселенскаго собора, чего, какъ мы видѣли, римская церковь не признавала еще и на своемъ соборѣ 863 года, хотя объ этомъ и заявлялъ ей Фотій въ самомъ первомъ письмѣ къ папѣ Николаю (см. примѣч. 94); и когда Авастасій бібліотекарь представлялъ папѣ Адріану латинскій переводъ или передѣлку актовъ собора 869 г., папа приказалъ ему перевести и акты собора 787 г. (*Migne*, Ser. Lat. CXXIX, col. 195 — 198); хоть и то благо. б) Что касается до постановленныхъ соборомъ правилъ противъ вторженія свѣтской власти въ дѣла

¹⁾ Замѣчательно то, что въ латинскомъ спискѣ дѣяній собора 869 г. число постановленныхъ на немъ правилъ вдвое болѣе, чѣмъ въ греческомъ (27 и 14); и эту разницу въ числѣ и самой редакціи правилъ нѣкоторые католическіе же писатели объясняютъ такъ, что одна редакція составлена была въ руководство греческой церкви, а другая для представленія папѣ.

церковныя, то это безспорно были правила хорошія, изъ какого бы источника они ни возникали и по какимъ бы побужденіямъ ни были постановлены (какъ и на антиохійскомъ полуаріанскомъ соборѣ 341 г. постановлены были очень многія хорошія правила, принятія православною церковью). Но значеніе этихъ постановленныхъ соборомъ 869 г. правилъ осталось совершенно теоретическое и на дальнѣйшее развитіе церковно-государственныхъ отношеній на востокѣ не имѣло вліянія, можетъ быть, потому отчасти, что самый источникъ, изъ котораго вышли эти правила, навсегда остался въ глазахъ грековъ съ позорною памятію. Совершенно справедливо сознается Гергенрёттеръ въ концѣ описанія дѣяній собора 869 г. (Bd. II, 540), что „соборъ этотъ совершенно былъ забытъ греками, и правила его остались безъ всякаго примѣненія; ни одинъ греческій канонистъ не комментируетъ ихъ, ни одинъ юридическій сборникъ не представляетъ ихъ текстовъ“. Такова была судьба собора 869—870 г. на Востокѣ, и эта судьба была вполне заслужена соборомъ,—заключаетъ по этому поводу русскій церковный историкъ (*Лебедевъ*, „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“, стр. 136).

118). Черезъ три дня по окончаніи собора (то-есть, послѣ 28-го февраля 870 г.) императоръ Василій пригласилъ папскихъ легатовъ, патріарха Игнатія, такъ называемыхъ мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ, съ другими членами собора, еще разъ собраться на дополнительное совѣщаніе во дворцѣ, для рѣшенія вопроса о томъ, какому патріарху должна подчиняться въ церковномъ отношеніи вновь устроаемая болгарская церковь, римскому или константинопольскому? И Римъ и Константинополь простирали свое вліяніе и виды на Болгарію; и болгарскій князь Борисъ нарочито прислалъ своихъ пословъ на созванный въ Константинополь соборъ для разъясненія этихъ отношеній. Мѣстоблюстители восточныхъ патріарховъ, какъ посредники между спорящими сторонами, основываясь на заявленіи самихъ болгарскихъ пословъ, что страна, ими занимаемая, издавна, еще до пришествія въ нее болгаръ съ сѣверо-востока, находилась въ сношеніяхъ съ греками, и между христианами, обитающими въ ней, издавна были греческіе священники, — рѣшили этотъ вопросъ такъ, что, конечно, и теперь Болгарія въ церковномъ отношеніи не кому другому должна подчиняться, какъ константинопольскому патріарху. Легаты римскіе протестовали противъ такого рѣшенія и вступили въ горячій споръ съ восточными мѣстоблюстителями, заявивъ въ концѣ засѣданія патріарху Игнатію, что онъ, только что утвержденный милостію папскою въ патріаршихъ правахъ, и опять можетъ лишиться ихъ, если осмѣлятся вышвырнуться въ то, что по праву принадлежать римской церкви. Но на заявленіи легатовъ не обратили вниманія, и патріархъ Игнатій послѣ собора послалъ отъ себя греческихъ епископовъ и священниковъ въ Болгарію. Такъ рѣшенъ былъ вопросъ о правѣ юрисдикціи надъ болгарскою церковью при князѣ Борисѣ. Конечно, это рѣшеніе не могло имѣть твердаго каноническаго значенія, такъ какъ и весь соборъ 869—870 г. не имѣлъ такого значенія, и означенное дворцовое засѣданіе по болгарскому вопросу было лишь добавочнымъ засѣданіемъ собора, и судившіе на этомъ засѣданіи восточные мѣстоблюстители послѣ признаны были не настоящими мѣстоблюстителями: но рѣшеніе вопроса о высшей юрисдикціи надъ болгарскою церковью всегда болѣе опредѣлялось историческимъ ходомъ дѣлъ,

чѣмъ калоническими рѣшеніями. Суть дѣла въ томъ, что болгары по своимъ нравственнымъ сочувствіямъ и народнымъ традиціямъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, утвердились на сторонѣ православной восточной церкви, а не латинской западной. См. объ этомъ эпизодѣ различныя сужденія у православныхъ писателей — *Муравева, Филарета, Зернина, Лавровскаго, Голубинскаго, Соколова, Лебедева, Платонова*; у католическихъ — *Гегеле, Герценрейтера, Лихтера, Гфререра*. (Послѣдній въ засѣданіи по болгарскому вопросу полагаетъ главный центръ тяжести всей исторіи собора 869—870 г. и на основаніи состоявшагося здѣсь рѣшенія дѣлаетъ такой выводъ, что, не смотря на все видимое торжество римлянъ на этомъ соборѣ, греки въ концѣ концовъ все-таки провели ихъ. *Gfrörer, Kirchengeschichte, III B., 1 Abtheil., S. 288*).

119. Анастасій библіотекаръ самъ присутствовалъ на томъ засѣданіи собора 870 года, гдѣ обсуждался болгарскій вопросъ. Поэтому, кажется, всего естественнѣе было бы ожидать, что онъ дастъ обстоятельный протоколъ этого засѣданія, какъ далъ протоколы предшествовавшихъ десяти соборныхъ засѣданій, или, по крайней мѣрѣ, подробно опишетъ его въ предисловіи или послѣсловіи къ актамъ собора. Но ни того, ни другаго не случилось. Въ самыхъ *актахъ собора* добавочное болгарское засѣданіе онъ совсѣмъ пропустилъ. Въ *предисловіи* къ актамъ говорить о немъ, но кратко, смутно, не столько какъ историкъ описывая дѣло, сколько какъ полемистъ распространяясь о томъ, что означенное засѣданіе не имѣло законнаго значенія, и сказанное на немъ восточными викаріями было несправедливо. Въ концѣ же *предисловія* онъ дѣлаетъ читателямъ такое знаменательное предостереженіе, что, кромѣ представляемаго имъ папѣ латинскаго кодекса соборныхъ актовъ, есть еще греческій кодексъ, въ которомъ многое, особенно о болгарскомъ засѣданіи собора, изложено пространнѣе; „но этому кодексу, если бы онъ пашелся, не пужно довѣрять, такъ какъ онъ исполненъ *адомъ лжи* (*totum est mendacii venonis infectum*; *Hard., V, 760*)“. Что это за кодексъ такой, остается доселѣ неизвѣстнымъ? Обнародованный Радеромъ греческій кодексъ не пространнѣе, а короче Анастасіева, и въ немъ о болгарскомъ засѣданіи, какъ и въ Анастасіевомъ кодексѣ, нѣтъ ничего. Продолжатель Анастасія, аббатъ Вильгельмъ, оказался пѣсколько откровеннѣе предшественника (*Vita Adriani: Migne, Ser. Latina, CXXVIII, 1391—1394*). Онъ довольно отчетливо описалъ, что говорили на добавочномъ засѣданіи собора 870 года болгарскіе послы, посточные мѣстоблюстители и папскіе легаты, но, конечно, не все и, конечно, наклоня свой разказъ къ римской точкѣ зрѣнія. Бароній въ своихъ *лѣтописяхъ* (*Annales X ad ann. 869*) излагаетъ содержаніе болгарскаго совѣщанія еще иначе, неизвѣстно откуда заимствуя свои сообщенія... Вотъ изъ какихъ источнковъ получаемъ мы свѣдѣнія о рѣшеніи болгарскаго вопроса и вообще о всемъ соборѣ 869—870 г. Очень жаль, что не сохранился до насъ тотъ списокъ актовъ собора, который, по выраженію Анастасія, *былъ исполненъ адомъ лжи*... Отчего же, однако, другіе сохранились, а этотъ не сохранился? Хотѣ бы въ вариантахъ или въ приложенияхъ издалъ какой нибудь новый редакторъ *Acta Conciliorum* тѣ добавки и разнорѣчія, которыя представлялъ этотъ кодексъ сравнительно съ кодексомъ Анастасія!...

120. Патріархъ Игнатій, по показанію Никиты пафлагонскаго (*Migne, CV,*

557), скончался 23 октября, въ день св. Апостола Іакова, брата Господня. Фотій на третій день послѣ того вступилъ на патріаршество. Но въ которомъ году это было—въ 877 или 878, относительно этого есть нѣкоторыя неясности и разногласія, въ разсмотрѣніе которыхъ мы не входимъ. Смотри у *Герсепера*, Bd. II, 286—291.

121. Акты собора 879—880 напечатаны: въ *Tύπος χαρά*; патріарха *Досиея*, *Ῥήμις*. 1705, сѣл. 33—109; у *Гардуина*, t. VI, p. I, 213—342; у *Манси*, t. XVII, 374—523. Впрочемъ, нѣкоторые документы, относящіеся къ этому собору, напечатаны ранѣе у *Гардуина*, t. V, 1165—1196, 1210; у *Манси*, t. XVI, 502 seq.; и еще ранѣе у *Баронія* въ сокращенной латинской передѣлкѣ (ad ann. 879), у *Флери* въ французскомъ извлеченіи (livr. LIII, 12) и у *Бесериджа* (*Pandecta canonum*, t. II, p. II, p. 273 seq.).

122. *Гифеле* называетъ этотъ соборъ триумфомъ дѣятельности патріарха Фотія (*Conciliengeschichte*, IV, 465); *Герсеперъ* говоритъ, что соборъ 879 г. представлялъ собою такое импозантное зрѣлище, какого не бывало со времени халкидонскаго собора (Bd. II, 462).

123. Соборъ державъ былъ въ церкви св. Софіи. На немъ присутствовало болѣе 380 епископовъ; председательствовалъ Фотій; за нимъ слѣдовали три павскіе легата (Павелъ епископъ авконскій, Евгенийъ остійскій и кардиналъ-пресвитеръ римскій Петръ; первые два прибыли въ Константинополь еще ранѣе съ письмами отъ папы къ патріарху Игнатію; пресвитеръ Петръ Іоанномъ VIII специально присланъ на соборъ съ письмами и полномочіями папскими), три представителя отъ восточныхъ патріархатовъ съ подлинными письмами патріарховъ (которые потомъ были предъявлены на соборѣ во 2, 3 и 4 засѣданіяхъ), восемьдесятъ митрополитовъ и множество другихъ епископовъ изъ церковныхъ округовъ понтіискаго, оракійскаго, ефесскаго, илирійскаго и нижнеиталійскаго, причислявшіеся тогда къ Константинопольскому патріаршеству. (Между епископами, присутствовавшими на соборѣ 879 года, *Герсеперъ* (II, 450) насчитываетъ болѣе пятнадцати такихъ, которые были прежде на сторонѣ противной Фотію и подписались подъ опредѣленіями собора 869 года, но потомъ присоединились къ огромному большинству признававшихъ Фотія). Императоръ не явился въ первыхъ пяти засѣданіяхъ собора, чтобы, какъ послѣ оныя объяснилъ (*Hard.* VI, 1, 333), не стѣснять свободы соборныхъ совѣщаній и не давать повода къ какимъ либо нежелательнымъ толкамъ; только на шестое засѣданіе оныя пригласилъ во дворецъ старѣйшихъ членовъ собора, чтобы предложить на обсужденіе важнѣйшее изъ дѣлъ, подлежащихъ совѣщанію, относительно котораго оныя, вѣроятно, напередъ условились съ Фотіемъ, какъ будетъ сказано ниже. Чтобы устранить всякое предположеніе о какомъ либо влияніи на членовъ собора со стороны придворной среды, на соборѣ не было никого изъ свѣтскихъ сановниковъ.

124. По внутреннему характеру этотъ соборъ, въ противоположность предшествовавшему константинопольскому собору 869 года, отличался замѣчательнымъ единодушіемъ присутствовавшихъ на немъ, въ особенности греческихъ епископовъ, восторженно-сочувственнымъ отношеніемъ къ председательствовавшему Фотію, замѣчательною стройностью совѣщаній, мѣткостью и опредѣленностью рѣшеній. Писатели, не расположенные къ Фотію, склонны

все это объяснять его хитростью, предварительнымъ соглашеніемъ и искусственною поддѣлкою. Но такое объясненіе само является очень искусственнымъ. Нельзя было предварительно подстроить отвѣты и разсужденія на всѣ вопросы, предлагавшіеся на соборѣ иногда случайно и неожиданно, преимущественно со стороны римскихъ легатовъ, еслибы у членовъ собора греческихъ не было внутренняго единомыслія и ясно и твердо составившихся убѣжденій относительно тѣхъ предметовъ, о которыхъ нужно было разсуждать на соборѣ. Здѣсь нужно признать не мелочную хитрость и расчетливость, а сильное нравственное вліяніе и умственное превосходство въ соединеніи съ твердостью убѣжденій и правотою стремленій предсѣдательствовавшаго на соборѣ, которому не могли не подчиняться всѣ присутствовавшіе, и которому въ концѣ концовъ, при всѣхъ предубѣжденіяхъ и особенныхъ тенденціяхъ, должны были поддаться и римскіе легаты, какъ будетъ разъяснено далѣе.

125. Мы не можемъ прямо формулировать цѣль собора 879—880 года на основаніи самыхъ пригласительныхъ писемъ, посланныхъ императоромъ и Фотіемъ къ папѣ и восточнымъ патріархамъ (писма эти не сохранились до насъ); но мы опредѣляемъ эту цѣль сообразно съ содержаніемъ актовъ соборныхъ и нѣкоторыми особенно знаменательными рѣчами отдѣльныхъ членовъ собора (Иліи, мѣстоблжистителя іерусалимскаго, Іоанна ираклійскаго, Проконія косарійскаго, Захарія халкидонскаго и другихъ). Папа Іоаннъ VIII, получивъ отъ императора приглашеніе на соборъ, хотѣлъ, какъ Николай I предъ соборомъ 861 года, содержаніе его перетолковать въ пользу особеннаго значенія римской ксеедры, то-есть, ему хотѣлось смыслъ этого приглашенія истолковать для себя такъ, что его, какъ верховнаго главу церкви, просить прислать легатовъ въ Константинополь, въ качествѣ предсѣдателей и судей, для рѣшенія дѣла объ упразднившейся по смерти Игнатія константинопольской ксеедрѣ, о возстановленіи Фотія, который будто, по слухъ состоявшихся надъ нимъ опредѣленій предшествовавшихъ папъ Николая и Адріана, не могъ занять престола безъ папскаго разрѣшенія, и о подчиненіи Фотію противившейся партіи игнатіанъ, которую будто въ Константинополѣ также не могли обуздать безъ пособія папы. Папа въ такомъ смыслѣ и написалъ свои отвѣтныя письма императору и Фотію и составилъ письменную инструкцію для легатовъ, назначенныхъ къ присутствованію на соборѣ, и, вѣроятно, устно наказалъ легату Петру всячески проводить въ совѣщаніяхъ ту мысль, что Фотій возстановляется на престолѣ властію папскою, съ разрѣшенія папы, и чтобы онъ самъ заявилъ объ этомъ на соборѣ, какъ объ особенной къ нему милости папской, обязавшись засвидѣтельствовать за то благодарность римской церкви самымъ дѣломъ (уступкою болгарской страны въ римское церковное управленіе), и чтобы такая милость папская къ Фотію, въ виду особенныхъ достоинствъ послѣдняго, на будущее время оставалась не въ примѣръ прочимъ, чтобы на будущее время все-таки въ константинопольской церкви не возводились на патріаршую ксеедру лица свѣтскія и не принадлежащія къ клиру константинопольской церкви. Все это и выражено было въ письмахъ папы, присланныхъ въ Константинополь, въ 3, 4, 8 и 9 пунктахъ инструкціи, данной легатамъ (см. 3-е засѣданіе собора), и также въ 1, 2 и 3 предложеніяхъ, заявленныхъ самими легатами (въ четвертомъ засѣданіи). Какъ вы-

раженіе папскаго благоволенія къ возстановленію Фотію, поручено было легатамъ торжественно на соборѣ передать ему присланное отъ папы облаченіе, очевидно, не какъ простой подарокъ отъ одного епископа другому, а по утверждавшемуся тогда римскому обычаю, какъ *palium*, посылаемый отъ верховнаго главы вселенской церкви старшему правителю мѣстной церкви. Но увы!... Легаты папскіе, кажется, ревностно пытались выолнить данное имъ порученіе и на всѣхъ засѣданіяхъ собора старались выдерживать тонъ, заданный папою; но на каждомъ шагѣ они должны были чувствовать неловкость своего положенія, сбиваться съ тона, даннаго изъ Рима, и невольно переходить въ тотъ тонъ, который сразу сдѣлался преобладающимъ на открывшемся соборѣ. Фотій, не вступая прямо въ полемику съ римскими притязаніями, что и не согласовалось бы съ главною тогда его цѣлью—цѣлью примиренія, и по временамъ расточая даже лестные для легатовъ комплименты римской каедрѣ, умѣлъ устроить дѣла такъ, что другими членами собора неумѣстнымъ римскимъ притязаніямъ на каждомъ шагѣ дѣлались отпоры въ приличныхъ, но твердыхъ заявленіяхъ. Прежде всего уже до собора легаты должны были встрѣтить въ Константинополѣ тотъ готовый фактъ, что Фотій, для возстановленія котораго на патріаршество они прибыли въ Константинополь, занималъ патріаршій престолъ цѣлый годъ, или (что представляется болѣе вѣроятнымъ) даже два года; слѣдовательно, по отношенію къ нему посланники папы и не могли явиться въ роли возстановителей. На открывшемся соборѣ Фотій явился предсѣдателемъ; слѣдовательно, право предсѣдательства никакъ не могло быть усвоено римской каедрѣ. На открытіе собора легатовъ не допустили прямо, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы послѣ не стали толковать гдѣ, что легаты открывали соборъ: оставили ихъ при началѣ соборнаго засѣданія за дверьми и потомъ уже, по докладу протонотарія соборнаго, съ разрѣшенія Фотія, они введены были на соборъ и приняты Фотіемъ съ обычными церемоніями, какъ принимались уполномоченные и отъ другихъ патріарховъ. Когда потомъ легаты, засвидѣтельствовавъ передъ Фотіемъ расположеніе и любовь папы, поднесли ему присланное отъ папы облаченіе, оно принято было, какъ братскій подарокъ, а не какъ *символъ власти*, сообщаемый отъ высшаго правителя подчиненному; присутствующіе на соборѣ греческіе епископы, какъ бы просто изъ любопытства, стали разсматривать этотъ подарокъ, восхваляя любезность папы къ Фотію. Когда легаты (въ особенности пресвитеръ Петръ, выступавшій на соборѣ болѣе другихъ, какъ главный уполномоченный папы) пытались заявить, что они присланы изъ Рима для возстановленія единенія въ церкви восточной и утвержденія Фотія на патріаршествѣ, греческіе епископы (Іоаннъ ираклійскій, Захарія халкидонскій, Проконій кесарійскій, пресвитеръ Ілія, уполномоченный іерусалимскаго патріарха) дали имъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: „Единеніе въ церкви восточной стоитъ твердо; Фотій всѣмъ признается законнымъ патріархомъ; онъ возвращенъ на престолъ по согласію восточныхъ патріарховъ и единодушному желанію императора, епископовъ и народа; всѣ восточные патріархи и епископы Константинопольскаго округа находятся съ нимъ въ общеніи. А если остаются въ церкви константинопольской нѣкоторые отщепенцы, не желающіе соединиться съ законнымъ патріархомъ и ссылающіеся на авторитетъ рим-

ской церкви, осудившей его, на приговоры папъ Николая и Адриана, на подписки противъ Фотія, данныя собору 869 года: то это ближайшее дѣло уполномоченныхъ папскихъ — образумить такихъ отщепенцевъ, оправдать и очистить честь римской церкви отъ несправедливыхъ для нея нареканій и отъ несправедливыхъ приговоровъ и дѣйствій, произведенныхъ по отношению къ Фотію въ прежнее время. И если римская церковь замедлила сравнительно съ другими восточными церквами вступить въ общеніе съ Фотіемъ, потому что, находясь въдали, не имѣла возможности скоро узнать его и предубѣждена была противъ него ложными слухами: то теперь, когда она желаетъ возстановить общеніе, пужно возблагодарить Бога, который и въ единодесятый часъ пришедшихъ пріемлетъ. Такимъ образомъ созданный соборъ получаетъ особенное значеніе не для восточныхъ церквей, которыя давно все изслѣдовали и пришли къ тому убѣжденію, что имъ милость Божія является въ единеніи съ патриархомъ Фотіемъ, а главнымъ образомъ для западной церкви, которой дается возможность возстановить правильныя отношенія къ Фотію и къ другимъ христіанскимъ церквамъ. Легаты папскіе въ различныхъ засѣданіяхъ собора нѣсколько разъ переспрашивали объ обстоятельствахъ возстановленія Фотія на патриаршествѣ и отношеніяхъ къ нему другихъ восточныхъ церквей, и каждый разъ получали отъ членовъ собора согласныя отвѣты въ томъ же тонѣ и смыслѣ, лишь варьируемые въ различныхъ выраженіяхъ, такъ что въ концѣ концовъ имъ ничего и не оставалось болѣе, какъ сказать (что и было сказано пресвитеромъ Петромъ во второмъ засѣданіи): „пана послагъ насъ утвердить единеніе церкви константинопольской; но, если это единеніе, какъ оказывается изъ вашихъ словъ, уже совершилось, и Фотій принять, какъ патриархъ, то возблагодаримъ Бога, подателя мира“ (*Harduin*, VI, p. I, col. 244; сравн. *Лебедева* „Исторію константинопольскихъ соборовъ“, стр. 168). Послѣ этого, конечно, уже не могло быть на соборѣ и рѣчи о какомъ либо заявленіи со стороны Фотія (въ силу 4-го пункта папской инструкціи), что онъ возстановляется на престолѣ *милостиво и снисходительно* папскою, что онъ испрашиваетъ *прошеніе* у папы за прежнее (незаконное съ римской точки зрѣнія) патриаршествованіе, и что онъ *обязуется* благодарить папу за оказываемую милость особенными въ пользу римской церкви уступками. Когда легаты по 9-му пункту папской инструкціи стали заявлять о перечисленіи Болгарской церковной области въ округъ римскаго папы, имъ отвѣчали (въ 3 и 4 засѣданіяхъ собора), что это дѣло не подлежитъ соборному рѣшенію, а императорской власти (какъ заявлялъ Фотій папѣ Николаю и въ 861 году). Когда, согласно съ 8-мъ пунктомъ папской инструкціи, легаты потребовали, чтобы константинопольская церковь обязалась впредь не возводить на патриаршество лицъ изъ мірскаго состоянія и изъ не принадлежащихъ къ клиру константинопольской церкви, имъ объяснили, что эти требованія совершенно непримѣнимы въ восточныхъ церквахъ и по существу дѣла несправедливы (см. рѣчи Проконія кесарійскаго, Захаріи дальмадонскаго и восточныхъ мѣстоблюстителей въ 3 и 4 засѣданіяхъ собора)... Такимъ образомъ соборъ не сдѣлалъ собственно ни одной уступки римскимъ притязаніямъ. Мало того, онъ успѣлъ, какъ сейчасъ будетъ показано, отъ самой римской церкви, въ лицѣ ея легатовъ, получить обязательства

къ уступкамъ самымъ важнымъ, требовавшимся существомъ дѣла, безъ которыхъ не могло бы имѣть силы и искренности устанавливаемое здѣсь единеніе... Таковъ былъ смыслъ и характеръ собора 879 — 880 года, какъ это открывается изъ самаго содержанія актовъ соборныхъ. И послѣ этого писатели католическіе, протестантскіе и иные наши православные продолжаютъ представлять исторію этого собора въ томъ ложномъ освѣщеніи, въ какомъ старался перетолковать его смыслъ и цѣль папа Іоаннъ, то-есть, что соборъ созданъ былъ для возстановленія Фотія на престолѣ, который уже прежде собора былъ занятъ имъ, что безъ этого не могло быть твердо признаніе законности Фотіева патріаршества, которая твердо держалась на востокѣ и государственною властью, и народомъ, и всѣми восточными церквами, что безъ этого будто бы въ Константинополѣ не могли справиться съ партією противниковъ Фотія, которая въ это время была совершенно ничтожна. Такъ живучи бывають въ исторіи ложные взгляды и предубѣжденія, которые первоначально составляются извѣстною партією съ особыми тенденціями, а потомъ уже и безъ тенденцій, но и безъ самостоятельной проверки дѣла, но недоразумѣнію повторяются и лицами, уже не принадлежащими къ означенной партіи. Пора же наконецъ признать, что такая постановка дѣла, будто соборъ 879 года созданъ для возстановленія Фотія на престолѣ властію папскою, безъ чего будто бы не могли обойтись на Востокѣ, кьль и безъ отверженія папскою же властію антифотіанскаго собора 869 года, есть постановка *мекденциозно-папистическая* и совершенно несоотвѣтствующая самому ходу дѣла на означенномъ соборѣ. Что въ древности, до перетолкованія Бароніевскихъ-Аллицьевскихъ, цѣль собора 879 года понималась такъ, какъ мы ее представили, то-есть, что соборъ созданъ не для возстановленія Фотія на престолѣ, а для *возстановленія мира церковнаго*, нарушеннаго волненіями Игнатіанской партіи, папскими протестами противъ Фотія и пововведеніями, распространяемыми на Западѣ, это видно, между прочимъ, изъ самаго надписанія актовъ собора, находящихся въ древнѣйшемъ западномъ кодексѣ (*Codex Monacensis*), гдѣ прямо значится, что соборъ этотъ собранъ отъ Фотія (который здѣсь называется ἀρχιεπίσκοπος) „pro unione sanctae Dei et apostolicae Ecclesiae“. См. *Fabricii-Harles Biblioth. Graeca, Hamburg., 1807, volum. X, pag. 674*. И у позднѣйшихъ грековъ. много вѣковъ послѣ Фотія, удерживалось такое правильное представленіе о соборѣ 879 — 880 г., совершенно затемненное потомъ западными писателями. См., напримѣръ, изъ XIV вѣка Νάϊδος ὑπερβολαῖον Ῥόλον Ἀπύρτου: ἀποστολική κερὶ τῆς ἀγίας καὶ οἰκουμενικῆς συνόδου. неоднократно перенечатанное и у западныхъ издателей, между прочимъ, у *Гардуина* въ V томѣ *Acta Concil.*, pp. 1480—1486. Извлеченіе изъ этого сочиненія словъ, относящихся къ собору 879 года, въ русскомъ переводѣ см. въ *Предисловіи* къ недавно сдѣланному о. архимандритомъ *Арсеніемъ* (Москва, 1891 г.) изданію четырехъ сочиненій Нила родосскаго, стр. VI—VII.

126. Католическіе историки, руководясь точкою зрѣнія, указываемою въ письмахъ папы Іоанна VIII, выражаются, что Фотій призналъ быть отъ папы законнымъ патріархомъ на извѣстныхъ условіяхъ (*bedingungsweise* — см. у *Гербеля, Геркенрёттера и другихъ*), невыполненіе которыхъ само собою отнимало силу у этого признанія... Какія это условія, мы указали въ предшествовав-

шесть примѣчаній: то-есть, уступка Болгарской церковной области, испрошеніе прощенія на соборѣ, публичное заявленіе о милости папской. Какъ же, однако, по существу дѣла, отъ чего зависѣла законность Фотіева патріаршества: отъ канонической правильности его избранія на престолъ, или отъ выполненія извѣстныхъ условій, предъявленныхъ ему римскою касседрою, — условій случайныхъ и съ канонами о епископскомъ избраніи не имѣющихъ никакой связи? Съ римской точки зрѣнія, очевидно, выходитъ послѣднее. Значитъ, справедливы тѣ восточные писатели, которые утверждали, что еслибы Фотій еще въ 861 году согласился на отчисленіе въ римскому округу тѣхъ провинцій, какихъ требовалъ тогда папа Николай, или еслибы онъ на соборѣ 879—880 годовъ согласился уступить Іоанну VIII управленіе Болгарскою церковною областію, никакихъ разсужденій о неканоничности Фотіева патріаршества и не было бы ни въ письмахъ папъ, ни на соборахъ римскихъ, собираемыхъ противъ Фотія, ни во всей позднѣйшей богословской канонической и исторической литературѣ западной церкви.

127. „Партія противниковъ Фотія была въ это время такъ незначительна, что главныхъ между ними по именамъ пересчитать можно было“. Они и указываются въ особенномъ увѣщательномъ и угрожающемъ письмѣ къ нимъ папы Іоанна въ 878 г. (*Eximius viris Ioanni, Leoni et Paulo patriciis atque Styliano, Ioanni et Metrophano metropolitae et ceteris sacerdotibus, clericis seu laicis, Hard., VI, 1, 77*). Гергенрѣтеръ высказываетъ большое недовольство на папу за это письмо, „такъ какъ въ немъ оскорблялись люди, въ продолженіе столькихъ лѣтъ бывшіе преданнѣйшими приверженцами римской касседры“. Онъ старается даже занеодворѣть подлинность этого письма, но безъ всякихъ основаній (*Rd. II, 389*). Многіе изъ прежнихъ противниковъ Фотія, по сознанию самого Гергенрѣтера, вступили въ общеніе съ возстановленнымъ патріархомъ ранѣе собора 879 года и вмѣстѣ съ давними приверженцами его участвовали на соборѣ (*Гергенрѣтеръ, II, 450*). Во 2-мъ засѣданіи собора легаты папскіе спрашивали, нѣтъ ли еще епископовъ, противящихся Фотію, въ ссылкѣ. Оказалось, что такихъ есть два, и находятся они въ ссылкѣ не за церковное противленіе, а за участіе въ гражданскомъ возмущеніи (*Hard., VI, 1, 249*). По отношенію къ непокорявшимся противникамъ Фотія легатами папскими и мѣстоблюстителями восточными употребляемы были всякія увѣщанія. Главнаго изъ нихъ, Митрофана смирискаго, двукратно приглашали на соборъ для личной защиты чрезъ почетныя посольства изъ трехъ митрополитовъ (*не такъ, какъ Фотія на соборѣ 869 года*); и когда Митрофанъ отказался явиться подъ предлогомъ болѣзни, ему, по предложенію легатовъ, объявлено было отлученіе отъ имени самого папы Іоанна, на авторитетъ котораго упорные игнатіане хотѣли опираться. Легаты предлагали судъ надъ противниками Фотія предоставить самому Фотію; но Фотій, такъ какъ это дѣло касалось его лично, и такъ какъ игнатіане въ своемъ противленіи ему смыслились на римскую церковь, въ судѣ надъ ними предоставилъ первое мѣсто самимъ легатамъ (*см. 5 засѣданіе собора*). Станіанъ неокесарійскій сообщаетъ (*Hard., 1125*), будто Фотій, уже въ первое свое патріаршество предавшій проклятію не только приверженцевъ патріарха Игнатія, но и самого его, и по вторичномъ вступленіи на престолъ, подкупивъ легатовъ папы

Іоанна, склонили ихъ на соборѣ (то-есть, 879 года) вновь проклясть Игнатія. Мы знаемъ, что Фотій въ рѣчи передъ соборомъ (*Hard.*, VI, 1, 256) называлъ Игнатія *блжженнымъ* и въ одномъ сочиненіи, писанномъ скоро послѣ собора 879 года, называлъ его *святымъ* (см. примѣч. 156). Отсюда можно видѣть, что сообщеніе Стиліана о проклятіи Игнатія на соборѣ 879 года такъ же точно, какъ и извѣстія его о томъ, будто при первомъ избраніи Фотія *есть* епископы протестовали противъ него, и будто Стиліанъ писалъ свое посланіе къ папѣ Стефану отъ лица *есть* епископовъ, пресвитеровъ, диаконовъ, мунимовъ и отшельниковъ Востока и Запада (сравни. примѣч. 54, 55, 10).

128. Уже на основаніи рѣшенія предварительнаго римскаго совѣщанія, держаннаго напою Іоанномъ въ августѣ 879 года, въ самой инструкціи папской, принесенной легатами изъ Рима и читанной въ 3-мъ засѣданіи собора 879 года, положено было соборъ противъ Фотія, бывшій въ Римѣ и въ Константинополѣ 869 года (какъ бы одинъ ложный соборъ, такъ какъ константинопольскій былъ лишь продолженіемъ римскаго; примѣч. 117, 3), считать отвергнутымъ, суетнымъ и лишеннымъ всякаго значенія и не причислять его къ другимъ слятымъ соборамъ. (*Communitorium P. Ioannis missis Constantinopolim*, § 10: *Volumus contra praesenti synodo promulgari, ut synodus, quae facta est contra patriarchum Photium sub Adriano sanctissimo Papa in urbe Roma (на которомъ, то-есть, присутствовали и папа Іоаннъ въ качествѣ архидиакона и пресвитеръ Петръ, главный легатъ на соборѣ 879 г.; см. примѣч. 144) et Constantinoполи exnunc sit rejecta, irrita et sine robore, nequo connumeretur cum altera sancta synodo* (*Hard.*, VI, 1, 295)). При чтеніи этого пункта папской инструкціи восточные мѣстоблюстители присовокупили, что это собрание (869 г.), на которомъ поныне всѣ законы церковные и гражданскіе, и которое наполнило церковь безчисленными смутами, также и въ восточныхъ церквахъ осуждено, отвергнуто, анатематствовано (*ibid.*). Западные писатели: Гефале, Гергенрѣтеръ, Неандеръ (основываясь на доказательствахъ стараго уніата Іосифа Ассемани), а за ними А. П. Лебедевъ (*Исторія константинопольскихъ соборовъ*, стр. 188), считаютъ искаженнымъ 10-й пунктъ папской инструкціи въ томъ видѣ, какъ онъ читанъ былъ на соборѣ, на томъ основаніи, что папа будто бы не могъ такъ рѣзко выражаться о соборѣ 869 года. Жаль, что мы не можемъ въ этомъ пунктѣ свѣрить сохранившійся въ актахъ собора греческій переводъ папской инструкціи съ латинскимъ подлинникомъ, составленнымъ въ Римѣ и утратившимся. (Странно, однако-жъ, что такой важный документъ, съ котораго списокъ, вѣроятно, оставался въ архивахъ папскихъ, утратился? А вотъ постановленія римскихъ соборовъ 863 и 869 годовъ дошли до насъ въ цѣлости...). Но развѣ менѣе рѣзкости въ выше приведенныхъ выраженіяхъ восточныхъ мѣстоблюстителей, которыя произнесены были въ присутствіи папскихъ легатовъ и оставлены ими безъ всякаго возраженія и протеста, а также въ рѣчи Захаріи халкидонскаго, произнесенной при самомъ открытіи собора и также не опротестованной легатами (*Hard.*, *ibid.*, 221—223)? Развѣ менѣе рѣзкости въ той самой формулѣ, въ которой легаты дали свои подписи подъ опредѣленіями собора: „Призвавъ досточтимаго Фотія законнымъ и каноническимъ избраннымъ патріархомъ и принимаю общеніе съ нимъ, по смыслу письма и словамъ инструкціи папы.

Отвергаю и анаематствую соборъ, который былъ собранъ противъ него въ сей святой константинопольской церкви, равно какъ и все, сдѣланное противъ него при папѣ Адрианѣ блаженной памяти, по глагъ папской инструкции (juxta capitulum Communitorii), отрицаю, анаематствую и отвергаю и въ числѣ соборовъ тотъ соборъ ни подъ какимъ видомъ не полагаю (non ullo pacto herono; *Hard.*, *ibid.*, 327)“? Гергенрёттеръ и въ этой подписи заподозрѣваетъ интерполяцію (II, 513), но Гефеле ея не отмѣчаетъ здѣсь (IV, 462), да и Гергенрёттеръ ничѣмъ не оправдываетъ своего подозрѣнія.

129. См. 1-е правило, постановленное на соборѣ въ актахъ 5-го засѣданія собора (*Hard.*, VI, 1, 319—320), также во всѣхъ каноническихъ сборникахъ: у византійскихъ канонистовъ — Арстина, Зонары, Вальсамона (*Migne, Series Graeca*, CXXXVII), въ *Пандектахъ Бесериджа*, въ новомъ греческомъ сборникѣ *Ралли и Потли*, на славянскомъ и русскомъ языкахъ въ *Книгѣ правилъ*, изданной Святѣйшимъ Синодомъ 1862 г., и въ „Правилахъ помѣстныхъ соборовъ съ толкованіями“, изданныхъ Московскимъ Обществомъ Любителей Духовнаго Просвѣщенія 1880 г. Особенно знаменательными въ этомъ правилѣ являются выраженія: *μηδὲν τῶν πρεσβυτέρων τῶν προσόντων τῇ ἀγιωτάτῃ θρόνῳ τῆς Ὁρθοῦς Ἐκκλησίας, μηδὲ τῇ ταύτης προίφρ τὸ εὐνοῶν καὶνοτομοῦμένων, μητὲ τῶν, μητὲ αἰς τὸ κατέχευετα*. Эти слова ставить въ особенныя затрудненія католическихъ историковъ и канонистовъ. Не имѣя возможности заподозрѣть ихъ подлинность, такъ какъ они находятся во всѣхъ спискахъ дѣяній и правилъ собора 879 г. и въ актахъ того засѣданія соборнаго, которое менѣе другихъ, слѣдующихъ за нимъ, подвергается оспариванію, ни опустить ихъ, такъ какъ они стоятъ въ неразрывной связи съ предшествовавшими словами правила, редактированнаго по предложенію самихъ же римскихъ легатовъ, стараются затемнить смыслъ этихъ словъ разными хитросплетенными толкованіями. Но слова сами по себѣ такъ ясны и ясны, что никакимъ подобнымъ толкованіямъ тутъ не оказывается мѣста. Новѣйшіе и умнѣйшіе католическіе излагатели исторіи Фотія стараются, сколько возможно, менѣе останавливаться на означенныхъ словахъ, самымъ переводомъ означеннаго правила давая ему такой смыслъ, что это правило не ограничиваетъ, но будто бы даже утверждаетъ привилегіи римской церкви (*Unbeschadet der Privilegien der römischen Kirche und ihres Bischofs: Hefele*, VI, 461;... *ohne dass dabei weder jetzt noch in Zukunft eine Aenderung oder Neuordnung an den Vorrechten eintrete, die dem heiligsten Stuhle der römischen Kirche und ihrem Bischöfe zustehen: Hergenröther* II, 505). При этомъ правило собора 880 г. ставится въ параллель съ 5-мъ правиломъ Никейскаго вселенскаго собора, которое (по толкованію католическихъ канонистовъ) возвышеніемъ значенія alexandрійской и антиохійской кафедръ будто бы подтверждало приматство или даже супрематство римской кафедрѣ... Итакъ, Фотій на соборѣ 879—880 г. заботился объ утвержденіи привилегій римской церкви въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понимали папы Николай, Адрианъ и Іоаннъ? Но зачѣмъ же тогда католическимъ ученымъ тутъ же при изъясненіи 1-го правила собора 879—880 г. толковать о томъ, будто Фотій старался о созданіи византійскаго приматства, или о предвосхищеніи супрематства въ пользу римской и константинопольской кафедръ на счетъ правъ другихъ патріаршихъ

престолахъ? И почему въ такомъ случаѣ къ этимъ тенденціямъ отнеслись такъ сочувственно представители другихъ патріаршихъ кафедръ?... Серьезный вопросъ здѣсь можетъ быть другой: какъ могли римскіе легаты, при редактированіи 1-го правила собора 880 г., пропустить такую формулу, которая явно была направлена къ тому, чтобы положить преграду развитію римскихъ притязаній? Этотъ вопросъ придется примѣнить еще къ тому, что постановлено на слѣдующихъ двухъ (6-мъ и 7-мъ) засѣданіяхъ собора... Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ приходится лишь изумляться тому, какъ Фотій съ одной стороны прямою и рѣшительною постановкою праваго дѣла, а съ другой необыкновенною энергіею и искусствомъ, умѣвшимъ пользоваться обстоятельствами и устроить благоприятныя для общаго дѣла церковнаго обстоятельства, успѣвалъ достигать на пользу церкви такихъ результатовъ, какихъ въ то время, казалось бы, уже и нельзя было достигнуть!...

130. См. 5-ое засѣданіе собора 879—880 г. Мысль о необходимости признанія VII вселенскаго собора, какъ мы уже говорили, озабочивала Фотія съ самаго начала его патріаршества (примѣч. 94). Авторитетъ VII вселенскаго собора твердо стоялъ въ церкви константинопольской; но въ другихъ церквяхъ этотъ соборъ еще не причислялся къ вселенскимъ соборамъ и въ 867 году, какъ объ этомъ писалъ Фотій въ окружномъ посланіи восточнымъ патріархамъ (*Валетта*, 180—181). Константинопольскій соборъ 869 года, осудившій Фотія, утвердилъ авторитетъ VII вселенскаго собора (примѣчаніе 117 къ концу). Но авторитетъ самого собора 869 года для восточныхъ патріаршествъ, отъ имени которыхъ присутствовали на немъ лишь самозванные представители, не имѣлъ никакого значенія; въ константинопольской же церкви этотъ соборъ оставилъ самыя тяжелыя воспоминанія (*тамъ же*). При томъ соборъ 869 года, признавъ авторитетъ VII вселенскаго собора, и самъ себя причислилъ къ седьми вселенскимъ соборамъ и на западѣ сталъ называться восьмымъ вселенскимъ (*тамъ же*). Нужно было такимъ образомъ собору 879—880 г., отвергнувъ самозванный восьмой соборъ 869 г., подтвердить авторитетъ прежнихъ признанныхъ *седьми* вселенскихъ соборовъ тѣмъ болѣе, что Фотій именно въ постановленіяхъ седьми вселенскихъ соборовъ признавалъ исполнѣ твердо и опредѣленно раскрытую норму православія, какъ объ этомъ онъ писалъ еще въ первомъ посланіи къ папѣ Николаю и въ посланіи къ князю Борису (*Валетта*, стр. 142, 219). Конечно, это и было для Фотія побужденіемъ возбудить рѣчь о VII вселенскомъ соборѣ въ пятомъ засѣданіи собора 880 года, а не то только, что предсѣдатель VII вселенскаго собора былъ его родственникъ и при томъ патріархъ, призванный на патріаршій престолъ, подобно самому Фотию, изъ свѣтскихъ людей, какъ объясняютъ нѣкоторые толкователи.

131. Утвержденіе неприкосновенности никейско-константинопольскаго символа вѣры состоялось въ *шестомъ* и *седьмомъ* засѣданіяхъ собора 879—880 г. (*Нард.*, VI, 1, 331—342). Послѣ пятаго засѣданія, бывшаго 26-го января 880 года, на которомъ подписаны были присутствующими рѣшенія предшествовавшихъ засѣданій, но еще не утверждены ни подписью предсѣдателя, ни подписью императора, старѣйшіе члены собора (патріархъ Фотій, папскіе легаты, представители восточныхъ патріарховъ и 18 наиболѣе вліятельныхъ

митрополитовъ) вначалѣ марта (какого именно числа, не совсѣмъ разяснено; смотри *Гезенкертс*, II, 517) собрались во дворцѣ, чтобы просить императора своею подписью актовъ соборныхъ дать рѣшеніямъ собора государственное значеніе, какъ это дѣлалось на Востоцѣ и на прежнихъ большихъ соборахъ церковныхъ. Императоръ, явившись на соборѣ съ тремя сыновьями, изъ которыхъ два были объявлены уже его соправителями, а третій предназначался для церковнаго служенія, выразилъ радость о состоявшемся единеніи церковномъ, изъявилъ согласіе на подписаніе актовъ соборныхъ, но вмѣстѣ сдѣлалъ членамъ собора новое предложеніе: въ ознаменованіе состоявшагося единенія, торжественно провозгласить отъ собора общій для всѣхъ христіанъ *образъ вѣры*. Представитель антиохійскаго патріарха, а за нимъ и прочіе митрополиты и легаты папскіе заявили, что всего лучше утвердить для этого древній символъ вѣры, который уже исповѣдуются всѣми христіанами и утвержденъ на предшествовавшихъ вселенскихъ соборахъ. Прочитанъ былъ древній вселенскій символъ, составленный на первомъ и второмъ вселенскихъ соборахъ безъ прибавленія *Filioque*, изложено прещеніе на всѣхъ, кто дерзнетъ сдѣлать въ немъ какія либо прибавленія или убавленія, измѣненія или поправки, или кто осмѣлится вмѣсто него составить новое изложеніе вѣры, унижая достоинство богопросвѣщенныхъ составителей никео-цареградскаго символа. Все присутствовавшее священное собраніе воскликнуло: „*πάντας οὖτως φρονούντας, οὕτως πιστεύοντας, ἐν ταύτῃ τῇ ὁμολογίᾳ ἑβαπτίσθημεν καὶ καὶ τοῦ ἱερατικοῦ βαπτισμοῦ ἡρώμεθα· τοὺς ἑτέρας παρὰ ταῦτα φρονούντας, ἢ ἑτέρον ὅρον ἀντὶ τοῦτου προσζέουσιν* толмечутъ τῷ ἀναγινάτι καὶνοποβάλλομεν“; (*Hard.*, VI, 1, 336 и далѣе). Послѣ того императоръ и три порфирородныхъ царевича подписали акты собора, и собраніе закончилось провозглашеніемъ многихъ хѣтъ государю.

Затѣмъ черезъ десять дней собралось опять въ Софійскомъ соборѣ новое многочисленное собраніе (седьмое заключительное). Фотій предлагалъ прочесть тѣ, что опредѣлено въ предшествовавшемъ собраніи относительно важности и неприкосновенности символа, чтобы и не присутствовавшіе въ томъ собраніи епископы раздѣлили общую радость. И здѣсь, по прочтеніи опредѣленія о неизмѣнности символа, присутствующіе восклицали: „всѣ такъ мыслятъ, такъ вѣруемъ; иначе мыслящихъ объявляемъ врагами Божиими“ (*Hard. ibid.*, 339). Такъ состоялось на соборѣ 880 года утвержденіе неизмѣнности древняго вселенскаго символа вѣры, очевидно направленное противъ западнаго прибавленія *Filioque*.

На первый взглядъ можетъ представляться (какъ и представляется у западныхъ: *Gefelle*, IV, 463—464, *Гезенкертс* VI книга, 7 глава: *nachträglichen halböffentlichen Sitzungen*, и другихъ католическихъ историковъ, нѣмѣющихъ на то особенныя тенденціи, и у русскаго историка константинопольскихъ соборовъ, безъ всякой, конечно, тенденціи, стр. 214), что шестое и седьмое засѣданія собора 879—880 года составляли какой-то отдѣльный добавочный къ другимъ засѣданіямъ его актъ полуофициальнаго характера, и что состоявшееся здѣсь утвержденіе неприкосновенности символа явилось какъ бы неожиданно и случайно въ угоду лишь императорскому желанію и измышленію. Но по существу дѣла нужно признать, что въ этихъ-то именно засѣданіяхъ и заключался центръ тяжести собора 879—880 года и завершеніе всей его

дѣятельности, сообразно съ заранѣе уже предположенною цѣлью, и что состоявшееся здѣсь постановленіе о неприкосновенности символа вѣры совершилось не въ угоду желанію императора, а по предварительному соглашенію между императоромъ и Фотіемъ, который былъ здѣсь главнымъ дѣятелемъ, чего не отрицаютъ и католическіе писатели, и что очень хорошо разъясняетъ самъ Гергенпретеръ (VI книга, 7 глава). Можно предполагать, что такое предварительное соглашеніе относительно данного пункта было у Фотія и съ другими вліятельными членами собора, и съ восточными мѣстоблюстителями, и съ папскими легатами, и, по крайней мѣрѣ, въ общемъ положеніи дѣла съ самимъ папою. Императору предоставлена была инициатива въ этомъ дѣлѣ ради чести, и дабы въ глазахъ христіанскаго народа дать болѣе вѣса предположенному дѣлу (какъ нѣкогда отцы перваго вселенскаго собора предоставили Константину Великому сдѣлать предложеніе о внесеніи въ символъ великаго слова „*ὁμοούσιος*“). Предложеніе это заявлено въ первый разъ въ присутствіи лишь наиболѣе вліятельныхъ членовъ собора, вѣроятно, затѣмъ, чтобы не только показать особую важность дѣла, но и выѣстъ съ тѣмъ соблюсти должную осторожность: дѣло было не только очень важное, но и выѣстъ съ тѣмъ очень смѣлое и рѣшительное, которое надежѣе было провести сначала въ немногочисленномъ собраніи избранныхъ представителей церкви (гдѣ не было бы лишнихъ, отклоняющихся отъ цѣли, рѣчей), а потомъ уже въ данномъ тогѣ передать на утвержденіе всему многочисленному собранію. Такъ и было сдѣлано. Что это необходимо нужно было сдѣлать, и не для того только, чтобы догматическимъ постановленіемъ дать особенное значеніе собору, о чемъ также несомнѣнно заботились, но и для того, чтобы довести до конца дѣятельность собора въ томъ направленіи, въ какомъ она ведена была съ самаго пачала,—это можно видѣть изъ самаго существа дѣла. Цѣлью собора, какъ мы сказали, какъ видно и изъ всего содержанія соборныхъ актовъ и изъ нѣкоторыхъ, особенно выдающихся рѣчей отцовъ собора, было укрѣпленіе *мѣрковнаго единенія*, между прочимъ возстановленіе единенія восточной церкви съ западною. Но это единеніе не могло быть твердо и искренно, при обнаружившейся уже разности въ исновѣданіи вѣры: такъ, по крайней мѣрѣ, должно было представляться съ православной восточной точки зрѣнія. Разности этой нельзя было обойти и замолчать послѣ того, какъ еще въ 866—868 гг. между восточною и западною церквами произошелъ горячій обменъ возраженій по этому предмету: со стороны Востока въ письмѣ императоровъ Михаила и Василія къ князю болгарскому и въ окружномъ посланіи Фотія къ восточнымъ патріархамъ, со стороны Запада въ нѣсколькихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ грековъ, о которыхъ скажемъ нѣсколько ниже (примѣчаніе 145). Патріарху Фотію, по возвращеніи на патріаршество, не хотѣлось возобновлять прямую полемику противъ западнаго нововведенія, которая, конечно, могла усилить еще не затихшее взаимное раздраженіе. Онъ желалъ возстановленія мира и составилъ планъ предложить такую формулу примиренія обнаружившагося разногласія, которая бы, не отступая отъ древняго православнаго преданія и не возбуждая новыхъ пререканій, сама собою положительнымъ способомъ устраняла возникшее на Западѣ отступленіе отъ православія. Такою формулою и могло представляться

всего болѣе подтвержденіе неприкосновенности древняго общехристіанскаго символа безъ новой западной прибавки. Планъ поистинѣ гениальный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый прямой и простой! Но, такъ какъ отступленіе на Западѣ уже довольно далеко нусило отрасли, нужно было напередъ испытать и подготовить почву. Эта подготовка и сдѣлана была Фотіемъ еще въ 878 году, когда Фотій, по извѣстію Стиліана (*Hard.*, V, 1125), посылалъ къ папѣ съ письмомъ (къ сожалѣнію, опять не дошедшимъ до насъ) умѣйшаго и преданнѣйшаго ученика своего, внослѣдствіи архіепископа савантскаго, Теодора Сантаварена (котораго враги Фотія стараются чернить такъ же, какъ и самого Фотія). „Посланный вашъ,—писалъ папа въ отвѣтъ Фотію,—объяснялся съ нами касательно символа и нашелъ, что мы соблюдаемъ оный, какъ приняли прежде, ничего не прибавляя и не убавляя, ибо мы знаемъ, какое тяжелое наказаніе заслуживаетъ тотъ, кто осмѣливается сдѣлать это... Итакъ, чтобы успокоить васъ по этому предмету, сдѣлавшему соблазнъ въ церкви, объявляемъ еще разъ, что не только мы сами такъ (то-есть, съ прибавкою *Filioque*) не произносимъ, но и дерзнувшихъ прежде по безумію сдѣлать эту прибавку осуждаемъ, какъ нарушителей слова Божія и искажителей ученія Христа, аностоловъ и отцевъ. Но святительству вашему, исполненному мудрости, не безъ извѣстно, что не легко склонить къ такому мнѣнію прочихъ епископовъ нашихъ и скоро измѣнить столь важный обычай, утвердившійся годами. Посему намъ представляется лучшимъ никого не принуждать къ оставленію сдѣланнаго къ символу прибавленія, но дѣйствовать на такихъ людей (то-есть, державшихся прибавки въ символѣ) съ умѣренностью и благоразуміемъ, мало-помалу, внушая имъ отстать отъ хулы“¹⁾. Вѣроятно, въ духѣ этого письма даны

¹⁾ Письмо папы, изъ котораго извлечены эти слова, вѣроятно, прислано было Фотію еще раньше открытія собора 879 г., можетъ быть, съ тѣмъ же Теодоромъ Сантавареномъ, при возвращеніи его въ Константинополь; но не предъявлено на соборѣ, вѣроятно, потому, что оно, какъ видно изъ самаго содержанія, писано было къ Фотію секретно. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ содержаніе этого письма, нисколько не имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣяніямъ собора 879—880 г., то оно и печатается обыкновенно при актахъ или въ изложеніи исторіи этого собора. (См. *Hard.*, VI, 1, 118, 342; *Mansi*, XVII, 523; *Labbei*, IX, 295; у *Бароніа* въ латинскомъ переводѣ, 879, 54; у *Флери*, IX, 494; у *Бевриджа*, *Pandecta* 11, 11, 306; на русскомъ языкѣ у *Муромова*, 287 — 288; у *Преображенскаго*, *Страникъ*, 1881, VI, 226; въ *Духовной Песнѣ* 1860 г., № 27). Западные писатели большею частью (см. *Hugenhöther*, II, 549, п. 119) отвергаютъ подлинность этого письма, ц. повидимому, нѣкоторые наши сомнѣваются въ ней, на томъ основаніи, что папа будто не могъ такъ рѣзко выражаться о прибавкѣ къ символу. Напротивъ, намъ кажется, что содержаніе этого письма такъ соответствуетъ тогдашнему переходному на Западѣ состоянію этого дѣла, что трудно было бы въ другое время такое письмо и выдумать; да и какая надобность кому была выдумывать?... Несомнѣнное дѣло (и это признаютъ сами католическіе писатели отъ Алліція до Нихлера, Гфрѣрера и Гергенрѣтера), что въ самой римской церкви прибавки *Filioque* къ символу тогда еще не было, но въ другихъ западныхъ церквяхъ (преимущественно галльскихъ и германскихъ) она была уже такъ распространена, что ее, какъ и пишетъ папа,

были и легату Петру, отправлявшемуся въ Константинополь, предварительныя наставленія относительно даннаго вопроса, который онъ долженъ былъ передать и двумъ другимъ легатамъ, уже находившимся въ Константинополѣ (Трудно было бы и предположить, что легатамъ, назначеннымъ присутствовать на константинопольскомъ соборѣ, не дано было относительно спорнаго вопроса о символѣ никакихъ внушеній). Этими и можно объяснить, почему римскіе легаты въ шестомъ и седьмомъ засѣданіяхъ собора не только не сдѣлали никакихъ возраженій противъ предложенія о неприкосновенности символа, но и твердо поддерживали его. Иначе крайне трудно объяснить ихъ положеніе на соборѣ относительно этого предложенія. Этими же съ другой стороны можно объяснить и то, почему Фотій съ такою рѣшительностью, но вмѣстѣ и съ та-

искоренить въ короткое время было трудно. Несомнѣнно, что и лично Іоаннъ VIII держался на сторонѣ читающихъ символъ безъ прибавки *Filioque*, какъ это видно изъ его отношеній къ спору святаго Меодія, просвѣтителя славянъ, съ нѣмецкими епископами (см. *Epist. Ioannis ad Sphendopulchrum comitem*, *Hard.*, VI, 1, 85. Сравни. *Hergenr.* II, 419—422; *Лапковскаго* „Кирилъ и Меодій“, стр. 400—432; *Guetté Histoire de l'Eglise*, t. VI, chap. 4 къ концу). Другихъ возраженій противъ подлинности означеннаго папскаго писма коснемся ниже.

Кромѣ этого писма отъ папы Іоанна, Фотій имѣлъ въ рукахъ свидѣтельство въ подтвержденіе неприкосновенности древняго символа и отъ преемника Іоаннова Адріана III, который по вступленіи на престолъ въ 884 г., по древнему обычаю, прислалъ Фотію общительное соборное посланіе съ исповѣданіемъ исхожденія Духа святаго отъ Отца. Свидѣтельство объ этомъ находится въ сочиненіи Фотія *Περὶ τῆς τοῦ Ἀγίου Πνεύματος Μεταγωγίας*, которое до новѣйшихъ временъ удерживалось подъ снудомъ западными издателями памятниковъ церковныхъ, но въ недавнее время издано Гергенрѣтеромъ (*Katechismus*, 1857 г.), съ обширными предисловіемъ и многочисленными примѣчаніями, въ которыхъ католическій ученый старается представить противоядіе ученію Фотія о Святомъ Духѣ (потомъ въ 1860 г. все это изданіе перепечатано у аббата Миня *Patrologia Gr.*, CII, 263—540; самое же свидѣтельство о посланіи папы Адріана находится въ *col.* 381). Гдѣ же находится это, очень важное для насъ посланіе папы Адріана, и отчего о немъ до Гергенрѣтера не упоминалъ ни одинъ изъ католическихъ писателей, писавшихъ о Фотіи и читающихъ въ рукописи сочиненіе Фотія *De mystagogia*?... Въ объясненіе этихъ неудобствъ мы встрѣчаемъ на той же 381 страницѣ *Патрологии Миня* (подъ черточкой въ примѣчаніи 91) слѣдующее откровенное признаніе: „In editione (Card. Saraffae) (то-есть, изданіи писемъ папскихъ) *ingens lacuna est epistolarum pontificiarum a Ioanne VIII usque ad Leonem IX, annis fere 170* (то-есть, какъ разъ съ того времени, когда началось отдѣленіе западной церкви отъ восточной, и до того предѣла, когда оно окончательно завершилось). *Quare et haec Adriani III ad Photium si vera est (?), epistola desideratur*“... Дарѣ въ утѣшеніе наше издатель прибавляетъ: „*Et quidem, ut recte observat Lequienius, Romana Ecclesia nunquam Graecis diserte imperavit(?), ut symbolum ea particula (?) augerent, quamquam hi rei ipsi fidem adiungere teneantur. Atque ita adhuc intactum Graeci quoque catholici symbolum recitant (?) Quid ergo mirum, si Adrianus III ita fortasse locutus est?*...

кою осторожностью дѣйствовали въ проведеніи на соборѣ этого важнѣйшаго дѣла.

132. Подписи членовъ, присутствовавшихъ на соборѣ 879—880 г., въ существующихъ изданіяхъ актовъ собора печатаются нынѣ въ сокращеніи. Именно подъ 5-мъ засѣданіемъ актовъ печатаются сполна только подписи папскихъ легатовъ, восточныхъ мѣстоблюстителей и еще знатнѣйшихъ митрополитовъ; а затѣмъ говорится: καὶ κειθεῖς ἀπαντες οἱ ἀρχιερεῖς καὶ ὄνομα, οἱ ἐν τῇ ἀρχῇ τῶν πρακτικῶν διαλαμβανόμενοι, ἕκαστος τὸ ὄνομα ἰδιουσίως ὑπέγραψε (Hard., VI, 1, 329; то же въ Τόμος χαράς). Подъ шестымъ засѣданіемъ послѣ упоминанія о подписяхъ императора и его сыновей значится только: μετὰ οὖν τὸ ὑπογράψαι... и т. д. А подъ седьмымъ засѣданіемъ совсѣмъ не значится никакихъ подписей. Но что такіе подписи въ первоначальномъ подлинномъ спискѣ актовъ несомнѣнно были, и между прочимъ подъ шестымъ или седьмымъ засѣданіемъ, на которыхъ утверждень символъ, или подъ тѣмъ и другимъ, это прямо видно изъ письма, писаннаго Фотіемъ къ митрополиту акемейскому, скоро послѣ собора: Συνόδου συνκροτήσεως... οἱ ἐκείθεν ἀπεσταλμένοι τοῦ ἐν ἁγίοις Ἰωάννου Πάπα τοκοτήρηται... τῷ Συμβόλῳ πιστεύω τῷ διὰ πάντων τῶν οἰκουμένων Συνόδων κατὰ τὴν Δεσποτικὴν φωνὴν καὶ χρησομένῳ καὶ κρατούμένῳ, ὡς ὁμόφρονες καὶ φωνῇ καὶ ἰδιουσίῳ γραφῇ καθηπεστημένῳ (Βαλέττα 'Επιστ. 5, сдл. 198). То же подтверждаетъ Фотій и въ сочиненіи: Περὶ τῆς τοῦ Ἁγίου πνεύματος Μυσταγωγίας, писанномъ также чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ собора (Migne, Gr., CII, 381).

133. Папа Іоаннъ VIII послѣ собора 880 г. жаловался не на правило, воспрещающее расширять преимущества римской кathedры, не на постановленіе о неизмѣнности символа вѣры, осуждающее западное Filioque, не на строгое анафематствованіе собора 869 г., а лишь на то, что на соборѣ не выполнены 4 и 9 пункты его инструкціи, то-есть, что Фотій не испрашивалъ на соборѣ прощенія за свои прегрѣшенія провинности передъ папскою кathedрой, но благодарилъ папу за милость, оказанную ему признаніемъ въ санѣ патриаршескомъ, и также не устраивалъ ему отчисленія Болгарія въ округъ римскаго управленія (Hard., VI, I, 87—89). Такъ для папы интересы мелкаго самолюбія и вѣшняго преобладанія — корысти стояли впереди, выше ревности о вѣрѣ и интересовъ права, чести и мира церковнаго. Въ основаніе жалобъ на дѣянія собора 879—880 г. пущены были опять въ ходъ старыя измышленія папы Николая и Анастасія бібліотекаря, выдуманныя по поводу собора 861 года, то-есть, что легаты римскіе нарушили на соборѣ данныя имъ отъ папы полномочія, что они были подкуплены, или по незнанію греческаго языка не понимали того, на что соглашались и что подписывали. Эти мизерныя жалобы и доселѣ повторяются западными писателями... Какъ же плохо рекомендуется ими тогдашнее состояніе римской церкви, претендовавшей управлять всѣмъ міромъ и не имѣвшей будто бы возможности найти въ своей средѣ двухъ-трехъ честныхъ и способныхъ людей для выполненія самыхъ важныхъ порученій церковныхъ въ другихъ странахъ! Нужно сказать, что легатамъ, назначаемымъ на константинопольскій соборъ 879 г., прямо внушалось въ одиннадцатомъ пунктѣ папской инструкціи не поддаваться никакимъ подкупамъ и прельщеніямъ (Hard., VI, 1, 295). А что ка-

сается до познанія этими легатами греческаго языка, то нужно замѣтить, что два изъ нихъ, Павелъ и Евгеній, уже около двухъ лѣтъ жили въ Константинополѣ еще до открытія собора 879 г., а третій, Петръ, является на соборѣ слишкомъ говорливымъ и ловкимъ для того, чтобы заподозрѣть его въ непониманіи произносимаго и совершавшагося вокругъ.

134. Уже въ средніе вѣка многіе греческіе писатели, и очень авторитетные, какъ Ѳ. Вальсамонъ, Нилъ солунскій, Нилъ родосскій, Симеонъ солунскій, Маркъ ефесскій, Геннадій схолярій, изъ позднѣйшихъ Доскеевъ іерусалимскій, К. Икономъ и др. (см. *цитаты у Гергенпрётера*, II, стр. 539, примѣч. 74—76), называли этотъ соборъ VIII вселенскимъ соборомъ. И изъ нашихъ русскихъ нѣкоторые высказывались о такомъ его значеніи. Но вообще православная восточная церковь, держась на самомъ принципѣ Фотіевоѣ (признанія *седми* вселенскихъ соборовъ, какъ оплота древняго православія) и не желая подражать примѣру западной церкви, послѣ раздѣленія церковнаго провозгласившей болѣе десяти новыхъ вселенскихъ соборовъ, не поставляетъ соборъ 879—880 г. рядомъ съ древними *седмью* вселенскими соборами. Собственно говоря всѣ вѣдшіе признаки Вселенскаго собора,—соборъ 879—880 г. имѣетъ въ себѣ, какъ соглашается съ этимъ самъ Гергенпрётъеръ (*äusserlich alle Erfordernisse eines solchen ökumenischen Concil an sich aufzeigen konnte* II, 539), то-есть, большое число епископовъ, представительство отъ всѣхъ восточныхъ церквей и отъ западной церкви, согласное постановленіе рѣшеній, догматическую важность (охраненіе догмата отъ нововведенія, начинавшаго распространяться, и охраненіе самой жизни церковной отъ расширяющихся притязаній іерархическихъ). Но... въ исторіи вселенскихъ соборовъ можно замѣтить одно весьма знаменательное явленіе: вселенское значеніе извѣстнаго собора, полагавшаго начало пораженію еретическаго заблужденія, окончательно выяснялось тогда, когда это заблужденіе изживало весь свой циклъ, всѣ приметы своего развитія. Напримѣръ, признаніе значенія 1-го вселенскаго собора, поразившаго въ началѣ аріанство, окончательно утвердилось тогда, когда ко 2-му вселенскому собору аріанство обозначилось во всѣхъ своихъ крайностяхъ и многочисленныхъ развѣтвленіяхъ; постановленіе Халкидонскаго собора противъ монофизитства окончательно раскрыто было уже въ опредѣленіи VI вселенскаго собора противъ послѣдней отрасли монофизитской—моноелитства; значеніе VII Вселенскаго собора окончательно утвердилось на противояконоборческихъ соборахъ IX вѣка—въ 842, или въ 867 г. или даже въ 880 г. Такъ значеніе собора 879—880 г., можетъ быть, окончательно признано будетъ тогда, когда то начало, противъ котораго этотъ соборъ въ первый разъ высказался, то-есть, начало западнаго догматическаго произвола и непомѣрнаго іерархическаго превозношенія, будетъ окончательно изжито со всѣми своими дальнѣйшими проявленіями и послѣдствіями, когда послѣ многовѣковаго раздѣленія христіане Востока и Запада придутъ къ мысли о соединеніи на твердомъ, истинномъ, то-есть, *древнеправославномъ* принципѣ. Тогда-то, конечно, будутъ вполнѣ оцѣнены усилія и того великаго церковнаго дѣятеля, который, при самомъ началѣ начинавшагося раздѣленія, старался остановить его тлетворное распространеніе и удержать не только восточную, но и западную церковь въ неизмѣнной

вѣрности древнему истинному православію... Но когда это будетъ, Богу извѣстно....

135. Патріархъ Фотій, кажется, самъ позаботился, чтобы вѣрный списокъ дѣланій собора 879—880 г. положенъ былъ въ библіотекѣ Софійскаго собора, гдѣ и сохранились эти дѣланія уже въ XV вѣкѣ (см. *Іосифа Врѣтениа Λόγος περὶ Τριῶν* VIII у Филарета Черниговскаго, ч. III, § 282, примѣч. 26; сравн. *Гершенрѣтера*, II, 537 н. 65).

136. Акты собора 879—880 г., какъ соглашаются самые предубѣжденные противъ него латинскіе писатели, издавна существовали въ восточныхъ и западныхъ библіотекахъ во многихъ спискахъ (см. *Vini* Admonitio de pseudosynodo Photiana у Гардуина, V, 1151—1152; *Allatii* „De consensione ecclesiarum“, 591). Изъ нихъ приводилъ большія извлечения въ XIII вѣкѣ Іоаннъ Веккъ, хлопотавшій о соединеніи греческой церкви съ римскою (въ сочиненіи „О мирѣ церквей“, цитуемомъ у *Миллітіа* Пѣтра *συνάβλως*, сравн. *Муромова*, стр. 277). Имъ пользовались, на сколько находили нужнымъ для своихъ цѣлей, въ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ Фотія, Бароніи и Алліція (послѣдній, какъ можно судить по приведенной цитатѣ изъ его сочиненія, зналъ акты и другихъ *Фотіевыхъ* соборовъ). С. Ассемани свидѣтельствовалъ, что въ ватиканской библіотекѣ было вѣскольکو списковъ этихъ актовъ; находились также экземпляры, полные или отрывочные, въ библіотекахъ баварской, эскуріальской, вѣнскій, московской (см. *Fabricii* Bibliotheca, X, 674; сравн. *Heferle*, IV, § 488; *Cave*, Historia litteraria saecul. IX; *Matthaei* Catalogus codicum graecor. Biblioth. Mosquensis CCCXXIV). Тѣмъ не менѣе ни въ одномъ собраніи соборныхъ актовъ (Acta Conciliorum) до XVIII столѣтія, ни у Винія, ни у Лаббея, ни въ Editio regia, акты собора 879—880 г. не помѣщались, а на мѣсто нихъ печаталось Admonitio ad lectorem, въ которомъ авторъ убѣждалъ читателей не вѣрить содержанію актовъ Фотіева собора, такъ какъ оно представляетъ будто-бы, съ римской точки зрѣнія, разныя несообразности... Но еще въ концѣ XVII вѣка у нѣкоторыхъ болѣе внимательныхъ ученыхъ стало обнаруживаться желаніе приобрѣсти болѣе ясныя свѣдѣнія объ этихъ актахъ, помимо тѣхъ, которыя предлагались въ Admonitio и сообщались у Бароніи и Алліція. Въ Англіи канонистъ *Беверидждъ* (Beveregius) въ своемъ собраніи церковныхъ правилъ (*Pandecta canonum*, p. II) напечаталъ извлечение изъ актовъ собора 879 г. въ подлинномъ греческомъ текстѣ. Во Франціи составитель церковной исторіи аббатъ *Флери*, хотя во многихъ своихъ сообщеніяхъ о Фотіѣ слѣдовавшій Баронію и Алліцію, пожелалъ подробнѣе изложить дѣланія собора 879 г. по извлечениямъ изъ подлинныхъ актовъ, списаннымъ въ ватиканской библіотекѣ ученымъ Балюзіемъ (*Fleury*, Histoire eccles., livr. LIII, chap. 12). Нѣкоторые изъ западныхъ историковъ церковной литературы, въ особенности изъ протестантскихъ, познакомившись съ сочиненіями Фотія и съ рукописными актами собора 879 г., стали высказывать о Фотіѣ и о самомъ соборѣ 879 г. сужденія, совершенно противоположныя сужденіямъ Бароніи и Алліція (*Cave*, Scriptorum ecclesiasticorum historia litteraria, saecul. IX, pag. 421—491; *Oudin*, Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis, t. II, pag. 222; здѣсь соборъ 879 г. называется даже concillium celeberrimum; также *Намъні* De scriptoribus rerum Byzantinorum, p. I, cap. XVIII, 365—382). Наконецъ

въ началѣ XVIII вѣка, вѣроятно—неожиданно для западныхъ ученыхъ, на востоцѣ, въ малоизвѣстномъ Римникѣ, угровлахійскій митрополитъ Аѳоніи издалъ въ 1706 г. приготовленный еще раньше іерусалимскимъ патріархомъ Досеиемъ большой сборникъ—*Τόμος χηρᾶς* (полное заглавіе см. въ примѣч. 2), въ которомъ сполна въ греческомъ текстѣ напечатаны были акты собора 879 г. (также, какъ и подлинныя письма Фотія къ папѣ Николаю, доселѣ извѣстныя на Западѣ только по латинскому переводу Баронія) и еще съ сильными опроверженіями на Баронія и Алліція (*Σημειώσεις..., εἰς τὴν παρόυσιν συνοδόν*). Изданіе это должно было произвести большое впечатлѣніе между понимающими дѣло учеными. Оно, конечно, не стали разглашать. Оно доселѣ на Западѣ считается большою рѣдкостью; знаменитый аббатъ Минь уже въ 1860 г. въ предисловіи къ изданію сочиненій Фотія. (*Patrolog. Græc. t. CI, pag. VIII*, и еще въ t. CII, p. 618, п. 8) заявлялъ, что онъ никакими способами и ни за какія деньги не могъ достать *Τὸν χηρᾶς*, даже посмотреть; хотя странно, какъ же это, за нѣсколько лишь лѣтъ назадъ, пользовался этимъ изданіемъ въ томъ же Парижѣ аббатъ Jager, писавшій о Фотіѣ въ 1844 г., а потомъ и ближайшій сотрудникъ Минь по изданію сочиненій Фотія аббатъ Гергенрёттеръ?.. И у насъ единственный ученый, довольно подробно излагавшій исторію собора 879—880 г., проф. Московской академіи А. П. Лебедевъ не только не нашелъ нужнымъ просмотрѣть это изданіе, но и нашелъ возможнымъ贸然 отозваться о немъ: „Этого изданія нѣтъ въ нашемъ распоряженіи, но, судя по указаніямъ Гергенрёттера (?), оно не имѣетъ важности“ („Истор. констант. соборъ IX в.“, стр. 167). Какъ же это можно говорить, что изданіе не имѣетъ важности, не видѣвъ его? И какъ профессоръ Московской академіи, столько лѣтъ занимавшійся исторіею Фотія, могъ не увидѣть этого рѣдкаго дорогаго изданія, издавна находящагося въ московской академической библиотекѣ (есть оно, какъ мы справлялись, и въ Петербургской)? Нѣтъ, это изданіе очень важно уже потому, что безъ него, можетъ быть, мы и доселѣ не видѣли бы въ печати другихъ изданій соборныхъ актовъ 879—880 г... Послѣ римникскаго изданія, и на Западѣ тѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежало, стало не совсѣмъ удобно задерживать далѣе изданіе актовъ Фотіева собора. Въ то время въ Парижѣ ученымъ іезуитомъ Гардумомъ приготовляемо было новое изданіе *Acta Conciliorum*. Папа Климентъ XI приказалъ сдѣлать для него полный списокъ ватиканскаго кодекса актовъ собора 879—880 г., который Гардумъ и напечаталъ въ первой части VI тома, вышедшей въ 1714 г., присоединивъ къ тому предварительныя свѣдѣнія о соборѣ и нѣкоторыя другія замѣчанія (Гардумъ, кажется, еще при изданіи предшествовавшаго V тома *Acta* не надѣялся имѣти на то римское соизволеніе, потому что въ V томѣ уже напечатаны были имъ обычное *Admonitio* и нѣкоторые другіе относящіеся къ собору документы, которые признавалось позволительнымъ печатать и въ предшествовавшихъ изданіяхъ соборныхъ актовъ (*Hard., t. V, 1150—1196*); въ VI томѣ пришлось вновь перепечатать документы, уже напечатанные въ V, даже въ двухъ мѣстахъ—между письмами папы Іоанна VIII и въ актахъ соборныхъ). Въ такомъ же видѣ перепечатаны были акты и документы собора 879—880 г. и въ новомъ обширнѣйшемъ собраніи *Acta Conciliorum* Манси, явившемся уже во второй половинѣ XVIII вѣка (см. т.т. XVI и XVII). Объа-

родованіе означенныхъ актовъ на Западѣ во всякомъ случаѣ имѣло большое вліяніе на постепенное измѣненіе, по крайней мѣрѣ—между болѣе безпристрастными учеными, воззрѣній на Фотія и на самый соборъ его. Впрочемъ, новыя точки зрѣнія на этотъ предметъ только начинаютъ высказываться у очень немногихъ, преимущественно протестантскихъ, церковныхъ историковъ (всего болѣе у Шрекка въ 24 части его *Kirchengeschichte*). А большинство католическихъ ученыхъ, пишущихъ о Фотіѣ и соборѣ 879 г., и доселѣ продолжаютъ съ разными варьяціями и смѣтченіями проводить старыя воззрѣнія, ведущія свое начало отъ Баронія и Аляція.

137. Этотъ взглядъ пытались провести въ наукѣ три великія свѣтила католической учености: глава ультрамонтанскихъ церковныхъ историковъ кардиналъ Бароній, глава ультрамонтанскихъ богослововъ и историковъ церковной литературы кардиналъ Белларминъ и ученѣйшій вождь восточныхъ отщепенцевъ отъ православія—ватиканскій бібліотекаръ греко-унитъ Л. Аляцій. У первыхъ двухъ (у Баронія „*Annales ecclesiastici*“, t. X, pag. 554—567, у Беллармина „*De scriptoribus ecclesiasticis*“, Coloniae, MDCLVIII, pag. 194) эта тенденція проводится довольно ясно и нерѣшительно, но у Аляція какъ въ его большомъ сочиненіи „*De perpetua ecclesiarum consensione*“ (Coloniae MDCLVIII, liber II, cap. VI, pag. 567—573), такъ и въ особенномъ „*De octava synodo Photiana*“ (Romae, MDCLXII) она проведена со всею рѣзкостью и изворотливостью ренегата, вооруженнаго громадными знаніями памятниковъ средневѣковой греческой литературы. И это писали люди, которые въ тѣ времена болѣе другихъ знакомы были съ содержаніемъ актовъ собора 879 г. Главнымъ основаніемъ этой крайне искусственной тенденціи было, конечно, то, что соборъ 879 года не правился въ Римѣ, представлялся, подобно прежнимъ Фотіевымъ соборамъ, невѣроятно дерзкимъ, невозможнымъ съ римской точки зрѣнія; но вѣнчившій основаніемъ для отрицанія собора и подлинности его актовъ представлялось тѣ, что о соборѣ этомъ не упоминали писавшіе послѣ него византійскіе хронографисты (мало ли о какихъ соборахъ они не упоминали?), что этого собора будто не знали средневѣковые византійскіе канонисты (это не точно), что нѣкоторые показанія, заключающіяся въ актахъ собора 879—880 г., противорѣчатъ другимъ историческимъ памятникамъ (фальшивымъ или перетолкованнымъ) и т. под. Всѣмъ этимъ измышленіямъ уже вскорѣ послѣ появленія книги Аляціевой съ Востока нанесенъ былъ сильный ударъ іерусалимскимъ патріархомъ Доскеемъ (въ вышеуказанныхъ *Эпистолахъ*); и на Западѣ она была заподозрѣна протестантскими учеными—Баснажемъ (*Histoire de l'Eglise* t. I, livr. VI, chap. VI) и Гамкиемъ (*De scriptoribus regum byzantinorum* p. I, cap. XVIII, pag. 367—382). Затѣмъ, среди католическихъ ученыхъ, возраженія противъ подлинности актовъ Фотіева собора тщательно разобраны были преемникомъ Аляція по завѣдыванію ватиканской бібліотекой сиро-унитомъ С. Ассемани, который и утверждалъ въ католической литературѣ другой взглядъ, то-есть, что акты собора 879—880 г. были не всецѣло измышлены, а лишь интерполированы и повреждены Фотіемъ или кѣмъ бы то ни было (*Bibliotheca juris orientalis. Romae 1762—1766, t. I*). Впрочемъ, и до послѣдняго времени встрѣчаются еще между католическими писателями утверждающіе, что Acta Фотіева собора 879 г.

суть *Acta fictitia*, что Фотій и эти акты и самый соборъ выдумалъ *ex capite suo*. Какъ на послѣдняго эпигона такихъ воззрѣній, можемъ указать даже и не на особенно-ярого католика, знаменитаго аббата *Миня* (см. его *Patrolog. Gr.*, CI, *praefatio in Photii opera*, pag. IX). Но аббату Миню всего лучше противопоставить въ этомъ случаѣ того ученаго, который былъ главнымъ сотрудникомъ его по изданію сочиненій Фотія (*Hergenröther*, кн. VII, гл. 8; см. еще *Dumberger*, *Synchronistische Geschichte d. Mittelalt.*, и *Гергенрөтера*, II, 528, примѣч. 3).

138. Эта попытка ведетъ свое начало отъ *нѣкаго* грека, проживавшаго при римскомъ дворѣ, а *graculo quodam* (конечно, грека *ушата*; эти отщепенцы вообще очень много сдѣлали на Западѣ какъ по обнаругованію, такъ и по искаженію и перетолкованію памятниковъ восточной церковной исторіи), который въ ватиканскомъ спискѣ актовъ собора 879 года передъ изложеніемъ шестаго засѣданія сдѣлалъ такую *adnotationem*: „ἐντάχῃ μὲν εἰδέναι, ὅς αἱ τελευταῖαι αὐταὶ δύο πράξεις ἦτε β', καὶ γ', λεγόμεναι τελευταῖαι εἰσι παρ' αὐτοῦ τοῦ Φωτίου καὶ οὐ κατ' ἀλήθειαν πεπραγμέναι“ и т. д. (*Harduin*, VI, I, 331). Этой аднотации западные ученые придаютъ такое значеніе, что находятъ нужнымъ перепечатывать ее на ряду съ самымъ текстомъ актовъ собора 879 года. Такое измышленіе можно считать достаточно опровергнутымъ въ указанномъ разсужденіи *Ассемани* и въ восьмой главѣ 7-й книги *Гергенрөтера*... Но оно видоизмѣняется у нѣкоторыхъ новыхъ ученыхъ (см. примѣч. 131) въ такую тенденцію, что будто шестое и седьмое засѣданія собора 879 года не имѣли officialнаго значенія, были лишь добавкою къ собору, не имѣли связи съ предшествовавшими засѣданіями, собраны были не по формѣ, по случайному желанію императора *Василія* и т. д. Мы, кажется, достаточно разъяснили, что это *азулит* повѣвшихъ приверженцевъ панизма и ихъ невольныхъ послѣдователей рѣшительно не твердо, что шестое и седьмое засѣданія не только не составляютъ случайной и нелегальной прибавки къ другимъ засѣданіямъ собора 880 года, но находятся съ ними въ необходимой внутренней связи и составляютъ едва ли не главный центръ тяжести всего дѣла соборнаго, — дѣла примиренія римской церкви съ восточною, и что созданы были они не по случайному желанію симодоржца, а по согласенію императора съ Фотіемъ и, вѣроятно, съ другими вліятельнѣйшими членами собора (примѣч. 131). Но съ этими засѣданіями, конечно, никогда не могутъ помириться приверженцы панизма, не отказавшись отъ *Filioque*... Было, впрочемъ, въ напастической литературѣ пускаемо въ ходъ и такое мнѣніе, будто на самомъ соборѣ 880 года былъ читанъ и утвержденъ нивейскій символъ съ состоявшеюся уже прибавкою *Filioque*!!! Нужно ли опровергать такіе мнѣнія и даже припоминать писателей, связывавшихъ спонсируя съ столь несовѣстливыми тенденціями (см. у *Гергенрөтера*, II, 525)?

139. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ большая часть католическихъ писателей, разсматривавшихъ исторію собора 879 года: *Ассемани*, *Лекзби*, *Паталисъ*, *Флерн*, изъ повѣвшихъ *Гфрреръ*, *Пихлеръ*, *Гөфеле*, *Гергенрөтеръ*; за ними въ разныхъ степеняхъ слѣдуютъ и солидные протестантскіе историки — *Шреккъ*, *Неалдеръ*, *Куртцъ*. Всѣ они признаютъ, что акты собора 879 года въ цѣломъ составѣ подлинны, но въ частностяхъ значительно измѣнены, скра-

шены, интерполированы въ пользу Фотія или по его соображеніямъ или самимъ или какимъ либо приверженцемъ его. Какія же основанія для такихъ утверждений? Прежде всего указываютъ на то, что письма папы Іоанна VIII, посланныя на соборъ съ легатомъ Петромъ, во второмъ и третьемъ засѣданіяхъ собора (*Hard.*, VI, I, 231—250, 278—282) читаны были не въ томъ видѣ, какъ они первоначально написаны, а съ нѣкоторыми смягченіями и восхваленіями въ пользу Фотія. Въ ватиканской библиотекѣ сохранились будто бы подлинныя латинскіе списки этихъ посланій, и ученые издатели *Acta Conciliorum*, не щадя бумаги, съ торжествомъ въ обличеніе коварнаго Фотія перепечатаютъ эти *epistolae Iohannis geminas ex codice Vaticano* и радомъ съ ними *caeteras epistolae a Photio corruptas*, то-есть, въ томъ видѣ, какъ они читались на соборѣ 879 года (*Harduin.*, V, 1165—1196, t. VI, I, 63—77). Но мы уже говорили (примѣч. 52, Г.), что при чтеніи писемъ папскихъ на соборахъ константинопольскихъ не только Фотіевыхъ, но и на соборѣ, созванномъ противъ Фотія, и на другихъ допускались нѣкоторыя измѣненія не по злонамѣренной какой либо тенденціи, а просто по соображенію съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ; и это допускалось самими папскими легатами, и на это, вѣроятно, давалось имъ позволеніе отъ самихъ папъ. Почему же нужно полагать здѣсь поддѣлку Фотія? и зачѣмъ она нужна ему была въ данномъ случаѣ, когда положеніе его, независимо отъ того, такъ ли, или иначе выражался о немъ папа въ своихъ письмахъ, было такъ твердо и славно въ восточной церкви, какъ это представляется на соборѣ 879 года? Не должны ли были сами легаты папскіе, даже не ради замаскированія передъ Фотіемъ, а ради того, чтобы имъ самимъ не остаться на соборѣ въ очень неловкомъ положеніи, при чтеніи папскихъ писемъ смягчать въ нихъ такіа, напримѣръ, выраженія, что Фотій долженъ просить прощенія на соборѣ съ незаконногъ будто бы занятіи *патриархата*, или что онъ утвержденіе свое на престолѣ долженъ торжественно признать *милостію папскою*? Могли ли бы пропустить такіа выраженія на соборѣ безъ сильнаго протеста греческіе ораторы собора, какъ Захарія халкидонскій, Проконій косарійскій, Ілія іерусалимскій и др., ловившіе легатовъ на каждомъ неосторожномъ словѣ, на каждомъ неумѣстномъ замечаніи римскихъ притязаній, и не столь рѣзко выдающихся? Не подало ли бы чтеніе такихъ щекотливыхъ и неумѣстныхъ выраженій повода къ пререканіямъ, которыхъ во всякомъ случаѣ не могъ желать Фотій, не могли желать и папскіе легаты, если они пріѣхали въ Константинополь затѣмъ, чтобы возстановить миръ римской церкви съ восточными церквами? И затѣмъ, при сооставленіи редакцій писемъ папскихъ, заимствованныхъ изъ ватиканскаго кодекса, съ тою редакціею ихъ, какая находится въ актахъ собора 879 года, почему именно требуется первой редакціи передъ второю отдавать преимущество подлинности? Сами же католическіе писатели сознаются, что главнѣйшее изъ помянутыхъ писемъ папскихъ въ древнѣе вѣка (у *Иео Шартрская* въ XII вѣкѣ) и на Западѣ читано было такъ, какъ оно читается теперь въ актахъ собора Фотіева (*Hefele*, IV, 438). Что же? Какая редакція древнѣе и правднѣе? И какъ образовалась эта разность редакцій? Сами католическіе писатели допускаютъ здѣсь разныя другія объясненія, помимо Фотіевой поддѣлки. Предполагаютъ (*Mani.*, XVII, 527), что письма папскія въ самомъ началѣ могли

быть приготовлены въ двухъ редакціяхъ: одна предлагалась для руководства самимъ логатамъ, а другая для предъявленія имъ стѣ. Предполагаютъ, что первая редакція была черновая, прозекъ письма, а другая официальная—самое письмо. А почему не сдѣлать еще такого предположенія, что если допустить намѣренное измѣненіе редакціи документа, то его согласіе съ аналогичными случаями, съ болѣею вѣроятностію, можно допустить въ ватиканскомъ папскомъ архивѣ, чѣмъ въ константинопольскомъ патриаршемъ (сравни. *Тόμος χαρας*, с. 124 и слѣд.). И наконецъ, вся эта исторія вовсе не такъ важна, чтобы ее нужно было раздувать (какъ раздувается она у Гергенрөтера во 2-й главѣ VI книги). Смыслъ папскихъ писемъ въ константинопольской и римской редакціяхъ въ сущности остается одинъ и тотъ же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частности, которыя очень мало измѣняютъ значеніе собора 879 года и смыслъ отношеній папы Іоанна къ патриарху Фотію. Если стоитъ объ этомъ говорить, то главнымъ образомъ только въ виду тѣхъ еще болѣе раздутыхъ выводовъ, которые даѣе извлекаются католическими писателями изъ (недоказаннаго) положенія о поврежденіи папскихъ писемъ въ Константинополѣ. На этомъ положеніи, съ присоединеніемъ еще нѣкоторыхъ весьма слабыхъ основаній, строятся выводы и о поврежденіи другихъ документовъ, относящихся къ собору 879 г. „Если,—говорятъ,—писма папы на соборѣ 879 г. были искажены, то, надо полагать, и инструкция папская, читанная въ 3-мъ засѣданіи собора, была искажена: папа не могъ въ ней такъ выражаться, что соборъ, собранный противъ Фотія при папѣ Адріанѣ, *essime habeatur nulla et irrita et non numeretur cum alia sancta synodo* (Herd., VI, 1, 209 или, какъ въ другомъ мѣстѣ, 295 стр., *essime sit rejecta, irrita et sine robore, neque computetur cum altera sancta synodo*). Папа Іоаннъ,—говорятъ,—не могъ такъ рѣзко выражаться о соборѣ своего предшественника“. Но чѣмъ же это можно доказать? Никакой другой редакціи папской инструкции мы не имѣемъ, кромѣ находящейся въ актахъ собора 879 г. И какъ же иначе папа, восстанавливая сношенія съ Фотіемъ, долженъ былъ выразиться о соборѣ 869 г. въ виду тѣхъ, которые не хотѣли имѣть общенія съ Фотіемъ именно на основаніи соборнаго опредѣленія 869 г., и которыхъ папа прямо осуждалъ въ особенномъ письмѣ къ нимъ, известномъ намъ именно по ватиканской редакціи папскихъ писемъ (Herd., VI, 1, 77)? И развѣ самый фактъ восстановленія сношеній съ Фотіемъ для ревнителей памяти Адріана 2-го былъ менѣе рѣзокъ, чѣмъ означенныя слова Іоанна VIII о соборѣ 869 г.? И развѣ папамъ того времени не позволили себѣ рѣзкихъ выраженій и дѣйствій относительно памяти своихъ предшественниковъ (напримѣръ, Стефанъ VI относительно Формоза?). Далѣе на указанномъ основаніи строятся еще разсужденія такого рода: „Если писма папскія въ актахъ собора 879 года представляются искаженными, то можно полагать, что и писма, представленныя на соборъ восточными мѣстоблюстителями, были также искажены; въ этихъ письмахъ, какъ и въ рѣчахъ многихъ епископовъ, произнесенныхъ на соборѣ, слишкомъ уже много высказывается лестнаго для Фотія и согласнаго съ его расчетами; вѣроятно, самъ Фотій все это поддѣлывалъ или присочинялъ для большаго прославленія своей личности“. Для краткости мы высказываемъ смыслъ этихъ разсужденій по поводу разныхъ частей и доку-

ментовъ Фотіева собора суммарно и своими словами, но что въ нихъ дѣйствительно такой смыслъ и логическій складъ, желающіе, если угодно, могутъ видѣть хотя бы пзъ пространнѣйшаго изложенія всей исторіи собора у Гергенрёттера въ шестой книгѣ его труда, особенно въ 8-й главѣ этой книги: Bd. II, Ss. 416—449. Но что же, если все лестное для Фотія и согласное съ его соображеніями въ письмахъ восточныхъ патріарховъ и рѣчахъ греческихъ епископовъ на соборѣ высказывалось само собою, потому что они глубоко уважали его и были единомысленны съ нимъ (какъ это и было на самомъ дѣлѣ)? И съ другой стороны ужели Фотія, этого хитрѣйшаго Фотія (*versutissimus*), можно представлять на столько наивнымъ, чтобы онъ въ актахъ соборныхъ, которые послѣ собора должны были поступить въ публичное обращеніе, сталъ *для величаго прославленія* себя вкладывать въ письма восточныхъ патріарховъ и уста греческихъ епископовъ такія рѣчи, которыхъ они не говорили и не писали? Ужели это помогло бы прославленію Фотія?... Но всего болѣе католическіе писатели вооружаются противъ подлинности письма Іоанна VIII къ Фотію, прилагаемаго къ актамъ Фотіева собора, относительно прибавки къ символу (*Ὁὗς ἀποτίθενται σωβαίνας ἡμᾶς*; и т. д. см. *Harduin*, VI, 1. 341, 118—119; сравн. выше примѣч. 131 въ скобкѣ). Понятно, что католическіе писатели не могутъ никакъ переварить этого письма, и мы знаемъ между ними только двухъ: Фасри (*Hist. Eccles.*, Paris, 1705, t. XI, pag. 494—495) и Пизлера (*Geschichte der Kirchentrennung*, München, 1864, Bd. I, S. 200), которые признаютъ это письмо подлиннымъ. Другіе выставляютъ противъ него различныя доказательства неподлинности—внутреннія и вѣшнія (сводъ ихъ у Гергенрёттера, II, стр. 541—551). Главнѣйшее внутреннее доказательство то, что папа не могъ такъ писать, не могъ такъ унижать себя предъ Фотіемъ. Мы уже разъяснили выше (примѣч. 131), что именно Іоаннъ VIII могъ такъ писать, и что письмо это представляеть въ своемъ содержаніи такія черты, по которымъ трудно было бы отнести написаніе его къ какому либо другому времени, какъ не къ тому, къ какому оно отнесено въ актахъ. Вѣшнія основанія противъ подлинности представляются тѣ, что письма этого нѣтъ въ сборникахъ папскихъ писемъ, хранящихся въ ватиканскихъ архивахъ (мало ли чего тамъ не оказывается теперь; сравн. конецъ 131 примѣчанія, въ томъ же смѣстѣ), что это письмо сдѣлалось извѣстнымъ первоначально лишь въ греческомъ текстѣ въ сочиненіяхъ греческихъ полемистовъ, писавшихъ противъ римской церкви (понятное дѣло!), и при томъ будто бы въ позднѣйшее время въ XV и XVI вѣкѣ (теперь самъ Гергенрёттеръ сознается, что это не такъ: II, 549—550). Самымъ же сильнымъ возраженіемъ противъ подлинности этого письма представляется то, что самъ Фотій не пользовался имъ на соборѣ 860 г. и не ссылался на него въ двухъ сочиненіяхъ, писанныхъ имъ противъ *Filioque* послѣ собора, то-есть, въ письмѣ къ митрополиту акхейскому и сочиненіи о Тайнѣ (*περί μυστηρίων*) *Св. Духа*. Въ томъ и другомъ сочиненіи онъ упоминаеть о папѣ Іоаннѣ, какъ о своемъ единомысленникѣ въ ученіи о Св. Духѣ, указываетъ на подпись его легатовъ подъ опредѣленнымъ собора 860 г. (сравн. примѣч. 132), но о письмѣ папы не говоритъ ничего. Но это вполне объясняется частнымъ характеромъ письма, которое папа, какъ мы видѣли, долженъ былъ писать къ Фотію по секрету отъ своихъ запад-

дихъ соепископовъ. Для Фотія, конечно, официальное засвидѣтельствованіе неприкосновенности никейскаго символа представителями западной церкви на самомъ соборѣ было важнѣе письма, полученнаго изъ Рима секретно, хотя бы и отъ самого папы. Если Фотій въ сочиненіи о *Тайнѣ Св. Духа*, рядомъ съ упоминаніемъ о подписяхъ папскихъ легатовъ подъ соборными опредѣленіями 880 г., указывалъ еще въ пользу ученія о неприкосновенности символа на письмо Адріана 3-го, присланное къ нему по вступленіи на папскій престолъ (примѣч. 131, въ сноскѣ къ концу), то это потому, что письмо Адріана 3-го, очевидно, имѣло прямой официальный характеръ (*synodical épiistolé*, *Migne*, СП, 381), а письмо Іоанна VIII, секретное, такого значенія не могло имѣть. Это показываетъ лишь извѣстную степень разборчивости и совѣстливости, съ какою Фотій пользовался находящимися въ его распоряженіи аргументами въ пользу своихъ мнѣній. Не говоримъ уже о томъ, что какъ тѣ западные писатели, которые высказывались за подлинность означеннаго письма—Флери, Пихлеръ, не подають никакого повода заподозрѣвать ихъ въ расположеніи къ восточному церковному ученію, такъ и тѣ восточные писатели, которые указывали на это письмо, какъ Нилъ Кавасила, Нилъ родосскій, Маркъ эфесскій, Геннадій схолярій, и другіе позднѣйшіе, между прочимъ, такіе ученые русской церкви, какъ Адамъ Зерникавъ, Осефанъ Прокоповичъ, преосв. Макарій и Филаретъ черниговскій, не дають повода заподозрѣвать ихъ въ расположеніи къ пользованію фальшивыми или сомнительными намятинками (см. „Догмат. Богослов.“ преосв. Макарія, т. I, § 38, примѣч. 713; сравн. Филарета Черниговскаго „Догмат. Богослов.“, т. I, § 68, стр. 178; „Историч. ученіе объ отцахъ церкви“, т. III, § 282, стр. 328; см. также проф. Лавровскаго „Кириллъ и Меодій“, стр. 422—423). Наше мнѣніе о письмѣ Іоанна VIII такое: оно, пожалуй, представится не на столько важнымъ, чтобы необходимо нужно было связывать съ нимъ исторію собора 879 г. и постановленнаго на немъ опредѣленія о неприкосновенности никейскаго символа. Неприкосновенность символа въ восточной богословской наукѣ обоснована на такихъ твердыхъ данныхъ, что для подкрѣпленія ея не было бы никакой надобности изыскивать новый аргументъ въ мнѣніяхъ колебавшагося въ православіи папы; но съ признаніемъ подлинности этого письма исторія собора 879 года не сомнѣнно представляется въ болѣе полномъ и ясномъ свѣтѣ (примѣч. 131). И съ другой стороны аргументы противъ подлинности, приводимые католическими писателями, далеко не такъ вѣски, чтобы изъ-за нихъ нашимъ православнымъ писателямъ (какъ это замѣчается у нѣкоторыхъ новыхъ) нужно было отступиться отъ этого историческаго документа или умалчивать о немъ тамъ, гдѣ сказать нужно.

140. Прежде католическіе писатели вообще находили невѣроятнымъ огромное число епископовъ (380), записанныхъ, съ обозначеніемъ епархій ихъ, присутствовавшими на соборѣ 879 г. (въ самомъ началѣ актовъ соборныхъ; *Harcl.*, VI, 1, 213—218). Но теперь соглашаются съ тѣмъ, что Фотій на свои соборы могъ и старался (въ тщеславіи, конечно, объясняютъ католическіе писатели) собирать громадное число епископовъ. *Гершенкретъ* (II, 451 — 461) подробнѣйшимъ образомъ разбираетъ епископскія записи, обозначенныя въ актахъ собора 879 г., и приходитъ къ такому заключенію, что лишь нѣкоторые изъ

нихъ (не болѣе 20) можно находить сомнительными. „Нѣкоторые епархіи обозначены неважѣстныя“ (никогда составъ церковныхъ округовъ не опредѣлялся сразу навсегда; новыя епархіи основывались и закрывались по мѣрѣ надобности); „нѣкоторые записаны не въ тѣхъ церковныхъ округахъ, къ которымъ онѣ принадлежали“ (и принадлежность епархій къ округамъ измѣнялась; бывали по особеннымъ соображеніямъ перечисленія изъ однихъ округовъ въ другіе); „нѣкоторые епархіи обозначены по два раза“ (бывали въ разныхъ церковныхъ округахъ одноименныя епархіи); „изъ нѣкоторыхъ епархій записано по два разноименныхъ епископа“ (и это могло быть, особенно въ то время: одинъ епископъ могъ быть, остававшійся отъ времени правленія Игнатіева, другой—приверженецъ Фотія, возвратившійся изъ изгнанія: Фотій на основаніи древнихъ примѣровъ старался всѣхъ умиротворять и устроить похъ условіемъ соблюденія союза церковнаго). Но все это такія частности, на которыя совершенно не стоитъ обращать большаго вниманія (въ цѣляхъ свѣтскихъ), а подобныя которымъ встрѣчаются въ актахъ самыхъ великихъ древнихъ соборовъ. Въ концѣ концовъ Гергенрѣтеръ сознается, что соборъ 879 г. сравнительно съ предшествовавшимъ соборомъ 869 г. былъ *dreifach stärkeres Concil* (S. 441) и представлялъ *eine wahrhaft imponante Erscheinung, wie sie seit dem Concil von Chalcedon nicht mehr gesehen worden war* (S. 462).

141. Разностей въ спискахъ актовъ собора 879 г. находятъ много. Мы въ изслѣдованіе этого предмета не входимъ, тѣмъ болѣе, что самый матеріалъ, какимы въ настоящее время можетъ по этому предмету пользоваться наука, далеко нельзя считать полнымъ. Гергенрѣтеръ въ изложеніи дѣяній собора указываетъ довольно такихъ разностей (*особенно въ восьмой главѣ VI книги*). Но всѣ эти разности такого рода, что онѣ не измѣняютъ въ существѣ смысла и характера соборныхъ дѣяній... Кстати, можно-ли считать надежнѣйшими тѣ списки, съ которыхъ производится печатаніе дѣяній собора въ извѣстныхъ западныхъ „*Acta Conciliorum*“? Обратимъ вниманіе на одну частности, повидимому, малѣйшую, но имѣющую свое особенное значеніе. На соборѣ 879 г. неоднократно провозглашались многоглаголюющія императору византійскому, патріарху константинопольскому и папѣ римскому. Въ большей части древнихъ списковъ актовъ соборныхъ имя патріарха Фотія (какъ патріарха мѣстной церкви) стоитъ послѣ имени императора, но прежде имени папы Іоанна, и такъ напечатано въ *Тѣмосъ Харѣс*. Но у западныхъ издателей *Гардумна* и *Манси* имя папы Іоанна поставлено впереди Фотія въ согласіи будто бы съ древнѣйшимъ ватиканскимъ кодексомъ. Но почему же въ *Балюлевомъ* списокѣ ватиканскаго кодекса, которымъ пользовался *Флери*, имя Фотія стояло также впереди Іоаннова? (Сравн. *Fabricii Bibliotheca*, t. X, 674; *Гергенрѣтера*, II, 471, примѣч. 35). Съ какими крайностями проводятъ католическіе ученые свои церковныя тенденціи даже въ мелочахъ!

142. Въ актахъ собора 879—880 г. дѣйствительно не мало встрѣчается панегирическихъ, пожалуй даже гиперболическихъ выраженій. Съ точки зрѣнія современныхъ вкусовъ очень не трудно на такія выраженія набрасывать стрѣлы пропіи и негодованія, какъ и дѣлаютъ это такіе серьезные ученые, какъ Гефеле и Гергенрѣтеръ. Но акты собора 879 г. по своему тону совсѣмъ

не представляютъ въ этомъ случаѣ какого либо исключенія. Подобное же встрѣчается и въ актахъ другихъ древнихъ соборовъ и объясняется изъ духа и вкусовъ того времени. И нужно сказать при томъ, что панегирики въ актахъ собора 879 г. расточаются не одному патріарху Фотію, но и папѣ Іоанну, императору Василию, восточнымъ патріархамъ, и расточаютъ ихъ не одни греческіе епископы, но и едва ли еще не богѣ римскіе легаты....

143. Здѣсь мы должны отдать долгъ справедливости изслѣдованію ученаго, противъ котораго намъ болѣе всего приходилось дѣлать возраженій въ предшествовавшихъ примѣчаніяхъ, то-есть, изслѣдованію кардинала Гергенрётора. Если сравнить его изложеніе дѣяній собора 879—880 г. съ тѣмъ, какъ излагалась исторія этого собора прежде у католическихъ писателей—Бароніи, Аляція и дальнѣйшихъ, даже съ тѣмъ, какъ излагалась она уже и въ нынѣшнемъ столѣтіи и у такихъ серьезныхъ протестантскихъ писателей, какъ Невандеръ, то постигнуть нельзя не подивиться тому, какъ далеко подвинулась впередъ западная наука по пути серьезности и безпристрастія... въ дѣлѣ разъясненія значенія патріарха Фотія и собраннаго имъ въ 879 г. собора, и какъ близко уже подходятъ результаты кропотливѣйшихъ западныхъ изслѣдованій къ тѣмъ воззрѣніямъ на Фотія и его соборъ, какія издавна, хотя и безъ строгой научной обосновки, по традиціи держались на православномъ Востоке. Конечно, и такіе писатели, какъ Гофманъ и Гергенрёторъ, стараются все-таки поддерживать, сколько возможно, давніи тенденціи своей партіи и церкви, видоизмѣняя и подкрѣпляя ихъ новыми утонченными аргументами: но старая правда все-таки мало-по-малу беретъ свое, и ложныя измышленія дѣлѣхъ вѣковъ постепенно разсѣиваются... Изъ нашихъ русскихъ писателей послѣ А. Н. Муравьева, который первый ясно понялъ и вѣрно въ общихъ чертахъ опредѣлилъ значеніе собора 879 г. (хотя онъ и не видѣлъ еще подлинныхъ актовъ собора и руководствовался главнымъ образомъ свѣдѣніями о немъ, заимствованными у Флери), за болѣе подробное изложеніе исторіи собора 879—880 г. по подлиннымъ актамъ (или, по крайней мѣрѣ, по свѣрѣхъ съ подлинными актами) мы должны высказать благодарность профессору Московской духовной академіи А. П. Лебедеву. Хотя собственно въ его книжкѣ „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“ новаго, сравнительно съ Невандеромъ, Гёфелемъ и Гергенрёторомъ, читатели мало могутъ найти; хотя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ профессоръ Лебедевъ расходится съ упомянутыми западными писателями, критика ихъ мнѣній у него не довольно сильна и заимствуется болѣею частью изъ матеріала, представляемаго тѣми же критикуемыми писателями; хотя съ другой стороны въ иныхъ мѣстахъ онъ безъ нужды дѣлаетъ означеннымъ писателямъ не довольно осторожныя уступки (какія мы выше и сочли нужнымъ оговорить, напримѣръ, о значеніи изданія *Томосъ Харѣс*, о поврѣжденности папской инструкціи въ актахъ соборныхъ, о неофициальномъ будто бы значеніи 6-го и 7-го засѣданій соборныхъ): тѣмъ не менѣе такого подробнаго изложенія содержанія соборныхъ актовъ (хотя и не вездѣ съ разъясненіями смысла ихъ) доселѣ на русскомъ языкѣ не представлялось ни у кого изъ писавшихъ о Фотіѣ.

144. О томъ, какъ происходили дѣла на первомъ изъ означенныхъ соборовъ, подробно намъ не извѣстно: протоколы его не дошли до насъ (а они

были бы весьма любопытны для выясненія исторіи перваго патриаршества Фотіева). Сохранилось только опредѣленіе его, изложенное въ шести пунктахъ, о Фотіѣ, Григоріѣ сиракузскомъ и объ иконопочитаѣи. Это опредѣленіе четыре раза напечатано въ V томѣ *Acta Conciliorum Harduini* (и въ соответствующихъ томахъ—VIII у *Лаббеля* и XV у *Манси*): въ письмахъ папы Николая къ императору Михаилу (*Hard.*, V, 137—140) и клиру константинопольскому (*ibid.*, (202—206), въ латинскомъ Анастасіевомъ текстѣ дѣлній собора 869 г. (*ibid.*, 847—850) и въ греческомъ (съ латинскимъ переводомъ) текстѣ, изданномъ Радеромъ (*ibid.*, 1069—1074). О второмъ соборѣ, кромѣ подробнаго сообщенія о его совѣщаніяхъ и опредѣленіяхъ въ письмѣ самого папы Адріана, читанномъ въ 7-мъ засѣданіи константинопольскаго собора того же 869 г. (*Hard.*, V, 861—871, 1075—1083, и въ соответствующихъ томахъ у *Лаббеля* и *Манси*), какъ мы уже упоминали (*примечаніе* 96), есть довольно характерное описаніе у жизнеописателя папы Адріана (*Migne, Ser. Latina*, CXVIII, 1386 и дал.). О третьемъ соборѣ, какъ этого и нужно ожидать (ибо соборъ созванъ былъ въ пользу Фотіа), извѣстія менѣе. Отъ него сохранилась только инструкция для легатовъ, назначенныхъ присутствовать на константинопольскомъ соборѣ 879 г., которая предъявлена была ими въ 3-мъ засѣданіи собора (и ту, какъ мы недавно говорили въ *примечаніи* 136, католическіе писатели заподозрѣваютъ въ поврежденности текста — *Hard.*, VI, 209... и 296... и въ XVII томѣ у *Манси*). Но очень характерное обстоятельство здѣсь представляется то, что подъ означенною инструкціею значатся подписавшимися нѣкоторые изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые подписывали проклятіе Фотію на римскомъ соборѣ при папѣ Адріанѣ и даже на константинопольскомъ 869 года. (*Gauderius episcopus Welitrensis*, *Stephanus episcopus Nepeunus* (бывшій легатъ собора 869 г.), *Martinus episcopus Narniensis*, *Petrus presbyter tituli sancti Chrysogoni* (легатъ на соборѣ 879 г.), *Leo diaconus*). Да и самъ папа Іоаннъ, теперь дѣйствовавшій въ пользу Фотіа, на римскомъ соборѣ при папѣ Адріанѣ былъ, какъ уже упомянуто выше, однимъ изъ главныхъ докладчиковъ и ораторовъ по дѣлу осужденія Фотіа (*ср. примѣч.* 87). На столько вѣрнымъ оказывается католическое ученіе о непреложности опредѣленій римской церкви, *sacrae sedis apostolicae*. (Сравни. объ означенныхъ римскихъ соборахъ *Hefele IV*, §§ 470, 485, 497).

145. Папа Николай въ письмѣ къ Гинкмару, архіепископу реймскому, и прочимъ епископамъ царства короля Карла Лысого (*Migne, Ser. Latina*, CXIX, c. 1st. CLII) сообщаетъ, что онъ уже въ 865 г., получить отъ греческаго императора Михаила письмо, исполненное дерзкими и хульными нападеніями на привилегіи римской касседры, созывалъ въ Римѣ соборъ, на которомъ „*convocatis quibusdam e vicinis locis fratribus et coepiscopis nostris de his, quod nobis canonice visum est, praedecessorum nostrorum recenti vestigia, decrevimus et ordinavimus* (pag. 1154). Но что именно было опредѣлено и постановлено на этомъ соборѣ, осталось неизвѣстнымъ, и никакихъ документовъ отъ столь важнаго, по видимому, собора въ собраніяхъ *Acta Conciliorum* не сохранилось. Затѣмъ, когда получено было въ Римѣ пересланное изъ Болгаріи письмо императоровъ Михаила и Василія къ князю Борису (*см. примѣч.* 74, а.) съ обличеніями латинскихъ мнѣній и обычаевъ,—письмо, писанное, по выраженію

папы, тростію, омоченною въ болотѣ хуленія (*in laci blasphemiae*), и когда потомъ до свѣдѣнія папы дошло, что греки „haec sua veneni graminis semina per alias mundi partes dispergant—adeo ut, sicut ipsi gloriantur ad Alexandrinum et Hierosolymitanum patriarchas jam miserunt (тѣмъ охотнѣе, разумѣется окружавшее посланіе Фотія къ восточнымъ патріархамъ), папа находилъ нужнымъ pro his et his similibus causis canonice discutiendis et rite definiendis созвать въ Римѣ новое большое собраніе западныхъ епископовъ изъ различныхъ странъ въ своемъ присутствіи (*ibid.*, pag. 1158). Это большое собраніе въ Римѣ, однако-жъ, не состоялось, и папа вскорѣ затѣмъ умеръ. Но въ другихъ странахъ, по возбужденію и призыву папскому, созвано было нѣсколько мѣстныхъ соборовъ для обсужденія и опроверженія греческихъ обвиненій. Во Франціи, по сказанію *Флодоарда*, реймского глгописца (*lib. III, cap. 17, 23; Migne, Ser. Lat., CXXXV*), архіепископъ Гинкмаръ, въ присутствіи самого короля Карла, созвалъ большой епископскій соборъ (*in palatio Corbonaso*). Не извѣстно, что говорилось на этомъ собраніи, но по рѣшенію его поручено было написать опроверженіе противъ грековъ Одону, епископу *Bellovacensi* (*Beauvais*). Онъ и представилъ Гинкмару составленную имъ книгу; эта книга не дошла до насъ. Но выѣсть съ нею написаны были еще два сочиненія, которыми и положено было начало западной полемикѣ противъ грековъ, Энеомъ, епископомъ парижскимъ, и монахомъ корбейскаго монастыря Ратрамномъ. Эти два сочиненія сохранились. Отрывки изъ перваго сочиненія помѣщаются даже въ собраніяхъ *Acta Conciliorum* (*Hard.*, V, 314 — 318); но въ полномъ видѣ оба сочиненія можно читать у *Миля*, *Patrologia latina*, t. CXXI. Въ этихъ сочиненіяхъ защищается западное ученіе объ исхожденіи Св. Духа, прибавка къ символу, постъ въ субботу, безбрачіе священниковъ и другія западныя нововведенія. Достоинство сочиненій не важно, какъ сознаются и новые католическіе писатели (Гефеле, Гергенрестеръ и др.). Путемъ софизмовъ выводится западное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына изъ того самаго текста, на которомъ утверждается древнее православное ученіе объ исхожденіи отъ Отца (*Іоанна*, XV, 26), и западная прибавка къ символу вѣры оправдывается тѣмъ самымъ членомъ символа, въ которомъ изложено ученіе о Св. Духѣ безъ этой прибавки. Приводится въ пользу западнаго ученія много свидѣтельствъ изъ писаній отеческихъ; но эти свидѣтельства во многихъ мѣстахъ приводятся неправильно, или истолковываются искусственно. Въ особенности представляется ненадежною историческая или фактическая сторона этихъ сочиненій. Въ одномъ изъ нихъ (у *Энея* парижскаго), какъ мы уже упоминали, патріарху Фотію (примѣч. 58, 6) поставляется въ упрекъ, что онъ отъ супружескаго ложа вззошелъ на престолъ епископскій, для чего нѣтъ никакихъ основаній. У другаго, *Ратрамна*, отрицается существованіе въ западной церкви обычая (обличаемаго греками) діаконствъ, помимо пресвитерства, прямо возводитъ въ епископскій санъ, между тѣмъ какъ Эней парижскій признаетъ и находитъ нужнымъ защищать этотъ обычай (а оба писателя жили въ одной церковной области, писали въ одно время, и сочиненіе Ратрамна представлено было Гинкмару чрезъ посредство того же Энея). Съ такою же рѣшительностью отвергается полемистами существованіе въ западной церкви другаго обычая, обличеннаго греками, полагать на святомъ

престолѣ рядомъ съ евхаристическою жертвою жертвеннаго агнца по ветхозавѣтному обычаю (обычай, несомнѣнно допускавшася въ западныхъ церквяхъ и ранѣе и позже этого времени). Богѣе подробное изложене сочиненій Энеса и Ратрамна можно видѣть въ церковныхъ исторіяхъ *Шретка* (Bd. 24, Sa. 175—182) и *Грѣрера* (III Bd. 1 Abth., Sa. 268—271), въ исторіи соборовъ *Гефеле* (§ 482) и *Герієпрѣтера* (Bd. I, 475—482); на русскомъ языкѣ въ сочиненіи профессора *Лебедева* „Церковь римская и византійская въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и церковно-обрядовыхъ спорахъ, Москва, 1875 г.“ Въ Германіи обличенія грековъ также разсматривались, въ присутствіи Людовика пѣмеккаго, на епископскомъ соборѣ въ Вормсѣ въ маѣ 868 г. (*Annales Fuldenses y Пертца*, I, 380). Часть разсужденій и постановленій этого собора уже давно была извѣстна и печаталась въ актахъ соборныхъ (*Hard.*, V, 733—737; *Manzi*, XV, 866 и дал.). Другая часть открыта въ Вѣнской библіотекѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія ученымъ бенедиктинцемъ *Нейгардтомъ* и перепечатана въ приложеніи къ письмамъ папы Николая у *Миля*, *Latina Series*, CXIX, col. 1201—1212. По содержанію разсужденія пѣмекскихъ епископовъ не выше разсужденій французскихъ ученыхъ (подробнѣе о Вормскомъ соборѣ и его постановленіяхъ у *Гефеле*, § 483; у *Герієпрѣтера* короче, I, 682—684).

146. Въ 4-мъ засѣданіи собора 879 года представители восточныхъ патріарховъ заявили, что ихъ патріархи уже прежде осудили и анафематствовали дѣянія собора 869 года, собраннаго противъ Фотія (*Hard.*, VI, I, 313—314). Вѣроятно, и по поводу окружнаго посланія Фотія къ восточнымъ патріархамъ были въ восточныхъ патріаршествахъ какія либо совѣщанія и постановленія: но о нихъ ничего не извѣстно.

Прот. А. Иванцовъ-Платоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БОРЬБА ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СЪ НИЩЕНСТВУЮЩИМИ МОНАХАМИ ВЪ ПОЛОВИНѢ XIII ВѢКА ¹⁾.

Предметомъ моей лекціи я избралъ вопросъ о столкновеніи Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII столѣтія. Ближайшимъ поводомъ къ выбору этой темы послужило слѣдующее. Два года назадъ положено было начало изданію великолѣпнаго собранія актовъ, относящихся къ исторіи Парижскаго университета ²⁾. Въ составъ его входятъ документы самаго разнообразнаго происхожденія и содержанія: тутъ есть привилегіи на всевозможныя льготы, полученныя университетомъ отъ папъ и французскихъ королей; рѣшенія папъ, легатовъ и королей по различнымъ процессамъ, возникавшимъ какъ при столкновеніяхъ внутри самого университета, напримѣръ, между его факультетами или націями, такъ и при внѣшнихъ столкновеніяхъ университета съ парижскимъ епископомъ и его канцлеромъ, съ горожанами и ихъ прево; здѣсь помѣщены статуты, опредѣляющіе организацію или университета вообще, или же составныхъ его частей: факультетовъ, націй, коллегій; наконецъ, здѣсь же дано мѣсто многочисленнымъ письмамъ, такъ или иначе касающимся университета, его профессоровъ и студентовъ. Многіе изъ этихъ документовъ являются въ печати впервые; другіе хотя и были извѣстны, но по копіямъ; здѣсь же они изданы по оригиналамъ или по лучшимъ спискамъ, а, главное, всѣ они сопровождаются болѣе или менѣе обширными примѣчаніями.

Появленіе столь обильнаго и разнообразнаго матеріала само собою наводитъ на мысль о необходимости пересмотра исторіи Парижскаго университета; но браться за такую задачу теперь же было бы еще

¹⁾ Публичная лекція въ пользу голодающихъ, произнесенная 8-го марта 1892 г. въ Университетѣ св. Владиміра.

²⁾ *Chartularium Universitatis Parisiensis* ed. H. Denifle et Aem. Chatelain, 1889.

преждевременно, и нужно подождать, когда изданіе актовъ будетъ подходить къ концу; за то вполне возможно и уместно заняться болѣе внимательнымъ изученіемъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ начальной исторіи Парижскаго университета. Вотъ на одномъ изъ подобныхъ эпизодовъ, на борьбѣ Парижскаго университета съ нищенствующими, въ которой ярко выразилось и значеніе университета, и его своеобразное устройство, и нравы его профессоровъ и студентовъ, интересъ къ нему со стороны властей и общества. я и намѣренъ остановить наше вниманіе.

Но чтобы понять происхожденіе борьбы между Парижскимъ университетомъ и нищенствующими, ходъ ея развитія и результаты, къ какимъ она привела, необходимо сперва познакомиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ обѣими враждовавшими сторонами предъ началомъ столкновенія между ними.

Подъ именемъ университета мы привыкли разумѣть высшее учебное заведеніе, гдѣ преподаются различныя науки, сгруппированныя въ большее или меньшее количество факультетовъ; для насъ университетъ—это *universitas litterarum*. Совсѣмъ иной смыслъ соединился со словомъ университетъ — *universitas* въ XIII вѣкѣ; оно обозначало тогда не высшее учебное заведеніе, а корпорацію вообще, въ частности же—то корпорацію профессоровъ и студентовъ, какъ было въ Парижѣ, то—однихъ студентовъ, какъ было въ Болоньѣ ¹⁾. Что слово *universitas* имѣло указанный смыслъ, это видно какъ изъ того, что въ XIII вѣкѣ для обозначенія высшей школы употреблялся другой терминъ—*studium generale*, такъ и изъ того, что терминъ *universitas* прилагался и къ другимъ корпораціямъ, въ особенности — къ городскимъ. Нужно при этомъ замѣтить, что въ примѣненіи къ городскимъ корпораціямъ терминъ *universitas* сталъ употребляться гораздо раньше, чѣмъ по отношенію къ университетамъ, а потому скорѣе можно говорить о заимствованіи его учащими и учащимися отъ горожанъ, а никакъ не наоборотъ. Въ настоящее время въ самомъ сплоченіи учащихся и учащихся въ корпораціи видятъ одно изъ проявленій общаго коммунальнаго движенія, быстро охватившаго Западную Европу съ конца XI вѣка. Но коммунальное движеніе, какъ извѣстно, было результатомъ стремленія горожанъ ограничить злоупотребленія по отношенію къ нимъ со стороны феодаловъ и приобрѣсть самоуправленіе ²⁾;

¹⁾ *G. Kaufmann*, Die Geschichte der deutschen Universitäten, 1888, S. 98.

²⁾ *Ach. Luchaire*, Les communes françaises à l'époque de Capétiens directs, 1890.

если же соединеніе учащихся и учащихся въ корпораціи, въ университеты, было однимъ изъ проявленій общаго коммунальнаго движенія, въ такомъ случаѣ само собою возникаетъ предположеніе, что и въ положеніи учащихся и учащихся предъ возникновеніемъ университетовъ было много ненормальнаго, отъ чего они и попытались избавиться - сплоченіемъ въ корпораціи, въ университеты.

Университетамъ предшествовали и подготавливали для нихъ почтенныя епископальныя и монастырскія школы ¹⁾. Ближайшая задача этихъ школъ состояла въ подготовкѣ образованныхъ клириковъ и въ воспитаніи для этой цѣли тѣхъ дѣтей, которыя съ малыхъ лѣтъ были посвящаемы родителями на служеніе Богу. Для такихъ обреченныхъ дѣтей (*oblatis*) при кафедральныхъ соборахъ и въ монастыряхъ, внутри ограды, устраивались училища. Учили будущихъ клириковъ не особенно много: для этого въ тѣ времена не хватало ни хорошихъ учителей, ни книгъ, ни даже — писчаго матеріала; но за то дѣтей приучали къ самой суровой дисциплинѣ. Днемъ и ночью ученики были подъ неусыпнымъ надзоромъ приставленныхъ къ нимъ *circatores*, которые замѣчали каждую ошибку въ чтеніи, въ пѣніи, въ поклонахъ въ церкви, въ знаніи уроковъ, въ каллиграфіи и орфографіи въ школь, въ поведеніи за столомъ, на прогулкѣ, въ спальнѣ, и обо всемъ замѣченнымъ докладывали учителю, и тогда за всякій промахъ ученику грозилъ выговоръ, лишеніе обѣда, карцеръ и особенно — розги ²⁾. Изъ рукописей на миниатюрахъ учитель (*scholasticus*) иначе и не изображается, какъ съ розгой въ рукахъ, и это не было каррикатурою: розга была символомъ права учителя судить и наказывать учениковъ; если король, посѣтивъ школу, хотѣлъ выразить свое уваженіе учителю, то жаловалъ ему серебряную розгу.

Въ епископальныя и монастырскія школы, приобретающія почему либо извѣстность, зажиточные родители нерѣдко отдавали своихъ дѣтей, хотя бы и не предназначали ихъ къ поступленію въ клиръ; за содержаніе и обученіе подобныхъ дѣтей, конечно, взималась извѣстная плата. Если число такихъ учениковъ возрастало, для нихъ строилась особая школа внѣ ограды. Подобная внѣшняя школа, при большомъ наплывѣ въ нее учениковъ, могла обогатить церковь или монастырь, какъ, напримѣръ, это случилось въ XI вѣкѣ съ бѣднымъ монасты-

¹⁾ *L. Maitre*, Les écoles épiscopales et monastiques de l'Occident, 1866; *Fr. A. Specht*, Geschichte des Unterrichtswesens in Deutschland, 1885.

²⁾ *Leon Maitre*, pp. 192—209; *Specht*, pp. 202—215.

ремъ въ Нормандіи Бекъ, когда его школою сталъ завѣдывать знаменитый Лафранкъ ¹⁾).

Подобное процвѣтаніе епископальныхъ и монастырскихъ школъ однако же рѣдко было продолжительно. Если монастырь подвергался опустошенію отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, или же дѣлался предметомъ борьбы между различными претендентами на санъ въ немъ аббата, на право патроната надъ нимъ, или если въ монастырѣ приходила въ упадокъ дисциплина, немедленно это отражалось и на благосостояніи его школы: монахи-учителя и ученики разбѣгались, собранныя ими книги расхищались, начинавшаяся въ немъ литературная дѣятельность замирала, пока не являлся реформаторъ, умѣвшій возстановить въ монастырѣ порядокъ и дисциплину, доставить ему почетъ въ глазахъ окрестнаго населенія, привлечь въ составъ братія образованныхъ людей и съ помощью ихъ снова открыть школу. Что касается до епископальныхъ школъ, то полное закрытіе ихъ, какъ и уничтоженіе самыхъ епархій, случалось рѣдко, но здѣсь были свои условія, могшія повести къ упадку школъ. Епископальная школа находилась въ вѣдѣніи не столько епископа, сколько соборнаго капитула, устройство котораго близко напоминало монастырь съ однимъ отличіемъ: монахи отрекались отъ права личной собственности, сохраняя его за монастыремъ, члены же соборныхъ конгрегацій одновременно располагали правомъ собственности и личной и конгрегационной. Съ XI вѣка у членовъ соборныхъ капитуловъ замѣчается стремленіе къ выдѣлу изъ конгрегационныхъ имѣній особыхъ бенефицій, приурочиваемыхъ къ той или иной должности, каковую кто исполнялъ въ конгрегации ²⁾. Чѣмъ важнѣе была должность, тѣмъ болѣе доходная доставалась ей бенефіція; а такъ какъ схоластикъ или канцлеръ, завѣдывавшій епископальною школою, считался вторымъ лицомъ послѣ декана, то и предоставляемая ему бенефіція была одною изъ самыхъ богатыхъ. Съ выдѣленіемъ бенефицій въ личное распоряженіе у канониковъ естественно возникло желаніе жить не въ конгрегации, внутри ограды соборной, а въ предѣлахъ своей бенефіціи. Отъ этого общаго теченія не избѣжалъ и схоластикъ: и онъ, вмѣсто того, чтобы самому лично учить и управлять школою, охотно сталъ возлагать эту обязанность на своихъ помощниковъ, предоставляя имъ *licentiam docendi*, право на преподаваніе. Но этого мало:

¹⁾ *L. Maître*, pp. 122—124.

²⁾ *Specht*, pp. 172—191.

конгрегация, выдавая схоластику богатую бенефицію, на него же возлагала и содержаніе школы. Попятно, что схоластики были не прочь восполнить свои доходы путемъ ограниченія содержанія школы. Отсюда жалобы на плохое преподаваніе въ школахъ, на упадокъ въ ней дисциплины, на скудное содержаніе учениковъ, на отсутствіе учебныхъ пособій и пр. Раньше всего эти жалобы слышатся со стороны самихъ же канониковъ, у которыхъ въ школахъ бывали родственники. Но вѣсто того, чтобы настаивать на восстановленіи стараго порядка, они, виновные въ томъ же самомъ, стремятся доставить лишнія льготы своимъ родичамъ, требуя, чтобы послѣднимъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, дозволено было жить не въ школахъ, а у родныхъ, а на содержаніе—получать извѣстныя стипендіи изъ средствъ конгрегации. При такомъ порядкѣ съ одной стороны должна была ослабѣть школьная дисциплина, а съ другой—старшіе ученики, заручившіеся стипендіями, могли отправиться заканчивать свое образованіе туда, гдѣ по слухамъ преподаваніе шло особенно успѣшно.

Такое отправленіе въ многогородныя и мноземныя школы¹⁾ лучшихъ и способнѣйшихъ учениковъ въ сущности практиковалось давно; но прежде оно дѣлалось по инициативѣ аббатовъ и епископовъ, которые изрѣдка отправляли даже своихъ схоластиковъ въ чужія страны, чтобы они могли тамъ усовершенствоваться въ наукахъ и въ методѣ преподаванія, при чемъ сохраняли за ними въ продолженіе 2—3 лѣтъ право получать доходы съ ихъ бенефицій; но съ половины XI вѣка сами ученики высшихъ школъ, не зависѣвшіе отъ прелатовъ, а равно и родственники канониковъ изъ *oblati*, заручившись стипендіями, спѣшати отправиться въ школы знаменитыхъ учителей. Жизнь на свободѣ, послѣ суровой дисциплины въ монастырскихъ и епископальныхъ школахъ, сама по себѣ представляла значительную приманку для молодежи; присоедините къ этому прелесть путешествія, возможность перехода отъ одного славнаго магистра къ другому, и вы поймете, почему съ половины XI вѣка такъ усилилось стремленіе у молодежи заканчивать свое образованіе посредствомъ посѣщенія наиболѣе славныхъ школъ.

Большинство естественно отправлялось туда, гдѣ можно было не только восполнить свои свѣдѣнія, но и весело и пріятно пожить. А такимъ излюбленнымъ мѣстомъ съ конца XI вѣка дѣлается Парижъ²⁾.

¹⁾ *Specul.*, pp. 192—201.

²⁾ Ср. док. №№ 19, 20, 22, 24, 51—53 *partis intr.*

Часть ССЛХХХІІІ (1892. № 9), стр. 2.

Въ Парижѣ съ давнихъ поръ существовала не только епископальная школа, но и нѣсколько монастырскихъ ¹⁾. Еще съ конца IX вѣка въ этихъ школахъ учатся, помимо мѣстныхъ клириковъ, и пріѣзжіе изъ сосѣднихъ областей и странъ; но особенно усилился приливъ въ Парижъ нѣбзжихъ учениковъ съ конца XI вѣка, когда тамъ прославился своимъ преподаваніемъ Вильгельмъ Шампо, про котораго одинъ изъ его учениковъ выражался такъ: „слушая Вильгельма, подумаешь, не говорить ли это ангелъ съ неба,—такую глубину мыслей и пріятностью рѣчи отличаются его уроки“. Когда Вильгельмъ Шампо изъ соборной школы перешелъ въ монастырь св. Виктора, то слушать его преподаваніе тамъ съѣзжались отовсюду не только молодые клирики, но и зрѣлые прелаты, такъ что школу св. Виктора стали при немъ называть школою епископовъ; но и въ соборной школѣ Вильгельма замѣнилъ цѣлый рядъ талантливыхъ преподавателей, имена которыхъ уцѣлѣли. Всѣ они въ первой половинѣ XII вѣка отступили на задній планъ, когда на горѣ св. Женевьевы выступилъ въ качествѣ преподавателя знаменитый Абеляръ, основатель того метода изложенія философіи и богословія, которымъ такъ славился потомъ Парижскій университетъ ²⁾. Между тѣмъ какъ другіе преподаватели богословія не шли дальше толкованія догматовъ на основаніи сочиненій отцовъ церкви, Абеляръ, основываясь на Аристотелѣ, проводилъ ту мысль, что христіанскіе догматы не только могутъ быть восприняты вѣрою, но и поняты силою человѣческаго разума ³⁾. Такая постановка дѣла преподаванія давала полный просторъ для разсужденій по каждому вопросу pro и contra; у Абеляра есть одно сочиненіе, названное имъ *Sic et Non*, состоящее въ параллельномъ изложеніи положительныхъ и отрицательныхъ доказательствъ по отдѣльнымъ вопросамъ богословія. Слава Абеляра, какъ искуснаго діалектика, смѣлость высказываемыхъ имъ сужденій привлекли къ нему такую массу учениковъ, что въ Парижѣ не находилось аудиторіи, которая могла бы выѣстять его слушателей, и онъ долженъ былъ читать на площади. Хотя Абеляръ вслѣдствіе настояній Бернара Клерво былъ осужденъ на синодахъ, тѣмъ не менѣе введенный имъ методъ преподаванія упрочился въ парижскихъ шко-

¹⁾ *L. Maitre*, pp. 59, 76, 99, 143.

²⁾ *H. Demisse*, *Die Universitäten des Mittelalters bis 1400*; 1885, p. 46.

³⁾ *H. Reuter*, *Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter*, 1875, Bd. I, Ss. 188 — 259; *B. Hauréau*, *Histoire de la philosophie scolastique*, 1872, I, pp. 362—390.

лахъ ¹⁾, и привлекая въ нихъ учениковъ со всѣхъ концовъ Европы не только не ослабѣлъ, а все болѣе и болѣе увеличивался ²⁾: въ концѣ ХІІ вѣка число учащихся въ Парижѣ опредѣляли свыше 10.000 чело-
вѣкъ ³⁾).

Большой наплывъ учащихся въ свою очередь вызывалъ въ Парижѣ преподаваніе одного и того же предмета многими учителями. Разрѣшеніе на преподаваніе въ Парижѣ, какъ и въ другихъ епископскихъ городахъ, получалось отъ схоластика или канцлера соборной школы ⁴⁾; но такъ какъ островъ Сены (cité), гдѣ находился соборъ, былъ не великъ, а монастыри, при которыхъ существовали другія парижскія школы, были расположены по обѣимъ берегамъ Сены, почти внѣ вліянія канцлера, то въ Парижѣ открытіе новыхъ школъ и преподаваніе въ нихъ совершалось свободнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Теперь представьте себѣ, что въ Парижѣ, тогда очень небольшо-
мъ городѣ, скопилась огромная толпа учащихся со всѣхъ концовъ Европы. Тутъ были люди самаго разнообразнаго происхожденія, положенія, возраста, состоятельности, со всевозможными наклонностями, привычками, воззрѣніями. Вся эта толпа была почти чужда всякой дисциплины: каждый селился гдѣ хотѣлъ и какъ могъ, учился у кого и когда ему было угодно, временемъ своимъ распоряжался какъ заблагоразсудится ⁵⁾. Толпа эта составляла и славу города, источникъ доходовъ для его населенія, и вмѣстѣ служила предметомъ заботъ и безпокойства по причинѣ частыхъ столкновеній учащихся съ горо-
жанами изъ-за квартиръ, неуплаты долговъ, изъ-за буйства на улицахъ, площадяхъ и въ особенности въ различныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Столкновенія учащихся съ горожанами нерѣдко принимали ожесточенный характеръ и сопровождались драками, разгромомъ домовъ, убійствами ⁶⁾. Дисциплинировать учащихся было крайне трудно: по старому обычаю юрисдикція надъ учащимися принадлежала ихъ учителямъ, магистрамъ; но послѣдніе, живя на плату съ учениковъ, сами въ извѣстной степени отъ нихъ зависѣли и потому скорѣе были расположены всячески потворствовать учащимся и прикрывать ихъ выходы, простительныя и непростительныя, чѣмъ сдержи-

¹⁾ Ср. док. № 34.

²⁾ Ср. док. №№ 2, 10, 18, 28, 31, 35, 38, 39 и др. part. intr.

³⁾ R. Rosières, Histoire de la société française au moyen âge, 1880, II, p. 260.

⁴⁾ Denifle, p. 685; *ею же* Introductio ad chartularium, p. XI. Ср. док. № 8.

⁵⁾ № 145.

⁶⁾ См. док. № 47.

вать ихъ и наказывать. Популярный магистръ хорошо зналъ, что еслибы ему почему либо пришлось покинуть Парижъ и перенести свою школу въ иное мѣсто, то его ученики всюду за нимъ послѣдуютъ. Ссориться при такомъ положеніи дѣла магистру съ учениками изъ-за дисциплины очевидно не приходилось; скорѣе бывало наоборотъ: магистры сами нерѣдко участвовали въ попойкахъ и буйствѣ учащихся. Не могли взяться за дисциплинированіе учащихся и горожане: Парижъ никогда не пользовался при Капетингахъ правами коммуны; парижскій прево скорѣе былъ представителемъ короля, чѣмъ города ¹⁾; да и самая королевская юрисдикція въ Парижѣ встрѣчала въ тѣ времена ограниченіе со стороны церквей и монастырей, и кто долженъ былъ разбирать дѣла о студентахъ, среди которыхъ одновременно были клирики, готовившіеся къ поступленію въ клиръ, и міряне, никогда о томъ не думавшіе,—это всегда было предметомъ спора между магистрами и представителями городской, королевской и церковной юрисдикціи ²⁾. Все это увеличивало путаницу въ опредѣленіи правъ и обязанностей учащейся молодежи и благопріятствовало проявленію ея буйныхъ наклонностей.

Но въ концѣ концовъ отъ этого недостатка въ организаціи и дисциплинѣ страдали сами же учащіе и учащіяся. Слишкомъ свободное открытіе новыхъ школъ увеличивало до такой степени число магистровъ, что многіе изъ нихъ оказывались при очень ограниченномъ количествѣ учениковъ, и съ трудомъ могли пробавляться на получаемый ими скудный говораръ. Причину своей неудачи они приписывали, конечно, не себѣ, а тому, что магистрами дѣлаются многіе недостойные ³⁾, такъ какъ канцлеръ слишкомъ легко раздаетъ *licentiam docendi*, можетъ быть—за деньги ⁴⁾. И вотъ въ средѣ магистровъ возникаетъ стремленіе сплотиться въ общество (*societas*), приѣмъ въ которое зависѣлъ бы отъ согласія его членовъ и которое выработало бы и провело въ жизнь правила относительно полученія доступа къ преподаванію. Такъ возникаютъ *societates magistrorum*, намеки на которыя встрѣчаются еще въ XII вѣкѣ ⁵⁾. Преподаваніе однородныхъ предметовъ благопріятствовало возникновенію такихъ обществъ и, по всей вѣроятности, раньше всего они явились у магистровъ, читавшихъ

¹⁾ *P. Robiquet*, *Histoire municipale de Paris*, 1880, pp. 18—19.

²⁾ Док. №15 p. intr.

³⁾ Ср. док. № 48 p. intr.

⁴⁾ Ср. док. №№ 4, 8, 12 p. intr.

⁵⁾ *Denifle*, pp. 64—84.

artes или богословіе, а потомъ у преподававшихъ право и медицину. Изъ этихъ первоначальныхъ корпорацій выработались потомъ факультеты съ выборными деканами во главѣ.

Параллельно этому соединенію магистровъ въ корпораціи съ цѣлью упорядочить преподаваніе совершалось соединеніе въ кружки и учащихся. Въ основѣ этого послѣдняго лежало стремленіе учащихся устроиться въ Парижѣ возможно лучше и дешевле ¹⁾. Каждый ново-прибывшій провинціалъ или чужеземецъ спѣшилъ поскорѣе розыскать въ Парижѣ своихъ земляковъ и при ихъ содѣйствіи напималъ себѣ квартиру, записывался къ тому или другому магистру и вообще знакомился съ условіями студентской жизни. Чѣмъ тѣснѣе сплавивался такой кружокъ земляковъ и чѣмъ онъ былъ многочислѣнѣе, тѣмъ смѣлѣе онъ могъ вести переговоры съ домовладѣльцами о наймѣ квартиры и добиваться болѣе выгодныхъ условій, а въ случаѣ споровъ могъ легче отстоять свои притязанія, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Выгоды сплоченія были столь очевидны, что землячества начали потомъ сливаться въ болѣе крупныя единицы — въ провинціи, а эти послѣднія — въ націи. Въ составъ землячествъ, провинцій и націй входили не одни учащіеся, но и магистры, не желавшіе разрывать связи съ ними послѣ полученія *licentiae docendi*. Раньше всего подобныя корпораціи среди учащихся, иѣроятно, возникли на факультетѣ *artium*, черезъ который, какъ приготовительный, должны были пройти всѣ желавшіе потомъ посвятить себя изученію богословія, права или медицины; но, поступая на высшій факультетъ, магистры *artium* снова обращались какъ бы въ студентовъ, при чемъ и не думали, конечно, о разрывѣ ни съ факультетомъ *artium*, на которомъ могли преподавать, ни съ его подраздѣленіемъ на націи. Это обстоятельство благоприятствовало упроченію связи между магистрами и учащимися всѣхъ факультетовъ и повело къ сліянію ихъ въ общую корпорацію, въ университетъ.

Пока учащіе и учащіеся, магистры и студенты, не составляли единой плотной корпораціи, каждый изъ нихъ былъ безсиленъ въ борьбѣ со всевозможными своими врагами: съ домовладѣльцами, стремившимися поднять цѣны на квартиры; съ горожанами, не желавшими, чтобы учащіеся ходили въ тѣ увеселительныя заведенія, гдѣ они прежде чувствовали себя полными хозяевами; съ чинами городской полиціи, не стѣснявшимися при расправѣ съ дѣйствительными или мнимыми

¹⁾ *Denisle*, pp. 84—106.

буянами; съ канцлеромъ, готовымъ предъявлять разныя требованія къ просившимъ у него *licentiam docendi*; съ епископомъ, склоннымъ по тогдашнему обычаю наложить при малѣйшемъ поводѣ отлученіе на магистра или студента за ослушаніе. Теперь же каждый магистръ или студентъ чувствовалъ за собою корпорацію, которая всегда приметъ его подъ свою защиту и, въ случаѣ отказа ей въ удовлетвореніи, можетъ прибѣгнуть къ закрытію курсовъ и къ перенесенію ихъ изъ Парижа въ иное мѣсто. Не забудьте, что правительство и городъ ничего не давали на содержаніе учащихся и учащихся и даже не дѣлали никакихъ приснослобленій для ихъ занятій; университетъ, жившій своими средствами, въ складчину, такъ сказать, ничѣмъ не связанный съ городомъ, гдѣ у него не было первое время никакой недвижности, очевидно могъ перебраться изъ Парижа въ другой городъ. Но такое удаленіе университета изъ Парижа было бы крайне убыточно для горожанъ и позорно для церкви и французской короны. Разумѣется, къ подобной крайней мѣрѣ магистры и студенты, привыкшіе къ удобствамъ парижской жизни, рѣшались прибѣгнуть только послѣ долгихъ переговоровъ и при отказѣ имъ въ удовлетвореніи лишь по очень важнымъ дѣламъ, но за то, употребивъ ее въ дѣло, они всегда достигали своей цѣли. Успѣхъ этой мѣры зависѣлъ отъ единодушія въ ея исполненіи; поэтому университетъ требовалъ отъ своихъ членовъ безусловнаго повиновенія общимъ распоряженіямъ и ослушникамъ грозилъ исключеніемъ изъ своего состава.

Когда собственно возникли *societates magistrorum*, землячества, провинціи и націи и какъ постепенно совершилось ихъ сліянiе въ университетъ, на это нѣтъ ясныхъ современныхъ указаній; но можно думать, что весь этотъ процессъ совершился во второй половинѣ XII вѣка, которую издатели актовъ склонны разсматривать, какъ доисторическій періодъ въ жизни Парижскаго университета ¹⁾, а въ самомъ началѣ XIII вѣка онъ уже является въ видѣ единой корпораціи, которая начинаетъ быстро крѣпнуть и развиваться во время борьбы съ различными ея врагами.

Прежде всего послѣдовало столкновеніе съ горожанами въ 1200 г.; поводомъ къ нему послужило слѣдующее: студентъ-нѣмецъ отправилъ своего слугу въ погребокъ за виномъ; слугу поколотили пировавшіе тамъ горожане; по жалобѣ слуги студенты-нѣмцы ворвались въ погре-

¹⁾ Даже документы, относящіеся ко второй половинѣ XII вѣка, издатели выдѣлили въ особую группу, *pars introductoria*, съ особою нумераціею.

бокъ и въ свою очередь избѣли горожанъ; послѣдніе обратились за помощью къ прево, и тотъ вломился силою въ помѣщеніе студентовъ-нѣмцевъ съ цѣлю арестовать виновныхъ; тѣ защищались, и въ происшедшей схваткѣ было убито 5 студентовъ. Магистры потребовали удовлетворенія, и въ результатъ послѣдовало пожалованіе Парижскому университету первой королевской привилегіи, по которой всѣ учащіе и учащіяся признаны были подлежащими церковной юрисдикціи, а прево предоставлено было арестовать ихъ лишь при захватѣ на мѣстѣ преступленія, да и то съ цѣлю передать немедленно виновнаго въ руки представителей церковной юстиціи ¹⁾. Такимъ образомъ въ привилегіи Филиппа Августа окончательно было опредѣлено юридическое положеніе въ Парижѣ членовъ университетской корпораціи.

Опредѣливши свое положеніе по отношенію къ горожанамъ и ихъ прево, университетъ вслѣдъ затѣмъ стремится къ болѣе точному выясненію своихъ отношеній къ представителямъ парижской церкви, юрисдикціи которыхъ онъ былъ подчиненъ по привилегіи 1200 года. Особенно важно было установить отношенія къ канцлеру, который по старому обычаю имѣлъ право раздавать *licentiam docendi* кому угодно. Благоразумный канцлеръ, во избѣжаніе ошибокъ и укоровъ, могъ, конечно, обращаться за справками о кандидатѣ къ магистрамъ, у которыхъ тотъ учился, но это не было для канцлера обязательно, и онъ могъ раздавать *licentiam* и по собственному усмотрѣнію. Магистрамъ же хотѣлось, чтобы канцлеръ давалъ *licentiam docendi* лишь тѣмъ, кого они сами ему представляютъ и отрекомендуютъ, а эта рекомендація въ свою очередь должна быть основана на экзаменѣ, производство котораго опять должно принадлежать не канцлеру, а магистрамъ, а значить въ сущности и самая раздача *licentiae docendi* тогда бы зависѣла главнымъ образомъ отъ нихъ самихъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, магистрамъ необходимо было доказать несостоятельность существующаго порядка раздачи *licentiae docendi*. И вотъ начинается со стороны университета цѣлый рядъ жалобъ папѣ, какъ главѣ церкви, на канцлера, въ которыхъ онъ обвиняется то въ небрежномъ отношеніи къ исполненію своихъ обязанностей вслѣдствіе частыхъ отлучекъ изъ города ²⁾, то въ предоставленіи *licentiae* недостойнымъ за подарки ³⁾, то въ требованіи отъ просящихъ *licentiae* присяги на

¹⁾ Док. № 13.

²⁾ № 6, 23.

³⁾ № 14.

безусловное ему повиновение ¹⁾ и т. п. Плодомъ этихъ жалобъ явился нѣкій рядъ папскихъ распоряженій, ограничивающихъ власть канцлера и расширяющихъ вольности университета. Канцлеру было предложено жить безвыѣздно въ Парижѣ, раздавать *licentiam docendi* лишь тѣмъ, за кого выскажется большинство магистровъ ²⁾, а главное—за университетомъ было признано право сходовъ для обсужденія вопросовъ ³⁾, касающихся преподаванія и дисциплины, при чемъ постановленія этихъ сходовъ должны обязательно исполняться всѣми учащими и учащимися. На основаніи этой льготы университетъ началъ составлять статуты ⁴⁾, опредѣлявшіе время чтенія лекцій, производство экзаменовъ, диспуты, условія пріобрѣтенія *licentiae docendi* на отдѣльных факультетахъ, поведение магистровъ и студентовъ во время церемоній раздачи канцлеромъ *licentiae*, при погребеніи умершихъ членовъ университета, и даже—на пирушкахъ ⁵⁾. Всѣ эти сходы и составляемые на нихъ статуты еще болѣе вели къ ограниченію правъ канцлера, а борьба противъ нихъ для послѣдняго была почти невозможна. Пробовалъ канцлеръ и сочувствовавшій ему епископъ разсматривать эти сходы, какъ заговоры, и палаты на участниковъ въ нихъ огульное отлученіе ⁶⁾; но, по жалобѣ университета въ Римъ, получился запретъ папы безъ его вѣдома налагать на университетъ и отдѣльных его членовъ отлученіе ⁷⁾, такъ какъ подобныя отлученія могутъ вызвать закрытіе университета, а между тѣмъ послѣдній объявляется главнымъ защитникомъ церкви отъ ересей ⁸⁾.

Справившись съ горожанами и престо—съ помощью короля, съ канцлеромъ и епископомъ—съ помощью папы, университетъ на столько окрѣпъ, что въ 1229 году отважился на борьбу съ самою королевскою властью. Поводъ къ столкновенію былъ слѣдующій: 26-го января 1229 года нѣсколько студентовъ кутили въ погребкѣ; представленный имъ счетъ оказался великъ; студенты не хотѣли или не могли уплатить по немъ. Завязался споръ съ хозяиномъ, перешедшій въ драку; на шумъ прібѣжали сосѣди и поколотили студентовъ. На другой день

¹⁾ №№ 16, 21.

²⁾ № 16.

³⁾ № 8.

⁴⁾ №№ 136, 137, 141, 201.

⁵⁾ № 20.

⁶⁾ №№ 7, 41, 45, 58, 162.

⁷⁾ №№ 30, 81 95, 115.

⁸⁾ №№ 32, 146.

студенты разгромили погребокъ и тѣмъ оскорбили сеньора той мѣстности, аббата св. Марцелла; аббатъ пожаловался королевѣ-регентѣ Вланкѣ Кастильской, а та приказала прево арестовать буяновъ. Арестъ былъ произведенъ, но такъ какъ студенты сопротивлялись, то въ завязавшейся борьбѣ нѣсколько человекъ изъ нихъ было убито. Представители университета увидали въ этомъ нарушеніе своихъ вольностей и потребовали удовлетворенія, грозя на 6 лѣтъ закрыть университетъ, если ихъ просьба не будетъ уважена въ мѣсячный срокъ ¹⁾. А такъ какъ королева не захотѣла выдать прево, то университетъ привелъ свою угрозу въ исполненіе. Магистры и студенты разсѣялись по разнымъ городамъ Франціи, а иные даже перебрались въ Англію ²⁾, гдѣ способствовали упроченію университета въ Оксфордѣ. Разсѣявшіеся магистры не стѣснялись по своему объяснять закрытіе университета и всю вину сваливали на королеву. Тогда папа Григорій IX, видѣвшій въ закрытіи Парижскаго университета не только ущербъ для церкви и государства, но и позоръ для французской короны ³⁾, вмѣшавшись въ это дѣло и настоялъ, чтобы королева дала удовлетвореніе университету и утвердила всѣ его льготы, а самъ въ особѣй буллѣ разрѣшилъ членовъ университета отъ данной ими клятвы 6 лѣтъ не возвращаться въ Парижъ и, кромѣ того, утвердилъ въ ней и даже нѣсколько расширилъ привилегіи университета ⁴⁾.

Частью во время борьбы съ горожанами, канцлеромъ, епископомъ и королевскою властью, а частью по окончаніи оной, но еще до начала столкновенія съ нищенствующими, сложилась своеобразная организация Парижскаго университета ⁵⁾. Хотя въ составъ университетской корпораціи входили всѣ магистры и студенты, но полноправными членами въ ней были одни первые; студенты же причислялись къ корпораціи чрезъ своихъ магистровъ; не записавшійся у магистровъ и не посѣщавшій по меньшей мѣрѣ 2 лекціи въ недѣлю не считался студентомъ и не могъ пользоваться университетскими льготами ⁶⁾. Полноправные члены университета—магистры—дѣлились на четыре фа-

¹⁾ № 62.

²⁾ № 64.

³⁾ №№ 69, 70, 71, 74, 75, 82, 90, 91.

⁴⁾ № 79, знаменитая булла 13-го апрѣля 1231 года *Regem scientiarum*, служившая основой университетской организаціи.

⁵⁾ *Ch. Thurot, De l'organisation de l'enseignement dans l'Université de Paris au moyen âge*, 1850.

⁶⁾ № 197.

культета: словесный (*agrūm*), юридическій, медицинскій и богословскій; самымъ многочисленнымъ факультетомъ былъ словесный, самымъ вліятельнымъ первое время — богословскій; между ними собственно и возможна была борьба за преобладаніе, тогда какъ юристы и медики въ XIII вѣкѣ не пользовались никакимъ значеніемъ. Съ давнихъ поръ богословіе считалось завершеніемъ образованія, но со времени Абельяра методъ, по которому оно разрабатывалось и преподавалось, усвоенъ былъ и при занятіи *artes*, особенно философію. На словесномъ факультетѣ шла теперь наиболѣе оживленная дѣятельность; тамъ велись горячіе споры между реалистами и номиналистами, тамъ же чаще всего обсуждались вопросы о лучшей организаціи преподаванія, объ экзаменахъ, диспутахъ, о составленіи комиссій для опредѣленія таксъ на квартиры, объ организаціи націй съ прокураторами во главѣ и объ объединеніи ихъ дѣятельности надъ властью ректора. Пока словесный факультетъ распадался на 4 націи и между ними существовало соперничество ¹⁾, богословскій факультетъ имѣлъ перевѣсъ надъ нимъ въ рѣшеніи общихъ университетскихъ вопросовъ, но какъ только послѣдовало примиреніе между націями и объединеніе ихъ подъ властью ректора, руководящее значеніе въ университетѣ достается словесникамъ или артистамъ.

И это понятно: на общемъ собраніи университета магистры дѣлились на 7 группъ, 4 націи и 3 старшихъ факультета; каждой группѣ принадлежалъ одинъ голосъ; значитъ, при согласіи между націями магистры артистовъ всегда располагали большинствомъ голосовъ; къ тому же при всякомъ спорѣ артисты могли выставить наибольшее количество бойцовъ, собрать самыя крупныя суммы на веденіе процессовъ, поставить всякаго магистра-оппонента въ безвыходное положеніе, мѣшая посѣщать его курсы, диспуты. При такихъ условіяхъ глава артистовъ, ректоръ, быстро забираетъ власть въ свои руки и превращается въ главу университета: къ нему переходитъ право созывать общія собранія, председательствовать на нихъ и приводить въ исполненіе ихъ постановленія ²⁾. Деканы и магистры старшихъ факультетовъ пытались не ходить на общія собранія, созываемыя ректоромъ, но папа призналъ, что посѣщеніе такихъ собраній для нихъ обязательно ³⁾. Первое время ректоръ ходилъ лично приглашать декановъ

¹⁾ № 187.

²⁾ *Denifle*, pp. 106—131.

³⁾ № 144.

на собранія, въ чемъ сказывались слѣды особаго ихъ почетнаго положенія въ университетѣ, но потомъ сталъ дѣлать это чрезъ педелей. Пробовалъ и канцлеръ бороться съ ректоромъ за главенство надъ университетомъ, но тоже долженъ былъ уступить ему.

Если раньше, еще не имѣя ректора, университетъ былъ въ состояніи брать верхъ при столкновеніяхъ съ горожанами, съ канцлеромъ и даже съ королевскою властью, то съ учрежденіемъ ректуры, способствовавшей объединенію и сплоченію отдѣльных частей университета, казалось, ему будетъ легко уже справиться со всякимъ новымъ противникомъ. И однако же вспыхнувшая вскорѣ борьба съ нищенствующими далеко не сопровождалась, какъ мы увидимъ, для университета такимъ торжествомъ, съ какимъ онъ раньше выходилъ изъ столкновений со всѣми остальными врагами. Очевидно, университетъ столкнулся здѣсь съ противникомъ, не уступавшимъ ему ни въ силѣ, ни въ организаціи, ни во вліяніи на современниковъ. Что же такое представляли изъ себя эти нищенствующіе и почему они стали во враждебныя отношенія къ Парижскому университету?

Ордена нищенствующихъ монаховъ возникли въ Западной Европѣ почти одновременно съ Парижскимъ университетомъ. Ихъ появленіе въ католической церкви было нѣсколько неожиданно для ней самой. До XIII вѣка католическіе монахи ¹⁾ жили по одному основному уставу Бенедикта Нурсійскаго (VI вѣка). Бенедиктинскій уставъ требовалъ отъ монаховъ исполненія обѣтовъ: цѣломудрія, отреченія отъ собственности, послушанія, труда и непрерывнаго пребыванія въ монастырѣ. Къ этимъ 5 основнымъ обѣтамъ въ X—XII вѣкахъ различными реформаторами присоединены были дополнительныя требованія: обѣтъ молчанія—у клюнійцевъ, отреченіе отъ всякой роскоши, даже въ убранствѣ церквей—у цистерціанцевъ, уходъ за больными—у госпиталитовъ, выкупъ плѣнныхъ—у матуриновъ, борьба съ невѣрными—у темплиеровъ и пр. ²⁾ Каждый изъ монастырей претендовалъ, что лишь его уставъ можетъ служить основой истинно совершенной христіанской жизни, что вызывало споры между ними и порождало соблазнъ въ церкви. Къ XIII вѣку дѣло дошло до того, что на латеранскомъ соборѣ 1215 г. ³⁾ знаменитый Иннокентій III провелъ капонтъ: „дабы излишнее разнообразіе уставовъ не производило въ церкви соблазна, рѣшительно воспрещаемъ на будущее время составлять новыя пра-

¹⁾ *A. Harnack, Das Mönchthum, seine Ideale und seine Geschichte, 1882.*

²⁾ *E. Chastel, Histoire du christianisme, 1882, t. III, pp. 303—315.*

³⁾ *Guérin, Les conciles généraux et particuliers, 1869, t. II, p. 406.*

вила; а кто хочет вести аскетическую жизнь, пусть руководится однимъ изъ существующихъ одобренныхъ уставовъ“. Но въ тотъ самый моментъ, когда Иннокентій III издавалъ это правило, уже было положено начало основанію двухъ славнѣйшихъ орденовъ нищенствующихъ—доминиканскаго и францисканскаго, уставы которыхъ были утверждены непосредственнымъ преемникомъ Иннокентія III, Гоноріемъ III. Такое быстрое отступленіе отъ исполненія правилъ собора 1215 года само собою предполагаетъ, что нищенствующіе представляли что-то необыкновенное и выстѣ въполнѣ подходившее къ требованіямъ времени и къ интересамъ церкви.

На латеранскомъ соборѣ 1215 г. много занимались вопросомъ объ уничтоженіи альбигойской ереси и объ улучшеніи нравовъ духовенства. Альбигойцы, не смотря на всѣ увѣщанія къ нимъ папы, его легатовъ и специальныхъ миссіонеровъ, оставались глухи къ этимъ проповѣдьямъ. Испанскій епископъ, въ свитѣ котораго явился въ южную Францію св. Доминикъ, объяснялъ эту неудачу папскихъ легатовъ и миссіонеровъ тѣмъ, что они, проповѣдая альбигойцамъ, выступали, какъ князья церкви. „Покиньте богато украшенныхъ коней, снимите роскошное платье, отправьтесь на проповѣдь съ босыми ногами, пренебрегая усталостью и всякими лишеніями,—это будетъ лучшимъ вашимъ оружіемъ въ борьбѣ съ еретиками“. Доминикъ, оставшійся во Франціи съ 12 спутниками, усвоилъ этотъ совѣтъ и тѣмъ положилъ начало нищенству своихъ послѣдователей¹⁾. Около того же времени Францискъ Ассизскій, сынъ богатаго купца, ведшій веселую и расточительную жизнь, но всегда склонный къ мечтательности, услыхавъ въ храмѣ слова Христа къ ученикамъ: „не берите серебра съ собою“, увидалъ въ нихъ указаніе на главную заповѣдь, какую слѣдуетъ соблюдать въ жизни, на бѣдность, и рѣшился отказаться отъ всего и жить исключительно тѣмъ, что ему подадутъ, какъ нищему²⁾. Для Франциска нищенство было цѣлью, для Доминика же только средствомъ привлечь вниманіе тѣхъ, къ кому онъ обращался съ проповѣдью. Хотя пониманіе значенія нищенства у Доминика и Франциска было не одно и то же, тѣмъ не менѣе эта идея полной бѣдности провела рѣзкую грань³⁾ между прежними монахами, которымъ можно дать общее на-

¹⁾ Осокинъ, Исторія альбигойцевъ, 1872, II, стр. 10.

²⁾ K. Müller, Die Anfänge des Minoritenorden, 1886, p. 27.

³⁾ Chastel, III, pp. 315—330; Herzog, Abriss der gesammten Kirchengeschichte, 1879, II, pp. 183—197; Ch. Schmidt, Histoire de l'église pendant le moyen âge, 1886, pp. 122—157.

именованіе бенедиктинцевъ, и между нищенствующими—доминиканцами и францисканцами. Бенедиктинцы стремились къ отреченію отъ міра и давали обѣтъ оставаться до смерти въ монастырѣ, гдѣ приняли постриженіе; нищенствующие, напротивъ, шли въ міръ, чтобы спасти его посредствомъ проповѣди, исповѣди и наставленія, какъ надо жить; бенедиктинцы, допуская коллективную монастырскую собственность, охотно принимали всякія пожертвованія, а нищенствующие, по крайней мѣрѣ, первое время, отказываясь отъ собственности личной и коллективной, принимали лишь необходимое имъ для пропитанія въ данный день; бенедиктинцы, живя въ оградѣ монастыря на счетъ его доходовъ, могли принимать въ число братіи лишь такое число лицъ, какое могло помѣститься въ монастырѣ и прокормиться на его средства; нищенствующие же, ничѣмъ не связанные съ монастыремъ и не заботившіеся о средствахъ пропитанія, могли спокойно принимать въ свой орденъ всѣхъ желающихъ, не стѣсняясь никакими мірскими соображеніями; почему уже къ концу XIII вѣка ихъ считали сотнями тысячъ; бенедиктинцы, приобретаая земли, превращались въ феодаловъ и становились во враждебныя отношенія къ низшимъ классамъ, требуя отъ нихъ всякихъ поборовъ и подчиняя ихъ своей юрисдикціи; наоборотъ, нищенствующие сближеніе съ низшими классами ставили прямою своею задачею; бенедиктинцы уклонялись отъ требованій исправленія, считая его дѣломъ благаго духовенства, а нищенствующие видѣли въ немъ средство спасти мірянъ отъ гибели здѣсь на землѣ и за гробомъ. И міряне охотнѣе, чѣмъ къ своему священнику, шли на исповѣдь къ проходящему нищенствующему, которому спокойно, не опасаясь огласки, можно было повѣдать о своихъ тайныхъ, мучившихъ совиѣсть, грѣхахъ; при томъ же нищенствующаго не надо было искать: онъ самъ заходилъ во всякую деревню, во всякую хижину и вездѣ довольствовался тѣмъ, что ему предлагали. Послѣ этого неудивительно, что нищенствующие повсюду сдѣлались предметомъ изумленія и уваженія. Папа видѣлъ въ нихъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, вносившихъ въ число своихъ обѣтовъ обязательство жить и вѣрить *catholicæ* ¹⁾). Въ городахъ сооруженіе монастырей для нищенствующихъ, гдѣ бы они могли находить себѣ временный пріютъ, сдѣлалось предметомъ общественныхъ заботъ. Короли и феодалы, подобно горожанамъ и поселянамъ, охотнѣе всего стали брать себѣ въ капелланы и исповѣдники нищенствующихъ. Людовикъ Святой до такой степени чтитъ ихъ,

¹⁾ *Müller*, p. 198.

что открыто заявлялъ готовность отдать одну половину себя св. Франциску, а другую—св. Доминику.

Но нищенствующие представляли собою не только огромную силу физическую и моральную, въ то же время они были силою, прекрасно организованною. Не владѣя недвижимостью и опираясь на папское разрѣшеніе всюду проповѣдывать и исповѣдывать, нищенствующие чувствовали себя болѣе самостоятельными и независимыми по отношенію къ мѣстной епархіальной власти, чѣмъ бенедиктинцы. Ихъ монастыри, разбѣянные по всей Западной Европѣ, были соединены въ извѣстныя группы, носившія названія провинцій ¹⁾. Во главѣ каждого монастыря стоялъ пріоръ, управлявшій при содѣйствіи лучшихъ членовъ братіи; во главѣ провинціи находился провинціалъ, руководившій дѣлами ея при содѣйствіи собранія изъ пріоровъ; наконецъ, во главѣ цѣлаго ордена стоялъ генералъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ высшую исполнительную власть, тогда какъ законодательная принадлежала общему капитулу изъ провинціаловъ. Единственная власть, которую признавали нищенствующие и которой охотно подчинялись, была власть папы, высоко цѣнившаго ихъ преданность и надѣлавшаго за то всякими льготами къ явному ущербу для блага духовенства.

Такъ какъ главною задачею нищенствующихъ было содѣйствовать спасенію ближнихъ посредствомъ проповѣди и исповѣди, то для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ имъ слѣдовало заранѣе подготовиться къ нему въ школахъ. Особенно въ этомъ отношеніи много хлопотали доминиканцы, имѣвшіе въ виду обращеніе еретиковъ и невѣрныхъ и строго соблюдавшіе завѣтъ основателя: *ut studeant et praedicarent*. У доминиканцевъ очень рано сложилась цѣлая система ²⁾ школьнаго образованія. Различали школу простую или монастырскую, среднюю или провинціальную и высшую *studium generale*, устроиваемую въ университетскихъ городахъ. Въ монастырской школѣ учились всѣ новопоступившіе послушники, въ провинціальной—болѣе способные изъ окончившихъ курсы въ первой и, наконецъ, въ высшей школѣ—самые даровитые изъ прошедшихъ чрезъ среднюю ³⁾. Провинціальныя капитулы обращали особое вниманіе на выборъ учителей для школы, на успѣхи и поведеніе учениковъ, на заведеніе и сохранность библіотекъ.

¹⁾ *Maller*, pp. 85—91.

²⁾ *C. Douais*, *Essai sur l'organisation des études dans l'ordre des frères prêcheurs au XIII—XIV ss.*, 1884.

³⁾ №№ 102, 124, 179.

На содержаніе учениковъ въ средней школѣ средства отпускалъ по-славшій ихъ монастырь, а въ высшей—провинція и даже цѣлый орденъ ¹⁾).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о нищенствующихъ становится понятнымъ, что они, подобно университету, представляли изъ себя огромную, прекрасно организованную силу, пользующуюся уваженіемъ общества и покровительствомъ со стороны представителей высшей духовной и свѣтской власти, и что столкновение съ этою силою, даже для Парижскаго университета, не могло обойтись безъ упорной и продолжительной борьбы. Менѣе пока ясно, изъ-за чего могли столкнуться эти двѣ силы, преслѣдовавшія, повидимому, одну и ту же цѣль — основательное изученіе богословія, какъ подготовку къ лучшему пастырскому служенію. Для выясненія этого вопроса необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи нищенствующихъ въ Парижскомъ университетѣ до начала открытой борьбы съ нимъ.

Нищенствующие явились въ Парижѣ вскорѣ послѣ утвержденія ихъ уставовъ: доминиканцы — въ 1217 г. ²⁾), а францисканцы — въ 1220 г. ³⁾); покровительствовавшій имъ папа Гонорій III счелъ нужнымъ отрекомендовать ⁴⁾ нищенствующихъ Парижскому университету, какъ людей благочестивыхъ, строгихъ католиковъ и ревнителей изученія богословія. Благодаря этой рекомендаціи, университетъ принялъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ, а доминиканцамъ даже уступилъ домъ въ приходѣ св. Іакова ⁵⁾), взявъ съ нихъ только обѣщаніе молиться за живыхъ и умершихъ членовъ университета и участвовать въ погребеніи магистровъ. Какъ и повсюду, нищенствующие произвели въ Парижѣ сильное впечатлѣніе, и скоро въ ихъ орденъ начали поступать не только простые горожане, но и многіе студенты и даже магистры ⁶⁾). Устроивъ въ уступленномъ имъ домѣ школу съ обширною аудиторіею и бібліотекою, доминиканцы скоро перешли отъ обученія къ преподаванію, а главное — начали обнаруживать стремленіе къ уклоненію отъ установившихся въ университетѣ порядковъ. Какъ помните, учащіеся въ Парижѣ могли записываться къ любому магистру, доминиканскій же орденъ

¹⁾ № 155.

²⁾ См. примѣч. къ № 84.

³⁾ № 37.

⁴⁾ № 86.

⁵⁾ № 42.

⁶⁾ №№ 47, 49, 52, 78.

еще въ 1228 г. ¹⁾ постановляетъ, чтобы его члены, изучающіе въ Парижѣ artes, обязательно записывались къ магистрамъ изъ доминиканцевъ, но богословіе имъ было предоставлено слушать у кого угодно, да и то, вѣроятно, потому, что доминиканцы не приобрѣли тогда еще ни одной изъ 12 штатныхъ кафедръ богословія, но орденъ въ своемъ постановленіи не скрывалъ, что такое приобретеніе было бы очень желательно. И за этимъ долго дѣло не стало: въ 1229 г. университетъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе столкновенія съ королевскою властью, былъ закрытъ; магистры и студенты разсѣялись; закрыто было преподаваніе и у доминиканцевъ, но самый домъ св. Іакова продолжалъ служить приютомъ для странствующихъ монаховъ, и скоро въ немъ по требованію ордена и съ разрѣшенія канцлера были возобновлены курсы, при чемъ одинъ изъ доминиканцевъ получалъ кафедру богословія; мало того, пріору парижскихъ доминиканцевъ было предоставлено тогда право снимать отлученіе съ учащихся и учащихся за чтеніе запрещенныхъ книгъ ²⁾). Пользуясь этою привилегією, доминиканцы осмѣливаются въ своей аудиторіи читать даже тѣ книги Аристотеля, которыя считались тогда запретными, и это нововведеніе усилило приливъ къ нимъ учениковъ. Скоро доминиканская школа, а за нею и францисканская, въ Парижѣ приобрѣли такую извѣстность, что папа началъ имъ оказывать всякое вниманіе: ліонскимъ каноникамъ онъ соглашается оставить ихъ бенефицію на время пребыванія въ Парижѣ подъ условіемъ, чтобы они изучали богословіе у доминиканцевъ или францисканцевъ ³⁾; къ нищенствующимъ же папа обращается съ просьбою послать искусныхъ теологовъ въ различныя монастырскія школы ⁴⁾; наконецъ, въ 1250 г. папа прямо предписываетъ парижскому канцлеру давать *licentiam docendi* всякому выдержавшему испытаніе, въ особенности — монахамъ, хотя бы они и не просили о томъ ⁵⁾). Послѣ этого не удивительно, что доминиканцы вскорѣ захватили и вторую богословскую кафедру. Чтобы понять важность этого приобретенія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что число кафедръ богословія въ Парижскомъ университетѣ было ограничено тогда комплектомъ 12; изъ нихъ по ста-

¹⁾ № 57.

²⁾ № 86.

³⁾ №№ 134, 158.

⁴⁾ № 151.

⁵⁾ № 191.

рому обычаю три принадлежали каноникамъ соборнаго капитула, шесть успѣли пріобрѣсти монахи различныхъ орденовъ, имѣвшіе въ Парижѣ свои дома съ аудиторіями при нихъ и другими приспособленіями для преподаванія, при чемъ доминиканцы, не въ примѣръ прочимъ, захватили цѣлыхъ двѣ, такъ что на долю остальныхъ вольныхъ магистровъ, считавшихъ себя основателями университета и виновниками его славы, оставалось только три катедры, да и тѣ могли ускользнуть отъ нихъ, если въ принципѣ будетъ допущено, что всѣ монахи, подобно доминиканцамъ, могутъ имѣть по нѣскольку катедръ богословія въ своемъ распоряженіи. Возникала, очевидно, опасность, что все преподаваніе богословія, составлявшее украшеніе и славу Парижскаго университета, отойдетъ къ монахамъ и прежде всего — къ доминиканцамъ.

И вотъ въ университетѣ поднимается вопросъ первоначально лишь о томъ, могутъ ли монахи, имѣющіе свою коллегію, владѣть болѣе чѣмъ одною катедрою богословія. Хотя вопросъ былъ поставленъ принципиально, но доминиканцы, разумѣется, поняли, что ударъ направленъ собственно на нихъ. Поэтому, когда означенный вопросъ на общемъ собраніи (1252 г.) былъ рѣшенъ отрицательно ¹⁾, доминиканцы, опираясь на существующій уже фактъ, отказались подчиниться новому статуту. Уже одно это послушаніе должно было вызвать неудовольствіе въ университетѣ; но доминиканцы пошли гораздо дальше: когда весной 1253 г. университетъ, требуя удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное нѣкоторымъ студентамъ горожанами, постановилъ закрыть на мѣсяцъ курсы, доминиканскіе магистры заявили, что они въ томъ лишь случаѣ подчинятся этому распоряженію, если за ними будутъ оставлены 2 катедры богословія. Разумѣется, имъ было отказано, а они въ свою очередь не захотѣли прекратить лекцій и увлекли за собою и францисканцевъ, чѣмъ ослабили значеніе самаго сильнаго средства, какимъ располагалъ университетъ въ борьбѣ съ противниками ²⁾. И дѣйствительно, кризисъ затянулся на болѣе продолжительное время, чѣмъ бывало прежде; но за то, когда университетъ добился удовлетворенія отъ горожанъ, онъ счелъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы впредь подобное послушаніе не повторялось: отъ магистровъ нищенствующихъ поѣребовали клятвы обязательно соблюдать

¹⁾ № 200.

²⁾ № 219.

всѣ университетскіе статуты. Нищенствующіе соглашались дать клятву, но съ оговоркою, если университетскіе статуты не будутъ противорѣчить ихъ собственному уставу, а главное — доминиканцы рѣшительно отказались отъ уступки второй касседы богословія. Тогда ихъ объявили исключенными изъ университета.

Приведеніе въ исполненіе этого постановленія вызвало горячій протестъ со стороны нищенствующихъ ¹⁾: когда университетскіе педальи явились въ коллегію доминиканцевъ вывѣсить объявленіе объ исключеніи магистровъ, ихъ тамъ избили, а принесенное ими объявленіе изорвали въ клочки. Немного лучше тамъ встрѣченъ былъ и самъ ректоръ, явившійся лично исполнить постановленіе университета: его приняли съ шумомъ и гамомъ, громко заявляли, будто ректоръ явился съ оружіемъ, пошеніе котораго еще недавно строго воспрещено ²⁾ учащимъ и учащимся, и ректоръ принужденъ былъ раздѣться, чтобы доказать несправедливость вводимаго на него обвиненія. Наконецъ, нищенствующие распустили слухъ, что далеко не всѣ магистры согласны на ихъ исключеніе, и что будто бы болѣе 40 магистровъ готовы поддерживать съ ними общеніе.

Но, дѣйствуя такъ въ Парижѣ, нищенствующие совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ выставляли свое поведеніе передъ папою Иннокентіемъ IV. которому принесли жалобу на свое исключеніе изъ университета: тутъ они утверждали, будто бы ихъ исключеніе послѣдовало единственно за то, что они не прекращали чтеній во время закрытія курсовъ, а свое ослушаніе объясняли тѣмъ, что на закрытіе курсовъ не было испрошено папскаго согласія. При такой постановкѣ дѣла папа, разумѣется, счелъ возможнымъ ходатайствовать предъ университетомъ о возобновленіи общенія съ нищенствующими, такъ какъ столкновение съ городомъ уже окончено, и нѣтъ основанія продолжать вызванный имъ раздоръ ³⁾. Явная ложь нищенствующихъ возмутила университетъ, и онъ рѣшился опубликовать въ циркулярѣ на ния всѣхъ епископовъ, какъ было дѣло, и выстѣ высказать всѣ настоящія причины исключенія изъ его состава нищенствующихъ ⁴⁾. Последнее могло быть достигнуто лишь отправкою въ курію спеціальнаго прокуратора для веденія тамъ процесса противъ нищен-

¹⁾ № 230.

²⁾ № 213.

³⁾ №№ 222—226.

⁴⁾ № 230.

ствующихъ. Въ прокураторы былъ избранъ магистръ Вильгельмъ de Sancto Amore; на издержки процесса установили особый сборъ въ университетъ ¹⁾. Съ этого момента побѣда, казалось, готова была склониться на сторону университета: папа очень ласково принялъ университетскаго прокуратора, помогъ ему устроить засѣдъ, когда у него вышли всѣ деньги ²⁾, отиравилъ въ Парижъ строгое предписаніе всѣмъ учащимъ и учащимся соблюдать ³⁾ университетскіе статуты, чѣмъ косвенно дано было понять нищенствующимъ, что имъ слѣдуетъ смириться, а главное — 21-го ноября 1224 г. онъ издалъ буллу, въ которой, не называя нищенствующихъ, рѣшительно вооружается противъ притязанія монаховъ на проповѣдь и исповѣдь безъ вѣдома и согласія мѣстнаго епископа и священника ⁴⁾. Можно догадываться, что послѣднее распоряженіе Иннокентія IV стоитъ въ связи съ нападками тогда на нищенствующихъ въ Парижскомъ университетѣ. Еще въ своемъ циркулярѣ, разъясняющемъ происхожденіе борьбы съ нищенствующими, магистры старались доказать, что монахи, занимаясь изученіемъ и преподаваніемъ философіи и богословія, въ сущности берутся не за свое дѣло, а главное ведутъ его не всегда согласно съ ученіемъ церкви, а вслѣдъ за тѣмъ уже прямо выступили съ обвиненіемъ нищенствующихъ въ распространеніи еретическихъ воззрѣній. Къ 1254 г. относится осужденіе университетомъ 31 еггровъ ⁵⁾, оказавшихся въ произведеніи францисканца Герарда: „Введеніе въ Вѣчное Евангеліе“. Главнѣйшія изъ этихъ заблужденій заключались въ слѣдующемъ: распространеніе Вѣчнаго Евангелія повлечетъ за собою отиѣну Новаго Завѣта, подобно тому какъ появленіе Новаго Завѣта сопровождалась отиѣною Вѣтнаго; Вѣтхій Завѣтъ былъ царствомъ Бога Отца, Новый — Бога Сына, а вѣчное евангеліе будетъ царствомъ Св. Духа; при Вѣтномъ Завѣтѣ главнѣйшій значеніемъ пользовались евреи, при Новомъ — клирики, а при вѣчномъ евангеліи оно отойдетъ къ монахамъ, особенно нищенствующимъ; господство вѣчнаго евангелія и отиѣна Новаго Завѣта послѣдуютъ въ 1260 г. Указать напѣ на эти заблужденія для университета означало отвлечь его отъ покровительства нищенствующимъ и склонить на свою сторону; папа могъ теперь не

¹⁾ № 231.

²⁾ №№ 238—239.

³⁾ № 237.

⁴⁾ № 240.

⁵⁾ № 243.

только высказаться противъ притязаній нищенствующихъ на проповѣдь и исповѣдь, но и запретить имъ преподаваніе богословія. Самы нищенствующие хорошо понимали размѣры угрожающей имъ опасности и убѣждали другъ друга молиться объ отвращеніи гибели. Но все это быстро измѣнилось со смертью Иннокентія IV и выборомъ ему въ преемники Александра IV.

7-го декабря 1254 г. скончался Иннокентій IV, 12-го въ преемники ему былъ избранъ Александръ IV, 20-го онъ былъ посвященъ въ папы, и въ тотъ же день новый перлосвященникъ издалъ буллу, которою отиѣнилъ распорженіе своего предшественника относительно притязаній нищенствующихъ на право исповѣди и проповѣди ¹⁾, а 14-го апрѣля 1255 года въ буллѣ, извѣстной по ея первымъ словамъ подъ именемъ *quasi lignum*, рѣшилъ споръ Парижскаго университета съ нищенствующими въ пользу послѣднихъ ²⁾. Такъ какъ, разсуждаетъ здѣсь папа, право раздавать *licentiam docendi* предоставлено канцлеру и ему вѣнено въ обязанность только провѣрять, заслуживаетъ ли кандидатъ по своимъ талантамъ, успѣхамъ и поведенію степени магистра, то ограничивать монаховъ каждой коллегіи требованіемъ приобрѣтать не болѣе одной каеодры богословія, чего добивается университетъ, въ сущности означало бы ограниченіе правъ канцлера, чтѣ не согласно съ декретами папы Григорія IX, а потому и доминиканцы, разъ канцлеръ нашелъ въ ихъ средѣ двухъ магистровъ, достойныхъ преподавать богословіе, могутъ владѣть 2 каеодрами. Что касается до отказа нищенствующихъ прекратить чтеніе лекцій во время закрытія курсовъ, папа готовъ признать здѣсь нарушеніе университетскихъ статutowъ и обычаевъ, но въ то же время даетъ понять, что поводъ къ закрытію курсовъ былъ ничтожный, и что нищенствующие, не прекращавшіе чтеній, совершили менѣе важный проступокъ, чѣмъ магистры, рѣшившіеся на закрытіе; а чтобы на будущее время университетъ былъ осмотрительнѣе въ примѣненіи на практикѣ такого рѣшительнаго средства, какъ закрытіе курсовъ, папа предписываетъ допускать его въ томъ лишь случаѣ, если ³⁾ магистровъ каждаго факультета изъявятъ свое согласіе на временное прекращеніе занятій. Въ заключеніе папа требуетъ, чтобы нищенствующие немедленно были снова включены въ составъ университета ³⁾.

¹⁾ № 244.

²⁾ № 247.

³⁾ № 249.

Опубликованіе этой буллы въ университетѣ, понятно, вызвало восторгъ въ средѣ нищенствующихъ и смущеніе у ихъ противниковъ. Последніе, однако, не отказались отъ борьбы, но перенесли ее теперь на иную почву: съ одной стороны они указывали ¹⁾, что ставить закрытіе курсовъ въ зависимость отъ согласія ²⁾ магистровъ каждаго факультета значитъ уничтожать эту основную льготу университета, ибо каноники и монахи, владѣющіе большинствомъ кафедръ на богословскомъ факультетѣ, никогда не дадутъ своего согласія на закрытіе курсовъ: владѣя коллегіями съ аудиторіями, они имѣютъ прямой интересъ настаивать на продолженіи занятій; а съ другой—противники нищенствующихъ утверждали, что разрѣшеніе монахамъ пріобрѣтать по нѣскольку кафедръ богословія поведетъ за собою распространеніе вѣчнаго евангелія, то-есть, ереси. Самъ папа былъ смущенъ послѣднимъ заявленіемъ и поспѣшилъ съ кардиналами осудить вѣчное евангеліе и „Введеніе“ къ нему на уничтоженіе. Сообщая объ этомъ рѣшеніи парижскому епископу, папа совѣтуетъ, при исполненіи онаго, повести дѣло такъ, чтобы францисканцы не потерпѣли тутъ безчестія ³⁾.

Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, противники нищенствующихъ пошли дальше. Ставшій во главѣ ихъ Вильгельмъ de Sancto Amore выпустилъ памфлетъ *De periculis novissimorum temporum*, въ которомъ попалъ на самый принципъ нищенства. Онъ утверждалъ, что нищенство, далеко не всегда служа выраженіемъ уничиженія, благопріятствуетъ развитію лѣни и самоуничиженія; что Христосъ и апостолы были бѣдными, но не нищими; да и нельзя назвать нищими тѣхъ, которые спокойно принимаютъ наслѣдства по завѣщаніямъ, берутъ плату за требосправленіе и пр., мало того, нищенствующие, претендуя на право проповѣди, исповѣди, погребенія умершихъ, принадлежащее бѣлому духовенству, производятъ безпорядокъ въ церкви и причиняютъ ей страшный вредъ. Всѣ эти возрѣнія нашли живой откликъ не только въ массѣ студентовъ, но и въ средѣ бѣлаго духовенства. Каноники различныхъ церквей начинаютъ присылать Парижскому университету сочувственныя заявленія ⁴⁾, и частное столкновеніе университета съ доминиканцами готово было обратиться въ общую борьбу между бѣлымъ духовенствомъ и нищенствующими.

¹⁾ № 256.

²⁾ №№ 257, 258.

³⁾ № 295.

(Ободренные этими сочувственными заявлениями, магистры и студенты мѣшаютъ теперь нищенствующимъ не только читать и слушать лекціи, устраивать и участвовать въ диспутахъ, но и говорить проповѣди, совершать исповѣдь, погребеніе и другія требы, подъ предлогомъ, что тутъ нарушаются права бѣлаго духовенства, а при сопротивленіи бросали въ нищенствующихъ камнями, заводили съ ними драку ¹⁾). Сами нищенствующие поняли размѣры угрожающей имъ опасности и пошли на уступки: ихъ капитулы и генералы поспѣшили предписать сочленамъ не раздражать клириковъ совершеніемъ требъ и произнесеніемъ проповѣдей безъ вѣдома и согласія мѣстнаго епископа или священника ²⁾; парижскимъ магистрамъ доминиканцамъ и францисканцамъ было приказано внимательно пересмотрѣть книги, употреблявшіяся въ ихъ школахъ, и исключить изъ нихъ всѣ заблужденія ³⁾; наконецъ, и сами нищенствующие магистры въ Парижѣ выразили готовность пойти на компромиссъ съ университетомъ. При посредничествѣ архіепископовъ буржскаго, сенскаго, руанскаго и реймсскаго заключенъ былъ договоръ ⁴⁾, по которому нищенствующие согласились выдѣляться изъ университета, но съ условіемъ что ихъ ученики могутъ посѣщать лекціи и диспуты университетскихъ магистровъ, и наоборотъ къ магистрамъ нищенствующихъ не будетъ возбранено записываться каждому учащемуся; за это нищенствующие обязывались отказаться отъ буллъ, полученныхъ ими во время борьбы, и въ настоящемъ договорѣ — видѣть залогъ мира, а не раздора. Университетъ охотно пошелъ на такое соглашеніе, такъ какъ имъ какъ бы отиѣнялась булла *quasi lignum*; нельзя же, заявляли потомъ магистры, навязывать нищенствующимъ то, отъ чего они сами добровольно отказались ⁵⁾).

Но въ то время, какъ нищенствующие уже отчаялись въ побѣдѣ и пошли на уступки, на защиту ихъ выступилъ самъ папа. И это понятно: уклоненіе университета отъ приведенія въ исполненіе буллы *quasi lignum* было въ сущности отказомъ папѣ въ повиновеніи, а изданіе памфлета противъ нищенствующихъ опять было косвеннымъ нападеніемъ на покровительствовавшую имъ римскую курію. Если

¹⁾ №№ 269, 273, 290.

²⁾ № 260.

³⁾ № 278.

⁴⁾ № 268.

⁵⁾ № 309.

нищенствующие претендовали повсюду на исповѣдь и проповѣдь безъ изпрощенія созволенія у мѣстной епархіальной власти, они дѣлали это, опираясь на папскія привилегіи; если нищенствующие, отрекавшіеся при Доминикѣ и Францискѣ отъ всякой собственности личной и коллективной, стали потомъ приобрѣтать недвижимость и получать наслѣдства, то и на это у нихъ имѣлись разрѣшенія папѣ, избравшихъ для нихъ различіе между *possessio* и *usus*, создавшихъ для нищенствующихъ сперва понятіе о приобрѣтеніи собственности не для себя и не для монастыря, а для ордена, а потомъ утверждавшихъ, что истиннымъ собственникомъ имѣній нищенствующихъ долженъ быть признанъ папа, а ордена являются только его администраторами ¹⁾). Такимъ образомъ Александръ IV, выступая на защиту нищенствующихъ, въ сущности хлопоталъ о поддержаніи папскаго авторитета ²⁾), теперь папа не останавливался уже ни передъ чѣмъ: соглашеніе нищенствующихъ съ университетомъ онъ объявилъ не имѣющимъ значенія частію потому, что оно противорѣчитъ буллѣ *quasi lignum*, а частію потому, что было заключено безъ согласія куріи ³⁾); памфлетъ Вильгельма de Sancto Amore, на основаніи заключенія коллегіи кардиналовъ, папа призналъ зловреднымъ и подлежащимъ сожженію ⁴⁾; парижскому епископу предписалъ немедленно привести въ исполненіе какъ буллу *quasi lignum*, такъ и распоряженіе объ истребленіи экземпляровъ памфлета, для чего уполномочилъ его налагать отлученіе на всѣхъ ослушниковъ, если они въ 15-ти-дневный срокъ не изъяснятъ раскаянія ⁵⁾); Вильгельма de Sancto Amore и 2 другихъ магистровъ, какъ главныхъ смутителей, приказалъ лишить сана, бенефиций, права преподаванія и изгнать изъ Франціи при содѣйствіи короля ⁶⁾); канцлеру ⁷⁾ предписалъ не давать ни одному кандидату *licentiam docendi*, пока тотъ не обяжется соблюдать буллу *quasi lignum*.

Рѣшительныя мѣры, предписанныя папою, и содѣйствіе короля при ихъ выполненіи мало-по-малу повели къ успокоенію университета и примиренію его съ нищенствующими. Уже осенью 1256 г.

¹⁾ *Chastel*, p. 527.

²⁾ № 271.

³⁾ №№ 280, 284.

⁴⁾ №№ 288, 300.

⁵⁾ № 281.

⁶⁾ № 282.

⁷⁾ № 298.

оба изъ осужденныхъ съ Вильгельмомъ магистровъ привели покаяніе и получили прощеніе ¹⁾; въ маѣ 1257 генераль доминиканцевъ заявляетъ, что угрожавшій ордену опасности, особенно во Франціи. миновали, благодаря покровительству папы, кардиналовъ и короля ²⁾; въ концѣ сентября того же года папа признаетъ возможнымъ разрѣшить парижскому епископу снять отлученіе съ тѣхъ магистровъ и студентовъ, которые приняли буллу *quasi lignum*, отказались отъ противорѣчащихъ ей статутовъ, согласились на общеніе съ нищенствующими и на выдачу для сожженія памфлета Вильгельма ³⁾; а весною 1259 года, наконецъ, самъ папа выражаетъ удовольствіе, что миръ вполнѣ водворился въ Парижскомъ университетѣ ⁴⁾. Впрочемъ отголоски затихшей бури слышались еще довольно долго частію въ хлопотахъ о возвращеніи въ университетъ Вильгельма de Sancto Ашоре, который, не смотря на отказъ подчиниться папѣ, возбуждалъ къ себѣ симпатіи въ университетѣ и духовенствѣ ⁵⁾, частію въ требованіи кредиторами отъ университета уплаты долговъ, наджланыхъ имъ для веденія процесса противъ нищенствующихъ ⁶⁾, частію, наконецъ, въ расѣйнаніи студентами сатирическихъ пѣсенокъ, сложенныхъ на нищенствующихъ во время открытой вражды съ ними ⁷⁾.

Какъ бы то ни было, борьба Парижскаго университета окончилась: въ чемъ же выразились ея результаты? 1) До начала борьбы количество кеедръ на богословскомъ факультетѣ было строго определено: сперва ихъ было 8 ⁸⁾, потомъ 12; определенный комплектъ кеедръ богословія стѣснялъ преподаваніе и вмѣстѣ вызывалъ интриги въ университетѣ со стороны претендентовъ каждый разъ, какъ одна изъ этихъ штатныхъ кеедръ оказывалась вакантною; но въ буллѣ *quasi lignum* указанъ былъ новый принципъ, отмѣняющій этотъ комплектъ: кеедра должна быть предоставляема каждому, кто окажется ея достойнымъ; значить, первымъ результатомъ борьбы должно быть признано упроченіе въ университетѣ свободы преподаванія. 2) До начала борьбы нищенствующіе, стремясь къ захвату кеедръ

¹⁾ № 292.

²⁾ № 311.

³⁾ № 319.

⁴⁾ № 331.

⁵⁾ №№ 332, 339, 344, 353.

⁶⁾ №№ 352, 376.

⁷⁾ № 342.

⁸⁾ № 5. 27.

богословія, въ то же время наставляли, чтобы ихъ сочлены по ордену слушали *agtes* только у своихъ магистровъ; еслибы имъ удалось провести то же требованіе и по отношенію къ богословію, то ихъ университетская школа вернулась бы къ старому типу монастырской школы, гдѣ ни о какой свободѣ слушанія не могло быть и рѣчи; но во время борьбы нищенствующіе принуждены были отказаться отъ стремленія къ этой исключительности и подчиниться господствовавшей въ университетѣ свободѣ слушанія, и въ этомъ отношеніи безспорно университетъ побѣдилъ нищенствующихъ, проведя въ ихъ школы свой взглядъ на свободу слушанія. 3) Но и нищенствующие съ другой стороны оказали значительное влияніе на организацію университета: университетскіе магистры должны были сознаться, что если нищенствующие во время борьбы имѣли много сторонниковъ въ самомъ же университетѣ среди студентовъ и магистровъ, то этимъ они обязаны славѣ, какою пользовалось преподаваніе въ школахъ францисканцевъ и доминиканцевъ, во главѣ которыхъ стояли тогда такія знаменитости, какъ Бонавентура и Тома Аквинскій; но превосходство школъ нищенствующихъ зависѣло не столько отъ талантности магистровъ, сколько отъ той обстановки, въ какой они работали: у нищенствующихъ было готовое даровое помѣщеніе, содержаніе на средства ордена, обширная аудиторія и значительная постоянно пополняемая библіотека. Поставить студентовъ и магистровъ изъ блага духовенства въ столь же выгодныя для научной работы условія сдѣлалось тогда естественною задачею для всѣхъ сочувствовавшихъ университету. И вотъ въ самый разгаръ борьбы съ нищенствующими положено было начало знаменитой Сорбонской коллегіи ¹⁾, по образцу которой потомъ были устроены многія другія. Сорбонна не только скоро сравнялась въ славѣ съ коллегіями нищенствующихъ, но и далеко превзошла ихъ.

Итакъ, упроченіе академической свободы преподаванія и слушанія, умноженіе и улучшеніе средствъ для научныхъ занятій учащихся и учащихся чрезъ сооруженіе и обезпеченіе коллегій — вотъ болѣе важныя результаты, къ какимъ привела борьба Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка.

Ф. Фортинскій.

¹⁾ № 242.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОСЪ ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ ¹⁾).

(1544—1648).

ГЛАВА II.

Столкновеніе Ливоніи съ Москвою; причина и поводъ, вызвавшіе его; первые годы войны до 1561 года.—Выѣзательство въ московско-ливонскія отношенія сосѣднихъ державъ.—Отношеніе Ганзейскихъ городовъ къ Ливонскимъ.—Выборгское плаваніе.—Ганзетатъ 1559 г.—Нарвское плаваніе.—Германская имперія и Ливонія.—Сношенія съ Ливоніей Дачія и Швеція до 1561 года.—Фридрихъ II и Магнусъ.—Восточная политика Густава I и его сыновей.—Утвержденіе поводовъ къ Репелъ.—Польши и Котлоръ.—Распаденіе Ливонскаго ордена въ 1561 году.

Послѣ Позвольскаго мира, всё реальныя выгоды котораго были на сторонѣ Польши, Ливонскій орденъ сталъ разоружаться. Ливонцы не сумѣли воспользоваться продолжительнымъ миромъ, жили въ излѣшествахъ, проводили время въ празднествахъ и какъ будто не замѣчали, что готовилось противъ нихъ на востокъ, какъ будто не желали видѣть, какъ повсюду стали обнаруживаться угрожающіе симптомы. Забыты были традиціи твердости и непоколебимости прежнихъ рыцарей ордена, все поглотили собою ссоры и борьба отдѣльныхъ сословій ²⁾. На случай новыхъ столкновеній съ кѣмъ-либо изъ своихъ сосѣдей орденъ легкомысленно полагался на Германскую имперію. Между тѣмъ ни Максимилианъ I, ни Карлъ V не сумѣли воспользоваться своимъ положеніемъ и тѣснѣе скрѣпить узы, соединявшія древнѣйшую нѣмецкую колонію на востокъ съ ея метрополіей: ихъ увлекали

¹⁾ *Продолженіе*. См. августовскую кн. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Винге*, III. Vier politische Gedichte, Livland in der zweiten Hälfte des 16 Jahrh. betreffend. Mitgetheilt und erläutert durch Eduard Pabst. I. Spottlied auf den deutschen Orden in Livland, in 1558: „честность забыта ливонцами, клятвы нарушаются, военная доблесть исчезла, жизнь протекаетъ въ излѣшествахъ. Vnd wehr woll sauffen vnd buchen kan, Den thun sie hochlich breissen, Ires ordens oberster muss er sein, Sie halten ihn für ein Meister“.

ихъ династическіе, габсбургскіе интересы. Къ Польшѣ они относились враждебно и скорѣе были склонны допустить политическое сближеніе съ Москвою, въ которой они видѣли надежнаго союзника противъ Турціи.

На востокѣ Европы, между тѣмъ, произошли крупныя перемены: восточныхъ татарскихъ ханствъ не стало; объединенная Москва расширила свои границы до Урала. Въ Европѣ заинтересовались варваромъ-гигантомъ; въ невѣдомую страну, ему подчиненную, въ эту страну „дѣйственныхъ“ природныхъ богатствъ, манившую къ себѣ своими несметными сокровищами, стали стекаться иностранцы. Англичане, проникнувъ въ Бѣлое море, сдѣлали цѣлое открытіе, произведшее перемену какъ во взаимныхъ отношеніяхъ западныхъ Ганзейскихъ городовъ къ Ливонскимъ, такъ и въ отношеніяхъ послѣднихъ къ Москвѣ. Іоаннъ Грозный не удовольствовался, однако, одною англійскою торговлею; онъ точно угадывалъ своекорыстіе англичанъ, желавшихъ монополизировать русскую торговлю и навязать русскимъ такую же тяжелую опеку, какъ въ предшествующіе лѣта Ганза. Ему нужна была собственная гавань при Балтійскомъ морѣ, гдѣ русскихъ ожидали большія преимущества, чѣмъ на Бѣломъ морѣ; отсюда уже они могли совершенно самостоятельно, безъ чужихъ помочей, добиться сношеній съ Западною Европою, въ которой, онъ зналъ, кроется многое, чего недостаетъ его государству. Грозный стремился къ морю, не ради страсти къ территоріальному расширенію, а убѣжденный въ необходимости имѣть прямые, непосредственныя сношенія съ Европою.

Съ самаго начала своего царствованія онъ добивался этого, уже въ 1551 году онъ грозилъ войною ордену, если орденъ станетъ еще задерживать свободную торговлю русскихъ и не пропускать въ Россію иностранцевъ ¹⁾. Найти предлогъ, который бы оправдалъ его притязанія—сдѣлать свое государство морскою державою, было не трудно. Загораживалъ его отъ моря орденъ, ставшій уже исторической аномаліей, раздираемый внутренними смутами ²⁾, имѣвшій свой *raison d'être* только въ эпоху господства средневѣковой децентрализаціи, орденъ, нарушившій свой договоръ съ Москвою и раздражавшій московитовъ

¹⁾ *Napiersky*, 369, 375, 377.... So der Maister zu Leifflandt jren leuten mit allerley ware zu handlen nicht ausgeschieden es sey mit Silber, Kupffer, Bley, Zin, Pantzer und auch allerley maysters handtwercks krigs vnd Dinst leuten vnd volck aus Littawen und teutschlande durch gestatten und jren freien vnuerhinderten weg in die Moscau nit vorgonnen werden.

²⁾ Онъ, конечно, былъ хорошо извѣстенъ царю.

цѣлымъ рядомъ безтактныхъ выходовъ. Сдвинуть съ пути такую шаткую преграду не могло представить особенныхъ затрудненій. И вотъ Грозный, рѣшивъ уже добиться морской гавани на Балтикѣ, по занятый еще своими восточными отношеніями, предъявляетъ ордену побывалое требованіе — сдѣлаться данниками Москвы, какъ это было опредѣлено въ старыхъ договорахъ Руси съ орденомъ; выплачивать царю съ каждой души по одной нѣмецкой маркѣ и одновременно доставить ему 50.000 за пѣ недонки прежнихъ лѣтъ. Вопросъ о дани ливонцевъ московскому царю сдѣлался предметомъ оживленныхъ споровъ: нѣмцы утверждали, что въ договорѣ 1503 года о дани не упоминалось ни единымъ словомъ; русскіе же, говоря, что Ливонія издавна земля русская и что нѣмцы насильно вторглись въ нее, настаивали на дани, которую нѣмцы будто бы обязались платить имъ. Присматриваясь къ этимъ спорамъ между орденомъ и Москвою, шведскіе агенты писали къ Густаву Вазѣ, что царю не эта дань дорога, онъ выставляетъ ее только для виду, на самомъ же дѣлѣ онъ добивался стать твердою ногою на берегу моря: Нарва и Дерптъ — его конечная цѣль ¹⁾. Такого же мнѣнія держались и въ Даніи.

Исторія вопроса о ливонской дани, по ливонскимъ источникамъ, такова. Въ пустоши, отдѣлявшей Нейгаузъ отъ Пскова, ливонскіе крестьяне имѣли нѣсколько сотъ пчельниковъ; изъ-за этихъ пчельниковъ у нихъ возникали столкновенія съ русскими, окончившіяся договоромъ между нѣмцами и псковскимъ княземъ, въ силу котораго ливонцы обязаны были доставлять князю ежегодно по 5 пудовъ меду. Русскіе, однако, и по заключеніи договора, не переставали все дальше и дальше проникать въ спорную пустошь, строили въ ней деревни, основывали монастыри и отъ дерптской епископіи у Нейгаузенской границы отняли полосу земли въ 6 миль. Вопросъ о медовомъ сборѣ уснѣлъ, между тѣмъ, отойти въ вѣчность, о немъ забыли и въ договорахъ онъ не упоминается. Іоаннъ Грозный, которому, безъ сомнѣнія, извѣстны были эти отношенія, снова ухватился за нихъ и возобновилъ старыя притязанія, но вмѣсто медоваго сбора требовалъ новой подати — такъ называемой десятины истинной вѣры; при этомъ новую подать требовали не только съ крестьянъ вышеназванной пустоши, но со всей Ливоніи, будто бы надревле вотчины русскихъ князей. Вопросъ, раньше касавшійся одной Дерптской области, сталъ теперь вопросомъ обще-ливонскимъ ²⁾.

¹⁾ *Schirren*, II, 220.

²⁾ Ср. *Schiemann*, Charakteristiken, 6 и дайте: Honigzins u Zins des echten Glaubens.

Требованіе, предъявленное Московю ордену, застало послѣдній въ расплохъ ¹⁾, и вотъ посольство за посольствомъ отправляется въ Москву, съ тѣмъ чтобы дешевле купить себѣ миръ съ этой стороны (съ 1.000 маркъ они доходили до 30.000). Одновременно съ переговорами съ Московю шли и переговоры съ Имперіей ²⁾. Требования московскаго царя были чрезмѣрны: по одной маркѣ съ каждого жителя. мужчинъ и женщинъ, и всѣ недонмки за три года, считая и умершихъ. Это было въ 1557 году. Ливонскіе послы вернулись домой, ничего не добившись. Царь, желая показать имъ свою силу, устроилъ пѣту въ родѣ военной тревоги—прѣхалъ съ своими стрѣльцами въ поле. гдѣ цѣлый день стрѣляли изъ пушекъ. Этотъ маневръ явился прелюдіей къ настоящей войнѣ ³⁾.

Причинами войны съ Ливоніей Грозный выставилъ разрушеніе ливонцами православныхъ церквей, стѣсненія русской торговли, помощь Польшѣ и Литвѣ противъ Россіи (Позвольскій трактатъ), неуплату дани, запрещеніе сношеній русскихъ съ ганзейцами, задержку направлявшихся въ Россію иностранцевъ ⁴⁾. Въ январѣ 1558 года ливонцы должны были убѣдиться, что угрозы московскаго царя были не напрасны. Большое русское войско (число котораго, впрочемъ, передается очень различно) около Нейгаузена вторглось въ предѣлы Ливоніи, предводительствуемое Шахъ-Али и Глинскимъ ⁵⁾. Какъ опустошительный вихрь, прошли

¹⁾ *Вниманіемъ* сопоставляетъ положеніе ордена въ 1558 году съ положеніемъ Австріи въ началѣ войны 1805 года (Aus Baltischer Vorzeit, 113).

²⁾ Ср. *Häberlin*, IV, 125.

³⁾ *Schiemann*, Charakteristiken, 7.

⁴⁾ Копенг. арх. Liff. 20a. Bericht der Liff. Kriegs Ursachen den Moskowischenn Kauffteute vndt den Naugardischenn vnnndt Plesskawischen vnd Jwanogrotischen eine grosse vngerechtigkeit gethann vndt die Reussischen Kirchenn heuser vnde keller vnde stete welche vonn alters her gewesenn seint der Russen, in Derptt vnd zu Reuall haben die Deutschenn zersteret auch die ortter keller vnnndt heuser an sich genommen, vnd an die stete der kerckenn haben sie vntuchtige stette gemacht, vndt zu Reuall auf das kerckenn landt da vonn aldenn her gewesenn ein Closter, darhin haben sie nun ein buchsenhoff gesetzt, vnnnd vonn aldenn her ist gewest ein tribut auss dem stift. von Dorpt, vnnnd das tribut ist nicht bezallt worden in viell jharenn. Ср. *Bergmann*, Magazin für Ruslands Geschichte, Mitau, 1826, II, 3, 12 и дал. Мы намѣренно опускаемъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ посольства ливонцевъ въ Москву, какъ болѣе или менѣе извѣстныя, и отмѣчаемъ желающихъ познакомиться съ ними къ общимъ сочиненіямъ Рихтера, Рутенберга и Соловьева.

⁵⁾ Clefeldt Данцигу, 2-го февраля 1558 года, говоритъ, что вторженіе русскихъ произошло съ четырехъ пунктовъ. Данцигскій архивъ Acta Internunciatorum, IX.

царскія полчища по сѣверной и сѣверо-восточной Ливоніи. Въ 14 дней русскіе сожгли 4.000 дворовъ, селъ и помѣстій ¹⁾). Въ воскресенье 28-го января подвергся набѣгу русскихъ Мариенбургъ, въ слѣдующіе дни русскіе опустошали мѣстности около Нарвы, Везенберга и Нейшлюсса; всего болѣе пострадала Дерптская область, гдѣ гибели жителей содѣйствовали еще сильныя морозы. Ничто не находило пощады у жаждавшихъ мести москвитовъ. Двадцатитысячный отрядъ ихъ въ понедѣльникъ 31-го января кипулся на Гельмстѣ. Москвиты показали ливонцамъ, говоритъ современнѣйшій любекскій лѣтописецъ, какой онъ царь; теперь ревельскіе и рижскіе дворяне увидятъ, какъ легко справиться имъ съ русскими, о которыхъ они хвастливо говорили, что безъ труда отразить ихъ вторженіе и побѣдить ихъ ²⁾). Въ началѣ февраля (5-го, въ субботу) русскіе сдѣлали приступъ къ Лансу, черезъ 6 дней (11-го, въ пятницу) они были уже у Везенберга, откуда двинулись по направленію къ Нарвѣ ³⁾).

Беззащитная Ливонія была на краю гибели. Ужасъ, охватившій всѣхъ при вѣсти о вторженіи страшнаго врага, былъ тѣмъ сильнѣе, что всѣ сознавали свою совершенную неподготовленность къ борьбѣ съ нимъ. Фюрстенбергъ разсылалъ грамоту за грамотой, умоляя ры-

Neihausen основ. въ 1274 году. Число русскихъ Бреденбахъ опредѣляетъ въ 300.000 человекъ; это любимое число Бреденбаха и онъ не разъ опредѣляетъ имъ силы русскихъ. Ср. о первомъ походѣ русскихъ *Nyquist*, 48, *Hidri*, 212; *Ryazov*, 53. *Repper*, 164. опредѣляющій число русскихъ въ 64.000 чел.; ср. даты 166—175. *Bienstam*, I, 41: Фюрстенбергъ бургомистру и ратманамъ Риги. 26-го января 1558. *Shirren*, II, 67. *Hennig*, 222. *Chytraeus*, 552 и 556. *Псковская лѣт.*, 809. *Arndt*, 231—232. *Курбскій*, 60. Наименѣе достоверенъ изъ всѣхъ ливонскихъ лѣтописцевъ Ньенстедтъ; его хроника—это произведеніе дилеттанта, а не историка, написанное въ 1604 году, когда автору было 64 года; онъ писалъ на память, а потому въ его трудъ и вкралось не мало ошибокъ, напримѣръ, паденіе Нейгаузена онъ относитъ до ваятія Нарвы; Кетлера онъ называетъ коадьюторомъ уже во время осады русскими Нарвы и т. д. Ср. *Beiträge*, I, 1873, 251 и далѣе.

¹⁾ Данц. архивъ. *Acta Internunciorum*. IX. Vol. 12. „4.000 höße, pawrschaftstenn und gesinde“. Письмо Клефельта, отъ 7-го февраля. *Cropitzky*. Ср. *Валлиновъ-Зерновъ*, Исслѣдованіе о васимовскихъ царяхъ и царевичахъ. I, 419 и д. *Карамзинъ*, VIII, 168. *Соловьевъ*, VI, 132. *Бестужевъ-Рюминъ*, II, 289 и слѣд.

²⁾ *Hövel*, 21.

³⁾ *Shirren*, II, 140 и 145: отъ двухъ рижскихъ дворянъ, прибывшихъ въ Польшу, узнали, что русскіе тремя колоннами вторглись въ Ливонію со стороны Нарвы, Дерпта и Мариенбурга. — Marienburg, который русскіе называли Allist. основ. въ 1341 году. *Laie* основ. 1428 году; *Helmet* въ 1265. Ср. *Нивон*, 298.

царей, города и сосѣднихъ государей о помощи. Еще до вторженія русскихъ въ 1557 году, предвидя неизбежность столкновенія съ ними, онъ просилъ ревелскій рать имѣть на готовѣ войско и по первому зову выставить его противъ русскихъ. Заботился Фюрстенбергъ и о доставкѣ провіанта и пороха, самъ даже въ началѣ февраля собирався въ походъ на Вейссенштейнъ, чтобы остановить побѣдоносное шествіе грознаго восточнаго варвара; но нигдѣ и ни въ комъ не находилъ онъ поддержки и сочувствія ¹⁾). Города Ливоніи издавна пользовались привилегіей не высылать своихъ бюргеровъ на войну противъ вѣшнихъ враговъ, на ихъ попеченіи лежала лишь оборона роднаго города, ради чего они обращались къ наемнымъ ландскнехтамъ ²⁾).

Еще отчаяннѣе стало положеніе Фюрстенберга, когда въ мартѣ 1558 года новый многочисленный отрядъ русскихъ возобновилъ свое вторженіе въ Ливонію, но уже съ ясною и опредѣленною задачей занять Нарву. Теперь и Рига, и Ревель, и другіе города уже съ болѣею отзывчивостью отнеслись къ воззваніямъ Фюрстенберга, но помощь, которую они оказали ему, была слишкомъ ничтожной, чтобы спасти близкій къ гибели орденъ: нѣсколько бочекъ пороху, 2 шиффпунда свинцу и небольшое число ландскнехтовъ. Всѣ эти города предпочитали войнѣ миръ и готовы были скорѣе содѣйствовать примиренію съ Москвою, нежели поддерживать войну. Они отказывались, за совершенною бѣдностью, платить наемнымъ кнехтамъ. содержать пограничные полки и т. д. ³⁾).

Вольмарскій ландтагъ, открывшійся 13-го марта, еще разъ вочію доказалъ все малодушіе ливонцевъ, рыцарская доблесть которыхъ существовала лишь на словахъ да на бумагѣ, и обнаружилъ, какъ мало единства было между представителями ордена; всѣ дѣйствовали врозь, всѣ желали сохранить за собою свои привилегіи, всѣ отказывались для общаго дѣла жертвовать своими выгодами. Тщетны были всѣ попытки Фюрстенберга возбудить въ рыцаряхъ ихъ прежній военный пылъ, военную доблесть: они предпочитали деньгами купить себѣ миръ у московскаго царя и готовы были отдаться подъ покровительство одной изъ сосѣднихъ державъ. Протоколы Вольмарскаго съѣзда даютъ намъ богатый матеріалъ для знакомства съ настроеніемъ, царившимъ тогда въ орденѣ. Фюрстенбергъ на-

¹⁾ *Biemann*, II, 31 и д. *Величинность-Зернога*, I, 428.

²⁾ *Schiemann*, *Revaler Landknechte zur Zeit der ersten Russennoth*. 78.

³⁾ *Schirren*, I, 83.

ставялъ предъ орденѣмъ и архіепископѣмъ на томъ, чтобы сгруппировать всѣ военныя силы ордена на военныхъ границахъ его. (Онъ одинъ понималъ, что отношенія къ Москвѣ могутъ разрешиться только въ открытой войнѣ. Представители Риги, Дерпта и другихъ городовъ не раздѣляли взглядовъ магистра. Дерптъ стоялъ за миръ, его представители указывали собравшимся, что война, исходъ которой не извѣстенъ, потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ и измѣнить весь строй Ливоніи. Если уже такой сильный государь, какъ Густавъ Шведскій, не могъ одолѣть москвитя, то ордену отваживаться на войну не слѣдуетъ никакъ. Никогда ливонцы прежде не одерживали побѣды надъ русскими, теперь это еще труднѣе, такъ какъ русскіе сдѣлались гораздо могущественнѣе. Не лучше ли, говорили дерптскіе послы, заключить миръ съ Москвою, пока страна еще не разорена, пока еще есть возможность удовлетворить денежными требованіями русскихъ.

Послы Риги совѣтовали не начинать войны съ Москвою и прямо заявляли, что не считаютъ себя обязанными защищать другихъ и разбрасывать свои силы по границамъ Ливоніи. Рига и другіе города надѣялись на свои стѣны, на то, что съ моря всегда будутъ получать съѣстные припасы и оружіе и легко такимъ образомъ выдержать осаду русскихъ. Ревельскіе послы писали изъ Вольмара городскому рату, что, по ихъ мнѣнію, спасеніе Ливоніи зависить исключительно отъ мира съ Москвою, а миръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если будетъ удовлетворено денежное требованіе царя; они убѣждали представителей рата помочь съ своей стороны собрать нужныя деньги ¹⁾).

Различныхъ мнѣній на Вольмарскомъ съѣздѣ было столько, сколько было представителей: одни стояли за войну, другіе за миръ, третьи предлагали еще поторговаться съ царемъ и добиться сбавки требуемой имъ суммы, четвертые ничего не предлагали, ставя все въ зависимость отъ германскаго императора ²⁾).

Решеніе ландтага было составлено 29-го марта; рѣшено было, въ концѣ концовъ, собрать 60.000 марокъ, но къ маю собрали всего 30.000; когда Клаусъ Франке и Вольфгангъ Цагеръ отпра-

¹⁾ Ср. *Bienemann*, II, 231. *Schirren*, VII: In tam enim perturbata Republica ubi tot sensus, quod capita: tot voluntates, quot homines, nihil tuti, nihil firmi et solidi esse potest. Ср. *Schirren*, I, 219. Въ юнѣ новый съѣздъ въ Дерптѣ.

²⁾ Ср. *Bienemann*, I, 58, 67 и дал.; *Richter*, I, 327, *Rutenberg*, II, 444.

вынѣсь въ Москву, чтобы купить у царя миръ, за который высказалось большинство, нарвцы нарушили перемиріе, заключенное съ русскими. Узнавши объ этомъ, царь прервалъ переговоры съ орде- номъ и велѣлъ своимъ военачальникамъ возобновить осаду Нарвы¹⁾).

Вольмарскій съѣздъ могъ убить всякую энергію у менѣе дѣя- тельнаго человѣка, чѣмъ Фюрстенбергъ; но онъ все еще не терялъ надежды; его курьеры разъѣзжали по всей странѣ, отъ командора къ командору, отъ города къ городу, взывали о помощи и побуж- дали къ быстрымъ военнымъ дѣйствіямъ. Однако мало кто трогался воззваніями магистра. Фохтъ Вейссенштейна, Беригардъ фонъ Шмер- тентъ, преспокойно оставался дома; самъ ландмаршалъ Ливонскаго ор- дена Христофъ Нейенгофъ фонъ деръ Лейе благоразумно отстранился отъ похода на русскихъ; рыцарство не принимало участія въ борьбѣ вслѣдствіе необходимости имѣть наготовѣ военную силу для защиты и обезпеченія своихъ сословныхъ прерогативъ; города имѣли въ виду исключительно только свои меркантильные интересы. Всего менѣе сочувствовалъ магистру архіепископъ рижскій, бранденбургскій марк- графъ; ему совершенно чужды были интересы ордена, и онъ един- ственно только мечталъ о томъ, какъ бы прочнѣе обосноваться въ своей архіепископії и обезпечить за собою возможно больше терри- торіальныхъ владѣній. Столь же своекорыстною оказалась и поли- тика эзельскаго и курляндскаго епископовъ; первый изъ нихъ моти- вировалъ свой отказъ участвовать въ военномъ предпріятіи противъ москвитовъ тѣмъ, что со дня на день ожидаетъ вторженія на Эзель шведовъ, давно уже грозившихъ ему открытою войною; на самомъ же дѣлѣ, онъ, какъ мы увидимъ, тогда уже помышлялъ уступить свою епископію датскому принцу Магнусу; второй сослался на совершен- ный недостатокъ денегъ и войска. Разногласіе было у ливонцевъ и относительно самаго способа войны съ москвитами. Одни считали за лучшее укрыться въ крѣпостяхъ, другіе наставляли на необходи- мости борьбы съ врагомъ въ открытомъ полѣ. Укрѣпленія городскихъ стѣнъ, постройка валовъ и башенъ, говорили послѣ наденія Дерпта, требуетъ и много средствъ, и много времени; безцѣльность обшир- ныхъ укрѣпленій доказывалась примѣрами изъ исторіи — паденіемъ Кон- стантинополя, Офена и другихъ городовъ. Лучше въ бою помѣряться

¹⁾ *Schiemann*, Russland, Polen und Livland, II, 294: Als ob derartige, man möchte fast sagen, sentimentale Vorstellungen irgend Aussicht haben konnten, bei den Moskauer Politikern zu verfangen. (Это по поводу Вольмарскаго рецесса).

силами съ врагами, говорило меньшинство, и съ честью пасть, чѣмъ бѣжать отъ врага и уклониться отъ битвы съ нимъ ¹⁾).

Въ мартѣ русскія войска, числомъ 17,000, опустошали мѣстность къ сѣверу отъ Двины, напали на Динабургъ, Маріенбургъ, Ресситенъ и другіе города, лежавшіе на восточной границѣ орденовскихъ владѣній. Фюрстенбергъ просилъ города и рыцарство прислать кнехтовъ и провіанту къ нарвской границѣ, гдѣ имѣлось въ виду построить новый мостъ; онъ надѣялся, собравши тутъ ополченіе изъ Викена и Эзеля, двинуться на Ивангородъ, что ему еще раньше совѣтовали сдѣлать бургомистры и рать Ревеля, выставивъ на видъ совершенную невозможность успѣшно вести войну съ русскими, пока они владѣютъ Ивангородомъ, куда съѣзжаются купцы изъ Англіи, Голландіи, Брабанта, Шотландіи, Германіи, Даніи и Швеціи ²⁾).

Прекрасный проектъ Фюрстенберга не по его винѣ, конечно, такъ и остался проектомъ; а русскіе между тѣмъ, какъ сообщалъ бургомистру Ревеля командоръ города, начали сооружать шанцы у нѣмецкой Нарвы. Фохтъ Нарвы Эрнстъ фонъ Шнелленбергъ, человѣкъ старый и опытный, писалъ магистру, что русскіе перваго апрѣля начали обстрѣливать Нарву; а рыцари, не взирая на это, собравшись у Везенберга, снова разошлись по домамъ. Изъ сообщеній современниковъ видно, что русскіе со всею энергіей, свойственной ихъ царю, принялись за осаду Нарвы ³⁾). Ни днемъ, ни ночью они не знаютъ отдыха; мечутъ въ день до 800 мѣдныхъ и каменныхъ ядеръ, нѣкоторыя вѣсомъ въ 50 фунтовъ; имѣютъ огромные запасы фальконетовъ, мортиръ и пр. Въ городѣ, между тѣмъ, съѣстные запасы все истощались, и едва ли, говоритъ очевидецъ, возможно будетъ выдержать продолжительную осаду. Платить жалованье наемнымъ кнехтамъ городъ не можетъ, а ревельскій рать, забывая общіе интересы, не перестаетъ требовать уплаты жалованья своимъ рейтарамъ; въ такомъ безвыходномъ положеніи бургомистръ Нарвы долженъ былъ отдать кнехтамъ вмѣсто жалованья купеческіе товары, находившіеся въ городѣ, на сумму въ 8.000 марокъ; это вызвало ро-

¹⁾ *Bienemann*, III, 195. Ср. *Schirren*, I, 180: Фюрстенбергъ также не желалъ тратить силъ на защиту каждаго незначительнаго замка и мѣстечка; онъ находилъ болѣе цѣлесообразнымъ все жечь и уничтожать на своемъ пути.

²⁾ *Schirren*, I, 98.

³⁾ *Schiemann*, II, 296: „Mit größter Energie hat man dann von Russischer Seite den Krieg aufgenommen. Der Osten in voller Aufrüstung rückte gegen den verlassen und verdorbenen Vorposten deutscher Cultur heran.“

потъ и большое неудовольствіе со стороны космополитовъ-купцовъ, сердцу которыхъ дороже всего были ихъ торговыя предпріятія. Въ концѣ апрѣля ревельскіе кнехты, не получая болѣе жалованья, покинули осажденный городъ. Не извѣстно, исполнили ли ревельцы просьбу нарвскаго рата—отправить шкерботы къ Пѣддесу, чтобы оттуда отбить русскихъ. Крумгаузенъ, бургомистръ Нарвы, обращался за помощію къ магистру, жаловался на то, что никто не отозвался на его, безвыходное положеніе, никто „даже лйца“ не прислалъ голодающему населенію; въ городѣ не осталось ни хлѣба, ни воды; окруженные врагами они напрасно зываютъ ко всѣмъ о помощи. Новые налоги на купеческіе товары и дома, въ количествѣ десятаго пфенига, займы на высокіе проценты—все было испробовано нарвцами, но напрасно. 27-го апрѣля они съ отчаяніемъ извѣщаютъ ревельцевъ, что такъ заперты русскими со всѣхъ сторонъ, что не могутъ уже воспользоваться и подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, которыхъ ожидали изъ Ревеля. Фюрстенбергъ склонялъ рижанъ помочь Нарвѣ; но акты ничего не говорятъ намъ о томъ, исполнили ли они его просьбу ¹⁾).

Обратимся, однако, къ самой осадѣ города. Подступивъ къ городу еще въ мартѣ, русскіе девять дней били въ его стѣны каменными ядрами и построили у города три шанца. Послѣ двухнедѣльнаго перемирія бомбардированіе возобновилось перваго апрѣля, особенной же силы достигло оно 7-го и 8-го апрѣля, въ четвергъ и пятницу на страстной недѣлѣ. „Царь велѣлъ стрѣлять изъ всего наряду по Ругодену“. Изъ Нарвы отвѣчали тѣмъ же и неустанно метали ядра въ Ивангородъ. 11-го апрѣля бомбардированіе съ обѣихъ сторонъ прекратилось. Ни откуда не получая помощи Шнелленбергъ рѣшился войти въ переговоры съ московскими военачальниками, Алексѣемъ Даниловичемъ Басмановымъ и Павломъ Петровичемъ Заболоцкимъ, результатомъ переговоровъ было 4-хъ мѣсячное перемиріе. Русскіе во время этого перемирія часто переходили Нарову и дѣлали незначительныя вылазки, уводили скотъ и пр. Царь обращался къ нарвскимъ жителямъ съ предложеніемъ отдаться подъ его высокую руку, обѣщалъ даровать имъ широкія торговыя привилегіи и сохранить за ними ихъ религію. Бюргеры и „ругодинскіе посадники“, имѣвшіе свои торговыя дѣла съ Россіей, увидѣли въ предложеніи царя случай расширить свои при-

¹⁾ Ср. *Bienemann*, II, 61, 74; то же, I, 165. *Schirren*, II, 197.

вилегія и, разумѣется, первые высказались за необходимость сдать городъ московскому царю.

Получивши грамоту царя, бургомистръ Нарвы Іоахимъ Крумгаузенъ (Якимъ Кромышъ) съ ольдерманомъ, однимъ бюргеромъ и городскимъ секретаремъ отправились въ Ивангородъ для переговоровъ о мирѣ. Отсюда, говорятъ одни ливонскіе лѣтописцы, они писали своимъ родственникамъ, чтобы они въ условленное время подожгли городъ и не жалѣли пожертвовать и своими собственными домами. По русскимъ источникамъ, какъ извѣстно, причина пожара иная. Не извѣстно, зналъ ли фохтъ города о затѣяхъ Крумгаузена и его товарищей, но онъ удалился изъ Нарвы къ Фюрстенбергу и сложилъ свой постъ; за оставленіе Нарвы въ такой для нея критическій моментъ Шнелленбергъ подвергся денежному штрафу. Мѣсто фохты въ крѣпости перешло къ Стрикку, а въ городѣ къ Годерту фонъ деръ-Марке. Ихъ силы простирались тогда до 300 кнехтовъ и 150 воиновъ ¹⁾.

20-го апрѣля въ 4 миляхъ отъ Нарвы расположилось орденское войско въ 500 человекъ конницы съ Кетлеромъ, тогдашнимъ командоромъ Феллина, Францемъ фонъ-Цигенгауеномъ, командоромъ Ревеля, и фохтами Іервена, Юнненбурга и Везенберга во главѣ.

Перемиріе, заключенное 11-го апрѣля, было нарушено нарвцами. Понадѣявшись на помощь Кетлера, они принялись стрѣлять въ Ивангородъ ²⁾, приняли въ свои стѣны одинъ новый отрядъ нѣмецкихъ наемныхъ кнехтовъ, распущенный рижскимъ фохтомъ за невозможностью или нежеланіемъ уплачивать имъ жалованье; Кетлеръ обѣщалъ уплатить имъ все, что имъ слѣдовало и убѣдилъ войти въ Нарву; это случилось 1-го мая; къ этому отряду, предводительствуемому Вольфомъ Сингогофомъ, присоединились и ревельскіе кнехты, покинутые своимъ военачальникомъ Вульфомъ фонъ-Страсбурхомъ ³⁾.

Нарушеніе перемирія со стороны нарвцевъ раздражало русскихъ и они съ усиленнымъ напряженіемъ возобновили бомбардированіе Нарвы. 11-го мая, въ среду, въ Нарвѣ начались пожары. Никто ихъ не тушилъ и всѣ тащили свои пожитки въ замокъ, гдѣ надѣялись найти

¹⁾ Ср. *Benner*, 181 и далѣе; *Никонов*, лѣт., 307; *Львовск.* 212. Ср. *Hjärn*, 218 и сл. Ср. *Hansen*, *Geschichte der Stadt Narva*, 558, стр. 22—38.

²⁾ *Hansen*, 22: Das Schloss von Narva und das Schloss Iwangorod stehen sich wie ein Paar Duellanten gegenüber.

³⁾ Ср. *Die Uebergabe Narvas in Mai 1558. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands*. IX. Riga. 1860.

спасеніе ¹⁾). Реннеръ разсказываетъ, что Кетлеръ, какъ только узналъ о начавшихся пожарахъ, отправилъ въ городъ своихъ рейтеровъ. Второ́й бургомистръ, Германъ фонъ-Мюленъ, недовольный этимъ, далъ знать Кетлеру, что пожаръ потушенъ и опасности болѣе нѣтъ. Тогда, будто бы, рейтеры Кетлера возвратились въ свой лагерь. Это извѣстіе очень неправдоподобно. Лагерь Кетлера лежалъ въ 4 миляхъ отъ Нарвы и едва ли можно допустить, чтобы онъ на слово повѣрилъ бургомистру; при нѣкоторомъ даже интересѣ къ судьбѣ города онъ имѣлъ всегда возможность чрезъ своихъ кнехтовъ и рейтеровъ имѣть свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ осажденной Нарвѣ. Хладнокровіе Кетлера и другихъ рыцарей было поразительнымъ; приблизившись къ городу на полины, они съ значительнымъ количествомъ военныхъ силъ до конца оставались праздными зрителями паденія Нарвы и не сдѣлали даже попытки предупредить его, а спокойно удалились въ Пуртзе, а оттуда еще дальше, въ глубь страны, къ Везенбергу.

Русскіе какъ нельзя лучше воспользовались пожаромъ Нарвы, перешли рѣку, принялись стрѣлять и бить стѣны крѣпости, чрезъ стѣны бросали огненные и каменные ядра. Вскорѣ они проникли въ городъ со стороны „Русскихъ и Колыванскихъ воротъ“ и начали осаду крѣпости. „И къ Вышегороду воеводы приступали до вечера со всѣхъ сторонъ“. Военачальникъ русскихъ Павелъ Петровичъ Заболоцкій, человѣкъ очень расположенный къ нѣмцамъ и противъ воли пославшій съ ними, обратился къ кнехтамъ съ предложеніемъ добровольно сдать крѣпость, обѣщая имъ свободный выходъ и разрѣшилъ вынести съ собою столько, сколько въ силахъ cadaго. Въ первый разъ кнехты гордо отвергли предложеніе московскаго военачальника, сказавши, что „отдаютъ только груши да яблоки, а не княжескіе дома“ ²⁾). Но на второе предложеніе Заболоцкаго послѣдовалъ уже утвердительный отвѣтъ, и кнехты сдали ему крѣпость. Нарва пала въ среду на „пятой недѣлѣ по пасхѣ“, 12-го мая. Русскіе нашли въ городѣ богатую добычу, множество товаровъ, принадлежавшихъ ревельскимъ и ганзейскимъ купцамъ, полотна, воскъ, жиръ и др. Въ крѣпости оказались еще нѣкоторые запасы пороха и оружія. Побѣдители русскіе принялись тушить пожары и стали возстановливать укрѣпленія города.

¹⁾ Dat was so ein alepent indt dat sloth, dath man 2 Roth Hacken Schützen monte up die Brügge stellen vor des Rothes Porte, die dat volck mit dem Zeügu uth dem slothe holden, sie hedden uns dat sloth sunst zu enge gemaket.

²⁾ Appel und Beeren plecht man zu vergeven, keine Heren vnd Füraten Häuser.

Не малую радость доставило Іоанну Грозному занятіе Нарвы. Онъ ликовалъ: ему удалось наконецъ стать прочною ногою у моря, приобрести гавань, откуда подданные его вполне свободно и независимо отъ нѣмцевъ могли сносятся съ западною Европою, гавань, которая должна была стать фундаментомъ морской силы Россіи. Мечта Грознаго царя осуществилась. Сосѣди Ливоніи и Москвы покачивали головою; не всѣмъ желательно было утвержденіе „московита“ на Балтійскомъ морѣ. Еще во время осады Нарвы шведскіе агенты писали Густаву Ваза, что „московскому царю вовсе не дорога дань ливонцевъ, онъ ухватился за нее только для виду. Нарва и Дерить—вотъ конечная цѣль всей его ливонской политики“. Шведы не ошиблись; Грозному нужно было море, онъ теперь имѣлъ его. Великое значеніе его для Россіи пока сознавалъ одинъ только царь, цѣлою головою возвышавшійся надъ своими современниками политическою сметливостью и дальновидностью. Во все свое царствованіе онъ „съ особенною заботливостью“ относился къ Нарвѣ, „любимому дѣтищу своему“, „холилъ его“, награждалъ привилегіями и льготами. Майское приобретеніе явилось высокочтенательнымъ моментомъ въ исторіи сѣверо-восточной Европы!

Іоаннъ Грозный съ царскою щедростью награждалъ „героевъ Нарвы“. Нарва подъ русскимъ владычествомъ быстро застраивалась, стѣны и ворота ея царь велѣлъ укрѣпить, черезъ Нарову проведенъ былъ мостъ, соединившій городъ съ замкомъ. Сюда русскіе свезли всю военную добычу. Пограничные съ Нарвой крестьяне подъ покровительствомъ и защитою царя точно ожили, имъ дана была возможность засѣять свои поля и обрабатывать земли. Русскій воевода доставлялъ имъ зерна для посѣва, давалъ хлѣба, быковъ и лошадей. Нарвскимъ жителямъ дарована была свободная и безошлинная торговля по всей Россіи; они могли также безпрепятственно сносятся съ Германіей. Наконецъ, Нарва была объявлена свободной отъ постоя, царскіе воины должны были оберегать жителей ея ¹⁾).

Первый рѣшительный успѣхъ придавалъ русскимъ бодрости и энергій; культурные орденскіе рыцари уступили силѣ ихъ натиска, и русскіе рѣшили, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, продолжать свои завоеванія, насадить православіе и утвердить господство московскаго царя въ области, издавна уже подвластной, какъ говорили въ Москвѣ, русскимъ князьямъ. Что Іоаннъ Грозный имѣлъ въ виду на-

¹⁾ Schirren, I, 142, 207. Ср. Bienemann, I, 246.

всегда упрочить свою власть въ завоеванной землѣ, видно изъ факта раздачи боярскими дѣтями въ покоренныхъ областяхъ обширныхъ земель.—Послѣ покоренія Нарвы русскіе имѣли еще нѣсколько незначительныхъ столкновеній съ ливонцами, обнаружившихъ совершенное превосходство ихъ надъ нѣмцами, среди которыхъ господствовали раздоры и несогласія. Въ первыхъ числахъ іюня русскіе взяли Эццъ (Адежъ) ¹⁾ и тогда же въ числѣ 15.000 чел. приступили къ осадѣ Нейшлосса; осажденные обращались за помощью къ Везенбергу, но доставить имъ помощь оказалось невозможнымъ, такъ какъ единственный путь, шедшій къ городу, былъ занятъ русскими ²⁾; окружавшія же городъ болота затрудняли доступъ къ нему съ запада. Уже 7-го іюня городъ сдался, фоктъ же его Дитрихъ фонъ деръ-Штейнкуле еще раньше удалился въ Везенбергъ. „Жители города, говоритъ русскій лѣтописецъ, въ холодствѣ учинилися царю Государю Великому князю, а черные люди Латыши и Баты и Чухны изъ всего Сыренскаго уѣзду приложились государю и правду дали, что имъ быти неотступнымъ отъ государи и до вѣка, а уѣзду Сыренскаго въ доль 60 верстъ, а поперекъ индѣ 50 верстъ индѣ 40, и Чудское озеро все стало въ Государевѣ землѣ царя и Великаго князя, и Нерова рѣка отъ верху и до моря“.

Къ половинѣ іюня русскіе господствовали въ Гарримъ и Леттландѣ, 15-го числа сдѣлали вторженіе въ область Ungarnien или Уккеноейсъ и съ 80.000 войскомъ ³⁾ начали осаду Нейгауза, считавшагося ключемъ къ Дерпту, главною крѣпостью всей Дерптской епископін; начальникомъ городской милиціи былъ извѣстный Георгъ Иксуль. Когда русскіе приступили къ Нейгаузу, магистръ, Кетлеръ и рыцари стояли лагеремъ къ югу отъ города въ мѣстечкѣ Киремпзъ ⁴⁾. Фюрстенбергъ предлагалъ рыцарямъ перейти Нарову и кинуться на русскихъ, но не встрѣтилъ сочувствія ⁵⁾. Тогда магистръ послѣдшилъ обратиться къ Ганзейскимъ городамъ, Густаву Вазѣ, Іоанну Финляндскому и нѣмецкимъ князьямъ, представляя имъ всю опасность своего положенія ⁶⁾; не удалась ему и попытка склонить къ общимъ дѣйствіямъ архіепископа рижскаго; многіе рыцари его покинули при

¹⁾ *Bunge*, Archiv, 6, 144. *Reinert*, 187. *Никол. Лѣт.* 910.

²⁾ *Ливонская лѣт.*, V, 224—225.

³⁾ *Bredembach* даетъ это число.

⁴⁾ Городокъ, основанный епископомъ Германомъ въ 1226 г. (*Gadebusch*, I. 525).

⁵⁾ Ср. *Lossius*, II, 23. *Nyenstedt*, 49.

⁶⁾ *Schirren*, I, № 69.

самомъ началѣ осады, такъ поступилъ между прочимъ епископъ дерптскій. Исполненный самыхъ благихъ намѣреній, несчастный Фюрстенбергъ постоянно встрѣчалъ отпоръ въ грубомъ эгоизмѣ рыцарей, въ нравственномъ разслабленіи всего ордена, въ скрытой, а впоследствии и беззащитно-явной измѣнѣ орденскихъ представителей. Только одну удачную вылазку успѣли сдѣлать нѣмцы изъ своего лагеря (17-го іюня), но вскорѣ уже въ городѣ обнаружилась нѣмца; измѣнника успѣли накрыть, говорятъ нѣмецкіе лѣтописцы, свезли въ Венденъ, гдѣ подвергли пыткамъ, изъ которой обнаружилось, что епископъ дерптскій началъ переговоры съ москвитями и обѣщалъ уступить имъ свою область, если они не посягнутъ на религіозную свободу дерптцевъ и сохранять за его областью всѣ ея привилегіи. Псковская лѣтопись ничего не говоритъ объ измѣнѣ, Львовская отмѣчаетъ храбрость нѣмцевъ: „и билися нѣмцы добрѣ жестоко и смѣли на смерть“ ¹⁾. Рейнеръ категорически заявляетъ, что Нейгаузъ сдался русскимъ 30-го іюня (въ четвергъ) благодаря измѣнѣ ²⁾.

Послѣ паденія Нейгауза Кетлеръ, видя, что оставаться въ Киремпэ не безопасно, рѣшился перенести свою военную квартиру въ Дерптъ; но епископъ дерптскій воспротивился этому, и тогда Кетлеръ и его партія удалились въ Валькъ, пограничный съ областью Саккала городокъ ³⁾. Фюрстенбергъ же остался въ Uelzen'ѣ, на сѣверо-западъ отъ Киремпэ, который по его приказанію былъ сожженъ. Валькъ былъ расположенъ въ 8 миляхъ отъ Дерпта. Отсюда нѣмцы обращались за помощію къ польскому и датскому королямъ, съ такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и во всѣхъ прежнихъ случаяхъ ⁴⁾. Раздоры въ лагерѣ ливонскихъ рыцарей все увеличивались. Дерптскіе дворяне отказывались служить магистру, и 3-го іюля 260 всадниковъ уѣхали въ Дерптъ. Русскіе между тѣмъ все ближе подходили къ Дерпту; 5-го или 6-го іюля они заняли Варнебекъ, въ трехъ миляхъ къ сѣверу отъ Дерпта, на Эмбахѣ, близъ Пейнуса; замки сдавались имъ почти безъ сопротивленія, что вызвало мѣткое замѣчаніе одного ливонскаго исто-

¹⁾ *Львовск.*, V, 230. *Псковск.*, 310.

²⁾ Объ осадѣ Нейгауза ср. *Bienemann*, I, 190. *Arndt*, 234. *Gadebusch*, V, 521. Копенг. арх. Lifl. 5. Münchhausen Христиану III (dinstags nach Petri et Pauli) Нейгаузенъ палъ въ день Петра и Павла: Nachdem der Muscowiter gegen disse Landt mit aller macht je leunger je mehr mit morden, rauben, brennen verwüstung vmd innemung schlosser vnd heusser land vnd leuth procedirt vnd fortfarth.

³⁾ *Bienemann*, II, 117.

⁴⁾ *Gadebusch*, I, 526.

рика: „Man spiele in Livland mit Schlössern wie mit knippkugelchen“. Къ 8-му іюля весь Вирландъ былъ оставленъ рыцарями и беззащитный ожидалъ своей судьбы. Въ то время какъ русскіе приступили къ осадѣ Дерпта, въ орденѣ произошла большая перемѣна: Кетлеръ избранъ былъ въ коадьюторы Фюрстенберга, что означало побѣду польской партіи. Избраніе Кетлера было незаконнымъ, такъ какъ онъ избранъ былъ далеко не всѣми, Фюрстенберга заставили признать его своимъ коадьюторомъ. Тенденціозный историкъ Геннингъ, сторонникъ Кетлера, говоритъ въ защиту своего патрона, что онъ будто бы сначала отказывался отъ коадьюторства, что магистръ по болѣзни и неспособности своей самъ настаивалъ на этомъ и т. д., но все это опровергается архивными данными. Кетлеръ все велъ къ тому, чтобы вытѣснить Фюрстенберга и занять его мѣсто, чего онъ и достигъ въ слѣдующемъ второмъ годѣ войны ¹⁾.

8-го іюля русскіе приступили къ Дерпту, 11-го они начали осаду его и построили кругомъ города укрѣпленія. Первые дни стоялъ густой туманъ, такъ что враги не видали другъ друга ²⁾; осажденные держались съ большимъ мужествомъ, три раза имъ удавалось выбить русскихъ изъ сооруженныхъ ими шанцевъ; нѣсколько дней перемирія русскимъ пришлось поэтому употребить на постройку новыхъ шанцевъ и на этотъ разъ у самыхъ Андреевскихъ воротъ близъ городского собора; вскорѣ они начали бомбардировать городъ. Бюргеры проявляли необыкновенное мужество, жертвовали жизнью, имуществомъ и своими близкими ради защиты города. Но вскорѣ духъ сепаратизма проникъ и въ стѣны Дерпта. Еще въ іюнѣ дерптскіе жители обращались къ магистру съ просьбою дать имъ новаго епископа, такъ какъ старымъ очень недовольны; теперь эта нелюбовь обнаружилась еще сильнѣе ³⁾. Первыми бѣжали изъ Дерпта канцлеръ города, его совѣтники и многіе дворяне; дѣла принимали все болѣе и болѣе мрачный характеръ, почти всѣ сознавали необходимость иноземной протектуры. Вскорѣ возникла рознь и въ интересахъ отдѣльныхъ сословій: дворяне тайкомъ убѣгали изъ города, купцы увозили свои товары въ Ревель, одни стояли за сдачу города русскимъ, другіе рѣ-

¹⁾ Rutenberg, II, 469. Henning—тенденціозенъ при изложеніи этого событія. *Loosius*, 164 и д.

²⁾ Бреденбахъ говоритъ, что русскихъ было 300.000. Этотъ историкъ, какъ ревностный католикъ, объясняетъ всѣ несчастія Дерпта отпаденіемъ ихъ отъ католичества. *Schirren*, I, 149 и д. *Hjärn*, 217.

³⁾ *Dieme mann*, II, 114. I, 238. *Nyenstedt*, 51.

шлись пожертвовать жизнью для защиты его. Русскіе не теряли ни минуты даромъ, все ближе обступали городъ, частая пальба ихъ наносила ему не мало вреда. Усиленная стрѣльба началась 14-го іюля; въ ночь на 15-е русскіе сдѣлали ровъ у Андреевскихъ воротъ и подложили подъ стѣну 6 бочекъ пороху. Защитники Дерпта все рѣдѣли отъ дезертированія и русскихъ пушекъ. Магистръ не могъ или не желалъ помочь городу; въ помощи отказали и города, къ которымъ, кромѣ Дерпта, взымалъ и Фюрстенбергъ. Осажденнымъ оставалось лишь принять предложеніе русскихъ—сдаться на милость и милость ихъ царя. Еще до пачала осады епископъ Дерпта извѣщалъ Фюрстенберга объ условіяхъ сдачи, предложенныхъ ему русскими ¹⁾. Царь прежде всего требовалъ, чтобы русскія церкви въ Дерптѣ были возстановлены со всѣми землями и гильдейскими домами, къ нимъ принадлежащими; затѣмъ онъ настаивалъ на свободной и безпрепятственной торговлѣ русскихъ съ иностранцами, далѣе—чтобы съ каждаго дома ему давали подать въ размѣрѣ одной нѣмецкой марки и чтобы ему доставили неустойку за всѣ прежніе годы; наконецъ, царь требовалъ свободного пропуска въ Россію иностранныхъ ремесленниковъ и обѣщанія—ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не заключать договоровъ съ Польшей. Епископъ тогда не принялъ этихъ требованій царя, находя ихъ незаконными и къ каждому изъ нихъ сдѣлалъ свои замѣчанія. Такъ, относительно перваго требованія царя онъ замѣтилъ, что въ Дерптѣ всего одна русская церковь, а не нѣсколько; относительно свободной торговли онъ заявлялъ, что она нанесла бы туземцамъ слишкомъ большой подрывъ: въ ливонскихъ городахъ тотчасъ возникли бы „иностранныя морскія компаніи“ для торговли съ русскими, граждане ливонскихъ городовъ были бы лишены своей главной прибыли; требованіе царя относительно дани также незаконно и является нарушеніемъ его же грамоты, скрѣпленной крестнымъ цѣлованіемъ, въ которой онъ соглашался получать только прежнюю невыплаченную ему подать, а о нѣмецкой маркѣ съ каждаго дома въ ней ничего не говорится. Наконецъ, пропускъ въ Россію иностранныхъ мастеровъ вызвалъ бы неудовольствіе во всей Германской имперіи, для которой осуществленіе этого требованія царя явилось бы весьма опаснымъ ²⁾.

Дерптъ палъ 18-го іюля. Поведеніе побѣдителей русскихъ въ

¹⁾ Schirren, I, 76 и далѣе.

²⁾ Schirren, I, 76 и далѣе.

Дерптъ—единственный примѣръ въ исторіи XVI столѣтія; всѣ источники согласно свидѣтельствуютъ о необыкновенной гуманности Петра Ивановича Шуйскаго, дѣйствовавшаго; разумѣется, по волѣ и приказанію своего государя. Всѣ современныя донесенія, *Zeitungen*, говорятъ о большемъ расположеніи туземцевъ къ побѣдителямъ русскимъ, нежели къ ибикамъ. Царь обѣщалъ дерптцамъ самыя широкія привилегіи, далъ имъ право избирать себѣ изъ своихъ бюргеровъ чиновниковъ, право свободной торговли, обезпечилъ за жителями ихъ имущества, разрѣшилъ желающимъ свободный выходъ изъ города со всѣмъ имуществомъ, далъ амнистію за все прошлое, даже по отношенію къ особѣ царя. Дѣйствительно, при выступленіи изъ города жителей и кнехтовъ, со стороны русскихъ соблюдалась необыкновенная дисциплина; кто отнималъ ружье у кнехта, подвергался казни, и ружье возвращалось по принадлежности ¹⁾).

Современники, на которыхъ паденіе Дерпта произвело сильное впечатлѣніе, обвиняли во всемъ епископа города; онъ будто бы пахотился въ заговорѣ съ русскими, ему будто бы помогали любчане, добивавшіеся у царя учрежденія въ Ивангородѣ торговой конторы вмѣсто разрушенной новгородской конторы ²⁾. Жители Дерпта, получившіе право выйти изъ города, направились въ Ригу и Ревель, такъ какъ имъ подѣ страхомъ смерти запрещено было переходить къ магистру; на пути въ Ревель дерптскіе бѣглецы повсюду разказывали о несчастной судьбѣ, постигшей ихъ городъ.

Взятіе Дерпта было новымъ торжествомъ для русскихъ. Теперь, кромѣ Викена, и Уккенойсъ перешелъ къ русскимъ, другими словами, они утвердились во всей восточной Ливоніи; на сѣверѣ границей ихъ завоеваній былъ Финскій заливъ, на западѣ Чудское озеро, на востокъ рѣка Пала и озеро *Wirzjerwi*, на югѣ линія укрѣпленій—Киремпэ, Нейгаузъ и такъ далѣе до Валька. Кетлеръ съ своими сторонниками ничего не сдѣлалъ для защиты Дерпта, изъ Валька онъ перешелъ въ Венденъ, а оружіе велѣлъ свезти въ Дюнамюнде. Безучастнымъ оставался онъ и къ судьбѣ *Jergwen'a*, куда русскіе вторглись послѣ своихъ успѣховъ подѣ Дерптомъ. Фохтъ *Jergwen'a* бѣжалъ въ Перновъ при вѣсти о приближеніи русскихъ; его примѣру послѣдовали многіе другіе рыцари. Феллинъ, Оберпаленъ и Вейссенштейнъ

¹⁾ Ср. *Fahne*, 153; *Arndt*, II, 298; *Renner*, 197.

²⁾ *Fahne*, 154. Шенштедтъ, Геннингъ, Руссохъ—всѣ говорятъ, что Дерптъ палъ вслѣдствіе измѣны епископа.

опустѣли. Многіе сжигали свои жилища и укрывались за стѣнами городовъ. Между дворянствомъ и орденомъ возникли препирательства; орденскіе чиновники обвиняли дворянство въ безучастіи къ несчастной судьбѣ Ливоніи, дворяне ставили въ вину ордену, что онъ не доставлялъ достаточнаго количества ландскнехтовъ. Бюргеры думали лишь о своихъ городскихъ привилегіяхъ. Всего хуже приходилось крестьянамъ. Видя, что ихъ покидаютъ на волю судьбы и оставляютъ безъ всякой помощи, они отдавались московиту. „Черные люди всѣ государю приложились и правду дали изъ всего уѣзда, говорить Львовская лѣтопись, что имъ отъ государя неотступнымъ быти и до вѣка“¹⁾.

Въ августѣ русскіе покорили Везенбергъ и Лансъ²⁾, осаждали Вейсенштейнъ подъ начальствомъ Миханла Петровича Репнина-Оболонскаго и Павла Петровича Заболоцкаго, въ концѣ же мѣсяца появились въ виду Ревеля. Шуйскій уже два раза обращался къ Ревелю, побуждая его сдаться московскому царю, — 21-го іюля и 13-го августа; онъ писалъ, что царь сохранить за жителями всѣ ихъ вольности и привилегіи, не введетъ въ городъ войска и ограничится лишь назначеніемъ туда своего штатгальтера³⁾. Ревельцы тогда даже не отвѣтили на письма Шуйскаго: имъ въ то время павязывали свою помощь и Данія, и Швеція, и Польша. Страхъ предъ русскими однако не покидалъ жителей Ревеля. Уже послѣ паденія Нарвы они опасались, какъ бы русскіе со стороны моря не начали осаду города⁴⁾. 26-го мая ревелльцы обратились къ магистру съ такимъ письмомъ: „Мы должны пить и ѣсть, на нашей обязанности укрѣплять стѣны города, закупать порохъ и оружіе, нанимать кнехтовъ и стрѣлковъ, средства же наши всѣ истощены; мы много потеряли, пославши осажденной Нарвѣ 12 большихъ орудій, пороху и провіанту. Каждый день мы должны быть готовы къ встрѣчѣ русскихъ; отстоять городъ собственными силами мы не въ состояніи; къ намъ всѣ обращаются за помощью, мы же вынуждены всѣмъ отказывать. Разъ у человека на рукѣ отбиты 4 пальца, пятому уже ничего не подѣлать. Примѣръ Дарпта всего поучительнѣе. Какъ дѣти, покинутые своимъ отцомъ, мы взываемъ къ вамъ, ко всѣмъ прелатамъ, господамъ и дворянамъ, помогите намъ,

¹⁾ *Львовская лѣтопись*, V, 240; *Schirren*, II, 184.

²⁾ *Bunge*, III, 1844. *Spott-geschichte des Deutschen Ordens in Livland*, in Reimen beschrieben von Hans v. Taube. Verfertigt zu Moskau am 5 März 1565.

³⁾ *Nyenstrdt*, 59; *Schirren*, III, 13. *Гансепъ*, Древнія русскія грамоты въ Ревельскомъ архивѣ. 1890. №№ 69 и 70.

⁴⁾ *Visnemann*, I, 254.

иначе намъ, доведеннымъ до крайности, придется принять помощь отъ иноземныхъ государей¹⁾).

Фюрстенбергъ не только не помогъ ревелъцамъ, но еще и самъ потребовалъ отъ бургомистра и рата, чтобы они, въ виду похода, предпринятаго имъ противъ русскихъ, доставили ему все наличное число войска и снабдили его лагерь съѣстными припасами²⁾). Къ счастью для Ревеля, русскіе на этотъ разъ ограничились только опустошеніемъ его окрестностей, а затѣмъ двинулись на югъ, гдѣ пожгли мѣстности у Трикатена и Маріенбурга въ области Леттландъ³⁾.

14-го августа въ Германіи появился листокъ, *Zeitung*, въ которомъ нѣмцы могли прочесть слѣдующее: Московитъ успѣлъ уже захватить въ свою власть половину Ливоніи; изъ городовъ и замковъ онъ занялъ Дерптъ, Нарву, Везенбергъ, Нейгаузь, Феллинъ (?) и Фалькенау; всѣ завоеванные города онъ сильно укрѣпляетъ и снабжаетъ гарнизоны. Царь писалъ къ магистру, что согласенъ снова начать съ нимъ переговоры о мирѣ, но съ условіемъ, чтобы за Москвою признано было все, что до сихъ поръ завоевано русскими. Женщины и дѣти выселяются изъ городовъ, увозятъ съ собою все движимое имущество. Магистръ взываетъ ко всѣмъ о помощи. Ревель ведетъ переговоры съ Даніей, желаетъ отдаться подъ покровительство Христіана III⁴⁾). Очень вѣрное изображеніе ливонскихъ событій, хотя нѣсколько и преувеличенное: Феллинъ былъ завоеванъ лишь на третій годъ войны!

Осенью русскія войска вернулись домой, воеводы уѣхали въ Москву. Этими воспользовался Кетцлеръ; съ 7.000 кнехтами, 10.000 крестьянъ и 2.000 конницы онъ рѣшился двинуться на русскихъ и освободить отъ нихъ Дерптское епископство. Такимъ образомъ лишь въ началѣ октября ливонцы рѣшились обратиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ

¹⁾ *Schirren*, I, 193 и далѣе.

²⁾ *Bienemann*, II, 165.

³⁾ Дрезд. арх. Das vierdte Denische Buch. Христіанъ III Августу Саксонскому: Der Muschovitter helt vbel haus jnn Lifflandt vnnd hat nach der deutschen Narue, das schlos Neuhaus vnnd das Stiff vnd Stadt Dorpt inne, ja: auch bis vhor Reuell gerückt, vf 6 meil nach, hatt die Stadt Reuell vffordern lassenn, aber sie ist etwas zum Widerstande gefasst. Cp. Beiträge zur Geschichte Est—, Liv—vnd Kurlands, I, 1873, стр. 205: Das Scharmützel vom 27 Sept. 1558 ist der erste Kampf, den die revalschen Schwarzen häupter zur Beschützung der Stadt mit bestanden haben.

⁴⁾ Г. Форстенъ, Акты и письма, № 2.

противъ русскихъ. 30-го октября имъ удалось занять Рингенъ, въ которомъ было всего 2.000 русскихъ ¹⁾, благодаря главнымъ образомъ смѣлости рижскаго донпробста и обриста архіепископскаго отряда—Фридриха Фэлькверзама ²⁾. 500 человекъ русскихъ было убито, 100 взято въ плѣнъ ³⁾. Успѣхъ такъ приободрилъ ливонцевъ, что они рѣшились даже вторгнуться въ предѣлы Россіи и пожгли мѣстность у Краснаго городка. Когда русскіе въ Дерптѣ узнали о паденіи Рингена, они, заподозривъ нѣмцевъ въ измѣнѣ, отправили всѣхъ бывшихъ въ городѣ въ Москву (Ренперъ), а по другимъ извѣстіямъ въ Псковъ (Биенманнъ). Въ началѣ ноября ливонцы имѣли еще одну удачную схватку съ русскими; Иванъ Языковъ и Федоръ Писемскій были взяты въ плѣнъ. Нѣмцы удивлялись уму и большимъ познаніямъ Писемскаго. Реннеръ говоритъ, что онъ владѣлъ латинскимъ, греческимъ, польскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Дальнѣйшее движеніе Кетлера къ Дерпту было остановлено его болѣзнію. Въ половинѣ ноября всѣ рыцари и наемные кнехты разошлись по зимнимъ квартирамъ ⁴⁾.

Въ январѣ 1559 года русскія войска, предводительствоуемыя княземъ Семеномъ Микулинскимъ, княземъ Василиемъ, княземъ Юріемъ Кашиннымъ, Шереметевымъ и Никитою Романовымъ, родственникомъ царя, вторглись въ Ливонію со стороны Мариенбурга и южнѣе у Краснаго городка ⁵⁾. Ливонскіе лѣтописцы опредѣляютъ силы рус-

¹⁾ *Псковская лѣтопись*.

²⁾ *Schirren*, I, 270. Ср. *Lowius*, I, 42; *Biemann*, II, 199.

³⁾ Это по *Реннеру*, 220. У *Ширрена*, I, 264, 281, III—54 и далѣе говорится: Кетлеръ, послѣ взятія Рингена, велѣлъ убить 50 бояръ, „не считая многихъ другихъ шедьмъ“; въ плѣнъ было взято 96 человекъ. Одного знатнаго боярина и его сына Кетлеръ отправилъ въ Венденъ къ Фюрстенбергу, какъ трофеи.

⁴⁾ 23-го ноября Христіанъ III писалъ Августу Саксонскому: *Doch sollen, wie gleublich gesagt wirdt, die Bischoffe, vnnd der Liffendisch Adel mit dem Meyster nicht eins sein, dardurch die gegenwehr, die auch sonst einem solchen Veyndt zu schwach, nicht wenich verhindertt werden soll.*

⁵⁾ Для 1559 года см. *Henning*, 228, *Курбскій*, 61 и д., *Реннер*, 229 и д., *Hjärn*, 220; *Rydgow*, 108 и д., *Псковская лѣтопись*, 311. Общія сочиненія *Рутера*. *Рутенберга* и *Шумана*. Коненг. архивъ, Russland, 6. *Bekentnus des Reussen*. welcher denn 25 Januar alhier zu Wenden eingetzogett worden ist.

Erstlichenn die Nhamen der Vbristen.

Der erste genant Knesse Ziemann Mekelenuuskj.

Der ander Knesse Wassilj, jhrer aller Vbrister ihn Lager.

Der dritte Knesse Jurgenn Kassin vnnd Zeremettoff.

скихъ въ 30.000 человекъ, но эта цифра, очевидно, преувеличена, что явствуетъ изъ показаній русскихъ плѣнныхъ ¹⁾. За русскимъ войскомъ, какъ говорятъ, шелъ стотысячный отрядъ татаръ съ сѣномъ и фуражемъ ²⁾. Изъ Дерпта отдѣльный отрядъ въ 18.000 человекъ направлялся къ Вендену и Эрмесу. Дойдя до Двины и все опустошивъ на пути, русскіе черезъ 9 дней возвратились. Въ февралѣ новыя силы вторглись въ Ливонію, при чемъ русскіе рѣшились съ семи различныхъ пунктовъ ударить на ливонцевъ. 10.000 человекъ, подъ начальствомъ Никиты Романовича, пошли на Шванебургъ и Сессевгенъ, съ цѣлью проникнуть глубже въ страну до самой Риги. Съ ними было 600 ливонскихъ пицальниковъ и одинъ дезертировавшій нѣмецъ, служившій имъ проводникомъ ³⁾. На пути многіе ливонцы добровольно переходили на сторону русскихъ, снабжали ихъ совѣтами и указаніями. У московскаго царя были повсюду свои агенты, знавшіе „всѣ лозунги“ ливонцевъ ⁴⁾. Первая крупная битва съ нѣмцами произошла у Тирэена. Нѣмцы были разбиты, и русскіе въ продолженіе цѣлаго мѣсяца съ страшною жестокостью

Der vierte Mikittoff Romanof, des Grosfürsten sein Schwager. — Vnnd ist der grosse hauffenn jnn alles starck, der da die 6 meilen weges vonn hier leitt XX M. Ferner seint sie auch noch der Dorpttischen Reussenn vormuttenn zu sich, etwa auch jnn die 8 M. sein sollen. — Русскій плѣнный, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ подвергнутъ пыткамъ (thut er reinlicheken bekennen); онъ открылъ, между прочимъ, что русскіе все еще удерживаютъ у себя плѣннаго епископа дерптскаго, отъ котораго надѣются получить какія нибудь полезныя свѣдѣнія. „Zu der Peine bekandtt. Das der verfuerte Bischoff von Dorptt grosse vhrnach sei das sie diese Lande vberziehen; sonst bleibt ehrlf seinen vorigen artikeln“. — Изъ этого же показанія мы узнаемъ, что въ большомъ войскѣ русскихъ 1000 стрѣлковъ (hackerpnschutze) и 300 (3000?) татаръ. — Плѣннаго русскаго звали Петромъ, онъ былъ слугою боярина Adrian Kijkijn.

¹⁾ Копенг. архивъ, Russland, 6.

²⁾ Копенг. арх. Kornemeister zu Wenden an Wilhelm Fürstenbergio. Dat. Etmessa, den 24 Jan. 1559. „О татарахъ точныхъ свѣдѣній не имѣется“. Тамъ же — приваніе одного москвитя, пойманнаго ируссаками и выдающаго себя за слугу боярина Federin.

³⁾ Тамъ же говорятъ, что онъ былъ слугою одного ливонскаго дворянина и бѣжалъ отъ грозившей ему казни. „Er soll die Reussen geleittagen vnnd fuhrgehn thun“. У русскихъ было еще 15 нѣмцевъ и 4 иноземца, также служившіе имъ проводниками.

⁴⁾ Данингскій арх. Acta Internunciorum, 1557, 58, 59, IX. Vol. 12. Донесеніе Данингу Paulus Pryter'a, Кеммербергу, Donnerstag post Inuocavit, 1559. „Dass der Moschowiter allerseits kundschaft hat vnd weiss alle losunge der Liflender“.

опустошали ливонскія земли до Курляндіи и границъ Пруссіи и Литвы. Они бы прошли и въ самую Курляндію, еслибы не ложная вѣсть о томъ, что герцогъ мекленбургскій идетъ на нихъ съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человекъ.

Вторая битва русскихъ съ нѣмцами произошла при Шванебургѣ ¹⁾. Русскіе и изъ нея вышли побѣдителями, хотя и потеряли 1.500 человекъ. Взятыхъ въ плѣнъ нѣмцевъ (17 человекъ) они отравили въ Москву. Взявши затѣмъ Пибальгъ и Смильтенъ, они вторглись въ Венденскую область, гдѣ сожгли города Сербенъ, Шуйенъ и Нитоу, разрушили крѣпость Юргенбургъ и нѣсколько другихъ укрѣпленій въ Sattesele, неподалеку отъ Риги (Лембургъ, Роденнойсъ и друг.). Русскіе дошли до самой Риги, перешли Двину, сжегши рижскіе корабли у Дюнамюнде, и въ пяти миляхъ отъ Риги разгромили деревню Коурнъ. Оба берега Двины были опустошены, селенія у Ко-кенгаузена, Ашероде, Зельбурга, Крейтцбурга и Дюнабурга сожжены. Кнехты архіепископа сдѣлали лишь одну удачную вылазку изъ города; русскіе были разбиты,—единственное поражение за цѣлый мѣсяцъ. Въ Ригѣ царилъ страшная паника; весь форштадтъ былъ выжженъ. На городскія укрѣпленія нельзя было надѣяться,—они были очень плохи; военныя же силы ливонцевъ были разсѣяны по отдѣльнымъ городамъ въ 10, 20, 30 и 40 миляхъ другъ отъ друга, чѣмъ главнымъ образомъ и объясняется слабость всѣхъ ихъ дѣйствій. Число кнехтовъ, находившихся въ Ригѣ, не превышало 2.000, конницы же было еще меньше ²⁾.

17-го февраля русскіе вернулись въ свои предѣлы.

Съ весны 1559 года въ Москвѣ стали готовиться къ новому походу въ Ливонію. Датскіе послы, бывшіе въ Москвѣ, доносили

¹⁾ По однимъ источникамъ эта битва произошла въ февралѣ, по другимъ осенью.

²⁾ Коненг. арх., Russl., G. Verordente Rheto vnd gesandten jnn Reusslandt Христіану III, 11 февр. 1559. „Лишь только мы уѣхали изъ Риги, русскіе сдѣлали нападеніе на архіеп. владѣнія“, „vnd von den Ertztiftischen Edelleuten ein fahne welche bey 300 starck niddergelegt, vnd sollenn von denselbigen bey 120, der Reussen aber bey 500 geblieben sein. Die Reussen haben auff Wenden da der Herr Meister Hoff helt feindtlicher weise zugeeilet, wiewoll sie sich an demselbigenn nicht versucht“. Въ заключеніе своего донесенія они пишутъ: „Alles ist im gantzen Lande zerrüttelt“. Дрезд. арх. Zeitung 19 Mart. 1559: Hier sage man auch das der Muscobitter gantz Liffland jn habe, lige für Riga vnd sein die Lifflender von allen menschen verlassen.

своему государю, что вооруженія дѣлались и на сушѣ, и на водѣ, русскіе принялись строить большіе корабли, прокладывали чрезъ рѣки и ручьи мосты (*geweldige Brücken*), по которымъ въ рядъ могли двигаться 4 кареты ¹⁾; они покровительствовали торговлѣ иностранцевъ и вообще проявляли большую энергію ²⁾.

Осенью этого года Кетлеръ сдѣлалъ рядъ попытокъ наступательныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Сначала онъ вторгся въ Уккенойсъ, затѣмъ помѣрялся съ русскими у Дерпта. 11-го ноября ливонцамъ удалось разбить отрядъ русскихъ подъ начальствомъ Захарія Плещеева, не успѣвшаго, какъ онъ намѣревался, соединиться съ войсками Басманова, шедшими къ нему отъ Изборска. Русскіе потеряли, по Реннеру, до 1000 человекъ. Послѣ этой удачи нѣмцы подступили къ Дерпту, гдѣ начальствовалъ Андрей Ростовскій. Въ кровопролитной вылазкѣ пало много народу съ той и другой стороны. Къ счастью для русскихъ, между нѣмцами подъ Дерптомъ возникли обычныя несогласія: магистръ хотѣлъ перенести войну въ предѣлы самой Россіи, Христофоръ же Мекленбургскій и ливонскіе дворяне не одобряли этого плана и наставляли на томъ, чтобы сначала покорить себѣ Дерптъ. Къ русскимъ между тѣмъ успѣли прійти свѣжія силы—1000 человекъ, и нѣмцы были вынуждены снять свой лагерь; 29-го ноября они отступили къ Фалькенау, гдѣ оставались двѣ недѣли. Русскіе же занялись опустошеніемъ мѣстности у Маріенбурга и Маріенгаузена. Изъ Фалькенау нѣмцы явились къ Лансу, въ которомъ находился русскій гарнизонъ въ 300 человекъ; къ нимъ князь Ростовскій прислалъ изъ Дерпта еще 100 стрѣлковъ подъ начальствомъ Кошкарева. Благодаря этой помощи нѣмцы, сдѣлавшіе приступъ къ Лансу, были отбиты. Они рѣшились тогда повторить приступъ, но встрѣтили такой рѣшительный отпоръ, что нѣмцы сами даже должны были признать за русскими необыкновенную храбрость. Перестрѣлка нѣмцевъ съ русскими была такъ сильна, что, казалось, весь городъ былъ въ огнѣ. Нѣмцы потеряли въ обонихъ штурмахъ 400 человекъ; изъ 700 ревельскихъ кнехтовъ, принимавшихъ участіе въ осеннемъ походѣ, въ городъ вернулось всего 150 человекъ. Послѣ неудачи подъ Лансомъ нѣмцы „съ позоромъ“, какъ

¹⁾ Коменг. арх. Russl. 6. Беръ Христофу Мунихгаузену, Ревель, вербное воскресенье, 1559.

²⁾ *Vienetam*, 442.

говорить Руссовъ, отступили къ Оберпалену, военные же снаряды свезли 30-го декабря въ Феллини¹⁾.

1560 годъ начался новымъ вторженіемъ русскихъ въ предѣлы Ливоніи. 18-го января они съ многочисленнымъ войскомъ перешли у Искона границу и вторглись въ Леттландъ²⁾; восточная часть этой области сильно потерѣла отъ ихъ опустошеній; города Смильтенъ. Трикатепъ. Сессвегенъ и др. были сожжены. Въ февралѣ русскіе, въ числѣ 2.000 человекъ, приступили къ осадѣ Маріенбурга³⁾. Выгодное географическое положеніе этого города, какъ и превосходныя укрѣпленія его, дѣлали Маріенбургъ однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ и форпостовъ въ Ливоніи⁴⁾. Кетлеръ, сулившій съ начала 1560 года ливонцамъ скорую помощь Польша, всѣми силами старался поддержать бодрость и энергію въ большихъ городахъ Ливоніи⁵⁾. Онъ стоялъ за активное веденіе войны, архіепископъ же рижскій предлагалъ заключиться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Несогласія магистра и архіепископа обезпечивали успѣхъ русскихъ, и, дѣйствительно, подъ начальствомъ Мстиславскаго, Петра Шуйскаго и Серебрянаго, они взяли Маріенбургъ 14-го февраля. Это событіе сильно возмущало сосѣднихъ государей. Въ дипломатической перепискѣ князей за 1560 годъ мы натакиваемся на ужасающіе своею неувѣрностью планы, приписываемые московскому царю. Ливонцы, безъ иноземной помощи не въ силахъ устоять противъ москвиты, и онъ, подчинивши себѣ Ливонію, обратится на Саксонскій округъ, которому тоже грозитъ неминуемая гибель. Въ виду этого нѣмецкіе дипломаты вызываютъ къ общимъ дѣйствіямъ противъ царя-поработителя и лѣто 1560 года назначаютъ срокомъ, наиболѣе удобнымъ къ выступленію въ походъ⁶⁾. Разуумѣется, до похода или даже ка-

¹⁾ Для хронологіи военныхъ событій, вообще очень сбивчивой, ср. *Est-und Livländische Brieflade*, III. *Chronologie der Ordensmeister über Livland, der Erzbischöfe von Riga und der Bischöfe von Leal, Oesel, Wiek, Reval und Dorpat*. Aus dem Nachlasse von Baron Robert von Toll, herausgegeben von Dr. Philipp Schwartz. Riga 1879. Ср. также *Lisch, Jahrbücher für Mecklenburgische Geschichte*, 1857, № 21, стр. 84.

²⁾ *Bienemann*, III, 226. *Renner*, 279.

³⁾ *Renner*, 288. *Henning*, 281. *Nyrstedt* 608: am heyligen drey Königstage. *Hjörn*, 224.

⁴⁾ *Reimann*, 864.

⁵⁾ *Bienemann*, III, 266, 278 и passim.

⁶⁾ Мюнх. архивъ. — Copj dess Bischofen von Munster. Hertzogen von Braunschweig vund Hertzog von Pommern Schreiben an die Kays. M. über Lifflandt.

кой бы ни было'помощи ливонцамъ дѣло не дошло, и русскіе продолжали съ успѣхомъ свои военныя дѣйствія. Всего болѣе надѣялись ливонцы на Польшу, такъ какъ Кетлеръ въ рядѣ писемъ, отправляемыхъ въ Ригу, Ревель и другіе пункты высказывалъ полную увѣренность въ скорой помощи поляковъ. Извѣстный дипломатъ Languet также говорилъ ¹⁾: еслибы король польскій стряхнулъ съ себя свою сонливость, онъ бы могъ помочь Ливоніи. Но прошла зима, наступали весенніе мѣсяцы, когда, по увѣренію Кетлера, польское войско навѣрно двинется на русскихъ, и все было тщетно: ливонцы оставались безъ помощи. По взятіи Мариенбурга отдѣльные отряды русскихъ занимались опустошеніями и грабежомъ; такъ, 5.000 русскихъ вторглись въ Руйенъ, къ югу отъ Феллина, затѣмъ поднялись сѣвернѣе къ Каркгаузу и самому Феллину. Есть извѣстіе, что среди русскихъ были и англійскіе стрѣлки, отличавшіеся быстротою своихъ дѣйствій ²⁾. Это извѣстіе не представляется невѣроятнымъ; торговыя сношенія англичанъ съ Москвою были самыя оживленныя, къ неудовольствію, конечно, нѣмецкихъ князей; въ Лондонѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за ходомъ военныхъ событій въ Ливоніи и, безъ сомнѣнія, радовались пораженіямъ нѣмцевъ, своихъ торговыхъ соперниковъ ³⁾. Въ это же время въ Новгородѣ упоминается объ англійскихъ торговцахъ ⁴⁾.

Весною 1560 года русскіе направились въ Jerwen, гдѣ опустошили окрестности Вейссенштейна; въ концѣ апрѣля мы встрѣчаемъ ихъ въ Саккала, въ юго-восточной части. Дойдя до Мариенгаузена, они въ концѣ мая снова вторглись въ Jerwen.

7-го іюня, рано утромъ, намѣстникъ Везенберга, Михаилъ Петровичъ, во главѣ 17.000 войска подошелъ къ Вейссенштейну и предавалъ снова опустошенію восточную часть Гарріи. Весь іюнь и іюль

18-го мая 1560 г. Ср. Вильгельмъ Фердинанду 28-го марта. Мюнх. арх.; въ этомъ письмѣ Вильгельмъ называетъ Іоанна „der Tirannischer Pluthundt, verderber der Christenheit“ и т. д.

¹⁾ *Languet's Epistolae*, II, 81.

²⁾ *Relaet*, 284 и д.

³⁾ Данц. арх. *Acta Internunciorum*. IX, vol. 13. Joh. Froith и Joh. Kremmering Данцигскому рату, Лондонъ 22-го мая 1560.—4-го августа Данц. ратъ отглаголь своимъ посламъ въ Лондонъ, при чемъ извѣщаетъ ихъ, „das der Muschkowitter fast beschwerlich inn denn Landenn zw Lifflandt wuttent vund alle seinen willenn schaffett. Das auch Hertzogh Magnus nicht die geringste Ursach ist, dann derselbige sich nun fast feindtlichenn kegenn den Herr Meister aufflehen soll“. Данц. арх. *Liber Missivarum*, de Anno 1560.

⁴⁾ *Bieneemann*, IV, 191.

проходить въ такихъ несистематическихъ движеніяхъ съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ и обратно. Въ началѣ іюня русскіе показались въ виду Ревеля ¹⁾. Опустошена была вся Гаррія ²⁾. Эти быстрыя движенія русскихъ, сопровождавшіяся грабежѣмъ, уведомъ скота, пожарами и пр., страшно вредили жителямъ. Всѣ они зываютъ о помощи, упрекаютъ магистра въ бездѣтельности; начальникъ Вейсенштейна, Каспаръ фонъ-Ольденбокумъ, обращался за помощью къ Ревелю, говоря, что не въ состояніи будетъ выдержать осады въ виду многочисленности русскихъ—въ лѣтнемъ походѣ ихъ было до 130.000 человекъ ³⁾. Кетлеръ оправдывался, сколько могъ, въ неусиѣнности всѣхъ своихъ начинаній противъ русскихъ. И дѣйствительно, вина была не его. Борьба партій, разединенность и своекорыстіе достигли въ Ливоніи крайнихъ предѣловъ; объ общихъ дѣйствіяхъ мало кто думалъ, и лѣтописецъ ливонскій правъ, когда говоритъ, что не знаетъ, кого считать за друга, кого за недруга ⁴⁾. Кетлеръ враждовалъ съ Фюрстенбергомъ, недоволенъ былъ и появленіемъ Магнуса въ Ливоніи, сталкивался постоянно съ Ревелемъ, Ригою и другими городами. Безъ войска и денегъ, онъ то и дѣло обращался къ Польшѣ, Пруссіи и германскому императору ⁵⁾. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ и хлѣбъ не родился въ этотъ годъ; лѣто было сухое, „яровой присохъ бездождемъ; и купиша отъ того слѣтя рожь по 16 денегъ, а овесъ по 12 денегъ, а жито по 20 денегъ, а пшеницу по 11 алтынъ“ ⁶⁾. Въ началѣ августа Кетлеръ рѣшился, наконецъ, сразиться съ русскими. Онъ расположился лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Эрмеса. 2-го августа произошла кровопролитная Эрмесская битва ⁷⁾. Нѣмцы были на голову разбиты. Лучшія силы ордена попались въ плѣнъ. Погибло до 261 рыцарей: частью они пали, частью отведены въ плѣнъ. Послѣ такого пораженія ливонцы болѣе не отваживались на открытый бой съ русскими и заключились въ своихъ крѣпостяхъ. Съ 2-го по 4-ое августа русскіе стояли у Оберналена, гдѣ построились лагеремъ въ 200 палаткахъ. 4-го числа они подъ начальствомъ Курбскаго двинулись къ

¹⁾ *Renner*, 301 и д. *Biennemann*, IV, 14.

²⁾ *Schirren*, V, 16.

³⁾ Фердинандъ I Елизаветѣ, *State Papers*, Foreign Series, № 217.

⁴⁾ *Renner*, 315.

⁵⁾ *Biennemann*, III, 273 и д. Берл. арх. Кетлеръ Фердинанду. Наши акты, 5. *Schirren*, IV, 170.

⁶⁾ *Иск. лѣтопись*, 312.

⁷⁾ *Renner*, 319 и д.

Феллину ¹⁾). Это была прекрасная крѣпость, защищенная самою природою. Феллинъ расположенъ на значительной высотѣ, съ юга и востока онъ закрытъ Феллинскимъ озеромъ, съ запада же и сѣвера защищенъ глубокими рвами; весь городъ былъ окруженъ двойною стѣною ²⁾). Русскіе осадили этотъ городъ, соорудили шанцы и начали стрѣлять по стѣнамъ. Пять дней и пять ночей продолжалась бомбардировка. Окрестности были совершенно опустошены и помощи ни откуда не было. Отъ огненныхъ ядеръ въ городѣ начались пожары, почти всѣ зданія выгорѣли; вслѣдствіе совершеннаго истощенія запасовъ, осажденные начали уже переговоры съ русскими о сдачѣ. Послѣ третьяго штурма русскихъ, кнехты города возстали и рѣшительно отказывались защищать городскія стѣны. Напрасны были мольбы стараго магистра: городъ былъ сданъ русскимъ. День взятія Феллина съ точностью не опредѣленъ и приходится между 20-го и 30-го августа. Любекскій лѣтописецъ рѣшительно обвиняетъ магистра въ паденіи Феллина. Онъ будто бы изъ жадности не платилъ кнехтамъ жалованья и русскіе, по взятіи города, нашли тамъ три бочки золота. Hübner не указываетъ своего источника и, вѣдъ всякаго сомнѣнія, весь его разказъ вымысленъ: любчанинъ—онъ ненавидѣлъ орденъ и повѣрилъ пустому слуху. Фюрстенбергъ въ письмѣ къ Эрику говоритъ, что у него было всего 300 кнехтовъ, изъ которыхъ многіе вошли въ открытыя сношенія съ русскими ³⁾). Радость и триумфъ русскихъ по поводу взятія Феллина не имѣли границъ, говоритъ Реннеръ. Въ ихъ рукахъ оказалась лучшая крѣпость Ливоніи, одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ ея. Царя извѣстили объ этомъ новомъ успѣхѣ Федоръ Мстиславскій съ товарищами. Кетлеръ совершенно палъ духомъ. Въ письмѣ къ ревелскому рату онъ доказываетъ, что Феллинъ сдался не по его винѣ, онъ сдѣлалъ все для предотвращенія этого; городъ могъ бы еще продержаться, такъ какъ не всѣ запасы его были истощены ⁴⁾). Кетлеръ указываетъ на Польшу, отъ которой одной только можно ожидать помощи. Правительство Польши требовало, чтобы большіе города открыли доступъ въ свои стѣны польскимъ гарнизонамъ, на что тѣ съ трудомъ соглашались. Есть извѣстіе, что въ концѣ января въ Ревель прибыло 160 поляковъ, кото-

¹⁾ *Nyenstedt*, 62, говоритъ, между прочимъ, объ открытой намѣтѣ феллинцевъ; *Henning*, 234. *Симб. сборн.* IV, 3. *Bunge*, Archiv, I, 142. *Reppert*, 321 и д. *Bieneemann*, IV, 38. *Псковская лѣтопись*, 812.

²⁾ *Schiemann*, 71.

³⁾ *Hübner*, 24. *Schirren*.

⁴⁾ *Bieneemann*, IV, 75.

ныхъ рать города однако принялъ съ большимъ недовѣріемъ ¹⁾. При посредничествѣ Польши, писалъ Кетлеръ, помощь окажутъ и Данцигъ и Кенигсбергъ. Въ концѣ іюля дѣйствительно Ходкевичъ тронулся въ путь ²⁾, но до активнаго участія его въ войнѣ съ русскими было далеко. Русскіе, между тѣмъ, по взятіи Феллина, сожгли Каркусъ, захватили Тарвасть и тремя отрядами двинулись къ Вольмару и Вендену, Вейссенштейну и въ Викеъ и Гаррію ³⁾. Въ первыхъ числахъ сентября они начали осаду Вейссенштейна, гдѣ начальникомъ кнехтовъ былъ Каспаръ фонъ-Ольденбокунъ. Отдѣльные отряды русскихъ заняли Руйенъ (3-го сентября) и дошли до Пернова; здѣсь сожгли они нѣсколько рыбацкихъ селеній, опустошили мелкіе приморскіе города до самаго Гапсала, угрожали даже Ревелю. Ревельцы сдѣлали удачную вылазку, но появленіе Ивана Петровича Яковлева со свѣжими отрядами замѣнило дѣло къ выгодѣ русскихъ. Въ октябрѣ они обратились къ Ревелю и побуждали его сдаться, но не получили даже отвѣта ⁴⁾. Ливонскіе лѣтописцы говорятъ, что еслибы русскіе тогда же напали на Перновъ и заняли его, война приняла бы новый поворотъ и можно было бы надѣяться на скорый миръ.

Осаду Вейссенштейна, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца, воеводы московскіе начали противъ воли царя, „велѣвшаго имъ идти на Ревель“ ⁵⁾. Подъ Вейссенштейномъ русскіе терпѣли неудачу за неудачей. Такъ, въ началѣ ноября имъ нанесено было значительное пораженіе; 11 числа они были вынуждены снять осаду. Положеніе осажденных доведено было уже до крайности, и Ольденбокунъ, обращаясь за помощью къ Ревелю, писалъ рату, что, если ему не помогутъ до 16-го декабря, онъ долженъ разрушить крѣпость и выйти изъ нея ⁶⁾. Силы же всего чувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Еслибы Мстиславскій имѣлъ возможность продлить осаду, нѣтъ сомнѣнія, что Вейссенштейнъ раздѣлялъ бы общую участь съ Мариенбургомъ и Феллиномъ. Конецъ 1560 и начало слѣдующаго года русскія войска стояли въ Ierwen'ѣ.

¹⁾ *Rössow*, 50, *Arndt* II, 263. Ed. *Padst*, Beiträge zur Kunde..., 1873, B. I. Einquartirung polnischer Truppen in die Stadtschule zu Reval.

²⁾ Данц. архивъ, *Libri Missivarum*, 1560.

³⁾ *Kenner*, 327 и далѣе. *Henning*, 234. *Busse*, 9. Brieflade v. *Toll*.

⁴⁾ *Biene mann*, IV, 101. Ср. Копенг. архивъ, канцитулъ Эвеля Фридриху II.

⁵⁾ *Псков. лѣтн.*, 312, говорятъ, что осада была снята въ октябрѣ, 18-го, — и продолжалась 6 недѣль.

⁶⁾ *Biene mann*, IV, 185.

1560 годъ былъ въ особенности тяжелъ для Ливоніи; сосѣдніе государи вмѣсто помощи выжидали только наиболѣе удобнаго момента, чтобы присвоить себѣ часть беззащитной области. Они слѣдили не за успѣхами русскихъ, а за дипломатіей своихъ соперниковъ, искавшихъ власти надъ восточно-балтійскимъ побережьемъ. Въ общаніяхъ не было недостатка; не говоря уже о Польшѣ, Швеціи и Даніи, отдаленные нѣмецкіе князья, какъ епископы мюнстерскій и брауншвейгскій, сулили ордену скорую помощь ¹⁾. Въ самой Ливоніи не было яснаго сознанія ея критическаго положенія; о единствѣ дѣйствій не могло быть и рѣчи, всѣ искали помощи извнѣ: одни ожидали ее отъ Польши, другіе отъ скандинавскихъ государей. Города ливонскіе вели цѣлую дипломатическую борьбу съ Любекомъ и Данцигомъ, причиною чего было нарвское плаваніе. Фердинандъ I своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ въ ливонско-балтійскія дѣла только содѣйствовалъ еще болѣе запутанности ихъ ²⁾.

¹⁾ Берл. арх. Они извѣщали Кетлера, что получили грамоту отъ московскаго царя на русскомъ языкѣ; такъ какъ они ее не понимаютъ, то и просятъ Кетлера по полученіи ея немедленно доставить имъ переводъ.

²⁾ Положеніе дѣла въ Ливоніи въ 1560 и 1561 годахъ яркими красками рисуетъ слѣдующая брошюра:

Sehr grewliche, erschröckliche vor unerhörte warhafftige newe seytung, was für grausame Tyranney der Moscoviter, an den Gefangenen, hinweggeführten Christen aus Lyfland, heiden an Mannen vnd Frawen, Junckfrawen vnd kleinen Kindern, begeht, vnd was täglich schadens er jnen in jrem Land zufüget, Beyneben angezeigt, in was grosser gfahr vnd noth die Lyflender stecken. Allen Christen zur warnung, vnd besserung jres Sündtlichen lebens, auss Lyfland geschriben, vnd in Druck verfertigt.

(Слѣдуетъ изображеніе: три нагихъ женщины привязанныя къ деревьямъ, въ нихъ изъ луковъ стрѣляютъ русскіе. На землѣ лежатъ маленькія дѣти, изуродованныя и окровавленные).

Zu Nürnberg bey Georg Keydlein. M. D. LXI.

(Напечатано въ видѣ приложенія къ хроникѣ Каріона).

(Экземпляръ мюнхенской королевской бібліотеки, I. pub.).

Ich hab neben andern meinem schreiben nie verhalten können, auch dise schröckliche Newe Zeytung zu vberschicken, welche vns auss Lyflandt geschriben ist worden, was für grewliche Tyranney vnd schaden sich der Moscoviter daselbst gebraucht vnd thut, wie hernach volgt.

Dise 8. nach gesetzte grosse Stedt in Lyfland, welche an dem Seestrom gelegen, hatt der Gross Fürst vom Moscau noch nicht erobert.

Revel.

Riga.

Pernow.

Какъ отнеслись къ ливонско-московскому столкновенію въ Западной Европѣ? Въ началѣ борьбы протестантскіе публицисты, во всемъ усматривавшіе козни Испаніи, распространяли молву, что Филиппъ II поднималъ московитовъ на протестантскую Ливонію; вызывая

Dess Moscoviters Krieguolck lygt jetz vor einem schloss das heisst Wittenstein, dafür er geruckt vmb Laurenti, vnd es biss daher gewaltiglich beschossen, vnd 28. klaffter am thurn vnd maurē weg geschossen vnd doch nit erobert. Auff dem Schloss ist ein junger Ordens Herr mit namen Caspar von Olden, vnd ist nur 20. Iar alt, derselb erhelts mit seinem volck, das er bey jm hat. Was der Moscoviter erobert, brenet er hinweg, das sich niemand darin erhalten kan. Was er an kriegs knecht so den Lyflendern vmb besoldung gedienet hat, gefangē bekompt, lesst er wider laufen, wen sie verschwern den Lyflendern nit wider zu dienē. Was er an Lyflendern, des Lyflandes an wolwachsenen leuten bekompt oder gefangen nimpt, das schickt er stracks durch die Post in die Moscow, vnd lesst sie da gefangen halten, vund sie täglich mit einer *Kantel* Met, vnd einem stuck Brot speisen. Mit Frawen vnd Iunckfrawen wirdt so grosse schand vnd vnehr getryben, das es nicht als zuschreiben noch zusagen ist.

Was er von kleinen Kindern im Lyflandt bekompt, die lesst er zur hawen, vund jhre zarte Hertzlein an die Baum hin vnd wider naglen, vnd darnach schiessen. Den Alten Heermeyster im Lyflandt, der das Regiment dem alten Gothart Kettlern aufgelassen, genant Herr Wilhelm von Fürstenberg, die hat der Moscoviter gefangen genommen vmb Iacobi des vergangenen 60. Iars, auff den Schloss Frölin, vnd jhn auch in die Moscow verschicket, vnd in Ketten verschmidet. Vnd lesst jhn alle Wochen ein mal, wie einen Bern mit einer Ketten in der grossen Stadt Moscow zum Schawspil vmbher füren. Er hat bey jm 2. seiner Diener, welche selbst willig mit hinein gezogen, vnd von jm, jrem Herren, nicht lassen wollen. Der Moscovit lesst jhn grossen hunger leyden.

Vor dem Winter hat der Moscovit, mit den Lyflendern eine gewaltige Schlacht gehalten, nit weyt von dem Schloss Wolcka, vnd jhnen abgesyget, in welcher Schlacht ein furtrefflicher Man, Frants Lippeheid genant, vnd sonat noch 15. Ordens Herrn, erschlagen worden. Er hat auch von den Lyflendischen Regenten die funff nach geschribene gefangen genommen.

1. Den Landtmarschalek, heisst Philippus Schall von Bella. Der ander, Des Landmarschalcks Brüder, Cumpthur zu Goldingen. Der drit, Heinrich von Galen, Vogt zum Busche. Der vierdt, Den Cumpthur von Dubelen. Der fünfft, Den Vogt von Cardaw. Dise funfft Lyflendische Regenten, hat der Gross Fürst von Moscow den 28. October lassen an den Golgenberg füren, vund sie da wie man die Ochsen schlachtet, mit einer Axt lassen für die Köpff schlagen, vnd also unbegraben lygen lassen.

Der Bischoff von Derpt im Lyflandt, hat ohne vorwissen der Lyflender sich mit dem Gross Fürsten von Moscow vertragen, vnd jm willigklich die grosse Stat Derpt vund das gantze Stiff Derpt eingeben, Dafür jhm der Gross Fürst inn der Moscow widerumb einen orth Landes eingeben, vund ist bey dem Gross Fürsten in grossen ansehen.

вторженіе русскихъ и сочувствуя ему, онъ втайнѣ поддерживалъ ихъ. Не забудемъ, что такія вѣсти легко могли возникнуть въ анти-табсбургскомъ лагерѣ въ виду того, что Филиппъ II въ это время былъ королемъ Англіи и въ интересахъ бургундско-англійскихъ могъ желать

Diser, wie er erfahren, das die Hunde die fünff obgedachte geschlachte Lyflendische Regenten begunten zu fressen, hat er sich der ehren, vnnnd freundschaft, so er vor im Lyflandt bey jnen gehabt, erinnert, vnd sich jrer erbarmet, vnd sie begraben lassen.

König Magnus von Dennemarckt, hat das vorgangene Jar in Lyflandt, Ossel vnd Churlandt vmb ein genandte Summa gelt bekommen, von einem Edelman, der damit belehen gewesen. Der König Magnus soll mit dem Gross Fürsten von Moscau des selben Stifts halben einen frid auffgericht haben, Auff welchen auffgerichten Frid die fürnembsten des Lyflandes vertröst seind, also auch die fürnembste Edelleuth jhre Weyber vnd Töchter, so sie für dem Feind gern erwarten wissen wolten, in einen ort desselben Stifts gesandt, welches, do es die Moscoviter erfahren, haben sie dasselbig orth eingenommen mit gewalt, vnd jnen nichts helfen wollen, dass sie vil vorwandten, sie wären Königische, vnnnd nit Lyflendische, Dargegen die Vngehewre Moscoviten den König Magnum auffs höchst gelestert vnd geschmähet, vnd haben die Moscoviten auss demselben orth landes 25. oder 26. wegen vol die schönsten Edle vnd Unedele Iunckfrawen vnd Frawen hinweg in die Moscau gefuret, vnnnd so vil schand vnd vnehr damit getryben, das es weder zusagen noch zuschreiben ist, vnd wan sie die selben durch schand vnd vnzucht geschwecht, das sie kaum mehr leben können, so hengen sie die geschwechten Nackend an die Bäum, vnnnd schiessen mit jhren Bogen darnach, wer die Scham an den gehenckten treffen kan, der wirdt gerümbt.

Der Moscoviter Gross Fürst soll auss seinen Landen 700.000. Mann zum Krieg können auffbringen.

100.000 auss Pleskow.

100.000 auss Naugarten.

100.000 auss Ochmer.

} Dise sind drey gewaltige Stiftt unter dem Grossfürsten.

100.000 auss Schmalendisch land, das Land hat der Moscovit vormals dem Polischen König genommen. In disem land sollen gelegen sein, 77. Stadt vnd schlösser.

100.000 auss Ostinan.

100.000 auss Cassan.

} Dise zwey Lender hat zuvormals der Gross Fürst den Tartarn genommen.

100.000 auss Moscau, inn welchem Land die grosse Statt Moscau gelegen, darinnen der Grosse Fürst seinen Sitz hat.

Die Lyflender haben bey jrer volmacht in die 7.000. Pferd können zu Feld auff bringen, jetzt vermögen sie nit 300. Pferd auffzubringen, Vnd seind auch dermassen verheret, dass sie auff jre vnkost nit frembde Reitter oder Knecht wider jre Feind halten können.

Die Lyflender haben vor einem Jar dem König von Polen 6. gewaltige Heuser eingehen, dafür er sie entsetzen soll. Die ämpter heyszen, wie folget.

Dunnenburg, soll 4.000. Stehende See haben, Seleburg, Bouschburgen, Rasyten, Margenhausen, Schwanburg.

соединенія съ Москвою, чтобы парализовать морскія силы протестантскихъ государей Швеціи и Даніи и доставить Испаніи и Англіи давно желаемое Испаніей господство на Балтійскомъ морѣ. Соединенныя Испанія, Бургундія и Англія безъ труда задушили бы нидерландское возстаніе, а затѣмъ и всю еретическую часть Германіи. Съ Испаніей, будто бы, за одно дѣйствовать и папа, также желавшій сближенія съ Москвою и убѣждавшій царя изъ Ливоніи двинуться на протестантовъ Германіи ¹⁾. Связь испанской политики съ балтійской

Es geschieht aber den Lyflendern vm Polnischen König keine entsetzung, von wegen vngehorsam seiner Vnterthanen, welche jm zu dem nit volgen wollen.

Die Lyflender haben für eim Jar zwey Geschwader Reüter gehabt, die sie besoldet neben jren eygenen Reutern, vber welche zwey geschwader Johan von Melsched, vnd Heyrich von Melsched Ryttermeyster gewesen, Dise Reuter haben sie vnvermögens halben nit lenger halten können, vnd ziehen lassen.

Es verinögen derhalben die Lyflender sich nit aufzuhalten für jrem Feindt, so sie nit den künfftigen Sommer vonn jhren benachbarten, oder von den Teutschen Fürsten, entsetzt werden.

Herr Georg Siprecht, ein fürtrefflicher Mann, welcher zuuor das Schloss Duneburg inne gehabt, in Lyflandt, ist nun ins 3. Jar in Teutschland vmbher gezogen, vnd ohne zweyffel entsetzung bey den Teutschen Fürsten angesucht, vnd do die Lyflender noch jhenige hoffnung zu den Teutschen haben, das sie sich jrer noth werden annemen, so werden sie die selben oder andre Legaten bey den Teutschen Fürsten, auff den Künfftigen tag zur Naumberg haben. Johan von Melsched ist von den Lyflendern an den Römischen Keyser gen Wien auff den vergangenen Michaelis abgefertigt, ohne zweyffel auch bey jhrer Key. May. vmb hilff ansuchung zuthun, vnd ist yetz in der wider reyse.

Es schemet auch das vnser Röm. Key. mit den Sybebürgern krieg vnd mühe diss Jar bekommen möcht, Den er schon Gulden münzen lässt, darauff er sich Electum Vngarie regem nennet.

Es soll auch der Türkische Keyser an vnsern Römische Keyser vmb Michaelis seine Legaten vonn Constantinopel gen Wien gesandt haben, welchen man die Augen mit Seyden Tüchern zugebunden, vnd also auff das Keyserlich Schloss ziehen lassen.

Man sagt sie sollen auff 3. Jar widerumb Indutias gemacht haben.

Der von Lasco soll auch todt sein.

¹⁾ Cp. *Droysen*, Preussische Politik, II, 400. Ареэд. арх. Zeitung aus Danzig, 1861. Cp. *State Papers*, Foreign Series, 1866. № 20; *Languetus*, Вятренбергъ 17-го марта 1561: Moscum incitari a Pontifice Romano adversus Germaniam. II, 106. Cp. писью Филиппа реценскаго Анрыцы саксонскому. Vnd wollen ewer Lieb darneben freuntlichen nicht pergegn, dass vnss ein guter trewer mann geschrieben, das der Papst mit dem Muscobiter gewisslich practiren haben solle. 16-го февраля 1561. Тоже, 7-го марта: Postscriptum: es solt auch der Bapst mit dem Muscobiter in handlung sein ein Puntlinuss mitt jme zunacht.

стала дѣйствительно очевидной только позже, когда Лотарингія съ помощью Испаніи хотѣла вернуть свои права на датскій престолъ.

Франція въ одно время съ началомъ ливонской войны покончила свои счеты съ Испаніей; Катокамбрзійскій миръ далъ совершенно новое направленіе французской политикѣ, поставивъ Францію въ лагерь католическихъ державъ, сдѣлавъ ее однимъ изъ представителей католической реакціи. У Франціи были свои дѣла—борьба съ Англіей въ союзѣ съ Шотландіей, искорененіе гугенотовъ—и къ балтійскимъ событіямъ она обратилась лишь съ 1561 года, когда самовольные поступки Эрика затронули и интересы французской торговли.

Англія свободнѣе вздохнула со смертью Маріи въ 1558 году; ей предстояло теперь охранять свою самостоятельность отъ Испаніи и соединенной Франціи съ Шотландіей, такъ что и она до возникновенія „нарвскаго вопроса“ оставалась безучастной къ ливонско-могосковской войнѣ.

Въ Германіи въ это время религіозныя смуты прекратились. Миръ 1555 года возстановилъ въ ней спокойствіе и тишину; замолкли ину-треннія движенія и давно въ ней, по выраженію венеціанскихъ пословъ, не было подобнаго единства интересовъ и стремленій, какъ послѣ „религіознаго мира“. Но такое спокойствіе было лишь временнымъ и причиною этого былъ самый миръ, такъ какъ въ постановленія его вкралось не мало противорѣчій. Религіозный миръ 1555 года началъ собою первую стадію дуализма, проходившаго черезъ всю послѣдующую исторію Германіи. Общее значеніе этого факта заключается въ попыткѣ возстановить въ Европѣ равновѣсіе двухъ господствующихъ вѣроисповѣданій; по отношенію къ Германіи слѣдуетъ замѣтить, что онъ ей не далъ прочнаго, единства, напротивъ—онъ является первымъ узаконеннымъ шагомъ къ полному преобладанію сепаратизма; онъ не болѣе—какъ сдѣлка для утвержденія идеи территоріальной обособленности. Аугсбургскій миръ парализовалъ лишь дѣйствіе двухъ силъ, до этого руководившихъ нѣсколько вѣковъ подъ рядъ судьбами Германіи; сформировавшаяся территоріальная обособленность, сформировавшаяся религіозно-церковныя партіи нанесли ударъ національному движенію; рядомъ съ этими монархическая власть потеряла свое настоящее, монархическое направленіе и ей съ этихъ поръ принадлежало лишь формальное руководительство въ „свѣтско-духовной, нѣмецкой княжеской республикѣ“.

Относительно политики императора Фердинанда I, какъ внѣшней, такъ и внутренней, одинъ нѣмецкій историкъ замѣтилъ, что она была

безпочвенною, шаткою и вѣчно колеблющейся. Все стремленіе его, дѣйствительно, было направлено лишь къ тому, чтобы путемъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ удержать миръ въ Германіи. „Онъ внесъ въ имперію консерватизмъ, который мало по малу переходилъ въ вреднѣйшій для всякаго государства квіэтизмъ, допускавшій самыя невыгодныя для имперіи событія“. Силу въ имперіи представляла лишь курфюршеская коллегія, ставшая учрежденіемъ тѣсно замкнутымъ и выполнѣ единодушнымъ, но и ей не было дѣла до общихъ интересовъ и нерѣдко между нею и княжескою коллегіею происходили сильные пререканія. Курфюрсты оставляли свою пассивную политику только тогда, когда дѣло касалось ихъ территоріальныхъ интересовъ. Всѣ они, конечно, понимали важность балтійскаго вопроса, тогда стоявшаго на очереди, но энергично вступились за него только тѣ, личные интересы которыхъ имъ были затронуты; такъ было и по отношенію къ Ливоніи, и по отношенію къ ганзейскимъ городамъ, которые, тѣснимые Англіей и скандинавскими государями, доживали свои послѣдніе дни. Удержать Балтійское море во власти имперіи никто не имѣлъ силы и охоты; слить нѣмецкую меркантильную политику съ имперскою, провести ее съ твердостью при всѣхъ встрѣчавшихся затрудненіяхъ — не способно было правительство, стремившееся лишь къ внутреннему спокойствію, ставившее „не тронь меня“ высшею цѣлью всѣхъ своихъ стремленій и позабывшее, что въ политикѣ „спокойствіе“ не значило еще „мира“. Если мы обратимся къ рейхстагамъ, то и тамъ найдемъ раздвоенность, дуализмъ, порожденные реформаціей; на рейхстагахъ рѣзко выдѣлялись два вѣроисповѣдныхъ лагеря, враждебныхъ другъ другу съ принципиальной точки зрѣнія; столкновенія между ними парализовали всякія благія начинанія на пользу имперіи; нерѣдко вопросы, связанные съ интересами всей націи, получали, вслѣдствіе этого, отрицательное рѣшеніе; вѣроисповѣдная рознь отражалась на политикѣ, нерѣдко опредѣляла ее и стѣсняла ея свободу; мы встрѣчаемся въ исторіи Германіи второй половины XVI столѣтія съ цѣлымъ рядомъ союзовъ, возникшихъ лишь въ интересахъ религіи, при розни политическихъ воззрѣній. Представители рейхстаговъ давали свое согласіе только на такія мѣры, которыя не были связаны съ расходами и пожертвованіями — денежный вопросъ нерѣдко парализовалъ самыя полезныя начинанія — или способствовали ихъ территоріальной обособленности и самостоятельности. Если нѣкоторые князья, какъ мы увидимъ, сходились на необходимости общими усиліями вернуть имперіи отторгнутыя у нея области,

и это опять-таки дѣлалось не ради цѣлостности имперіи, не въ имя общенациональной идеи, а только ради уменьшенія матрикуль¹⁾.

Фердинанда I, этого императора-чиновника, какъ его называли историкъ, нельзя никакъ упрекнуть въ абсолютномъ безучастіи къ сѣвернымъ, балтійскимъ событіямъ. Онъ слѣдилъ за ними, видимо интересовался ими, просилъ ближайшихъ къ Ливоніи нѣмецкихъ князей, герцоговъ померанскаго и брауншвейгскаго, доставлять ему свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ Ливоніи²⁾. Но вся его дѣятельность ограничилась лишь письменными обращеніями къ сосѣднимъ съ Ливоніею государствамъ, которыхъ онъ побуждалъ оказать помощь рдену. Эти письма императора получили даже свою стереотипную форму: нерѣдко его секретари мѣняли только адресъ и отправляли въ разныя стороны совершенно сходныя письма. Одна мѣра его, съ перваго взгляда энергичная, въ концѣ концовъ также принесла вредъ той же имперіи, ея торговымъ городамъ: мы разумѣемъ извѣстный казъ императора, запрещавшій всѣмъ плаваніе на Нарву, и Фердинанду пришлось въ скоромъ времени отменить его. Внутреннія дѣла имперіи, только на время утихшая борьба протестантовъ и католиковъ, отношенія къ Турціи, соперничество съ Франціей—вотъ вопросы, которые на всѣхъ рейхстагахъ стояли на первомъ планѣ и отодвигали въ второй сѣверныя событія. Что Фердинандъ считалъ для себя нравственною обязанностью не забывать ливонскій орденъ, видно изъ того, что при всѣхъ неотложныхъ внутреннихъ дѣлахъ онъ на каждомъ почти рейхстагѣ предлагалъ сословіямъ обсудить и ливонскій вопросъ.

Въ самомъ началѣ ливонской войны магистръ, архіепископъ и др. обратились за помощію къ императору. Фердинандъ тогда же обратился съ письмомъ къ московскому царю и убѣждалъ его оставить свое незаконное предпріятіе³⁾. Къ увѣщаніямъ и просьбамъ императора Грозный отнесся съ гораздо болѣею мягкостью, нежели къ обращеніямъ Швеціи, Польши и Даніи. 17 февраля 1560 года царь, принявъ посла Фердинанда, указывалъ ему на коварство ливонцевъ, обратившихся сначала къ защитѣ Швеціи, затѣмъ къ Даніи и Польшѣ, напоследокъ уже къ имперіи, что имъ прежде всего надлежало

¹⁾ Koch, Quellen zur Geschichte des Kaisers Maximilians II. I, 1857; II, 61. Ср. II, стр. 55 и далѣе.

²⁾ Мюнх. арх., 18 Maj, 1559.

³⁾ Мюнх. арх.

сдѣлать. Онъ, царь, остается твердъ въ своемъ намѣреніи и не оставитъ войны раньше, чѣмъ не подчинитъ себѣ всей Ливоніи; тѣмъ не менѣе продолжать переговоры съ императоромъ царь весьма желаетъ. Грозный написалъ даже императору собственноручное письмо, которое прибыло къ нему въ концѣ юня 1560 года. Ловкій дипломатъ, Грозный вовсе не желалъ порывать съ имперіей; дружественныя отношенія между Москвою и Вѣною были традиционными, и въ имперіи царь надѣялся найти современемъ опору противъ Польши. Письмо Грознаго было написано въ такихъ темныхъ и неясныхъ выраженіяхъ, что Фердинандъ даже при помощи двухъ знатоковъ русскаго языка не могъ вполне добиться смысла царевой грамоты. Письмо царя заключало въ себѣ обвинительный актъ противъ ливонцевъ, всѣ бѣды которыхъ возникли послѣдствіе отпаденія ихъ отъ католицизма и погруженія въ лютеранскую ересь; если императору угодно, то пусть онъ пришлетъ въ Москву кого нибудь изъ своихъ совѣтниковъ, ему царь докажетъ свои права на Ливонію¹⁾.

Не только къ Грозному обращался Фердинандъ, но и къ королямъ Даніи и Швеціи. Къ нимъ онъ писалъ, что такъ какъ война Ливоніи съ Россіей касается не одной только имперіи, но и сосѣднихъ съ ордепою государствъ, то онъ и обращается къ нимъ за совѣтомъ и помощью и проситъ ихъ имѣть состраданіе къ несчастнымъ ливонцамъ. Даніи и Швеціи будетъ также грозить опасность, если только царю удастся сдѣлаться господиномъ Балтійскаго моря; одною Ливоніей онъ не удовлетворится, а распространитъ свои жадныя взоры дальше на западъ и будетъ воевать прусскія земли, а тамъ дойдетъ и до Даніи. Всѣмъ сосѣдямъ ордена и Москвы слѣдуетъ подумать о средствахъ, какъ бы сохранить за имперіей ея форпосты на востокѣ²⁾. Фридрихъ II и Густавъ Ваза отвѣчали императору въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; ихъ письма заключали въ себѣ лишь пожеланія скорѣйшаго мира на востокѣ³⁾.

Приморскіе города, къ которымъ также обращался императоръ, прямо заявляли, что въ виду расходовъ, какіе они имѣли въ недавнихъ войнахъ съ Даніей, они не въ состояніи оказать Ливоніи помощи.

¹⁾ *Weimann*, 362—363. Не хитрилъ ли Грозный, представляя себя сторонникомъ католицизма, тогда господствовавшаго въ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбурговъ?

²⁾ Мюнх. архивъ.

³⁾ *Ibidem*.

Вмѣстѣ съ императоромъ и большинство князей сознавали необходимость помочь ливонцамъ и вывести ихъ изъ ихъ критическаго положенія. Въ одномъ итальянскомъ донесеніи мы читаемъ: польскій король, курфюрстъ саксонскій и прибалтійскіе нѣмецкіе города рѣшились обратиться къ московскому царю съ просьбой оставить Ливонію. Царь отвѣчалъ имъ, что готовъ исполнить это, если ливонцы возвратятъ ему издавна принадлежавшія московскимъ царямъ земли и дадутъ обѣщаніе не строить болѣе крѣпостей на границахъ. Ни король, ни курфюрстъ, ни города не могли принять такихъ условій и рѣшились готовиться къ войнѣ съ царемъ не изъ расположенія къ ливонцамъ, — *изъ вѣстенавистли за ихъ трусость*, — а изъ желанія не допустить царя утвердиться въ орденскихъ земляхъ и задержать его дальнѣйшіе успѣхи. Города всѣхъ болѣе опасались чрезмѣрнаго желанія царя утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, съ чѣмъ связана была ихъ совершенная погибель ¹⁾. Итакъ, нѣмецкіе князья и города также съ нѣкоторымъ страхомъ озирались на успѣхи московскаго оружія, но ливонцевъ всѣ они ненавидѣли. Изъ этихъ князей мы уже знаемъ Ан-

¹⁾ Флорент. арх. Cod. 4.293 Summario delle cose di Liuania. 1559. Это донесеніе имѣется еще и въ Carte Stroziane, filza 310, p. 23. Курсивомъ напечатаннаго недостаетъ въ Carte Stroziane. „Che seguitando il Re de Moscouiti la guerra contra i Liuoni, il Re di Polonia, il Duca di Sassonia, le terre franche del mare di Germania, di comune consenso, haueuon fatto intender al Moscouito che si ritirasse nei suoi termini, lassando star i Liuoni in pace; altrimenti li protesta non tacitamente la guerra; a che haueua risposto, che lo faria: ma uoleua prima ripigliare le terre che i Liuoni altra uolta gli haueuon occupate; et di poi che fussero tenuti et li promettessero li detti *Livoni* di non far per l'auenire alcuna frontiera o di fortificarla che riguardasse i suoi paesi (sudetti въ Carte Stroziane). Le quali conditioni sendo parse ingiuste alli *Prefati* Re et Principi, pensarono alla guerra, non per aiutar i (a въ Carte Str.) Liuoni i quali paion' odiati da tutti, per la uilta et dapocagini *loro* (che hanno mostro въ Carte Str.), ma per tener discosto (da loro въ Carte Str.) quel Barbaro. Talche si era intimata una dieta in Brema per il primo di Luglio *prossimo* per trattar di questa guerra et della recuperatione de priuilegij tolti alle dette (sudette въ Carte Str.) terre franche di mare, dal Re Filippo, mentre ch'era Re di Inghilterra; impero che dicono che S. M.—ta operò, che si leuassero *loro* (a costoro въ Carte Str.) i priuilegi che haueuono in quel Regno, si come gli tolse ancora loro in Fiandra. I quali priuilegi concernon il comertio del mare et altre esentionj di Datij et gabelle in quei luoghi. (et въ Carte Str.) Dicon et faranno ogni sforzo per rihauerli; importando loro assai quel commertio, da poi che hanno consiate (fondato въ Carte Str.) la *lor* principal richexa nella (sulla въ Carte Str.) nauigatione et per la medesima cagione cercherano di cacciar il Moscouito della Liuania, accio che acquistando i porti di quella prouincia non uenisse (col tempo, въ Carte Str.) a farsi padrone di quel mare, et impedirli (loro въ Carte Str.) la nauigatione nei lor proprij mari“.

густа Саксонскаго; его переписка съ ландграфомъ гессенскимъ и другими князьями свидѣтельствуешь, какъ своеобразно онъ относился къ ливонской катастрофѣ. Онъ съ горестію замѣчалъ, что одна область за другою отпадала отъ имперіи, за Пруссіей польскій король желалъ подчинить себѣ и Ливонію; все усиливается, говорилъ онъ, на счетъ безсильной имперіи ¹⁾.

Мыслия другихъ князей о Ливоніи выясняются изъ разсмотрѣнія перваго рейхстага, на которомъ обсуждался ливонскій вопросъ. Этотъ рейхстагъ, имѣвшій очень важное значеніе въ смыслѣ политическаго единенія протестантовъ, былъ созванъ весною 1559 года и открытъ 3-го марта ²⁾. Кромѣ представителей нѣмецкихъ князей и императора здѣсь были и представители отъ ордена (Георгъ Сибергъ фонъ Вишлингенъ, командоръ Дюнабурга) и отъ архіепископа рижскаго (ратманъ Риги Asvegas). Послѣдній отъ имени архіепископа долженъ былъ просить собравшихся помочь Ливоніи противъ русскихъ; онъ указывалъ на безвыходное положеніе рижской архіепископіи и просилъ пожертвовать въ ея пользу часть турецкой пени. Георгъ Сибергъ прочелъ рейхстагу два обстоятельныхъ доклада о положеніи дѣлъ въ Ливоніи, написанные съ энергіей и страстностью, но сильно преувеличивающіе и искажающіе все, что касалось московскаго царя и его стремленій; выдвигая общность интересовъ всехъ нѣмцевъ, онъ сказалъ, что магистръ безъ помощи имперіи не въ состояніи удержать форпостъ имперіи и всего христіанства. Весьма любопытно и донесеніе о Ливоніи Іоанна Альбрехта мекленбургскаго, брата коадьютора архіепископа рижскаго Христофа, сдѣланное въ самомъ началѣ рейхстага ³⁾. Іоаннъ Альбрехтъ велъ переговоры о Ливоніи какъ съ императоромъ, такъ и съ отдѣльными князьями, представителями другихъ курфюрстовъ и князей. Представителей Помераніи, Голштиніи и Ганзейскихъ городовъ онъ убѣждалъ доставить въ Ливонію водою военные снаряды и съѣстные припасы, въ которыхъ ливонцы терпятъ большой недостатокъ. 18-го марта донесеніе Іоанна Альбрехта было прочитано всѣмъ членамъ рейхстага.

6-го іюня Анна Мекленбургская писала Фердинанду изъ Трейдена о страшно бѣдственномъ положеніи Ливоніи, которой рѣшительно не

¹⁾ Дрезденскій архивъ.

²⁾ Ср. *Häberlin*, IV, 186 — 188; *Kluckhohn*, Briefe Friedrich des Frommen, Kurfürsten von der Pfalz, I. 1559 — 1566. Braunschweig, 1868, стр. 64 и далѣе. Ср. *Reitman*, 352 и далѣе. *Форстманъ*, Акты № 4.

³⁾ Ср. *Lisch*, 76, № 17.

подъ силу борьба съ Москвою. Всѣ въ Ливоніи (сообщала она далѣе Фердинанду) стоять за польскій протекторатъ, одинъ лишь коадъюторъ Христофъ дѣйствуетъ противъ него ¹⁾). Впечатлѣніе, произведенное до-
несеніями о Ливоніи, было самое различное. Курфюршеская коллегія от-
неслась къ нимъ не сочувственно, княжеская же коллегія обнаружила
искреннее желаніе помочь ордену.

Три курфюрста, Августъ саксонскій, Фридрихъ пфальцскій и Иоа-
химъ бранденбургскій, не всегда согласные между собою, когда воз-
никали религіозные или соціальные вопросы, теперь обнаружили пол-
ное единство. Тонъ всей курфюршеской коллегіи давалъ Августъ сак-
сонскій, первый князь Германіи, какъ его называли венеціанскіе
послы. Этотъ государь, проявлявшій такую энергію во всѣхъ вопро-
сахъ, затрогивавшихъ его личныя династическіе интересы, теперь обна-
ружилъ большую медлительность, совѣтовалъ выждать мнѣнія другихъ
представителей рейхстага. Расположенный къ Даніи, онъ былъ вра-
гомъ Швеціи и въ ливонскомъ вопросѣ предпочиталъ открытой войнѣ
дипломатическіе переговоры. Позже, какъ мы увидимъ, онъ склонился къ
тому, чтобы всю нѣмецко-австрійскую политику обратить на востокъ
Европы и ближе соединить интересы Даніи съ интересами Германіи ²⁾);
позже онъ выступилъ ходатаемъ за ганзейскіе города, торговой само-
стоятельности которыхъ онъ хотѣлъ дать широкій просторъ. Иоахимъ
бранденбургскій (1535 — 1571), государь щедрый, добродушный и
нелюбимый, любившій и самъ пожить и не мѣшавшій въ этомъ и дру-
гимъ, строгій лютеранинъ въ догматическомъ отношеніи, держался въ
церковныхъ вопросахъ Пфальца, въ политическихъ же—Августа сак-
сонскаго ³⁾); не входя въ столкновеніе ни съ императоромъ, ни съ
имперіей, онъ давалъ реформации возможность развиваться и распро-
страняться во всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Вообще вторая половина
XVI столѣтія въ исторіи Бранденбурга — время его политической

¹⁾ *Lisch*, № 20, стр. 81. Vnde finde ein arme, elende, verlassen, vorhert vnde
vorwustet landt vnde unnuglich ist dem muschobieter wiedero czu stehen, dan es
mangel hat an profiande, geschucze, pulfer, kugeln, gelt, feste, reuter, knechte vnde
aller nodurfft... Dan mein son das vor seine persone keynesweges bewilligen wil,
sonder hir myt offentlichen dar von geprotestiret haben.

²⁾ Ср. *Droysen*, *Geschichte der Preussischen Politik*, II, 444.

³⁾ *Kluckhohn*, LXIII: In dogmatischer Beziehung strenger Lutheraner, nahm
Iochim II an Friedrichs kirchlicher Haltung entschieden Anstoss, hielt aber in
kirchenpolitischen Fragen auf Reichs—und Fürstentagen so viel als möglich zu dem
Kurf. August, dessen Vermittlung auch der Pfalzgraf häufig in Anspruch nahm,
wenn er auf Kurbrandenburg einwirken wollte.

безучастности и безсилія; реформація, сословная конституція и усиленіе Австріи—вотъ три момента, сдвинувшіе его съ прежняго почетнаго мѣста среди нѣмецкихъ князей. Отъ національныхъ интересовъ Бранденбургъ всего болѣе отдѣляло его сближеніе съ Габсбургами. Владѣя ключемъ къ Балтійскому морю—шлезвигъ-голлштинскимъ наслѣдіемъ—курфюрстъ бранденбургскій не сумѣлъ удержать его за собою, что подробнѣе будетъ указано ниже.

Наибольшую либеральностью въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ отличался Фридрихъ пфальцскій, сначала ревностный меланхтонистъ, а затѣмъ приверженецъ и опора реформатовъ. Въ его отзѣвахъ о Ливоніи было много горькой правды. Въ южно-германскихъ князьяхъ вообще можно усмотрѣть тенденцію, враждебную ордену, и нѣкоторую расположенность къ Москвѣ, что особенно рельефно обнаружилось въ 60-хъ годахъ.

Фридрихъ пфальцскій высказалъ свой взглядъ на Ливонію въ письмѣ къ своимъ представителямъ на аугсбургскомъ рейхстагѣ 1-го мая 1559 года. Выражая свое соболѣзнованіе къ судьбѣ Ливоніи, онъ говорилъ: первое, чего слѣдуетъ добиться, это—примиренія магистра ордена съ архіепископомъ, на которыхъ лежитъ не малая доля вины во всѣхъ ливонскихъ смутахъ. Только при внутреннемъ согласіи и могли бы они успѣшно дѣйствовать противъ Россіи. Фридрихъ идетъ еще дальше и говоритъ, что архіепископъ и магистръ сами открыли русскимъ ворота въ Ливонію¹⁾. Помочь теперь Ливоніи значитъ впутаться въ новыя распри и навлечь на имперію новыхъ враговъ; всякіе новые налоги легли бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ на сословія имперіи, поэтому курфюрстъ и предписывалъ²⁾ своимъ депутатамъ всѣми силами ратовать противъ посылки помощи ордену. Фридрихъ очень искусно, какъ видно изъ этой его инструкціи, ухватился за внутреннія смуты въ самой Ливоніи, дабы отклонить всякое участіе имперіи въ помощи противъ Россіи.

Курфюрстъ майнцскій былъ того же мнѣнія, что и Фридрихъ и развивалъ мысль, что имперія не въ состояніи помогать всѣмъ своимъ частямъ, въ особенности же Ливоніи, которая давно уже пользуется свободою отъ податей въ пользу имперіи и на сбереженные деньги

¹⁾ Dass der Erzbischof und der Meister selbst dem Moskowiter die Thüre geöffnet.

²⁾ Die Gesandten sollen nach Kräften gegen die Sendung von Reichshülfe wirken. Kluckhohn, I, 64.

имѣть полную возможность отстоять свои владѣнія отъ московитовъ. Изъ другихъ представителей нѣкоторые предложили собрать въ пользу Ливоніи 100.000 гульденовъ, чтобы показать, что имперія не забываетъ Ливоніи ¹⁾.

Въ княжеской коллегіи почти всѣ сошлись на необходимости снарядить въ Москву посольство и доставить Ливоніи посильную помощь. Всего ревностнѣе на послѣднемъ настаивали вестфальскій и оба саксонскіе округа, связанные съ орденомъ и родственными отношеніями. Представители этихъ округовъ поставили вопросъ о ливонской субсидіи ребромъ. Раньше, чѣмъ не будетъ окончательно рѣшенъ этотъ вопросъ, сказали они, они отказываются приступить къ какимъ бы то ни было другимъ дѣламъ.

Начались оживленные пренія. Въ іюнѣ еще дѣло о субсидіи Ливоніи стояло неподвижно. „Надежда на помощь очень сомнительна“, писали депутаты Августа въ Дрезденъ. Августъ, неоднократно заявлявшій, что у имперіи и своихъ дѣлъ много, отклонялъ необходимость активнаго участія и говорилъ, что оно сопряжено съ слишкомъ большими расходами и еще большимъ рискомъ. Въ концѣ іюля горизонтъ нѣсколько проясняется. Триръ предлагалъ помочь Ревелю и Ригѣ, чтобы дать имъ возможность продержаться еще зиму. Кельнъ соглашался доставить ливонцамъ денежную помощь въ размѣрѣ 100.000 гульденовъ. Княжеская коллегія заявляла, что 100.000 гульденовъ сумма слишкомъ ничтожная и настаивала на 400.000. Упорство курфюрстовъ было непреодолимо, и въ концѣ концовъ всѣ сошлись на 100.000. Фердинандъ рѣшилъ лично написать царю и обратиться къ Европейскимъ государствамъ—Испаніи, Англіи, Давіи, Швеціи, Польшѣ и ганзейскимъ городамъ, чтобы и они помогли дѣлу. Герцогамъ Померанскимъ и Брауншвейгскому поручили навести самыя точныя справки о положеніи дѣлъ въ Ливоніи ²⁾, чтобы императоръ и сословія могли затѣмъ рѣшить, какое время самое удобное для доставки ливонцамъ назначенной субсидіи въ 100.000 гульденовъ.

Еслибы, заявлялъ императоръ, князья захотѣли ради этого еще разъ съѣхаться, то онъ готовъ для этого назначить особую депутацію изъ 6 курфюрстовъ, епископовъ мюнстерскаго, падерборнскаго

¹⁾ *Reimann*, 355, 356.

²⁾ *Damit wir deren dinge wissenschaft haben vnd andern weit gesessenen Reichstenden, die sich je zu zeitten der Dinge gelegenheit bey vns erkunden, dem gemeinen werk zum besten dauon auch bericht thun möchten.*

и оснабрюкского, герцоговъ брауншвейгскаго, юлихскаго и померанскихъ, аббата верденскаго, графа нассаускаго и представителей городовъ Любека и Гослара. Если окажется необходимымъ, императоръ пришлетъ на конгрессъ и своихъ депутатовъ ¹⁾.

Георгъ Сиббергъ понималъ, какъ не прочны всѣ рѣшенія, вырабатанные на рейхстагѣ, и обратился къ представителямъ его съ своимъ третьимъ докладомъ, въ которомъ, указывая на бесплодность долгихъ преній и на незначительность ихъ результатовъ, удивлялся, что имперскимъ князьямъ еще надо удостовѣряться въ безвыходномъ положеніи Ливоніи, какъ будто вѣсти объ этомъ уже не успѣли распространиться по всей Германіи. Если имперія, сказалъ онъ, не окажетъ болѣе существенной помощи, Ливоніи придется кинуться въ руки первому, кто протянетъ ей помощь.

Третій докладъ неутомимаго ливонца произвелъ на рейхстагъ также мало впечатлѣнія, какъ и первые два, и дальше вышеприведенныхъ мѣръ ни до чего не договорились.

Послѣдующія событія показали, что ливонцы не могли даже надѣяться на 100.000 гульденовъ; никто не желалъ платить ихъ, находившіе для этого болѣе или менѣе удачныя отговорки.

Суетливый Фердинандъ въ разговорѣ съ ифалыцкими депутатами жаловался на то, что никто не шелъ на встрѣчу его намѣреніямъ ²⁾, и дѣйствительно, — „одинъ въ полѣ не воинъ“, императоръ ничего не могъ подѣлать съ упорствомъ курфюрстовъ. Въ слѣдующемъ году онъ тѣмъ же менѣе созвалъ новый конгрессъ въ Шпейерѣ.

Депутационстагъ въ Шпейерѣ открылся 11-го октября 1560 года ³⁾. Здѣсь были представители отъ императора — графъ Карлъ фонъ Гогенцоллернъ, Цазіусъ и Шоберъ, представители отъ шести курфюрстовъ, епископовъ мюнстерскаго, оснабрюкскаго и падерборнскаго, герцоговъ померанскихъ ⁴⁾ и брауншвейгскаго, аббата верденскаго, графа нассаускаго и городовъ Любека и Гослара. Кромѣ того письменныя заявленія были получены отъ Іоанна Альбрехта мекленбург-

¹⁾ *Häberlin*, IV, 136.

²⁾ *Kluckhohn*, II, 70.

³⁾ Объ этомъ депутационстагѣ *Häberlin*, IV, 286 и слѣд., даетъ самыя краткія свѣдѣнія. *Richter*, I, 364, неправильно называетъ его рейхстагомъ. Ср. *Reitman*, 374 и далѣе. Архивный матеріалъ для этого собранія въ архивахъ Дрездена, Мюнхена и Берлина. Ср. *Goldast* II, 279—284; *Lünig*, *Reichstagsakten*, I, 500.

⁴⁾ 3 Nov. 1560. Seindt die pomerischen Gesandten Laurentius Doctor vnd Henning von Balde bede canzler bei vnns erschienen (Мюнх. арх.).

скаго, Генриха Младшаго брауншвейскаго и люнебургскаго, Іоанна Фридриха саксонскаго, архіепископа рижскаго и др. ¹⁾).

Императорскіе комиссары открыли собраніе прочтеніемъ протокола аугсбургскаго рейхстага, а затѣмъ предложили приступить къ разсмотрѣнію мѣръ, необходимыхъ для защиты ливонскаго ордена ²⁾. По мнѣнію императорскихъ комиссаровъ, слѣдовало остановиться на вопросѣ о посольствѣ имперіи къ московскому царю, затѣмъ, главнымъ образомъ выработать постановленіе для прекращенія сношеній нѣмецкихъ и иностранныхъ торговцевъ съ русскими черезъ Нарву ³⁾. Императоръ, сказали его комиссары, созвалъ представителей князей въ Шпейеръ съ тѣмъ, чтобы сообща обсудить, какъ помочь ливонцамъ и какими средствами возвратить имперіи земли, отнятыя у нея и предупредить на будущее время всякое враждебное нападеніе со стороны русскихъ ⁴⁾.

Прежде всего депутаты князей и императора приступили къ выслушанію донесеній, присланныхъ на собраніе отъ Кетлера, Вильгельма рижскаго и др. Письмо Кетлера было отнѣчено 1-го октября. Магистръ ливонскаго ордена, позже утверждавшій, что шпейерское

¹⁾ Письмо Іоанна Альбрехта Мекленбургскаго, Штетинъ, 26 августа 1560. Письмо Генриха младшаго Брауншвейскаго и Люнебургскаго, Wolfenbüttel, 8 oct. 1560; Письмо Фридриха герцога Саксонскаго, Heldtburgk, 18 oct. 1560. (An der Churfürsten, fürsten vnd anderer jnn der Liffli. sachen deputirte stende, verordnete Rethen zu speier. 18 oct.).

²⁾ Nemblich die besetzungen vnd prophanierungen der noch vuuerlornen Liff-landischen bevestigungen vnd Pässen, Jtem vergliedung des Khrigsvolckhs vnn dann anwenndung des hilffgelts durch Eur. Cays. M. Commissarien, sambt der dreien deputirten fürsten, Münster, Braunschweig vnd Pomern verordneten anzuschaffen vnnnd zubestellen.

³⁾ Кетлеръ въ мартѣ 1561 года проситъ императора объ этомъ же: da ich anhaltung der Schiffe vnd verhinderung der farth nicht vff eigenenn nutz, besonders des heyl. Reichs wolfarth gesehenn.

⁴⁾ Дрезд. Арх. Der Kais. M. Commissarienn Proposition jnn der Liffli. Sachen, uff dem Deputationstage zu Speyer 11 oct. 1560. Тотъ же актъ въ Мюнхенскомъ государственномъ архивѣ.... „diese sachen mit dem allerforderlichsten städtlich vnd notturfftiglich zuerwegen zuberathschlagen vnnnd zubedencken, welchermassen die obliegende beschwerden von den Lifflandenn am füglichsten abzuwenden, das jenig so an Lifflandt von dem Moscowiter eingenommenn, widerumb erlangt, vnnnd die Lifflandt kunfftiglich von solchem Muscowiterische drangsal gesichert, vnnnd als des heyl. Reichs angehorige glieder, bei demselben erhalten, geschützt vnnnd gehandthabt werden mugenn. Мюнх. арх. Relatio. 1561. Ad longum ad Caes. M. in causa Livonica, de dato weyl. 9-te januarj.

собраніе созвано было вслѣдствіе его просьбъ и хлопотъ и вмѣнявшій себя это въ большую заслугу ¹⁾, даетъ намъ въ своемъ письмѣ очень пространное изложеніе русско-ливонскихъ отношеній. Онъ начинаетъ свое письмо жалобою на Любекъ и другіе города, которые ко вреду Ливоніи и всего христіанства, спосаются съ московскимъ царемъ. Христіане, говоритъ Кетлеръ, должны другъ другу помогать, а не вредить; въ особенности же это касается тѣхъ, кто подчиненъ одной власти, одному главѣ и государю. Между тѣмъ многіе свои личные интересы и выгоды предпочитаютъ общей пользѣ; такъ, на-примѣръ, любчане и др. доставляютъ русскимъ оружіе, порохъ, дробь, селитру, сѣру и др. военные снаряды, затѣмъ провіантъ, сельди, соль и пр. Все это даетъ московскому государю возможность съ большимъ успѣхомъ вести войну съ ливонцами. Примѣръ турокъ показалъ, какъ усиливается врагъ, когда ему помогаютъ оружіемъ и съѣстными припасами. Въ виду этихъ соображеній Кетлеръ проситъ императора и князей запретить торговлю съ русскими. Онъ указываетъ далѣе въ своемъ письмѣ, что всѣми оставленъ, ни отъ кого не получаетъ помощи, хотя уже нѣсколько разъ обращался къ императору и курфюрстамъ; для найма кнехтовъ ему приходится закладывать земли и города, продавать какъ свое, такъ и орденское имущество. Все лѣто 1560 года русскіе съ 100.000 войска громили несчастную страну, разсѣявшись по ней нѣсколькими отрядами. Все предають они огню и мечу, поля выжигаютъ, скотъ и людей убиваютъ и увозятъ. Лучшіе рыцари ордена убиты или томятся въ плѣну; почти всѣ крѣпости Гарріи, Виррланда, Эстоніи въ рукахъ враговъ. Съ своей стороны онъ, Кетлеръ, сдѣлалъ все, что было въ его силахъ и съ спокойною совѣстью готовъ предстать предъ лицо Всевышняго въ день страшнаго суда. Удержаться въ борьбѣ съ русскими нѣтъ болѣе силъ; возставать стали наемные кнехты, не получающіе жалованья: они грозятъ ежечасно убить его или выдать врагамъ ²⁾.

Письма Барнима померанскаго и Вильгельма рижскаго также представляютъ положеніе Ливоніи совершенно критическимъ. Барнимъ извѣщаетъ собраніе о намѣреніи Іоанна Грознаго осадить Ригу. Если,

¹⁾ *Vienemann*, IV, 104.

²⁾ Дрезд. архивъ. См. *Форстень*, Акты и Письма, № 6. Русскихъ Кетлеръ называетъ „*glidtmassen des Teuffels*“.

говорить онъ, это предпріятіе удастся царю, то каждый, знакомый съ положеніемъ дѣлъ, долженъ понять, какая будущность ожидаетъ весь прибалтійскій край. И при такихъ то безотраднѣхъ обстоятельствахъ, продолжаетъ Барнимъ, находятся люди, выше всего ставящіе свои собственныя выгоды и личную пользу; Гамбургъ и Любекъ доставляютъ русскимъ не только оружіе и провіантъ, но снабжаютъ ихъ и опытными въ военномъ дѣлѣ людьми ¹⁾. Всѣ такъ ослѣплены выгодой русской торговли, что не желаютъ дать себѣ отчета, какая судьба постигнетъ нѣкогда благородную провинцію, если московитъ утвердится въ этомъ форпостѣ христіанства на востокѣ и займетъ его славныя приморскія гавани. Подобный леопарду или медвѣдю, московитъ будетъ стремиться все себѣ подчинить; за Ливоніей очереди дойдетъ до Пруссіи и остальныхъ балтійскихъ княжествъ ²⁾.

Часть извѣстій, сообщенныхъ Барнимомъ, подтверждается и изъ одного письма Вильгельма рижскаго къ Фердинанду отъ 28-го марта

¹⁾ Geschütz, krant, loth, Salpeter, schwefel, kupfer, zin, pley vnd kriegsleut. Da er (Ioann) aber dieselbigen (Рыгу и Ревель) auch erobern vnud ein offene vnderhinderliche zuschiffung aus die Teutsch Nation bekomen wurde, derowegen die nechst der sehe gesezene stende deren Land, Leuth vnnd vnderthanen sich täglich des vberfals zubefaren.

²⁾ Мнх. арх. Письмо Барнима, Михайловъ день 1560. (Barnim von Gottes Gnaden zu Stettin Pommern etc. Herzog furst zu Rügen. Alt Stetin, am tag Michaelis 1560). Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого письма, адресованнаго къ одному депутату въ Шпеебергъ: (Vnser grus zuvor. Hochgelerter lieber getreuer...). In was vnwiderbringlichen vnd ewigen schaden vnd vndergang Lifflandt iſt stehe..... Die sachen seind vil geuerlicher alls je.... Da nun die Stat (Riga) jn des feindes gewallt gebracht werden sollte, hat ein yeglicher, so alles vmbstandts vnd gelegenheit erfarn jn wie grossem vnd eusserstem vnglück dise vnd andere vil umbligende vnd vorneime glider des Reichs stehen, leichtlich zuermessen.... Zu dem aber nimbt mich nit wenig frembdt, das man solcher gar herrlichen vormauren der Christenheit daher vnd noch so wenig achtet vnd angesehen... Gott erbarme sich der gar grossen plindheit, darinnen die eigennutz vnd geitz so grosse leuth verlossen das sy auch jr aigens schweres vnglückh vnd das gewiss vorsteheñdt vbl nicht sehen noch bedencken können, Dann was diser verlust der Edlen Prouintz nachfolgen würde, wann der feindt solcher vormanern vnd der vil herrlicher Pforten der Ostsee vnd aller Communication mechtig, haben die verstandigen wol abzunehmen, Nachdem es von Naturen sein art vnd gewonheit, das er wie en leoparth vnd Bar allwegen nach des andern verderb, vnd vndergang lauert vnd wartert, das ers auch bei dem nicht würde bleiben lassen, dann das plus ultra mit weiterm eingreifen zu merern anndern an allen orten nicht vmbgeen noch vnderlassen, wie er dann bereits Preussen auch betrauen thut.

1560 года. Въ немъ онъ жалуется на то, что Любекъ доставляетъ русскимъ опытныхъ воиновъ ¹⁾).

Въ письмѣ Вильгельма рижскаго къ Альбрехту мекленбургскому, также прочитанномъ въ Шпейерѣ, Вильгельмъ указываетъ на честолюбивые замыслы Магнуса датскаго и совѣтуетъ всѣмъ князьямъ и курфюрстамъ обратиться къ Фридриху II и просить его склонить брата къ миру съ орденомъ. Необходимо предупредить столкновение Польши съ Даніей тѣмъ болѣе, что польскій король уже собралъ значительныя военныя силы въ рижской архіепископші и собирается помочь Кетлеру противъ Магнуса. Этими междуусобіями поспѣшать воспользоваться московиты ²⁾).

Изъ донесеній отдѣльныхъ депутатовъ на шпейерскомъ съѣздѣ слѣдуетъ отмѣтить донесеніе представителей Мекленбурга ³⁾). Герцогъ

¹⁾ Мюнх. арх.: Dieselben (Русские) auch dermassen mit geschütz vnd volckh zu versorgen i. t. d.

²⁾ Мюнх. арх. Письмо Вильгельма отмѣчено 21-го авг. Кокенгузенъ... Vff dass aber nun gleichwol durch hertzog Magnus' vorhaben, dissen armen landen nicht mer vnheil erweckht werden möchte, wäre hochnöttig vnd gerathen das durch etzliche Chur vnd Fürsten des Reichs darzu dann auch wer neben vnsern geliebten sun vns wollen erbotten haben, souernn es geraten, derwegen bei I. K. W. zu Denmarckht ansuechung geschehe, vnd da Ir K. W. ettwas feindtliche gegen dem Herrn Meister oder dise lannde vorzunemen bedacht, das solches vndernehmen vnd dem feind nicht alleine dardurch sein vorthail gegonnet, sondern auch die baiden Potentaten alls Pollen vnd Dennemarckh nicht in einander gehetzt werden möchten. Denn wir mögen E. L. fruntlich nicht pergen, das die K. W. zu Polln ain vast ansehnlich statlich kriegsuolgkh jn dise lande vor etzlichen wochen geschickht vnd dasselbe vast eillendt anher geferttiget, nicht aber darumb allaine, das sy sich gegen dem Erbfeindt gebrauchen lassen sollten, sonndern da herzog Magnus zur guete nicht zubringen noch zubewegen, sy alldann dem Meister beipflichtig sein möchte, wie dann der vrsach halben das selbe kriegsvolgkh bisheer jn vnserm Ertzstiftt gelegen, auch noch vnd vns nit wenigen schaden bis auf todtschlagen als der feindt gethan. Въ другомъ письмѣ Вильгельма мы читаемъ: Dann wie graussam der feindt tirannisiert ist dauon nicht genug zuschreiben, Das arm ellent Pauraolckh wirdt ellendiglich ermordet vnd erschlagen, vnd verheret vnd verprennt alles in grunde, das korn auf dem felde wirdet nicht verschont, was er mit den Pferten nit zertreten vnd auffurdern kan, verprennt er, das es kleglich zuhören geschweige dann zuhören ist. Ср. *Форстманъ*, *Акты и письма*, гдѣ подъ № 5 напечатано письмо Вильгельма по экземпляру Дрезденскаго архива.

³⁾ Дрезд. арх. Credentz vnd Instruction Hertzog Hans Albrecht zu Mecklenburgk seiner furstlichen Gnade gesandten, an die Chur vnd fursten vnd stende vff dem deputationtagk zu Speier, 19 oct. 1560 ubergeben (Составлено въ Шверинѣ—25-го сентября 1560).

Альбрехтъ выражаетъ чрезъ своихъ депутатовъ сочувствіе къ собранію и искреннее желаніе ему успѣха. Донесеніе мекленбургскихъ депутатовъ весьма обстоятельно ознакомило представителей германскихъ князей съ положеніемъ дѣлъ на востокѣ: московскій царь, узнаемъ мы изъ этого донесенія, вторгся въ Ливонію тремя отрядами, и тираниія, практикуемая московитами, превосходитъ все, что до сихъ поръ разказывали о туркахъ и татарахъ. Въ русскомъ войскѣ много послѣднихъ, и они то не щадятъ ни возраста, ни пола, разрубаютъ на части маленькихъ дѣтей и употребляютъ ихъ въ пищу (sic). Пльннхъ русскіе убиваютъ безъ различія сословія и положенія, какое они занимаютъ ¹⁾).

Яркими красками описывается далѣе взятіе русскими Феллина и другихъ городовъ. Зимой русскихъ можно ожидать уже и въ Ригѣ и въ Ревелѣ. Всѣ балтійскія княжества, Прусское, Померанское и Мекленбургское, и Вестфальскій округъ ждутъ вторженія русскихъ въ свои предѣлы ²⁾). Въ виду этого необходима дѣятельная и скорая помощь ³⁾); въ особенности нуждаются въ ней Рига и Ревель. Какъ скоро русскіе успѣютъ занять одинъ изъ этихъ городовъ, всякая помощь будетъ уже напрасна, и вся Ливонія неминуемо будетъ оторвана у имперіи.

Необходимо склонить къ помощи и Польшу (она могла бы снабдить оба вышепозванныхъ города провіантомъ и нѣсколькими отрядами пѣхоты), Данію и Голштинію. Всѣмъ этимъ государствамъ Альбрехтъ мекленбургскій совѣтуетъ указать, что конечная цѣль московскаго тирана—захватить въ свои руки господство на Балтійскомъ морѣ, для достиженія чего онъ уже принимается строить флотъ ⁴⁾); покупая и захватывая въ Нарвѣ торговые суда любчанъ, онъ обращаетъ ихъ въ

¹⁾ Дрезд. арх. Hertzog Hainrichs zu Braunschweig Briue und unsers gnedigsten Herrn Augusti Churfursten zu Sachsen Anntwort und widerschreiben. 1560—1564. Въ первомъ письмѣ Генриха читаемъ: das sie (москвиты) nit allein albereith geborene kleine cristen kindlein, sender auch edle vnd andere schwangere frawen in anschawen jrer angebindenen ehemennern vff, vnd die unzeitige fruchten aus den leiben schneiden, an spies stecken vnd am feuer gebrathen lassen, zu schweigen mher anderer greulichern thaten.

²⁾ . . . den teglichs einfall befarenn müssen. „Darumb dan nit allein die Hertzogen von Pommern vnd alle Stende vnd Stede an der Ostsee in treflicher Sorge vnd gefahr stehen, sondern auch der Westphalische Krayss darunter der Hertzog von jülich derhalben einen sonderlichen Kreisstag aussgeschrieben haben sollen.

³⁾ Alsbaldt, vor allen dingen, vnd noch diesenn herbat.

⁴⁾ . . . wil der feindt freien pass jnn die Ostsee zukommen jnne hat, vnd auch albereit Galleen vnd schiff zurichten lassen... Den wo dieser Veind der Ost

воепныя и передаетъ управленіе ими испанцамъ, англичанамъ и нѣмцамъ ¹⁾). Необходимо также сдѣлать серьезное внушеніе ганзейскимъ городамъ, а также просить нидерландское и англійское правительства ²⁾), чтобы они приостановили свои сношенія съ врагами всего христіанства; еслибы города не вняли убѣжденіямъ императора и князей, имъ слѣдуетъ пригрозить имперскою опалою (Reep vnd Acht). Шведскому королю было бы всего удобнѣе моремъ доставлять ливонскимъ городамъ съѣстные припасы. Еслибы съ иностранными государями соединились и нѣмецкіе князья и доставили единовременную денежную помощь въ размѣрѣ 100.000 флориновъ, то Ливонію еще можно было бы спасти. Германской имперіи слѣдуетъ взять на себя защиту Ливоніи, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ ней утвердятся сосѣди, изъ которыхъ всѣхъ опаснѣе для Германіи польскій король: его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать утвердиться въ Ливоніи. Болѣе всѣхъ обязанъ помочь Ливоніи Вестфальскій округъ, такъ какъ онъ извлекаетъ наибольшую выгоду изъ торговли съ Ливоніей; тяжесть борьбы съ Москвой должна по справедливости лечь всего болѣе на горюда этого округа.

Изъ заключеніе своего донесенія мекленбургскіе депутаты предложили остальнымъ членамъ собранія вопросъ, не нашли ли бы они полезнымъ обратиться за помощью къ Испаніи, Франціи и Англіи, а также и къ герцогамъ Баваріи, Виртемберга и Помераніи ³⁾).

Важнѣе всѣхъ на депутаціонстагѣ былъ, по обыкновенію, голосъ Августа саксонскаго, государя близко знакомаго съ положеніемъ дѣлъ

sehe mechtig werden sollte hetten E. L. zu bedencken was für einen beschwerlichen vnd gefährlichen nachbar man an jme haben würde.

¹⁾ Sondern auch die Lübsche schiffe so zur Narue inn See starck ir winterlager haben, anzuhalten, mit engelschen vnd deutschen zubemhannen vnd also vns alle Pass vnd zufuhr zu wasser zubenehmen vnd zu behindern geneigt sein soll. Quod hodie mihi, cras alterj. Ср. Генрихъ Брауншвейрскій Августу. Donnerstag nach Oculi 1561. То-же въ письмѣ Кетлера Барниму 12-го марта 1561. Барнимъ Августу, 4-го мая: Dann wir in glaubliche erfahrung kommen, das der Musc. eine groasse antzall schiffe, die er von den Lübeschen vnd andern zur Narua erkaufft hatt, vnd noch thegliche erkaufft, vnd ann sich bringet, mit geschütz vnnnd kriegsvolck, darunder Deutsche, Spannier vnd Engelder sein, bewehret vnd gerustet habe vnd willens sein soll, Liff. damit zu wasser antzugreifen, jhneun Froui dant vnd zufuhr abzustricken, vnd seinen willens jnn der ostsee, wieder Lifflandt vnd andere angesessene damit zuschaffen.

²⁾ Die allerschedtlichste Schiffart uff die Narue vnd Reusslandt.

³⁾ Vmb mitleidliche hufft, vermuge voriges reichsabschids.

на сѣверѣ и кромѣ того родственника датскому королю. Черезъ своего совѣтника Георга Кракау онъ далъ знать собранію, что помощь ливонцамъ въ настоящее время рѣшительно необходима; они представлены сами себѣ и не въ силахъ противиться численно и материально превосходящему ихъ врагу. Кракау передалъ также собранію мнѣніе своего государя—ни въ какомъ случаѣ не откладывать посольства въ Москву ¹⁾).

Императоръ Фердинандъ I, посвятившій ливонскому вопросу нѣсколько сотенъ писемъ, былъ, какъ мы уже выше указали, силою обстоятельствъ осужденъ на пассивную роль въ военныхъ событіяхъ. Въ разбираемой борьбѣ Ливоніи съ Россіей онъ часть вины складывалъ на самихъ ливонцевъ. Въ письмѣ, которое онъ прислалъ въ Шпейеръ, онъ особенно подчеркиваетъ безпечность самихъ ливонцевъ, занятыхъ внутренними смутами и интригами, ихъ несвоевременныя глупыя, своекорыстныя и безучастныя. „Если внутри Ливоніи такія смуты и безпорядки, то всякая помощь напрасна“. Слѣдуетъ обо всемъ вести справки и тогда уже рѣшиться на какия нибудь мѣры, могущія предупредить паденіе ордена. Князьямъ надежить, пишетъ имъ Фердинандъ, всего ревностнѣе стараться объ удержаніи Ливоніи за имперіей. Если ливонцы отдадутся кому нибудь изъ иностранныхъ государей, то имъ нечего ждать помощи отъ имперіи.

Съ своимъ письмомъ Фердинандъ отправилъ шпейерскимъ депутатамъ и копии съ писемъ къ нему Гамбурга и Любека, въ которыхъ оба города заявляютъ, что не могутъ доставить ливонцамъ никакой денежной помощи ²⁾).

¹⁾ Дрезд. арх. Etzliche auf dem Deputationstag zu Speijer A° 1560 vbergebene schriften anlangende der liefländischen Kriegsbeschwerunge von dem Moscowitter. 10, 22. Августъ пишетъ Кракау 24-го декабря... Das die Lifländer nit gar trost vnd hulfloss gelassen, noch die dinge weitlœufig vorzogen, sondern auf disem deputation tage von einer hulf an gelt zu jrer rettung möchte gehandelt werden, Doch, das auf keinen heubtzug, so diestende des Reichs fur sich furnehmen solten, geschlossen werde, vnd das auch die bedachte beschickung an die Moscowitter von wegen der K. M. vnd anderer potentateu geschee.

²⁾ Мюнх. арх. Письмо Фердинанда отъмѣнено 20-го октября Вѣна. „Wolgeborner vnnnd Ersame gelerte Lieben getrewen, was der Hochgeborn Iohannns Albrecht Hertzog zu Meckelnburg, vnnsrer lieber Ohaim vnnnd Fürst der grossen noth, gefar vnnnd betrangnuss halben, darjnn die Liefflannd von wegen dess Moscowitters gwaltigen feindlichen fürprechens stecken, schriftlich an vnns gelangen lassen, das haben Jr ab hiebaj verwarten abschriften seiner lieb derhalben an vns geschanen schreibens vnnnd beiliggenden einschlossen ferner zuuernemen, welche wir

Мы привели главныя мнѣнія, высказанныя и съ подробностью развитыя на шпейерскомъ депутатіонстагѣ; много въ нихъ преувеличеннаго, много просто и вымысла; каждый изъ подававшихъ свое мнѣніе князей хотѣлъ превзойти другъ друга цвѣтностью описанія московской тиранніи, чѣмъ и объясняются такія нелѣпости, какъ напримѣръ, употребленіе татарами въ пищу маленькихъ дѣтей и т. п. Велики были глаза у трусливыхъ князей Германіи! Чего, чего не приписывали они алчному варвару: мало ему Балтійскаго моря, говорили они, взоры его направлены и на всю линію прибрежныхъ княжествъ Германской имперіи; онъ стремится захватить и Мекленбургъ, и Пруссію и чуть ли не всю Европу покорить своему скипетру. Вотъ сколько безпокойства и тревоженія въ политическомъ мірѣ Европы надѣлало желаніе московскаго царя пріобрѣсти какой нибудь пунктъ на Балтійскомъ морѣ, чтобы имѣть возможность завязать прямыя непосредственныя сношенія съ Западной Европой. Сказочный страхъ князей не былъ и на половину искреннимъ, иначе бы они не ограничивались одними словами; сознавая свое безсиліе вступить въ борьбу за ливонцевъ, они кромѣ того совершенно не принимали къ сердцу судьбы ихъ, а искали только случая

euch darumb vberschicken, dieselben den andern der Stennde deputierten haben zu communiciern vnnnd sambt, vnnnd neben jnen den handl stattlich vnnnd mit vleiss zuerwegen vnnnd zuberathschlagen, vnnnd was der sachen notturfft vnnnd gelegenheit erfordern wirdet, darunder zuhandlen, fürzunehmen, zuschliessen vnd jns werck richten zuhelffen; vnnnd nachdem sich aus den vberschickten schriften befindet, das es gar vnrichtig jn Lifland durch einander geet, die Stifft meisten theils profaniert werden, vnnnd die jenigen so pillich zusammen setzen, vnnnd einer dem andern die haandt pieten vnnnd trewlich bey einander steen solten, vnder jnen selbs zwitrechtig sein, vnnnd etlich derselben gegen einander zu veld ziehen vnd selbs einander engstigen vnnnd plagen sollen, so will von nöten sein desshalben aigentliche erfurung vnd erkundigung zuuemen vnnnd jn der berathschlagung guet achtung auff solche zu haben.

Dann da die sach derinnassen geschaffen sein solle, wurde vnnsrer erachtens nit ratsam sein, denn Liefhendern ainige hilf zubewilligen, vnnnd da die gleich bewilligt bey denselben nichts oder je wenig erschiessen, Derhalben wo daselbst vonn ainicher hilf denn Liefffenndern zulaisten geredt werdenn wolt, mögen Jr vonn vnssern wegenn, hofflich auch alle für euch selb vermeldenn, dass die hohe notturfft erfordern wölte, vor aller dingen sich zubefleissen, damit die vnrichtigkeiten auffgehoben, die Liefffendischen Stennde gegen ainander befridigt auch dass Land sonnst bey dess heyl. Reichs gehorsam erhalten, vnnnd kains wegs anndern Potentaten oder herrschaften vnderworffen werde, dann sonnst könnten wir nit befinden, wie ainiche hilf bey denn Lifffenndern erschiessen möchte.

самимъ утвердиться въ Ливоніи, стянувши клокъ сѣна изъ этого „огромнаго воза безъ хозяина“, какъ Ливонію называлъ одинъ современникъ. Выступая, повидимому, безкорыстными защитниками цѣлости Ливоніи, они на самомъ дѣлѣ завязывали сношенія съ отдѣльными представителями ордена, чтобы, войдя въ компромиссъ съ ними, обезпечить за собою гавань или укрѣпленный пунктъ; такъ поступали Пруссія, Мекленбургъ, Швеція, Данія и Польша. Сыръ боръ загорѣлся вслѣдствіе того только, что земли, на которыя претендовали названныя государства, систематически занимались русскими. Лозунгомъ всѣхъ ихъ было не „за Ливонію“, а „за территориальное раздробленіе орденскихъ земель“; слова и дѣйствія расходились у нихъ на каждомъ шагу, и дѣло близилось къ такой развязкѣ, что одинъ за другимъ иностранные государи стали искать союза и дружбы съ Россіей; близорукіе же нѣмецкіе князья и города вовсе исключались изъ Ливоніи.

Рѣшенія, принятые на шпейерскомъ съѣздѣ, касались двухъ вопросовъ: посольства въ Москву и денежной помощи ливонцамъ. Относительно посольства всѣ сошлись на томъ, чтобы оно было оставлено съ большою торжественностью, и чтобы соблюденъ былъ этикетъ московскаго двора; послы, привѣтствуя царя отъ имени императора и князей, должны склонить его къ вѣчному миру съ имперіей и къ возвращенію ей всего, что русскіе успѣли завоевать въ Ливоніи ¹⁾, и затѣмъ принять мѣры, какъ бы обезпечить себя на будущее время отъ всякихъ новыхъ столкновеній съ московскимъ царемъ. Кромѣ представителей отъ императора, въ посольствѣ должны были принять участіе курфюрсты и князья Германіи, затѣмъ короли датскій, шведскій, англійскій и испанскій. Все было предусмотрено — и число посольской свиты, и число лошадей и пр. ²⁾. Одинъ только Генрихъ брауншвейг-

¹⁾ О ней сказано, что она принадлежит имперіи „bei vielen Jaren her, vnd lenger dann zu menschen gedencken erst reckhen thuet“.

²⁾ Мюнх. арх. Instruction. Darauf Wir Ferdinand von Gottes Gnaden etc. auch Churfürsten, Fürsten vnd Stände des heil. R. Reichs Teutscher Nation Die Wolgeborne Edle Eerenneste vnd hochgelerte Vnnsere vnd dess heil. R. R. Rethen vnd liebe getrewen aln den Grossmechtgisten Grossfürsten Inn der Moscau mit beuelch abgeferttiget. — Auss disen nachbeschribnen Grauen, Herrn vom Adel vnd gelehrten möchten die K. M. Ire Legation in die Moscau schepfen. Графы:

Franz von Thurn, welcher der aller tauglichist wer.

Ludwig von Stolberg vnd Kunigstein.

Philip von Eberstein, Landvogt in ober Elsass.

Joachim Schlickh, president der Behamischen cammer.

скій былъ противъ посольства, говоря, что оно не только не принесетъ никакой пользы, но дастъ поводъ царю возгордиться этимъ ¹⁾).

Что касается денежной помощи Ливоніи, то рѣшено было кромѣ 100.000 флориновъ, которые, по мнѣнію герцога мекленбургскаго, должны были немедленно быть доставлены въ Ливонію, собрать еще 400.000 тысячъ флориновъ, прибѣгнувъ ради этого даже къ экстреннымъ налогамъ ²⁾). На эти деньги имѣлось въ виду нанять нѣсколько отрядовъ кнехтовъ, которые должны были занять еще не предавшіяся московитамъ крѣпости.

Если шпейерскій съѣздъ 1560 года имѣлъ какой нибудь положительный результатъ, то онъ выразился только развѣ въ томъ, что всѣ признали необходимымъ прежде всего возстановить въ Ливоніи внутренний миръ, потушить въ ней безконечно длившіяся распри и интриги отдѣльных партій, парализовавшія всякую общность дѣйствій. столь необходимую для борьбы съ Россіей.

Важной мѣрою шпейерскаго „тага“ слѣдуетъ считать и запрещеніе всѣмъ городамъ и княжествамъ торговать съ Россіей и обращеніе къ липонцамъ, чтобы они не входили въ какія либо политическія сдѣлки ни съ Польшей, ни съ другими державами, такъ какъ это привело бы только къ нежеланному распаденію орденовскихъ земель и къ территориальному расширенію иностранныхъ государей на счетъ и во вредъ имперіи.

Итакъ, на будущее время рѣшено было снарядить въ Москву по-

Изъ дворянства также пять чловѣкъ (Warnstorf и др.); изъ ученыхъ: D. Stephan Schwartz, D. Prissman, Ioh. Hegenmüller dess Herrn Vicescantlers brueder. D. Thimotheus Jung.

¹⁾ Wir wissen vnd es durch tegliche Kuntschafft erfahren, dass der Feind sich in der gute nichts abhandeln zu lassen bedacht, er auch mutiger vnd stolzer dadurch gemacht, das er befindet, dass sich die Rom. Kays. Mayst. Churfürsten, Fürsten vnd das ganze Reich gegen ihn ernidrig, dass sie bey Ime vmb friedenbitlich anbalten lassen.

²⁾ Ann die andern Stende, als Prelaten Grafen, Herrn vnd Stätte were zu ernzigung des merern ernsts bey der sachen auch nit vnratksam ainen jeden jnsonderheit ueber einschliessung angeregt getruckhten Abschids, ain besonder E. M. ersuechung schreiben, zukommen zulassen, deren Innwendiger Inhalt, auch von wegen der vile vnd zu gewinnung der zeit, gleichermassen getruckht, von Eur K. M. vnd sonst gewendlicher weisse, vndertzaichnet, verschlossen vnd die Intitulation bey der hof Cantzley on sondern vortzug vnd mhue fuegelich vnd wol durch die feder kundte verfertigt werden, vast auf die weisse wie man vliegt die Reichstags Ausschreiben ausgeen zulassen.

согласіе, собрать въ пользу Ливоніи большую, чѣмъ согласились на аугсбургскомъ рейхстагѣ, сумму денегъ, запретить торговыя сношенія съ русскими и водворить внутренній порядокъ въ ордени,—программа, внѣ всякаго сомнѣнія, много обѣщавшая Ливоніи. Лучшею иллюстраціей дѣятельности князей и городовъ, истиннаго интереса ихъ къ судьбамъ Ливоніи, служить тотъ фактъ, что ни одинъ изъ поставленныхъ въ Шпейерѣ пунктовъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Пфальцъ и Майнцъ не желали принимать участіе въ денежномъ сборѣ, также и западные округа имперіи ¹⁾; города не желали пожертвовать своими торговыми интересами; иностранныя государства, пользуясь общей разладицей, утвердились—Швеція къ Эстляндіи, Данія на Эзелѣ, Польша въ Ливоніи. Правъ поэтому одинъ новѣйшій изслѣдователь, когда называлъ всю дипломатію Германской имперіи „дѣтскою игрой“—ein Kinderspiel.

Послѣ утвержденія шведовъ въ Эстляндіи, поляковъ въ Ливоніи, имперія, казалось, должна бы была съ большою энергіей взяться за дѣло; въ формальныхъ выраженіяхъ сочувствія и погони не было недостатка ни со стороны императора, ни со стороны князей, но какъ неплотворна была ихъ дѣятельность, покажетъ рейхстагъ въ Ютербокѣ и Лейпцигѣ. Безплодные переговоры, рѣшенія, не имѣвшія силы, безконечные процессы и жалобы, что такъ прекрасно передается въ техническихъ выраженіяхъ „queruliren, protestiren, dupliciren und tripliciren“,—вотъ результаты, какихъ достигли нѣмецкіе князья; это—безплодное политическое толченіе воды, обратившее, какъ говоритъ Дройзенъ, нѣмцевъ изъ народа высоко даровитаго, съ точно опредѣленными цѣлями, въ тупой и вялый народъ ²⁾.

Г. Форстенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ср. *Harnack*, 875. Мюнх. арх. Relatio 1561. Они совѣтовали Фердинанду „die subscriptiones breuitatis gratia gar vmbgehen“.

²⁾ *Preussische Politik*, V, 392.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ О НОВГОРОДСКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Въ нашей исторической литературѣ воть уже сорокъ лѣтъ держится мнѣніе, что первымъ писателемъ такъ называемаго Синодальнаго списка Новгородской лѣтописи до 1188 г. былъ священникъ при церкви св. Іакова на Добрыниной улицѣ, Германъ Воята, и что вся Новгородская лѣтопись по означенному списку писалась при этой же церкви. Это мнѣніе основано на статьѣ г. Прозоровскаго „Кто былъ первымъ писателемъ первой Новгородской лѣтописи“, помѣщенной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за іюль 1852 года. Свое мнѣніе ученый авторъ основываетъ на слѣдующемъ соображеніи: Тимофей-пономарь, переписчикъ Лобковскаго пролога, одно и то же лицо съ упоминающимъ о себѣ въ лѣтописи подъ 1230 г.; а такъ какъ Тимофей-переписчикъ былъ пономаремъ при церкви св. Іакова, а Германъ Воята, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1188 г., былъ священникомъ при той же церкви, то и выходитъ изъ этого, что лѣтопись велась при церкви св. Іакова. Но какой? На Софійской сторонѣ было только двѣ церкви св. Іакова: одна въ Неревскомъ концѣ и другая на Добрыниной улицѣ, въ Гончарномъ концѣ. Но о первой церкви въ лѣтописи говорится, какъ о посторонней для автора, всегда съ указаніемъ мѣста, гдѣ она находилась, слѣдовательно лѣтопись велась не тамъ. Не такъ упоминается о другой церкви, помѣщавшейся на Добрыниной улицѣ: извѣстій о ней всего четыре, и только разъ обозначено, гдѣ она находилась, а остальные три раза сказано просто „Св. Іакова“, да и означена одна улица, а не конецъ. Подъ 1188 г. сказано о смерти Германа Вояты, „іерея святого Якова“,—воть этотъ-то Германъ Воята и есть, по мнѣнію г. Прозоровскаго, первоначальный писатель Синодальнаго списка Новгородской лѣтописи. Другіе ученые

считаютъ Германа Вояту священникомъ при церкви св. Іакова въ Неревскомъ концѣ ¹⁾; тамъ, значить, писалась и лѣтопись.

Дѣйствительно ли это такъ? Велась ли въ самомъ дѣлѣ лѣтопись при одной изъ церквей св. Іакова въ Новгородѣ? Для рѣшенія этого вопроса выпишемъ извѣстія, касающіяся означенныхъ церквей, и не только за періодъ 1144 — 1188 гг., когда упоминается о Германѣ Воятѣ, но и за весь періодъ существованія изданныхъ въ настоящее время новгородскихъ лѣтописей. Извѣстія о церкви св. Іакова на Добрыниной улицѣ слѣдующія: подъ 1175 г. „сгорѣша церкви 3.... и святого Якова“ ²⁾; подъ 1181 г. „сѣрубиша церковь святого Іякова на Добрыни улицѣ“ ³⁾; подъ 1188 г. „переставися рабъ Іо-жій Германъ, иерей святого Ікова, зовемый Воята, служившю ему у святого Іякова полъпятнадцать лѣтъ въ кротости и смирении и богобоязньствѣ“ ⁴⁾; подъ 1423 г. „свершина дѣѣ церкви камены.... святого Якова на Лужицѣ“ ⁵⁾. О церкви св. Іакова въ Неревскомъ концѣ извѣстій больше; они слѣдующія: подъ 1172 и 1226 годами: „Заложиха церковь камину святого Якова въ Неревскомъ концѣ“ ⁶⁾; подъ 1208 г. „плака святая Богодица у святого Якова въ Неревскомъ концѣ“ ⁷⁾; подъ 1299 г. „въ святомъ Яковѣ сторожъ сгорѣ“ ⁸⁾; подъ 1340 г. „погорѣ Неревский конецъ даже и до святого Якова“ ⁹⁾; подъ 1342 г. „церкви 3 сгорѣша.... святой Яковъ каменная, ту и сторожъ сгорѣ, и мужъ добръ сгорѣ Есифъ Давидовичъ“ ¹⁰⁾. Что же представляютъ изъ себя эти извѣстія? Каковы они? Лѣтописцы обыкновенно выражаютъ особенную любовь къ мѣсту своего жительства и

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1862 г., июль, стр. 17—20, 23, 27. Арх. Филаретъ (Обзоръ русск. дух. лѣт., 45), ошибочно считающій въ Новгородѣ одну церковь св. Іакова въ Неревскомъ концѣ, и второй издатель Синодальнаго списка новгородскихъ лѣтописей.

²⁾ Повг. лѣт. по Синод. сп., стр. 152, изд. 1888 г.

³⁾ Ibidem, стр. 158.

⁴⁾ Лѣт. по Син. сп., стр. 162.

⁵⁾ Лѣт. по сп. археогр. комм., 412, по арх. сбор. 50. Лѣт. церкв. Бож., стр. 206, изд. 1879 г.

⁶⁾ Лѣт. по Син. сп., стр. 151 — 228. Лѣт. по архив. сб., стр. 9. Лѣт. церкв. Бож., стр. 193.

⁷⁾ Лѣт. по Син. сп., стр. 190. Лѣт. по арх. сб., стр. 15. Лѣт. церкв. Бож., стр. 201.

⁸⁾ Лѣт. по Син. сп., стр. 306. Лѣт. по арх. сб., стр. 23. Лѣт. церкв. Бож., стр. 211.

⁹⁾ Лѣт. по комм. сп., стр. 337. Лѣт. по арх. сб., стр. 29.

¹⁰⁾ Лѣт. по комм. сп., стр. 342.

къ лицамъ, среди которыхъ они живутъ, или частымъ упоминаніемъ объ нихъ, или тѣмъ, что обставляютъ всякое событіе, до нихъ касающееся, большими или меньшими подробностями; по поводу пріятныхъ или счастливыхъ событій они выражаютъ свою радость, при несчастныхъ обстоятельствахъ они выражаютъ скорбь. Что же, спрашивается, представляютъ свѣдѣнія о церквахъ св. Іакова? Обмолвился ли лѣтописатель хоть разъ какимъ либо выраженіемъ удовольствія или неудовольствія? Сообщилъ ли хоть при одномъ извѣстіи какія либо подробности? Церкви горятъ и строятся; по когда? — отвѣта нѣтъ; ни при одномъ изъ извѣстій о постройкѣ не указано ни одной подробности; „вершиша“, „заложиша“, „сѣрубиша“—это выраженія какія-то безучастныя, выраженія посторонняго лица. Еслибы писатель лѣтописи былъ при одной изъ этихъ церквей, онъ, безъ сомнѣнія, при извѣстіи о построеніи церкви не преминулъ бы упомянуть, когда она была заложена, чьими трудами церковь строилась, когда окончена постройкой, когда и кѣмъ освящена и т. п.,—подробности, образцы которыхъ разсыпаны по всему Синодальному списку новгородскихъ лѣтописей. Приведемъ примѣры, не выходя изъ предѣловъ 1144—1188 гг.: „Заложи архиепископъ Илия съ братомъ церковь камяну святыя Богородицы Благовѣщенне, и нача здати церковь маяя въ 21, на святую царю Костянтина и Елены: а коньяша мѣсяца августа въ 25, на святаго апостола Тита; а всего дѣла церковнаго зданія дней 70; и бысть крестьяномъ прибѣжище“¹⁾. Есть ли въ извѣстіяхъ о церквахъ св. Іакова хоть одно подобное извѣстіе? Наоборотъ, объ этихъ церквахъ говорится какъ-то мелькомъ, вскользь, какъ и о массѣ другихъ церквей. Да и самыхъ извѣстій, какъ мы видѣли, весьма немного²⁾, на что тоже слѣдуетъ обратить вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, неужели за время съ 1144—1333 г., то-есть, съ года посвященія въ іереи предполагаемаго писателя лѣтописи, вплоть до конца Синодальнаго списка не нашлось бы при церквахъ Св. Іакова извѣстій, достойныхъ внесенія въ лѣтопись, еслибы она тамъ велась: построеніе и украшеніе церквей, смерть іереевъ, въ особенности если признать, что нѣкоторые изъ нихъ были лѣтописцами и даже начальниками лѣтописцевъ,—все это непременно должно было бы найти себѣ мѣсто въ лѣтописи. Но мы ничего подобнаго не видимъ; мы видимъ

¹⁾ Лѣт. по Син. сп., стр. 155.

²⁾ Замѣтимъ, что собственно въ Син. сп. о церквахъ св. Іакова на Добрыниной улицѣ 3 извѣстія, а о другой церкви св. Іакова—4 извѣстія.

только рѣдкія, а по формѣ краткія и сухія, замѣтки, на основаніи которыхъ можемъ рѣшительно отвергнуть мнѣніе о Германѣ Воятѣ, священникѣ одной изъ церквей св. Іакова (но не извѣстно, какой: указаній нѣтъ), какъ о первомъ писателѣ Синодальнаго списка Новгородской лѣтописи; лѣтопись писалась не Германомъ Воятой и не при одной изъ церквей св. Іакова. Если не тамъ, то гдѣ же? По нашему мнѣнію, лѣтопись велась при той церкви, гдѣ былъ центръ всей новгородской жизни, при той церкви, которая считалась покровительницей Новгорода; мы разумѣемъ соборную церковь св. Софіи, премудрости Божіей. При этой главной, патрональной святыни Новгорода находился архивъ письменныхъ документовъ; тамъ хранились постановленія, договорныя грамоты и законы, тамъ на полатяхъ хранилась общественная казна, тамъ у владыки на сѣняхъ происходилъ главный судъ. При такомъ официальном значеніи церкви св. Софіи трудно примириться съ мыслью, что тамъ не велись записи въ лѣтописной формѣ. Да и по самому содержанію лѣтописей видно, что онѣ могли писаться только въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вполне была извѣстна дѣятельность какъ гражданской, такъ и духовной власти.

Если же признать за достовѣрное, что лѣтопись велась при Софійскомъ соборѣ, то какая была роль въ дѣлѣ лѣтописанія Германа Вояты? Очень скромная, — скромнѣе, чѣмъ роль Тимофея-пономаря. Если послѣднему мы могли приписать ¹⁾ три извѣстія, то Герману мы можемъ приписать только одно извѣстіе — о посещеніи его по іереи. Двѣ замѣтки о Германѣ Воятѣ принадлежать къ разряду тѣхъ замѣтокъ, которыхъ не мало разсѣяно въ новгородскихъ лѣтописяхъ — особенно въ лѣтописи по архивскому сборнику, какъ, напримѣръ: подъ 7087 г. „родился Печатой“; подъ 7043 г. „преставися государь мой батка Варлаамъ, инокъ скимникъ“; подъ 7053 г. „преставися оба мастера трапезныхъ“... „преставися братъ мой“ ²⁾. Вотъ къ числу подобныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ „памяти ради своей“, слѣдуетъ причислить и замѣтки о Германѣ Воятѣ. Вставки эти показываютъ, что Синодальный списокъ — не самостоятельная лѣтопись, а сводъ, при составленіи котораго авторы пользовались различными матеріалами — церковными, монастырскими и домашними записками; изъ этихъ замѣтокъ двѣ — о Германѣ Воятѣ — были записаны при церкви св. Іа-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1887 г., мартъ: О Тимоѣѣ пономарѣ, упоминаемомъ въ Синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи.

²⁾ Лѣт. по архивн. сборн., стр. 68 и 74.

кова. Занесеніе этихъ замѣтокъ въ сводъ доказываетъ только, что послѣдній былъ составленъ тогда, когда еще была жива въ Новгородѣ память о Воятѣ, человѣкѣ кроткомъ, смиренномъ и богобоязненнымъ, и составитель пояснилъ о немъ. Поэтому этихъ замѣтокъ нѣтъ въ позднѣйшихъ сводахъ, для составителей которыхъ личность Вояты была неизвѣстна.

Итакъ, Синодальный списокъ не подлинникъ, а сводъ, составленный на основаніи древнѣйшей лѣтописи, до насъ не дошедшей, съ добавленіями на основаніи бывшихъ у составителя матеріаловъ. Какъ дополнялась эта основная лѣтопись въ рукахъ позднѣйшихъ переписчиковъ, какъ она, такъ сказать, росла, — это отчасти можно видѣть изъ послѣднихъ приписокъ къ Синодальному списку, которыя въ позднѣйшихъ спискахъ (Академическомъ, Коммиссіонномъ и Толстовскомъ) Новгородской лѣтописи вошли уже въ текстъ. Вставочныхъ извѣстій, впрочемъ, какъ въ Синодальномъ, такъ и въ выше названныхъ позднѣйшихъ спискахъ, сравнительно съ другими лѣтописными сборниками, не много. Не упоминая о событіяхъ подъ 6940 г., на повтореніе которыхъ указано еще первымъ издателемъ Первой Новгородской лѣтописи ¹⁾, обратимъ вниманіе на слѣдующія извѣстія:

Подъ 6668 г. записаны слѣдующія извѣстія: „Приняша Новгородци Ростиславича Святослава, и *поправиша и въ Ладогу*, а княгню выпустиша въ монастырь святыя Варвары, а дружину его въ погребѣ въсажаша; и въѣдоша Мыстислава Ростиславича, внука Гюргева, мѣсяця июня въ 21. Той же зимѣ въдаша посадничество Нѣжатѣ, и *ведоша Святослава въ Ладогу*, и оттолѣ бѣжа въ Смоленскъ“ ²⁾. Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду два событія—сверженіе Святослава Ростиславича и заключеніе его въ Ладогу. Произошли они въ самомъ началѣ года, такъ какъ во всѣхъ лѣтописныхъ сводахъ — южнорусскомъ, сѣвернорусскомъ и новгородскомъ — и въ позднѣйшихъ сборникахъ они занимаютъ перное мѣсто въ ряду другихъ извѣстій того же года. Особенно они подробно записаны въ южнорусскомъ сводѣ, такъ какъ отецъ Святослава Ростиславъ княжилъ въ Кіевѣ; эти событія описаны такъ: „омше князя запрона в истопкѣ, а княгиню послаша в монастырь, а дружину его исковаша, а товаръ его разграбиша и дружины его; и потомъ послаша князя в Ладогу, приставивше сторожѣ многы к нему“. Затѣмъ разказывается о заключеніи въ тюрьму

¹⁾ Н. С. Р. Л., III, 111.

²⁾ Повг. лѣт. по Сип. сл., стр. 143—144.

Ростиславомъ кievскимъ новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Кіевѣ, о переговорахъ новгородцевъ съ Андреемъ суздальскимъ относительно назначенія князя, прибытія Мстислава и бѣгства Святослава¹⁾. Такимъ образомъ, по разказу южнорусскаго свода, очевидно достоверному, хотя и записанному по слухамъ, ссылка Святослава въ Ладогу была раньше прибытія въ Новгородъ (21-го іюня) Мстислава Ростиславича, что вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему новгородцамъ такъ долго было до зimy держать князя Святослава въ Новгородѣ. Безъ сомнѣнія, имъ нужно было совершенно покончить съ нимъ прежде, чѣмъ придетъ новый князь. Значить, разказъ южнорусскаго свода достоверенъ. Между тѣмъ по новгородскому своду выходитъ, какъ будто бы Святослава два раза ссылали въ Ладогу, одинъ разъ весной въ началѣ 6668 г. и въ другой разъ — „зимѣ“. Слѣдовательно, одно изъ этихъ извѣстій, и именно второе, представляетъ изъ себя вставку, взятую позднѣйшимъ составителемъ изъ посторонняго источника, на что указываетъ несходство обоихъ извѣстій и по формѣ.

Подъ 6813 годомъ записано слѣдующее извѣстіе: „Священъ бысть церкви святого мученику Бориса і Глѣба великимъ священникомъ архиепископомъ Новгородскимъ Фектистомъ, мѣсяца декабря 9, на зачатіе святыхъ Анны, въ державу Христоролюбиваго князя Михаила“. Подъ 6814 и 6815 гг. пропускъ. А подъ 6816 г. записано: „сѣде князь великій Михаилъ Ярославичъ, внукъ великаго Ярослава Всеволодича, въ Новгородѣ на столѣ, въ недѣлю на Соборъ Святыхъ отецъ 630, іже в Халкидонѣ“²⁾. Разсматривая эти извѣстія, мы видимъ, что 1) первое должно бы стоять послѣ втораго извѣстія, 2) Михаилъ называется Христоролюбивымъ, что, какъ выраженіе симпатіи къ нему, противорѣчитъ общему взгляду лѣтописца и новгородцевъ на Михаила. Новгородцы не могли похвалиться особенною любовью къ нему: когда въ 1304 г., по смерти Андрея Александровича, тверичи насильно послали своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, новгородцы не приняли ихъ, но, совокупивъ всю Новгородскую землю, пошли въ Торжокъ оберегать его отъ тверичей. И вдругъ подъ слѣдующимъ годомъ, ни слова не сказавъ о посаженіи его на столъ, лѣтописецъ говоритъ о немъ, какъ о новгородскомъ князѣ; наконецъ 3), послѣднее извѣстіе—о посаженіи Михаила на столъ—невѣрно отнесено къ 1308 г. Соборъ Св. Отецъ 630, іже въ Халкидонѣ, празднуется

¹⁾ Лѣт. по Ил. сп., стр. 350.

²⁾ Лѣт. по Сн. сп., стр. 310.

16-го іюля, которое въ 1308 г. было не въ воскресенье, какъ означено въ лѣтописи, а во вторникъ; въ воскресенье же 16-го іюля, было въ 1307 г. (6815 г.). Слѣдовательно, извѣстіе о вступленіи Михаила на столъ поставлено годомъ позже, чѣмъ подтверждается позднѣйшими списками Новгородской лѣтописи, въ которыхъ нѣтъ предъ извѣстіемъ о вступленіи Михаила на столъ цифры „6816“ и другими лѣтописными сводами—Воскресенскимъ, Софійскимъ и Никоновскимъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ этихъ извѣстіяхъ заключается путаница, которая, по нашему мнѣнію, съ достаточною достовѣрностью объясняется слѣдующимъ образомъ: по какой-то неизвѣстной намъ причинѣ—вслѣдствіе ли потери листовъ, или вслѣдствіе того, что нѣкоторые годы не были описаны,—только въ подлинной, до насъ не дошедшей лѣтописи былъ пропускъ; переписчикъ такъ называемаго Синодальнаго списка при своей работѣ нашелъ отдѣльную запись объ освященіи церкви Бориса и Глѣба, сдѣланную при этой церкви; но такъ какъ въ этой записи годъ освященія былъ, по всей вѣроятности, не обозначенъ, а сказано было только, что это случилось „въ державу Христомлюбнаго князя Михаила“, то онъ, при пропускѣ въ подлинникъ нѣсколькихъ лѣтъ, и не могъ поставить это извѣстіе въ надлежащемъ мѣстѣ. Этою же испорченностью или отсутствіемъ описанія нѣсколькихъ лѣтъ въ подлинной лѣтописи объясняется невѣрное отнесеніе переписчикомъ времени вступленія Михаила на столъ къ 6816 году.

Подъ 6844, 6845 и 6846 гг. находится группа извѣстій, касающихся Вхоіерусалимской церкви; именно, подъ 6844 г. говорится о zaloженіи церкви, подъ 6845 г. о совершеніи и освященіи ея и подъ 6846 г. объ украшеніи живописью²⁾. И здѣсь составитель сборника новгородскихъ лѣтописей неумѣло воспользовался находившимися у него въ рукахъ матеріалами; дѣло въ томъ, что при извѣстіи объ окончаніи постройкой и освященіи сказано: „поставлена бысть въ 9 педѣль“. Но тутъ выходитъ уже годъ съ значительнымъ лишкомъ. Поэтому въ лѣтописи Божиимъ церквамъ эти событія вѣрнѣе приурочены къ 6844 г.³⁾. И эту путаницу мы объясняемъ тѣмъ, что у со-

¹⁾ Лѣт. по архивн. сборн., стр. 25. Лѣт. церкв. Бож., стр. 213. Воскр., II. С. Р. Л., VII, 186; Соф. I, II. С. Р. Л., V, 204; Ник., II. С. Р. Л. X, стр. 176. Только въ Тверск. лѣт. годъ занятія Новгородскаго стола означенъ 6818 (II. С. Р. Л. XV, 408). Объ освященіи церкви Бориса и Глѣба въ другихъ новгородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ.

²⁾ Прод. Новг. лѣт. по си. археограф. комм., стр. 332, 333 и 334.

³⁾ Лѣт. Новг. церкв. Бож., стр. 218.

ставителя новгородскаго свода была подъ руками отдѣльная записъ объ этихъ событіяхъ, сдѣланная при Входаіерусалимской церкви, съ обозначеніемъ только 6844 и 6846 гг., то-есть, годонъ построения и украшенія церкви, при извѣстїи же объ освященїи только сказано „того же лѣта“. Составитель по ошибкѣ обозначилъ эти извѣстїя подъ разными годами. Записи сдѣланы, очевидно, при означенной церкви, потому что никому, кромѣ какъ заинтересованному въ этой церкви, не могла быть извѣстна такая подробность, что въ тотъ же день, какъ наняли живописца, онъ „нача писати“. Кромѣ того, всѣ событія обозначены цифрами.

Считаемъ за отдѣльную записъ подъ 6907 г. ¹⁾ о построенїи и освященїи владыкой Іоанномъ каменной церкви Покрова Богородицы въ Звѣринскомъ монастырѣ, такъ какъ все извѣстїе отличается чрезвычайною теплою и любовью къ владыкѣ,—есть не что иное, какъ молитвенное обращенїе къ Богородицѣ о сохраненїи цовопостроеннаго храма до конца міра, о благоденствїи и долгодѣтїи архїепископа.

Подъ 6926 г. ²⁾ помѣщена отдѣльная записъ о мятежѣ въ Новгородѣ; слогу записи живой и рѣзко отличается отъ предыдущаго и послѣдующаго лѣтописнаго изложенїя. Съ признакомъ отдѣльности записъ сохранилась въ лѣтописи по архивному сборнику, гдѣ она оканчивается словомъ „аминь“. Тамъ же она находится въ болѣе полномъ видѣ. Изъ добавленїй укажемъ на эпизодъ, какъ одна женщина нанесла нѣсколько ударовъ Дмитрію Ивановичу Божицу внуку, изъ-за котораго произошелъ мятежъ, о громѣ и молніи съ дождемъ и градомъ во время мятежа, о присутствїи юрьевскаго архимандрита Варлаама у владыки въ то время, когда послѣдній рѣшился употребить духовное оружіе для укрощенїя мятежа, и приглашенїе архїепископа къ архимандриту слѣдовать за нимъ. Изъ иныхъ случаевъ эти дополненїя служатъ къ большей ясности разказа; такъ, въ записи, сохраненной въ спискѣ Коммиссіонномъ и др., сказано: „приде посадникъ Федоръ Тимофѣевичъ съ иными посадники и съ тысячники, поклонившася владыцѣ; владыка послуша моленїя ихъ“. Изъ лѣтописи по архивному сборнику въ этомъ мѣстѣ находится слѣдующая прибавка, уясняющая разказъ: „кляняхуса владыцѣ, глаголюще: да уставишь народы“. Записъ сдѣлана на Софійской сторонѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ выраженїй: „прибѣжавше они на свою Торговую сторону“;

¹⁾ Прод. новг. лѣт. по св. арх. комм., стр. 389.

²⁾ Ibidem, 406—408. Лѣт. по арх. сб. стр., 42—45.

„услышавъ же *она* сторона святителево прихождение, и прииде к нему посадникъ Федоръ Тимофѣевичъ“; запись сдѣлана близкимъ и преданнымъ владыкѣ лицомъ.—можетъ быть, даже кѣмъ либо изъ клироса св. Софін.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ извѣстіями, записанными на Софійской сторонѣ. Въ лѣтописи по Синодальному списку есть извѣстіе, записанное, очевидно, на Торговой сторонѣ; именно, подъ 6807 г. разказывается о пожарѣ 18-го апрѣля, въ великую субботу, на Варяжской улицѣ: „і вержеся огонь“,—говорится,—„из Нѣмецкаго двора в Перепскій конецъ, загорѣся на Холоныи улицы, а *тамо* того силѣе огонь, а Неревляне на *оной* сторонѣ“¹⁾.

Въ заключеніе укажемъ на извѣстіе, записанное вѣдѣ предѣловъ Новгорода, хотя и въ Новгородской области—это извѣстіе о постройкѣ и освященіи церкви Преображенія въ Русѣ архіепископомъ Евфиміемъ въ 1442 г.²⁾ „В той же день“—сказано,—„*приѣха* из Новагорода архіенископъ“. Безъ сомнѣнія, это выраженіе могло быть употреблено только жителемъ Руси; подъ перомъ новгородца должно было бы стоять не „*приѣха*“, а одно изъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ выраженій: „*поѣха*“, „*иде*“, „*поиде*“ или, наконецъ, „*выѣха*“.

Такимъ образомъ изъ всего изложеннаго выше, полагаемъ, можно заключить, что новгородскія лѣтописи ни въ Синодальномъ—древнѣйшемъ, ни въ другихъ, болѣе позднихъ, спискахъ не дошли до насъ въ подлинникѣ, а представляютъ изъ себя такіе же своды, какъ и другія лѣтописи, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что новгородскіе своды имѣютъ своимъ матеріаломъ главнымъ образомъ записи, не выходящія изъ предѣловъ Новгородской земли.

Им. Тихомирень.

¹⁾ Лѣт. по Син. сп., стр. 304—305. Лѣт. по арх. сб., стр. 23, 24. Косвеннымъ доказательствомъ того, что запись сдѣлана на Торговой сторонѣ, можетъ служить съ одной стороны то, что въ извѣстѣи, сохраненномъ въ „Лѣтописцѣ церквамъ Божиимъ“ (стр. 211, 212), перечисляются всѣ церкви, сгорѣвшія во время пожара на Торговой сторонѣ, а съ другой, что самое извѣстіе о пожарѣ поставлено въ немъ не на мѣстѣ — послѣ извѣстія о смерти архіепископа Климента, случившейся 22-го мая.

²⁾ Прод. Новг. лѣт. по си. арх. пом., стр. 421, 422.

СОСТАВЪ И ИСТОЧНИКИ НАЧАЛЬНОЙ ГРУЗИНСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Со времени появленія статьи профессора К. П. Патканова о древней грузинской хроникѣ довѣріе къ грузинской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ лѣтописи царя Вахтанга VI, поколебалось; нѣкоторые изъ изслѣдователей Кавказа признали даже не подлежащимъ сомнѣнію мнѣніе покойнаго армениста о позднемъ происхожденіи грузинской хроники, представляющей будто бы „неудачную компиляцію“, составленную малограмотнымъ армяниномъ въ XII вѣкѣ¹⁾. Приговоръ, произнесенный проф. Паткановымъ, представляетъ лишь повтореніе мысли, высказанной еще пресловутымъ скептикомъ барономъ Врамбсусомъ (Сенковскимъ) и воспроизведенной также въ распространенномъ въ 40-хъ годахъ Энциклопидическомъ словарѣ. Тотъ самый Сенковский, который „Слово о полку Игоревѣ“ отодвигалъ къ XVII вѣку, считая его ученическимъ упражненіемъ на заданную тему по пѣтикѣ, упорно настаивалъ, что у грузинъ не могло быть никакой письменности до XII вѣка, на томъ основаніи, что будто къ этому только времени они успѣли спуститься на равнину съ дикихъ ущелій Кавказскаго хребта²⁾. Такимъ образомъ, профессоръ Паткановъ явился поборникомъ отрицательнаго взгляда Сенковского на грузинскую лѣтопись, первые записи которой оба согласно относятъ къ XII вѣку. Но грузинская лѣтопись „Картлис-Цховреба“ имѣетъ и ревностныхъ защитниковъ. За достовѣрность ея стоятъ Вивіентъ Сень-Мартенъ, академикъ Броссе, грузинологъ Ба-

¹⁾ О древней Грузинской хроникѣ, статья проф. Патканова (*Журналъ Министрства Народнаго Просвѣщенія*, 1883 г., декабрь).

²⁾ „Нѣкоторые сомнѣнія касательно исторіи Грузіи“ (*Библиотека для Чтенія*, 1838 г., стр. 151—178).

крадзе ¹⁾, который еще при жизни профессора Паткашова возражалъ ему по поводу отрицательнаго его отношенія къ грузинской лѣтописи. Однако, мнѣніе о „Картлисъ-Цховреба“, какъ о „мутномъ источникѣ“, очень укрѣпилось въ литературѣ, быть можетъ, потому, что лицами, незнакомыми съ данными вопроса, отрицательные взгляды усваиваются охотнѣе, чѣмъ положительные.

Мнѣніе о позднемъ происхожденіи грузинской лѣтописи держится на одномъ крупномъ недоразумѣніи. „Картлисъ-Цховреба“ дѣлится на двѣ неравномѣрныя части: первая изъ нихъ заканчивается временемъ царя Георгія Блистательнаго въ началѣ XIV вѣка, вторая же касается событій послѣдующей жизни Грузин. Первая часть, судя по словамъ историка Вахушти, была составлена по приказанію царя Вахтанга VI, а вторая предпринята и исполнена самимъ Вахушти, который, впрочемъ, внесъ свои поправки, съ цѣлью устраненія противорѣчій, и въ предыдущую часть, обозначаемую именемъ Вахтанга. Такимъ образомъ, грузинскіе анналы представляютъ прежде всего соединенію двухъ разновременно составленныхъ историческихъ сочиненій. Почему же, въ такомъ случаѣ, вся грузинская лѣтопись приписывается царю Вахтангу? Дѣло въ томъ, что нѣкоторые списки „Картлисъ-Цховреба“ открываются замѣткой, гласящей, что грузинскій царь Вахтангъ VI, найдя хроникау обезображенною, созвалъ свѣдущихъ лицъ и при ихъ содѣйствіи свѣрилъ ее съ отдѣльными хрониками Грузин, хартіями Мцхета, Гелати и другихъ монастырей, какъ равно и княжескихъ родовъ, исправилъ ее и пополнилъ извлеченіями изъ исторій армянскихъ и персидскихъ. Эта замѣтка, принадлежащая изобрѣтательности царевича Теймураза, автора „Исторіи Иверіи“ (С.-Пб., 1848 г.), и впоследствии вставленная вмѣстѣ съ начальнымъ листомъ въ экземпляры старой лѣтописи Академіи Наукъ и Румянцевскаго музея ²⁾, укрѣпила ложное мнѣніе, что „Картлисъ-Цховреба“, которую мы нынѣ имѣемъ въ печати, есть хроника, исправленная или даже составленная Вахтангомъ VI въ XVIII вѣкѣ. По такое мнѣніе о происхожденіи грузинской лѣтописи легко устранится тѣмъ обстоятельствомъ, что намъ извѣстенъ ва-

¹⁾ V. Saint-Martin, Recherches sur les populations du Caucase, p. 53, 54, 72. Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase, II, 25—28. Бахрадзе, Исторія Грузин, Тифлисъ, 1889 г., стр. 50—52.

²⁾ Броссе, „Картлисъ-Цховреба“, грузинскій текстъ, стр. 15, прим. 1. Мой докладъ на VIII археологическомъ сѣздѣ „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея“.

ріантъ лѣтописи, переписанный для царицы Маріи между 1636 — 1646 г. ¹⁾), то-есть, когда Вахтанга VI еще не было на свѣтѣ. Сравнивая между собою эти различные варианты „Картлис-Цховреба“, вполне можно заключить, что участіе царя Вахтанга VI въ составленіи лѣтописи въ тѣхъ манускриптахъ, которые прошли черезъ его редакцію, ограничивается вставками и нѣкоторыми наслоеніями, неизвѣстными въ спискѣ царицы Маріи. Итакъ, фактъ существованія грузинской лѣтописи до Вахтанга засвидѣтельствованъ: 1) словами историка Вахушти, приписывающаго Вахтангу лишь инициативу приведенія въ извѣстность историческихъ записей перваго періода, до Георгія Блестательнаго, и 2) вариантом грузинской лѣтописи царицы Маріи, существенно сходнымъ съ исправленными царемъ Вахтангомъ списками „Картлис-Цховреба“.

Первая часть „Картлис-Цховреба“, о времени до XIV вѣка, возбуждала преувеличенное недовѣріе въ изслѣдователяхъ отрицательнаго направленія. Скептицизмъ этотъ обуславливался минимымъ отсутствіемъ историческихъ памятниковъ ранѣе XII вѣка. Но къ этому времени относится переводъ на армянскій языкъ не дошедшей до насъ грузинской лѣтописи, помѣщенной у академика Броссе въ „Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie“ подъ именемъ „Chronique Arménienne“. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность указать на еще болѣе раннія историческія сочиненія, вошедшія впоследствии въ „Картлис-Цховреба“, и вообще разложить лѣтопись на составныя ея части, выдѣлить изъ нея отдѣльныя хроники, сказанія очевидцевъ, жизнеописанія святыхъ царей и именитыхъ дѣятелей. Итакъ, какіе источники были у автора начальной грузинской лѣтописи? Въ 1890 г. въ Тифлисѣ издавы были г. Такайшвили два чрезвычайно важныхъ историческихъ документа, проливающіе совершенно новый свѣтъ на древнюю исторію Грузіи: это *Три хроники* и *Новый вариантъ житія св. Нины*. Первый памятникъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что одно изъ его сказаній, именно „Обращеніе Грузіи“ ²⁾), является самымъ древнимъ, донинѣ извѣстнымъ въ печати, историческимъ источникомъ. „Три хроники“ заключаютъ въ себѣ, кромѣ сказанія объ обращеніи Грузіи, хро-

¹⁾ *Бакрадзе*, Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи, С.-Иб., 1887 г., стр. 15 — 16.

²⁾ „Обращеніе Грузіи“ и „Новый вариантъ житія св. Нины“ составляютъ въ сборникѣ одно цѣлое, раздѣленное самимъ издателемъ на двѣ части съ двумя названіями.

нику Сумбата и хронику Месхійскую. „Обращеніе Грузин“, какъ источникъ, называется еще „Картлисъ-Цховреба“, но непосредственно впервые оно открыто въ 1889 году въ такъ называемомъ Шатбердскомъ сборникѣ ¹⁾. Хотя „сборникъ“, переписанный въ Шатбердскомъ монастырѣ, по мнѣнію покойнаго Бокрадзе, допеденъ переписчикомъ его, инокомъ Іоанномъ, до IX вѣка, но „Обращеніе Грузин“, нашедшее мѣсто въ разнообразномъ по содержанію сборникѣ, относится къ VII вѣку, ко времени Стефаноса II (639—663). Это предположеніе основывается на томъ соображеніи, что до этого царя хроника приводитъ нѣкоторые важныя историческія событія, а съ VII до IX вѣка (Гварама, Эриваста, Эривостовъ) представляетъ лишь сухой перечень Эривостовъ, вѣроятно, присоединенный къ древней части „Обращенія“, спустя два вѣка послѣ его составленія. „Обращеніе Грузин“ вмѣстѣ съ „Новымъ вариантомъ житія св. Нины“ представляетъ одинъ изъ тѣхъ источниковъ, которые легли въ основаніе грузинской лѣтописи. При сравненіи этихъ вновь открытыхъ памятниковъ съ печатнымъ текстомъ „Картлисъ-Цховреба“, становится очевиднымъ фактъ прямого заимствованія составителемъ лѣтописи изъ „Житія св. Нины“ главы о хитонѣ Господнемъ, принесенномъ изъ Іерусалима во Мцхетъ свреемъ Элїозомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь возможность назвать одинъ изъ важныхъ источниковъ начальной грузинской лѣтописи, хорошо извѣстный ея составителю, судя по ссылкѣ на этотъ памятникъ ²⁾. Вторымъ источникомъ для составителя грузинской лѣтописи служила Хроника Сумбата. Грузинская лѣтопись ее называетъ ³⁾, но до открытія варианта Картлисъ-Цховреба царицы Маріи мы не могли опредѣлить, что принадлежало Сумбату. Въ лѣтописи царицы Маріи эта хро-

¹⁾ „Шатбердскій сборникъ“ писанъ уставнымъ „хуцурі“ (церковный алфавитъ) съ 1 до 256 стр., а съ 256 до 281 пополамъ съ мелкимъ „хуцурі“. Переписчикъ его—инокъ Іоаннъ (Иванѣ), жившій въ IX—X вв. Содержаніе сборника крайне разнообразно. Нѣкоторое знакомство съ нимъ можетъ дать моя записка въ XII книжкѣ *Этнографическаго Обозрѣнія*.

²⁾ „Картлисъ-Цховреба“, стр. 31—41: „какъ объ этомъ писано въ Обращеніи Грузин“.

³⁾ Цѣлая глава о Багратидахъ приписывается въ лѣтописи этому Сумбату: „Жизнь и свѣдѣнія о царяхъ нашихъ Багратидахъ, откуда они прибыли въ эту страну (то-есть, въ Грузію) и съ какихъ временъ царствуютъ въ Картли, описанныя Сумбатовъ, сыномъ Давида“. („Картлисъ-Цховреба“, грузинскій текстъ, т. I, стр. 161, прим. 3).

ника выдѣлена въ особую главу, а въ „Картлис-Цховреба“ прошедшая черезъ редакцію царя Вахтанга Хроника Сумбата разбита на части и внесена разрозненно въ различныхъ мѣстахъ. Теперь, когда Хроника Сумбата стала извѣстна въ полномъ своемъ видѣ, легко собрать разбросанныя ея части въ печатномъ текстѣ Картлис-Цховреба, исправленной и дополненной царемъ Вахтангомъ.

Мы можемъ и съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ назвать и авторовъ „Обращенія Грузія“ и „Хроники Сумбата“. Въ вариантѣ лѣтописи, принадлежащей царевичу Теймуразу, упоминается, что „Обращеніе Грузія Ниной“ написалъ Леонтій Мровели ¹⁾, описывающій страданіе св. Арчила (VII — VIII в.). Имя составителя Хроники Сумбата вскрывается въ самомъ памятникѣ: его авторъ „Сумбатъ, Эрстовъ Эрстововъ, мужъ праведный, сынъ Давида машнали (правителя) изъ Артануджи“ ²⁾. Хроника Сумбата обнимаетъ время съ VI до XI вѣка (до Баграта IV, царствовавшего съ 1027 до 1072 г.). Третій источникъ начальной грузинской лѣтописи, часто ею называемый, — „Книги персидскія и армянскія“. При сличеніи „Новаго варианта житія св. Нины“ съ лѣтописными о просвѣтителѣ Грузіи извѣстными обнаруживается, что составитель „Картлис-Цховреба“ пользовался „армянскою книгой“, историкомъ Агаангеломъ, въ той части хроники, которая касается армянскихъ святыхъ Ригилин и Гаіаны. Повѣствованіе этого армянскаго писателя IV вѣка, изданіе переведенное на грузинскій языкъ ³⁾, послужило источникомъ подробнаго разказа о мученической кончинѣ свв. дѣвъ армянскихъ, извѣстнаго намъ лишь по вариантамъ „Картлис-Цховреба“. Если теперь для насъ стало возможнымъ выдѣлить изъ грузинской лѣтописи названные выше три ея источника, благодаря тому, что они открыты въ первоначальномъ непосредственномъ видѣ, то другіе памятники, легшіе въ основаніе лѣтописи, пока ждутъ счастливаго случая выйдти на свѣтъ. Мы до сихъ поръ не въ состояніи опредѣлить, что собственно принадлежитъ Джваншеру, протоіерею Іоанну и другимъ хроникерамъ, упоминаемымъ лѣтописью. Вліяніе же ихъ записей при составленіи древней части хроники не подлежитъ сомнѣнію.

¹⁾ *Картлис-Цховреба*, I, стр. 181. *Brosset*, Histoire de la Géorgie, I, 353, n. I.

²⁾ Хроника Сумбата, стр. 64. Ср. *Бакрадзе*, Исторія Грузіи, Тифлисъ, 1889, стр. 55.

³⁾ Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, *А. Цацарели*, С.-Пб., 1886 г. Вып. 1-й, стр. 7.

Въ началѣ царствованія Іоанна въ VIII вѣкѣ читается въ лѣтописи слѣдующая замѣтка: „эта Картлисъ-Цховреба до сихъ поръ писалась отъ времени до времени, отъ Вахтанга (446 — 499) до царя Іоанна (713—786) описана Джваншеромъ Джваншеріани, зятемъ царя Арчила, и послѣ потомки пусть опишутъ (дѣянія) по обстоятельствамъ и умѣнью“. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „это мученіе Арчила описалъ Леонтій Мровели, а теперь (далее) пишетъ протоіерей Іоаннѣ“. Мнѣ представляется возможнымъ сдѣлать изъ этихъ замѣтокъ заключеніе, что „Картлисъ-Цховреба“ является лѣтописнымъ сводомъ извѣстій, восходящихъ къ различнымъ эпохамъ и составленныхъ на основаніи показаній очевидцевъ, имена которыхъ вскрываются въ лѣтописи. Поэтому можно говорить о грузинской лѣтописи, въ настоящемъ ея видѣ, какъ о памятникѣ болѣе позднемъ, но все же предшествующемъ Вахтангу VI, ибо вариантъ царицы Маріи, переписанный въ 1636—1646 г., подтверждаетъ мысль, что ученому царю принадлежать лишь дополненія изъ различныхъ, частью и выше поименованныхъ источниковъ и исправленія явно неточныхъ мѣстъ древней грузинской хроники ¹⁾. Сравненіе различныхъ вариантовъ „Картлисъ-Цховреба“, прошедшихъ черезъ редакцію Вахтанга и не подвергшихся его вліянію, свидѣтельствуетъ, что грузинская лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, представляетъ компиляцію, составленную еще до Вахтанга VI на основаніи историческихъ документовъ, изъ которыхъ мы можемъ выдѣлить *Обращеніе Грузинъ, Хронику Сумбата, Исторію Алавердиса*. Но мы имѣемъ еще указанія на цѣлый рядъ источниковъ, называемыхъ лѣтописью и пока еще не открытыхъ независимо отъ нея, въ полномъ и непосредственномъ своемъ видѣ. Мы не можемъ опредѣлить, что принадлежитъ Мровели, Іоанну и другимъ авторамъ извѣстій, вошедшихъ въ лѣтопись. Въ исторіи царя Давида Поблудователя (1089 — 1125 г.) упоминается о книгѣ „Картали-Матіане“, то-есть, лѣтопись Грузинъ; въ повѣствованіяхъ о нашествіяхъ султана Джелась-Эвдина (XII вѣка) говорится, что современную исторію написалъ монахъ Мгвимскаго монастыря неизвѣстнаго имени. Мы довольствуемся перечисленіемъ этихъ историческихъ записей, послужившихъ источникомъ начальной грузинской лѣтописи,

¹⁾ Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ въ XI вѣкѣ, при сравненіи ея съ лѣтописью, должно именуемой Вахтанговой, также подтверждаетъ убѣжденіе, что послѣдующіе компиляторы только дополняли записи предшественниковъ свѣдѣніями изъ различныхъ источниковъ.

не называя „гуджаровъ и сигилеи“¹⁾, на которое также часто ссылается „Картлисъ-Цховреба“. Названные источники лѣтописи могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія о позднемъ происхожденіи первыхъ историческихъ записей у грузинъ, объ измышленіи „Картлисъ-Цховреба“ въ XII вѣкѣ армянскимъ монахомъ, или составленіе ея впервые въ XVIII вѣкѣ царемъ Вахтангомъ VI. Выше поименованные памятники, разрозненно вскрывающіеся въ лѣтописи и непосредственно открытые, убѣждаютъ изслѣдователя ея въ томъ, что „Картлисъ-Цховреба“ не искажала свѣдѣній своихъ источниковъ, по связывала ихъ между собою болѣе или менѣе искусственно, дѣлала большія выписки, поочередно изъ всѣхъ извѣстныхъ ей историческихъ записей. Въ виду этого значеніе грузинской лѣтописи, считающейся „мутнымъ источникомъ“ должно получить въ глазахъ ученыхъ другое значеніе и болѣе справедливую оцѣнку²⁾.

Въ заключеніе нашей замѣтки, мы должны назвать еще одинъ источникъ „Картлисъ-Цховреба“, свидѣтельствующій о національномъ, а не иноземномъ ея происхожденіи,—это народная поэзія, слѣды которой вскрываются въ грузинской лѣтописи³⁾. Начальная грузинская хроника представляетъ первыхъ строителей страны въ образѣ героевъ („чмири“), обладающихъ непомерной силой и изумительною красотой. Самыя имена родоначальника грузинъ и его ближайшихъ преемниковъ представляютъ опыты этиологическаго объясненія существующихъ провинцій и городовъ Грузіи: Картлисъ—олицетвореніе Картли, то-есть, всей Грузіи, Мцхетосъ—воплощеніе въ образѣ сына родоначальника столицы древней Иверіи—Мцхета; существованіе названія Кахетіи вызвало въ воображеніи народа перваго ея строителя—Кахоса. Помимо общихъ соображеній и вѣрныхъ слѣдовъ преданія о жизни грузинъ въ отдаленную эпоху, когда они дѣлились на отдѣльные роды, управляемые мамасахемсами, то-есть, отцами дома, мы находимъ въ древней части хроникъ прямое указа-

¹⁾ См. „Картлисъ-Цховреба“, стр. 178, гдѣ источникомъ называется гуджаръ, въ которомъ перечисляются цари и именитые вельможи съ ихъ мнѣніями. Въ лѣтописи внесенъ вслѣдъ также актъ XI вѣка, времени цари Баграта IV. См. *Кондаковъ*, Опись памятниковъ древностей, стр. 157.

²⁾ *Вс. Миллеръ*, Осетинскіе этюды, ч. III, стр. 16 (М., 1887 г.); *М. Ковалевскій*, Законъ и обычай на Кавказѣ, 7, II, стр. 62 (М., 1890 г.). Русскія Древности, изд. гр. Толстою и *Н. Кондакова*, вып. III, стр. 98 (С.-Пб., 1890 г.).

³⁾ Наши статьи въ *Иверіи* на грузинскомъ языкѣ въ 1888 г.: „Слѣды народной поэзіи въ Картлисъ-Цховреба“.

ніе на пользованіе составителемъ „Картлисъ-Цховреба“ народной поэзіей. Авторъ перваго свода лѣтописныхъ извѣстій (VIII вѣка) вышеупомянутый Джваншеръ,—потомокъ военачальника при царѣ Вахтагѣ Горгасланѣ, который, быть можетъ, предпринялъ свой трудъ для прославленія своего знаменитаго предка,—внесъ въ свое „Матіане“ (лѣтопись V—VIII вѣковъ), уже при царицѣ Тамарѣ являющееся съ эпитетомъ „дувели“ (то-есть, древняя) хроника, одну народную пѣсню по случаю смерти популярнаго царя Фарсмала.

Фарсманъ, прозванный добрымъ (квели), былъ нѣмѣннически убитъ на войнѣ. Кончина его вызвала плачевныя пѣсни, въ которыхъ пѣвцы (мгосани) описывали его достоинства: *des chanteurs de duel étaient assis dans les villes et dans les villages; on se rassemblait, on rappelait la bravoure, la munificence, la bonté, la beauté de Pharsman-Kouel. Malheur à nous! disait - on, un sort funeste nous a frappés. Notre roi celui qui nous avait délivrés du joug de nos ennemis, a été tué par des enchanteurs, et nous sommes livrés à l'esclavage des nations étrangères* ¹⁾). Народная пѣсня о царѣ Фарсманѣ, жившемъ во II вѣкѣ, могла дойти до автора компилятивной лѣтописи въ VIII вѣкѣ, сохранившись на пространствѣ шести столѣтій, подобно тому, какъ о царицѣ Тамарѣ (XII вѣка) до сихъ поръ въ различныхъ частяхъ Грузіи разказываютъ легенды и поютъ пѣсни. Въ X вѣкѣ католикосъ Арсеній, составившій житія святыхъ грузинской церкви, одинъ изъ важныхъ источниковъ лѣтописи, широко пользовался народной традиціей, называемой имъ самимъ на ряду съ „книгами“ источникомъ своего труда ²⁾).

Такъ мы представляемъ себѣ составъ начальной грузинской лѣтописи и по этой схемѣ будемъ выдѣлять изъ нея историческія записи, ставшія извѣстными независимо отъ „Картлисъ-Цховреба“.

А. Жахановъ.

¹⁾ Brosset, Histoire de la Géorgie, t. 1, p. 78. Ср. Картлисъ-Цховреба, I, 58.

²⁾ Brosset, Histoire de la Géorgie, t. I, p. 208, n. 6.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

L'ARMÉE ROMAINE D'AFRIQUE ET L'OCCUPATION MILITAIRE DE L'AFRIQUE SOUS LES EMPEREURS PAR *M. René Cagnat* professeur au collège de France, membre de la commission de l'Afrique du Nord. Paris, Imprimerie nationale. Ernest Leroux, éditeur. MDCCCXCII. 4°. XXIV+812.

Имя г. Канья не безызвѣстно читателямъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*: два года тому назадъ мы имѣли случай помѣстить на страницахъ *Журнала* отчетъ о второмъ изданіи его замѣчательнаго труда *Cours d'épigraphie latine* и указали на его выдающіяся достоинства, обнаруживающія въ авторѣ солиднаго ученаго, который стоитъ на современномъ уровнѣ развитія латинской эпиграфики, знакомъ, и при томъ непосредственно и близко, съ памятниками и литературою какъ французской, такъ и иностранной, и обладаетъ даромъ изложенія. Теперь передъ нами роскошно изданный солидный квартантъ, вполне подтверждающій высказанныя нами два года тому назадъ наблюденія и долженствующій занять видное мѣсто въ литературѣ какъ римскихъ древностей, такъ и римской эпиграфики. Его выдающіяся ученые достоинства пусть послужатъ оправданіемъ появленія въ печати настоящей замѣтки.

Изданіе берлинскаго *Corpus inscriptionum latinarum* открыло новую эпоху въ разработкѣ римскихъ древностей: благодаря систематическому, вполне научному собранію надписей, явилась полная возможность надлежащаго пользованія ими, открылся новый, постоянно увеличивающійся путемъ новыхъ открытій, источникъ нашего вѣдѣнія, источникъ, благодаря которому наука смогла поставить и попытаться рѣшить такіе вопросы, которые были бы немислямы полстолѣтія тому назадъ. Къ числу ихъ относится и вопросъ о постепенномъ распространеніи римскаго оружія въ различныхъ предѣлахъ все-

мірной державы, именуемой Римской имперіей. То, что мы знаемъ объ этомъ изъ источниковъ литературныхъ, далеко не одинаково полно и обстоятельно: для нѣкоторыхъ мѣстностей и для нѣкоторыхъ эпохъ мы находимся въ положеніи, сравнительно болѣе удовлетворительномъ, тогда какъ для другихъ свѣдѣнія наши, извлекаемые изъ древнихъ авторовъ, до того ничтожны, что не позволяютъ составить даже общее понятіе о ходѣ римскихъ завоеваній и соединенной съ ними романизации. Въ такихъ случаяхъ неоцѣненную помощь даютъ памъ эпиграфика и археологія. Первая доставила массу данныхъ относительно состава, устройства, хода движеній римской арміи, вторая—показала, не рѣдко *in situ*, памятники, оставленные этими движеніями и служащіе превосходнымъ комментариемъ къ эпиграфическимъ даннымъ. Но для того, чтобы воспользоваться услугами эпиграфики и археологіи, необходимъ строго научный сводъ ихъ данныхъ, безъ котораго, особенно въ области эпиграфики, не возможно сдѣлать ни шагу безъ риска быть уличеннымъ въ неполнотѣ и легковѣріи. Сводъ этотъ теперь въ нашихъ рукахъ—онъ состоитъ изъ 15-ти томовъ *Corpus inscriptionum latinarum* съ дополненіями, частью въ *ephemeris epigraphica*, частью въ отдѣльныхъ *supplementa*.

Еще въ 1881 году, 8 лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ VII тома *Corpus inscriptionum*, посвященнаго латинскимъ надписямъ Британіи, редакторъ этого тома проф. Гюбнеръ подвергъ ихъ тщательной разработкѣ съ цѣлью выяснить, при помощи данныхъ какъ литературныхъ, такъ и эпиграфическихъ и археологическихъ, вопросъ о военной оккупации Британіи; въ обширной и превосходной статьѣ своей: *Das römische Heer in Britannien* (*Hermes*, Bd. XVI, 512—584), онъ подвергъ обстоятельной разработкѣ вопросъ объ *exercitus Britannicus*, его судьбахъ, составѣ, ходѣ оккупации. Момизенъ, въ V-мъ томѣ своей *Römische Geschichte*, поставилъ вопросъ объ оккупации въ періодъ Римской имперіи во всей его широтѣ, но, сообразно съ цѣлями и задачами своего труда, не имѣлъ возможности входить во множество деталей. Теперь предстоитъ задача отдѣльныхъ этюдовъ по исторіи каждой провинціи или страны, и они уже начинаютъ появляться то въ видѣ отдѣльныхъ монографій, то въ обширныхъ изслѣдованіяхъ, обнимающихъ собою военную исторію той или другой страны. Подобныя работы ведутся въ примѣненіи къ Галліи, Германіи, Британіи, и къ нимъ теперь присоединяется трудъ г. Клауза по военной исторіи Африки во время Римской имперіи.

Авторъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, приготовленъ къ удовле-

творительному рѣшенію взятой имъ на себя задачи; время ея постановки тоже весьма благоприятно; естественно, что, благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, трудъ г. Канья вышелъ прекраснымъ и долженъ на долгое время сохранить почетное мѣсто въ ряду трудовъ по римскимъ древностямъ. Уже выше мы сказали, что прежніе труды г. Канья съ очевидностью доказали близкое и непосредственное знакомство автора какъ съ источниками, такъ и съ пособиями: новая его книга служить новымъ и блистательнымъ подтвержденіемъ этому, потому что показываетъ серьезную начитанность автора въ древнихъ писателяхъ, серьезное изученіе надписей и монетъ, непосредственное знакомство съ вещественными памятниками. Начитанность автора весьма широка и простирается не только на историковъ, но затрогиваетъ и юристовъ, и стратегиковъ, и даже агіографовъ; изученіе надписей касается не только изданныхъ, но и еще не опубликованныхъ. Послѣднія извѣстны автору не только по сообщенію его знакомыхъ, но и по собственнымъ наблюденіямъ, такъ какъ счастливый случай предоставилъ г. Канья возможность посѣтить римскую Африку и на мѣстѣ ознакомиться съ топографіей и произвести не мало эпиграфическихъ и археологическихъ экскурсій и изслѣдованій. Не менѣе основательно и знакомство его съ ученой литературой. Теперь уже не рѣдкость, со стороны французскихъ ученыхъ, знаніе ими трудовъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, соотчатій, и слѣдуетъ отдать автору полную справедливость въ томъ, что онъ прекрасно ознакомился съ работами своихъ предшественниковъ, какъ отечественныхъ, такъ и чужеземныхъ, и сумѣлъ ввести въ свой трудъ добытые ими научные результаты. Счастливый случай далъ возможность автору воспользоваться и такими матеріалами, которые другимъ недоступны, какъ не появившіеся въ печати; мы имѣемъ въ виду многочисленныя данныя, сохранившіяся въ бумагахъ покойнаго Леона Ренье и поступившія послѣ его смерти въ Парижскую національную бібліотеку. Отношеніе нашего автора какъ къ источникамъ, такъ и къ пособиямъ всегда разумно критическое: рѣдко онъ принимаетъ что либо на вѣру и почти всегда старается отнестись ко всему самостоятельно, что даетъ ему возможность во многихъ мѣстахъ исправлять и видоизмѣнять выводы своихъ предшественниковъ; не удивительно поэтому, что въ книгѣ г. Канья, благодаря его близкому знакомству съ темой, мы встрѣчаемъ не мало поправокъ къ трудамъ такихъ авторитетовъ, каковы, напримѣръ, Ренье, Генценъ, Моммзенъ. Относительно пользованія пособиями мы позволимъ себѣ

сдѣлать лишь одно замѣчаніе: иногда авторъ отсылаетъ читателя за справками къ такимъ сочиненіямъ, которыя не могутъ считаться вполне надежными руководителями, и мы предпочли бы или полное отсутствіе подобныхъ ссылокъ, или, по крайней мѣрѣ, оговорку относительно научнаго достоинства того или другаго сочиненія.

Выше мы сказали, что и время постановки и рѣшенія взятой на себя авторомъ задачи весьма благоприятно: дѣйствительно, благодаря энергической дѣятельности французскихъ, а отчасти и нѣмецкихъ изслѣдователей, эпиграфическій матеріалъ римской Африки собранъ въ изобиліи—число африканскихъ надписей далеко превосходитъ цифру 10.000, и изъ нихъ около $\frac{1}{2}$ принадлежатъ военнымъ, или относятся къ военному дѣлу; страна болѣе или менѣе изслѣдована, и древнія сооруженія и развалины нанесены на подробныя карты, описаны, сняты, и промѣрены; въ Константинѣ (древней Cirta) давно существуетъ археологическое общество, посвятившее себя изученію африканскихъ древностей и имѣющее свой специальный органъ (*Annuaire et recueil de la Société archéologique de Constantine*); основаны еще два журнала, специально занимающіеся изученіемъ древней Африки и слѣдящіе за его разработкой не только во Франціи, но и за ея предѣлами (*Bulletin de Correspondance Africaine* и *Bulletin des Antiquités Africaines*); появилось превосходное сочиненіе по географіи древней Африки (*Ch. Tissot, Géographie comparée de la province romaine d'Afrique, 2 voll. 4°*), составлены списки римскихъ правителей различныхъ африканскихъ провинцій (въ трудахъ *Cl. Pallu de Lessert*) и т. д. Съ другой стороны, за послѣднее десятилѣтіе изученіе римской военной организаціи вообще значительно подвинулось впередъ, благодаря капитальнымъ мемуарамъ Моммзена и его многочисленныхъ учениковъ, давшимъ возможность поставить и рѣшить такіе вопросы, которые до сихъ поръ считались неразрѣшимыми. Все это, взятое вмѣстѣ, свидѣтельствуетъ о своевременности появленія труда г. Канья.

Теперь постараемся познакомить читателя въ общихъ чертахъ съ его содержаніемъ. Военную исторію римской Африки авторъ ограничиваетъ предѣлами времени отъ Августа до нашествія вандаловъ; такое ограниченіе вызвано съ одной стороны тѣмъ обстоятельствомъ, что только съ Августа появляется на африканской территоріи постоянное римское войско, судьбу, движеніе, образъ жизни и дѣйствій, составъ котораго можно прослѣдить, благодаря дошедшимъ до насъ матеріаламъ, чего мы не въ состояніи сдѣлать для періода

республики, не смотря даже на тѣ перворазрядные источники, которые дошли до насъ въ трудахъ Полибія, Саллюстія, автора *belli Africani*, Ливія, Плутарха.

Съ другой стороны, ограниченіе задачи нашествіемъ вандаловъ представляется также вполне естественнымъ: это событіе открываетъ собою новую эпоху въ военной исторіи Африки и способъ военной оккупациі, начавшійся съ этой поры и, въ особенности, послѣ завоеванія Африки Юстиніаномъ, не имѣетъ ничего общаго съ эпохою предшествующей и можетъ служить предметомъ особаго изслѣдованія. Итакъ, въ указанныхъ предѣлахъ, авторъ ставитъ себѣ задачей изучить римскую армію, расположенную въ императорскую эпоху на обширной территоріи сѣверной Африки, и узнать способы, которые употребляли римляне къ тому, чтобы ее защищать и удерживать въ повиновеніи.

Первая книга сочиненія г. Канья посвящена обзорнѣю африканскихъ войнъ въ періодъ имперіи; она въ живомъ и обстоятельномъ очеркѣ излагаетъ ходъ военной оккупациі, изъ котораго явствуетъ, что „въ теченіе болѣе, чѣмъ четырехъ столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ Римъ овладѣлъ африканскими провинціями, ему приходилось постоянно быть на сторожѣ, съ оружіемъ въ рукахъ: если ему и удалось, въ сравнительно небольшое пространство времени, подчинить себѣ собственную Африку, Нумидію и Мавританію, то, съ другой стороны, ему не удалось умиротворить ихъ окончательно. Естественно, что событія, съ которыми приходилось такъ или иначе считаться Риму, не всѣ имѣли одинаковую важность и значеніе, и на ряду съ трудными и продолжительными борьбами, которыя требовали искусства опытныхъ полководцевъ, встрѣчаются и указанія на возмущенія, усмиреніе которыхъ не требовало большихъ усилій; естественно также, что съ теченіемъ времени измѣнились и непріятели: во кто бы они ни были,—назывались ли они гетулами, маврами, гармантами, австурианами, бакатами, бабарами, циркопцелліонами, былъ ли ихъ вождь африканскій герой, въ родѣ Такфарината, Фараксена, Фирма, или возмущившійся римлянинъ, какъ, напримѣръ, Клодій Макръ, Сабиніанъ, или Александръ,—послѣдствія для Рима были одни и тѣ же: онъ никогда не имѣлъ возможности сложить оружіе. Въ этой части имперіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какой либо другой, ему нужно было содержать многочисленное и сильное войско, которое должно было быть всегда готовымъ къ выступленію противъ враговъ внѣшнихъ и къ подавленію внутреннихъ возмущеній“ (стр. 89). Само

собою разумѣется, что изложеніе г. Канья совершенно сообразуется съ состояніемъ источниковъ, передающихъ намъ данныя о томъ или другомъ фактѣ, и, напримѣръ, возстанію Такфарината и возмущенію Фирма, благодаря Тациту и Амміану Марцеллину, отводится гораздо болѣе мѣста, нежели, напримѣръ, возстанію мавровъ при Антонинѣ, о которомъ мы имѣемъ лишь краткую замѣтку Капитолина и отрывочныя указанія надписей. Разказывая о возстаніи Такфарината, г. Канья не преминулъ привести и знаменитое посвященіе Венерѣ Ерицинской (C. I. L., X, 7257; *Eph. epigr.* II, p. 264 сл.), сдѣланное Луціемъ Апроніемъ, сыномъ побѣдителя африканскаго вождя, и упоминающее объ этой побѣдѣ. Г. Канья приводитъ надпись въ возстановленіи, сдѣланномъ издателями *Congrus inscriptionum*. Имѣющая появиться на страницахъ нашего *Журнала* интересная статья г. Крашенинникова, подъ заглавіемъ: „Эпиграфическіе этюды“, съ очевидностью докажетъ неудачность этого возстановленія и предложитъ остроумную попытку другаго, ближе подходящаго къ преданію.

Вторая книга разбираемаго труда посвящена этюду объ оккупационной арміи въ Африкѣ, которая дѣлилась на армію Африки и Нумидіи, армію Мавританіи *Caesariensis* и армію Мавританіи *Tingitanae*. Каждый изъ этихъ корпусовъ имѣлъ своей задачей оберегать спокойствіе отдѣльной части провинціи, имѣлъ свой составъ и отдѣльнаго начальника, назначавшагося императоромъ. Если же возстанія или набѣги непріятелей затрогивали нѣсколько округовъ, то всѣ три корпуса дѣйствовали вмѣстѣ и комбинировали свои движенія. Такъ, при Антонинѣ корпуса Нумидіи и Мавританіи были соединены для подавленія вспыхнушаго въ той и другой провинціи возстанія, при Септиміѣ Северѣ корпуса обѣихъ Мавританій были поставлены подъ одну команду для объединенія ихъ военныхъ операций; въ половинѣ III вѣка третій легіонъ *Augusta*, стоявшій, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ Нумидіи, былъ двинутъ противъ возмущившихся бабаровъ, которыхъ съ тылу тѣснили войска Мавританіи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда непріятель былъ особенно грозенъ и многочисленъ, когда положеніе было критическимъ и представлялось невозможнымъ возстановить спокойствіе при помощи только мѣстныхъ войскъ, тогда вызывались потребныя подкрѣпленія изъ другихъ провинцій, куда они и возвращались, по мнѣнію надобности. Авторъ приблизительно опредѣляетъ численность римской оккупационной арміи въ Африкѣ въ 27.000, не считая отрядовъ, набиравшихся изъ мѣстныхъ жителей, численность которыхъ измѣнялась и могла достигать

довольно высоких цифръ. Въ сравненіи съ французской оккупационной арміей, численность которой восходитъ до 48.000, не считая мѣстной милиціи, количество римскаго войска должно показаться незначительнымъ, особенно, если принять во вниманіе, что при помощи его Римъ удерживалъ въ спокойствіи въ теченіе болѣе четырехъ столѣтій все пространство Сѣверной Африки отъ Трипольскаго залива до западныхъ предѣловъ Марокко. Въ частности нумидійская армія состояла изъ легіона *tertia Augusta* и причисленныхъ къ нему вспомогательныхъ войскъ, стоявшихъ сначала подъ командой проконсула (*proconsule provinciae Africae*) изъ сенаторовъ и, въ частности, изъ наиболѣе старѣйшихъ и почетнѣйшихъ консуляровъ, а съ 87-го года подъ начальствомъ легата (*legatus Augusti pro praetore provinciae Africae*), назначавшагося непосредственно императоромъ; въ концѣ III вѣка онъ былъ замѣненъ префектомъ (*praefectus legionis*) и въ экстренныхъ случаяхъ ставился подъ команду особаго вождя (*dux per Africam*). У этого начальника былъ довольно многочисленный штабъ, нѣсколько отличный отъ штаба правителей другихъ провинцій: тогда какъ въ этихъ послѣднихъ постоянно стояло по нѣскольку легіоновъ, въ Африкѣ находился всего только одинъ; поэтому въ провинціяхъ, рядомъ съ главнымъ штабомъ, находившимся при главнокомандующемъ, были еще отдѣльные штабы при особѣ командира каждаго отдѣльнаго легіона; между тѣмъ въ Нумидіи, гдѣ одно и то же лицо было и главнокомандующимъ и командиромъ легіона, при немъ одномъ было два штаба, изъ коихъ одинъ помогалъ ему въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались всего комплекса оккупационной арміи, а другой принималъ участіе въ дѣлахъ, относившихся только къ легіону.

Естественно, что составъ перваго штаба былъ гораздо болѣе многочисленнымъ и разнообразнымъ въ сравненіи съ составомъ втораго, и авторъ даетъ намъ обстоятельное перечисленіе различныхъ должностей, входившихъ въ составъ канцеляріи, съ приведеніемъ сохранныхъ намъ, преимущественно на надписяхъ, именъ лицъ, отправлявшихъ въ разное время ту или другую должность. Вслѣдъ за симъ онъ переходитъ къ изложенію исторіи третьяго легіона *Augusta*. Исторія эта уже послужила темой для одной спеціальной работы (*Fiebel Historia legionis III Augustae*, Berolini, 1882), въ сравненіи съ которой изложеніе г. Канья представляется болѣе свѣжимъ, потому что содержать въ себѣ матеріалы, которые стали извѣстными въ послѣднее десятилѣтіе и которыми его предшественникъ не могъ

воспользоваться. Предполагая, вѣстѣ съ Моммзеномъ, что легіонъ былъ сформированъ Цезаремъ въ періодъ гражданскихъ войнъ, г. Канья съ подробностью останавливается на вопросѣ объ отношеніи къ нему *legio I Macriana liberatrix*, созданнаго, послѣ смерти Нерона, возмущившимся противъ имперіи Клодіемъ Макромъ. Внимательно извѣсивъ всѣ данныя относительно этого легіона, г. Канья приходитъ къ тому выводу, что оба легіона—первый и третій—существовали независимо одинъ отъ другаго и что этотъ послѣдній, стоявшій сначала на сторонѣ Макра, послѣ его умерщвленія, возвратился къ своему долгу. Путешествіе императора Адріана въ Африку и посѣщеніе имъ лагеря третьяго легіона въ Ламбезисѣ составляютъ интересную страницу въ исторіи легіона, почему не удивительно, что авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на этихъ событіяхъ. Прежде всего, онъ опредѣляетъ дату посѣщенія, ставя ее на 1-е іюля 129 года, когда императоръ посѣтилъ лагерь, произвелъ смотръ легіонаріямъ, заставилъ ихъ маневрировать въ своемъ присутствіи и далъ интересный приказъ, отрывки котораго сохранились до нашего времени. Изъ послѣдующей исторіи легіона заслуживаетъ упоминанія участіе его въ низверженіи Гордіана старшаго, виновникомъ чего былъ легатъ Нумидіи Капелліанъ; воспоминаніемъ объ участіи легіона въ этомъ событіи является то, что на большинствѣ офіціальныхъ документовъ, относящихся къ легіону и предшествующихъ борьбѣ Максимина съ Гордіаномъ, названіе легіона находится въ разурѣ и было восстановлено только впоследствии; эта особенность служитъ неопровержимымъ доказательствомъ тому, что легіонъ былъ въ это время распущенъ и его названіе было изъято изъ списка дѣйствующей арміи. Вѣроятно, это произошло при Гордіанѣ III, наказавшемъ легіонъ за участіе въ дѣлѣ Капелліана. По всей вѣроятности, его личный составъ былъ раскассированъ по другимъ легіонамъ, а въ Ламбезскій лагерь были вызваны войска изъ Мавританіи. Только пятнадцать лѣтъ спустя, при Валеріанѣ, послѣ побѣды его надъ Эмилианомъ и смерти послѣдняго (253), вѣроятно, въ вознагражденіе за услуги, оказанныя легіонаріями въ Ретіи, третій легіонъ *Augusta* былъ восстановленъ, получивъ во второй разъ почетныя прозвища *Pia Vindex* и возвратился въ свой прежній лагерь, въ Ламбезисъ. Тамъ онъ оставался до самаго конца III вѣка; съ начала IV вѣка на надписяхъ Ламбезиса упоминанія легіона не встрѣчается. Обозрѣвъ исторію легіона, г. Канья разсматриваетъ его составъ, начиная съ легата и военныхъ трибуновъ, переходя къ ихъ прислужникамъ, къ префекту ла-

гера, къ центуріонамъ, декуріонамъ и ихъ ординарцамъ, къ такъ называемымъ *principales* (въ числѣ которыхъ упоминаются музыканты, знаменосцы, инструкторы, разносчики нароли); къ заключеніе разсматриваются инженерная, санитарная, продовольственная, богослужебная части. При всякомъ отдѣлѣ г. Канья даетъ абсолютно полные списки лицъ, занимавшихъ ту или другую должность, извлеченные изъ надписей, съ указаніемъ, гдѣ это дозволяютъ источники, родины и времени жизни.

Вслѣдъ за обзорѣніемъ исторіи и управленія легіономъ, авторъ переходитъ къ очерку исторіи вспомогательныхъ войскъ, бывшихъ въ Нумидіи, какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, стоявшихъ подъ начальствомъ легата легіона, который опредѣлялъ мѣсто ихъ стоянки, назначалъ ученія и работы и дѣлалъ представленія императору о повышеніи и поощреніи солдатъ и офицеровъ. Ему помогали въ кавалерійскихъ отрядахъ префекты, вспомошествоваемые, въ свою очередь, 16 или 24 декуріонами, въ пѣхотныхъ—префекты или трибуны. Въ заключеніе, авторъ говоритъ о гарнизонѣ, расположенномъ въ Кароагенѣ и оказывавшемъ, въ случаѣ необходимости, вооруженную помощь проконсулу или императорскому прокуратору.

Переходя къ арміи, охранявшей Мавританію *Caesariensis*, авторъ констатируетъ тотъ фактъ, что она состояла исключительно изъ вспомогательныхъ отрядовъ, общая численность которыхъ восходила выше 8.000 человекъ; сообразно положенію страны и характеру населенія, въ нихъ преобладала конница, и большинство солдатъ было легко вооружено. Но и въ Мавританіи, какъ и въ другихъ областяхъ римской Африки, бывали особые эпохи, въ которыя оказывалось необходимымъ усиливать эту армію или вызовомъ легіонарныхъ войскъ, или вспомогательныхъ отрядовъ изъ другихъ провинцій; авторъ доказываетъ разновременное присутствіе въ Мавританіи легіоновъ: IV *Macedonica* изъ Испаніи, I и II *Adiutrix* изъ Панноніи, XI *Claudia* изъ Нижней Мезіи, можетъ быть VI *Victrix* изъ Британніи, XXII *Primitigenia* изъ Верхней Германіи и I *Minervia*—изъ Нижней. Все мавританское войско находилось въ подчиненіи у прокуратора, бравшагося изъ лицъ всадническаго сословія и назначавшагося непосредственно императоромъ. Постъ этотъ считался въ ряду другихъ прокуратуръ весьма почетнымъ и оплачивался весьма хорошо. Мѣстопробываніемъ прокуратора была Цезарей (теперь Шершель), бывшая столицей Юбы. Въ эпохи особой опасности власть прокуратора простиралась на Мавританію *Tingitana*, и тогда онъ носилъ

титулъ *procurator utriusque Mauretaniae*. При этомъ г. Канья разсматриваетъ вопросъ о томъ, простиралась ли иногда его власть и на армию нумидійскую, какъ предполагаетъ Моммзенъ для эпохи, когда третій легіонъ былъ распущенъ и когда, по его предположенію, центръ военнаго начальства былъ перенесенъ въ Мавританію, и прокураторъ былъ замѣненъ легатомъ легіона изъ сенаторскаго сословія. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ источниковъ, авторъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ этимъ предположеніемъ и утверждаетъ, что, по крайней мѣрѣ до половины III вѣка, въ Нумидіи былъ особый легатъ, облеченный военною властью. И у прокуратора Мавританіи, имѣвшаго команду надъ войскомъ, былъ свой особый штабъ. Войско Мавританіи состояло изъ кавалеріи и пѣхоты (*alae, cohortes, numeri*), стоявшихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ префектовъ, трибуновъ или препозитовъ.

Что касается оккупации Мавританіи *Tingitana*, то и она состояла исключительно изъ вспомогательныхъ отрядовъ, число которыхъ, въ виду сравнительно незначительнаго распространенія римской цивилизации въ Тингитанѣ, было гораздо меньше, нежели число отрядовъ въ *Caesariensis*. Тингитана, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, разсматривалась какъ оборонительный форпостъ между Испаніей и непокоренными еще народностями Сѣверной Африки, и тингитацкое войско было не чѣмъ инымъ, какъ аванпостомъ арміи испанской, что явствуетъ изъ того, что не разъ испанскіе отряды переходили въ Тингитану на помощь и наоборотъ; вслѣдствіе сего въ III вѣкѣ эта послѣдняя зовется *provincia Hispania Ulterior Tingitana*. Оккупационная армія въ этой провинціи стояла подъ командой прокуратора, изъ всадниковъ, по рангу уступавшаго мѣсто своему коллегѣ *Caesariensis* и имѣвшаго мѣстопробываніе въ Танжерѣ.

Все, изложенное выше относительно состава римской арміи, имѣетъ приложеніе исключительно къ войску регулярному, численность котораго восходила, какъ мы указали выше, до 27.000; не смотря на внушительность этой цифры, ея трудно было держать въ оккупации огромную территорію отъ Большой Сирты до Атлантическаго океана, оберегать южную границу и внутри наблюдать за спокойствіемъ горныхъ мѣстностей, обитатели которыхъ были постоянно готовы, при каждомъ удобномъ случаѣ, къ возстанію. Поэтому была настоятельная необходимость увеличить количество обсервационныхъ и сторожевыхъ пунктовъ и, слѣдовательно, содержать несравненно большее количество защитниковъ, чѣмъ какое могла дать регулярная армія. И

вотъ, рядомъ съ нею, мы видимъ въ Африкѣ нерегулярное войско, набранное изъ замѣренныхъ туземцевъ и имѣющее сходство съ современными алжирскими гумами (gomms). Отдѣльные его отряды стояли подъ начальствомъ *praefecti gentium* или *procuratores ad sugam gentium* и были расположены не только на границѣ, но и внутри страны, и передвигались, по мѣрѣ потребности, съ одного пункта на другой. Въ заключеніе нельзя не упомянуть и объ африканской эскадрѣ, которая имѣла своимъ назначеніемъ оберегать прибрежную полосу отъ набѣговъ пиратовъ, которыхъ постоянно было не мало, преимущественно въ Рифѣ и Тивгитанѣ; она составляла отдѣленіе сирійскаго и александрійскаго флотовъ и стояла подъ непосредственною командою особаго *praepositus*, подчиняясь въ общемъ прокуратору *Mauretania Caesariensis*. Въ виду своего главнаго назначенія—преслѣдовать пиратовъ, эта эскадра состояла изъ легкихъ и быстрыхъ судовъ, триремъ и либурнѣ, и имѣла своею стоянкой гавань въ Шершелѣ, отъ которой сохранились остатки, обстоятельно описанные авторомъ и нанесенные на два плана.

Разсмотрѣвъ составъ оккупационной арміи въ Африкѣ, авторъ переходитъ къ обзорѣ ея внутренняго быта. Государство должно было набирать рекрутовъ, предназначенныхъ пополнять кадры войска, заботиться объ ихъ продовольствіи, ихъ утилизировать, распределять времяпрепровожденіе солдатъ и офицеровъ наиболѣе выгодно для римскаго владычества; сверхъ того, государству былъ полный интересъ сдѣлать для солдатъ лагерную жизнь не только сносною, но даже пріятною, побуждать ее искать, предоставляя различныя льготы и устраивая различныя неудобства, связанныя съ военной карьерой. Замѣтимъ, что эта часть труда г. Канья представляетъ большой интересъ и читается съ удовольствіемъ. Разбирая вопросъ о наборѣ, авторъ, естественно, отдѣляетъ наборъ легіонаріевъ отъ набора вспомогательныхъ войскъ. Легіонъ пополняется въ первое время преимущественно изъ западныхъ провинцій, въ началѣ втораго вѣка—изъ восточныхъ, также какъ и изъ Африки. Мало-по-малу, по мѣрѣ развитія лагерной жизни въ Ламбезисѣ, легіонъ сталъ пополняться преимущественно солдатами, родившимися въ посадѣ, возникшемъ возлѣ лагеря; они, вступая въ ряды легіонаріевъ, получали право гражданства, заимствовали свое *praenomen* и *nomen gentis* у отца и приписывались къ трибѣ *Pollia*; такимъ образомъ, мало-по-малу наборъ областной былъ вытѣсненъ наборомъ мѣстнымъ. Что касается набора вспомогательныхъ войскъ, то они первоначально формирова-

лись изъ различныхъ національностей, отмѣчавшихся въ самомъ названіи каждаго отряда; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что отряды изъ мѣстнаго населенія въ Африкѣ находятся въ меньшинствѣ, что объясняется совершенно естественно опасеніемъ ввѣрять охрану и защиту провинціи еще не вполне ороманизировавшимся туземцамъ; но въ послѣдствіи, съ половины II вѣка, это опасеніе, подъ влияніемъ успѣховъ романизации, исчезло, и туземцы стали приниматься въ ряды auxilia. Вслѣдъ за симъ авторъ разсматриваетъ содержаніе войска пицей, одеждой, оружіемъ, жалованьемъ и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на богопочитаніи, которое принципиально сосредоточивалось на культѣ небольшого цикла божествъ, покровителей войска, храбрости, дисциплины. Но рядомъ съ этимъ, такъ сказать, офіціальнымъ культомъ, который былъ общимъ для всѣхъ римскихъ войскъ, гдѣ бы они ни находились, существовалъ и культъ частный, видоизмѣнявшійся въ каждомъ отдѣлѣ, сообразно его составу, мѣстности, въ которой онъ находился, и иногда особымъ, выдающимся событіямъ. Послѣ культа авторъ переходитъ къ описанію занятій воиновъ въ мирное время; эти занятія состояли прежде всего изъ военныхъ упражненій, затѣмъ изъ лагерныхъ работъ, какъ-то: постройки лагеря, проведенія воды и путей сообщенія, сооруженія различныхъ зданій и т. д. Многочисленныя развалины, покрывающія почву древней Африки и принадлежащія почти безъ исключенія рукамъ воиновъ, свидѣтельствуютъ съ очевидностью о важности и разнообразіи этихъ работъ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію гражданскаго положенія легіонаріевъ, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на отношеніи государства къ брачнымъ условіямъ, которыя заключались въ пннми; авторъ выбралъ этотъ вопросъ потому, что безъ его разъясненія остались бы непонятными нѣкоторыя особенности нумидійскихъ и мавритапскихъ надписей, и потому, что легкость, съ которой государство относилось къ бракамъ легіонаріевъ, повела за собою значительныя измѣненія въ самой организациі африканскаго войска. Въ принципѣ бракъ считается несовмѣстнымъ съ военной карьерой, такъ какъ семейныя узы противоположны условіямъ дисциплины и способствуютъ ослабленію мужества и духа повиновенія. Но, съ другой стороны, при продолжительной военной службѣ представлялось неизбѣжнымъ то явленіе, что легіонаріи, не смотря на запрещеніе, вступали въ связи, болѣе или менѣе похожія на бракъ и имѣвшія результатомъ рожденіе дѣтей,—явленіе, которое не могло оставаться неизвѣстнымъ государству и съ

которымъ такъ или иначе ему необходимо было считаться. Что касается высшихъ офицеровъ, то запрещеніе брака на нихъ не распространялось, за тѣмъ исключеніемъ, что военнымъ трибунамъ и командирамъ ротъ и эскадроновъ было запрещено жениться на женщинахъ той провинціи, гдѣ они стояли, если только они сами не были уроженцами этой провинціи; мало того, при имперіи женамъ офицеровъ дозволялось сопровождать своихъ мужей и селиться по соудству съ лагеремъ. Что касается унтеръ-офицеровъ и воиновъ, то слѣдуетъ отличать положеніе легіонаріевъ отъ положенія вспомогательныхъ войскъ. Первые, въ періодъ имперіи до Севера, если и не имѣли права заключать браки *ex iure civili*, однако могли вступать въ союзы съ женщинами *regiminae* и даже римскими гражданками, при условіи не допускать ихъ въ лагерь и самимъ не жить внѣ его, довольствуясь временными отпусками въ разбѣгахъ, зависѣвшихъ отъ благоусмотрѣнія командировъ. Въ 197 г. Северъ издалъ распоряженіе, въ силу котораго легіонаріямъ дозволялось сожительство съ женами, результатомъ чего было то, что они, оставивъ лагерь и поселившись въ ближайшемъ къ нему поселкѣ или городѣ, являлись въ лагерь только на время исполненія служебныхъ обязанностей. Мало-по-малу и легіонаріи получили право заключать *matrimonium ex iure civili*. Въ яномъ положеніи находились *auxiliares*, которые, не будучи римскими гражданами, могли заключать безпрепятственно *matrimonium ex iure gentium*, который превращался въ римскій *conubium* послѣ увольненія ихъ въ отставку и полученія права римскаго гражданства (*missio honesta*). Не менѣе интереса представляетъ слѣдующая глава, въ которой авторъ разсматриваетъ военныя сберегательныя кассы и коллегии. Первые образовались изъ вычета, которому подлежали единовременныя денежныя раздачи, имѣвшіи мѣсто или при восшествіи на престолъ новаго императора, или по поводу радостныхъ событій въ его семействѣ, или послѣ выдающихся военныхъ дѣйствій и т. д.; вычетъ этотъ составлялъ 50% и хранился на ответственности знаменоносцевъ (*signiferi*), будучи возвращаемъ полностью при выходѣ солдата въ отставку. Кромѣ того, была другая касса, въ которую легіонаріи вносили по желанію, и изъ которой покрывались издержки на погребеніе участниковъ. Предположительно со времени Септимія Севера, въ легіонахъ, преимущественно среди унтеръ-офицеровъ, начинаютъ возникать разнообразныя и многочисленныя коллегии, получившія разрѣшенія выстраивать себя, въ предѣлахъ самаго лагеря, помѣщенія для собравій; цѣли этихъ коллегій, при всемъ разнообразіи въ дета-

ляхъ, имѣютъ то общее, что заботятся о развлеченіи коллегіантовъ и объ обезпеченіи ихъ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ службы и жизни: изъ кассы коллегіи, которая образовывалась изъ обязательныхъ взносовъ, выдавались пособія въ случаѣ выхода участника изъ коллегіи, при перемѣщеніи на другое мѣсто, при побѣдкѣ съ цѣлью хлопотать о повышеніи, при отставкѣ и при смерти. Вторая книга г. Канья заканчивается обзорѣніемъ положенія ветерановъ. Вотъ что говоритъ авторъ въ заключеніи этой книги: „Изъ всего, сказаннаго выше, явствуется, что положеніе римскаго воина въ Африкѣ во II и III вѣкахъ было существенно отлично отъ положенія легіонарія времени республики: послѣдній является чужестранцемъ, котораго приводятъ въ Африку, на время военныхъ дѣйствій, держать тамъ на сколько возможно меньше и уводятъ послѣ окончательной побѣды; онъ относится къ жителямъ провинціи, какъ побѣдитель къ побѣжденнымъ. При Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ положеніе дѣла мало измѣняется: хотя въ Африкѣ и была водворена постоянная армія, однако она оставалась чуждой для страны; это все еще была армія завоевателей. Но мало-по-малу въ нее сталъ проникать и элементъ туземный, и къ началу II вѣка произошла существенная перемѣна: императоръ Адріанъ возвратилъ Африку самой себѣ. Съ этого времени охрана страны была предоставлена ея жителямъ, что повело къ существеннымъ перемѣнамъ въ военной жизни. Будучи набираемы на мѣстѣ, питаемы и содержимы на средства провинціи, живя среди своихъ боговъ и родственниковъ, воины стали желать еще большаго: мало-по-малу они получаютъ дозволеніе обзаводиться семьей, проводить въ ней время, свободное отъ службы, соединяться въ коллегіи съ цѣлью развлеченія и взаимной помощи; при семъ суровыя узы старинной дисциплины понемногу ослабѣваютъ. При выходѣ въ отставку, ветераны получаютъ земельныя надѣлы и средства къ ихъ обработкѣ. Черезъ это армія окончательно теряетъ свой прежній характеръ и превращается въ провинціальную милицію, содержимую государствомъ. Между войсками Марія и оккупационнымъ корпусомъ III вѣка существуетъ такая же разница, какъ между нумидійской Африкой Югурты и романизованной и цвѣтущей провинціей эпохи Северовъ“ (стр. 490).

Третья, не менѣе обширная и не менѣе интересная книга труда г. Канья посвящена изложенію территоріальной оккупации Африки: внеся оружіе на африкапскую почву, республиканскій Римъ рѣшилъ приложить къ своимъ завоеваніямъ политику выжидательную, окру-

жить свои владѣнія землями, подчиненными дружественнымъ Риму царямъ; римскія войска являлись къ Африку только въ эпохи критической опасности, для того, чтобы подавить серьезное возстаніе или отразить набѣгъ непріязненныхъ племенъ. Но въ эпоху имперіи Римъ убѣдился въ необходимости имѣть постоянную вооруженную силу въ Африкѣ, распредѣлить ее для охраны границъ, расположить гарнизоны въ пунктахъ наиболѣе опасныхъ—вдоль дорогъ, по которымъ преимущественно двигались туземцы, и въ проходахъ, черезъ которые они переходили границу, —соединить эти пункты большими и правильно содержимыми дорогами для облегченія передвиженія войскъ и перевозки припасовъ; кромѣ того, въ то же время въ тылу необходимо было устроить постоянные лагери, которые служили бы поддержкой для разбѣянныхъ гарнизоновъ и постовъ и были бы центрами начальственными и продовольственными. Въ защитѣ провинціи первую роль, естественно, должна была занимать нумидійская армія, первенствовавшая какъ по численности, такъ и по устройству; зерно ея составлялъ третій легіонъ, стоявшій сначала въ Тевесте (Тебесса), затѣмъ, при Траянѣ, переведенный, вѣроятно, въ Маскулу (Кеншела) и въ концѣ царствованія этого императора водворенный въ Ламбезѣ (Ламбезъ). И доселѣ сохранились великолѣпныя развалины какъ лагеря, такъ и возникшаго возлѣ него города, превосходно описанными авторомъ и иллюстрированными рисунками и планами. Описание г. Капъя антиквируетъ работу *Вильманса* (*Die römische Lagerstadt Afrikas*, Comm. Mommsenianae, Brl., 1870, p. 190 и сл.), которая до сихъ поръ считалась капитальною въ данномъ вопросѣ. Въ Мавританіи *Caesariensis* постояннымъ лагеремъ былъ Шершель, въ Тингитанѣ—Танжеръ. Что касается пунктовъ, расположенныхъ на границѣ, то въ Нумидіи войско должно было доставлять отряды для защиты римскихъ предѣловъ, начиная съ восточныхъ границъ провинціи вплоть до Мавританіи, и, въ случаѣ необходимости, посылать отряды въ южные ея предѣлы. Благодаря извѣстіямъ авторовъ, итинераріямъ и памятникамъ эпиграфическимъ, мы имѣемъ возможность дать себѣ отчетъ относительно главныхъ пунктовъ, которые были заняты римскими войсками, и прослѣдить направленіе границы, со всѣми ея измѣненіями, которыя обуславливались прогрессивнымъ ходомъ римской цивилизаціи. Въ началѣ имперіи граница на западѣ не спускалась ниже линіи, соединяющей Тебессу съ Габесъ черезъ Гмфу, и затѣмъ шла вдоль берега до Лебды (большая Лептисъ) и Киренаики; къ концу I вѣка она подвинулась впередъ и заняла плоскогорье Ауреса и об-

няла собою оазисъ Туниса; къ западу она пошла вдоль Годны, не проникнувъ туда, и достигла Эраи, на границѣ Мавританіи. Позже, во II и III вѣкахъ, римскіе гарнизоны подвинулись еще впередъ; вѣроятно, къ этой портѣ относится занятіе Годны, и, вѣроятно, тогда же по правому берегу Уади Джеди была расположена линія гарнизоновъ, что сдѣлало возможною колонизацію этихъ крайнихъ предѣловъ римскаго владычества. Въ то же время отряды третьяго легіона на значительное пространство перешли линію высотъ, мдущихъ поперекъ Триполитаны, параллельно морю, и укрѣпились въ Гадамесѣ, Бонджемѣ и Гаріа-ел-Гарбійя. Это былъ крайній предѣлъ распространенія римскаго владычества, и понемногу оно стало отодвигаться назадъ, приближаясь къ границамъ, занятымъ въ II вѣкѣ. Огромная территория, занятая сравнительно ничтожнымъ количествомъ войска, указываетъ, съ одной стороны, его превосходную военную организацію и, съ другой, на болѣе или менѣе окончательное умиротвореніе страны. Иное видимъ мы въ Мавританіи, странѣ несравненно болѣе лихой и не поддававшейся влиянію цивилизаціи. Тогда какъ въ Нумидіи опасность могла грозить только съ юга, въ Мавританіи ее слѣдовало ожидать съ трехъ сторонъ: съ юга, сѣвера и даже изъ центра. Съ юга должно было опасаться набѣговъ изъ пустыни, съ сѣвера—пиратовъ, съ центра—возстанія обитателей Бибана, Бабора, Джурджуры, горъ великой Кабилін, Дахры, Уарсениса и Тессалы. Это обстоятельство вызывало необходимость трехъ оккупационныхъ линій, изъ коихъ одна шла по берегу, другая вдоль сѣвернаго гребня Высокой Сплошной Возвышенности (*Hauts-Plateaux*), третья, параллельная морю, почти на равномъ разстояніи отъ первой и третьей. Каждая изъ этихъ линій была соединена съ слѣдующей почти перпендикулярными путями сообщенія, слѣдовавшими направленно проходоу между различными кряжами. Береговая линія возникла ранѣе другихъ: начало ей положено было еще при Августѣ, и она окончательно завершена около 40 г. по Р. Хр. Слѣдующая линія, направлявшаяся отъ Эраи на востокъ и оканчивавшаяся въ Лалла Магнія на западѣ, вѣроятно, была начата при Адріанѣ и окончена при Коммодѣ. Наконецъ, третья линія возникаетъ при Северахъ, такъ что и въ Мавританіи, какъ и въ Нумидіи, высшая степень развитія римской оккупации относится къ III вѣку. Что касается Типгитаны, то, къ сожалѣнію, она мало изслѣдована, и потому не возможно съ точностью нанести на карту расположеніе римскихъ укрѣпленныхъ постовъ. Можно замѣтить, что южная граница отъ Феса до Салы (Sila) была укрѣ-

плена; къ западу сообщеніе между Салой и Тингисомъ (Танжеръ) было также обезопасено линіей укрѣпленныхъ пунктовъ, къ сѣверу—линіей, которая шла до Тетуана и наблюдала за недостаточно подчинившимися народностями сѣверной Тингитаны, и, можетъ быть, военной дорогой, шедшей у подошвы Рифа и отдѣлявшей его отъ заморенной части римской провинціи. Разсмотрѣніе этихъ фортификаціонныхъ линій переводить автора къ вопросу объ африканскомъ limes, о которомъ онъ, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, говоритъ только предположительно. Подобно тому, какъ было въ другихъ провинціяхъ, и африканская граница, гдѣ представлялась къ тому возможности, пользовалась естественными преградами: озерами, рѣками, горами, но, въ большинствѣ случаевъ, она представляла преграду искусственную, состоявшую изъ насыпи и рва. Вдоль ихъ направленія, въ Триполитанѣ и Нумидіи, были расположены въ правильномъ чередованіи фортификаціонные пункты, носящіе названія: *castellum*, *burgus* и *turris*. Первые два, имѣя одинаковую форму, приближающуюся къ формѣ римскаго лагеря, отличаются только своимъ размѣромъ, что же касается *turris*, то она представляетъ собою преимущественно круглую небольшую постройку, нерѣдко сосѣдствующую съ *castellum*, что заставляетъ предположить, что это скорѣе былъ пунктъ не для защиты, а для наблюденія. Въ Мавританіи система защиты была иная: въ мѣстности, преимущественно гористой, слѣдовало увеличить число постовъ и дать возможность жителямъ укрыться отъ внезапнаго набѣга: это обстоятельство вызываетъ новый типъ защиты—укрѣпленный городъ, поселокъ и даже ферму. Въ заключеніе авторъ говоритъ о военныхъ дорогахъ (*viae militares*), которыя тоже представляютъ одинъ изъ видовъ защиты и которыми была довольно правильно перерѣзана римская Африка.

Послѣдняя, четвертая книга труда г. Канья посвящена изложенію оккупации Африки послѣ Дюклетіана. Въ эту эпоху произошли существенныя измѣненія въ римскомъ устройствѣ и управленіи, и, въ томъ числѣ, и въ войскѣ. Прежде всего африканская территорія получила иное раздѣленіе, при чемъ отдѣльные округа получили гораздо меньшій объемъ противъ прежнихъ; въ управленіи—гражданская власть была отдѣлена отъ военной, и послѣдняя вѣдѣлась сначала префекту, который въ минуты критической опасности былъ замѣняемъ временнымъ *dux* *per* *Africam*; впослѣдствіи эти *duces* сдѣлались постоянными командирами военныхъ силъ извѣстной провинціи. Не менѣе, если не болѣе существенны были перемѣны въ организаціи

арміи: во всѣхъ провинціяхъ оккупация была раздѣлена на двѣ отдѣльныя группы: армію территориальную, распределенную по *limes*, охранявшую его и доставлявшую контингентъ, необходимый для гарнизоновъ и охранныхъ пунктовъ, и армію подвижную, разбѣянную внутри страны; первая состояла изъ *militēs pseudocomitatenses*, *ripenses* или *riparienses* и *limitanei*, вторая—изъ *palatini* и *comitatenses*. Въ случаяхъ необходимости усиленной защиты границы, подвижная армія выдѣляетъ изъ себя отряды, двигающіеся впередъ и поддерживающіе территориальное войско; по минованіи надобности, она удаляется внутри страны. Переходя къ частностямъ, авторъ констатируетъ, что армія въ Африкѣ стояла подъ начальствомъ *comes limitis Africae*, или *comes rei militaris Africae*, или просто *comes Africae*; онъ же былъ и *dux limitis*, и, будучи по титулу *vir spectabilis*, приравнивался къ *magistri militum*. Подчиненная его вѣдѣнію территория обнимала собою прежнюю *Africa Proconsularis*, Нумидію, Мавританію *Sitifiensis* и небольшую полосу *Caesariensis*. Въ Карфагенѣ, гдѣ жилъ *comes*, при немъ была многочисленная канцелярія—*officium*, совершенно отдѣльная отъ оккупационной арміи. Триполитана стояла подъ начальствомъ *dux*, который былъ *vir perfectissimus*, впослѣдствіи *spectabilis*, *Caesariensis*—подъ начальствомъ *dux et praeses*, а Тингитана—*dux limitis* съ чиномъ *comes primi ordinis*. Что касается войска, то третій легіонъ *Augusta* продолжалъ существовать и составлялъ часть подвижной арміи, но мѣсто его нахождения въ эпоху послѣ Діоклетіана не извѣстно. По свидѣтельству *Notitia*, въ V вѣкѣ въ Африкѣ находились: три *legiones palatinae*, 8 *comitatenses* (и въ числѣ ихъ III *Aug.*), одно *auxilium palatinum* и 20 *vexillationes comitatenses*, что составляетъ, приблизительно, до 20.000 человекъ. () Триполитанѣ мы свѣдѣній не имѣемъ; въ *Caesariensis* одно время находились два легіона (II *Herculia* и XI *Claudia*), въ Тингитанѣ 1 легіонъ *comitatensis*, 1 *pseudocomitatensis*, 2 *auxilia palatina* и 3 *vexillationes comitatensis*; одно время тутъ находился и *legio II Traiana*. Что касается пограничной, территориальной арміи, то она состояла изъ войскъ двухъ типовъ: одни были сгруппированы по когортамъ, эскадронамъ, *pinnis*, но не принадлежали къ легіонамъ; другія были специально предназначены для охраны *limes* и имѣли особую организацію. Это было нѣчто въ родѣ нашихъ военныхъ поселеній, потому что *limitanei* были съ одной стороны воинами, сражавшимися и стоявшими подъ оружіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бывшими поземельными собственниками: государство давало имъ землю на *limes*,

подъ условіемъ его вооруженной охраны, и даже сопровождало эту раздачу особыми льготами; рядомъ съ римлянами, въ числѣ этой пограничной милиціи, находятся и *foederati*. Искѣ они были подчинены особымъ *praepositi limitum*, которые, въ свою очередь, подчинились *duci* или *comiti*. Заключительныя главы этой части посвящены обзорѣ стратегической линіи, которую оканчивались съ юга римскія владѣнія въ Африкѣ, и второстепенныхъ линій, съ нею соединявшихся, а также и организаціи отдѣльныхъ *limites*.

Таково, въ общемъ, содержаніе капитальнаго труда г. Канья; изъ него читатель усмотритъ, что тема разсмотрѣна авторомъ всесторонне и изложена съ надлежащею ясностью. Многочисленныя примѣчанія содержатъ цѣлую сокровищницу ссылокъ, указаній, разъясненій по поводу различныхъ частныхъ и свидѣтельствуютъ, что авторъ всегда аи *compant* разбираемаго имъ вопроса. Кое-гдѣ, разумѣется, можно съ нимъ поспорить, кое-гдѣ и не согласиться, но, во первыхъ, такіе случаи не часты и, затѣмъ, не существенно важны.

Если мы прибавимъ, что книга г. Канья отпечатана въ Парижской Національной типографіи, то дадимъ понятіе о рѣдкомъ изыскствѣ и исправности типографскаго исполненія. Множество превосходно исполненныхъ рисунковъ, картъ и плановъ, какъ въ текстѣ, такъ и отдѣльно, значительно способствуетъ наглядности изложенія.

Кладемъ перо съ пожеланіемъ, чтобы г. Канья подарилъ науку еще нѣсколькими трудами, подобными разсмотрѣнному.

И. Номинловскій.

Опытъ русской исторіографіи. В. С. Иконникова, профессора университетъ св. Владиміра. Томъ первый (въ двухъ книгахъ). Кіевъ. 1891.

Многихъ пособій недостаетъ занимающимся русскою исторіей, но въ числѣ этихъ недостающихъ пособій наиболѣе ощутителенъ недостатокъ въ обширномъ обзорѣ источниковъ и хода исторической науки въ Россіи. Существующія пособия или устарѣли, или слишкомъ кратки, и при томъ немногія изъ нихъ касаются источниковъ; приходилось занимающимся дѣлать размысканія въ каталогахъ, описаніяхъ библіотекъ и тому подобныхъ библіографическихъ пособіяхъ; а начинающіе получали понятіе только о главныхъ родахъ источниковъ да о важнѣйшихъ произведеніяхъ исторической науки. Положимъ, что тутъ есть и хорошая сторона: болѣе впечатлѣются въ памяти главные линіи; но затѣмъ является потребность въ болѣе детальной разработкѣ; потребность принимаю-

щемуся за спеціальную работу звать, гдѣ искать ему нужныхъ матеріаловъ; потребность молодыхъ профессоровъ обозначаться въ массѣ матеріаловъ; потребность уже работавшихъ освѣжить свою память, найти во время нужную справку. *Indocti discunt, amant meminisse periti.* Подробный трудъ такого рода пугалъ тружениковъ и никто не принимался за него. В. С. Иконниковъ труда не убоился, и вотъ передъ нами начало его обширнаго сочиненія, плодъ рѣдкаго трудолюбія и необыкновенной энергіи. Вышедшій томъ (раздѣленный на двѣ книги) заключаетъ въ себѣ до 2.000 страницъ. Познакомимся поближе съ характеромъ и значеніемъ этого труда.

Авторъ начинаетъ съ обширнаго методологическаго введенія. Методологія у насъ не въ чести: почти никогда не составляла она предмета особаго курса; сочиненій, посвященныхъ ей, у насъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ; даже необходимость ея признается далеко не всѣми. Одинъ недавно умершій историкъ, оказавшій нѣкоторыя услуги наукъ, на мое замѣчаніе о необходимости школы отвѣтилъ съ удивленіемъ: „зачѣмъ школа? пустите молодого человѣка въ архивъ, вотъ и школа!“. Необходимость школы однако сознается: устраиваются рефераты, профессора бесѣдуютъ со студентами, указываютъ книги; но все же методологія ограничивается болѣе или менѣе краткими указаніями въ введеніяхъ въ курсы и учебники, которыхъ, какъ извѣстно, у насъ весьма немного. Этому то недостатку и рѣшился помочь профессоръ Иконниковъ. Многочасное преподаваніе, начитанность въ исторической литературѣ и литературѣ близкихъ къ исторіи наукъ, изученіе методологическихъ трудовъ западныхъ ученыхъ дали ему возможность съ честью покончить это важное дѣло. Мы имѣемъ теперь первую обстоятельную методологію, писанную русскимъ ученымъ и примѣненную къ потребностямъ русской науки.

Авторъ начинаетъ съ изложенія развитія исторической критики, въ которой справедливо видить важнѣйшее условіе исторической науки. Указавъ, что если у древнихъ писателей и встрѣчается критика, то только критика здраваго смысла, что у средневѣковыхъ анналистовъ видно полное отсутствіе критики, что со времени возрожденія возобладали формы историческаго повѣствованія, заимствованныя отъ древности, авторъ начинаетъ исторію новой критики со Шлецера, предварительно охарактеризовавъ направленіе Болинброка и Вольтера, судявшихъ событія критически, но только, какъ и нѣкоторые изъ древнихъ, съ точки зрѣнія здраваго смысла. Эти точки зрѣнія не остались чужды и Шлецеру, изгонявшему легенду изъ исторіи, но

Шлецеръ внесъ однако въ критику ученую оцѣнку источниковъ на основаніяхъ сличенія текстовъ, опредѣленія взаимныхъ отношеній источниковъ и т. п. Шлецера авторъ вслѣдъ за Везеденкомъ считаетъ основателемъ исторической критики. Это совершенно вѣрно, но въ какомъ смыслѣ? самъ Шлецеръ считалъ себя ученикомъ Михаэлиса. Что же это значитъ? Это значитъ, что онъ систематизировалъ приемы, употреблявшіеся со временъ возрожденія и реформаціи для изученія текстовъ классическихъ и библейскихъ и примѣнилъ ихъ къ текстамъ средневѣковымъ; другою важною заслугой Шлецера является его стремленіе приложить къ исторіи выводы наукъ общественныхъ, при чемъ онъ былъ однимъ изъ творцовъ статистики. За Шлецеромъ характеризуется Нибуръ, который, отвергая, вслѣдъ за Шлецеромъ, легенду, старается однако отыскать въ ней исторически вѣрную основу и, разрушая, стремится воссоздавать. Громадная начитанность и великій талантъ Нибура давали ему возможность въ этомъ воссозданіи близко подходить къ истинѣ. Ученикъ Нибура Ранке, выходя изъ относительной недостовѣрности историческаго повѣствованія, строитъ исторію преимущественно на архивныхъ памятникахъ. Таково отношеніе Ранке къ критикѣ; другія стороны его дѣятельности сюда не относятся. У насъ подъ вліяніемъ Шлецера и Нибура возникла скептическая школа Каченовскаго. Изъ возраженій, ему вызванныхъ, В. С. Иконниковъ отдаетъ предпочтеніе возраженіямъ Надеждина по ихъ методичности. Надеждинъ указалъ на то, что, кромѣ критики источниковъ, должна существовать критика фактовъ, опредѣленіе ихъ возможности или невозможности. Съ этими вопросами тѣсно связанъ вопросъ о достовѣрности исторіи, возбужденный тѣмъ же Надеждинымъ и впоследствии породившій полемику между графомъ С. С. Уваровымъ и профессоромъ Кудрявцевымъ. Результатомъ этого спора надо признать утвердившееся сознаніе въ томъ, что исторія достовѣрна въ значительной степени. Оставляя до времени вопросъ о томъ, что въ сущности составляетъ содержаніе исторіи, вызванный новѣйшими теоріями культурной исторіи съ преобладаніемъ той или другой стороны культуры, авторъ обращается къ изученію историческаго матеріала. Онъ начинается съ замѣчаній объ обширности этого матеріала, который возрастаетъ не только количественно, но и качественно: расширяется точка зрѣнія, въ особенности при монографической разработкѣ разныхъ отраслей исторической науки, при чемъ открывается ихъ взаимная связь и ближе опредѣляется общій ходъ развитія. Въ этой монографической работѣ авторъ находитъ источники возможности одолѣть весь этотъ

матеріалъ. Какъ же прилагается историческая критика къ этому равнообразному матеріалу? Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить общія правила критики, которая, какъ извѣстно, бываетъ внѣшняя, или низшая, и внутренняя, или высшая. Одна опредѣляетъ дипломатическую достовѣрность свидѣтельства, другая же внутреннюю достовѣрность, то есть, возможность самаго факта. Обстоятельно разсмотрѣвъ общій характеръ критики того и другаго порядка, авторъ указываетъ на значеніе конъектуръ, аналогій, которыя, конечно, могутъ иногда приносить пользу, но которыя надо употреблять умѣренно. Затѣмъ идетъ рядъ важныхъ замѣчаній о разныхъ родахъ источниковъ. Такъ, останавливаясь на томъ, что исторія основывается не на самостоятельномъ созерцаніи фактовъ, а на свидѣтельствахъ, профессоръ Ионниковъ указываетъ на субъективизмъ, неизбѣжный не только въ мемуарахъ, но и въ лѣтописяхъ, но тутъ же умѣрляетъ эти наблюденія замѣчаніемъ, что и самый субъективизмъ этотъ можетъ служить полезнымъ матеріаломъ въ рукахъ мыслящаго историка, указывая на извѣстныя настроенія. Если обращеніе съ лѣтописями и мемуарами требуетъ осторожной критики, не менѣе осторожно слѣдуетъ относиться къ офиціальнымъ источникамъ, въ которыхъ факты искажаются по требованіямъ политики или по частнымъ интересамъ лицъ. Весьма основательно эти замѣчанія авторъ прилагаетъ и къ донесеніямъ дипломатическихъ агентовъ. Переходя къ произведеніямъ литературы, авторъ, къ сожалѣнію, характеризуетъ ихъ значеніе слишкомъ общими словами Тэна. Останавливаясь далѣе на памятникахъ вещественныхъ (преимущественно надписяхъ и изображеніяхъ), онъ объясняетъ ихъ значеніе довольно многочисленными примѣрами; вообще подборъ примѣровъ составляетъ значительное достоинство занимающаго насъ труда. Окончивъ съ памятниками вещественными, авторъ переходитъ къ мѣтамъ, преданіямъ и легендамъ. Я, можетъ быть, ошибаюсь, но мнѣ кажется, что авторъ недостаточно указалъ на значеніе этого рода источниковъ для исторіи развитія сознанія, которое едва ли не самая важная сторона исторіи. Глава заключается вѣрнымъ замѣчаніемъ о значеніи скептицизма въ исторіи и указаніями на тѣ препятствія, которыя историческая наука долго встрѣчала въ Россіи въ понятіяхъ и нравахъ какъ всего общества, такъ въ особенности администраціи. По обыкновенію автора, глава сопровождается обширнымъ спискомъ книгъ и статей, преимущественно русскихъ, касающихся вопросовъ, разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ.

Вторая глава открывается перечнемъ вспомогательныхъ для исто-

ринъ знаній. Я не могу согласиться съ этимъ перечнемъ: мнѣ кажется, что исторія литературы и исторія права вовсе не отдѣльными знаніями. а части исторіи, обрабатываемыя монографически. Правда, у нихъ свои источники и обрабатываютъ ихъ особые специалисты; но и всякая часть исторіи можетъ быть предметомъ специальной разработки, напримѣръ, исторія древняго востока имѣетъ особые источники и разрабатывается особыми специалистами. Самое важное, что методъ разработки и въ исторіи права, и въ исторіи литературы историческій: исторически ни право, ни литература не могутъ быть изучаемы совершенно внѣ связи съ другими явленіями жизни. Авторъ не упоминаетъ ни исторіи христіанской церкви, ни исторіи языческихъ религій, и потому мы не знаемъ, куда онъ ихъ относитъ. Я бы полагалъ, что онъ точно также внѣтъ историческаго знанія. Вообще въ методологическомъ трудѣ объ исторіи желательно бы видѣть сужденіе о значеніи религіознаго элемента въ жизни народовъ. Встрѣчая далѣе обстоятельное изслѣдованіе отношеній каждаго вспомогательнаго знанія къ исторіи, пельзи не пожалѣть, что авторъ говоритъ только попутно, въ разныхъ мѣстахъ объ отношеніи исторіи къ другимъ областямъ знанія. Желательно, чтобы для исторіи было сдѣлано нѣчто подобное тому, что П. Г. Рѣдкинъ сдѣлалъ для науки права въ своей актовой рѣчи 1847 года. Вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ вполне заслуживаетъ изученія; это вопросъ о томъ, какое образованіе долженъ получить историкъ въ наше время, чтобы съ успѣхомъ заниматься своей наукою. Вопросъ этотъ имѣетъ и практическое значеніе: не слѣдуетъ ли когда-либо создать особый факультетъ, въ которомъ собраны были бы науки, нужныя и для историка и для такихъ лицъ, которые не готовятся къ технической дѣятельности (не юристы, не медики, не механики и т. п.), не предназначаютъ себя къ специальному изученію природы, не посвящаютъ себя специально филологическимъ занятіямъ, но могутъ быть даже практическими дѣателями (дипломатами, служащими по нѣдомствамъ, не требующимъ техническихъ познаній), или просто образованными людьми или писателями. Конечно, подобный факультетъ мыслимъ только въ такомъ случаѣ, когда гимназіи будутъ давать серьезную филологическую подготовку. Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ въ такомъ факультетѣ требуется филологическая наука и въ какой наука общественная,—вопросъ не новый: о немъ у насъ говорилъ Н. Х. Бунге, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 60-хъ годовъ, и на западѣ—Риль въ статьѣ: „Vier Facultäten“. Дѣло это, конечно, не для завтрашняго дня и тре-

буетъ зрѣлаго обсужденія, но, по моему мнѣнію, обследованіе отношеній исторія къ другимъ отраслямъ знанія необходимо въ методологическомъ сочиненіи, ибо и сверхъ такого практическаго значенія вопросъ этотъ важенъ и въ томъ отношеніи, что съ нимъ связанъ и вопросъ о томъ, на сколько исторія должна пользоваться тѣми или другими спеціальными свѣдѣніями? безъ которыхъ изъ нихъ наше познаніе прошлаго будетъ неполно и невѣрно?

Исчисливъ вспомогательныя знанія, авторъ приступаетъ къ обстоятельному изученію значенія ихъ въ отдѣльности. Онъ начинаетъ съ палеографіи и дипломатики, даетъ полное понятіе о томъ, чего можетъ ожидать историкъ отъ ихъ помощи: указавъ главнѣйшіе вопросы этихъ знаній, онъ указываетъ сочиненія, съ помощью которыхъ историческій исследователь можетъ примѣнить наблюденія палеографовъ къ изданію и изученію памятниковъ. Рядъ цѣнныхъ замѣчаній объ условіяхъ успѣшности такихъ примѣненій авторъ сообщаетъ далѣе. Отъ палеографіи авторъ переходитъ къ нумизматикѣ и археологіи; послѣдняя заслуживала бы болѣе подробнаго изложенія. Авторъ правъ, предупреждая противъ нѣкоторыхъ возможныхъ увлеченій археологовъ; но о положительномъ значеніи археологіи сказано по моему не довольно. Конечно, въ спеціальной части сочиненія при описаніи музеевъ находятся свѣдѣнія о пользѣ археологическихъ изысканій; но и въ теоретической части они требуютъ большаго вниманія. Желательны были бы замѣчанія объ археологіи быта, объ археологіи искусствъ и т. п. Приложенія началъ критики къ археологіи, подобныя тѣмъ, которыя авторъ дѣлаетъ въ области нумизматики, весьма важны. Затѣмъ авторъ переходитъ къ хронологіи, сообщаетъ по ея поводу много цѣнныхъ замѣчаній и заключаетъ главу указаніемъ практическихъ средствъ изученія памятниковъ (снимки, слѣпки, фотографіи). Думается, что не лишними были бы свѣдѣнія о томъ, что даютъ исторіи этнографія и географія (не одна, впрочемъ, историческая). О филологіи мы встрѣчаемъ понутныя замѣчанія; по отношенію къ исторіи эта отрасль знанія (мы не паявали бы ее вспомогательнымъ знаніемъ) заслуживаетъ спеціальнаго изученія. Не забудемъ, что исторія до сихъ поръ считается наукою филологическаго факультета и дѣйствительно въ значительной степени опирается на филологію; въ своемъ же развитіи она обязана ей безмѣрно: историческая критика зародилась изъ критики филологической, о чемъ мы уже говорили. Безъ сравнительнаго языкованія не возможна этнографія, столь важная для первоначаль-

ной исторіи, не возможна мифологія: исторія Востока требуетъ знаній языковъ восточныхъ; и древнихъ и новыхъ; исторія Греціи и Рима и до сихъ поръ разрабатывается людьми преимущественно съ филологическимъ образованіемъ. Конечно, со времени Нибура въ исторіи классическаго міра вносятся и вопросы экономическіе и юридическіе; но и они требуютъ близкаго знакомства съ классическою литературою, стало быть опять—филологомъ. Примѣры можно бы продолжать, но остановимся на этомъ.

Третья глава, заключающая въ себѣ вопросы внутренней критики и историческаго искусства, по ширинѣ взгляда и объективности изложенія, принадлежитъ къ лучшимъ частямъ книги. Авторъ начинается съ мифіи Гизо, указавшаго на тройную обязанность историка: критически собрать факты (*историческая анатомія*), опредѣлить законы, по которымъ событія произошли (*историческая физиологія*), и наконецъ, воспроизвести событія, оживить ихъ (*историческое искусство*). Въ воспроизведеніи фактовъ главную роль играетъ фантазія, способность переноситься въ иное время и иную среду, умѣряемая критикой. Матеріалъ получается историкомъ черезъ посредство свидѣтелей. Вотъ почему пониманіе становится возможнымъ только на основаніи сознанія единства человѣческой природы, ибо только это сознаніе даетъ намъ право судить о мысляхъ и чувствахъ другихъ по аналогіи съ нашими мыслями и чувствами и, стало быть, приближительно понимать ихъ. Такъ какъ при сложности общественной жизни полное пониманіе событій въ ихъ общей связи, ихъ причинъ и слѣдствій является чрезвычайно затруднительнымъ, то историкъ находитъ могущественное орудіе пониманія въ *сравнительномъ методѣ*, сравнивающимъ различныя формы общежитія при всевозможныхъ условіяхъ, а также и различныя состоянія одного и того же общества въ разныя времена. Пользованіе сравнительнымъ методомъ даетъ возможность объяснить явленія одного времени аналогіей съ явленіями другаго времени и въ случаяхъ крайности прибѣгать къ гипотезамъ, съ которыми, впрочемъ, надо обращаться съ осторожностью и всегда помнить, что это только приближительное объясненіе. Главное содержаніе исторіи составляютъ событія, но событія совершаются въ извѣстной средѣ, въ извѣстной обстановкѣ. Картина этой среды все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе историковъ, являются попытки замѣнить бытовую (культурную) исторію былевую, тогда какъ необходимо допустить ихъ взаимодѣйствіе. Авторъ вполне соглашается съ этимъ, ибо, какъ увидимъ далѣе, онъ признаетъ значеніе

личности въ исторіи. Вооружаясь противъ крайностей историковъ бытовыхъ, онъ особенно не сочувствуетъ объясненіямъ исторіи исключительно экономическими, юридическими (и такъ далѣе) условіями. Ниже укажемъ на его основательныя возраженія противъ статистическаго метода въ исторіи. Признавая пользу философскаго изученія исторіи, авторъ не признаетъ, чтобы существующіе философскіе взгляды вполне объясняли исторію. Далѣе, говоря объ историческомъ законѣ, онъ склоняется къ слѣдующему мнѣнію анонима русскаго писателя: „законъ исторіи заключается лишь въ *необходимой связи* событій, сведенной на возможно меньшее число условій, ее объясняющихъ, въ различеніи существенныхъ элементовъ явленій между разнообразными усложненіями тѣни, въ уясненіи главныхъ узловъ среди всесторонняго сплетенія и развѣтвленія фактовъ“. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что мы можемъ отрицать разумъ въ исторіи; мы только признаемъ бессиліе собственнаго разума понять весь строй міроустройства, въ который человѣческая жизнь входитъ, какъ часть; мы можемъ только приближаться къ этому пониманію, и такія приближенія составляютъ заслугу философской мысли: какъ увидимъ далѣе, авторъ приписать идею прогресса, какъ руководящую нить исторіи. Теперь мы обратимся къ его изложенію: указавъ значеніе пониманія фактовъ въ ихъ связи, авторъ переходитъ къ вопросу объ историческомъ изложеніи. Отъ историческаго повѣствованія онъ справедливо требуетъ художественности, но тщательно различаетъ историка отъ романиста; одинъ долженъ быть вѣренъ своимъ источникамъ, другой можетъ творить, соображаясь только съ вѣроятностью. Впрочемъ, онъ вообще относится неодобрительно къ историческому роману и мнѣнію Маколей и Нибуръ о Вальтеръ-Скотѣ противопоставляетъ неблагоприятныя отзывы о немъ Ранке, Шлоссера и Гервингуса. Я позволю себѣ вступить за Вальтеръ-Скота: не слѣдуетъ забывать, что на его романахъ сложились понятія О. Тьерри, имѣвшія такое важное вліяніе на развитіе исторіи, ибо хотя его взглядъ на завоеваніе Англіи норманнами и на борьбу галловъ съ франками до позднѣйшихъ временъ теперь оставленъ, но мысль о различеніи эпохъ составляетъ одно изъ условій историческаго повѣствованія, и она идетъ отъ Вальтеръ-Скота; справедливо замѣчаніе А. С. Травецкаго, приписываемое и нашимъ авторомъ, что если мы теперь лучше знаемъ средніе вѣка, то причина въ изданіи грамотъ, лѣтописей и т. п., но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что интересъ къ среднимъ вѣкамъ опять такъ въ значительной степени возбужденъ Вальтеръ-Ско-

томъ. Охотно уступаемъ автору наши историческіе романы, но все же исключимъ хоть „Капитанскую дочку“ и „Войну и миръ“. При изложеніи событій чрезвычайно важно расположить ихъ по ихъ относительному значенію, что называется исторической перспективой. Авторъ сообщаетъ по этому вопросу очень дѣльные замѣчанія: онъ указываетъ на то, что современники преувеличиваютъ значеніе событій, которыя они наблюдаютъ или въ которыхъ участвуютъ, и не придаютъ значенія менѣе громкимъ въ современности явленіямъ: для современниковъ Аристофана небольшія битвы той эпохи казались важнѣе „Всадниковъ“; для насъ наоборотъ. Люди любятъ часто унижать свое время въ пользу прошедшаго или возвышать его надъ прошедшимъ. Исторія не должна впадать въ эти крайности. Историкъ долженъ избѣгать главнымъ образомъ того, чтобы не возвести частный случай въ общее явленіе. Авторъ основательно вспоминаетъ при этомъ Токвиля, который заносилъ въ свой „Старый порядокъ“ только явленія, встрѣчаемыя во многихъ мѣстахъ. Въ исторіи важнымъ дѣятелемъ является человѣческая личность. Авторъ вполне основательно посвящаетъ этому вопросу обширное разсужденіе: онъ указываетъ на то, что личность направляетъ событія. Онъ вполне убѣжденъ въ исторической роли великихъ людей и считаетъ психологію важнымъ для историка знаніемъ; съ другой стороны, онъ указываетъ на то, что общественное состояніе имѣетъ вліяніе на характеръ людей, то повышая, то понижая ихъ нравственно. Вотъ почему онъ требуетъ воспитанія воли въ человѣкѣ. Мы можемъ понимать характеръ людей потому, что природа человѣка едина; отсюда выводится и единство исторіи. Извѣстно, какимъ ревностнымъ защитникомъ этой мысли является Фриманъ. Дѣйствительно, у совершенно разнаго происхожденія народовъ встрѣчаются одинаковыя явленія; въ исторіи разныхъ народовъ замѣчаемъ одинаковую послѣдовательность событій. Отсюда плодотворность исторической аналогіи; но слѣдуетъ, кажется, имѣть въ виду и то, что если разнообразны характеры отдѣльныхъ лицъ, то и характеръ народовъ далеко не похожъ одинъ на другой. Вѣчный законъ разнообразія и единства здѣсь дѣйствуетъ точно такъ-же, какъ и въ мірѣ физическомъ. Какъ ни цивилизуйте китайца, онъ все останется китайцемъ: приметь отъ цивилизаціи то, что ему пригодно, и сохранитъ основы національнаго характера. Вотъ почему единая цивилизація есть недостижимый идеалъ и прибавимъ нежелательный: скучно будетъ въ мірѣ, гдѣ все единообразно. На единствѣ исторіи основывается статистическій методъ,

находящій общій законъ въ единообразіи статистическихъ данныхъ. Какъ извѣстно, этотъ методъ популяризовалъ Бокль, *cet enfant terrible de la statistique*, какъ остроумно назвалъ его Флинтъ (Епс. Brit.). Авторъ основательно возстаеъ противъ этого метода, окончательно обезличивающаго исторію и удаляющаго изъ нея множество явленій. Онъ приводитъ между прочимъ замѣчаніе Вундта, что статистика раскрываетъ только внѣшнія причины произвольнаго дѣйствія, внутреннія же причины ускользаютъ отъ статистическаго изслѣдованія. Статистика имѣетъ свое законное приложеніе къ исторіи, именно въ вопросахъ экономическихъ. Здѣсь она на мѣстѣ и безъ ея помощи ничего нельзя сдѣлать. Оцѣнивъ статистическій методъ, авторъ переходитъ къ замѣчаніямъ объ историческомъ законѣ, о которыхъ мы уже говорили; затѣмъ обращается къ теоріи прогресса. Онъ вполне сочувствуетъ приводимому имъ мнѣнію Гервинуса: „Исторія, разсматриваемая въ небольшихъ пространствахъ времени, отличается въ своемъ движеніи одностороннимъ характеромъ, который ей даютъ господствующія вліянія. Обнимаемая въ большихъ періодахъ, она представляетъ картину постоянныхъ колебаній между противоположными вліяніями, колебаній, которыя противодѣйствуютъ всякому перевѣсу одной какой-либо плев, одного какого-либо руководящаго движенія или силы. Созерцаемая въ цѣломъ, въ обширномъ теченіи вѣковъ, она снова въ томъ же приливѣ и отливѣ представляетъ постоянное стремленіе по одному опредѣленному направленію, совершенно несомнѣнный прогрессъ господствующей идеи“. Выстъ съ Лотце авторъ отвергаетъ возможность народамъ стариться. Теорію культурныхъ типовъ авторъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ, хотя изъ одного примѣчанія касательно Рюккерта видно, что онъ ей не сочувствуетъ. Все же однако она стоила бы разсмотрѣнія. Въ основѣ ея лежитъ интересная мысль: прогрессъ состоитъ въ раскрытіи разныхъ сторонъ человѣческой природы, представляемыхъ различными группами человѣческаго рода. При другомъ случаѣ я замѣтилъ, что не далеко отъ такой теоріи Фриманъ, отдѣляющій въ особый міръ древній Востокъ, и хотя онъ соединяетъ міръ классическій съ западно-европейскимъ, все же отдѣляетъ его и отъ азіатскаго Востока, и отъ славянскаго міра. В. И. Ламанскій въ своихъ „трехъ мірахъ“ подходитъ къ той же мысли. „Если исторія—говоритъ авторъ—въ своемъ идеальномъ представленіи есть „истина“, какъ понимаютъ ее и древніе и новыя писатели, то естественно возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся между собою историкъ и его предметъ?“ Эти слова слу-

жать введеніемъ къ вопросу о субъективности и объективности въ исторіи. Вопросъ этотъ профессоръ Иконниковъ разсматриваетъ подробно и основательно. Признавая, что человѣкъ никогда не можетъ быть вполне объективнымъ, онъ требуетъ устранения предвѣренности тенденціозности, хотя и признаетъ, что нельзя отказаться отъ національных, философскихъ и религіозныхъ взглядовъ, свойственныхъ каждому человѣку. Объективность должна, стало быть, состоять въ безпристрастномъ, по возможности, изученіи фактовъ и отсутствіи предвѣреннаго настроенія въ ихъ изложеніи. Авторъ внимательно разсматриваетъ вліянія на историческое изложеніе личныхъ взглядовъ историка, направленій, господствующихъ въ извѣстное время, національных особенностей и т. п. Не смотря на все это, историкъ не долженъ служить какой-либо внѣшней цѣли; онъ долженъ возвышаться по возможности надъ всѣмъ случайнымъ. Первымъ условіемъ для этого является обширное образованіе, расширяющее его умственный горизонтъ. „Истинный историкъ—говоритъ Маколей—тотъ, въ сочиненіи котораго изображается въ миниатюрѣ духъ и характеръ вѣка“, что невозможно даже приблизительно безъ широкаго образованія; при такихъ возвышенныхъ требованіяхъ понятно, что Маколей не находилъ ни одного вполне удовлетворяющаго его труда. Кромѣ образованія историкъ долженъ владѣть даромъ переноситься въ иное время и въ иную народность. Онъ долженъ избѣгать пристрастныхъ оцѣнокъ людей и событій: умѣть указать слабости въ героѣ и хоронія стороны въ дурныхъ людяхъ; онъ долженъ постоянно имѣть въ виду высокой нравственный идеалъ. Знакомство съ практической жизнью, столь частое у англійскихъ историковъ и встрѣчающееся у нѣкоторыхъ французскихъ, много помогаетъ историку. Конечно, самое важное условіе для историка есть природный талантъ и, прибавимъ отъ себя, умѣніе приняться за работу, свойственную его склонностямъ и таланту. Отъ обсужденія условій, создающихъ историка, авторъ переходитъ къ значенію исторіи для общества. Изучая общественный строй, исторія, конечно, очень важна для практической жизни: „изъ всѣхъ наукъ о человѣческой жизни—приводитъ авторъ слова Вебера—исторія имѣетъ наиболѣе практическое значеніе въ смыслѣ дидактики: она должна научать пониманію настоящаго и будущаго на основаніи прошедшаго“. По возможности полное знаніе и истинный взглядъ на жизнь,—говоритъ авторъ—можетъ дать только наука исторіи, единственная изъ общественныхъ наукъ, доступная школь“. Вотъ почему исторія должна чуждаться цѣлей не научныхъ. Мы привели взглядъ автора на общія

чертахъ, опуская множество любопытныхъ замѣчаній и выписокъ, мнѣній разныхъ историковъ. Глава, сверхъ обычныхъ обширныхъ библиографическихъ указаній, заключается обзорѣніемъ немногочисленныхъ русскихъ сочиненій по историографіи. Здѣсь авторъ знакомитъ читателя съ любопытнымъ рукописнымъ курсомъ Н. А. Иванова, извѣстнымъ въ печати только частію. Это сообщеніе возбуждаетъ горестное чувство: по разнымъ причинамъ Ивановъ сдѣлалъ мало, но я то, что имъ сдѣлано, или не издано, или и изданное мало кому извѣстно. Такова судьба ученыхъ на Руси! Будемъ надѣяться, что въ будущемъ положеніе улучшится.

За общимъ методологическимъ введеніемъ слѣдуетъ очеркъ исторіи сохраненія, отысканія и изданія матеріаловъ. Этотъ очеркъ занимаетъ собою четыре главы (IV, V, VI, VII) перваго отдѣла книги. Изъ нихъ въ главѣ четвертой изложеніе доведено до конца XVIII вѣка, начиная съ древнѣйшихъ поръ. Здѣсь собраны свѣдѣнія о библиотекахъ княжескихъ и монастырскихъ, объ архивахъ царскаго періода. Мимоходомъ авторъ дѣлаетъ указанія о судьбѣ русскихъ архивовъ, небрежномъ храненіи текстовъ и т. д. Послѣ не разъ обращается онъ къ этому грустному мартирологу русской старины. Переходя ко времени Петра Великаго, авторъ указываетъ на его заботы о собираніи лѣтописей, составленіи исторій, сохраненіи древностей. При пріемникахъ Петра указаны препятствія со стороны администраціи къ изданію лѣтописей. Екатерина II снова возобновила въ широкихъ размѣрахъ мысль Петра о собираніи памятниковъ рукописныхъ. Извѣстна горькая судьба собранныхъ по ея повелѣнію рукописей. При Павлѣ I ихъ рѣшено было возвратитъ владѣльцамъ; много погибло при небрежной перевозкѣ. Въ той же главѣ общій очеркъ дѣятельности Татищева, Миллера, Новикова, Голицева, самой императрицы, ученыхъ экспедицій академиковъ и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Указаніе памятниковъ вещественныхъ тоже заняло мѣсто въ этой главѣ.

Глава пятая посвящена дѣятельности графа Румянцева и образовавшагося около него кружка ученыхъ. Благодаря значительному количеству обнародованныхъ писемъ и нѣсколькимъ статьямъ, касающимся графа Румянцева и его кружка, очеркъ проф. Иконникова выходитъ очень полнымъ и любопытнымъ. Передъ читателемъ выступаетъ прежде всего самъ Румянцевъ съ его ненасытною любознательностью: онъ собираетъ отовсюду свѣдѣнія о памятникахъ, скупаетъ ихъ гдѣ возможно, составляетъ громадную бібліотеку; оты-

сбиваетъ людей (Григоровичъ и др.) воодушевляетъ ихъ, указываетъ имъ задачи, снаряжаетъ экспедиціи: по Россіи (Строевъ и Калайдовичъ по монастырямъ), за границу (Шульцъ въ Германіи, Штраудманъ въ Италіи), наконецъ, кругомъ свѣта (Коцебу); выходитъ въ сношенія съ иностранными археологами, поддерживаетъ изданія Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ и обсуждаетъ ихъ планъ, задумываетъ много изданій, изъ которыхъ далеко не всѣ, къ сожалѣнію, были исполнены: такъ не исполнилось его намѣреніе издать византійцевъ и т. д. Авторъ характеризуетъ дѣятельность и сотрудниковъ Румянцева: м. Евгенія, о. Григоровича, Калайдовича, Строева и др.; здѣсь встрѣчаемъ свѣдѣнія объ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Румянцевымъ: Кругъ, Френъ, Газе и т. д.; представляется вѣтъмъ полный списокъ изданій Румянцева, обзоръ письменныхъ сокровищъ его музея. Хотѣлось бы большаго вниманія къ Карамзину, какъ собирателю матеріаловъ и какъ историку, впервые представившему полный репертуаръ того, что тогда было извѣстно объ источникахъ. Конечно, оцѣнки способовъ изданій авторъ здѣсь не дѣлаетъ, очевидно прибегая къ ней для втораго тома; но и какъ собиратель матеріаловъ, Карамзинъ имѣетъ свое самостоятельное мѣсто¹⁾).

Глава шестая начинается съ дѣятельности археографической экспедиціи, совершенной Строевымъ съ помощью отъ Академіи Наукъ. По мысли объ экспедицію, которую въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ упрочно развивалъ Строевъ, принялась не скоро. Успѣхъ экспедиціи, не смотря на малое содѣйствіе со стороны многихъ и даже противодѣйствіе отъ невѣжества другихъ, не смотря на недостаточное число дѣятелей, былъ громаденъ. Разказавъ ея исторію, авторъ воспоминаетъ объ утратѣ многихъ документовъ, о небрежности въ храненіи ихъ, и даже упоминаетъ случаи уничтоженія. Это лучший отвѣтъ тѣмъ, которые упрекаютъ экспедицію въ пренебреженіи къ центральнымъ архивамъ: центральные архивы все-же были въ большемъ порядкѣ, а архивы провинціальныя были въ жалкомъ состояніи; съ нихъ и слѣдовало начать. Потомъ пришла очередь и центральнымъ архивамъ: теперь существуетъ археографическая коммиссія, теперь и въ самыхъ архи-

¹⁾ Къ Карамзину авторъ, кажется мнѣ, не совсѣмъ справедливъ: разсуждая о субъективизмѣ, онъ останавливается на мнѣніи Соловьева о неточности Карамзина при передачѣ фактовъ. Мнѣніе это требовало бы значительныхъ оговорокъ.

вахъ (говору, конечно, не о Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ всегда были подготовленные дѣятели) есть люди, приготовленные къ изданію и изученію документовъ. Трудно было тогда думать о томъ, что не въ далекомъ будущемъ найдутся и на мѣстахъ силы для изученія ихъ архивовъ. Археографическая экспедиція была зерномъ археографической комиссіи. Авторъ переходитъ отъ дѣятельности экспедиціи къ дѣятельности комиссіи и дѣлаетъ общій обзоръ ея изданій и трудовъ ея членовъ для собиранія матеріаловъ. Вслѣдъ за археографической комиссіей образуются въ Кіевѣ и Вильнѣ временныя комиссіи для разбора актовъ, обращенныя потомъ въ археографическія комиссіи; была одно время такая комиссія и въ Минскѣ, о чемъ авторъ упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ; была и въ Нижнемъ, о чемъ также встрѣчается у него упоминаніе. Авторъ даетъ обзоры и ихъ дѣятельности и заканчиваетъ главу обзоромъ дѣятельности центральнаго статистическаго комитета, губернскихъ статистическихъ комитетовъ и нѣкоторыхъ церковно-статистическихъ. Библиографическій перечень, заканчивающій, по обычаю автора, эту главу, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, возможно полное указаніе изданій статистическихъ комитетовъ.

Глава седьмая посвящена дѣятельности для собиранія и изданія матеріаловъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ, имѣющихъ отношеніе къ Россіи, правительства и частныхъ лицъ.

Не станемъ представлять списка обществъ, дѣятельность которыхъ обобщиваетъ авторъ; скажемъ только, что онъ перечисляетъ ихъ изданія, при чемъ обращаетъ вниманіе не только на общества, изучающія письменные источники, но и на тѣ, которыя изучаютъ памятники вещественные ¹⁾ (при свѣдѣніяхъ о Московскомъ археологическомъ обществѣ находимъ упоминанія о бывшихъ археологическихъ съѣздахъ), а также и на общества географическія. Далѣе мы находимъ указанія на изданія разныхъ правительственныхъ учреждений, на журналы разныхъ министерствъ, на губернскія вѣдомости, на сборники, составленные частными лицами, на журналы, какъ общелитературные, если они помѣщали матеріалы, такъ и специально-историческіе. Не забыта и литература иностранныхъ сборниковъ, на сколько она касается Россіи и, конечно, встрѣчаются указанія сборниковъ губерній прибалтійскихъ и польскихъ. Отнынѣ за

¹⁾ Общество любителей русскаго искусства, о которомъ авторъ говоритъ на стр. 312-й, слѣдуетъ считать прекратившимся.

свѣдѣніями этого рода занимающемуся не нужно обращаться ни къ какимъ библиографическимъ пособіямъ, а если потребуется дальнѣйшая справка, то адѣсь же найдутъ они и указанія на то, гдѣ такую справку можно сдѣлать. Въ этомъ отношеніи трудно требовать болѣе точности, особенно имѣя въ виду, что въ дополненіяхъ читатель найдетъ указанія на пропуски или на новыя явленія. Могутъ при пользованіи оказаться въ некоторыхъ неточности, но безъ нихъ немислимы такой большой трудъ.

Второе отдѣленіе книги посвящено обзору архивовъ, библиотекъ и музеевъ. Въ первой главѣ обобщаются центральные правительственные архивы. Начавъ съ общихъ замѣчаній объ описаніяхъ архивовъ, авторъ переходитъ къ *Московскому архиву министерства иностранныхъ дѣлъ*, издавна извѣстному своимъ порядкомъ и издавна доступному для исследованийъ, благодаря цѣлому ряду управляющихъ, понимавшихъ все значеніе вѣрренныхъ имъ сокровищъ. Излагается исторія архива, перечисляются составляющіе его отдѣленія, указываются важнѣйшіе хранящіеся въ немъ памятники; описывается его библіотека. Въ заключеніе перечисляются ученые учрежденія, печатавшія матеріалы изъ этого архива, и ученые, работавшіе въ немъ съ показаніемъ, чѣмъ именно они занимались. Подобное описаніе архива даетъ ясное понятіе о содержащихся въ немъ памятникахъ и можетъ служить надежнымъ руководствомъ для лицъ, изучающихъ матеріалы по тому или другому вопросу. Обширная библиографія, сопровождающая каждое описаніе архива, значительно облегчаетъ дальнѣйшія справки. По такому же плану описывается далѣе *Московский архивъ министерства юстиціи*, который представляетъ богатѣйшее собраніе матеріаловъ для изученія внутренней исторіи Московскаго государства. Новѣйшіе изслѣдователи преимущественно на его документахъ основываютъ свои труды. Благодаря заботамъ двухъ покойныхъ управляющихъ архивомъ, Н. В. Калачева и Н. А. Попова, онъ ревностно приводится въ порядокъ, и ученый міръ знакомится съ его содержаніемъ въ издаваемыхъ описаніяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ *Московский дворцовый архивъ*, представляющій памятники дворцоваго быта московскихъ царей, послужившіе источникомъ, между прочимъ, для классическаго сочиненія И. Е. Забѣлина: „Бытъ русскихъ царей“. Многіе изъ памятниковъ, сохраняющихся въ этихъ архивахъ, уже изданы. Обзорніе центральныхъ московскихъ архивовъ авторъ заключаетъ *Архивомъ межевой канцеляріи*, представляющимъ важныя данныя для исторіи землевладѣ-

нія, начиная съ XVIII вѣка. Изъ петербургскихъ архивовъ авторъ прежде всего останавливается на *Государственномъ архивѣ* и соединенномъ съ нимъ *Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ* (за XIX вѣкъ). Государственный архивъ, содержащій въ себѣ документы, касающіеся лицъ императорской фамиліи, бывшихъ статсъ-секретарей и т. д., съ другой стороны,—дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, преимущественно важенъ для исторіи, начиная съ XVIII вѣка (матеріалы временъ предшествующихъ попадаютъ въ немъ случайно). Архивъ же министерства содержитъ въ себѣ иностранныя сношенія съ 1800 г. Когда государственный архивъ сталъ доступнѣе (съ конца 50-хъ годовъ), многое проявилось въ русской исторіи со времени Петра Великаго. *Архивъ правительствующаго сената* важенъ потому, что сенатъ XVIII вѣка былъ центромъ администраціи. При сенатѣ хранилась часть коронной и литовской метрики, то-есть, актыныя книги бывшихъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго; литовскія нынѣ переданы въ Московскій архивъ министерства юстиціи. *Архивъ правительствующаго синода* собственно важенъ съ XVIII вѣка; документы XVI и XVII вѣковъ встрѣчаются лишь случайно. *Архивъ государственнаго совѣта* начинается съ дѣлъ государственнаго совѣта, учрежденнаго Екатериною II въ 1768 г., и содержитъ въ себѣ документы перво-степенной важности, иногда даже по вопросамъ внѣшней политики и постоянно по вопросамъ внутреннимъ. Свѣдѣнія объ архивѣ комитета министровъ падають въ дополненіяхъ (стр. CVI). Подъ общее заглавіе *Архива военнаго министерства* авторъ соединяетъ архивы: *Военно-ученый архивъ главнаго штаба*, съ его отдѣленіемъ въ Москвѣ, и *Архивъ, состоящій при артиллерійскомъ музеѣ*, хранящій въ себѣ между прочимъ остатки документовъ бывшаго Пушкинскаго приказа. *Морской Архивъ* начинается со времени Петра Великаго и представляетъ въ особенности много драгоцѣнныхъ данныхъ для исторіи Петра, который такъ сильно потрудился для созданія флота. Затѣмъ авторъ обозрѣваетъ архивы другихъ министерствъ, петербургскіе дворцовые, собственной Е. И. В. Канцеляріи, Кіевскій центральный, Виленскій центральный, бывшей Малороссійской коллегіи, нынѣ хранящійся въ Харьковскомъ университетѣ (при чемъ указываетъ судьбу остатковъ запорожскаго архива, приобретеннаго г. Скальковскимъ и послужившаго источникомъ его сочиненій). Авторъ заключаетъ главу обозрѣніемъ архивовъ генераль-губернаторствъ, главнаго управленія намістника Кавказскаго, центрального Царства

Польскаго, старыхъ дѣлъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Во второй главѣ авторъ переходитъ къ архивамъ губернскимъ, областнымъ, войсковымъ и сословнымъ. Онъ начинается съ общихъ свѣдѣній объ образованіи этихъ архивовъ, при чемъ указываетъ, какъ долго ими мало пользовались; болѣе близкое знакомство съ ними начинается съ археографической экспедиціи. Объ архивныхъ коммиссіяхъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (въ главѣ шестой). Въ обзорѣ автора входятъ архивы Великороссіи, южной и западной Руси, Сибири, Кавказа, Балтійскаго края, Царства Польскаго, портовые, полковые. Конечно, обзоры его болѣе или менѣе пространны, смотря по обилію свѣдѣній о томъ или другомъ архивѣ въ существующей литературѣ (иногда авторъ прибѣгалъ и къ перепискѣ). Большаго, разумѣется, никто не въ правѣ требовать; нельзя не удивляться той энергіи, съ которою проф. Иконниковъ совершилъ такой важный трудъ.

Въ третьей главѣ собраны свѣдѣнія объ архивахъ и библіотекахъ епархіальныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, раскольниковыхъ и церковей иновѣрныхъ. Авторъ начинается со свѣдѣній объ историко-статистическихъ комитетахъ, существующихъ при епархіальныхъ управленіяхъ для описанія епархій; затѣмъ переходитъ къ обзорѣ епархіальныхъ архивовъ, на сколько они извѣстны въ литературѣ, постоянно указывая на извлеченные изъ нихъ матеріалы. Указавъ на существованіе епархіальныхъ библіотекъ и архивовъ главныхъ священниковъ, авторъ переходитъ къ монастырскимъ и церковнымъ архивамъ и библіотекамъ, оставляя до другаго мѣста подробности о тѣхъ изъ библіотекъ, которыя нынѣ входятъ въ составъ большихъ собраній (напримѣръ, Соловецкая библіотека, нынѣ въ Казанской духовной академіи). Обзору этихъ учрежденій въ частности авторъ предпосылаетъ нѣсколько замѣчаній о способѣ образованія монастырскихъ библіотекъ, объ изученіи ихъ м. Евгеніемъ, археографическою экспедиціей; (о позднѣйшихъ трудахъ, какъ касающихся самихъ библіотекъ и архивовъ, такъ и извлеченныхъ изъ нихъ матеріаловъ, свѣдѣнія сообщаются авторомъ въ этой же главѣ при отдѣльныхъ архивахъ и библіотекахъ). О раскольниковыхъ библіотекахъ мало свѣдѣній въ литературѣ, оттого ихъ мало и въ книгѣ проф. Иконникова. Помѣщеніе свѣдѣній о нихъ между свѣдѣніями о монастыряхъ сѣверной и южной Руси едва ли удобно для приписыванія. Глава заключается краткими сообщеніями о библіотекахъ и архи-

вахъ католическихъ и протестантскихъ церквей въ предѣлахъ Россіи.

Глава четвертая посвящена свѣдѣніямъ о важнѣйшихъ бібліотекахъ духовнаго вѣдомства. Авторъ начинается съ бібліотеки *Синодальной*; разказываетъ ея исторію, указываетъ важнѣйшія изъ ея сокровищъ, перечисляетъ труды, основанные на ея рукописяхъ, и лицъ, работавшихъ въ ней. Затѣмъ онъ переходитъ къ *Московской типографской* бібліотекѣ (то-есть, бібліотекѣ синодальной типографіи) и статью объ этой бібліотекѣ завершаетъ свѣдѣніями о типографскомъ музеѣ, устроенномъ при ней трудами В. Е. Румянцева. Въ обзорѣ бібліотеки *Московской духовной академіи* входитъ и обзорѣе перешедшей въ нее бібліотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря; точно также въ очеркѣ бібліотеки *С.-Петербургской духовной академіи* находимъ свѣдѣнія о перешедшей въ нее бібліотекѣ Софійскаго Новгородскаго собора, а въ описаніи бібліотеки *Казанской духовной академіи* слѣдуетъ искать указаній на бібліотеку Соловецкую. Окончивъ описаніе бібліотеки *Кіевской духовной академіи*, при которомъ помѣщены свѣдѣнія о *церковно-историческомъ музеѣ*, авторъ представляетъ краткія свѣдѣнія о бібліотекахъ духовныхъ семинарій.

Въ главѣ пятой обзорѣваются правительственныя и общественныя бібліотеки. Авторъ начинается съ *архиважной*, составленной главнымъ образомъ Екатериною II, а нынѣ переданной частью въ Публичную бібліотеку, частью въ Московскій публичный музей (стр. 792 въ исчисленіи приобрѣтеній Публичной бібліотеки). При свѣдѣніяхъ о *дворцовой бібліотекѣ въ городѣ Павловскѣ* находимъ указанія на архивъ павловскаго городскаго управленія. Въ *Императорской Публичной бібліотекѣ* сообщаются особенно подробныя свѣдѣнія, касающіяся исторіи ея образованія, ея приобрѣтеній и настоящаго ея состоянія. Также обстоятельно описывается *библіотека Московскаго публичнаго музея*. Авторъ начинается съ краткой ея исторіи, при чемъ указываетъ, что многое уже было сообщено имъ при изображеніи дѣятельности графа Румянцева. Затѣмъ, обозначивъ въ краткихъ чертахъ рукописи, описанныя Востоковымъ, авторъ упоминаетъ о домашнемъ архивѣ графа Румянцева, въ „описаніе“ не вошедшемъ, но хранящимся въ бібліотекѣ. Затѣмъ, упомянувъ объ отдѣлѣ иностранномъ бывшаго Румяновскаго музея и отдѣлѣ старопечатныхъ книгъ, авторъ переходитъ къ перечисленію приобрѣтеній музея послѣ переноса его въ Москву; сообщаетъ далѣе общія свѣдѣнія о книжномъ состояніи музея и его приобрѣтеніяхъ, а также о музеяхъ, соединенныхъ съ бібліотекою и

ихъ приобрѣтеніяхъ. Здѣсь же—свѣдѣнія о *Чертковской библиотекѣ*, долгое время помѣщавшейся при музеѣ. Свѣдѣніями о работахъ, основанныхъ на памятникахъ музея, заключается по обычаю автора эта статья. Въ концѣ главы находимъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ провинціальныхъ публичныхъ библиотекахъ, хранящихъ рукописи. Сюда авторъ относитъ библиотеки: *Карамзинскую* въ Симбирскѣ, *Керenskую* (Пензенской губерніи) и *Вилenskую публичную*, сообщая о послѣдней болѣе обширныя свѣдѣнія.

Въ шестой главѣ обобщаются библиотеки, музеи и архивы учебныхъ и учебныхъ заведеній (кромя духовныхъ, о которыхъ свѣдѣнія уже сообщены въ четвертой главѣ). Авторъ начинаетъ съ Академіи Наукъ: разсказываетъ исторію ея библиотеки, характеризуетъ ея современное состояніе, исчисляетъ музеи академическіе, на сколько они имѣютъ значенія для исторической науки; сообщаетъ свѣдѣнія объ ея архивахъ и о томъ, кто и когда ими пользовался. Затѣмъ излагается исторія и современное состояніе университетскихъ библиотекъ и состоящихъ при университетахъ разныхъ коллекцій (этнографическій музей въ Казани, музей древностей въ Кіевѣ, минцъ-кабинетъ и кабинетъ изящныхъ искусствъ). Библиотека и музей Дерптскаго университета, библиотека бывшаго Вилenskаго университета тоже описаны; о библиотекѣ университета Гельсингфорскаго находимъ враткія свѣдѣнія, о Варшавскомъ же ничего не находимъ. Отъ университетовъ авторъ обращается къ коллекціямъ другихъ заведеній (Нѣжинскаго института, нѣкоторыхъ гимназій и училищъ). Библиографія при этомъ отдѣлѣ, какъ и при отдѣлѣ объ университетахъ любопытна тѣмъ, что авторъ, не ограничиваясь указаніями, гдѣ имѣются свѣдѣнія о коллекціяхъ учебныхъ заведеній, дѣлаетъ перечень книгъ вообще объ учебныхъ заведеніяхъ. Сообщаемъ это для тѣхъ, кому нужны подобныя свѣдѣнія, но кто здѣсь не сталъ бы искать ихъ. Отъ учебныхъ заведеній авторъ переходитъ къ ученымъ обществамъ: обществу исторіи и древностей россійскихъ, обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, Казанскому обществу археологіи, исторіи и этнографіи, Харьковскому историко-филологическому обществу, Одесскому историческому обществу (съ Θεодосійскимъ музеемъ), Императорскому историческому обществу, обществу любителей древней письменности, Русскому археологическому, Московскому археологическому, Кавказскому обществу исторіи и археологіи, Русскому географическому (съ его отдѣленіями), Уральскому обществу любителей естествознанія. Въ заключеніе сообщаются указанія на общества вольно-экономиче-

ское и финляндское литературное; извѣстія о коллекціяхъ обществъ Прибалтійскаго края встрѣчаются въ другомъ мѣстѣ (стр. 1385), но они кратки, вѣроятно потому, что автору не удалось найти болѣе подробныхъ свѣдѣній; вѣроятно, по той же причинѣ не находимъ извѣстій объ археологической коллекціи Томскаго университета. Извѣстія, хотя и краткія, о другихъ сибирскихъ музеяхъ сообщаются авторомъ (стр. 1384). Затѣмъ авторъ переходитъ къ коллекціямъ статистическихъ комитетовъ, гдѣ при дѣятельности исковскаго комитета указывается существующее во Исковѣ археологическое общество; съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на Тверскомъ музеѣ. Затѣмъ описываются коллекціи археографическихъ комиссій. Въ концѣ главы авторъ обращается къ археологическому институту и основаннымъ по почину Н. В. Калачева архивнымъ комиссіямъ. Здѣсь же естаті указаны возникающіе въ нѣкоторыхъ епархіяхъ архивы и музеи (Ростовскій музей древностей, Нижегородское епархіальное древлехранилище) ¹⁾.

Глава седьмая озаглавлена: „Фамиліные и частные архивы и бібліотеки въ Россіи“. Глава эта одна изъ самыхъ обширныхъ въ трудѣ В. С. Иконникова и одна изъ тѣхъ, на составленіе которой потребовалось наиболѣе усилій съ его стороны. Конечно, наши историческіе журналы и отдѣльныя изданія (Архивъ Воронцовыхъ, Куракинскихъ, Баюшева, „Родъ Шереметевыхъ“ и т. д.) показали намъ, что въ деревенскихъ и городскихъ домахъ представителей старыхъ родовъ сохранилось еще много документовъ, важныхъ и для бытовой и даже для билевой исторіи. Никогда, впрочемъ, такъ ярко не представлялось намъ богатство этого еще не обследованнаго матеріала, какъ послѣ просмотра занимающей насъ главы. Конечно, на подобныя же мысли наводитъ и обзоръ рукописныхъ сокровищъ въ нашихъ бібліотекахъ и архивахъ; но къ мысли о подавляющей массѣ матеріаловъ этого рода мы болѣе привыкли; а объ архивахъ частныхъ мы стали знать подробнѣе только въ послѣднее время, ибо долго существовало мнѣніе, что за немногими исключеніями архивы эти уже не существуютъ.

Въ осьмой главѣ обзрѣваются музеи, какъ хранилища памятниковъ вещественныхъ древностей и искусства. Начинается глава съ очерка исторіи сохраненія памятниковъ древности со временъ Петра Великаго. Затѣмъ идутъ болѣе или менѣе подробныя описанія музеевъ:

¹⁾ Упомянутія объ этихъ музеяхъ и еще о другихъ епархіальныхъ находятсѣ и въ главѣ VIII (стр. 1395).

оружейной палаты, историческаго музея, эрмитажа, академія художествъ, музеевъ разныхъ вѣдомствъ, городскихъ, церковныхъ, частныхъ лицъ. Нѣкоторые музеи (напримѣръ, университетскіе) описаны были въ другомъ мѣстѣ, а сюда уже не вошли; о другихъ, какъ мы уже замѣтили, указаній надо искать только здѣсь, а третьи упоминаются и въ другомъ мѣстѣ, и описываются здѣсь. Эта неровность расположенія — неизбежное слѣдствіе обширной работы — нѣсколько затрудняетъ справку. За то обширная библиографія даетъ болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать: сообщаются указанія не только на описанія музеевъ, но и на статьи, посвященныя тому или другому предмету, хранящемуся въ музеѣ.

Предметъ девятой главы — архивы, бібліотеки и музеи иностранныхъ государствъ, сохраняющіе памятники, относящіеся къ русской исторіи. Здѣсь по методу автора указаны и самыя памятники, на сколько они извѣстны, хранящіеся въ архивахъ бібліотекъ и музеяхъ Западной Европы, Славянскихъ земель и православнаго Востока, и изданія памятниковъ и тѣ сочиненія, которыя вызваны памятниками ¹⁾).

Книга печаталась долго, потребовались дополненія и даже дополненія къ дополненіямъ. Эти дополненія занимаютъ 371 страницу и доводятъ книгу такъ сказать до вчерашняго дня. Мнѣ не разъ случалось заподозрить пропуски или неточности въ книгѣ: идешь въ дополненія и находишь тамъ пропуски пополненными, неточность исправленною. Вотъ почему только послѣ продолжительнаго пользованія книгою можно будетъ указывать ея пропуски и неточности, которыя, конечно, существуютъ, но которыхъ, очевидно, весьма немного: такъ тщательна и добросовѣстна работа автора. Книгу сопровождаютъ указатели личный и географическій. Указатель предметный не былъ оконченъ и авторъ не желалъ долѣе задерживать изданіе, и такъ уже продолжавшееся много лѣтъ. Вѣроятно, указатель этотъ появится при второмъ томѣ, изданіе котораго весьма нужно, и нельзя не пожелать, чтобы у автора нашлись силы закончить свой монументальный трудъ. Въ этотъ второй томъ, по плану автора, должны войти обзоръ источниковъ всѣхъ родовъ и ходъ исторической литературы. Книга эта, когда она будетъ окончена, явится самымъ полнымъ руководствомъ начинающему заниматься болѣе самостоятельно

¹⁾ Замѣтимъ, что Миллеръ, бумагамъ котораго поклонился Погодинъ въ Шафгаузенѣ (стр. 1606), не нашъ Г. Ф. Миллеръ, а Иог. Миллеръ, швейцарскій историкъ, уроженецъ Шафгаузена.

и необходимою справочною книгою для всѣхъ изучающихъ русскую исторію. Она не только избавляетъ отъ тяжелой работы присканиванія, гдѣ бы найти нужное свѣдѣніе, но еще даетъ возможность сразу обозрѣть все поле источниковъ. Настоящій томъ служить какъ бы инвентаремъ всего богатства, открывающагося передъ историкомъ, а слѣдующій долженъ представить оцѣнку самыхъ источниковъ и тѣхъ мѣстъ, которыя сложились на основаніи ихъ изученія. При изложеніи развитія науки должна оказаться связь его съ общимъ ходомъ русскаго развитія. Это—еще въ будущемъ, пріятно было бы сказать: не въ далекомъ, но трудъ, предпринятый проф. Иконниковымъ, такъ утомителенъ, что авторъ не находитъ возможнымъ приняться за него безъ отдыха, быть можетъ, какъ онъ говоритъ, довольно продолжительнаго. Пока мы имѣемъ пособіе незамѣнимое и при томъ совершенно новое: до сихъ поръ мы пользовались описаніемъ отдѣльныхъ библіотекъ, архивовъ и музеевъ и далеко не всѣхъ тѣхъ, которыя обозрѣны авторомъ. Труды автора не имѣли себѣ предшественниковъ, ибо даже краткій обзоръ библіотекъ въ „Исторіи русской словесности“ Шевырева и статьи объ архивахъ и библіотекахъ въ энциклопедическихъ словаряхъ считались важными пособіями. О такомъ же многообъемлющемъ трудѣ никто и не мечталъ. Теперь сочиненіе В. С. Иконникова будетъ служить для историческихъ изслѣдователей чѣмъ то въ родѣ карты для путешественника: онъ будетъ знать, гдѣ искать свѣдѣнія того или другаго разряда. Случаи въ родѣ того, что не подозрѣвали существованія малороссійскихъ дѣлъ въ архивѣ министерства юстиціи, будутъ теперь болѣе рѣдки. Конечно, еще возможны находки новыхъ источниковъ, да онѣ возможны и въ болѣе развитыхъ историческихъ литературахъ; а у насъ онѣ возможны уже и потому, что изученіе архивовъ еще очень недавнее дѣло, и само собой разумѣется, что въ общее обозрѣніе многое не могло войти, какъ потому, что не вошло и въ частныя, легшія въ основу общаго, такъ и потому, что это все-таки общее обозрѣніе и во многихъ случаяхъ требуетъ дополненій изъ частныхъ, тутъ же указанныхъ. Эти указанія сами по себѣ придаютъ большую цѣну занимающему насъ труду. Одни такіа бібліографическія указанія встрѣчались бы съ благодарностью всѣми историческими изслѣдователями, а сопровождаемыя свѣдѣніями о мѣстахъ храненія источниковъ и перечнемъ предметовъ, хотя бы и наиболѣе важныхъ, они становятся во сто разъ полезнѣе и нужнѣе. Въ заключеніе припомнимъ уже указанное значеніе методологическаго введенія, составляющаго

новость, и при томъ очень пріятную, въ русской исторической литературѣ. Можно, конечно, не соглашаться съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ уважаемаго автора, но нельзя не сознавать, что самая возможность спора подана его систематическимъ изложеніемъ, что, обсуждая вопросы исторіографіи въ связи, онъ даетъ возможность осмотрѣться въ нихъ, а для начинающихъ указываетъ твердую почву, на которой должны они строить свои будущія работы. Широтой своихъ взглядовъ онъ предупреждаетъ ихъ отъ опасности узкихъ воззрѣній и представляетъ глубже вдумываться въ предметы. Чтеніе его книги въ цѣломъ должно быть рекомендовано всѣмъ начинающимъ самостоятельно работать непосредственно вслѣдъ за изученіемъ курса или учебной книги: широкій горизонтъ открывается тогда передъ ними. Нечего бояться того, что книга по обилію библиографическихъ данныхъ имѣетъ характеръ справочный; справочная часть и останется для справокъ; но изученіе общихъ замѣчаній и самый просмотръ справочныхъ свѣдѣній не могутъ не принести своей пользы. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что книга проф. Иконникова, особенно когда дождемся втораго тома, на много подвинетъ впередъ изученіе русской исторіи и утвержденіе правильнаго взгляда на ея ходъ.

И. Востужевъ-Рюминъ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Н. Барсукова*. Книга 6. С.-Пб. 1892.

Шестая книга извѣстнаго труда Н. П. Барсукова въ интересѣ не уступаетъ прежнимъ книгамъ. Она описываетъ первые два года изданія *Москвитянина* (1841 и 1842 гг.). *Москвитянинъ* возбудилъ противодѣйствіе въ представителяхъ западной партіи. Сильная полемика Бѣлинскаго была направлена на его главныхъ дѣятелей, преимущественно на Шевырева, котораго Бѣлинскій изобразилъ въ своемъ очеркѣ „Педантъ“. Впечатлѣніе, произведенное этимъ очеркомъ на разныхъ лицъ, отмѣчено въ занимающей насъ книгѣ. Если западники были недовольны общимъ настроеніемъ *Москвитянина*, то и славянофилы недовольны были статьею самого редактора о Петрѣ Великомъ. Погодинъ не могъ по природѣ своей принадлежать къ какой-нибудь партіи: онъ былъ слишкомъ независимый человекъ. Новостью является въ книгѣ Н. П. Барсукова нерасположеніе администраціи, преимущественно Бенкендорфа, къ *Москвитянину*. Его едва не запретили за статью о чиновникахъ, даже не названныхъ: такъ ревниво охраняли тогда всѣхъ членовъ администраціи. Извѣстно,

что, еслибы не Высочайшая воля, „Ревизоръ“ не могъ-бы быть представленъ. *Москвитянина* спасло только заступничество графа Уварова. Но и самъ министр народнаго просвѣщенія долженъ былъ въ 1842 году издать циркуляръ противъ статьи по славянскому вопросу. Вопросъ этотъ въ то время очень смущалъ нашихъ государственныхъ людей. Графъ Уваровъ вообще благоволилъ къ Погодину: здѣсь, кажется, надо искать причину неблаговоленія къ нему гр. Строгонова. Изъ числа другихъ профессоровъ Погодинъ гостилъ въ Норвичѣ и помѣстилъ статью Давыдова объ этой поездкѣ, возбуждавшую своимъ тономъ тогдашнее чуткое мнѣніе интеллигентныхъ кружковъ. Гр. Уваровъ хотѣлъ сдѣлать Погодина директоромъ департамента, но Погодинъ предложилъ такія условія, что Уваровъ вѣжливо отклонилъ ихъ: Погодинъ желалъ проводить свои мысли, а на это не согласится ни одинъ министр. Кромѣ свѣдѣній о *Москвитянинѣ*, мы находимъ въ новомъ томѣ труда Н. П. Барсукова много другихъ свѣдѣній, напимѣръ, о поездкѣ Погодина по Россіи. Замѣтимъ только, что инспекторомъ въ Нижнемъ былъ въ 1841 году не В. І. Антроповъ, — тогда директоръ въ Перми, впоследствии инспекторъ училищъ и наконецъ помощникъ попечителя въ Казани, — а Я. П. Евтроповъ. Встрѣчаемъ интересныя свѣдѣнія о лицахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Погодинымъ, въ особенности о возвратившихся изъ-за границы профессорахъ славянскихъ парѣчій и т. д. Не знаемъ, о какой статьѣ *Отечественныхъ Записокъ* по поводу статьи Голохвастова о Палицынѣ говоритъ авторъ; но достоверно, что статьи въ критикѣ этого журнала писалъ П. И. Кудрявцевъ. Въ замѣткѣ М. А. Гамзова о Григорьевѣ встрѣчаются неточности: отдѣльнаго факультета восточныхъ языковъ не существовало до переѣзда въ Петербургъ казанскихъ профессоровъ, а было отдѣленіе восточныхъ языковъ въ словесномъ отдѣленіи (послѣ 1-ое отдѣленіе философскаго факультета, а нынѣ историко-филологическій факультетъ).

К. Востужевъ-Рюминъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Бессарабія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова. С.-Пб.—Ко дню кончины П. Н. Батюшкова (20-го марта 1892 г.) настоящее описаніе Бессарабіи уже на столько опредѣлилось въ своемъ содержаніи, что покойный издатель могъ самъ составить къ нему предисловіе, отчасти написавъ его собственноручно, отчасти же продиктовать его въ свои предсмертные дни. Еще при жизни П. Н. Батюшкова было приступлено и къ печатанію описанія, и отпечатана была приблизительно половина основнаго текста книги. Остальное же было издано въ свѣтъ, — „въ томъ видѣ, какъ предполагалось почившимъ издателемъ“, — трудами постоянного сотрудника П. Н. Батюшкова М. И. Городецкаго. Такимъ образомъ, можно сказать, что съ начала и до конца книги передъ нами трудъ, въ той же мѣрѣ принадлежащій самому П. Н. Батюшкову, какъ и предыдущіе выпуски того же изданія: „Холмская Русь“ (1887), „Волины“ (1888), „Вѣлоруссія и Литва“ (1890) и „Подолія“ (1891). Передъ предисловіемъ почившаго издателя читаемъ (стр. XV—XXXII) обстоятельный очеркъ его жизни и дѣятельности, составленный академикомъ Л. Н. Майковымъ, трудившимся по порученію П. Н. Батюшкова, надъ изданіемъ сочиненій его брата, Константина Николаевича. — Составъ настоящаго выпуска аналогиченъ съ составомъ предыдущихъ. Постѣ „введенія“, заключающаго предварительныя этнографическія и историческія свѣдѣнія, слѣдуетъ, въ восьми главахъ, снабженный гравюрами очеркъ историческихъ судьбъ Бессарабскаго края отъ временъ древнѣйшихъ до настоящаго времени; очеркъ этотъ принадлежитъ перу профессора Киевской духовной академіи Н. И. Петрова. Затѣмъ помѣщены весьма пространныя объяснительныя статьи къ тѣмъ гравюрамъ, которыя находятся въ текстѣ; большая часть этихъ статей составлена М. И. Городецкимъ, только монографія объ императорѣ Александрѣ I написана магистромъ С. М. Середониннымъ (стр. 42—51), а біографія архіепископа Павла, бывшаго кипинскаго, впоследствии казавскаго, — В. В. Майковымъ (стр. 53—60). Къ книгѣ приложено болѣе 50 гравюръ и карта Бессарабской губерніи.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Янъ Амосъ Комекскій (1592—1670). Чтенія *Θ. Λ. Ярема* и *Α. Γ. Степаноски* въ торжественномъ собраніи Киевскаго Славянскаго благотворительнаго общества, состоявшемся 15-го марта 1892 г. въ память трехсотлѣтія рожденія Я. А. Коменскаго. Киевъ.

— Поминка по Л. К. Лазаревичъ, сервскомъ писателѣ. *Α. Степановичъ*. Киевъ.

— *Тимосей Соловьевъ*. Теорія волевыхъ представленій. Отношеніе ея къ сплицации и элевации органическаго міра. С.-Пб.

— *М. Волмрабъ*. Греческія и римскія древности въ объемѣ гимназическаго курса. Переводъ съ разрѣшенія автора *Е. Каричинскій*. Варшава.

— Вокабулярій къ избраннымъ жизнеописаніямъ Корнелія Непота. Пособіе для учениковъ. Составилъ *Е. Каричинскій*. Выпускъ II. Варшава.

— Харьковскій Сборникъ. Выпускъ VI-й. Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Харьковъ.

— Къ экзаменамъ вопросникъ для повторенія исторіи русской словесности. Составилъ *Н. Лабутинъ*. С.-Пб. 1891.

— Арифметическія правила для повторенія полнаго курса арифметики. Составилъ *Н. Лабутинъ*. С.-Пб. 1891.

— Сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Звездочка на невь ясномъ“. Составилъ *Н. Лабутинъ*. С.-Пб. 1891.

— „Ученье-Связь“. Календарь для учащихся на 1892—1893 учебный годъ. Изданіе *Н. Лабутина*. С.-Пб.

— Въ чемъ состоитъ истинное богопочтеніе по псалмамъ 49-му и 50-му? Изложилъ *Н. Лабутинъ*. С.-Пб.

— Всемирная хронологія, пособіе по курсу всеобщей исторіи. Составилъ *Н. Лабутинъ*. С.-Пб.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАНЯТІЯ ВЪ УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

Согласно общей для учительскихъ семинарій инструкціи, отъ 4-го іюля 1875 года, занятія по садоводству и огородничеству сообразно съ мѣстными условіями были признаны желательными и подлежащими введенію въ учительскія семинаріи.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ занятія эти обязательны, и на преподаваніе садоводства и огородничества назначены особыя суммы.

Но первые годы существованія означенныхъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе различныхъ затрудненій, неизбежныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, и необходимости озаботиться главнымъ образомъ о правильной постановкѣ преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ, на садоводство обращалось въ большинствѣ случаевъ очень мало вниманія. Въ послѣднее же время, — благодаря примѣру западно-европейскихъ государствъ, удачнымъ попыткамъ нѣкоторыхъ земствъ устраивать при народныхъ школахъ питомники, сады, огороды, пасѣки, черноводни, также Высочайшему одобренію, выраженному по поводу устройства школьныхъ садовъ въ Верейскомъ уѣздѣ, и энергичной дѣятельности въ этомъ направленіи нѣкоторыхъ изъ гг. попечителей учебныхъ округовъ, — дѣлу распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, при посредствѣ начальной школы, данъ былъ рѣшительный толчокъ, и вслѣдъ за тѣмъ возникъ естественно вопросъ объ усиленіи и болѣе правильной организаціи занятій по садоводству въ учительскихъ семинаріяхъ будущихъ сельскихъ учителей.

Вслѣдствіе недостаточности, однако, указаній, какъ и въ какомъ направленіи должно вестись это дѣло на практикѣ, возбуждается не мало сомнѣній и вопросовъ, на коковыя мы, на основаніи собранныхъ матеріаловъ и личныхъ наблюденій, постараемся дать посильные отвѣты.

I.

Въ настоящее время занятія садоводствомъ, огородничествомъ, шелководствомъ и отчасти пчеловодствомъ признаны весьма полезными для воспитанниковъ учительскихъ семинарій.

Они прежде всего являются прекраснымъ физическимъ упражненіемъ, дающимъ отдохновеніе и новое направленіе умственной дѣятельности учениковъ, которые, послѣ долгаго сидѣнія въ классѣ, очень охотно идутъ поработать въ огородъ или въ садъ.

Если занятія въ саду ¹⁾ ведутся систематически, не избѣгая и трудныхъ работъ, и педагогическій персоналъ высказываетъ и доказываетъ на дѣлѣ, что физическій трудъ является необходимымъ элементомъ въ дѣлѣ воспитанія, то такія занятія могутъ имѣть весьма значительное нравственное вліяніе. Воспитанники учительскихъ семинарій комплекуются въ настоящее время преимущественно изъ среды выдѣлившихся по своимъ способностямъ крестьянскихъ мальчиковъ, которые все дѣтство и первые годы юношества провели въ сельской обстановкѣ.

Попавъ въ учительскую семинарію, они, хотя и подчиняются весьма простому и цѣлесообразному режиму, но исключительно умственные занятія и знакомство съ городскою жизнью могутъ подчасъ развить въ воспитанникахъ ложное понятіе объ ихъ положеніи и неправильный взглядъ на физическій трудъ, какъ на занятіе низшее, недостойное образованнаго человѣка. Проникнутый такими идеями, учитель, вернувшись въ деревню, зачисляетъ себя въ ряды иѣстной „пиджачной аристократіи“ и, оставаясь бариномъ, бѣлоручкой, не можетъ уже оказывать того благотворнаго вліянія на окружающее населеніе, какое возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда съ обѣихъ сторонъ существуетъ взаимное пониманіе и довѣріе.

Такая разнъ между учителемъ начальной школы и населеніемъ, конечно, совершенно неумѣстна. Учитель можетъ и долженъ быть выше крестьянъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, но ему ради пользы самаго дѣла не слѣдуетъ чуждаться той среды, въ которой онъ работаетъ.

¹⁾ Мы сначала остановимся, главнымъ образомъ, на садоводствѣ, въ виду того, что какъ шелководство, такъ и пчеловодство не существуютъ самостоятельно, а обыкновенно являются дополненіемъ къ занятіямъ по садоводству.

Ученики-крестьяне, которые исполняютъ въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтняго пребыванія въ семинаріи различныя садовыя и огородныя работы, благодаря этому не разрываютъ связи своей съ прежнею жизнью. Учебное заведеніе освящаетъ физическій трудъ своимъ авторитетомъ, и воспитанники, по окончаніи курса, пріѣхавъ въ деревню сельскими учителями, не будутъ уже имѣть основанія гнушаться работою, потому что они выросли и воспитались на ней.

По отношенію къ ученикамъ-горожанамъ, воспитательное значеніе земледѣльческаго труда еще благотворнѣе, ибо онъ незамѣтно подготавливаетъ ихъ къ уразумѣнію тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыя они будутъ поставлены. На обязанности педагогическаго персонала лежитъ поэтому задача развивать въ такихъ ученикахъ интересъ и любовь къ сельской жизни и земледѣлію, разъясняя имъ то, что прекрасно выражено въ извѣстномъ изреченіи Цицерона: „*Nihil est agricultura melius, nihil uberius, nihil dulcius, homine libero dignius*“.

Помимо этическаго и физическаго элемента, садовыя занятія являются для учениковъ еще и источникомъ наблюденій и пріобрѣтенія практическихъ знаній и полезныхъ навыковъ, которые могутъ пригодиться имъ во время пребыванія въ деревнѣ. Теоретическія свѣдѣнія и объясненія, сопровождающія работы, расширяютъ въ этомъ отношеніи кругозоръ учениковъ, практическія же знанія даютъ имъ возможность съ выгодой для себя утилизировать свободныя лѣтніе мѣсяцы, устроивая при школѣ огородъ, питомникъ, пчельникъ, черводню и проч. При незначительномъ вознагражденіи, получаемомъ учителями и не превышающемъ иногда 10—15 рублей въ мѣсяцъ, овощи изъ школьнаго огорода могутъ являться весьма значительнымъ подспорьемъ, особенно семейнымъ учителямъ; выручаемыя же за продажу прививковъ, меда, коконовъ и прочее суммы, достигающія иногда 200 рублей въ лѣто, вполне вознаграждаютъ учителя за потраченные труды. Хорошій примѣръ учителя и его указанія побуждаютъ къ дѣятельности и крестьянъ. Ученики начальной школы тоже при помощи школьнаго сада получаютъ первыя свѣдѣнія по растеніеводству.... Но спѣшимъ оговориться.

Теоретическія свѣдѣнія, сообщаемыя воспитанникамъ семинаріи, не могутъ быть на столько обширны, чтобы охватывать весь предметъ въ его совокупности и въ подробностяхъ. Поэтому всякаго рода проекты о введеніи самостоятельныхъ теоретическихъ курсовъ и многосложныхъ занятій по сельскому хозяйству, имѣющіе цѣлью сдѣлать изъ учителя специалиста-агронома, неосуществимы. Главная задача

семинарій совсѣмъ другая, и изъ выполненіе ея въ трехлѣтній срокъ едва хватаетъ времени. Полеводство съ учебными цѣлями должно быть исключено пока изъ сферы дѣятельности семинарій: устройство фермы слишкомъ дорого. Допустимы только отдѣльныя интенсивныя отрасли—въ родѣ садоводства, огородничества и т. д.

Исходной точкой при обсужденіи желательной организаціи обученія сельскому хозяйству является вопросъ о *семинарской землѣ*. При большинствѣ семинарій земля есть, но величина участковъ очень разнообразна.

Они колеблются по размѣрамъ въ предѣлахъ между полдесятиной (Курская учительская семинарія) и 34 десятинами (Поливановская). Если, однако, исключить семинаріи съ крупными надѣлами, а именно: въ Байрамчѣ (15 дес.), въ Алферовѣ (25 дес.), Молодечно (28 дес.) и Поливановѣ (34 дес.), то въ среднемъ участки равняются всего 1,5 десятины (колебаніе отъ 0,5 до 4,5 дес.).

Самые маленькіе участки встрѣчаются въ городахъ, болѣе значительно въ пригородныхъ мѣстностяхъ. Учительскія же семинаріи, устроенныя въ деревняхъ, на сколько мѣѣ извѣстно, имѣютъ почти всѣ достаточное количество земли (свыше 2-хъ десятинъ). Тѣ городскія учительскія семинаріи, которыя устроены въ наемныхъ помѣщеніяхъ, болѣе всего страдаютъ отъ недостатка земли. Но для нихъ, какъ и для тѣхъ, которыя хотя имѣютъ свою землю, но мало, существуетъ два исхода для удовлетворенія этой потребности: дополнительное надѣленіе земель, обыкновенно гдѣ нибудь на окраинѣ города (Холмъ, Новочеркасскъ), или же пользованіе, по соглашенію, садами, принадлежащими какимъ либо казеннымъ или общественнымъ учрежденіямъ, напримѣръ, въ Воронежѣ—ботаническимъ садомъ; въ Исковѣ—садомъ отдѣла Императорскаго русскаго общества садоводства и т. д.

Существовавшее до послѣдняго времени, за нѣсколькими исключеніями, отношеніе директоровъ къ находившимся въ ихъ завѣдываніи семинарскимъ садамъ и участкамъ земли можетъ быть подведено подъ нижеслѣдующія четыре рубрики:

1) *Враждебное*. Директора учительскихъ семинарій, исходя изъ той мысли, что дѣло учителя обучать дѣтей, а не заниматься посторонними предметами, которые могутъ отвлечь его отъ исполненія прямыхъ обязанностей, не признавали нужнымъ устройства занятій по садоводству и огородничеству. Одни находили, что для нихъ не хватаетъ свободнаго времени, другіе, что нѣтъ средствъ, трудно найти

хорошаго садовника и, наконецъ, что садоводство излишне само по себѣ для педагоговъ. Направленіе это, существовавшее еще года два, три тому назадъ, теперь уже совсѣмъ исчезаетъ.

2) *Индифферентное*. Садъ поддерживается лишь съ внѣшней стороны, ухода за деревьями нѣтъ; заботы ограничиваются чинченіемъ дорожекъ да изрѣдка той или другой необходимой садовой работой. Воспитанникамъ садъ служитъ лишь для прогулки. На огородѣ разводится изъ года въ годъ на той же землѣ нѣсколько видовъ овощей посредственнаго качества... Такихъ семинарій было не мало, и лишь за послѣднее время замѣчается стремленіе начать веденіе садоваго хозяйства на болѣе рациональныхъ началахъ, хотя, къ сожалѣнію, не вездѣ еще приняты надлежащія мѣры.

3) *Любительское*. Директоръ, лично интересуясь садоводствомъ или огородничествомъ, и, въ большинствѣ случаевъ, цвѣтоводствомъ, съ которыми онъ знакомится по книгамъ, планируетъ семинарскій садъ въ ландшафтномъ вкусѣ, проводитъ дорожки, тщательно посыпаемыя пескомъ, устраиваетъ клумбы, разводитъ цвѣты, декоративныя и вьющіяся растенія и смотритъ на садъ, куда ученики допускаются лишь съ ограниченіями, какъ на мѣсто для прогулки и средство для собственнаго развлечения. Глядя на такіе сады, нельзя не восхищаться отиѣннымъ вкусомъ ихъ устроителей, который, впрочемъ, не спасаетъ ихъ отъ частыхъ и весьма серьезныхъ промаховъ въ практическихъ отдѣленіяхъ сада. Многіе же нужные отдѣлы и вовсе отсутствуютъ.

Наконецъ, 4) *коммерческо-практическое* отношеніе выражается въ томъ, что директоръ, видя, что садъ хорошо удастся въ данной мѣстности и можетъ, при увеличеніи, дать даже доходъ, который покроетъ нѣкоторые издержки по саду, сажаетъ какъ можно больше фруктовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ, разводитъ огородные овощи и устраиваетъ питомникъ. Ученики, работающіе въ саду, получаютъ на свою долю часть плодовъ и овощей и знакомятся попутно съ практикой садоводства и огородничества. Это направленіе въ концѣ концовъ тоже не даетъ вполне хорошихъ результатовъ. Въ погонѣ за ближайшей выгодой оставляются въ сторонѣ учебныя интересы, а сады, насаженные неумѣло, оказываются вскорѣ до того заполненными, что деревья тѣснятъ и заглушаютъ другъ друга.

Въ настоящее время начинается выработываться иное направленіе, вызванное самою жизнью и явившееся преимущественно изъ вышеуказанныхъ направленій, — *научно-практическое*, по которому, надо надѣяться, и будетъ развиваться это дѣло.

Оно требуетъ, чтобы садъ и всѣ другія вспомогательныя сельскохозяйственныя учрежденія, устроенныя въ качествѣ учебныхъ пособій при семинаріяхъ, содержались, какъ таковыя, въ образцовомъ порядкѣ, а не служили ареной для проявленія неумѣнья малограмотныхъ садовниковъ или игрушкой въ рукахъ того или другаго изъ лицъ педагогическаго персонала. Всякое извѣщество въ организаціи и обстановкѣ, не вызываемое необходимостью, должно быть осуждено какъ вредное, но за то правильность, порядокъ и система въ содержаніи сада, соединенныя съ практичностью и денежностью, являются насущными условіями для успѣшности дѣла.

Изъ посѣщенныхъ мною 15 садовъ при учительскихъ семинаріяхъ нѣкоторые можно уже теперь отчасти признать удовлетворяющими вышеупомянутымъ требованіямъ.

Какой нибудь опредѣленной нормы для *величины семинарскихъ садовъ* пока еще не выработано. И. И. Мещерскій полагаетъ, что на каждаго ученика надо имѣть въ среднемъ не менѣе 100 квадратныхъ сажень, занятыхъ огородомъ, питомниками и плодовымъ садомъ.

Въ зависимости отъ числа воспитанниковъ это дастъ въ среднемъ отъ 2-хъ до 4-хъ десятинъ на семинарію—пространство, какъ показываетъ опытъ, вполне достаточное. По нашему мнѣнію, желательно, чтобы на каждыя 25 человѣкъ было не меньше 1 десятины, въ противномъ случаѣ, если часть земли занята декоративнымъ садомъ, можетъ произойти недостатокъ въ работѣ. Требованіе непремѣнно 10 десятинъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые педагогическіе совѣты въ своихъ прозктахъ, является на нашъ взглядъ недостаточно обоснованнымъ.

Въ настоящее время важенъ вопросъ не о прибавкѣ земли, а о томъ, какъ умѣло воспользоваться тою, которая имѣется уже въ наличности.

На практикѣ большая часть земельныхъ участковъ, принадлежащихъ семинаріямъ, находится подъ *декоративными садами*, а поляныя участки, гдѣ они есть, подъ травой или овсомъ. Сады эти, доставшіеся по наслѣдству отъ прежнихъ обладателей семинарскихъ владѣній, весьма полезны съ гигиенической точки зрѣнія, служа, какъ для воспитанниковъ, такъ и для учебнаго персонала, удобнымъ мѣстомъ для прогулокъ и отдыха. Вновь устроенныя сады, при умѣломъ подборѣ для нихъ высаживаемыхъ деревьевъ и кустовъ, могутъ быть интересны и въ учебномъ отношеніи, знакомя учениковъ съ богатствомъ растительнаго царства.

Цвѣтники, являющіеся необходимою принадлежностью декоратив-

ныхъ садовъ, хотя и не имѣютъ, строго говоря, практическаго интереса, но они не лишни, представили довольно обширное поле для ботаническихъ наблюдений и дѣйствуя благотворно на развитіе эстетическаго вкуса учениковъ. Въ качествѣ пособія для изученія ботаники, могутъ устроиваться также *участки съ различными образцами культурныхъ, промышленныхъ, техническихъ и иныхъ растений.*

Хорошимъ примѣромъ для декоративнаго сада можетъ быть „скверъ“ при Свѣслочской учительской семинаріи, устроенный по плану г. Шулицкаго. Въ немъ собрано довольно большое количество различныхъ древесныхъ и кустарныхъ растений, выносящихъ мѣстный климатъ, но не растущихъ въ окрестныхъ лѣсахъ и потому почти незнакомыхъ ученикамъ. На югѣ Россіи была бы полезна посадка деревьевъ, выносящихъ засуху и неприхотливыхъ на почву, въ виду того, что тамъ хорошо удаются и могутъ имѣть практическое значеніе, напримѣръ, при лѣсоразведеніи, обсадахъ улицъ и т. п. лишь нѣкоторыя опредѣленныя породы деревьевъ. Крестьяне же при посадкѣ деревьевъ возлѣ дорогъ пользуются, главнымъ образомъ, вербой, которую они вбиваютъ въ землю въ видѣ кольевъ. Въ результатъ, въ первое лѣто отъ недостатка влаги погибаетъ отъ 75 — 80% тронувшихся въ ростъ вербъ, а на слѣдующее лѣто, за рѣдкими исключеніями, та же участь постигаетъ и остальные. Конечно, при выборѣ деревьевъ личныя симпатіи и антипатіи выбирающаго не должны быть принимаемы въ расчетъ. Мнѣ пришлось натолкнуться на одинъ случай, когда директоръ, не любившій желтой акаціи, приказалъ вырубить ее, не смотря на то, что это былъ чуть ли не единственный кустъ, растущій съ успѣхомъ въ семинарскомъ саду.

Не смотря, однако, на относительную полезность декоративныхъ садовъ, было бы неправильно занимать ими всю семинарскую землю. Для дѣлей преподаванія гораздо важнѣе огороды и питомники. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда для нихъ не хватаетъ мѣста, на прибавку земли нельзя надѣяться, а величина сада достаточно велика, можно, и даже должно, безъ излишней щепетильности и потери времени, вырубать мѣшающія деревья, хотя бы и плодовые, освободивъ, такимъ образомъ, нужное для указанныхъ потребностей пространство. Завѣдывающіе садами заражены въ этомъ отношеніи какимъ-то бессознательнымъ, но весьма упорнымъ консерватизмомъ, который очень вредитъ дѣлу. Есть такія семинаріи, которыя имѣютъ по 3—4 десятины земли и не могутъ найти нѣсколько сотъ квадратныхъ саженъ для питомника, потому только, что вся земля за

нята паркомъ, оставшимся отъ прежняго владѣтеля имѣнія помѣщика-магната. Но вѣдь у помѣщика были свои интересы, а у семинаріи другіе.

Слишкомъ практическій и узко понимаемый взглядъ на плодовые насажденія, сдѣланный издавна и часто даже неправильно, также тормозитъ упорядоченіе семинарскихъ садовъ. Садъ не есть непремѣнный источникъ дохода—онъ можетъ давать его, и это желательно, но разъ возникаетъ вопросъ объ его образовательномъ значеніи было бы не логично жалѣть нѣсколько яблонь и грушъ, приносящихъ какіе нибудь 5—6 рублей дохода, да и то не каждый годъ, и жертвовать въ пользу нихъ землею, которая нужна для какой нибудь интересной для обученія культуры.

Плодовые сады имѣются при очень многихъ семинаріяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ значительныхъ размѣровъ и приносятъ порядочный доходъ, какъ натурой, такъ и въ видѣ арендныхъ денегъ. Садъ Вейверской учительской семинаріи даетъ плодовъ на 200—300 и даже 350 рублей въ годъ; въ Рязанской—садъ сдается въ аренду въ хорошіе годы за 300 рублей, въ Поповѣжской за 180 рублей и т. д. Изъ фруктовыхъ деревьевъ разводятся яблони (преимущественно мѣстные сорта), груши (въ маломъ количествѣ), сливы, вишни, черешни; на югѣ встрѣчаются персики. Желательно было бы также имѣть хотя по одному экземпляру волошскихъ орѣховъ и особенно каштановъ. Послѣдніе могутъ имѣть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи весьма серьезное значеніе, въ качествѣ добавочнаго пищевого продукта. Прежнее индифферентное отношеніе къ плодовымъ деревьямъ стало уступать теперь мѣсто болѣе активной дѣятельности. Старыя деревья очищаются отъ лишаяевъ, мха, лишніе вѣтви обрѣзаются, нѣкоторыя изъ нихъ перепрививаются. На пустыхъ мѣстахъ подсаживаются молодыя деревья, а слишкомъ густыя поросли прорѣживаются и т. п.

Фруктовые деревья сажаются двумя способами: или на участкахъ между аллеями (примѣрный способъ), или же на специально назначенныхъ для этого отдѣльныхъ участкахъ (такія насажденія сдѣланы въ Алферовской учительской семинаріи въ Овсиночѣ, Новочеркасскѣ и др.). Въ послѣднемъ случаѣ представляется возможность избѣгнуть многихъ недостатковъ, неразрывно связанныхъ съ посадкой деревьевъ въ декоративныхъ садахъ. Яблони и груши размѣщаются правильными рядами, или въ шахматномъ порядкѣ, соблюдая нужное разстояніе. Къ нимъ открытъ доступъ воздуха и нѣтъ излишней тѣни, которая

заставляетъ ихъ вытягиваться и кривиться. Для защиты отъ вѣтра вокругъ такихъ участковъ съ плодовыми деревьями сажаются по ряду или по два лѣсныхъ высокорастущихъ деревьевъ и устроиваются живыя изгороди. Окопка, подрѣзка, уничтоженіе вредныхъ насекомыхъ, перѣдка бороздованіе деревьевъ, обмазка и удобреніе начинаютъ приобрѣтать право гражданства въ семинарскихъ садахъ. Изъ удобреній примѣняются: навозъ (но пока еще мало), минеральныя удобрения, кости, золото (послѣднія три пока только въ Вейверской учительской семинаріи) и компосты. Компостныя кучи слѣдовало бы обязательно закладывать во всѣхъ семинарскихъ садахъ, такъ какъ онѣ наглядно знакомятъ учениковъ съ утилизаціей отбросовъ, имѣющихся въ значительномъ количествѣ и у крестьянъ, но оставляемыхъ ими безъ всякаго вниманія.

Сорта плодовъ тоже постепенно улучшаются и разнообразятся. Встрѣчаются, впрочемъ, и промахи: то окопка слишкомъ мала, то разстояніе не достаточно велико и тому подобное, но главное сдѣлано: прежняя слѣпая рутинка отброшена и руководители стремятся по мѣрѣ силъ къ улучшеніямъ.

Перѣдка попадаютъ попытки *формовой культуры* — любопытныя и даже поучительныя, но пока еще мало практичныя.

Для цѣлей обученія, собственно говоря, не требуется большаго плодового сада; достаточно, если при семинаріи имѣется 15 — 20 взрослыхъ яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ изъ хорошихъ, выносливыхъ и имѣющихъ коммерческое значеніе сортовъ, которыя и могутъ служить маточными деревьями для срѣзыванія съ нихъ черенковъ. При помощи нихъ ученики могутъ познакомиться съ работами, требующимися при уходѣ за взрослыми деревьями.

Дополненіемъ плодового сада служатъ *ягодныя кусты*, которые рѣдко когда бываютъ посажены отдѣльно. Большею частью они садятся гдѣ нибудь вдоль заборовъ или между деревьями. Но иногда для нихъ выдѣляются особые участки (Волчанскъ, Повочерваскъ). Изъ ягодъ въ семинарскихъ садахъ встрѣчаются малина, клубника, земляника, крыжовникъ и разные сорта смородины (бѣлой, черной и красной). Благодаря легкости разведенія (черенками и отводками) и быстрой росту, крыжовникъ и смородина разводятся, сравнительно, въ значительномъ количествѣ: такъ, напримѣръ, въ Несвижской учительской семинаріи имѣется крыжовника до 1.000 кустовъ. Во многихъ садахъ завыдывающіе не довольствуются обыкновенными сортами ягодныхъ кустовъ, а выписываютъ и иностранныя — крупноплодныя.

Культура ягодныхъ кустовъ можетъ быть рекомендована для уч-Россіи. Нѣсколько особнякомъ стоятъ *виноградники*. Серьезное значеніе виноградъ имѣетъ лишь на югѣ, въ тѣхъ районахъ, гдѣ онъ разводится съ промышленною цѣлью. Знакомство съ рациональною культурѣйшихъ семинаріей, расположенныхъ въ средней и сѣверной полосѣ турой его можетъ быть очень полезно ученикамъ. Въ Закавказской учительской семинаріи насажденъ цѣлый виноградникъ—болѣе 1.200 лозъ. Въ небольшомъ количествѣ (10—20 кустовъ) виноградъ встрѣчается въ садахъ и болѣе сѣверныхъ семинаріей (Харьковскаго и даже Виленскаго округовъ).

Наравнѣ съ плодоводствомъ по практическому своему значенію, и, пожалуй, даже выше, стоитъ *огородная культура*. Она интересна для учениковъ тѣмъ, что они имѣютъ больше всего шансовъ заняться ею во время учительства. Кромѣ того, огородъ очень поучителенъ по разнообразію работъ и количеству разводимыхъ въ немъ растений. Онъ важенъ также съ экономической стороны, какъ подспорье для ученическихъ артелей и общежитій. Въ нѣкоторыхъ хорошихъ семинарскихъ огородахъ получается ежегодно до 1.000 (Волчанская учительская семинарія) и даже 1.200 вѣшановъ капусты (Вейсены) и по 100—150 мѣръ картофеля. Самый большой огородъ—въ Рязанской учительской семинаріи, онъ занимаетъ 1½ десятины. Остальные въ среднемъ равняются приблизительно 300 кв. сажень. Послѣ капусты и картофеля нѣкоторое значеніе имѣютъ огурцы. Другія оюнци разводятся въ небольшомъ количествѣ. Въ огородахъ встрѣчаются морковь, рѣдька, свекла, рѣпа, лукъ, горохъ, фасоль, редиска, настернакъ, сельдерей. Вблизи парника на навозной землѣ растутъ два-три куста тыквы. Изъ десертныхъ овощей иногда разводится цвѣтная капуста и спаржа, на югѣ встрѣчаются томаты, артишоки и баклажаны. Въ виду важнаго значенія огорода надлежитъ обращать вниманіе, чтобы онъ содержался по возможности въ образцовомъ порядкѣ. Необходимы, прежде всего, строгое соблюденіе плодосмѣны, правильная обработка земли, хорошій уходъ за растеніями, своевременная поливка и примѣненіе удобреньей, практическія мѣры противъ вредныхъ насѣкомыхъ и выборъ хорошихъ сортовъ овощей, распространеніе которыхъ считается желательнымъ. При объясненіи принциповъ, положенныхъ въ основу плодосмѣны, преподаватель можетъ въ сжатомъ видѣ выяснить ученикамъ и значеніе трехъ- и многопольнаго полевого хозяйства и тѣхъ мѣръ, которыя употребляются для предупрежденія чрезмѣрнаго истощенія земли. Весьма вы-

годной въ коммерческомъ смыслѣ оказывается *парниковая культура*. Новочеркасская учительская семинарія, имѣя 12 парниковъ, получала въ годъ за ранніе овощи, салатъ и редисъ, до 150 рублей доходу. По окончаніи выгонки, парники служатъ для разведенія дынь, тынъ и арбузовъ. Въ настоящее время 2—3 парника являются необходимой принадлежностью всякаго мало-мальски порядочно содержимаго сада. Только парники эти, за исключеніемъ двухъ указанныхъ выше семинарій, служатъ не для ранней выгонки овощей съ коммерческою цѣлью, а для проращиванія сѣмянъ и разведенія рассады. Въ Несвижской закладываются, кромѣ того, по двѣ паровыя гряды, служащія для разведенія арбузовъ и дынь.

Питомники имѣются не вездѣ и стали устрояться лишь съ очень недавняго времени. Изъ 14 учительскихъ семинарій, имѣющихъ свои сады, только при 9-ти имѣются питомники; строго же говоря, лишь при 3-хъ (Вейверской, Рязанской и Новочеркасской), такъ какъ при другихъ участкахъ, отведенные подъ питомники, очень малы (3, 15—45 кв. саж. и больше) и не въ состояніи доставить надлежащаго количества дичковъ для того, чтобы всѣ занимающіеся прививкой ученики могли продѣлать необходимое количество окулировокъ и прививокъ и пріобрѣсти въ этой работѣ пущій навыкъ. Недостатокъ этотъ и тѣснота побуждаютъ лицъ, заведывающихъ садами, постепенно увеличивать питомники. Въ Свислочѣ, напримѣръ, былъ питомникъ очень недостаточный (35 кв. саж.); въ шпѣтнѣмъ году онъ увеличенъ вдвое, въ Молодечнѣ устроенъ новый и такъ далѣе.

Питомники прежней посадки отличаются многими и весьма крупными недостатками. Ихъ разводили на слишкомъ микроскопическихъ участкахъ часто въ тѣни деревьевъ, земля на перевалѣ не переканывалась, дички бывали часто лѣсные, а если они и происходили отъ сѣмянъ, то рѣдко когда пересаживались надлежащимъ образомъ. Привитые экземпляры, не высаженные своевременно и рѣдко когда подвергавшіеся правильной подрѣзкѣ, теряли вслѣдствіе скученности свою форму и становились малопригодными для перенесенія ихъ въ фруктовые сады.

Ня въ одномъ питомникѣ (на сколько намъ извѣстно) до сихъ поръ не соблюдалось раздѣленія на поля, съ ежегоднымъ посѣвомъ и правильнымъ перенесеніемъ деревьевъ изъ класса въ слѣдующій. Посѣвъ, гдѣ онъ дѣлался, производился случайно, послѣ чего по нѣскольку лѣтъ не повторялся. Понятно, что ученики не могли вынести изъ семинарій представленія о благоустроенномъ питомникѣ, который

могъ бы быть доходенъ и стоилъ бы разведенія при народной школѣ. Въ устроиваемыхъ теперь питомникахъ вышеуказанныхъ недостатковъ уже меньше. Но пока—это самая слабая сторона семинарскихъ садовъ. Въ виду, однако, того, что роль ихъ въ преподаваніи весьма серьезна, желательно, чтобы питомники устроивались на болѣе рациональныхъ началахъ, съ соблюденіемъ правилъ плодосѣяна, при чемъ земля, послѣ выконки деревьевъ, должна поступать года на 2, на 3 подъ огородную культуру, для чего при полустамбовомъ воспитаніи плодовыхъ деревьевъ питомникъ долженъ быть раздѣленъ на 5—6 полей. Необходимо, чтобы сѣмена для полученія яблоневыхъ и грушевыхъ дичковъ брались не выписныя изъ-за границы, дающія слабые подвои, а русскія, отъ дѣсныхъ яблонь, устойчивыхъ по отношенію къ морозамъ. Черенки тоже надо брать только отъ извѣстныхъ по своимъ хорошимъ качествамъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ.

Выписка изъ частныхъ садовыхъ заведеній привитыхъ экземпляровъ не можетъ быть рекомендована въ виду того, что въ рѣдкихъ случаяхъ отъ нихъ можно надѣяться получать подлинныя сорта. Другіе виды размноженія плодовыхъ деревьевъ и, главное, ягодныхъ кустовъ и винограда посредствомъ отводковъ, черенковъ, корневыхъ отпрысковъ и такъ далѣе тоже начинаютъ практиковаться теперь.

Вотъ главнѣйшіе отдѣлы семинарскаго хозяйства:

I. *Садъ*, который въ свою очередь распадается: 1) на садъ декоративный съ ботаническимъ отдѣленіемъ и цвѣтникомъ, 2) плодовой садъ и ягодникъ (или виноградникъ).

II. *Питомникъ* и

III. *Огородъ*.

Кромѣ того, въ каждой почти семинаріи встрѣчаются участки, занятые какими-либо *спеціальными культурами*. Разведеніе отдѣльных видовъ растений, представляющихъ почему-либо интересъ для данной мѣстности, должно быть признано тоже весьма полезнымъ, если на нихъ хватаетъ мѣста и времени (тутовья плантація, медоносныя растенія, хмель, бакши и прочіе). Они имѣютъ значеніе въ такихъ мѣстахъ, гдѣ садоводство и въ частности питомники могутъ оказаться недостаточно доходными. Изъ спеціальныхъ культуръ пока, въ видахъ чисто практическихъ, примѣняется (для полученія сѣна, идущаго на кормъ казеннымъ лошадямъ) *травосѣяніе*.

Впрочемъ, въ Повочеркасской учительской семинаріи директоръ отвѣлъ участокъ подъ травосѣяніе съ цѣлью ознакомленія учениковъ съ нѣкоторыми изъ видовъ кормовыхъ травъ, пригодныхъ для степей.

. Въ трехъ семинаріяхъ устроены *питомники лѣсныхъ и садовыхъ деревьевъ*, а въ Несвижѣ разводится *корзиночная ива*. Хмельняковъ мнѣ не пришлось видѣть.

Въ Алферовской учительской семинаріи былъ отдѣленъ участокъ для посѣва *лѣкарственныхъ растений*, но они пропали. Теперь завѣдывающій садомъ намѣренъ возобновить свою попытку.

Сѣменоводство можетъ быть тоже спеціальной культурой, и иногда довольно прибыльной, но при учительской семинаріи оно уместно лишь въ видѣ небольшого дополненіи къ огороду и цвѣтнику. При такихъ условіяхъ существованіе участка, посвященнаго сѣменоводству, весьма желательно.

Подъ ту же рубрику можно подвести часто практикующіеся за границей посѣвы небольшихъ размѣровъ *полевыхъ растеній*, которые служатъ для ознакомленія учениковъ съ какимъ либо отдѣльнымъ фактомъ изъ сѣльского хозяйства, достаточно назрѣвшимъ, и съ которымъ желательно познакомить и населеніе.

Во время поѣздки, мнѣ пришлось натолкнуться на нѣсколько изъ такихъ желательныхъ улучшеній, которыя преподаватели семинарій, при случаѣ, могли бы демонстрировать на показательныхъ участкахъ съ малой затратой времени и денегъ, но съ большою пользою для воспитанниковъ.

Возьмемъ для примѣра Смоленскую губернію.

Согласно прочно обоснованнымъ научнымъ даннымъ профессора Энгельгардта и довольно продолжительной практикѣ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, выяснено уже, что въ этой губерніи употребленіе фосфоритовъ поднимаетъ производительность мѣстной почвы, на удобреніе которой не хватаетъ навоза, и урожаи получаютъ значительно больше, какъ въ зернѣ, такъ и въ соломѣ, затраты же на удобреніе вознаграждаются сторицей. Разъ это установлено научнымъ образомъ, то отчего бы и въ Алферовской семинаріи не отдѣлить для этой цѣли небольшого участка земли (напримѣръ, двѣ дѣлянки по 30—40 кв. саж.) для сравнительной культуры ржи, оставивъ одну дѣлянку безъ удобренія, а на другую посѣять фосфоритную муку.

Съ весны до 10-го іюня рожь уже выкидываетъ колосья, и разница между дѣлянками, особенно замѣтная во время роста, можетъ быть очень поучительною; результаты же урожая, исчисленные пропорціонально десятинѣ, могутъ быть объявлены и показаны ученикамъ по возвращеніи ихъ съ каникулъ.

Далѣе, въ Псковской губерніи всѣхъ интересуетъ вопросъ о вве-

денія въ сѣвооборотъ клевера. Благодаря энергіи предсѣдателя губернской земской управы Д. И. Иванова, крестьяне стали постепенно знакомиться съ этимъ растеніемъ, его свойствами и ролью по отношенію къ хлѣбамъ, и теперь дѣлаются съ несомнѣннымъ усѣхомъ попытки посѣва его въ относительно крупныхъ размѣрахъ. Для крестьянъ открытъ при Управѣ складъ клеверныхъ сѣмянъ, которыя они могутъ получать по удешевленной цѣнѣ, издана брошюра и такъ далѣе, но дѣло все-таки подвигается очень медленно. Возникають разныя сомнѣнія и колебанія. Тутъ-то разъясненія сельскаго учителя или хотя бы его указанія могли бы быть очень цѣнны. Для ознакомленія же учениковъ съ клеверомъ и его ролью въ сѣвооборотѣ, гипсованіемъ клеверныхъ полей и такъ далѣе, можно было бы устроить небольшой показательный участокъ. То же теченіе замѣчается теперь въ Тульской губерніи, гдѣ клеверъ начинаетъ цѣниться сельскими хозяевами.

Такихъ примѣровъ можно бы привести довольно много. Въ каждой почти мѣстности въ крестьянскомъ хозяйствѣ представляется возможнымъ ввести то или другое немудрое улучшеніе, польза котораго, хотя очевидна, но еще не проникла въ сознаніе массы. Ознакомленіе учениковъ семинаріи попутно при изученіи садоводства, огородничества съ одной изъ такихъ спеціальныхъ культуръ есть, по нашему мнѣнію, предлѣз того, что можетъ давать учительская семинарія по сельско-хозяйственному образованію (за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ указанныхъ отраслей — пчеловодства и шелководства, которыя иногда являются дополненіями къ садовымъ занятіямъ, иногда же частью замѣняютъ ихъ).

Остается сказать еще объ *оранжеряхъ, теплицахъ и грунтовыхъ сараяхъ*, устроенныхъ при нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Оранжеря, какъ предметъ роскоши, неумѣства въ скромномъ семинарскомъ саду. Для 2-хъ—3-хъ персиковыхъ или абрикосовыхъ деревьевъ, полъ-дюжины виноградныхъ лозъ и нѣсколькихъ оранжерейныхъ растений не стоитъ тратиться на устройство и ремонтъ зданія и отопленіе его, тѣмъ болѣе, что шпалерная культура имѣетъ пока въ Россіи ничтожное значеніе.

То же можно сказать и о грунтовыхъ сараяхъ. Если онъ уже существуетъ, и на получаемый съ выведенныхъ въ немъ деревьевъ доходъ можно покрыть издержки по ремонту деревянныхъ частей и устройству соломенной или камышевой крыши, то, конечно, его

не зачѣмъ уничтожать. Въ качествѣ же учебныхъ пособій ни оранжерей, ни грунтовой сарай не нужны.

Другое дѣло теплица. Въ сѣверной и средней полосѣ Россіи она имѣетъ весьма серьезное значеніе. Въ виду поздняго, сравнительно, наступленія весны и утренниковъ, губящихъ растительность даже въ маѣ мѣсяцѣ, теплицы даютъ возможность для учениковъ ознакамливаться и наблюдать за многими стадіями въ развитіи растений, которыхъ они бы не дождались при нормальныхъ условіяхъ, развѣхавшись по домамъ на каникулы. Учитель, обладая въ теплицѣ хотя небольшою коллекціей растений, можетъ, пользуясь ими, сдѣлать уроки ботаники болѣе живыми и интересными. Наконецъ, ученики при наличности теплицы получаютъ возможность заниматься разведеніемъ растений (проращиваніе сѣмянъ, укорененіе черенковъ, разведеніе разсады, и такъ далѣе) въ то время, когда не сошелъ снѣгъ; вслѣдствіе чего работы распределяются равномернѣе и могутъ быть легче усвоены.

Въ тѣхъ семинаріяхъ, которыя расположены вблизи городовъ, ранняя выгонка овощей оказывается очень выгодной и можетъ окупить всѣ расходы по ремонту теплицы и ея отопленію.

Изъ осматрѣнныхъ мною семинарій теплицы имѣютъ три: Алферовская, Поливановская и Рязанская. Въ первой теплица соединена съ двумя оранжерейми и является послѣдіемъ прежнихъ владѣльцевъ усадебъ; вторая помѣщается въ бывшей банѣ, а третья въ маленькой избушкѣ. За неимѣніемъ теплицы, можно, однако, довольствоваться парниками и культурой подъ колпаками.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о пчеловодствѣ и шелководствѣ.

Пчеловодство лучше всего поставлено въ Череповецкой учительской семинаріи, гдѣ наставникъ, г. Исанинъ, большой любитель этого дѣла, устроилъ образцовую пасѣку. Ученики изучаютъ на практикѣ всѣ необходимыя приемы по пчеловодству и знакомятся, при посредствѣ объясненій, съ жизнью пчелы. Теоретическаго преподаванія нѣтъ. Дѣло идетъ очень хорошо: въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пасѣки не только окупалась, но и давала еще нѣкоторый излишекъ.

Въ Вольской учительской семинаріи былъ тоже сдѣланъ опытъ систематическаго обученія воспитанниковъ пчеловодству. Тамъ имъ предварительно давались теоретическія объясненія, послѣ чего учитель начальнаго училища нодѣлъ ихъ къ себѣ на пасѣку.

Въ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ семинаріяхъ дѣлаются лишь от-

дѣльными небольшіи попытокъ. Такъ, въ Несвижской учительской семинаріи въ саду стоятъ всего два душные ульи; въ Курской одинъ, но за то рамочный, системы Долиновскаго.

Что касается до принципиальнаго вопроса, умѣстно ли преподаваніе пчеловодства въ учительскихъ семинаріяхъ, то онъ рѣшается какъ заграничною, такъ и русскою практикой въ утвердительномъ смыслѣ.

Пчеловодство можетъ быть допущено и даже рекомендовано для семинарій въ виду простоты веденія пасѣчнаго хозяйства и нѣкотораго его педагогическаго значенія (стройная организація пчелиной общины весьма поучительна). Затраты на устройство пасѣки не велики, изучить это дѣло, имѣя передъ глазами хорошіе образцы, не трудно, а между тѣмъ нѣсколько ульевъ въ школьномъ саду учителя, занимая мало мѣста и не требуя много времени для ухода, могутъ дать ему нѣсколько лишнихъ рублей дохода и послужить примѣромъ для крестьянъ.

Было бы очень желательно усилить занятія пчеловодствомъ въ Несвижской семинаріи, въ виду благоприятнаго климата и склонности бѣлоруссовъ къ меду, который является у нихъ излюбленной приправой ко всевозможнымъ кушаньямъ и входитъ составною частью въ очень распространенный здѣсь напитокъ—крупеникъ. О рациональномъ же воспитаніи пчелъ крестьяне не имѣютъ и понятія. Для зимняго храненія пчелъ слѣдуетъ устраивать отдѣльныя помѣщенія—омшаники, но ихъ пока нигдѣ нѣтъ. Чтобы избѣжать этой необходимости, устраиваются такіе ульи, въ которыхъ пчелы могутъ зимовать. По конструкціи семинарскіе ульи должны быть по возможности просты и приноровлены къ мѣстнымъ потребностямъ.

Желательно, чтобы ученикамъ, которые проявятъ особый интересъ и прилежаніе при занятіяхъ пчеловодствомъ и заявятъ о своемъ желаніи устроить при школѣ пасѣку, давалось изъ семинарій для начала по улью пчелъ.

На *шелководство* обращено весьма серьезное вниманіе въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, а также въ Кіевскомъ.

Въ первомъ изъ нихъ (въ Кавказскомъ) обученіе шелководству было введено по инициативѣ г. попечителя учебнаго округа и поставлено уже съ самаго начала, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ такого компетентнаго учрежденія, какъ правительственная пчеловодная станція въ Тифлисѣ, на надлежащую научно-практическую почву, поэтому какія-либо замѣчанія о технической сторонѣ этого дѣла пока со-

вершенно излишни. Вопросъ объ обученіи шелководству въ учительскихъ семинаріяхъ и въ начальныхъ школахъ Закавказья разрабатывается извѣстнымъ специалистомъ по шелководству, г. Шавровымъ, который и руководитъ имъ въ качествѣ управляющаго вышеозначенной станціей. Укажемъ только, что и здѣсь шелководство, какъ и пчеловодство на сѣверо-западѣ Россіи, является лишь въ качествѣ дополнительной отрасли при садоводствѣ, такъ что первенствующая роль въ семинарскомъ хозяйствѣ принадлежитъ все-таки этому послѣднему.

II.

Плохое содержаніе семинарскихъ садовъ зависѣло до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ отъ отсутствія какихъ либо специальныхъ средствъ, при помощи которыхъ можно было бы покрыть необходимыя издержки.

Исключеніе составляютъ семинаріи Варшавскаго учебнаго округа и нѣсколько другихъ, получающихъ или по штату, или отъ какихъ либо правительственныхъ и общественныхъ учрежденій особыя суммы на садоводство.

Въ Варшавскомъ округѣ въ семинаріяхъ Сѣнницвой, Солецкой, Ленчицкой, Андреевской, Бѣльской, Холмской, Вымыслинской и Вейверской на садовника полагается по 200 рублей, въ Варшавской—100 р. Суммы незначительныя, но, благодаря имъ, имѣлась возможность поддерживать семинарскіе сады, такъ что Варшавскій округъ въ этомъ отношеніи могъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ; теперь же съ нимъ начинаютъ соперничать другіе округа.

Самую крупную въ настоящее время сумму получаетъ, на сколько намъ извѣстно, Новочеркасская учительская семинарія, которой изъ войсковыхъ суммъ отпускается по 800 руб. ежегодно на обученіе учениковъ садоводству и огородничеству (а вмѣстѣ съ приходомъ по саду до 950 р.). Если она не обладаетъ до сихъ поръ, при такой денежной поддержкѣ, образцовымъ садомъ, то причиной этому постороннія обстоятельства (четыреждыкратная перемѣна мѣстожительства съ перенесеніемъ на новыя мѣста и садовыхъ насажденій). Другія семинаріи получаютъ меньше: Новинская—850 рублей на садоводство и ремесленные занятія, Тотемская—600 рублей на садоводство и пчеловодство съ 1891 г., Волчанская—500 рублей, Кубанская—500 руб., Закавказская—300 рублей, Рязанская—около 200 рублей

и т. д. Тотемская учительская семинарія получаетъ деньги отъ министерства государственныхъ имуществъ, Волчанская и Рязанская отъ земствъ, Кубанская отъ войска. Большинство учительскихъ семинарій никакихъ специальныхъ средствъ на этотъ предметъ еще не имѣютъ. Правда, въ настоящее время, изъ яду интереса, съ которымъ начинаютъ относиться мѣстные дѣятели къ вопросу объ улучшеніи преподаванія садоводства и огородничества въ учительскихъ семинаріяхъ, въкоторыя земства (напримѣръ, Смоленское) стали обращаться къ директорамъ семинарій съ запросами, прося указать, какія суммы могутъ потребоваться для указанной цѣли. Въ губервіяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, этого ресурса нѣтъ. Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ на садоводство не полагается постоянныхъ средствъ, расходы по саду приходится покрывать заимствованіемъ изъ хозяйственныхъ суммъ или изъ доходовъ по саду и огороду.

Доходы отъ садовъ весьма различны, но въ общемъ они, конечно, не велики. Получаемые продукты по большей части потребляются учебнымъ персоналомъ и учениками, въ тѣхъ же семинаріяхъ, гдѣ сады значительныхъ размѣровъ, ихъ сдаютъ въ аренду, при чемъ плата въ урожайные годы достигаетъ 200—300 рублей, въ неурожайные же опускается на нѣсколько десятковъ рублей.

Отъ продажи овощей, особенно раннихъ, изъ парниковъ и теплицъ выручаются мѣстами довольно значительныя суммы (до 100—150 рублей въ Новочеркасской учительской семинаріи), при маленькихъ же огородахъ стоимость овощей бываетъ ничтожна и не превышаетъ иногда 5—10 рублей. За прививки нѣкоторыя семинаріи получаютъ отъ 20 до 40 рублей дохода. Въ общемъ надо замѣтить, что такіе доходы, вслѣдствіе ихъ случайности и незначительности, не могутъ быть базисомъ, на которомъ можно было бы основать улучшеніе семинарскихъ садовъ. Будетъ вполне достаточно, если изъ сада и огорода получится количество продуктовъ, нужное для потребленія учениковъ и учительскаго персонала (последнимъ, впрочемъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, отрѣзывается на каждую семью, если хватаетъ земли, по отдѣльному участку). Деньги же, получаемыя отъ овощей изъ парниковъ, а дѣломъ отъ огорода и ягодника, когда ученики уже развѣхались по домамъ, могутъ быть по справедливости предоставлены въ распоряженіе завѣдывающаго садомъ, въ качествѣ награды за его труды. При такой системѣ, учитель садоводъ будетъ лично заинтересованъ въ хорошемъ состояніи и продуктивности огорода. Что касается питомника, то завѣдываю-

щій садомъ тоже могъ бы пользоваться извѣстнымъ % отъ продажи прививковъ, остальное же, въ соединеніи съ арендными деньгами за плоды и траву (по отчисленіи и отъ этихъ денегъ % въ его пользу), должно идти на усиленіе садовыхъ средствъ и на погашеніе болѣе крупныхъ затратъ, которыя не могутъ быть покрыты текущими средствами.

Г. Мещерскій полагаетъ, что учителя садоводы должны получать отъ общаго дохода не меньше 10%, и не болѣе 50%.

Намъ кажется, что руководителю слѣдуетъ назначить отъ 30 до 40% „отъ денежнаго дохода“. Подъ денежнымъ доходомъ въ данномъ случаѣ мы понимаемъ тѣ суммы, которыя получаютъ изъ арендныхъ денегъ и отъ реализаціи сырыхъ продуктовъ, остающихся по удовлетвореніи семинарскихъ потребностей. При меньшемъ % ожидаемое полученіе не можетъ представить реальнаго интереса для руководителя.

Расходы распадаются на крупныя и мелкія. Послѣднія покрываются по большей части изъ хозяйственныхъ средствъ. Къ крупнымъ расходамъ слѣдуетъ прежде всего отнести жалованье, выдаваемое садовникамъ, приглашеніемъ которыхъ и ограничивались часто заботы директоровъ о семинарскомъ садѣ.

Содержаніе садовыхъ рабочихъ и садовниковъ колеблется въ среднемъ между 200—400 рублей съ минимумами въ 106, 120, 125 и т. д. и максимумомъ въ 500 рублей; послѣдняя сумма выдается въ Кубанской учительской семинаріи ученому садовнику, окончившему курсъ въ Пензенскомъ училищѣ садоводства и пчеловодства. Остальные извѣстные намъ садовники или просто практики, или окончили низшія учебныя заведенія. Въ Курскѣ въ саду работаетъ дворникъ. Многіе изъ садовниковъ соединяютъ въ себѣ и обязанности сторожей, сокращая тѣмъ расходы на низшую администрацію. Для жительства садовниковъ устрояются обыкновенно избы, одновременная затрата на которыя равняется, приблизительно, 400 рублей. Отопленіе дѣлается на счетъ семинарій. Изъ 15 посѣщенныхъ мною семинарій садовники имѣлись лишь при пяти.

Текущіе расходы бываютъ слѣдующіе:

- 1) Выписка сѣмянъ, прививковъ, черенковъ, луковицъ и т. д.
- 2) Плата за пакоту, сѣнокосъ и подневная за лѣтнія работы во время отсутствія учениковъ.
- 3) Покупка и ремонтъ инструментовъ, починка парниковъ, рамъ, садовая замазка, мочала, известь и проч.

4) Покупка удобреній, искусственныхъ и натуральныхъ. Навозъ получается частью отъ казенныхъ лошадей, имѣющихся при многихъ семинаріяхъ, или отъ рогатаго скота, принадлежащаго учительскому персоналу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда навоза нѣтъ или не хватаетъ, онъ покупается по цѣнѣ, колеблющейся отъ 15 до 50 к. за возъ.

5) Расходъ на воду для поливки. Расходъ этотъ производится лишь въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ воды почему либо не хватаетъ (на югѣ Россіи), или гдѣ она далеко расположена.

6) Выписка книгъ по садоводству для раздачи ученикамъ и стѣнныхъ таблицъ.

Опредѣлить съ точностью размѣръ всѣхъ расходовъ было бы затруднительно, въ виду зависимости ихъ отъ весьма разнообразныхъ мѣстныхъ условий. Въ среднемъ, однако, можно сказать, что при кредитѣ въ 200 рублей они могутъ быть въ большинствѣ случаевъ покрыты. По расчету Рязанской учительской семинаріи общій расходъ, въ теченіе года, на каждого занимающагося ученика равняется 1 р. 20 к., изъ Гольдингенъ—2 рубля. Но цифры эти слишкомъ малы. Другія семинаріи, какъ, напримѣръ, Новоторжская, полагаютъ, что требуется не менѣе 10 рублей на человѣка (500 рублей, а съ руководителемъ 1.100 рублей). Практика указываетъ среднюю цифру въ 3—4 р. (200 рублей на 50—75 учениковъ)¹⁾. Для семинарій, у которыхъ пока еще ничего не сдѣлано, потребуется единовременная затрата на инвентарь (150 р.), парники (50 р.) и, если будетъ признано нужнымъ, и на теплицу (300 р.), всего 500 р.²⁾. Прибавивъ къ указаннымъ 200 р. еще 600 р. (распредѣленіе которыхъ будетъ указано ниже) на содержаніе учебному персоналу, получаемъ общую сумму въ 800 р., выражающую собой ежегодную стоимость обученія учениковъ садоводству и другимъ отраслямъ. Часть этихъ денегъ имѣется у нѣкоторыхъ семинарій по штату, часть можетъ быть дана земствомъ. Весьма значительный также ресурсъ представляютъ еже-

¹⁾ Молодечненская учительская семинарія опредѣлила издержки по саду въ 100 р., включая сюда единовременные расходы на инструменты. На курсахъ обученіе учителей стоятъ въ среднемъ около 11 рублей на человѣка.

²⁾ Инвентарь на 25 чел. долженъ приблизительно состоять изъ слѣдующихъ предметовъ: 25 садовыхъ ножей (собственно ученикамъ), 25 лопатъ, 10 мотыгъ, 10 граблей, 4 вѣлы для навоза и проч., 2 пилы, 2 топора, двѣ пары ножницъ для обрѣзки вѣтвей, двѣ пары ножницъ для газона и живыхъ изгородей, штукъ 5 тачекъ, нѣсколько леекъ, гидронуль для отыскиванія растений растворами, раздвижная лѣстница и соломенные щиты. Все обойдется около 150 рублей.

годно ассигнуемыя на этотъ предметъ по министерству государственныхъ имуществъ 12 тысячъ рублей.

Нѣкоторая доля нужныхъ для разведенія и поддержанія сада матеріаловъ получается на *льготныхъ условіяхъ* или посредствомъ *пожертвованій*. На первомъ мѣстѣ надо поставить сельско-хозяйственные и садовые учебныя заведенія министерства государственныхъ имуществъ, изъ которыхъ дѣлается льготный отпускъ растений, хотя имъ пока еще мало пользовались. Произошло это по большей части отъ невѣдѣнія. До открытія льготнаго отпуска нѣкоторые семинаріи получали иногда сѣмена, растенія, привитые экземпляры плодовыхъ деревьевъ и т. д. изъ Петровско-Разумовской академіи, отъ С.-Петербургскаго и Варшавскаго ботаническихъ садовъ. Жертвуютъ также и частныя лица—помѣщики, владѣльцы питомниковъ, почетные почитатели, члены попечительныхъ совѣтовъ и т. д. Содѣйствіе оказывается также нѣкоторыми обществами садоводства (Московскій и Псковскій отдѣлы) и земскими сельско-хозяйственными или садовыми учрежденіями. Нѣкоторые лица (напримѣръ, ученый садовникъ г. Параль въ Волчанскѣ) помогаютъ безвозмездно директорамъ учительскихъ семинарій, въ качествѣ знатоковъ дѣла, своими совѣтами и разъясненіями. Наконецъ, чиновники министерства государственныхъ имуществъ берутъ иногда на себя трудъ прочтенія ученикамъ семинарій (напримѣръ, въ Псковѣ) цѣлаго курса по садоводству и руководства садомъ.

Въ виду, однако, случайности всякихъ пожертвованій, на нихъ не представляется возможнымъ строить какіе либо выводы и предположенія. Только субсидіи земствъ, изъ войсковыхъ и сословныхъ суммъ, или отъ казенныхъ учрежденій могутъ дать прочную опору для развитія этого дѣла, при чемъ субсидіи эти должны быть постоянными и внесенными въ штаты семинарій. Частная помощь и инициатива тутъ, пожалуй, даже неумѣстны,—для нея гораздо болѣе обширное и плодотворное поле дѣйствія представляютъ начальныя школы.

III.

Изученіе сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ учительскихъ семинаріяхъ ограничивается большею частью лишь практическою стороною дѣла. Ученики работаютъ въ саду, огородѣ, въ червопроводѣ, ознамливаются съ устройствомъ ульевъ и т. п., но особаго теоре-

тического курса ни по одной изъ этихъ отраслей официально въ семинаріяхъ пока еще не существуетъ. *Теоретическія свидѣнія* по сельскому хозяйству вообще и въ частности по садоводству сообщаются ученикамъ попутно при прохожденіи естествознанія. При каждомъ отдѣлѣ естественной исторіи можно найти не мало прикладныхъ истинъ, имѣющихъ къ тому же и общій интересъ. Такъ, при изученіи зоологіи обращается вниманіе ученыхъ на полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ, гадовъ и т. д. и указывается на способы ихъ размноженія или борьбы съ ними.

Извѣстно, что крестьяне очень рѣдко истребляютъ насѣкомыхъ, относясь къ нимъ, какъ къ стихійнымъ бѣдствіямъ, и совсѣмъ не принимаютъ предупредительныхъ мѣръ. Часто даже крестьянскіе мальчики способствуютъ, хотя и безсознательно, ихъ размноженію, разрушая гнѣзда насѣкомоядныхъ птицъ. Учителю повтому весьма полезно ознакомиться съ означенными отдѣлами, чтобы быть въ состояніи дать своимъ ученикамъ авторитетное предостереженіе или софѣтъ. Изъ высшихъ животныхъ тоже выбираются тѣ, которыя имѣютъ полезное значеніе. На урокахъ минералогіи даются краткія свѣдѣнія о составѣ почвы, обработкѣ, улучшеніи ея свойствъ и удобреніяхъ. По ботаникѣ—о системахъ земледѣлія, культурныхъ растеній и ихъ разведеніи, иногда, тутъ же встаетъ, и объ улучшенныхъ орудіяхъ и, наконецъ, подробно о садоводствѣ и огородничествѣ. Конечно, подобныя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, будучи очень кратки и неполны, не могутъ имѣть серьезнаго значенія въ техническомъ смыслѣ, но они необходимы для общаго развитія учениковъ. Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ на садоводство обращается болѣе серьезное вниманіе, такія дополнительныя свѣдѣнія вѣскольکو систематизируются и излагаются болѣе подробно, являясь какі бы особымъ прикладнымъ отдѣломъ ботаники, на прохожденіе котораго посвящается одинъ семестръ. Въ описаніяхъ отдѣльныхъ семинарій приведены программы по этому предмету, проходящія въ учительскихъ семинаріяхъ (Несвижской, Свислочской и Вейверской).

Иногда теоретическія свѣдѣнія по садоводству сообщаются въ видѣ объясненій во время самыхъ работъ, при чемъ послѣдовательность ихъ опредѣляется естественнымъ развитіемъ въ растительномъ царствѣ. Та же система прилагается и при практическомъ изученіи ичеловодства и шелководства.

При обсужденіи плана теоретическаго преподаванія можетъ возникнуть вопросъ, не будетъ ли отягочительно для учениковъ при-

бавленіе новаго предмета, когда программа уже и такъ довольно обширна и трудна. Но это могло бы быть только въ томъ случаѣ, еслибы въ семинаріи вводился цѣлый самостоятельный курсъ по сельскому хозяйству; при обученіи же садоводству, какъ уже выяснено раньше, центръ тяжести лежитъ въ практическихъ занятіяхъ и сопровождающихъ ихъ объясненіяхъ. Впрочемъ, французы, при трехгодичномъ курсѣ и 38 недѣльныхъ часахъ, не побоялись, когда было признано необходимымъ ознакомленіе будущихъ учителей съ основами агрономіи, ввести въ нормальныхъ школы курсъ въ 20 уроковъ, проходимыхъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. То же можно сказать и объ Австріи, Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и т. д., гдѣ на обученіе сельскому хозяйству и садоводству посвящается отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ въ недѣлю на одномъ, двухъ и даже трехъ курсахъ. Педагогическіе совѣты русскихъ семинарій тоже высказываются въ этомъ направленіи, проецируя прибавленіе лишняго часа по естествовѣдѣнію или преподаваніе его съ приготовительнаго класса (гдѣ таковой есть).

Намъ кажется, что для болѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу воспитанникамъ, помимо специальныхъ объясненій во время работъ, дѣйствительно слѣдовало бы ранѣе ознакомиться съ общими основами садоводства и растеніеводства, но для этого достаточно будетъ 15 уроковъ, то-есть, одного недѣльнаго часа въ теченіе полугодія. Отдѣлъ этотъ по садоводству долженъ проходить въ томъ году, когда изучается ботаника, то-есть, на I-мъ или на II-мъ курсѣ. Преподаватель долженъ, сообщая ученикамъ необходимыя свѣдѣнія въ возможно сжатой формѣ и избѣгая излишнихъ подробностей, сумѣть заинтересовать ихъ этимъ предметомъ и постепенно приучить ихъ читать съ пользою специальные руководства.

Что касается донимѣ употребляемыхъ учебниковъ естествовѣдѣнія, то самый распространенный изъ нихъ: „Три царства природы“ *Григорьева*, нѣсколько великъ по размѣрамъ, а прикладная часть его страдаетъ отсутствіемъ мѣстнаго колорита. Въ учебникѣ *Люшескию* „Краткій курсъ естественной исторіи“ практическимъ свѣдѣніямъ уделено еще меньше мѣста, въ „Обзорѣ растительнаго царства“ *Кайнородова* только двѣ страницы посвящены прививкѣ плодовыхъ деревьевъ и уходу за ними и т. д. Такимъ образомъ, преподавателямъ, желающимъ сообщить ученикамъ своимъ свѣдѣнія по садоводству, до тѣхъ поръ, пока не будетъ выработано спеціального учебника естественной исторіи для учительскихъ семинарій

съ сельско-хозяйственнымъ отдѣломъ, придется довольствоваться свѣдѣніями, почерпаемыми изъ спеціальныхъ руководствъ.

Послѣднія должны бы составлять (какъ это и начинается, впрочемъ, дѣлаться) не для всей Россіи, слишкомъ разнообразной по климату и различнымъ культурамъ, но для извѣстныхъ раіоновъ.

Мы не приводимъ здѣсь проекта программы для преподаванія садоводства. Отличныя программы выработаны уже теперь лекторами, читавшими курсы по садоводству и огородничеству; въ приложенныхъ же при семъ описаніяхъ имѣется тоже нѣсколько программъ по этимъ предметамъ.

Составъ учителей. преподающихъ естествознаніе въ семинаріяхъ, очень разнообразенъ. Встрѣчаются люди, получившіе высшее сельско-хозяйственное образованіе, примѣромъ чему могутъ служить г. Дмитріевъ въ Закавказской и г. Казанскій въ Новоторжской учительскихъ семинаріяхъ, окончившіе Петровско-Разумовскую земледѣльческую академію. Такія лица, благодаря своимъ обширнымъ спеціальнымъ познаніямъ, могутъ смѣло взять на себя какъ составленіе и преподаваніе курса естествознанія, дополненнаго свѣдѣніями по садоводству и огородничеству или какимъ либо другимъ сельско-хозяйственнымъ отраслямъ, такъ и организацию на раціональныхъ началахъ всего садового хозяйства. Увеличеніе числа преподавателей съ такого рода образовательнымъ цензомъ могло бы имѣть весьма благотворныя послѣдствія, такъ какъ при помощи ихъ дѣло упорядоченія семинарскихъ садовъ пошло бы быстрѣе. Дальнѣйшую службу они могли бы продолжать (еслибы объ этомъ состоялось соглашеніе) нормальнымъ путемъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, получая, напримѣръ, въ управленіе сельско-хозяйственныхъ школы. Надо впрочемъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ для лицъ съ высшимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ семинарское хозяйство можетъ показаться слишкомъ скромнымъ и мало интереснымъ, въ результатѣ чего возможно и охлажденіе къ дѣлу, весьма, конечно, не желательное.

Въ виду этого, такіе преподаватели могутъ быть назначаемы только въ тѣ семинаріи, гдѣ есть надѣ чѣмъ поработать; въ городахъ же, при $\frac{1}{2}$ десятинѣ земли, имъ негдѣ проявить свои знанія.

Для лицъ, окончившихъ университетъ по физико-математическому факультету, по естественному отдѣленію, преподаваніе свѣдѣній по садоводству не представляетъ затрудненій. Зная естественныя науки, они легко дополняютъ свои знанія чтеніемъ спеціаль-

ныхъ руководствъ и, изучивъ дѣло, являются, если лично интересуются садоводствомъ, знающими преподавателями (хотя во время практическихъ работъ, вслѣдствіе неопытности ихъ, могутъ все-таки случаться промахи). Хуже ведется дѣло лицами, хотя и получившими университетское образованіе, но окончившими другіе факультеты. Они или относятся къ дѣлу любительски, или совсѣмъ отказываются отъ обученія садоводству, строго придерживаясь официальной программы. Такой случай произошелъ въ Волчанской семинаріи, гдѣ преподаваніе естествознанія пришлось въ I-мъ классѣ возложить на историка, а во II-мъ на учителя, окончившаго военную гимназію. Историкъ, до того времени не имѣвшій никакого понятія о зоологіи, ботаникѣ и т. п., долженъ былъ, прежде чѣмъ приступить къ урокамъ, засѣсть за изученіе элементарныхъ учебниковъ и, конечно, не могъ уже и думать о садоводствѣ.

Подготовка въ учительскихъ институтахъ или въ духовной академіи не даетъ также оканчивающимъ возможности взять на себя обученіе теоріи или практикѣ садоводства. Молодые люди, поступающіе въ учительскія семинаріи, принуждены бываютъ, если имъ преподаваніе это поручается, взяться за изученіе какогонибудь популярнаго руководства. Но, конечно, приобретаемая такимъ образомъ познанія бываютъ по большей части крайне поверхностны и неполны.

Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ теоретическій курсъ лежитъ на одномъ лицѣ, а руководство практическими занятіями и сопровождающія ихъ объясненія на другомъ. Такой расколъ, конечно, не можетъ отзываться благоприятно на ходѣ дѣла, но онъ является иногда неизбежнымъ слѣдствіемъ при полномъ отсутствіи практической подготовки у учителей естествознанія.

Въ Рязанской учительской семинаріи практическими занятіями руководить наставникъ, окончившій горный институтъ, который, будучи свѣдущъ въ минералогіи, можетъ, по крайней мѣрѣ, взять на себя объясненіе 1-го отдѣла по садоводству, о почвѣ, ея составѣ, обработкѣ, улучшеніяхъ и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда объясненія даютъ *садовники-самоучки*, свѣдѣнія, сообщаемыя ими, бываютъ по истинѣ удивительны. Садовникъ въ одной изъ учительскихъ семинарій глубоко убѣжденъ, напримѣръ, въ томъ, что паутина на деревьяхъ, въ которой ютятся колоніи личинокъ отъ яблочной моли и др., заводится „отъ сырости“, и что поэтому бороться съ ними не стоитъ. Когда же личинки расплоза-

ются по дереву и поѣдаютъ всю листву, то онѣ смотритъ на это, какъ на непредотвратимое „наказаніе Божіе“. Между тѣмъ, личинки эти уничтожаются очень легко по утрамъ, когда онѣ сидятъ еще въ паутинѣ. Въ другой семинаріи садовникъ увѣрялъ директора, что листья тополя, поврежденные листоверткой, не что иное, какъ „цвѣтъ этого дерева“; въ третьей—садовникъ наивно разказывалъ, что дички надо сажать въ канавки поуже, чтобы корни не расходились далеко, а оставались „комочкомъ“, такъ какъ въ такомъ де видѣ ихъ легче выкапывать, когда понадобится продавать. Интересно знать только, какимъ образомъ такое дерево могло бы питаться и запасаться влагой, если его корни скомканы въ клубокъ, а кругомъ сухая, не рушенная земля. Такихъ „объясненій“ можно было бы привести не мало, но довольно, полагаю, и этихъ.

Конечно, подобныя недоразумѣнія не могутъ случаться, когда объясненія при практическихъ работахъ дѣлаются людьми, специально подготовленными, какъ это имѣетъ мѣсто въ Кубанской учительской семинаріи, гдѣ садовникомъ служить лице, окончившее курса училища садоводства.

Во избѣжаніе раздвоенія въ теоретическомъ и практическомъ преподаваніи и устраненія вреднаго вліянія невѣжественныхъ садовниковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда не представляется возможнымъ пригласить садовника-спеціалиста, желательно, чтобы лица, преподающія естествовѣдѣніе, были знакомы и съ практической стороной тѣхъ сельско-хозяйственныхъ отраслей, которыхъ они касаются въ своемъ курсѣ. Собственная практика въ семинарскомъ саду, однако, недостаточна. Безъ надлежащихъ указаній и компетентнаго руководства она можетъ имѣть въ результатѣ безплодное блужданіе въ лабиринтѣ неудачныхъ опытовъ и неприменимыхъ въ данной мѣстности теоретическихъ положеній.

Ознакомленіе преподавателей съ вышеупомянутыми сельско-хозяйственными отраслями должно дѣлаться съ успѣхомъ лишь въ такомъ мѣстѣ или учрежденіи, гдѣ изучающій могъ бы увидѣть образцы, дѣйствительно достойные подражанія, и имѣлъ бы возможность продѣлать весь цѣль нужныхъ работъ.

Система эта была уже примѣнена въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, гдѣ, въ виду проекта о введеніи въ учительскихъ семинаріяхъ округа преподаванія шелководства, пастыяникъ Дмитріевъ изъ Закавказской учительской семинаріи былъ командированъ на курсы,

устроенные въ Тифлисѣ при шелководственной станціи. Онъ изучилъ тамъ, подъ руководствомъ г. Шаврова, какъ теорію, такъ и практику шелководства, гренажа и обработки коконовъ.

Для ознакомленія преподавателей съ садоводствомъ, на сколько намъ извѣстно, такихъ командировокъ до сихъ поръ еще не было, а между тѣмъ это могло бы быть очень полезно.

Если только будетъ признано, что преподаваніе садоводства обязательно въ семинаріи, можно было бы въ двухъ или трехъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства государственныхъ имуществъ (по районамъ) устроить спеціальныя *профессорскіе курсы* для преподавателей, гдѣ эти послѣдніе, въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, могли бы основательно познакомиться съ садоводствомъ, огородничествомъ или съ какою либо изъ упомянутыхъ ранѣе сельско-хозяйственныхъ интенсивныхъ отраслей.

Такимъ образомъ поступило бельгійское министерство народнаго просвѣщенія, когда возникъ вопросъ о введеніи преподаванія ручнаго труда въ нормальныхъ школахъ. Въ мѣстечкѣ Нивеллѣ были устроены курсы, куда и съѣхались представители всѣхъ нормальныхъ школъ, будущіе учителя ручнаго труда, которые и изучили тамъ основательно этотъ предметъ (занятія были трехъ родовъ: теоретическія, практическія и дидактическія). На слѣдующій годъ преподаватели эти вернулись еще разъ для дополнительныхъ работъ и для провѣрки и повторенія всего того, что было изучено раньше. Такимъ образомъ въ два года въ бельгійскія нормальныя школы вмѣли нужныхъ имъ спеціалистовъ. Весеннія работы могутъ быть пройдены во время пасхальныхъ ваканцій. Необходимыя техническія указанія относительно семинарскаго хозяйства могли бы даваться уполномоченными министерствомъ государственныхъ имуществъ при ихъ объѣздахъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что дѣло обученія садоводству можетъ находиться въ рукахъ преподавателей четырехъ различныхъ категорій, а именно:

- 1) Лицъ, окончившихъ высшія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія.
- 2) Преподавателей естествознанія, ознакомившихся съ садоводствомъ путемъ „чтенія и практики“.
- 3) То же, но прослушавшихъ курсъ въ сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи или училищѣ садоводства.
- 4) Ученыхъ садовниковъ.

Вторую категорію „учителей-самоучекъ“ надлежитъ вовсе исключить: они были терпимы, когда садоводство въ большинствѣ семинарій существовало лишь на бумагѣ, для проформы; при серьезной же постановкѣ вопроса нужны и соответствующимъ образомъ подготовленные люди. Ими могутъ быть лица, получившія сельско-хозяйственное образованіе, которыя, помимо естествознанія съ садоводствомъ, должны брать на себя, по установленному въ учительскихъ семинаріяхъ распорядку, и уроки по другимъ предметамъ, а равно и лица съ общимъ или педагогическимъ образованіемъ, но прослушавшія особый курсъ въ какомъ либо специальномъ учебномъ заведеніи.

Какъ тѣ, такъ и другіе въ правѣ рассчитывать, что они за исполненіе новыхъ обязанностей получаютъ соответствующее вознагражденіе. Намъ кажется, что изъ проектированныхъ нами выше 600 р., предназначенныхъ на учительскій персоналъ, имъ надлежало бы назначить 400 р., что будетъ достаточно, особенно если принять въ расчетъ возможность еще нѣкоторой прибавки, въ видѣ $\frac{1}{2}\%$ изъ денежнаго дохода сада. Остальные 200 р. (изъ 600) пойдутъ на жалованье толковому садовому рабочему или садовнику, который долженъ наблюдать за внѣшнимъ порядкомъ въ саду и исполнять всѣ необходимыя работы во время отсутствія учениковъ и самого руководителя. Хорошій учитель-садоводъ сумѣетъ даже изъ простаго сельскаго рабочаго, лишь бы онъ былъ смѣшленъ и грамотенъ, выработать себѣ полезнаго помощника. Садовники-практики, охотно иногда служащіе за 150—200 р. въ годъ, могутъ быть полезны главнымъ образомъ молодымъ руководителямъ, не достаточно опытнымъ или не ознакомившимся вполне съ мѣстными условіями. Но все-таки какъ планъ, такъ и организація хозяйства и практическихъ занятій должны быть выработаны самимъ преподавателемъ и вестись подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приглашается ученый садовникъ, преподаватель естествознанія отходить на второй планъ. Такой садовникъ принимаетъ на себя заведѣваніе всѣмъ садовымъ хозяйствомъ, надзоръ за практическими работами и изложеніе воспитанникамъ предварительно и во время работы необходимыхъ теоретическихъ объясненій. Впрочемъ, въ австрійскихъ учительскихъ семинаріяхъ даже и при ученomъ садовникѣ главное руководство принадлежитъ все-таки профессору естественныхъ наукъ.

Ученые садовники, обладая нужными знаніями, могутъ, конечно, вести дѣло вполне серьезно и въ желательномъ направленіи. Жалованье въ 600 рублей съ $\frac{1}{2}\%$ для нихъ достаточно. Г. Юркевичъ (ни-

спекторъ-руководитель въ Вейверской учительской семинаріи) считаетъ, впрочемъ, что садовнику слѣдуетъ 800 р., и по 200 р. двумъ помощникамъ. По проекту Рязанской учительской семинаріи, признается достаточнымъ 300 р. Г. Мещерскій же полагаетъ, что садовниковъ надо сравнивать по получаемому ими содержанію съ другими преподавателями семинарій (въ большинствѣ случаевъ 1.200 р.). Но въ этомъ случаѣ преподаватели садоводства оказались бы въ привилегированномъ положеніи, такъ какъ они за одинъ предметъ получали бы то же, что другіе за нѣсколько. На практикѣ можетъ образоваться нѣсколько комбинацій. Лица, обучающія садоводству, могутъ взять на себя, напримѣръ, преподаваніе ремеслу, или ручному труду и гимнастикѣ, что составитъ рублей 200 — 400 въ годъ прибавки. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ полагается особая плата за рисованіе и черченіе и т. д. Съ другой стороны, уѣздные и губернскіе агрономы, назначенные въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и губернскіе ученые садовники могутъ тоже взять на себя теоретическое преподаваніе и общій надзоръ за садомъ.

IV.

Организація *практическихъ занятій* по садоводству и огородничеству очень разнообразна.

Общее между всѣми существующими системами—то, что ученики отправляются на работу въ послѣобѣденное свободное отъ учебныхъ занятій время.

Въ нѣкоторыхъ учительскихъ семинаріяхъ, напримѣръ, въ Несвижской, преподаватели естествознанія, руководящіе и практическими занятіями, пользуясь весною и осенью хорошей погодой, отправляются иногда вмѣстѣ съ своими учениками въ садъ во время уроковъ естествознанія, соединяя, такимъ образомъ, теорію съ практикой.

Въ зависимости отъ величины участка и степени интереса къ садовымъ занятіямъ и работы въ саду бываютъ систематическія и случайныя.

Въ учительскихъ семинаріяхъ въ Гатчинѣ, Курскѣ, Торжкѣ и др., гдѣ участки земли не велики (въ первыхъ двухъ всего по $\frac{1}{2}$ десятины) и до послѣдняго времени были заняты почти исключительно декоративными садами,—практическія работы носили характеръ физическихъ упражненій и лишь изрѣдка, когда являлась надобность прибрать садъ, ученики приглашались, да и то въ видѣ доброволь-

цевъ, сдѣлать ту или другую работу. Въ другихъ учительскихъ семинаріяхъ работы въ саду поставлены очень серьезно. Онѣ вносятся въ общее росписаніе и въ теченіе всего того времени, когда такія работы возможны, то-есть, съ апрѣля по іюнь и съ конца августа по ноябрь, ученики обязаны отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю принимать въ нихъ участіе.

Работы бываютъ общія и частныя.

Общія—дѣлаются по классамъ или группамъ, подъ руководствомъ преподавателя или садовника, и подъ надзоромъ директора или дежурнаго наставника. Нѣкоторые директора даже сами принимаютъ участіе въ такихъ работахъ, воодушевляя своимъ примѣромъ воспитанниковъ.

Общія работы состоятъ въ перекопкѣ земли на перевалѣ, копаніи ямъ, проведеніи канавъ, устройствѣ грядъ, парниковъ, переноскѣ навоза, приготовленіи компостовъ, посѣвѣ, посадкѣ деревьевъ и кустовъ, постановкѣ кольевъ, подвязкѣ, прививкѣ, окулировкѣ, обрѣзкѣ, осенней и весенней обмазкѣ стволовъ деревьевъ, различныхъ огородныхъ работахъ, уборкѣ фруктовъ и овощей и т. д.

Такія работы исполняются въ опредѣленные дни и поручаются ученикамъ сообразно съ ихъ силами и возрастомъ. Въ Вейверской учительской семинаріи онѣ дѣлаются по субботамъ и предпраздничнымъ днямъ, въ послѣобѣденное время, отъ половины втораго до 3-хъ часовъ по полудни. Въ Поливановской учительской семинаріи отъ 3½ до 5 ч. и иногда, когда является необходимость въ экстренныхъ работахъ, и отъ 7 до 8 вечера. Въ Алферовской семинаріи ученики работаютъ по группамъ: 3 раза въ недѣлю, отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ; въ Рязанской—2 раза, отъ 2½ до 4½; въ Новочеркасской и Молодаченской по классамъ 2 раза по два часа; въ Поневѣжѣ въ I классѣ два раза отъ 3-хъ до 4-хъ или до 5 часовъ дня, во II и III классахъ по разу; въ Несвижѣ работаютъ группы въ 8—10 человекъ (отъ 2-хъ до 4-хъ человекъ отъ каждаго класса), по разу въ недѣлю, по 2 часа въ послѣобѣденное время; въ Сѣвинской семинаріи—въ I классѣ 3 часа, во II—2, въ III—1 часъ и т. д.

Въ среднемъ каждому ученику приходится работать по 2 часъ въ недѣлю. Большею частью ученики исполняютъ всю общую работу гуртомъ, но бываютъ случаи, что она раздѣляется на самостоятельные уроки, поручаемые каждому ученику въ отдѣльности. Исполнивъ свой урокъ, ученикъ освобождается отъ дальнѣйшей работы. Во время подготовки къ экзаменамъ, работы въ саду приходится прекращать

но ихъ иногда устрояють въ дни испытаній. Ученики, которые уже отвѣтили, идутъ въ садъ, гдѣ они, отдыхая отъ умственнаго труда, исполняютъ все то, что было запущено ими въ предыдущіе дни.

Приведенныя указанія могутъ послужить отвѣтомъ на высказываемое иногда недоумѣніе, гдѣ найдти время для систематическихъ занятій въ саду.

Согласно съ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ курсовъ для польскаго населенія (примѣняемымъ въ семинаріяхъ въ Сольцахъ, Сѣнницѣхъ, Ленчицахъ, Андреевѣ и Вымыслинѣ) и русскихъ педагогическихъ курсовъ (въ семинаріяхъ въ Вѣлѣ и Холмѣ), на практическія занятія учениковъ по садоводству и огородничеству полагается даже 9 часовъ въ недѣлю, то-есть, въ среднемъ на каждый курсъ не менѣе 3 часовъ въ недѣлю.

То, что не можетъ быть усвоено на общихъ работахъ, дополняется во время частныхъ работъ, организуемыхъ во многихъ семинаріяхъ.

Сущность этихъ работъ заключается въ томъ, что одному или двумъ ученикамъ самостоятельно, или же небольшой группѣ, подъ главенствомъ воспитанника старшаго класса, поручается на полную ихъ отвѣтственность уходъ и надзоръ за какимъ либо отдѣльнымъ участкомъ земли. Система эта аналогична системѣ квадратовъ, примѣняемой во французскихъ педагогическихъ и начальныхъ школахъ, а также и въ Австріи. Въ Свислочѣ каждому ученику поручается гряда оной (большія—на двухъ), въ Алферовской учительской семинаріи—клумбы цвѣтовъ, а въ Подивановской—отдѣльные участки сада. Воспитанникъ долженъ исполнить всѣ необходимыя работы для содержанія въ порядкѣ ввѣренной ему дѣлянки. Онъ засѣваетъ свою гряду, пропалываетъ сорную траву, поливаетъ цвѣты, очищаетъ деревья отъ мха и лишаявъ, уничтожаетъ насѣкомыхъ, и такъ далѣе. Такому ученику, большаго частью II или III класса, помогаютъ иногда одинъ или два изъ воспитанниковъ младшихъ классовъ. Хорошая сторона частныхъ работъ заключается въ томъ, что ученикъ, будучи „хозяиномъ“ на своемъ участкѣ, отвѣтственнымъ лицомъ, работаетъ съ большимъ интересомъ. Соревнованіе, желаніе, чтобы его растенія были не хуже и, если можно, лучше, чѣмъ у другихъ, побуждаетъ его къ болѣе внимательному отношенію къ дѣлу. Ученикъ приучается къ орядку и уходу за растеніями, и участокъ становится для него предметомъ вниманія и гордости. Попутно, незаметно для себя, онъ дѣлаетъ массу интересныхъ наблюденій и приобретаетъ полезныя свѣдѣнія и навыки.

Въ болѣе выработанномъ видѣ система эта практикуется, какъ указано, въ нѣкоторыхъ австрійскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Въ Россіи же, пока, дѣлаются въ этомъ направленіи лишь отдѣльныя попытки, въ родѣ упомянутыхъ выше. Впрочемъ, Вейверская учительская семинарія по организаціи садовыхъ работъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, прекрасно согласованныхъ и приведенныхъ въ стройную систему, опередила западно-европейскія нормальныя школы и можетъ быть даже поставлена въ этомъ отношеніи образцомъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Говоря вообще, организація занятій при обработкѣ семинарской земли должна состоять, гдѣ это возможно, изъ умѣлой комбинаціи какъ общихъ, такъ и частныхъ работъ. Съ практической же точки зрѣнія должно быть признано достаточнымъ, если ученикъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ своего пребыванія въ семинаріи продолжаетъ хоть по разу всѣ необходимыя садовыя и огородныя работы. Лѣтомъ, во время каникулъ, практическія занятія прекращаются, и немногія лѣтнія садовыя работы исполняются при помощи садовниковъ, дворниковъ и поденщиковъ.

Бываютъ, однако, случаи, что ученики, живущіе вблизи семинаріи, приходятъ и лѣтомъ для изученія, напримѣръ, приѣмовъ окулировки и прочаго. Въ Алферовскую учительскую семинарію въ 1890 г. приходило 7 учениковъ, въ Новочеркасскую — 4; въ Эривани во время каникулъ работаютъ остающіеся 15—16 человекъ.

Въ зимніе мѣсяцы въ саду немного работы: зимняя обрѣзка, утаптываніе снѣга вокругъ плодовыхъ деревьевъ, переслойка сѣмянъ грушъ, яблокъ и сливъ, жѣры противъ мышей и зайцевъ и т. д.

Въ оранжереяхъ и теплицахъ работы начинаются съ февраля и даже ранѣе, послѣ чего продолжаются въ мартѣ и апрѣлѣ. Одна за другой слѣдуютъ: посадка луковицъ, черенковъ, посѣвъ раннихъ овощей и цвѣтовъ; парники набиваются навозомъ для разведенія рассады и проч. Если теплицы нѣтъ, то при незначительности въ семинаріяхъ парниковой культуры зимнія занятія садоводствомъ носятъ случайный характеръ.

Изъ классныхъ, практическихъ упражненій по садоводству можно указать на примѣрную прививку на живыхъ прутьяхъ. Способъ этотъ очень удобенъ тѣмъ, что ученики могутъ для надлежащей выучки всѣмъ родамъ прививки набить руку на нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ черенковъ, тогда какъ въ натурѣ такого количества дичковъ не можетъ быть предоставлено въ ихъ распоряженіе.

На курсахъ, устроенныхъ въ Тульской губерніи для народныхъ учителей, слушатели продѣлали, при помощи прутиковъ, подъ руководствомъ Л. К. Грелла, по 200 прививковъ каждый, для того, чтобы набить хорошенечко руку на этой работѣ.

Показательныхъ культуръ въ безплодной средѣ (битое стекло, песокъ), съ поливкой растворами различныхъ удобрительныхъ солей, часто практикующихся во Франціи и имѣющихъ цѣлю выяснить негляднымъ образомъ вліяніе состава почвы на развитіе растений, унѣ не приходилось встрѣчать во время поѣздки.

Ученики образцовыхъ училищъ, устроенныхъ при учительскихъ семинаріяхъ, тоже принимаютъ участіе въ садовыхъ работахъ, исполняя мелкія порученія и помогая старшимъ. Въ Кубанской и Вейверской учительскихъ семинаріяхъ для нихъ отведены даже особые участки. Въ Несвижѣ ученики образцовой школы дѣлають прогулки въ семинарскій садъ, при чемъ практиканты-воспитанники выпускнаго класса, по примѣру учениковъ бельгійскихъ нормальныхъ школъ, руководятъ также и садовыми запятіями учениковъ. (Они даютъ практическіе уроки по садоводству и огородничеству, руководствуясь брошюрой Волотовскаго и Эрмина, составленной для начальныхъ школъ).

Что касается вопроса, *интересуются* ли воспитанники учительскихъ семинарій садоводствомъ и огородничествомъ, то на это пока трудно отвѣтить категорически, въ виду того, что опытъ въ этомъ отношеніи очень малъ. Но все-таки и теперь можно съ увѣренностью сказать, что въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ сады содержатся хорошо и представляютъ интересъ въ качествѣ образца, тамъ и работы идутъ удовлетворительно. Многое зависитъ также отъ преподавателей естествознанія и руководителей работъ. Тѣ изъ нихъ, которые сами съ интересомъ относятся къ дѣлу, возбуждаютъ живое участіе къ своей работѣ и среди учениковъ.

Важно, чтобы имѣлись подъ рукой и всѣ необходимыя приспособленія и нужный матеріалъ. Недостатки расколачиваютъ учениковъ, которые и относятся тогда къ саду и огороду индифферентно. Вынають, однако, случаи, напримѣръ, если садъ расположенъ далеко отъ дома и предстоящія работы трудны, что экстерны выражаютъ нѣкоторую неохоту идти на практическія занятія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ученики Холмской учительской семинаріи, по большей части дѣти горожанъ, прямо отказались отъ исполненія садовыхъ работъ, находя ихъ „унизительными“. Только

находчивость бывшаго директора этой семинаріи, энергичнаго г. Юркевича, лично взявшаго оставленную ученикомъ тачку земли и срезавшаго ее по назначенію, отрезывала недовольныхъ. Впрочемъ, это, кажется, единственный случай въ семинарскихъ лѣтописяхъ.

Задача руководителя, по отношенію къ этому вопросу, очень проста. Онъ долженъ постараться осмыслить работы и добиться такихъ результатовъ отъ культуры, чтобы ученики видѣли, что ихъ труды не пропадаютъ даромъ.

Для *привлеченія* учениковъ къ работѣ и вознагражденія ихъ за труды, имъ раздаются овощи, плоды и ягоды. Послѣднія даются на руки ученикамъ, овощи же иногда идутъ въ артель или эконому.

Кромѣ того, учителямъ раздаются также прививки, дички и черенки плодовыхъ деревьевъ. Раздача эта имѣетъ цѣлью способствовать развитію садоводства и облегчить учителямъ устройство школьныхъ садовъ. Пока, въ виду отсутствія питомниковъ или ихъ незначительнаго размѣра, раздача эта практиковалась очень рѣдко. Впрочемъ, въ Вейверской учительской семинаріи оканчивающимъ ученикамъ, желающимъ заняться садоводствомъ, отпускается бесплатно сообразуясь съ наличнымъ запасомъ, извѣстное количество привитыхъ и окулированныхъ плодовыхъ деревьевъ, кустарниковъ и черенковъ. Въ Новочеркасской и Алферовской учительской семинаріи раздаются черенки и сѣмена, въ Свислочь — черенки. Послѣдніе получаютъ отъ семинарскихъ деревьевъ или жертвуются однимъ изъ ближайшихъ помѣщиковъ. Ученики, уѣзжая на пасхальные каникулы, берутъ ихъ съ собой и прививаютъ въ садахъ своихъ родителей и сосѣдей, способствуя, такимъ образомъ, распространенію хорошихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ.

При устройствѣ и правильномъ содержаніи при учительскихъ семинаріяхъ *питомниковъ* плодовыхъ деревьевъ значительно облегчится устройство школьныхъ садовъ. Но, помимо этого, питомники эти могутъ имѣть самое благотворное вліяніе на окружающій ихъ районъ въ садовомъ отношеніи, давая населенію возможность получать за дешевую цѣну прививки. Ученики, интересующіеся садоводствомъ, разносили бы полученные ими изъ питомника прививки, черенки, или съ сѣменныхъ участковъ сѣмена, хорошіе сорта корнеплодовъ, сѣянцы лѣсныхъ деревьевъ и проч.

Въ рукахъ правительства семинарскіе сады и сельскіе учителя могутъ явиться, такимъ образомъ, весьма удобнымъ, дешевымъ и въ

то же время сильнымъ орудіемъ для поднятія народнаго благосостоянія. При помощи учителей представляется возможнымъ, чтобы распространяемые, напримѣръ, сорта сѣмянъ, растений и прочее, проинили непосредственно въ деревни и при томъ не официальнымъ путемъ, а въ качествѣ частнаго, скромнаго опыта, производимаго учителемъ, который, являясь въ деревнѣ своимъ человѣкомъ, можетъ пригласить въ участію въ немъ и крестьянъ, подѣлившись съ ними полученными изъ семинарскаго сада или откуда нибудь еще сельско-хозяйственными продуктами.

Кромѣ всего вышеупомянутаго, ученикамъ раздаются по садоводству *книжки* и *брошюры*. Онѣ или входятъ въ составъ общихъ наградъ, раздаваемыхъ на годовичныхъ актахъ, или же даются всѣмъ ученикамъ безъ исключенія въ видѣ учебнаго пособія.

Въ Молодечнѣ всѣмъ ученикамъ, присутствовавшимъ на курсахъ, было роздано по экземпляру лекцій А. К. Грелля, изданныхъ отдѣльною книгою и присланныхъ учебнымъ округомъ, а на актѣ въ числѣ другихъ книгъ фигурируетъ нѣсколько руководствъ по садоводству.

То же имѣло мѣсто и въ семинаріяхъ Поневѣжской и Несвижской. Въ Курскѣ, въ числѣ наградныхъ книгъ, раздаются руководства Шредера по садоводству и огородничеству, Раевского—по садоводству и Бутлерова — по пчеловодству. Директоръ Новочеркасской учительской семинаріи раздаетъ ученикамъ всѣ получаемые отъ садовыхъ заведеній каталоги, которые могутъ пригодиться имъ для ознакомленія, посредствомъ рисунковъ, съ тѣмъ или другимъ видомъ растений и при выпискѣ чего либо изъ магазина, а на актѣ дается руководство Шредера (за все время выдано два экземпляра).

Оцѣнки практическихъ занятій отмітками имѣетъ между директорами учительскихъ семинарій своихъ сторонниковъ и противниковъ. Въ Вейверской учительской семинаріи онѣ выставляются по четвертямъ, въ Псковской—на экзаменѣ. Другія же семинаріи довольствуются занесеніемъ въ выпускное свидѣтельство удостовѣренія о занятіяхъ воспитанника садоводствомъ, съ указаніемъ на его успѣхи въ этомъ предметѣ или, просто, безъ него.

Директоръ Новочеркасской учительской семинаріи возстаеъ противъ выставленія балловъ, полагая, что въ учительскихъ семинаріяхъ ученики должны заниматься изъ сознанія необходимости изучить тотъ или другой предметъ, а не для полученія балла. Совѣтъ же Ново-

торжской учительской семинаріи полагается, что выставленіе отиѣтокъ есть одно изъ необходимыхъ условій для серьезной постановки дѣла.

По нашему мнѣнію, внесеніе въ выпускное свидѣтельство отиѣтокъ о занятіяхъ учениковъ садоводствомъ, съ указаніемъ при этомъ на степень успѣшности каждаго изъ нихъ, было бы весьма желательно, особенно, если практическія работы будутъ признаны обязательными. Теоретическія же познанія ученика по садоводству, являющіяся какъ бы прикладной частью ботаники, должны быть оцѣниваемы параллельно съ другими знаніями, приобретаемыми при изученіи естественныхъ наукъ.

Нѣсколько особнякомъ отъ другихъ, какъ по организаціи теоретическаго преподаванія, такъ и практическихъ занятій, стоятъ учительскія семинаріи во Псковѣ и Воронежѣ, гдѣ преподаваніе носитъ характеръ дополнительнаго образованія.

V.

Не довольствуясь домашними средствами для ознакомленія учениковъ съ садоводствомъ и огородничествомъ, нѣкоторые директора устрояютъ для воспитанниковъ и образовательныя *экскурсіи*, которыя являются прекраснымъ средствомъ для расширенія умственнаго кругозора учениковъ и ознакомленія ихъ съ различными отраслями сельскаго хозяйства.

Въ западно-европейской педагогической практикѣ общеобразовательнымъ и специальнымъ экскурсіямъ, подъ руководствомъ преподавателей и профессоровъ, придается, на ряду съ другими мѣрами для развитія учениковъ, весьма серьезное значеніе.

Въ Россіи было тоже сдѣлано нѣсколько весьма удачныхъ попытокъ въ этомъ родѣ, и въ числѣ такихъ чуткихъ къ желательнымъ улучшеніямъ учебныхъ заведеній можно указать и на скромныя учительскія семинаріи, которыя тоже внесли свою лепту въ это новое еще дѣло.

Экскурсіи, имѣющія цѣлью ознакомленіе учениковъ съ садоводствомъ въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ это возможно въ семинарскомъ саду, дѣлались въ Волчанскѣ. Воспитанники этой семинаріи совершили въ прошломъ году образовательную прогулку въ садовое заведеніе Боткинскихъ, которое находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и осматривали его подъ руководствомъ заведывающаго заведеніемъ ученаго садовника. Въ Новочеркасскѣ организуются разъ

5—6 въ годъ прогулки во всѣ окрестные сады и въ лежащій вблизи города лѣсъ. Кромѣ того, осенью 1890 г. ученики присутствовали въ теченіе 3-хъ дней на экспертизѣ плуговъ, устроенной мѣстнымъ обществомъ сельскаго хозяйства, и пользовались при этомъ объясненіями специалистовъ-техниковъ.

Болѣе серьезное значеніе имѣетъ устройство краткихъ *летнихъ курсовъ* (отъ 2-хъ недѣль до 6-ти) подъ руководствомъ специалистовъ или при семинаріяхъ (въ Псковѣ), или въ специально для того приспособленномъ учрежденіи (напримѣръ, Ботаническій садъ въ Воронежѣ), или, наконецъ, *командированіе* нѣсколькихъ избранныхъ воспитанниковъ, лично интересующихся садоводствомъ, для прохожденія курса, *въ школы садоводства*. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить упомянутая уже Новочеркасская учительская семинарія, при которой учреждены три стипендіи для учениковъ, оканчивающихъ семинарію и отправляемыхъ на 2½ года въ Никитскій садъ, откуда они выходятъ специалистами-садоводами. Понятно, что такія лица не могутъ быть приравнены къ прослушавшимъ хотя бы даже 6-ти-недѣльный лѣтній курсъ, и не охотно пойдутъ въ сельскіе учителя. Ихъ можно было бы помѣщать въ проектируемые сельско-хозяйственныя отдѣленія при министерскихъ училищахъ.

Ученики Кубанской учительской семинаріи тоже бываютъ „двойнаго образованія“: туда принимаются ученики Бурашевской школы садоводства и пчеловодства, подготовленные по специальнымъ предметамъ и желающіе познакомиться съ педагогическо-общеобразовательнымъ курсомъ учительской семинаріи.

Упомянемъ еще о метеорологическихъ наблюденіяхъ. Они производятся, на сколько намъ извѣстно, въ Вейверской, Эриванской, Кубанской и Молодечненской учительскихъ семинаріяхъ. Во Франціи они обязательны.

VI.

На этомъ мы закончимъ наше обзорѣніе матеріаловъ, касающихся учительскихъ семинарій, но, прежде чѣмъ формулировать какіе либо выводы, посмотримъ, въ чемъ до сего времени выразилась дѣятельность сельскихъ учителей, и въ какомъ положеніи на практикѣ оказывается вопросъ о *школьныхъ питомникахъ и садахъ*.

Входить въ детальное описаніе состоянія школьныхъ питомниковъ и садовъ не представляется необходимымъ.

Весьма добросовѣстное и тщательно составленное описаніе отдѣльных садовъ, также какъ и нужные обобщенія, имѣются въ трудахъ г. Мещерскаго.

Руководящія начала, которыми надо пользоваться при устройствѣ школьных садовъ, изложены въ брошюрахъ гг. Шаврова, Мещерскаго ¹⁾ и Александрова, а относительно западно-европейской практики—въ нашей статьѣ ²⁾.

Текущія данныя о постепенномъ развитіи этого дѣла заключаются въ ежегодныхъ отчетахъ гг. попечителей учебныхъ округовъ и въ специальныхъ по этому предмету отчетахъ, представляемыхъ въ министерство государственныхъ имуществъ.

Устройство при школахъ садовъ и питомниковъ началось сравнительно недавно. Одиночныя попытки дѣлались и раньше, но серьезное отношеніе къ этому вопросу установилось лишь съ 1886 года, когда положено было начало садамъ въ Верейскомъ уѣздѣ. Съ тѣхъ поръ дѣло это стало быстро развиваться и при томъ особенно улучшено въ послѣднее время, въ виду сознанной всѣми необходимости поддержать такъ или иначе падающее крестьянское хозяйство. Ежегодно по нѣскольку губерній присоединяются къ указанному движению, а въ предѣлахъ тѣхъ губерній, гдѣ школьные сады уже есть, число ихъ постоянно увеличивается.

По количеству садовъ и питомниковъ и серьезной постановкѣ вопроса выделяется особенно Кавказскій учебный округъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ Россіи происхождение и устройство школьных садовъ находилось въ зависимости не столько отъ распоряженій центральной власти, сколько отъ инициативы мѣстныхъ общественныхъ или административныхъ органовъ. Вслѣдствіе этого школьные сады не распределяются равномерно по учебнымъ округамъ, а устроены гнѣздами въ предѣлахъ какой нибудь мѣстности, чаще всего уѣзда, гдѣ личное вліяніе заинтересованнаго этимъ дѣломъ лица или воздѣйствіе мѣстнаго учрежденія представляется возможнымъ и удобнымъ. Наиболѣе извѣстны въ этомъ отношеніи *Верейскій уѣздъ* Московской губерніи и *Исковский уѣздъ*, а также теперь выделялся *Кашир-*

¹⁾ Брошюра Н. Н. Мещерскаго о томъ, какъ устроить сады при народныхъ школахъ, одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библиотекъ учительскихъ семинарій.

²⁾ Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за августъ мѣсяца 1891 года.

скій уѣздъ Тульской губерніи. Кромѣ того, сады имѣются и въ другихъ уѣздахъ Псковской, Московской и Тульской губерній, и въ губерніяхъ: Петербургской, Виленской, Гродненской, Екатеринославской, Рязанской, Курской, Саратовской, Пензенской, Пермской, Казанской, Бессарабской, въ Закавказьѣ и въ областяхъ Кубанской и Терской, а тутовныя плантаціи, кромѣ Закавказья, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Бессарабской и др.

Инициаторами въ дѣлѣ устройства школьныхъ садовъ бываютъ самыя разнообразныя лица. Въ Верейскомъ уѣздѣ душою дѣла былъ уѣздный предводитель дворянства, въ Псковскомъ—предсѣдатель губернской земской управы, въ Каширскомъ—общество сельскаго хозяйства, въ Тульской губерніи—директоръ народныхъ училищъ, въ Екатеринославской—губернаторъ, въ Кубанской области наказной атаманъ, въ Кіевской губерніи—помощникъ попечителя и т. д. Не смотря, однако, на такое разнообразіе лицъ, принимающихъ участіе въ организаціи школьныхъ садовъ, и отсутствіе связи между ними, дѣло это теперь почти вездѣ поставлено на надлежащую почву, ведется довольно успѣшно и приносить весьма серьезныя педагогическія и практическія результаты.

Правильно организованныя работы въ школьномъ саду и огородѣ отнюдь не должны устроиваться въ *ущербъ класснымъ занятіямъ*, и при выборѣ ихъ слѣдуетъ преимущественно останавливаться на тѣхъ работахъ, которыя имѣютъ *развивающее значеніе* и даютъ какія либо знанія и полезныя навыки. Положеніе это какъ бы по молчалимому соглашенію принято большинствомъ учителей, и въ общемъ работы ведутся въ указанномъ направленіи.

Занятія въ *питомникахъ* признаются пока болѣе полезными, чѣмъ въ огородахъ. Поэтому практическія работы производятся главнымъ образомъ въ садкахъ и цвѣтникахъ. Огороды же обрабатываются самими учителями, при помощи школьныхъ сторожей или наемныхъ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, однако, ученики участвуютъ и въ огородныхъ работахъ.

Въ виду незначительной величины участковъ, рѣдко когда превышающихъ десятину и въ среднемъ занимающихъ всего по нѣсколько сотъ квадратныхъ сажень, практическія работы *не могутъ быть отяжотительными* для дѣтей. вслѣдствіе чего запрещеніе приглашать учениковъ на работы, существующее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, не имѣетъ подъ собою почвы. Переизбытка работы почти не бываетъ, гораздо чаще случается, что на всѣхъ желающихъ не хватаетъ ра-

боты, и въ саду приходится заниматься только старшему отдѣленію. Изъ общей массы учениковъ выдѣляются обыкновенно нѣсколько *любителей*, которые, заинтересовавшись предметомъ, занимаются имъ съ особымъ усердіемъ, поддерживая связь съ учителемъ и по окончаніи школы. Для такихъ учениковъ примѣры и объясненія учителя приносятъ вполне реальную пользу и слова его часто тотчасъ же переходятъ въ дѣло. Остальные ученики, хотя и не столь сознательно, но тоже проявляютъ, какъ показываетъ опытъ, живѣйшій интересъ къ работѣ и съ охотой, безъ понужденія, идутъ въ садъ исполнять подъ руководствомъ учителя то, что онъ имъ укажетъ.

Лѣтомъ дѣти, занятые полевыми работами, не бываютъ въ школахъ, но тѣ изъ нихъ, которые интересуются садоводствомъ, находятъ все-таки время для посѣщенія школьнаго сада, собираясь въ дни, назначенные учителемъ для желающихъ. Въ Гродненской губерніи, впрочемъ, опредѣленныхъ дней нѣтъ, а дѣти приходятъ по вызову, въ другихъ же, гдѣ дни назначаются, выбираютъ преимущественно субботы или праздники.

Въ Славковской, на примѣръ, школѣ (Псковскаго уѣзда) по субботамъ ученики приходятъ въ школу для обмѣна книгъ, которыя они берутъ изъ бібліотеки. Пользуясь ихъ присутствіемъ, учитель приглашаетъ ихъ въ садъ на легкія работы, въ родѣ, на примѣръ, уничтоженія насаемыхъ, сбора коконовъ и проч.

Лѣтнія работы, будучи въ общемъ весьма незначительными и ограничиваясь поливкой, полкой, окулировкой, уничтоженіемъ насаемыхъ, волчковъ и проч., могутъ быть легко исполнены учениками, даже при посѣщеніи сада всего по разу въ двухнедѣльный срокъ ¹⁾.

Однимъ изъ затрудненій, тормозящихъ развитіе школьнаго садоводства, признается, и совершенно основательно, чрезвычайная *продолжительность* каникулъ для учащихся, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ апрѣля по сентябрь. Неудобство это, однако, устраняется на практикѣ тѣмъ, что ученики часто приходятъ на работы и послѣ экзаменовъ, примѣромъ чего можетъ служить Загорская школа (въ Псков-

¹⁾ Допустимость лѣтнихъ занятій подтверждается и закономъ. Еще въ уставѣ 1828 г. (§ 26) сказано, что обучающимъ предоставлено съ согласія общества иногда и во время полевыхъ работъ собирать учениковъ для повторенія пройденнаго. Въ инструкціи же 1876 г. (§ 60) выразжено пожеланіе, чтобы ученики во время каникулъ посѣждали училище въ удобное для сего дни и занимались преимущественно повтореніемъ уже пройденнаго и практическими упражненіями.

скомъ уѣздѣ). Тамъ ученики собираются послѣ экзамена по нѣскольку разъ въ питомникъ, гдѣ учитель въ ихъ присутствіи производитъ прививки дичковъ. Число *часовъ* и *времени дня*, посвящаемыя на практическія работы, весьма разнообразны и находятся въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій. Въ иныхъ случаяхъ работы устраиваются каждый день въ теченіе всего удобнаго времени (весной и осенью), въ другихъ по два раза въ недѣлю. Часто работы назначаются утромъ, до начала уроковъ, или же во время большой перемѣны. Продолжаются онѣ отъ получаса до полутора часовъ (между 10¹/₂ и 12).

Отношеніе родителей, по большей части, сочувственное. Правда, бывають случаи, что крестьяне сначала относятся къ устройству школьнаго сада съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, но потомъ, когда они видятъ, что дѣло идетъ хорошо, а не является пустой затѣей, они заинтересовываются насажденіями учителя, охотно прибавляютъ ему, если надо, земли и приходятъ къ нему за совѣтами.

Теоретическія свѣдѣнія по сельско-хозяйственнымъ отраслямъ (садоводству, шелководству, пчеловодству) сообщаются ученикамъ попутно при объяснительныхъ чтеніяхъ и во время работъ; самостоятельныхъ курсовъ почти не бываетъ. Учителя часто стѣснены временемъ и не рѣшаются отступать отъ установленныхъ программъ безъ прямого указанія своего начальства. Впрочемъ, иногда съ наступленіемъ весны, когда начинаются первыя работы въ саду, учителя устраивають со своими учениками бесѣды, сообщая имъ въ связномъ разказѣ самыя элементарныя свѣдѣнія по избранной въ данной школѣ сельско-хозяйственной отрасли и выясняя предстоящія практическія работы. Въ Псковской губерніи такія бесѣды начинаются въ великомъ посту. Посвящая на нихъ по часу въ недѣлю, учителя успѣвають до экзаменовъ (то-есть, въ теченіе 8—10 часовъ) ознакомить дѣтей съ первоначальными основаніями садоводства. Въ Пензенской губерніи бесѣды начинаются ранѣе, со второй половины зимы.

Въ нѣкоторыхъ школахъ теоретическія объясненія сопровождаются упражненіями на живыхъ вѣткахъ, которыя заранѣе вносятся въ комнаты и ставятся въ воду, чтобы искусственно вызвать движеніе сока. Ученики, при этомъ, практикуются на разнаго рода прививкахъ и знакомятся съ началами обрѣзки (последнее въ Виленской губерніи).

Обученіе садоводству и другимъ отраслямъ *побочными способами*, посредствомъ, напримѣръ, объясненій, даваемыхъ во время чтенія, вы-

боромъ задачъ, по содержанію имѣющихъ отношеніе къ сельскому хозяйству, и подборомъ такого же рода диктовокъ, признается нѣкоторыми учителями весьма удобнымъ, такъ какъ при этомъ свѣдѣнія сообщаются попутно, при другихъ работахъ, и на бесѣды по садоводству не надо назначать отдѣльныхъ часовъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для чтенія берутся элементарныя книги по садоводству (*Рюю*, „Весѣды Ѳомы Максимовича“, *Янковская* и др.), при чемъ такіе уроки по садоводству (въ 3-мъ отдѣленіи) значатся и въ росписаніи (въ Кубанской области).

Система попутнаго ознакомленія дѣтей съ садоводствомъ посредствомъ классныхъ упражненій и чтеній ¹⁾ оказывается вполне пригодной и для русскихъ начальныхъ школъ, особенно если получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія дополняются надлежащими объясненіями во время практическихъ работъ.

Отмѣтимъ при этомъ достоинство садоводства и огородничества, какъ *учебныхъ предметовъ*. Они очень распространены, не имѣя узко спеціальнаго характера, и могутъ служить введеніемъ къ земледѣлію вообще. Выслушивая разказы и объясненія учителя о садѣ, огородѣ, питомникѣ и сѣменномъ хозяйствѣ, ученикъ ознакомливается, постепенно и незамѣтно для себя, съ закономерностью явленій природы и ихъ взаимною связью. Удачное же приложеніе на практикѣ того, что написано въ книжкѣ, даетъ ему смѣлость и впредь не чуждаться книжныхъ указаній и примѣнять предлагаемыя улучшенія.

Если учителю удастся немного заинтересовать учениковъ садоводствомъ, пріохотить ихъ къ чтенію и нѣсколько расширить ихъ умственный кругозоръ, то его задача почти уже выполнена, и остальное достигается само собой.

Служа отчасти источникомъ знаній для дѣтей, школьные сады, въ рукахъ умѣлаго учителя, являются также прекраснымъ орудіемъ для ихъ *воспитанія*. Дружная работа въ саду, пріучая мальчиковъ къ совмѣстной артельной дѣятельности, дѣйствуетъ на нихъ сближающимъ образомъ. Работа, въ которой каждый участникъ затрачиваетъ свои силы не только для себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для всѣхъ остальныхъ, служитъ дѣтямъ прототипомъ отношеній, которыя должны существовать при общинномъ землевладѣніи. Она служитъ основой, на которой будетъ покоиться убѣжденіе, что въ общинѣ только та

¹⁾ Общепринятыми въ Западной Европѣ.

дѣятельность можетъ имѣть плодотворные результаты, которая соотносится съ общими мірскими интересами.

Не менѣе важное значеніе школьные сады имѣютъ для самихъ *учителей*, а также для *взрослаго населенія*.

Положеніе сельскаго учителя, живущаго лѣтомъ въ школѣ, не надѣленной землею, какъ указано уже ранѣе, является вообще ненормальнымъ. Покупать овощи при скромномъ учительскомъ содержаніи обременительно, да иногда въ русскихъ деревняхъ и невозможно, въ виду того, что каждый разводитъ только нужное для себя. Небольшой клочекъ школьной земли является въ этомъ случаѣ незаменимой прибавкой къ содержанію учителя и придаетъ больше смысла его жизни среди крестьянъ.

Школьные учителя-садоводы, которыхъ я знаю, всѣ находятся въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, и послѣдніе питаютъ къ нимъ полное уваженіе и довѣріе.

Школьные огороды, обрабатываемые при помощи учениковъ, могутъ имѣть также значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда при школахъ имѣются общеземелья, доставляя для этихъ послѣднихъ (что и имѣетъ мѣсто на практикѣ) необходимые огородные овощи — капусту и картофель.

Но обыкновенно учителя не довольствуются одними огородами, а устрояютъ на школьной землѣ питомники, сады, туювы насажденія и т. д. Некоторые учителя занимаются и полеводствомъ (большою частью на арендованныхъ земляхъ), получая въ лѣто по 200—300 рублей доходу, что представляетъ весьма значительную прибавку къ учительскому бюджету. Отъ продажи прививковъ и плодовъ получается иногда тоже по нѣсколько десятковъ рублей.

Такимъ образомъ, для учителей школьные сады, съ матеріальной точки зрѣнія, представляютъ, какъ оказывается, двойной интересъ. Огороды освобождаютъ ихъ отъ излишнихъ тратъ, а сады и другія сельско-хозяйственныя отрасли, принося небольшой денежный доходъ, увеличиваютъ ихъ скудное содержаніе.

По отношенію къ взрослому населенію питомники являются мѣстомъ, откуда крестьяне получаютъ даромъ (черезъ посредство своихъ дѣтей, учениковъ школы) или за небольшія деньги хорошо выдержанные прививки и окулировки плодовыхъ деревьевъ, черенки, иногда сѣмена, рассадку и т. п.

По установившемуся правилу ученики, работающіе въ питомникѣ, получаютъ, по окончаніи курса, нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, ко-

торыя они и сажаютъ въ садахъ своихъ родителей или устрояваютъ свои отдѣльные *садики*.

Нѣкоторые изъ посѣщенныхъ мною во время поѣздки ученическихъ садиковъ поразили меня своимъ благоустройствомъ; видно было, что дѣло ведется учениками (теперь уже окончившими) съ пониманіемъ и любовью. Въ настоящее время существуютъ примѣры, что крестьяне отказываются даже отъ принятой культуры и переходятъ, подъ вліяніемъ школьных садовъ, къ занятіямъ по садоводству. Прежде, напримѣръ, крестьяне въ селѣ Вышгородѣ, Верейскаго уѣзда, на приусадебныхъ земляхъ занимались исключительно разведеніемъ лука, теперь они стали насаждать фруктовые сады, которые едутъ очень хорошо. То же можно сказать и про другіе посѣщенные мною районы.

Въ Псковской губерніи практикуется довольно часто система *полювинниковъ*. Въ виду малой величины школьныхъ участковъ, учителя входятъ въ соглашеніе съ отдѣльными домохозяевами-крестьянами и разводятъ при ихъ помощи сады, ягодники и т. д., обезпечивая себя при этомъ правомъ на $\frac{1}{2}$ урожая. Благодаря такой системѣ, нѣкоторые крестьяне имѣютъ уже довольно значительные сады, которые сами они едва ли бы рѣшились развести. Учителя-шелководы и пчеловоды тоже, въ случаѣ удачи, скоро находятъ себѣ рыцарскихъ послѣдователей, которые и ознакамливаются, подъ ихъ руководствомъ, съ новымъ для нихъ дѣломъ или перенимаютъ неизвѣстныя имъ до того и оказавшіяся практичными улучшенія. Занятія шелководствомъ ведутся теперь съ большимъ успѣхомъ во многихъ начальныхъ школахъ Закавказья, Бессарабской, Кіевской, Подольской и Волынской губерній.

Большинство учителей-хозяевъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать во время поѣздки, оказались достаточно *подготовленными* и обладающими нужными техническими свѣдѣніями. Но въ общемъ, однако, вполне сознательно и систематично ведутъ дѣло только тѣ изъ нихъ, которые были на курсахъ. Отмѣтимъ при этомъ, что, по замѣчанію директора народныхъ училищъ Тульской губерніи М. Т. Яблочкова, наиболѣе воспримчивыми слушателями на курсахъ садоводства и огородничества являются бывшіе ученики учительскихъ семинарій, нѣсколько подготовленные изученіемъ первыхъ основаній естественныхъ наукъ и отчасти садоводства. Ученики же, окончившіе учительскія семинаріи въ родѣ Вейверской, могутъ съ успѣхомъ заниматься садоводствомъ и не будучи на курсахъ.

При теоретическомъ обсужденіи вопроса о школьныхъ садахъ очень часто возбуждается недоумѣніе относительно *участи насажденій при переходѣ учителя на новое мѣсто*. На практикѣ вопросъ этотъ, вопреки ожиданію, рѣшается довольно просто. Учитель, который остъ а вляетъ школу, продаетъ часть прививковъ и этимъ вознаграждаетъ себя за прежніе расходы, остальное переходитъ къ его преемнику у. Претендовать на денежное вознагражденіе отъ земства или общины учитель могъ бы только въ томъ случаѣ, еслибы садъ являлся всецѣло результатомъ его индивидуальныхъ усилій. Но въ дѣйствительности въ созданіи сада участвуютъ и другія учрежденія или лица. Земля принадлежитъ общинѣ, изгороди обыкновенно устроиваются попечителями школъ или крестьянами, въ обработкѣ земли учителю помогаютъ училищные сторожа и ученики. Наконецъ, тѣ изъ нихъ, у которыхъ имѣются благоустроенные сады, за рѣдкими исключеніями, получали при первоначальномъ устройствѣ денежные субсидіи и помощь сѣменами, навозомъ и проч. Нормальное вознагражденіе учителя за его труды по садоводству заключается въ пользованіи огородной землей, плодами и ягодами изъ фруктоваго сада и текущей продажей изъ питомника.

Почетныя награды и поощренія, въ родѣ, напримѣръ, медалей, выдаваемыхъ Императорскимъ русскимъ обществомъ садоводства, Псковскимъ отдѣломъ и другими, письменныя благодарности отъ учебныхъ округовъ ¹⁾ и училищныхъ совѣтовъ, денежныя награды (напримѣръ, отъ Каширскаго общества сельскаго хозяйства—по 10 рублей) и прочее оказываются на практикѣ весьма полезными, и желательно, чтобы и впредь учителя, наиболѣе потрудившіеся на этомъ поприщѣ, по возможности вознаграждались по заслугамъ.

Отношеніе мѣстныхъ *общественныхъ органовъ* къ школьнымъ садамъ, въ большинствѣ случаевъ, вполне сочувственное. Сельскія общества охотно отводятъ землю; земства устриваютъ курсы для учителей и отпускаютъ иногда средства для аренды земли, покупки инструментовъ, книгъ и т. п.; попечители школъ и просто частныя лица тоже проявляютъ много заботъ о школьныхъ питомникахъ, жертвуя землей и деньгами и посадочнымъ матеріаломъ. Болѣе 14 обществъ *сельскаго хозяйства и садоводства* включили уже теперь, по

¹⁾ Благодарность С.-Петербургскаго учебнаго округа получилъ учитель Загорской школы Псковскаго уѣзда (авторъ нѣсколькихъ руководствъ и брошюр).

последнимъ даннымъ министерства государственныхъ имуществъ, заботы о разведеніи школьныхъ садовъ въ программу своей дѣятельности. Наконецъ, и представители мѣстной администраціи, по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства, способствуютъ тоже, съ своей стороны, развитію этого дѣла.

Рядомъ, однако, со свѣтлыми сторонами встрѣчаются *недостатки* и неблагоприятныя обстоятельства, которые препаютствуютъ, пока, болѣе широкому развитію школьныхъ садовъ.

Главнымъ тормазомъ въ настоящее время является *неоформленность* новаго еще дѣла и отсутствіе общаго руководства.

Въ большинствѣ странъ Западной Европы дѣло школьныхъ садовъ находится въ совмѣстномъ вѣдѣніи двухъ министерствъ — народнаго просвѣщенія и земледѣлія. Министерство земледѣлія вѣдаетъ техническую сторону дѣла или непосредственно черезъ своихъ агентовъ, или при помощи сельско-хозяйственныхъ и другихъ обществъ, а министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ рукахъ общее административное руководство. Взгляды министерствъ на этотъ предметъ вполне выяснены, и начальныя инспектора знаютъ, какого направленія они должны придерживаться по данному вопросу.

У насъ въ настоящее время, на сколько мнѣ удалось замѣтить, среди персонала министерства даже такимъ лицамъ, какъ директора народныхъ училищъ, еще не извѣстно ни о Высочайшемъ одобреніи Вережскихъ школьныхъ садовъ, ни о томъ, что министерство относится съ сочувствіемъ къ подобнаго рода дѣятельности учителей. Вслѣдствіе этого возможны нежелательныя недоразумѣнія (напримѣръ, препятствія со стороны начальныхъ инспекторовъ), бороться съ которыми при настоящей неизвѣстности иногда представляется затруднительнымъ. Сообщеніе, посредствомъ циркуляра, взгляда министерства на это дѣло, съ изложеніемъ руководящихъ началъ, казалось бы въ данномъ случаѣ весьма полезнымъ, также какъ и сношеніе по этому поводу съ гг. министрами внутреннихъ дѣлъ и военныхъ. Последнее желательно было бы сдѣлать во избѣжаніе случаевъ, которые имѣютъ мѣсто теперь. Среди областной администраціи двухъ рядомъ лежащихъ областей, Кубанской и Войска Донскаго, существуютъ теперь, напримѣръ, по разбираемому нами вопросу два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Съ одной стороны, начальникъ Кубанской области, придавая важное экономическое значеніе распространенію зна-

ній по садоводству и огородничеству среди населенія вѣренной ему области, путемъ устройства при школахъ образцовыхъ садиковъ и, по возможности, пасѣкъ, предлагалъ атаманамъ отдѣловъ принять съ своей стороны самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы существующіе школьныя садики всегда были огорожены прочной изгородью, а въ тѣхъ населенныхъ мѣстахъ, гдѣ дирекція признаетъ возможнымъ завести новыя садики, чтобы безотлагательно отводились и огораживались удобныя для этой цѣли мѣста. Вѣстѣ съ тѣмъ, онъ вѣнннлъ въ обязанность станичнымъ атаманамъ, сельскимъ старостамъ, аульнымъ и коловіальнымъ старшинамъ, подъ страхомъ дисциплинарныхъ взысканій, своевременно удовлетворять, по заявленію учителей, всѣ требованія, касающіяся училищныхъ садиковъ, наравнѣ съ прочими нуждами училищъ. Съ другой стороны, начальство Донской области отклоняетъ всякія попытки со стороны станичныхъ начальствъ къ надѣленію школъ земель и, по отношенію къ учительской семинаріи, дѣлаетъ распоряженіе о переводѣ семинарскаго сада на 4-й участокъ. И при этомъ надо замѣтить, что отношеніе это, на сколько намъ извѣстно, вовсе не основывается на какихъ либо опредѣленныхъ взглядахъ, а зависитъ, главнымъ образомъ, лишь отъ того, что мѣстной администраціи не была выяснена польза школьныхъ садовъ, какъ это сдѣлано въ Кавказскомъ учебномъ округѣ. Не будучи, пока, приурочены къ какому либо *опредѣленному вѣдомству*, школьныя сады находятся въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ причинъ, и оставленіе ка-кимъ либо административнымъ лицомъ, лично интересовавшимся этимъ дѣломъ, своего мѣста подрываетъ въ корнѣ начинаніе, которое, казалось, было уже поставлено на твердую почву.

Вторымъ препятствіемъ, приостанавливающимъ развитіе сельскохозяйственныхъ занятій учителей, является *недостаточное знакомство* нѣкоторыхъ изъ нихъ съ вышеозначенными предметами.

Такое явленіе наблюдается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда училищное начальство, желая, по какимъ либо соображеніямъ, быстрого осуществленія школьныхъ садовъ, предписываетъ устройство ихъ въ видѣ общаго правила, но при этомъ не принимаетъ мѣръ къ ознакомленію учителей съ тѣми сельско-хозяйственными отраслями, распространеніе которыхъ желательно въ данной мѣстности. Попытки такихъ учителей, не подготовленныхъ къ этому новому еще для нихъ дѣлу и относящихся къ нему формально, бывають въ большинствѣ случаевъ малоуспѣшны. Прочтеніе учителемъ какого нибудь ру-

ководства не достаточно еще для того, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ взяться за преподаваніе садоводства и устройство при школѣ питомника. Поэтому, прежде чѣмъ браться за организацію садовъ, необходимо принимать надлежащія мѣры для подготовки учительскаго персонала.

Устройство школьных садовъ, при посредствѣ только канцелярскихъ распоряженій, не можетъ дать, какъ показывается опытъ, какихъ либо серьезныхъ результатовъ.

Такихъ промаховъ, однако, очень немного. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, для учителей предварительно устраивались *краткіе подготовительные лѣтніе курсы*, оказавшіеся весьма удачными. За послѣдніе четыре года они были устроены въ Москвѣ, Псковѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ, Гатчинѣ и въ селахъ Брассовѣ (Орловской губ.), Плоскомѣ (Тульской губ.), въ мѣстечкѣ Молодечно и при земледѣльческихъ училищахъ Горещкомѣ (Могилевской губ.), Маринскомѣ (близъ Саратова), Херсонскомѣ и Казанскомѣ, а также при Воронежскомъ помологическомъ разсадникѣ и при школахъ садоводства Тифлисской и Бурашевской (Тверской губ.). При выборѣ между учителями кандидатовъ, командируемыхъ на курсы, надлежитъ въ началѣ, выбирать только тѣхъ, которые учительствуютъ въ школахъ, надѣленныхъ землей, и лично интересуются садоводствомъ.

Во время поѣздки, однако, мнѣ приходилось слышать о томъ, что нѣкоторые изъ учителей, избранныхъ мѣстнымъ начальствомъ, не удовлетворяли, какъ оказалось впоследствии, упомянутымъ требованіямъ, и пребываніе на курсахъ принесло имъ сравнительно мало пользы. Въ виду этого желательно, чтобы выборъ кандидатовъ производился вообще съ болѣею осмотрительностью.

При первоначальномъ устройствѣ садовъ часто ощущается недостатокъ средствъ, потребность которыхъ продолжаетъ существовать и въ первые годы послѣ посадки.

Встрѣчаются также случаи *недостатка земли или плохого качества участковъ*, отводимыхъ въ надѣлъ училищу. Относительно тѣхъ же, которые пригодны подъ садовыя насажденія, нѣтъ гарантій, что общество когда либо не лишитъ школу данной ей земли. Хотя намъ и не извѣстно, бывали ли подобнаго рода случаи, но они, конечно, вполне возможны.

Подъ вліяніемъ минутнаго настроенія, сходъ можетъ сдѣлать постановленіе объ отнятіи земли отъ школы и передать ея кому нибудь другому. Во избѣжаніе такихъ случаевъ желательно, чтобы

земли, отводимыя сельскими обществами или частными лицами, *закрѣплены* за школами на все время ихъ существованія или, по крайней мѣрѣ, на то время, пока въ землѣ этой будетъ чувствоваться потребность. Рѣшеніе послѣдняго вопроса надо было бы поставить въ зависимость отъ усмотрѣнія училищнаго начальства.

Укажемъ также на крайнюю бѣдность школьныхъ *библіотекъ* какъ учительскихъ, такъ и ученическихъ, въ отношеніи сельско-хозяйственныхъ руководствъ и учебныхъ книгъ по означеннымъ вопросамъ, а равно и на отсутствіе въ начальныхъ училищахъ картинъ и стѣнныхъ таблицъ, которыя весьма полезны въ качествѣ наглядныхъ пособій при преподаваніи сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній.

Въ общемъ при личномъ осмотрѣ и посѣщеніи школьныхъ садовъ впечатлѣніе отъ нихъ получается *благопріятное*. Отличаясь скромностью и простотою организаціи, школьные сады оказываются, по приносимымъ ими результатамъ, весьма полезнымъ, дешевымъ и цѣлесообразнымъ учрежденіемъ. Выдвинутые самою жизнью, отвѣчая мѣстнымъ потребностямъ, они понятны и симпатичны народу. При помощи ихъ, правительству представляется возможность сдѣлать многое для народа, что трудно было бы исполнить при посредствѣ другихъ, быть можетъ, и болѣе совершенныхъ органовъ. Устраиваемые тысячами, школьные сады проникаютъ въ самую глубь Россіи, въ тѣ далекія захолустья, гдѣ такъ трудно живетъ учителю, и гдѣ крестьянину не откуда дожидаться добраго совѣта или полезнаго въ хозяйствѣ указанія.

Если сады, питомники, пасѣки и черводводи не могутъ дать народу сельско-хозяйственнаго образованія въ собственномъ смыслѣ этого слова, то все-таки они, а за ними и сельско-хозяйственныя отдѣленія при народныхъ училищахъ, являются какъ бы введеніемъ къ рациональному сельскому хозяйству, и поэтому они, хотя и въ качествѣ низшей ступени, входятъ въ общую систему мѣръ, за которыми по справедливости въ нынѣшній грознай годъ должна бы быть первая очередь.

Въ заключеніе остается сформулировать нѣсколько общихъ положеній и пожеланій, вытекающихъ изъ представленнаго въ настоящей статьѣ матеріала:

1) Учительскія семинаріи, учрежденныя для спеціальной подготовки учителей въ сельскія школы, должны стремиться при воспитаніи семинаристовъ, какъ происходящихъ изъ земледѣльческаго

класса, такъ и горожанъ, къ тому, чтобы первые, на сколько возможно, не отвыкали отъ прежней трудовой жизни и не отрывались вполне отъ земли, а вторые получали уваженіе и интересъ къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ.

2) Въ виду этого представляется необходимымъ устраивать при семинаріяхъ практическія занятія по одной изъ интенсивныхъ сельско-хозяйственныхъ отраслей, главнымъ же образомъ по садоводству и огородничеству (мѣстами же по шелководству и пчеловодству), и сообщать ученикамъ, при изученіи естественныхъ наукъ (попутно или въ видѣ особаго отдѣла), теоретическія свѣдѣнія по избранной въ данной семинаріи специальности.

3) Обученіе воспитанниковъ указаннымъ предметамъ не можетъ носить профессиональнаго характера и занимать слишкомъ много времени въ ущербъ общеобразовательнымъ предметамъ. Поэтому, краткія теоретическія познанія, приобретаемыя въ классѣ, должны быть выясняемы и дополняемы какъ путемъ личныхъ наблюденій учениковъ, такъ и объясненіями со стороны руководителей во время практическихъ работъ. Для успѣшности занятій необходимо, чтобы всѣ образовательныя сельско-хозяйственныя учрежденія, признанныя нужными и устроенныя при семинаріяхъ въ качествѣ учебныхъ пособій, содержались въ образцовомъ порядкѣ, а руководители практическихъ работъ были бы надлежащимъ образомъ подготовлены къ своей роли.

4) Дѣятельность учителей можетъ имѣть серьезное экономическое значеніе лишь въ связи съ другими мѣропріятіями по распространенію среди народа сельско-хозяйственныхъ знаній. Правительственнымъ учрежденіямъ при этомъ надлежитъ озаботиться о надѣленіи школъ землей, устройствѣ кратковременныхъ курсовъ для первоначальнаго и дополнительнаго обученія учителей, организаціи техническаго надзора, расширеніи льготъ для полученія матеріаловъ и принадлежностей, необходимыхъ при устройствѣ того или другаго вида хозяйства, назначеніи поощреній и наградъ какъ учителямъ, уже заявившимъ себя на поприщѣ сельско-хозяйственной дѣятельности, такъ равно и всѣмъ другимъ лицамъ, выдѣлявшимся своею дѣятельностью на этомъ поприщѣ.

5) На ряду съ дѣятельностью правительственныхъ учрежденій по означенному вопросу должно быть признано желательнымъ и полезнымъ участіе въ этомъ дѣлѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія, ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ. Содѣйствіе со стороны первыхъ

можетъ выражаться въ денежныхъ субсидіяхъ, поощреніяхъ наиболѣе усердныхъ учителей, устройствѣ мѣстныхъ конкурсовъ, выставокъ, курсовъ и проч.; со стороны же частныхъ лицъ и школьныхъ попечителей—землю, насадочными и строительными матеріалами, присылкой книгъ, брошюръ, инструментовъ и проч.

Большинство изъ указанныхъ мѣропріятій уже начинается постепенно осуществляться. И теперь предстоитъ не столько измышлять что либо новое, сколько разрабатывать подробности, утвердить мѣры, которыя оказались удачными при примѣненіи ихъ на практикѣ, оформить и расширить, наконецъ, то, что существовало въ видѣ отдѣльныхъ частныхъ начинаній.

Е. Ковалевскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1890 ГОДУ.

Въ 1890 году число мужскихъ гимназій и прогимназій осталось безъ измѣненія, именно: 7 гимназій и 3 прогимназій; хотя Кубанская, въ г. Екатеринодарѣ, войсковая гимназія, содержавшаяся на счетъ суммъ казачьяго войска, и была закрыта въ іюнѣ 1890 года, но въ замѣнъ ея открыта гимназія безъ пансіона на средства Екатеринодарскаго городского управленія. Съ 1-го іюля 1890 года одна изъ трехъ четырехклассныхъ прогимназій, Тифлисская, преобразована въ шестиклассную.

Къ концу отчетнаго года всѣхъ классныхъ отдѣленій по 11 заведеніямъ состояло 113, а именно: нормальныхъ классовъ въ каждой гимназій было по 8, въ двухъ прогимназіяхъ по 4 и въ одной 5, итого 89 классовъ; приготовительныхъ классовъ было 13, изъ нихъ по 1 при каждой гимназій и прогимназій, и по 2 при Тифлисскихъ 1-ой гимназій и прогимназій; параллелей имѣлось 24, изъ нихъ въ гимназіяхъ было: въ Тифлиской 1-ой—8, въ Кутанской—5, въ Тифлиской 2-ой—4, въ Ставропольской и Владикавказской — по 3 и въ прогимназій Тифлиской—1; не имѣется вовсе параллелей въ трехъ гимназіяхъ и двухъ прогимназіяхъ. По числу классовъ и отдѣленій первенствующее мѣсто занимаетъ Тифлисская 1-ая гимназія, имѣющая двойной составъ (18 отдѣленій); за нею слѣдуютъ: Кутанская (14 отдѣловъ), Тифлисская 2-ая (13), Ставропольская и Владикавказская (по 12); въ остальныхъ трехъ гимназіяхъ по 9 отдѣленій.

Гимназія, за все время своего существованія, дала законченное среднее образованіе значительному числу воспитанниковъ (3.451), изъ

коихъ многіе, по окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвятили свои силы и знанія служенію родинѣ на разныхъ поприщахъ государственной, общественной и частной дѣятельности. между прочимъ—медицинской, военной и педагогической (5 директоровъ, 3 инспектора, много учителей). Въ среднемъ, каждая гимназія ежегодно выпускаетъ съ аттестатомъ зрѣлости около 18 юношей, и въ отчетномъ году удостоено было такового аттестата по всѣмъ гимназіямъ 138 учениковъ.

Во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ имѣются библіотеки фундаментальныя, и сверхъ того, ученическія, а также особыя для пансіоновъ, гдѣ таковыя учреждены. Всѣ три отдѣла библіотекъ состояли изъ 36.256 названій, въ 77.878 томахъ, стоимостью 122.947 руб., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено на 6.575 руб. Физическіе кабинеты 7 гимназій состоятъ изъ 2.661 прибора, на сумму 43.641 р.; остальныхъ учебныхъ пособій по всѣмъ заведеніямъ имѣется 9.400 номеровъ на сумму 46.248 руб.; въ отчетномъ году вновь приобрѣтено было для кабинетовъ 90 приборовъ на 1.012 руб. и разныхъ учебныхъ пособій 1.142 предмета на 5.559 руб. Итакъ, общая стоимость всѣхъ библіотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій увеличилась болѣе, чѣмъ на 12.000 р.; но такъ какъ Кубанская гимназія въ отчетномъ 1890 году закрылась, и всѣ учебныя ея учрежденія перешли въ вѣдѣніе Кубанскаго казачьяго войска, то общая стоимость библіотекъ, кабинетовъ и другихъ учебныхъ пособій въ 1-му января 1891 года уменьшилась на 23.814 руб., то-есть, съ 236.650 руб. на 212.836 руб. Между тѣмъ, вновь открытая въ началѣ отчетнаго учебнаго года Елатериноподарская гимназія все-таки успѣла кое-чѣмъ обзавестись и приобрѣла книгъ и учебныхъ предметовъ на сумму 895 руб., благодаря тому, что гимназіи и прогимназіи ежегодно пополняются всѣми потребными для преподаванія книгами и учебными пособиями на счетъ штатныхъ и спеціальныхъ средствъ. Конечно, едва возникшая Елатериноподарская гимназія болѣе всѣхъ заведеній пока бѣдна учебно-вспомогательными учрежденіями, между прочимъ не имѣетъ вовсе еще физическаго кабинета; наиболѣе же богата Тифлисская 1-ая гимназія, общая цѣнность учрежденій коей въ концѣ отчетнаго года дошла до 38.697 руб.; эта гимназія, а равно Ставропольская болѣе другихъ заботится о пополненіи своихъ библіотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій: въ отчетномъ году первая приобрѣла прекрасныя коллекціи картинъ по наглядному обученію исторіи, географіи и прочихъ предметовъ и книгъ на сумму 2.196 руб., а вторая значительнополнила

пенсіонскую и ученическую библіотеки, физическій кабинетъ и приобрѣла немалое число пособій, въ томъ числѣ для преподаванія музыки и пѣніи, всего на 2.076 руб.

Въ отчетномъ году во всѣхъ гимназіяхъ учебники и пособія остались прежнія, за весьма немногими исключеніями, вызванными главнымъ образомъ введеніемъ новыхъ программъ.

На содержаніе гимназій и прогимназій въ отчетномъ году поступило всего 697.069 руб., въ томъ числѣ 430.984 руб., или 61,8% изъ суммъ государственнаго казначейства и 180.992 руб., или 26% сбора за право ученія и за содержаніе частныхъ воспитанниковъ; затѣмъ, казачьи войска отпустили на содержаніе въ первомъ полугодіи закрытой нынѣ Кубанской гимназіи 34.714 руб. и на стипендіатовъ при Ставропольской гимназіи 10.610 руб., всего 45.324 руб., или 6,5% общаго прихода, а городскія общества дали 17.825 руб., или 2,6%, именно: Владикавказское на содержаніе параллели при 1-мъ классѣ Владикавказской гимназіи 1.660 руб., а Екатеринодарское на параллели при закрытой въ іюнѣ Кубанской гимназіи 5.062 руб. и на содержаніе открытой тогда же Екатеринодарской городской гимназіи 11.103 руб., всего 12.763 руб.; остальные источники дохода, какъ-то пожертвованія, проценты съ капиталовъ и другіе, составили 21.994 руб., или 3,2% общаго прихода. Расходъ изъ общей суммы прихода гимназій и прогимназій составлялъ въ отчетномъ году 687.084 руб., въ томъ числѣ 59,9% (или 411.754 руб.) на личный составъ и содержаніе параллелей, 14,1% (или 97.046 руб.) на содержаніе пансіонеровъ, 12,1% (83.888 руб.) на наемъ, ремонтъ и другіе хозяйственные расходы, 2,7% (18.113 руб.) на учебныя пособія и 11,1% (76.283 руб.) на пособія служащимъ и учащимся, на отчисленія изъ спеціальныя средства министерства и учебнаго округа и другіе расходы. Среднимъ числомъ, на содержаніе по каждой гимназіи, употреблено 75.944 руб. (безъ расходовъ на пансіоны — 53.346 руб., а на каждый изъ пяти пансіоновъ — 45.196 руб.), а по каждой прогимназіи — 26.512 руб.; средняя стоимость обученія 1 ученика равнялась 133 руб. (въ гимназіяхъ 132, въ прогимназіяхъ — 138 руб.), а содержаніе 1 пансіонера — 300 руб.

Плата за право ученія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа взимается по 40 руб. въ годъ съ ученика, и исключеніе составляютъ: Тифлисская 1-ая гимназія, въ коей, въ виду многочисленности параллелей, размѣръ платы увеличенъ до 50 руб.; Тифлисская прогимназія, въ которой съ августа отчетнаго года взималось съ каждаго

ученика по 60 руб. въ видахъ усиленія специальныхъ средствъ для содержанія 5 и 6 классовъ; Екатеринодарская гимназія, въ которой учащіеся раздѣлены на два разряда: на горожанъ и не горожанъ, при чемъ первые платятъ въ годъ 20 руб., а вторые—40 руб.; въ закрытой Кубанской войсковой гимназіи учащіеся, принадлежавшіе къ войсковому сословію, платили по 5 руб. въ пригготовительномъ и по 10 руб. въ основныхъ классахъ, а остальные учащіеся вносили по 40 руб. Плата за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ увеличена была въ отчетномъ году только въ Эриванской гимназіи, въ прочихъ же четырехъ оставалась прежняя и не превышала 200 руб. для казенно-коштного и 300 руб. для своекоштного. Безплатнымъ обученіемъ воспользовались въ первомъ полугодіи 573, или 20,3% всего числа приходящихъ, во второмъ—566, или 17,9%; въ пансіонахъ безплатно содержалось воспитанниковъ въ первое полугодіе—391, или 66,3%. во второе—312, или 58,4%. Такимъ образомъ, облегченіе, оказываемое родителямъ безплатнымъ обученіемъ и воспитаніемъ ихъ дѣтей, выражается числомъ 88.678 руб.

Специальныхъ средствъ, которыхъ къ 1-му января 1890 года было 232.215 руб., въ отчетномъ году поступило 208.048 руб.; изъ нихъ, за отчисленіемъ въ пособіе казнѣ 61.446 руб., въ продолженіе года израсходовано на разныя нужды заведеній—157.502 руб., и къ 1-му января 1891 года осталось 221.315 руб., въ томъ числѣ наличными 83.102 руб. и въ процентныхъ бумагахъ—138.213 руб.; среднимъ числомъ, на каждую гимназію приходится 24.351 руб. и на прогимназію—8.835 р.; въ частности наиболѣе средствъ имѣютъ изъ гимназій Тифлисская 1-ая (55.925 руб.) и Ставропольская (48.019 руб.), изъ прогимназій—Пятигорская (15.121 руб.), наименѣе же ими располагаютъ вновь открытая гимназія Екатеринодарская (2.503 руб.) и прогимназія Кутаисская (4.255 руб.). Въ специальные учрежденія для пособія учащимся, имѣющіяся при Пятигорской прогимназіи и при всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ Владикавказской и вновь возникшей Екатеринодарской, въ теченіе отчетнаго года поступило 8.724 руб., собранныхъ путемъ членскихъ и единовременныхъ взносовъ, сборовъ съ концертовъ, баловъ и проч., % съ капиталовъ и другихъ поступленій; изъ этой суммы израсходовано было на пособія и прочія нужды 8.322 р., къ 1-му января 1891 года съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ имѣлось 6.157 руб. наличными и въ % бумагахъ 27.879 руб., а всего 34.036 руб.; изъ нихъ 24.646 руб. принадлежатъ старѣйшимъ обществамъ, состоящимъ при двухъ Тифлискихъ гимназіяхъ.

Изъ заведеній собственными помѣщеніями (стоимость коихъ опредѣляется суммою въ 654.000 руб.) располагають 4 гимназіи: Тифлисская 1-я, Ставропольская, Елисаветпольская и Владикавказская; въ недалекомъ будущемъ предвидится имѣть таковое же для Кутаисской гимназіи, такъ какъ въ отчетномъ году приведенъ къ окончанію вопросъ о приобрѣтеніи лучшаго изъ всѣхъ существующихъ въ г. Кутаисѣ домовъ, вполне отвѣчающаго потребностямъ учебнаго заведенія. Собственные гимназическіе дома могутъ быть признаны удовлетворительными, хотя и требующими улучшеній, каковыя отчасти и произведены были въ теченіе отчетнаго года; но зданія, занимаемая Тифлисской 1-й гимназіей ждутъ капитальнаго ремонта, какъ пострадавшія и отъ времени, и отъ бывшихъ въ послѣднее время въ городѣ землетрясеній. Всѣ прочія заведенія помѣщаются въ наемныхъ за 24.750 руб. зданіяхъ, изъ которыхъ менѣе всего удовлетворительно нанимаемое за 5.000 руб. Тифлискою 2-ю гимназіей; нанимаемое городомъ за 4.500 руб. для Екатеринодарской гимназіи помѣщеніе также не соответствуетъ своему назначенію, но можно надѣяться, что заботливое екатеринодарское управленіе въ скоромъ будущемъ изыщетъ средства къ постройкѣ дома, специально приспособленнаго для нуждъ гимназій; равно изыскиваются средства для водворенія Тифлисской 2-й гимназіи въ собственное помѣщеніе. Ученическихъ квартиръ, на открытіе которыхъ разрѣшеніе дается педагогическими совѣтами послѣ тщательнаго собранія свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ квартиросодержателей и о санитарныхъ условіяхъ помѣщенія, предназначеннаго для учениковъ, въ отчетномъ году было 299, и въ коихъ проживало 475 учениковъ, съ платою за свое содержаніе отъ 8 до 10 р. и болѣе въ мѣсяцъ. Въ общемъ, всѣ помѣщенія, какъ собственныя такъ и наемныя, удовлетворяютъ главнымъ указаніямъ гигиены относительно количества воздуха, потребнаго для каждаго ученика: въ среднемъ на 1 ученика въ классахъ приходится 18,3 куб. арп. воздуха, а въ спальняхъ пансіоновъ—48,3, и только два заведенія находятся въ неблагопріятныхъ условіяхъ—Тифлисская прогимназія и 2-я гимназія, изъ коихъ въ послѣдней на 1 ученика въ классахъ приходится 14,3, а въ первой—только 13,3 куб. арш. воздуха.

Къ особымъ событіямъ отчетнаго года слѣдуетъ отнести преобразование Тифлисской прогимназіи изъ четырехклассной въ шестиклассный составъ и открытіе Екатеринодарской городской прогимназіи въ полномъ восьмиклассномъ составѣ съ приготовительнымъ классомъ. Инициатива въ дѣлѣ открытія этой гимназіи, заботы о скорѣйшемъ и

лучшемъ устройствѣ ея принадлежать представителю городской думы, а нѣтъ, къ счастью гимназій, ея почетному попечителю В. С. Климову. Кубанское казачье войско, отказавшееся отъ содержанія своей гимназій съ пансіономъ, принуждено нѣтъ заботиться о размѣщеніи своихъ стипендіатовъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ; родителямъ изъ казаковъ области пришло на помощь городское екатеринодарское общество, которое открытіемъ на свои средства гимназій оказало несомнѣнную услугу всему казачьему сословію Кубанской области.

Въ отчетномъ году посѣщеніями своими удостоили изъ заведеній Тифлисскую 1-ю гимназію Его Высочество Наслѣдникъ италіанскаго престола Викторъ-Эммануилъ принцъ Неаполитанскій, г. государственный контролеръ и г. главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ. Большинство же заведеній посѣщены были гг. начальниками губерній и областей, а также мѣстными преосвященными. Квартиры, на коихъ жили ученики, посѣщены были классными наставниками и другими лицами 2319 разъ.

Къ 1-му января 1891 года личный составъ гимназій состоялъ изъ 259 и прогимназій изъ 50, а всего 309 человекъ, а именно: 4 почетныхъ попечителей, 9 директоровъ, 10 инспекторовъ, 12 штатныхъ законоучителей, 106 штатныхъ учителей наукъ и языковъ, 7 штатныхъ учителей чистописанія и рисованія, 13 учителей приготовительнаго класса, 6 сверхштатныхъ учителей, 33 преподавателя по найму, 33 преподавателя пѣнія, музыки, гимнастики, танцевъ и ремеслъ, 6 воспитателей, 18 помощниковъ воспитателей, 23 помощника классныхъ наставниковъ, 11 врачей, 18 письмоводителей и прочихъ служащихъ. Въ теченіе года изъ числа служащихъ вышло 74 человекъ, въ томъ числѣ 35 уволено отъ службы, 33 перемѣщено и 6 умерло, и вновь назначено 69, въ томъ числѣ 1 почетный попечитель, 3 директора, (именно, директоръ закрывшейся Кубанской гимназій А. А. Топорковъ назначенъ директоромъ вновь открытой Екатеринодарской городской, инспекторъ Тифлисской 1-й гимназій І. О. Дрбоглавъ—директоромъ Тифлисской 2-й на мѣсто умершаго въ отчетномъ году директора оной А. Н. Лилова и инспекторъ Тифлисской прогимназій В. А. Маргуиновскій—директоромъ оной, съ преобразованиемъ ея въ учебное заведеніе шестикласснаго состава), 5 инспекторовъ, 2 законоучителя, 25 преподавателей и 33 прочихъ слушающихъ. Вакантныхъ должностей къ концу года осталось 30, и въ томъ числѣ 7 почетныхъ попечителей, 1 законоучитель, 14 преподавательскихъ и воспитательскихъ и 8 другихъ. Уроки по вакантнымъ преподаватель-

скимъ должностямъ, по причинѣ ихъ малочисленности, распредѣлены были съ пользою для учебныхъ заведеній между наличнымъ служащимъ персоналомъ.

Директора, инспектора и исполняющіе обязанности послѣднихъ, въ общей сложности, давали 166 недѣльныхъ уроковъ, изъ коихъ на долю директоровъ приходилось 67, или въ среднемъ на 1 около 7 уроковъ въ недѣлю, и изъ 9 директоровъ 8 и изъ 9 инспекторовъ 7 преподавали латинскій, греческій и русскій языки и исторію, а 1 директоръ и 2 инспектора преподавали физику и математику. Кромѣ директоровъ и инспекторовъ, обязанности классныхъ наставниковъ несли также 80 преподавателей, изъ коихъ каждый въ своемъ классѣ имѣлъ, въ большинствѣ случаевъ (67), значительное число уроковъ (отъ 4 до 13); въ среднемъ на одного приходилось около 6 уроковъ (5,4) въ недѣлю, и классными наставниками состоятъ преимущественно учителя древнихъ языковъ (64,3%) и русскаго (21,3%). Классныхъ проверочныхъ испытаній въ отчетномъ году было произведено во всѣхъ гимназіяхъ 1.411, изъ коихъ устныхъ было 975, письменныхъ 436 и во всѣхъ прогимназіяхъ 246, и въ томъ числѣ устныхъ 146, письменныхъ—100, а всего—1.657, и поставлено было 21.387 отиѣтокъ (7.799 за устными и 13.588 за письменными), изъ которыхъ большинство (67,4) совпало съ четвертными отиѣтками преподавателей.

Изъ общаго числа уроковъ—103.528, которое слѣдовало дать во всѣ учебные дни, преподавателями пропущено было всего 3.538, (или 3,4%) и изъ этого числа 2.527 (то-есть, 71,4%) манкировокъ было сдѣлано изъ-за болѣзни; наиболѣе аккуратно шли занятія въ прогимназіяхъ Кутаисской и Тифлисской, а также въ гимназіяхъ Ставропольской, Елисаветпольской и Эриванской (пропущено отъ 1,33 до 2,75%), наименѣе аккуратно—въ Кубанской гимназіи (6,00%).

Педагогическіе совѣты имѣли въ отчетномъ году разныхъ, общихъ и частныхъ засѣданій по гимназіямъ 1.039 и по прогимназіямъ 414, а всего 1.453; изъ нихъ общихъ было 350, классныхъ—365, предметныхъ—168, хозяйственныхъ—481 и для испытаній постороннихъ лицъ—89. Главнымъ предметомъ занятій педагогическихъ совѣтовъ въ отчетномъ году былъ вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ примѣненіи новыхъ учебныхъ плановъ; изъ текущихъ вопросовъ, привлекавшихъ вниманіе большинства педагогическихъ совѣтовъ, классныхъ и предметныхъ комиссій, должно упомянуть слѣдующіе: объ установленіи связи между разными предметами гимназическаго курса, о методахъ преподаванія, особенно языковъ, какъ русскаго, такъ и по-

ныхъ и древнихъ, о лучшемъ и наиболѣе плодотворномъ направленіи дѣятельности классныхъ наставниковъ, объ организаціи домашняго чтенія учениковъ, о преподаваніи гимнастики, веденіи игръ, прогулокъ и пр.

Что касается преподавателей, то почти всѣ они, руководимые начальниками учебныхъ заведеній, прилагали немалое усердіе къ возможно лучшему рѣшенію и обсужденію въ совѣтахъ и комиссіяхъ разныхъ учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ, и къ исполненію многотрудныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ, какъ на учителей и наставниковъ.

Изъ служащихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Кавказскаго округа явились себя въ отчетномъ году особыми трудами слѣдующія лица: окружной инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа М. Р. Завадскій напечаталъ въ X выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ монографію „О сванетскомъ языкѣ“ и редактировалъ этотъ выпускъ. Въ Тифлисской 1-й гимназіи заслуженный учитель Ганъ напечаталъ въ IX выпускѣ „Сборника“ II-ю часть своего труда „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, а за границей напечатавъ на нѣмецкомъ языкѣ: *Aus dem Kaukasus. Reisen und Studien* и статьи о Кавказѣ въ газетѣ *Allgemeine Zeitung* и журналѣ *Ausland* учитель Приселковъ приготовилъ къ печати второе изданіе своего учебника, подъ заглавіемъ: „Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку“; учитель Соловьевъ также приготовилъ къ печати переводъ съ греческаго языка „Панегирикъ“ Исократы и учитель Богословскій, сперва преподававшій въ упраздненной Кубанской гимназіи, гдѣ еще въ отчетномъ году напечаталъ отдѣльными брошюрами: „Двѣ недѣли въ столицахъ“ и „Очеркъ жизни и поэтической дѣятельности А. В. Кольцова“, нынѣ, какъ преподаватель Тифлисской 1-й гимназіи, произнесъ въ томъ же отчетномъ году актовую рѣчь „Библейскія стихотворенія Мел“ и приготовилъ къ печати второе изданіе своей брошюры: „Интересъ къ изученію древней русской литературы“. Въ Тифлисской 2-й гимназіи — бывший директоръ, нынѣ покойный, А. И. Лиловъ, выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ печатавшійся въ *Филологическіе Записки* рядъ статей „О мѣрахъ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ“; вновь назначенный директоръ Г. О. Дробоглавъ напечаталъ въ „Отчетѣ о состояніи Тифлисской 1-й гимназіи“ статьи: „Къ вопросу о единой общеобразовательной школѣ“ и „Возможность средней школы единого типа“ (переводъ съ нѣмецкаго); учитель Бого-

явленскій составилъ два некролога умершаго директора А. И. Лилова, которые напечаталъ: одинъ въ газетѣ *Новое Обозрѣніе*, а другой въ № 10 „Циркуляръ по округу“, составилъ и напечаталъ брошюру „Десятилѣтіе (1879 — 1889) общества вспоможенія недостаточнымъ учащимся Тифлисской 2-й мужской гимназій“; учитель Словинскій редактировалъ XI выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, гдѣ помѣстилъ и самостоятельную работу: „Общіе выводы относительно промысловыхъ занятій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья“, и помощникъ классныхъ наставниковъ той же гимназій Байрамовъ напечаталъ въ грузинской сельско-хозяйственной газетѣ *Меурне* слѣдующія статьи: „Куда идетъ наслѣдіе предковъ?“, „Ущербъ, наносимый сельскому хозяйству извѣстными (у насъ) способомъ торговли“ и переводную: „Друзья и враги сельскаго хозяйства“. Въ Тифлисской прогимназій — директоръ ея В. А. Мартыновскій выпустилъ 2-й томъ русской хрестоматіи, подъ заглавіемъ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработѣ для школъ“ вторымъ изданіемъ и приготовилъ къ печати 3-й томъ той же книги; законоучитель прогимназій И. А. Каллистовъ печаталъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ*, въ *Церковномъ Вѣдомостяхъ* и въ *Вѣстникѣ военнаго духовенства* статьи церковно-общественнаго и историческаго содержанія; учитель Кумскій напечаталъ историческую хрестоматію, подъ заглавіемъ „Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ“; учитель Крейсбергъ выпустилъ 2-мъ изданіемъ „*Les aventures de Télémaque par Fénelon*“; учитель 1-го отдѣленія приготовительнаго класса Вересовъ приступилъ къ печатанію „Курса рисованія въ приготовительномъ классѣ гимназій и прогимназій“, а учитель 2-го отдѣленія того же класса Марахинъ приготовилъ къ печати „Методику обученія письму“; помощникъ же классныхъ наставниковъ той же Тифлисской прогимназій Аруцевъ приготовилъ къ печати „Пособіе для практическихъ занятій по русскому языку въ армянскихъ начальныхъ училищахъ“. Директоръ Кутаисской гимназій А. И. Стояновъ напечаталъ въ X выпускѣ „Сборника“ „Образцы сванетской народной поэзіи“, а учителя той же гимназій: Машурко помѣстилъ статью: „Вѣлорусская свадьба“ въ сборникѣ Шейна „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края“, и Згурскій напечаталъ въ № 1 журнала *Русское Богатство* статью: „О фیزیологическихъ основахъ душевныхъ настроеній“. Въ Елисаветпольской гимназій — законоучитель ея, священникъ Смирновъ произнесъ съ церковной кафедры нѣсколько поученій, а учитель мате-

матки Самойленко руководилъ метеорологическими наблюденіями учениковъ гимназій и составилъ отчетъ за истекшее пятилѣтіе. Въ Эриванской гимназій—инспекторъ Барсовъ произнесъ на торжественномъ актѣ рѣчь: „О воспитаніи юношества“, а учитель Романовскій напечаталъ „Историческую записку объ Эриванской гимназій. Во Владикавказской гимназій—учитель Воршевскій приготовилъ къ печати комментарий къ „Электрѣ“ Софокла. Въ Ставропольской гимназій—законноточители: протоіерей Чаленковъ произнесъ съ церковной кафедры нѣсколько поученій, а священникъ Восторговъ напечаталъ въ *Ставропольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* изслѣдованіе: „Раскольническая австрійская іерархія съ церковно-канонической точки зрѣнія“; учитель Дорофеевъ произнесъ на актѣ рѣчь: „О національно-историческихъ началахъ въ произведеніяхъ древней русской словесности“ и напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* замѣтку о происхожденіи слова „шаромыга“, „шаромыжникъ“ и другихъ производныхъ; учитель Воскресенскій сказалъ рѣчь въ торжественномъ собраніи гимназій 15-го мая „О подготовкѣ учащихся къ исполненію всеобщей воинской повинности“, а воспитатель пансіона при той же гимназій Котыленской завѣдывалъ метеорологическою станціей и пріучалъ къ наблюденіямъ пансіонеровъ старшихъ классовъ. Въ Кутаисской прогимназій—учитель Олиферовъ устроилъ циркуль для проведенія кривой (конхонды), служащей для раздѣленія угла на три равныя части и попытокъ графически рѣшить эту задачу. Въ Пятигорской прогимназій—инспекторъ В. З. Коленко продолжалъ производить изслѣдованія въ южной части Черноморскаго округа между берегомъ моря и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ.

Всѣхъ учащихся въ началѣ отчетнаго года было 3.461, и не смотря на одновременное закрытіе всѣхъ классовъ Кубанской войсковой гимназій и послѣдовавшее вслѣдствіе сего значительное передвиженіе учащихся, общее число послѣднихъ въ теченіе года увеличилось на 232 и такимъ образомъ къ 1-му января 1891 года возросло съ 3.461 до 3.693. Увеличеніе произошло почти во всѣхъ (въ семи) учебныхъ заведеніяхъ, особенно же въ Тифлисской прогимназій, въ которой, благодаря преобразованію ея въ шестиклассный составъ, число учащихся достигло цифры 314, вмѣсто 184, бывшихъ въ началѣ учебнаго года. По числу учащихся первое мѣсто занимаетъ изъ гимназій—Тифлисская 1-я—641; за ней слѣдуютъ: Кутаисская—488, Ставропольская—462, Тифлисская 2-я—458, Владикавказская—361, Екатеринодарская—298. Эриванская—223 и Елисаветпольская—187; изъ

трехъ прогимназій самая многочисленная (превышающая даже численностью учащихся три гимназіи округа)—Тифлисская, имѣющая 314 учениковъ, затѣмъ Кутаисская—170 и Пятигорская—91. Съ закрытіемъ Кубанской войсковой гимназіи число пансіонеровъ, а вслѣдствіе того и число пансіонероу въ отчетномъ году уменьшилось; такъ, первыхъ изъ пяти стало четыре, а число пансіонероу съ 617 пало до 534; изъ пансіонеровъ самымъ многочисленнымъ не только остался по прежнему Ставропольскій, но съ переходомъ въ него въ некоторой части пансіонероу изъ Кубанской гимназіи даже увеличился, именно съ 203 возросъ до 230; въ прочихъ трехъ въ концѣ года состояло воспитанниковъ: при Тифлиской 1-й гимназіи—151, Кутаисской—129 и Эриванской—24.

Въ общемъ числѣ учащихся, въ распредѣленіи ихъ по національностямъ, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ, преобладаютъ: по первымъ—русскіе (46,8⁰/о), армяне (23,4⁰/о) и грузины (18,0⁰/о); по вторымъ—православные (65,1⁰/о) и армяно-грегоріане (22,6⁰/о) и по третьимъ—дворяне (61,7⁰/о) и горожане (27,8⁰/о). Остальные учащіеся составляютъ слѣдующій процентъ: по національностямъ—евреи—2,3, иностранцы—5,3 и наименьшіе татары—1,3 и горцы—1,3; по вѣроисповѣданіямъ—католики—4,7, мусульмане—3,3, протестанты—2,3, и наименьшіе прочіе исповѣданія—0,3, а по сословіямъ—дѣти духовнаго званія—3,3, нижнихъ чиновъ и казаковъ—3,1, крестьяне—2,3 и иностранцы—1,3. По отдѣльнымъ заведеніямъ число русскихъ наибольшее въ Ставропольской и Екатеринодарской (по 88,0⁰/о) гимназіяхъ, въ Пятигорской прогимназіи (79,1⁰/о) и во Владикавказской гимназіи (68,3⁰/о); въ двухъ Тифлискихъ гимназіяхъ—они преобладаютъ по сравненію съ каждой изъ другихъ національностей (въ 1-й—40,7⁰/о, во 2-й—40,0⁰/о); число кавказцевъ-грузинъ, имеретиноу и мингрельцевъ наибольшее въ Кутаисскихъ гимназіи, (гдѣ ихъ приходится на 27,8⁰/о русскихъ—54,9⁰/о) и прогимназіи (на 8,3⁰/о—81,7⁰/о); число армянъ составляетъ большинство въ гимназіяхъ Елисаветинольской и Эриванской и въ прогимназіи Тифлиской (въ первой ихъ на 21,4 русскихъ—55,1⁰/о, во второй 22,3—63,2⁰/о и въ третьей на 24,3—58,3⁰/о). Дѣти православнаго исповѣданія составляютъ большинство по всѣмъ отдѣльнымъ заведеніямъ, кромѣ трехъ, а именно: въ гимназіяхъ Елисаветинольской, гдѣ на 30,3 православныхъ приходится 54,3 дѣтей армяно-грегоріанскаго исповѣданія, въ Эриванской—на 25,1—63,3 и въ прогимназіи Тифлиской на 33,4—58,3⁰/о. По сословіямъ въ частности преобладаніе остается въ заведеніяхъ за дворян-

ствомъ, за исключеніемъ двухъ прогимназій, гдѣ перевѣсъ составляютъ городскія сословія: въ Пятигорской на 36,» дворянъ приходится 39,» горожанъ и въ Тифлисской—на 30,» первыхъ—35,» вторыхъ.

Распределение учащихся по классамъ и численный составъ послѣднихъ почти ничѣмъ не отличался отъ предыдущихъ годовъ: такъ, среднихъ и низшихъ классовъ численный составъ не превышалъ положенной уставомъ нормы; отступленія въ этомъ отношеніи допущены были въ приготовительныхъ классахъ и нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ младшихъ классовъ, хотя учебныя заведенія и старались, при первой же возможности, устранять переполненіе классовъ открытіемъ параллельныхъ отдѣленій. Въ отчетномъ году изъ 1.677 подавшихъ прошеніе о приѣмѣ не принято было 576, и въ томъ числѣ по недостатку мѣста только 72, остальные же не попали: по невыдержанію экзамена—371, по неявкѣ или добровольному отказу—98 и по другимъ причинамъ — 35. Изъ 1.101 принятыхъ поступило по домашней подготовкѣ 454 и изъ училищъ: частныхъ—235, казенныхъ—17 и общественныхъ также 17; почти $\frac{2}{3}$ (717) принятыхъ зачислены были въ приготовительные (45,6%) и I-е (19,5%) классы.

1101 вновь поступившихъ, съ избыткомъ восполнили выбывшихъ 869 человекъ, изъ коихъ 164 окончили курсъ, 567 уволены по прошеніямъ, 37—за невозможность платы, 62—за неуспѣшность въ занятіяхъ, 3—за поведеніе, 14 по болѣзни и 22 умерли. Сравнительно большое число выбывшихъ объясняется закрытіемъ Кубанской гимназіи, значительная часть учениковъ которой перешла въ Екатеринодарскую городскую и въ Ставропольскую гимназіи. Изъ числа 567 учениковъ, вышедшихъ по прошеніямъ изъ заведеній до окончанія курса, большинство, именно 499, объяснило причину увольненія желаніемъ поступить въ другія учебныя заведенія (73,4%), въ военную и гражданскую службу (10,4%) и на частную дѣятельность (4,2%); только 68 (всего 12,») вовсе не объяснили причины увольненія.

Въ концѣ учебнаго года учащихся было по гимназіямъ 2.974 и по прогимназіямъ 453, всего 3.427; изъ нихъ получили аттестаты объ окончаніи курса и переведены въ высшіе классы—2.541 или 74,1% всего числа учащихся (въ 1888 году успѣвающихъ было 71,6%, въ 1889 — 73,7%); а изъ числа 590 пансіонеровъ таковыхъ было 465 или 78,8%: по сравненію съ приходящими лучшіе успѣхи пансіонеровъ (78,8% и 75,6%) объясняются болѣе правильнымъ распределеніемъ послѣдовѣннаго времени, болѣе удобною жизнью и тою своевременною помощью, которую пансіонеры нахо-

дать какъ со стороны своихъ старшихъ товарищей, такъ и воспитателей. Въ отдѣльности, наилучшіе, вполнѣ нормальные успѣхи оказали ученики младшаго отдѣленія приготовительнаго класса (85,0%), VIII-го (82,0%), VII-го (78,0%), старшаго отдѣленія приготовительнаго класса (78,0%), VI-го (76,0%) и I-го (74,0%); болѣе слабые — ученики IV-го класса (68,0%), а въ общемъ — успѣхи младшихъ классовъ (I—IV) стоятъ ниже (71,0%) успѣховъ старшихъ (76,0%) и приготовительныхъ (79,0%) классовъ. По гимназіямъ наибольшій процентъ успѣвающихъ дали Кубанская (81,0%) и Тифлисская 1-я (81,0%), изъ коихъ въ послѣдней только въ трехъ классахъ % успѣвающихъ не превышаетъ 71—74, а въ Кубанской самая меньшая успѣшность—79,0%. Успѣхи по главнымъ предметамъ выражаются слѣдующими цифрами: по русскому языку—83,0%, по греческому—82,0%, по математикѣ—80,0%, по латинскому—79,0%, то-есть, наибольшая неуспѣшность приходится на два послѣдніе предмета, наименьшая — на два первые, въ согласіи съ этимъ находятся и данныя о числѣ неуспѣвающихъ и потому уволенныхъ учениковъ: изъ 62 таковыхъ учениковъ не успѣвали 44 (70,0%) по латинскому языку и 36 (58,0%) по математикѣ. Изъ преобладающихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по числу національностей и сословій большее число успѣвающихъ даютъ русскіе—76,0%, армяне—72,0% и грузины—71,0%; дворяне—76,0%, духовнаго званія—74,0% и городскихъ сословій — 70,0%. Результаты испытаній зрѣлости представляются въ слѣдующемъ видѣ: изъ 167 учениковъ VIII класса было допущено къ экзаменамъ 156 и изъ этого числа удостоено аттестатовъ — 138, то-есть, 82,0% относительно всего числа учениковъ VIII-го класса, 88,0% относительно числа допущенныхъ и 4,0% относительно общаго числа учащихся; между пансіонерами, коихъ въ VIII-мъ классѣ было 31, удостоено аттестатовъ 23, или 74,0%. Изъ получившихъ аттестаты большинство изъявило желаніе поступить въ университеты, именно 120 или 86,0%, преимущественно на медицинскій факультетъ (46), затѣмъ на математическій и юридическій (по 33) и меньшинство (всего 8) на факультеты филологическій и восточный; прочіе имѣли намѣреніе поступить либо въ высшія спеціальныя училища, либо въ военную службу.

Необизательными предметами въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ считаются: одинъ изъ новыхъ языковъ, туземные языки, пѣніе, музыка, ремесла, отчасти гимнастика и рисованіе. Оба новые языка введены во всѣ заведенія, кромѣ Кутаисской прогимназіи, гдѣ изучается

одинъ французскій языкъ, но за то всѣми 92 учащимися въ прогимназіи; всѣхъ же изучавшихъ два языка было въ отчетномъ году 412 учениковъ (16,7%), но таковыхъ весьма немного было въ Ставропольской гимназіи (1,6%), а въ Пятигорской прогимназіи, напротивъ, всѣ, кромѣ одного, обучались обоимъ изъ нихъ: одинъ французскій изучали 1.492 (60,4%), одинъ нѣмецкій — 567 (22,9%). Изъ туземцевъ татары-гимназисты всѣ 44 изучаютъ мѣстный языкъ, изъ 386 грузинъ—366 и изъ 517 армянъ—479; кромѣ того, тѣхъ же языкамъ обучается 37 учениковъ другихъ національностей, а именно: татарскому—9, грузинскому—20 и армянскому 8. Рисованію, которое со второй половины отчетнаго года вошло въ число обязательныхъ предметовъ въ первыхъ двухъ классахъ, обучалось по всѣмъ классамъ 1.497 учениковъ (40,8%). Гимнастикой занимались всѣ ученики гимназій и прогимназій, за исключеніемъ тѣхъ, которые были освобождены отъ этого по требованію врачей. Музыкой занимались какъ пансіонеры, такъ и многіе приходящіе; во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ организованы оркестры духовые и струнные, существуютъ хоры церковные и общіе; кромѣ хорового, по всѣхъ учебныхъ заведенійхъ педетел и классное пѣніе. Ремеслами занимаются изъ приходящихъ тѣ, коимъ это рекомендуется врачами въ видахъ гигиеническихъ; почти исключительно имъ обучаются пансіонеры; таковыхъ въ отчетномъ году было 114. Наконецъ, хотя гимназическіе пансіоны и вполне обставлены всѣмъ необходимымъ, но такъ какъ сама пансіонская жизнь несомнѣнно складывается довольно монотонно, то и озабочиваетъ постоянно начальство изыскивать средства оживить ее полезнымъ разнообразіемъ, въ чемъ, слѣдуетъ признать, пансіоны и успѣваютъ; такъ, введены еще, какъ лучшее средство противъ праздности, упражненія въ искусствахъ и мастерствахъ: сверхъ обязательныхъ занятій гимнастикой, въ коей упражнялось 519 пансіонеровъ, и фронтомъ, коимъ занималось 420 пансіонеровъ, пансіонеры Тифлисской 1-й гимназіи обучаются танцамъ—78 человѣкъ и фехтованію—16. Та же гимназія имѣетъ возможность предоставить своимъ пансіонерамъ еще другое, не менѣе важное удобство—лѣтомъ переѣздъ на дачу, для чего занимаетъ помѣщеніе въ Манглисѣ, въ 60 верстахъ отъ города; сюда на каникулы переводятся не уѣхавшіе въ отпускъ воспитанники, и здѣсь они занимаются лѣтними работами. Послѣдняго удобства слѣдуетъ пожелать и другимъ пансіонамъ, въ особенности пансіону при Эриванской гимназіи, не имѣющему пока ни церкви, ни боль-

ницы и вообще, къ сожалѣнію, нуждающемся еще во многомъ для своего существованія.

Поведеніе учащихся по гимназіямъ и прогимназіямъ за отчетный годъ было исполнѣ удовлетворительно; всего изъ 3.693 учениковъ подвергались взыскапіямъ 226, или 6,1⁰/₀, а именно: аресту свыше двухъ часовъ—166, выговору совѣта—57 и исключенію съ правомъ поступленія въ другія заведенія—3; высшей же мѣрѣ наказанія, то-есть, исключенію изъ заведенія безъ права поступленія въ какое-либо другое, никто не былъ подвергнутъ. Полную отгѣтку за поведеніе имѣли 3.051, или 82,7⁰/₀; 4 получили 573, или 15,5⁰/₀ и 3—68, или 1,8⁰/₀, и лишь одинъ гимназистъ имѣлъ 2. Между пансіонерами, подвергавшимися различнымъ взыскапіямъ, было 285 или 53,4⁰/₀, въ томъ числѣ наиболѣе было лишенныхъ отпуска—233; затѣмъ подвергнуто: аресту свыше двухъ часовъ—43, увольненію изъ пансіона—6, увольненію изъ гимназіи съ правомъ перекола въ другую—1 и выговору совѣта—2. Отгѣтку 5 получили 422, или (79,9⁰/₀), отгѣтку 4—93 (17,4⁰/₀), 3—18 (3,4⁰/₀) и 1 получилъ 2 (0,4).

Число пропущенныхъ учениками уроковъ въ отчетномъ году, какъ и въ прошедшемъ, было весьма значительно, а именно по 45,1 на одного; изъ этого числа приходится по 41,3 на болѣзни, 2,8—на другія уважительныя причины и 0,4 — на неуважительныя. Среднее число уроковъ пропущенныхъ пансіонерами равно 39,8⁰/₀. Наиболѣе число заболѣваній приходилось на лихорадки, простуды и горловыя болѣзни; случаи заболѣваній эндемическими болѣзнями (дифтеритъ, оспа, скарлатина, тифъ) были не многочисленны, но съ роковымъ исходомъ для нѣкоторыхъ изъ заболѣвшихъ; такъ, умерло отъ нихъ 10, а всего умершихъ въ отчетномъ году по заведеніямъ было 22 (0,42), въ томъ числѣ 2 между пансіонерами. Правильныя изслѣдованія здоровья учащихся въ отчетномъ году производились во всѣхъ гимназіяхъ, но только нѣкоторые изъ врачей представили сводъ полученныхъ ими данныхъ. Такъ, врачъ Ставропольской гимназіи указываетъ на то общее явленіе, что ненормальность зрѣнія въ сильной степени прогрессируетъ отъ младшаго къ старшему возрасту, именно съ 16⁰/₀ и 15⁰/₀ въ I и во II классахъ до 45 и 58⁰/₀ въ VII и VIII классахъ, и что, процентъ ненормальностей зрѣнія благоприятѣе въ общемъ для пансіонеровъ, чѣмъ для приходящихъ.

Всѣхъ реальныхъ училищъ въ округѣ, считая вмѣстѣ съ реальнымъ отдѣленіемъ Ставропольской гимназіи, имѣется 8; къ 1-му

января 1891 года въ нихъ было 75 классовъ, именно: 48 нормальныхъ, 10 параллельныхъ, 9 приготовительныхъ и 8 дополнительныхъ; изъ нихъ вновь открыты были въ отчетномъ году 1 дополнительное при Ейскомъ и 1 параллель къ первому классу при Бакинскомъ училищахъ; другихъ перемѣнъ въ составѣ классовъ не было. Наибольшій классный составъ имѣетъ Бакинское училище—13, наименьшій Ставропольское—7. За все время существованія реальныхъ училищъ округа VI-е классы произвели 82 выпуска, при чемъ удостоенныхъ аттестата объ окончаніи курса было 1.411, а дополнительные классы имѣли слѣдующее число выпусковъ: общія отдѣленія 66, механико-химическія—9 и химико-техническія—10, всего же 85 выпусковъ, съ 1.053 окончившими курсъ. Удостоенныхъ аттестата въ отчетномъ году было 110 учениковъ VI класса и 84 VII дополнительнаго класса.

Библіотеки реальныхъ училищъ, кромѣ Ставропольскаго, которое не имѣетъ ни своей отдѣльной библіотеки, ни физическаго кабинета, а пользуется имѣющимися при гимназіи, состоятъ изъ двухъ отдѣловъ—фундаментальнаго и ученическаго, за исключеніемъ Кубанскаго училища, котораго библіотека заключаетъ въ себѣ лишь одну фундаментальную часть, но при которомъ имѣется, какъ и при училищахъ Бакинскомъ и Владикавказскомъ, еще отдѣлъ націонскихъ библіотекъ; эти три библіотеки состоятъ всего изъ 606 названій, на сумму 2.096 р.; въ ученическихъ библіотекахъ находится 4.756 названій, на сумму 12.430 р., а въ фундаментальныхъ библіотекахъ—11.814 названій, стоимостью 52.790 р.; всего же въ библіотекахъ имѣется 17.176 названій, въ 37.987 томахъ, цѣною въ 67.316 р., въ томъ числѣ вновь пополненій въ отчетномъ году было сдѣлано на 3.398 р. и изъ этого числа болѣе другихъ приобретено тремя училищами: Темиръ-Ханъ-Шуринскимъ—на 828 р., Шуминскимъ на—757 р. и Тифлискимъ—на 716 р. Физическіе кабинеты состоятъ изъ 3.518 приборовъ, стоимостью 58.987 р., и вновь приобретенный въ теченіе года было сдѣлано на 1.620 р. Естественно-историческіе кабинеты заключаютъ въ себѣ 6.752 предмета, на сумму 9.569 р., и приобретено вновь было на 111 р. Химическихъ кабинетовъ имущество состояло изъ 6.620 приборовъ, стоимостью 18.505 р.; эти кабинеты, числомъ 8, въ отчетномъ году не обогащались новыми приобретениями, а стоимость ихъ лабораторій, сравнительно съ предыдущимъ 1889 годомъ, даже уменьшилась вслѣдствіе изытія изъ палинкости предметовъ, пришедшихъ въ негодность; надобности же въ обновленіи или пополненіи лабораторій не представлялось почти

никакой по причинѣ прекращенія въ реальныхъ училищахъ преподаванія химіи, какъ отдѣльнаго предмета, почему заводъ новыхъ приборовъ, если и былъ сдѣланъ въ отчетномъ году, то въ самомъ скромномъ размѣрѣ и то лишь однимъ кабинетомъ (при Шушинскомъ училищѣ), коимъ приобрѣтено три прибора на сумму 10 р. Учебныхъ пособій, не входящихъ въ составъ библіотекъ и кабинетовъ, было 7.969, на сумму 32.076 р., въ томъ числѣ вновь приобрѣтено на 1.885 р. Такимъ образомъ, общая стоимость всѣхъ библіотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій составляетъ 186.453 р. и сравнительно съ началомъ года (было на 179.682 р.) увеличилась на 3,2⁰/₀ или на 6.771 р.

На содержаніе 7 реальныхъ училищъ (кромѣ Ставропольскаго) въ отчетномъ году поступило 367.206 р.; кромѣ того, остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ было 67.236 р., итого въ распоряженіи училищъ находилась сумма въ 434.442 р. Текущія поступленія составились изъ ассигнованій государственнаго казначейства 63,4⁰/₀ (203.889 р.—на содержаніе училищъ и 27.872 р.—на прибавочное жалованье), казачьихъ войскъ—15,0⁰/₀ (43.006 р.—на содержаніе Кубанскаго училища и 12.325 р.—на стипендіатовъ во Владикавказскомъ училищѣ); городскихъ обществъ 5,0⁰/₀ (Ейское училище—10.004 р., Шушинское—7.500 р. и Кубанское—1.000 р.), изъ земскихъ сборовъ—0,2⁰/₀ (900 р.—на подготовительное отдѣленіе Темиръ-Ханъ-Шуринаго училища); сбора за ученіе—10,4⁰/₀ (то-есть, 38.935 р.); платы за частныхъ воспитанниковъ—5,2⁰/₀ (то-есть, 19.004 р.); въ составъ остальныхъ поступленій вошли: износъ одного почетнаго попечителя (0,2⁰/₀), проценты съ капиталовъ (0,4⁰/₀), пожертвованія (0,1⁰/₀), и прочіе доходы (0,1⁰/₀), что и составило 0,9⁰/₀ или 2.771 р. Расходъ по заведеніямъ простирался въ 1890 году до 358.761 р., въ томъ числѣ приходится: на содержаніе личнаго состава, включая прибавочное жалованье и содержаніе параллелей—63,4⁰/₀ или 227.714 р., на наемъ помѣщеній, ремонтъ ихъ и хозяйственные расходы—8,9⁰/₀ или 32.226 р., на содержаніе пансіонеровъ—21,1⁰/₀ или 75.795 р., на пособія учителямъ—1,9⁰/₀ или 6.653 р., на пособія служащимъ и учащимся—1,6⁰/₀ или 6.767 р.; остальные расходы представляли 2,8⁰/₀ или 9.606 р.

Средняя стоимость обученія въ реальныхъ училищахъ равнялась 116 руб. (отъ 86 руб. въ Бакинскомъ до 172 руб. въ Ейскомъ училищахъ), а стоимость содержанія пансіонера—227 руб. (отъ 226 руб. во Владикавказскомъ до 389 руб. въ Кубанскомъ училищахъ). Размѣръ платы за право ученія и за содержаніе въ пансіонахъ училищъ какъ

казенныхъ, такъ и частныхъ воспитанниковъ въ отчетномъ году оставался противъ предыдущаго года безъ измѣненія, именно: за право ученія приходящихъ учениковъ взималось отъ 10 руб. (въ Кубанскомъ училищѣ) до 40 руб. въ годъ съ каждаго ученика (въ Тифлисскомъ и Ставропольскомъ училищахъ), а за содержаніе въ пансіонахъ: казеннаго воспитанника—отъ 140 до 200 руб., частнаго—отъ 200 до 250 руб. ежегодно. Бесплатнымъ обученіемъ пользовались въ теченіе всего года 311 приходящихъ учениковъ (19,2% въ первомъ, 17,2% во второмъ полугодіи); число освобожденныхъ отъ платы по постановленіямъ педагогическихъ совѣтовъ было въ первое полугодіе—11,2%, во второмъ—9,0%; большинство пансіонеровъ воспитывается на счетъ казны, каковыхъ было—52,2% и 50,2% за оба полугодія и на счетъ казачьихъ войскъ—22,7% и 22,1% за оба полугодія, всѣхъ же не платившихъ за свое содержаніе было въ отчетномъ году въ первое полугодіе 361 (83,2%), во второе—354 (80,2%).

Спеціальныхъ средствъ оставалось въ училищахъ отъ прежнихъ лѣтъ 62.046 руб., а новыхъ поступленій въ теченіе года было 60.570 р., кои образовались изъ сбора за право ученія (38.935 руб.), платы за частныхъ пансіонеровъ (19.004 руб.) и прочихъ взиманій, пожертвованій и процентовъ съ капиталовъ (2.631 руб.). Изъ общей суммы 122.616 руб. спеціальныхъ средствъ отчислено въ пособіе казны, израсходовано 59.964 руб. и къ 1-му января 1891 года оставалось 62.652 руб., изъ коихъ наличными было 16.149 руб. и въ процентныхъ бумагахъ—46.503 руб. Существоющія при 6 училищахъ общества для пособій учащимся (Кубанское такого не имѣетъ) собрали за все время своего существованія 86.716 руб., изъ коихъ 8.569 руб. въ отчетномъ году, и къ 1-му января 1891 года въ наличности имѣлось 18.941 руб., въ томъ числѣ деньгами 6.793 руб. и въ процентныхъ бумагахъ 12.148 руб. Изъ этихъ обществъ наиболѣе обезпечено состоящее при Ейскомъ училищѣ, имѣющее почти половину капитала въ процентныхъ бумагахъ—6.525 руб.; затѣмъ изъ остальныхъ 5.623 руб. въ % бумагахъ принадлежить: по 2.000 руб. обществамъ училищъ Бакинскаго (2.056 руб.) и Владикавказскаго (2.172 руб.) и менѣе 1.000 руб.—Темиръ-Ханъ-Шурина (500 руб.) и Шуминскаго (895 руб.); общество Тифлискаго училища пока вовсе не имѣетъ капитала въ % бумагахъ, но изъ наличныхъ 6.793 руб. ему принадлежало къ концу года 3.371 руб., а остальные 3.422 руб.—всѣмъ прочимъ пяти обществамъ.

Изъ реальныхъ училищъ 4 имѣютъ собственные дома: Бакинское,

Владикавказское, Ейское и Кубанское, цѣнность коихъ простирается до 215.000 руб., а для остальныхъ училищъ помѣщенія напимаются. Въ отчетномъ году улучшены, вслѣдствіе расширенія помѣщеній надстройкой, наймомъ отдѣльныхъ зданій и пристройкой къ главному зданію три училища: Ейское, Шупинское и Темиръ-Ханъ-Шуринское; помѣщенія же другихъ училищъ остались при прежнихъ неудобствахъ. Ученическихъ квартиръ для приходящихъ учениковъ было 156, съ платою за содержаніе отъ 7 руб. (Ейское) до 50 руб. (Шупинское) въ мѣсяцъ; на нихъ проживало въ отчетномъ году 257 (14,*) учениковъ. Среднее количество воздуха въ классныхъ комнатахъ было равно вообще 18,7 куб. арш. на 1 ученика и наиболѣе просторными были классы Ставропольскаго (25,4 куб. арш.), наиболѣе тѣсными — Шупинскаго (15,9 куб. арш. на ученика); въ спальняхъ средній объемъ воздуха былъ равенъ 39,7 куб. арш.

Особымъ событіемъ для реальныхъ училищъ было полученіе отъ Академіи Художествъ результата оцѣнки работъ по рисованію и черченію учениковъ этихъ училищъ, кои были представлены на очередной конкурсъ въ Академію Художествъ еще въ 1888 году. За эти работы Академіею присуждены 2 серебряныя медали: одному ученику Тифлискаго и одному Кубанскаго училищъ и 11 похвальныхъ отзывовъ: 6 ученикамъ Кубанскаго училища, 3—Тифлискаго, 1—Владикавказскаго и 1 — Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училищъ. Сверхъ того, Академія выразила общую похвалу всѣмъ ученикамъ Кубанскаго училища за успѣхи въ черченіи, признала заслуживающими особой благодарности „за полезную и въполнѣ успѣшную дѣятельность“ слѣдующихъ лицъ, изъ числа преподавателей реальныхъ училищъ: Курочкина, преподавателя Кубанскаго училища, за рисованіе; Смирнова, преподавателя-инспектора того же училища, за черченіе и Платеневскаго, преподавателя Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училища, тоже за черченіе.

Почти во всѣхъ реальныхъ училищахъ происходили годичные акты, и во время такового акта въ Тифлисскомъ училищѣ присутствовалъ г. главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ. Кромѣ того, нѣкоторые реальные училища были посѣщены: мѣстными архіереями, а Владикавказское училище начальникомъ Терской области; Шупинское посѣтили: персидскій принцъ Зіа-Эдъ-Доуле-Анцупираванъ-Мирза и антропологъ Шантръ и многія изъ училищъ посѣтилъ В. И. Главачъ, жившій отъ г. министра народнаго просвѣщенія порученіе ознакомиться съ постановкою въ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія

пѣнія и музыки; всѣ же реальныя училища округа были осматриваемы лично г. попечителемъ и окружными инспекторами, а число посѣщенныхъ ученическихъ квартиръ классными наставниками и другими лицами было въ отчетномъ году 808 разъ.

Къ 1-му января 1891 года въ реальныхъ училищахъ было служащихъ 189, а именно: 3 почетныхъ попечителя, 7 директоровъ, 7 инспекторовъ, 7 штатныхъ законоучителей, 50 штатныхъ учителей наукъ и языковъ, 9 учителей рисованія, 9 учителей приготовительныхъ классовъ, 4 сверхштатныхъ преподавателя, 1 исправляющій должность, 18 законоучителей и учителей, приглашенныхъ по найму, 24 преподавателя музыки, гимнастики и ремеслъ, 8 воспитателей пансіоновъ, 2 помощника воспитателей, 16 помощниковъ классныхъ наставниковъ, 8 врачей, 6 писмоводителей и 10 прочихъ служащихъ. Въ отчетномъ году вышло изъ личнаго состава 14 лицъ, а вновь назначено 24 лица: почетный попечитель въ Кубанское училище, 3 инспектора, 8 учителей и 12 другихъ должностныхъ лицъ. Къ концу года было 10 вакантныхъ должностей, въ томъ числѣ: должность почетнаго попечителя при 4 училищахъ, 3 преподавательскія, именно, 2—по новымъ языкамъ, 1 по математикѣ и 3 другія должности. Уроки по вакантнымъ должностямъ распредѣлялись между наличными учителями.

Директора и инспектора реальныхъ училищъ даютъ всего 158 уроковъ; большинство этихъ лицъ преподаетъ математику, физику и естественныя науки—10 изъ 15. Въ 66 классахъ реальныхъ училищъ не считая приготовительныхъ, состояли классными наставниками, кромѣ директоровъ и инспекторовъ, еще 49 преподавателей; изъ нихъ двумя классами завѣдывали 1 учитель Тифлискаго училища и 1 — Ставропольскаго; значительное большинство уроковъ, даваемыхъ наставниками, относится къ математикѣ и естественнымъ наукамъ (53,1%). Число преподавателей, включая директоровъ и инспекторовъ, въ рукахъ коихъ соединялось преподаваніе двухъ и болѣе предметовъ, было въ отчетномъ году 33; въ большинствѣ случаевъ соединяются предметы болѣе или менѣе однородные: оба новыя языка (въ 8 случаяхъ), исторія съ географіей (6), математика съ физикой, другими естественными науками и черченіемъ (8). Классныхъ испытаній въ учебномъ году произведено было въ реальныхъ училищахъ 1.830, изъ коихъ устныхъ 1.213 и письменныхъ—617; среднее число испытаній на одинъ классъ равняется 25,7, а среднее число отвѣтовъ на одного ученика устныхъ—5,8 и письменныхъ—7,7. Постороннихъ лицъ, подвергнутыхъ въ педагогическихъ совѣтахъ разнаго рода испытаніямъ,

было 106; изъ нихъ удостоены школьныхъ свидѣтельствъ 78, или 73,6%, въ томъ числѣ: 35 изъ 59 (59%) на льготы по воинской повинности, 17 изъ 21 (81%) на право производства въ чинъ и 26 (100%) на разныя учительскія должности. Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ равно 5,6% всего числа уроковъ, которое слѣдовало дать; болѣе всего пропусковъ было сдѣлано по болѣзни (68,6%), но большинство изъ 3.497 пропущенныхъ уроковъ употреблено было на полезныя для учащихся занятія.

Педагогическіе совѣты 7 училищъ (кромя Ставропольскаго, не имѣющаго отдѣльнаго отъ гимназій совѣта) имѣли за годъ 424 засѣданія, изъ которыхъ было 134 общихъ и 290 засѣданій комиссій и хозяйственныхъ комитетовъ. Педагогическіе совѣты и ихъ отдѣленія, независимо отъ рѣшенія относящихся къ ихъ вѣдѣнію текущихъ дѣлъ, были заняты въ отчетномъ году, между прочимъ, обсужденіемъ вопросовъ: о введеніи новыхъ учебныхъ плановъ и программъ въ IV классѣ и выборѣ для этого класса руководствъ и пособій; о примѣненіи къ тремъ высшимъ классамъ предложенія министерства отъ 10-го августа 1890 года, за № 12710; о внѣклассномъ чтеніи учениковъ, объ установленіи связи между предметами преподаванія; въ совѣтѣ Бакинскаго училища были обсуждаемы примѣрные уроки, данныя директоромъ и нѣкоторыми преподавателями.

Въ числѣ служащихъ въ реальныхъ училищахъ нѣкоторые лица заявили себя отдѣльными трудами, а именно: исправляющій должность инспектора Тифлискаго реального училища А. А. Иваненко составилъ и прочелъ на годичномъ актѣ 22-го октября 1890 года, рѣчь: „Очеркъ современнаго состоянія бактеріологій“; учитель того же училища Киферъ составилъ сводъ метеорологическихъ данныхъ по метеорологической станціи при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ реальномъ училищѣ за первое десятилѣтіе существованія этой станціи, а помощникъ классныхъ наставниковъ Кусиковъ напечаталъ на армянскомъ языкѣ комедію изъ тифлисской жизни, подъ заглавіемъ: „Наши знакомые“. Учителя Бакинскаго училища Шрамченко и Падаринъ произнесли на годичномъ актѣ рѣчи, первый — „О самобытности въ творчествѣ Лермонтова“, а второй — „О важности для учащихся въ русской школѣ инородцевъ разговорной практики въ русскомъ языкѣ“. Директоръ Шушинскаго училища М. С. Тарасовъ и учитель К. К. Воеводскій заведывали метеорологическою станціею: первый за время отъ 1-го января по 1-е октября, второй — отъ 1-го октября по 1-е января 1891 года, а исправляющій должность инспектора того же

училища Шимановскій напечаталъ статью въ приложеніяхъ къ циркуляру: „О литературныхъ бесѣдахъ для учащихся, какъ орудіи нравственнаго воспитанія въ нашей средней школѣ“ Учитель Владикавказскаго училища Долбежевъ производилъ археологическія разысканія въ Терской области; учитель того же училища Варсеговъ упражнялъ учениковъ V-го класса въ построеніи кристалловъ правильной системы изъ стекла, устраивалъ экскурсіи учениковъ съ естественно-историческою цѣлью и посѣтилъ съ учениками дополнительнаго класса Девдоракскій ледникъ. Директоръ Кубанскаго училища С. Д. Дивари занимался приученіемъ учениковъ къ производству метеорологическихъ наблюденій и физическихъ опытовъ; учитель Кубанскаго же училища Калашниковъ руководилъ занятіями учениковъ по составленію чертежей по анатоміи и приведеніемъ въ систему собираемыхъ ими коллекцій насѣкомыхъ, растений и ископаемыхъ, которыми постепенно пополняется кабинетъ естествознанія, а учителя того же училища Курочкинъ и Хуцѣвъ присутствовали при исполненіи предлагаемыхъ ими ученикамъ работъ по рисованію и черченію для представленія на конкурсъ Академіи Художествъ. Законоучитель Ейскаго училища священникъ Стефановъ напечаталъ въ *Ставропольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*: „Отчетъ о вѣбогослужебныхъ религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ съ приходящими домовою училищной церкви въ теченіе 1890 года“, и кромѣ того, произнесъ съ каеодры нѣсколько поученій; два преподавателя того же училища имѣли надзоръ за производствомъ метеорологическихъ наблюденій, именно, учитель Лацинскій—въ первой половинѣ отчетнаго года, а исправляющій должность инспектора Конокотинъ—во второй его половинѣ; заслуженный учитель того же училища Туркевичъ произнесъ, 17-го октября 1890 года, рѣчь въ зданіи училища въ память чудеснаго избавленія Государа Императора съ Августѣйшею Семьею въ 1888 году отъ опасности; кромѣ того, г. Туркевичъ предполагаетъ помѣстить въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ переведенную имъ изъ журнала *Revue des deux Mondes* статью педагогическаго характера подъ заглавіемъ „L'éducation des filles“; учитель того же Ейскаго училища Морозовскій произнесъ на актѣ, 26-го сентября 1890 года, рѣчь: „Объ успѣхахъ астрономіи во второй половинѣ текущаго столѣтія по вопросу о физико-химическомъ строеніи солнца“. Учитель Тамиръ-Ханъ-Шурипскаго училища Пламеневскій напечаталъ въ *Journal de mathématiques spéciales* статьи: „Solution et généralisation d'une question sur la limite des suites“ и въ журналѣ *Вѣстникъ отечной фи-*

зики и элементарной математики статью: „Рѣшеніе треугольниковъ безъ помощи тригонометрическихъ таблицъ“; онъ же заведывалъ метеорологическою станціей училища, руководилъ учениковъ въ производствѣ наблюдений и составилъ метеорологическія таблицы для г. Темиръ-Ханъ-Шуры за 1890 годъ и за десятилѣтіе 1881—1890 гг.; учитель того же училища Козубскій напечаталъ „Историческую записку о первомъ десятилѣтіи Темиръ-Ханъ-Шуринаго реальнаго училища“, а учитель Яновскій произнесъ на актѣ рѣчь „О значеніи Кавказа въ дѣлѣ развитія поэтическаго творчества русскихъ поэтовъ“.

Учащихся въ реальныхъ училищахъ было въ началѣ отчетнаго года 2,162; въ продолженіе года число это увеличилось на 3,°/о или на 75 учениковъ, и къ 1-му января 1891 года ихъ состояло 2.237, изъ коихъ приходящихъ было 1.798 и пансіонеровъ—439. По числу учащихся училища слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Бакинское—515, Тифлисское—346, Владикавказское—339, Шушинское—279, Темиръ-Ханъ-Шуринаго—265, Кубанское—210, Ейское—160 и Ставропольское—126; въ каждомъ изъ пяти пансіоновъ реальныхъ училищъ, считая въ томъ числѣ и Ставропольскій, общій съ гимназією, воспитанниковъ находилось: Владикавказскаго училища—153, Темиръ-Ханъ-Шуринаго—90, Бакинскаго—79, Ставропольскаго—69 и Кубанскаго—48.

Учащіеся распределяются: 1) по національностямъ: русскихъ—1.140, грузинъ—63, армянъ—584, татаръ—107, горцевъ—184, евреевъ—44 и другихъ національностей—115; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—1.243, армяно-григоріанъ—574, католиковъ—49, протестантовъ—67, евреевъ—44, мусульманъ—244 и прочихъ исповѣданій—16; 3) по сословіямъ: дворянъ—1.086, духовнаго званія—38, городскихъ сословій—782 и въ томъ числѣ дѣтей почетныхъ гражданъ и 1-й гильдіи купцовъ—46, крестьянъ—143, нижнихъ чиновъ и казаковъ—152 и иностранцевъ—36. Относительно этого распределенія учащихся можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) въ реальныхъ училищахъ, вообще, преобладающую группу составляютъ русскіе (51°/о) и больше половины учащихся они составляютъ въ пяти училищахъ: Ейскомъ—91,2°/о, Кубанскомъ—83,2°/о, Ставропольскомъ—73,2°/о, Владикавказскомъ—59,6°/о и Темиръ-Ханъ-Шуринаго—55,1°/о; въ Бакинскомъ и Тифлискомъ они составляютъ немного меньше половины—43,1 и 42,2°/о, и только въ одномъ Шушинскомъ училищѣ русскіе представляютъ случайный элементъ—3,2°/о; 2) грузинъ больше всего въ Тифлискомъ училищѣ—7,2°/о; 3) армяне

составляютъ преобладающую группу въ Шушинскомъ училищѣ—82,8% и значительныя группы въ училищахъ Бакинскомъ — 34,4% и Тифлисскомъ — 32,3%; 4) татары составляютъ довольно значительныя группы въ Шушинскомъ — 12,8% и Бакинскомъ — 10,9%; 5) горцы — въ училищахъ: Владикавказскомъ — 26,2%, Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ — 21,8% и Ставропольскомъ — 21,1%; евреевъ больше всего въ училищахъ Кубанскомъ — 5,7% и Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ — 4,2%; 6) православные составляютъ больше половины учащихся во всѣхъ училищахъ, кромѣ Бакинскаго — 45,8% и Шушинскаго; 7) армяно-григоріане преобладаютъ въ Шушинскомъ училищѣ—82,8%, затѣмъ въ Бакинскомъ и Тифлисскомъ — 33,8 и 31,8%, въ остальныхъ училищахъ они составляютъ отъ 8,7 до 2,8%; 8) мусульмане составляютъ самую большую группу въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ училищѣ—22,3% и Ставропольскомъ—18,7%, затѣмъ въ училищахъ Владикавказскомъ — 14,8%, Бакинскомъ и Шушинскомъ — по 12% слишкомъ, меньше всего въ Тифлисскомъ — 3,9% и Кубанскомъ—0,8% и совершенно отсутствуютъ въ Ейскомъ, а прочія исповѣданія составляютъ отъ 3,0 до 0,7%; 9) между сословіями преобладающую группу составляютъ дѣти дворянъ и чиновниковъ — 48,8%, которые составляютъ меньше половины учащихся лишь въ трехъ училищахъ; Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—44,2%, Шушинскомъ—38,4% и Ейскомъ—21,9%; затѣмъ слѣдуютъ дѣти лицъ различныхъ городскихъ сословій, составляющія довольно значительныя группы во всѣхъ реальныхъ училищахъ и особенно въ училищахъ: Ейскомъ—70%, Шушинскомъ—47,3%, Бакинскомъ—43,8% и Кубанскомъ — 32,8%, прочія сословія составляютъ отъ 6,7 до 1,7%. Между пансіонерами преобладаніе составляютъ: изъ сословій—дворянское (70,8%), изъ вѣроисповѣданій—православные (60,1%) и мусульмане (32,1%) и изъ національностей—русскіе (53,2%) и горцы (33,2%).

По классамъ учащіеся распредѣлялись въ концѣ года слѣдующимъ образомъ: въ приготовительныхъ классахъ—18,1%, въ I—19,8%, во II—14,2%, въ III—13,0%, въ IV и V—10,7% и 10,7%, въ VI—8,1% и въ VII—4,7%. Изъ училищъ больше всего переполнены классы въ Бакинскомъ училищѣ, въ которомъ на каждое отдѣленіе приходилось до 40 учениковъ, вслѣдствіе чего этому училищу пришлось отказать въ 21 прошеніи о приѣмѣ. Всѣхъ прошеній въ реальныя училища было подано 592; изъ подававшихъ прошенія не были приняты 389, или 40,9%, въ томъ числѣ: 79—по неимѣнью, 34—по недостатку мѣста, 261—по невыдержанію экзамена и 15—по раз-

нымъ другимъ причинамъ. Изъ 563 принятыхъ вновь учениковъ большинство поступило въ приготовительные классы (48,9%) и I классы (28,7%); изъ вновь принятыхъ болѣе $\frac{2}{3}$ получило домашнюю подготовку (69,4%); безъ испытаній принято 84 (15,0%), изъ различныхъ казенныхъ, частныхъ и общественныхъ училищъ принято 88 (15,6%). Въ теченіе года выбыло 488 учениковъ, въ томъ числѣ 41 за окончаніемъ курса VI и 83—курса VII класса. Относительно общаго числа учащихся выбывшіе, по случаю окончанія курса, составляютъ 4,3%, а не окончившіе курса 17,3% (въ предыдущемъ году—22%). Въ числѣ выбывшихъ было уволенныхъ: за малоуспѣшность—78, за поведеніе—8, за неуплату—20; 16 оставили училища по болѣзни, и 11 учениковъ умерло, въ числѣ конхъ было 2 пансіонера.

Изъ 2.051 учениковъ, бывшихъ въ училищахъ въ концѣ отчетнаго учебнаго года, на основаніи годичныхъ занятій, классныхъ испытаній и выпускныхъ экзаменовъ, переведены въ слѣдующіе классы и удостоены свидѣтельствъ 1.036 (50,5%), а 471 (23,0%) оставлены въ тѣхъ же классахъ; остальнымъ 544 назначена переэкзаменовка послѣ каникулъ, которую выдержали 387 (71,1%). Такимъ образомъ, всѣхъ успѣвавшихъ было 1.423 или 69,4% (въ 1889 году—64,9%). Больше всего успѣвавшихъ было въ училищахъ Бакинскомъ—80,1% и Ейскомъ—78,4%, меньше всего въ Ставропольскомъ—60,2% и Шурпинскомъ—59,2%. Успѣшность въ приготовительныхъ классахъ выражается числомъ 78,7%, въ четырехъ младшихъ классахъ—68,6%, въ трехъ старшихъ—68,1%; изъ отдѣльныхъ же классовъ самыми слабыми оказались VI—63,2% и V—61,4%. Успѣшность пансіонеровъ въ учебномъ году была вообще нѣсколько ниже, чѣмъ учащихся въ тѣхъ же училищахъ—71,1% и 72,9% и въ частности, въ училищахъ Бакинскомъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ и Кубанскомъ пансіонеры учились лучше, а въ Ставропольскомъ и Владикавказскомъ—хуже, чѣмъ приходящіе. Изъ главныхъ предметовъ въ училищахъ успѣшнѣе всего было рисованіе—92,1% успѣвающихъ, затѣмъ нѣмецкій и русскій языки—80,0% и 76,0%; слабѣе другихъ предметовъ шла математика—75,2%. Изъ преобладающихъ между учащимися сословій, дворянское дало лучшіе результаты, чѣмъ городское—71,6% и 69,0%, а изъ учениковъ разныхъ національностей наиболѣе успѣвающими оказались русскіе—71,9%, а самыми слабыми—грузины—48,9%. Изъ числа 78 уволенныхъ за неуспѣшность было больше всего учениковъ I и II классовъ—20 и 19, а изъ предме-

товъ большинство не успѣвало по русскому языку—83% и по математикѣ—67%. Не успѣвавшихъ по одному предмету было 10, по двумъ—17, по тремъ—23 и болѣе трехъ предметовъ—28.

Изъ 90 учениковъ VII классовъ допущены были къ испытаніямъ 89 и выдержали ихъ 84; кромѣ того, постороннихъ лицъ, экзаменовавшихся съ учениками, было 3, кои всѣ трое выдержали испытанія; изъ 87 лицъ, получившихъ свидѣтельства, заявили желаніе поступить въ разныя высшія учебныя заведенія 82 (94,2%). а остальные 5—на частную службу. Изъ 174 учениковъ VI классовъ допущены къ испытанію 143 и выдержали его 110; еще постороннихъ экзаменовалось 9, ихъ коихъ выдержали испытаніе 3. Изъ 113 лицъ, удостоенныхъ аттестата, намѣрены были продолжать ученіе въ VII дополнительныхъ классахъ 102 (88,2%), а изъ остальныхъ 11 пожелали поступить: 3 — въ другія учебныя заведенія, 1 — на гражданскую службу, 4—на военную службу и 3—заняться частною дѣятельностью.

Изъ необязательныхъ предметовъ, коими занимались въ реальныхъ училищахъ, нѣмецкій языкъ со второй половины отчетнаго года оставался необязательнымъ только для учениковъ старшихъ классовъ, начиная съ V; въ училищахъ же Тифлискомъ и Шупинскомъ онъ сдѣлался обязательнымъ и въ V классѣ для всѣхъ учениковъ, кромѣ тѣхъ изъ оставшихся на второй годъ, которые раньше не изучали нѣмецкаго языка. Изъ мѣстныхъ языковъ преподаются: въ Тифлискомъ училищѣ—грузинскій и армянскій, въ Бакинскомъ и Шупинскомъ—арминскій и татарскій; языкамъ этимъ обучались ученики младшихъ классовъ соответственныхъ національностей: армянскому изъ 379 — 304 (80,2%), татарскому изъ 71 — 54 (76,1%), а грузинскому языку учились въ Тифлискомъ училищѣ всѣ 21 находящіеся въ 4 низшихъ классахъ ученики-грузины и, кромѣ того, 2 ученика другихъ національностей. Обученіе гимнастикѣ ведется въ реальныхъ училищахъ во всемъ согласно съ утвержденною инструкціей; гимнастическія упражненія учащихся происходятъ обыкновенно во время увеличенной большой перемѣны, а въ Тифлискомъ училищѣ, безъ измѣненія установленной продолжительности уроковъ и перемѣтъ, бываетъ ежедневно, для двухъ группъ классовъ, двѣ получасовныя большія, послѣ второго и третьего уроковъ, перемѣны, во время которыхъ и происходитъ занятія гимнастикой. Были устраиваемы также указанныя въ инструкціи военныя прогулки. Отъ участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ было освобождено въ отчетномъ году 2,2% всего числа учениковъ. Во всѣхъ училищахъ съ успѣхомъ препода-

ются музыка (обучалось ей 350) и пѣніе (обучалось 1.101 ученикъ). Воспитанники пансіоновъ занимались, кромѣ того, маршировкой, коей обучались во всѣхъ пяти пансіонахъ 398 воспитанниковъ, фехтованіемъ—обучались 23 воспитанника Темиръ-Ханъ-Шуринаго пансіона, танцамъ—обучались 111 пансіоновъ Владикавказскаго и Темиръ-Ханъ-Шуринаго, а ремесламъ: столярному, токарному и переплетному—обучались 103 пансіоновъ Бакинскаго, Владикавказскаго и Кубанскаго училищъ; изъ приходящихъ же танцамъ и мастерствамъ обучалось нѣсколько учениковъ Ейскаго училища. Производство учениками метеорологическихъ наблюденій введено въ училищахъ: Темиръ-Ханъ-Шуринаго, Шупинскаго, Кубанскаго и Ейскаго.

Изъ 2.237 учениковъ реальныхъ училищъ подвергались за поведеніе строгимъ взысканіямъ въ отчетномъ году 186 учениковъ (8,3%), а именно: 8 были уволены изъ училищъ съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія, 3 ученикамъ былъ сдѣланъ выговоръ педагогическаго совѣта и 175 были наказаны усиленнымъ арестомъ; между пансіонерами случаевъ взысканій было 62, въ томъ числѣ подверглись увольненію изъ пансіоновъ, но съ правомъ оставаться приходящими учениками—4, аресту—23 и лишенію отпуска—35. Въ концѣ года ученики училищъ имѣли за поведеніе отгѣтки: 5—82,2%, 4—14,9%, 3—2,8% и 2—0,1% общаго числа учениковъ, а среди пансіонеромъ имѣли полную отгѣтку 5—88,8%, затѣмъ—4—9,8% и 3—1,4%. Число пропущенныхъ учениками уроковъ было значительно—по 42,0 на одного ученика и изъ нихъ 31,6 по болѣзни, число уроковъ, пропущенныхъ пансіонерами, составляло въ среднемъ 24,1, при чемъ всѣ пропуски были по уважительнымъ причинамъ.

Отдѣльныхъ случаевъ заболѣваній учащихся различными болѣзнями было въ отчетномъ году во всѣхъ училищахъ 3.219, то-есть, по 144 случая на 100 учениковъ. Заразныя болѣзни дали слѣдующее число заболѣваній: корь—71 и изъ нихъ 50—въ Бакинскомъ училищѣ, скарлатина—22, и изъ нихъ 10 въ Бакинскомъ же училищѣ, тифъ—26, оспа—19 и дифтеритъ—8. Смертныхъ случаевъ было 11 (0,49%), въ томъ числѣ между пансіонерами 2. Врачомъ Ейскаго училища производились, какъ и въ прежніе годы, наблюденія надъ ростомъ, вѣсомъ тѣла, емкостью легкихъ и зрѣніемъ учащихся. Мѣра эта была рекомендована г. попечителемъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Multis ille bonis flebilis occidit.

4-го августа опустили въ могилу одного изъ старѣйшихъ представителей классической филологіи въ Россіи и едва-ли не послѣдняго профессора бывшаго главнаго педагогическаго института—Н. М. Благовѣщенскаго. 13-го февраля этого года онъ скромно отпраздновалъ пятидесятилѣтіе своей ученой дѣятельности, а 1-го августа скончался, не доживъ двухъ мѣсяцевъ до официальнаго празднованія своего юбилея.

Внѣшними событіями жизнь покойнаго не была особенно богата, какъ и жизнь большинства ученыхъ.

Сынъ законоучителя Маріинскаго института, Н. М. родился 2-го апрѣля 1821 года въ Петербургѣ и получилъ элементарное образованіе въ институтѣ и разныхъ пансіонахъ; 11-ти лѣтъ, въ 1832 году, онъ поступилъ въ открывшееся тогда при главномъ педагогическомъ институтѣ малолѣтнее отдѣленіе, въ которомъ, подъ строгимъ и неутомимымъ контролемъ директора института Ѳ. И. Маддендорфа, вели преподаваніе, преимущественно древнихъ языковъ, студенты старшаго курса; изъ этого отдѣленія должны были пополняться слѣдующіе курсы, изъ которыхъ въ старшемъ греческій языкъ преподавалъ приснопамятный Ѳ. В. Грефе, ученикъ знаменитаго Готфрида Германа. Нѣтъ сомнѣнія, что его лекціи возбудили въ даровитомъ молодомъ человѣкѣ особенную любовь къ классической филологіи, которой онъ и посвятилъ себя впослѣдствіи. Въ 1842 году Н. М. окончилъ курсъ института съ золотою медалью и былъ предназначенъ, какъ выдающійся по способностямъ и успѣхамъ, къ профессорской дѣятельности. Съ цѣлью приготовленія къ ней, онъ 18-го февраля 1842 г. былъ командированъ за границу для продолженія

занятій по древней филологіи. Первые два года онъ провелъ въ Лейпцигѣ, слушая курсы Готфрида Германа, ближайшему руководству котораго онъ былъ порученъ С. С. Уваровымъ, В. Ад. Беккера, М. Гаупта, Р. Клоца, В. Шталльбаума, А. Вестермана, при чемъ былъ принятъ въ число членовъ королевской филологической семинаріи. Третій годъ своей заграничной командировки Н. М. провелъ въ Гейдельбергѣ, слушая курсъ археологій у Крейцера и исторію римской литературы у Бера, кромѣ того, посѣщая лекціи Шюенгеля и Шлоссера. По существовавшему тогда обыкновенію, возвратившіеся изъ-за границы стипендіаты должны были дать устный отчетъ о своихъ занятіяхъ въ Академіи Наукъ передъ избранной комиссіей специалистовъ и прочесть пробную лекцію; темою для послѣдней Н. М. избралъ: *de veterum Graecorum pictura pargietum*. 25-го января 1845 года онъ былъ опредѣленъ впредь до приобрѣтенія степени магистра, исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ римской словесности и древностей въ Казавскій университетъ, гдѣ пробылъ семь лѣтъ, написавъ и защитивъ магистерскую и докторскую диссертациі; первая, написанная въ 1847 г., относилась къ исторіи древняго искусства и носила заглавіе: *de hieratica quae dicitur artis Graecorum statuariae periodo*, вторая, написанная въ 1851 г., озаглавлена: *de Romanorum tragoedia*. Обѣ остались не изданными, но понятіе объ ихъ содержаніи читатель можетъ составить по статьямъ Н. М.: „о гіератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ“ („Прописки“ *Леонтьева*, т. I) и „о судьбахъ римской трагедіи“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1848, № 6). Въ 1851 году Н. М. былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора; въ 1852 году переведенъ профессоромъ въ главный педагогическій институтъ и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, занявъ кафедру римской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ оставался до 30-го декабря 1872 г., когда былъ утвержденъ ректоромъ Варшавскаго университета; въ этой должности онъ оставался до 20-го августа 1883 года, когда, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку и затѣмъ причисленъ въ министерству народнаго просвѣщенія, а впослѣдствіи сдѣланъ членомъ совѣта министра. Если мы прибавимъ, что съ 1861 по 1872 г. Н. М. состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а съ 1867 по 1869 г. былъ членомъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ, то очередь его служебной карьеры будетъ закончена.

Покойный оставилъ по себѣ добрую память и какъ профессоръ

и университетскій дѣятель, и какъ ученый и писатель. Первые шаги его на профессорскомъ поприщѣ очерчены Н. И. Буличемъ, который пишетъ: „Н. М. Благовѣщенскій былъ первымъ въ Казанскомъ университетѣ русскимъ профессоромъ латинской словесности. Онъ принесъ съ собою интересъ къ наукѣ. Онъ умѣлъ занять своихъ слушателей предметомъ и оставить, не смотря на краткость своего пребывания въ Казани, глубокій слѣдъ въ тѣхъ немногихъ слушателяхъ, которые имѣли счастье учиться у него... Намъ, знавшимъ его въ тѣ далекіе годы, когда начиналась его ученая карьера, въ 1845 году, живо припомнилось то одушевленіе, которое онъ вносилъ въ свою аудиторію, когда мы прочитали его послѣднюю книжку о позднихъ эпохахъ греческой скульптуры. Онъ остался вѣренъ самому себѣ и тому направленію науки, которое онъ усвоилъ въ строгой германской школѣ. Ничего подобнаго до него не было въ Казанскомъ университетѣ. Онъ первый заговорилъ о художественныхъ образахъ классической скульптуры, съ которыми только что познакомился въ европейскихъ музеяхъ и, не смотря на скудость имѣвшихся тогда пособій въ университетѣ для знакомства съ этою стороною классической древности, онъ умѣлъ вызвать интересъ къ ней въ своихъ слушателяхъ“ (*Волжскій Вѣстникъ*, 1891, 19-го марта). Вотъ что, далѣе, читаемъ въ исторической запискѣ по поводу пятидесятилѣтія С.-Петербургскаго университета, составленной проф. Григорьевымъ о преподаваніи Н. М. въ Петербургѣ (стр. 234): „Съ самаго начала преподавательской дѣятельности своей, проф. Благовѣщенскій пришелъ къ убѣжденію въ необходимости преподаванія университетскимъ слушателямъ такъ называемыхъ реальныхъ классическихъ наукъ. Взглядъ этотъ на университетское преподаваніе филологіи не былъ новостью и 25 лѣтъ тому назадъ, но въ Петербургѣ оспаривался онъ въ означенную пору еще многими, и эти многіе считали не только возможнымъ, но и единственно полезнымъ занимать студентовъ-филологовъ исключительно грамматическимъ комментариемъ древнихъ авторовъ. Допуская пользу и даже необходимость такого направленія для студентовъ низшихъ курсовъ, Благовѣщенскій находилъ его недостаточнымъ для высшихъ, и потому, рядомъ съ объясненіемъ римскихъ классиковъ, считалъ обязанностью своею излагать и полный по возможности курсъ исторіи римской литературы и римскихъ древностей. Такимъ образомъ въ лицѣ г. Благовѣщенскаго студенты Петербургскаго университета увидали впервые настоящаго профессора древней филологіи изъ природныхъ

русскихъ, съ широкимъ и свѣтлымъ взглядомъ на изученіе древняго міра, профессора, при томъ, который передавалъ всѣ оттѣнки объясняемыхъ имъ римскихъ писателей самымъ изящнымъ и правильнымъ русскимъ языкомъ (въ педагогическомъ институтѣ исторію римской литературы и древности римскія читалъ онъ постоянно по латини)“. Пишущій эти строки имѣлъ счастье въ теченіе четырехъ лѣтъ (1863—1867 г.) быть слушателемъ Н. М. и живо вспоминаетъ о тѣхъ пріятныхъ и поучительныхъ часахъ, которые онъ провелъ въ его аудиторіи. Мы слушали у него Горация, Ювенала и Персія (эти авторы были любимцами Н. М. и ихъ преимущественно избиралъ онъ для интерпретаціи, нрѣдка комментируя Цицерона и Тацита), исторію римской литературы и римскія древности. Въ 1863 году онъ только что вернулся изъ путешествія по Италіи, провелъ около полугода въ Римѣ, и намъ впервые прочелъ составленный имъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ продолжительнаго пребыванія въ вѣчномъ городѣ курсъ топографіи древняго Рима. При кажущейся узкости своей задачи, курсъ этотъ былъ несомнѣнно интересенъ, потому что Н. М. иллюстрировалъ его массою бытовыхъ подробностей изъ жизни древнихъ римлянъ. Римскія государственныя древности излагались имъ въ сжатомъ, но обстоятельномъ курсѣ, обнимавшемъ собою государственное устройство и управленіе царскаго и республиканскаго періодовъ. Курсъ этотъ не блисталъ обиліемъ цитатъ и указаній на новую литературу, но былъ совершенно достаточенъ для того, чтобы ввести студентовъ въ предметъ и дать имъ возможность безъ труда приступить къ самостоятельному изученію капитальныхъ пособій западной литературы. Гораздо болѣе разработаннымъ былъ у Н. М. курсъ исторіи римской литературы, понятіе о которомъ читатель можетъ составить по вступительной въ него лекціи, напечатанной въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1869 годъ. Придерживаясь въ группировкѣ матеріала изложенія Бергарди и Мунка, Н. М. излагалъ отдѣльно исторію прозы и поэзіи, и въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ группировалъ литературныхъ представителей по частнымъ подотдѣламъ, какъ напримѣръ: историки, ораторы, эпики, лирики, драматурги и т. д. Послѣ біографическихъ свѣдѣній слушатели знакомились съ произведеніями автора, нрѣдко въ подлинныхъ выдержкахъ изъ его твореній, съ ихъ отличительными достоинствами и недостатками, съ тѣмъ мѣстомъ, которое эти творенія занимаютъ въ общемъ ходѣ развитія римской литературы, и т. д. Курсъ Н. М. заканчивался серебрянымъ вѣнкомъ. Обладая даромъ

свободнаго и изыскаго изложенія, Н. М. всегда читалъ лекціи viva, лишь изрѣдка заглядывая въ лежавшій передъ нимъ конспектъ, и всегда умѣлъ выражаться мѣтко и точно. Свобода его изложенія и находчивость особенно ярко проявлялись на диспутахъ, гдѣ нерѣдко Н. М. увлекалъ вниманіе публики на болѣе или менѣе продолжительное время.—Не менѣе интересны и поучительны были тѣ лекціи покойнаго, которыя посвящались переводу и интерпретаціи древнихъ авторовъ: исходя изъ того, вполне справедливаго убѣжденія, что точный и хорошій въ стилистическомъ отношеніи переводъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ толкователя, Н. М. обращалъ на него преимущественное вниманіе и, обладая въ высокой степени развитымъ чутьемъ роднаго языка, представлялъ въ своихъ переводахъ превосходные образцы этого, далеко не всякому филологу доступнаго, искусства. Интерпретація автора велась обыкновенно слѣдующимъ образомъ: приготовившійся заранее студентъ прочитывалъ подлежащее объясненію мѣсто изъ древняго автора и представлялъ послѣдній его переводъ; естественно, что съ точки зрѣнія такого мастера, какимъ былъ Н. М., переводъ этотъ тотчасъ же давалъ поводъ къ замѣчаніямъ, измѣненіямъ и поправкамъ, вслѣдствіе чего тотчасъ же профессоръ и слушатели приступали къ общей работѣ, результатомъ которой являлся точный, нерѣдко буквальный и вмѣстѣ съ тѣмъ безукоризненный по отношенію къ русскому языку переводъ даннаго мѣста, который, въ заключеніе, формулировался профессоромъ и сопровождался необходимыми объяснительными примѣчаніями. Въ критику текста Н. М. входилъ рѣдко, но не игнорировалъ ея совершенно и наиболѣе часто касался критическихъ вопросовъ при объясненіи Персія, котораго въ наше время онъ приготовлялъ къ изданію. Главнымъ же содержаніемъ его эзегезы являлись такъ называемыя реаліи, которыя всегда излагались съ надлежащей обстоятельностью, не выходя при этомъ изъ предѣловъ необходимости: чувство мѣры было сильно развито въ покойномъ. Но не одной аудиторіей ограничивалась преподавательская дѣятельность Н. М.,—для всякаго студента, искавшаго у него помощи и совѣта, дверь его кабинета была радушно открыта; съ особенною готовностью и, можно сказать, любовью слѣдилъ онъ за ходомъ занятій тѣхъ молодыхъ людей, которые преимущественно занимались его предметомъ: ихъ онъ ободрялъ, поддерживалъ, руководилъ. Въ наше время у него были назначены воскресныя утра для бесѣдъ съ профессоромъ, и нижеподписавшійся съ наслажденіемъ и благодарностью воспоминаетъ о часахъ, проведен-

ныхъ въ бесѣдѣ съ покойнымъ, всегда поучительной, интересной и остроумной. Въ бесѣдахъ этихъ обсуждался ходъ занятій, разрабатывались диссертациі и ученые труды, разбирались новыя явленія какъ русской, такъ и иностранныхъ литературъ. Какъ на особенно симпатичную черту характера покойнаго слѣдуетъ указать на его рѣдкое радѣніе объ интересахъ руководимой имъ молодежи: онъ вызывалъ ея труды, предлагая темы на соисканіе награды медалью, хлопоталъ о стипендіи, объ оставленіи, по окончаніи курса, при университетѣ, о командированіи за границу, и т. д. И въ послѣдствіи, когда эта молодежь становилась на ноги, онъ былъ для нея опытнымъ совѣтникомъ и надежнымъ руководителемъ.

Какъ членъ профессорской корпораціи и университетскаго совѣта, Н. М. принималъ живое участіе во внутренней жизни университета и часто былъ избираемъ въ различныя комиссіи, образовывавшіяся совѣтомъ для разработки того или другаго вопроса, для предварительнаго обсужденія того или другаго дѣла: такъ, въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій онъ состоялъ членомъ университетскаго суда, не разъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи по приѣмнымъ экзаменамъ въ университетѣ, участвовалъ въ бюджетной комиссіи, неоднократно исправлялъ должность декана въ факультетѣ, и т. д.

Перехода къ очерку его ученой и литературной дѣятельности, мы за подробною ея оцѣнкой отсылаемъ читателя къ брошюрѣ профессора Цвѣтаева: „Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго (1848—1888). С.-Пб. 1888“, гдѣсь же ограничимся наиболѣе выдающимися фактами. Замѣтимъ, что дѣятельность эта была и плодотворна и разнообразна, затрогивая и разрабатывая вопросы изъ областей римской литературы, римскихъ древностей, исторіи античнаго искусства, педагогики. Началась она въ 1848 г. помѣщеніемъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (№ 6) обширную статью о судьбахъ римской трагедіи, послужившей, какъ было замѣчено выше, въ переработанномъ видѣ, темою для докторской диссертациі Н. М. Статья эта для своего времени была весьма замѣчательна, если принять во вниманіе состояніе русской литературы по классической филологіи въ сороковыхъ годахъ: молодой ученый заговорилъ одушевленно, живымъ, прекраснымъ языкомъ, воспользовался результатами западной науки, обилія предметъ въ его полнотѣ и представилъ массу изысканныхъ и близкихъ переводовъ древнихъ текстовъ; эта статья можетъ служить представительницею англійскихъ essays или французскихъ études, разумѣется, будучи

разсматриваема въ предѣлахъ того времени, въ которое появилась. Замѣтимъ здѣсь же, что оригинальныя ея достоинства присущи и другимъ трудамъ покойнаго: онъ всегда обнималъ тому широко и не любилъ теряться въ мелочахъ, строго отдѣлялъ важное отъ второстепеннаго, умѣлъ избѣгать односторонности и увлеченій, и излагалъ свои мысли ясно и изящно. Къ началу пятидесятыхъ годовъ относится его участіе въ „Пропилеяхъ“, предпринятыхъ П. М. Леонтьевымъ, съ которымъ П. М. стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ, завязанныхъ еще при совѣстныхъ студіяхъ въ Лейпцигѣ. Отношенія эти нѣсколько охладились послѣ того, какъ Н. М. напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* (за 1855 г.) подробную рецензію на IV-й томъ „Пропилей“, гдѣ съ особенною подробностью подвергъ разбору статью Крюкова о религіозномъ различіи между патриціями и плебеями, разбору не совсѣмъ сочувственному; въ „Пропилеяхъ“ онъ помѣстилъ статьи: о гѣратіяхъ въ древнемъ греческомъ искусствѣ; о началѣ римской комедіи; Ателланы; Римскія пантомимы; Баи. При посредствѣ Леонтьева покойный вступилъ въ сношенія съ М. Н. Катковымъ, который называлъ его на корреспонденціи изъ Казани, помѣщенныя въ *Московскіе Вѣдомостяхъ* (1851—1852 гг.) и рисующія общественное и умственное положеніе этого города. Это былъ одинъ изъ первыхъ, и при томъ превосходный, опытъ „корреспонденцій изъ провинціи“. Переселившись въ Петербургъ, Н. М. завязалъ сношенія съ различными редакціями журналовъ, въ которыхъ помѣстилъ много этюдовъ и рецензій. Изъ нихъ, какъ на наиболѣе интересныя, укажемъ на статьи: „Чермскіе сказочники и Петроній“ (*Русское Слово*), въ которой авторъ представляетъ интересное сближеніе одной сказки, записанной въ Чермской губерніи, съ эпизодомъ объ ефесской матронѣ; „Взглядъ Пибура и Грюта на Александра Великаго“ (тамъ же); „Гостиницы въ древности“ (*Отечеств. Зап.* 1852); гдѣ, между прочимъ, помѣщенъ необыкновенно удачный переводъ Виргиліевой „Сора“, изъ рецензій заслуживаютъ быть упомянутыми разборъ IV-го тома „Пропилей“ (*Отеч. Зап.* 1855), Библіотеки римскихъ писателей въ переводѣ А. Клеванова (*Отеч. Зап.* 1859), сочиненія г. Модестова „Римская письменность въ періодъ царей“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1868), сочиненія Помилловскаго „Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій и Мениппова сатира“ (ib. 1870), сочиненія г. Нагуевского „Римская сатира и Ювеналъ“ (ib. 1881). Къ первымъ годамъ петербургской жизни относятся и двѣ актовыя рѣчи, произнесенныя Н. М. въ главномъ педагогическомъ институтѣ и въ университетѣ: первая

написана по-латыни и носить заглавіе: *de carminibus convivalibus eorumque in vetustissima Romanorum historia condenda momento* (1853); въ ней ораторъ съ большимъ историческимъ чутьемъ отстаиваетъ въ принципѣ гипотезу Нибура о присутствіи былиннаго элемента въ разказахъ о древнѣйшей римской исторіи. Рѣчь, произнесенная на актѣ въ университетѣ, носить заглавіе: „О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа“ (1854) и вошла, какъ послѣдняя глава, въ сочиненіе Н. М.: „Гораций и его время“. Еще три раза выступалъ покойный, какъ публичный ораторъ (мы не считаемъ тѣхъ краткихъ рѣчей, которыя онъ произносилъ, въ званіи ректора, на публичныхъ актахъ Варшавскаго университета): въ 1859 году въ двухъ публичныхъ лекціяхъ, темою для которыхъ онъ взялъ поэзію Ювенала; въ Варшавѣ, въ публичной лекціи „Родосская школа“, и уже на склонѣ дней своихъ въ 1889 г. въ лекціяхъ: „Римскіе кліенты Доминіанова вѣка“ (напечатаны въ *Русской Мысли* за 1890 г.). Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда нѣсколько русскихъ литераторовъ предприняли, подъ редакціей А. А. Краевскаго, изданіе обширнаго Энциклопедическаго Словаря, Н. М. помѣстилъ въ немъ двѣ замѣчательныя для того времени статьи: „Аммианъ Марцеллинъ“ и „Анналы и анналисты“. Къ тому же времени (1864) относится и появленіе его большаго труда: „Гораций и его время“ (II-е изданіе, Варшава, 1878). Трудъ этотъ, помѣщавшійся первоначально въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ, былъ встрѣченъ сочувственно, и въ 1865 году былъ удостоенъ Академіей Наукъ почетнаго отзыва. Отсылая читателей къ подробному разбору этой книги, помѣщенному въ отчетѣ Академіи по присужденію Демидовскихъ премій за означенный годъ, и къ обстоятельному отзыву профессора Цвѣтаева въ упомянутой выше брошюрѣ, не можемъ не привести нѣсколькихъ строкъ изъ письма покойнаго къ профессору Цвѣтаеву, показывающихъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на свою книгу: „эта тема, писалъ покойный, долгое время занимала меня, какъ хорошій историческій урокъ для нашей молодежи. Трудно найти другой столь рѣзкій и поучительный примѣръ исполнѣ честнаго и логическаго перехода отъ одного убѣжденія къ другому, противоположному. Гораций, сначала горячій республиканецъ, а затѣмъ такой же монархистъ, могъ казаться, и дѣйствительно инымъ казался, поплывъ измѣнникомъ. Стоило заняться этимъ вопросомъ, и я самъ смотрю на свою книгу, какъ на строго и добросовѣстно обдуманнѣ психологическій этюдъ, имѣющій нѣкоторый, не только ученый, но и обществанный интересъ

Сколько мнѣ извѣстно, онъ въ то время, какъ я писалъ эту книгу, еще не выдвигался на первый планъ ни у кого изъ безчисленныхъ биографовъ Горация". Въ 1866 г. на страницахъ *Русскаго Вѣстника* появилась статья Н. М. подъ заглавіемъ: „Римскій сатирикъ Персій“; статья эта впоследствии (1873 г.) составила введенеіе въ другой обширный трудъ покойнаго — изданіе сатиръ Персія съ русскимъ переводомъ и комментариемъ. Извѣстно, до какой степени причудливо и своеобразно изложеніе Персія, приводившее въ отчаяніе не одного филолога: перевести его на одинъ изъ новыхъ языковъ и при томъ такъ, чтобы передать всѣ оттѣнки подлинника, его искусственную краткость, вычурныя метафоры, оригинальные обороты, — есть своего рода *tour de force*, возможный только для такого мастера, который изучилъ Персія въ мелочныхъ деталяхъ и обладаетъ живымъ чутьемъ роднаго языка. Эти условія совѣстились въ лицѣ Н. М., и его изданіе Персія надолго останется образцомъ того, какъ слѣдуетъ переводить древнихъ авторовъ. Но безъ справедливаго самодовольствія привелъ покойный въ предисловіи неудавшееся предсказаніе аббата Монье, переводнаго Персія на французскій языкъ въ 1771 г., о томъ, что русскій переводъ Персія можетъ появиться только черезъ двадцать столѣтій. Покойному не удалось довести до конца начатое имъ предпріятіе — подарить русской публикѣ переводъ третьяго представителя римской сатиры — Ювенала, которымъ онъ тоже занимался долго и съ любовью; онъ помѣстилъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* переводъ и объясненіе лишь четырехъ сатиръ (III, VII, VIII, X).

Первое и послѣднее произведенія пера Н. М. принадлежать области, къ которой постоянно чувствовалъ онъ влеченіе къ области древняго искусства. Время отъ времени онъ помѣщалъ и отдѣльныя замѣтки (одна изъ нихъ „Бронниковъ“, написанная въ 1864 г. по поводу картины этого художника „Смерть Цета Тразен“, имѣла послѣдствіемъ то, что авторъ ея былъ избранъ вольнымъ общникомъ Академіи Художествъ) по поводу различныхъ явленій и вопросовъ въ художественной области. Въ послѣднее время онъ особенно заинтересовался позднѣйшими эпохами греческой скульптуры и помѣстилъ нѣсколько статей въ *Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ*. Въ прошломъ году онъ соединилъ эти статьи въ одну книгу, подъ заглавіемъ: „Випкельманъ и поздніе эпохи греческой скульптуры“. Къ этимъ вопросамъ его побудило открытіе Гуманомъ пергамской гигантомахіи, и Н. М., ознакомившись съ этимъ памятникомъ въ 1881 г., сначала хотѣлъ огра-

ничиться описаніемъ его, но затѣмъ расширилъ тему до размѣровъ монографіи о греческомъ искусствѣ въ эпоху діадочовъ, съ цѣлью указать на высокое значеніе его въ эту пору, отвергаемое Винкельманомъ и его послѣдователями.

Не чуждъ оставался покойный и вопросамъ педагогики. Къ ея области относятся: разборъ сочиненія Кехли: *Ueber das Princip des Gymnasialunterrichts der Gegenwart und dessen Anwendung auf die Behandlung der griechischen und römischen Schriftsteller*; двѣ статьи въ *Библіотекѣ для чтенія* (1859); „Наши гимназій“ и „Наши университетъ“; статьи: „О нѣкоторыхъ мѣрахъ, необходимыхъ для развитія и поддержки ученой жизни въ нашихъ университетахъ“ (1862); докладъ ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія „о способахъ приготовленія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній“. Въ этомъ докладѣ, види, что съ закрытіемъ въ 1859 г. главнаго педагогическаго института, вдругъ оказался большой недостатокъ въ гимназическихъ преподавателяхъ и что наліативнымъ мѣры, въ родѣ учрежденія педагогическихъ курсовъ при историко-филологическихъ факультетахъ, приносятъ мало пользы, Н. М. горячо отстаивалъ возстановленіе института, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями, которыя вызывались временемъ.

Повторяемъ, что мы исчислили далеко не всѣ труды покойнаго, но и изъ того, что упомянуто нами, явствуетъ что учено-литературная дѣятельность его была и плодотворна и разнообразна. Профессоръ Цвѣтаевъ нечистно высказалъ пожеланіе, чтобы сочиненія Н. М., разсѣянные по разнымъ повременнымъ и спеціальнымъ изданіямъ на протяженіи свыше 40 лѣтъ, были собраны въ одно цѣлое. Отъ души присоединяемся къ этому пожеланію, въ полной увѣренности, что умственное послѣдіе покойнаго послужитъ и слѣдующимъ поколѣніямъ на пользу и поученіе.

И. Номаловскій.

κίθων κτλ. Такое чтеніе даетъ слѣдующій смыслъ: Bei Selbstkenntnis handle du schon und recht. Но намъ кажется, что слѣдующая мысль объ обезьянѣ, которая только дѣтей можетъ ввести въ обманъ вѣнннимъ подражаніемъ людямъ, устрашаетъ всякую возможность соединять слова γένος¹⁾ οἶος ἐσσι μάθων и тѣмъ болѣе переводить ихъ такъ, какъ переводитъ Гартунгъ. Мы вѣннѣ присоединяемся къ чтенію и объясненію Бергка, слова котораго и приводимъ (op. cit. 157): At Pindarus cum Hieronem admonet, ut talem se expromat, qualis natus sit, simul eximio praeconio ornat, significans illum *instita* virtute plurimum valere: tum vero ut solet eos carpit, qui artibus aliunde ascitis ingenii imbecillitatem callide occultant; dicit enim: simia si artes didicit placet, puerorum admiratione semper gaudet.

53. φραὸν ἔλαχε καρπὸν ἀμύμητον—consilia proba, quae in animo nascuntur (Boeckh).

54. ἰνδοθαῦν.

55. Все это мѣсто, начиная со словъ γένος¹⁾ οἶος ἐσσι и до конца стихотворенія относится непосредственно къ Іерону и его придворнымъ. Поэтъ предостерегаетъ перваго отъ излишняго довѣрія шпіонамъ²⁾, а послѣднихъ поучаетъ той простой истинѣ, что клевета никогда не служить въ пользу клеветнику.

56. Ἀμφότεροι—то-есть и для клеветника, и для того, передъ кѣмъ клеветаютъ (или на кого клеветаютъ, въ такомъ случаѣ поэтъ разумѣетъ самого себя; въ первомъ же случаѣ—Іерона).

57. Лисица и у древнихъ была олицетвореніемъ хитраго и въ то же время злонамѣреннаго характера.

58. Κέρδοι δὲ τί μάλα τοῦτο κερδαλέον τολέει; Рукописи вмѣсто κέρδοι даютъ κέρδει; это послѣднее чтеніе принимаетъ Шмидтъ³⁾, объясняя его тѣмъ, что κέρδος въ данномъ случаѣ есть персонификація хитраго искателя выгоды, (Personification für listige Vortheilsucher); при этомъ Шмидтъ ссылается на Рутъ. 1, 92—μή δολωθής, ὦ φίλος, εὐτραπέλους κέρδεσσιν. По нашему мнѣнію, эта ссылка ровно ничего не доказываетъ, почему мы полагаемъ невозможнымъ избѣжать исправленія κέρδοι вмѣсто κέρδει. Мецгеръ, р. 61, также удерживаетъ рукописное чтеніе κέρδει.

59. Что хочетъ сказать поэтъ такимъ сравненіемъ? Разумѣется, этотъ вопросъ можно разрѣшить окончательно лишь въ связи съ общимъ смысломъ оды; поэтому мы и отлагаемъ окончательный отвѣтъ (см. анализъ); теперь же достаточно будетъ замѣтить, что Пиндаръ этими словами напоминаетъ Іерону о своей полной независимости и слѣдовательно косвеннымъ путемъ проситъ не смѣшивать его съ толюю рабобѣннхъ придворныхъ, окружавшихъ Іерона. Мы удержали чтеніе ὅτις ἔρχος ἀλμας вмѣсто предложеннаго Гартунгомъ ὅτις ἔρχ. ἀλμ.

60—61. Какъ предыдущее сравненіе, такъ и данный стихъ, требуютъ значительнаго исправленія, съ чѣмъ согласны и главные знатоки Пиндарова текста: изданіе Момзена даетъ такой текстъ: ὅπως μὲν αἰνῶν (Mzg. wedelnd,

¹⁾ См. наше введеніе.

²⁾ L. Schmidt, op. cit., p. 200—201.

махая хвостомъ) *ποτὶ πάντας, ἄγαν πάγῳ διαπλέκει*. Bergk: *ὅπως μὲν σάινων ποτὶ πάντας ἄγαν πάγῳ διαπλέκει*, приче́мъ замѣчаетъ: *ἄγαν quamvis manifeste mendosum toleravi (?)*. Первое чтеніе замѣняетъ несоотвѣтствующее смыслу мѣста парѣііо *ἄγαν* винительнымъ надежомъ отъ слова *ἀγῆ*—*invidia* (*prima brevis*), но это противорѣчитъ метру ¹⁾. Мы держались этого послѣдняго текста, за немѣніемъ лучшихъ эмендацій, слѣдуя замѣчанію Момзена *ἄγαν fracturam, flexuram—caudam (?)* и толкованію Менгера; *πλοκήν τινα ποιῶν* (Schol., хотя эти слова объясняютъ или, лучше сказать, перифразируютъ слово *διαπλέκει*): *Der Sinn ist: der Tückische lässt sich durch nichts abhalten, es da und da zu versuchen, ob er sich nicht anschmiegen kann*.

62. *πατέων ὁδοῖς σκολιαῖς*—*ihm (vray) in Kreuz und Quer kommend* (Mzg.).

63. *ἀλλ' ἄλλοτε*.

64. См. 62.

65. *ἐν πάντα δὲ νόμον*. Такъ-ли? Ср. разночтенія у Моммзена. Schol. *κατὰ πᾶσαν ἀρχήν*. Какъ читатель уже видѣлъ, мы сомнѣваемся въ употребленіи предлога *ἐν* съ винительнымъ.

66. То-есть при олигархіи.

67. Новый намекъ на неустойчивость земного счастья.

68. Поступать такъ — см. предыдущее: *χρὴ δὲ πρὸς θεὸν οὐκ ἐρίζειν* и много ниже: *ποτὶ κέντρον δὲ τοῖς λακτιζέμεν τελεῖται ὀλισθηρὸς οἶμος*.

69. Объ этомъ выраженіи *στίβμα*; *ἄλκασθαι* мы подробно говоримъ въ анализѣ. Здѣсь пока приведемъ слова Менгера: „an überlanger Messschnur ziehend“ etc.

70. То-есть не достигнувъ цѣли, эти люди получаютъ возмездіе за свое тщеславіе.

71. См. примѣчаніе 68.

72. Сравни окончаніе I Ol. 115: *εἰη σέ τε τοῦτον ὅφοῦ χρόνον πατεῖν, ἐμὲ τε τοσοῦτα νικαφόροις ὀμιλεῖν*.

Валеріанъ Майковъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. Т. Моммзен, р. 156.

CAESARIANA.

Caes. b. g. VII 25. Во время осады Аварика войсками Цезаря осажденнымъ удалось поджечь осадныя работы римлянъ; въ послѣдовавшемъ за этимъ сраженіи галлы тѣмъ болѣе воодушевились надеждою на побѣду, *quod deustos pluteos turrium videbant nec facile adire apertos ad auxiliandum animadvertebant*. Такъ читается во всѣхъ рукописяхъ. Но при этомъ чтеніи не совсѣмъ ясно, кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ *apertos*. Это, конечно, римскіе воины, но какіе? тѣ, которые находились на башняхъ, или тѣ, которые спѣшили спасти башни отъ пожара? Первые, послѣ того какъ защищавшіе ихъ *plutei* были сожжены, были *aperti*, но имъ не нужно было *adire* (*ad turres*), такъ какъ они уже находились на башняхъ; а послѣдвіе, то-есть спѣшившіе на помощь къ башнямъ, едва ли могутъ быть названы *aperti*; вѣдь ихъ положеніе не измѣнилось бы, еслибъ *plutei* и не были уничтожены пожаромъ. Очевидно, въ текстѣ рукописей что нибудь не вѣрно. Это призналъ уже Göbler (*Cäsars Gallischer Krieg* I³ стр. 256), который въ этихъ словахъ не находитъ (съ военной точки зрѣнія) удовлетворительнаго смысла и поэтому предлагаетъ поправку: *nec facile reduci apertas* (*scil. turres*) и т. д. Но конъектура *reduci* вмѣсто *adire* представляется мнѣ слишкомъ смѣлою и мало правдоподобною, потому что нѣтъ причинъ, почему бы переписчикъ измѣнилъ *reduci* въ *adire*. Мнѣ кажется, что удовлетворительнаго смысла можно достигнуть болѣе легко поправкою, а именно, если читать: *nec facile adiri apertas* (*scil. turres*) *ad auxiliandum animadvertebant*. Что *adire* и въ собственномъ значеніи можетъ сочиняться съ винительнымъ безъ предлога, показываетъ Caes. b. g. II 7 *omnibus vicis aedificisque, quos adire potuerant, incensis*.

Caes. b. g. VII 28. При взятіи Аварика почти всѣ жители и защитники этого города были перебиты римлянами, только около 800

человѣкъ спаслись бѣгствомъ къ Верцингеторигу. Затѣмъ слѣдуетъ почти во всѣхъ рукописяхъ: quos ille (Vercingetorix) multa iam nocte silentio ex fuga excepit veritus, ne qua in castris ex eorum concursu et misericordia vulgi seditio oreretur, ut procul in via dispositis familiaribus suis principibusque civitatum disparandos deducendospue ad suos curaret, quae cuique civitati pars castrorum ab initio obvenerat. Къ этому мѣсту замѣчаетъ Менге (*Philologus* XXXIII, стр. 727 сл.): „Отъ чего зависить предложеніе съ ut? Но кромѣ того еще и кое что другое не въ порядкѣ. Верцингеторигъ хочетъ предупредить concursus, чтобъ не произошла seditio. При теперешнемъ чтеніи Верцингеторигъ, для достиженія своей цѣли, eos multa nocte silentio ex fuga excepit. Но это безмыслица: не ночнымъ принятіемъ бѣглецовъ предупреждается concursus, а скорѣе тѣмъ, что онъ procul in via dispositis familiaribus и т. д. доставляетъ ихъ въ лагерь по одиночкѣ. Итакъ, этому предложенію должны быть подчинены слова veritus—oreretur. На основаніи этихъ соображеній Менге и предлагаетъ чтеніе:—ex fuga excepit veritusque, ne—oreretur, procul in via dispositis—curavit. Союзъ que, говоритъ онъ, обозначается въ рукописяхъ по большей части однимъ легкимъ (flüchtig) знакомъ, и потому легко могъ быть пропущенъ переписчикомъ; а разъ que было пропущено, то, не зная, что дѣлать съ предложеніемъ procul—curavit, вставили ut (читалъ, можетъ быть, окончаніе въ oreretur два раза); ради котораго потомъ curavit измѣнили въ curaret, и такимъ образомъ возникло теперешнее, по выраженію Менге, „чудовищное предложеніе (Monstrum von Satz)“.

Я вполне согласенъ съ Менге въ томъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ наше мѣсто не представляетъ удовлетворительнаго смысла, и что текстъ здѣсь испорченъ; но въ остальномъ его аргументація не представляется мнѣ убѣдительною. Верцингеторигъ имѣлъ въ виду предупредить волненіе въ лагерѣ именно тѣмъ, что принялъ бѣглецовъ multa iam nocte silentio, когда въ лагерѣ всѣ спали; слова procul in via dispositis familiaribus и т. д. только точнѣе обозначаютъ способъ, какъ онъ ихъ встрѣчалъ. Дѣлай онъ то же самое днемъ, то едва ли избѣгъ бы seditio, такъ какъ бѣглецы, хотя бы и введенные въ лагерь не всѣ вмѣстѣ, тотчасъ распространили бы извѣстіе о понесенной неудачѣ по всему лагерю. Поэтому слова veritus ne—oreretur зависятъ отъ excepit. Продолженіе съ ut, конечно, можетъ зависѣть также только отъ excepit: „принялъ съ тѣмъ, чтобъ—“ или „принялъ такимъ образомъ, что—“. Но въ такомъ случаѣ является

новое затрудненіе: предложеніе съ *ut* стоитъ слишкомъ далеко отъ управляющаго слова, будучи отдѣлено отъ него цѣлымъ предложеніемъ *veritus, ne—oregetur*. Едва ли вѣроятно, чтобы Цезарь, желая подчинить предложеніе съ *ut* глаголу *excepit*, расположилъ предложенія въ такомъ порядкѣ, какой находимъ въ теперешнемъ текстѣ, тѣмъ болѣе, что онъ весьма легко могъ избѣгнуть подобной неясности конструкціи, написавъ: *quos ille, veritus ne—oregetur, multa iam postea silentio ex fuga excepit, ut* и т. д. Слѣдовательно, теперешній текстъ не позволяетъ подчинить предложеніе съ *ut* глаголу *excepit*; а такъ какъ отъ чего нибудь другого *ut* зависѣть не можетъ, то мѣсто должно быть признано испорченнымъ. Для исправленія его представляются двѣ возможности: или *ut* стоитъ не на своемъ мѣстѣ, или же вмѣсто *ut* было первоначально въ текстѣ какое нибудь другое слово. Верцингеторигъ желалъ избѣгнуть *seditio*; съ этою цѣлью онъ впустилъ бѣглецовъ изъ Аварика въ лагерь *multa iam postea silentio*. Но ему, кромѣ того, еще нужно было предупредить *concursum*, который нарушилъ бы *silentium*, и поэтому онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, привалъ мѣры, чтобы они вошли не всѣ вмѣстѣ, одною толпою; для этого онъ разставилъ далеко отъ лагеря на дорогѣ (*procul in via*) довѣренныхъ лицъ, чтобы они еще внѣ лагеря распредѣлили бѣглецовъ, по принадлежности ихъ къ отдѣльнымъ племенамъ, на партіи, и ввели ихъ въ лагерь, каждую партію направляя къ соплеменникамъ. Такимъ образомъ мысли располагаются вполне логично; а этого смысла мы достигнемъ и въ текстѣ, если перемѣстимъ *ut*, поставивъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ зависимость отъ *dispositis*, и будемъ читать: *quos ille—excepit veritus, ne—oregetur, procul in via dispositis familiaribus suis principibusque civitatum, ut disparandos deducendosque ad suos curarent*==разставивъ... для того, чтобы они позаботились... При такомъ чтеніи причина порчи мѣста очевидна: разъ *ut* попало не на свое мѣсто, по необходимости нужно было измѣнить *curarent* въ *curaret*, такъ какъ, кромѣ *ille*, другого подлежащаго для этого глагола не оказывалось.

Вторая возможность исправить наше мѣсто состоитъ въ томъ, чтобы читать *et* вмѣсто *ut*, и *curavit* вмѣсто *curaret*. Тогда тоже получается вполне удовлетворительный смыслъ, и описка *ut* вмѣсто *et* весьма возможна. Тѣмъ не менѣе, я лично предпочитаю первое чтеніе (*dispositis—ut—curarent*); при этомъ, по моему мнѣнію, значеніе словъ *dispositis familiaribus suis principibusque civitatum* выступаетъ болѣе ясно.

Остается еще рѣшить, какъ объяснить слово *misericordia*, и къ чему отнести родительный падежъ *vulgi*. Менге (l. c.) объясняетъ *misericordia* = „вопли“ (*Jammern*), подтверждая это объяснение ссылкой на *Caes. b. c. II 12 magna cum misericordia fletuque*. Если, говорить онъ, понимать *misericordia* въ значеніи „состраданіе“ (*Mitleid*), то тогда *eorum* будетъ *gen. subj.* къ *concursum* и *gen. obj.* къ *misericordia*, а для такого употребленія онъ у Цезаря не находитъ примѣра (*vulgi* Менге относить къ *seditio*). Кранеръ-Гофманъ въ примѣчаніи къ выше приведенному мѣсту *b. c. II 12* переводитъ: „so dass sie grosses *Mitleid* und *Jammern* erregten“, хотя и допускаетъ дажѣ, что *misericordia* здѣсь можетъ означать и „*Mitleid* erregende *Klagen*“. Но мнѣ такое значеніе слова *misericordia* вообще кажется сомнительнымъ; по крайней мѣрѣ, всѣ мѣста, въ которыхъ встрѣчается *misericordia*, допускаютъ значеніе „состраданіе“ безъ всякой натяжки. По *Cic. Tusc. IV, 8, 18 misericordia est aegritudo ex miseria alterius iniuria laborantis*. Состраданіе можетъ быть или активное, которое я чувствую къ другимъ, или пассивное, которое возбуждаю въ другихъ; то и другое будетъ *misericordia*. Слѣдовательно, *magna cum misericordia fletuque* = при великомъ состраданіи (возбуждаемомъ ими въ присутствующихъ) и плачѣ (поднятомъ ими самими), то-есть, возбужданъ состраданіе и поднимая плачъ. Слово *vulgi* въ нашемъ мѣстѣ я отношу къ *misericordia* (ср. *b. g. VII 15*) = вслѣдствіе появленія ихъ вмѣстѣ и состраданія (къ нимъ) толпы; такимъ образомъ при *concurso* будетъ *eorum* — *gen. subj.*, а *vulgi* при *misericordia* — тоже *gen. subj.* Къ кому толпа чувствовала состраданіе, разумѣется само собою изъ контекста; *seditio* же достаточно опредѣлено словами *in castris*; кто произвелъ бы волненіе, прибавлять не было надобности, такъ какъ оно могло производиться, конечно, только со стороны находившихся въ лагерьѣ.

Н. Мейеръ.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ АѢИНАХЪ И СОЧИНЕНІЕ АРИСТО- ТЕЛЯ ОБЪ АѢИНСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Къ числу предметовъ греческихъ древностей, которые, благодаря новооткрытому сочиненію Аристотеля, приобретаютъ большую определенность и ясность очертаній, относится несомнѣнно и аѢинскій судъ присяжныхъ, такъ называемая геліэа (ἡλιαία), или дикастерія (δικαστήριον). Собранію присяжныхъ судей въ АѢинахъ принадлежала слишкомъ важная, во многомъ руководящая роль, чтобы не дорожить открывающимися данными касательно исторіи этого учрежденія, его организации и отправленій, тѣмъ болѣе, если эти данные исходятъ отъ свидѣтеля и писателя столь авторитетнаго.

1. Конецъ правильному отправленію правосудія въ аѢинской республикѣ положенъ былъ лишь въ періодъ діадохонъ и римскихъ завоеваній, а начало судебной организаціи, дѣйствовавшей въ наиболѣе извѣстныя намъ историческіе періоды, восходитъ ко времени законодательной дѣятельности Солона.

До сихъ поръ въ наукѣ по вопросу о началѣ суда присяжныхъ въ АѢинахъ держались двѣ теоріи въ неразрывной связи съ именами двухъ славныхъ ученыхъ, Шёмана и Грота. По ученію Грота, имѣющему многочисленныхъ послѣдователей, установленіе народнаго суда въ АѢинахъ въ Солоновское время просто не вѣроятно, если принять во вниманіе совершенную неподготовленность бѣднѣйшихъ классовъ аѢинскаго населенія къ исполненію столь трудныхъ общественныхъ обязанностей и предшествовавшее Солоновскимъ реформамъ безправіе народной массы, теперь едва избавившейся отъ тѣлесныхъ наказаній (History of Greece III 164 сл., франц. перев. IV 180 сл.). По Солоновскимъ законамъ, думалъ Гротъ, народная юрисдикція ограничивалась только правомъ народнаго собранія, экклііи, будто бы именовавшагося тоже и геліэей, привлекать должностныхъ лицъ къ

отвѣтственности за ихъ судебную дѣятельность; особаго народнаго судилища, независимаго, отдѣльнаго отъ всенароднаго собранія и снабженнаго самостоятельною судебною властью, при Солонѣ не было и быть не могло. Геліадъ, какъ особое собраніе народныхъ судей, возникаетъ впервые десяти лѣтъ спустя послѣ Солона, при Клисеемѣ, а окончательную организацію получаетъ она со времени назначенія жалованья присяжнымъ, то-есть при Периклѣ, лѣтъ на полтора позже Солона.

Огромная заслуга Грота въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, заключается въ томъ, что онъ съ блестящимъ успѣхомъ изобличилъ ложность приѣма—переносить на далекую древность формы суда присяжныхъ, сложившіяся лишь постепенно, въ продолженіе многолѣтней практики, частью путемъ частичныхъ измѣненій и поправокъ, частью въ органической зависимости отъ перемѣнъ въ самыхъ основахъ государственнаго устройства. Но въ этомъ направленіи Дж. Гротъ заходилъ слишкомъ далеко вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ наиболѣе раннимъ стадіямъ историческаго процесса. Знаменитый историкъ проводилъ рѣзкую грань тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ были двѣ послѣдовательныя комбинаціи или формы однихъ и тѣхъ же элементовъ, искони присущихъ народной жизни. Аѣинскій судъ присяжныхъ временъ Перикла и болѣе позднихъ приспособленъ былъ по своей организаціи къ Клисеевскому дѣленію Аттики на десять колѣнъ и на димы, и уже поэтому самому онъ въ такомъ видѣ былъ невозможенъ въ Солоновское время. Мы не говоримъ уже о томъ, что судъ присяжныхъ, какъ одинъ изъ коренныхъ устоевъ аѣинской демократіи, долженъ былъ отличаться большою чувствительностію къ постепенно осложнявшимся нуждамъ и потребностямъ этой самой демократіи. Однако отсюда никакъ не слѣдуетъ, будто въ Солоновской конституціи народный судъ былъ совсѣмъ невозможенъ, будто въ то время масса аѣинскаго населенія была рѣшительно не способна къ отправленію правосудія въ какой бы то ни было формѣ. Разумѣется, судъ присяжныхъ въ Аѣинахъ не сразу отлился въ тѣ формы, съ которыми мы находимъ его у ораторовъ, Аристофана, Аристотеля и у грамматиковъ; онъ имѣлъ длинную исторію. Но зачатки его принадлежать навѣрное временамъ даже до-Солоновскимъ; въ зародышѣ онъ содержался въ учрежденіяхъ архаическихъ, оставлявшихъ за народомъ извѣстную долю участія въ управленіи и судѣ страны. Благодаря реформамъ Солона исконныя зачатки получили впервые ту организацію, которой оставалось только

последовательно развиваться дальше, чтобы въ концѣ V и въ IV вѣкѣ въ результатѣ этого развитія получился дѣйствительно судъ всенародный и всевластный.

Ошибка Грота и его послѣдователей происходитъ именно отъ того, что Солоновская конституція представляется имъ системою учреждений, цѣлкомъ созданныхъ геніемъ законодателя, не только не имѣвшихъ корней въ прошломъ, но чуть-ли не противоположныхъ всему наслѣдію прежнихъ поколѣній. Подъ вліяніемъ этого предубѣжденія затемняется истинный смыслъ показаній Аристотеля, Плутарха и другихъ писателей, не говоря уже о краснорѣчивыхъ признаніяхъ самого Солона.

По свидѣтельству Плутарха, Солонъ не далъ бѣднѣйшему, четвертому классу гражданъ, такъ называемымъ онтамъ никакихъ другихъ правъ, кромѣ права участвовать въ народномъ собраніи и въ судѣ. Это послѣднее право сначала не имѣло серьезнаго значенія, потому что кругъ дѣятельности народного суда былъ ограниченный, но съ теченіемъ времени, когда большинство дѣлъ перешло въ вѣдѣніе народныхъ судей, оно приобрѣло большую важность; желающимъ предоставлялось апеллировать и по такимъ дѣламъ, рѣшеніе коихъ законодатель оставилъ за должностными лицами (θῆτες—τῷ συνεκκλησιασιν καὶ δικάζειν μόνον μεταίχων τῆς πολιτείας. δ' хат' ἀρχαῖς μὲν οὐδὲν, ὕστερον δὲ καμμέγεθας ἐφάνη. τὰ γὰρ πλεῖστα τῶν διαφορῶν ἐνέπιπτον εἰς τοὺς δικαστάς. καὶ γὰρ ὅσα ταῖς ἀρχαῖς ἔταξε χρίειν, ὁμοίως καὶ περὶ ἐκείνων εἰς τὸ δικαστήριον ἔδωκε τοῖς βουλευμένοις. Plut. Solon. c. 18). Изъ Аристотелевой „Политики“ мы точно также давно знали, что основаніе Солономъ афинской демократіи понималось древними именно въ смыслѣ установленія съ этого времени общенародныхъ судовъ съ выбранными жребіемъ судьями (τὸν δὲ δῆμον καταστήραι τὰ δικαστήρια ποιήσας ἐκ πάντων. διὸ καὶ μέμφονται τινες αὐτῷ. λῦσαι γὰρ θάτερα χόριον ποιήσαντα τὸ δικαστήριον πάντων κληρωτὸν ὄν. Politics. II 92 p. 1274a). Дальнѣйшія замѣчанія философа въ той же главѣ, какъ будто ограничивающія судебную компетенцію народа по Солоновскимъ законамъ требованіемъ отчета съ должностныхъ лицъ, которыя народомъ же и выбираются (τὸ τὰς ἀρχαῖς αἰρεῖσθαι καὶ εὐθύνειν),—эти замѣчанія не исключаютъ нисколько участія народа какъ въ юрисдикціи стравы, такъ и въ другихъ важнѣйшихъ актахъ государственной власти, воплощавшейся главнымъ образомъ въ экклесіи, общенародномъ собраніи. Право набирать должностныхъ лицъ, разбирать и оцѣнивать ихъ служебную дѣятельность уже предполагаетъ за наро-

домъ основныя политическія права, безъ коихъ немислимо было понятіе гражданина въ древне-греческой политикѣ: къ числу этихъ основныхъ правъ принадлежало активное участіе въ отправленіи правосудія (см. *Politic.* III 6 (11): р. 1281b³¹). Показаніе Плутарха, заимствованное не изъ Аристотеля, но изъ общаго источника обоихъ, изъ какого-либо стараго очерка Атики, отличается въ нашемъ вопросѣ отъ Аристотелева только большею обстоятельностью. Съ Плутархомъ согласуется другой древній свидѣтель, показаніе котораго подъ словомъ *архонтъ* сохранилось въ лексиконѣ Свиды. По точному смыслу его, законы Солона отняли у архонтовъ принадлежавшую имъ раньше судебную власть, оставивши за ними лишь производство предварительнаго слѣдствія (*πρὸ μὲν τῶν Σόλωνος νόμων—* *χρίοι τε ἦσαν ὥστε τὰς δίκας αὐτοτελεῖς ποιεῖσθαι· ὕστερον δὲ Σόλωνος νομοθετήσαντος οὐδὲν ἕτερον αὐτοῖς τελεῖται ἢ μόνον ὑποκρίνουσι* [вмѣсто *ἀνακρίνουσι*] *τοὺς ἀντιδίκους*). Согласуясь съ Плутархомъ, не противорѣча Аристотелю, свидѣтель Свиды идетъ нѣсколько дальше того и другаго: раздѣленіе функций административной и судебной, по изложенію Свиды совершившееся окончательно при Солонѣ, могло быть въ это время только начато, то-есть, законодательство Солона положило начало позднѣйшему порядку, когда архонты по дѣламъ, прежде подлежавшимъ окончательному ихъ рѣшенію, производили только предварительное слѣдствіе. Но, повторяемъ, Солоновскіе законы, какъ свидѣлствуютъ Аристотель, Плутархъ и свидѣтель Свиды, вводили въ жизнь этотъ самый принципъ. Тутъ же замѣтимъ, что никакъ нельзя согласиться съ Шёманомъ, когда онъ слова Свиды *δίκαι αὐτοτελεῖς* толкуетъ въ смыслѣ безапелляционныхъ судебныхъ рѣшеній архонтовъ, и потому усматриваетъ совпаденіе показаній Свиды и Плутарха¹⁾. Между тѣмъ о правѣ апелліаціи къ народному суду говоритъ только Плутархъ, а *δίκη αὐτοτελής*, какъ это явствуетъ изъ контекста извѣстія, означаетъ полномочное рѣшеніе дѣлъ архонтомъ

¹⁾ . . . die Rechtsprüche der Archonten nur bis auf Solon *αὐτοτελεῖς*, d. h. solche gewesen seien, von denen nicht appellirt werden konnte... Denn *δίκη αὐτοτελής* war der Rechtspruch des Archonten nur so lange, als von ihm nicht appellirt werden konnte, Appellation aber fand, nach Plutarch, seit Solon statt, folglich waren nun die Entscheidungen der Archonten nicht mehr *αὐτοτελεῖς*, was eben auch in dem Zeugnisse bei Suidas liegt. (Die Verfassungsgeschichte Athen's nach G. Grote's History of Greece kritisch dargestellt von G. Fr. Schömann. Leipz. 1854, стр. 40).

отъ начала до конца въ противоположность позднѣйшей судебной компетенціи того же должностнаго лица, весьма ограниченной.

Потомъ, не только въ Афинахъ, демократической республикѣ, но и во всякой иной греческой политикѣ съ понятіемъ гражданина неразрывно и безусловно соединялось представленіе о правѣ его участвовать непосредственно въ управленіи страной и въ судѣ. Лишеніе кого-либо этихъ основныхъ правъ было равносильно исключенію его изъ списковъ гражданъ и зачисленію въ классъ рабовъ или обывателей. Такое опредѣленіе гражданина независимо отъ особенностей формы правленія мы находимъ у Аристотеля (πολίτης δ' ἀπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὀρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν κρίσεως καὶ ἀρχῆς. *Politics*. III 1 p. 1275a 22. Срвн. *ibid.* 1281b 31). Тому же Солону приписывается особенная заботливость о поднятіи гражданскаго духа въ афинскомъ народѣ, какъ одной изъ гарантій противъ междоусобицъ и захвата власти честолюбцами (Gellii N. A. II 12, *Plut. Sol.* с. 20. Ἀθηναίων πολιτεία 8 кон.). Аристотель не могъ бы считать Солона основателемъ афинской демократіи, если бы этотъ основатель оставилъ массу афинскихъ гражданъ безъ необходимѣйшихъ правъ всякаго гражданина.

Наконецъ, въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ Солоповскихъ элегій современное законодателью положеніе дѣлъ вовсе не изображается какъ такое, на мѣсто котораго необходимо было насадить нѣчто совершенно новое, до того времени небывалое. По смыслу элегій, задача законодателя сводилась къ тому, чтобы поправить испорченное богатыми и сильными корыстолюбцами, чтобы устранить изъ взаимныхъ отношеній гражданъ гибельныя послѣдствія беззаконій надменнаго меньшинства,] которое въ своей алчности и вороватости не останавливалось передъ расхищеніемъ государственнаго и храмоваго достоянія, жило внутренними распрями, попирало законы и правду, за долги продавало согражданъ на чужбину или дома содержало ихъ въ кабалѣ (fg. 4, 36, Ἀθην. полит. 12). Солонъ такимъ образомъ принималъ на себя задачу не революціонера, которая нацѣренное потерпѣла бы неудачу, но восстановителя добрыхъ отношеній минувшаго времени, охранителя ихъ на будущее время. Только при этомъ пониманіи Солоновыхъ реформъ сохраняется смыслъ собственное признаніе законодателя, что онъ далъ народу столько силы, сколько подобаетъ ему, не убавляя его правъ и не приумножая ихъ (fg. 5, Ἀθην. полит. 12). Значитъ, законодатель желалъ закрѣпить за народомъ права, когда-то ему принадлежавшія, не увеличи-

вая ихъ, но и не сокращая. Демократическая конституція Солона содержала въ себѣ исконные элементы народнаго самоуправления, давая имъ только новую организацію, болѣе отвѣчавшую новымъ потребностямъ. Въ связи съ этимъ пониманіемъ Солонова законодательства получаетъ настоящій смыслъ и замѣчаніе Аристотеля, что по упраздненіи олигархіи Солонъ установилъ исконную демократію (ὀλιγαρχίαν τε γὰρ καταλῦσαι λίαν ἄκρατον οὖσαν καὶ δοουλόοντα τὸν δῆμον παύσαι καὶ δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν πάτριον. *Politic.* II 12 p. 1273b 36). Словомъ, афинскій народъ при Солонѣ не былъ бессмысленною, запуганною толпою людей, совсѣмъ непривычныхъ къ общественнымъ дѣламъ; скорѣе это были люди, живо помнившіе лучшія времена и не мирившіеся ни съ ограниченіемъ своихъ правъ, ни съ притязаніями меньшинства на исключительную власть. Хотя древняя исторія называетъ одинъ только примѣръ государства, гдѣ царское управленіе было смѣнено демократіей безъ посредства олигархіи (Полиб. II 41 *), однако несправедливо было бы думать, будто въ дѣйствительности не было другихъ такихъ же примѣровъ, будто въ политіяхъ, пережившихъ олигархію, не содержалось съ древѣйшихъ временъ условій для образованія демократіи непосредственно изъ вассаліи. Вотъ тѣ соображенія, какія частью высказывались противъ теоріи Грота, частью могли быть высказаны еще задолго до открытія Аристотелева сочиненія „Государственное устройство афинянъ“ (*Ἀθηναίων πολιτεία*). Главнымъ противникомъ Грота былъ, какъ сказано выше, Шёманъ (*Die Verfassungsgeschichte Athen's* стр. 29 сл.), позднѣйшимъ, весьма вліятельнымъ сторонникомъ его Френкель (*Die attischen Geschworenengerichte*, von *Max Fränkel*, Berl. 1877; стр. 58 сл.). Примирить обѣ теоріи старался Липциусъ (*Der attische Process*, von *M. H. E. Meier* und *G. Fr. Schömann*, neu bearbeitet von *I. H. Lipsius*, Berl. 1882—1886. См. особенно I, 1—38. 145—171).

Новооткрытій трактатъ Аристотеля, кажется, рѣшаетъ нашъ вопросъ безповоротно противъ Грота. Впервые, теперь стало ясно, что политическія реформы Солона въ направленіи демократическомъ или тимократическомъ имѣли уже предшественника въ Драконтѣ, ибо при этомъ последнемъ, да и раньше его, было въ Афинахъ и народное собраніе, и сенатъ 401-го, члены коего назначались жребіемъ и проч. (гл. 4); однако это все-таки была олигархія, такъ какъ участіе въ управленіи государствомъ вовсе не распространялось на лицъ, на имѣвшихъ своихъ средствъ на тяжелое вооруженіе. Вторыхъ, теперь яснѣе, чѣмъ было когда-либо, что политическое

безправіе народной массы слѣдовало во время олигархіи за экономическимъ раззореніемъ ея и порабощеніемъ, и потому у Солона политическимъ реформамъ предшествовало имущественное освобожденіе гражданъ и обращеніе безземельныхъ въ землевладѣльцевъ. Въ-третьихъ, судебной реформѣ предстояло положить конецъ произволу и насилиямъ богатыхъ, оградить установленный порядокъ отношеній отъ новыхъ посягательствъ, о чемъ самъ Солонъ такъ выражался въ своихъ элегіяхъ: „Опираясь на полученную власть, я благоразумно соединилъ силу съ правомъ и выполнилъ, что обѣщалъ. Написалъ я равные законы для знатныхъ и простыхъ, установилъ правый судъ для всѣхъ и каждаго“ (fr. 36. Срвн. fr. 4). Въ созваніи древняго эллина судъ равный и правый для всѣхъ предполагаетъ непосредственное участіе всѣхъ гражданъ въ отправленіи правосудія. Въ трактатѣ Аристотеля мы читаемъ: „Принадлежащимъ къ классу отцовъ онъ предоставилъ только участіе въ народномъ собраніи и въ судѣ“ (τοῖς δὲ τὸ θῆτικόν τελοῦσιν ἀκκλησίας καὶ δικαστηρίων μετέδωκε μόνον 7. Срвн. θῆτας—τῶ συνεκκλησιάζειν καὶ δικάζειν μόνον μετῆχον τῆς πολιτείας. Plut. Sol. 18). Очевидно, это и были тѣ основныя права (ἀναγκαιότατῃ δυνάμει), которыя съ этого времени объединили всѣхъ гражданъ, какъ таковыхъ, въ политическую демократическую общину, и о которыхъ говоритъ Аристотель въ „Политикѣ“ (pp. 1274 а. 1281b 31). Немного ниже философъ называетъ въ числѣ особенностей Солоновской конституціи *наиболѣе демократическимъ* (τὰ δημοτικώτατα) предоставленіе всякому желающему заступаться передъ судомъ за обижаемыхъ и апеллировать къ народному суду: „говорятъ, благодаря больше всего этому поднялось значеніе народа, ибо, разъ народъ имѣетъ въ своихъ рукахъ право верховнаго суда, онъ становится во главѣ государственнаго управленія. Къ тому же законы написаны были неточно и неясно, напримѣръ, о наслѣдствахъ и дочернихъ-наслѣдникахъ, многочисленныя препирательства поэтому были неизбежны, и всѣ дѣла какъ государственныя, такъ и частныя, стали рѣшаться народными судами“ (ἐπειτα τὸ ἐξεῖναι τῶ βουλομένῳ [δικάζεσθαι] ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων, τρίτον δὲ ((ῥ)) μάλιστα φασιν ἰσχυρῆναι τὸ πλῆθος) ἢ εἰς τὸ δικ[αστήριον] ἔφ[εσι]· κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου κύριος γίνεται τῆς πολιτείας, ἐτι δὲ καὶ τὸ μὴ γυγρ[ά]φθ[αι] τοῦς νόμους ἀπλῶς μηδὲ σαφῶς· ἀλλ’ ὥσπερ ὁ περὶ τῶν κλήρων καὶ ἐπικλήρων, ἀν[ά]γκη ἦν πολ]λὰς ἀμφισβητήσεις γίνεσθαι καὶ πάντα βραβεύειν καὶ τὰ κοινὰ καὶ τὰ δικαστήρια 9 кон.). Въ виду этихъ свидѣтельствъ не остается мѣста сомнѣнію относительно судебной правоспособности всего афинскаго народа, которому

принадлежало право—въ народномъ собраніи выбирать должностныхъ лицъ, а въ судѣ присяжныхъ контролировать и исправлять ихъ приговоры. Въ этомъ-ли исключительно состояла роль народныхъ судилицъ, или были дѣла, которыя они рѣшали въ первой и единственной инстанціи, Аристотель прямо не говоритъ; извѣстіе относительно судебной дѣятельности архонтовъ, какъ бы повторяющее упомянутое выше свидѣтельство Свиды, является въ редакціи, скорѣе отрицающей раздѣленіе слѣдствія и суда между должностными лицами и народнымъ судомъ: „Архонты при Солонѣ имѣли право рѣшать дѣла собственною властью, а не только производить предварительное слѣдствіе, какъ теперь (ἐπὶ δὲ Σόλωνος—χόριοι δ' ἦσαν (архонты) καὶ τὰς δίκας αὐτοτάλεις [χρίν]ειν, καὶ οὐχ ὥσπερ νῦν προαναχρίνειν 3 кон.). Сличая это показаніе съ тѣмъ, которое уже извѣстно намъ изъ Плутарха (Sol. 18), мы все-таки обязаны заключить, что законами Солона положено было начало тому раздѣленію слѣдственной и судебной функций (*ius* и *iudicium*), которое было неперемѣннымъ спутникомъ усиленія народа и съ нимъ вмѣстѣ народнаго суда. Въ заключительной фразѣ Плутарха ὁμοίως καὶ παρὶ ἐκείνωνъ Шеманъ и Дипсіусъ справедливо усматриваютъ указаніе на то, что при Солонѣ были и такія дѣла, которыя должностными лицами (αἱ ἀρχαί) не рѣшались въ первой инстанціи. Потомъ, весьма вѣроятно, что начало раздѣленія функций было сдѣлано не съ архонтовъ, но съ менѣе значительныхъ должностей (τὰς ἄλλας ἀρχάς τὰς ἐλάττως), которыя Аристотель приурочиваетъ уже ко времени Драконта (гл. 4). Наконецъ, право народнаго судилища принимать жалобы на рѣшенія должностныхъ лицъ упоминается главнымъ образомъ какъ выраженіе народнаго суверенитета, но едва-ли оно исключаетъ собою меньшее право рѣшать дѣла въ первой инстанціи, хотя бы въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ другомъ мѣстѣ философъ называетъ членовъ народнаго собранія и суда носителями наибольшей, верховной власти въ государствѣ (Polit. III 1 р. 1275a ж), и потому о Солонѣ, давшемъ эту власть всѣмъ классамъ народа, онъ говоритъ въ нашемъ трактатѣ какъ о первомъ предстателѣ и вождѣ народа, и отъ него ведетъ начало аѣинской демократіи (Ἀθῆν. πολιτ. 2, 28 нач., 41).

Къ сожалѣнію, и въ новооткрытомъ сочиненіи не содержится отвѣта на многіе вопросы касательно суда присяжныхъ въ Аѣинахъ о численности судей при Солонѣ, о способѣ назначенія или избранія ихъ, о порядкѣ судопроизводства и проч. и проч., о послѣдова-
тельныхъ перемѣнахъ въ организаціи и кругѣ дѣятельности суда

вызывавшихся къ жизни по мѣрѣ усиленія димоса и расширенія вліянія республики далеко за предѣлы Аттики. Кажется, 478 годъ, время образованія дилосскаго союза, былъ новымъ эрой въ судьбѣ афинскаго суда присяжныхъ: Афины стали сильной морской державой, въ афинской казнѣ собирались большія средства, которыя привлекали народъ изъ деревень въ городъ и побуждали его искать оплачиваемой казною государственной службы. Новый періодъ закончился реформами Эфіальта и Перикла, когда ареопажъ лишенъ былъ многихъ правъ, которыя перешли теперь частью къ Совѣту пятисотъ, частью къ суду присяжныхъ. Периклъ же ввелъ и жалованье присяжнымъ судьямъ, которыхъ, по свидѣтельству Аристотеля, было 6,000 человекъ (гл. 23, 24, 25, 27). „Судъ отъ этого ухудшился, жалуются нѣкоторые“,—такъ замѣчаетъ философъ, „ибо къ избирательной урнѣ тѣснились все больше люди ничтожные, а достойные держались въ сторонѣ (ἀφ' ὧν αἰτιώμεναι τινες χεῖρω γένεσθαι, κληρονομήων ἐπιμελῶς ἀεὶ μᾶλλον τῶν τοῦόντων ἢ τῶν ἀπαικῶν ἀνδράων 27 кон. Срвн. Ροήτις VI (IV) 6 p. 1293a e). Затѣмъ начали и подкупать судей, первый примѣръ чего подалъ Аниѣ послѣ командованія подъ Пиломъ: привлеченный къ отвѣтственности за потерю Пила, онъ подкупилъ судъ и потому былъ оправданъ“ (ibid.) ¹⁾. Послѣдній періодъ наступилъ послѣ двухъ переворотовъ, четырехсотъ и тридцати тирановъ, въ 403 года до Р. X., когда пронаведенъ былъ общій пересмотръ конститудіи; „народъ“, по словамъ Аристотеля, „сдѣлалъ себя всевластнымъ господиномъ, и все управляется постановленіями народнаго собранія и рѣшеніями судовъ, въ которыхъ главенство принадлежитъ народу, ибо и отъ Совѣта пятисотъ юрисдикція перешла къ народу“ (41).

Итакъ, съ открытіемъ Аристотелева сочиненія можно считать достаточно установленными слѣдующія положенія: судъ присяжныхъ въ Афинахъ (τὸ δικάστηριον ἀπάντων) возникъ въ силу законовъ Солона, какъ необходимая часть его демократической конститудіи. Первое время юрисдикція этого суда состояла *главнымъ образомъ* въ рѣшеніи дѣлъ по жалобамъ на приговоры должностныхъ лицъ, не исключая архонтовъ, а также въ оцѣнѣ судебной дѣятельности

¹⁾ Неудачныя дѣйствія Аниѣа подъ Пиломъ, который взятъ былъ Демосеевомъ въ 426 году, относятся къ 409 году до Р. X. Diod. Sic. XIII 64, Plut. Coriol. c. 14. Раньше это извѣстіе Аристотеля объ Аниѣа было извѣстно благодаря цитатѣ Ариократіона п. сл. θεκίζων.

этихъ лицъ по истеченіи срока службы ихъ; съ теченіемъ времени по мѣрѣ обогащенія государства и усиленія народа мало-по-малу перешли къ суду присяжныхъ почти всѣ дѣла, входившія прежде въ компетенцію различныхъ вѣдомствъ и коллегій, не исключая Совѣта пятисотъ и ареопага, такъ что къ IV вѣку до Р. Х. народъ сталъ въ дѣйствительности вершителемъ всѣхъ дѣлъ въ государствѣ, что въ принципѣ привнано было за нимъ уже и въ законахъ Солона. Заключая по аналогіи съ прочими Солоновскими учрежденіями, а равно съ организаціей народнаго суда позднѣйшаго времени, слѣдуетъ полагать, что въ основѣ судебной организаціи лежало дѣленіе Атики на четыре филы.

2. До недавняго времени въ наукѣ, начиная отъ Маттіе ¹⁾, безраздѣльно господствовало убѣжденіе, что въ афинской демократіи ежегодно происходило назначеніе жребіемъ 6000 гражданъ въ геліасты, по 600 отъ каждой изъ десяти филъ. Изъ этого числа только 5000 распредѣлялись по-ровну между десятью секціями или палатами (δικαστήρια). Остальная тысяча образовала собою запасъ, изъ коего пополнялись недостающіе по какимъ-либо причинамъ до полного комплекта въ той или другой секціи. По жребію секціи распредѣлялись между отдѣльными вѣдомствами, на долю которыхъ выпадало судить въ назначенный день.

Противъ господствующаго воззрѣнія рѣшительно выступилъ 25 лѣтъ тому назадъ Максъ Френкель въ упомянутомъ изслѣдованіи „Суды присяжныхъ въ Атикѣ“. Общихъ выборовъ въ геліасты вовсе не было; не было установлено ни 6000, ни какого-либо иного опредѣленнаго числа для этого общаго собранія судей; напротивъ, всѣ граждане по достиженіи 30-лѣтняго возраста, если только они обладали полною гражданскихъ правъ и не состояли въ долгу передъ государствомъ, могли быть записаны въ присяжные судьи безъ всякихъ выборовъ или жеребьеванія: требовалось только со стороны желающаго заявленіе о своемъ желаніи подлежащей власти. Изъ этой массы полноправныхъ гражданъ старше 30 лѣтъ жребіемъ выбирались судьи въ отдѣльныя секціи, которыхъ было десять, въ равномъ числѣ на каждую; самыя секціи, тоже съ помощью жребія, распредѣлялись между судебными мѣстами, которыя раньше собственною

¹⁾ Matthiae, De judiciis Atheniensium: Miscellanea philologica I 261. Altenb. 1803. Прочая литература показана у М. Френкеля Die attischen Geschworenengerichte, стр. 2.

властью и разсѣдывали относящіеся къ нимъ дѣла, и судили привлеченныхъ къ слѣдствію, и постановляли по дѣламъ приговоры. Въ разные годы число гражданъ, записанныхъ въ списки гелиастовъ, было не одинаково; не одинакова, значить, въ разные годы была и численность судебныхъ секцій. Но число всѣхъ гелиастовъ едва-ли могло когда-нибудь доходить до 6,000, если принять во вниманіе общее малолюдство гражданъ Аттики (20—25 и наибольше 30,000 человекъ) и всѣ тѣ извѣстія, какія въ дѣйствительности имѣли мѣсто necessarily изъ всего гражданского населенія, прежде чѣмъ получить среду, изъ которой набирались гелиасты: вопервыхъ, всѣ граждане моложе 30-лѣтъ, вовторыхъ, всѣ, по приговору суда лишенные какихъ-либо гражданскихъ правъ, втретьихъ, члены Совѣта пятисотъ, многочисленныя должностныя лица, богатые люди, обыкновенно уклонявшіеся отъ подобнаго рода общественной службы въ демократіяхъ и т. д. и т. д. За вычетомъ всѣхъ этихъ разрядовъ, 6000 гелиастовъ на Аттику представляется нашему автору рѣшительно невѣроятнымъ количествомъ. Оно должно было быть гораздо меньше; меньше оно было и пяти тысячъ. Слѣдовательно, и въ каждой секціи было на самомъ дѣлѣ меньше 500 человекъ.

Не довольствуясь изобличеніемъ внутренней неправдоподобности ранѣ господствовавшаго ученія, Френкель старается подорвать самое значеніе древнихъ свидѣтельствъ, на которыхъ ученіе это опиралось. Такъ, отмѣтивши молчаніе аттическихъ ораторовъ о выборѣ присяжныхъ судей при помощи жребія, онъ и въ словахъ Аристофановскаго героя Вделиклеона, гдѣ рѣчь идетъ о 6000 гелиастовъ, видитъ не подтвержденіе, а скорѣе опроверженіе осуждаемой имъ прежней теоріи. „Всего у насъ доходовъ около двухъ тысячъ талантовъ“, говоритъ юноша отцу, Филоклеону. „Вычти отсюда ежегодное жалованье судьямъ, нашимъ шести тысячамъ, — вѣдь больше не бывало еще судей въ нашей странѣ, и на это получится полтора ста талантовъ“¹⁾. Френкель не находитъ въ словахъ Вделиклеона ни малѣйшаго намека на то, чтобы цифра 6000 представляла собою величину постоянную, неизмѣнную, ни даже просто реальную; цифра

1) „Осм“ 680 сл.: τοῦτων πλήρωμα τάλαντ' ἔγχε διαχίλια γίγνεται ἡμῖν.

ἀπὸ τοῦτου νυν κατὰθερ μισθὸν τοῖσι δικασταῖς ἐν αὐτοῦ, ἔξ χιλιάσιν, — κοῦπω πλείους ἐν τῇ χώρῃ κατένασθαι, — γίγνεται ἡμῖν ἑκατὸν δῆπου καὶ πεντήκοντα τάλαντα.

эта позаимствована, по вольности поэтической, изъ другой сферы государственныхъ отправлений, изъ общенароднаго собранія, въ рѣшеніяхъ котораго по извѣстнымъ вопросамъ должно было участвовать не менѣе 6000 гражданъ; въ этихъ случаяхъ 6000 — сама община, какъ цѣлое, какъ весь народъ. Такимъ образомъ, 6000 судей у Аристофана — это тотъ воображаемый предѣльный максимумъ, съ которымъ соединялось понятіе обо всемъ афинскомъ гражданствѣ, по который оттого не переставалъ быть фикціей, на дѣлѣ никогда не осуществлявшейся. Отсюда-то и желаетъ объяснить Френкель выраженіе Лисія, сохраненное Арпократіономъ, что „на горѣ Ардитѣ давали всенародно судебную присягу *всѣ* афиняне“. 6000 и „*всѣ* афиняне“ термины равнозначительные и по отношенію къ суду присяжныхъ равно фиктивные. Однако, кромѣ Аристофана, есть еще свидѣтельство Андокида о 6000 судей, рѣшавшихъ дѣло Спевсиппа по обвиненію его въ противозаконности предложенія; но по увѣренію Френкеля дѣло это разбиралось не передъ судомъ гелиастовъ, но въ народномъ собраніи. Слѣдовательно, извѣстіе Андокида никакого отношенія къ суду присяжныхъ не имѣетъ.

Фиктивностью общей цифры обуславливается у Френкеля и фиктивность засвидѣтельствованной численности отдѣльных судебныхъ камеръ. Число 500 для каждой камеры, о которомъ говорятъ и Демосѣенъ, и Полидевкъ, гораздо ниже дѣйствительнаго; для реализаціи этой нормы гражданамъ дозволялось баллотироваться одновременно въ нѣсколько камеръ, подтвержденіе чего онъ находятъ въ Аристофановой комедіи „Богатство“, ст. 1164 сл., въ словахъ раба Каріона. Къ собственнымъ членамъ камеры прибавлялись дополнительные, охотники, изъ другихъ камеръ, и этимъ путемъ получалась та видимая равномерность въ распредѣленіи гелиастовъ между десятью камерами и численность каждой изъ нихъ въ 500 человекъ, каковыя на самомъ дѣлѣ были не болѣе, какъ фикціи. Аргументація Френкеля исключаетъ всякую необходимость запасной 1000 гелиастовъ въ дополненіе къ раздѣленнымъ между десятью камерами 5000,—той тысячи, о которой совсѣмъ молчатъ и древніе свидѣтели.

Таковъ смыслъ гипотезы Френкеля, изложенной съ большимъ остроуміемъ (ор. с. 1 сл., 88 сл., 93 сл.). Она вызвала серьезныя возраженія со стороны Липсіуса (*Bursian's Jahresbericht* XV B. 1880. стр. 294—309. *Der attische Process*, стр. 14 сл., 146 сл.), раздѣляемаго Кальме (*E. Caillemet*, *Dictionn. des antiquités* подъ сл. *Dika-stai*) и Бузольтомъ въ его Очеркѣ греческихъ древностей (§§ 129, 195,

200 — 202). Въ виду категорическихъ свидѣтельствъ Аристотеля о дарованіи Солономъ афинянамъ народнаго суда съ назначеніемъ судей по жребію (τὸ δικαστήριον πάντων κληρωτὸν ὃν Politic. II 12(9)2 p. 1274 а нач.) и Полидевка о жеребьеваніи судей коллегіей девяти архонтовъ (κοινῇ μὲν ἔχουσιν ἐξουσίαν — κληροῦν δικαστάς VIII 86—87), ученые эти стараются примирить Шёмана съ Френкелемъ и доказать слѣдующее среднее положеніе: первоначально число присяжныхъ судей въ Афинахъ было ограничено, назначались они жребіемъ подлѣ наблюденіемъ архонтовъ; съ теченіемъ времени, когда число процессовъ увеличилось, и значеніе народа поднялось, допускаемы были къ отправленію правосудія всѣ граждане извѣстнаго возраста безъ участія жребія, изъ всей же этой совокупности гражданъ-геліастовъ составлялись путемъ жребія десять камеръ. Только что упомянутыя выраженія κληροῦν и κληρωτὸν Шёманъ и Липсіусъ относятъ къ составленію общаго списка геліастовъ жеребьеваніемъ, а не къ распредѣленію гражданъ-геліастовъ посредствомъ жребія между десятью камерами, какъ утверждаетъ Френкель, и не къ приуроченію отдѣльныхъ камеръ къ опредѣленнымъ вѣдомствамъ для разбора дѣлъ. Выраженія Аристотеля и Полидевка означаютъ, по мнѣнію Френкеля, то же самое, что и слова того же Полидевка о распредѣленіи камеръ между вѣдомствами (ταῖς ἀρχαῖς ἐπικληρωθεὶς τὰ δικαστήρια—весмоветъ — VIII 88), и надпись IV вѣка о томъ же предметѣ (ἐπιμελεῖται δὲ — весмоветъ—καὶ τῆς κληρώσεως τῶν δικαστηρίων CIA II *adl. nova* 567 b).

Новообрѣтенный трактатъ Аристотеля знаетъ, во первыхъ, 6.000 геліастовъ при Периклѣ, какъ величину реальную, а не фиктивную; 6.000 судей приходятся на 20.000 гражданского населенія Аттики, тогда какъ по мнѣнію Френкеля такое число судей даже на 30.000 гражданъ было-бы невозможно велико. Чтобы со времени Перикла число геліастовъ уменьшилось, хотя бы къ тому времени, когда авторъ писалъ свой трактатъ, объ этомъ у Аристотеля нѣтъ ни слова (гл. 24). Цифра 6.000 стоитъ въ сочиненіи наряду съ другими цифрами столь же реальными: 1.600 стрѣлковъ и проч. Вотъ ихъ, большое число судей оказывается въ причинной связи съ приливомъ гражданъ изъ деревень въ городъ и съ назначеніемъ судьямъ жалованья, что стало возможно съ обогащеніемъ государственной казны послѣ перенесенія союзнической кассы съ Дилоса въ Афины (456/4 г. до Р. Хр.). Подтверждаются замѣчанія Аристофановскаго Евельпида и схолиаста о нерасположеніи деревенскихъ жителей къ судамъ. Втретьихъ, назна-

ченіе жалованья повліяло на составъ судовъ: съ этого времени, по словамъ Аристотеля, „все больше спѣшили къ избирательнымъ урнамъ люди ничтожныя, а достойныя воздерживались“ (гл. 27). Та-же мысль о воздержаніи богатыхъ отъ участія въ народномъ собраніи и судѣ въ демократіи четвертаго разряда выражена Аристотелемъ въ другомъ сочиненіи (Polit. VI (IV) 6 р. 1293а 7). Наконецъ, изъ словъ Аристотеля можно заключить съ вѣроятностью, что 6.000 составляетъ тотъ максимальный предѣлъ, до котораго по мѣрѣ усиленія и обогащенія афинской республики дошло. ко времени Перикла число гелиастовъ. Чего-либо фиктивнаго въ этомъ числѣ нѣтъ. Намъ кажется, и слова Аристофановскаго Вделиклеона, составляющія кардинальный пунктъ аргументаціи Френкеля, *ὅτι πῶς πλείους ἐν τῇ χώρα κατένασθεν*, не содержатъ въ себѣ ничего другаго, менѣе всего указаніе на то, будто 6.000 гелиастовъ никогда не было въ Атикѣ и быть не могло. Герой комедіи говоритъ ясно: „Никогда еще не было въ нашей странѣ *больше 6.000 судей*“, — а вовсе не то, что нѣтъ и никогда не было *этого самаго* числа. Ссылка Френкеля на практику народного собранія ничего не доказываетъ: 6.000 въ народномъ собраніи и 6.000 судей — разныя величины и разнаго состава; потомъ, 6.000 въ народномъ собраніи — величина вполне реальная; такого же свойства должны быть и 6.000 судей, и намъ не будетъ нужды принимать и другую фикцію: фиктивные 500 человекъ въ каждой изъ судебныхъ камеръ.

Труднѣе рѣшить на основаніи того-же сочиненія дальнѣйшіе вопросы относительно суда присяжныхъ въ Афинахъ. Учрежденіе это упоминается много разъ въ сочиненіи и, что авторъ придавалъ большое значеніе роли народного суда въ общественной жизни, видно изъ того между прочимъ, что ему отведена значительная доля всего сочиненія, заключительная. Къ сожалѣнію, до насъ дошло лишь начало этой части, все прочее сохранилось въ не поддающихся связному восстановленію отрывкахъ.

Въ послѣдней изъ уцѣлѣвшихъ главъ есть такая фраза: „судьями могутъ быть всѣ тѣ изъ гражданъ, перешедшихъ за тридцатилѣтній возрастъ, которые не состоятъ въ долгу передъ государствомъ и не лишены гражданскихъ правъ“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ нѣтъ указаній

¹⁾ I'x. 68. δικάζειν δ' ἔξεστιν τοῖς ὑπὲρ λ' ἐτη γέγονασιν, δοσι αὐτῶν μὴ ἀφείλουσιν τῷ δημοσίῳ ἢ ἀτιμοὶ εἶναι. Справ. Полид. VIII 122: ἰδὶκαζον δ' οἱ ὑπὲρ τριάκοντα ἐτη ἔχ τῶν ἐπιτίμων καὶ μὴ ἀφαιλούμενων τῷ δημοσίῳ.

на жребій, съ помощью коего набирались бы гелиасты въ числѣ шести ли тысячъ, или въ какомъ-нибудь другомъ; какъ будто и въ самомъ дѣлѣ всѣ граждане, удовлетворявшіе извѣстнымъ условіямъ, тѣмъ самымъ получали право записываться въ судьи безъ дальнѣйшаго разбора и ограниченія (срав. Франкеля *op. c.* стр. 20: Also ergiebt sich, dass jeder Athener über dreissig Jahre von selbst Heliast war und sich zur Uebernahme des Amtes nur bei der zuständigen Behörde, den neun Archonten, zu melden nötig hatte, welche ihn nach Prüfung seiner Legitimation—in die Listen der Richter eintragen liessen.).

За то въ этихъ словахъ не содержится тоже и намекъ на тотъ порядокъ зачисленія гражданъ въ судьи при участіи архонтовъ или оесмооетовъ, на какомъ настаиваетъ Франкель. Если всѣ извѣстія о жребіи относятся или къ распредѣленію гелиастовъ между десятью секціями, или къ приуроченію ихъ къ опредѣленнымъ судебнымъ мѣстамъ, то гдѣ же, у ораторовъ, Аристотеля, у Аристофана или его схолиастовъ, тѣ извѣстія, которые относились бы къ начальному акту составленія общаго списка гелиастовъ? Ни одного изъ такихъ извѣстій Франкель не называетъ. Напротивъ, къ этому, а не къ другому какому-либо акту, относится приведенное выше замѣчаніе Аристотеля о томъ, что со времени назначенія жалованья судьямъ „къ избирательной урнѣ тѣснились все больше (*κλῆροορέων ἐπικλῶ; αἱ μᾶλλον* 27) люди ничтожные“. Неужели можно допустить, что рѣчь идетъ при этомъ объ уклоненіи отъ исполненія обязанностей, уже на себя разъ принятыхъ исполнѣя добровольно? Да и самое отправленіе правосудія было бы до крайности затруднено, если не совсѣмъ приостановлено, въ странѣ, гдѣ никогда нельзя было бы рассчитывать, что стояшіе въ спискахъ судьи дѣйствительно явятся къ разбору дѣлъ, что изъ списковъ въ рѣшительный моментъ и безнаказанно не выбудутъ многіе судьи и проч. и проч.? Аристотелевское выраженіе *κλῆροορέων*—*τῶν τοῦόντων*—*τῶν ἐπικλῶν* обязательно относитъ къ упоминаемымъ имъ 6.000 гелиастовъ и къ выбору ихъ жребіемъ изъ всей массы полноправныхъ гражданъ старше опредѣленнаго возраста. *Всѣ* граждане безъ различія по классамъ, безъ какого-либо инаго цепза, перешедшіе 30-ти-лѣтній возрастъ и сохранившіе въ полнотѣ свои права гражданина, могли идти къ избирательной урнѣ и попасть по волѣ жребія въ судьи. Никакого другаго значенія слова Аристотеля имѣть не могутъ; тѣ же самые суды присяжныхъ въ его „Политикѣ“ назывались *δικαστήρια ἐκ πάντων, δικαστήριον πάντων*. Теперь едва ли остается какое-нибудь основаніе къ тому, чтобы отрицать реальность числа 6.000

судей и придавать ему особенный, *принципальный* смыслъ всего афинскаго народа (Fränkel о. с. 14 сл.), къ тому, чтобы видѣть въ этомъ числѣ только условный терминъ, подъ которымъ обязательно разумѣть все афинское гражданство. Правда, Френкель усматриваетъ сгбдъ предполагаемаго имъ порядка въ словахъ, сохраненныхъ Ариократиономъ, о томъ, что „на горѣ Ардиттѣ ежегодно всѣ афиняне давали во имя государства судебную присягу“ (о. с. 20). Но мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно словамъ πάντες Ἀθηναῖοι приписать желательный Френкелю смыслъ: что *не все* граждане, а только старше известнаго возраста, могли быть судьями, что и изъ этихъ послѣднихъ далеко не всѣ шли въ суды, что за многочисленными изъятиями оставалось кандидатовъ въ суды меньше не только шести, но даже пяти тысячъ человекъ, — всѣ эти положенія, усердно отстаиваемыя Френкелемъ, исключаютъ его толкованіе, по смыслу котораго πάντες Ἀθηναῖοι означаютъ будто бы отсутствіе жребія при составленіи общаго списка гелистовъ, право гражданъ записываться въ гелиасты, но не *всѣхъ* гражданъ, а лишь пятой-шестой части ихъ! По нашему, πάντες Ἀθηναῖοι означаетъ не что другое, какъ доступъ всѣхъ афинянъ старше известнаго возраста и пользующихся полнотою гражданскихъ правъ идти къ избирательной урнѣ.

Этого однако мало. Въ той же „Полиѣ“ въ главѣ о есμοеетахъ, — они же архонты, — мы читаемъ: „девять архонтовъ, десятый секретарь есμοеетовъ выбираютъ жребіемъ всѣхъ судей, каждый судей изъ своей филы“ (τοὺς δὲ δικαστὰς κληροῦσι πάντας οἱ ἐννέα ἄρχοντες, δέκατος δ' ὁ γραμματεὺς ὁ τῶν θεσμοθετῶν, τοὺς τῆς αὐτοῦ φυλῆς ἕκαστος 59) ¹⁾. То же самое известно было раньше изъ схолий къ Аристофановымъ „Осамъ“ (γ. 772): θεσμοθέται καὶ δέκατος ὁ γραμματεὺς κληροῦσι τοὺς δικαστὰς τοὺς τῆς αὐτῆς (вмѣсто αὐτοῦ) φυλῆς ἕκαστος ²⁾. Свидѣтельство о томъ же изъ Полидеяка приведено нами выше (οἱ ἐννέα ἄρχοντες—ἐχούσιν ἐξουσίαν—κληροῦν δικαστὰς VIII 86—87). Нельзя, намъ кажется, сомнѣваться, что эти выраженія о метавіи жребія относятся къ тому же самому акту выбора общаго числа судей посредствомъ жеребьеванія, намекъ на который содержится въ концѣ главы 27 „Полиѣ“.

¹⁾ Есμοееты, секретарь ихъ и три архонта выбирались по филамъ, каждый изъ одной филы. Ibid. 55.

²⁾ Объ этой самой схолиі Липсійсъ не такъ давно еще писалъ: „kein Verlass ist auf Schol. zu“ и проч. (Att. Proc. стр. 148 прим. 3).

Все-таки 6.000 гелиастовъ представляются намъ максимальнымъ числомъ, находящимся въ зависимости отъ множества собственно городского населенія и отъ блестящаго состоянія кассы. Раньше Перикла оно едва ли было такъ значительно; удержалось ли оно послѣ, по крайней мѣрѣ съ конца V и въ IV вѣкѣ,—объ этомъ нѣтъ у насъ прямыхъ указаній. Однако довольно многочисленныя свѣдѣтельства, идущія изъ IV вѣка, о численности каждой изъ судебныхъ секцій въ 500 человекъ и полное отсутствіе указаній на существованіе запасной тысячи, или на 6.000 человекъ въ IV вѣкѣ, скорѣе приводятъ къ заключенію, что общее число судей въ Афинахъ послѣ пережитыхъ въ V вѣкѣ катастрофъ сократилось.

3. Новооткрытое сочиненіе идетъ въ разрѣзъ съ господствующимъ въ наукѣ мнѣніемъ о дѣленіи общаго числа гелиастовъ на десять палатъ безъ всякаго отношенія ихъ къ филамъ. Выше мы видѣли, что гелиасты набирались жребіемъ по филамъ подъ наблюденіемъ девяти архонтовъ и десятаго—секретаря. Въ послѣдней главѣ „Политіи“ мы находимъ замѣчаніе, что судьи дѣлились на десять частей по филамъ, при чемъ въ каждомъ отдѣленіи, обозначенномъ буквою алфавита, было приблизительно одинаковое число судей“ (νεμεῖνται γὰρ κατὰ φυλὰς δέκα μέρη οἱ δικασταί, παραπλησίως ἴσοι ἐν ἑκάστῃ τῇ γράμματι 59). Объ участіи жребія при составленіи десяти палатъ нѣтъ въ трактатѣ ни одного слова, какъ нельзя открыть указаній на этотъ жребій ни въ одномъ древнемъ источникѣ. Напротивъ, и Аристофановскіе схоласти, и неизвѣстный грамматикъ говорили намъ о зависимости распредѣленія судей по палатамъ отъ филъ. Такъ, skol. на „Вогатство“ 277: ἔρχεται ἑκαστος εἰς τὸ δικαστήριον πινάκιον ἔχων ἐπιγεγραμμένον τὸ δνομα αὐτοῦ καὶ πατρόθεν καὶ τοῦ ζήμου καὶ γράμμα ἐν τι μέχρι τοῦ κ, διὰ τὸ πάλαι δέκα φυλὰς εἶναι Ἀθῆναι, διήρηντο γὰρ κατὰ φυλὰς. Срвн. v. 1166, skol. на „Осы“ 772, Bekkeri Anecd. I p. 262, 10 п. сл. ἡλιαία: ἦν δὲ χίλιον πενταχόσιον καὶ ἑνός. συνήσαν δὲ οἱ μὲν χίλιοι πενταχόσιοι ἐκ τριῶν φυλῶν. Ссылаясь на слова Демосфена (прот. Тимокр. p. 702, 24), Полидевка (VIII 124) и Арпокротона (ἡλιαία), Шёманъ убѣдительно доказывалъ, что и Аристофановскіе схоласти, и неизвѣстный грамматикъ ошиблись, спутавши филы съ секціями, потому что тѣхъ и другихъ было по десяти (Dissertatio de sortitione iudicum apud Athenienses, 1820, pp. 16, 20—23. Opusc. Acad. I [1856] pp. 209, 213). Аргументація Шёмана, повидимому, рѣшала вопросъ окончательно, тѣмъ болѣе, что къ подтвержденію ея служили подлинные бронзовыя дощечки военныхъ

судей (κινάκια), дошедшія до насъ въ числѣ нѣсколькихъ десятиковъ. Между дощечками есть и такія, обладатели конхъ, входя въ составъ одной и той же палаты, принадлежали различнымъ филамъ (CIA II 2 пп. 875—878. *Girard, Bulletin de corresp. hellén.* II [1877] p. 523 сл.). Однако къ безвѣстнымъ грамматикамъ прибавился теперь авторитетный свидѣтель, говорящій о порядкѣ ему современномъ. Что раздѣленіе судей по филамъ есть именно то самое распредѣленіе между десятью секціями, которое до сихъ поръ почиталось совершенно независимымъ отъ филъ, явствуетъ съ несомнѣнностью изъ словъ того же автора, непосредственно предшествующихъ тѣмъ, которыя мы привели выше изъ 63-й главы: „каждый судья имѣетъ буквою дощечку съ начертанными на ней именами—его собственнымъ, отца его и дѣда, а также съ одною изъ буквъ алфавита до К“¹⁾. Къ этимъ то словамъ и слѣдуетъ поясненіе о раздѣленіи судей по филамъ съ наименованіемъ каждого дѣленія особой буквой алфавита, отъ А до К. Это тѣ самыя дѣленія гелиастовъ, на которыя есть указанія въ „Женскомъ народномъ собраніи“ Аристофана (v. 682 сл.) и во многихъ сколіяхъ къ Аристофану (Plut. 277. Schœmann Op. acad. I 208 сл.). Едва-ли въ виду этого можетъ долѣе удерживаться мнѣніе Френкеля, будто закономъ дозволялось одному и тому же лицу вступить въ нѣсколько секцій за-разъ (о. с. 98 сл.). Напрасно также Кеніонъ навязываетъ словамъ нашего свидѣтеля обратный смыслъ, тотъ именно, что секціи были смѣшаннаго состава и въ каждой изъ нихъ филы представлены были почти равномерно²⁾. О группировкѣ гелиастовъ по филамъ говорить, недостаточно ясное въ другихъ отношеніяхъ, замѣчаніе Аристотеля объ обязанностяхъ полемарха (δεῖ τοῦτον λαβόντα καὶ διανείμαντα δέκα μέρη, τὸ λαχὼν ἑκάστῃ τῇ φυλῇ μέρος προσιβαίνει, τοὺς δὲ τὴν φυλὴν διχάζοντας 58), и въ особенности начало 63-й главы, касающееся процедуры образованія судилищъ и распредѣленія секцій между ними. Но прежде всего не-

¹⁾ ἔχει δ' ἑκάστος δικαστὴς κινάκιον πόστινον, ἐπιγεγραμμένον τὸ ὄνομα τὸ αὐτοῦ πατρὸς καὶ τοῦ μητρὸς καὶ γράμ[μα] ἐν τῶν στοιχείων μέχρι τοῦ κ.

²⁾ Стр. 159 прим. „γενέμενται γὰρ κατὰ φυλὰς δέκα μέρη κтл. this does not mean that each group consisted of members of a single tribe, which is inconsistent with all the evidence we have on the subject and is disproved by the existing κινάκια or dicast's tickets, of which a considerable number have been found in recent years, and on which members of different tribes appear as belonging to the same group. The meaning is, on the contrary, that each group contained, wrongly speaking, an equal number of representatives from each of the ten tribes“.

обходимо замѣтить, что слова τὰ δικαστήρια [x]λη[ροῦν] (если не πληροῦν) οἱ θ' ἄρχοντες не имѣютъ здѣсь того значенія, въ какомъ передаютъ ихъ Кайбель и Кисслингъ („die Geschworenen werden von den neun Archonten ausgelooſt“), а также почтенный русскій переводчикъ г. Шубинъ („судей выбираютъ жребіемъ 9 архонтовъ“). Все дальнѣйшее изложеніе не оставляетъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ не объ этомъ, а о распредѣленіи геліастовъ между судилищами, или вѣдомствами, въ которыхъ въ назначенный день долженъ былъ происходить разборъ дѣлъ. Дни для судебного разбирательства назначались по распоряженію еесмоетовъ (Ἀθην. полит. 59 нач., Полид. VIII 87. 88); еесмоеты же распредѣляли дѣла между вѣдомствами на основаніи самыхъ свойствъ того или другаго дѣла, тѣхъ признаковъ, по которымъ раньше дѣла разбирались и рѣшались окончательно опредѣленными должностными лицами или коллегіями (οἱ δὲ θεσμοθεταί—οἱ χόριοι—τοῦ δοῦναι ταῖς ἀρχαῖς· καθότι γὰρ ἂν οὗτοι δῶζιν, κατὰ τοῦτο χρῶνται. Ἀθην. полит. 59). Имъ же принадлежало и наблюденіе за правильностью составленія судилищъ изъ наличнаго количества геліастовъ при помощи жребія, что было извѣстно раньше изъ Полидевка (ταῖς ἀρχαῖς ἐπικληροῦσι—еесмоеты—τὰ δικαστήρια τὰ ἴδια καὶ τὰ δημόσια VIII 88) и теперь подтверждается Аристотелемъ (ἐπικληροῦσι ταῖς ἀρχαῖς πάντα δικαστήρια τὰ ἴδια καὶ τὰ δημόσια 59 серед.).

Какія судебныя дѣла будетъ разбирать тотъ или другой составъ присяжныхъ судей, въ какомъ судебномъ вѣдомствѣ будетъ засѣдать—это оставалось неизвѣстнымъ до самаго момента образованія судилищъ и открытія судопроизводства. Если обычное число судей и было 500, то-есть, если во многихъ случаяхъ судъ составлялся изъ всѣхъ членовъ секціи, она же фила, то было не мало и такихъ дѣлъ, для разбора которыхъ требовалось судей или меньше этого числа, — 201, 401,—или больше: 1001, 1501, 2001, 2501, или въ исключительныхъ случаяхъ вся наличность геліастовъ. Техническимъ терминомъ для образованія судилищъ служило выраженіе πληροῦν τὰ δικαστήρια, засвидѣтельствованное нѣсколькими надписями (CІА II nn. 395, 396, 401, 402, 427, 429, 455), Полидевкомъ (τῶν δὲ θεσμοθετῶν πληροῦντων τὸ δικαστήριον VIII 123 кон., ἐπληρωθῇ τὸ δικαστήριον 148) и теперь Аристотелемъ (τὰ δικαστήρια πληρωθήσεσθαι 63 серед. Сравни главу 53 серед. Fränkel, op. c. 103 сл.)¹⁾. Какъ секція геліастовъ, такъ и

¹⁾ Мы думаемъ, что въ схолии къ „Богатству“ ст. 277 вмѣсто κληροῦσθαι (τοῖς μέλλουσι κληροῦσθαι δικαστήρις) должно быть восстановлено πληροῦσθαι по аналогіи съ Аристотелемъ βασιλεὺς ἂν μέλλῃ τὰ δικαστήρια πληρωθήσεσθαι.

судилища назывались *дикастеріями*, обозначались буквами алфавита, почему тѣ и другія назывались еще *буквами* (γράμματα): γράμμα Α, γράμμα Β и т. д., или δικαστήριον Α, δικαστήριον Β и т. д.¹⁾ Большинство сохранившихся извѣстій о дикастеріяхъ относится къ судилищамъ, къ ихъ численности и составу, къ ихъ жеребьеванію, а не къ секціямъ гелиастовъ. Понятно, что позднѣйшіе грамматики, незнакомые достаточно съ организаціей афинскихъ судовъ присяжныхъ, путались въ двойственности однихъ и тѣхъ же названій, съ судилищъ многое переноса на секціи и наоборотъ. Въ результатѣ получилось, кромѣ скудости извѣстій, накопленіе разнородныхъ данныхъ, смѣсь во-едино извѣстій и объясненій къ нимъ. Относительно множества подробностей судебной организаціи мы остаемся въ неясности, изъ какихъ бы положеній мы ни исходили.

Такъ разказываетъ Аристотель объ образованіи судилищъ: „девать архонтовъ по одному на филу, а на десятую секретарь еесмоетовъ назначаютъ съ помощью жребія судилища. Входовъ въ судебныя мѣста десять, для каждой филы по одному, пунктовъ для метанія жребія двадцать, по два на каждую филу, а также сто ящиковъ по десяти на филу и десять другихъ ящиковъ (*тоже въ зависимости отъ числа филы*), въ которые выбранные жребіемъ судьи выдаютъ свои дощечки. У каждого входа поставлены двѣ урны и положены посохи какъ разъ по числу судей; въ урну выдаютъся желуды въ количествѣ, равномъ числу посоховъ; на желудяхъ начертаны буквы алфавита, начиная съ одинадцатой, Λ, въ такомъ именно количествѣ, въ какомъ необходимо образовать судилища“²⁾. Не взирая на краткость и неясность этого мѣста, изъ него слѣдуетъ неоспоримо, что при образованіи судилища строго соблюдалось правило—раздѣльнаго участія филъ въ жеребьеваніи: для каждой изъ нихъ былъ особый ходъ къ мѣстамъ суда, особые ящики, особые урны и пункты для метанія жребія и т. п. Число судебныхъ мѣстъ которыми пред-

¹⁾ Ἐν τῷ γράμματι δικάζειν—ἐν τῷ δικαστηρίῳ δικάζειν. Aristoph. Eccl. 682. Plut. 972.

²⁾ Γλ. 68 нач. Τὰ δὲ δικαστήρια [κ]λη[ροῦσιν] οἱ θ' ἀρχ[ον]τες κατὰ φυλὰς, ὁ δὲ γραμματεὺς τῶν θεσμο[θετῶν τῆς] δεκάτης φυλῆς. Εἰσοδοὶ δὲ εἰσὶν εἰς τὰ δικασ[τή]ρια δέκα, μία τῇ φυλῇ ἑκάστη, καὶ κλη[ρωτήρια] εἴκοσι, δύο τῆς φυλῆς ἑκάστης, καὶ κιβώτια ἑκατὸν, καὶ ἑκατὶ κιβώτια δέκα, οἷς ἐμβάλλεται τῶν λαχόντων δικασ[τῶν] τὰ πινάκια· καὶ ὕδρια δύο καὶ βακτηρία παρατίθενται κατὰ τὴν εἰσοδὸν ἑκάστην δοοίπερ οἱ δικασ[τῆ]ται, καὶ βάλλοι εἰς τὴν ὕδριαν ἐμβάλλονται ἴσαι ταῖς βακτηρίαις, γέγραπται δ' ἐν ταῖς βάλλοις [τῇ] στοιχεῖα ἀπο τοῦ ἐνδεκάτου, τοῦ λ, δοοίπερ ἂν μέλλῃ [τῇ] δικαστήρια πληρωθῆσθαι.

стояло рѣшать дѣла, установлено было подлежащими должностными лицами заранѣе, равно какъ опредѣленъ былъ соотвѣтственно характеру и важности дѣлъ численный составъ различныхъ судилищъ; жребіи рѣшалъ, какіе изъ геліастовъ различныхъ филъ или секцій войдутъ въ составъ того или другаго судилища, какой составъ судей придется на то или другое судебное мѣсто. Геліасты, вытнувшіе избирательные жребіи, клали свои именныя дощечки въ другіе ящики, тоже по филамъ. За симъ наступало распредѣленіе дѣйствующихъ судей между судебными мѣстами, для чего назначались по двѣ урны у каждаго изъ десяти входовъ и посохи при каждой изъ урнъ. Въ урнахъ находятся желуди. Желудей и посоховъ столько, сколько выбрано дѣйствующихъ судей. Желуди обозначенными на нихъ литерами (λ, μ, ν, ξ и проч.) распредѣлены между назначенными для разбора дѣлъ судебными мѣстами; желудей каждой буквы столько, сколько назначено судей на каждое судилище. Соотвѣтственно желудямъ размѣчены были посохи. Буква вытнутаго геліастомъ желудя опредѣляла судебное мѣсто, въ которомъ геліасту приходилось засѣдать. Въ знакъ своего званія судьи геліастъ получалъ посохъ съ литерою судебного мѣста, соотвѣтствующею литерѣ вытнутаго имъ шарика. Судебныя мѣста различались по литерамъ, которыя были прикрѣплены къ нимъ, и по цвѣту, въ какой были окрашены косяки входныхъ дверей (Schol. ad Aristoph. Vesp. 1105, Plut. 277. Schömann, Op. acad. I, 208). Въ настоящемъ видѣ текстъ Аристотеля заключается словами: „Когда есмеемъ жребіемъ распредѣлить буквы, которыя должны находиться на судебныхъ мѣстахъ, тогда служитель забираетъ буквы и согласно указанію жребія помѣщаетъ каждую изъ нихъ на соотвѣтствующемъ судилищѣ“ (ἐπειδὴν δὲ ὁ θεσμοθέτης ἐπικληρώσῃ τὰ γρ[αμ]μάτα ἃ δεῖ προσπαράγινεσθαι τοῖς δικαστηρίοις, ἐπέθηκε φέρων ὁ ὑπηρέτης ἐφ' ἑκάστου δικαστηρίου τὸ γράμμα τὸ λαχόν. 63 кон. Ср. τὰ γράμματα.... καὶ τὸν λαχόντα ἴσα τὸν ἀριθμὸν τοῖς μέλλουσι κληροῦσθαι δικαστηρίοις ὑπηρέτης φέρων ἐτίθει καθ' ἑκάστον δικαστήριον ἐν. Schol. ad Aristoph. Plut. 277). Изъ Аристофана („Экклизіазусъ“; 628 сл.) и изъ схолий къ другой его комедіи (Plut. 277) явствуетъ, что группамъ судей Α, Β, Γ и проч. соотвѣтствовали тѣ же знаки судебныхъ мѣстъ; буквы между этими послѣдними распредѣлялись жребіемъ, жребіемъ же распредѣлялись между судебными мѣстами и составившіяся группы судей ¹⁾). Въ основѣ всѣхъ этихъ раздѣленій и распредѣленій лежали

¹⁾ О жеребьеваніи буквъ и дикастерій см. Schol. ad Plut. 277. 973. 1167.

Клисеевскихъ колѣна. Однако: необходимы были и уклоненія отъ нормальнаго порядка, когда нужно было выдѣлять только часть секцій для разбора извѣстныхъ дѣлъ, соединить нѣсколько секцій въ одно судилище, когда необходимо было составить судилище изъ гелиастовъ, обладающихъ спеціальною подготовкою, принадлежащихъ къ числу посвященныхъ въ таинства и т. п. Учѣтѣвшія до нашего времени именныя дощечки афинскихъ судей съ именами гражданъ одной и той же судебной группы, но различныхъ филъ, рѣшительно ничего не говорятъ противъ основнаго составленія группъ по филамъ: дощечки эти могли принадлежать гражданамъ разныхъ филъ, входившихъ въ одну и ту же группу (Г, напримѣръ) въ различное время, въ самой организаціи могли происходить частичныя измѣненія, дощечки могли принадлежать гелиастамъ, входившимъ въ судебную палату смѣшаннаго состава и проч. Относительно учѣтѣвшихся табличекъ остаются не рѣшенными и нѣкоторые другіе вопросы.

На обязанности есмосетовъ лежало — зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый гелиастъ участвовалъ только въ разборѣ тѣхъ дѣлъ, или въ томъ судилищѣ, въ какомъ было ему указано жребіемъ. Для гражданъ, желавшихъ возможно вѣрнѣе обезпечить себѣ получение триболоа за участіе въ судѣ, было большимъ соблавромъ попасть въ судилище вопреки отрицательному жребію или же какою нибудь способомъ умножить свои шансы попасть не въ одно судилище, а въ нѣсколько. Шѣманъ въ словахъ Аристофановскаго раба Каріона (Plut. 1166).

οὐκ ἔτος ἀπαντες οἱ δικάζοντες θάρρα
σπεύδουσιν ἐν πολλοῖς γεγράφθαι γράμμασιν ¹⁾.

справедливо усматриваетъ намекъ на случаи обмана со стороны гелиастовъ (De sortit. iud. 19. Op. acad. I 211). По нашему мнѣнію, это тѣ самые случаи обмана, о которыхъ говоритъ схолиастъ Аристофана (εἰ δέ τις δικαστὴς εἰσῆται μὴ κληρωθεὶς εἰς τὸ δικαστήριον, διαφόρων ἐζημιούτο. ad Plut. 277) и Аристотель въ той же заключительной главѣ (εἰ δέ τις δικάζῃ οἷς μὴ ἔχουσιν κτλ.). Нельзя, мы думаемъ, согласиться съ Френкелемъ, когда онъ въ этихъ словахъ раба видитъ указаніе поэта на явленіе нормальное въ афинскомъ судѣ присяжныхъ, не воображавшееся законами, и состоявшее въ томъ, что одинъ

¹⁾ „Не даромъ всѣ судьи наперерывъ одинъ передъ другимъ спѣшатъ попасть въ нѣсколько судилищъ“.

и тотъ же геліастъ могъ записываться въ нѣсколько судебныхъ отдѣленій (ор. с. 96 сл.). Прежде всего замѣтимъ, что словомъ *γράματα* назывались не только судебныя отдѣленія, но и судебныя мѣста, и выраженіе „значиться въ такой-то буквѣ“ скорѣе означало „засѣдать въ такомъ-то судилищѣ“, а не принадлежать къ такой-то секціи (Schol. ad Eccles. 679, ad Plut. 1167, 1168, 973). Въ вторыхъ, практическое, реальное значеніе для геліаста имѣло засѣданіе въ судилищѣ, оплачиваемое тріоболомъ, а не принадлежность къ судебной секціи, члены которой попадали въ составъ дѣйствующихъ, слѣдовательно вознаграждаемыхъ судей по волѣ жребія. Наконецъ, слова *σκολιάστων* относятся тоже къ судебнымъ мѣстамъ и не имѣютъ въ виду нормальнаго, узаконеннаго порядка. Такимъ образомъ, слова Каріона не могутъ служить свидѣтельствомъ противъ распредѣленія геліастовъ по филамъ ¹⁾.

4. Если нѣкоторыя положенія Френкеля оказываются недостаточно обоснованными и противорѣчащими показаніямъ новооткрытаго источника, за то общая оцѣнка аѣинскаго суда присяжныхъ, его значенія и роли въ политической жизни Аттики, сдѣланная тѣмъ же ученымъ, находитъ, намъ кажется, полное оправданіе въ этомъ источникѣ. Первенствующее значеніе суда присяжныхъ въ жизни Аттики, его преимущества передъ другими формами суда отмѣчены авторомъ этого сочиненія многократно. По Аристотелю судъ присяжныхъ въ Аѣинахъ больше, чѣмъ какое бы то ни было учрежденіе обезпечивалъ за народомъ верховенство правъ, а въ то же время былъ наименѣе доступенъ лицепріятію и подкупу (гл. 41, 49). Къ числу лучшихъ страшицъ въ „Исторіи Греціи“ П. Аландскаго (1885, стр. 240 сл.) принадлежатъ несомнѣнно тѣ, которыя посвящены выясненію значенія суда присяжныхъ въ аѣинской демократіи: страницы эти написаны по Френкелю.

• • • Мищенко.

¹⁾ τὸ δικαστήριον τὸ λαχόν (49 серед.) „опредѣленное жребіемъ судебное мѣсто“, а не „назначенное жребіемъ отдѣленіе суда“.

КЪ ГОМЕРУ И ГЕСІОДУ.

I.

Древнѣйшими изъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ рукописей Одиссея являются Cod. Marcianus № 613 и Cod. Harleianus (Брит. Муз. № 5674). Обѣ эти рукописи, считаемыя не только древнѣйшими, но и лучшими, относятся къ XIII вѣку. Но кромѣ того со времени Matthaei упоминается Cod. Moscoviensis XII в. (см. напримѣръ La Roche, Textkr. стр. 487), но болѣе подробныхъ извѣстій о немъ никто, повидимому, нигдѣ не сообщалъ. Конечно, трудно было рассчитывать пайти въ этой рукописи что-нибудь особенно важное для критики текста Одиссея, но все таки мнѣ давно казалось нѣсколько страннымъ, что рукопись Одиссея, считаемая древнѣйшею, остается почти совершенно неизвѣстною. Десять лѣтъ назадъ мнѣ удалось отчасти восполнить этотъ пробѣлъ: я разсматривалъ рукопись и сдѣлалъ копію первыхъ восьми книгъ. Огъ продолженія этой работы, не обѣщавшей значительныхъ результатовъ, я былъ отвлеченъ другими занятіями.

Древность этой рукописи, я думаю, нѣсколько преувеличивается: нѣкоторыя дѣльныя заставляють меня относить ее не къ XII, а къ XIII вѣку. Такъ 1) Ѣ часто имѣетъ въ ней то начертаніе, о которомъ Gardthausen (Griech. Palaeogr. стр. 200) замѣчаетъ, что оно становится болѣе частымъ лишь съ 1231 г., и которое въ рукописяхъ XII вѣка встрѣчается, повидимому, лишь въ инициалахъ; 2) таже буква имѣетъ иногда начертаніе, сходное съ обычнымъ теперь, а оно появляется не раньше XIII в. (ibid.); 3) встрѣчается такое начертаніе лигатуры *tr*, которое появляется лишь въ самомъ концѣ XII вѣка (ibid., стр. 206); 4) встрѣчается въ концѣ словъ начертаніе *c*, подобное теперешнему, являющееся лишь въ XIII в. (стр. 207); 5) встрѣчается перѣдко то начертаніе *u*, которое появляется впервые

въ самомъ концѣ XII вѣка, но чаще лишь въ XIII (стр. 208). Съ другой стороны, я не встрѣтилъ признаковъ, которые заставляли бы относить нашу рукопись ко времени болѣе позднему, чѣмъ XIII вѣкъ. Противъ такого отнесенія говоритъ встрѣчающееся въ рукописи (хотя и очень рѣдко) *superscriptum* (по крайней мѣрѣ α 168), до сихъ поръ не встрѣчавшееся въ рукописяхъ позже XIII в. (стр. 193, 203); вообще же появившееся только въ XII в. *subscriptum* рѣшительно господствуетъ; весьма часто эта буква опускается.

Рукопись наша, какъ уже извѣстно, не имѣетъ сколій; есть однако очень рѣдкия и очень краткія объясненія, писанныя едва ли тою рукою, которая писала текстъ; рукою писавшаго эти объясненія сдѣланы, повидимому, и нерѣдкия въ текстѣ поправки и изрѣдка отмѣчены разнотченія. Объясненія въ такомъ родѣ: α 52 φθαρτική (объясненіе относящееся къ чтенію ὁλοόφρων, хотя въ текстѣ ὁλοόφρονος), 244 κατεσχεύασαν (къ ἔτευσαν); β 141 εἰ δ' ὅμιν ἀρεστὸν φαίνεται τὴν ἐνὸς περιουσίαν ἀνδρὸς κατεσχεύειν, 303 αὐθαδὲς καὶ толμηρὲ (къ ὑφαγόρη, μένος ἄσχετε), 396 εἰς πλάνην ἐνέβαλλε (къ πλάζε), δ 396 προαισθανθεῖς (къ προδαίς). Новыхъ замѣчательныхъ чтеній наша рукопись въ разсмотрѣнной мною части почти не представляетъ. Изъ чтеній встрѣчающихся, повидимому, только въ ней, могутъ быть упомянуты: β 366 ἀλλογλώττω (не въ текстѣ, но сбоку: γρ. καὶ ἀλλογλώττω), ζ 272 πολιτὴν περὶ ὧσι χελεύθον ¹⁾, η 97 λευχοί. Еслибы кто нибудь пожелалъ съ тою или другою цѣлью ближе ознакомиться съ другими чтеніями Московской рукописи (въ первыхъ восьми книгахъ), но не желалъ или не могъ бы повторить сдѣланнаго мною, тому я охотно представилъ бы въ распоряженіе мои замѣтки, гдѣ отмѣчены всѣ отличія текста нашей рукописи отъ текста Ла Роша. Теперь удовольствуюсь сообщеніемъ для примѣра такихъ отличій въ самой небольшой изъ разсмотрѣнныхъ мною книгъ—6-й.

6 βίην δέ, 8 ἐν σχαρῇ ¹⁾, 11 αἰδὸς δε, 20 ἡ δ', 21 ἄρ, 24 εἰδομένη, 28 οἱ κα σ', 30 χαίρουσι, 39 καὶ δε σοι, 40 ἀπο—πόλιος, 41 ἄρ, 42 οὐλοπόν δε, 43 οὔτε ποτ', 44 οὐδὲ, 47 διακέρφαδε поправлено другими чернилами на διακέρφαδε, 49 εὐπαπλον, 50 ἱμαναι, 52 ἐσχαρίη, 55 ἵνα μιν, 57 въ πάππα второе α на подчищенномъ другими чернилами, 58 εὐκυκλον, 60 καὶ δε σοι, 62 μαγάροιαι, 63 θαλέοντας, 64 οἱ δ' — νεόπλοθ', 65 ἐμῃ, 68 τοι, 70 εὐκυκλον ὑπάρταρίη, 71 δ' ἐπίθοντο, 72 οἱ,

¹⁾ Отсюда, полагаю, идетъ загадочное чтеніе Μ, указанное у Ла Роша.

²⁾ Любопытно объясненіе ἀνδρῶν ἀλφηταίων: τῶν ζητούντων βλάβην τῶν πλησίων.

73 ὤπλεον — ἀπήνη, 76 κίστη, 78 ἐπέβησат', 79 δῶκε δε, 80 ἔως, 81 ἧ δ' ἔλαβε, 82 μάστιγι, 83 αἶ δ', 85 αἶ δ', 87 ῥοκόωντα, 89 παρὰ, 90 ταί δ', 93 κάθηρὰν τε ῥῶπον ἅπαντα, 95 ἀποπτύεσκε, 96 αἶ δε, 97 δυχθησι, 99 τράφθεν, 100 ταί τ' ἄρ, 103 περιμήχιτον, 104 ὠκείης, 107 ὑπερ, 108 ῥεῖα δ', 110 ἄρ — οἶκον δε, 117 αἶ δ', 118 ὄρμαινε нспр. на ὄρμαινε, 126 ἀλλ' ἄγε τῶν, 127 ὑπεδύσατο съ надписаннымъ другими чернилами х, 128 ἤλασε, 138 ἄλυδις, 141 ἀντασχομένη — μερμήριζεν, 144 λίσσιτ' εἷ, 153 εἰ δ' αὖ γε βροτός ἐσσι οἱ ἀρούρης καρπὸν ἔδουσι, 156 εὐφροσύνησιν, 157 λευσόντων, 160 τοιοῦτον ἶδον ἐγὼν, 164 κάκεισε нспр. на καὶ καῖσε, 165 ἧ—μέλλεν, 168 ὥς σε, 173 ὄφρα τί που, 175 ἀλλ' ἄνασσα, 178 ἄστου τέ μοι, 179 εἴ τι ποῦ — ἔσχες, 181 ἄνδρα τέ, 183 ὅθ' οὐπущено, 190 καί ποῦ τι съ уничтоженнымъ ударениемъ на ποῦ, 191 ἰκάνους, 192 οὔτε τευ, 195 τήνδε, 198 ῥά, 200 φάσθ', 206 ὃδέ τις, 211 αἶ δ' ἔσταν, 212 καθ'—Ὀδυσσῆ', 214 φάρος, 215 χρυσέη, 216 ἄνωγον, 217 δὴ ῥά.. 223 αἶ δ', 229 θῆκε, 230 καθ' δέ, 238 δὴ ῥά, 239 μοι, 245 ἄδοι, 247 αἶ δ'—ἧδ' ἐπίθοντο, 249 ἧτοι — πίνε, 251 ἀλλ' ἐνόησεν, 253 ζεῦξε θ' ὑφ', 255 νῦν δὴ, 261 δ' ἐρχεσθαι, 262 περὶ, 263 πόλῃος, 265 εἰρόται, 266 δέ — ποσειδήιον, 271 εἶσαι, 272 κέλευθον, 274 μωμεύη, 275 καί κε τίς, 276 δ δε, 277 δέ οἱ, 278 ἧ, 280 ἧ, 283 τούδε γ', 288 ἐπελθεῖν, 290 ἐμῖο, 291 δῆξιμεν, 294 ὅσον τε, 296 ἄστου δ', 297 ἡμέας—ἀφίχθαι, 301 γάρ τοι, 303 ἥρως — ὅπταν σε δόμος καχεύθωσι καὶ αὐλῇ попр. на αὐλή, 305 ἧ δ', 308 αὐγῇ, 310 παρὰ, 312 послѣ 315, 313 εἰ γάρ τοι—φρονέει, 316 ἱμασε, 317 αἶ δ', 318 αἶ δ'—τρώχων новидимому изъ трѣхон — πλίσοντο, гдѣ с другими чернилами на подчипщен., 319 ἧ δέ, 320 ἐπέβαλεν, 321 δύσατο, 322 ἄρ, 325 δὴ πέρ μεν, 326 ἔρραιε — ἐνοσίγαιος, 330 ὅ δ'.

II.

Въ моихъ замѣткахъ къ Гомеру, напечатанныхъ въ *Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института* кн. Безбородко и моемъ соч. „Грамматическія Наблюденія и Критически-Экзегетическія Замѣтки“ (М. и Кіевъ 1889) я старался доказать что такъ называемые σίχοι ἀκέφαλοι и στ. μαίουροι не только дѣйствительно существуютъ у Гомера, но и находятся у него въ количествѣ гораздо большемъ, чѣмъ кто-либо подозрѣвалъ. Послѣ того попалось мнѣ еще нѣкоторые явленія, подтверждающія это наблюденіе для Гомера, Гомеровскихъ гимновъ и Гесіода.

Въ словѣ *ῥῶμα* у Гесіода несомнѣнно кратко въ "Е. х. 'Н. 596 и фр. 81 Götcl." (149 Rz.)

τρὶς ῥδατος προχέειν, τὸ δὲ τέτρατον ἰέμεν οἶνου

Πηνειοῦ παρ' ῥδω καλὴ ναίεσκε Κορήνη.

Въ "Е. х. 'Н 739

χεῖρας νιψάμενος πολυηράτφ ῥδατι λευκῇ

употребленное какъ дактиль ῥдати, которое долготы не доказываетъ (ср. напротивъ 596). Остается затѣмъ

"Е. 'х. 'Н. 737: μηδέ ποτ' ἀνάνων ποταμῶν καλλίρροον ῥδω

Θ. 785: τηλόθεν ἐν χρυσῇ προχόφ καλλίρροον ῥδω

fr. 202 (64): ὅτε λιλαιήθεν προχέει καλλίρροον ῥδω,—

στίχοι μείουροι.

Δίκη имѣетъ вездѣ естественно и краткое, между прочимъ и у Гесіода (напримѣръ, "Е. х. 'Н. 9, 36, 39 и пр.), но "Е. х. 'Н. 263 мы читаемъ:

ταῦτα φυλασσόμενοι, βασιλῆες, ἰθύνετε δίκας ¹⁾,

хотя въ слѣдующемъ же стихѣ

δωροφάγοι, σχολίων δὲ δίκων ἐπὶ πάγχυ λάθεσθε.

Форма *тὸνν*, относящаяся къ *τὸ* какъ *ἐγώνн* къ *ἐγώ*, должна имѣть и краткое, и лок. *тὸνн*, вѣд. *тὸн* столь же мало доказываютъ долготу этого звука, какъ и вѣд. *тὸу* (=тѡ: ср. Коринны fr. 1 В.: Κρονίδα, τὸυ Ποταιδάωνος: — — — — —) или убѣжденіе въ долготѣ Аполлоніа (περὶ ἀντ. р. 69 b. Bekk.).

Форма эта встрѣчается у Гомера въ слѣдующихъ стихахъ:

Е 485: *тὸνн* δ' ἔστηκας, ἀτάρ οὐδ' ἄλλοισι κελεύεις

Ζ 262: ὡς *тὸνн* κέκμηκας ἀμύνων σοῖσι *φέτρη*

М 237: *тὸνн* δ' οἴωνοῖσι τανυπτερόγεασι κελεύεις

Π 64: *тὸνн* δ' ὤμοιν μὲν ἐμὰ κλυτὰ τεύχεα δῶθι

Τ 10: *тὸνн* δ' Ἠφαίστοιο πάρα κλυτὰ τεύχεα δέξο

Ω 465: *тὸνн* δ' εἰσελθὼν λαβὲ γούνατα Πηλείωνος

Подлинность второго стиха уже заподозрена Наумомъ. Во всѣхъ остальныхъ *тὸνн* образуетъ первую стопу, такъ что эти стихи суть στίχοι ἀκέφαλοι, какъ и слѣдующіе два стиха Гесіода:

"Е. х. 'Н 641: *тὸνн* δ', ὦ Πέρση, ἔργων μεμνημένος εἶναι

Θ. 36: *тὸνн*, Μουσῶν ἀρχόμεθα, ταὶ Διὶ πατρὶ

¹⁾ За *δίκας* говорятъ какъ наилучшія рукописи, такъ и слѣдующій стихъ; *μύθος*, находящееся въ другихъ рукописяхъ и принятое Rzsch'омъ, есть поправка грамматика.

и сомнительной подлинности стихъ "Е. х. 'Н. 10:

τὸντ' ἐγὼ δὲ κε, Πέρση, ἐτήτομα μοθηραίμην.—

Форма ἀνὴρ имѣеть у Гомера въ значительномъ большинствѣ случаевъ (приблизительно $\frac{3}{4}$) α очевидно краткое (напр., А 144, 287 и пр.), какъ и должно быть. Въ огромномъ большинствѣ остальныхъ случаевъ ἀνὴρ образуетъ шестую стопу, именно В 533, 701, Δ 275, Ε 172, 361, Κ 293, 341, Δ 475, Ν 131, Ε 484, Π 215, 807, Ρ 520, Σ 319, Ψ 470, 845, Ω 148=177, 707, α 228, β 58, γ 383, 422, δ 204, 242=271, ε 194, 249, ζ 232, θ 169, 209, ι 384, μ 83, ο 223, 400, π 97, 115, ρ 537, υ 235, 393, φ 199, χ 6, 268=285, ψ 159, первую—ζ 184. Остаются:

М 382: χεῖραςιν ἀμφοτέρωτ' ἔχει ἀνὴρ, οὐδὲ μάλ' ἤβων

Ψ 112: πάντοθεν ἐκ κλισίων' ἐπὶ δ' ἀνὴρ ἐσθλὸς ὄρωρει

μ 77: οὐδὲ κεν ἀμβαίη βροτὸς ἀνὴρ, οὐ καταβτίη

π 45: σταθμῷ ἐν ἡματέρφ' πάρα δ' ἀνὴρ, δς καταθήσαι.

Сопоставляя эти стихи съ О 37= ε 185:

καὶ τὸ κατεβόμενον Στογὸς ὕδαρ ὅστε μέγιστος ¹⁾,

я склоняюсь теперь къ убѣжденію, что четвертая стопа, предъ буколической цезурой, обладаетъ, хотя и въ меньшей степени, свойствами 6-й ²⁾.

Въ Гомеровскихъ гимнахъ и у Гесиода мы имѣемъ:

Ерм. 354: χῶρον ἀνὰ κρατερὸν' τὸν δ' ἐφράσατο βροτὸς ἀνὴρ

Афр. 189: ναίειν, ἀλλ' ἀλέαιρ', ἐπεὶ οὐ βιοθάλμιος ἀνὴρ

"Е. х. 'Н. 297: ἐν θυμῷ βάλληται, ὃ δ' αὐτ' ἀγρήιος ἀνὴρ

fr. 173 (190): οἴην μὲν μοῖραν δέχα μοιρῶν τέρπεται ἀνὴρ.

Такъ какъ καλῶς нигдѣ не показываетъ ясно долготы ι, напротивъ по крайней мѣрѣ у Θεокрита 29, 12 показываетъ краткость, то гесиодовскіе стихи, кончающіеся этимъ словомъ—"Е. х. 'Н. 301, 307, 774, 411, 503—суть, вѣроятно, στίχοι μείουροι.

С. Ждановъ.

¹⁾ О краткости υ въ ὕδαρ у Гомера я высказался въ Грамм. Набл., стр. 78 и слѣд.

²⁾ Такъ объясняются, я думаю, и извѣстныя явленія въ Α 86, Κ 292, γ 382, О 49, Σ 357. Долгота ι въ βλωσυρῶπις (Α 86 τῇ δ' ἐπὶ μὲν Γοργῶ βλωσυρῶπις: ἰσσεφάνωτο), которую принимаетъ *Hartel* (Horn. St.² стр. 106), негнѣроятна въ виду γλωσσῶπις. Въ О 49=Σ 357 Аристархово βῶπις: есть поправка, вызванная непонятнымъ метрическимъ явленіемъ.

КЪ НАДГРОБИЮ ИНАНӨЫ, ДОЧЕРИ ГЛАВКІЯ.

Въ изданномъ недавно В. В. Латышевымъ, въ числѣ другихъ болѣе или менѣе любопытныхъ новинокъ эпиграфики, стихотворномъ надгробіи Инанөы, дочери Главкія (Греч. и лат. надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—1891 годахъ = *Материалы по археології Россіи, издав. Императ. археолог. комиссіею*, № 9, С.-Пб. 1892 г., стр. 27 сл.), мы читаемъ (ст. 6 сл.):

νῦν δὲ σὺ μὲν χρισραῖσιν ἐπὶ ψαμάθοισιν αἰεὶς
Κωκυτοῦ κελάδοντος ἀνὰ δρόμον.

На камнѣ стоитъ ΜΥΕΙΟ. Это, разумѣется, ошибка, одна изъ многочисленныхъ ошибокъ, „надѣланныхъ“, по справедливому замѣчанію издателя, „рѣзчикомъ при вырѣзываніи на камнѣ неопытной ему епитафіи съ неразборчивой, быть можетъ, рукописи“. Но и поправка αἰεὶς, предложенная Θ. Е. Коршемъ и предпочтенная издателемъ его собственной догадкѣ ὀδεύεις, намъ не улыбается. Допустимъ,—хотя это и мало вѣроятно,—что авторъ могъ употребить неупотребительную форму αἰεὶς; однако вѣдь душа усопшей, по представленію автора, не принимаетъ участія въ подземномъ концертѣ; см. ст. 7 сл.

οὐδὲ σ' ἐγείρει
ἀναεὶς κελάδημα φύλης ὀπός, ᾧ τὰ σε μήτηρ
δρῖς δ' ὡς γυγόνηκε, σὺ δὲ λίθος οὐδὲν ἀκούεις.

Не даромъ пески, на которыхъ пребываетъ усопшая, названы „хладными“; поэтъ, думается намъ, написалъ: χρισραῖσιν ἐπὶ ψαμάθοισιν ἰαύεις. Къ тому же ΙΑ легче было смѣшать съ Μ, чѣмъ простую Α.

Вообще, на нашъ взглядъ, авторъ надгробія со стороны языка не такъ плохъ, какъ онъ представляется почтенному издателю. „Удлинненіе (первой) : въ *χαρίσια*“ (ст. 1 *χαρείσια*) не нуждается въ извиненіи, или, лучше сказать, первая іота этого слова, будучи долгой, не нуждается въ удлинненіи, которое, впрочемъ, во всякомъ случаѣ имѣло бы мало общаго съ удлинненіемъ краткаго гласнаго предъ согласнымъ плавнымъ (9 *δὲ λίθος*, 10 *περί ρόος*). Въ ст. 10 авторъ напѣрное не писалъ:

ἀλλὰ μελανθεῖναι σε περί ρόος Ὁκεανοῖο
εἰλεῖται.

Онъ, безъ сомнѣнія, твердо зналъ, что сущ. *ρόος* не женскаго рода. На камнѣ читается: ΜΕΛΑΝΘΕΙΝΗΣ ΠΕΡΙΡΟΟΣ; слѣдовательно, должно писать *μελανθεῖνεις σε* и т. д. или, по примѣру О. Е. Корша, рѣшиться на ослѣ радикальную поправку: *μελανθεῖνης σε—ρόος—εἰλεῖται*.

Едва ли также справедливо находить въ надгробіи Инанѣ „пеструю смѣсь іоническихъ и дорическихъ формъ“. Если не считать „дорическихъ“ формъ *θρόος* (асс. pl., 12) и *ἀνάμερος* (ст. 14), не читаемыхъ на камнѣ, а навязываемыхъ тексту по догадкѣ (въ первомъ случаѣ камень представляетъ *ΘΡΟΟΘ*, что самъ издатель предпочелъ исправить на *θρόον*, во второмъ—*IMANCPES*, что не особенно похоже на *ἀνάμερος*), то „пестрота“ обуславливается всего двумя формами: *δῆος* въ ст. 9 и *κῶραι* (камень *ΚΩΡΧΗ*) въ ст. 14. Эти легко устранимыя отступленія отъ эпического діалекта рѣшаніе будетъ ставить на счетъ автору, не лишенному все-таки учености и смастерившему совершенно корректное въ просодическомъ и метрическомъ отношеніи стихотвореньице, чѣмъ небрежнѣйшему изъ рѣзачиковъ, испещрившему то-же стихотвореніе массою нелѣпныхъ ошибокъ.

В. Ериштедтъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го сентября вышла и разслана подписчикамъ IX-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Воспоминанія о польскомъ возстаніи и войнѣ 1830—1831 гг. А. Л. Зеланда.—II. Императорскій московскій университетъ въ воспомин. Михаила Прохоровича Третьякова, 1799—1830 гг.—III. Путевые очерки и воспоминанія. Поѣздка по Франціи и Италіи. Рукописи изъ собранія С. Д. Полюторскаго.—IV. Александръ Петровичъ Хрущовъ, 1806—1875 гг. Выдержки изъ его писемъ, 1853—1859 гг.—V. Доброе старое время.—VI. Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 гг. В. М. Вонлярскаго. — VII. Изъ записокъ объ Южной Болгаріи за время окупациі ея русскими войсками въ 1878—1879 гг. и о послѣдующихъ событіяхъ въ княжествѣ Болгарскомъ. Сообщ. И. С. Ивановъ.—VIII. Яковъ Васильевичъ Толмачевъ, ординарный профессоръ слб. университета, 1779—1873 гг. Автобіографическая записка.—IX. Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ. Глава I. Сообщ. С. Н. Кулябка.—X. Путевыя записки морехода И. М. Соловьева, 1770—1775 гг. Эпизодъ изъ исторіи русскихъ открытій въ Восточномъ океанѣ. Гл. I—II. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.—XI. Холера въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.: 1) Разсказъ очевидца о безпорядкахъ въ городѣ.—2) Письмо Д. П. Свѣчина.—XII. Матеріалы и замѣтки: На кончину Екатерины II.—И. С. Тургеневъ, письмо его къ И. А. Гончарову, 1864 г.—А. Д. Кирѣевъ.—Н. М. Пржевальскій и В. И. Роборовскій.—XIII. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портреты Н. М. Пржевальскаго и В. И. Роборовскаго. Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на 1892 годъ,

можно получить „Русскую Старину“ 1891 г. (осталось 43 экз.), двадцать второй и третій годы изданія. Цѣна по 9 р. за годъ.

Подписка принимается въ магазинѣ А. О. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, у Полицейскаго моста (магазинъ бывшій Мелье), д. № 20. Иногородные обращаются въ книжный магазинъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7, кв. 2.

 Книжный магазинъ „Русской Старины“ (Спб., Больш. Подъяческая, № 7) высылаетъ по требованіямъ, и съ наложеннымъ платежомъ, всѣ книги, о продажѣ которыхъ гдѣ-либо было публиковано.

Издательница Е. М. Семеновская. Времен. редакторъ А. С. Ладинскій.

Ж У Р Н А Л Ъ

„АРТИСТЪ“

(годъ II-й).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 4 мѣсяца (съ сентября)—5 р. 25 к., съ пер. 6 р. 50 к. Продолжается подписка на 9 мѣс. (съ апрѣля)—6 р. 20 к., съ пер. 7 р. 70 к. и на весь 1892 г. (съ января)—10 р., съ пер. 12 р. Сезонной подписки открыто не будетъ. Съ мѣс. 1893 г. будетъ приниматься только годовая подписка. Контора (Нудрин. Садовая, д. Бартольдъ) въ Москвѣ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе тринадцатое, 1890 г., дополненное новыми статьями и рисунками. Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскіяхъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при ГИ (Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

По второму изданію одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 1891 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вышласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе четвертое, дополненное, 1891 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вышласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Овященной памяти въ Воѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 35 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библіографіи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXIII.

1892.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, № 80.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	31
А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ (окончаніе).	205
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (продолженіе).	252
М. С. Кутурга. Изслѣдованія по исторіи государственныхъ учрежденій Ассизъ (продолженіе)	318

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Ф. Грабаръ. В. П. Дачевскій. Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права. Вып. 1-й и 2-й. Харьковъ. 1892.	347
Д. Ф. Бѣляевъ. Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ (XI в.). Н. Ф. Красносельцева. Одесса. 1892.	363
— Книжныя новости	379
— Заявленіе профессора Ф. Ф. Зѣлинскаго	381
И. В. Педагогическій журналъ Я. Г. Гуревича	53
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ).	60

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1890 году (продолженіе).	39

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

С. А. Селивановъ. О Колофонѣ, Нотіѣ, Кларѣ и о новыхъ надписяхъ Колофонской области.	1
В. В. Майковъ. Четыре эпиники Пиндара въ честь Герона Окружного и Этнейскаго (продолженіе).	19
В. Е. Къ присягѣ героонидовъ.	28
М. Покровский. Къ вопросу объ авторѣ новооткрытаго трактата 'Αθηναίων Πολιτεία	29

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXIII.

1892.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1892.

Спб. Екатерин. вѣж. д. 80.

2927

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го сентября 1892 г. *Утверждены:* адъюнктъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Никитинъ* — экстраординарнымъ академикомъ сей академіи, по классической филологіи, съ 22-го августа 1892 года; второй почетный попечитель Рижельевской гимназіи *Матвей Маврокордато* — въ настоящей должности, на новое трехлѣтіе; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фидлеръ* — почетнымъ попечителемъ реального училища, при евангелическо-реформатской церкви въ Москвѣ, на три года.

Продолженъ срокъ командировки, съ ученою целью, за границу: ординарному академику Императорской академіи наукъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ковалевскому* — съ 15-го сентября по 13-е октября 1892 года; экстраординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскому совѣтнику *Филевичу* — по 20-е сентября 1892 года.

Продолженъ срокъ отпуска въ Россіи, причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярному совѣтнику Губину — на два мѣсяца, по болѣзни.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

13. (22-го августа 1892 года). *Положеніе о пособіяхъ въ ознаменованіе 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ для выдачи нуждающимся ученикамъ Фридрихштадтскаго мужскаго начальнаго правительственнаго училища.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно постановленію Фридрихштадтской городской думы отъ 25 октября и 30 ноября 1891 года, въ ознаменованіе 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждаются при Фридрихштадтскомъ мужскомъ начальномъ правительственномъ училищѣ, для двухъ нуждающихся учениковъ сего училища, ежегодныя пособія въ размѣрѣ по десяти рублей каждому.

§ 2. Выборъ учениковъ, заслуживающихъ пособія, предоставляется завѣдывающему начальнымъ училищемъ, по соглашенію съ мѣстной городской управою.

§ 3. Пособіе выдается изъ кассы Фридрихштадтской городской управы въ началѣ каждого учебнаго полугодія въ распоряженіе завѣдующаго начальнымъ училищемъ, съ цѣлью внесенія за избранныхъ учениковъ платы за ученіе.

§ 4. Выдача пособій избраннымъ ученикамъ продолжается во все время пребыванія ихъ въ училищѣ, если эти ученики заслуживаютъ такового по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Пользованіе означеннымъ пособіемъ не налагаетъ никакихъ обязательствъ.

14. (28-го августа 1892 года). *Циркулярное предложеніе Г. Печителямъ учебныхъ округовъ по вопросу объ открытіи пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Начальство одного изъ учебныхъ округовъ просило разъясненія, предполагаетъ ли министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, приходить матеріально на помощь открытію пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ какой мѣрѣ и въ какихъ преимущественно учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе сего министерство изъяснило, что оно не располагаетъ никакими средствами для матеріальнаго содѣйствія открытію и поддержанію пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ этомъ

отношеніи со стороны учебнаго вѣдомства могла бы быть оказана нѣкоторая денежная помощь лишь ассигнованіемъ небольшой суммы на первоначальное обзаведеніе изъ специальныхъ средствъ сихъ заведеній, если наличное состояніе таковыхъ это позволяетъ. Проектируя учрежденіе пансіоновъ и общежитій при гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, министерство имѣло въ виду, что мѣстныя дворянство, земство и общества, въ сознаніи пользы этого дѣла, придутъ таковому на помощь путемъ хотя бы незначительныхъ ассигнованій, главнымъ образомъ, на устройство помѣщенія и первоначальное обзаведеніе, такъ какъ текущіе расходы по содержанію пансіоновъ и общежитій могли бы быть, безъ особыхъ затрудненій, почти полностью покрыты на счетъ платы, которую воспитанники въ настоящее время вносятъ содержателямъ частныхъ квартиръ. Помѣщеніе и столъ во многихъ мѣстахъ обходятся на частныхъ квартирахъ довольно дорого, не говоря уже о томъ, что воспитанники остаются въ этихъ квартирахъ почти безъ всякаго надзора. Вообще открытіе пансіоновъ, что разъяснено и въ циркулярномъ предложеніи Министерства отъ 7-го февраля 1891 года за № 2626, желательно при всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, независимо отъ того либо другаго типа ихъ, и еслибы начальники заведеній при всякомъ удобномъ случаѣ разъясняли земствамъ и городскимъ обществамъ, а равно и родителямъ воспитанниковъ, живущихъ на квартирахъ, на сколько дѣти ихъ выиграли бы, при помѣщеніи въ общежитіи, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, то, безъ сомнѣнія, такіе общежитія возникали бы постепенно во многихъ мѣстахъ.

Въ виду общаго значенія настоящаго разъясненія считаю нужнымъ объ изложенномъ сообщить Вашему Превосходительству для зависящихъ распоряженій.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Дополнительныя статьи алгебры въ связи съ дополнительнымъ курсомъ для VII-го дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ В. Соколовъ, преподаватель Сергіевскаго реаль-

наго училища въ г. Псковѣ. Островъ. 1892, стр. 174. Цѣна 85 к.“ — одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи алгебры въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Н. А. Шапошниковъ. Учебникъ алгебры, приспособленный къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Второе, переработанное изданіе (въ двухъ частяхъ). Часть вторая. Курсы старшихъ классовъ гимназій и среднихъ классовъ реальныхъ училищъ. Москва. 1892, стр. 150. Цѣна 70 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при прохожденіи алгебры въ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ, за исключеніемъ дополнительнаго класса оныхъ.

— Книгу: „Дополненія элементарнаго курса математики и введеніе въ высшій математическій анализъ. Н. А. Шапошникова, профессора Московскаго техническаго училища. Москва. 1892, стр. II + 180. Цѣна 1 руб. 20 коп.“ — одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи алгебры въ дополнительномъ классѣ, съ тѣмъ однако, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторъ освободилъ книгу отъ тѣхъ частей, которыя составляютъ введеніе въ анализъ, а то, что останется послѣ освобожденія, присоединилъ къ своему курсу алгебры.

— Изданіе: „Учебный географическій атласъ А. Ильина. 30 таблицъ. С.-Пб. 1892. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — одобрить въ видѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Chevalier. Muntz, Villedenit, Jaquier, Problèmes de physique. Сборникъ физическихъ задачъ. Перевелъ В. К. Вальтеръ. Часть первая. Воронежъ. 1892, стр. 96. Цѣна 50 коп.“ — одобрить какъ учебное пособіе при прохожденіи курса физики въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, а также для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ тѣхъ-же учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей: Wilhelm Hauff. Ausgewählte Märchen. (Избранныя сказки Гауффа). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ Н. Г. Розенбергъ, преподаватель Императорской Николаевской гимназіи. Изданіе С. А. Манштейна. Царское Село. 1892. Въ 16-ю л. л., стр. 85 + 33. Цѣна со словаремъ 40 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для употребленія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а равно и въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Athalie, tragédie tirée de l'Écriture Sainte 1691 par J. Racine. Съ этюдомъ, краткимъ очеркомъ французскаго стихосло-

женія, примѣчаніями и словаремъ, составилъ *А. Алексѣевъ*, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи. Выпускъ 6-й. С.-Пб. 1892, стр. 161. Цѣна 40 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „*Les prisonniers du Caucase. Le lépreux de la cité d'Aoste, par Xavier de la Maistre.* Съ примѣчаніями и словаремъ. составилъ *Александръ Алексѣевъ*, преподаватель Александровской Царицынской гимназіи. Выпускъ восьмой. С.-Пб. 1893, стр. 136. Цѣна 40 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для употребленія въ среднихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „*La Bruyère. Les caractères ou les mœurs de ce siècle.* Избранные отрывки для школьнаго употребленія. Редактировалъ *П. Д. Первовъ*, преподаватель Елецкой гимназіи. Москва. 1891, стр. VIII + 151. Цѣна 55 коп." — допустить къ употребленію въ двухъ старшихъ классахъ (VII и VIII) гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Безопасныя отъ пожара сельскія постройки изъ матеріаловъ малоцѣнныхъ. Съ приложеніемъ 75 чертежей. Составилъ *П. И. Сюзевъ*. Пермь. 1891, стр. 126". Цѣна не означена, — одобрить для учительскихъ библіотекъ сельскихъ и городскихъ народныхъ училищъ и техническихъ училищъ сельскохозяйственной и строительной специальностей, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Лѣсъ. Значеніе лѣса. Какъ хозяйствовать въ лѣсу и какъ разводить его. *А. Леонтьева и И. Мецгерскаю.* 3-е дополненное изданіе. С.-Пб. 1891. Въ 8 д. л., 24 стр. Цѣна 10 коп." — допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Истощеніе почвы, и о томъ какъ поправить ее хорошей обработкой и удобреніемъ. Чтеніе для народа. Составилъ народный учитель *А. Леонтьевъ*. С.-Пб. 1891. Въ 8 д. л. 32 стр." — одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Школа техническаго черченія. Пособіе для реальныхъ, техническихъ и другихъ училищъ, а также и для самообученія. Текстъ составилъ и издалъ *Г. З. Рыбковъ*, преподаватель Одесскаго реального училища. Одесса. 1890. Три тетради таблицъ in folio и отдѣльный текстъ въ 8 д. л. Цѣна первымъ двумъ тет-

радимъ по 2 руб., третьей тетради 2 руб. 50 коп., а текста 40 коп." — одобрить какъ классное учебное пособие при обученіи черченію въ реальныхъ и техническихъ училищахъ.

— „Атласъ чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленный приѣзнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ, *М. Талдыкинъ*. Изданіе редактора-издателя *Ремесленной Газеты, Казначеева*. Цѣна атласа съ текстомъ 6 руб., за пересылку 60 коп. Москва. 1892 г.“ — допустить безъ текста къ приобрѣтенію для учительскихъ библиотекъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Садъ при народной школѣ *Всеволода Шимановскаго*. Кіевъ. 1891. Въ 8 д. л., 52 стр., съ таблицей рисунковъ, — одобрить для учительскихъ библиотекъ начальныхъ (одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ) училищъ, а также для библиотекъ учительскихъ семинарій

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

— Книгу: „Сборникъ стихотвореній для начальныхъ училищъ. Оренбургъ. 1892. Въ 8 д. л., 69 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Сироты. Изъ разказовъ бабушки. *Е. Полюжевой*. М. 1892. Въ 8 д. л., 51 стр. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Какъ жила Таня, Петя, Оля и Ваня. *Новоской*. М. 1890. Въ 8 д. л., 124 стр. Цѣна 75 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Составленные *Д. Клячко* книги: 1) „Первый годъ обученія Закону Божию. Руководство къ начальному обученію молитвамъ и катихизису для еврейскихъ дѣтей младшаго возраста. Варшава. 1892. Цѣна 20 коп.“ и 2) „О еврейскомъ актѣ религіознаго совершеннѣтія. Варшава. 1892“, — допустить къ употребленію въ еврейскихъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы къ нимъ были приложены листки съ исправленіемъ указанныхъ ошибокъ.

— Составленную *А. С. Цунзеромъ* „Обиходную книжку для учащихся въ еврейскихъ училищахъ. Изданіе третье. Вильно. 1892. Цѣна 20 коп.“ — допустить къ приобрѣтенію желающими изъ учащихся въ еврейскихъ училищахъ.

— Его Сіятельство г. министрѣ народнаго просвѣщенія изданную *Н. Г. Мартыновымъ* книгу подѣ заглавіемъ: „*П. Р. Фурманъ. Сборникъ разказовъ. С.-Пб. 1892. Съ рисунками. Цѣна 1 руб.*“ извоили одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ,

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ О ФОТІѢ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ ¹⁾.

(По поводу совершившагося тысячелѣтія со времени кончины его).

VII.

Письма и сочиненія Фотія. — Ихъ значеніе и характеръ. — Какъ издавались они, и какъ доселѣ пользовались ими историки.

Восходя въ обзорѣниі источниковъ Фотіевой исторіи все выше и выше, отъ писаній и памятниковъ наименѣе достовѣрныхъ къ болѣе твердымъ и значительнымъ, мы должны, наконецъ, сказать объ источникѣ самомъ важномъ. Это—собственныя письма и сочиненія Фотія. Несомнѣнно и всѣми признано, что при изученіи всякаго историческаго и литературнаго дѣятеля наилучшій показатель—его переписка, особенно интимная и не преднамѣренная, если она при томъ касается разнообразныхъ отношеній жизни и дѣятельности этого лица; а также его литературныя произведенія, въ которыхъ невольно отражается и внутренній міръ наполнявшихъ писателя идей и интересовъ, и внѣшніе его пріемы, отношенія и характеристическія свойства. Исслѣдователи исторіи патріарха Фотія, кажется, могли бы находиться въ этомъ отношеніи въ самомъ благопріятномъ положеніи, и, повидимому, остается только удивляться, какъ мало они доселѣ пользовались этимъ положеніемъ.

Указанный источникъ — чрезвычайно обильный и разнообразный. Одни письма Фотія составляютъ такой обширный сборникъ, который объемомъ своимъ, пожалуй, превосходитъ всѣ другіе, вмѣстѣ взятые, источники свѣдѣній о немъ ¹⁾. Писемъ Фотія напечатано болѣе 260: между тѣмъ и теперь не только нельзя имѣть увѣренности, что уже

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1892 г. — *Окончаніе*. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

всѣ его письма сдѣлались извѣстны, но, напротивъ, можно имѣть увѣренность, что многія изъ нихъ уничтожились и случайно, и по особеннымъ стараніямъ его враговъ, а другія, можетъ быть, еще и существуютъ, но остаются необнародованными. Между напечатанными письмами Фотія есть такія, которыя составляютъ цѣлыя богословскіе и нравственные трактаты, и имѣютъ очень важное значеніе не только для исторіи Фотія, но и для исторіи вообще ¹⁴⁸). Письма эти чрезвычайно разнообразны. 1) Они разнообразны по составу и положеніямъ лицъ, къ которымъ были писаны: здѣсь мы встрѣчаемъ царей (Михаила и Василія византійскихъ, Бориса болгарскаго, Апота армянскаго), восточныхъ патріарховъ (Евстагія, Θεοδοσία), римскихъ папъ (Николая I, Іоанна VIII), множество митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ—правителей монастырей и простыхъ монаховъ отшельниковъ, знатныхъ придворныхъ сановниковъ, правителей народа и простыхъ мірянъ,—лицъ близкихъ Фотію, родныхъ, друзей и враговъ его, покровителей и преслѣдователей. 2) Письма также очень разнообразны и по положеніямъ писавшаго лица: Фотій писалъ ихъ и на верху славы и величія, и въ тяжкомъ заточеніи, подъ гнетомъ проклятій и преслѣдованій. 3) Необыкновенно разнообразны и предметы писемъ: въ однихъ Фотій раскрываетъ высокіе догматы вѣры, начертываетъ правила христіанской нравственности, рѣшаетъ запутанныѣе вопросы церковной практики, объясняетъ труднѣйшія мѣста священнаго писанія; въ другихъ—говоритъ о своемъ личномъ положеніи и ближайшимъ образомъ входитъ въ разнообразныя положенія лицъ, къ которымъ пишетъ, утѣшаетъ родныхъ и друзей, наставляетъ учениковъ и приверженцевъ, споритъ съ равномыслящими, обвиняетъ неправоживущихъ, жестокихъ, несправедливыхъ, развращенныхъ, предостерегаетъ высокоумныхъ и упорныхъ, подкрѣпляетъ колеблющихся и падшихъ и т. д. 4) Замѣчательно разнообразенъ и самый внѣшній тонъ писемъ Фотія—то пламенный и даже рѣзкій, то важный и спокойный, то задушевно простой, нѣжный и умильный, то тонко-ироническій, то простодушно-шутливый,—тонъ, не только въ разныхъ письмахъ, но иногда въ одномъ и томъ же письмѣ нѣсколько разъ мѣняющійся, сообразно съ оттѣнками настроенія писавшаго, и въ особенности сообразно съ положеніемъ, свойствами и духовными нуждами лицъ, къ которымъ писалось, а также съ предметами и цѣлями писанія ¹⁴⁹). Но, при всемъ этомъ разнообразіи, во всѣхъ письмахъ Фотія, начиная отъ писемъ къ самымъ важнымъ особамъ, въ которыхъ онъ раскрываетъ высокія истины вѣры, пра-

вила нравственности, или даетъ мудрые политическіе совѣты, до самыхъ простыхъ обыденныхъ писемъ въ родѣ, напримѣръ, того, въ которомъ онъ благодаритъ простаго монаха пустынника (Зосиму) за присылку ему деревенскихъ гостинцевъ—каштановъ и грибовъ¹⁵⁰),—отражаются однѣ и тѣ же привлекательныя нравственныя черты: не только умъ высокій, тонкій, обогащенный самыми разнообразными свѣдѣніями, часто игривый въ выраженіи, но всегда серьезный и твердый въ основномъ настроеніи, но и сердце горячее, пѣжное, — характеръ ласковый, любезный и вмѣстѣ съ тѣмъ твердый и прямой, — глубокое благочестіе, непоколебимая при всякихъ случаяхъ преданность волѣ Божіей, горячая ревность о вѣрѣ и церкви, преданность своему долгу и положенію, внимательность къ подчиненнымъ, заботливость о пасомыхъ и т. д. Вообще: въ письмахъ своихъ Фотій является совѣтъ не такимъ, какимъ старались изображать его давніе злостные враги и позднѣйшіе предубѣжденные писатели. Какой богатый источникъ для изученія необыкновеннаго по своимъ духовнымъ свойствамъ лица и замѣчательнѣйшаго историческаго дѣятеля! И какъ мало еще и доселѣ этимъ источникомъ пользуются изслѣдователи Фотіевой исторіи, нѣсколько вѣковъ пробавляющіеся, главнымъ образомъ, жалкими и сомнительными разказами Митрофановъ, Стиліановъ, Анастасіевъ и Никитъ¹⁵¹).

Подобное же нужно сказать и вообще о сочиненіяхъ Фотія. Многочисленность, многосодержательность и чрезвычайное разнообразіе ихъ всегда приводили въ изумленіе изслѣдователей, знакомившихся съ ними, и, не смотря на всѣ составившіяся предубѣжденія противъ Фотія, невольно привлекали къ нему сочувствіе сколько нибудь безпристрастныхъ цѣнителей. Рѣдкій изъ писателей древнихъ и новыхъ вѣковъ оставилъ послѣ себя столько сочиненій и такихъ разнообразныхъ, какъ Фотій¹⁵²). Между тѣмъ и здѣсь опять нужно сказать, что мы далеко не можемъ пользоваться всѣмъ, что писалъ онъ: нѣкоторыя изъ его сочиненій, вѣроятно, были уничтожены еще при его жизни¹⁵³), другія уцѣлѣли до позднѣйшихъ вѣковъ, но оставались неизданными¹⁵⁴). Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе Фотіевыхъ сочиненій по существу, что требуетъ особеннаго и очень большаго труда, касаясь ихъ здѣсь лишь какъ одного изъ источниковъ для разъясненія исторіи Фотія, мы должны, впрочемъ, отмѣтить въ нихъ ту общую черту, что внѣшнихъ фактовъ его жизни они касаются немного. Фотій былъ въ высшей степени объективенъ въ своихъ трудахъ, то-есть, обращая вниманіе въ своихъ сочиненіяхъ исключительно на развитіе пред-

мета по существу, онъ не любилъ примѣшивать къ главному предмету рѣчи сообщеній о себѣ и своихъ личныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ ¹⁵⁵). Поэтому лишь въ очень немногихъ изъ его сочиненій можно находить прямые данныя для его біографіи ¹⁵⁶). Но, не говоря уже о томъ, что такое объективное отношеніе къ дѣлу само по себѣ представляетъ знаменательную характеристическую черту, совершенно противоположную увѣреніямъ тѣхъ писателей, которые главными мотивами литературной, государственной и церковной дѣятельности Фотія старались представить тщеславіе и славолюбіе ¹⁵⁷), и въ другихъ отношеніяхъ ознакомленіе съ сочиненіями Фотія само по себѣ, независимо отъ намѣреній писателя, должно приводить безпристрастнаго изслѣдователя къ инымъ представленіямъ о личности Фотія, нежели какія внушаются его противниками. Такъ, ознакомившись хотя сколько нибудь съ сочиненіями Фотія, нельзя уже вѣрить такимъ инсинуаціямъ его враговъ, что ученость его имѣла лишь свѣтскій, а не духовно-богословскій характеръ, или что она имѣла еретическое, кощунно-нечестивое направленіе ¹⁵⁸). Мало можно найти въ сочиненіяхъ Фотія прямыхъ опроверженій на другія обвиненія, выставленныя противъ него врагами, напримѣръ, на обвиненія въ лжи, рабобѣствѣ, интриганствѣ и тиранствѣ: тѣмъ не менѣе безпристрастный читатель, знакомясь съ возвышенными идеями, стремленіями и интересами, которыми наполнена была духовная жизнь Фотія, и которые отражаются во всѣхъ его произведеніяхъ, едва ли также въ состояніи будетъ вѣрить, чтобы такой человекъ способенъ былъ къ низкой лжи, мелкому интриганству и тиранническому насилию ¹⁵⁹). Поэтому-то люди, основательно изучавшіе сочиненія Фотія, большею частію проникались сочувствіемъ и къ его личности, и приходили къ сомнѣніямъ въ справедливости тѣхъ нареканій и клеветъ, которыми загрязнена была память его давними врагами и позднѣйшими клеветниками ¹⁶⁰).

VIII.

Заключительные выводы.—Обзоръ литературы о Фотіѣ — западной и восточной.—Чего нужно желать далѣе для лучшаго разъясненія исторіи Фотія? — Значеніе этой исторіи для православнаго греко-славянскаго міра и для всего христіанства.

Вотъ источники для оцѣнки личности и восстановленія правильной исторіи патріарха Фотія. Какіе выводы можемъ мы извлечь изъ представленнаго обзорѣнія этихъ источниковъ?

Въ виду всего, что доселѣ писано было о Фотіѣ, особенно на

Западѣ, не только католическими историками, но и протестантскими, а за ними и иными нашими восточными, заимствовавшими у западныхъ, кажется, не колеблясь, съ полною рѣшительностью можно высказать такой выводъ, что пора перестать излагать исторію Фотія такъ, какъ она доселѣ излагалась: то-есть, по тѣмъ источникамъ, какіе доселѣ полагались въ основаніе ея, съ тѣхъ только сторонъ, съ какихъ она доселѣ почти исключительно разсматривалась, въ томъ освѣщеніи, въ какомъ представлялись факты ея у большей части писавшихъ о Фотіѣ ¹⁶¹⁾.

Нельзя судить о Фотіѣ по показаніямъ его враговъ, явно пристрастныхъ противъ него и имѣвшихъ особенныя побужденія порицать и чернить его, равно и по разъясненіямъ тѣхъ позднѣйшихъ предубѣжденныхъ писателей, которые имѣютъ особенную тенденцію поддерживать въ исторіи сложившееся темное представленіе о Фотіѣ, лишь измѣняя его въ отдѣльныхъ тонахъ, то преувеличивая, то ослабляя въ частностяхъ, по соображеніямъ съ особыми практическими цѣлями и настроеніями времени.

Въ основаніе Фотіевой исторіи должно быть положено то, что всего прямѣе и непосредственнѣе отражаетъ его личность и жизнь, то-есть, его собственныя письма и сочиненія ¹⁶²⁾. Пусть и не особенно много найдется здѣсь матеріала для разъясненія біографическихъ частности, внѣшнихъ фактовъ его исторіи: но здѣсь во всякомъ случаѣ откроется главное—нравственный образъ изучаемаго дѣятеля, отъ котораго такъ или иначе должно быть проведено освѣщеніе и на частныя факты его жизни.

Высказанное требованіе—очень нелегкое: письма и сочиненія Фотія составляютъ нѣсколько большихъ томовъ; писаны они на трудномъ для пониманія византійско-греческомъ языкѣ, имѣютъ многія особенности въ изложеніи. Разъясненія и комментаріи позднѣйшихъ писателей, въ особенности католическихъ, то-есть, наиболѣе сильныхъ по внѣшней эрудиціи, но пристрастныхъ и тенденціозныхъ, не только не облегчаютъ работы самостоятельнаго изслѣдователя Фотіевой исторіи, но часто будутъ запутывать и затруднять его. Но все это, по возможности, нужно преодолѣть, идя твердымъ самостоятельнымъ путемъ, изучая дѣло по первымъ источникамъ и отрѣшавшись отъ тенденціозныхъ и искусственныхъ толкованій. Пользоваться всякими пособиями при изученіи писемъ и сочиненій Фотія, а ихъ великое множество, конечно, нужно, но полагаться на нихъ можно лишь со всюю осмотрительностью ¹⁶³⁾.

Затѣмъ, послѣ изученія собственныхъ писаній Фотія, нужно какъ можно полнѣе рассмотреть всѣ отрывочныя извѣстія о положительныхъ сторонахъ дѣятельности Фотія — церковно-административной, миссіонерской, благотворительной и т. д. Это также не легко, потому что эти извѣстія разсѣяны по разнымъ источникамъ, и положительные стороны дѣятельности Фотія у писателей, доселѣ писавшихъ его исторію, отодвинуты на задній планъ и сильно затѣнены болѣе извѣстною полемическою стороною его дѣятельности, то-есть, отношеніями его къ римской церкви и къ противоборствовавшей ему константинопольской церковной партіи ¹⁶⁴). Но если мы желаемъ лучше узнать, каковъ былъ Фотій самъ по себѣ и въ своихъ дѣлахъ, а не какими представлялся онъ лишь въ отношеніяхъ къ своимъ противникамъ, то необходимо, какъ можно полнѣе, изучить указанные положительные стороны его дѣятельности.

Какъ на лучшемъ источникѣ для изученія патріаршей дѣятельности Фотія съ положительной стороны изъ сохранившихся памятниковъ, безъ сомнѣнія, нужно остановиться внимательнѣе на актахъ константинопольскаго собора 879 — 880 г. Пусть памятникъ этотъ представляется съ нѣкоторыхъ сторонъ еще не вполне готовымъ для научнаго пользованія; пусть редакція разныхъ списковъ его еще недостаточно свѣрены между собою; пусть подлинность и неповрежденность нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ нему, представляется пока спорною: все это касается частныхъ, которыя, конечно, нужно стараться выяснитъ сколько возможно точнѣе, но изъ-за которыхъ не нужно останавливаться надъ констатированіемъ общей стороны дѣла ¹⁶⁵). За исключеніемъ немногихъ частныхъ, общій смыслъ памятника во всѣхъ редакціяхъ его остается одинъ и тотъ же, и онъ дастъ замѣчательнѣйшее свидѣтельство какъ о направленіи церковной дѣятельности Фотія, такъ и о великомъ его умѣ, замѣчательномъ административномъ искусствѣ, необыкновенномъ вліяніи на лицъ окружающихъ, даже бывшихъ предубѣжденными противъ него, и т. д. ¹⁶⁶).

Затѣмъ, конечно, и всѣхъ другихъ указанныхъ выше источниковъ, какъ они ни незначительны и пристрастны сами по себѣ, игнорировать совсѣмъ нельзя. Но нужно, какъ можно точнѣе, опредѣлитъ и постоянно имѣть въ виду относительное значеніе и характеръ cadaго памятника, и къ извѣстіямъ, выходящимъ отсюда, нужно какъ можно тщательнѣе прилагать обычные требованія научно-исторической критики, то-есть, свѣрять одни извѣстія съ другими, провѣрять показанія менѣе значительныхъ и сомнительныхъ источниковъ

по показаніямъ болѣе твердыхъ и значительныхъ, сопоставлять и по возможности разъяснять представляющіяся противорѣчія, устранять тенденціозныя преувеличенія и пикапности, брать изъ источниковъ только прямые твердые факты, по возможности отрѣшая ихъ отъ фальшивыхъ тенденціозныхъ освѣщеній и объясненій и т. д. ¹⁶⁷⁾.

Вотъ путь, по которому, мы думаемъ, должна пойти наука въ разъясненіи вопроса о личности и историческомъ значеніи патріарха Фотія. Намъ кажется, что на этотъ путь уже и склоняется мало-помалу она не только у насъ на православномъ Востоку, но и на Западѣ. Но далеко еще историческая наука не утвердилась на этомъ пути и не выработала ясныхъ и опредѣленныхъ результатовъ ¹⁶⁸⁾.

Дѣло это главнымъ образомъ лежитъ на нашей православно-восточной, то-есть, русской и новогреческой наукѣ. И дѣло это, мы думаемъ, вполнѣ стоитъ того, чтобы на него направлены были соединенныя усилія не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ научныхъ вѣдомствъ и корпорацій ¹⁶⁹⁾.

Вопросъ о Фотіѣ несомнѣнно имѣетъ важное значеніе для всего православнаго міра, не говоря уже объ особенномъ значеніи его для православнаго славянства. Мы доселѣ держимся на принципахъ Фотіевыхъ. На Западѣ насъ нерѣдко называютъ фотіанцами. И намъ незачѣмъ отказываться отъ этого названія; оно имѣетъ основаніе не въ томъ, конечно, смыслѣ, что Фотій создалъ, вновь измыслилъ наши православные принципы,—принципы эти были искони принципами церковной жизни,—но въ томъ, что Фотій съ особенною твердостью и опредѣленностью заявилъ ихъ въ своей начинавшейся полемикѣ съ латинскими средневѣковыми новшествами.

Правильное разъясненіе исторіи Фотія несомнѣнно имѣетъ значеніе для всего христіанства. Со временъ Фотія начинается несчастное раздѣленіе между христіанскимъ Востокомъ и Западомъ, не только не теряющее своей силы, но все болѣе углубляющееся и развѣтвляющееся до настоящаго времени. Христіане разныхъ исповѣданій къ настоящему времени до того разошлись въ разные стороны и заупокоились въ своихъ междуцерковныхъ отношеніяхъ, что представляется необходимымъ для всѣхъ воротиться къ началу разрыва, чтобы разъяснить, какая сторона здѣсь была болѣе правая, и какая менѣе, чьи принципы болѣе твердые и чистые, и чьи менѣе.

Мы имѣемъ увѣренность, что съ болѣе серьезнымъ изученіемъ исторіи Фотія людьми безпристрастными все болѣе и болѣе будетъ выясняться значеніе его личности и дѣятельности для всего христі-

анства. Если, за утратою и истребленіемъ многихъ памятниковъ, останутся все еще не совсѣмъ ясными и спорными нѣкоторыя стороны его личной исторіи, то во всякомъ случаѣ его истинно-православные принципы, его глубокое пониманіе потребностей и состоянія церковной жизни, его необычайная прозорливость, его горячая ревность о твердости и свѣтлости церковнаго аданія, должны получить признаніе у всѣхъ людей просвѣщенныхъ и принимающихъ къ сердцу интересы христіанства. „Да будетъ же,—повторимъ слова русскаго ученаго епископа, поставленнаго между эниграфами нашей рѣчи,—да будетъ же вѣчная память сему боголюбезнѣйшему святителю, сказавшему, между прочимъ, первое справедливое слово о россахъ и поло жившему начало обращенію ихъ въ христіанство. Вѣчная память Διονία ἡ μυήρη!“

ПРИЛОЖЕНІЕ.

147. Письма Фотія, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ собраній, извѣстны въ трехъ наиболѣе полнымъ изданіямъ: 1) старое Лондонское изданіе 1651 г. приготовленное епископомъ норвичскимъ *Монтакуціемъ* и напечатанное Р. жеромъ Даніэлемъ. Монтакуцій перевелъ письма на латинскій языкъ и присоединилъ къ нимъ много примѣчаній; эти примѣчанія доселѣ не потеряли цѣльности: въ нихъ чуть ли не въ первый разъ высказалось независимое отъ Баронія и болѣе безпристрастное воззрѣніе на Фотія и на многіе факты его исторіи. 2) Изданіе Монтакуція, съ присоединеніемъ еще нѣсколькихъ писемъ, обнаруженныхъ писемъ, перепечатано у *Миня* въ СПб. t. Patrolog. Græc. 3) Въ 1864 г. вышло въ Лондонѣ въ одномъ греческомъ текстѣ новое изданіе писемъ Фотія—*Валетты*, какъ мы уже упоминали (примѣч. 2), наиболѣе исправное по тексту и съ болѣе полными и основательными примѣчаніями: (хотя и здѣсь есть еще нѣкоторые недостатки какъ въ редакціи текста такъ и въ объясненіяхъ. *Срав. примѣчан. 154, 156*). Расположеніе писемъ всѣхъ трехъ означенныхъ изданій различное. Но у *Миня* приложенъ сличительный index писемъ по изданію Монтакуція и его собственному, а *Валетты* подъ каждымъ письмомъ обозначается, подъ какою же напечатано оно у Монтакуція и *Миня*. Поэтому мы въ своемъ изслѣдованіи, цитируя письма Фотія по изданію *Валетты*, даемъ, кажется, удобнѣйшее руководство желающимъ находить и проверять ихъ и по другимъ изданіямъ. 4) русскій языкъ предпринять былъ переводъ писемъ Фотія въ *Душевной Бесѣдѣ* 1859 г., но переведена изъ нихъ развѣ лишь десятая часть. Еще ранѣе тѣ, переведено было нѣсколько (8) писемъ Фотія въ *Христіанскомъ Чтеніи*: 1845 и 1846 г.

148. Напримѣръ, окружное посланіе къ восточнымъ патріархамъ (у *Валетты* ісст. 4), 2-е письмо къ папѣ Николаю (3), къ митрополиту Аквилейскому (5), къ Борису болгарскому (6), 1-е письмо изъ ссылки къ императору Василию (218), къ епископамъ, сострадающимъ въ ссылкѣ (146), и др.

149. По особенной сдержанности и многосодержательности, по необыкновенному разнообразію предметовъ и тоновъ, по замѣчательной оригинальности, глубокому и мѣткому остроумію, мѣстами и по вѣжной задушевности, письма Фотія русскимъ читателямъ изъ ближайшихъ къ намъ духовныхъ писателей, кажется, всего болѣе могли бы напомнить приснопамятнаго святителя московскаго Филарета.

150. У *Валетты* іс. 264.

151. Въ прежнее время католическіе писатели—Бароній и слѣдовавшіе за нимъ, приводили изъ писемъ Фотія въ извлеченіяхъ и переложеніяхъ лишь нѣкоторыя (гдѣ оказывалось это необходимымъ для связи фактовъ Фотіевой исторіи), напримѣръ, письма Фотія къ папѣ Николаю, къ восточнымъ патріархамъ (1, 3, 4, по счету *Валетты*), и при томъ, со всякими предупрежденіями и перетолкованіями. Спасибо и за то; можетъ быть, эти-то первые тенденціозныя обнародованія писемъ Фотія и побудили другихъ, уже не столько предубѣжденныхъ ученыхъ, начиная съ Монтакучія, къ болѣе тщательному собранію и основательному изученію писемъ и сочиненій Фотія, а также и другихъ документовъ, относящихся къ исторіи его. Въ новое время католическіе ученые (*Жажэ, Гергенрёттеръ*) стараются оживлять изложеніе исторіи Фотія многочисленными выдержками изъ его писемъ, но опять-таки съ своеобразными тенденціозными освѣщеніями и перетолкованіями, а мѣстами и въ неточныхъ переводахъ или перифразахъ. Изъ нашихъ русскихъ писателей къ письмамъ Фотія, при изложеніи его исторіи, первые стали обращаться *Муромецъ* и *Зернинъ*, изъ новѣйшихъ ими пользуются *Н. В. Платоновъ* и *О. Преображенскій*. Гергенрёттеру нужно высказать благодарность за то, что онъ внимательно всѣхъ, прежде писавшихъ о Фотіѣ, приурочилъ хронологически къ различнымъ фазисамъ Фотіевой исторіи содержаніе различныхъ писемъ его, но не нужно терять изъ виду, что у Гергенрёттера вездѣ своя тенденція, потому самыя его хронологическія даты и соображенія нужно внимательно провѣрять... Мѣстами, впрочемъ, и *Жажэ* и Гергенрёттеръ сами какъ бы немного поддаются вліянію Фотія, и приводимыя ими выдержки изъ его писемъ оставляютъ въ читателѣ совѣсть не то впечатлѣніе, каково имъ желалось бы дать своими перифразами и истолкованіями (напримѣръ, при изложеніи писемъ, писанныхъ изъ ссылки, у *Гергенрёттера* въ первомъ четырехъ главахъ *Г жини*, также въ одиннадцатой главѣ *VII книги*).

152. Фотій писалъ сочиненія едва ли не по всѣмъ главнымъ отраслямъ человеческого знанія, извѣстнымъ въ то время. Главнымъ образомъ, и особенно значительныя сочиненія его могутъ быть отнесены къ четыремъ большимъ группамъ: 1) *Догматико-эксегетическія*, такъ называемыя *Амфилогіи*, и сохранившіеся отрывки изъ другихъ объясненій на отдѣльныя книги и тексты священнаго писанія (преимущественно въ первомъ томѣ *Минскаго* изданія сочиненій Фотія: по общему счету *Graecae Patrologiae* t. CI). 2) *Догматико-полемическія*: сюда принадлежатъ обличительныя писанія противъ латинянъ, также

противъ новыхъ манихеевъ или павликіанъ, противъ иконоборцевъ и монофизитовъ (изъ нихъ только часть сохранилась, а другія извѣстны по названіямъ и по упоминаніямъ въ самыхъ же сочиненіяхъ Фотія и у другихъ позднѣйшихъ писателей, преимущественно второй томъ собранія сочиненій, СII Patrologiae Graecae; здѣсь помѣщены также письма, рѣчи и стихотворенія Фотія). 3) *Капоническія*: Syntagma Canonum, Synagoge, Nomocanon и отдѣльныя разъясненія по частнымъ капоническимъ вопросамъ (вторая половина четвертаго тома собранія, CIV t. Patrologiae Graecae). 4) *Критико-библіографическія*: Murgiblion-Bibliotheca (самый большой изъ трудовъ Фотія въ СIII и первой половинѣ CIV t. Patrologiae Graecae); кромѣ того, у Фотія есть сочиненія: а) *правоучительнаго характера*: отдѣльные нравственные афоризмы (собранные у Гергенрѣтера въ Monumenta Graeca, ad Photium pertinentia, Ratisbonae, 1869) и множество правоучительныхъ сужденій въ другихъ сочиненіяхъ, письмахъ и рѣчахъ Фотія. б) *Сочиненія историческаго характера*: сокращеніе Филосторгіевой исторіи, изложеніе исторіи семи вселенскихъ соборовъ въ письмѣ къ кнзю Михаилу-Борису, и, кромѣ того, историческій элементъ, какъ основа, входитъ въ другія сочиненія Фотія. в) *Слова, рѣчи, церковныя писмописанія, гимнографии*, писанныя Фотіемъ; изъ нихъ только нѣкоторыя извѣстны въ печати. г) *Сочиненія филологическаго содержанія*: словарь рѣдкихъ реченій и оборотовъ, встрѣчающихся у древнихъ писателей (отдѣльное изданіе, не вошедшее въ собраніе Миня: *Naber, Photii Patriarchae Lexicon, Leipzig, 1864*); д) *Сочиненія философскія* о категоріяхъ Аристотеля и другія; изъ нихъ лишь часть напечатана у Гергенрѣтера въ Monumenta. е) Въ сочиненіяхъ Фотія встрѣчаются свѣдѣнія по математикѣ, физикѣ, астрономіи, естественной исторіи, даже по медицинѣ; у нѣмцевъ писались спеціальныя монографіи о *медицинскихъ познаніяхъ Фотія* (см. въ Энциклопедіи Эрша и Грубера статью *Домініалъ о Фотіѣ*). Затѣмъ, какъ мы уже говорили, въ письмахъ Фотія высказываются свѣдѣнія и сужденія всякаго рода — догматическія, нравственныя, капоническія, историческія, филологическія, естественно-научныя и т. д. Помстивъ, нужно удивляться необыкновенному богатству и разнообразію этихъ свѣдѣній: развѣ лишь у очень немногихъ писателей можно найти такую разносторонность. Полнаго и цѣлаго собранія всѣхъ сочиненій Фотія доселѣ нѣтъ ни одного; многіе издатели на Западѣ задавались такимъ предпріятіемъ, но не успѣвали осуществить его. Наиболѣе полнымъ собраніемъ остается *Миневское*, въ которомъ, какъ сказано, сочиненія Фотія составляютъ четыре огромныхъ тома (CII—CIV); но сюда не вошли нѣкоторыя даже изъ напечатанныхъ отдѣльно сочиненій Фотія, напрямѣръ, его Словарь и сочиненія, уже послѣ Миневскаго изданія обнародованныя Гергенрѣтеромъ, С. Икономосомъ, Валеттою, Порфиріемъ Успенскимъ, Керамевсомъ и др. При томъ въ изданіи Миня позднѣйшіе, сейчасъ упомянутые, изслѣдователи сочиненій Фотія указываютъ немало недостатковъ. Изложеніе содержанія и отзывы о сочиненіяхъ Фотія (въ общемъ болѣею частью пропикнутые уваженіемъ и удивленіемъ къ необыкновенной многосторонности его ума) можно найти у всѣхъ извѣстныхъ историковъ церковной литературы: *Кавс, Удмана, Дю-Пона, Сейлс, Фабриція*. Изъ болѣе близкихъ къ намъ и болѣе отчетливо составленныхъ обзорѣвъ писаній Фотія нужно указать въ западной литературѣ: 1) предисловіе къ изданію

сочиненій Фотія аббата *Миня* въ CI т. *Patrologiae Graecae* (и частнымъ предисловія къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ сочиненіямъ Фотія—въ дальнѣйшихъ томахъ). 2) Третій томъ сочиненій *Гергенрѣтера*; здѣсь въ VIII книгѣ авторъ даетъ внимательнѣйшій отчетъ объ изданныхъ до его трехтомнаго изслѣдованія сочиненіяхъ Фотія, а въ IX книгѣ Гергенрѣтеръ старается въ системѣ представить богословское ученіе Фотія по извлеченіямъ изъ разныхъ его сочиненій (и, конечно, это ученіе оказывается совершенно православнымъ). Нельзя не воздать благодарности нѣмецкому ученому за это тщательнѣйшимъ образомъ составленное изслѣдованіе о сочиненіяхъ и воззрѣніяхъ патріарха Фотія: имъ, конечно, будутъ пользоваться всѣ, кому далѣе придется писать о Фотіѣ. Но и здѣсь опять нужна оговорка. При всемъ видимомъ безпристрастіи къ Фотію и уваженіи къ литературной дѣятельности его, у кардинала Гергенрѣтера и здѣсь мѣстами проглядываетъ тенденція очернить Фотія, понизить цѣну его писаній, которыя будто чрезчуръ восхваляемы были нѣкоторыми прежними учеными. Потому и въ этой части изслѣдованія православнымъ писателямъ не нужно вполнѣ довѣряться Гергенрѣтеру, а нужно самостоятельно провѣрять его ¹⁾. Въ православной литературѣ, доселѣ

¹⁾ Особенно Гергенрѣтеръ упрекаетъ Фотія въ неотчетливости цитатъ и даже въ литературномъ плагиатѣ, а также по мѣстамъ и въ невѣрномъ освященіи и истолкованіи фактовъ и свидѣтельствъ, заимствуемыхъ изъ священнаго писанія и у древнихъ св. отцевъ. Первый упрекъ преимущественно относится къ объясненіямъ священнаго писанія въ *Амфилохіяхъ* и другихъ писаніяхъ Фотія. Фотій часто будто бы беретъ объясненія у древнихъ учителей церкви, не называя ихъ. Въ особенности Гергенрѣтеръ упрекаетъ Фотія за то, что онъ много пользуется писаніями блж. *Феодорита*, не ссылаясь на него прямо (см. *Гергенрѣтеровское предисловіе къ изданію Амфилохій* у *Миня* t. CI, pag. 1—20, также III т. изслѣдованія Гергенрѣтера *Sa.* 31—70). Но нужно сказать, что Фотій въ своихъ объясненіяхъ писанія, отбѣчая болѣею частью на жинныя запросы своихъ друзей и почитателей, вовсе и не старался давать имъ непременно оригинальными объясненіями (т. е. чѣмъ, какъ извѣстно, и должны быть воздержны и осторожны православные богословы и экзегеты), а прямо иногда такъ и писалъ своимъ друзьямъ, что онъ даетъ имъ лучшія изъ готовыхъ объясненій, иногда прямо и указывая, что у кого онъ заимствуетъ, и отзываясь съ полнѣйшимъ достоюющимъ уваженіемъ о древнихъ толкователяхъ (въ особенности о св. *Златоустѣ*, съ которыми, какъ и съ блаженнымъ *Феодоритомъ*, у него представляется наибольшее сродство въ пониманіи писанія), а иногда и не указывая этого на посильнѣею писанія и потому, что это не нужно было для тѣхъ, кому онъ писалъ; и, наконецъ, иногда онъ не дѣлалъ этого потому, что не имѣлъ подъ руками нужныхъ книгъ, пользуясь лишь матеріаломъ, хранившимся въ его изумительной громадной памяти. (Этимъ также объясняется и то, что онъ иногда приводитъ мѣста изъ библіи и писаній отеческихъ не буквально, а въ свободномъ перифразѣ). И при всемъ томъ безпристрастные изслѣдователи экзегетическихъ писаній Фотія, кажется, должны признать, что едва ли у кого изъ древнихъ толкователей и писателей можно найдти столько оригинальнаго, какъ въ самомъ выборѣ объясняемыхъ мѣстъ писанія

мало занимавшейся этимъ дѣломъ, какъ на лучшее можно указать: 1) на обзорѣе сочиненій Фотія у *Филарета Черниговскаго* въ Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви (ч. 3, §§ 283—286). Здѣсь хотя краткія и отрывочныя, но довольно обстоятельныя свѣдѣнія о содержаніи, изданіяхъ и даже рукописныхъ кодексахъ сочиненій Фотія. Но авторъ писалъ еще до изданій Миня и Гергенрѣтера, до изданія Порфірія Успенскаго, поэтому многого, общародовавшаго въ этихъ изданіяхъ, не могъ имѣть въ виду. 2) Въ сочиненіи *И. В. Платонова* (въ X главѣ) сдѣлано также обзорѣе сочиненій Фотія, но оно мало самостоятельно, составлено, главнымъ образомъ, по тому же

(большею частью, особенно трудныхъ), такъ и въ толкованіяхъ, большею частью, основанныхъ на не заурядно твердой для того времени филологіи и критикѣ. Что касается до упрека въ памѣренномъ извращенномъ будто бы со стороны Фотія толкованіи библейскихъ и патристическихъ свѣдѣтельствъ, этотъ упрекъ обращается, главнымъ образомъ, противъ полемическихъ сочиненій Фотія, написанныхъ въ обличеніе латинянъ (см. предисловія, послѣсловія и примѣчанія, приложенныя Гергенрѣтеромъ къ изданнымъ имъ сочиненіямъ Фотія—*De Mystagogia Spiritus Sancti* въ *СII томѣ патрологии Миня*, таковыя же примѣчанія къ сочиненію contra Гегисовъ въ *Монумента graeca ad Photium pertinentia* (Ratisbonae, 1869, и соответствующіе имъ отдѣлы въ III томѣ изслѣдованій Гергенрѣтера, стр. 143—224). Здѣсь уже ясно сказывается пристрастно ироническая точка зрѣнія, недовольство и злоба на Фотія, какъ на перваго обличителя западныхъ отступленій отъ православія, неудовлетворительность доказательствъ и объясненій его съ римской точки зрѣнія.... Если можно сочиненіямъ Фотія съ нѣкоторою справедливостію дѣлать упреки, то развѣ за то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не достаетъ внѣшней отдѣлки, стройности, равномерности, упорядоченности. Это были писатель, отличавшійся замѣчательною твердостію и подняжностью мысли, и величайшій мастеръ слова. Но онъ составлялъ многія изъ своихъ сочиненій наскоро, отрывочно, по частямъ въ разное время, иногда, какъ сказано, безъ нужныхъ пособій, большею частью, для удовлетворенія ближайшихъ потребностей своихъ друзей, учениковъ, и по неотложнымъ, часто совсѣмъ неблагопріятствующимъ научной работѣ, запросамъ и условіямъ времени; и разъ написавши или продиктовавши, что ему казалось нужнымъ въ данное время, Фотію, кажется, не имѣлъ обыкновенія послѣ передѣлывать написанное, съ пѣлями большей полноты, соразмѣрности, упорядоченности, вообще внѣшней обработки; не имѣлъ обыкновенія, потому ли, что не любилъ этого по жинности своей натуры, или потому, что и времени не имѣлъ для этого при широкой и вѣсучей практической дѣятельности. Изъ этого уже видно и то, что главнымъ мотивомъ его литературной дѣятельности было вовсе не тщеславіе и славолюбіе, какъ говорили его враги (*примѣчаніа 48, 155*); онъ не любилъ щеголять и педичаться своими трудами, едва ли даже и придавалъ имъ такое значеніе, какое они должны были пріобрѣсти въ слѣдствіи, а писать онъ потому, что это нужно было, что на это вызывали его ближайшіе люди и необходимыя обстоятельства времени, и къ этому влекло его неупорядоченное стремленіе дѣлиться съ другими тѣми духовными сокровищами, какими онъ владѣлъ.

Гергенрёттеру. 3) Изъ повогреческихъ писателей будущимъ изслѣдователямъ писаній Фотія нужно имѣть въ виду *предисловіе Валетты* къ изданію писемъ Фотія (London, 1864 г., стр. 83—98).

153. Вѣроятно, не одно сочиненіе Фотія погибло во время сожженія тѣхъ *семь латинскихъ* рукописей на соборѣ 869 г., о которомъ съ такимъ торжествомъ повѣствуетъ Никита Пафлагонскій (примѣч. 96). Къ этому предположенію приводитъ насъ и то соображеніе, что изъ сохранившихся до насъ сочиненій Фотія одни принадлежатъ раннему свѣтскому періоду жизни его (Словарь, Библиотека, нѣкоторые писанія, вошедшія въ составъ Амфилохія, и отрывки изъ философскихъ писаній Фотія); а другія—позднему періоду ссылки и вторичнаго патріаршества (послѣднія части сочиненія противъ павликианъ, всѣ каноническіе труды Фотія и большая часть полемическихъ писаній противъ латинянъ): изъ средняго же періода его литературной дѣятельности, изъ времени перваго патріаршествованія, кромѣ писемъ и нѣсколькихъ словъ, до насъ не дошло, кажется, ничего. Трудно предположить, чтобы Фотій не писалъ чего либо замѣчательнаго въ этотъ средній періодъ развитія его церковной дѣятельности. Если Фотій на шестомъ или седьмомъ десяткѣ лѣтъ (такъ надо полагать возрастъ его послѣ перваго изложенія), разбитый тяжелою борьбой и перенесенными преслѣдованіями, могъ сдѣлать такъ много, какъ показываютъ только каноническіе и полемическіе труды послѣдняго періода его литературной дѣятельности, то, кажется, нельзя допустить, чтобы и въ предшествовавшій періодъ наиболее крѣпкаго развитія силъ и дѣятельности онъ ничего не писалъ, кромѣ писемъ и словъ. Затѣмъ, кромѣ сожженія сочиненій Фотія на соборѣ 869 г., вѣроятно, нѣкоторые изъ нихъ были уничтожаемы и послѣ, въ средніе вѣка латинянами. У прежнихъ историковъ литературы и библиографовъ: *Ламбенія, Кассе, Удина, Фабриція, Комбефиза*, можно находить названія такихъ сочиненій Фотія, которыхъ теперь мы не имѣемъ. Новыя историки и библиографы католическіе (*Минь, Герсенрёттеръ*) высказываютъ такіа мнѣнія, что это большею частью сочиненія, которые теперь изданы подъ другими именами. Можетъ быть, это и такъ, а, можетъ быть, и нѣтъ: требуются дальнѣйшія справки и провѣрки. У нѣкоторыхъ солидныхъ библиографовъ, при обзорѣ писаній Фотія, прямо замѣчаются особенныя отдѣлы: *Photii scripta deperdita, Photii scripta per odium a Latinis exusta vel suppressa aut interpolata*. (см. *Fabricii Bibliotheca Graeca*, t. XI, pag. 1, 37), и въ эти отдѣлы, вѣроятно, не внесены еще нѣкоторыя, безслѣдно пропавшія сочиненія Фотія.

154. Особеннымъ затрудненіямъ въ изданіи подвергались, конечно, тѣ изъ сочиненій Фотія, которыя писаны были имъ въ полемикѣ съ латинствомъ. За исключеніемъ *Окружающаго Посланія къ восточнымъ патріархамъ*, котораго нельзя было скрыть, во обходя самаго факта раздѣленія церкви, и о которомъ поэтому упоминаютъ съ различными отзывами всѣ писатели, писавшіе о Фотіѣ, другія его сочиненія противъ латинянъ, хотя издавна были извѣстны изслѣдователямъ его исторіи и литературной дѣятельности, оставались неизданными до самаго послѣдняго времени. Такъ, самое значительное между сочиненіями этого рода: *о Тайноводствѣ Св. Духа* — Περὶ τῆς τοῦ Ἀγίου Πνεύματος μυστηρίου; издавна находилось и извѣстно было ученымъ въ рукописяхъ би-

бліотекъ Ватиканской, Парижской, Вѣнской и нашей Московской (въ неполномъ спискѣ Cod. 393). О немъ съ похвалою отзывался и изъ него дѣлалъ извлеченія самъ Левъ Алякій въ своихъ сочиненіяхъ *De consensione ecclesiarum et contra Hottingerium* (см. у *Филарета* § 283, примѣч. 32). Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія ученый ватиканскій бібліотекаръ Анжело Ман довольно подробно изложилъ содержаніе этого сочиненія (*Scriptorum veterum nova collectio*, t. I, § VII, pag. 23 и слѣд., Romae, 1831). Тѣмъ не менѣе оно оставалось незнакомымъ даже до второй половины нынѣшняго столѣтія. Въ первый разъ издалъ его Гергенрѣтеръ съ ученымъ предисловіемъ и обширнѣйшими примѣчаніями, въ которыхъ, вѣроятно, предполагалъ дать съ римской точки зрѣнія несокрушимый antidotъ противъ ядовитаго Фотіева ученія (*Rati bonae*, 1857). Вѣроятно, при этомъ условіи ему и позволено было издать означенное сочиненіе. Впрочемъ, о примѣчаніяхъ Гергенрѣтера высказываютъ невысокое мнѣніе православные ученые, О. *Владиміръ Гетше* (*Histoire de l'Eglise*, t. VI, chap. 4, подъ конецъ главы) и новогреческіе издатели писаній Фотіевыхъ (*С. Икономосъ*, *Ἀντιδότῳ, Προλεγόμενα*, с. 50, и *Валетти*, *Ἐπιστολὴ τοῦ Φωτίου, Προλεγόμενα*, с. 90). Изданіе Гергенрѣтера съ предисловіемъ и примѣчаніями перепечатано у Миня въ CII т. *Patrologiae Graecae*; на русскій языкъ часть этого сочиненія переведена профессоромъ С.-Петербургской Академіи Е. И. Ломаянымъ въ *Духовной Бесѣдѣ* 1866 г. Затѣмъ *Гергенрѣтеромъ* въ позднѣйшемъ добавочномъ изданіи уже въ 1869 г. (*Monumenta graeca, ad Photium pertinentia*, Ratisbonae, pag. 72—83) напечатано въ греческомъ текстѣ съ латинскимъ переводомъ другое небольшое полемическое сочиненіе Фотія „Περὶ τῶν Φρίττων καὶ τῶν λοιπῶν ὁρισμῶν“, также давно извѣстное по рукописямъ и существовавшее въ старыхъ славянскихъ переводахъ и передѣлкахъ „О Фрізяхъ и о прочихъ латвінѣхъ“ (см. *Филарета Черниговскаго*, стр. 283, примѣч. 36 и *А. Попова*, *Полемическія сочиненія противъ латинизма*, стр. 58 и сл.). Гергенрѣтеръ и къ этому сочиненію даже еще прежде напечатанія предпослалъ обширныя примѣчанія, которыя одна ли по въ десять разъ болѣе самаго сочиненія, но которыя все-таки мало ослабляютъ силу краткихъ обвиненій Фотіевыхъ (*Hergentr., Photius*, III, 172—224). Затѣмъ, еще нѣсколько небольшихъ противоположистическихъ сочиненій Фотія издано учеными уже не панистическаго направленія: а) небольшое сочиненіе: „Κατὰ τῆς καλαῖας Ῥώμης ὅτι ἐκ τοῦ πατρὸς μόνον ἐκπορεύεται τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον“ въ *Παπολίᾳ δογματικῇ* Евномія Зигабена, византійскаго ученаго монаха XII вѣка, напечатано было въ Валахія въ началѣ прошлаго столѣтія (*Tergobisti*. 1710 г.); у Миня въ CXXX т. *Patrol. Gr.* Паполія Зигабенова перепечатана по въ ней обширный XIV *Titulus*, въ которомъ находятся извлеченія изъ древнихъ греческихъ писателей противъ латинскаго ученія о Св. Духѣ, произущенъ (!). б) Сочиненіе Фотія „о римскомъ приматствѣ“ у *Бевебриджа*, т. II, перепечатано у *Фонтаны* (*Deliciae*, p. 1, 8), у *Валетти*, 567—571 и въ *Σύνταγμα καὶ ὁμολογία Ρώμης καὶ Πόλεως*, IV, 409... в) Сочиненіе „Συναγῶγαὶ καὶ ἀποδείξεις περὶ Ἐπιστολῶν καὶ Μητροπολιτικῶν ἀντακρίσεων ζητημάτων“ въ первый разъ напечатано также у *Фонтаны* въ *Deliciae eruditorum* и затѣмъ перепечатано у *Миня* въ т. CIV и *Валетти* на стр. 559—568.. За всѣмъ тѣмъ, вѣроятно, и теперь нѣкоторые сочиненія Фотія противъ латинизма остаются пообнародованными (напримѣръ,

Фотіево сочиненіе „о литургіи“ или о томъ, что священникъ въ одинъ день не можетъ совершать болѣе одной литургіи (*Hergeng.* III, 142, 160, 248). Остается также не найденнымъ и неизданнымъ сочиненіе Фотія противъ иконоборцевъ, на которое есть указанія въ другихъ его же писаніяхъ и у старыхъ библиографовъ (*Hergeng.* III, 255); обнаруженные Гергенпретеромъ отрывки противъ иконоборцевъ (*Monumenta*, 53—62) можно считать не принадлежащими Фотію, но въ виду того, что иконоборческая ересь во время Фотія далеко еще не была угашена, и что самъ онъ имѣлъ съ нею много столкновений и придавалъ ей очень важное значеніе (примѣч. 94), едва ли можно отвергать то предположеніе, что Фотій писалъ еще особое большое сочиненіе противъ иконоборцевъ, доселѣ не открытое. Остается также не найденнымъ и неизданнымъ Фотіево сочиненіе „противъ Юліана отступника“, писанное по тому поводу, что во времена Фотія между тогдашними вождями были въ ходу возраженія, высказанныя Юліаномъ противъ христіанства; о содержаніи этого сочиненія сообщаетъ нѣсколько самъ Фотій въ письмѣ къ Христофору протосинаарію (у *Валетты*, 66). Остаются неизданными, вѣроятно, еще нѣкоторыя, можетъ быть—многія философскія, экзегетическія, гимнологическія писанія Фотія и, наконецъ, его *Слова и Речи*. Самое значительное собраніе ихъ въ концѣ XVII вѣка находилось въ нашей Московской патріаршей библіотекѣ. Известный Памсіі Лигаридъ передалъ списокъ этихъ рѣчей западнымъ ученымъ. Оглавленіе рѣчей по этому списку напечатано было у Комбефиза въ *Bibliotheca Patrum auctario* (Paris, 1672) и затѣмъ перепечатано у *Фабриція* въ т. V, pag. 30—31, у *Миля* въ т. CII, p. 541—548 и у *Валетты*, 93—96. Но изъ самыхъ рѣчей напечатаны были западными издателями Ламбеціумъ, Комбефизомъ и Минемъ (но неполнымъ и не исправнымъ спискамъ) только двѣ рѣчи: на Рождество Богородицы и освященіе храма Богоматери во дворцѣ императора Василія македонскаго и еще отрывокъ изъ рѣчи на Срѣтеніе Господа праведнымъ Симеономъ (*Migne*, CII, 547—574). А самый полный списокъ рѣчей, хранившійся въ Московской библіотекѣ, утратился неизвѣстно куда и когда (?). Подобный же списокъ, находившійся въ испанской Эскуріальской библіотекѣ, будто бы сгорѣлъ (*Montfaucon Bibliotheca manuscriptorum*, Paris, 1739). Къ счастью, въ недавнее время найдены еще два рукописныхъ кодекса: одинъ съ 14 бесѣдами Фотія въ Константинопольскомъ подворьѣ Гроба Господня и другой съ 16 бесѣдами въ Афонскомъ Иверскомъ монастырѣ. Изъ этого послѣдняго кодекса русскій архимандритъ (потомъ епископъ) Порфирій Успенскій, жившій на востокѣ, переписалъ и издалъ въ неполномъ греческомъ текстѣ, но съ полнымъ русскимъ переводомъ и съ подробными филологическими и историческими разъясненіями, двѣ чрезвычайно важныя для начальной русской исторіи бесѣды „на нашествіе руссовъ—*αἱς ἔφοδον τῶν Ῥώσων*“, и не менѣе важныя для самой исторіи Фотія и византійской церкви (см. примѣч. 42) рѣчи „по поводу праздновація торжества православія при императорахъ Михаилѣ и Василѣ и по поводу возстановленія въ Софійскомъ соборѣ иконы Богоматери, похищенной иконоборцами“ (*Порфирія Успенскаго „Четыре бесѣды“ Фотія, святаго архіепископа Константинопольскаго, С.-Пб., 1864 г.*). Потомъ двѣ бесѣды на нашествіе руссовъ въ полныхъ и болѣе точныхъ редакціяхъ вновь напечатаны

но-гречески учеными: *Наукомъ* (Lexicon Windobanense, Petropoli, 1867. Appendix, 201—232) и Миллеромъ (Fragmenta Historiconum Graecorum, Paris, 1870 т. V), и сдѣланъ новый русскій переводъ ихъ проф. Ловягинимъ въ *Христіанскомъ Читаніи* 1882 г., II, 414—443 (сравн. примѣч. 6). Пресвященный Порфирій выѣлъ намѣреніе издать и другія бесѣды Фотія, открытыя въ Афонско-Иверскомъ спискѣ, но не могъ выполнить этого намѣренія. Долгъ этотъ предложить исполнить кому либо другому изъ православныхъ ученыхъ... Новые греческіе ученые понемногу разыскаваютъ и обнаруживаютъ, хотя и небольшія, но неизданныя еще сочиненія Фотія, или новыя редакціи прежде изданныхъ: напримѣръ, Аристархисъ въ издаваемой имъ константинопольской газетѣ *Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια* 1881, 1883 г. и др. Самое пріятное явленіе въ этомъ отношеніи за послѣднее время представляютъ изданія новогреческаго ученаго, нынѣ работающаго въ Петербургѣ (почетнаго доктора Московскаго университета) А. Н. Попадопуло-Керамевса. Въ прошломъ году въ великолѣпно-изданномъ имъ на средства русскаго Православнаго Палестинскаго Общества *Описаніи Иерусалимской патріаршей бібліотеки* (*Ἱεροσολιτικῆ Βιβλιοθήκη*, Т. А. Petropoli, 1891 г.), выѣсть съ другими вновь найденными имъ въ этой бібліотекѣ текстами древнихъ греческихъ церковныхъ писателей, онъ указалъ нѣсколько доселѣ неизданныхъ писаній Фотія (см. въ концѣ тома *Index стр.* 616); а въ нынѣшнемъ году подъ редакціею его онъ и напечатаны въ только что вышедшемъ 31 выпускѣ *Палестинскаго Сборника* (мы получили его уже при чтеніи этой корректуры). Правда, все это писанія небольшія, но въ обнаруженіи ихъ представляются весьма существенныя дополненія и поправки къ изданіямъ Мнѣя, Валетты, Соф. Икономоса, Евелпиды (см. въ особенности *Приложенія I, II, VI, VII, VIII*). Въ учебномъ предисловіи высказано нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній относительно западныхъ изданій писаній Фотія (напр. стр. IV, VIII, XI). Нельзя не поблагодарить Палестинское Общество за этотъ прекрасный юбилейный подарокъ въ память Фотія. Нельзя не пожелать и почтенному ученому дальнѣйшихъ успѣховъ въ ознакомленіи серьезно интересующихся людей съ сокровищами древнихъ восточныхъ бібліотекъ.

155. Мы утверждаемъ это совершенно вопреки заявленію Гергенпретера, будто у Фотія какъ въ жизни, такъ и въ писаніяхъ, его *я* (selb Ich) вездѣ стоитъ, какъ центральный пунктъ (Mittelpunkt), около котораго все должно вращаться (*Hergentr.*, III, 230). Въ другомъ мѣстѣ Гергенпретеръ говоритъ: „Ничто такъ не вредило христіанству, какъ это самообоготовленіе церковнаго демагога, который свое *я* вездѣ поставляетъ во главу всего, искажаетъ понятія праваго и неправаго, добродѣтели и порока и самое святѣйшее топчетъ подъ ногами своего честолюбія“ (II, 209). Слишкомъ яркая характеристика, но, повидимому, перенесенная на Фотія съ кого-то другаго; не съ папы ли Николая?.. У Фотія его *я* очень мало выступаетъ даже въ интимныхъ письмахъ, тѣмъ менѣе въ другихъ сочиненіяхъ. Фотій, какъ мы недавно сказали (примѣч. къ *примечанію 152*), не старался блистать даже внѣшнюю литературною отдѣлкою своихъ трудовъ.

156. Кромѣ писемъ и нѣсколькихъ (очень немногихъ, краткихъ и совершенно безтенденціозныхъ) упоминаній объ обстоятельствахъ своей жизни—

въ Библиотекѣ, Амфилозіѣ, писаніи противъ павликѣанъ, Фотій довольно опредѣленно высказываетъ свои воззрѣнія на болѣе сомнительныя и щекотливо пункты его личной исторіи, на отношенія къ нему римской церкви и партіи нигатіанъ, лишь въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ сочиненій: „Συναγωγὰ καὶ ἀποδείξεις ἀκριβεῖς, συναλεγμέναι ἐκ τῶν συνοδικῶν καὶ ἱστορικῶν γραφῶν, περὶ ἐπισκόπων καὶ μητροπολιτῶν καὶ λοιπῶν ἑτέρων ἀναγκαίων ζητημάτων“. Это сочиненіе напечатано въ первый разъ въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія у Фонтанни: *Novae Deliciae eruditiorum*, Florentia, 1785 г.; перепечатано у Мина, t. CIV. 1219—1246, у Валетти въ приложеніи къ 'Επιστολαὶ Φωτίου, стр. 559—568 (сравни *Герискрѣтера* Bd. II, 558—570, Bd. III, 165—169; Д. В. Платонова, стр. 104). Но это не то, что обработанное сочиненіе, а какъ будто черновой набросокъ или программа намѣченного содержанія для большаго сочиненія, которое Фотіа, вѣроятно, намѣревался написать, но не успѣлъ, или оставилъ потомъ свое намѣреніе за другими трудами, которые представлялись ему болѣе существенными. Этотъ набросокъ составляетъ Фотіемъ во второе его патриаршествованіе. Онъ состоитъ изъ десяти вопросовъ, касающихся такихъ именно пунктовъ его патриаршествованія, которые могли дурно перетолковываться его противниками, и столькожъ же отвѣтовъ на эти вопросы. Вотъ эти вопросы и отвѣты (мы приводимъ ихъ въ вольномъ переводѣ, чтобы смыслъ ихъ выразить по возможности короче и яснѣе). „Изъ какихъ случаевъ римская церковь оказывалась (въ церковныхъ дѣлахъ) въ неправильномъ или погрѣшительномъ положеніи?“ Въ отвѣтѣ указывается на папъ Либерія и Феликса, принявшихъ опредѣленіе полуаріанскаго антиохійскаго собора, на карфагенскій соборъ при папѣ Феликсѣ 2-мъ, на которомъ обличенъ былъ подлогъ римскихъ легатовъ, для возвышенія папскаго авторитета желавшихъ выдать частное опредѣленіе нонѣтснаго сардинійскаго собора за опредѣленіе никейскаго вселенскаго, — на папу Гонорія, за сочувствіе къ моноелитству осужденнаго VI вселенскимъ соборомъ, на сардинійскій соборъ, на которомъ наистиникъ римскаго папы Осія кордовскій оправдалъ еретика Маркелла акирскаго. 2) „Какихъ законныхъ патриарховъ римская церковь отвергала: но это неосновательное отверженіе нимало не повредило ихъ церковному положенію?“ Въ отвѣтѣ указывается на Флавіана антиохійскаго, рукоположившаго на пресвитерство Св. Іоанна Златоустаго, котораго (Флавіана) римская церковь, какъ и alexandрійская, вначалѣ не признавала, — на константинопольскихъ патриарховъ Фравиту, Евномія и Македонія (въ V вѣкѣ), которыхъ римская церковь отвергла, но которые были признаны святыми на востокѣ, — на самого Іоанна Златоустаго, котораго вступленіе на константинопольскую кафедру (изъ Антиохіи) представлялось сначала съ римской точки зрѣнія незаконнымъ, но котораго потомъ сама же римская церковь (послѣ Златоустава изгнанія изъ Константинополя) стала защищать, — на св. Мелетія антиохійскаго, предсѣдателя втораго вселенскаго собора, котораго первоначально западная церковь, придерживавшаяся партіи соперничествовавшаго съ нимъ Павліана, не хотѣла признавать, но послѣ вступила съ нимъ въ общеніе. 3) „Послѣ какихъ патриарховъ, изгнанныхъ по несправедливости правящими властителями (царями), заступавшіе ихъ мѣсто (патріархи или епископы), если оказывались православными, признавались за-

конными пастырями"? По изгнаніи Анастасія Антиохійскаго, 24 года управлялъ антиохійскою церковью поставленный на мѣсто его Григорій, а потомъ, по преставленіи послѣдняго, опять возвращенъ былъ въ Антиохію Анастасій. Заступившіе мѣсто изгнаннаго св. Іоанна Златоустаго, Арсакій и Аттікѣ, хотя избрапы были изъ числа его противниковъ и сочувствовали его изложенію, припимаемы были однако-жъ, какъ законные православные пастыри. Послѣ Евтихія константинопольскаго признаваемъ былъ, какъ законный патріархъ, Іоаннъ, а потомъ послѣ его смерти опять Евтихій. Послѣ Иліи іерусалимскаго, хотя онъ терпѣлъ гоненіе за благочестіе, признаваемъ былъ законнымъ патріархомъ замѣстившій его Іоаннъ. Киръ амастрідскій, послѣ Калиника, ослабленный Юстиніаномъ 2-мъ, во второе царствованіе Юстиніана былъ избранъ въ патріарха константинопольскаго. Сильворій, папа римскій, по политическимъ подозрѣніямъ изгнанъ былъ Велізаріемъ, и преемникъ, заступившій его мѣсто, былъ принятъ. 4) „Какіе епископы были осуждены, а рукоположенные отъ нихъ ничего не потеряли въ своихъ правахъ?“ По изложеніи Павла самосатскаго никто изъ подчиненныхъ ему клириковъ не былъ лишенъ церковнаго достоинства, даже изъ тѣхъ, которые были соучастниками преступленій, за которыя онъ былъ изложенъ. По изложеніи Несторія, никто изъ рукоположенныхъ имъ не былъ лишенъ сана. Петръ Монгъ еще пресвиторомъ былъ изложенъ отъ св. Протерія (александрійскаго), потомъ выѣхавъ съ Тимофеемъ Элуромъ участвовалъ въ убійствѣ св. Протерія, потомъ самъ занялъ александрійскую кафедру, анаематствовалъ халкидонскій соборъ, и тѣмъ не менѣе рукоположенные этимъ отлученнымъ, убійцею и еретикомъ, если только они сами не оказывались еретиками, были признаваемы. И Феликсъ, папа римскій, въ письмѣ къ императору Зенону то постановленіе, которымъ Петръ извергался изъ церкви, а рукоположенные имъ, принесли покаяніе, припимались, называлъ божественнымъ постановленіемъ (θεῖον τόπον)... Молотій антиохійскій былъ избранъ еретиками аріанами на мѣсто Евстафія совастійскаго, оттуда былъ перемѣщенъ въ Вормію, потомъ избранъ на антиохійскую кафедру послѣдователемъ той же ереси, и однако онъ признается (законнымъ и святымъ епископомъ). Получившіе рукоположеніе отъ Сергія, Пипра и Макарія, отлученныхъ отъ церкви за ересь монофелитскую), принесли покаяніе, удержали свое положеніе въ церкви; также получившіе рукоположеніе отъ Македонія дубоборца: Малетій (огниетскій въ началѣ IV вѣка), виновный въ безчисленныхъ преступленіяхъ, захватывавшій чужіе престолы, утѣснявшій мучениковъ, возставшій противъ своего патріарха (св. Петра), похитившій у него престолъ, бывшій въ общеніи съ Аріемъ, даже во время гоненія, по свидѣтельству историка Сократа, приносившій жертву идоламъ, хотя и былъ осужденъ св. Петромъ, и это осужденіе еще нѣсколько разъ подтверждалось, тѣмъ не менѣе впослѣдствіи законность совершенныхъ имъ рукоположеній и имя епископа не были у него отрицаемы. 5) „Когда епископы, увлекаясь личною правдою, произносили прещенія другъ противъ друга, и однако-жъ это не послужило въ предосужденіи ни тому, ни другому?“ Божественный Іоаннъ (Златоустый) высказывалъ осужденіе противъ Кирилла александрійскаго, и Кириллъ противъ него; Кириллъ и Теодоръ взиимно другъ противъ друга; и, говорятъ, во время

вражды Кириллъ публично высказывался о св. Іоаннѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ... Изъ дальѣйшихъ вопросовъ и отвѣтовъ, не совсѣмъ отчетливо изложенныхъ въ напечатанныхъ редакціяхъ, извлекаемъ наиболѣе ясное и существенное. 6) „Сколь многіе (епископы) отступали отъ повиновенія вселенскимъ соборамъ; но этимъ нисколько не вредили имъ (то-есть, признацію или авторитету этихъ соборовъ)?“ Этотъ вопросъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, только короче, повторяется подъ 10 №, и тамъ дается на него такой отвѣтъ: отъ перваго собора отступились восемнадцать епископовъ и самыя образованнѣйшіе; отъ втораго—очень многіе, которые, собравшись вмѣстѣ, составили (партію) тридцать шесть человѣкъ; отъ третьяго—тридцать, и по главѣ ихъ патріархъ антиохійскій; отъ четвертаго—всѣ, которое держались (партіи) Діоскора и не подписали (опредѣленій собора). 7) „Какіе цари подвизались о мирѣ церковномъ (то-есть, гражданскою властью содѣйствовали утверженію мира церковнаго)?“ Константинъ Великій желалъ примирить Арія съ епископомъ Александромъ, посылалъ для этого Осію исповѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что онъ намѣревается отправиться въ Іерусалимъ на поклоненіе снатымъ мѣстамъ и тамъ объявить опредѣленіе о празднованіи пасхи для прекращенія существующихъ по этому предмету разногласій; потомъ, не убѣдивши Арія, онъ же созвалъ великій (никійскій) соборъ. Θεодосій объявилъ аріанину Димохилу (епископу константинопольскому), что если онъ хочетъ удерживать церковь, пусть живетъ въ мирѣ съ церковью, а иначе пусть удалится; послѣ чего и рукоположенъ былъ (въ епископа константинопольскаго) Нектарій. Тотъ же императоръ примирилъ враждующихъ папу Иннокентія и Флавіана антиохійскаго. 8) „На какихъ соборахъ, хотя и созванныхъ отъ разныхъ іерархическихъ престоловъ, постановленное не имѣло силы, потому что было постановлено несправедливо и противъ уложенія церковнаго?“ Въ отвѣтъ указываются: антиохійскій соборъ при императорѣ Константѣ, тирскій, изложившій св. Афанасію, ефесскій (діоскоровъ) соборъ противъ св. Флавіана, на которомъ присутствовали александрійскій, іерусалимскій и антиохійскій патріархи со многими православными епископами, и Евтихія еретика оправдали, а св. Флавіана осудили,—соборъ, созванный противъ блаженнаго Θεодорита по смерти Кирилла александрійскаго. Постановленія того и другаго собора отвергнуты четвертымъ вселенскимъ соборомъ. То же нужно сказать о соборѣ, собранномъ противъ св. Златоустаго подъ предсѣдательствомъ Θεофила александрійскаго съ нѣкоторыми епископами изъ самого Константинопольскаго церковнаго округа, о филиппопольскомъ (полуаріанскомъ) соборѣ изъ 76 восточныхъ епископовъ, который, въ противность тогда же бывшему православному сардикійскому собору, осудилъ папу Юлія и Осію исповѣдника и подтвердилъ изложеніе св. Афанасія великаго и Павла исповѣдника. И единогласное рѣшеніе епископовъ самого же сардикійскаго собора подъ предсѣдательствомъ Осіи, намѣстника папскаго, не принесло никакой пользы оправданному имъ Маркеллу аммірскому: такъ какъ это рѣшеніе торжественно было отмѣнено вторымъ вселенскимъ соборомъ. 9) „Когда епископы излагали и опять принимали изложенныхъ по каноническому праву, или по убѣжденію своего народа?“ Арія, когда онъ былъ еще діакономъ, святой священномученикъ

Петръ низложилъ и изгналъ изъ церкви, а св. Ахиллъ, преемникъ Петра, не только принялъ въ церковное общеніе, но и рукоположилъ въ пресвитера и поручилъ ему завѣдываніе Александрійскимъ училищемъ. Святѣйшаго Златоуста, низложеннаго Феофиломъ александрійскимъ безъ согласенія другихъ патріарховъ, всѣ принимали и признавали... „Петра милетскаго, низложеннаго св. Мееодіемъ, мы не только приняли, но и сдѣлали митрополитомъ сардійскимъ; и очень многихъ, низложенныхъ св. Игнатіемъ, мы приняли, и св. Игнатій низложенныхъ нами принималъ“. При всей краткости и необработанности изложенія, нельзя не признать здѣсь замѣчательной мѣткости въ самой постановкѣ вопросовъ и замѣчательной силы въ отвѣтахъ на нихъ. Нельзя не подивляться легкости и способѣ, съ какою многосвѣдущій Фотій вращался въ области церковно-историческихъ фактовъ. Нельзя не признать того, что хотя Фотій не касается здѣсь прямо тѣхъ пререканій, которыя направлялись противъ него приверженцами враждебной ему константинопольской партіи и римскими противниками, тѣмъ не менѣе эти пререканія сами собою устраниются объективною постановкою историческихъ фактовъ... Выстъ съ тѣмъ эти вопросы и отвѣты служатъ живымъ выраженіемъ миролюбія Фотіева и его замѣчательнаго умѣнья, при отличномъ знаніи и пониманіи церковной исторіи, улаживать запутаннѣйшія церковныя недоразумѣнія, не сходя съ твердой канонической почвы... Сами собою устраниются въ изложенномъ сочиненіи Фотія и тѣ клеветы враговъ его, будто Фотій до конца жизни ненавидѣлъ, преслѣдовалъ и проклиналъ патріарха Игнатія (примѣч. 58 Д, 127): два раза, какъ мы видѣли, Фотій называетъ здѣсь Игнатія святымъ, святѣйшимъ—*ἀγιωτάτος*—*ὁ ἐν ἀγίοις* Ἰγνάτιος; будто Фотій съ фанатизмомъ относился къ приверженцамъ Игнатія, епископовъ, рукоположенныхъ Игнатіемъ, считалъ нужнымъ вновь перерукополагать (клеветы Никиты Пафлагонскаго: *Migne*, CV, 572, которыя стараются поддерживать и пѣвторы изъ новыхъ противниковъ Фотія: *срвн. Гершенкретера*, V кн., 9 м.). Понятно, при этомъ, почему это сочиненіе Фотія вмѣстѣ съ другими писаніями его, неприятными для нинистовъ, должно было долго оставаться подъ спудомъ... Ученые паписты давно знали, что оно существуетъ во многихъ европейскихъ бібліотекахъ во многихъ спискахъ (см. *Fabricii Bibliotheca*, t. XI, 27—28). (Существовало оно, можетъ быть, и не въ одной восточной бібліотекѣ; см. указанное въ предшествующемъ примѣчаніи Описаніе іерусалимской бібліотеки *Παναδοπούλου-Κεραιωσσι*, cod. LXV, стр. 149). Западные ученые должны были знать и то, что содержаніе означеннаго сочиненія имѣетъ ближайшее отношеніе къ сомнительнымъ пунктамъ Фотіевой исторіи. И тѣмъ не менѣе не только ни одинъ изъ западныхъ издателей не позаботился обнародовать его, но и ни одинъ изъ многочисленныхъ писателей, излагавшихъ исторію Фотія даже до послѣднихъ временъ, не касался содержанія этого сочиненія, хотя здѣсь сами собою и самими же Фотіемъ освѣщались запутаннѣйшіе пункты его исторіи. Въ первый разъ, какъ мы уже упомянули, напечаталъ это сочиненіе лишь въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія итальянскій священникъ Фонтана, съ предисловіемъ и примѣчаніями въ пользу Фотія. И за это аббатъ Минь,—объективный и безпристрастный аббатъ Минь,—называетъ Фонтану неистовымъ яansenистомъ, недостойнымъ званія не только христіанскаго священника, но

и христіанина (Patrol. Graec., t. CI, pag. IX). И потомъ... опять замѣчательное обстоятельство!.. Изданіе Фонтаны, сравнительно недавно, уже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія совершенно исчезаетъ, такъ что его почти нигдѣ нельзя пайдти. (Повогреческіе писатели: Икономосъ и Валетта: 'Επιστολαὶ Φωτίου, Пролѣтърѣва, 88—89,—высказываютъ предположеніе, что іезуиты собирали изданіе Фонтаны и сожигали его)... Но, какъ мы уже прежде выразились, иногда и самымъ искуснымъ людямъ не удается достигнуть того, чего они желали бы. Въ виду того, что нѣсколько экземпляровъ изданія Фонтаны все-таки сохранилось, и ученые отъ времени до времени ссылались на него, аббатъ Минъ нашелся вынужденнымъ перепечатать его, только безъ примѣчаній Фонтаны, въ концѣ собранія Фотіевыхъ сочиненій (Patrol. Graec., CIV, 1219—1232). Потомъ еще разъ оно перепечатано въ греческомъ текстѣ въ приложеніи къ изданію Валетты—'Επιστολαὶ Φωτίου, 559—568. И, наконецъ, Гергенрѣтеръ первый, при описаніи жизни Фотія, подробно изложилъ содержаніе вышеприведенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, разумѣется, въ нѣмецкомъ перифразѣ и со всякими оговорками и примѣчаніями (Photius, II, 558—570; III, 165—169).

157. Примѣч. 48, 49, 155.

158. Примѣч. 44—47.

159. Примѣч. 52.

160. *Кассе*, *Удинъ* высказываютъ положительно восторженные отзывы о сочиненіяхъ Фотія и съ сочувствіемъ относятся къ самой личности его. *Фабрицій* старается держаться объективно и осторожно, но также большею частью на сторонѣ Фотія. Католическіе историки церковной литературы: *Дю-Понъ*, *Сейлье*, дwoятся въ отзывахъ и впечатлѣніяхъ: расхваливаютъ достоинства сочиненій Фотія, но въ заключеніи, слѣдуя за *Белларминомъ* (De scriptoribus ecclesiasticis, pag. 194), дѣлаютъ оговорки такого рода, что эти достоинства помираютъ темными сторонами жизни Фотія. Свѣтскіе историки средневѣковой греческой литературы: *Р. Николаи*, *Бернгарди*, *Крумбахеръ*, также отзываются о Фотіѣ очень сочувственно. Восторженные отзывы объ отдѣльных писаніяхъ Фотія см. въ особенности въ Предисловіяхъ къ *Амфилохіямъ* и *Миріовиву* у *Минъ*, томы CI, CIII, и вообще отзывы о немъ, какъ писателѣ у *Гергенрѣтера* въ началѣ III тома его изслѣдованія, стр. 3—7, у *Валетты*, *Пролѣтърѣва*, 109—122; у *Платонова*, 90—92, 105—106...

161. Исторически-сложившееся представленіе о личности и жизни патріарха Фотія выработано главнымъ образомъ на Западѣ католическими церковными историками. Какъ оно тамъ выработывалось? Со времени самаго раздѣленія церкви и до настоящаго времени не было для католиковъ чловѣка ненавистнѣе патріарха Фотія. Много появлялось у Западной церкви противниковъ и въ средніе вѣка, и особенно много появилось ихъ съ XVI вѣка,—противниковъ, наносившихъ сильные удары и причинявшихъ большой вредъ католицизму: *Лютеръ*, *Цвингли*, *Кальвинъ* и др. Но наиболѣе поминавшіе дѣло католики всегда признавали, что во все теченіе многихъ вѣковъ не было у папства болѣе страшнаго и сильнаго врага, какъ патріархъ Фотій. Умные католики сознавали, во первыхъ, то, что западные враги католицизма—*Лютеръ* и другіе — это все таки плоть отъ плоти и кость отъ костей самого

католицизма; въ торыхъ, то, что западные протесты противъ католицизма, выходяшіе изъ началъ личнаго произвола и субъективнаго рационализма, въ основѣ своей для римской церкви были менѣе опасны, чѣмъ первая оппозиція папизму со стороны Фотія, твердо державшагося на почвѣ вселенскаго церковнаго преданія (ясное выраженіе этого сознанія см. у самаго, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшаго католическаго излагателя исторіи Фотіевой—у кардинала *Гергенпрётера*, т. II, 724). Поэтому уже съ самаго раздѣленія церкви между католиками утвердилось темное представленіе о Фотіѣ, чуть ли не какъ о воплощеніи самого дьявола, и уже въ средніе вѣка католическіе ученые, по слѣдамъ ближайшихъ враговъ Фотія, занимались вычислениями, сколько разъ его проклинали въ Римѣ, и съ торжествомъ повѣствовало о томъ, что одно изъ первыхъ проклятій Фотію было подписано самою еваристическою кролемъ Искупицеля (*Hard*, V, 1142; *Migne*, CV, 545). Съ возникновеніемъ на Западѣ новой церковно-исторической науки (то-есть, съ XVI и XVII столѣтія) эта традиціонная вражда къ Фотію перешла и въ научныя изложенія Фотіевой исторіи. Во главѣ западныхъ послѣдователей исторіи Фотія стали, какъ мы уже упоминали (примѣч. 7), два корифея западной науки, вооруженные громадною эрудиціей и, между прочимъ, рѣдкимъ для того времени знаніемъ памятниковъ восточной церковной исторіи: ультрамонтанскій церковный историкъ *Бароніи*, въ свое время за ревность къ римской церкви награжденный, какъ и повѣнній исследователь Фотіевой исторіи — *Гергенпрётеръ*, кардинальскою митрой, и ученѣйшій ренегатъ изъ грековъ (въ послѣдніе годы жизни ватиканскій бібліотекаръ) *Леопъ Алалийи*, своими знаніями восточной исторіи и литературы и своею изворотливостью несомнѣнно превосходящій всѣхъ позднѣйшихъ отступниковъ отъ православія, переходившихъ въ иезуитизмъ. Собственно этимъ двумя писателями уже установлены были всѣ тѣ приемы, какіе и впослѣдствіи стали разрабатываться католическою литературой къ всевозможному опозоренію личности и затѣмненію исторіи Фотія: изложеніе событій по памятникамъ исключительно непріязненнымъ Фотію (см. II главу и относящіяся къ ней примѣчанія, въ особенности 8—14, 20, 22; также 73, 74, 116 и др.), изложеніе событій съ точки зрѣнія его непосредственныхъ враговъ—Митрофана, Стиліана, Никиты, Анастасія и самого папы Николая (см. III главу и примѣчанія къ ней 18, также 52, 73, 76, 94, 125), замалчиваніе или искаженное изложеніе, или заподозрѣваніе и отрицаніе памятниковъ, болѣе благопріятныхъ Фотію (см. IV главу, примѣч. 74, 95, 96, 134, 136, 154, 156...), отстраненіе на задній планъ свѣтлыхъ положительныхъ сторонъ церковной дѣятельности Фотія и выставленіе въ преувеличенномъ видѣ его полемическихъ тенденцій (примѣч. 42), разрисовываніе мрачными красками нравственнаго образа Фотіева (примѣч. 8, 28, 52) и т. д. Вліяніе двухъ означенныхъ писателей, при ихъ учености, большомъ искусствѣ и горячей ревности къ папизму, было громадное, и установленныя ими взгляды и приемы въ изложеніи Фотіевой исторіи и до сихъ поръ въ большей или меньшей степени поддерживаются и разрабатываются у всѣхъ католиковъ, писавшихъ о Фотіѣ. Прямое, нескрываемо-рѣзкое, враждебно-страстное отношеніе Баронія къ Фотію высказывается въ новое время преимущественно у французскихъ писателей о Фотіѣ (*Feschier*—въ концѣ прошлаго

столѣтія, *Abbé Jager*—въ половинѣ нынѣшняго). Хитрое, живое, притворно-безпристрастное, но въ сущности столько же праждебное отношеніе Аляція и его ближайшаго послѣдователя *Маймбура* (*Histoire du Schisme des Grecs*, Paris, MDCXXXVII) отражается въ писаніяхъ того же унионнаго въ римскомъ духѣ направленія: у *Шмидта* (*Harmonie der morgenländischen und abendländischen Kirche*, Wien, 1824), *Питциноса* (*Orientalische Kirche*, 1857), *Дамбергера* (*Synchronistische Geschichte der Kirche und der Welt in Mittelalters*, Regensburg, 1859) и, пожалуй, у *Пиллера* (*Geschichte der Kirchentrennung*, München, 1864). (Все это болѣею частью или прозелиты въ католицизмъ, или какіе либо сомнительные католики).

Всего хуже было то, что историческая тенденція Баронія и Аляція принята была на Западѣ и издателями самыхъ памятниковъ и документовъ по дѣлу Фотія, въ особенности издателями *Acta Conciliorum*. *Биній*, *Радеръ*, *Лаббей*, *Гардуинъ*, *Манси*, какъ мы уже упоминали (примѣч. 75),—все это были іезуиты, выпускавшіе въ свѣтъ свои изданія, вѣроятно, подъ руководствомъ римской курии. Мы видѣли, какъ дѣлались эти изданія. Печатались памятники и документы, неблагопріятные для Фотія, а благопріятные задерживались, скрывались, и если, наконецъ, выпускались въ свѣтъ, то со всякими непріязненными ниспузаціями, иногда въ сокращеніяхъ и искаженіяхъ (примѣч. 8—14, 22, 74—75, 115, 136, 154, 156). Пустышными и фальшивыми насквилями, исходившими отъ враговъ Фотія, въ родѣ доноса Овогностова и письма Стліанова, давалось мѣсто въ такихъ изданіяхъ, которыя главнымъ образомъ предназначались для обнародованія актовъ вселенскихъ соборовъ (11, 12, 14, 22): акты собора 869—870 гг. печатались подробно въ разнообразныхъ редакціяхъ (примѣч. 115), а акты собора 879—880 гг. удерживались подъ спудомъ до послѣдней возможности (186); объ актахъ другихъ соборовъ, сожженныхъ еще при жизни Фотія, совсѣмъ умалчивалось (91, 93, 95—96); печатались наскіи письма, направленные противъ Фотія, а письма, писанныя изъ Константинополя въ пользу Фотія, объявлялись безслѣдно пропавшими (примѣч. 94) и т. д. Понятно, какія представленія слагались при этомъ о личности и исторіи патріарха Фотія. Явились въ XVII вѣкѣ и такіе писатели, которые хотѣли провести означенныя церковно-историческія воззрѣнія и тенденціи въ области другихъ богословскихъ наукъ, соприкосновенныхъ съ церковною исторіей: въ каноническое право и исторію церковной литературы. Это—іезуиты *Демарка*, *Ламбенцій* и представитель ультрамонтанскаго богословія *Белларминъ* (первые два также прозелиты въ іезуитизмъ). Но здѣсь, то-есть, въ области церковнаго права и исторіи церковной литературы, іезуитскія тенденціи были нѣсколько ограничены другими, болѣе умѣренными и безпристрастными научными направленіями, выходившими изъ непосредственнаго изученія самихъ писаній Фотія,—особенно учеными, не принадлежащими къ католицизму (*Кассе*, *Удинъ*, *Бессериджъ* и т. д.)... Отсюда началось нѣкоторое раздвоеніе въ католической наукѣ относительно Фотія. Историки литературы и канонисты стали восхвалять патріарха Фотія, а церковные историки продолжали чернить и порицать его.

Что же собственно новаго привнесли на Западѣ въ разъясненіе Фотіевой исторіи представители этихъ другихъ, отклонившихся отъ іезуи-

тизма и ультрамонтанства, направленій, то-есть, представители умѣреннаго католицизма или галликанства, и затѣмъ представители разныхъ отраслей протестантизма? Вообще говоря, не особенно много. Галликанизмъ только ограничилъ въ крайностяхъ, но не измѣнилъ въ существѣ, принципахъ и тенденціи католицизма. Такъ вообще, такъ и въ частности по отношенію къ исторіи Фотія и связанному съ нею вопросу о раздѣленіи церквей. Галликанскіе церковные историки—*Пайи, Наталисъ, Флери*, примыкающіе къ нимъ галликанскіе историки церковной литературы *Дю-Пень, Селле* и другіе ученые умѣреннаго католическаго направленія, касавшіеся исторіи или писаній Фотія, какъ *Лексиъ, Балузій*, уклоняются отъ крайностей Бароніево-Алладіевскихъ взглядовъ и пріемовъ, но не очень далеко; въ основѣ у нихъ все-таки остаются тѣ же, унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ предубѣжденія противъ Фотія, Византии, Восточной церкви,—тѣ же убѣжденія, что не Западъ, а Востокъ виноватъ въ раздѣленіи церквей. Всѣхъ безпристрастнѣе, всѣхъ мягче въ отношеніяхъ къ Фотію благородный *Флери*, но и у него въ основѣ та же католическая тенденція; въ пнхъ мѣстахъ она смягчается даже до прямого расположенія въ пользу Фотія лишь у нѣмецкаго переводчика церковной исторіи Флери (*Frankfurt und Leipzig*, 1711 г.). Большей отрѣшенности отъ католическихъ предубѣжденій и пріемовъ въ изслѣдованіи въ церковной исторіи можно было бы, кажется, ожидать отъ протестантскихъ писателей. Но, какъ мы уже упоминали, протестанты новыхъ вѣковъ во многомъ остались дѣтьми средневѣковыхъ католиковъ, воспитавшимися подъ вліяніемъ родителей, унаслѣдовавшими ихъ взгляды и традиціи; только дѣтьми непокорными, возмущившимися. Въ тѣхъ пунктахъ церковно-историческаго изслѣдованія, которые касаются ихъ взаимныхъ пререканій съ католиками, они обыкновенно идутъ въ совершенно противоположную сторону отъ католиковъ. Но въ тѣхъ пунктахъ, которые лежатъ далѣе этой спорной области, преимущественно во всемъ, что касается исторіи восточной церкви, они большею частью держатся, только въ болѣе умѣренной степени, тѣхъ же традиціонныхъ воззрѣній католическихъ. При томъ же отдѣленные отъ восточной церкви средневѣковымъ католицизмомъ, почти не имѣвшіе непосредственныхъ отношеній къ ней, протестантскіе ученые до послѣднихъ временъ мало и интересовались изслѣдованіемъ ея исторіи (то-есть, послѣ раздѣленія церквей; иное дѣло — древнѣйшіе вѣка христіанства; во имя ихъ протестанты возстали противъ католицизма, поэтому изслѣдованіемъ ихъ они занимаются съ особенною ревностью). Въ изслѣдованіи средневѣковой восточной церкви протестанты мало и произвели своего самостоятельнаго, замѣчательнаго. Во взглядѣ на Фотія и исторію раздѣленія церквей у большей части протестантскихъ писателей удержалось только смягченное католическое освѣщеніе,—то-есть, что не западная церковь отдѣлилась отъ восточной (или древне-православной: такъ какъ восточная церковь, по признанію самыхъ безпристрастныхъ западныхъ же ученыхъ, удерживаетъ древнія традиціи, за что на Западѣ и упрекаютъ ее въ неподлинности — стабилизмъ), а восточная отъ западной (то-есть, выходитъ: *древне-православная* отдѣлилась отъ искаженной *средневѣковой латинской*?),—и что главнымъ виновникомъ этого раздѣленія, чуть ли не по личному честолюбію и упрямству или по случайно запутаннымъ

обстоятельствамъ византійской политической исторіи, былъ опять все тотъ же патріархъ Фотій. Отсюда выходитъ и у протестантскихъ писателей извѣстное, близкое къ католическому, освѣщеніе частныхъ пунктовъ Фотіевой исторіи, при недостаточномъ самостоятельномъ изслѣдованіи самихъ памятниковъ этой исторіи. Особенно это нужно сказать о нѣмецкихъ лютеранскихъ церковныхъ историкахъ съ XVI вѣка и даже до второй половины XVIII в. Не только въ первомъ капитальномъ лютеранскомъ трудѣ по церковной исторіи, направленномъ, повидимому, къ провѣркѣ и опроверженію неправильныхъ католическихъ воззрѣній, то-есть, въ *Магдебургскихъ Цензурияхъ*, но и въ томъ руководствѣ по церковной исторіи (*Institutiones Historiae Ecclesiasticae*), которое уже около половины прошлаго столѣтія издаво было знаменитымъ геттингенскимъ профессоромъ *Мостеймомъ*, съ котораго нѣмецкіе ученые начинаютъ новую эпоху въ развитіи церковной исторіографіи, мы по существу дѣла рѣшительно не находимъ ничего новаго и самостоятельнаго ни въ изслѣдованіи источниковъ, ни въ освѣщеніи фактовъ Фотіевой исторіи,—видимъ лишь нѣкоторое смягченіе воззрѣній католическихъ церковныхъ историковъ. Болѣе самостоятельное отношеніе къ этимъ источникамъ и къ этимъ воззрѣніямъ, съ поворотомъ сужденій въ пользу Фотія, мы встрѣчаемъ у реформатскихъ историковъ швейцарскихъ и голландскихъ (*Готтингеръ, Вассажъ, Сланеймъ*), и въ особенности у тѣхъ ученыхъ англійскихъ, которые болѣе близко знакомились съ писаніями самого Фотія (*Монтмакуцій, Бевериджъ, Кае*). Впрочемъ, и среди нѣмецкихъ протестантовъ въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія такое отношеніе замѣчается лишь у нѣсколькихъ ученыхъ, спеціально занимавшихся изученіемъ памятниковъ средневѣковой византійской литературы—у *Ганкія* въ его книгѣ *De scriptoribus Byzantinis* (Ганкій, впрочемъ, едва ли былъ нѣмецъ, а, кажется, славянинъ изъ Силезіи, какъ видно изъ предисловія къ его книгѣ); у *Гейнкія* въ *Abbildung der griechischen Kirche* и у *Фабриція* въ *Bibliotheca Graeca*. Но эти писатели съ болѣе трезвыми и безпристрастными сужденіями о патріархѣ Фотіѣ мало имѣли вліянія на измѣненіе представленій о немъ у общихъ церковныхъ историковъ нѣмецкихъ. Между этими послѣдними серьезное и осторожное отношеніе къ источникамъ и фактамъ Фотіевой исторіи высказывается уже въ концѣ XVIII столѣтія въ исторіи *Шрека* (въ особенности т. 24).

Въ первой половинѣ XIX столѣтія это дѣло въ нѣмецкой исторической литературѣ чуть не пошло опять назадъ. *Неандеръ*, значительнѣйшій изъ церковныхъ историковъ германскихъ нынѣшняго вѣка, вѣроятно, изъ старанія показать возможное безпристрастіе къ средневѣковому папству, между прочимъ, изъ желанія (незаслуженно, по нашему мнѣнію) возвысить личность папы Николая, набросилъ опять нѣсколько лишнихъ темныхъ пятенъ на исторію Фотія. Изъ другихъ протестантскихъ церковныхъ историковъ болѣе серьезнаго вниманія и, пожалуй, безпристрастія мы можемъ найдти у дерптскаго профессора *Куртца* и въ недавно переведенной на русскій языкъ англійской церковной исторіи *Робертсона*; но опять-таки чего либо новаго, самостоятельнаго, выдающагося изъ обычныхъ западныхъ представленій о смыслѣ и значеніи Фотіевой исторіи, и здѣсь нѣтъ.

Но со второй половины нынѣшняго столѣтія опять замѣчается усилен-

ное движеніе къ изслѣдованію исторіи Фотія въ католической церковной литературѣ. Находится ли оно въ связи съ нѣкоторыми особенными видами Рима на Востокъ, высказывающимися въ новѣйшее время, или, можетъ быть, оно вызвано новыми обращающими на себя вниманіе изданіями сочиненій Фотія, по во всякомъ случаѣ это движеніе выразилось въ нѣсколькихъ новыхъ изслѣдованіяхъ исторіи Фотія, нѣющихъ на нашъ взглядъ и особенный характеръ и особенное значеніе. Мы не будемъ говорить здѣсь о монографіяхъ француза *Жаже* и италіянца *Тости*, писанныхъ еще по старинному шаблону съ обычными католическими приѣмами. Но мы придаемъ особенное значеніе новымъ нѣмецкимъ изслѣдованіямъ о Фотіѣ: церковнаго историка *Гфререра*, д-ра *Нихлера*, историка соборовъ *Герфале* и въ особенности спеціальнѣйшаго изслѣдователя Фотіевой исторіи *Геренкретера*. Въ этихъ сочиненіяхъ на нашъ взглядъ начинается циклъ многолѣтнихъ католическихъ представленій объ исторіи Фотія, и отрываются просвѣты къ выработкѣ новыхъ болѣе правильныхъ представленій.

Всѣ эти писатели, можетъ быть, имѣли въ виду своими изслѣдованіями подновить и укрѣпить старыя католическія традиціи и тенденціи, по въ результатахъ изслѣдованій, при ближайшемъ изученіи дѣла, стало получаться много такого, чего, можетъ быть, не желали авторы ихъ. *Гфререръ*—профессоръ и бібліотекарь штуттгартскій, не всегда основательный, часто нарядовсалый, но талантливый и остроумный, сомнительный католикъ изъ яраго тюбингенца, довольно много занимавшійся византійской исторіей, но не вынесшій изъ своихъ занятій сочувствія къ Византіи (что особенно выразилось въ его послѣднемъ пристрастномъ и рѣзкомъ сочиненіи „*Byzantinische Geschichte*“), когда дошла у него очередь (въ первомъ отдѣленіи 3-й части *Allgemeine Kirchengeschichte*), до изложенія исторіи Фотія, кажется, совершенно былъ далекъ отъ того, чтобы сказать что либо въ пользу Фотія; но, всматриваясь ближе въ запутанныя отношенія того времени, въ политическіе мотивы церковныхъ событій, въ характеры и образъ дѣйствій противниковъ Фотія римскихъ и константинопольскихъ, онъ пришелъ, по крайней мѣрѣ, къ тому воззрѣнію, что эти противники представляются ничуть не въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ самъ Фотій, что послѣдній въ сравненіи съ ними оказывается въ иныхъ случаяхъ даже выше и правѣе. Вслѣдствіе этого и все изображеніе событій у *Гфререра* получаетъ новую окраску, чѣмъ у другихъ католическихъ и даже у многихъ протестантскихъ историковъ; въ особенности это сказалось у *Гфререра*, какъ мы уже упоминали (примѣч. 117), въ изложеніи и оцѣнѣ дѣяній константинопольскаго собора 869 года.—*Нихлеръ*—михенскій профессоръ, потомъ бібліотекарь С.-Петербургской Публичной Библіотеки, увлеченный въ похвалѣ книгъ изъ нея, —это какое-то страстное сочетаніе іезуитскихъ тенденцій и приѣмовъ съ стремленіями къ научной независимости и довольно обширною эрудиціей,—въ своемъ любопытномъ, но далеко не безпристрастномъ трудѣ „*Geschichte der Kirchentrennung*“ (Bd. I, с. 180—203) даетъ исторіи Фотія не особенно много мѣста при разсмотрѣніи другихъ отношеній между западною и восточною церквами,—даетъ, такъ сказать, лишь нѣсколько новыхъ штриховъ для старой исторіи, но эти новые штрихи въ иныхъ мѣстахъ наирямѣрь, относительно подлинности письма Іоанна VIII къ Фотію и даже

относительно спорнаго вопроса *Filioque* и характера панистической пропаганды въ Болгаріи) становятся въ разрѣзъ съ старыми католическими представленіями. *Гефеле*—профессоръ Тюбингенскаго университета (на католическомъ отдѣленіи его богословскаго факультета), потомъ епископъ нотебургскій, безъ сомнѣнія, точнѣйшій и добросовѣстнѣйшій между новыми католическими учеными въ изложеніи историческихъ документовъ и фактовъ, но крайне сдержанный и робкій въ выводахъ изъ собственныхъ же изслѣдованій, готовый иногда и затушевать эти выводы и даже отказаться отъ нихъ, если они могутъ привести къ какому либо серьезному столкновенію съ римскою куріей,—далъ въ IV томѣ своей *Conciliengeschichte* такое сопоставленіе документальныхъ свидѣтельствъ и фактовъ для исторіи Фотія, которое внимательнаго читателя можетъ привести совершенно къ инымъ представленіямъ объ этой исторіи, чѣмъ какія давались прежними католическими историками (напримѣръ, относительно избранія Фотія на патріаршество, римскаго и константинопольскаго соборовъ 869 г.); но самъ *Гефеле* и здѣсь прямыхъ выводовъ изъ представленныхъ имъ свидѣтельствъ и фактовъ не высказалъ и даже замаскировалъ смыслъ изложенія Фотіевой исторіи многими рѣзкими выходками и сужденіями противъ Фотія. Наконецъ, *Геркенрёттеръ*—это самый отчетливый и подробнѣйшій излагатель Фотіевой исторіи (три большихъ тома, болѣе 2.300 страницъ очень убористаго шрифта, со множествомъ примѣчаній, напечатанныхъ еще болѣе мелкимъ шрифтомъ), котораго ими, вѣроятно, навсегда свяжется съ исторіею Фотія, котораго будутъ читать и у котораго будутъ многими заимствоваться всѣ будущіе изслѣдователи этой исторіи. Онъ работалъ надъ своимъ трудомъ (какъ самъ говоритъ въ *предисловіи*) двѣнадцать лѣтъ, пересмотрѣлъ многія европейскія бібліотеки, собралъ множество матеріала, воспользовался всѣмъ, что когда либо было печатано о Фотіѣ, снялъ много рукописей, изъ которыхъ изъ нихъ издалъ... Что же далъ этотъ новый громадный трудъ, завершающій собою всю западную литературу о Фотіѣ?.. Онъ оставляетъ по прочтеніи какое-то странное неопредѣленное впечатлѣніе. Читатель подавляется массою собраннаго матеріала, кротоливостью работы, тщательною отдѣлкой частныхъ и пріобрѣтаетъ очень мало новаго въ общемъ представленіи дѣла, въ пріемахъ и выводахъ изслѣдованія. Все это пріемы и выводы старое Нарошево-Алліцковскіе, лишь смягченные, подъ которые очень искусственно подводится новый матеріалъ. Собираются всевозможныя клеветы и инсинуаціи противъ Фотія, которымъ въ настоящее время уже рѣшительно невозможно вѣрить и которыя прямо противорѣчатъ тутъ же въ этомъ изслѣдованіи приводимымъ документамъ и фактамъ. Въ основѣ изслѣдованія проводится старая знакомая тенденція: сколько возможно и гдѣ только представляется случай, унижить и очернить Фотія, хотя авторъ старается дать своему изслѣдованію видъ научнаго безпристрастія и даже оговаривается предъ читателями насчетъ естественнаго съ его стороны пристрастія (*Vorliebe*) къ лицу, изученіемъ котораго онъ такъ ревностно занимался многіе годы (Bd. I, *Vorwort*, S. VI). Поистинѣ нельзя не подивиться той замѣчательной выдержанности тенденціозно-непріязненнаго и искусственнаго отношенія къ предмету столь ревностныхъ изученій, совершавшихся въ продолженіе многихъ лѣтъ!

Такую выдержанность, можетъ быть, только и можно встрѣтить въ ученыхъ и писателяхъ, вполне выдрессированныхъ на католическій манеръ. Въ основаніе изложенія Фотіевой исторіи, какъ и у старыхъ католическихъ историковъ, у Гергенрѣтера полагаются источники, непріязненные Фотію; факты представляются въ томъ освѣщеніи, какое даютъ имъ самые злобные враги Фотія, и лишь тамъ, гдѣ это освѣщеніе слишкомъ уже рѣжетъ глаза, ученый старается смягчить его на нѣсколько тоновъ или расположить къ нему читателя разными хитрыми искусственными толкованіями. Но рядомъ съ этими авторъ приводитъ множество извлеченій изъ писемъ Фотія, подробно передаетъ содержаніе его сочиненій и смыслъ его богословскаго ученія, подробно излагаетъ акты Фотіева собора 879 г., не оспаривая ихъ подлинности, подобно прежнимъ писателямъ, подробно раскрываетъ положительныя стороны дѣятельности Фотія—церковно-организаторской, миссіонерской, научной, благотворительной, и сколько при этомъ онъ старается опъ ослабить разными инсинуаціями благоприятное для Фотія впечатлѣніе, получаемое отъ этого вновь показываемаго на свѣтъ Новій матеріала, впечатлѣніе все-таки выходитъ не то, какое авторъ желалъ бы оставить въ читателяхъ. Мѣстами даже самъ авторъ невольно поддается обаянію историческаго дѣятеля, котораго онъ хотѣлъ бы унизить и очернить (напримѣръ, при описаніи вліянія Фотія на современниковъ, при описаніи ссылки, при изложеніи дѣяній собора 879—880 гг., при обзорѣ научной и миссіонерской дѣятельности Фотія). Такимъ образомъ впечатлѣніе получается двойственное, и громадное изслѣдованіе, предпринятое съ цѣлью укрѣпить въ читателяхъ давнія предубѣжденія и антипатіи противъ Фотія, помимо намѣреній автора, внушаетъ уваженіе и сочувствіе къ нему... Мы думаемъ, что это послѣдній серьезный ударъ, нанесенный памяти Фотія католической наукой. Далѣе писать въ этомъ духѣ и тонѣ нельзя серьезно, не закрывая разъ обнаруженныхъ и выясненныхъ памятникѣвъ и фактовъ. Инсинуація мелкія, невѣжественныя, прямо-фальшивыя и далѣе, конечно, возможны. Но въ общемъ изображеніе исторіи Фотія серьезными историками необходимо должно повернуть съ отрицательнаго пути на положительный.

Что же сдѣлано на православномъ Востокѣ для правильнаго разъясненія исторіи патріарха Фотія? Пока немного по той главной причинѣ, что на Востокѣ самостоятельнымъ разъясненіемъ церковно-историческихъ вопросовъ вообще пока занимались мало. Собственно говоря, самое изученіе церковно-историческихъ памятникѣвъ на Востокѣ и въ древніе, и въ средніе вѣка, и въ новыя нѣмло усердныхъ приверженцевъ и, можетъ быть, стояло никакъ не ниже, чѣмъ на Западѣ. Въ богословіи восточномъ догматическомъ и полемическомъ подкладка историческая была, можно сказать, даже крѣпче, чѣмъ въ богословіи западномъ. Но, независимо отъ цѣлей догматико и полемико-богословскихъ, самостоятельная обработка церковной исторіи, какъ особой спеціальной науки, на Востокѣ еще съ V вѣка и до позднѣйшихъ вѣковъ была развита очень слабо. Единственный средне-вѣковой историкъ (XIV вѣка) *Никифор Каллистъ* (у *Миля, Грасеа, СХLV—СХLVII*) въ своемъ изложеніи церковной исторіи до времени патріарха Фотія не дошелъ, или, по крайней мѣрѣ, до насъ не дошли тѣ части его исторіи, которыя подходятъ къ этому времени. У государственныхъ историковъ или

хронистовъ византійскихъ, обозрѣвавшихъ большую часть судьбы исторіи отъ сотворенія міра до своего времени, рядомъ съ событіями государственной жизни, описывались и церковно-историческіе факты, но весьма кратко и сухо, безъ должнаго прагматизма и критицизма. Такъ до XII вѣка можно находить у хронистовъ византійскихъ (*Кедрика, Скимизы, Зокары*) нѣкоторыя извѣстія, относящіяся къ исторіи Фотія, но, какъ мы уже говорили, краткія и смутныя, большею частью скомпилированныя у предшествовавшихъ хронистовъ X и XI вѣковъ—Константина Порфиророднаго, Теофанова продолжателя, Симеона магистра, Льва грамматика, у которыхъ по причинамъ, выше изложеннымъ, исторія Фотія не столько разъяснилась, сколько затемнилась (примѣч. 21). У богослововъ византійскихъ высоко и твердо держалось уваженіе къ памяти Фотія и сознаніе великаго историческаго значенія его дѣятельности, преимущественно въ борьбѣ съ латинствомъ. Выраженіе этого сознанія можно прослѣдить въ византійской богословской литературѣ чрезъ всѣ вѣка (*Николай мистикъ, Михаилъ Керуларій, Никита Стиватъ, Евѣмій Зигабенъ, Николай Мевонскій, Нилъ Годоесскій, Николай Кавасила, Григорій Палама, Симеон Солунскій, Маркъ Ефесскій, Геннадій столарій, Максимъ Маріуній, Спиридонъ Зампелій, Нектарій и Доседей, патріархи іерусалимскіе, Ілья Миряскій, Евелкій Буларъ, Константинъ Икономогъ и др.*, когда имъ приходилось упоминать о Фотіѣ или приводить что либо изъ его писаній, выражались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ); но твердаго историческо-научнаго разъясненія и оправданія это сознаніе и уваженіе къ памяти патріарха Фотія долго не имѣло, какъ бы и не пуждалось въ немъ. Оно стало искать себѣ опоры на исторической почвѣ только тогда, когда западные ученые стали уже слишкомъ клеветать на Фотія и пристрастно и фальшиво издавать самыя памятники его исторіи. Здѣсь-то во главѣ всѣхъ является въ борьбѣ съ воззрѣніями Баронія и Алліція іерусалимскій патріархъ *Доседей*. Онъ не писалъ подробнаго изложенія Фотіевой исторіи, но онъ ревностно старался собирать матеріалы для нея, какъ и вообще такіе историческіе матеріалы, которые могли имѣть преимущественное значеніе въ борьбѣ съ латинствомъ. Русскимъ посланъ въ Константинополь Доседей показывать нѣсколько ящиковъ собранныхъ имъ древнихъ греческихъ и латинскихъ книгъ—больше тысячи, „и тѣ у него книги были имѣсто вотчинъ, которыя имѣють въ Московскомъ государствѣ святѣйшій патріархъ и митрополиты и монастыри“. (См. изслѣдованіе проф. *Кантерева* о патріархѣ Доседей исполненіяхъ его съ русскимъ правительствомъ, М., 1891, гл. I, стр. 58; сравни *Σαβᾶς Νεοσλλτ. Φιλολογία, Ἀθῆναι*, 1868, стр. 379—383). Доседей старался, сколько возможно, обнародовать собранные имъ рукописныя матеріалы. Имъ-то, какъ мы выше видѣли, и былъ приготовленъ къ изданію тотъ огромный сборникъ, въ которомъ впервые явились на свѣтъ Божій въ полномъ видѣ акты собора 879—880 гг. и нѣкоторые другіе важнѣйшіе документы для исторіи Фотія (письма Фотія въ папѣ *Николаю* въ греческомъ текстѣ, доселѣ извѣстныя только по латинскому переводу; письмо къ *антиохійскому* патріаршему престолу, доселѣ не обнародованное на Западѣ), съ присоединеніемъ собственныхъ замѣчаній іерусалимскаго патріарха на Баронія и Алліція (*Срѣн. прим. 136*). Это была лишь малая часть собранныхъ Доседей для изданія полемико-догматическихъ

и историческихъ памятниковъ. На средства, которыя могла получать іерусалимская патріархія отъ принадлежащихъ ей въ Румыніи владѣній, при посольствѣ расположенныхъ къ тому (главнымъ образомъ чрезъ того же Досноея) румынскихъ господарей, онъ успѣлъ напечатать въ Яссахъ, Бухарестѣ, Римникѣ еще нѣсколько такихъ приготовленныхъ имъ изданій и сборниковъ. (Въ Константинополѣ издавать ихъ было невозможно). Но его виды простирались далѣе. Пользуясь благопріятными отношеніями къ русскому правительству, установившимся преимущественно со временъ царя Михаила Теодоропича, еще предшественники Досноея, іерусалимскіе патріархи Овофанъ и Нектарій внушали московскимъ царямъ и патріархамъ мысль о необходимости учредить въ Москвѣ греческую типографію, въ которой бы, подъ надзоромъ присланныхъ съ Востока ученыхъ, могли печататься важнѣйшія для полемики съ латинствомъ книги, съ переводомъ ихъ и на русскій языкъ „на пользу православнымъ и посрамленіе еретикамъ“,—такія преимущественно книги, которыхъ паписты на Западѣ не печатаютъ, „а и гдѣ сыщутъ ихъ, жгутъ“ (въ упомянутомъ изслѣдованіи *Калтерева*, стр. 100). Въ правленіе московскаго патріарха Адріана проектъ этотъ стараніями Досноея почти доведенъ былъ до конца; но разныя случайныя обстоятельства помѣшали его осуществленію въ то время. А потомъ возникло въ русскомъ правительствѣ другое направленіе, и установились другія отношенія къ грекамъ... Патріархомъ Досноемъ послано было въ Москву 18 большихъ рукописныхъ сборниковъ (около 500 листовъ), въ которыхъ заключались, между прочимъ, многія неизданныя до того времени сочиненія патріарха Фотія и другихъ замѣчательныхъ греческихъ полемистовъ (подробная опись ихъ, представленная въ московскій посольскій приказъ повѣреннымъ Досноею, вислѣдствіи приемникомъ его, архимандритомъ Хрисанфомъ, напечатана у *Калтерева* въ примѣчаніи, на стр. 100—104). Эти рукописные сборники и донныя болѣею частію остаются въ сокровищницѣ нашей *Московской синодальной бібліотеки* (см. изданное въ Лейпцигѣ 1806 г. *Описаніе Синодальной бібліотеки, Mattaei Cod. 315, 324, 352, 353, 354, 355, 364, 393 и др.*); а нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, и исчезли—безвѣстно какъ, когда и куда (напримѣръ, мы не находимъ въ каталогѣ *Маттея* тѣхъ кодексовъ, въ которыхъ находились упоминаемыя въ росписи посольскаго приказа—*Паноплія Зинабена, посланіе Фотія къ митрополиту акхилайскому*). Изъ писаній, рекомендованныхъ Досноемъ къ немедленному напечатанію и переводу на русскій языкъ въ Россію, кажется, не было издано ничего; а скоро послѣ этого въ руководство для церковно-историческаго образованія русскихъ людей *повелѣно было* перевести и издать на русскомъ языкѣ *Церковныя Лѣтописи Баронія*, конечно, въ смягченномъ и сокращенномъ видѣ (Москва, 1719 г.). Лишь въ болѣе позднее время, и болѣею частью греческіе же ученые, пріѣзжающіе въ Москву на недолгое время, напримѣръ, о. архимандритъ *Андроникъ Димитрокопуло*, преосвящ. *Никифоръ Калогеросъ*, переписывали нѣкоторые изъ драгоценныхъ памятниковъ, поступившихъ въ Синодальную бібліотеку отъ патріарха Досноея, и издавали за границей (въ послѣднее время почтенный о. *Арсеній*, архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря, съ цѣлостнымъ самоотверженіемъ сталъ печатать подобныя писанія въ самой Москвѣ). А западные ученые католи-

ческіе: Аяжело-Ман, Питра, Минь, Гергенпретеръ, отъ времени до времени, когда считаютъ нужнымъ или необходимымъ, извлекаютъ изъ своихъ западныхъ, ватиканскихъ и другихъ библіотекъ тѣ самыя православныя писанія, которыя безъ употребленія и иногда безъ надлежащаго призора лежатъ въ нашихъ книгохранилищахъ, и выпускаютъ ихъ въ свѣтъ... (конечно)... „по своему обычаю и вымыслу... тѣми же книгами борютца во странахъ..... и описуютца оружіемъ нашимъ и являютца мужественны.. и стрѣляютъ на насъ нашими же стрѣлами“ (слова патрисскаго митрополита Феофана изъ челобитной къ московскому юсударю—у Каптерева, стр. 97)... За патріархомъ Досифеемъ между новогреческими писателями, способствовавшими выясненію правильного смысла Фотіевой исторіи, мы должны назвать младшаго современника Досифеева *Илію Минятія* (Μηνιάτης), епископа коринфскаго, извѣстнаго греческаго проповѣдника начала прошлаго столѣтія (1679—1714). Въ своемъ сочиненіи о происхожденіи и причинахъ раздѣленія церкви (Πέτρα Σαχυδαίλου, Λατφία, 1711 г.) онъ посвящаетъ большую часть изслѣдованія исторіи Фотія, старается возстановить правый смыслъ ея, опровергаетъ нѣкоторыя клеветы на Фотія, указываетъ противорѣчія въ показаніяхъ враговъ его, но и самъ въ нѣкихъ мѣстахъ поддается установившимся взглядамъ (напримѣръ, въ усвоеніи мнѣнія, будто Фотій вступилъ въ сношенія съ папами Николаемъ и Іоанномъ потому, что пуждался въ утвержденіи папъ но вступленіи на константинопольскій престолъ; неправильный панистическій характеръ этого мнѣнія и его происхожденіе отъ самихъ папъ мы показали въ примѣчаніяхъ 76, 94, 125). Затѣмъ мы должны, кажется, прямо перейти къ изданіямъ повѣдшихъ греческихъ ученыхъ *Тимодиди* Παπιστάχων 'Ελέγχων, *Собохла* Ίκονομοσα 'Αμφιλόχια, *Валетты* 'Επιστολαὶ τοῦ Φωτίου (см. примѣч. 2). Въ предисловіяхъ къ этимъ изданіямъ дается довольно обстоятельное (особенно у двухъ послѣднихъ) изложеніе исторіи Фотія, съ нѣкоторою критикой источниковъ, опроверженіемъ неправильныхъ взглядовъ и указаніемъ литературы предмета. Но все это очень кратко и обще. У составителей церковно-историческихъ руководствъ въ новогреческой литературѣ—изъ старыхъ у *Мелетія* πενιχскаго ('Εκκλησιαστικὴ ἱστορία, Βιέννη, 1873, т. II. 'Αἰων 4.) и *Кумы* ('Ιστορίη χρονολογία, Βιέννη, 1818), изъ новыхъ у *Діомиди* Κυρίана ('Αθήναι, 1873), *Филарета* Βαφιδиса (Κωνσταντινουπόλει, 1886) и *Гедсона* (Πατριάρχ. Πίνακες, Κωνσταντ., 1890) также твердое въ общихъ пунктахъ, но кратко, безъ разъясненія подробностей, изложеніе исторіи Фотія. Вообще относительно новыхъ греческихъ писателей о Фотіѣ мы можемъ высказать то общее замѣчаніе, что они, довольно внимательно относясь къ западнымъ изслѣдованіямъ, остаются вѣрны установившимся въ восточной церкви воззрѣніямъ и традиціямъ, большею частью держатся вдалекѣ отъ замѣствованій у западныхъ писателей, относятся къ нимъ строго, иногда рѣзко, но при этомъ остаются сдержанны и въ выясненіи и подтвержденіи своихъ собственныхъ воззрѣній, ограничиваясь большею частью критикой какихъ нибудь слишкомъ выдающихся тенденцій и взглядовъ въ западной литературѣ о Фотіѣ.

Русская литература о Фотіѣ стала составлятьсѣ еще позже новогреческой. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія православные любители церковной исторіи могли читать по этому предмету на русскомъ языкѣ только переведенное Писаре-

вымъ сочиненіе *Миллія (Камень Сблзна, С.-Пб., 1783 г.)*. Собственно русская литература по общей церковной исторіи начинается у насъ съ *Начертанія церковной исторіи*, составленнаго по порученію учрежденной въ началѣ нынѣшняго столѣтія комиссіи духовныхъ училищъ архимандритомъ *Инокентіемъ*, тогдашнимъ ректоромъ С.-Петербургской семинаріи, потомъ епископомъ пензенскимъ (*С.-Пб., 1-е изданіе 1817 г.*). Почти одновременно съ этимъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній объ исторіи Фотія и отношеніяхъ къ ней западныхъ католическихъ писателей высказалъ тогдашній ректоръ С.-Петербургской академіи архимандритъ *Филаретъ* (впослѣдствіи митрополитъ московскій) въ *Разговорѣхъ между истиннымъ и утѣреннымъ о православіи восточной церкви* (*1-е изданіе, С.-Пб., 1815 г.*). Но, конечно, въ общій этихъ сочиненій исторія Фотія могла быть тронута съ самыхъ общихъ сторонъ. Составитель *Начертанія церковной исторіи*, излагая извѣстія о Фотіѣ по протестантскимъ церковнымъ историкамъ, не очень предубѣжденнымъ противъ Фотія (главнымъ образомъ, кажется, по *Спангейму, Мосейму и Вейсману*), принимая во вниманіе сочувственные отзывы о Фотіѣ у англійскаго писателя *Кае* и провѣряя отзывы западныхъ писателей о восточной церкви по византійскимъ историческимъ источникамъ, съ самаго пачала, по крайней мѣрѣ, поставилъ на правильную почву изложеніе Фотіевой исторіи въ русской исторической литературѣ. Авторъ *Разговора между истиннымъ и утѣреннымъ* почтилъ память Фотія приложеніемъ къ своему сочиненію *Окружающее посланіе* Фотіева въ рускомъ переводѣ. Затѣмъ исторія Фотія въ 1838 году коснулся бывшій профессоръ Московскаго университета *Н. И. Надеждинъ* въ составленной имъ для издаваемаго въ Петербургѣ энциклопедическаго словаря (только что перешедшаго тогда подъ редакцію Сенковского) статьѣ „Восточная церковь“. Это очень умная и талантливо написанная статья. Ея общія воззрѣнія на причины раздѣленія церкви и теперь не утратили цѣннаго значенія; по частнымъ свѣдѣніямъ собственно о Фотіѣ, занимававшимъ авторомъ главнымъ образомъ изъ церковной исторіи Неандера и Начертанія Инокентія, по довольно полны и мѣстами не совсѣмъ правильны. Далѣе первое, уже довольно полное и обстоятельное, изложеніе Фотіевой исторіи на рускомъ языкѣ далъ *А. Н. Муравьевъ* въ своей *Правдѣ вселенской церкви* (*С.-Пб., 1849 г.*). И здѣсь исторія Фотія не есть специальный предметъ изслѣдованія, а входитъ лишь какъ главный отдѣлъ въ разсмотрѣніе цѣлаго ряда другихъ отношеній между восточною и западною церквами (*стр. 122—180*). Авторъ едва ли могъ имѣть возможность самостоятельно изучить источники Фотіевой исторіи; главнаго изъ нихъ—актовъ собора 879 года, онъ совсѣмъ не видѣлъ. Не чуждался онъ и западныхъ изслѣдованій о Фотіѣ; большая часть его сочиненія изложена по церковной исторіи *Флери*. Но, кажется, главнымъ образомъ твердое православное убѣжденіе и глубокая преданность церкви дали возможность *А. Н. Муравьеву* отнестись къ предмету самостоятельно. Онъ первый въ русской литературѣ высказалъ основательныя критическія замѣчанія о характерѣ самыхъ источниковъ Фотіевой исторіи и освѣтилъ главныя стороны ея съ такихъ точекъ зрѣнія, которыя все болѣе и болѣе могутъ получать себѣ оправданіе при безпристрастномъ изученіи источниковъ. Поэтому сочиненіе *Муравьева* имѣло большое вліяніе

на позднѣйшихъ православныхъ изслѣдователей Фотіевой исторіи не только у насъ въ Россіи, но и на греческомъ Востокѣ. (Оно давно уже переведено на новогреческій языкъ и новыми писателями греческими цитируется въ числѣ главныхъ пособій для исторіи раздѣленія церквей и попытокъ къ соединенію). Съ новыми западными изслѣдованіями о Фотіѣ сочиненіе Муравьева, конечно, не можетъ быть сравниваемо по эрудиции и обработкѣ подробностей; но оно превосходитъ ихъ по твердости общихъ взглядовъ и освѣщенію главныхъ пунктовъ Фотіевой исторіи, какъ и вообще исторіи отношеній западной церкви къ восточной. Въ томъ же духѣ и направленіи написаны изслѣдованія о Фотіѣ у трехъ писателей, поменованныхъ нами во 2-мъ примѣчаніи вслѣдъ за Муравьевымъ: у преосвященнаго Филарета Чернышевскаго, въ „Историческомъ ученіи объ отцахъ Церкви“, ч. III, §§ 281—286 (это сочиненіе напечатано въ 1859 году, но написано гораздо ранѣе), въ монографіи о Фотіѣ харьковского профессора Зернина (1858 г.) и въ изслѣдованіи о Кириллѣ и Меодіи харьковского профессора Лавровскаго (1863 г.). Собственно новое въ возвращеніи на главные пункты Фотіевой исторіи и въ пріемахъ изслѣдованій у этихъ писателей мало; но у нихъ видно болѣе подробное, чѣмъ у Муравьева, знакомство съ первоначальными источниками и литературой предмета. У преосвященнаго Филарета, кромѣ очерка жизни Фотія, представляется и обзоръ его сочиненій съ библиографическими свѣдѣніями и характеристиками ихъ краткими, но вѣтными. У профессора Зернина, кромѣ сообщеній о Фотіѣ у современныхъ ему церковныхъ писателей (враждебныхъ Фотію), болѣе, чѣмъ въ предшествовавшихъ изслѣдованіяхъ, привлекаются къ дѣлу и показанія византійскихъ хронистовъ, ближайшихъ ко времени Фотія, и приводятся переводы нѣсколькихъ писемъ Фотія съ греческаго подлинника, по изданію *Τόμος χαραξ*. У профессора Лавровскаго въ особенности выясняется миссіонерская дѣятельность Фотія въ связи съ дѣятельностью славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меодія и представляются нѣкоторыя новыя данныя по исторіи отношеній Фотія къ римской церкви. Въ 1858 году открылось при Петербургской духовной семинаріи ежегодное изданіе *Духовная Бесѣда*, въ которомъ, между прочимъ, предполагено было болѣе знакомить русскихъ читателей съ средневѣковыми греческими писателями, полемизировавшими противъ латинства. Въ 1859 году здѣсь помѣщена была (№ 3, 4) статья о Фотіѣ (писанная, кажется, тогдашнимъ инспекторомъ С.-Петербургской академіи, впоследствии преосвященнымъ архіепископомъ казанскимъ — Павломъ, недавно скончавшимся), въ которой уяснялось значеніе Фотія для православной церкви, указывалось на пристрастное отношеніе къ нему со стороны западныхъ писателей и высказывалась мысль о необходимости возстановить правильный смыслъ исторіи Фотія по его письмамъ и сочиненіямъ. Вслѣдъ за тѣмъ начать быть здѣсь же и переводъ писемъ Фотія на русскій языкъ, къ сожалѣнію, скоро прекращенный. Здѣсь же потомъ (въ 1861 году) помѣщены были въ переводѣ на русскій языкъ извлеченія изъ *бесѣдъ Фотія*, открытыхъ архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ, и статья преосвященнаго Порфирія „Тысящелѣтіе первой славы Россійскаго государства“ (1864 г., № 20) — восторженный панегирикъ Фотію, изъ котораго взяты нами слова, поставленные въ одномъ изъ эпиграфовъ къ

настоящему изслѣдованію. Здѣсь же потомъ (съ 1866 году) напечатаны были въ русскомъ переводѣ профессоромъ *Е. И. Ловягинимъ* извлеченія изъ недавно обнаруженнаго сочиненія Фотія о *Тайноводствѣ Св. Духа*.

Не будемъ затѣмъ излагать содержаніе другихъ менѣе значительныхъ статей о Фотіѣ, появившихся въ русскихъ духовныхъ журналахъ въ пятидесятыхъ годахъ (какова, напримѣръ, только начатая статья *Ф. А. Сергіево* „Фотій до вступленія на патріаршій престолъ“ въ *Прибав. къ Твореніямъ св. Отца, 1854 г.*); профессоръ Московской духовной семинаріи, потомъ Харьковскаго университета *А. С. Лебедевъ* началъ было въ *Душеполезномъ Чтеніи* 1864 г. статью о раздѣленіи церквей, но не довелъ до Фотія. Наша статья о томъ же предметѣ (*Православное обозрѣніе* 1868 года;—перепечатана потомъ въ первой части нашего сочиненія „О рпскомъ католицизмѣ“, М., 1869 г.) касается исторіи Фотія очень кратко въ общемъ обзорѣнн отношеній православнаго Востока къ католическому Западу. Перейдемъ къ тѣмъ, болѣе значительнымъ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, которыя написаны были въ Россіи по поводу сочиненія Гергенрѣтера. Изслѣдованіе Гергенрѣтера своею обширностью, громадною эрудиціей и наружно-безпристрастнымъ (въ сущности злымъ) отношеніемъ къ Фотію естественно должно было произвести у насъ большое впечатлѣніе. Нашелся между русскими писателями, который слишкомъ увлекся этимъ сочиненіемъ. Профессоръ С.-Петербургскаго университета *Н. И. Костомаровъ*, съ обычными ему впечатлительностью и талантиностью, но и съ обычными также поспѣшностью и предвзятостью, нашелъ нужнымъ въ двухъ статьяхъ (напечатанныхъ въ *Вѣстникъ Европы*, 1868 г. № 1 и 2) подробно познакомить русскихъ читателей съ первымъ томомъ сочиненія Гергенрѣтера (еще до выхода остальныхъ томовъ). Въ первой статьѣ, не замѣтивши папистическихъ тенденцій Гергенрѣтера, авторъ въ неточномъ изложеніи (конечно, но недоразумѣнію, какъ несмѣливать по церковной исторіи) даже по мѣстамъ утрировалъ ихъ. При написаніи второй статьи Костомаровъ сталъ догадываться, какъ осторожно нужно довѣряться Гергенрѣтеру, сталъ по мѣстамъ сглаживать папистическія тенденціи нѣмецкаго ученаго, высказывать сочувственное отношеніе къ Фотію,—и вышло у него ни то, ни сѣ: ни православное, ни католическое представленіе о Фотіѣ. Но по всѣмъ изъ русскихъ ученыхъ оказались столько беззащитными предъ Гергенрѣтеромъ. Въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1868 г. (№ 3, 8) также еще до выхода послѣдняго тома сочиненія Гергенрѣтера началъ былъ рядъ статей *Голубкови*, представляющихъ основательный и подробный разборъ 1-й книги Гергенрѣтера (къ сожалѣнію, этотъ разборъ оборванъ былъ на изложеніи фактовъ, относящихся къ исторіи 3-го вселенскаго собора). Въ томъ же году въ другомъ русскомъ духовномъ журналѣ (*Православное Обозрѣніе*, 1868 г., № 5, 9) *А. С. Лебедевъ* напечаталъ двѣ статьи подъ заглавіемъ „Новыя изслѣдованія о времени и личности патріарха Фотія“. Статьи эти вызваны были собственно появленіемъ въ русскомъ журналѣ компіляціи г. Костомарова; но авторъ идетъ далѣе и нибѣтъ въ виду во многихъ мѣстахъ самого Гергенрѣтера, которымъ пользовался Костомаровъ. Авторъ не разбираетъ подробно фактовъ, искажаемыхъ Гергенрѣтеромъ и Костомаровымъ, но, выбравъ нѣсколько отрывочныхъ мѣстъ, старается разоблачать самые приемы, посредствомъ которыхъ Гергенрѣтеръ искажаетъ

исторію, а Костомаровъ, по недоразумѣнію, или преувеличивая положеніи Гергенрѣтера или, отступая отъ него, заунываетъ дѣло еще болѣе. Но самымъ сильнымъ противовѣсомъ Гергенрѣтеру явилось въ нашей литературѣ напечатанное въ нѣсколькихъ книжкахъ *Христіанскою Чтенія 1872 и 1873 года* (потомъ вышедшее и отдѣльнымъ оттискомъ) изслѣдованіе отца іеромонаха *Герасима Яреда*, сирійца по происхожденію, тогда только что кончившаго курсъ магистромъ С.-Петербургской академіи, бывшій митрополита Захльскаго въ Антиохійскомъ патріаршѣствѣ: „Отзывы современниковъ о св. Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ въ связи съ исторією политическихъ партій Византійской имперіи“. Авторъ мало вступаетъ въ прямую полемику съ Гергенрѣтеромъ и другими западными писателями, но беретъ дѣло гораздо глубже, начиная отъ самаго корня. Слѣдуя отчасти старому протестантскому писателю *Ганкію*, который, впрочемъ, положилъ только начало такому методу изслѣдованія Фотіевой исторіи, и расширяя примѣненіе этого метода гораздо дальше Ганкія, авторъ подробно разбираетъ самые источники, которые у большинства западныхъ писателей полагались въ основаніе Фотіевой исторіи, показываетъ заключающіяся въ нихъ противорѣчія, несостоятельность, лживость, изясняетъ проводимыя въ нихъ тенденціи послѣдовательно развивавшимися традиціями извѣстной византійской политической партіи. Сочиненіе о. Герасима Яреда не было въ свое время оцѣнено по достоинству (профессоръ Московской духовной академіи А. П. Лебедевъ сначала приветствовалъ его съ большимъ сочувствіемъ въ *Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія 1873 г.*, № 1; но потомъ между Лебедевымъ и о. Яредомъ возникли довольно странныя препирательства). Вина въ этомъ отчасти сама о. Герасимъ. 1) Планъ его сочиненія представлялся довольно запутаннымъ; 2) ограничиваясь критическимъ разборомъ источниковъ исторіи Фотія, онъ самому положительному изложенію этой исторіи далъ мало мѣста; 3) источники для исторіи Фотія онъ разобралъ не всѣ (въ этомъ отношеніи мы въ настоящемъ изслѣдованіи старались дополнить то, чего не успѣлъ сдѣлать о. Яредъ); 4) въ объясненіи развитія византійскихъ политическихъ партій, преимущества ихъ тенденцій и въ характеристикѣ ихъ значенія о. Герасимъ высказывалъ много замѣчательно-дѣльнаго, но допустилъ, кажется, нѣкоторыя натяжки и односторонности. При всемъ томъ, сочиненіе о. Герасима Яреда, по нашему мнѣнію, должно навсегда занять почетное мѣсто въ литературѣ о Фотіѣ; и дальнѣйшіе изслѣдователи Фотіевой исторіи не могутъ серьезно вести дѣла, пропуская безъ вниманія замѣчанія, высказанныя о. Яредомъ. Западные писатели, занимающіеся исторіей Фотія, и прежде всего самъ Гергенрѣтеръ, тогда еще здравствовавшій и писавшій, непремѣнно должны были дать такой или другой отвѣтъ на это сочиненіе, потому что оно въ корнѣ подкапывалось подъ ихъ построенія. Но такого отвѣта ни отъ кого съ Запада не послѣдовало. Можетъ быть, это всего болѣе произошло по той простой причинѣ, что на Западѣ вообще рѣдко читаются ученые сочиненія, появляющіяся на русскомъ языкѣ и вообще на Востоцѣ: *Rossica, Graeca sunt, — non leguntur*. Впрочемъ, не преминулъ же Гергенрѣтеръ очень скоро, въ введеніи къ 3-му тому своего изслѣдованія, отозваться на сочувственные ему статьи Костомарова и греческаго историка Папарригопула (послѣдняго онъ, впрочемъ, не совсѣмъ

понялъ, и *Паламариопуло* потомъ протестовалъ противъ солидарности съ мнѣніями Гергенпрѣстера)... Далѣе за изслѣдованіемъ о. Яреда слѣдуютъ въ русской литературѣ о Фотіѣ сочиненія профессора Московской академіи *А. П. Лебедева*. Ихъ, кромѣ сейчасъ упомянутого отзыва о книгѣ Яреда, было четыре. Они постепенно печатались въ русскихъ духовныхъ изданіяхъ, а потомъ появлялись и отдѣльными оттисками въ 1872, 1875, 1878 и 1888 гг. (см. *примѣч. 2*). Въ каждомъ изъ этихъ изслѣдованій г. Лебедевъ старался раскрыть какую нибудь извѣстную сторону Фотіевой исторіи: въ первомъ онъ представляетъ по преимуществу переписку римскихъ папъ съ константинопольскимъ дворомъ по поводу избранія и изложенія Фотія; во второмъ—разбираетъ полемику западныхъ церковныхъ писателей съ Фотіемъ; въ третьемъ—старается раскрыть смыслъ іерархическихъ смутъ, бывшихъ въ константинопольской церкви при Фотіѣ; въ четвертомъ—излагаетъ исторію соборовъ времени Фотія. Работами г. Лебедева несомнѣнно много прояснена исторія Фотія для русскихъ читателей: но въ нихъ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ этого способнаго, трудолюбиваго, многознающаго и многопишущаго историка (только, пожалуй, слишкомъ много и иногда слишкомъ пишущаго и потому, вѣроятно, не успѣвающаго доводить нѣккія свои работы до надлежащей ученой отдѣлки), есть нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны, которыя нужно принимать во вниманіе другимъ ученымъ, идущимъ вслѣдъ за г. Лебедевымъ въ изложеніи Фотіевой исторіи. Прежде всего нужно сказать, что не только ни въ одномъ изъ указанныхъ изслѣдованій г. Лебедева въ отдѣльности, но и во всѣхъ ихъ, не выясняется въ желаемой полнотѣ правдивый образъ Фотія и смыслъ его исторіи. Авторъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Фотіѣ какъ будто держался того взгляда, какой недавно высказанъ былъ въ нашей литературѣ въ одной статьѣ, напечатанной въ январской книгѣ *Православнаго Обзорника* за 1891 годъ (объ этой статьѣ скажемъ вслѣдъ за симъ). Сущность этого взгляда состоитъ въ томъ, что исторія Фотія — предметъ такой обширный и многосторонній, что одному какому нибудь изслѣдователю печего и браться за обработку всѣхъ ея сторонъ, а нужно постепенно нѣсколькими ученымъ раскрывать то ту, то другую сторону предмета. Въ этомъ взглядѣ, несомнѣнно, есть доля справедливости: исторія Фотія, какъ это можно видѣть и изъ нашего настоящаго изслѣдованія, дѣйствительно необычайно широкій и разносторонній предметъ. Но, съ другой стороны, нельзя не имѣть въ виду и того, что различныя стороны Фотіевой исторіи такъ близко соприкасаются между собою, и всѣ такъ послѣдовательно могутъ быть выяснены лишь изъ общаго твердаго и цѣльнаго представленія о Фотіѣ, что упомянутый сейчасъ методъ разработки предмета въ розницу едва ли можетъ дать желаемое вѣрное и живое представленіе о Фотіѣ; трудно изслѣдовать отдѣльными сторонами дѣятельности и исторіи Фотія, не выяснивъ напередъ, хотя въ главныхъ чертахъ, цѣльнаго образа его личности и общаго смысла его исторіи. Г. Лебедевъ долженъ былъ испытать неудобства принятаго имъ метода изслѣдованія Фотіевой исторіи въ разбивку. Въ каждомъ изъ упомянутыхъ его трудовъ (особенно въ первомъ и послѣднемъ, *ср. примѣч. 2*) можно найдти не мало дѣльнаго и цѣннаго, но цѣльный образъ Фотіевой личности и общій смыслъ его исторіи остаются въ нихъ недостаточно раскрытыми. При этомъ автору невольно пришлось много повторяться, объ одномъ

и томъ же говорить по нѣскольку разъ въ разныхъ сочиненіяхъ. Это, конечно, еще не могло бы быть поставлено писаніямъ г. Лебедева въ серьезный упрекъ. Но за то уже можно и серьезно упрекать автора, что, избравъ для каждаго изъ своихъ изслѣдованій раскрытіе одной извѣстной стороны Фотіевой исторіи, онъ ни одной изъ избранныхъ сторонъ не раскрылъ съ надлежащею отчетливостію. Въ каждомъ изъ указанныхъ изслѣдованій г. Лебедева встрѣчаются существенныя пропуски и недодѣлки, которыя, пожалуй, не бросаются въ глаза прямо при чтеніи этихъ самыхъ изслѣдованій, но которыя могутъ повести къ неправильнымъ представленіямъ дѣла въ трудахъ подражателей и послѣдователей г. Лебедева, по его сочиненіямъ излагающихъ исторію Фотія. Въ первомъ изслѣдованіи (*Москва, 1872*.), имѣющемъ предметомъ раскрытіе отношеній римской церкви къ константинопольской въ періодъ раздѣленія церкви IX—XI вѣковъ, послѣ отчетливаго изложенія писемъ паны Николая къ константинопольскому императору Михаилу до 865 года, на слѣдующія затѣмъ, и также очень важныя для разъясненія этихъ отношеній, письма 866 года обращается мало вниманія, и нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ пропускаются (стр. 52—55). Далѣе совсѣмъ пропускается переписка между константинопольскимъ и римскимъ дворомъ, бывшая при императорѣ Львѣ послѣ втораго изложенія Фотія. Во второмъ трудѣ г. Лебедева „Церкви римская и византійская въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и церковныхъ спорахъ IX—XI вѣка“ (*Москва, 1875*.) подробно излагаются западные сочиненія противъ грековъ, вызванныя полемикою Фотія (то-есть, сочиненія Энея и Ратрамна, см. примѣч. 145); но изъ сочиненій самого Фотія, которыя составляютъ, конечно, главное звено въ этой церковной полемикѣ IX вѣка, говорится только объ *Окружномъ посланіи къ восточнымъ патріархамъ*, писанномъ предъ соборомъ 867 года, а дальнѣйшія сочиненія, писанныя Фотіемъ противъ римскихъ нововведеній, какъ-то: сочиненіе о *Тайноводствѣ св. Духа*, письмо къ *митрополиту Ахейскому*, сочиненію противъ *римскаго приматства* и др., авторъ не считаетъ нужнымъ излагать и даже совсѣмъ не признаетъ за ними историческаго значенія (стр. 6), хотя такое значеніе ихъ признается самимъ Гергенпретеромъ, подробно изложившимъ содержаніе этихъ сочиненій въ III томѣ своего изслѣдованія. Это можетъ давать совершенно одностороннее и неправильное освѣщеніе описываемой полемикѣ. Въ третьемъ трудѣ „Очерки внутренней исторіи восточной церкви IX—XI вѣка“ (М., 1878) авторъ болѣе цѣльно характеризуетъ личность и излагаетъ исторію Фотія, но лишь въ общихъ чертахъ, не входи въ подробный самостоятельный разборъ частныхъ сообщеній и фактовъ; къ этому сочиненію онъ, впрочемъ, и не имѣлъ въ виду представить что либо новое, оригинальное; исторія Фотія занимаетъ здѣсь лишь нѣсколько главъ (I, II, III) во второмъ отдѣленіи книги (стр. 95—137). Четвертая книга профессора Лебедева „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“ (М., 1888 г.) даетъ всего болѣе матеріала для исторіи Фотія, заимствованнаго главнымъ образомъ у Гергенпретера, но съ провѣркою по первоначальнымъ источникамъ. Исторія соборовъ 869 и 879 гг., какъ мы уже упоминали (примѣч. 116, 143), излагается у г. Лебедева полнѣе, чѣмъ у другихъ русскихъ писателей, писавшихъ о Фотіѣ; но заглавіе сочиненія все-таки далеко не соответствуетъ его содержанію. Здѣсь

не только пѣтъ полной исторіи всѣхъ константинопольскихъ соборовъ IX вѣка (о соборахъ первой половины IX вѣка ничего не говорится, хотя между ними были очень значительные); но нельзя назвать это сочиненіе даже и исторіею соборовъ, бывшихъ при Фотіѣ или по дѣлу Фотія. О константинопольскихъ соборахъ 858 и 866 гг. (см. наши примѣч. 91—93, 95) здѣсь ничего не говорится; значеніе собора 861 года выясняется недостаточно и односторонне (сравни у Лебедева, стр. 37—51 и наше примѣч. 94). Даже соборъ 867 г., имѣвшій такое важное значеніе (наше примѣч. 95), авторъ пропустилъ было въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало сказать о немъ, и уже послѣ припомнилъ о немъ въ примѣчаніи, излагая исторію собора 869 года (стр. 110—111). Подробно излагается у автора лишь дѣятельность соборовъ 869 и 879 гг., и въ особенности описаніе послѣдняго имѣетъ цѣнность въ русской литературѣ о Фотіѣ, какъ мы и сказали въ своемъ мѣстѣ, хотя и здѣсь оказывается нужнымъ сдѣлать нѣкоторые существенныя оговорки (примѣч. 143). Изъ этого, нисколько не умаля достоинства сочиненій проф. Лебедева самихъ въ себѣ, мы можемъ вывести лишь то заключеніе, что новыя русскія писатели, берущіеся излагать исторію Фотія главнымъ образомъ по сочиненіямъ г. Лебедева (таковыя есть), не могутъ уже въ настоящее время довольствоваться перекладываніемъ ихъ на свой ладъ, а должны пополнять и пропѣрять изслѣдованія Лебедева, изучая дѣло по первоначальнымъ источникамъ и другимъ серьезнымъ сочиненіямъ. Кроме неоплоты, сочиненія г. Лебедева представляютъ и еще нѣкоторые другіе недостатки, зависящіе частью, какъ мы уже сказали, отъ спѣшности работы, частью отъ недостаточно самостоятельнаго и не всегда внимательнаго отношенія къ дѣлу, частью отъ нѣкоторыхъ частныхъ особенностей въ научныхъ и литературныхъ приемахъ автора. Вообще, сочиненія профессора Лебедева производятъ какое-то двойственное впечатлѣніе. Читателямъ непосредственнымъ такое впечатлѣніе дается прежде всего верновостью вышлагаго тона ихъ. Нерѣдкіе у него переходы отъ тона вполне серьезнаго научнаго къ тому шутивому иногда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ шутиливость является какъ будто не совсѣмъ у мѣста, составляютъ характерную особенность изложенія г. Лебедева. Въ указанныхъ сочиненіяхъ о Фотіѣ эта особенность сказывается, можетъ быть, менѣе, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ, но все-таки сказывается. Для читателей болѣе внимательныхъ и требовательныхъ двойственность впечатлѣнія еще болѣе усиливается нѣкоторою неопредѣленностью въ самыхъ научныхъ воззрѣніяхъ и тенденціяхъ автора. Такая неопредѣленность въ сочиненіяхъ о Фотіѣ высказывается въ значительной степени. Какъ будто стараясь быть въ своихъ изслѣдованіяхъ возможно объективнымъ и безпристрастнымъ, авторъ нерѣдко двонся между равностью о подтвержденіи сложившихся на Востокѣ представленій о Фотіѣ и уступками, иногда совершенно безъ нужды дѣлаемыми, западнымъ представленіямъ (см. примѣч. 143). При разъясненіи различныхъ сторонъ Фотіевой исторіи авторъ часто вступаетъ въ полемику съ западными писателями о Фотіѣ—Гегеле и Гергенрѣтеромъ, заимствуя матеріаломъ для этого у нихъ самихъ, но иногда дѣлаетъ имъ ненужныя уступки, именно въ такихъ пунктахъ, гдѣ требовалось бы поболѣе постоять за восточныя представленія и повнимательнѣе отнестись къ пристрастнымъ запад-

нымъ тенденціямъ. Отчасти такая же двойственность обнаруживается у автора и въ пользованіи самыми источниками. Автора никакъ нельзя причислять въ разрядъ писателей, составляющихъ свои писанія по чужимъ изслѣдованіямъ; онъ болѣею частью старается провѣрить показанія, заимствуемыя у другихъ писателей справкою съ первоисточниками, и часто приводитъ большія выдержки изъ первоисточниковъ; но иногда тамъ-то именно, гдѣ особенно нужно провѣрить показанія писателя второстепеннаго по первоисточнику, онъ довѣряется избранному руководителю безъ надлежащей критики. Объективность научнаго отношенія къ предмету у г. Лебедева нарушается также и тѣмъ, что онъ къ западнымъ изданіямъ, изслѣдованіямъ, мнѣніямъ относится со вниманіемъ и уваженіемъ иногда даже болѣе, чѣмъ какого они заслуживаютъ, а труды и изданія восточныхъ (напримѣръ, новогреческихъ) писателей о Фотіѣ и издателей сочиненій Фотія, которыми ему легко было бы пользоваться при хорошемъ знаніи греческаго языка, онъ игнорируетъ; въ такомъ дѣлѣ, какъ дѣло Фотія, издавна спорномъ между западною тенденціею и восточною традиціею, подобное отношеніе, какъ мы видѣли, можетъ вести къ большимъ односторонностямъ и ошибкамъ. Всѣми этими замѣчаніями мы не думаемъ умалять достоинства сочиненій профессора Лебедева. Изслѣдованія его, опять повторяемъ, въ литературѣ о Фотіѣ, по крайней мѣрѣ, русской, имѣютъ большое значеніе; его имя между русскими изслѣдователями Фотіевой исторіи до послѣдняго времени по справедливости пользовалось большимъ авторитетомъ. Но поэтому именно мы и сочли нужнымъ подробнѣе остановиться на изслѣдованіяхъ г. Лебедева и, надѣемся, почтенный профессоръ не обидится за то, что мы въ общемъ обзорѣ литературы о Фотіѣ удѣлимъ ему мѣста болѣе, чѣмъ кому-либо изъ писавшихъ о Фотіѣ послѣ Гергенрѣтера ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ указанныхъ четырехъ изслѣдованій о Фотіѣ, нѣкоторые еще приписываютъ г. Лебедеву статью, напечатанную предъ выхожденіемъ Фотія въ 1-й книжкѣ *Православнаго Обзорника* 1891 г., подъ заглавіемъ „Много ли мы знаемъ о патріархѣ Фотіѣ и его эпохѣ?“ Но мы не можемъ допустить предположенія, чтобы эта статья была написана почтеннымъ профессоромъ. 1) Статья эта написана такимъ тономъ и съ такимъ высокоумно-небрежнымъ отношеніемъ къ трудамъ русскихъ писателей о Фотіѣ, какіе едва ли могли бы быть допущены профессоромъ Московской академіи. 2) Въ статьѣ высказывается совершенно неприличнымъ отзывъ объ изслѣдованіи почтеннаго византиниста харьковскаго профессора Зернина, котораго авторъ и не читалъ, какъ самъ сознается. 3) О достойныхъ трудахъ А. П. Муравьева и о. Герасима Преда, которыми самъ А. П. Лебедевъ много пользовался въ своихъ сочиненіяхъ о Фотіѣ, также дѣлается очень высокоумный и поверхностно-несправедливый отзывъ. 4) Изъ писаній самого А. П. Лебедева о Фотіѣ автору, повидимому, извѣстны только два (первое и послѣднее); о двухъ другихъ онъ не упоминаетъ. Но еще хуже: авторъ какъ будто старается набросить тѣнь и на нравственный характеръ литературной дѣятельности проф. Лебедева замечаніемъ, что его послѣднее сочиненіе о Фотіѣ („Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“) имѣетъ недостаточно научный характеръ, вѣроятно, потому, что писано было для одного изъ такихъ *духовныхъ*

Завершеніе русской литературы о Фотіѣ представляютъ статьи, изслѣдованія и рѣчи, появившіяся въ 1890 и 1891 годахъ, предъ празднованіемъ и послѣ празднованія тысячелѣтняго юбилея Фотія (6-го февраля 1891 г.). Чего либо особенно выдающагося, основаннаго на широкомъ самостоятельномъ изученіи источниковъ и литературы предмета, отличающагося оригинальностью взглядовъ и пріемовъ, въ изслѣдованіяхъ, написанныхъ по этому знаменательному поводу, ни въ новогреческой, ни въ нашей русской литературѣ не появлялось. Но у насъ явилось нѣсколько работъ, дающихъ по, крайней мѣрѣ, хорошій сводъ прежде написаннаго о Фотіѣ и въ цѣльныхъ очеркахъ представляющихъ Фотіеву исторію съ разныхъ сторонъ, доселѣ въ отдѣльности изслѣдованныхъ разными спеціалистами. Мы разумѣемъ здѣсь сочиненія, поминованныя во 2-мъ примѣчаніи: свщ. В. Х. Преображенскаго (*Страники*, 1891 г., №№ 1—7), И. В. Платонова—изслѣдованіе о Фотіѣ, изданное послѣ смерти автора И. У. Палимсовымъ (Москва, 1891 г.), г. Ступкова—статья подъ заглавіемъ: „Ко дню тысячелѣтія памяти Фотія, патріарха константинопольскаго“, печатанная въ *Православномъ Собесѣдникѣ* 1891 г., №№ 1—4, выпущенная потомъ и отдѣльнымъ изданіемъ. Сюда же можно отнести нѣсколько ранѣе явившіяся статьи о Фотіѣ не русскаго, но принадлежащаго къ русской церкви писателя, о. Владиміра Гѣтте (недавно скончавшагося), которые были напечатаны первоначально въ издаваемомъ имъ журналѣ *L'Union Chrétienne*, потомъ вошли въ его *Histoire de l'Eglise* (Paris, 1889, t. VI, chap. 4) и были переведены на русскій языкъ въ харьковскомъ журналѣ *Вѣра и Разумъ* 1888—1889 гг. Всѣ эти новыя сочиненія о Фотіѣ отличаются твердостью и ясностью православныхъ воззрѣній на Фотія и представляются цѣнными въ томъ отношеніи, что въ нихъ для выясненія исторіи Фотія приывается довольно матеріала изъ собственныхъ писаній Фотія, и эта исторія разсматривается не съ тѣхъ только двухъ сторонъ, съ которыхъ она большею частью доселѣ разсматривалась, то-есть, со стороны его отношеній къ партіи Игнатія и къ римской церкви (см. примѣч. 42), но шире, со стороны положительной дѣятельности его въ распространеніи просвѣщенія, миссіонерствѣ, дѣятельности церковно-административной, законодательной, благотворительной. Какъ уже высказано выше, мы видимъ въ этомъ положительный шагъ впередъ въ разъясненіи Фотіевой исторіи. И хотя въ указанныхъ отношеніяхъ названные сочиненія полагаютъ только начало серьезной исторической работѣ, и православные писатели въ разъясненіи означенныхъ сторонъ Фотіевой дѣятельности много заимствуютъ изъ изслѣдованій того же католическаго писателя Гергенрѣтера, но можно надѣяться, что будущіе изслѣдователи Фотіевой исторіи уже болѣе твердо и самостоятельно пойдутъ по принятому направленію. Изъ названныхъ изслѣдованій наибольшую отчетливостью работы отличается изслѣдованіе В. Х. Преображенскаго. Не слишкомъ вдаваясь въ спеціальныя вопросы Фотіевой исторіи и потому не довольно

журналовъ, читатели которыхъ требуютъ не столько твердой истины, сколько душевнаго млека (*Православное Обозрѣніе*, 1891 г., № 1, стр. 81). Противъ этого неприличнаго заявленія справедливо сдѣлано замѣчаніе въ *Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія* (1891 г., № 4, стр. 161).

удовлетворяя специалистовъ, оно даетъ хорошее ознакомленіе съ предметомъ большинству образованныхъ читателей. Что касается до монографіи *И. В. Ллатонова*, то она, помимо нѣкоторыхъ неточностей, завистливыхъ, вѣроятно, частью отъ ослабленія старческой памяти писателя, частью отъ поспѣшности издателя (въ родѣ того, что „архимандритъ Теофильтъ представилъ чувствительнѣйшую жалобу на горькое положеніе патріарха Игнатія нѣмѣ Адріану“ (предисловіе, стр. III), или что „императоръ Василій Македонскій безвиною заточилъ патріарха Фотія въ отдаленную Арменію“ (тамъ же, стр. IV)“,—она привлекаетъ къ себѣ сочувствіе въ особенности искреннею ревностью о чести православной церкви и восстановленіи достойной памяти патріарха Фотія. Можно только пожалѣть о томъ, что эта ревность высказывается иногда въ слишкомъ рѣзкихъ, бранихъ, но недостаточно обоснованныхъ выходкахъ противъ католическихъ писателей, непріязненныхъ Фотію. Такими же качествами отличаются и статьи о *Владиміра Гётте*, превосходящія, впрочемъ, названныя русскія сочиненія о Фотіѣ болѣе широкимъ самостоятельнымъ изученіемъ источниковъ Фотіевой исторіи. Къ сожалѣнію, и въ этихъ статьяхъ безъ нужды высказываются слишкомъ рѣзкіе выходы противъ писателей несочувственнаго автору направленія: напримѣръ, слишкомъ высокоумныя отзывы не только о тенденціяхъ нѣмецкихъ изслѣдователей Гёфеле и Гёргенрётера, но и о самой учености ихъ, которую отрицать нельзя. Нужно пожалѣть и о томъ, что въ статьяхъ такого серьезнаго историка, какъ о. Владимиръ, проскользнуло нѣсколько крупныхъ ошибокъ: напримѣръ, кораблекрушеніе руссовъ у Константинополя поставлено прежде проповѣди св. Кирилла у хазаръ и обращенія болгаръ въ христіанство; окружное посланіе Фотія послѣ собора 867 года. Извлеченія изъ писемъ Фотія передаются у о. Гётте въ слишкомъ вольномъ перифразѣ, а въ русскомъ переводѣ его статей это совсѣмъ переходитъ въ неточности, затемняющія смыслъ дѣла. Что касается до статей г. Стукова въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, то нужно еще болѣе пожалѣть, что молодой писатель, повидному, свободно владѣющій мыслью и перомъ, поспѣшилъ напечатать ихъ, не исправивши самыхъ грубыхъ ошибокъ. У него Фотій называется сыномъ Симеона Логовѣта (см. первую статью въ январской книжкѣ *Православнаго Собесѣдника*; въ отдѣльномъ изданіи (стр. 15) эта нелѣпная ошибка опущена, и осталось только, что отецъ Фотія „ради православія три скончался мученически въ изгнаніи“; другія же нижеслѣдующія ошибки изъ статей *Православнаго Собесѣдника* перешли и въ отдѣльное изданіе: Калонистъ Аристипъ называется Аристовуломъ (отд. изданіе, стр. 23 внизу) и относится къ XIII вѣку (стр. 56, примѣч.); Поликаръ ефесскій, спорившій съ папою Викторомъ во II вѣкѣ, называется Поликарпомъ (стр. 56); іеромонахъ Герасимъ Яредъ смѣшивается съ Митрофаномъ (смирнскимъ? стр. 12, 27 въ примѣчаніяхъ); два русскіе профессора, писавшіе о Фотіѣ А. П. и А. С. Лебедевы также, кажется, принимаются за одно лицо (стр. 33—35, 36 въ примѣчаніяхъ, и изъ изслѣдованій А. П. Лебедева, который служитъ главнымъ руководителемъ для г. Стукова, ему, кажется, не всё извѣстно); Русь при Фотіѣ находится въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Болгаріей (стр. 46); Калабрія и Сицилія называются областями Фессалонитской провинціи (стр. 32); апостолы надписываютъ или подписываютъ свои посланія

нія именами митрополій (стр. 51, послѣдняя строка); сочиненіе Фотія „De eius (?), qui dicunt Romam esse primum thronum“ появилось будто бы въ XIII вѣкѣ (стр. 56, примѣч.). Не говоримъ о другихъ менѣе замѣтныхъ ошибкахъ и неточностяхъ. Въ виду такихъ ошибокъ мы посоветовали бы молодому и довольно плодовитому автору, по крайней мѣрѣ, нераспроданные экземпляры своего изданія собрать и уничтожить, а на мѣсто того сдѣлать новое изданіе съ дѣйствительнымъ исправленіемъ и опубликованіемъ ошибокъ прежняго: ибо большое зло происходитъ у насъ оттого, что грубыя ошибки и искаженія переходятъ изъ одной компилляціи въ другія, на что отчасти справедливо негодуешь и самъ авторъ (на стр. 12). Авторъ даетъ видѣ, будто онъ писалъ свое сочиненіе по первоначальнымъ источникамъ, но не трудно замѣтить, что главными руководителями его были А. П. Лебедевъ и Костомаровъ (?). Выдержки изъ писемъ Фотія авторъ цитуетъ по *Миню*; но это все тѣ письма, которыя переведены въ *Духовной Бесѣдѣ* 1889 г. Сомнительнымъ представляется отношеніе и къ *актамъ соборнымъ*; авторъ заявляетъ, что подъ руками у него было изданіе *Гардуина* (стр. 14, примѣч.); но въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ (стр. 62, 76) онъ ссылается на изданія *Лаббей* и *Манси*, которыми пользуется А. П. Лебедевъ въ своихъ сочиненіяхъ. Изданія *Валетты* „Επιστολαὶ τοῦ Φωτίου“, на которое авторъ даже съ задорностью ссылается въ примѣчаніи на стр. 87—88, онъ, очевидно, не видалъ, потому что, еслибы онъ видалъ это изданіе, не сказалъ бы, что эти письма „вновь“ открыты греческимъ посланникомъ Валетою: самое имя издателя и годъ изданія переданы автору неточно (изданіе Валетты вышло въ 1864 г., а не въ 188... (?) г.)... Изъ публичныхъ рѣчей, произнесенныхъ по поводу тысячелѣтняго юбилея Фотія, какъ на болѣе отличающіяся историческимъ содержаніемъ, можемъ указать на слѣдующія: *И. С. Пальмова* (*Страники*, 1890, № 12), *Будиловича* (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, Варшава, 1890, кн. 4), *В. Х. Преображенскаго* (*Проевangelное Обозрѣніе*, 1891, № 2), проф. *Малышевскаго* (*Церковныя Вѣдомости*, 1891, №11—12; есть въ этой солидной рѣчи одна непріятная ошибка, вѣроятно—опытка, о числѣ членовъ на соборѣ 867 года) и *профессора Успенскаго* (*Помощь самообразованію*, Саратовъ, 1891 г., № 3). Остановимся нѣсколько на послѣдней рѣчи, въ виду ученаго авторитета профессора Успенскаго въ византійской исторіи и въ виду нѣкоторыхъ особенностей самой рѣчи. Нельзя не отдать справедливости г. профессору за сдѣланную имъ оцѣнку *литературнаго и культурнаго значенія Фотія* и въ особенности за разъясненіе положительнаго значенія такъ называемаго *византизма* (которое, впрочемъ, въ другихъ сочиненіяхъ профессора представляется съ большею ясностью). Но нельзя не высказать нѣсколькихъ замѣчаній относительно нѣкоторыхъ допущенныхъ авторомъ фразъ собственно о *церковно-историческомъ значеніи Фотія*. Очень непріятно встрѣтить въ серьезной рѣчи почтеннаго ученаго такія фразы, будто Фотіемъ *обновлена рознь между восточною и западною церковью*; будто западные писатели *справедливо видятъ въ немъ главнаго виновника безпокорнаго разрыва церкви*. Конечно, мы увѣрены, что почтенный профессоръ могъ употребить эти фразы не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляють ихъ западные римско-католическіе писатели; но зачѣмъ же давать поводъ тѣмъ же католическимъ писателямъ, или какимъ нибудь русскимъ послѣдователямъ ихъ

истолковывать такіе фразы именно въ своемъ особенномъ смыслѣ (неосторожная обмолвка ученаго знатока Византіи для людей такого направленія можетъ представиться настоящимъ кладомъ; такъ недавно неосторожнымъ обмолвкою покойнаго профессора С.-Петербургской академіи Чельцова послужила поводомъ къ цѣлой скандальной полемикѣ). Точно также мы не можемъ признать точными и такіе выраженія автора, будто Фотій *въ церковной организациіи византизма является законоположителемъ и создателемъ новой системы, которая легла въ основаніе византійскаго церковнаго устройства*, будто онъ былъ *одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ реформаторовъ, какихъ только знаетъ церковная и политическая исторія*, будто имъ даны основы для церковно и культурнаго развитія восточной Европы, *которые дѣйствуютъ въ реальной жизни ея (?) и по настоящее время*. Мы увѣрены, что самъ Фотій не принялъ бы такихъ вострохваленій. Все его церковное реформаторство, все стремленіе его церковно-строительной дѣятельности были направлены къ тому, чтобы выяснитъ, укрѣпить и, пожалуй, развить примѣнительно къ современнымъ потребностямъ Византіи и новыхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ тогда въ составъ восточной церкви, тѣ исконныя законоположенія и основы, которыя всегда были основами православнаго устройства вселенской церкви. Мы, наконецъ, сожалѣваемъ, чтобы г. профессоръ могъ научно подтвердить и такое положеніе своей рѣчи, будто Фотій былъ *человѣкъ со есмими страстями и недостатками*. Конечно, все это только неточныя фразы, довольно обычныя у свѣтскихъ писателей, когда они касаются церковныхъ вопросовъ. Но вѣдь позволительно же желать серьезнымъ ученымъ быть еще болѣе серьезными, особенно когда они касаются серьезныхъ и щекотливыхъ предметовъ?..

Мы въ своемъ изслѣдованіи о Фотіѣ главнымъ образомъ старались подвести итоги предшествовавшимъ работамъ по этому предмету и, по возможности, освѣтитъ путь для дальнѣйшихъ работъ. Мы не рѣшились, какъ заявлено въ самомъ началѣ нашего труда, выйти за послѣдовательное изложеніе исторіи Фотія и полную оцѣнку его историческаго значенія. Въ виду множества разнорѣчивыхъ сужденій о Фотіѣ, мы старались расчистить почву изслѣдованія отъ разныхъ предубѣжденій и искаженій и указать, по возможности, твердые приемы для болѣе правильныхъ сужденій. Прежде всего нужно было разобраться въ матеріалѣ; мы сочли необходимымъ рассмотреть первоначальные источники исторіи о Фотіѣ, дать опредѣленную оцѣнку каждому изъ нихъ, представить ихъ въ правильномъ взаимномъ отношеніи. При разсмотрѣніи источниковъ намъ пришлось коснуться далѣе многихъ частныхъ фактовъ Фотіевой исторіи, и здѣсь встрѣтятся съ такимъ множествомъ запутанностей, противорѣчій, ложныхъ истолкованій, тенденціозныхъ умолчаній и прямыхъ вымысловъ и подлоговъ, что оказывалось нужнымъ прежде, чѣмъ высказывать какія либо положительныя сужденія, разоблачить все это ложное, искусственное, тенденціозное. Мы это показали, кажется, съ достаточной убѣдительностью, хотя думаемъ, что можно было бы показать это и еще яснѣе и подробнѣе. Разоблачая тенденціозные приемы изслѣдованія и ложныя освѣщенія фактовъ, мы естественно приходили и къ мыслямъ о томъ, какъ правильнѣе нужно бы было освѣтить искажаемые факты. Многое по этой части мы могли найти у прежнихъ изслѣдователей Фотіева спора, и ничего дѣльнаго и справедливаго, высказаннаго

по этой части западными ли то писателями или нашими восточными, мы старались не обходить. Но во многом мы не могли удовлетвориться существующими объяснениями и должны были прибѣгать къ собственнымъ предположениямъ. Въ этихъ случаяхъ мы старались быть по возможности осторожными. Мы не стѣснялись высказывать всякія догадки и предположенія, какія могли представляться при разсмотрѣніи наметниковъ и фактовъ; но тамъ, гдѣ мы не могли указать твердыхъ основаній для своихъ мнѣній и догадокъ, мы и высказывали ихъ предположительно. Такимъ образомъ наши изслѣдованія о Фотіѣ должны были получить не только критическій характеръ, но по отношенію ко многимъ сторонамъ запутанной Фотіевой исторіи и положительный нѣтъ, по крайней мѣрѣ, предположительно. Думаемъ, что и это можетъ пригодиться будущимъ изслѣдователямъ, никого не стѣняя, всякому давая мѣсто составлять свои новыя соображенія и заключенія. Если хотя и половина высказанныхъ нами мнѣній и предположеній найдена будетъ заслуживающею вниманія, изложеніе Фотіевой исторіи на будущее время во многомъ должно измѣниться сравнительно съ тѣмъ, какъ она представлялась прежде... Просимъ извиненія у читателей за своеобразную и, можетъ быть, по мѣстамъ тяжелую и нескладную форму изложенія. Любителямъ легкаго изложенія, конечно, скучно и непріятно читать такое изслѣдованіе, въ которомъ мелкихъ примѣчаній гораздо болѣе, чѣмъ крупнаго текста, и въ которомъ за разъясненіемъ и подтвержденіемъ почти каждаго высказываемаго въ текстѣ положенія приходится обращаться къ отдѣльнымъ приложеніямъ. Но мы и не могли въ своемъ трудѣ приспособляться къ требованіямъ любителей легкаго чтенія. Форма изложенія, избранная нами, обуславливалась не только частнымъ случаемъ, по поводу котораго мы писали свое изслѣдованіе (въ Ручѣ, предназначенную для произнесенія въ торжественномъ собраніи, нельзя было ввести всего содержанія, приготовленнаго нами для изслѣдованія Фотіевой исторіи), но, кромѣ того, она обуславливалась и самымъ предметомъ изслѣдованія. Въ серьезномъ изложеніи исторіи Фотія пока еще нельзя высказать почти ни одного положенія, не сопровождая его разными оговорками, ограниченіями, разъясненіями, опроверженіями противорѣчащихъ мнѣній и т. д. Еслибы все это вносить въ самый текстъ изслѣдованія, изслѣдованіе могло бы выйти еще гораздо тяжелѣе по изложенію, чѣмъ какъ оно представляется въ настоящемъ видѣ. Затѣмъ оно вышло бы и гораздо длиннѣе. Еслибы все то, что мы успѣли изложить здѣсь на нѣсколькихъ печатныхъ лѣстахъ, представить въ цѣльномъ, послѣдовательномъ и равномѣрно-обработанномъ изложеніи, съ надлежащимъ развитіемъ частныхъ и разными необходимыми переходами отъ одной стороны изсѣдуемаго предмета къ другой, это потребовало бы если не такихъ большихъ размѣровъ, какъ сочиненіе Гергенрѣтера, то, по крайней мѣрѣ, половины, или хотъ третьей-четвертой части огромнаго трехтомнаго изданія. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ представлялось. Мы старались, по возможности, беречь время для себя и для читателей, а также и бумагу, и труды, и издержки печатанія. Наконецъ, избранная форма изложенія представлялась намъ наиболѣе удобною еще и въ томъ отношеніи, что вотъ здѣсь-то въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ мы свободно могли высказывать свои соображенія и предположенія, не навязывая ихъ читателю сразу, вмѣстѣ съ не-

сомнѣнными положеніями въ одномъ цѣльномъ и связномъ изложеніи. Развивая отдѣльными положеніями сочиненія порознь, мы могли отбѣять ихъ разлчными стоеніями рѣшительности сужденія, и читателямъ болѣе могло оставаться удобства, принимая одни положенія, отбрасывая другія, какъ непріемлемыя. А между тѣмъ, при развитіи одной и той же темы въ разныхъ отдѣльных примѣчаніяхъ съ разныхъ сторонъ, безъ опасенія повтореній (которыя, если и должны были высказываться по мѣстамъ по необходимости, не могли безъ нужды удлинять и запутывать изложенія), главная тема могла раскрываться шире и многостороннѣе, и разрозненныя по отдѣльнымъ мѣстамъ положенія, при внутренней цѣльности общаго представленія, могли подкрѣпляться одно другимъ съ болѣею доказательностью и послѣдовательностью, чѣмъ это можно было бы сдѣлать въ непрерывномъ повѣствовательномъ изложеніи.

162. Мы не можемъ приписывать себѣ честь перваго заявленія такой постановки дѣла о Фотіѣ. Какъ упомянуто въ предшествовавшемъ примѣчаніи, мысль о необходимости возстановить смыслъ Фотіевой исторіи по письмамъ и сочиненіямъ Фотія выразительно высказана была авторомъ статьи о Фотіѣ въ *Духовной Бесѣдѣ* 1859 г. (№№ 3—4). Въ повогреческой литературѣ такая мысль твердо заявлена *Василіемъ* въ предисловіи къ изданію писемъ Фотія (стр. 18). Но смѣемъ надѣяться, что послѣ нашихъ разъясненій мысль эта получить болѣе твердости для будущихъ изслѣдователей Фотіевой исторіи.

163. См. примѣч. 151, 154, 155 и др.

164. Примѣч. 42, 6 и др.

165. Примѣч. 139—142.

166. Примѣч. 122, 124, 129, 131, 143.

167. Это мы и старались сдѣлать преимущественно въ примѣчаніяхъ 52, 59, 60, 61, 62, 94, 95, 125 и др. Конечно, много работы въ этомъ направленіи останется и будущимъ изслѣдователямъ.

168. Примѣч. 6, 143, 151, 161.

169. Предъ нами патріарха Фотія современное православное христіанство во всякомъ случаѣ еще остается въ долгу. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что чествованіе тысячелѣтняго юбилея его и въ Россіи и въ Греціи совершилось слишкомъ скромно... Не такъ чествуютъ на Западѣ юбилей и менѣе значительныхъ церковныхъ и научныхъ дѣятелей (см. по поводу юбилея Фотія прискорбную полемику между *Григидиномъ* 1891 г., №№ 38, 65, и *Московскими Вѣдомостями* того же года, №№ 59, 77,—полемику, замѣчательную, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней сторона, настаивавшая на болѣе торжественномъ чествованіи памяти Фотія, высказывалась въ духъ началъ, которыми противоборствовалъ Фотій, а сторона противная—ближе къ воззрѣніямъ самого Фотія). Но, кажется, нельзя много сѣтовать на то, что къ тысячелѣтнему юбилею великаго историческаго дѣятеля тѣ, которыхъ называютъ его послѣдователями, оказались недостаточно притовленными, недостаточно усилившими себѣ его значеніе. Сколько припомнимъ, у насъ и въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ совершившихся юбилеевъ значеніе чествованныхъ лицъ и событій уяснилось не прежде, а послѣ празднованій. Такъ, можетъ быть, окажется и съ чествованіемъ памяти патріарха Фотія. Мы говоримъ не объ оф-

официа́льномъ церковномъ празднованіи памяти Фотія: оно принадлежитъ вѣдѣнію лицъ и учрежденій, имѣющихъ на то высшую компетенцію. Мы имѣемъ въ виду собственно научно-литературное разъясненіе и признаніе заслугъ великаго патріарха. Все, высказанное и сдѣланное по поводу тысячелѣтняго юбилея Фотіева, нельзя признать достаточнымъ: можно надѣяться, что дальше, по совершеніи юбилейнаго воспоминанія, будетъ сдѣлано въ честь Фотія нѣчто болѣе значительное. Мы опять разумѣемъ не частныя лишь труды ученыхъ лицъ; такіе труды, надо полагать, будутъ появляться болѣе и болѣе совершенныя; есть къ этому и особенный призывъ (*объявленіе о преміи за написаніе достойнаго сочиненія о Фотіѣ отъ съѣзда Кіевской Духовной Академіи въ Труды академіи и друіе русскіхъ духовныхъ журналовъ за 1867 г.*). Но мы разумѣемъ такія предпріятія и изданія въ память Фотія, каковыя отдѣльныя лица своими силами и средствами осуществлять не могутъ. 1) Заслуги Фотія для православнаго Востока вполнѣ стоятъ того, чтобы послѣ его тысячелѣтняго юбилея издано было въ Россіи полное собраніе его сочиненій. Мыслью объ изданіи полнаго собранія сочиненій Фотія неоднократно задавались и западные ученые (см. *Migne*, t. CI, pag. V, 14; *Fabricii Harles Bibliotheca Gr.*, XI, 547; *Hergent.*, III, 7—9); но мало было бы чести православному Востоку, еслибы и въ этомъ отношеніи онъ предупрежденъ былъ Западомъ. Существующими западными изданіями сочиненій Фотія нельзя довольствоваться по многимъ причинамъ: а) Самое полное изданіе ихъ Миня (CI—CIV) не включаетъ всѣхъ сочиненій Фотія. б) Изданію Миня послѣ пожара его типографіи въ 1867 г. трудно вновь пріобрѣтать въ тѣ библіотеки, которыя не успѣли запастись имъ. в) Тексты сочиненій Фотія, изданныхъ на Западѣ, нельзя считать вполнѣ исправными, какъ это показываютъ многія замѣчанія восточныхъ издателей Софокла Икономоса, Валетты, Попадопуло-Керамевса и др. г) Къ изданіямъ сочиненій Фотія на Западѣ прилагаются такія предисловія и примѣчанія (напр., въ изданіи Миня, главнымъ образомъ писанныя *Герсентеромъ*), въ которыхъ проводятся тенденціозные взгляды, и которыя въ восточномъ изданіи должны быть замѣнены другими, основанными на самостоятельномъ изученіи, предисловіями и примѣчаніями православныхъ ученыхъ... Но откуда взять средства на изданіе собранія сочиненій Фотія, и кому можно было бы поручить это дѣло? На этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить прямо: но неужели въ настоящее время нельзя мечтать о томъ, о чемъ мечтали патріархъ Досіеѣй въ XVII вѣкѣ и что считала возможнымъ осуществлять въ Москвѣ при патріархѣ Адріанѣ (см. примѣч. 161)? Вполнѣ желательно, чтобы въ Россіи организовано было изданіе не только сочиненій Фотія, но и другихъ памятниковъ восточной исторіи и литературы, которыхъ западные ученые и правительственныя учрежденія не имѣютъ настоятельныхъ побужденій издавать, или даже имѣютъ побужденіе до времени задерживать, а потомъ выпускать въ свѣтъ въ искаженномъ видѣ и съ неправильными толкованіями. 2) Для русскихъ читателей долженъ быть сдѣланъ переводъ сочиненій Фотія на русскій языкъ. Учеными спеціалистамъ это, конечно, не необходимо: они могутъ читать эти сочиненія въ подлинномъ текстѣ или въ латинскихъ переводахъ западныхъ изданій. Но, кромѣ ученыхъ спеціалистовъ, вполнѣ освоившихся съ предметомъ и пособиями своей спеціальности, есть ученые начинающіе;

не окрѣпшіе въ дѣлѣ, которые готовы изучать подлинныя источники своей специальности, но для которыхъ на первыхъ порахъ удобнѣе, когда они могутъ найти на болѣе доступномъ имъ языкѣ переводы этихъ источниковъ. Нельзя не имѣть въ виду потребностей и такихъ ученыхъ; и въ болѣе окрѣпшихъ литературахъ, вмѣстѣ съ изученіемъ источниковъ въ подлинникахъ, считаютъ не лишнимъ имѣть ихъ въ переводахъ на мѣстный литературный языкъ. Самые успѣхи въ развитіи спеціально-ученой литературы много зависятъ отъ того, на сколько среда, окружающая ученыхъ спеціалистовъ, можетъ принимать участіе въ разрабатываемыхъ ими вопросахъ. А среду можно привлечь къ такому участію не иначе, какъ давъ ей возможность познакомиться съ извѣстными предметомъ доступными для нея средствами пріобрѣтенія знаний. Наконецъ, переводъ сочиненій Фотія на русскій языкъ могъ бы оказаться весьма полезнымъ не только для высшихъ научныхъ, но и для ближайшихъ практическихъ цѣлей. Въ *Библіотекѣ* Фотія изучающіе церковную исторію и исторію церковной литературы студенты духовныхъ академій могли бы имѣть полезнѣйшее пособіе, лучшую справочную книгу по древней библіографіи. Въ *Амфилохіяхъ* Фотія представляется разъясненіе такихъ мѣстъ священнаго писанія, на которыхъ и теперь нерѣдко останавливается и которыми иногда смущается вниманіе образованныхъ людей. Во многихъ *письмахъ* Фотія прекрасныя нравственныя наставленія, увѣщанія, утѣшенія, обличенія и предостереженія. Въ *бесѣдахъ*—высокіе образцы духовнаго краснорѣчія. Въ *полемическихъ сочиненіяхъ противъ латинистовъ*—разъясненіе главныхъ пунктовъ различія между восточною и западною церквами... Доселѣ изъ сочиненій Фотія на русскій языкъ были переведены очень немногія: нѣсколько писемъ въ *Духовной Бесѣдѣ* 1859 г. и *Христіанскомъ Читаніи* 1845 и 1846 г., нѣсколько бесѣдъ въ названномъ выше изданіи преосвщ. Порфірія Успенскаго и въ *Христіанскомъ Читаніи* 1888 г., извлеченія изъ сочиненія о Св. Духѣ въ *Духовной Бесѣдѣ* 1866 г. Бывшій профессоръ С.-Петербургской Академіи Н. И. Барсовъ (въ *Церковномъ Вѣстникѣ*, 1891 г., № 8) сообщаетъ, что въ Петербургской академіи находится переводъ „Библіотеки“ Фотія, сдѣланный недавно іеромонахомъ Никандромъ Надеждинымъ, но, вѣроятно, этотъ переводъ не готовъ къ изданію; нельзя ли его обработать, какъ слѣдуетъ?... Для новаго перевода сочиненій Фотія нужно, конечно, избрать людей, вполнѣ владѣющихъ и греческимъ и русскимъ языкомъ, способныхъ передать не только смыслъ, но и разнообразныя оттѣнки и тоны Фотіевой рѣчи, и хорошо знакомыхъ съ литературой о Фотіѣ, которые могли бы составить къ сочиненіямъ Фотія и нужныя предисловія и примѣчанія. Вотъ этимъ воздвигнуть былъ бы достойный памятникъ великому дѣятелю Православнаго Востока.

Прот. А. Иванцовъ-Шлатеновъ.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОСЪ ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

(1544—1648).

ГЛАВА II ¹⁾.

На 22-е іюня 1561 года назначенъ былъ крейстагъ въ Ютербокѣ ²⁾. Среди вопросовъ, обсуждавшихся на этомъ собраніи, Ливонскій занималъ первое мѣсто. Всѣ собравшіеся здѣсь княжескіе депутаты соглашались, что восточныя событія въ Ливоніи не имѣютъ мѣстнаго характера, а касаются всей Германіи, и что къ нимъ слѣдуетъ отнестись съ большимъ вниманіемъ. Московскій царь опасенъ не только Ливоніи, но и всему верхне-саксонскому округу, — мысль подробно развитая въ инструкціи, которую Августъ саксонскій далъ своимъ представителямъ на съѣздѣ ³⁾. Содержаніе ея было слѣдующее: Всѣмъ собравшимся должно быть извѣстно уже изъ Аугсбургскаго рейхстага 1559 года, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Ливоніи и какъ неотступно ливонцы, стѣсненные москвитами, молятъ о помощи; на аугсбургскомъ и шпейерскомъ рейхстагахъ поднимался вопросъ о денежной помощи ливонцамъ въ размѣрѣ 200.000 гульденовъ и о посольствѣ въ Москву. Съ тѣхъ поръ не прошло и двухъ лѣтъ — а московскій царь не только не оставилъ своихъ намѣреній захватить Ливонію, но съ большими чѣмъ раньше усиліями приводить въ исполненіе свой планъ и близокъ уже къ покоренію всей провинціи. Разсматривая московско-ливонскія отношенія, Августъ

¹⁾ *Продолженіе.* См. сентябрьскую кн. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Дрезд. арх. Gütterbockische Kraistagsabhandlung und Abschiedt belangende der Liefeländischen lande und stende kriegsbeschwerung von dem Muscowit. Item was nach gehaltenem Kreistag durch Kayz. Mayt. und sonst geschrieben und glantwort würdenn. 1561. Наумбургскій съѣздъ, назнач. на 20-е января 1561 г., мы по его незначительности пропускаемъ. Матеріалы для него въ Мюнх. архивѣ.

³⁾ Г. Форстенъ, *Акты и письма*, № 11, стр. 29.

замѣчаетъ, что ливонская война — такое дѣло, съ которымъ считаться должны всѣ сословія имперіи; тутъ только единствомъ дѣйствій и возможно достигнуть какихъ нибудь результатовъ. Верхне-саксонскій округъ не можетъ одинъ взять на себя всю тяжесть помощи ливонцамъ; необходимо содѣйствіе и другихъ округовъ имперіи. Между тѣмъ рейнскій округъ намѣренъ совершенно отказаться отъ участія въ ливонскихъ дѣлахъ. Если все ляжетъ на одинъ верхне-саксонскій округъ, то, во первыхъ, не достигнута будетъ цѣль. а, во вторыхъ, къ нему праждебно отнесется польскій король, который теперь взялъ на себя войну съ Москвою. Имперіи надлежитъ поддерживать самыя дружескія отношенія къ Польшѣ: если между ними возникнутъ какія либо недоразумѣнія, то московскій царь не преминетъ ими воспользоваться. Поэтому, какую бы помощь имперскіе округа не рѣшили отправить въ Ливонію, денежную ли, или наемниками, необходимо заручиться согласіемъ Польши.

Далѣе Августъ въ своей инструкціи говоритъ: коль скоро всѣ сословія согласятся доставить помощь для защиты Ливоніи и для отраженія страшнаго врага, то и онъ съ своей стороны сдѣлаетъ все, что въ его силахъ и чего потребуетъ столь важное предпріятіе. До настоящаго времени ни одно сословіе еще ничего не дало для составленія ста тысячъ гульденовъ, суммы, которую рѣшено было собрать еще на аугсбургскомъ рейхстагѣ; о двухстахъ тысячахъ гульденовъ шпейерскаго депутаціонстага курфюрстъ уже и не упоминаетъ. Одно сословіе выжидаетъ, когда другое сдѣлаетъ первый шагъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, по мнѣнію Августа, слѣдовало обратиться къ императору, чтобы онъ отъ себя побудилъ остальные округа имперіи сдѣлать необходимые взносы для составленія нужной суммы; затѣмъ уже прямо отъ имени ютербокскаго собранія обратиться съ такою же просьбою къ ниже-саксонскому и вестфальскому округамъ.

Изъ сохранившихся протоколовъ ютербокскаго собранія видно, что уполномоченные померанскихъ герцоговъ всего энергичнѣе ратовали за помощь лифляндцамъ ¹⁾; они обстоительно и рельефно

¹⁾ Барнимъ померанскій Августу, 4-го мая 1561 г. . . „Das der Muscowitter wiederumb mit grosser macht auff Lifflandt ziehenn, und sich offentlich vornhemenn lassen soll, das er endtlich gemeint sey, mit angefangenem Kriege wieder Liffland vortzufahrenn und seine gantze macht dahin zuwenden und sie mit fewer und schwerdt zudringenn, nicht allein dass sie ihm zinsbar wurden, sondern sich gantzlich under seinenn gewaldt und gehorsam, wie andere seine vuderthanen ergeben . Въ этомъ же письмѣ: und daneben was noth und gefahr dem heil-

другихъ выставили всю опасность для Германской имперіи отъ содѣйства съ московскимъ царемъ. Лифляндія, говорили они, это форпостъ имперіи на востокѣ, и ее во что бы то ни стало надо сохранить за имперіей. Время дѣятельнаго участія въ борьбѣ за Ливонію еще не ушло, но и 300.000 гульденовъ—сумма слишкомъ незначительная для борьбы съ такимъ врагомъ, какъ московскій царь.

Такого же мнѣнія были и представители Шварцбурга: уже ради репутаціи имперіи нельзя ограничиться 300.000 гульденовъ, говорили они ¹⁾).

Представители Бранденбурга и Саксоніи высказались за посольство въ Москву; по ихъ мнѣнію, Ливоніи должны были оказать помощь иностраннымъ державамъ, подданные которыхъ ведутъ прибыльную торговлю съ Ливоніей и Москвою, а именно, Швеція, Данія, Шотландія и Ганзейскіе города. Всѣ сошлись на томъ, что Любеку слѣдуетъ запретить въ военное время сносіться съ москвитами ²⁾. Нарва, которою владѣютъ русскіе, это глазъ Ливоніи ³⁾, писалъ Кетлеръ императору, и ее необходимо отвоевать у русскихъ. Безъ Нарвы русскіе не страшны, въ Нарвѣ они лишатся главной своей опоры ⁴⁾.

Рѣшеніе ютербокскаго собранія ⁵⁾ было сформулировано въ слѣ-

ligenn Romischen Reich sonderlich denn negst angelegenen Landen und Fürsten—thumben, darauss entstehenn kontte, zugeschrieben — — und was unwiederbringlichen vorthell der Muscovitter an Liffland, da er desselben mechtig, wieder das heil. Reich und die angesessenen Reichsglied massen zu ewigwehrenden Zeitten haben und erlangenn, was auch zuletzt, wann itzt Liffland und dan ein standt nach dem andernn, trost und hülfflos gelassen, und ein jeder nur sein selbst acht hatte, sich der anderen seiner mitglieder noth und gefahr, nichts annheme, erfolgenn würdt das sonderlich *wir als die negstenn* auch unsernn undergangk, wie itzt Lifflands, und alle gefahr, die dem heiligen Reich vorstehet und wie auff berürt. versamlungs thägenn, so trewlich gewarnet fast vor Augen sehen.... Иоаннъ Грозный называетъ „ein wiederwerttger vnd vorhin vhist vnbekandter vnd vngeachteter Barbarischer Feind“. Въ друкѣ мѣстѣ: „der gewaltige Feind christliches nahmens“.

¹⁾ Дрезд. архивъ:....; „damit nicht schimpfflich dem reich zustehe were fernere hilf notwendig.“

²⁾ ... das Lübeck die gantze schiffart in Liffland zu den Moscovitter verboten.

³⁾ Narva—daseinzige Auge zu Lifflandt.

⁴⁾ Konnte man dem Veindt mitt vorthell jnn seine heuptstедte Newgarten vnd Plesskow biss mittenn uff denn Marckt zu schiffe lauffenn, alle Prouiande, beute vnnnd raub ab vnnnd aubringen vnnnd würden auch die andernn Stедte jnn Lifflandt vnuorderbenn pleibenn, die sonst gahr zu stein hauffenn musten werdenn.

⁵⁾ Abschied des Güterb. Kreystages. Оригиналъ—въ Kreistagsabschiede. Въ Дрезденскомъ архивѣ я пользовался черновымъ „Concept“.

дующихъ словахъ: въ виду того, что успѣхи московскаго царя въ Ливоніи представляютъ большую опасность для всей Германской имперіи и что, усилившись на берегахъ Балтійскаго моря, московскій царь будетъ страшенъ и для всѣхъ прибалтійскихъ князей, — свободное плаваніе и торговля на Балтійскомъ морѣ будутъ остановлены, — въ виду всего этого собравшіеся въ Ютербоксъ представители верхне-саксонскаго округа согласились внести свою часть въ сумму 300.000 гульденовъ для помощи ливонцамъ, но съ условіемъ, чтобы и остальные округа сдѣлали то же ¹⁾. Желательно затѣмъ, чтобы императоръ снарядилъ посольство къ московскому царю и сдѣлалъ попытку склонить его къ миру; это является въполнѣ возможнымъ въ виду слуховъ о сильномъ пораженіи, нанесенномъ русскимъ татарами. Наконецъ, по мнѣнію ютербокскаго собранія, императору слѣдуетъ поднять въ защиту Ливоніи Польшу и Швецію.

26-го іюня ютербокскіе депутаты писали къ Фердинанду I ²⁾, что по ихъ мнѣнію слѣдовало бы для предотвращенія новаго нашествія московитовъ еще до Михайлова дня отправить денежную помощь въ Брауншвейгъ. Затѣмъ они снова повторяютъ свое желаніе, чтобы императоръ снарядилъ посольство въ Москву. Они думаютъ, что договоръ, недавно заключенный между Швеціей и Москвою, вовсе не такъ проченъ, чтобы нельзя было сдѣлать попытку склонить шведскаго короля къ антимосковской лигѣ.

Фердинандъ не замедлилъ отвѣтить ютербоксскимъ депутатамъ; онъ тотчасъ исполнилъ ихъ просьбу и обратился уже къ остальнымъ округамъ имперіи (*generediglich und ernstlich*). Относительно посольства въ Москву императоръ былъ того мнѣнія, что оно едва ли при-

¹⁾ Ibid. Schreiben an den niedersechsischen Kreiss. Mutatis mutandis an den niederlendischen Westphalischen Kreiss. 26-го іюня.

²⁾ So bitten jm nhamen und vom wegen vnserer gnedigsten und gnedigen herren wir allervnderthenigst E. R. Kays. M. wollen solchs alles allergnedigst beherzigen und bewegen, und disfals zu abwendung solchs ubels auch zu beschutze und handhabunge des heil. R. Reichs glider dienen und gereichen muge, allergnedigst und vaterlich bedencken, anstellen und fürschatzen. — — Есть надежда „das die K. Würde zu Polen sich villeicht jn feindliche handlange und kriegsübunge wider denselbigen (московскій царь) einlassen möchte“. — So wissen Euer Rom. K. M. wir daneben auch vnderthenigst nicht zuuerhalten, das etzlichen stenden dises kreisses souil kundschaft mitbracht, das der zwischen dem Muscowiter und Schweden aufgerichter vertrag so ganz feste nicht stehe und es ditz ansehen haben möchte, als konte Schweden wider dem Muscowiter auch leichtlich sich einzulassen bewegen werden.

несетъ какіе либо результаты. Слухи о пораженіи, нанесенномъ татарами царскимъ войскамъ, не оправдываются: напротивъ, татары были разбиты, и русскіе отвели многихъ въ плѣнъ. Огр аничитъс однимъ посольствомъ и не послать ливонцамъ никакой помощи— это срамъ для всей имперіи ¹⁾). Какъ скоро московскій царь замѣтитъ, что имперія ограничивается лишь однимъ посольствомъ, онъ съ еще большею энергіей будетъ продолжать завоеваніе ливонскихъ земель.

Фордінандъ понималъ всю важность сохраненія за собою Ливоніи, но былъ лишенъ всякой возможности держаться активной политики. Все, что онъ сдѣлалъ,— это запрещеніе нарвскаго плаванія и торговыхъ сношеній съ Москвою, что опять таки всего тяжелѣе отразилось на положеніи имперскихъ городовъ, жившихъ исключительно одною русскою торговлей. 26-го ноября 1561 года вышелъ извѣстный указъ его, запрещающій нарвское плаваніе. Въ немъ императоръ обращается ко всѣмъ курфюрстамъ, князьямъ духовнымъ и свѣтскимъ, графамъ, вольнымъ господамъ, рыцарямъ, кнехтамъ, начальникамъ, ландфохтамъ, вице-домамъ, фохтамъ, попечителямъ, опекунамъ, служилымъ людямъ, сельскимъ старостамъ, бургомистрамъ, судьямъ, ратманнамъ, бюргерамъ и всѣмъ вообще подданнымъ Священной имперіи и объявляетъ имъ свою милость. „И наши предшественники, и мы сами неоднократно обращались ко всѣмъ своимъ подданнымъ и запрещали имъ подъ страхомъ строгаго наказанія вывозить изъ имперіи оружіе, латы, мотыки, палицы, порохъ, олово, сѣру и иные военные снаряды. Съ тѣхъ поръ какъ московскій царь началъ воевать Ливонію, мы запретили своимъ подданнымъ имѣть съ нимъ какія бы то ни было торговныя сношенія, доставлять ему провіантъ или оружіе. Не смотря однако на это, до насъ доходятъ свѣдѣнія, что сношенія съ русскими все-таки поддерживаются, и имъ доставляютъ, кромѣ оружія и пороха въ большомъ количествѣ соль, сѣдла и другіе съѣстные припасы. Подъ держиваемый нѣмцами и другими иностранцами, московскій царь все усиливается и съ большымъ успѣхомъ ведетъ свою опустошительную войну въ Ливоніи: послѣ Нарвы съ ея фарватеромъ въ его руки попали Дерптъ, Маріенбургъ и многіе другіе города и крѣпости. Разорена вся Ливонія, множество людей обоего пола отведено въ плѣнъ, захвачены скотъ и имущество жителей; чего нельзя было увести— русскіе предали огню и мечу. Такимъ образомъ Ливонія лишена и

¹⁾ Zum schimpf und verkleinerung.

народа, и денегъ, и провіанта; у царя же силы все растутъ и дошли уже до 130.000 человекъ. Опустошительные набѣги московитовъ достигли уже до самой Курляндіи; многіе знатные мужи Ливоніи погибли или томятся въ плѣну, напримѣръ, Вильгельмъ Фюрстенбергъ. Лучшія части провинцій, какъ Эстонія, Гаррія, Виррландъ, въ рукахъ великаго князя московскаго. Помогая русскимъ, вы помогаете врагамъ всей германской имперіи. Мы рѣшили не допустить униженія и умаленія имперіи и сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для сохраненія мира и спокойствія. Подъ страхомъ уничтоженія всѣхъ регалій, леновъ, привилегій, льготъ и правъ мы запрещаемъ всѣмъ подданнымъ имперіи сносіться съ русскими и доставлять имъ оружіе и провіантъ. Это приказаніе наше должно быть тотчасъ обнародовано во всѣхъ княжествахъ, земляхъ, городахъ и мѣстечкахъ¹⁾.

Въ заключеніе этого манифеста Фердинандъ выражаетъ надежду, что его воля будетъ исполнена¹⁾.

Еще до изданія этого знаменитаго указа императоръ обращался съ просьбами къ Фридриху II, Эрику XIV, Елизаветѣ, Маргаритѣ Нидерландской, Любеку и другимъ городамъ, убѣждая ихъ ради общей пользы отказаться временно отъ русской торговли.

Въ письмѣ къ Елизаветѣ Фердинандъ говоритъ, что англичане доставляютъ русскимъ оружіе, ядра, порохъ, сѣру, селитру, свинецъ, желѣзо, соль, сельди, шелкъ, полотно; къ тому же къ русскимъ приходятъ опытные и свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ мастера²⁾. Елизавета отвергала возможность этого, но, не смотря на то, слухъ о сношеніяхъ англичанъ съ Москвою, о доставкѣ ими въ Москву военныхъ снарядовъ, провіанта и т. д. упорно держался. Даже послѣ того, какъ появилось официальное опроверженіе этихъ слуховъ, — Елизавета называла авторовъ ихъ лжецами, людьми недоброжелательными, — даже послѣ этого вышеприведенные слухи продолжали держаться, и многіе твердо вѣрили въ московскія симпатіи лондонскаго двора.

Первое извѣстіе о доставкѣ англичанами оружія и военныхъ снарядовъ въ русскіе лагеря доставлено было изъ Гамбурга. 16-го апрѣля 1561 года городской рать писалъ объ этомъ королевѣ, извѣщая ее, что по его распоряженію въ Эльбѣ задержаны нѣсколько кораблей съ пушками и разнымъ оружіемъ, направлявшихся къ Нарвѣ³⁾.

¹⁾ Дреуд. арх.—Ср. *Chytracus*, 556. Г. Форстенъ, Акты и письма.

²⁾ *State Papers*, Foreign Series, Lond. 1866, № 217 (1561).

³⁾ *Ibid.* № 112.

Съ этимъ извѣстіемъ изъ Гамбурга сходно было и другое изъ Кельна, 30-го апрѣля, въ которомъ указано и на родъ оружія, доставленнаго, по слухамъ, изъ Англіи въ Москву: это большей частью небольшія ружья и пистолеты ¹⁾). Англичане доставляютъ ихъ иногда прямо въ Москву, иногда же черезъ вторыя руки. Въ Антверпенѣ успѣхи московитовъ приписываютъ главнымъ образомъ помощи, доставляемой русскимъ англичанами ²⁾). По мнѣнію нѣкоторыхъ приближенныхъ Елизаветы, слѣдовало бы въ отдѣльности написать всѣмъ европейскимъ государямъ и опровергнуть этотъ ложный и пустой слухъ ³⁾). Любопытно, что вѣсти о доставкѣ англичанами русскимъ оружія и свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей распространялись исключительно Ганзейскими городами. Это объясняется враждебнымъ настроеніемъ обѣихъ сторонъ. Въ Англіи говорили даже о коалиціи, заключенной противъ нея Бургундіей, Испаніей и Ганзейскими городами. Хотя свѣдѣній о подобной коалиціи мы и не имѣемъ, но несомнѣнно, что Ганзейскіе города, сильно потерпѣвшіе въ политическомъ отношеніи, потеряли и свое исключительное торговое значеніе, съ тѣхъ поръ какъ Москва и скандинавскіе государи вошли въ непосредственныя сношенія съ Западной Европой. Англія стала систематически вытѣснять нѣмцевъ изъ Россіи, она же заняла къ концу столѣтія и привилегированное положеніе въ Пруссіи и Польшѣ. Въ это время, усиливается и значеніе на Балтійскомъ морѣ голландцевъ, и вотъ Любекъ, Гамбургъ и другіе города старались выставить англичанъ главными виновниками успѣховъ русскихъ; „если Ливонія отпадетъ отъ имперіи, то вина ляжетъ на однихъ англичанъ, они научили русскихъ военному и морскому дѣлу, они поддерживали ихъ оружіемъ и провіантомъ“. О безкорыстіи Любека и другихъ городовъ не можетъ быть. конечно, и рѣчи: черезъ нѣсколько лѣтъ ноябрьское запрещеніе было кассировано, и тогда никто болѣе ганзейцевъ не доставлялъ русскимъ оружія, провіанта и т. д.

Фердинандъ въ письмѣ къ Любеку именно и указываетъ на это своекорыстіе любчанъ: они хотятъ одни извлечь пользу изъ русской торговли и мало того, что доставляютъ русскимъ оружіе и провіантъ.

¹⁾ Ibid. № 156.

²⁾ Ibid. № 299. Письмо W. Herle къ лорду Cecil, 11-го іюля 1561 г.

³⁾ Елизавета Гамбургъ, № 184; № 294, слухъ названъ „false, vain and malicious“.

но и сами вступаютъ въ русскую службу и посылаютъ къ русскимъ опытныхъ воиновъ и моряковъ ¹⁾).

Маргариту пармскую Фердинандъ просилъ о томъ же; чрезъ нее онъ обращался и къ Филиппу испанскому, убѣждая не поддерживать болѣе сношеній съ Москвою, такъ какъ этимъ они лишь готовили себѣ страшнаго соперника на Балтійскомъ морѣ ²⁾). Сходно съ этимъ было и содержаніе писемъ императора къ королямъ датскому и шведскому. Императоръ обращалъ вниманіе ихъ на то, что рано или поздно всѣмъ сосѣднимъ съ Липоніей государствамъ придется самимъ считаться съ московскимъ царемъ, если въ виду собственной безопасности они во-время не прекратятъ сношеній съ Россіей ³⁾).

Новый съѣздъ для обсужденія ливонскихъ дѣлъ былъ созванъ въ Лейпцигѣ въ сентябрѣ 1561 года ⁴⁾). Къ собравшимся въ Лейпцигѣ депутатамъ отъ нѣмецкихъ князей пришло обстоятельное письмо отъ любекскаго рата, въ которомъ онъ оправдывается отъ обвиненія въ поддержкѣ московитовъ, враговъ всего христіанства. Рать указывалъ собравшимся князьямъ и ихъ представителямъ, что сношенія Любека съ русскими вовсе не такъ обширны, какъ сношенія съ ними англичанъ, поляковъ, шведовъ, датчанъ, голландцевъ, фрисландцевъ и батавовъ. Всѣ они изъ Риги по Западной Двинѣ и чрезъ Литву доходятъ до внутреннихъ областей Россіи и доставляютъ русскимъ рѣшительно все нужное въ военное время. Если Любекъ и другіе Ганзейскіе города временно даже и согласятся приостановить свои торговые сношенія съ русскими, откажутся отъ нарвскаго плаванія, то дѣла нисколько не измѣнятся: всю торговлю захватятъ иностранцы, нѣмецкіе же города обѣднѣютъ, такъ какъ исключительно держатся русскою торговлей: она ихъ главный жизненный доходъ. Рать далѣе указываетъ на то, что, не смотря на неоднократно доставляемую по-

¹⁾ Дрезд. архивъ; письмо отиѣчено 23-го ноября. Въ немъ перечислены слѣдующіе предметы: waffen, wehr, kriegsmunitiion, Prowiantd, geschütz, kraut, loth, salpetter, schwefl. Въ письмѣ отъ 21-го мая упоминается о „allerlej geschickte, geübte und erfarene Leuthe“. Сравн. письмо Августа Фердинанду отъ 16-го августа 1561 г.: das doch solches (сношеніе съ русскими) nicht abgestellt noch verbleibt, sondern durch erwente schieffartt und zufuhr, so zuzorderst aus den sehestetten fügenohmen und beschickt, allerlei Proviant auch Waffen und Kriegsrüstung“.

²⁾ Дрезд. архивъ. Письмо къ Маргаритѣ 24-го іюля.

³⁾ Дрезд. архивъ. Письмо къ Любеку отиѣчено 21-го мая, въ скандинавскихъ королямъ 24-го мая.

⁴⁾ Дрезд. архивъ. *Vienstantz*, V, 94.

мощь ливонцамъ, магистръ безъ всякаго предупрежденія захватываетъ и арестовываетъ любекскіе корабли ¹⁾).

Князья сочувствовали Любеку, и мы увидимъ, какъ они на слѣдующихъ сѣздахъ настаивали, чтобы императоръ уничтожилъ ноябрьскій указъ. Лейпцигское собраніе еще болѣе, чѣмъ всѣ предыдущія, обнаружило, какъ мало князья интересовались судьбою Ливоніи. Всякое рѣшеніе они откладывали, и дѣло о помощи ливонцамъ не двигалось впередъ, хотя императоръ и предлагалъ различныя мѣры для скорѣйшей доставки имъ денегъ ²⁾. Теперь они рѣшили, что, собравши нужныя для ливонцевъ деньги, слѣдуетъ собрать самыя точныя свѣдѣнія о ходѣ самой войны, навести справки, гдѣ помощь всего нужнѣе, какія мѣста еще не заняты русскими и въ какого рода помощи эти именно мѣста

¹⁾ Дрезд. архивъ. *Freitags nach Natiuitatis Mariae.* „So haben wir doch vor nothwendich erachtet, solche unsere offenbare vnschuldte und gegründten gegenbericht vor Euer Churf. und Fürstl. Gnädigkeit himit gleichsals schriftlich einzuwenden und zu berichten. Vnd ist nicht ohne das der herr Meister zu Lifflandt sampt etzlichen benachbarten Fürsten, anno 1559 als die Erb. anzedte in unser stadt versamlet gewesen, durch I. F. G. gesandten bei den Erbaren Stedten und uns suchen und begeren lassen, das wir die gewonliche schiffart und handlung vf die Reussen bei den vnsern afschaffen mochten, Daruff haben die Erb. Stedte und wir, ein gesampte antwort gegeben, ungeuerlich zu dieser meinung. Diweil wir befunden, das nicht allein gemeiner Anzedte kauffleutte, und die Lifflandische Stedte selbst, und andere frembde Nationes (als Engelandt, Polen, Schweden, Dennische, Holender, Frieser, Battawer) dieselbige schiffart beharlich gebrauchten, Und die von Rige uff dem Wasseratrom die Donaw hinauff, und von Revel durch Schweden, von Dantzick und Königsbergk durch Littauwen den Russen unuerhindert und aus (?) mittel stetig zugefurt wurde, und wann gleich die anzedte solche schiffart vor sich selbst bey ihren Kauffleuthen abschaffen, wurde doch dem Landt Lifflandt damit gar nichts geholffen, noch gedint seint, und gleichwol von obgemelten Nationen und deren orten gelegenheit diese farth vf die Russen, unauffhörlich gebraucht werden und dardurch den ganzen handell an sich ziehen, und die Anzedte (so zum theil uff Kauffmanschaft fundirt) der nahrung gentzlich entsetzt werden... Aber der unaugeschen hat der Herr Meister vns und andern stetten, unter gutem frid- und freundschaft unverwarnter sachen, etzliche mit kauffmanschaft beladene schiffe gewaltigklich uberfallen und genommen, das wir uns bei der Kais. M. beclagt“. О себѣ любчане розсказывали, что они „ohne ruhm zureden haben mehr dann andere hülff und trost den Liffländern geleistet, geschütz, pulver, lodt zugeschickt, gelt contribuiert und geliehen“.

²⁾ Дрезд. архивъ: das ain jeder Stanndt daran zwen Monat seiner hilf zu Ross vnnnd Fuess nach des Reichs anschlagen souill solche Monat auf die Solde gerechnet, an geltt ertragen mögen. — von solchem geltt ain antzall kriegsvolkhs angenommen, in Liefliandt gefuert, die vberigen noch vom Vheind vneingenommene beuestigung vnd Pässe damit besetzt vnnnd verwaret werden Sollen.

нуждаются, въ денежной ли или военной. Когда свѣдѣнія объ этомъ будутъ на лицо, слѣдуетъ снова собраться уже для окончательнаго рѣшенія. Императоръ, по мнѣнію лейпцигскихъ депутатовъ, долженъ обратиться къ магистру или архіепископу рижскому, съ просьбою прислать къ нему свѣдущаго человѣка съ самыми точными данными о ходѣ ливонско-московской войны. Важно, затѣмъ, узнать, какія намѣренія у шведскаго и польскаго королей, какъ они отнесутся къ вмѣшательству имперіи въ войну; можетъ быть, они, владѣя каждый значительною территоріей въ Ливоніи, не пожелаютъ этого вмѣшательства, и послѣднее вызоветъ лишь враждебныя отношенія къ нимъ, и имперскимъ войскамъ придется съ стыдомъ и срамомъ ¹⁾ удалиться изъ предѣловъ Ливоніи. Наконецъ, когда деньги будутъ собраны, слѣдуетъ назначить кого-нибудь для наблюденія за наборомъ войска, для уплаты жалованья, отправки денегъ и т. п. Необходимо также предварительно рѣшить, когда удобнѣе совершить походъ въ Ливонію, зимою или лѣтомъ; важно также, чтобы на случай недостатка оружія или провіанта, особо назначенный „Musterherr“ могъ указать или навести справки, гдѣ можно закупить то и другое.

Князья разсуждали такъ, какъ разсуждаютъ тѣ, у кого въ рукахъ лотерейный билетъ; еще не выигравши ничего, такой человѣкъ любитъ уходить въ область фантазій, строить воздушные замки; нѣмецкіе князья разсуждали такъ-же о походѣ въ Ливонію, выбирали уже операціонные пункты, закупали оружіе и запасы, тогда какъ на дѣлѣ не собрано было еще и пфеннига; ливонскія дѣла совершенно стушовывались предъ внутренними неурядицами въ самой имперіи; тамъ протестанты разныхъ отгѣнковъ проводили свои религіозныя воззрѣнія, тамъ крупные территоріальныя князья старались оградить себя отъ императора и его космополитическихъ затѣй, тамъ на карту ставилась политическая самостоятельность новыхъ династій, напри- мѣръ, Альбертинской, тамъ готовился *coup d'état* со стороны дворянъ и Ritter'овъ. Обстоятельность, предупредительность и точность, съ какою князья, повидимому, относились къ Ливоніи, свидѣтельствовали только объ отсутствіи истиннаго интереса, объ отсутствіи энергіи и сочувствія къ судьбамъ старѣйшей нѣмецкой колоніи.

Каковы были отношенія къ ливонскому ордену и ливонскимъ городамъ ганзейскихъ, вендскихъ городовъ?

¹⁾ Mit grösserem schimpf und schadenn des heiligen Reichs.

Во второй половинѣ XVI столѣтія Ганзейскій союзъ состоялъ еще изъ 63 городовъ. Во главѣ ихъ продолжалъ стоять Любекъ, хотя онъ уже не пользовался такимъ значительнымъ вліяніемъ, какъ въ XV столѣтіи. Всѣ дѣла, касавшіяся городовъ, разсматривались на сѣздахъ; вендскіе города собирались обыкновенно въ Вознесенье, другіе же города около Троицы, за недѣлю до или послѣ нея. Конвенты вендскихъ городовъ собирались разъ въ годъ, общіе же ганзетаги сзывались разъ въ три года. Предсѣдательствовалъ на послѣднихъ Любекъ въ лицѣ 4 бургомистровъ, двухъ синдиковъ и 4 ратсгерровъ и секретарей. Города присылали на такіе общіе сѣзды отъ 2 до 4 депутатовъ. Любеку все еще принадлежало право созыва ихъ. Съ половины XVI столѣтія возникаетъ болѣе тѣсная связь ганзейскихъ городовъ съ имперскими.

Сила Ганзы заключалась и теперь, какъ раньше, въ ея восточной торговлѣ. Польша доставляла ей хлѣбъ, Россія—мѣха и различные сырые продукты, какъ воскъ, сало и др. Пока въ рукахъ ганзейскихъ городовъ паходила восточная торговля, они были матеріально обезпечены. Посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Ганзейскихъ городовъ съ Польшей были прусскіе города и въ особенности Данцигъ. Сюда по Вислѣ спозили изъ Польши хлѣбъ, который уже въ Данцигѣ нагружался на ганзейскіе корабли и отправлялся въ Европу.

Польша не имѣла гаваней и поэтому ей всего удобнѣе было свозить свои продукты въ Данцигъ. Пруссскіе города закупали у Ганзейскихъ городовъ товары, имѣвшіе сбытъ въ Польшѣ. Съ тѣхъ норъ, какъ на востокъ стали проникать голландцы и англичане, все старіе Данцига сводилось къ разъединенію ихъ интересовъ. Мы увидимъ, какъ энергично Данцигъ въ концѣ XVI столѣтія возсталъ противъ привилегій, дарованныхъ польскими королями англичанамъ въ Эльбингѣ ¹⁾.

Торговля ганзейцевъ съ Россіей сосредоточивалась въ Новгородѣ (воскъ и мѣха), Ригѣ (ленъ и конопля) и Ревелѣ (поташъ и кожи). Дерптъ служилъ важнѣйшей гарантіей для безопаснаго транспорта товаровъ между Новгородомъ и Ригой, какъ Нарва въ сношеніяхъ Новгорода съ Ревелемъ ²⁾.

Еще въ XV столѣтіи ливонскіе и ганзейскіе города ревнисто слѣдили за тѣмъ, чтобы русскіе не предпринимали плаванія на за-

¹⁾ *Burmeister*. 116.

²⁾ *Ibidem*, 118.

надѣ, чтобы они безъ ихъ тяжелаго посредничества не поступали въ торговля сношенія съ западными европейскими торговцами. Нѣсколько слабыхъ попытокъ русскихъ скинуть съ себя эти стѣсненія и выйдти изъ вѣчно ученическаго состоянія — не увѣнчались успѣхомъ: въ 1422 году одинъ русскій корабль былъ схваченъ и отправленъ въ Висмаръ, въ 1517 году одинъ русскій торговецъ, отважившійся отправиться на западъ, былъ убитъ. Первый рѣшительный и смѣлый ударъ, нанесенный восточной торговлѣ ганзейцевъ, было закрытіе ганзейской конторы въ Новгородѣ; второй ударъ — это появленіе англичанъ, а за ними и другихъ европейцевъ въ Бѣломъ морѣ¹⁾.

Первый фактъ обыкновенно ставятъ въ зависимость отъ норвежскаго союза, заключеннаго московскимъ и датскимъ правительствами противъ Швеціи и Ганзы²⁾; но мѣра, принятая Іоанномъ III противъ нѣмецкихъ купцовъ, естественно вытекала изъ всей политики самодержавнаго государя и личнаго характера его; вездѣ онъ сокрушалъ встрѣчавшееся на пути сопротивленіе. Всего менѣе могъ онъ потерпѣть продолжительную зависимость отъ купцовъ, эксплуатировавшихъ всю русскую торговлю, сдерживавшихъ всякую личную инициативу и слишкомъ уже заботливо опекавшихъ каждый шагъ русскихъ торговцевъ. Закрытіе ганзейской конторы въ Новгородѣ — поворотный пунктъ въ русско-ганзейскихъ сношеніяхъ. Съ этихъ поръ начинается періодъ процвѣтанія Риги, Ревеля и Дерпта, давно уже тяготѣвшихъ своею зависимостью отъ нѣмецкой метрополіи, — при посредничествѣ которой они только и могли торговать съ западомъ, которая стѣсняла ихъ въ Зундѣ и связывала своихъ любекскихъ стапельнымъ статутомъ, — давно уже съ завистью смотрѣвшихъ на выгоды, какія ганзейцы извлекали изъ торговли съ русскими у нихъ же на глазахъ. Вся политика ганзейскихъ городовъ, а Любека въ особенности, характеризуется съ этихъ поръ стремленіемъ возстановить свои торговля права въ Московскомъ государствѣ. „Русская торговля“ — вотъ тема ганзетаговъ, многочисленныхъ посольствъ къ иностраннымъ государямъ и императору, вотъ причина, между прочимъ, и враждебныхъ столкновеній съ ливонскими городами и Швеціей. Ганзейцы готовы были все поставить на карту, только бы вернуть себѣ торговлю въ Россіи; она была ихъ жизненнымъ первымъ. безъ нея вся Ганза должна была пасть.

Съ самаго 1498 года акты говорятъ намъ о рядѣ сѣздовъ и по-

¹⁾ *Schlöser*, *Hansegeschichte*, тт. II и III, введение.

²⁾ См. *Форстенъ*, „Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ“.

сольствъ, съ цѣлю возстановить новгородскую контору. Къ Москвѣ обращались и сами ганзейцы, и германскій императоръ. При Василѣ III ганзейцы получили право прїѣзжать въ Россію съ своими товарами, но о возстановленіи ихъ прежнихъ торговыхъ преимуществъ московское правительство не хотѣло и слышать. Съ 1521 года ганзейцы дѣлають попытку занести съ московскими государями переговоры объ открытіи торговой конторы въ Нарвѣ, но противъ такого предложенія энергично возстали ливонскіе города, для которыхъ торговое возвышеніе Нарвы было равносильно подрыву ихъ собственной торговли. На сѣздѣ ганзейскихъ депутатовъ ревельцы указывали на то, что паденіе Нарвы вызвано ею же жителями: они стѣсняли неоднократно русскихъ купцовъ, нарушали ихъ привилегіи и т. д. Магистръ не можетъ указывать царю, гдѣ его подданные могутъ торговать и гдѣ нѣтъ. Долго спорили депутаты городовъ на этомъ сѣздѣ, но все-таки не пришли ни къ какому соглашенію. Противъ Нарвы, какъ staple-наго торговаго пункта, говорилъ, въпервыхъ, тотъ фактъ, что Нарва не была ганзейскимъ городомъ, затѣмъ—географическое положеніе Нарвы противъ Ивангорода не обѣщало долгой прочности торговой конторѣ въ Нарвѣ; изъ Ивангорода всегда можно было ожидать вторженія русскихъ; наконецъ, открытіе нарвскаго плаванія затруднило бы возстановленіе привилегій, какими города пользовались въ Новгородѣ. Въ виду того, что сепаратный миръ ливонцевъ съ Москвою прекращался въ 1521 году, рѣшили снарядить въ Москву общеганзейское посольство.

Возстановленія мира падѣлялись всего успѣшнѣе достигнуть обращеніемъ къ Москвѣ отъ имени всей Ганзы. Депутаты Дерпта и Ревеля соглашались на вышеуказанное предложеніе, ревельцы желали только предварительно согласиться относительно цѣлей и задачи общеганзейскаго посольства. Они указывали на необходимость имѣть въ виду враждебныя отношенія къ Москвѣ Польши, привлечь къ посольству Данцигъ и Торнъ; тѣ же ревельскіе депутаты высказали между прочимъ сомнѣніе объ успѣшности затѣваемой посольской миссіи. Московскій царь—государь высокожрныи, говорили они: онъ приметъ мирныя предложенія, но тутъ же и объявитъ Ливоніи войну. Лучше выждать болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что депутаты ливонскихъ городовъ намеренно затруднили осуществленіе общеганзейскаго посольства; они всѣми силами старались удержать ганзейцевъ отъ русской торговли, которую желали сдѣлать своею монополіей; имъ важно было крѣпкою

стѣною закрыть Россію отъ запада, а ганзейцы вносили, какъ они знали, въ Москву элементы западной цивилизаціи, знакомили „талантливыхъ“ и „быстро все усвоивавшихъ“ московитовъ съ нѣкоторыми техническими усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ, доставляли имъ многіе нужные снаряды для войны. Ливонское посредничество въ сношеніяхъ Россіи съ западными торговцами было гораздо чувствительнѣе, чѣмъ любекское въ XIV и XV столѣтіяхъ; это вытекало изъ враждебныхъ политическихъ отношеній другъ къ другу двухъ государствъ — ордена и Москвы. Всякій успѣхъ московскаго правительства въ политическомъ отношеніи вызывалъ новыя торговыя стѣсненія. Ливонская преграда, на которую русскіе постоянно наталкивались, становилась невыносимой; и ганзейцы и московиты старались обойти ее. Соперничество Ливоніи и Ганзы было однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ на пути сближенія Россіи съ Западной Европой.

Въ исторіи ливонско-ганзейскихъ отношеній очень любопытенъ съѣздъ городовъ въ 1525 году. Здѣсь также шли горячія пренія по торговымъ вопросамъ съ Россіей. Архіепископъ рижскій жаловался на самоволіе и своекорыстіе Риги и Дерпта; представители Риги указывали на то, какъ католическое духовенство вносить раздоры между ратомъ и гражданами городовъ, чтобы извлечь себѣ изъ этого выгоды; къ рижанамъ пристали и ревельцы и дерптцы. Всему этому спору придали характеръ частнаго, провинціальнаго дѣла — и посредничество ганзеатовъ отклонили. Представители Любека подняли на съѣздѣ общій вопросъ; они потребовали себѣ вознагражденія за причиненные Любеку убытки при разрушеніи новгородской конторы и вызывали Ревель и Дерптъ къ отвѣту передъ остальными городами за то, что, не уполномоченные всей Ганзой, они заключили отдѣльный миръ съ русскими. Любеку отвѣчали, что ливонскіе города не обязаны отдавать ганзейскимъ городамъ, а Любеку въ частности, отчетовъ о своихъ сношеніяхъ съ Москвою, а что касается до вознагражденія за 1497 годъ, то пусть любчане обратятся за этимъ къ московскому правительству, пусть сдѣлають эту попытку, но едва ли она увѣнчается успѣхомъ, еслибы даже Любекъ прибѣгнулъ къ посредничеству какого либо европейскаго государя. Любекъ указывалъ далѣе на то обстоятельство, что русскіе, прежде торговавшіе съ нѣмцами въ одномъ лишь Новгородѣ, теперь развозятъ свои товары по многимъ городамъ. Такой фактъ, по мнѣнію бременскихъ депутатовъ, слѣдовало бы предупредить какими нибудь общими, для всѣхъ

обязательными рѣшеніями. Любекъ заявилъ на это, что ливонскіе города хитрятъ, что они никогда для общей пользы не откажутся даже временно отъ торговыхъ сношеній съ русскими. Предложеніе Любека касалось того, чтобы временно во всѣхъ Ганзейскихъ городахъ не принимали русскихъ товаровъ. Данцигъ настаивалъ на необходимости въ такомъ случаѣ убѣдить и польскіе города, Краковъ, Бреславль и др., доставляющіе русскіе товары въ Антверпенъ, принять общее рѣшеніе городовъ. Изъ ливонскихъ городовъ Рига одна только соглашалась съ Любекомъ. Рѣшеніе, принятое послѣ долгихъ преній на сѣздѣ 1525 года, заключалось въ слѣдующемъ: Рига, Дерптъ и Ревель должны добиться у Москвы заключенія новаго и выгоднаго для городовъ мира; для достиженія этой цѣли города обратятся за помощью къ Польшѣ и другимъ государствамъ; успѣху дѣла помогутъ дружескія и оживленныя сношенія Москвы съ Вѣною. Расходы по дипломатическимъ сношеніямъ съ Москвою и другими государствами должны быть раздѣлены между всѣми ганзейскими торговцами, помогающими возстановленію новгородской конторы. Какъ значительны были эти расходы, видно изъ слѣдующихъ цифръ: за 1540 — 1554 года на посольства было истрачено 24.920 марокъ, за 1554—1579 года—66.221 марокъ, за 1579—1604 годъ—190.859 марокъ. На однихъ вѣстниковъ и корреспонденцію было истрачено съ 1540 до 1604 годъ—8.688 марокъ ¹⁾.

Вопросъ о возстановленіи новгородской конторы поднимался и на сѣздѣ 1540 года. Здѣсь высказано было нѣсколько мнѣній, указывающихъ, какое высокое значеніе Новгородъ имѣлъ для ганзейцевъ. Его они называли „фундаментомъ всѣхъ остальныхъ конторъ“; новгородская контора была школою многихъ ремеслъ, напримѣръ, скорняцкаго, здѣсь вырабатывались и развивались коммерціальныя способности молодыхъ начинающихъ ганзейцевъ.

Не смотря на возраженія, слышавшіяся со стороны Дерпта и Ревеля и касавшіяся ненадежности московскихъ обѣщаній, рѣшено было отправить въ Москву посольство и назначить новые таможенные сборы (Pfundzoll) для покрытія расходовъ по этому посольству. Рига не согласилась участвовать въ этомъ, находя совершенно невозможнымъ и несообразнымъ съ временемъ и обстоятельствами возстановлять новгородскую контору въ прежнемъ ея видѣ.

¹⁾ Burmeister, 11.

Отношенія ливонскихъ городовъ къ западнымъ, ганзейскимъ и вендскимъ, становились годъ отъ году все враждебнѣе. На ганзетагѣ 1542 года Любекъ указывалъ на рядъ стѣсненій, какимъ его торговцевъ подвергаютъ въ ливонскихъ городахъ: прежнія привилегіи о правѣ ганзейцевъ торговать съ иностранными кунцами въ Ливоніи—шведами, голландцами и др.—нарушены; не разрѣшается болѣе и торговля съ бюргерами и крестьянами. Постановленіе, чтобы гость не торговалъ съ гостемъ, строго примѣнялось въ Ливоніи именно по отношенію къ Любеку ¹⁾. Ганзейцы подлежали тѣмъ же платежамъ, какъ и иностранцы.

Все это заставило Любекъ, Гамбургъ, Ростокъ, Висмаръ и Люнебургъ предложить на съѣздѣ 1542 года: совершенно прекратить торговые сношенія съ ливонскими городами. Одинъ Стральзундъ не присталъ къ этому предложенію.

Съѣздъ 1542 года приобретаетъ особенный интересъ въ виду предложенія, сдѣланнаго на немъ, — принимать ли Нарву въ ганзейскій союзъ или нѣтъ. Ревельцы соглашались на это съ условіемъ, чтобы Нарва порвала свои сношенія съ Ивангородомъ. Любекъ болѣе другихъ хлопоталъ о включеніи въ союзъ Нарвы, онъ желалъ найти какой нибудь торговый пунктъ, который бы согласился подчиниться торговому контролю Ганзы, силу и давленіе которой уже многіе испытали на себѣ.

Что касается до самой Нарвы, то она ставила условіями своего вступленія въ союзъ освобожденіе отъ обязанности нести военныя повинности и являться на общіе ганзетаги. Условія небывалыя въ Ганзѣ XV столѣтія ²⁾.

Переговоры 1542 года положили начало нарвскому плаванію, которое впослѣдствіе приобрѣло такую важность въ исторіи взаимныхъ отношеній скандинавскихъ государствъ и Польши къ Россіи. Вопросъ о посольствѣ ганзейскихъ городовъ въ Москву такъ и остался вопросомъ; осуществленію его мѣшало соперничество ливонскихъ городовъ и Риги въ особенности ³⁾; между тѣмъ необходимость возста-

¹⁾ Постановленіе, чтобы гость не торговалъ съ гостемъ, практиковалось во всей Европѣ, но оно не примѣнялось никогда со всей строгостью по отношенію ганзейца къ ганзейцу.

²⁾ *Wurm*, 398—400.

³⁾ Рижане говорили, что ганзейцамъ никогда уже не вернуть прежнихъ привилегій, такъ какъ отношенія къ Россіи слишкомъ шатки и непрочны. Къ тому же

появленія ганзейской конторы все болѣе чувствовалась съ тѣхъ поръ, какъ обострились отношенія Москвы и Ливоніи.

Тяжелая участь ожидала ливонскіе города. Москвѣ оставалось лишь покончить съ своею задачей на востокѣ, и она тотчасъ направляла свое вниманіе на западъ, на свои ливонскія отношенія.

Вопросъ о посольствѣ въ Москву снова возникъ въ 1553 году, но и на этотъ разъ рѣшительнымъ противникомъ его выступилъ магистратъ Риги. Въ слѣдующемъ году на ганзетагѣ поднимался вопросъ о возстановленіи новгородской конторы ¹⁾. Ганзейцевъ стали притѣснять болѣе прежняго; любчане жаловались, что русская торговля постепенно переходитъ въ руки иностранцевъ, которыхъ ливонскіе города допускаютъ къ сношеніямъ съ русскими. Извѣстіе о появленіи англичанъ на Бѣломъ морѣ вызвало тревогу и въ Ливоніи. Одно время ганзейскіе и ливонскіе города дѣйствовали согласно противъ русскихъ, видя, что иностранцы научаютъ ихъ военному и другимъ искусствамъ; такъ было съ миссіей Шлитте, такъ было и съ англійской торговлей на Бѣломъ морѣ. Любекъ и другіе города были очень недовольны появленіемъ англичанъ на русскихъ рынкахъ; къ нимъ они давно уже относились съ недружелюбіемъ и помышляли о томъ, какъ бы вооружить царя противъ англичанъ ²⁾. Они посылали даже съ этою цѣлью посольство въ Москву, съ тѣмъ чтобы убѣдить царя—не разрѣшать англичанамъ учреждать свои факторіи въ Холмогорахъ и Архангельскѣ, но такія посольства, дорого стоившія Любеку, не приносили никакихъ результатовъ ³⁾. Съ этихъ поръ мысль о Нарвѣ болѣе прежняго занимаетъ ганзейцевъ, этимъ путемъ они надѣялись успѣшно конкурировать съ англичанами. Все это было на руку русскимъ. теперь они съ двухъ сторонъ могли поддерживать сношенія съ Европой.

Въ началѣ войны ордена съ Москвою всѣ Ганзейскіе города предлагали имъ свое посредничество для примиренія. 27-го іюля они обратились съ этимъ предложеніемъ къ князю Шуйскому, намѣстнику Дерпта, и указывали ему, что торговля ганзейцевъ съ Нарвою или

въ Россіи царствуетъ тиранія и научиться нѣмцамъ у русскихъ рѣшительно не чему. Въ Россіи испортится вслкій, даже тотъ, кто бы былъ нравственно чище Іосифа (Сравни. *Wurm, Burmeister и Winckler*, а также *Handelmann*).

¹⁾ *Gadebusch*, I, 434.

²⁾ *H. Hildebrand*, *Arbeiten*, 81.

³⁾ Сравни. *Möllerup*, 51.

Дерптомъ возбраняется статутами 72 ганзейскихъ городовъ. Кромѣ ссылки на статуты, города указывали Шуйскому на затруднительность торговыхъ сношеній въ военное время; купцы, пріѣзжающіе въ балтійскіе порты, должны изъ за войны возвращаться съ своими товарами обратно домой. Если царь, говорилось въ письмѣ ганзейцевъ, будетъ продолжать войну съ Ревелемъ, то не только московскіе купцы, но и сами ганзейцы совершенно обѣднѣютъ, ибо датскій король, которому Ревель переданъ 25-го іюля, такъ силенъ, что не пропуститъ чрезъ Зундъ ни одного корабля въ Россію или изъ Россіи. Коль скоро московскій царь согласился бы принять посредничество городовъ и примириться съ Ливоніей, торговля поднялась бы снова и сношенія ганзейцевъ съ Москвою оживились ¹⁾). Шуйскій посредничество отвергнулъ; ссылка ганзейцевъ на статуты не заключала въ себѣ ничего убѣдительнаго; между городами царилъ полная разъединенность, въ нихъ отсутствовалъ всякій здравый политическій инстинктъ, и сами они, руководясь своими партикуляристическими интересами, уже давно не обращали вниманія на статуты; каждый изъ нихъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было выгодно, безъ стѣсненія обходи параграфы постановленій. Отвѣтъ Шуйскаго былъ совершенно неожиданнымъ для городовъ: товары ваши, сказалъ онъ, намъ не нужны, а датскій король намъ не страшенъ. Ревель никому не передастся, такъ какъ иначе онъ тотчасъ увидитъ у своихъ стѣнъ русскія войска ²⁾).

Дѣйствовать за одно съ ливонскими городами противъ русскихъ было бы слишкомъ неapolитично, разсуждали вендскіе города, и поэтому они всѣми мѣрами поддерживаютъ сношенія съ русскими, надѣясь этимъ путемъ совершенно возстановить свои прежнія отношенія къ московскому правительству. На газетѣ 1557 года они обратились къ ливонскимъ городамъ и просили разрѣшить имъ прежнюю торговлю съ русскими въ Ливоніи: за это они готовы относиться къ ливонцамъ, какъ къ братьямъ и друзьямъ; но ливонскіе города и теперь отказали. Теперь вражда была уже открытой; Любекъ не стѣснялся въ выраженіяхъ досады и неудовольствія, онъ обвинялъ одни города въ войнѣ съ Москвою; изъ своекорыстія, говорили любекскіе послы, ливонскіе города отказались отъ участія въ общеганзейскомъ посольствѣ въ Москву, тогда какъ, еслибы оно состо-

¹⁾ *Vienemann*, II, 188.

²⁾ *Ibid.*, 148. Ср. *Сарторіа*.

ялось, можно было бы надѣяться на мирныя отношенія съ царемъ, который бы никогда не началъ войны, разъ бы онъ достигъ свободнаго плаванія по морю для своихъ подданныхъ. Царь зналъ о намѣреніи ганзейцевъ отправить къ нему посольство, ожидалъ его и сильно разгнѣвался, когда оно не осуществилось; среди причинъ войны, выставленныхъ имъ, онъ приводилъ и это обстоятельство. Ливонскіе города сами виноваты, если европейскіе народы стали отыскивать новые небывалые пути въ Россію.—Впослѣдствіи Любекъ заявлялъ, что обратился къ нарвской торговлѣ только тогда, когда всѣ другіе пути уже оказались недоступными.

Есть любопытнѣйшія данныя, что Грозный еще въ 1557 году добивался торговыхъ сношеній съ нѣмцами черезъ Ивангородъ; 4-го мая въ Нарву прибыло посольство отъ царя, заявившее, что царь готовъ даровать нарвцамъ свободную торговлю въ Ивангородѣ, откуда и русскіе будутъ свозить въ Нарву свои товары, онъ согласенъ построить съ этою цѣлью особый дворъ въ Ивангородѣ, куда каждый безъ стѣсненія можетъ пріѣзжать, закупать тамъ товары и вывозить ихъ оттуда. Нѣмцамъ Нарвы предложеніе царя показалось опаснымъ; они готовы были и въ этомъ естественномъ желаніи Іоанна видѣть хитрость и коварство—собрать въ Ивангородѣ по возможности большое количество оружія. Рать Нарвы не только не пошелъ на встрѣчу желанію царя, но постановилъ осенью того же года взимать подать со всѣхъ купцовъ, ѣздившихъ въ Новгородъ и Псковъ, чтобы на деньги, вырученныя этимъ путемъ, укрѣпить стѣны города, что будетъ важно и для другихъ ливонскихъ городовъ ¹⁾.

Недовѣріе и вражда ганзейцевъ къ ливонцамъ достигли своего апогея въ 1558 и 1559 годахъ, когда ливонцы цѣлымъ рядомъ мѣръ препятствовали торговымъ сношеніямъ ихъ съ русскими и въ Выборгѣ, и въ другихъ пунктахъ ²⁾. Это враждебное настроеніе Ганзейскихъ городовъ къ ливонскимъ обнаружилось всего рельефнѣе, когда послѣдніе обратились къ нимъ за помощью противъ Москвы.

Ливонскіе города въ первый же годъ войны ордена съ Москвою обратились за помощью къ Ганзейскимъ городамъ, вполне рассчитывая на то, что они соединятся съ ними для борьбы съ московскимъ

¹⁾ См. *Vienemann*, II, 226—229.

²⁾ Данцигъ совершенно извѣрился въ обѣщанія ливонцевъ и объявилъ, что не будетъ болѣе придавать имъ вѣры, еслибы они даже вмѣсто пергамента употребляли свою собственную кожу, вмѣсто чернилъ кровь, вмѣсто печати свое сердце. *Fahne*, 160.

царемъ. Ганзейскіе города, какъ мы указали, потеряли уже свое значеніе какъ торгово-политическій союзъ; каждый изъ нихъ преслѣдовалъ исключительно свои меркантильные интересы; общихъ стремлений не было, ихъ не связывало болѣе единство политическихъ воззрѣній, не объединяла болѣе мысль рѣшительно стать за свои интересы и явить сопротивленіе сѣвернымъ государямъ, какъ на примѣръ, въ XIV столѣтіи. Теперь города занскиваютъ предъ государями, а не наоборотъ; они, чувствуя свое безсиліе, ведутъ интриги, подкапываются одинъ подъ другой, завидуютъ другъ другу и исключительно только имѣютъ въ виду свои личные, узко-купеческіе интересы. (Отношенія этихъ городовъ къ Ливоніи были своекорыстныя, холодныя и сочувственныя лишь поневолѣ ¹⁾). Бургомистры Бремена, Любека, Гамбурга, Ростока и Стральзунда не жалѣли словъ и фразъ, полныхъ соболѣзнованія и сочувствія, какъ не жалѣли ихъ и скандинавскіе короли и Сигизмундъ польскій; они глубоко скорбѣли по поводу бѣдствій, постигшихъ орденъ, яркими красками расписывали эти бѣдствія въ донесеніяхъ сосѣднимъ государямъ и на своихъ „тагахъ“—и только: для спасенія же Ливоніи они ничего не дѣлали. Если же случалось, что города доставляли ливонцамъ иногда какую-нибудь помощь, то они тотчасъ требовали росписки въ полученіи такого то количества пороха, съѣстныхъ припасовъ и т. д. Среди страшныхъ бѣдствій войны, обрушившейся на Ливонію, ганзейцы не перестаютъ интересоваться главнымъ образомъ торговыми вопросами, требуютъ у ордена разъясненій и отчетовъ по поводу задержки торговцевъ, запрещенія того или другаго плаванія (выборгскаго, нарвскаго) и пр. Очень характерно письмо, съ которымъ любекскій ратъ обратился къ Фюрстенбергу 9-го іюля 1558 года. На просьбу магистра помочь ему бургомистры Любека отвѣчаютъ выраженіемъ удивленія за позднее сообщеніе о вторженіи русскихъ въ предѣлы Ливоніи; положимъ, заявляютъ представители Любека, мы по слухамъ давно уже знали о вторженіи русскихъ и готовы были тогда же переговорить объ этомъ съ остальными городами, но мы не могли тогда ничего рѣшить или предпринять, такъ какъ ливонцы къ намъ не обращались и могли бы на насъ обидѣться. Теперь любекскіе бургомистры совѣтуютъ ордену рѣшительно вести борьбу съ русскими, такъ какъ орденъ вѣдь и основанъ главнымъ образомъ для обороны страны отъ

¹⁾ Много любопытныхъ данныхъ по вопросу объ отношеніяхъ ганзейцевъ къ ливонцамъ даетъ второй томъ *Бремена*, ср. стр. 112, 123, 261, 267 и passim.

внѣшнихъ враговъ; не бесполезно будетъ ордену обратиться и къ сосѣднимъ государствамъ; представители ихъ могли бы назначить съѣздъ для обсужденія ливонскихъ дѣлъ, куда бы и Ганзейскіе города не отказались прислать своихъ депутатовъ. Въ заключеніе своего письма любекскій рать съ укоризною напоминаетъ Фюрстенбергу, какою черною неблагодарностью отплатилъ онъ Любеку за помощь, оказанную ему въ 1556 году.

Иронія и злорадство сквозятъ въ каждой строкѣ этого письма. Оно живо рисуетъ намъ настроеніе, господствовавшее въ Ганзейскихъ городахъ по отношенію къ Ливоніи: вмѣсто помощи менторскія наизиданія!

Пруссіе города отнеслись къ Ливоніи съ большимъ сочувствіемъ. Данцигъ въ первый годъ войны обратился къ остальнымъ городамъ Пруссіи съ предложеніемъ оказать помощь Ливоніи ¹⁾. Въ августѣ и сентябрѣ 1558 года изъ Данцига отправили въ Ревель и Ригу оружіе и порохъ ²⁾; Торнъ также обѣщалъ помочь ливонскимъ городамъ оружіемъ и порохомъ ³⁾, остальные города съѣстными припасами. Данцигскій рать, услышавъ о внутреннихъ смутахъ, возникшихъ въ Ригѣ между ратомъ, архіепископомъ и бюргерами, предлагалъ свое посредничество для подворенія въ городѣ порядка; въ настоящую опасную пору борьбы съ Москвою. писали бургомистры Данцига, малѣйшее разногласіе дѣйствуетъ, какъ самый разѣдающій ядъ ⁴⁾; одинъ Брунсбергъ рѣшительно отказался отъ всякой контрибуціи въ пользу ливонцевъ. Денежной помощи и Данцигъ не могъ доставить имъ; въ концѣ 1560 года онъ отказался и отъ посылки въ ливонскіе города пороха и оружія и выставялъ уже большою заслугой съ своей стороны, что магистратъ города допускалъ вывозъ изъ города съѣстныхъ припасовъ въ зимнее время, чего не разрѣшали ни въ одной гавани ⁵⁾.

Бургомистры Гамбурга и Кольберга также указывали Ригѣ, что не могутъ оказать ей никакой сколько нибудь дѣятельной помощи.

¹⁾ Данцигскій архивъ *Liber Missivarum de anno 1558*. Письмо Данцига къ прусскимъ городамъ отмѣчено 19-го іюля.

²⁾ *Ibid.* Данцигъ Ревелю 10-го августа; Данцигъ Ригѣ—1-го сент.

³⁾ *Vienemann*, II, 261.

⁴⁾ Данц. арх. *Liber Missivarum de Anno 1559*. Данцигъ Ригѣ 15-го февраля: „Die geringste unainihkeit für die allerschedtlichste Gift halten“.

⁵⁾ Данц. арх. *Liber Missiv.* 1560.

Люнебургъ ¹⁾) и померанскіе города послѣдовали примѣру другихъ ²⁾). Когда ревелскіе и рижскіе послы прибыли въ Стральзундъ, то тамъ уже готовы были обѣщать имъ помощь, какъ вдругъ изъ Любека пришло извѣстіе о томъ, что на 2-е іюля назначенъ ганзетагъ, на которомъ долженъ быть рѣшенъ и вопросъ о мѣрахъ къ защитѣ Ливоніи отъ московитовъ; стральзундскій рать измѣнилъ свое намѣреніе и передалъ посламъ Риги и Ревеля, что рѣшительный отвѣтъ будетъ данъ имъ только по окончаніи ганзетага. Штеттинъ присоединился къ мнѣнію Стральзунда, что необходимо выждать результатовъ общеганзейскаго собранія ³⁾). Города Саксонскаго округа и западные ганзейскіе города не обнаружили большаго сочувствія; и они выставляли безденежье главною причиною своего отказа. Девентеръ, Кампенъ, Цволле и другіе обѣщали вознести усердныя молитвы къ Богу объ освобожденіи ливонцевъ отъ московскаго тирана ⁴⁾).

Такимъ образомъ, ливонскимъ посламъ пришлось удовлетвориться лишь выраженіемъ соболѣзнованія, и то неискренняго, Ганзейскихъ городовъ, да обѣщаніемъ доставки съѣстныхъ припасовъ.

Только въ 1559 году, послѣ блестящихъ успѣховъ русскихъ, Ганзейскіе города пришли къ мысли о необходимости созвать ганзетагъ для обсужденія ливонскаго вопроса. Кельнъ болѣе другихъ городовъ настаивалъ на этомъ, и когда остальные города сначала безъ сочувствія встрѣтили это предложеніе, кельнскимъ ратманамъ пришлось на мысль перенести ливонскій вопросъ на обсужденіе рейхстага ⁵⁾).

Въ іюлѣ 1559 года ганзетагъ, дѣйствительно, былъ созванъ въ Любекѣ ⁶⁾). Депутатами отъ Ревеля на этомъ собраніи явились Іоаннъ Шмедеманъ и Лаврентій Шмидтъ. Ихъ встрѣтили очень недружелюбно, что являлось уже дурнымъ предзнаменованіемъ. Іюльскій съѣздъ ганзейцевъ былъ очень малочисленнымъ: представители явились отъ Бремена, Ростока, Стральзунда, Висмара, Магдебурга,

¹⁾ *Vienemann*, II, 220

²⁾ *Ibid.* III, 18, 19, 20.

³⁾ Въ концѣ апрѣля Штеттинъ разрѣшилъ вывозъ въ Ливонію хлѣба и обѣщавъ прислать порохъ. *Vienemann*, III, 40.

⁴⁾ *Ibid.* III, 241—244.

⁵⁾ *Vienemann*, II, 216.

⁶⁾ О ганзетагѣ 1559 г. у *Беккера*, въ его исторіи Любека, вовсе не упоминается. *Willebrandt*, стр. 174 и 258, приводитъ этотъ фактъ, но безъ всякихъ подробностей (Ср. *Vienemann* и *Ширрена*). Любек. арх. *Miscellaneorum Russicorum Volumen I.*

Брауншвейга, Данцига, Кенигсберга, Штеттина, Миндена, Люнебурга, Грейфсвальдена и Кольберга. Кромѣ ливонскаго вопроса на очереди стоялъ и вопросъ о *выборгскомъ плаваніи*.

Ливонскіе послы были выслушаны 24-го августа. Въ длинной рѣчи, съ которой они обратились къ собранію, они всего подробнѣе остановились на характеристикѣ варварскаго образа дѣйствій московитовъ, государь которыхъ желаетъ подчинить своей тираниі всю Ливонію. Затѣмъ они, указавъ на бѣдственное положеніе Ливоніи и изывая къ городамъ о помощи, говорили: теперь настало самое удобное время для совмѣстнаго нападенія на русскихъ, такъ какъ 60.000 татаръ вторглись въ предѣлы ихъ государства; всѣ сосѣдніе князья и города должны бы были откликнуться на зовъ несчастныхъ ливонцевъ и подать имъ помощь. Борьба съ русскими, продолжали ливонскіе послы, вовсе не частное дѣло одного ордена, а является вопросомъ общегерманскимъ; съ судьбою Ливоніи связана судьба всѣхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ и княжествъ. Всѣмъ ганзейскимъ городамъ, которые согласятся оказать помощь Ливоніи, будутъ дарованы широкія торговыя права и привилегіи. Всего важнѣе отказаться отъ временной прибыли, заключили свою рѣчь ревелскіе послы, пренебrecь ею и имѣть въ виду лишь общее дѣло, общую пользу ¹⁾. Пусть города откажутся отъ выборгскаго и нарвскаго плаванія и всѣ соединятся для борьбы съ московитомъ.

Любекъ сохранялъ еще на всѣхъ тагахъ первенствующую роль и къ его мнѣнію, обыкновенно, примыкали и другіе города. Его представители дали ливонскимъ посламъ такой отвѣтъ: борьба съ такимъ врагомъ, какъ московскій царь, слишкомъ велика и сопряжена съ такими затратами и расходами, которыя дѣлають ее непосильною городамъ; пусть въ борьбѣ примутъ участіе государи, подданные которыхъ пользовались наибольшею выгодой въ Ливоніи; для борьбы съ московитами необходимо ввести новые для всѣхъ обязательные общіе налоги и подати. Невозможно кинуться въ такое предпріятіе, не разсмотрѣвши и не обсудивши предварительно всѣхъ сторонъ вопроса.

Мнѣніе Любека поддержали представители Кельна и померанскихъ городовъ. Ливонскій вопросъ, заявили они, всѣхъ ближе касается императора, Швеціи, Даніи и Польши; отъ этихъ государствъ Ливоніи слѣдуетъ ожидать наиболѣе дѣятельной помощи и участія. Го-

¹⁾ Schirren, III, 287.

рода представляютъ изъ себя слѣдственно незначительную силу для такого дѣла, какъ борьба съ Москвою.

Въ отвѣтъ на эти представленія Любека, Кельна и другихъ городовъ ливонскіе послы еще разъ указывали имъ, что теперь настала наиболѣе удобный моментъ для борьбы съ Москвою, который упустить было бы очень нежелательно; теперь москвитину приходится свои силы дѣлить: только часть ихъ онъ выставитъ противъ Ливоніи, другая же часть необходима для отторженія татарскаго нашествія; въ виду этого и городамъ можно было бы ограничиться небольшимъ числомъ войска. Коль скоро упущено будетъ время, раздѣляться придется со всею силою московскаго царя. Теперь съ незначительными силами и пожертвованіями можно достигъ того, что впоследствии потребуетъ гораздо большихъ затратъ. Если русскихъ не оставить въ ихъ движеніи, то они съ Ливоніей поступятъ такъ, какъ турки поступили съ Венгріей ¹⁾).

Представленія ревальскихъ пословъ мало дѣйствовали на ганзейцевъ. Они оставались равнодушны къ судьбѣ ливонскихъ городовъ; собственные торговые интересы были рѣшающимъ моментомъ въ ихъ политикѣ. Когда вопросъ о субсидіи перешелъ къ Выборгскому плаванію, представители Ганзейскихъ городовъ сразу проявили необычайную энергію: этотъ вопросъ былъ связанъ съ вопросомъ о русской торговлѣ, которую они называли своимъ главнымъ жизненнымъ нервомъ.

Выборгское плаваніе стало особенно оживленнымъ послѣ мира Москвы съ Швеціей въ 1557 году. Съ этихъ поръ русскіе стали пріѣзжать съ своими товарами въ Выборгъ и другіе города Финляндіи; здѣсь они ихъ продавали нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ. пріѣзжавшимъ сюда въ большомъ количествѣ. Для Швеціи большое стеченіе торговцевъ въ Выборгъ было въ высшей степени выгоднымъ, и Густавъ Ваза сталъ обдумывать, какъ бы всю русскую торговлю сосредоточить въ своихъ рукахъ ²⁾),—намѣреніе, встрѣтившее въ Шве-

¹⁾ Schirren, IV, 5.

²⁾ Svenska Riksdagsakter. 1521—1718. Utg. af E. Hildebrand och O. Alin. I. 1887; II. 1888, p. 683; эта мысль занимала короля еще въ 1550 году. Riksdagsakter, 800. Betänkande, med påskrift på sista sidan: „En undervisning att göra the Refvelske en afbreek udhi theris handel“, af en enskild person til konungen, huru denne „med någon lemper“ kunde göra de Revelske afbräck i deras handel, gående därpå ut, att en stad borde anläggas vid Sandhamn i Finland, dit Hollandarnes tillsökning borde ske, hvarjämte åtakilliga åtgärder förestår för att i Svenskarnes händer bringa handeln med Ryssarne och göra Viborg till en Stapelplats för densamma.

ціи большое сочувствіе. но вызвавшее сильное неудовольствіе въ городахъ Ливоніи. Ревель въ особенности возставалъ противъ „небывалого“ выборгскаго плаванія и городской совѣтъ Ревеля, усматривая въ немъ совершенный подрывъ своей торговли, требовалъ отъѣзжа его; ревельцы видѣли, что вся выгода русской торговли уходитъ изъ ихъ рукъ и переходитъ въ руки вендскихъ городовъ, изъ которыхъ Любекъ съ наибольшей энергіей поддерживалъ свободу выборгской торговли. Такъ какъ убѣжденія не дѣйствовали на Любекъ и другіе города, то ревельцы прибѣгли къ репрессаліямъ, захватывали русскихъ купцовъ, отирававшихся въ Выборгъ, конфисковали корабли шведовъ и любчанъ. Представлялась даже возможность шведско-любекской коалиціи ¹⁾. Густавъ Ваза снарядилъ въ 1558 году небольшое число кораблей, которымъ вѣлно было крейсировать у Выборга и юландскаго берега, чтобы обезпечить за шведами и русскими выборгское плаваніе ²⁾. Очень понятно, что когда ревельскіе послы на ганзетагѣ 1559 года подняли вопросъ о выборгскомъ плаваніи, то они вызвали рѣшительное негодованіе въ Любекѣ. Они начали съ того, что указали ганзейскимъ представителямъ, какъ сильно потерпѣли ихъ городъ, если выборгское плаваніе будетъ всѣмъ доступно; затѣмъ они обратили вниманіе на то, что русскіе отъ прѣбывавшихъ въ Выборгѣ нѣмецкихъ и другихъ купцовъ могли узнать о мѣрахъ, какія предпринимаются въ имперіи въ пользу Ливоніи, и о надеждахъ ливонцевъ на помощь Германіи ³⁾.

Любекъ, котораго выборгскій вопросъ касался всѣхъ ближе, котораго онъ интересовалъ гораздо больше судьбы Ливонскаго ордена, рѣшительно заявилъ, что не подчинится требованію ордена и ливонскихъ городовъ—не ѣздить въ Выборгъ и не торговать съ русскими, что это требованіе ихъ не выполнимо и незаконно, коль скоро оно предъявляется однимъ вендскимъ городомъ. Съ русскими, сказали представители Любека, сносятся всѣ—и шведы, и англичане, и голландцы, и—что всего удивительнѣе—сами ливонцы. Последнее подтвердили и депутаты Данцига, указавшіе, что въ Выборгѣ находи-

¹⁾ Zettersten, 409.

²⁾ Любекскій арх. Livonica, vol. II. Gravamina Livonica. A°. 1556: Gebreke vnnd beschwerliche nieringe dem Lubeschenn kopmanne in den Landen Lifflandt verkerherende wedder oldenn vnnd lofflichenn hergebrachtenn gebruck jnn mennigerley wege beiegende. Тамъ же Extract aus dem Reces Anni 1564 trinitatis u Extract vth dem Recess Anni 1569 (Jacobi Apostoli).

³⁾ Bienemann, II, 265.

лось 30 ревелскихъ кораблей. Дѣйствительно, въ то время, когда ежечасно нужно было ожидать вторженія русскихъ въ Ливонію, сами ливонцы продолжали пользоваться русскою торговою и предприимали различныя выгодныя спекуляціи, доставляя русскимъ оружіе и военные снаряды, что вызвало любопытное замѣчаніе Меркеля, что Іоаннъ Грозный извлекалъ изъ самой же Ливоніи средства къ покоренію ея ¹⁾. Уже послѣ ганзетага Любекъ написалъ Ревелю рѣзкое письмо, въ которомъ ставить ему въ укоръ, что онъ сносится съ своими же врагами русскими, поддерживаетъ съ ними торговыя сношенія, а любчанѣ желаетъ лишить русской торговли вопреки ихъ привилегіямъ. Какъ скоро другіе народы, говорили на ганзетагѣ представители Любека, откажутся отъ выборгскаго плаванія, тогда и ихъ городъ согласенъ на время пріостановить его, — не иначе ²⁾. Требовать же отъ Любека и другихъ вендскихъ городовъ прекращенія русской торговли, которая за много лѣтъ назадъ исключительно предоставлена имъ какъ въ мирное время, такъ и во время войны ³⁾, и не требовать этого отъ другихъ — это не сообразно ни съ какою справедливостію, тѣмъ болѣе что русская торговля главнымъ образомъ поддерживаетъ и питаетъ Любекъ. Прекратить русскую торговлю—значило бы нанести себѣ смертельный ударъ.

Вопросъ о выборгскомъ плаваніи былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ преній на ганзетагѣ 1559 года. Выборгъ жаловался городамъ на каперство ревелцевъ; послѣднимъ грозили репрессаліями ⁴⁾. Отношенія Любека къ Ревелю къ концу 1559 года стали столь враждебными, что Любекъ готовился послать жалобу на Ревель въ имперскій судъ ⁵⁾. Въ разгарѣ спора съ Ревелемъ Любекъ заявляетъ, что вся война съ Москвою возникла по винѣ своекорыстныхъ ревелцевъ ⁶⁾. Въ концѣ 1559 года ревелцы захватили 6 любекскихъ кораблей, нагруженныхъ различными товарами ⁷⁾.

Ганзетагъ 1559 года представляетъ большой интересъ еще и въ виду обнаружившагося на немъ соперничества Данцига и Любека.

¹⁾ *Merkel*, II, 420.

²⁾ Люб. арх. Ср. *Schirren*, III, 317.

³⁾ Торговныя привилегіи Любека въ Россіи выставлялись какъ вполне законныя и освященныя вѣками.

⁴⁾ *Vienemann*, III, 208.

⁵⁾ *Ibidem*, 218.

⁶⁾ *Ibidem*, 222.

⁷⁾ *Langueti*, *Epistolae*, II, 29.

проходящаго чрезъ все XVI столѣтіе. Эти два города, нѣкогда нѣвшіе въ своихъ рукахъ господство на Балтійскомъ морѣ, теперь стремились захватить въ свои руки русскую торговлю. Любекъ надѣялся достичь своей цѣли, поддерживая прямые сношенія съ Москвою, и не обращалъ вниманія на запрещенія, исходившія отъ Польши и Ливонскаго ордена. Для Данцига отказаться отъ русской торговли было такъ же нежелательно, какъ и для Любека, но, находясь подъ властью Польши, онъ настаивалъ, по желанію Сигизмунда II Августа, на прекращеніи торговыхъ сношеній съ русскими. На газетныхъ спорахъ „о русской торговлѣ“ между Любекомъ и Данцигомъ достигли такихъ размѣровъ, что представители Данцига пригрозили даже Любеку открытою силою, если онъ не откажется отъ выборгскаго плаванія, застрашивали Любекъ скандинавскими государствами и Польшей. Угрозы оказались бесполезными, и представители Данцига по неволѣ прибѣгаютъ къ лести. Любекъ — глава вендскихъ городовъ, говорили они, и долженъ поэтому своими безкорыстіемъ и служеніемъ общимъ интересамъ подать примѣръ другимъ городамъ ¹⁾. Любекъ отвѣчалъ Данцигу указаніемъ на то, что и его торговцы сносятся съ русскими, и городской рать совершенно равнодушно относится къ этому. Польское правительство даже ставило это въ вину городу ²⁾. Представители Данцига успѣли опровергнуть этотъ фактъ; они объявили собранію, что городской совѣтъ опубликовалъ указъ, запрещающій выборгское плаваніе и ручается за своихъ торговцевъ, что они этотъ указъ не станутъ обходить. Тѣ же случаи, о которыхъ говорятъ любчане, имъ не извѣстны, и всѣ злоупотребленія сдѣланы безъ ихъ вѣдома. Любекскіе же купцы, имена которыхъ всѣмъ извѣстны, резидируютъ въ Выборгѣ и Нюстадѣ и ведутъ тамъ прибыльнѣйшую торговлю съ русскими; всѣ товары, которые до войны шли изъ Россіи въ Ливонію, теперь свозятся въ эти города. Кромѣ любекскихъ купцовъ въ Выборгъ пріѣзжаютъ и торговцы изъ Стральзунда.

Споры протянулись до закрытія газеты. Изъ рецесса этого „тага“ видно, что представители городовъ рѣшили въ продолженіе пяти лѣтъ брать денежную контрибуцію въ пользу Ревеля и Риги. Сборъ денегъ рѣшено было поручить двумъ любекскимъ бюргерамъ—Гердту

¹⁾ Данц. архивъ. Acta Internunciorum, IX, vol. 13. Joh. Proite u Hanns Kremer данцигскому магистрату, 29-го марта 1560 г.

²⁾ Ibidem.

фонъ деръ Треппенъ и Альбрехту Шиллингу ¹⁾). Рѣшеніе ганзетага оставалось, однако, мертвою буквою, денегъ никто не присылалъ, всѣ жаловались на недостатокъ ихъ, и ревелскіе послы ничего не привезли съ собою, кромѣ заслуженныхъ упрековъ въ своекорыстіи и эгоизмѣ.

Посольства къ нѣмецкимъ князьямъ магистра и епископа дерптскаго увѣнчались столь же плачевными результатами, какъ выше разсмотрѣнное посольство Ревеля къ ганзейскимъ городамъ. Всѣ только общали. Герцогъ мекленбургскій въ отвѣтъ на просьбу епископа дерптскаго о помощи преподнесъ ему перечень всѣхъ своихъ писемъ и посольствъ къ сосѣднымъ князьямъ, которыхъ онъ побуждалъ помочь ливонцамъ, и это ставилъ себѣ въ большую заслугу; дѣйствительно, отъ него сохранилось множество писемъ къ имперскимъ князьямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, къ ландграфу гессенскому, архіепископу магдебургскому, герцогу люнебургскому и другимъ. Всѣ, конечно, помощь общали. Исключеніе составилъ маркграфъ браденбургскій, Альбрехтъ Старшій, который не только не внялъ просьбамъ о помощи, но сталъ требовать у ревелцевъ, чтобы они прислали къ нему обратно Эрбарда Шпилену, порохового мастера, его подданнаго, котораго ревелцы еще на нѣкоторое время желали оставить у себя въ городѣ.

Съ 1560 года вопросъ о нарвскомъ плаваніи окончательно разъединилъ Любекъ и Данцигъ, вендскіе города и прусскіе, къ которымъ примкнули и ливонскіе. Нарвское плаваніе было „бѣлымъ въ глазахъ послѣднихъ“. Въ будущемъ ихъ ожидало совершенное обѣдѣніе, звѣзда вендскихъ городовъ, на время погасшая, снова засверкала яркимъ пламенемъ.

Ревель, единственный ступеньный пунктъ на востокъ Балтійскаго моря, переживалъ коммерческій штиль, его торговля съ русскими остановилась. Любчане, не имѣвшие никакой причины враждовать съ москвитями, въ большомъ числѣ стали пріѣзжать въ Нарву и теперь уже горевали лишь о томъ, что въ Нарву пріѣзжаютъ и другіе иностранцы.

Занятіе Нарвы русскими составляетъ, поэтому, крутой, поворотный пунктъ въ нѣмецко-русскихъ торговыхъ сношеніяхъ. Этотъ знаменательный фактъ хронологически слѣдовалъ за открытіемъ бѣломорскаго пути англичанами. Нарва, какъ мы видѣли, неоднократно стремилась быть принятой въ ганзейскій союзъ, но каждый разъ встрѣчались

¹⁾ *Вістеспанъ*, III, 179.

принятія со стороны ливонскихъ городовъ. Теперь же Нарвѣ выпала такая же доля, какъ пѣкогда Новгороду. Московскій царь даровалъ этому городу рядъ привилегій для развитія его торговли, привлекалъ сюда иностранцевъ, предоставивъ имъ свободу отъ податей и совершенную безопасность.

Быстрый ростъ Нарвы былъ крайне нежелательнымъ для ливонскихъ городовъ. Они обвиняли любчанъ въ своекорыстїи, говорили „а senioribus orta est iniquitas“. молили императора и князей запретить нарвское плаваніе, но все это мало помогало¹⁾. Всего болѣе терялъ отъ этого „торгового новичка“ Ревель, претендовавшій на исключительное стапельное право въ торговлѣ съ Россіей. Съ 1558 г. совершенно измѣняются взаимныя отношенія ливонскихъ городовъ къ ганзейскимъ. Любекъ торжествовалъ и привѣтствовалъ „Новый Новгородъ“ какъ неисчерпаемый источникъ новыхъ благъ. Минувя Ревель, любекскіе корабли прямо направлялись въ Нарву и, стало быть, обходились безъ посредничества ливонскихъ городовъ, всегда дорого имъ стоившаго. Эти побѣдки любчанъ въ Нарву были сильнымъ ударомъ для ревельцевъ. Они перѣдко на собственный страхъ вооружали нѣсколько военныхъ кораблей и пытались воспрепятствовать этому плаванію. Съ сожалѣніемъ вспоминали о тѣхъ временахъ, когда между западными и восточными городами Ганзы царили чисто братскія отношенія. Руссовъ²⁾ повѣствуетъ, какъ ревельцы съ болью въ сердцахъ смотрѣли съ холмовъ Розенгартена на мимо проѣзжавшіе корабли, направлявшіеся въ Нарву. Рядъ неудачъ не пугалъ любчанъ: всѣ убытки, причиняемые имъ ревельцами, прибыльно выкупались торговлею съ москвитами.

Скоро уже Ревель увидалъ, что одними своими силами ему не удержаться въ прежнемъ положеніи, и *это явилось одною изъ главныхъ причинъ, почему Ревель сталъ отыскивать себѣ покровителей въ соседнихъ юсударяхъ*; найдя такого въ *заклятомъ врагѣ Ганзейскихъ городовъ* Эрикѣ XIV, онъ надѣялся, что военный флотъ короля явится достаточною гарантіей успѣха въ борьбѣ съ Любекомъ, которая неминуемо должна была возникнуть изъ-за Нарвы. Дѣйствительно, какъ только Эрикъ XIV утвердился въ Ревелѣ, онъ употребилъ всѣ силы къ тому, чтобы уничтожить Нарву, этотъ новый источникъ богатствъ и силы Любека, и поднять Ревель на прежнюю ступень перваго стапель-

¹⁾ Данц. архивъ. Acta Internunciorum, XI.

²⁾ Wie die Revelsche Handel zu Grunde geht.

наго пункта на сѣверо-востокъ Балтійскаго моря. Это было въ 1561 г. Этотъ годъ, стоящій на грани двухъ періодовъ ливонской войны, явился и высокочамѣтельнымъ моментомъ въ исторіи ганзейско-русскихъ торговыхъ отношеній. Теперь не Ливонія стала на пути сближенія Россіи съ Западной Европой, а Швеція. Нарвскій вопросъ изъ мѣстнаго становится общеевропейскимъ вопросомъ, имъ опредѣляются взаимныя отношенія сѣверныхъ государей, имъ опредѣляются и отношенія Германіи, Франціи и другихъ державъ къ Швеціи, какъ къ державѣ, закрывавшей доступъ Европы въ Россію. Послѣ 1561 г. взаимныя отношенія сѣверныхъ государей такъ перепутались, что датчане и ганзейцы въ концѣ концовъ должны были служить русскимъ интересамъ ¹⁾).

Сношенія обоихъ скандинавскихъ народовъ—датчанъ и шведовъ—съ Ливоніей очень древни. Еще въ XI столѣтіи скандинавскія саги повѣствуютъ намъ о столкновеніяхъ съ туземцами прибалтійскаго края нордманновъ, датчанъ и шведовъ. Есть извѣстіе, что еще раньше прибытія сюда вѣмцевъ скандинавскіе государи старались водворить христіанство и свою культуру среди туземныхъ финновъ (Свендъ Эстридсонъ 1047—1078), но отъ ихъ дѣятельности не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Съ начала XIII столѣтія датчане при Вальдемарѣ II снова обратили вниманіе на восточное побережье Балтійскаго моря и предприняли походъ на Эзель, который, однако, окончился для нихъ неудачно ²⁾. Въ это время возникъ и извѣстный въ исторіи Ливонскій орденъ. Папа Иннокентій III подтвердилъ буллою 1210 года федеративное устройство Ливоніи; въ его интересахъ было не допускать основанія сильнаго своимъ единствомъ государства на востокъ Балтійскаго моря, какъ желалъ Альбертъ рижскій; наибъ больше выгодъ представляла федеративная форма, при которой каждый мелкій владѣтельный князь по необходимости долженъ былъ искать себѣ покровителей и сувереновъ въ папахъ. Иннокентій III желалъ, чтобы и орденъ, и новоучрежденныя епископства находились въ полной отъ него зависимости ³⁾. Федеративное устройство Ливоніи давало всегда возможность иностраннымъ государямъ вмѣшаться въ дѣла ея. Альбертъ рижскій первый обратился за помощью къ Вальдемару датскому; король обѣщалъ епископу свою помощь противъ эстовъ, но

¹⁾ *Waits*, Schleswig-Holstein. Geschichte, II, 2, 352.

²⁾ *Usinger*, 6.

³⁾ *Hammar skjöld*, 236.

выговорилъ себѣ всю Эстляндію. Хроникеры XIII столѣтія напрасно выставили Вальдемара идеальнымъ крестоносцемъ. Вальдемаръ такимъ не былъ; онъ никогда не терялъ изъ виду политики и мечталъ расширить предѣлы Дании на дальнемъ востокѣ; онъ былъ слишкомъ большимъ патриотомъ, чтобы кинуться въ борьбу, не заручившись никакими реальными обѣщаніями. Съ его царствованія Данія играетъ важную роль въ исторіи нѣмецкой колонизаціи. Походы датчанъ противъ эстовъ, начавшіеся въ 1219 году, сопровождались блестящими успѣхами. Настали затѣмъ и неудачные моменты въ этой борьбѣ датчанъ съ ордепомъ, но въ концѣ концовъ область Викенъ и островъ Эзель остались за датчанами, которые и владѣли ими до 1347 года. На восточномъ берегу Балтійскаго моря утверждалась сила, съ которой ордену и рижскимъ архіепископамъ приходилось считаться до самаго паденія своего.

Начало XIV столѣтія было самымъ тяжелымъ временемъ для Дании; территория ея распалась на нѣсколько самостоятельныхъ частей, единство исчезло. Вальдемаръ IV Аттердагъ поставилъ себѣ задачей снова подчинить себѣ отпавшія области, сломить силу аристократовъ и возстановить прежнее первенствующее значеніе Дании на скандинавскомъ сѣверѣ. Для борьбы ему недоставало денегъ, и вотъ онъ рѣшился продать Эстляндію Прусскому ордену. Это случилось 29-го августа 1346 года. На этомъ важномъ фактѣ въ исторіи датско-ливонскихъ отношеній мы должны нѣсколько остановиться ¹⁾.

Вальдемаръ продалъ Эстляндію Прусскому ордену за 19.000 марокъ; Прусскій же орденъ въ свою очередь продалъ эту провинцію Ливонскому ордену съ правомъ въ будущемъ снова возвратить ее себѣ. Магистръ Прусскаго или Нѣмецкаго ордена сохранялъ за собою *номинальное* господство надъ Эстляндіей, магистру же Ливонскаго ордена съ этихъ поръ принадлежало *фактическое* господство надъ герцогствомъ. Въ документѣ о продажѣ Эстляндіи, составленномъ Вальдемаромъ, говорилось, что онъ уступаетъ Эстляндію Нѣмецкому ордену и отказывается за себя и своихъ потомковъ *отъ всякаго права на юрисдикцію* — *dominium* — надъ Эстляндіей и *отъ всякой юрисдикціи*: *nihil nobis, heredibus aut successoribus nostris, domini, juris aut*

¹⁾ Ср. *Mollerup*, 2 и далѣе. *Bunge*, Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark, 76—82. *Höhlbaum*, 78—102, въ *Hansische Geschichtsblätter* за 1878 годъ. Г. Форстенъ, Борьба, введеніе; о Вальдемарахъ датскихъ црва. Г. Форстенъ въ Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона.

jurisdictionis in praedictis ducatu et terris penitus et reservantes⁴. Это выраженіе Вальдемарова документа подвергалось самымъ разнообразнымъ толкованіямъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, не смотря на вполне ясную формулировку его. Датскіе дипломаты въ XV столѣтіи утверждали, что самъ орденъ выдумалъ это выраженіе¹⁾; историки и публицисты продолжали настаивать на правѣ датскихъ королей считать за собою суверенитетъ надъ Эстляндіей; и въ латинскихъ, и въ нѣмецкихъ, и въ датскихъ хроникахъ настойчиво проводился такой взглядъ, что Вальдемаръ, продавая Эстляндію ордену, удерживалъ за собою суверенитетъ. Иначе и быть не могло, разсуждаютъ историки, пишущіе въ датскихъ интересахъ: Вальдемаръ не имѣлъ права покончить эстляндскій вопросъ безъ согласія на то своего рата, да къ тому же онъ связанъ былъ и политикою своего отца, издавшаго постановленіе, въ силу котораго датскіе короли должны были сохранить суверенитетъ надъ Эстляндіей. То и другое основаніе не имѣло никакой силы, такъ какъ, во первыхъ, рейхсратъ не имѣлъ въ XIV столѣтіи такого значенія, какъ въ XVI, да и постановленіе отца Вальдемара IV за давностью времени теряло свою юридическую силу.

Съ Эрика померанскаго Данія снова устремляетъ вниманіе свое на Эстляндію, Гаррію и Вирландъ. Планы, какіе Эрикъ имѣлъ относительно Эстляндіи, были тѣмъ достижимѣе, что совпадали по времени съ совершеннымъ ослабленіемъ Прусскаго ордена послѣ Таппенбергской катастрофы. Имѣя въ виду усилиться на счетъ Ливонскаго ордена, Данія поддерживаетъ дружескія отношенія съ Польшей и Литвой. Столкновенія съ орденомъ были самымъ обычнымъ явленіемъ и вызывались торговыми стѣсненіями, какимъ датчанъ подвергали въ Ревелѣ и другихъ городахъ. Въ 1419 году датское правительство заключило даже договоръ съ Литвою о перенесеніи ордена на Кипръ и о секуляризаціи его земель. Съ этого времени у Даніи была уже своя партія въ Ливоніи. Эрикъ сдѣлалъ было попытку захватить и подчинить себѣ Ревель; нужно думать, что попытка его увѣнчалась бы успѣхомъ, еслибы не постоянныя столкновенія съ Ганзейскими городами. Вниманіе короля повсюду постоянно отвлекалось отъ востока на западъ, и въ 1423 году онъ вынужденъ былъ заключить съ орденомъ миръ. Христіанъ I также не упускалъ случая возстановить значеніе Даніи въ Эстляндіи; въ начавшейся междоусобной войнѣ ордена съ епископами ревельскимъ

¹⁾ Ср. *Mollerup*, 4, примѣчаніе второе.

и дерптскимъ онъ помогалъ послѣднимъ и тогда уже имѣлъ въ виду назначить одного изъ своихъ братьевъ въ епископы Дерпта. Но орденъ тогда рѣшительно возсталъ противъ этого; онъ понималъ, что если Данія утвердится въ Дерптѣ, то Гаррія и Вирландъ, съ двухъ сторонъ окруженные датско-шведскими владѣніями, не состоятъ своей самостоятельности. Орденъ настаивалъ на томъ, чтобы епископы ревелскій и дерптскій признали надъ собою его патронатъ; это вызвало внутреннюю борьбу въ орденѣ и оказалось на руку сосѣднимъ государствамъ, желавшимъ заручиться въ Ливоніи своей партіей и бдительно слѣдившимъ за ходомъ дѣла въ орденскихъ владѣніяхъ. — Въ 1440 году начались смуты въ Прусскомъ орденѣ. Города и рыцари соединились противъ гофмейстера въ защиту своихъ правъ и прерогативъ. Въ 1454 году они заключили союзъ съ польскимъ королемъ. Христіанъ I принялъ сторону ордена, надѣясь за помощь ему получить какое либо вознагражденіе въ Ливоніи; въ томъ же 1454 году заключенъ былъ договоръ между Христіаномъ и орденомъ, въ силу котораго орденъ обязывался уплатить королю 60.000 гульденовъ. Въ слѣдующемъ году орденъ обѣщалъ королю вмѣсто денегъ уступить нѣсколько замковъ въ Ливоніи. Шведскій правитель Карлъ Кнутсонъ всѣми мѣрами старался этому воспрепятствовать; когда Христіанъ I узналъ, что намѣреніе ордена не серьезно, онъ порвалъ союзъ съ нимъ ¹⁾. По отношенію къ Ливоніи онъ продолжалъ настаивать на законности датскаго патроната, присвоилъ себѣ даже титулъ „*Dux Esthoniae et patronus cathedralis Revalensis ecclesiae*“, но къ рѣшительнымъ мѣрамъ не могъ прибѣгнуть въ виду враждебныхъ отношеній съ Швеціей.

Такимъ образомъ во все XV столѣтіе датскіе короли не оставляли мысли утвердиться въ Эстляндіи. Попытки ихъ въ этомъ отношеніи, хотя и не удавшіяся, тѣмъ не менѣе очень любопытны, такъ какъ свидѣлствуютъ о живучести традиціи, въ силу которой датскіе короли присвоивали себѣ суверенное право надъ Эстляндіей ²⁾.

При Плеттенбергѣ новою грозой для ордена явился датско-московскій союзъ, заключенный въ Нарвѣ въ 1498 году. Орденъ сталъ опасаться вторженія датчанъ въ Гаррію и Вирландъ. Когда Плеттенбергъ завелъ переговоры съ Іоанномъ датскимъ о совмѣстныхъ

¹⁾ *Møllerup*, 21.

²⁾ *Møllerup*, 28.

дѣйствіяхъ противъ Москвы, Іоаннъ соглашался на это только подъ условіемъ ежегодной дани съ ордена.

Король поставилъ такое требованіе въ надеждѣ, что вмѣсто денегъ орденъ предложитъ ему въ залогъ нѣкоторыя земли въ Ливоніи, и онъ утвердится въ ней, какъ польскій король въ Пруссіи. Но орденъ, сопоставивъ требованія короля съ тѣмъ, что уже зналъ о проектировавшемся брачномъ договорѣ Данинъ съ Москвою, понялъ, что надѣяться на Іоанна совершенно напрасно. Въ переговорахъ съ орденомъ Іоаннъ указывалъ ему, что Эстляндія издревле датская провинція и что онъ, какъ король Данинъ, имѣетъ законныя основанія требовать себѣ верховнаго покровительства надъ этою провинціей.

Къ XVI столѣтію въ Данинъ выработался такой взглядъ на ея отношенія къ ордену, что послѣдній не по праву владѣлъ Эстоніей и долженъ, поэтому, вознаградить Данію за то, что въ продолженіе полутора столѣтій обладалъ этою провинціей. Орденъ отвергалъ такой взглядъ ссылаясь на грамоты и документы, въ Данинъ же они впечатлѣнія не производили. И Фридрихъ I, и Христіанъ III обнаруживали такой же взглядъ на ливонскій вопросъ, какъ и ихъ предшественники, и, попирая историческія права и факты, требовали признанія за собою главенства и юрисдикціи въ Эстляндіи.

Въ послѣднихъ междоусобіяхъ, возникшихъ въ Ливоніи до вторженія въ ея предѣлы русскихъ, Данія приняла сторону архіепископа рижскаго Вильгельма. Фридрихъ I, какъ извѣстно, содѣйствовалъ даже избранію Вильгельма въ коадьюторы рижскаго архіепископа. Магистръ ордена выместилъ свое недовольство на Фридриха, заключивъ союзъ съ Христіаномъ II, когда тотъ съ помощію нѣмецкихъ князей попытался вернуть себѣ потерянный престолъ¹⁾. При Христіанѣ III орденъ поддерживалъ дружескія сношенія съ бургундскою и пфальцско-лотарингскою партіями. До самого шпейерскаго мира (1544) въ Данинъ опасались, какъ бы орденъ не объявилъ войны Альбрехту прусскому, ея союзнику, а сторонники Христіана II тѣмъ временемъ не вторгнулись въ Данію со стороны Голштиніи. Только въ шпейерскомъ мирномъ трактатѣ и орденъ, и Альбрехтъ прусскій приняли участіе, такъ что опасеніе столкновенія ихъ было отстранено.

Родственные отношенія, завязавшіяся между Христіаномъ III и Альбрехтомъ прусскимъ, сразу опредѣлили первому мѣсто среди

¹⁾ Г. Форстенъ, Борьба, II, 1.

противниковъ ордена въ междоусобной борьбѣ 1555 — 1557 года. Альбрехтъ, какъ зять и другъ Христіана III, имѣлъ большое влияние на вѣшнюю политику Даніи во все царствованіе послѣдняго; онъ воспользовался этимъ влияніемъ для того, чтобы склонить короля на сторону своего брата Вильгельма Рижскаго. Послѣдній и самъ выставлялъ Христіану III на видъ возможность избранія брата его, герцога Фридриха, себѣ въ коадьюторы ¹⁾. Хотя эта приманка Вильгельма, казалось, и теряла всякое основаніе послѣ вольмарскаго соглашенія 1546 года, но всѣ князья смотрѣли на вольмарскій рецессъ какъ на незаконное нарушеніе принадлежавшихъ имъ правъ. Въ XVI столѣтіи пріобрѣтаетъ значеніе политическаго закона обычай разсматривать духовныя земли, какъ естественный удѣлъ младшихъ княжескихъ сыновей. Когда въ 1554 году Вильгельмъ нарушилъ вольмарскій рецессъ и назначилъ себѣ въ коадьюторы Христофа мекленбургскаго, всѣ сѣверные нѣмецкіе князья приняли его сторону, всѣ они склоняли и Христіана датскаго заступить за Вильгельма въ борьбѣ его съ орденомъ. Но отъ активнаго участія въ войнѣ Христіанъ отказался; быть можетъ, онъ былъ недополонъ тѣмъ, что коадьюторство досталось герцогу мекленбургскому, а не его сыну или брату. Онъ предложилъ свое посредничество къ примиренію обѣихъ сторонъ, отправилъ съ этою цѣлью въ Ливонію своихъ пословъ, но они ничего не успѣли сдѣлать. И Вильгельмъ рижскій, и братъ его Альбрехтъ указывали Христіану III на право его возвратитъ себѣ Гаррію и Вирландъ. Въ 1555 году въ Данію явился посломъ отъ Альбрехта Христофъ Бѣттихеръ; онъ, между прочимъ, по порученію своего государя обратилъ вниманіе короля на то, что обѣ вышеназванныя провинціи были уступлены ордену только какъ залогъ, а не въ вѣчное владѣніе, такъ что король имѣетъ полное право подумать о средствахъ къ возвращенію себѣ этихъ областей. Одновременно съ Бѣттихеромъ въ Копенгагенъ явились и послы отъ Вильгельма Рижскаго съ предложеніемъ королю помощи, еслибы онъ оружіемъ рѣшилъ возвратитъ себѣ земли, искони принадлежавшія датской коронѣ. Любопытно, что теперь сами ливонскіе духовные князья забыли историческій фактъ продажи Эстляндіи ордену безъ права возвратитъ его! Въ XVI столѣтіи датскіе короли могли съ большою надеждою на успѣхъ агитировать въ Ливоніи, такъ какъ они съ начала этого столѣ-

¹⁾ *Mollerup*, 39, на основаніи архивныхъ данныхъ.

тія одѣлялись владѣтелями двухъ небольшихъ мѣстечекъ неподалеку отъ Ревеля—Новаго и Старого Колька ¹⁾. Въ *Libeg Census Daniæ* мы находимъ замѣтку, что оба владѣнія принадлежали первоначально монастырю Гутвалліа на Готландѣ и что, когда Вальдемаръ IV продалъ Эстляндію ордену, то монастырь Гутвалліа удерживалъ за собою и Новый и Старый Колькъ. Изъ-за нихъ монастырю приходилось имѣть цѣлый рядъ несприятныхъ столкновеній съ орденомъ, и поэтому въ 1519 году онъ уступилъ оба владѣнія Христіану III, получивъ взаменъ ихъ два другихъ селенія, лежавшихъ на Готландѣ близъ самаго монастыря. Было время: датскій король хотѣлъ продать оба имѣнія ордену или епископу ревельскому, но по неизвѣстнымъ причинамъ продажа не состоялась. Колькъ сталъ, такимъ образомъ, королевскимъ леномъ и, какъ таковой, онъ играетъ немаловажную роль въ исторіи датско-ливонскихъ отношеній въ XVI столѣтіи.

Въ 1521 году Фридрихъ I уступилъ Колькъ Гансу Матцмеру, одному ревельскому бюргеру; а этотъ за 24.000 марокъ отдалъ его въ залогъ Андреасу Фонтъ-Деккену. Наслѣдники Матцмера продали въ 1544 году Колькъ Готшалку Ремлингроде, извѣстному ревельскому пирату. Этотъ хотѣлъ выкупить имѣніе у Деккена; но у него возникли недоразумѣнія съ владѣтелями Колька вслѣдствіе того, что они вырубали въ имѣніи много лѣсу, и онъ отказывался сполна выплатить сумму, за которую Колькъ былъ заложенъ. За Ремлингроде заступился датскій король, а за Деккена ревельскій рать. Король грозилъ Ревелю закрытіемъ Зунда, если не будутъ соблюдены его права и юрисдикція въ Колькѣ и требовалъ, чтобы дѣло Ремлингроде съ Деккеномъ было передано королевскому суду; на это магистръ ордена не соглашался, говоря, что ни одинъ изъ его подданныхъ не можетъ быть призываемъ на судъ къ иноземному государю. Споръ принималъ все большіе размѣры, и король воспользовался имъ, чтобы снова указать и выдвинуть свои права на Эстляндію. Въ 1549 году Германъ фонъ Бриггеней умеръ, и новый магистръ Іоаннъ фонъ-деръ Рекке обнаружилъ большіе уступчивости въ спорѣ съ королемъ. Въ слѣдующемъ году Христіанъ III отправилъ въ Лифляндію Ремберта Гильсгейма—юриста, профессора копенгагенскаго университета, которому и поручилъ раз-

¹⁾ Всю исторію съ Колькомъ мы заимствуемъ у *Моллерупа*, 42 и друг. Ср. *Pawcker*, *Der Güterbesitz in Estland*, 72; *Bunge*, *Urkundenbuch*, I, 490 и другія сочиненія, приведенныя у *Mollerup'a*.

слѣдовать дѣло Ремлинтроде. Дѣло окончилось такъ, что Ремлинтроде, не будучи въ состояніи выплатить должной суммы за Колькъ, долженъ былъ отказаться отъ него, и владѣтелемъ его сдѣлался братъ епископа эзельскаго — Христофъ фонъ Мунихгаузенъ. Онъ купилъ себѣ право на владѣніе Колькомъ за 25.000 рижскихъ и 1.000 любекскихъ марокъ. Чрезъ три года Христіанъ III подтвердилъ за Мунихгаузеномъ это спорное владѣніе. Съ этихъ поръ Мунихгаузенъ является въ Ливоніи ленникомъ датскаго короля и играетъ не маловажную роль въ судьбахъ страны, какъ независимый владѣтель съ одной стороны и какъ епархіальный фохтъ Викена съ другой ¹⁾.

Споры о Колькѣ — фактъ очень любопытный, давшій, между прочимъ, и датскому королю возможность рѣшительно высказаться по вопросу объ Эстляндіи. Окончились споры — и Христіанъ III, не смотря на то, что на шпейерскомъ конгрессѣ рѣшено было подвергнуть вопросъ объ Эстляндіи имперскому суду, продолжалъ изъявлять свои притязанія на господство въ Эстляндіи и почти каждый годъ обращался по этому вопросу къ ордену. Въ 1554 году магистръ отправилъ своихъ пословъ въ Кольдингенъ, гдѣ въ продолженіе апрѣля и мая происходили переговоры съ королемъ и его совѣтниками. Послы ссылались на имѣющіеся у нихъ документы по продажѣ Вальдемаромъ Эстляндіи, указывали на шпейерскій миръ, — все напрасно; доказательства ихъ не убѣждали короля, въ его рукахъ былъ документъ, который, по его мнѣнію, уничтожалъ всѣ доводы и доказательства пословъ, а именно закладной актъ на Нарву 1343 года, предоставившій датскимъ королямъ право выкупа проданной области; своему законному праву на Эстляндію онъ противопоставлялъ *quasi possessio* Ливонскаго ордена.

Въ слѣдующемъ году въ Данію явилось новое посольство отъ магистра Ливонскаго ордена; оно представило королю обстоятельное изложеніе всего факта продажи Эстляндіи, скрѣпленное подлинными документами и актами, указало ему на грамоту Христіана I отъ 1457 года, въ которой король подтверждалъ актъ продажи въ той формѣ, въ какой онъ былъ совершенъ Вальдемаромъ IV; но и на этотъ разъ посольство должно было ни съ чѣмъ вернуться домой. Въ Даніи традиція была сильнѣе и убѣдительнѣе всякихъ документовъ, приводимыхъ ливонцами. Христіанъ III рѣшился воспользоваться новой войною

¹⁾ *Møllerup*, 42—45.

ордена съ московскимъ царемъ и вынудить у ливонцевъ признаніе датскаго протектората надъ спорной Эстляндіей.

Послѣ перваго опустошительнаго вторженія русскихъ въ Ливонію, когда магистръ, архіепископъ и города сознали рѣшительную невозможность оказать сопротивленіе москвитамъ одними своими силами, большинство орденскихъ представителей, не безъ вліянія, впрочемъ, Христофа Мунихгаузена, рѣшилось обратиться за помощью и покровительствомъ къ датскому королю Христіану III. Сословія указали магистру, что Данію они предпочли Польшѣ и Швеціи на томъ основаніи, что Данія, по ихъ мнѣнію, не станетъ требовать отъ нихъ взаимной помощи противъ русскихъ, а Швеція и Польша, какъ государства непосредственно соприкасавшіяся съ Россіей, непременно этого потребуютъ; датчане, указывали они, ввели въ Эстляндію христіанство, къ нимъ за помощью нерѣдко обращались и орденъ, и епископы, и всегда находили ее. Взглядъ сословія однако не раздѣляли ни магистръ, ни епископы, такъ что о единодушномъ, общемъ воззваніи къ Христіану III не могло быть и рѣчи. Магистру надлежало обратиться къ королю отъ лица всѣхъ представителей Ливоніи, а на дѣлѣ вышло другое: каждое сословіе, каждая епархія отдѣльно обратились къ королю съ своими просьбами и требованіями помощи.

Первымъ къ Христіану III обратился епископъ дерптскій, владѣніямъ котораго грозила наибольшая опасность со стороны русскихъ; лица помощи короля, онъ обѣщалъ назначить сына его Магнуса послѣдникомъ дерптскаго стола. 5 іюля онъ снабдилъ своихъ пословъ инструкціей къ Христіану и того же числа самъ письменно обратился къ нему. Въ инструкціи говорилось, что епископъ послѣ долгихъ обсужденій нашелъ, что датскій король одинъ въ состояніи оказать ему помощь и защиту противъ страшнаго врага, побороть его и спасти дерптскую область; за эту помощь онъ согласенъ уступить младшему сыну его епископскій столъ.

За дерптскимъ епископомъ къ Христіану обратился и Іоаннъ зельскій, братъ Христофа Мунихгаузена. Называя Христіана другимъ и отцомъ своимъ, онъ искалъ его помощи, при чемъ указывалъ на то, что курляндская епархія основана датскими королями, зельская же епископія издавна пользовалась особыми привилегіями со стороны послѣднихъ, своихъ протекторовъ и консерваторовъ.

Въ началѣ іюля городской совѣтъ Ревеля извѣщалъ магистра, что рѣшили отъ себя отправить пословъ къ датскому королю и признать надъ собою его покровительство, какими бы условіями король его ни

обставилъ; лучше спастись иноземною помощью, чѣмъ по недостатку собственныхъ силъ подчиниться требованіямъ враговъ. Ревельскій рать предлагалъ магистру отправить съ его послами и своихъ уполномоченныхъ и склонить къ тому же Ригу. Магистръ соглашался на предложеніе ревельскаго рата и въ отвѣтъ ему выражалъ надежду, что городъ не приметъ предложеній короля, если они окажутся вредными для общаго блага ордена; онъ извѣщалъ также городской совѣтъ, что уже 11 іюля отправилъ въ Данію командора Дюнабургъ фонъ Вителлинга съ просьбою о помощи ¹⁾. Въ іюлѣ въ Ревель прибылъ Христофъ фонъ Мунихгаузенъ въ сопровожденіи большого числа эстляндскихъ дворянъ, во всемъ на него полагававшихся. Мунихгаузенъ какъ пельзя лучше воспользовался своимъ положеніемъ датскаго ленника, чтобы повсюду распространить преувеличенныя вѣсти о скорой помощи Ливоніи датскаго короля; это поднимало его авторитетъ въ странѣ и всѣ были твердо увѣрены, что онъ дѣйствительно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ руководился инструкціями датскаго короля, точно исполнялъ его волю. На самомъ же дѣлѣ и Христофъ Мунихгаузенъ и братъ его епископъ эзельскій такъ дѣятельно агитировали въ пользу Даніи только въ надеждѣ на собственное возвышеніе; исключительно эгоистическіе расчеты и виды на наживу среди общаго разлада и неурядицъ руководили этими авантюристами; высшихъ побужденій они не признавали, судьба Ливоніи ихъ нисколько не занимала. Пока мотивы ихъ кажущихся стараній на пользу ордена не обнаружались, къ нимъ питали полное довѣріе и всѣ привѣтствовали датскаго короля, какъ истиннаго защитника и покровителя Ливоніи. Явившись въ Ревель и соединившись съ синдикомъ города Іостомъ Клодтомъ, Христофъ Мунихгаузенъ безъ труда увлекъ рать и населеніе на свою сторону и парализовалъ всѣ дипломатическія старанія Іоанна финляндскаго ²⁾. 23 іюля городской совѣтъ Ревеля снарядилъ посольство въ Данію, поставивъ во главѣ его Іоста Клодта и ратсгерра Ино фонъ деръ-Гоئے. 27 числа они уѣхали изъ Ревеля, снабженные вѣрительною грамотою рата и рыцарей, составленною Клодтомъ. Въ инструкціи посламъ говорилось, чтобы они прежде всего постарались добиться покровительства датскаго короля за извѣстную годовую пенсію, затѣмъ побудить его занять своими войсками нѣсколько пограничныхъ замковъ и крѣпостей и прислать

¹⁾ *Schirren* I, 59; *Mollerup*, 56—57.

²⁾ *W. Greiffenhagen*, *Jost Clodt als Staatsmann*, 637.

въ Ливонію своего штатгальтера съ значительными военными силами, чтобы ливонцы, соединившись съ орденскими войсками, могли начать военныя дѣйствія противъ русскихъ. Еслибы Христіанъ III этихъ условій не принялъ, то обоимъ посламъ предписывалось отъ имени городского совѣта признать покровительство короля съ тѣмъ, чтобы Ревель сохранилъ свою свободу и свои привилегіи, какъ ганзейскій городъ. Въ концѣ инструкціи заключался пунктъ, по которому посламъ слѣдовало дѣйствовать такъ, чтобы и Гарріа и Вирландъ во всякомъ случаѣ могли рассчитывать на помощь Даніи; они должны были твердо стоять на одномъ—чтобы Ревель не былъ отдѣленъ отъ обѣихъ вышеназванныхъ областей.

Въ одинъ день съ посольствомъ въ Данію городской совѣтъ Ревеля далъ знать магистру, что, не получая отъ него никакой помощи, онъ рѣшился обратиться къ защитѣ и покровительству иноземнаго государя. Эта вѣсть значила, что городъ бралъ обратно клятву о подданствѣ, данную имъ магистру. Это первый моментъ въ исторически неизбежномъ распаденіи ливонскаго ордена ¹⁾.

Значеніе датской партіи въ Ревелѣ очень усилилось, когда крѣпость города перешла въ руки Христофа Мунихгаузена. Этотъ фактъ совпалъ съ требованіемъ, обращеннымъ Шуйскимъ къ городу сдать московскому царю. Въ Ревелѣ возникла всеобщая паника; среди кнехтовъ, занимавшихъ крѣпость города, начались неудовольствія вслѣдствіе неаккуратной уплаты жалованья; уже два мѣсяца они ничего не получали, а деньги—это вся цѣль ихъ жизни, ради нихъ они мѣняли полководцевъ, мѣняли партіи; для нихъ ни имперія, ни отечество, ни императоръ не имѣли никакого значенія. И вотъ они врываются въ комнату орденскаго командора Франца фонъ-Зегенгагена (Амселя) и съ угрозами требуютъ жалованья. Комендантъ крѣпости, не будучи въ состояніи исполнить ихъ требованія, обратился къ Мунихгаузену съ просьбой принять въ свои руки крѣпость на имя датскаго короля, удовлетворить ихъ требованіямъ и защищать городъ отъ русскихъ. Мунихгаузенъ предложилъ командору сначала 2.000 марокъ, но сумма эта оказалась слишкомъ незначительной; опасность со стороны русскихъ также усиливалась со дня на день, такъ что комендантъ отъ денежной помощи отказался, и Мунихгаузенъ 25-го іюля занялъ крѣпость отъ имени датскаго короля. Это случилось въ при-

¹⁾ Ср. *Schirren*, II, 278; *Renner*, 191; *Bienemann*, II, № 811; *Møllerup*, 61; ср. *Lossius*, I, 3.

существованіи ратсгерровъ Гаррии и Вирланда и городского совѣта Ревеля, нѣкоторое время противившагося дать свое согласіе на сдѣлку кнехтовъ съ Мунихгаузенемъ.

Христофъ фонъ-Мунихгаузенъ потребовалъ отъ кнехтовъ присяги на вѣрность, сталъ называть себя штатгальтеромъ датскаго короля въ Эстляндіи, Гаррии и Вирландѣ, Эзелѣ и Викенѣ съ прилежавшими замками Перновъ, Феллинь, Гапсаль, Виттенштейнь и др., отвѣчалъ отказомъ русскимъ военачальникамъ, требовавшимъ сдачи города московскому царю, обращался къ крѣпостнымъ фохтамъ Гаррии и Вирланда съ требованіемъ отдаться подъ покровительство Даніи. Назначивъ начальникомъ крѣпости лифляндскаго дворянина Генриха Искулля, Мунихгаузенъ съ орденскимъ командоромъ и посланн отъ Ревеля, Дерпта и Эзеля отправился 27-го іюля въ Данію ¹⁾).

Въ Даніи съ большимъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ дѣлъ въ Ливоніи; благодаря оживленнымъ сношеніямъ Даніи съ Пруссіей, въ первой прекрасно знали обо всѣхъ партіяхъ въ Ливоніи, о раздорахъ между архіепископомъ и магистромъ, о стремленіи городовъ сохранить и развити свою автономію и т. д. Главною задачей датской политики стало—не допускать въ Ливонскомъ орденѣ никакихъ перемѣнъ, противныхъ интересамъ датской короны; всякій новый успѣхъ русскаго оружія въ Ливоніи вызывалъ не малую тревогу при датскомъ дворѣ. До сихъ поръ у Даніи былъ лишь одинъ соперникъ въ вопросѣ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ, теперь поднимался второй, болѣе Швеціи опасный врагъ, сиречь тотъ, съ которымъ представлялось рѣшительно невозможнымъ. Для Даніи, что сознавалъ и миролюбивый Христіанъ III, было весьма важно имѣть въ Ливоніи форпостъ противъ Россіи и Польши, которая съ этихъ поръ также начинаетъ стремиться овладѣть частью орденскихъ земель. Такимъ образомъ, въ борьбѣ изъ за господства на Балтійскомъ морѣ являются теперь 4 участника: Швеція, Данія, Польша и Россія. Всего болѣе Христіанъ боялся Москвы. Въ іюлѣ 1558 года онъ обратился съ письмомъ къ Іоанну Грозному, въ которомъ просилъ его пощадить Кольку, какъ ленъ датской короны и указывалъ, что Нарва издавна принадлежала Даніи; датскихъ же королей признавали своими суверенами Эстонія, Гаррии, Вирландъ и городъ Ревель. Черезъ мѣсяць послѣдовалъ отвѣтъ русскаго на-

¹⁾ Весь вопросъ о дѣятельности Мунихгаузена въ Ревелѣ впервые разработанъ по архивнымъ даннымъ Моллеруномъ въ выше цитированномъ трудѣ, стр. 61—63. Ср. *Annerstedt*, 3; *Loosius*, I, 48 и д.

мѣстника въ Нарвѣ, отвѣтъ, заключавшій въ себѣ въ самой рѣзкой формѣ отказъ московскаго правительства признать притязанія Христіана III на ливонскія земли ¹⁾. Въ послѣдній годъ своего царствованія датскій король снарядилъ посольство къ Іоанну Грозному, которое также не имѣло успѣха.

Въ августѣ послы Ревеля, Гаррін и Вирланда вмѣстѣ съ Мунихгаузенемъ явились въ Данію. Король ничего не зналъ о томъ, что отъ его имени въ Ревелѣ успѣлъ сдѣлать Мунихгаузенъ, что между прочимъ видно и изъ переписки его съ Мунихгаузенемъ за 1558 годъ. Датскіе же послы, отъ глазъ которыхъ не могло ускользнуть критическое положеніе дѣлъ въ странѣ, въ бытность свою въ Ливоніи въ 1556 и 1557 годахъ вели переговоры съ нѣкоторыми изъ выдающихся ливонскихъ дворянъ, какъ вышеупомянутый Іостъ Клодтъ, Дидерихъ Беръ, Иксулъ и др. Все это были сторонники Даніи, вожаки датской партіи, и очень вѣроятно, что этими переговорами имѣлось въ виду приготовить избраніе Магнуса въ коадьюторы Дерпта или Гзеля. Не легко вообще разбраться во всѣхъ безчисленныхъ посольствахъ, пріѣзжавшихъ въ Данію и обратно въ Ливонію въ продолженіе 1558 года; трудно отдѣлать въ нихъ, что прямо передавалось въ интересахъ той или другой страны и что имѣло отношеніе лишь къ частнымъ интригамъ самихъ пословъ и орденскихъ представителей, работавшихъ какъ Мунихгаузенъ въ собственныхъ выгодахъ. Что касается Христіана III, то не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ твердо рѣшилъ не упускать ни одного представляющагося случая, дабы вернуть къ жизни прежнія права датскихъ королей въ Эстлиндіи; въ своихъ дѣйствіяхъ Христіанъ руководился и политическими интересами, и прежними традиціями датскаго королевскаго дома ²⁾.

Первое донесеніе ревельскихъ пословъ изъ Даніи отмѣчено 12-го августа. Изъ него мы узнаемъ, что, прибывши въ Копенгагенъ, они не нашли тамъ короля: онъ уѣхалъ въ Ютландію. Послы послѣдовали за королемъ; путешествіе ихъ было медленное; они жаловались на то, что остановки на дорогѣ стоили страшно большихъ денегъ. Въ Аальборгѣ они также не застали короля: онъ былъ на сѣверѣ. Любопытно, что въ Ютландіи послы Ревеля встрѣтились съ послами Фюрстенберга и Кетлера. Магистръ не могъ быть доволенъ Ревелемъ; онъ потребовалъ у него объясненій его сдѣлки съ Мунихгаузенемъ; сепаратные

¹⁾ Отвѣтъ отмѣченъ 13-го августа 1558 года (*Mollerup*, 65).

²⁾ *Mollerup*, 66.

переговоры съ Даніей, узурпація Мунихгаузена — все это, дѣйствительно, было преступленіемъ по отношенію къ ордену ¹⁾). Мунихгаузенъ и въ Даніи велъ переговоры съ королемъ и его совѣтниками не выѣстъ съ другими послами, а отдѣльно и самостоятельно.

Представивъ королевскимъ совѣтникамъ бѣдственное положеніе Ливоніи, ревельскіе послы въ особенности выдвинули два пункта своей инструкціи, чтобы Ревель сохранялъ свои прежнія отношенія къ Ганзейскимъ городамъ и чтобы плаваніе на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ было объявлено свободнымъ ²⁾). Королевскіе совѣтники объявили какъ посламъ Ревеля, такъ и посламъ ордена, что переговоры съ ними возможны лишь въ томъ случаѣ, если они признають супрематію Даніи надъ Эстляндіей и если королю будутъ уступлены провинціи Гарріа и Вирландъ съ Ревелемъ и другими укрѣпленными замками. Послы готовы были уже принять эти тягостныя условія, и переговоры, казалось, были близки къ своему окончанію. Но поворотъ въ датской политикѣ, обнаружившійся въ половинѣ сентября, придавъ всему дѣлу новый и неожиданный ходъ. Христіанъ III объявилъ, что не можетъ дать посламъ никакого рѣшительнаго отвѣта раньше, чѣмъ узнаетъ о результатахъ своего посольства въ Лифляндію и Москву. Затѣмъ король категорически отказывался принять всю Ливонію подъ свое покровительство и выставилъ слѣдующія новыя условія своего протектората: магистръ долженъ уступить Даніи Гаррію и Вирландъ съ Феллиномъ, и тогда только король согласенъ будетъ доставить ему 20.000 талеровъ, принять на себя посредничество къ примиренію ордена съ Москвою и занять Ревель и другія крѣпости датскими гарнизонами. Еслибы его посламъ не удалось склонить царя къ миру, то онъ — Христіанъ III — за уступку ему вышеназванныхъ земель соглашается уплачивать магистру въ продолженіе шести мѣсяцевъ по 15.000 талеровъ ежемѣсячно и сохранять дружбу съ орденомъ ³⁾). Новыя условія датскаго короля были такъ тягостны, что орденскіе послы не рѣшались принять ихъ, не снесшись предварительно съ магистромъ. Христіанъ III уже слишкомъ дорого цѣнилъ свое покровительство и свое посредничество между орденомъ и Москвою; онъ требовалъ себѣ лучшихъ провинцій ордена, „ключъ къ балтійскому господству“, „форпостъ христіанской Европы противъ русскихъ“.

¹⁾ *Schirren*, I, 201—203, также 249.

²⁾ *Венетаалъ*, II, 178.

³⁾ *Mollerup*, 67—69.

Цѣлый рядъ важныхъ обстоятельствъ побудилъ Христіана III измѣнить свое первоначальное рѣшеніе относительно Ливоніи и обусловить свое участіе въ восточныхъ распряхъ такою высокою цѣною. Еще до прибытія въ Данію орденскаго посольства король писалъ къ Фюрстенбергу, что не можетъ оказать ему дѣйствительной помощи въ виду враждебныхъ плановъ Лотарингіи противъ Даніи и въ виду того, что владѣнія его въ Норвегіи соприкасаются съ землями московскаго царя. Какъ скоро русскіе узнаютъ, писалъ Христіанъ III, что онъ помогаетъ ливонцамъ, они тотчасъ откроютъ враждебныя дѣйствія противъ датскихъ подданныхъ въ Норвегіи. Относительно Лотарингіи слѣдуетъ замѣтить, что угрозы со стороны родственниковъ Христіана II изъ простыхъ демонстрацій обратились въ дѣйствительность и что, какъ мы увидимъ впоследствии, король имѣлъ полное основаніе опасаться ихъ. Отмѣтимъ еще слѣдующія два обстоятельства, выдвинутыя Моллерупомъ: внутри самой Даніи опасались волненій, тамъ пришлось арестовать нѣсколькихъ дворянъ, поднимавшихъ сословное движеніе противъ абсолютизма короля. Дворяне не могли примириться съ мыслью, что король касировалъ почти всѣ ихъ сословныя прерогативы, что онъ успѣшно дѣйствовалъ въ духѣ подчиненія дворянъ и обращенія ихъ изъ знатной сословной касты въ служилый классъ, что онъ наносилъ сильные удары сословной обособленности дворянства и далъ возможность представителямъ другихъ сословій дослужиться до высшихъ должностей, выдвигая таланты, способности, а не родовитость. Это движеніе въ дворянствѣ продолжалось и въ первые годы царствованія Фридриха II. Вторымъ обстоятельствомъ, не дававшимъ Даніи возможности особенно рисковать, — были натянутыя отношенія къ Швеціи. Неопредѣленность, шаткость этихъ отношеній заставляли Христіана III быть постоянно наготовѣ къ отраженію удара съ сѣвера. Раздраженіе обѣихъ сосѣднихъ державъ усиливалось и все болѣе распространявшимися литературными произведеніями полемическаго характера; съ обѣихъ сторонъ внимательно и зорко слѣдили за каждымъ шагомъ соотѣда; у Швеціи и Даніи оставались не разрѣшенными многіе вопросы, на примѣръ, о Готландѣ, объ имѣніяхъ шведскихъ дворянъ въ датскихъ владѣніяхъ, о трехъ коронахъ и др., какъ мы уже подробно указывали въ первой главѣ нашего изслѣдованія. Христіану III стоило только сдѣлать у себя сборъ военныхъ силъ, какъ Густавъ Ваза уже усматривалъ въ этомъ враждебную диверсію и готовился отразить ее. Всѣ европейскіе государи знали объ этихъ сомнительно-дружескихъ отношеніяхъ двухъ сѣверныхъ государствъ и, предвидя скорое стол-

кновение ихъ, предлагали свое посредничество для улаженія спорныхъ вопросовъ.

При такихъ обстоятельствахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внешнихъ, Христіанъ III долженъ былъ съ большою осторожностью дѣйствовать въ ливонскихъ смутахъ, въ которыхъ заинтересовано было столько государствъ и ради которыхъ онъ необходимо вовлекался въ новыя политическія комбинаціи. Лѣтомъ 1558 года король кромѣ того подвергся тяжелой болѣзни; многіе тогда уже опасались за его жизнь; среди его совѣтниковъ также не было единства во взглядѣ на восточную, ливонскую политику Даніи, что не могло ускользнуть отъ вниманія короля и что, безъ сомнѣнія, еще болѣе утверждало его въ мысли держаться осторожной политики и безъ большихъ гарантій не давать никакихъ обѣщаній. Канцлеръ короля Іоаннъ Фризь стоялъ за активную политику на востокъ; другой же (нѣмецкій) канцлеръ его, Андерсъ Барба, и тѣ члены рейхсрата, которые принимали участіе въ посольствѣ въ Ливонію, склоняли Христіана III къ пассивно-выжидательной политикѣ. Это разногласіе королевскихъ совѣтниковъ не могло не вліять на внешнюю политику Христіана III.

Объявивши въ сентябрѣ орденскимъ посламъ свое новое рѣшеніе, Христіанъ велѣлъ даже возвратить замокъ Ревеля ордену, чѣмъ заявлялъ о своемъ полномъ неудовольствіи дѣйствіями Мунихгаузена. Молерупъ правъ, усматривая въ этомъ лишь дипломатическую уловку короля. Дѣйствительно, когда послы магистра и Ревеля стали представлять королю, какія отъ этого могутъ возникнуть неурядицы въ виду приближенія русскихъ къ городу и просить его отнѣнить свое рѣшеніе, то онъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній не только согласился, но велѣлъ даже доставить кнехтамъ ревельскаго кремля провіанта и снарядовъ.

Мунихгаузенъ точно ожилъ; мечты его были близки къ осуществленію, планы его приводились въ исполненіе. Онъ добился отдѣльной аудіенціи у короля и передалъ ему желаніе эзельскаго епископа уступить свой столъ второму сыну короля — Магнусу. Король былъ не прочь отъ такой комбинаціи и уполномочивалъ Христофа Мунихгаузена войти по этому вопросу въ сношенія съ своимъ братомъ епископомъ Эзеля (Іоанномъ Мунихгаузеномъ); мало того, увлекшись новыми видами на возможность утвердиться на восточномъ берегу Балтійскаго моря, онъ отправилъ даже на Эзель большое количество оружія, пороку и разныхъ военныхъ снарядовъ. Мунихгаузенъ долженъ былъ склонить на сторону Магнуса вліятельнѣйшаго совѣтника эзельскаго

епископа—Дидерика Бера, ради чего могъ обѣщать ему и значительное денежное вознагражденіе ¹⁾).

Таковы были результаты орденскаго и ревальскаго посольствъ въ Данію; ни до чего опредѣленнаго не договорились, и оба посольства должны были убѣдиться, что въ Христіанѣ они имѣли государя, который не увлекался фантастическими проектами, а во всѣхъ переговорахъ обнаруживалъ необыкновенную политическую положительность; интересы Даніи у него всегда стояли выше династическихъ интересовъ. Онъ понималъ не хуже сына, какъ важно было бы на востокъ имѣть операціонный пунктъ какъ противъ шведовъ, такъ противъ Москвы на случай, еслибы царь порвалъ традиціонную дружбу московскихъ государей съ датскими королями ольденбургскаго дома; но онъ сдерживалъ себя, давалъ согласіе на активное вмѣшательство въ ливонскія распри только въ томъ случаѣ, если ему уступать Ревель и другіе укрѣпленные пункты вдоль балтійскаго побережья. Ведя переговоры съ орденомъ и съ отдѣльными представителями его, онъ не спѣшилъ порывать ни съ Москвою, ни съ Швеціей и, какъ мы видѣли, ставилъ все въ зависимость отъ результатовъ посольства къ царю.

Въ октябрѣ орденскіе и ревальскіе послы покинули Данію; послѣдніе, получивъ отъ короля 20.000 талеровъ ²⁾, направились въ Бременъ, чтобы тамъ на ганзетагѣ склонить къ помощи противъ московитовъ всѣ ганзейскіе города.

Христіанъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта изъ Москвы. Во главѣ посольства, отправленнаго въ Ливонію и Москву, стояли три совѣтника короля: Класъ Урне, Петръ Бильде и Владиславъ Вобитцеръ. Инструкція, данная имъ, помѣчена 26-го сентября 1558 года ³⁾. Главной цѣлью новаго посольства въ Лифляндію должно было быть возстановленіе правъ датскаго короля на Эстляндію; посламъ предписывалось побудить магистра и сословія Гарріи и Вирманда обратиться письменно за помощью къ королю, какъ верховному сюзерену ихъ, чтобы послы короля могли эти письма показать царю, впервыхъ, какъ свидѣтельство, подтверждающее справедливое требованіе короля на Эстляндію, а вовторыхъ, какъ средство убѣдить царя отвести свои войска изъ Ливоніи и возвратить все имъ покоренное.

¹⁾ *Mollerup*, 70—75.

²⁾ а не 18.000, какъ говорятъ *Ranner*, 206.

³⁾ Копенг. арх., *Russaland*, 21.

Христіанъ разрѣшалъ своимъ посламъ обѣщать магистру за Гаррію и Вирландъ 50.000 талеровъ, но если дѣло дойдетъ до „генеральнаго протектората“ короля надъ всею Ливоніей, то они должны были отѣтить, что не имѣютъ полномочія вести о такомъ переговоры. Что же касается до ревелскаго кремля, то послы должны были сказать, что занятіе его дѣйствительно сдѣлано отъ имени короля, но безъ его вѣдома; король, по настоянію орденскихъ пословъ, соглашался взять на себя защиту крѣпости, но съ условіемъ, чтобы магистръ самъ доставлялъ деньги для содержанія его; еслибы Фюрстенбергъ не согласился принять этихъ условій, то послы могли всю вину свалить на магистра и потребовать немедленнаго отпуска.

Изъ этой части сентябрьской инструкціи видно, что Христіанъ III смотрѣлъ на Ревель какъ на залогъ, котораго онъ не желалъ упустить изъ рукъ, но которымъ имѣлъ въ виду воспользоваться для давленія на орденъ, чтобы добиться у него за деньги уступки Эстляндіи безъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ съ своей стороны ¹⁾).

Въ Россіи датскимъ посламъ предписывалось дѣйствовать съ величайшею осторожностью и тактомъ, чтобы не вызвать къ Даніи вражды этого государства. Послы должны были прежде всего добиться у царя заключенія новаго торговаго трактата, въ силу котораго бы датчане могли свободно торговать въ Россіи и русскіе въ Даніи; вторыхъ, датскіе послы должны были указать московскому царю, что часть земель, входящихъ теперь въ составъ ливонскаго ордена, какъ Эстонія, Вирландъ и городъ Ревель, были издавна владѣніями датскихъ королей, и царь, слѣдовательно, не въ правѣ воевать эти земли, присоединять ихъ къ своей коронѣ; чтобы сохранить миръ и дружбу со всѣми христіанскими государями, онъ долженъ отказаться отъ своего намѣренія утвердиться въ названныхъ земляхъ и уступить все имъ завоеванное Даніи.—Любопытно, что Христіанъ требуетъ уступки занятыхъ русскими земель не ордену, которому обѣщалъ помощь и покровительство, а себѣ; онъ надѣялся безъ пролитія крови, одними дипломатическими переговорами, безъ всякихъ даже значительныхъ денежныхъ затратъ (не 50 же тысячъ талеровъ стоила вся Эстляндія съ Ревелемъ) ²⁾ утвердиться на востокѣ Балтійскаго моря, давно уже потеряннаго для Даніи, съ тѣхъ поръ какъ эти

¹⁾ Ср. *Mollerup*, 76.

²⁾ *Mollerup*, 78.

земли были проданы ордену, безъ всякаго, какъ мы видѣли, права возвращать ихъ Даніи; король въ данномъ случаѣ легкомысленно лелѣялъ несбыточную мечту, чтобы московскій царь, побѣдоносно прошедши почти по всей Ливоніи, безъ протеста вернулся въ свои предѣлы и купленное кровью своихъ подданныхъ уступилъ Даніи, ради какой то идеальной дружбы, существовавшей лишь на бумагѣ и никогда со стороны Даніи не проявленной, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ случаевъ, когда этого требовали политическія выгоды самой Даніи.

Обратимся къ результатамъ, какіе были достигнуты датскимъ посольствомъ въ Ливоніи и Москвѣ.

Во время отсутствія изъ Ревеля Мунихгаузена и другихъ сторонниковъ Даніи, настроеніе умовъ въ городѣ измѣнилось и умаленіе датскимъ протекторатомъ значительно охладѣло. Шведскіе агенты ловко воспользовались этимъ и стали съ болѣею энергіей дѣйствовать въ пользу своего правительства. Магистръ ордена также не могъ быть доволенъ тѣмъ, что Ревель дѣйствовалъ какъ самостоятельный и вполнѣ независимый городъ, не испрашивая у него согласія. Въ началѣ сентября онъ отправилъ въ Ревель своихъ пословъ, чтобы склонить городъ оказать магистру посильную помощь противъ враговъ и передать крѣпость города въ руки ордена. Посламъ Фюрстенберга удалось склонить городской совѣтъ на свою сторону и члены его даже извинялись передъ ними за свой поступокъ; мотивомъ его они выставили опасность, грозившую городу извнѣ; они объявили посламъ, что ничего не знали объ интригахъ Мунихгаузена, пока затѣянное имъ дѣло не стало совершившимся фактомъ. На сколько эти показанія городского совѣта были согласны съ истиной, мы знаемъ изъ предыдущаго ¹⁾). Убѣдить кнехтовъ сдать магистру крѣпость— было не такъ-то легко; всѣ обращенія къ нимъ рата и орденскихъ пословъ были тщетны; они отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ не смотря на то, что положеніе Искуля въ крѣпости становилось со дня на день опаснѣе. Изъ Даніи не приходило никакихъ вѣстей. Мунихгаузенъ не посылалъ ни денегъ, ни оружія; среди кнехтовъ поднимался ропотъ, они съ угрозою требовали уплаты себѣ жалованья. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ русскіе все ближе подступали къ стѣнамъ Ревеля; передовые отряды ихъ то и дѣло показывались у самыхъ воротъ города. Обезпечивъ за собою преданность городского

¹⁾ *Mollerup*, 78, 89.

совѣта, орденскіе послы измѣнили и благоприятное для Даніи настроеніе въ ревелскихъ бюргерахъ; и они мало по малу охлаждали къ датскому королю, отъ котораго не приходило никакой помощи.

Одно обстоятельство очень любопытно: орденскіе послы, прибывшіе въ Ревель, имѣли съ собою тайную инструкцію Кетлера, которая шла совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что имъ поручилъ самъ Фюрстенбергъ. Это разъединеніе интересовъ магистра и коадьютора въобщемъ очень гибельно отзывалось на всей исторіи ордена въ послѣдніе годы его существованія. Кетлеръ, какъ сторонникъ Польши, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на сближеніе Фюрстенберга съ Даніей и отъ себя убѣждалъ пословъ всѣми силами постараться отнять у датчанъ ревелскую крѣпость. 30-го сентября и 8-го октября послы магистра повторили Иксулюю свое требованіе, но Иксуля отвѣтилъ имъ, что кнехты его поклялись въ вѣрности датскому королю, самъ же онъ далъ обѣщаніе Мунихгаузену удержать начальство надъ крѣпостью до его возвращенія. Если датскій король самъ прикажетъ ему оставить крѣпость, онъ это исполнить безъ замедленія—не иначе. На это послы отвѣчали, что теперь, когда магистру всего необходимыхъ имѣть всѣ силы ордена подъ своей властью для борьбы съ москвитяи, отъ него, по волѣ Иксуля, отнимаютъ до 1.000 человекъ. Никакія убѣжденія пословъ не могли склонить Иксуля къ измѣнѣ Даніи. 14-го октября орденскіе послы покинули Ревель. Настроеніе кнехтовъ, между тѣмъ, становилось все безпокойнѣе; подъ вліяніемъ сторонниковъ Кетлера, они стали съ угрозой требовать у Иксуля уплаты имъ жалованья; если, говорили они, до 21-го октября имъ не выплатятъ всего, они уже сами рѣшатъ на общемъ собраніи, что имъ дальше предпринять. Положеніе Иксуля становилось критическимъ. Среди кнехтовъ вспыхнулъ бунтъ. 1-го ноября, во вторникъ, Иксуля былъ заключенъ; къ его счастью въ тотъ же день въ Ревель вернулись изъ Даніи и Бремена ревелскіе и орденскіе послы, несшіе кнехтамъ деньги, провіантъ, оружіе и порохъ; съ ними были и письма отъ Мунихгаузена, въ которыхъ онъ обѣщалъ лично явиться въ Ревель черезъ двѣ недѣли. Иксуля тотчасъ же освободили изъ заключенія, но положеніе его немного лишь улучшилось. Одинъ изъ сторонниковъ ордена, Рембертъ Гильсгеймъ, сдѣлалъ еще попытку уговорить Иксуля оставить крѣпость, но также неуспѣшно, какъ въ первый разъ. Тогда прибѣгли къ такой уловкѣ: кнехтамъ объявили, что датскій король отказался принять крѣпость подъ свою защиту и выразилъ согласіе передать ее ордену; вмѣстѣ съ тѣмъ Иксуля по-

просили показать королевскія грамоты, на основаніи которыхъ онъ принималъ командованіе въ крѣпости. Искулъ никакихъ грамотъ не имѣлъ и обѣщалъ представить таковыя ордену по прибытіи въ Ревель королевскихъ пословъ ¹⁾).

Такъ обстояли дѣла въ Ревелѣ, когда во второй половинѣ ноября неожиданно для всѣхъ туда явился самъ Кетлеръ. Послѣ взятія Рингена онъ сдѣлалъ нападеніе на русскій лагерь, гдѣ стояло до 12.000 человекъ, и преслѣдовалъ ихъ на разстояніи трехъ миль,—такъ онъ самъ доносилъ о своихъ военныхъ подвигахъ,—но во время преслѣдованія упалъ съ лошади и изъ-за незначительной раны велѣлъ увести себя въ Ревель ²⁾. Прибытіе его въ городъ произвело сильное замѣшательство среди кнехтовъ.

Уже на слѣдующій день, 23-го ноября, Кетлеру, проявившему необычайное упорство и настойчивость, удалось отозвать изъ крѣпости 105 кнехтовъ ливонцевъ. Всѣмъ дворянамъ, чиновникамъ и крестьянамъ, принадлежавшимъ къ крѣпости, онъ запретилъ помогать кнехтамъ и датчанамъ подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, оружія и т. д. и велѣлъ имъ все свозить въ Феллинъ. Изъ слѣдующіе дни кнехты продолжали выходить изъ крѣпости многочисленными отрядами. До 500 человекъ ихъ собралось на площади городского собора и здѣсь поклялись они въ вѣрности ордену. Оставшимся въ крѣпости Кетлеръ сталъ грозить открытою силою. Искулъ и прибывшій къ нему Дидерикъ Беръ не рѣшились вступить въ борьбу съ многочисленнымъ отрядомъ, собравшимся вокругъ Кетлера; они отправляли письмо за письмомъ къ Мунихгаузену и датскимъ посламъ, представляли имъ безвыходность своего положенія и молили о помощи. Отвѣта не послѣдовало. Тогда, вынужденные необходимостью, они вошли въ переговоры съ Кетлеромъ,—онъ добился своего. Во второй разъ онъ потребовалъ у нихъ королевской грамоты, которая уполномочивала ихъ занять крѣпость отъ его, короля, имени. Искулъ повторилъ, что у него никакой грамоты нѣтъ; Кетлеръ сталъ грозить штурмомъ. Тогда Искулъ и Беръ, которыхъ и городской совѣтъ сталъ склонять къ сдачѣ крѣ-

¹⁾ *Schirren*, I, 164 и далѣе; II, 274 и далѣе; *Mollerup*, 81—84; *Lossius*, I, 47.

²⁾ *Schirren*, I, 289. Русскіе источники говорятъ, что въ русскомъ лагерь было всего 2,000 чел. (Псковск. Лѣтописъ), а Курбскій и вовсе ничего не знаетъ о героическомъ подвигѣ Кетлера. Не прикрасилъ ли самъ Кетлеръ свой военный подвигъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ и въ донесеніяхъ о своей преданности ордену, патріотическомъ воодушевленіи и христіанскомъ настроеніи? (*Bienemann*, II, 207 и далѣе).

пости, согласились уступить ее Кетлеру, но съ условіемъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, что ихъ поступокъ былъ вынужденъ необходимостью и совершенною невозможностью продолжать защиту ея. 8-го декабря подписанъ былъ документъ о передачѣ крѣпости Кетлеру, но въ немъ не исполнено было условіе Иксуля и Бера, въ немъ не упомянуто было ни однимъ словомъ о безвыходномъ положеніи ихъ. Въ виду этого Иксуль и Беръ письменно протестовали противъ редакціи договора. 10-го числа они, тѣмъ не менѣе, сдали крѣпость Кетлеру ¹⁾. Желаніе Кетлера исполнилось. Онъ прекратилъ наступательныя дѣйствія противъ нихъ и поспѣшилъ въ Ревель, чтобы удержать крѣпость въ рукахъ ордена и предупредить вмѣшательство Даніи, но дорогою цѣною: русскіе удержали Дерптъ въ своей власти. Пробыли послѣдніе часы датскаго господства въ Ревелѣ. Данія потеряла всякое въ немъ значеніе; Кетлеръ и его партія видѣли въ сближеніи съ Польшей одно спасеніе для Ливоніи, одно средство обезпечить свои эгоистическія стремленія. Имъ надо было во что бы то ни стало отклонить вмѣшательство въ судьбы Ливоніи скандинавскихъ государей, и относительно Даніи это имъ вполнѣ удалось. До прибытія въ Ревель королевскихъ пословъ передача Кетлеру крѣпости была уже совершившимся фактомъ. О какихъ-либо переговорахъ съ Даніей теперь не могло быть и рѣчи: Кетлеръ вполнѣ успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Въ первыхъ числахъ декабря послы Христіана III были въ Ригѣ; сюда прибылъ и магистръ, сторонникъ датскаго протектората; онъ началъ съ ними переговоры о занятіи датчанами Ревеля и объ условіяхъ, на какихъ бы датскій король согласился взять на себя защиту ордена отъ враговъ его. Сюда же въ Ригу пришли и письма Иксуля и Бера, съ просьбою немедленно же оказать помощь въ виду требованій Кетлера. Положеніе датскихъ пословъ было очень затруднительное: съ одной стороны они должны были признать, что предпріятіе Мунихгаузена было совершено безъ всякаго вѣдома короля и противъ его желаній; съ другой—употребить всѣ свои старанія къ тому, чтобы не дать ордену утвердиться въ крѣпости Ревеля. Они обратились было къ Кетлеровымъ сторонникамъ, занявшимъ крѣпость, но не могли ничего добиться. Изъ рукъ Христіана III ушелъ за-

¹⁾ *Mollerup*, 84—85.

²⁾ *Lovius* I, 53: Das Schreckgespenst des von den elten Meister betriebenen Dänischen Bündnisses hat ihm in Nacken gesessen.

логъ его господства въ Эстляндіи. Фюрстенбергъ, начавшій переговоры съ королевскими послами, требовалъ покровительства и защиты какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, и занялъ послать, что не можетъ за незначительную сумму, какую предлагаетъ король, уступить ему лучшія части своихъ владѣній. Послы, видя, что уже ничего не добиться отъ Фюрстенберга, поставили ему слѣдующія, рѣшительно невыполнимыя, условія датскаго протектората: они требовали уступки Гарріи, Вирланда, Јегвепа и крѣпости Фелляна. Фюрстенбергъ, разумѣется, этихъ условій не принявъ, первоначальныя же условія соглашался принять, если послы не добьются примиренія Ливоніи съ Москвою, но съ оговоркою: если всѣ условія будутъ подтверждены германскимъ императоромъ. Сказавши магистру, что на это у нихъ нѣтъ никакого полномочія, послы просили его составить проектъ союза, который они по возвращеніи въ Данію согласны представить своему государю. Фюрстенбергъ приготовилъ свой проектъ 1-го января 1559 года; въ этомъ проектѣ говорится, что онъ, коадьюторъ, архіепископъ рижскій и остальные сословія Лифляндіи выражаютъ готовность уступить датскому королю Гаррію и Вирландъ съ Ревелемъ и Везенбергомъ, городъ Нарву съ окрестностями, Нейшлоесъ съ Тольсбургомъ, Вейсенштейномъ и всю область Јегвепа, если король приметъ подъ свое покровительство всю Ливонію и обязуется защищать ее противъ всѣхъ враговъ ея въ настоящемъ и будущемъ; затѣмъ, если онъ сохранитъ за городами и мѣстечками всѣ ихъ права и вольности. Со своей стороны магистръ обѣщалъ не начинать ненужныхъ войнъ безъ согласія на то датскаго короля, но коль скоро его земли подвергнутся нападенію извнѣ, король обязанъ защищать его. Наконецъ, орденъ выговаривалъ себѣ право добиться подтвержденія всѣхъ вышеприведенныхъ условій у германскаго императора. Весь проектъ, говорилось въ заключеніи, можетъ подлежать обсужденію только въ томъ случаѣ, если датскіе послы не добьются мира Ливоніи съ Москвою ¹⁾. Мы видѣли выше, что Христіанъ менѣе всего желалъ связать себя обязательствомъ защищать всю Ливонію отъ внѣшнихъ враговъ, Фюрстенбергъ же именно настаивалъ на такъ называемомъ генеральномъ протекторатѣ.

Такимъ образомъ, переговоры Даніи съ орденомъ ни на шагъ не подвинулись впередъ къ началу 1559 года.

Послѣдуемъ теперь за датскими послами въ Москву. Они стре-

¹⁾ Объ этомъ проектѣ см. *Mollerup*, 86—90.

мились, вѣдь, водворить миръ между царемъ и орденомъ, но никогда надежды на миръ не были такъ шатки, какъ въ 1559 году. Русскіе тогда прочно стояли въ Эстляндіи, и уже 130.000-ное войско ихъ появилось въ виду Риги. Орденъ выставилъ и такія требованія, которыхъ не принялъ бы ни одинъ побѣдоносный врагъ. Имѣя въ виду десятилѣтнее перемиріе, онъ требовалъ у Іоанна Грознаго возвращенія всего завоеваннаго, военной контрибуціи въ размѣрѣ пяти бочекъ золота и обѣщанія не вывозить изъ Дерпта и другихъ городовъ никакого имущества. Безсильный орденъ самъ чувствовалъ, что требованія его не выполнимы, а потому, чтобы выиграть время, поручалъ посламъ добиться лишь временнаго перемирія. Орденъ желалъ временнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, чтобы успѣть довести до конца переговоры о покровительствѣ какого нибудь нисземнаго государя. Датскіе послы напрасно добивались у намѣстниковъ Нарвы и Дерпта, чтобы они приостановили военныя дѣйствія до ихъ возвращенія изъ Москвы. Сюда они прибыли 19-го марта 1559 года и узнали, что въ ихъ отсутствіе умеръ Христіанъ III; Фридрихъ II, сынъ его, занявшій послѣ него престолъ, и рѣшившій оставить политику индифферентной уступчивости своего отца въ ливонскихъ дѣлахъ, прислалъ имъ новыя полномочія. Въ началѣ апрѣля датскіе послы были приняты канцлеромъ царя Иваномъ Михайловичемъ Висковатовымъ. Русскій лѣтописецъ такъ повѣствуетъ объ этомъ: „и били челомъ царю государю послы отъ короля Фредерика дацкаго, чтобы царь и великій князь учинилъ короля Фредерика съ собою въ любви, а велѣлъ людемъ своимъ съ его людьми торговати на обѣ стороны не возбранно, да пожаловалъ бы царь и государь для челобитья королева гнѣвъ отложилъ манстру ливонскому и всей землѣ ливонской, далъ бы хотя не на много покою ихъ землѣ, да били челомъ о Колывани, а называли Колыванъ дацкому королю послушну, и государь бы пожаловалъ Колывани воевать не велѣлъ“¹⁾. 8-го апрѣля у царскихъ совѣтниковъ, Адашева, Висковатова и другихъ, происходили продолжительныя препія съ датскими послами по вопросу объ Эстляндіи и Вирландѣ. Притязанія короля на эти области рѣшительно ни на чемъ не основаны, указывалъ посламъ Висковатовъ: ливонцы легкомысленно отдавались то подъ власть Даніи, то подъ власть императора и папы римскаго, то подъ власть Польши; всегда они руководились одною

¹⁾ Коненг. арх., Rusland; *Mollerup*, 90 и далѣе; *Лѣтописецъ Русскій (Ливонскій)*, V, 286 и далѣе.

цѣлью—не платить московскому царю той дани, которую предки ихъ обязались ежегодно давать московскимъ государямъ. Ливонцевъ Висковатовъ сравнивалъ съ невѣрнымъ слугою, который, укравши ночью у своего господина часть его имущества, продаетъ ее другому господину; послѣдній, принявъ украденное, нарушалъ законъ и справедливость. Царь, сказалъ одинъ изъ его совѣтниковъ, не уступить Даніи и пяди той земли, которая завоевана кровью его подданныхъ; московскіе государи не привыкли уступать кому бы то ни было покоренныя ими земли; они всегда рады заключить дружбу и союзъ съ иноземными государями, но ради этого вовсе не намѣрены жертвовать своими пріобрѣтеніями. Въ заключеніе переговоровъ Висковатовъ привелъ посламъ генеалогію своего государя отъ римскихъ императоровъ и сказалъ, что Эстонія уже 600 лѣтъ тому назадъ была завоевана русскимъ княземъ Георгіемъ-Юріемъ Владиміровичемъ. — Іоаннъ Грозный, отпуская пословъ, сказалъ имъ, что разрѣшаетъ подданнымъ датскаго короля торговать съ своими людьми „во всѣхъ своихъ городахъ въ русскихъ и нѣмецкихъ, въ Юрьевѣ и Ругодивѣ, и въ Новгородѣ Великомъ, и во Псковѣ“. Царь соглашался на шестимѣсячное перемиріе, отъ мая до ноября, но магистръ долженъ былъ за это время или самъ явиться въ Москву, или прислать туда пословъ „своихъ лучшихъ людей“, „за свои вины добити челомъ на всемъ на томъ, какъ ихъ государь пожелаетъ“. Относительно Ревели отвѣтилъ, „что безлѣпъ король называетъ Колыванъ и Вирляндскую землю своею, то данщики изъ-вѣчные ихъ царскіе, нынѣ ихъ государь хочетъ держать въ своемъ имени, и въ данномъ предлежаніи, и король бы въ Колыванъ и Вирляндскую не вступался“.

25-го апрѣля датскіе послы были уже въ Новгородѣ и отсюда извѣщали магистра о результатахъ своей миссіи ¹⁾. Въ появившемся

¹⁾ Коненгагенскій архивъ, *Rusland*, 30; *Møllerup*, 91—93. Сравнить:

Neue Zeitung. So ein Erbarer Rath der Stadt Reuel, von der Botchaft des Königs aus Dennemarckt, mündtlich gefragt vnd angehört, wie alle sachen yetzt zwischen dem Vchristlichen vnd Blutdürstigen Tyrannen, dem Grossfürsten in Moskaw, vnd den Tartern etc. ein gestalt oder gelegenheit hab, Auch sonderlich, wie die Tartern dem Blutdürstigen Grossfürsten, an dreyen orthten so starck im Land lygen, vnd zum theyl schier ausgebrandt, sonderlich des Grossfürsten verguldte Pallast etc. Wie dann ferners vnd mehres hienach volgend gehört vnd angezeigt wirdt.—Gedruckt zu Nürnberg, durch Georg Kreydlein. M. D. LXI. [Мюнх. библіотека Eur. 399 (24). Есть два экземпляра этой Zeitung; они разнятся только шрифтомъ].

Anno M. D. LX. Adi den XIII. Decembris in der Stadt Reuel.

въ Нюрнбергъ „Листкѣ“ можно было прочесть слѣдующее: бургомистры и ратманы Ревеля узнали отъ датскихъ пословъ, вернувшихся изъ Москвы, что московскія границы подвергаются нападеніямъ татаръ, выжегшихъ большую часть государства; это заставило вели-

Wir Burgermeister vnd Rathman der Stadt Reuel, haben begert von der Botschaft des König auss Dennemarckt, so yetzund auss der Moscau kommen, zu erfahren, Wie alle sach stehe, dann sie biss in acht Monnt da gelegen, haben sie frehndtlich gesucht, darauff sie vns geantwort haben: Es wären nun viersehen tag als er auss der Moscau gezogen, dafür er mit auffgehabnen henden Got gedanckt der jhme auss diesem Land geholffen hette, vnnnd wusste nichts anders sie zube, richten, dann von eytel vnd lauter Tyranney vnd verfolgung des Grossfürsten, Es lego jme eygentlich der Tartter im Land starck, an dreye orthen, vnnnd belangtiget die Moscouiter sehr mit prand, es wär schon das Moscouiter land schier zum theyl aussgeprandt, auch des Grossfürsten vergulte Pallast, vnd ziehe das meistetheyl volcks so im Lyflandt oder hie im Land gewesen, wider hinein, Sonderlich bey der Nacht, wie er selbst gesehen, vnnnd wären zu Naruon vnd Wesenberg, gantz wenig Retssen oder Moscouiter, vnd die Moscouiter im land wären gantz trawrig vnnnd verzagt. Es sey auch in jrem Land grosser hunger vnd thewre zeyt, das man getraid auss Lyfland, so er eingenomen, müss hinein füren, von Derpt vnnnd Wesenberg Tag vnd Nacht. Es lygen auch dreymeyl von Reuel die besten kundtschaffter auff Rügen, also das er gemeinklich auss allen orthen, in 5 tagen kundtschafft hat in der Moscau, Vnd da vns der vnglaublich angesehen, hat vns der auss Dennemarckt bericht, das er das vergangen jar het gewusst in 10 Tagen. was sich zu Pernaw mit Hertzog Magno in Deunemarckt hab zugetragen, man wusst das alles gross vnnnd klein, wie man da auch wol wayss, das die Königlich Maiestet zu Poln den Tarttern an sich gezogen. Es solten auch auff die Littauischen grentze 4000 Moscouiter vnd 4000 nach Schmalentz zur besatzung gelegt werden, vmb gefahr willen vō König. Man sagte da auch, das es dem Grossfürsten so gross vmb des Königs schwester zu thun allein, vmb der Tron zu Pola vnd das Land gewesst sey, sonst gebe er vm den König nit gross. Es sein auch wol in die 800, Mann von Pola zu Ross abgefallen, vnd dienen dem Moscouiter, darumb man sich im Ertzstift vnd die Statt Rügen wol fürsehen müge. Über den Ertzbischoff vnd Hertzog Christoff von Mechelburg ist der Moscouiter sehr erzürnet, Er meinet, den rechter Meister inn Lyfland hab er schon, ist aber noch nicht gefangen, vnnnd er rath das man die 2 Herren wol warnen soll, auch soll sich Coadiutor wol fürsehen.

Do man die Böttschafft fragt, wie es mit der Statt Reuel stünde, hatt er geantwort: Sie dürfften sich noch zur zeit nit so sehr fürchten, dieweil der Tartter im Landt lege, vnnnd brennet auff vil meyl wegs, thet jhm grossen schaden: Aber vmb die Fossuacht möcht sich die Statt fürsehen, dann so er wider den Tartter solt Uictoriam haben, ist er willens, das er mit aller, aciner macht auch personlich die belegern will, dan vmb dise statt ist es jm zuthun. Item hat er gesagt, mit den Polen hab er nichts zuthun, es seind gutte Leuth, aber mit der Littaw die woll er auch inn kurtz besehen, gar wild, Do rind noch vil wasser für, hehüt Gott.

каго князя отозвать свои войска изъ Ливоніи; въ Нарвѣ и Везенбергѣ русскихъ осталось очень не много; вслѣдствіе голода въ Россіи все вздорожало, и хлѣбъ туда свозить изъ Дерпта и Везенберга. У царя постоянные лазутчики, которые съ необыкновенною быстротою доносятъ ему обо всемъ, что совершается въ Ливоніи: въ пять дней вѣсти приходять въ Москву. Царь знаетъ, что польскій король поднялъ противъ него татаръ, но онъ не придаетъ большаго значенія Сигизмунду II. Отъ послѣдняго отпало 800 человекъ, перешедшихъ на службу къ Москвѣ. Какъ скоро татары оставятъ Россію, царь лично намѣренъ предпринять походъ къ Репелю; на литовской границѣ онъ выставилъ 4.000 чел. и столько же отправилъ къ Смоленску. О Фюрстенбергѣ датскіе послы говорили, что онъ хорошо содержится въ Москвѣ; такъ, ему позволили на 50 саняхъ свезти свое имущество изъ Ливоніи въ Россію. Въ Москвѣ послы встрѣтили англичанъ, которые къ Ливоніи *не расположены*.

Von den gefangnen auss Lyffland sagt er, das beyde Herren vnuud vom Adel, auch Reitter in die fünff hundert gefangen, vnd kläglich vmbgebracht weren: Aber den alten Herren Meyster helt er wol, lang, weiss man nit, Er hat inn die 50 Schlitten, darauff er sein geräth auss Lyfland in die Moscow führen lassen. Es seind auch Engellender inn der Moscow ankomen, gñnnen Ifland nicht vil guts. Und da wir die Hotschaft gefraget, ob er gutte antwort bekommen het, hatt er anzeygt. Der Mosconitisch Cantzler hab jhme die antwort geben, do er leuger dann acht Monat do gelegen: Nachdem er postweiss sey herkommen, soll er wider zůruck reysen, sein Keyser wolt zu gelegner zeyt bey einer Post. die antwort jhme zu entbieten lassen, Man hat jme aber gar kein Brieff nit geben. Er hat auch weytter angezeygt, das der Grossfürst in der Moscow vom Tarttern (Gott lob) also gebrennet worden, das man das Fewr inn die fünff Meyl wegs weyt gesehen hat, vnd es wär gross thrawren im Land, das auch die Moscouiter nit wissen, was sie am besten angehn solten. Zeyget auch an, Es wäre im Land gantz geringe Rñstung vnd wenn man möcht volck bey der hand haben, die Naruon vnuud Wesenberg, wär wol widerumb an sonderliche mühe zuerobern.

Ach Gott vom Hymel erbarin dichs, das man solches soll wissen, vnd nichts darzu thun will.

Er bericht vns auch so man Uelnir noch 5 tag het gehalten, es het kein noth gehabt, Gott sey es, klagt. Es ist ein reysiger Fürst auss der Podoli mit namen Wislaio wetzki zů Moscouiter gefallen, der ist Oberster weder die Tartern, der hatt dem Grossfürsten vmb gross hilff geschriben, sonst könne er vor den Tartern nicht bleiben, man warne den König von Poln, das er jme nicht zůuil vertrauw, das ist sein rathe, dann er ist schlim, sihet wie er die Poln gern auff sein seyten bringen möcht, aber es ist nichts guts zu jme sich zůversehen. Gott verleihe das Ifland wider zu dem seinen kome, vnd ein Christlichen Herren vber sie bekomme, Amen.

Въ Ливоніи между тѣмъ раздоры партій все увеличивались; сторонники Польши интриговали противъ представителей скандинавскихъ государей; никто изъ нихъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду пользы ордена, всѣ старались лишь о собственныхъ выгодахъ. Внутреннія смуты, интриги иностранныхъ государствъ—все это лишь ускорило паденіе аномальнаго для XVI столѣтія ордена. Военныя событія зимою 1559 года обнаружили совершенную неспособность ордена продолжать войну и непримѣрное въ исторіи малодушіе: все бѣжало предъ врагомъ, который нигдѣ почти не встрѣчалъ сопротивленія, городъ сдавался за городомъ. Мысль о необходимости прибѣгнуть при такихъ обстоятельствахъ къ покровительству одного изъ сосѣднихъ государей все болѣе и болѣе занимала умы. У представителей ордена не могло быть рѣчи о національномъ подъемѣ, замѣчаемомъ обыкновенно въ минуты сильнаго политическаго кризиса; средневѣковый корпоративный организмъ не могъ дѣйствовать единодушно; каждый отдѣльный членъ, каждая отдѣльная корпорация думали лишь о своихъ прерогативахъ и выгодахъ. Польская партія высоко подняла голову, когда Кетлеръ сдѣлался магистромъ. (Эти польско-ливонскія отношенія мы подробнѣе разберемъ ниже). Съ тѣхъ поръ какъ въ Ревелѣ убѣдились въ томъ, что Кетлеръ желаетъ продать Ливонію Польшѣ, тамъ снова ожили симпатіи къ Даніи. Датскіе послы прибыли сюда изъ Новгорода въ началѣ мая. Отсюда они отправились въ Венденъ, гдѣ тогда находился Фюрстенбергъ. Онъ, какъ мы видѣли, болѣе другихъ склоненъ былъ искать датскаго протектората и во всякомъ случаѣ предпочиталъ зависимость отъ Даніи зависимости отъ Польши. По его мнѣнію, Польша, утвердившись на берегахъ Двины, станетъ гораздо опаснѣе для цѣлости и самостоятельности ордена, нежели Данія, еслибы ей и уступили Эстляндію. Вскорѣ, однако, Фюрстенбергъ долженъ былъ разочароваться въ Даніи: Фридрихъ II далъ своимъ посламъ такую же по содержанію инструкцію, какъ и отецъ его, и запретилъ при новыхъ переговорахъ исходить изъ январскаго проекта самого магистра; этого проекта король не принялъ. При такихъ обстоятельствахъ, не порывая еще совершенно съ Даніей, Фюрстенбергъ вошелъ въ сношенія съ Швеціей. 9-го іюня онъ отпустилъ отъ себя датскихъ пословъ, сказавъ, что соглашается изъ своего проекта выкинуть только § о необходимости подтвержденія его германскимъ императоромъ; рѣшительнаго отвѣта онъ посламъ не далъ, поставивъ его въ зависимость отъ результатовъ переговоровъ Кетлера въ Польшѣ

и Германіи. Отпуская пословъ, онъ просилъ ихъ убѣдить короля спѣшить помощью, такъ какъ замедленіе ея заставитъ его обратиться къ другимъ государямъ. Онъ имѣлъ въ виду спаридить въ Данію еще новое посольство, но ему не суждено было осуществиться: Кетлеръ успѣлъ уже подписать знаменитый въ судьбахъ Ливоніи виленскій трактатъ.

Послѣ неудачной попытки датскаго правительства утвердить свое значеніе въ Эстляндіи, все вниманіе датской партіи въ Ливоніи устремилось на Эзельскую епископію, куда она желала назначить Магнуса, младшаго сына Христіана III. Географическое положеніе Эзеля дѣлало его срединнымъ пунктомъ между скандинавскими государствами и орденскими землями. Датчане ввели въ Эстляндію христіанство, а въ XVI столѣтіи содѣйствовали водворенію на Эзелѣ новаго ученія; съ тѣхъ поръ эзельскіе епископы, не смотря на то, что уже король Абель въ 1251 году отказался отъ всякихъ правъ на островъ, все-таки во всѣхъ своихъ спорахъ съ орденомъ обращались къ датскимъ королямъ, какъ третейскому судѣ; епископы искали у нихъ покровительства и всегда находили его. При посредничествѣ Готланда сношенія Эзеля съ Даніей были самыя оживленныя. Въ половинѣ XVI столѣтія епископскій столъ на Эзелѣ занималъ Іоаннъ фонъ Мунихгаузенъ ¹⁾; еще въ 1552 году онъ предлагалъ Христіану III уступить свое епископство его сыну; въ 1556 году онъ имѣлъ въ виду продать часть своихъ владѣній, заключилъ договоръ съ Генрихомъ фонъ Беромъ, допробостомъ въ Газенпотъ и готовъ былъ уступить ему за деньги коадьюторство въ курляндскомъ епископствѣ. Папа не утвердилъ этого акта, и тогда въ 1557 году Іоаннъ снова входитъ въ переговоры съ сторонниками Даніи. Въ это время въ Ливонію явились послы отъ датскаго короля съ цѣлью служить посредниками для примиренія Польши съ орденомъ; Іоаннъ воспользовался ихъ пребываніемъ въ Ливоніи и завелъ съ ними рѣчь на извѣстную намъ уже тему. Черезъ годъ Іоаннъ прямо уже обратился къ Христіану III, ища его покровительства; ему ничего такъ не хотѣлось—какъ выгодно продать свое епископство и удалиться въ Германію; жалѣть ему было нечего: эзельская епископія была ему чуждой, и всѣ интересы его были обращены на самообогащеніе тѣмъ или дру-

¹⁾ Переговоры его съ Даніей всесторонне рассмотрѣны въ прекрасномъ изслѣдованіи *Mollerup'a* (глава III). Ср. еще *Buase, Herzog Magnus; Rutenberg*—II, 470, *Richter* и др.

гнѣть путемъ; и рѣчи не могло быть о патріотическомъ чувствѣ у такихъ людей, какъ Іоаннъ Мунихгаузенъ, Вильгельмъ Рижскій и т. д. На право эти чужеземцы также обращали мало вниманія; такъ, извѣстно, что по постановленіямъ ландтаговъ и въ силу присяги, даваемой вповѣ назначасмыми епископами своимъ подданнымъ, епископы не могли безъ согласія всѣхъ сословій входить въ сношенія съ какими либо иностранными государями и назначать ихъ своими преемниками. Всякаго рода обязательства и законоположенія сдѣлались, однако, давно уже мертвою буквой въ Ливоніи, никто ими не стѣснялся, и всякій безъ труда обходилъ ихъ. Вильгельмъ, архіепископъ рижскій, первый, какъ мы видѣли, нарушилъ постановленія вольмарскаго рецесса, Іоаннъ же послѣдовалъ только его примѣру: труденъ бываетъ лишь первый шагъ.

Лѣтомъ 1558 года братъ Іоанна Христофъ фонъ Мунихгаузенъ велъ переговоры съ Христіаномъ III объ эзельской епископіи; никакихъ документальныхъ данныхъ мы не имѣемъ объ этихъ переговорахъ, но, что они привели къ нѣкоторымъ результатамъ, видно изъ краткой замѣтки, отправленной 1-го ноября Фридрихомъ Іоанну финляндскому; въ ней говорится: епископъ Эзеля, передалъ свой столъ сыну датскаго короля Магнусу. Герцога ждутъ предстоящимъ лѣтомъ. Ловкій дипломатъ и интриганъ Христофъ Мунихгаузенъ склонилъ къ своему плану и родственника своего Дидериха Бера—епископскаго фохта на Эзелѣ и губернатора Аренсбурга, обѣщая ему ежегодную пенсію въ 100 талеровъ. Эзель сталъ теперь средоточіемъ всѣхъ друзей и сторонниковъ Даніи; общимъ стремленіемъ ихъ было—сдѣлать Эзель владѣніемъ датской короны ¹⁾. Раннею весною 1559 г. Іоаннъ Эзельскій отправилъ своего брата въ Данію и уполномочилъ его—предложить эзельскую епископію сыну датскаго короля; Христіану Іоаннъ писалъ, что согласится подтвердить все, на чемъ онъ остановится и сойдется съ его братомъ. Но уже 1-го января 1559 года Христіанъ умеръ; сынъ его Фридрихъ продолжалъ его политику и тотчасъ же, послѣ похоронъ отца, возобновилъ переговоры объ Эзелѣ. Онъ понималъ всю важность владѣнія Эзелемъ въ виду близости его къ Финляндіи и Готланду и всѣми силами старался не допустить захвата его шведами. Первый годъ своего царствованія онъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ употребить всѣ силы для подавленія свободныхъ дитмарсовъ; онъ успѣшно окончилъ борьбу

¹⁾ *Mollerup*, 104.

съ небольшимъ народомъ и тогда уже могъ съ большимъ вниманіемъ отнестись къ ливонскимъ событіямъ. Въ іюніѣ къ нему явилось официальное посольство отъ эзельской епархіи; во главѣ его стояли ратсгерры Класъ Адеркасъ, Конрадъ Бурмейстеръ и Генрихъ Искууль. Инструкція, которою они были снабжены, была помѣчена 12-го іюня и скрѣплена подписями епископа Іоанна и домпробста Арнольда фонъ Фитингъ. Изъ этой инструкціи обнаружилось, что епископъ Эзелъ какъ будто отступалъ отъ прежнихъ своихъ намѣреній и желалъ испробовать, не приметъ ли молодой король эзельской епархіи при болѣе выгодныхъ для сей послѣдней условіяхъ. Условія, предложенныя королю Мунихгаузенюмъ, значительно разнились отъ тѣхъ, которыя имѣлъ въ виду теперь епископъ.

Указавъ сначала на добрыя отношенія, какія издавна существовали между Эзелемъ и датскою короною, послы, по предписанію епископа, должны были сначала добиться покровительства короля безо всякихъ по отношенію къ нему обязательствъ со стороны епархіи. Еслибы это не удалось, то они могли обѣщать королю помощь противъ русскихъ или другихъ враговъ короля и подчиненіе епископства датской коронѣ; наконецъ, еслибы король отвергнулъ и такое предложеніе, послы были уполномочены обѣщать королю отъ имени эзельской епархіи право назначать преемниковъ умершимъ епископамъ.

Только въ крайнемъ случаѣ посламъ разрѣшалось предложить королю покровительство надъ островомъ и право, по смерти епископа, дѣйствовать на немъ по своему усмотрѣнію, но съ согласія императора и съ обязательствомъ сохранить за епископомъ все его привилегіи ¹⁾.

Фридрихъ не мало былъ изумленъ новыми предложеніями эзельскаго епископа, такъ рѣзко расходившимися съ тѣмъ, что ему говорилъ Христофъ Мунихгаузенъ. Какъ въ первомъ предложеніи было много заманчиваго для Даніи, много обѣщающаго, такъ тутъ, въ новой инструкціи, не было ни одного пункта, который представлялъ бы Даніи какую нибудь выгоду; тутъ и рѣчи не было о покупкѣ и продажѣ, или о непосредственной уступкѣ острова Даніи. Въ новомъ предложеніи все было поставлено въ зависимость отъ смерти епископа, ею все обуславливалось; нужно было дождаться ея, и потомъ только открывалась перспектива къ активной политикѣ. Епископъ Іоаннъ не зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Фридрихъ II былъ король, который бы не рѣ-

¹⁾ *Mollerup*, 106.

шился рисковать силами своего небольшого королевства ради сомнительныхъ выгодъ. Іоаннъ же „игралъ въ двойную игру“, онъ желалъ выставить себя передъ орденомъ въ наилучшемъ свѣтѣ и попытаться достигнуть своей цѣли безъ большихъ потерь и жертвъ. Фридрихъ II велѣлъ сказать посланцу Іоанна, что отвѣта имъ не будетъ, такъ какъ господинъ ихъ, епископъ, раньше давалъ королю совершенно другія обѣщанія. Король готовъ принять епископство подъ свое покровительство только въ томъ случаѣ, если его немедленно уступать ему и предоставлять въ его распоряженіе.

При такомъ оборотѣ дѣлъ Христофъ Мунихгаузенъ, по просьбѣ своего брата, епископа, посѣтилъ Данію и тамъ быстро привелъ дѣло къ концу. 26-го сентября въ Нюборгѣ подписали соглашеніе, въ силу котораго право презентаціи и назначенія на должности въ Эзелѣ и Викингѣ должно принадлежать королю Даніи.

По пюборгскому трактату, въ которомъ, между прочимъ, снова выдвинули древнее право датскихъ королей на Эзелъ, король соглашался принять епископа Іоанна, капитулъ и всю снэрхію подъ свое покровительство, съ условіемъ, чтобы ему и будущимъ королямъ Даніи принадлежало право назначать и жаловать епископовъ каждый разъ, какъ стоить епископскій будетъ вакантнымъ, вслѣдствіе ли смерти епископа или другаго какого либо случая. Король соглашался сохранить за сословіями ихъ привилегіи и права; какъ скоро умиралъ тотъ или другой епископъ—король имѣлъ право занимать Аренсбургъ и руководить назначеніемъ новаго ¹⁾).

Христофъ Мунихгаузенъ обѣщалъ доставить королю подтвержденіе сентябрьскаго договора со стороны епископа, капитула и сословій.

Сентябрьскій трактатъ получаетъ значеніе лишь въ связи съ секретнымъ соглашеніемъ, состоявшимся между королемъ и Мунихгаузенъ того же 26-го числа. Въ немъ епископъ обѣщалъ уступить Эзелъ и Викингъ герцогу Магнусу, брату короля, ему же передать и Аренсбургъ за сумму въ 30.000 талеровъ; платежъ долженъ быть совершенъ въ два года по приведеніи трактата въ исполненіе и по избраніи Магнуса капитуломъ въ епископы. Фридрихъ въ этомъ же секретномъ договорѣ соглашался взять на себя и всѣ долги, лежашіе на епископствѣ, получивши предварительно инвентарь всѣхъ замковъ и крѣпостей ²⁾).

¹⁾ Ср. *Schirren*, III, 295; также—*Est-und Livl. Brieflade von Toll und Schwaan*, Riga 1879. *Mollerup*, 3-я глава.

²⁾ *Mollerup*, 168, приложение III.

16-го октября Дидерихъ Беръ и Конрадъ Бурмейстеръ отъ имени епископа подтвердили нюборгскій трактатъ. 9-го декабря Фридрихъ II писалъ къ маркграфу Вильгельму, что братъ его Магнусъ, съ согласія Іоанна Мунихгаузена и всѣхъ епископскихъ чинновъ, признанъ епископомъ эзельскимъ и викенскимъ ¹⁾. 7-го марта слѣдующаго 1560 года Іоаннъ Мунихгаузенъ составилъ окончательный актъ передачи всего епископства Магнусу и уѣхалъ въ Германію съ полученными деньгами. Фридрихъ достигъ двойной цѣли: во первыхъ, онъ освободился отъ конкуррента на гоштинскія владѣнія, во вторыхъ, онъ нашелъ пунктъ, откуда легко могъ препятствовать завоевательнымъ стремленіямъ Швеціи въ Ливоніи. Эзель въ рукахъ Даніи такой же важный пунктъ, какъ Ревель въ рукахъ шведовъ.

Уступка Эзеля Даніи сдѣлалась совершившимся фактомъ. Чужеземца Мунихгаузена замѣнилъ чужеземецъ же Магнусъ. Двойственная политика Іоанна сказалась всего яснѣе изъ того, что, давши уже свое согласіе на нюборгскій договоръ, онъ въ письмахъ къ архіепископу рижскому обнаруживаетъ желаніе сохранить самостоятельность Эзеля и жаловался на тяжкія условія, поставленныя ему Даніей; умалчивалъ о 30.000 талерахъ, онъ говоритъ, что приложить всѣ свои старанія, чтобы только добиться менѣе тягостныхъ условій датскаго протектората. Все это писалось въ октябрѣ, когда, не забудемъ, инструкція Беру и Бурмейстеру была уже составлена. Любопытенъ еще одинъ фактъ, характеризующій одного изъ членовъ Ливонскаго ордена, все того же Іоанна эзельскаго: трактатъ свой съ Даніей онъ заключилъ безъ согласія сословій, которыя узнали о немъ, когда онъ уже былъ ратификованъ обѣими сторонами. Сословія впослѣдствіи обвиняли Іоанна въ томъ, что онъ, имѣя въ виду только собственныя выгоды, слишкомъ далеко простеръ свою уступчивость; при большей твердости можно было, по ихъ мнѣнію, добиться менѣе стѣснительныхъ условій; они просили Фридриха II, чтобы онъ не давалъ Іоанну обѣщанныхъ 30.000 талеровъ, а помогъ лучше имъ въ борьбѣ со шведами и другими врагами. Король, разумѣется, не внялъ ихъ убѣжденіямъ; 16-го іюня 1560 года Іоаннъ получилъ 15.000 талеровъ, а 8-го іюля 1562 года остальную сумму ²⁾.

¹⁾ Brieflade Toll'a. Поведеніе Іоанна Эзельскаго и его духовныхъ коллегъ было на столько жалкое, что вызвало общее къ нимъ презрѣніе. Одинъ изъ современниковъ его воскликнулъ: „Wollt Gott ich kunde darzu Hulf vnd Ratt geben das die gotlosen Bischöfe ausgerottet würden, dan wo sie mitregieren, ist es numer wol gegangen“ (Schirren, I, 280).

²⁾ Mollerup, 110.

Новый епископъ Эзеля Магнусъ родился 26-го августа 1540 года ¹⁾. Ему было всего 19 лѣтъ, когда въ силу изложенныхъ дипломатическихъ комбинацій и „какой то ироніи судьбы“ онъ сдѣлался членомъ Ливонскаго ордена въ самый тягостный и критическій моментъ его существованія. О молодости Магнуса мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Образованіе онъ получалъ духовное, такъ какъ, будучи младшимъ сыномъ Христіана III, онъ предназначался къ занятію какого нибудь духовнаго мѣста, какъ и братъ его Іоаннъ ²⁾. Учителемъ Магнуса былъ сначала голландецъ Павелъ Новиомагусъ (изъ Нимвегена), придворный проповѣдникъ Христіана III и Доротен; затѣмъ съ 1553 года Каспаръ Муле—соборный пробытъ въ Рибѣ. Воспитаніе Магнуса было поручено Лукѣ Бакмейстеру, впоследствии профессору богословія въ Ростокѣ, человѣку строгому, суровому. Доротея, назначенная опекуницей своихъ дѣтей, внимательно слѣдила за ходомъ занятій и за образомъ жизни ихъ. Виѣшность Магнуса, по описанію ливонскихъ историковъ-католиковъ, была отталкивающей, но въ ихъ описаніи много преувеличеннаго и прямо нелѣпаго; всего болѣе они распространяются о томъ, что онъ былъ кривой; дѣйствительно, до двухъ лѣтъ еще онъ подвергся сильному воспаленію глазъ, стоявшему ему одного глаза ³⁾. Въ 1557 году Христіанъ III отправилъ Магнуса въ Саксонію ко двору Августа, гдѣ онъ съ небольшими перерывами оставался до 1559 года. Цѣлью отправленія его за границу было дать ему возможность ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, приобрести практическія свѣдѣнія въ дипломатіи, развитъ, расширить свой кругозоръ. Дворъ Августа Саксонскаго вполне соотвѣтствовалъ этому намѣренію Христіана III; сюда съѣзжались выдающіеся государственные люди какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; это былъ первый дворъ въ Германіи во второй половинѣ XVI вѣка. Главныя черты характера Магнуса опредѣлились уже въ

¹⁾ *Möllerup*, 111; *Шиманъ*, 81, неправильно относитъ день рожденія Магнуса къ 7-му января, а *Виссе*, 2,—къ 7-му сентября. Ср. *Sonntag*, König Magnus, in Grave's Caritas, 1831. *A. Döbner*, K. Magnus von Livland und Zaar Iwan IV von Russland. Riga. Almanach, 1868.

²⁾ Фридрихъ II имѣлъ въ виду сдѣлать Іоанна коадьюторомъ Бремена; ему помогали въ этомъ курфюрстъ Саксонскій и герцогъ Брауншвейгскій. Ср. *Aersbetsreisinger*, I, 137—139.

³⁾ *Sonntag*, 206: man könnte jenes physische Portrait ausdeuten zu einer symbolischen Darstellung seiner geistigen und sittlichen Eigenthümlichkeiten, so wie der ganzen Rolle, die er in der geschichte gespielt hat.

юношескихъ годахъ его; это—безграничное легкомысліе, расточительность, чувственность рядомъ съ общительностью и ласковостью. Христіану III знакомы были эти черты характера его сына, почему онъ нерѣдко и обращался къ курфюрсту и его супругѣ съ просьбой строже слѣдить за сыномъ. Приходо-расходныя книги гофмейстера Виргера Тролле—лучшее свидѣтельство распутства молодого принца.

Девятнадцати лѣтъ Магнусъ имѣлъ уже право получить свой наѣлъ въ герцогствахъ Шлезвигъ и Гольштиніи. Чтобы избѣгнуть дѣлажа король искалъ для Магнуса какого либо духовнаго стола; вниманіе его было обращено на Шлезвигъ и Гильдесгеймъ, на коадьюторство въ рижской архіепископіи, на Любекъ, Бременъ и, наконецъ, Эзель. Фридриха II занимала та же мысль; во время коронаціонныхъ празднествъ въ Копенгагенѣ между прочими вопросами былъ поднятъ и вопросъ о герцогствахъ. Магнусъ тогда же объявилъ, что отказывается отъ своей части въ герцогствахъ, если только избраніе его на эзельскій столъ состоится. Тогда же въ началѣ 1559 года составленъ былъ и такъ называемый „условный отказъ“ Магнуса отъ герцогствъ. Съ согласія вдовствующей королевы Доротей, Магнусъ, надѣясь на осуществленіе проекта относительно Эзеля, отказывался въ пользу Фридриха отъ отцовскаго наслѣдства и своей части въ Шлезвигѣ, Гольштиніи, Стормарѣ и Дитмарсенѣ; Магнусъ отказывался и отъ всякихъ духовныхъ и свѣтскихъ правъ въ герцогствахъ. Фридрихъ принималъ этотъ условный отказъ и отъ себя далъ Магнусу обѣщаніе возвратитъ ему его часть изъ отцовскаго наслѣдства, какъ скоро выяснится, что надежды на эзельскую епископію не осуществятся. Тутъ же, въ Копенгагенѣ, произведенъ былъ и раздѣлъ между братьями всего движимаго имущества Христіана III.

По заключеніи нюрнбергскаго трактата съ Іоанномъ эзельскимъ Фридрихъ II велѣлъ снарядитъ въ Копенгагенѣ три корабля, которые и должны были доставитъ Магнуса на Эзель съ 300 вооруженныхъ кнехтовъ. Король сдѣлалъ распоряженіе и относительно доставки Магнусу платья, утвари, провіанта и т. д. Магнусъ съ своей стороны обнаруживалъ какую-то лихорадочную торопливость, не внималъ ничьимъ совѣтамъ и снѣшилъ лишь отъѣздомъ. 10-го декабря онъ передалъ королю свой условный отказъ и тогда же получилъ отъ него 7.000 талеровъ для уплаты жалованья кнехтамъ въ Аренсбургѣ. Изъ Нюрнберга Магнусъ поспѣшилъ въ Копенгагенъ, чтобы тамъ лично наблюдать за постройкою кораблей и снаряженіемъ ихъ. Совѣтниками Магнусу король назначилъ рейхсратманновъ Lave Brade и Klas Urne

Кромѣ того многіе молодые дворяне выразили желаніе сопутствовать Магнусу—кто изъ расположенія къ нему, кто изъ страсти къ приключеніямъ. Въ февралѣ 1560 года Магнусъ прибылъ на Готландъ; адсь льды и бури задержали его цѣлыхъ шесть недѣль. Только въ половинѣ апрѣля герцогъ высадился на Эзелѣ съ 400 кнехтовъ. Какъ скоро Іоаннъ узналъ о его высадкѣ, онъ поспѣшилъ на встрѣчу герцогу со всѣмъ капитуломъ, ратомъ и рыцарствомъ и передалъ замокъ въ руки Магнуса; гарнизонъ замка уже болѣе года стоялъ на службѣ Даніи. 13-го мая произошло торжественное отреченіе Іоанна отъ епископства; въ присутствіи Магнуса онъ передалъ знаки своей власти въ руки капитула, освободилъ своихъ подданныхъ отъ присяги и побудилъ немедленно приступить къ избранію новаго господина. Капитулъ собрался въ дворцовой капеллѣ и „свободно, безъ принужденія“ избралъ Магнуса въ епископы. Изъ замка его съ большою торжественностью проводили въ церковь; послѣ службы громогласно объявили его епископомъ и пропѣли „Тебе Бога хвалимъ“. Вернувшись въ епископскій дворецъ, Магнусъ принялъ отъ капитула ключи и мечъ—знаки епископской власти; во внутреннихъ покояхъ ему присягнули въ вѣрности—какъ епископу и господину. Черезъ нѣсколько дней Магнусъ подтвердилъ за дворянствомъ и другими сословіями ихъ привилегіи и даровалъ имъ нѣкоторыя новыя, надѣясь щедростію и обѣщаніями наградъ составить себѣ сильную партію, а затѣмъ уже какъ можно выгодноѣе обставить свое участіе въ борьбѣ изъ за Ливоніи. 17-го августа сословія скрѣпили своими подписями нюборгскій трактатъ.

Прибытіе датскаго принца на Эзелъ пробудило въ ливонцахъ самыя свѣтлыя надежды; прекратятся смуты, враги перестанутъ насъ тревожить, думали и говорили обрадованные жители страны. Всѣ схватились за Магнуса, „какъ утопающій за соломинку“. Магнусъ, недавній виттенбергскій студентъ, дѣйствительно, представлялъ соломинку положеніе его было шаткое и неопредѣленное. Кетлеръ уже успѣлъ склонить Сигизмунда Польскаго принять на себя покровительство и защиту Ливоніи; въ залогъ ему магистръ уступилъ около $\frac{1}{4}$ части всѣхъ своихъ владѣній съ правомъ выкупить ихъ послѣ войны за 60.000 гульденовъ; величина суммы, однако, показываетъ уже, что залогъ былъ равносильнъ совершенной уступкѣ, да и самъ король смотрѣлъ на полученныя въ залогъ крѣпости, какъ на неотъемлемую собственность. Помощи же онъ никакой не оказывалъ Кетлеру и какъ будто выжидалъ лишь того времени, когда орденоскія владѣнія сдѣлаются его добычей. Помощи отъ германской имперіи орденъ также

тището ожидалъ; помимо своей слабости и несамостоятельности Фердинандъ былъ недоуленъ Кетлеромъ за виленскій договоръ съ Польшей. Швеція также не подавала никакой надежды на помощь. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ русскіе съ новыми полчищами вторглись въ несчастную Ливонію, и смуты и междоусобія внутри ордена не только не прекращались, но и усиливались. Очень понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ взоры всѣхъ обратились на Магнуса.

Дѣло, предстоявшее Магнусу было весьма труднымъ; ему нужно было поладить и съ Кетлеромъ, который уже на ландтагѣ 1566 года въ Ригѣ открыто заявлялъ о своихъ секуляризационныхъ планахъ, — предъ глазами его былъ примѣръ Пруссіи, — и съ городами, стремившимися къ самостоятельной и отдѣльной отъ ордена политикѣ, и съ вышними врагами: Польшей, Швеціей, Россіей. Въ виду слѣдуетъ имѣть еще и не исполнѣ выясненныя отношенія новаго епископа къ своему брату королю. Въ нюрнбергскомъ договорѣ Фридрихъ II обязывался взять Эзель подъ свое покровительство; другими словами, онъ обязывался помогать Магнусу, но какъ далеко это обязательство простиралось, — не было опредѣлено. Все въ трактатѣ было неопредѣленно, темно, шатко; самыя отношенія Магнуса къ датской коронѣ также не имѣли характера исполнѣ яснаго и точнаго. Все это и послужило источникомъ сложныхъ и безконечно длившихся недоразумѣній и создало такія сложныя политическія комбинаціи, которыя Магнусу и его молодымъ и неопытнымъ совѣтникамъ не подъ силу было побороть ¹⁾.

Г. Фортенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Mollerup*, 127.

Часть ССLXXXII (1892, № 10), отд. 2.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ АѢИНЫ¹⁾.

(Изъ не изданныхъ сочиненій М. С. Кутурги).

VII.

Еллинискіа названія оброка. — 'Αναφορά и ἀποφορά. — Двойственное опредѣленіе слова ἀποφορά въ трудахъ греческихъ грамматиковъ и писателей. — Дѣлотное положеніе особнннхъ. — Имущество аѢииннхъ: φαγὰρὰ и οὐαία ἀφανής. — Соврнтіе имущества. — Подоходный налогъ (εἰσφορά). — Повнннхн (ὀποτέλεσμα). — Плата за наемный трудъ — μισθός. — Оброкъ — ἀποφορά. — Подать — ἀποφορά. — Заннмствованія Плутарха. — Φέρος у Продота и Эукиида.

Аммоній²⁾ пишетъ: „Αποφορά, отнесеніе, относь, и Εἰσφορά, взносъ, различны. Αποφορά—деньги, выдаваемые рабами господамъ, что обозначается такъ же словомъ 'Αναφορά, подношеніе; Εἰσφορά—деньги, выдаваемые гражданами“. Нѣсколько далѣе, въ другой статьѣ, Аммоній³⁾ прибавляетъ: „Αποφορά есть подать, дань, называемая нынѣ φόρος“. Валькенарій въ своемъ изданіи замѣчаетъ, что Аммоній, принимая оба выраженія: ἀποφορά и ἀναφορά однозначащими, будто бы разумѣлъ различныя эпохи и потому полагаетъ, что слово ἀποφορά есть первоначальное, древнее, которое за-

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую книжку Журн. Мин. Нар. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Аммоній: 'Αποφορά καὶ Εἰσφορά διαφέρει. 'Αποφορά μὲν γὰρ ἐστὶ τὰ ἀπὸ τῶν δοῦλων τοῖς δεσπότηαι παραχόμενα χρήματα, ἣν καὶ 'Αναφορὰν καλοῦσιν Εἰσφορά δέ, τὰ ὑπὸ τῶν πολιτῶν.

³⁾ 'Αποφορά καὶ 'Αναφορά διαφέρει. 'Αποφορά μὲν γὰρ ἐστὶν, ὁ νῦν καλούμενος φόρος.

мѣнили во время Аммоніи словомъ ἀναφορά. По этой причинѣ, говоритъ Валькенарій ¹⁾, необходимо вставить въ первую статью Аммоніи слово: нинѣ, νῦν, и написать: что называютъ нинѣ ἀναφορά. Это замѣчаніе Валькенарія не только излишне, но и противорѣчитъ самому Аммонію, который ясно свидѣтельствуетъ, что въ его время вмѣсто ἀποφορά употребляли выраженіе φόρος, хотя подлинно не извѣстно, что обозначали словомъ φόρος современники Аммоніи.

Въ этихъ двухъ статьяхъ Аммоніи, правда, нѣтъ той точности и опредѣленности, которыми отличаются вообще толкованія сего грамматика; въ нихъ усматриваемъ однако два весьма цѣнныхъ свидѣтельства. Аммоній единственный изъ всѣхъ еллинскихъ грамматиковъ, у кого встрѣчаемъ извѣстіе, что слово ἀναφορά было наименованіемъ той денежной повинности, на уплату которой своимъ господамъ обрекались рабы въ Греціи и которую позволяемъ себѣ сравнить съ еще недавно существовавшимъ въ Россіи оброкомъ. Другими словами: 'Аναφορά, подношеніе, значить, по нашему мнѣнію, оброкъ. Столь же любопытное извѣстіе заключается и во второй статьѣ Аммоніи, гдѣ сказано, что смыслъ слова ἀποφορά тождествененъ съ смысломъ слова φόρος, а такъ какъ φόρος значить у лучшихъ писателей подать и дань, то, слѣдовательно, и слово ἀποφορά употреблялось въ томъ же значеніи. Валькенарій ²⁾ утверждаетъ, но совершенно бездоказательно, что вторая статья не принадлежитъ самому Аммонію, а приписана кѣмъ либо впоследствии; еслибы даже это, ни на чемъ не основанное, предположеніе и подтвердилось, то оно нисколько не измѣняетъ вѣса показанія, ибо сообщаемое въ статьѣ толкованіе оказалось бы только замѣняемымъ у другаго не менѣе достовѣрнаго грамматика. Итакъ Аммоній говорить, что ἀναφορά значить оброкъ, а словомъ ἀποφορά обозначалась часть плата рабовъ господамъ, частью же подать и дань.

Показанія остальныхъ толковниковъ, хотя по существу и не

¹⁾ Валькенарій, примѣчаніе 5: ἦν καὶ 'Αναφορὰν χαλοῦσιν]. Haec primum ab alia manu videbantur inserta; sed fallebar. Legendum: ἦν καὶ 'Αναφορὰν νῦν χαλοῦσιν nunc, vulgo, ea ratione hunc locum cepit Valesius. Это толкованіе Валькенарія не извѣстно.

²⁾ Валькенарій, примѣч. 9: 'Αποφορά]. Inter alia, quae a librariis Ammonio fuerint obstrusa, haec nota sine dubio referenda est, quod e superiori observatione manifestum: etsi M. S. hanc etiam notam agnoscit, et in fine legit: ἡ δὲ ἀποφορά φερόμενος ἄριστος.

противорѣчать разъясненіямъ Аммонія, наложены однако вѣскольکو иначе и уклоняются отъ него въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ изъ нихъ содержится преимущественно одно значеніе слова, между тѣмъ какъ у Аммонія совокуплены два, при томъ совершенно различныя. У Полидевка читаемъ ¹⁾: „Акофорѣ означаетъ не только отступление, но и плату податей и дани“. Грамматикъ употребилъ здѣсь слово φόροι, которое служило наименованіемъ и податей и дани; потому я не извѣстно: разумѣлъ ли онъ тѣ и другія вмѣстѣ, или какой либо одинъ изъ сихъ двухъ предметовъ; намъ кажется вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ въ виду не только подати, но и дани, платимыя подчиненными союзниками, такъ какъ о нихъ говорятъ и другіе, равноѣрно приводимые нами вслѣдъ за сими, грамматикъ. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что толкованіе, составляющее вторую статью у Аммонія, почерпнуто въ словарь Полидевка, или у того древнѣйшаго грамматика, который послужилъ имъ обоимъ общимъ источникомъ.

Согласно съ Полидевкомъ придаютъ слову ἀκοφορά значеніе дани Птолемѣй Аскалонскій, Θωμα Магистръ, въ монашествѣ Θεοδουλъ, и составитель Гудова этимологика. Птолемѣй ²⁾ пишетъ: „Акофорѣ есть дань подчиненныхъ (республикъ) своимъ правителямъ (то-есть, господствующей республикѣ); εἰσφορά же есть даніе гражданъ въ республику на пользу общины“. Здѣсь весьма замѣчательно употребленіе слова ὑπήκοοι, прямо указывающее на дань, которую аѳиняне вѣняли съ подчиненныхъ себѣ союзниковъ. Менѣе точны въ своихъ выраженіяхъ другіе толковники, хотя налагаютъ ту же самую мысль безъ всякаго различія. „Акоφάρειν, говоритъ Θωμα ³⁾,

¹⁾ Полидевъ, кн. 3, гл. 16, σημ. 94: Καὶ ἀκοφορὰ, οὐχ ἡ ἀκομιδὴ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἡ τῶν φόρων καταβολή. — Помѣстивъ здѣсь слово ἀκομιδὴ, Полидевъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду Фукидиду, на котораго онъ непосредственно предъ тѣмъ ссылается и который пользуется этимъ словомъ, говоря, въ письмѣ Θεμισстола къ Артаксерксу, объ отступленіи Ксеркса изъ Греціи. См. Фук. кн. 1, гл. 137, § 4.

²⁾ Πτολεμαίου τοῦ Ἀσκαλωνίτου περὶ διαφορὰς λέξεων. Издано въ I. A. Fabricii Bibliotheca Graeca, ed. nova curante G. C. Harles. vol. sextum (Hamburgi. 1798. in 4°). pag. 157—164:

Статья 91: Ἀκοφορὰ — ἡ τῶν ὑπήκων τοῖς ἀρχουσιν ἐπιτελούμενον. εἰσφορὰ δὲ ἐστὶν ὑπὸ τῶν πολιτῶν δημοσίας ἐνδεᾶς ὑφείας ἐπιδόμενον τῇ πόλει.

³⁾ Θωμα Магистръ, въ статьѣ Ἀποφάρεσθαι ἀποφάρειν δὲ καὶ ἀκοφορὰ τὰ παρὰ τῶν ἡττόνων τοῖς μείζονσι παρεχόμενα ὑφιστά. Θεουκλίδης ἐν τῇ πέμπτῃ τάλαντον ἔταψαν τῷ Διὶ τῷ Ὀλυμπίῳ ἀποφάρειν.

и апофорá значитъ доходъ, доставляемый слабыми сильнѣйшими", и въ доказательство вѣрности своего опредѣленія ссылается на Эукидида, который пользуется этимъ выраженіемъ при разсказѣ о ежегодной платѣ таланта, наложенной въ пользу олимпійскаго Зевса. Въ Гудовомъ этимологикѣ объясняется различіе словъ апофорá и εἰσφορά и по этому поводу сказано ¹⁾: „Апофорá есть дань, уплачиваемая подчиненными своимъ властелинамъ; εἰσφορά же есть денежная повинность, тó ὑποτέλεσμα, вносимая гражданами въ общину“.

Въ смыслѣ платы, подносимой рабами своимъ господамъ владѣльцамъ, понимаютъ слово апофорá Свида и Георгій или Григорій, митрополитъ коринескій. Свида жилъ въ концѣ одиннадцатаго и въ началѣ двѣнадцатаго столѣтій, что мы надѣмся наложить въ другомъ разсужденіи; Георгій Коринескій, по изслѣдованію Леона Аллатія ²⁾, правилъ епархією въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія и былъ, слѣдовательно, если не старѣйшимъ современникомъ Свида, то ближайшимъ его послѣдователемъ. Свида ³⁾ пишетъ: „Апофорá у Иродота денежная повинность рабовъ господамъ“; его повторяетъ Георгій Коринескій ⁴⁾ слово въ слово, выпустивъ только выраженіе: у Иродота; такъ что оба показанія составляютъ собственно одно. Но Свида, сославшись на Иродота, обнаружилъ явное недоразумѣніе, ибо Иродотъ говоритъ, какъ увидимъ, не о рабахъ Египта, а

¹⁾ Etymologicum graecae linguae Gudianum ed. Sturzianus (Lipsiae. 1818, in 4°), въ статьѣ 'Αποφορά (pag. 69): 'Αποφορα εἰσφορα διαφέρει. ἀποφορὰ μὲν γὰρ ἐστὶ τὸ ὑπὸ τῶν ὑποτασσάμενων τελοῦμενον τοῖς δεσπόταις. το δὲ ὑπὸ τῶν πολιτῶν δημοσίᾳ διδόμενον ὑποτέλεσμα καὶ εἰσφορὰ.

²⁾ Γεώργιος (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Γρηγόριος) Παῖδος Μητροπολίτης Κορινθίου. Παῖδος было его свѣтскимъ именемъ.

Leonis Allatii Diatriba de Georgiis. Это сочиненіе знаменитаго римскаго ученаго, по происхожденію грека и уроженца острова Хиоса, издано въ 1644 г., въслѣдствіи въ Парижѣ 1651 года и перепечатано въ Fabricii Bibliotheca Graeca, ed. nova, curante Harless, чѣмъ я и пользуюсь. См. vol. 12 (Hamburgi, 1809, in 4°), стр. 1—137. О Георгіѣ Коринескомъ, статья 72, стр. 122—127.

Ср. сверхъ того въ той же Bibl. graeca, vol. 6 (Hamb. 1798, in 4°) стр. 195 и 196.

³⁾ Свида въ словѣ ἀποφορὰν..... Καὶ Ἀποφορὰ παρὰ Ἡροδότῃ ἡ τελοῦμένη παρὶ τῶν δούλων τοῖς δεσπόταις.

⁴⁾ Gregorii Corinthii et aliorum Grammaticorum libri De Dialectis linguae graecae ed. G. H. Schaefer (Lips. 1811, in 8°). См. pag. 625.

De Dialecto Ionica, § 127: Ἀποφορὰν δὲ τὴν τελοῦμένην παρὶ τῶν δούλων τοῖς δεσπόταις.

о свободныхъ землевладѣльцахъ, платившихъ фараонамъ поземельную подать. По этой причинѣ толкованія Свида и его подражателя Георгія Коринескаго не могутъ имѣть того вѣса, который требуется для рѣшенія предстоящаго вопроса.

Итакъ, въ трудахъ греческихъ грамматиковъ находимъ двойственное опредѣленіе слова *ἀποφορά*: одни, именно Полидевкъ, Птолемей Аскалонскій, Ома Магистръ и составитель Гудова этимологика, разумѣютъ подъ этимъ словомъ дань; Аммоній же, признавая сообразно съ ними такъ же смыслъ дани и подати, присоединяетъ еще значеніе платы рабовъ господамъ, присовокупляетъ однако, что подобная плата обозначалась равномѣрно словомъ *ἀναφορά*. Весьма своеобразно показаніе Исихія, который пишетъ: *ἀποφόρος*: *ἀδυνατότερος*, слабѣйшій, немощный, обозначая тѣмъ, вѣроятно, чловѣка, платившаго апофору; но не извѣстно, въ какой именно разрядъ онъ его причисляетъ, такъ какъ онъ ограничивается этими двумя словами. Познакомившись съ разъясненіями толковниковъ, обратимся къ самимъ еллинскимъ писателямъ и постараемся узнать то понятіе, которое они соединяли съ словами: *ἀποφορά* и *ἀναφορά*, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить или различіе, существовавшее въ употребленіи сихъ двухъ выраженій, или тождественность ихъ смысла, если только она вообще возможна.

Послушаемъ Иродота (на него же ссылается Свидя): „Жрецы говорили, повѣствуетъ историкъ ¹⁾, что царь Сесостридъ надѣлилъ всѣхъ египтянъ землею, давъ каждому во владѣніе равный съ другими четырехугольный участокъ; съ этихъ надѣловъ онъ получалъ доходы, установивъ съ cadaго известную ежегодную подать, *ἀποφορὴν ἐπιτέλειν*“. Въ томъ же смыслѣ поземельной подати употребляетъ это выраженіе Аристотель въ Политикѣ, гдѣ, разбирая предположеніе Платона о введеніи особаго сословія землевладѣльцевъ, напоминающее Сесостридово учрежденіе надѣловъ въ Египтѣ, пишетъ ²⁾: „Сократъ признаетъ земледѣльцевъ, несущихъ поземельную подать, *οἱ γεωργοὶ ἀποφορὰν φέροντες*, полновластными владѣтелями своихъ участковъ (такъ сказать, примѣняя новѣйшее выраженіе къ древнему еллинскому міру, полновластными помѣщиками)“.

¹⁾ Ирод. кн. 2, гл. 109, § 1: Κατανεῖμαι δὲ τὴν χώραν Αἰγυπτίοισι ἅπασι τοῦτον ἔλεγον τὸν βασιλεῖα, κληρὸν ἴσον ἑκάστῳ τετράγωνον δίδοντα, καὶ ἀπὸ τοῦτο τοὺς προσόδους ποιήσεσθαι, ἐπιτέλειντα ἀποφορὴν ἐπιτέλειν κατ' ἑνιαυτόν.

²⁾ Аристот. Полит. кн. 2, гл. 2, § 18: "Ἐτι δὲ κυρίους κοινῇ τῶν κτημάτων τοὺς γεωργοὺς, ἀποφορὰν φέροντας.

Чаще названных писателей, пользовался словом *ἀποφορά* Плутархъ, что весьма естественно при разнообразіи содержанія его жизнеописаній; онъ и употребляетъ это выраженіе въ различномъ смыслѣ. Значеніе поземельной подати встрѣчается въ жизнеописаніяхъ Тиверія и Кая Гракховъ, гдѣ Плутархъ упоминаетъ о существовавшемъ въ Римѣ учрежденіи раздачи земельных надѣловъ съ платою опредѣленной, ежегодной подати. „Римляне, говоритъ онъ ¹⁾, отнятую войною у сосѣдей землю, частью продавали, частью же, обративъ оную въ общественную, надѣляли ею бѣдныхъ, немощныхъ гражданъ, обязанныхъ вносить за нее республикѣ умѣренную подать“. Въ жизнеописаніи Кая Гракха, Плутархъ разсказываетъ о противоборствѣ сего трибуна съ Ливіемъ Друзомъ, выставленнымъ сенатомъ не для пользы и чести республики, а только съ цѣлью низвергнуть, или по крайней мѣрѣ унизить Гракха. „Сенатъ, пишетъ біографъ ²⁾, преслѣдовалъ съ ненавистью, называя льстецомъ толпы, Кая за то, что онъ предоставлялъ бѣднымъ надѣлы съ платою въ казну республики поземельной подати съ каждаго участка, и благоволилъ Ливію, который освобождалъ отъ этой подати даже самихъ уже надѣленныхъ“.

Въ значеніи дани, слово *ἀποφορά* встрѣчается, кромѣ Ксенофонта, сколько мы могли найти, только однажды, именно у Плутарха въ жизнеописаніи Аристиды по поводу денежныхъ повинностей, предназначенныхъ первоначально для продолженія войны противъ Персовъ, и имъ весьма справедливо распределенныхъ. „Еллины, говоритъ Плутархъ ³⁾, еще при военачальствѣ лакедемонянъ платили нѣкоторую дань, *ἀποφοράν*, на веденіе войны (съ персами). Желая теперь установить правильное ея распредѣленіе между отдѣльными республиками, они просили у аэианъ Аристиды и довѣрили ему,

¹⁾ Плут. Т. Гракхъ, гл. 8, § 1: Ῥωμαῖοι τῆς τῶν ἀστυγεϊτόνων χώρας ὅσην ἀπετέμοντο πόλεμῳ, τὴν μὲν ἐπίπρασκον, τὴν δὲ ποιούμενοι δημοσίαν ἐδίδοσαν νέμεσθαι τοῖς ἀκτῆμοσι καὶ ἀπόροις τῶν πολιτῶν ἀποφοράν οὐ πολλήν. εἰς τὸ δημόσιον τελοῦσιν.

²⁾ Плут. К. Гракхъ, гл. 9, § 2: Κάκεινφ μὲν, ὅτι χώραν διένειμε τοῖς πένησι πρόσταξας ἑκάστῳ τελεῖν ἀποφοράν εἰς τὸ δημόσιον, ὡς κολακεύοντι τοὺς πολλοὺς ἀπηχθάνοντο, Λίβιος δὲ καὶ τὴν ἀποφοράν ταύτην τῶν ναιμαμένων ἀφαιρῶν ἤρεσκεν αὐτοῖς.

³⁾ Плут. Аристидъ, гл. 24, § 1: Οἱ δ' Ἕλληνες ἐτέλουν μὲν τινα καὶ Λακεδαιμονίων ἡγουμένων ἀποφοράν εἰς τὸν πόλεμον, ταχῆναι δὲ βουλόμενοι κατὰ πᾶν ἑκάστοις τὸ μέτρον, ᾗτῃσαντο παρὰ τῶν Ἀθηναίων Ἀριστείδην καὶ προσέταξαν αὐτῷ χώραν τε καὶ προσόδους ἐπισκεψάμενον ὁρᾶσι τὸ κατ' ἀξίαν ἑκάστῳ καὶ δύναμιν.

осмотрѣвъ страну и доходы, назначить взносы по средствамъ и возможности каждаго изъ союзниковъ". Продолжая разсказъ, Плутархъ выставляетъ высокую правдивость Аристиды, который, обладая неограниченною властью, бѣднымъ вышелъ изъ Аѳинъ и еще бѣднѣе возвратился, но произвелъ росписаніе повинностей съ точностью, справедливостью и при всеобщемъ одобреніи. „Какъ древніе воспѣвали вѣкъ Кроноса, такъ союзники Аѳинянъ прославляли дань, фѳорон, опредѣленную Аристидомъ, и называли его управленіе счастливымъ временемъ Греціи, всего болѣе, когда, вскорѣ послѣ того, эту дань удвоили, а потомъ и утроили" ¹⁾. Плутархъ употребляетъ здѣсь оба слова: ἀποφορά и φόροςъ однозначащими.

Приведенныя нами выписки подтверждаютъ толкованіе Полидевка, Птолемѣя Аскалонскаго, Оми Магистра и составителя Гудова этимологика, грамматиковъ, понимающихъ слово ἀποφορά въ значеніи поземельной подати и дани. Аммоній, принимающій слово ἀποφορά въ смыслѣ платы, вносимой рабами своимъ господамъ, прибавляетъ, что оно замѣнялось словомъ ἀναφορά: показаніе дѣльное и весьма полезное, позволяющее разъяснить ту сторону древняго еллинскаго быта, которой до сихъ поръ никто изъ ученыхъ не коснулся. Повторимъ выраженное уже нами мнѣніе, что слово ἀναφορά значить оброкъ, и приведемъ въ доказательство краткій отрывокъ изъ Артемидорова Сонника, 'Οναίροχρητικά. Въ этомъ сочиненіи, вѣрнѣе говоря сборникѣ, состоящемъ изъ пяти книгъ, Артемидоръ Дальдійскій, 'Αρτεμίδωρος ὁ Δαλδιδανός ²⁾, представилъ въ первыхъ четырехъ книгахъ толкованія сновидѣній, а въ подтвержденіе ихъ непреложности присоединилъ въ пятой книгѣ девяносто пять примѣровъ исполненія предсказаній. Блаженны вѣрующіе; но ихъ число, повидимому, было значительно, ибо много драгоценныхъ трудовъ древнихъ писателей исчезло, а собраніе ничтожнѣйшихъ предразсудковъ уцѣлѣло.

¹⁾ Тамъ же, § 2: 'Ο δὲ τηλικαύτης ἐξουσίας κύριος γινόμενος καὶ τρόπον τινὰ τῆς Ἑλλάδος ἐπ' αὐτῷ μόνῳ τὰ πράγματα πάντα θεμένης πένης μὲν ἐξῆλθεν, ἐπανῆλθε δὲ πενέστερος, οὐ μόνον καθαρῶς καὶ δικαίως, ἀλλὰ καὶ προσφιλῶς πᾶσι καὶ ἀρμοδίως τὴν ἐπιγραφὴν τῶν χρημάτων ποιήσας. § 3: 'Ὡς γὰρ οἱ παλαιοὶ τὸν ἐπὶ Κρόνου βίον, οὕτως οἱ σύμμαχοι τῶν Ἀθηναίων τὸν ἐπ' Ἀριστίδου φόρον εὐπορίαν τινὰ τῆς Ἑλλάδος ὀνομάζοντες ὕμνου καὶ μάλιστα μετ' οὐ πολὺν χρόνον διακλασθεύοντος, εἰτ' αὖθις τριπλασιασθέντος.

²⁾ Изъ Ликийскаго, въ М. Азіи, города Дальдіи, ἡ Δάλδης.

Свидѣтельство Артемидора указано Валезіемъ ¹⁾, который однако, смотря съ точки зрѣнія Аммонія, не придавъ оному никакого вѣса и видѣлъ въ словѣ ἀναφορά только повтореніе или равнозначающее воспроизведеніе слова ἀποφορά. Артемидоръ, сославшись на отличные, какъ онъ называетъ, труды своего предшественника Аристандра Тельмисскаго, показываетъ важность сновидѣній о собственныхъ зубахъ спящаго, рассматриваетъ нѣсколько видовъ сихъ сновидѣній, преимущественно выпаденіе зубовъ чловѣка, различаетъ даже въ этомъ отдѣлѣ нѣкоторые, своего рода, особенности, именно: какіе выпадаютъ зубы, при томъ часть ли ихъ, или всѣ вообще зубы; наконецъ, по поводу послѣдняго обстоятельства, учить: ²⁾ „всѣ разомъ выпадающіе зубы знаменуютъ, что домъ во всемъ своемъ составѣ опустѣетъ.... рабу же лишиться до одного зуба предсказываетъ освобожденіе, или въ томъ смыслѣ, что онъ избавится отъ платы оброка, οὐ διδοὺς ἀναφοράν, какъ будто не давая пищи зубамъ; или въ томъ, что, не принимая пищи отъ другаго и какъ бы не питаясь зубами, станетъ совершенно свободнымъ“.

Въ согласіи съ этими словами Артемидора находимъ его же изложеніе, помѣщенное въ предыдущей главѣ, περὶ γυναικῶν, о бородахъ, гдѣ говорится о значеніи сновидѣній, въ конкхъ спящимъ представляется собственный ликъ, обросшій бородою, не только у мужчинъ, но и у женщинъ. Упомянувъ о разныхъ подобнаго рода сновидѣніяхъ, и указавъ смыслъ оныхъ даже для малолѣтняго ребенка, Артемидоръ пишетъ ³⁾: „Мальчику, κατὰ (то-есть, слугѣ, домо-

¹⁾ Hapserationis Lexicon, vol. 2, pag. 436: Quod autem ait Ammonius, eam (m. l. ἀποφοράν) dici vulgo ἀναφοράν, testis sit Artemidorus lib. 1, cap. 33 (схѣдно-нало написать: cap. 31): δοῦλε δὲ ἐλευθέρων и проч. Валезій не разбираетъ словъ Артемидора и вообще ничего не говоритъ болѣе объ этомъ предметѣ.

²⁾ Artemidori Daldiani Oneirocriticon libri V, По изданію Рейфа (ed. S. G. Reiff. Lipsiae. 1805. 2 vol. in 8°), кн. 1, гл. 31, περὶ ὀδόντων: ὅλοντες ὁμοῦ πάντες ἐκίπτοντες ἔρπον τον οἶκον σημαίνουσι πάντων ὁμοῦ κατασταθῆναι. Δούλε δὲ ἐλευθέρων προαγορεύει τὸ μηδένα ἔχειν ὀδόντας: ἢ γὰρ οὐ διδοὺς ἀναφοράν ᾤσπερ τοῖς ὀδοῦσι τροφήν, ἢ οὐ λαμβάνων κατ' ἄλλου τροφᾶς; ᾤσπερ οὐδὰ ὑπὸ τῶν ὀδόντων τρεφόμενος, πάντως ἔσται ἐλεύθερος.—Мы привели этотъ отрывокъ по изданію Рейфа, почитая оное лучшимъ и давая ему преимущество предъ изданіемъ Херхера, напечатаннымъ подъ заглавіемъ: Artemidori Daldiani Oneirocriticon libri V ex recensione Rudolphi Hercheri. Lipsiae. In aedibus Teubneri. 1864. 1 vol. in 8°.

³⁾ Тамъ же, кн. 1, гл. 20, по тому же изданію: Τῷ δὲ ἡδὴ κατὰ καὶ νεανίσκῳ ὄντι, καὶ οὐκ εἰς μακρὰν οἰσύντι γένεαι, ἀπ' ἑαυτοῦ σημαίνει κόσμον γενέσθαι, καὶ μόνον ἀνλευραφύεσθαι, εἰάν τε δοῦλος, εἰάν τε ἐλεύθερος τούτῃ ὥν· ἴν' εἴη τέλειος, καὶ ἑαυτοῦ πρόνοῃ.

чадцу)¹⁾ и юношѣ (то-есть, свободному), кому уже недолго носить бороду (до остриженія)²⁾, предвѣщаетъ собственное благоустроенное хозяйство³⁾, которымъ онъ, рабъ ли то случится, или свободный, будетъ одинъ

¹⁾ Такъ какъ въ предыдущемъ предложеніи: *καὶ δὲ νέφ χερσὶν θάνατον σημαίνει*, Артемидоръ говорилъ уже о значеніи словидніа дитяти, то здѣсь онъ могъ назвать словомъ *καὶ δὲ* не вообще ребенка, а только слугу мальчика, что употребляется и у насъ русскихъ, заимствовавшихъ это выраженіе у Грековъ. Полидевкъ, кн. 3, гл. 8, *vers.* 78: *καλοῦνται δὲ καὶ παῖδες οἱ δοῦλοι, παρὰ τοῖς Ἀττικοῖς, καὶ ὡς παρβύτεροι*. То же подтверждаетъ Θεопъ, чье сочиненіе Протурмаста надано въ 1-мъ томѣ *Rhetores graeci ed. Chr. Walz.* ст. 187—263. На стр. 187 читается: *ὁμώνυμα δὲ ἔστιν, ὡν φωνὴ μὲν καὶ ὄνομα τὸ αὐτὸ, ἕτερον δὲ τὸ σημαίνονμενον ὑπὸ τῆς φωνῆς, οἷον καὶ σημαίνει γάρ καὶ τὸν υἱόν, καὶ τὸν κατ' ἡλικίαν παῖδα, καὶ τὸν δοῦλον*.

²⁾ Артемидоръ говоритъ здѣсь о совершеннолѣтніи молодыхъ людей, наступленіе коего всегда праздновалось и сопровождалось нѣкоторыми особенными обрядами, принарошенными къ этому семейному торжеству, именно остриженіемъ волосъ и жертвоприношеніемъ. Все празднество обозначалось словомъ: Инистрин, *τὰ οἰνιστήρια*, то-есть, *ἐπερ*, получившимъ названіе отъ чаши съ виномъ, подносимой въ этотъ день богу Ираклу, о чемъ, ссылаясь на Намфіла, пишетъ Аеннаѣ, кн., 11, гл. 88, *pag.* 494. f: „Намфілъ говоритъ, что ефивы, при остриженіи волосъ, подносятъ Ираклу бошмъ, наполненную виномъ, чашу, которую называютъ Инистрією, и принеся богу возліанія, угощаютъ виномъ собравшихся присутствующихъ“ (*Οἱ μάλιστα ἀποχεῖρυν τὸν σκόλλιν ἐφηβοί, φησὶ Πάμφιλος, εἰσφέρουσι τῇ Ἡρακλεῖ μετὰ ποτῆριον πληρώσαντες οἶνου, ὃ καλοῦσιν οἰνιστήριον καὶ σκεῖαντες, τοῖς συνελθούσι δίδωσιν κικῖν*).³⁾

Полидевкъ, кн. 3, гл. 4, *vers.* 52: „Подчиваніе виномъ при вступленіи сымовей въ фратринъ называлось *οἰνιστήρια*“ (*ἣ δὲ ὑπὲρ τῶν εἰς τοὺς φράτορας εἰσαγομένων παίδων οἶνου ἐπιδοσίς, οἰνιστήρια ἔχалаίτο*). Полидевкъ повторяетъ это толкованіе кн. 6 гл. 3, *vers.* 22. Подробнѣе пишетъ Психія въ статьѣ *Οἰνιστήρια*. „Вступающіе въ званіе ефивовъ, приносятъ, до остриженія волосъ, Ираклу мѣру вина, и, произведя возліанія, предлагаютъ пять собравшимся. Празднество называется *οἰνιστήρια*“ (*Ἀθῆνας οἱ μάλιστα ἐφηβεῖν, πρὶν ἀποχεῖρασθαι τὸν μάλλόν, εἰσέφερον Ἡρακλεῖ μέτρον οἶνου, καὶ σκεῖαντες τοῖς συνελθούσιν ἐπεδίδουν πίνειν. ἣ δὲ σπονδὴ ἔχалаίτο οἰνιστήρια*). Весьма кратко, но обстоятельно разъясняетъ патріархъ Фотій въ своемъ словарѣ. „*Οἰνιστήρια*, говоритъ онъ, есть священное жертвенное возліаніе Ираклу, исполняемое ефивами предъ остриженіемъ. Евнолидъ въ *Διμαχῇ*“. (*Οἰνιστήρια* σπονδὴ τῇ Ἡρακλεῖ ἐπιτελούμενῃ ὑπὸ τῶν ἐφήβων πρὶν ἀποχεῖρασθαι. Εὐπολὶς Δήμοις). У Фотія заимствовалъ Евстаѣій, повторяющій въ своихъ Толкованіяхъ на *Иліаду*, пѣснь 12, ст. 311 (въ изд. римскомъ *pag.* 907, въ базельскомъ *pag.* 868, Штальбаума, коимъ пользуюсь, *vol.* 3, *pag.* 117), слова предшественника: *οἰνιστήρια, σπονδὴ τελούμενῃ τῇ Ἡρακλεῖ ὑπὸ τῶν ἐφήβων πρὶν ἀποχεῖρασθαι*.

³⁾ Употребивъ выраженіе: *κῶμον γενέσθαι*, Артемидоръ, кажется, подражалъ Платону, который въ *Ἱοργіи*, гл. 59, *pag.* 504, а, пишетъ: *Ταῖς ἀρα καὶ κῶμου τοιοῦτα οἰκία χρηστὴ ἀν εἴη, ἀταξία; δὲ μοῦσθρά; Нахомовъ перевелъ совершенно*

распоряжаться; (это сновидѣніе предсказываетъ свободному), что онъ станетъ совершеннымъ мужемъ и самъ о себѣ предусмотритъ". Постараемся прежде всего узнать точный смыслъ словъ древняго снотолкователя, представившійся новѣйшему издателью Херхеру до того труднымъ и загадочнымъ, что онъ рѣшился даже измѣнить самую рѣчь писателя, къ чему, по нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ повода.

Въ этихъ двухъ главахъ, конни для своей задачи только и занимаемся, Артемидоръ, говоря въ одной о провзростаніи бороды и въ другой о потерѣ зубовъ, начинаетъ опредѣленіемъ общаго, существеннаго значенія сновидѣнія и изъ него уже выдѣляетъ отдѣльныя, принаравливая ихъ къ положенію человѣка, и сообразно съ нимъ видоизмѣняя основной смыслъ сновидѣнія. А такъ какъ въ его время признавалось два главныхъ, при томъ глубоко различныхъ сословія: свободные и рабы, то Артемидоръ поступилъ весьма правильно, примѣнивъ свои снотолкованія къ симъ двумъ разрядамъ, и обозначивъ, что предсказываетъ сновидѣніе рабамъ и что оно же предсказываетъ свободнымъ. Обратимся къ рабамъ, оставивъ въ покойномъ снѣ свободныхъ. Скажавъ, что выросшая борода предвѣщаетъ устроенный домъ, Артемидоръ не произнесъ слова свободы и не упомянулъ объ увольненіи; онъ только увѣряетъ, что рабъ приобрететъ собственное хозяйство и будетъ самъ распоряжаться своими дѣйствіями, то-есть, будетъ жить самъ по себѣ, вольнымъ трудомъ. Въ этомъ разрядѣ рабовъ, получавшихъ право избирать родъ жизни и вести самостоятельно всѣ дѣла свои, нельзя не узнать тѣхъ людей, которыхъ Демосѣенъ называетъ οἱ ἡορῖς οἰκοῦντες, и положеніе конихъ было дѣйствительнымъ улучшеніемъ и облегченіемъ въ сравненіи съ бытомъ рабовъ, отдаваемыхъ въ наймы господами, ибо имъ предстояло только вносить оброкъ, ἀντιφορά, съ точностью.

Они оставались однако рабами; но Артемидоръ дополняетъ свое извѣстіе и, продолжая свои неожиданно весьма любопытныя предвѣщанія, подаетъ рабамъ надежду на совершенное окончаніе неволи. Сновидѣніе, говоритъ онъ, въ коемъ у раба выпадаютъ всѣ зубы, означаетъ прекращеніе платы оброка и достиженіе полной свободы. Соединивъ оба заключающіяся въ разбираемыхъ двухъ главахъ толкованія, приобретаемъ замѣчательное свидѣтельство, подтверждаю-

иѣрно: Домъ, гдѣ господствуетъ порядокъ и благоустройство, благъ ли есть? Въ противномъ случаѣ не злы ли домъ сей будетъ? (См. Творенія Платона, пер. Сидоровскимъ и Лазаревымъ, часть 1-я, стр. 664).

щее наши предыдущія изслѣдованія. Изъ него видно, что рабы рас-предѣлялись по разрядамъ, изъ коихъ наиболѣе льготнымъ числился отдѣлъ особнниковъ; что денежная повинность особнниковъ именовалась *ἀναφορά*, подношеніе или, вѣрнѣе говоря, оброкъ, и что простые рабы ревностно желали, мечтая даже во снѣ, поступить въ разрядъ оброчныхъ особнниковъ, сами же особники столь же ревностно думали уже объ увольненіи.

Если только мы успѣли доказать, что οἱ χῆρις οἰκοῦνται; Димосеена были рабами особниками, то не можетъ родиться сомнѣнія, что платимая ими своимъ владѣльцамъ денежная повинность называлась *ἀναφορά*, хотя бы она и замѣнялась иногда какими-либо произведеніями, или инымъ способомъ, и что это названіе было собственнымъ, судебнымъ и политическимъ именемъ, подобно тому какъ прежде и въ Россіи употреблялось слово оброкъ, для обозначенія платы или вообще повинностей, взимаемыхъ съ людей, жившихъ въ нѣсколько сходномъ съ древними еллинскими особниками положеніи. Мы были, думаемъ, въ правѣ, переводя выраженіе οἱ χῆρις οἰκοῦνται; словами: оброчные особники. Справедливость требуетъ признать за Артемидоромъ услугу, облегчавшую уразумѣніе точнаго смысла слова *ἀναφορά*: безъ его Сонника, значеніе сего слова осталось бы гадательнымъ. Сновидѣніе оказалось вѣрнымъ, но не для Херхера, который, волнуемый недоумѣніемъ, прибѣгъ къ ничѣмъ не извиняемому средству: измѣнилъ, въ противность рукописамъ, рѣчь писателя, выпустилъ цѣлыя выраженія, наконецъ, вмѣсто находящагося во всѣхъ рукописяхъ *ἀναφορά*, помѣстилъ, по собственному усмотрѣнію, слово *ἀποφορά*¹⁾. Это произволъ, не критика.

Въ связи съ показаніемъ Артемидора приведемъ извѣстіе Телита, Τέλιτος, ἡγετος, философа Пинеагорейскаго ученія, хотя время жизни его не извѣстно²⁾. Іоаннъ Стотвѣйскій сохранилъ нѣсколько отрывковъ его сочиненія „О самодовольствѣ“ (или умѣренности), *περί αὐταρχείας*, изъ коихъ выберемъ два, касающіеся нашего предмета и оба указан-

¹⁾ Гл. 80, вмѣсто: τῷ δὲ ἡδὴ παιδὶ καὶ νεανίσκῳ, напечатано: τῷ δὲ ἡδὴ νεανίσκῳ и выпущено παιδὶ καί, вслѣдствіе чего слова: ἰάν τε δοῦλος, ἰάν τε ἐλεύθεροςъ являются какъ бы неумѣстными. Далѣе выпущены: слово *κόσμον* предъ *γυμνάσιον* и послѣ онаго καὶ μόνον ἀναστραφῆσθαι, такъ что смыслъ не полный. Гл. 81, вмѣсто: ἢ γὰρ οὐ διδοὺς ἀναφοράν, напечатано: ἢ γὰρ οὐ διδοὺς ἀποφοράν, и самъ издатель замѣчаетъ въ примѣчаніи, что въ рукописяхъ сказано *ἀναφοράν*.

²⁾ См. Fabricii Bibliotheca graeca ed. Harles, vol. 1, pag. 876.

ные Валезіемъ въ Толкованіяхъ Арпократіона ¹⁾. Въ словѣ: Похвала бѣдности, Іоаннъ Стовѣйскій сообщаетъ выписку, гдѣ Телитъ высказываетъ между прочимъ слѣдующее мнѣніе: „Если простые рабы сами себя питаютъ и вносятъ сверхъ того господамъ плату, то почему же не могъ бы питать себя и свободный мужъ?“ ²⁾ Въ другомъ словѣ: О цѣломудріи, Іоаннъ Стовѣйскій выписываетъ у Телита изображенную симъ философомъ, скорбную жалобу раба, гонимаго своимъ господиномъ: „что ты со мной воцѣлишь?—какъ бы говорилъ рабъ, сидя на жертвенникѣ: развѣ я обокралъ тебя? или не исполнилъ твоихъ приказаній? или не вношу тебѣ въ назначенный срокъ оброка?“ ³⁾.

Телитъ не былъ политическимъ писателемъ и не занимался рѣшеніемъ общинныхъ вопросовъ; судя по отрывкамъ у Іоанна Стовѣйскаго, онъ излагалъ преимущественно нравственныя размышленія, чѣмъ всего болѣе отличались позднѣйшіе пнеагорейцы. Онъ пользовался общимъ литературнымъ языкомъ, и у него нельзя искать ни выраженій судебныхъ, ни собственныхъ, такъ сказать должностныхъ, наименованій; но указаніе сущности дѣла совершенно вѣрно. Здѣсь предъ нами драгоцѣнное свидѣтельство, которое Валезій привѣтствовалъ словомъ: славное мѣсто ⁴⁾, и не ошибся, найдя поддержку въ полномѣсномъ одобреніи знаменитаго голландскаго ученаго Хемстерхейза, Hemsterhusius ⁵⁾. Говоря, что рабы сами питаются, и вру-

¹⁾ Valesii notae in notas Maussacii, напечатаны въ 2-мъ томѣ, стр. 486, вышеприведеннаго Harpocratonis Lexicon, Lipsiae 1824, 2 vol, in. 8°.

²⁾ Ioannis Stobaei Sententiae ex Thesauris Graecorum delectae et in Sermones digestae, a Conrado Gesnero in latinum sermonem traductae. Editio secunda, Basilae. 1549. in. fol. Sermo 98 (pag. 514): ἢ καὶ νῦν, οἰκέται μὲν οἱ τυχόντες αὐτοῦς τρέφουσιν, καὶ μισθὸν τελοῦσι τοῖς κυρίοις· ἐλευθέρους δὲ ἄνθρωποι αὐτὸν τρέφειν οὐ θυνήσεται. Геснеръ предложилъ писать αὐτοῦς, чего требуетъ смыслъ рѣчи и что соответствуетъ слову αὐτόν во второй части выписки. Его чтеніе принялъ Хемстерхейсъ (pag. 52), но не Гесфордъ, удержавшій αὐτοῦς. См. Ioan. Stobaei Florilegium ed Thomas Gaisford, въ перепечатанномъ въ Лейпцигѣ изданіи, 4 vol. in. 8°, 1824. vol. 3, pag. 220.

³⁾ Sermo 5 (pag. 69), у Гесфорда, vol. 1, pag. 136: ὥσπερ οἰκέτης τὸν κύριον, ἐφ' ἱερὸν καθίσας, δικαιολογεῖται, τί μοι μάχη; μὴ τί σοι κἄλλοφα; οὐκ ἂν τὸ πρῶτον ἐπαινεῖται ὑπὸ σοῦ ποιῶ; οὐ τὴν ἀποφορὰν εὐτάκτως σοὶ φέρω;

⁴⁾ Valesii Notae, стр. 486: Locus illustris: nam εὐτάκτως intervalla certa pensionum denotat, τὸ διάστημα, Galli terminos vocamus inquilinorum et colonorum pensiones.

⁵⁾ Anecdota Hemsterhusiana. Ex schedis mss. ed. Iacobus Geel. Pars 1 (unica). Lugd. Batav. 1825. in 8°. pag. 50: Teles apud Stob. οὐ τὴν ἀποφορὰν εὐτάκτως σοὶ φέρω; haec servus cum hero iniquiore ex ara, quo confugerat, expostulans injuriam: εὐτάκτως, autem, constituto conditioque temporis intervallo, et optime Valesius.

часть господамъ плату, прѣ томъ сѣтахѣс, въ благомъ порядкѣ, то-есть, что превосходно разъяснилъ Валезій, всегда въ назначенные сроки, Телитъ могъ разумѣть только тотъ разрядъ рабовъ, которые навывались οὐ χεῖρος οἰκοῦντες, рабы особники, жившіе отдѣльно отъ владѣльцевъ, пользовавшіеся собственнымъ хозяйствомъ и платившіе въ опредѣленные сроки условленный оброкъ. Неточность Телита заключается единственно въ томъ, что онъ не назвалъ оброка его собственнымъ именемъ—ἀναφορά, а употребилъ, въ одномъ изъ своихъ предложеній слово μισθός, наемная плата, а въ другомъ ἀποφορά, подать, и тѣмъ затемнилъ свое прекрасное показаніе. Во всякомъ случаѣ однако онъ писалъ, въ обѣихъ своихъ статьяхъ, объ оброчныхъ особникахъ.

Артемидоръ и Телитъ оказываютъ еще услугу, которой нельзя бы было ожидать отъ ихъ сказаній: они помогаютъ узнать источникъ одного выраженія Эскина, нигдѣ болѣе и ни у кого не встрѣчающагося. Въ своей защитительной рѣчи: О нарушеніи посольствомъ наказа, ораторъ утверждаетъ, что аѳинское вѣче не давало положительныхъ, строго опредѣленныхъ предписаній, а предоставило самимъ посламъ τὴν εἰς τὸ ἀφ' ἧς ἀναφορὰν ¹⁾. Такъ какъ Эскинъ привелъ предъ симъ и само содержаніе посольскаго наказа, заключающееся въ краткихъ словахъ: „да исполнять послы что могутъ добро“ ²⁾, то общій смыслъ понятенъ: ораторъ доказывалъ, что имъ предоставлено было дѣйствовать по личному усмотрѣнію. Остается только разъяснить возможность такого смысла, ибо само выраженіе, переведенное слово въ слово, значитъ: оброкъ въ невидимое или въ невидное. Оно дѣйствительно отсюда происходитъ и тѣсно связано съ еллинскимъ понятіемъ объ имуществѣ, гдѣ оброкъ, ἀναφορά, составлялъ одну изъ главнѣйшихъ статей дохода гражданъ.

Въ своемъ разсужденіи о трапезитахъ или аѳинскихъ банкахъ, мы старались показать, что въ цѣлѣющее время аѳинской республики юридическое, а съ нимъ и политическое воззрѣніе на имущество существенно отличалось отъ воззрѣнія, установленнаго въ русскомъ законодательствѣ. У насъ приняты два главныхъ рода имущества: движимое и недвижимое; аѳиняне же, напротивъ, дѣлили имущество на видимое или явное, οὐσία φανερά, и на невидимое или не

¹⁾ Эскинъ, περὶ παραπρεσβείας, § 104: οὐν δὲ αὐτοῖς μὲν κατέλιπον τὴν εἰς τὸ ἀφ' ἧς ἀναφορὰν.

²⁾ Тамъ же: πράττειν δὲ τοὺς πρέσβεις καὶ ἄλλ' ὅ τι αὐτοὶ δύνανται ἀγαθόν.

явное, *ὄμοια ἀφανής*; въ пятомъ и четвертомъ столѣтїяхъ другаго дѣленїя у нихъ не встрѣчается. Учреждая это свое распредѣленіе, аэниане желали всего болѣе водворить законную правильность въ требованїяхъ гражданскихъ повинностей, которыя были разнообразны, весьма велики и вникались со всего безъ исключенїя имущества гражданина. Руководясь этою мыслью, они поступали логически, не придавая ни правъ, ни преимуществъ одному роду собственности предъ другимъ; они заботились только, чтобы уплата повинностей соразмѣривалась съ цѣнностью имущества и съ получаемыми отъ него доходами. Аэниане оказываются, такимъ образомъ, первыми изобрѣтателями той финансовой мѣры, которая приводится въ усовершенствованномъ видѣ въ исполненіе въ новѣйшихъ государствахъ и частью уже существуетъ подъ именемъ подоходнаго налога, *Income tax*.

Каждый гражданинъ обязанъ былъ, подъ своею отвѣтственностью, предъявить, *ἐμφανίσαι*, чѣмъ онъ владѣетъ; всему предъявленному составлялась опись, *τὴ ἀπογραφή*, и все такое имущество поступало въ разрядъ видимаго или явнаго, *ὄμοια φανερά*, а владѣлецъ онаго— въ число гражданъ, несшихъ повинности республики и пользовавшихся соединенными съ ними правами и преимуществами этого высокаго званїя. Имущество же не предъявленное къ описи, въ части ли, или во всей своей цѣлости, и владѣніе коимъ, хотя бы даже многимъ извѣстное, утаивалось и не могло быть доказано судебнымъ порядкомъ, называлось имуществомъ невидимымъ или не явнымъ, *ὄμοια ἀφανής*. Возможность устранить часть своей собственности отъ предъявленїя ограничивалась только денежными капиталами, которые потому, у людей неблагопамѣренныхъ, и скрывались въ разрядѣ имущества невидимаго, или неявнаго. Честные же и преданные республикѣ граждане обозначали все, чѣмъ обладали, не исключая даже своихъ денежныхъ капиталовъ, которые они равномѣрно предъявляли, что называлось *ἐμφανίσαι τὰ χρῆματα*, и составляло часть видимаго или явнаго имущества подъ особеннымъ именемъ *ἀργύριον φανερόν*, явное серебро. Комическіе поэты, вмѣсто слова *ὄμοια*, имущество, употребляютъ *πλοῦτος*, богатство: Аристофанъ въ комедїи „Вѣчные женщины“ и Менандръ въ комедїи „Причудливый“ оба пишутъ: *πλοῦτος ἀφανής*, богатство непредъявленное ¹⁾.

Были однако между гражданами и такіе своекорыстные люди, которые, при полнѣйшемъ равнодушіи къ пользѣ республики, старались только объ освобожденїи себя отъ общинныхъ обязанностей и

¹⁾ Ссылки ниже.

повинностей, и мечтали о собственномъ обогащеніи, не разбирая средствъ къ его достиженію. Они открыто продавали свои дома и земли, руководѣля и заводы, вообще все свое явное, видимое имущество, и обращали свою собственность въ денежные капиталы, не только не предъявляя ихъ къ описи, но даже отрицая, подъ присягою, владѣніе оными. Такой переводъ явнаго имущества въ неявное выражался на греческомъ языкѣ словами: ἀφ' ἑνὸς τὰ βυτὰ, сдѣлать невидимымъ, утаивать или скрывать состояніе; послѣ него, при отсутствіи уликъ, имущество почиталось не существующимъ предъ закономъ и владѣлецъ не обязывался нести повинностей, но вѣсть съ тѣмъ онъ лишался участія въ гражданскихъ почестяхъ и отличіяхъ и какъ бы отказывался отъ своего гражданства.

Не смотря на грозившую, при случайномъ открытіи, подсудность, это злоупотребленіе прельщало своею выгодною аэинскихъ сребролюбцевъ и, повидимому, привлекало значительныхъ приверженцевъ, ибо побудило Аристофана вывести на сцену и заклеить ихъ дѣянія, не многими, но сильными словами. Въ комедіи: *Εκκλησιαζουσαι*, Вѣчняя женщины, *Ἐκκλησιαζουσαι*, представленной 393 г. или 392 г. до Р. Хр. ¹⁾, Праксагора, Πραξαγόρα, объявляетъ, что отобравъ у гражданъ, „она превратитъ поземельныя имущества въ общую всѣмъ землю, а также серебро (то-есть, деньги) и прочее, тѣмъ кто либо владѣтъ“, приметъ равномерно въ свое владѣніе, и изъ всего выѣстъ составить одну общинную собственность, которою будутъ распоряжаться женщины. Влепиръ, Βλέπιρος спрашиваетъ: „но какъ быть съ тѣмъ, у кого нѣтъ гражданской, ἡμῶν, земли, а есгь серебро и дарика (золотые), богатство не явное?“ На что Праксагора отвѣчаетъ: „Все счастье въ средѣ; не сданный будетъ влѣтвѣопреступникомъ“ ²⁾. Послѣднія слова Аристофана служатъ доказательствомъ,

¹⁾ О времени представленія см. преимущественно у Дройзена, въ третьемъ томѣ его отличнаго перевода Аристофана, въ введеніи въ этой комедіи, стр. 309—317, и въ примѣчаніи, стр. 327, къ стиху 193. *Des Aristophanes Werke übersetzt von Johann Gustav Droysen. 3 vol. in 8° Berlin. 1838*

²⁾ Аристофанъ, *Εκκλησιαζουσαι*, ст. 597:

τὴν τὴν πρῶτιστα ποιῶμεν
κοινὴν πάντων καὶ τὰ γούριον καὶ τὰ ἄλλ' ὅποσ' ἐστὶν ἑκάστῳ.
Εἴτ' ἀπὸ τούτων κοινῶν ὄντων ἡμεῖς βοσκήσομεν ὑμᾶς
ταμιεύομεναι καὶ φειδόμεναι καὶ τὴν γνῶμην προσέχουσαι.
Βλέπιρος. Πῶς οὖν ὅστις μὴ κέχρηται τὴν ἡμῶν, ἀργύριον δὲ
καὶ ἀλαρείτου;, ἀφανὴ πλοῦτον;

Πραξαγόρα. Τοῦτ' ἐς τὸ μέσον καταθήσει,
καὶ μὴ καταθεῖς ψευδορκήσει.

что, представляя свое имущество, афинскій гражданинъ приносилъ присягу въ подтвержденіе вѣрности своихъ показаній. Аристофанъ подражалъ Менахрѣ, представитель Новой Комедіи, современникъ Епикура и Теофраста. Въ отрывкѣ комедіи *Δύσκολος*, „Причудливый“, сохранившемся у Іоанна Стобейскаго, сынъ выражаетъ отцу сожалѣніе объ его неблаговидномъ поступкѣ и заключаетъ свою рѣчь словами: „Много надеждѣ явный другъ, чѣмъ неавное богатство, что у тебя закопано“¹⁾).

Но удовлетвореніе алчности скритіемъ своего имущества требовало рѣшимости, которою обладали только немногіе. Это средство обойти законъ не было безопаснымъ по существу и не могло сверхъ того не сопровождаться потерями. Если владѣлецъ не представленнаго капитала отдавалъ оный въ ростъ или вручалъ трапезиту, то, при злонамѣренности получившихъ, капиталъ могъ погибнуть, такъ какъ никто не былъ въ правѣ начать судебнаго иска по подобнымъ незаконнымъ сдѣлкамъ. Не меньшая опасность предстояла наслѣдникамъ, которые легко утрачивали тайно завѣщанныя и тайно хранимыя деньги. Къ тому присоединилась еще судебная отвѣтственность, всегда возможная и являвшаяся обыкновенно неожиданно, могущая принять размѣры обвиненія въ преступленіи противъ республики и окончиться атимією, *ἀτιμία*, то-есть лишеніемъ званія гражданина, переходившимъ и на потомство. Слѣдовательно, непредъявленіе къ описи имущества было во всякомъ случаѣ дѣломъ, принимаемымъ на удачу.

Слово *ἀναφορά*, равно какъ и соотвѣтствующее ему русское слово: оброкъ, служили, и у древнихъ еллиновъ и у насъ, обозначеніемъ дохода, не только опредѣленнаго и правильно поступаващаго, но и обезпеченнаго, вполнѣ вѣрнаго. Не смотря на прекращеніе крѣпостнаго состоянія и съ нимъ платы оброка, выраженіе: оброчная статья до сихъ поръ сохранилось и, вѣроятно, удержится, ибо, не касаясь

¹⁾ Menandri fragmenta, въ изданіи Didota Bibliotheca scriptorum Graecorum, въ томѣ: Aristophania Comoediae et deperditarum fragmenta. Accedunt Menandri et Philemonis fragmenta. Paris. 1854. in 8o. См. стр. 14. fragm. 1.

Ioannis Stobaei Sententiae. ed. Gessner (Basil. 1549. f.). Sermo 16 (pag. 152). Florilegium ed. Gaiaford (перечеч. въ Лейпц.) , titul. 16. vol. 1, pag. 296. Переводъ Hugo Grotius'a въ стихахъ, vol. 4, рад. 52. Этотъ переводъ и въ изд. Дидота.

Πολλὴ δὲ κριτέων ἐστὶν ἐμφανὴς φίλος
ἢ πλοῦτος ἀφανὴς, ὃν οὐ κατορύξας ἔχεις.

людей, обозначаетъ съ совершенною точностію доходъ землевладельца, конимъ онъ законно пользуется. Но ἀναφορά у афинянъ могла признаваться и дѣйствительно признавалась вѣрнымъ доходомъ только въ томъ случаѣ, если ее налагали и требовали сообразно съ существующими законами и если она вносилась въ предъявленное и видимое имущество, то-есть, такъ сказать, εἰς τὸ φαειρόν ἀναφορά. Полученіе же оброка изъ имущество не предъявленное и не видимое, то-есть, εἰς τὸ ἀφανὲς ἀναφορά, было дѣломъ случая, вѣрнѣе говори, удача. Это, первоначально только финансовое выраженіе еллина, одаренные умомъ положительнымъ, весьма далекимъ отъ мечтательности, обратили на дѣла общинныя и придали ему смыслъ политическій: ἡ εἰς τὸ ἀφανὲς ἀναφορά значить: предпріятіе на удачу. Въ этомъ смыслѣ употребилъ оное Эсхинъ, дополняя еще замѣчаніемъ, что на послухъ лежала вся отвѣтственность ¹⁾.

Присоединимъ въ заключеніе краткій разборъ одного сюда же принадлежащаго выраженія Ямвлиха, остающагося до сихъ поръ не вполне разъясненнымъ. Въ своемъ сочиненіи: Слово о Пифагоровской жизни ²⁾, Ямвлихъ помѣстилъ рѣчь Пифагора, произнесенную имъ въ собраніи гражданъ, по собственному ихъ желанію. Философъ въ началѣ рѣчи совѣтовалъ соорудить храмъ музамъ; увѣщевалъ ихъ заботиться всего болѣе о согласіи, разумѣя, говорилъ онъ, не согласіе въ прекраснѣйшихъ созерцаніяхъ, а согласный строй общественнаго быта ³⁾; указывалъ потомъ необходимость правосудія и требовалъ, чтобы члены совѣта или правители не приносили клятвъ богамъ, а поступали такъ, чтобы имъ довѣряли и безъ присяги ⁴⁾; вслѣдъ за симъ онъ переходитъ къ частной жизни гражданина и, сказавъ нѣсколько словъ о домовитости, останавливается на семействѣ, выставляя нравственную сторону брака и воспитанія дѣтей; наконецъ обращается къ дѣятельности политической и описываетъ члена об-

¹⁾ Эсхинъ, тамъ же: ἀν μὴ τι παῖθωσιν, ἐν ἧμιν δ' ἀποκινδυνεύειν φήθησαν θεῖν.

²⁾ Ἰαμβλίχου περὶ βίου Πυθαγορικοῦ λόγος. — Пользаюсь изданіями: 1) Кислинга, Iamblichī De vita Pythagorica liber, ed. M. Theoph. Kiessling. Lips. 1815, 2 vol. in 8°, и 2) изданіемъ, помѣщеннымъ въ Bibliotheca Diogeni (Appendix къ Diogenu); послѣднее однако есть простое воспроизведеніе перваго.

³⁾ гл. 9, § 46: ἐπιδείκνυσσι δὲ αὐτῶν τὴν δύναμιν οὐ περὶ τὰ κάλλιστα μόνον ἀνέχεσθαι, ἀλλὰ καὶ περὶ τὴν συμφωνίαν καὶ ἁρμονίαν τῶν ὄντων.

⁴⁾ Тамъ же, § 47: Προσέχειν δὲ τοῖς συνεδρίοις, μηδὲν καταχρῆσθαι τῶν θεῶν εἰς ὄρκον, ἀλλὰ τοιοῦτους προχειρίζεσθαι λόγους, ὥστε καὶ χωρὶς ὄρκων εἶναι πιστοῦς.

щины, достойнаго правительственныхъ званій. Во всемъ словѣ—ни витійства, ни отвлеченныхъ мудрствованій; въ немъ ясное и простое изложеніе дѣла, безъ всякаго краснорѣчія.

Ямвлихъ пишетъ: καὶ τὴν ἰδίαν οἰκίαν οὕτως οἰκονομεῖν, ὥστε τὴν ἀναφοράν ἀξίειναι τῆς προαίρεσως εἰς ἀκαίνην ἀνεκχεῖν ¹⁾. Здѣсь слово ἀναφορά, оброкъ, принято въ общемъ смыслѣ дохода или, что будетъ еще точнѣе, въ смыслѣ прихода; προαίρεσις же, предначертаніе, значить предварительный расчетъ или смѣта. Мысль Пинеагора весьма, думаемъ, проста и ясна и не заслуживаетъ нарицанія темной, что ей придаютъ нѣкоторые издатели ²⁾. Постараемся перевести переданное Ямвлихомъ выраженіе возможно близко, если не буквально. Философъ говорилъ: „Свой домъ устроить такимъ образомъ, чтобы внести въ оный (то-есть, домъ) оброчный доходъ, соразмѣрно съ смѣтою“. Теперь, въ наше время, сказала бы: устроить домъ такъ, чтобъ расходъ соотвѣтствовалъ приходу, не превышая онаго. Пинеагоръ желалъ внушить присутствовавшимъ гражданамъ, что каждый отецъ семейства обязанъ жить по своему состоянію. Приступая къ изложенію Домостроя, онъ не могъ не коснуться этого важнаго предмета, тѣмъ болѣе, что видѣлъ предъ собою чрезмѣрную роскошь кротонцевъ ³⁾.

Иначе однако понимаютъ эти слова Пинеагора ученые толковники Обрехтъ, Кюстеръ, Кислингъ, они находятъ въ нихъ какое то философское воззрѣніе на жизнь, при томъ до того глубокомысленное, что даже затрудняются въ возможности вѣрнаго перевода подобной египетской мудрости. Ихъ можетъ успокоить самъ Пинеагоръ, который выразилъ ту же мысль, только другимъ способомъ и при дру-

¹⁾ Тамъ же, § 47.

²⁾ Кюстеръ и за нимъ Кислингъ переводятъ: rem autem domesticam sic administrant, ut consilii rationem etiam illuc referri liceat. Это такъ отвлеченно и туманно, что, сознаюсь, не понимаю. Никогда Пинеагоръ не могъ ни сказать, ни даже подумать ничего подобнаго. Еще прежде Обрехтъ перевалъ: ut proventum ejus animi sui proposito tueri liceat. Кюстеръ отвергаетъ этотъ переводъ, но замѣняетъ оный своимъ столь же темнымъ и нисколько не лучшимъ. Кюстеръ спрашиваетъ (примѣч. 13) Обрехта: Quid enim sibi volunt illa: ut proventum ejus animi sui proposito tueri liceat?—и горделиво отвѣчаетъ: Tu varte: ut consilii sui rationem eo referre liceat. Можно было бы, однако, по всей справедливости обратиться съ этимъ вопросомъ къ самому Кюстеру.

³⁾ Кислингъ (vol. 1, рад. 96, примѣч. 13) приводитъ слѣдующее замѣчаніе Кюстера, имъ самимъ вполне раздѣляемое: Est locus paulo obscurior, quem interpretes non intellexerunt.

гихъ обстоятельствахъ. Разсуждая, по увѣренію Ямвлиха, о правдѣ или законности, δικαιοσύνη, и постановивъ общее правило, что „начало правды есть общинность и равенство“ ¹⁾, Пиеагоръ развиваетъ это свое положеніе, гдѣ, едва коснувшись вопроса о замѣнѣ частныхъ имуществъ общинными, переходитъ къ своему главному предмету, но не предаваясь отвлеченнымъ мечтаніямъ, а останавливаясь на требованіяхъ дѣйствительной жизни. „Общественныя связи и сближенія,—говорилъ Пиеагоръ въ изложеніи Ямвлиха ²⁾,—содѣйствуютъ водворенію между людьми законности“. Нѣсколько далѣе Ямвлихъ прибавляетъ ³⁾: „Такъ какъ иногда недостаткомъ въ денежныхъ средствахъ доводитъ многихъ до несправедливыхъ поступковъ, то Пиеагоръ прекрасно совѣтовалъ предупреждать это зло посредствомъ домохозяйства, приготовивъ по правдѣ достаточное какъ для себя, такъ и на расходы свободнаго человѣка, ибо справедливый порядокъ въ семействѣ есть залогъ благоустройства республики“.

Предупреждаемъ возраженіе. Намъ могутъ замѣтить, что Ямвлихъ, описавшій жизнь и дѣянія Пиеагора, изложилъ въ своемъ трудѣ не первоначальное, подлинное ученіе сего философа и не дѣйствительную жизнь его, а болѣе преданія и мысли, распространенныя между современными ему пиеагорейцами, и что, слѣдовательно, нельзя принимать выраженій Ямвлиха съ тою строгою точностью, съ какою привыкли смотрѣть на выраженія еллинскихъ писателей эпохи греческой независимости. Не вступая въ пренія съ скептиками, увлекающимися не столько простою истиною, сколько остроумными мечтаніями, и занимаясь историческими данными на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, безъ предположеній и безъ философствованія, мы думаемъ, что слово ἀναφορά, вложенное Ямвлихомъ въ уста Пиеагора, могло несомнѣнно принадлежать философу, какъ потому, что оно древне-еллинское, такъ и по той причинѣ, что употреблено въ томъ же значеніи Демосθενемъ.

¹⁾ Ямвлихъ, тамъ же, гл. 80, § 167: Ἀρχὴ τοίνυν ἐστὶ δικαιοσύνης μὲν τὸ κοινὸν καὶ ἰσὺν.

²⁾ Тамъ же, § 168: μετὰ ταῦτα τοίνυν ἡ μὲν οἰκείωσις ἡ πρὸς τοὺς ἀνθρώπους εἰσάγει δικαιοσύνην.

³⁾ Тамъ же, § 169: ἐπεὶ δὲ πολλοὺς ἐνίοτε καὶ σπάνις χρημάτων συναναγκάζει παρὰ τὸ δίκαιόν τι ποιεῖν, καὶ τούτου καλῶς προενόησε, διὰ τῆς οἰκονομίας τὰ ἀλευθέρως διατηρήματα καὶ τὰ δίκαια ἱκανῶς ἑαυτῷ παρασκευάζων. καὶ γὰρ ἄλλως ἀρχὴ ἐστὶν ἡ περὶ τὸν οἶκον δίκαια διάθεσις τῆς ὅλης ἐν ταῖς πόλεσιν εὐταξίας.

Въ рѣчи о вѣнцѣ Димосеенъ ¹⁾ говорилъ предъ судьями: „у васъ, мужи аеишяне, многіе были до меня славные и великіе ритори: Каллистратъ, Аристофонтъ, Кефалъ, Θρασυβουλъ и множество другихъ. Никто, однако, изъ нихъ никогда не отдавалъ себя всецѣло ни въ чемъ республикѣ: предлагавшій постановленіи не отправлялся въ посольство, а посланникъ не представлялъ предложеній; каждый изъ нихъ заботился о своемъ спокойствіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай непредвидѣнныхъ событій, о своихъ доходахъ, ἀναφοράν“. Мы позволяемъ себѣ перевести, произнесенное Димосееномъ слово ἀναφορά, словомъ доходъ, думая, что оно вполне соотвѣтствуетъ мысли оратора и подтверждается имъ же вслѣдъ за симъ приведеннымъ своимъ личнымъ примѣромъ, когда онъ, противопоставляя свои дѣйствія дѣйствіямъ прочихъ риторовъ, сказавъ съ достоинствомъ, что, при видѣ грозившей республикѣ опасности, онъ не помышлялъ о собственномъ обезпеченіи, πρόνοια τῆς ιδίας ἀσφαλείας ²⁾. Пифагоръ и

¹⁾ Димосеенъ, о вѣнцѣ, § 219, рад. 801: Καίτοι πολλοί παρ' ὑμῖν, ἄνδρες Ἀθηναῖοι, γυγόντες ῥήτορες ἐνδοξοὶ καὶ μεγάλοι πρὸ ἐμοῦ, Καλλίστρατος ἐκεῖνος, Ἀριστοφών, Κεφάλος, Θρασύβουλος, ἕτεροι μυριοί· ἀλλ' ὅμως οὐδεὶς πώποτε τούτων διὰ παντὸς ἔδωκεν ἑαυτὸν εἰς οὐδέν τῇ πόλει, ἀλλ' ὁ μὲν γράφων οὐκ ἂν ἐπέσβευσεν, ὁ δὲ πρᾶξέων οὐκ ἂν ἔγραψεν. Ἐπελείπετο γὰρ αὐτῶν ἕκαστος ἑαυτῷ ἅμα μὲν ῥασιώνην, ἅμα δ', εἴ τι γίγνοιτο, ἀναφοράν.

Последнее предложеніе размыслилось не всегда одинаково. Іеронимъ Вольтъ въ своемъ изданіи: Demosthenis et Aeschiniae, principum Graeciae oratorum, opera etc. illustrata per Hieronymum Wolfium, Francofurti, 1604, in-folio (изданіи 1572 у меня вѣтъ). Вольтъ (стр. 344) переводитъ: Quisque enim sibi relinquebat, et ocium et si quid accidisset receptum.

Въ изданіи Фемеля: Demosth. opera ed. I. T. Voemelius, Paris, 1843, in-8°, въ Biblioth. *Didota*: et otium et si quid accidisset excusationem.

Харлесь въ своемъ изданіи этой рѣчи: Demosthenis oratio de corona. iterum edidit G. Chr. Harless, Lips., 1814, in-8°: Unusquisque enim aliquid remissionis atque relaxationis sibi relinquebat, et, si quid forte evenerit, etiam subsidium aliunde quaerebat.

Есть переводъ на русскій языкъ рѣчи о вѣнцѣ Пономарева (Москва, 1784), но, не смотря на всѣ старанія, я не могъ приобрѣсти его.

²⁾ Οὐ λέγω ταῦτα, ἀλλ' οὕτως, ἐπεκείσμεν μέγαν εἶναι τὸν κατελιγφότα κίνδυνον τὴν πόλιν, ὥστ' οὐκ ἔδωκε μοι χώραν οὐδὲ πρόνοιαν οὐδεμίαν τῆς ιδίας ἀσφαλείας διδόναι.

Харлесь переводитъ: Non haec sane dico, sed periculum, in quo erat civitas, ita magnum esse mihi persuaseram, ut mihi nulla rebus meis privatis prospiciendi opportunitas dari videretur.

У Іер. Вольты, напротивъ, читаемъ: neque ullam me rationem habere privatae securitatis. Вольту слѣдуетъ Фемель.

Димосеонъ взаимно себя поддерживаютъ и разъясняютъ. Весь этотъ вопросъ рѣшается Аристотелемъ, употребляющимъ глаголъ ἀναφέρω: въ смыслѣ поступленія доходовъ. Говоря объ аподектахъ, онъ называетъ ихъ „начальствомъ, коему поступаютъ“ доходы общины для ихъ храненія и распредѣленія по вѣдомствамъ ¹⁾. Сходно съ нимъ выражается Ксенофонтъ въ разсужденіи о доходахъ ²⁾.

Изъ предшествовавшихъ разысканій можно, думаемъ, заключить съ достовѣрностью, что разбираемые нами выраженія принимались древними еллинами въ точно опредѣленномъ значеніи и соответствовали общественному положенію плательщика. Εἰσφορά, взносъ, есть собственно подоходный налогъ, взимаемый только съ гражданъ, при томъ не постоянно, а въ чрезвычайные случаи, въ особенности въ военное время. Слово ὑποτέλεια, встрѣчающееся только однажды, именно въ Гудовомъ этимологикѣ, означаетъ вообще повинность. Словомъ же μισθὸς обозначалась плата за наемный трудъ, какого бы рода онъ ни былъ; ἀναφορά значитъ оброкъ; наконецъ, ἀποφορά дань подать, первоначально, повидимому, только поземельная подать, ибо въ смыслѣ дани съ находившихся въ зависимости союзниковъ слово ἀποφορά является въ сравнительно позднѣйшее время и употреблено въ первый разъ Ксенофонтъ, у коего заимствовалъ уже Плутархъ, между тѣмъ какъ Иродотъ ³⁾ и Фукидидъ ⁴⁾ пишутъ φόρος и имъ подражаютъ нѣкоторые другіе писатели.

Хотя, впрочемъ, у Фукидида и не встрѣчается существительнаго ἀποφορά, есть, однако, глаголъ ἀποφέρω, употребляемый историкомъ, правда, въ значеніи платы податей за уступленную землю, но съ несомнѣнно точно опредѣленнымъ оттѣнкомъ политической дани, наложенной и взимаемой на основаніи заключеннаго договора. „Когда,—

¹⁾ Аристотель, Πολιτικά, кн. 7 (6), гл. 5, § 4: Ἄλλη δ' ἀρχή, πρὸς ἣν αὖ πρόσθεν τῶν κοινῶν ἀναφέρονται παρ' ὧν φυλαττόντων μερίζονται πρὸς ἐκάστην διοχρεῖται. Καλοῦσι δ' ἀποδέκτας τοὺτους καὶ ταμίαις.

²⁾ Ксенофонтъ, О доходахъ, гл. 5, § 15: Εὐρήσεται γὰρ τό τε παλαιόν ἐν εἰρήνῃ μὲν πάνυ πολλὰ χρήματα εἰς τὴν πόλιν ἀνερχθέντα, ἐν πολέμῳ δὲ ταῦτα πάντα καταδαπανηθέντα.

³⁾ Иродотъ, кн. 1, гл. 6, § 2: Οὗτος ὁ Κροῖσος βαρβάρων πρῶτος τῶν ἡμεῖς ἴδμεν τοὺς μὲν καταστρέψατο Ἑλλήνων ἐς φόρου ἀπαγωγὴν, τοὺς δὲ φίλους προσεποιήσατο.

⁴⁾ Фукидидъ, кн. 1, гл. 56, § 2: οἱ Ἀθηναῖοι Πотиδαίαν;..... ἐαυτῶν δὲ συμμάχους φόρου ὑποτέλεις.

говорить Фукидидъ ¹⁾),—открылась война лепреатовъ съ нѣкоторыми изъ аркадцевъ, лепреаты обратились къ илийцамъ и приглашали ихъ вступить съ ними въ союзъ, предлагая уступить имъ за ихъ помощь половину земли. Илийцы приняли предложеніе, подали помощь и окончили войну въ пользу лепреатовъ; но слѣдующую себѣ по договору половину земли они предоставили всецѣло лепреатамъ, постановивъ, однако, условіе, что ихъ союзники лепреаты обязуются вносить талантъ, *τάλαντον ἀποφέρειν*, олимпійскому Зевсу ежегодно, что, —прибавляетъ Фукидидъ, —тѣ исполняли до Аттической войны⁴. Здѣсь въ словѣ *ἀποφέρειν* заключается двойственное понятіе, —и дани, и поземельной подати.

VIII.

Заблужденіе Мюллера-Патрибига въ объясненіи Аѣнской Политіи Ксенофонта.—'Аποφορά у Андокида.—Измѣненіе названій денежныхъ повинностей съ паденіемъ политической независимости.—'Αποφορά у Плутарха.—Опроверженіе Мирона Пріинскаго.—Разграниченіе понятій въ словахъ *ἀποφορά*, *ἀναφορά* и *μισθός*. -- Свидѣтельство Эсхина въ подкрѣпленіе показаній Мирона.—Выводъ изъ предыдущихъ разсказовъ.—Заслуги Валуевъ, Хемстерхейса, Бека и новѣйшее изслѣдованіе по сему предмету М. Куторги.

Возвращаемся къ Ксенофонту и къ его описанію своеволія аѣнскихъ рабовъ, сообщенному нами въ началѣ сего разсужденія; разумѣемъ, однако, только его выраженіе *πράττειν τὰς ἀποφοράς*, что мы перевели словами: взимать, или собирать дани. Позволяемъ себѣ надѣяться, что предыдущее разсмотрѣніе предмета вполне оправдываетъ этотъ смыслъ и что новѣйшіе толкователи, отыскивая какія то сокровенныя трудности, сами же затемнили весьма ясную рѣчь писателя. Ксенофонтъ воспроизвелъ въ своемъ трудѣ объ Аѣнской республикѣ выраженіе, коимъ пользовались уже Иродотъ и Фукидидъ, замѣнивъ только, соображаясь съ современнымъ ему литературнымъ языкомъ, слово *φόρος*, тогда болѣе принятымъ *ἀποφορά*. Въ разсказѣ о насиліяхъ скиновъ въ Азіи, Иродотъ ²⁾ пишетъ: „Отдѣльно отъ

¹⁾ Фукид. кн. 5, гл. 81, § 2: Πολέμου γὰρ γενομένου ποτὲ πρὸς Ἀρχαίων τινας Λεπρεάταις καὶ Ἠλείων παρακληθέντων ὑπὸ Λεπρεατῶν εἰς συμμαχίαν ἐπὶ τῇ ἡμετέρῃ τῆς γῆς καὶ λυσάντων τὸν πόλεμον, Ἠλείοι τὴν γῆν νεομένης αὐτοῖς τοῖς Λεπρεάταις *τάλαντον ἑτασαν τῷ Διὶ τῷ Ὀλυμπίῳ ἀποφέρειν*. § 3: Καὶ μέχρι τοῦ Ἀττικοῦ πολέμου ἀπέφερον.

²⁾ Ирод. кн. 1, гл. 106, § 1: Χωρὶς μὲν γὰρ φόρων ἐπηρεζον παρ' ἐκάστων τὸ ἐκάστοις ἐπέβαλλον χωρὶς δὲ τοῦ φόρου, ἥρπαζον περιλαύοντες τοῦτο ὃ τι ἔχουσιν

даней: они взимали ἐπρησιν съ каждаго, что на каждаго налагалось: отдѣльно отъ сей дани, χωρίς τοῦ φόρου, они грабили наѣздами у каждаго, что каждому принадлежало¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, упоминая о нападеніи самосцевъ на островъ Сифносъ, ἡ Σίφνος, Иродотъ говоритъ, ¹⁾ что самосцы вытребовали съ сифнійцевъ сто талантовъ, и при этомъ историкъ употребилъ то же слово ἐπρησαν. Еще чаще читаются выраженія: φόρους πρῶττεσιν и φόρους πρῶτοςσιν у Θουкидида, и всегда въ смыслѣ требованія и взысканія дани. Въ договорѣ, заклю-

ѣхаютъ. Нельзя не согласиться, что въ этихъ словахъ Иродота есть нѣкоторая трудность, хотя и не столь значительная, какъ новѣйшіе издатели стараются отыскать. Для улучшенія, какъ говорятъ, текста они прибѣгаютъ по обыкновенію къ произвольному измѣненію оного; всѣхъ опередилъ, однако, Вильгельмъ Диндорфъ, который въ своемъ изданіи Иродота, помѣщенномъ въ Bibliotheca Scriptorum Graecorum Дидота, вмѣсто χωρίς μὲν γὰρ φόρων, написалъ, помимо всѣхъ рукописей, χωρίς μὲν γὰρ φόρων, отдѣльно отъ убійствъ. См. Herodoti historiarum libri IX recognovit Guilielmus Dindorfius. Paris, 1844, in-8°, кн. 1, гл. 106, pag. 36. Но Диндорфъ не нашелъ послѣдователей.

Особенность оборота рѣчи въ приведенномъ отрывкѣ заключается въ повтореніи слова χωρίς, не встрѣчающагося болѣе нигдѣ у сего писателя, тѣмъ болѣе, что, сказавъ χωρίς φόρων, онъ говоритъ потомъ χωρίς τοῦ φόρου. По этому поводу замѣчаетъ Беръ въ своемъ весьма дѣльномъ, ученѣмъ изданіи (Herodoti Musae, ed. I. C. F. Baehr, 4 vol. in-8°, editio altera, Lips., 1856—1861): Sed negotium facessunt verba continuo subjecta: χωρίς δὲ τοῦ φόρου, quae si recte posita neque ex glossemate illata sunt, vix aliter explicari poterunt, nisi ut, quod vel praeposito articulo declaratur, ad idem tributorum genus referantur, quod paulo antea verbis χωρίς μὲν γὰρ φόρων indicatum erat, indeque repetitionem quandam contineant consulto factam.

Мнѣ кажется, если не ошибаюсь, что слова: ἐπρησιν κατ' ἐκάστην τὴν ἐκάστοις ἐκείνων, составляютъ такъ называемое вставочное предложеніе, служащее дополненіемъ и разъясненіемъ слова: φόρων. Такое предложеніе по своему свойству самостоятельно и въ наше время отмѣчается обыкновенно скобками, но въ немъ естественно требуется повтореніе главнаго слова, здѣсь χωρίς, такъ какъ рѣчь вновь съ него начинается. Желая обозначить этотъ у древнихъ рѣдкій оборотъ рѣчи, я, не нарушая текста рукописей, позволилъ себѣ только обратиться къ знакомъ препинанія и поставилъ два раза двоеточіе, чрезъ что приведенныя слова предстаютъ въ видѣ вставочнаго, самостоятельнаго предложенія, коимъ указывается, чѣмъ были подати.

Нашъ Мартыновъ передаетъ, по моему мнѣнію, вѣрнѣе всѣхъ западныхъ толкователей мысль Иродота, хотя и не разбираетъ этого оборота его рѣчи. Въ своемъ изданіи греческаго подлинника съ русскимъ переводомъ онъ пишетъ: „Кромѣ дани, наложенной ими поголовно на каждаго жителя, они дѣлали на лошадей наѣзды и похищали у каждаго все, что у него было“.

¹⁾ Иродотъ, кн. 3, гл. 58, § 4: Καὶ αὐτοῦσμετὰ ταῦτα ἐκάστην τάλαντα ἐπρησαν.

ченномъ съ Тиссаферномъ, спартанцы обязуются „не собирать дани съ городовъ“ ¹⁾, находящихся подъ властью персидскаго государя.

О самомъ Тиссафернѣ Фукидидъ пишетъ, что царь повелѣлъ ему внести подати съ областей, бывшихъ подъ его властью, и уплатою которыхъ Тиссафернъ замедлилъ, такъ какъ „черезъ афинянъ онъ не могъ взыскать дани съ городовъ еллинидскихъ“ ²⁾. Согласно съ Иродотомъ и Фукидидъ употребляетъ слово *κράττειν* самостоятельно, присоединяя къ нему слово *χρήματα*, деньги. По возвращеніи военныхъ кораблей изъ Сициліи, — говоритъ онъ, — афиняне, подвергнувъ воеводу отвѣтственности, двухъ осудили къ изгнанію, „съ третьяго же, Еврамедонта, взыскали денежную пеню, *χρήματα ἐπράξαντο*“ ³⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ксенофонтъ, подъ выраженіемъ *ἵνα λαμβάνων μὲν πρᾶττι τὰς ἀποφοράς*, разумѣлъ взиманіе, при помощи рабовъ, дани съ островитянъ, и тѣмъ объяснялъ необходимость снисходительнаго обращенія съ рабами и дарованія имъ свободы. Г. Мюллеръ-Штрибингъ весьма ошибся, переведя это выраженіе словами: дабы мы получили избытокъ того, что они приобретаютъ ⁴⁾. Правда, онъ съ неограниченною легкостью и совершенно произвольно измѣнилъ текстъ, но и въ измѣненномъ даже имъ самимъ видѣ придаваемый имъ Ксенофонту смыслъ невозможенъ.

Намъ остается упомянуть объ Андокидѣ, который употребляетъ слово *ἀποφορά* именно въ значеніи поземельной подати, платимой за право разрабатывать принадлежащія республикѣ рудники, хотя это слово разъясняется новѣйшими толкователями, по нашему мнѣнію, иначе, чѣмъ разумѣлъ самъ ораторъ. Защищаясь въ рѣчи о мистеріяхъ противъ опаснаго для него обвиненія, Андокидъ разбираетъ показаніе Діоклида, Διοκλίδης, старающагося обнаружить не-

¹⁾ Фукидидъ, кн. 8, гл. 37, § 1: ἐπὶ ταύτας (πόλεις) μὴ ἵεναι ἐπὶ πολέμῳ μὴδὲ κατὰ μηδενὶ μῆτε Λακεδαιμονίους μῆτε τοὺς συμμάχους τοὺς Λακεδαιμονίων. Μὴδὲ φόρους πρᾶσσεσθαι ἐκ τῶν πόλεων τούτων μῆτε Λακεδαιμονίους μῆτε τοὺς συμμάχους τῶν Λακεδαιμονίων.

²⁾ Фукидидъ, кн. 8, гл. 5, § 5: ὑπὸ βασιλέως γὰρ νεωστὶ ἐτόχηνε παπραγμένος τοὺς ἐκ τῆς αὐτοῦ ἀρχῆς φόρους, οὓς δὲ Ἀθηναίους ἀπὸ τῶν Ἑλληνίδων πόλεων οὐ δυνάμενος πρᾶσσεσθαι ἐπαφείλησε.

³⁾ Фукидидъ, кн. 4, гл. 65, § 3: Ἐλθόντας δὲ τοὺς στρατηγούς οἱ ἐν τῇ πόλει Ἀθηναῖοι τοὺς μὲν φυγὴ ἐζημίωσαν, Πυθόδωρον καὶ Σοφοκλέα, τὸν δὲ τρίτον Εὐρυμεδонта χρήματα ἐπράξαντο.

⁴⁾ Der Staat der Athener, pag. 158: damit wir den Überschuss von dem erhalten, was sie erwerben.

правдоподобность онаго. Этотъ разборъ начинается словами: ἔφη γὰρ εἶναι μὲν ἀνδοκίδου οἱ ἐπὶ Δασορίφ, θεῖν δὲ κομισαοθαι ἀκοφοράν ¹⁾. Рейске былъ видимо въ недоумѣніи, такъ что не составилъ перевода, а положилъ мысль Андокида описательно, при томъ не совсѣмъ ясно ²⁾, ибо нельзя рѣшить: желалъ ли Рейске сказать, что Діоклидъ самъ выплачивалъ серебро, или, по примѣру Никіи, поставлялъ только своихъ рабовъ въ наймы другому съемщику. Последнее толкованіе читаемъ у аббата Ожера и у его послѣдователя, пастора Альберта Беккера ³⁾, которые даже полагаютъ, что Діоклидъ говорилъ объ одномъ своемъ рабѣ, не о многихъ.

Надѣмся, что слова Андокида окажутся простыми и понятными, если сравнимъ ихъ съ подходящими сюда словами Фукидида, пользующагося съ Андокидомъ тѣмъ же глаголомъ. Фукидидъ разказываетъ, въ приведенномъ уже нами извлеченіи, что Тиссафернъ, побуждаемый царемъ Персіи, обдумывалъ мѣры къ вѣрнѣйшему взысканію податей и къ удовлетворенію требованій своего государя. „Тиссафернъ почиталъ,—пишетъ историкъ ⁴⁾,—что, причинивъ вредъ лоннянамъ, онъ и скорѣе успѣетъ собрать подати, и приобрѣтитъ царю союзника въ лакедемонянахъ“. Оба писателя употребляютъ тождественное выраженіе для обозначенія сбора податей, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ называется φόρος, другой ἀκοφορά. Изъ этого сопоставленія слѣдуетъ заключить, что Діоклидъ самъ снималъ часть лаврійскихъ рудниковъ, гдѣ самъ чрезъ своихъ рабовъ вырабатывалъ металлы, и что онъ показывалъ на судѣ, будто бы

¹⁾ Андокидъ, О мистеріяхъ, § 38.

²⁾ *Oratorum graecorum volumen octavum* (Lipsiae, 1778, in-8°) curavit Io. Iac. Reiske; *Andocidis oratio De Mysteriis, seu sacris Eleusiniis profanatis*, pag. 319: *Dioclidēs nimirum sibi servum aiebat esse super argentifodina sua in Laureo. Ab illo servo sibi tum fuisse auferendam ratam portionem mercedis annuae, pactae, ex illius argentifodinae fructibus.*

³⁾ *Discours de Lycurgue, d'Andocide, d'Isée, de Dinarque, par l'abbé Auger*. Paris, 1783, in-8°. *Andocides übersetzt und erläutert von Albert Gerhard Becker*, Quedlinburg und Leipzig, 1832, in-8°.

Auger, pag. 109: J'avais, disait Dioclides, au mont Laurium un esclave dont je voulais faire payer le travail.

Bekker, pag. 163: Diokleides nämlich sagte aus: er besitze einen Sklaven in Laurium, für dessen Arbeit er dort den Lohn hätte holen wollen.

⁴⁾ Фукид. кн. 8, гл. 5, § 5: τοὺς τε οὖν φόρους μᾶλλον ἐνόμιζε κομισαοθαι κατὰς τοὺς Ἀθηναίους, καὶ ἂν βασιλεῖ ἐνμάρχου; Λακεδαιμονίους ποιῆσαν.

шелъ въ Лаврій для сбора поземельной, вносимой въ казну республики, подати.

Названія разобранныхъ денежныхъ повинностей удерживали свое значеніе во все время процвѣтанія еллинскихъ республикъ, въ томъ самомъ смыслѣ, изъ коемъ мы старались опредѣлить его. Но съ паденіемъ греческой независимости, эти названія стали смѣшиваться и взаимно себя замѣнили, чѣмъ и объясняется неправильность показаній грамматиковъ и позднѣйшихъ толковниковъ. Слово *ἀποφορά* употреблялось вмѣсто *ἀναφορά* для обозначенія оброка, платимаго рабами своимъ господамъ за обрабатываемую ими господскую землю. Замѣчательный приѣмъ такого измѣненія встрѣчается у Плутарха, при томъ три раза, и всякій разъ при описаніи повинностей спартанскихъ илотовъ. „Илоты,—пишетъ онъ въ статѣ: О древнихъ обычаяхъ лакедемонянъ ¹⁾, обрабатывали земли спартанцевъ, платя имъ оброкъ, *ἀποφοράν*, изстари установленный“. Онъ повторяетъ тоже извѣстіе въ жизнеописаніи Ликурга ²⁾, гдѣ говоритъ, что „илоты воздѣлывали гражданамъ землю, платя имъ опредѣленный оброкъ, *ἀποφοράν*“. Наконецъ, въ томъ же жизнеописаніи, упоминая о раздѣлѣ Ликургомъ земель, хотя и не называя илотовъ, Плутархъ ³⁾ сообщаетъ, что „надѣлъ каждому гражданина былъ такимъ, что давалъ оброка, *ἀποφοράν*, мужчинѣ семьдесятъ медимновъ ячменя, женщинѣ двѣнадцать, и соразмѣрную часть влажныхъ произведеній“, то-есть, вина и масла.

Читая эти показанія Плутарха, можно было бы подумать, что оброкъ обозначался у древнихъ еллиновъ дѣйствительно словомъ *ἀποφορά*, вовсе не *ἀναφορά*, что мы старались доказать на основаніи, повидимому, положительныхъ свидѣтельствъ. Оказывается, однако, что Плутархъ ошибся и тѣмъ ввелъ въ заблужденіе какъ позднѣйшихъ грамматиковъ, такъ и новѣйшихъ ученыхъ. Плутарха опровергаетъ Миронъ Приинскій, драгоценное извѣстіе коего сохранилъ Аэнинъ

¹⁾ Плутархъ, τὰ παλαιὰ τῶν Λακεδαιμονίων ἐπιτηδεύματα, § 41: Οἱ δὲ Ἐλλῶτες αὐτοῖς (τοῖς Λακεδαιμονίοις) εἰργάζοντο τὴν γῆν, ἀποφέροντες ἀποφοράν τὴν ἀνωθεν ἰσταμένην.

²⁾ Гл. 24, § 8: Οἱ δὲ Ἐλλῶτες αὐτοῖς εἰργάζοντο τὴν γῆν, ἀποφέροντες ἀποφοράν τὴν εἰρημένην τελοῦντες.

³⁾ Гл. 8, § 4: Ὁ δὲ κλήρος ἦν ἐκάστου τοσοῦτος, ὥστ' ἀποφοράν φέρειν ἀνδρὶ μὲν ἐβδομήκοντα κριθῶν μεδίμνους, γυναίκῃ δὲ δώδεκα, καὶ τῶν ὕρῶν καρπῶν ἀναλίσγων τὸ πλεόνος.

въ „Пирѣ Софистовъ“. Приведемъ собственныя слова Аеннея: „Миротъ Принскій,—говоритъ онъ ¹⁾,—описываетъ во второй книгѣ своей исторіи мессинцевъ слѣдующимъ образомъ возмутительное обращеніе лакедемонянъ съ илотами“. За симъ помѣщенъ разказъ о безчинствѣ спартанцевъ, по окончаніи коего Миронъ прибавляетъ: „передать илотамъ землю, они установили долю (дохода), которую тѣ имъ оброчною статьею подносили“. Употребленный Мирономъ глаголъ ἀναφάρω прямо указываетъ, что повинность илотовъ называлась ἀναφορά, оброкъ.

Свидѣтельство Мирона тѣмъ значительнѣе, что, хотя время его жизни въ точности неизвѣстно ²⁾, несомнѣнно, однако, что онъ былъ древнѣе Плутарха, такъ какъ Плутархъ имъ пользовался и на него ссылается, только не называя его по имени. Въ жизнеописаніи Агиса, повѣствуя объ убійствѣ сего царя и о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ злодѣяніемъ, выставивъ также на видъ, что Агисъ первый изъ царей умерщвленъ ефорами, Плутархъ ³⁾ замѣчаетъ, что „мессинцы увѣряютъ, будто бы и царь Теопомпъ палъ отъ руки Аристомена, но лакедемоняне отрицаютъ, говоря, что онъ былъ только раненъ“. Выраженіе: „мессинцы“ есть литературный приѣмъ вмѣсто: бытописателя Мессинія; ихъ же было два: Ріанъ Винаѣскій, описавшій мессинскую войну въ стихахъ, и Миронъ Принскій, изложившій въ прозѣ и оставившій историческій трудъ, συγγραφή, въ истинномъ смыслѣ ⁴⁾. По удостовѣренію Павсанія, не Ріанъ, а Миронъ упоминалъ о битвѣ Аристомена съ Теопомпомъ и объ убіеніи имъ сего царя лакедемонянъ ⁵⁾, противъ чего возражаетъ Плутархъ и самъ Павсанія. По этой причинѣ біографъ мой, думаю, ссылатся

¹⁾ Аенней, кн. 14, гл. 74, pag. 657, с. d: "Οτι δὲ τοῖς Εἰλωσιν ὀβρισιτικῶς πᾶσι ἔχρηντο Λακεδαιμόνιοι, καὶ Μύρων ὁ Πρίηνεὺς ἱστορεῖ ἐν δευτέρῳ Μεσσηνιακῶν, γράφων οὕτως. — Καὶ παραδόντες αὐτοῖς τὴν χώραν, ἔταξαν μοῖραν ἣν αὐτοῖς ἀνίστασθαι ἐπέταλτο.

²⁾ До сихъ поръ никто, сколько мнѣ извѣстно, не занимался этимъ вопросомъ и не опредѣлялъ даже приблизительно эпохи его жизни.

³⁾ Плутархъ, Агисъ, гл. 21, § 2: Μεσσηνίων δὲ καὶ Θεόπομπον ὑπ' Ἀριστομένους πεσέν λεγόντων οὐ φασὶ Λακεδαιμόνιοι, πληγῆναι δὲ μόνον.

⁴⁾ Павсанія, кн. 4 (Мессин.), гл. 6, § 1: τοῦτον τῶν Μεσσηνίων τὸν πόλεμον Ῥιανὸς τε ἐν τοῖς ἔπεσιν ἐποίησεν ὁ Βηναῖος καὶ ὁ Πρίηνεὺς Μύρων λόγος δὲ περὶ Μύρωνος ἐστὶν ἡ συγγραφή. Вина, ἢ Βήνη, мѣсторожденіе Ріана, былъ городъ на островѣ Критѣ; Пріинна, ἢ Пріѣнна, іонійскій городъ въ Малой Азій.

⁵⁾ Тамъ же, § 4: Πισκοίηκε γάρ, ὡς ἀποκτείναι Θεόπομπον τὸν Λακεδαιμόνιον βασιλεῖα Ἀριστομένους, ὀλίγον πρό τῆς Ἀριστοδήμου τελευτῆς.

только на Мирона, и при томъ какъ на своего предшественника, которому, слѣдовательно, но не Плутарху, и принадлежитъ преимуществу въ избраніи подлиннаго спартанскаго названія илотскаго оброка.

Выводъ изъ свидѣтельства Мирона не ограничивается только открытіемъ недосмотра Плутарха: оно содѣйствуетъ опредѣленію различія словъ ἀποφορά и ἀναφορά, — различія, соблюдавшагося во время независимости еллинскихъ республикъ, но утраченнаго при господствѣ римлянъ. 'Αναφορά, говорили мы, значить оброкъ, то-есть, часть прихода, приносимая въ пользу владѣльца. Такой оброкъ могъ первоначально получаться только господиномъ отъ своихъ рабовъ, а потому подъ словомъ ἀναφορά разумѣлась оброчная статья господскаго имущества, какого бы рода само имущество ни было. На это учрежденіе, совершенно различное отъ платы за наемную работу, μισθός, и указываетъ Миронъ, употребивъ слово μοῖρα, доля, то-есть, доля прихода, взимаемаго съ земли, уступленной илоту въ пользованіе по оброку. 'Αποφορά, напротивъ, есть денежная повинность или въ видѣ дани, или въ видѣ поземельной подати, но всегда платимая только свободными, отдѣльными ли лицами, или цѣлою республикою. Она не доля прихода, а опредѣленный налогъ. У Иродота, Фукидида, Плутарха, ἀποφορά есть плата людей свободныхъ и городовъ въ правительственное казначейство.

Но въ словѣ „оброкъ,“ непремѣнно содержится понятіе дохода, при томъ дохода постояннаго, называемаго чистымъ доходомъ; потому не удивительно, что слово ἀναφορά употреблялось вообще въ смыслѣ дохода, что встрѣчается, какъ мы видѣли, у Пифагора, мысль коего вѣрно передана Ямвлихомъ. На помощь же Мирону является Эсхинъ, разъясняющій употребленное первымъ выраженіе, также въ смыслѣ доли выгоды или прихода. Въ рѣчи противъ Ктисифонта Эсхинъ, черня Димосеена и описывая его личность, говорить, что Димосеенъ, находясь въ Фивахъ, въ званіи посла афинянъ, и „подозрѣвая, что вѣотархи намѣреваются заключить сами собою отдѣльно миръ, принявъ одни, безъ него, золото отъ Филиппа, вторгся въ еивадское вѣче и, подобно герольду, провозгласилъ, чтобы вручили оброчную долю прибыли, ἀναφέρειν τὰ μέρη¹⁾. Эсхинъ и Миронъ воспроизвели общепринятое выраженіе.

¹⁾ Эсхинъ противъ Ктисифонта, § 149: Δημοσθένης τοὺς Βοιωτάρχας ὑποπτεύσας μέλλειν εἰρήνην ἰδίᾳ ποιῆσθαι χρυσίον ἔχει αὐτοῦ παρὰ Φιλίππου λαβόντας, ἀνακηθὼς ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦτο κήρυμα τι τοῖς Βοιωτάρχοις προκηρύττων ἀναφέρειν αὐτῶ τὰ μέρη τῶν λημμάτων.

Мы желали очертить положеніе господскихъ рабовъ въ древней Греціи, разряды, на которые они, по волѣ своихъ владѣльцевъ, дѣлились, ихъ службу и несомыя ими повинности; мы старались установить съ возможною точностію наименованія какъ разрядовъ, такъ самихъ повинностей, и опредѣлить значеніе разнообразныхъ названій, встрѣчающихся у еллинскихъ писателей. Наша цѣль—познакомиться съ состояніемъ рабовъ преимущественно въ Аѳинской республикѣ въ эпоху ея государственной независимости. Не касаемся измѣненій, происшедшихъ во время римскаго господства, и не разбираемъ названій, которыя, хотя и удержались въ своемъ первоначальномъ, древнемъ видѣ, но принимались часто въ совершенно новомъ значеніи. Признаемъ справедливымъ присовокупить, что заслуга перваго указанія на предметъ предшествовавшихъ разысканій принадлежитъ Валезію, за конемъ послѣдовалъ Хемстерхейсъ, присоединившій нѣсколько собственныхъ замѣчаній. Оба, однако, ученые только кратко указали, ничего не наследуя и ничего не подвергая критическому разбору; не смотря, однако, на то, они не нашли ни подражателей, ни противниковъ, такъ что вопросъ означеніи наименованій разныхъ повинностей оставался до сихъ поръ безъ отвѣта и въ томъ хаотическомъ смѣшеніи понятій, въ какомъ онъ является у Валезія и Хемстерхейса; Августъ Бѣкъ принялъ на вѣру случайныя замѣтки сихъ двухъ ученыхъ.

М. Кутерга.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. П. Даневскій. Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права. Выпуски 1-й и 2-й. Харьковъ. 1892.

Ровно десять лѣтъ назадъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ извѣстнаго труда профессора Мартенса „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ“. Въ слѣдующемъ 1883 году появился и второй томъ. Это было, можно сказать, первое въ русской литературѣ систематическое, полное и самостоятельное руководство по международному праву. Съ тѣхъ поръ литература наша по этому предмету, обогащаясь многими весьма цѣнными монографическими работами, не представила ни одного сочиненія, которое охватывало бы въ цѣльной системѣ всю эту область правовѣдѣнія. Такой трудъ появился въ настоящемъ году. Онъ принадлежитъ профессору Харьковскаго университета В. П. Даневскому, уже извѣстному въ литературѣ нѣсколькими серьезными монографіями и цѣлымъ рядомъ статей по разнымъ вопросамъ теоріи и практики международнаго права, появлявшихся почти ежегодно, начиная съ 1876 года. Этотъ трудъ носить скромное названіе „Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права“. Его ближайшая цѣль—служить руководствомъ для лицъ, подвергающихся испытанію въ юридическихъ комиссіяхъ, но авторъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду дать желающимъ возможность ознакомиться въ элементарномъ объемѣ со всѣмъ содержаніемъ международно-правовой науки. Первая цѣль авторомъ достигнута вполне: богатство содержанія при чрезвычайно сжатомъ изложеніи, соотвѣтствіе программамъ испытательныхъ комиссій, доступная, низкая цѣна (2 р. 50 к. за оба выпуска)—все это имѣетъ несомнѣнное значеніе для учебнаго руководства. Не въ такой мѣрѣ удовлетворительно выполнена вторая

задача: сжатость часто переходитъ въ сухость изложенія. языкъ мѣстами тяжелъ и не всегда ясенъ, система мало выдержана, литературныя указанія, какъ и самое изложеніе, неровны, иногда съ грубыми неточностями. Послѣдній недостатокъ, разумѣется, вредитъ книгѣ г. Даневскаго и какъ учебному руководству для студентовъ.

Не смотря, однако, на эти недостатки, разбираемая нами книга заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ качествѣ руководства по международному праву, она можетъ занять мѣсто рядомъ съ курсомъ проф. Мартенса, служа ему дополненіемъ не только съ фактической стороны (событія доведены до конца 1891 года), но и съ принципиальной. Въ основу своего изложенія проф. Даневскій кладетъ начало международного общенія, какъ и проф. Мартенсъ, но между тѣмъ какъ послѣдній дѣлаетъ постоянныя отступленія отъ принятаго имъ принципа, проф. Даневскій не отварачивается отъ выводовъ, вытекающихъ изъ указаннаго начала, а принимаетъ ихъ и требуетъ ихъ признанія. Въ курсѣ г. Мартенса, не смотря на противное утвержденіе автора, объективное начало общенія не является основнымъ, верховнымъ и при столкновеніи съ принципомъ государственнаго суверенитета почти всегда уступаетъ ему; въ „Пособіи“ проф. Даневскаго субъективному началу отводится вездѣ лишь подчиненная роль, а начало международного общенія проводится съ строгой послѣдовательностью во всѣхъ институтахъ международного права безъ исключенія. Эта принципиальность—одно изъ наиболѣе важныхъ достоинствъ „Пособія“. При разборѣ, къ которому теперь обращаемся, мы и будемъ главнымъ образомъ останавливаться на томъ, что характеризуетъ взгляды автора на существенные вопросы международно-правовой теоріи. При этомъ само собою обнаружится различіе, которое существуетъ во взглядахъ между авторомъ „Пособія“ и проф. Мартенсомъ, и представится возможность судить, кѣмъ изъ нихъ начало общенія проводится въ системѣ послѣдовательнѣе.

Первый выпускъ „Пособія“ содержитъ въ себѣ введеніе и общую часть матеріальнаго права; во второмъ выпускѣ помѣщена особенная часть и право процессуальное вмѣстѣ съ ученіемъ о нейтралитетѣ.

Въ *введеніи* авторъ сначала даетъ опредѣленіе международного права, какъ „системы порядъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія государствъ (народовъ) и ихъ подданныхъ въ сферѣ организованнаго юридическаго порядка“, и указываетъ основныя начала международного права—государственный суверенитетъ и международное общеніе, при чемъ послѣднему, какъ началу высшаго порядка, отдаетъ предпочтеніе.

Въ слѣдующей главѣ (2-й) введенія изложенъ историческій очеркъ развитія международныхъ сношеній и права. Авторъ начинаетъ исторію международного права съ среднихъ вѣковъ и дѣлитъ ее на 5 періодовъ, ставя на рубежѣ отдѣльныхъ эпохъ слѣдующіе факты: а) Вестфальскій миръ 1648 г., б) Французскую революцію 1789 г., с) Вѣнскій конгрессъ 1815 г., d) Парижскій миръ 1856 г. и е) Берлинскій конгрессъ 1878 г. Съ этого времени начинается новая эпоха, не давшая еще, по выраженію автора, точныхъ, законченныхъ итоговъ. Дѣленіе это чрезвычайно дробно и при томъ чисто внѣшнее; внутренняго основанія, оправдывающаго такое дѣленіе, авторъ не указываетъ. Что касается древности, то она, по мнѣнію г. Даневскаго, дала для исторіи международного права одни лишь отрицательные результаты. Онъ даетъ самый бѣглый очеркъ сношеній государствъ древняго Востока, Греціи и Рима, раздѣляя при этомъ мнѣніе проф. Мартенса и другихъ представителей науки международного права, что у народовъ Востока были лишь случайныя, чисто фактическія отношенія. Говоря о *jus gentium* Рима, онъ повторяетъ обычную ошибку многихъ изслѣдователей, заявляя категорично, что „*jus gentium* отнюдь не имѣетъ своимъ предметомъ международныхъ отношеній“ (вып. I, стр. 25)¹⁾. Исторія международныхъ отношеній въ средніе вѣка и въ новое время изложена сжато, но вполне ясно, съ указаніемъ всѣхъ существенныхъ моментовъ въ ихъ развитіи. Очеркъ доведенъ до самаго послѣдняго времени (конецъ 1891 года), при чемъ изложеніе становится болѣе обстоятельнымъ и подробнымъ по мѣрѣ удаленія отъ среднихъ вѣковъ. Заключивается онъ двумя Берлинскими конференціями: африканской 1884—1885 г. и по рабочему вопросу 1890 г.; послѣдняя, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, излагается ранѣе африканской. О конференціи 1889—1890 г., имѣвшей мѣсто въ Брюсселѣ и постановленіями своими дополнившей и измѣнившей актъ африканской конференціи, авторъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ ни слова, а откладываетъ изложеніе ея до особенной части, гдѣ въ главѣ, посвященной борьбѣ государствъ съ неготорговлею, даетъ о ней подробный отчетъ. Было бы гораздо естественнѣе помѣстить Брюссельскую конференцію 1889—1890 г. въ концѣ историческаго очерка между-

¹⁾ Этому противорѣчатъ источники, въ которыхъ есть прямые указанія на то, что въ понятіе *jus gentium* входили и отношенія междугосударственные, а не одни частно-правовыя, какъ это обыкновенно утверждаютъ. Примѣромъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ Дигестъ: *Si quis legatum nostrum pulsasset, contra jus gentium id commissum existimatur, quia sancti habentur legati* (l. 17, Dig. I, 7).

народныхъ сношеній и трактатовъ и не заставляя читателей искать окончанія въ особенной части „Пособія“.

Литература международного права (гл. 3) изложена въ сжатомъ очеркѣ, заключающемъ, однако, указанія на всѣ существенные моменты въ ея развитіи. Писатели XVII и XVIII вѣковъ сгруппированы по направленіямъ (абстрактное, положительное и соединительное—философско-позитивное), новѣйшіе же (XIX вѣка) — по національностямъ: а) англо-американская, б) германская, в) итальянская, д) русская, при чемъ самая принадлежность къ той или другой національности довольно точно опредѣляетъ и направленіе писателя. Характерныя черты русскихъ писателей по международному праву, къ сожалѣнію, не указаны. При перечислѣ новѣйшихъ руководствъ сдѣланы нѣкоторыя упущенія: нѣтъ указанія на извѣстный учебникъ Rivier, „Lehrbuch des Völkerrechts“, и на новѣйшій трудъ Pasquale Fiore, „Il diritto internazionale codificato“, появившійся въ 1890 г. и тогда же переведенный на французскій языкъ; въ немъ сдѣлана новая попытка изложить все содержаніе международного права въ формѣ кодекса.

Въ главѣ, посвященной источникамъ международного права (гл. 4), проф. Даневскій дѣлаетъ необходимое различіе между внутреннимъ источникомъ, всегда единымъ, какимъ является юридическое убѣжденіе народовъ о необходимости между ними правового порядка, и источниками внѣшними, къ которымъ, кромѣ трактатовъ и обычая, онъ причисляетъ еще внутреннее законодательство отдѣльныхъ государствъ, рѣшенія общихъ и специальныхъ судовъ (международнаго характера) и науку международного права. Роль науки, какъ внѣшняго источника, совсѣмъ не выяснена.

Вслѣдъ за источниками авторъ говоритъ о предѣлахъ распространенія международного права (гл. 5) и затѣмъ уже переходитъ къ вопросу о кодификаціи источниковъ (гл. 6), хотя этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ ученіемъ объ источникахъ и не долженъ бы отрываться отъ послѣднѣго, составляя какъ бы его продолженіе. Авторъ относится съ сочувствіемъ къ кодификаціи источниковъ международного права, но считаетъ общую кодификацію преждевременной, не имѣющей шансовъ на успѣхъ: при этой работѣ должно идти отъ частнаго къ общему, закрѣпляя въ сводѣ отдѣльные институты международного права лишь по мѣрѣ того, какъ они пріобрѣтаютъ въ юридическомъ сознаніи народовъ извѣстную прочность; въ противномъ случаѣ кодификація, по мнѣнію автора, была бы насиліемъ надъ выясняющимся только еще сознаніемъ.

Говоря о предѣлахъ распространенія международнаго права, г. Даневскій отвергаетъ мнѣнiе Мартенса, будто нормы международнаго права не примѣнимы къ народамъ, стоящимъ на низшей ступени цивилизаціи, къ которымъ должны де примѣняться положенія естественнаго права; послѣднія, вытекающія изъ природы вещей и разума, могутъ найти приложеніе и между народами, стоящими на различныхъ ступеняхъ культуры. Проф. Даневскій становится на историческую точку зрѣнія и считаетъ возможнымъ примѣнять къ народамъ низшей культуры нормы международнаго права, уже отжившія у насъ, но когда-то имѣвшія силу при условіяхъ, сходныхъ съ тѣми, въ которыхъ народы низшей культуры продолжаютъ жить и до настоящаго времени. „Историческія условія различія культуръ, — справедливо замѣчаетъ г. Даневскій, — вызываютъ историческія различія и въ нормахъ международнаго права“, а потому историческія нормы права, не пригодныя болѣе къ сношеніямъ между европейцами, могутъ найти приложеніе въ отношеніяхъ ихъ къ народамъ дикимъ или полудикимъ. Эта мысль, на которой обыкновенно мало останавливаются, заслуживаетъ полнаго вниманія. Она можетъ выѣсть съ тѣмъ оправдать необходимость историческаго изученія международнаго права даже въ глазахъ практиковъ, которые привыкли видѣть въ подобномъ занятіи пустую трату времени.

Введеніе заканчивается возраженіями отрицателямъ международнаго права (гл. 7).

Система, которой держится г. Даневскій при догматическомъ изложеніи международнаго права, нѣсколько своеобразна и требовала бы поясненій со стороны автора; между тѣмъ онъ не только ничего не говоритъ въ ея оправданіе, но даже и вообще не считаетъ нужнымъ затрогивать вопроса о системѣ международнаго права. Безъ указаній автора нельзя даже опредѣлить, какой признакъ положенъ въ основаніе при разграниченіи общей части отъ особенной; можно дѣлать лишь болѣе или менѣе подходящія догадки на этотъ счетъ. Общая часть содержитъ ученіе о субъектахъ вмѣстѣ съ ученіемъ о такъ называемыхъ основныхъ правахъ государствъ (гл. 1), объ организаціи общенія между государствами и объ органахъ этого общенія (главы 2 и 3), о государственной территоріи (гл. 4) и о международныхъ договорахъ (гл. 5); въ особенной же части излагается „международная охрана правъ человека и подданнаго“ (отдѣлъ I) и „международная охрана правъ и интересовъ государствъ въ сферѣ международнаго общенія“ (отд. II). Особенная часть является, такимъ образомъ, какъ бы

отдѣломъ процессуальнаго права, хотя по содержанію своему принадлежитъ и самимъ авторомъ отнесена къ праву матеріальному.

Часть общая начинается ученіемъ о государствѣ, какъ субъектѣ международнаго права (гл. 1). Авторъ разсматриваетъ роль отдѣльныхъ элементовъ государства въ международномъ правѣ и переходитъ затѣмъ къ такъ называемымъ основнымъ правамъ государствъ, куда причисляетъ: 1) право на независимость, 2) право территоріальности. 3) право на равенство, 4) право на уваженіе и честь, 5) дѣеспособность и 6) право на самосохраненіе. Включеніе въ число основныхъ правъ государствъ ихъ дѣеспособности, а равно и самый порядокъ, въ которомъ исчислены эти права, авторъ старается оправдать посредствомъ слѣдующей цѣли разсужденій. Всѣ перечисленные права,—говоритъ онъ,—вытекаютъ изъ одного существеннѣйшаго—изъ права на верховенство; послѣднее заключаетъ въ себѣ неразрывное съ нимъ право на независимость внутреннюю и внѣшнюю; изъ внутреннего верховенства истекаетъ право территоріальности, изъ внѣшняго—право на равенство, а изъ послѣдняго—право на уваженіе и честь; но дѣеспособность государствъ должна выразиться въ ихъ дѣеспособности, то-есть, въ дѣйствительномъ проявленіи ихъ правъ, а проявленіе дѣеспособности приводитъ къ необходимости самозащиты, то-есть, къ праву на самосохраненіе (стр. 126). Къ дѣеспособности государствъ присоединяется такъ называемое право на международное общеніе. Это искусственное соединеніе мотивировано такимъ образомъ: „Внѣшняя дѣеспособность проявляется въ поддержаніи отношеній къ другимъ народамъ, къ которымъ (?) государства призваны въ качествѣ членовъ международнаго общенія, почему ни одинъ цивилизованный народъ, членъ послѣдняго, не можетъ отказаться отъ сношеній съ другими народами“ (стр. 134). Авторъ, тѣмъ не менѣе, не оправдываетъ, и по нашему мнѣнію вполне справедливо, насильственного вынужденія торговыхъ сношеній; осуждая подобное насиліе, онъ считаетъ необходимымъ предоставить сближающему вліянію времени добровольное возникновеніе такихъ сношеній. Вопросъ о вѣншательствѣ разсматривается въ ученіи о правѣ на независимость. Авторъ признаетъ начало невѣншательства во внутреннія дѣла государствъ, но допускаетъ въ видѣ исключенія такое вѣншательство, предпринимаемое въ интересахъ высшаго порядка, при томъ всегда коллективно, а именно: при нарушеніи государствами низшей культуры основныхъ правъ всякаго культурнаго челоѣка—права на физическое существованіе и физическую свободу, права на свободу со-

вѣсти (религіозна свобода) и права на свободу гражданскую; что же касается вѣшателства во внѣшнія отношенія государства, то оно составляетъ, по мнѣнію автора, общее правило, а невѣшателство—исключеніе изъ него; однако, и здѣсь указывается лишь два основанія для вѣшателства, которое также должно быть коллективнымъ: противодѣйствіе стремленію основать всемірную монархію и нарушеніе трактатовъ международно-законодательнаго характера. Вслѣдъ за основными правами государствъ идетъ изложеніе особенныхъ формъ строенія послѣднихъ, хотя логически оно должно было предшествовать ученію объ основныхъ правахъ. Формы строенія государствъ изложены очень обстоятельно, но не всегда съ достаточною ясностью. Такъ, въ одномъ мѣстѣ (стр. 144) авторъ говоритъ, что реальная унія есть соединеніе болѣе прочное, нежели союзъ государствъ, а нѣсколько далѣе (стр. 149) заявляетъ, что „идею постоянства связи (соединенія) союзъ государствъ существенно отличается отъ реальной уніи“. „Прочность“ и „постоянство“—понятія далеко не столь различныя, чтобы ими можно было характеризовать упомянутыя выше двѣ формы государственныхъ соединеній.

Слѣдующія двѣ главы общей части посвящены организаціи общенія между государствами (гл. 2) и органамъ этого общенія (гл. 3). Въ первой изъ нихъ авторъ знакомитъ насъ съ попытками организаціи международнаго союза въ исторіи и въ литературѣ и даетъ при этомъ прекрасный очеркъ системъ политическаго равновѣсія, легитимизма и начала національности; въ слѣдующей же главѣ, переходя къ органамъ международнаго общенія, говоритъ о конгрессахъ и конференціяхъ, о международномъ судѣ и администраціи, о дипломатическихъ агентахъ и государяхъ и о консулахъ. Въ исторіи развитія конгрессовъ и конференцій авторъ замѣчаетъ три періода: а) до XIX вѣка международныя собранія созывались послѣ войнъ и санкціонировали результаты послѣднихъ; они являлись органами не права, а политическихъ интересовъ и соображеній; участвовали въ нихъ однѣ лишь непосредственно заинтересованныя державы; б) съ Вѣнскаго конгресса 1815 г. характеръ этихъ собраній нѣсколько измѣняется: рѣшенія ихъ касаются уже не однихъ только политическихъ вопросовъ, но и чисто юридическихъ отношеній между народами (негро-торговля, рѣчное судоходство и проч.); участіе въ собраніяхъ принимаютъ всѣ державы-руководительницы, а не однѣ лишь заинтересованныя стороны; вырабатывается вѣстѣ съ тѣмъ идея извѣстнаго постоянства и правильности въ международныхъ собраніяхъ; в) съ Парижскаго

конгресса 1856 г. (въ Америкѣ еще ранѣе этого времени) общія начала международно-правоваго порядка выдвигаются на первый планъ (Женевская конвенція 1864 г., Берлинская Африканская конференція 1885 г.); въ собраніяхъ по всѣмъ дѣламъ общаго интереса теперь принимаютъ уже участіе всѣ сколько нибудь вліятельныя державы; самое собраніе весьма часто не является уже послѣдствіемъ войны или угрожающихъ политическихъ осложненій, а сзывается по инициативѣ какого нибудь государства для рѣшенія общихъ вопросовъ международнаго права. Установившаяся практика требуетъ, чтобы рѣшенія на этихъ собраніяхъ непременно принимались единогласно. Это положеніе авторъ, исходя изъ идеи международнаго общенія, признаетъ опаснымъ и принципиально оснашиваемымъ. Онъ желаетъ, по крайпей мѣрѣ, разграниченія вопросовъ существенныхъ отъ несущественныхъ, примиряется еще съ требованіемъ единогласія для первыхъ, но для вторыхъ считаетъ рѣшеніе большинствомъ голосовъ единственно правильнымъ. Установленіе международнаго суда, какъ постоянного органа, проф. Даневскій считаетъ вполне возможнымъ, вопреки мнѣнію проф. Мартенса, Seeböhm'a и Holtzendorff'a; но, съ другой стороны, ему кажется невозможнымъ начертать въ настоящее время планъ организаціи международнаго суда во всѣхъ подробностяхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, такъ какъ „международная жизнь, по справедливому его замѣчанію, не дала еще достаточнаго къ построенію такой организаціи матеріала и опредѣленныхъ формъ“ (стр. 182 — 183). Общей международной администраціи „не было и, по мнѣнію автора, наврядъ ли будетъ существовать“, но могутъ установиться и въ дѣйствительности уже существуютъ отдѣльныя административныя управленія въ видѣ специальныхъ союзовъ, каковы: коммиссіи для управленія международными рѣками и каналами, союзы почтовый и телеграфный, промышленный, литературный и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „идея международнаго порядка побуждаетъ идею суверенной независимости“. Исходя изъ начала праваго общенія между народами, авторъ признаетъ отказъ въ принятіи или отправленіи пословъ недопустимымъ. На будущее пословъ онъ смотритъ, подобно гр. Камаровскому, полагающему вѣроятнымъ упраздненіе ихъ съ установленіемъ правильной международной организаціи: разъ въ международномъ союзѣ, говоритъ онъ, будутъ созданы законодательный и судебный органы, дипломатія и дипломатическіе агенты потеряютъ свой *raison d'être* (стр. 196). Но, между тѣмъ, какъ значеніе пословъ съ каждымъ днемъ падаетъ, положеніе представителей социаль-

ныхъ интересовъ государствъ, консуловъ, возвышается, и функціи ихъ постоянно осложняются. Консульскіе суды на востокѣ авторъ вмѣстѣ съ гр. Камаровскимъ признаетъ отжившими уже свое время, устарѣлыми и несоотвѣтствующими требованіямъ хорошаго правосудія; во вѣсѣхъ государствахъ востока могутъ быть введены смѣшанные суды на подобіе тѣхъ, которые учреждены въ Египтѣ; но они должны стать чисто международными, получить хорошіе кодексы, а юрисдикція ихъ должна быть распространена и на лицъ одной и той же національности и даже на туземцевъ.

Послѣднія двѣ главы общей части посвящены ученію о государственной территоріи (гл. 4) и о международныхъ договорахъ (гл. 5). Въ ученіи о договорахъ авторъ во всемъ слѣдуетъ взглядамъ новѣйшаго изслѣдователя по этому вопросу, Laghi. Выставляемые послѣднимъ требованія для дѣйствительности международныхъ договоровъ, принимаемые и нашимъ авторомъ, таковы, что гарантируютъ ихъ прочность и обязательную силу. Къ этимъ требованіямъ принадлежатъ: заключеніе международныхъ договоровъ законодательною властью въ государствѣ; безусловная необходимость ратификаціи, въ которой верховная власть всегда въ правѣ отказать; ничтожность договоровъ, вынужденныхъ насиліемъ надъ волею государства (а не его представителя, что всѣми признается условіемъ ничтожности сдѣлки), и, наконецъ, признаніе дѣйствительной силы договоровъ лишь при условіи *rebus sic stantibus*, при чемъ рѣшеніе вопроса о наличности этого условія въ каждомъ спорномъ случаѣ предоставляется международному третейскому суду.

Особенная часть „Пособія“ не представляетъ большого интереса въ принципиальномъ отношеніи; при томъ сравнительно съ другими отдѣлами книги обработана слабо, а потому мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на ея содержаніе. Она занимаетъ въ „Пособіи“ всего 70 страницъ (изъ 408) и распадается на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ рѣчь идетъ о международной охранѣ правъ человѣка и подданнаго: о международной защитѣ личной и религіозной свободы человѣка (гл. 1), правъ человѣка на эмиграцію и перемѣну подданства (гл. 2) и гражданскихъ правъ подданныхъ (гл. 3). При изложеніи правъ на религіозную свободу, авторъ касается конкордатовъ, которые признаетъ, вмѣстѣ съ Laghi, своеобразными трактатами; по его мнѣнію, „они вскорѣ окажутся излишними, такъ какъ національныя церкви отдѣлятся отъ контроля и властвованія римскаго первосвященника, который обратится современемъ въ обыкновеннаго епи-

скопа Рима" (пун. II, стр. 9). Правъ ли былъ г. Даневскій въ своемъ сужденіи о будущности папства, покажетъ время. Во всякомъ случаѣ, при настоящемъ положеніи вещей, когда римскій первосвященникъ только что начинаетъ выступать въ новой роли покровителя социальныхъ реформъ, лучше воздержаться отъ какого бы то ни было сужденія по этому вопросу: укрѣпленіе его власти и авторитета представляется столь же вѣроятнымъ, какъ и возможное ихъ умаленіе и паденіе.

Второй отдѣлъ особенной части посвященъ международной охранѣ правъ и интересовъ государствъ въ сферѣ международнаго общенія и включаетъ въ себя: 1) международную охрану юридическаго порядка отъ преступныхъ дѣяній (гл. 4), 2) охрану артерій всемірнаго оборота (пути и средства международныхъ сообщеній (гл. 5) и 3) охрану экономическихъ и санитарныхъ интересовъ государствъ (гл. 6). Изъ всей особенной части обстоятельнѣе другихъ изложены главы 3 и 4, то-есть, гражданское и уголовное международное право, слабѣе же всего глава 5, трактующая объ охранѣ артерій всемірнаго оборота. Недостатки послѣдней сказываются даже въ перечнѣ литературныхъ пособій, сдѣланномъ въ началѣ главы. Въ этомъ перечнѣ работы Engelhardt'a по рѣчному судоходству приписаны Sagathéodogu, на которыя указанія сдѣланы совершенно случайно, и вовсе не упомянута книга г. Форштетера: „Дунай, какъ международная рѣка“, а между тѣмъ тутъ же приводятся нѣкоторыя журнальныя статьи.

Переходимъ теперь ко II книгѣ „Пособія“, содержащей *международное процессуальное право* вмѣстѣ съ ученіемъ о нейтралитетѣ, которое авторъ какъ будто выдѣляетъ въ особый институтъ и ставитъ рядомъ съ первымъ, а не въ подчиненное къ нему отношеніе. Это — лучшая и наиболѣе обработанная часть всего труда г. Даневскаго; ею онъ заканчивается и оставляетъ, такимъ образомъ, въ читателя пріятное впечатлѣніе о всей работѣ. Начало общенія проведено здѣсь съ такою же строгою послѣдовательностью, какъ и въ разсмотрѣнныхъ уже нами отдѣлахъ „Пособія“. Остановимся вкратцѣ на болѣе характерныхъ взглядахъ автора.

Изъ способовъ разрѣшенія столкновеній между государствами весьма удачно выдѣлены въ особую группу способы предупредительные, предшествующіе самому процессу. Эти непроцессуальныя формы, отличающіяся своей неопредѣленностью и случайностью, имѣютъ политическую окраску и могутъ устранить самую необходимость процесса. Сюда относятся: дипломатическіе переговоры со всѣми вытекающими

изъ нихъ случайными рѣшеніями (напримѣръ, жребій), добрыя услуги и посредничество. «Формы добрыхъ услугъ, по мнѣнію автора, — „робкая и слабая попытка членовъ международнаго общенія устранить грозу (войны), наступленіе которой вредно отражается на нихъ“; она представляетъ „всецѣло плодъ уваженія къ щепетильнымъ воззрѣніямъ государствъ на ихъ суверенную независимость“, не допускающую энергическаго вмѣшательства другихъ державъ въ возникающій между ними споръ. Въ виду этого, съ укрѣпленіемъ сознанія о международномъ общеніи, форма „добрыхъ услугъ“ постепенно вытѣсняется посредничествомъ. Последнее, по мнѣнію автора, является не только правомъ, но и обязанностью каждаго члена международнаго союза.

Въ собственномъ процессѣ проф. Даневскій разграничиваетъ процессуальныя формы болѣе совершенныя, пропикнутыя юридическимъ характеромъ, и формы несовершенныя, грубыя, насильственныя. Къ первымъ относится международный третейскій судъ, который со временемъ долженъ привести къ организаціи постояннаго международнаго суда; къ насильственнымъ же формамъ принадлежать: а) суммарный процессъ въ видѣ репрессалій (эмбарго, какъ ихъ разновидность) и мирной блокады и б) процессъ сложный, въ которомъ могутъ заключаться всѣ отдѣльные виды суммарнаго процесса, — война.

Успѣхи идеи международнаго третейскаго суда изложены въ послѣдовательномъ порядкѣ до позднѣйшаго времени (интерпарламентарная конференція 1891 г. въ Римѣ), при чемъ обращено вниманіе на особенное положеніе американскихъ государствъ, среди которыхъ установленіе обязательнаго третейскаго суда имѣетъ лишь одного противника въ лицѣ Чили. Это государство высказывается, однако, за обязательное обращеніе къ посредничеству, которому отдаетъ предпочтеніе передъ третейскимъ судомъ.

Въ числѣ фактическихъ средствъ разрѣшенія международно-правовыхъ споровъ писатели обыкновенно упоминаютъ и реторсію. Проф. Даневскій вполне справедливо выдѣляетъ ее изъ формъ фактическаго производства, къ которымъ онъ считаетъ возможнымъ примѣнить общее названіе репрессалій, то-есть, отдѣльныхъ насильственныхъ и самоуправныхъ дѣйствій для цѣлей государственной самозащиты. Реторсія не представляетъ такого самоуправства и вызывается не нарушеніемъ права, а лишь нарушеніемъ справедливости или интересовъ какого нибудь государства. „Она есть, — говоритъ авторъ, — законодательная и административная борьба между государствами, охраняющими свои интересы и интересы своихъ подданныхъ“ (стр. 82). Изъ

области права она должна быть, поэтому, перенесена въ сферу политики. Этого шага авторъ не дѣлаетъ, но такое заключеніе вытекаетъ логически изъ всего вышеизложеннаго.

Всѣ виды суммарнаго процесса: репрессаліи, эмбарго и мирную блокаду авторъ признаетъ вполне законными средствами принужденія, доколѣ терпима война, такъ какъ послѣдняя въ сравненіи съ ними во всякомъ случаѣ представляетъ большее зло. Съ этимъ необходимо согласиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо сдѣлать и нѣкоторыя оговорки, которыя, впрочемъ, указаны и авторомъ. Такъ, репрессаліи должны касаться только государства, затрогивать права и блага послѣдняго, но никоимъ образомъ не частныхъ лицъ; эмбарго, какъ частный видъ репрессалій, терпимо лишь до тѣхъ поръ, пока признана законность конфискаціи частной собственности на морѣ, и должна исчезнуть съ признаніемъ неприкосновенности послѣдней; наконецъ, такъ называемая мирная блокада можетъ возбудить противъ себя возраженіе лишь страннымъ и невяжущимся сопоставленіемъ словъ: „мирная“ и „блокада“, такъ какъ насиліе и принужденіе несомнѣнно съ понятіемъ о мирѣ; если же взглянуть на эту блокаду, какъ на примѣненіе „частичной, при томъ локализованной войны“, всѣ возраженія падаютъ сами собой: такая война болѣе человѣколюбива и справедлива, а отъ блокируемой державы зависитъ обратить ее въ обыкновенную войну, если послѣдняя кажется ей болѣе выгодной. При такомъ взглядѣ на блокаду, какъ на частичную войну, легко можетъ быть объяснена и оправдана обязательность ея признанія и для нейтральныхъ государствъ. Отрицаніе этой обязанности основывалось до сихъ поръ на томъ предположеніи, что миръ блокадою не нарушается, а такъ какъ во время мира не можетъ быть состоянія нейтралитета, то, слѣдовательно, не существуетъ и соответствующихъ этому состоянію правъ и обязанностей. Съ признаніемъ „мирной блокады“ частичной войной вся эта аргументація рушится.

Сложное фактическое производство представляетъ война. Это — судебный поединокъ между государствами, который „фактически разрѣшаетъ споръ о правѣ и создаетъ послѣднее (при побѣдѣ) даже для неправой стороны“ (стр. 91). Вопреки мнѣнію профессора Мартенса, авторъ считаетъ понятіе войны примѣняемымъ и къ вооруженной борьбѣ между политически организованными партіями, что вполне согласуется съ требованіями гуманности. Послѣ краткаго очерка развитія права войны авторъ останавливается на современныхъ взглядахъ на войну. Онъ относится одинаково отрицательно, какъ къ обо-

сотворителямъ войны, въ ряду которыхъ, къ сожалѣнію, не указываетъ выдающагося современнаго панегириста ея Lueder'a, такъ и къ идеалистамъ, закрывающимъ глаза на дѣйствительность и отвергающимъ ради отдаленнаго идеала правомѣрность войны, возможность ограниченія ея нормами права. Война не есть благотѣльное и далеко не ведетъ къ нравственному возрожденію народовъ, какъ это утверждаютъ военные писатели и нѣкоторые юристы Германіи; она есть величайшее бѣдствіе, влекущее за собою огрубѣніе нравовъ, самодовольство ума у побѣдителей, непримиримую ненависть у побѣжденныхъ. „Всегда,—говоритъ авторъ,—водворяется авторитетъ и господство военнаго сословія, которые... придаютъ государству милитарный характеръ, отнюдь не содѣйствуя поднятію умственнаго и нравственнаго уровня населенія, а всегда понижая его. Такое состояніе совсѣмъ не благотѣльно ни наукѣ, ни литературѣ, ни законодательствамъ и социальнымъ реформамъ“. „Самые „идеалы“ послѣ войны всегда липкаются, особенно у побѣдителей“ (стр. 96). Но, съ другой стороны, война при настоящемъ состояніи челоуѣчества неизбежна, а разъ она существуетъ, она должна быть, по крайней мѣрѣ, ограничена въ пространствѣ и во времени и поставлена въ опредѣленныя рамки права. Какъ цѣль, такъ и средства ея веденія должны быть правомѣрны: она должна вестись лишь въ зашитѣ основныхъ правъ государствъ (война въ зашитѣ важныхъ государственныхъ интересовъ, вопреки мнѣнію профессора Мартенса, не признается правомѣрной) и въ средствахъ своихъ не должна переходить за предѣлы того, что безусловно необходимо для достиженія цѣли войны.

Въ изложеніи военнаго права профессоръ Даневскій слѣдуетъ въ общемъ проекту брусельской деклараціи. Объявленіе войны, о которомъ послѣдняя умалчиваетъ, онъ признаетъ безусловно необходимымъ, вопреки мнѣнію профессора Мартенса, полагающаго, что при современныхъ средствахъ сообщенія, когда окончательный разрывъ легко предвидѣть и заранѣе сдѣланы уже всѣ приготовленія къ войнѣ, объявленіе войны — обычай бесполезный. Далѣе идетъ подробное (по скольку это допускаютъ размѣры „Пособія“) и ясное изложеніе права войны по отношенію къ непріятельскимъ лицамъ: о правѣ участія частныхъ лицъ и населенія въ войнѣ, о шпионахъ, военнопленныхъ, объ участи больныхъ и раненыхъ воиновъ. Переходя затѣмъ къ дозволеннымъ средствамъ веденія войны, авторъ указываетъ на тѣсную зависимость ихъ отъ усовершенствованія военной техники и приходитъ къ заключенію, что „способы нападенія и истребленія возраста-

ютъ количественно и улучшаются качественно въ пропорціи геометрической, тогда какъ средства обороны противъ нихъ растутъ только въ пропорціи арифметической" (вып. II, стр. 109). Въ этомъ явленіи авторъ видитъ залогъ будущаго умиротворенія. Несомнѣнно, усовершенствованія въ военной техники дѣлаютъ веденіе войны болѣе и болѣе затруднительнымъ, но только не въ виду качественного и количественнаго перевѣса средствъ нападенія надъ средствами защиты, какъ это утверждаетъ авторъ, а скорѣе вслѣдствіе того, что нападеніе становится труднѣе, опаснѣе и подвержено большому риску, чѣмъ защита; обороняющаяся сторона, оставаясь неуязвимой, получить возможность, благодаря постояннымъ улучшениямъ въ технику военнаго дѣла, отражать нападающее войско безъ урона для себя и истребить его до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ ему удастся подойти къ защищаемому мѣсту. Громадный рискъ, съ которымъ будетъ связано нападеніе сравнительно съ защитой (но никакъ не наоборотъ), послужитъ причиною тому, что войны между цивилизованными государствами, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ воевать, должны будутъ окончательно прекратиться.

Военное занятіе профессоръ Даневскій, по примѣру графа Комаровскаго, считаетъ новымъ и самостоятельнымъ институтомъ международнаго права, институтомъ *sui generis*, который нельзя подвести подъ какое нибудь опредѣленіе государственнаго права. Частная собственность жителей занятой области должна быть неприкосновенной. „Реквизиціи могутъ быть лишь правомъ оккупанта на пользованіе извѣстными предметами, а не правомъ собственности надъ ними" (стр. 122), и потерпѣвшія отъ реквизицій частныя лица должны быть вознаграждаемы за понесенный ими ущербъ. Что же касается контрибуцій, то онѣ оправдываются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ служатъ замѣною реквизицій или взимаются вмѣсто налоговъ и податей, но контрибуціи-пени представляютъ уже видъ репрессалій, налагаются по принципу коллективной отвѣтственности, въ чемъ и заключается „ихъ тяжелое зло и принципиальная погрѣшность". Частная собственность непріятеля на морѣ должна пользоваться тою же неприкосновенностью, которая гарантирована ей на сушѣ. Это начало быстрыми шагами идетъ къ своему торжеству и должно привести къ отождествленію непріятельской частной собственности на морѣ съ нейтральною; начало неприкосновенности для той и другой должно быть отмѣнено при подвозѣ контрабанды и при нарушеніи

блокады, а также въ случаѣ крайней необходимости, когда частная собственность можетъ подлежать реквизиціи и принудительной продажѣ.

„Праву завоеванія“ авторъ не находитъ оправданія. Всѣ доводы, приводившіеся въ защиту этого права (защитникомъ его является и профессоръ Мартенсъ), подвергаются тщательному анализу и основательно опровергаются имъ. Лучшую гарантію противъ уничтоженія государства въ случаѣ отказа его отъ уступки территоріи авторъ видитъ во вмѣшательствѣ международнаго союза въ окончательныя условія мирнаго трактата. При этомъ высказана весьма важная мысль, на которую обыкновенно мало обращаютъ вниманія, а именно, „что нѣкоторыхъ войнъ совсѣмъ не было бы, а другія велись бы съ меньшимъ ожесточеніемъ, еслибы въ перспективѣ войны не лежала возможность присоединенія отъ сосѣда части его территоріи“ (стр. 132). Осуждая завоеваніе, профессоръ Даневскій выставляетъ для законности территоріальной уступки требованіе плебисцита, то-есть, согласія большинства населенія присоединяемой области. „Это,—говоритъ авторъ,—основное право населенія, которое государство не можетъ ни создать, ни разрушить, а должно лишь охранять“. При этомъ онъ весьма удачно полемизируетъ съ противниками плебисцита въ международномъ правѣ, къ числу которыхъ принадлежит и профессоръ Мартенсъ.

Заключительный отдѣлъ „Пособія“ составляетъ ученіе о нейтралитетѣ. Это — наиболѣе обработанный и полный отдѣлъ всей книги. Авторъ излагаетъ сначала исторію развитія нейтралитета (въ 4 періодахъ отъ среднихъ вѣковъ до настоящаго времени, при чемъ промежуточными гранями являются 1780, 1815 и 1856 годы), а затѣмъ переходитъ къ юридическому обоснованію правъ нейтральной торговли. Заслуживаетъ вниманія выведеніе начала неприкосновенности непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ изъ правъ нейтральныхъ, которые, „какъ не участвующіе въ процессѣ, состоятъ въ нормальныхъ отношеніяхъ къ обѣимъ спорящимъ сторонамъ, почему могутъ вести торговые сношенія съ обѣими сторонами, а слѣдовательно и перевозить ихъ товары на своихъ корабляхъ. Противное было бы насильственнымъ привлеченіемъ къ участию въ процессѣ“ (стр. 149). Въ вопросѣ о военной контрабандѣ и о призовыхъ судахъ профессоръ Даневскій, придерживаясь послѣдовательно начала общенія, расходится съ профессоромъ Мартенсомъ, который здѣсь, какъ и вездѣ въ вышеприведенныхъ случаяхъ, опирается на начало государственнаго суверенитета, какъ на основное. Возражалъ профессору Мартенсу, по

допускающему возможности. чтобы государства согласились признать командировъ своихъ военныхъ судовъ подсудными суду нейтральныхъ державъ, онъ сираведливо замѣчаетъ, „что такую подсудность трудно представить себѣ на столько же, какъ и подсудность нейтральныхъ, то-есть, подданныхъ независимыхъ державъ, при томъ всегда многихъ государствъ, судовъ 2 — 3 воюющихъ,—подсудность, опирающуюся лишь на вѣковыя злоупотребленія правомъ сильнаго и на традиціонномъ произволѣ воюющихъ на морѣ“ (стр. 171).

Къ ученію о нейтралитетѣ отнесенъ и вопросъ о каперствѣ, который излагается въ особой главѣ „о незаконныхъ средствахъ нанесенія вреда нейтральной торговлѣ“. Мѣсто каперства не въ ученіи о нейтралитетѣ, конечно; его слѣдовало изложить въ той главѣ отдѣла военнаго права, гдѣ авторъ говоритъ о правѣ частной собственности на морѣ, такъ какъ главная цѣль каперства — не въ захватѣ нейтральныхъ судовъ, а въ захватѣ судовъ непріятеля. Относительно русскаго добровольнаго флота, существенно отличающагося отъ каперства своею военною организаціей, авторъ полагаетъ, что этотъ флотъ, „не возстановляя исполнѣ каперства, есть нѣчто среднее между военнымъ флотомъ и каперствомъ, то-есть, стоять въ нѣкоторомъ противорѣчіи по цѣлямъ этого учрежденія съ цѣлями, которыя имѣлъ въ виду § 1 деклараціи 1856 года“ (стр. 178).

Таково въ общемъ содержаніе разобранной нами книги. Указанные при разборѣ незначительные недостатки ея¹⁾, которые можно свести къ одному—необработанности нѣкоторыхъ частей въ отношеніи содержанія или формы изложенія, вполне выкупаются разнообразными достоинствами книги. Излагая ея содержаніе, мы съ намѣреніемъ останавливались на такихъ взглядахъ автора, гдѣ онъ болѣе рѣзко выдѣляется, какъ сторонникъ начала международнаго общенія, чтобы

¹⁾ Кромѣ указанныхъ уже выше недосмотровъ, можно привести еще слѣдующіе: *Garcia* въ обонхъ случаяхъ, когда автору „Пособія“ приходится упоминать имя этого нѣмецкаго ученаго (вып. I, стр. 87 при перечисленіи современныхъ руководствъ по международному праву въ Германіи, и вып. II, стр. 1—въ литературныхъ указаніяхъ къ борьбѣ съ неготорговлею), называется *Garcia* (на стр. 87 и по-русски „Гарсисъ“). На стр. 165 вып. II два раза повторена одна и та же фраза, но во второй разъ она приводится съ подлежащимъ, взятымъ изъ слѣдующаго предложенія (снизу строки 15 и 16). На стр. 58 вып. II говорится, что споръ изъ-за судоходства по Шельдѣ въ XVII в. происходилъ „между Голландіей и Австріей, которой тогда принадлежала Бельгія“. Бельгія перешла въ Австрію, однако, только въ XVIII вѣкѣ, а въ XVII вѣкѣ принадлежала еще Испаніи. Есть въ книгѣ и другія неточности, но онѣ всѣ легко устранимы.

обратить вниманіе на принципиальную послѣдовательность, проходящую по всѣмъ частямъ книги. Проведеніе начала общенія по всѣмъ институтамъ международнаго права само по себѣ является уже немаловажнымъ достоинствомъ труда г. Даневскаго; это, можно сказать, первая удачная попытка такого рода. Но, кромѣ этого и другихъ своихъ достоинствъ, каковы: богатство содержанія, обильныя указанія на русскую литературу, серьезная критика мнѣній противниковъ и проч., „Пособіе“ производитъ особое обаяніе на читателя тѣмъ духомъ справедливости и гуманности, которымъ, какъ мы могли видѣть при разборѣ, проникнуто все изложеніе. Наконецъ, твердая вѣра въ историческій прогрессъ и въ конечное торжество разума,—вѣра, которая никогда не покидаетъ автора, дѣйствуетъ и на читателя ободряющимъ образомъ, направляя его взоръ на будущее, гдѣ, въ отдаленіи, для разрозненныхъ частей человѣчества уже предвидится болѣе совершенная и прочная правовая организація.

В. Грабарь.

Типикъ церкви св. Софїи въ Константинополѣ (XI в.). Экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета Н. Θ. Красносельцева. Одесса, 1892 г., 101 стр., 8°. (Отдѣльный оттискъ изъ *Лѣтописи Историко-филологическаго Общества*, вып. II) ¹⁾.

Занимаясь изученіемъ древней православной литургической литературы и ея памятниковъ, хранящихся въ церквахъ и монастыряхъ

¹⁾ Второй выпускъ этой *Лѣтописи* представляетъ собою весьма интересный и важный сборникъ статей почти исключительно по византологіи. Обращая на него вниманіе читателей *Ж. М. Н. Пр.*, считаю не безполезнымъ привести здѣсь заглавія помѣщенныхъ въ немъ статей: *Г. С. Дестуниса*, Живые остатки византійской терминологіи; *Θ. Н. Успенскаго*, Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ; *Д. Θ. Биллева*, Храмъ Богородицы Халкопратійской въ Константинополѣ; *Θ. Е. Корша*, Замѣтки къ тексту поэмъ объ Аполлоніѣ Тирскомъ; *Н. Θ. Красносельцева*, Типикъ церкви св. Софїи въ Константинополѣ; *А. И. Кириличкова*, Переносъ монаха Іакова съ императрицей; *С. Д. Нападимитріу*, Дѣя народныя пѣсни у Аним Компиной. Кромѣ этихъ изслѣдованій, составляющихъ первое отдѣленіе въ сборникѣ, въ хроникѣ, составляющей второе отдѣленіе, мы находимъ статью *Э. Р. Штерна*, Новооткрытая алексійская полѣгѣя Аристотеля; *М. Г. Попруженко*, Замѣтки по Кирилло-Мееодіевскому вопросу. Сборникъ заканчивается обзоромъ новѣйшихъ трудовъ по византиновѣдѣнію, въ которомъ разбираются и оцѣниваются 14 новѣйшихъ русскихъ и нѣмецкихъ сочиненій по византологіи. Предоставляя другимъ разборъ и сужденіе о всемъ сборникѣ, я позволяю себѣ остановиться только на сочиненіи проф. Н. Θ. Красносельцева, какъ наиболѣе интересномъ для меня въ настоящее время и близко сопрягающемся съ занимающими меня теперь вопросами по византійской археологіи.

греческихъ, профессоръ Н. О. Красносельцевъ въ бытность свою ради этой цѣли на Афонѣ въ 1890 году узналъ, что интересующихъ его памятниковъ древней литургіи можно искать на островѣ Патмѣ, въ тамошней библиотекѣ греческихъ рукописей, описаніе которой, сдѣланное покойнымъ Сакеллиономъ, вышло въ томъ же году ¹⁾, по которому тогда не имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи профессоръ Красносельцевъ.

Не имѣя возможности отправиться на островъ Патмѣ, профессоръ Красносельцевъ чрезъ своихъ знакомыхъ въ Аеоно-Пантелеймоновомъ монастырѣ просилъ проживающаго на покой въ монастырѣ св. Іоанна Богослова на островѣ Патмѣ митрополита пилусійскаго Амфилохія сдѣлать надлежащія справки и сообщить нужныя свѣдѣнія. Чрезъ нѣсколько времени преосвященный Амфилохій увѣдомилъ, что въ одномъ пергаментномъ кодексѣ имѣется списокъ древняго типика, отличающагося особеннымъ составомъ сравнительно съ позднѣйшими и заключающаго въ себѣ описаніе многихъ обрядовъ и литій, совершавшихся въ Великой Церкви, то-есть, храмѣ св. Софій и другихъ храмахъ Константинополя. Понятное дѣло, что профессоръ Красносельцевъ очень заинтересовался этимъ типикомъ и просилъ сдѣлать для него, если не полный списокъ, то, по крайней мѣрѣ, извлеченіе изъ него. Получивъ лѣтомъ прошлаго 1891 года такое извлеченіе и убѣдившись въ огромной важности и научномъ значеніи Патмійскаго типика, почтенный литургистъ естественно пожелалъ имѣть полную и точную копію его, которую ему и удалось скоро получить при содѣйствіи другаго нашего литургиста, доцента Кіевской духовной академіи Алекс. Аван. Дмитриевскаго, собирающаго греческіе литургическіе памятники для изданія ихъ на средства Святѣйшаго Синода. Г. Дмитриевскій заинтересовался Патмійскимъ типикомъ не менѣе г. Красносельцева, и самъ отправился на островъ Патмѣ для снятія полной и точной копіи, которую прислалъ для предварительнаго обследованія своему коллегѣ по занятіямъ. Результаты своего обследованія г. Красносельцевъ излагаетъ въ своемъ трудѣ, заглавіе котораго мы выпишемъ въ началѣ.

Памятникъ оказался дѣйствительно очень интереснымъ и важнымъ, и хлопоты г. Красносельцева и труды г. Дмитриевскаго, можно сказать, вполне вознаграждены тѣми богатыми и новыми свѣдѣніями, которыя находятся въ Патмійскомъ типикѣ.

¹⁾ Объ этомъ описаніи, изданномъ въ Афинахъ въ 1890 году подъ заглавіемъ: „Πατμιακή Βιβλιοθήκη“, см. статью Г. С. Дестуниса въ Ж. М. Н. Пр. за 1891 г., апрѣль, стр. 426 и слѣд.

По мнѣнію Саколлиона, описавшаго Патмійскую бібліотеку, въ которой хранится записывающая насъ рукопись типика, Патмійскій списокъ сдѣланъ въ X вѣкѣ малограмотнымъ писцомъ. Составленъ же типикъ, какъ видно изъ упоминаемыхъ въ немъ, какъ современныхъ, событій и лицъ, гораздо раньше: разсмотрѣніе этихъ фактовъ привело г. Красносельцева къ заключенію, что типикъ составленъ въ первой четверти IX вѣка, а окончательную редакцію, при которой онъ дополненъ памятниками лицъ, скончавшихся во второй половинѣ IX вѣка, получилъ въ концѣ IX вѣка. Такимъ образомъ, уставъ этотъ былъ уже готовъ и практиковался въ Великой Церкви въ своемъ настоящемъ видѣ въ IX вѣкѣ, то-есть, въ ту эпоху, когда составлялись и вводились въ практику обряды богомольныхъ выходовъ византійскихъ царей, находящіеся въ придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго, каковой уставъ былъ до сихъ поръ почти единственнымъ и древнѣйшимъ памятникомъ не только для придворныхъ празднествъ, но и для церковныхъ праздниковъ и торжествъ, совершавшихся въ Великой Церкви и другихъ храмахъ Константинополя ¹⁾).

Въ новооткрытомъ уставѣ Великой Церкви, когда онъ будетъ издавъ г. Дмитріевскимъ, мы будемъ имѣть полный указатель церковныхъ праздниковъ, совершавшихся въ константинопольскихъ храмахъ, который будетъ значительно древнѣе и неизмѣримо полнѣе указаній на эти праздники, находящихся въ придворномъ уставѣ, хотя съ другой стороны въ этомъ послѣднемъ, какъ памятникѣ болѣе позднемъ, упоминаются празднества, не вошедшія еще въ уставъ начала IX вѣка.

Но не въ этой сравнительной полнотѣ указаній на церковные праздники заключается главное значеніе Патмійскаго кодекса. Главное значеніе и наибольшій интересъ его заключается въ новыхъ и важ-

¹⁾ Покойный проф. Московской духовной академіи *И. Мансметъ* въ своемъ изслѣдованіи о церковномъ уставѣ (типикѣ), Москва, 1885 г., стр. 228 и слѣд., желая уяснить исторію и характеръ устава Великой Церкви, имѣвшаго огромное значеніе для развитія и состава церковнаго устава вообще, могъ указать только въ качествѣ источниковъ для исторіи устава Великой Церкви до перваго печатнаго устава два греческихъ рукописныхъ служебныхъ апостола съ указателями чтеній по недѣлямъ и нѣсколько другихъ подобныхъ отрывочныхъ указателей, такъ что самыми главными и важными источниками для X вѣка и слѣд. г. Мансметовъ выставляютъ придворный уставъ Константина Багрянороднаго и даже сочиненіе Кодина de officiis.

ныхъ данныхъ для исторіи церковнаго устава вообще и устава Великой Церкви въ особенности.

Профессоръ Н. Ѳ. Красносельцевъ на основаніи этого драгоценнаго и важнаго по своей древности памятника литургіи сдѣлалъ уже въ своемъ предварительномъ изслѣдованіи нѣсколько любопытныхъ и важныхъ заключеній относительно происхожденія устава церковнаго вообще, хотя и не имѣлъ въ виду въ своей статьѣ подробно говорить объ этомъ и разбирать этотъ вопросъ во всей его полнотѣ. Почтенный профессоръ приходитъ къ тому заключенію, что уставъ церковный развился изъ указателей евангельскихъ и апостольскихъ чтеній. Эти указатели мало-по-малу, постепенно и въ разныхъ мѣстахъ различно дополнялись особенностями, которыми стали по разнымъ обстоятельствамъ отличаться праздники, посвященные воспоминаніямъ о событіяхъ жизни Спасителя, Богоматери и святыхъ. Такіе указатели, по словамъ автора, „и легли въ основу первоначальнаго типика, который затѣмъ постепенно началъ вбирать въ себя для пополненія и другіе сродные элементы изъ поставленій ктиторовъ монастырей, изъ еххологіевъ, миней и т. п.“ (*Красносельцевъ*, стр. 174 2-го вып. *Литюписи*, или 21 стр. отдѣльнаго оттиска). Патмійскій типикъ представляетъ, по мнѣнію нашего литургиста, одну изъ самыхъ первыхъ ступеней въ указанномъ процессѣ образованія типика. „Въ основѣ его лежитъ указатель описаннаго выше рода. Указатель этотъ распространенъ посредствомъ очень простыхъ приемовъ какъ въ календарной, такъ и особенно въ литургической части. Въ календарной части къ памятямъ, наиболѣе замѣчательнымъ, прибавлены краткія біографическія и историческія свѣдѣнія, иногда очень любопытныя... Прибавленія литургическія состоятъ въ томъ, что къ указателю чтеній изъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта прибавленъ указатель прокимновъ, алалилуйныхъ стиховъ, антифоновъ, кипошниковъ и текстъ тропарей въ честь нѣкоторыхъ святыхъ и священныхъ событій. На праздничные дни положено довольно подробное описаніе лютій, которыя въ Константинополѣ составляли одну изъ главныхъ и наиболѣе видныхъ особенностей праздничнаго богослуженія. При этомъ указаны мѣста, гдѣ должны совершаться эти лютія, храмы, откуда они начинались и гдѣ оканчивались. Такимъ образомъ въ общемъ дается послѣдовательное и сравнительно полное описаніе всѣхъ особенностей богослуженія въ Константинополѣ въ каждый день года“ (*ibid.*, стр. 175 или 22).

Сообразно съ этимъ первоначальнымъ характеромъ, Патмійскій уставъ не называется еще типикомъ (τοπικόν), а канонѣмъ (κανὼν, а

не канѡν, какъ напечатано въ статьѣ г. Красносельцева)¹⁾, и болѣе или менѣе близко подходить къ извѣстнымъ уже ранѣе подобнымъ указателямъ, называемымъ канонаріями (κανονάριον) или синаксаріями (συναξάριον).

Кромѣ этого весьма важнаго значенія для исторіи церковнаго устава и литургики вообще, Патмійскій списокъ устава Великой Церкви представляетъ, по находящимся въ немъ даннымъ, большой интересъ для топографіи константинопольскихъ храмовъ и характеристики церковныхъ обрядовъ, крестныхъ ходовъ и другихъ торжествъ, совершавшихся при участіи главы церкви, вселенскаго патріарха, а отчасти даже и для мѣстной исторіи Константинополя.

Съ этихъ сторонъ профессоръ Красносельцевъ и разсматриваетъ главнымъ образомъ новооткрытѣй уставъ, извлекая изъ него новыя данныя и факты или находя подтвержденіе для высказанныхъ уже предположеній и догадокъ, сдѣланныхъ на основаніи прежде изданныхъ памятниковъ.

Изъ храмовъ, конечно, болѣе всего упоминается Великая Церковь и разныя ея части, но новаго, однакожъ, по словамъ г. Красносельцева, для топографіи св. Софіи въ этихъ упоминаніяхъ ничего не заключается; затѣмъ слѣдуютъ храмы во имя Пресвятой Богородицы Халкопратійской и Влахериской, какъ наиболѣе упоминаемые послѣ храма св. Софіи.

Относительно Халкопратійскаго храма, который нѣкоторыми учеными помѣщается у юго-восточнаго угла св. Софіи и топографическое положеніе котораго въ точности не извѣстно, находятся въ Патмійскомъ списокѣ устава Великой Церкви новыя данныя, подтверждающія мои соображенія

¹⁾ Общего заглавія Патмійскій кодексъ не имѣетъ, такъ какъ первый листокъ его утраченъ. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой находится изложеніе памятей и порядки службъ церковныхъ на каждый день года по числамъ мѣсяцевъ отъ 1-го сентября по 31-е августа, а во второй описаніе церковныхъ службъ по недѣлямъ пасхальнаго круга, начиная съ недѣли Мытаря и Фарисея и кончая Пятидесятницею. Заглавіе 2-й части сохранилось и гласитъ такъ: Κανὼν τῆς ἁγίας τοῦ Θεοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας ἀναγνώσεων, πράξεων, ἀποστόλων, εὐαγγελίων, προφητειῶν καὶ ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας ἀπὸ τῆς χορικῆς πρὸς τῆς ἀπόκρους μέχρι τῆς ἁγίας ὧς ἐπίδειξις τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. На основаніи этого заглавія 2-й части проф. Красносельцевъ заключаетъ, что и первая часть озаглавлена подобнымъ же образомъ, то-есть: Κανὼν τ. ἁγίας τ. Θεοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας ἀναγνώσεων, πράξεων ἀπὸ μηνὸς Σεπτεμβρίου ὡς μηνὸς Αὐγούστου. Хотя это, конечно, очень вѣроятно, но возможно, кажется, предполагать и какое нибудь общее заглавіе въ родѣ συναξάριον или κανονάριον.

о мѣстѣ этого храма, высказанныя въ статьѣ о Халкопратійскомъ храмѣ, на основаніи обрядовъ придворнаго устава Константина Багрянороднаго ¹⁾). Принималъ во вниманіе топографическія показанія обрядовъ богомольныхъ царскихъ выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, я доказывалъ, что Халкопратійскій храмъ находился не около юго-восточнаго угла св. Софіи, какъ ошибочно думали Лабартъ и Паспати, а на западъ отъ св. Софіи, между Миліемъ и дворцомъ Лавза, паправо отъ портика педшаго отъ площади Августеона къ площади (ὁ φόρος) Константина. Это соображеніе я основывалъ главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что царь въ указанные праздники, прослушавъ лѣтію на форѣ Константина, чтобы попасть въ Халкопратійскій храмъ, онять спускался (καὶν κατέρχεται) съ фора Константина по тому же портику, по которому онъ пришелъ на форъ Константина отъ св. Софіи и площади Августеона, и возвращался во дворецъ изъ храма по продолженію того же портика чрезъ Милій, не проходя никакихъ другихъ близъ лежащихъ топографическихъ пунктовъ. Въ уставѣ Великой Церкви сказано, что въ Благовѣщеніе ἡ λιτή (то-есть, крестный ходъ) ἀνέρχεται ἐν τῷ φόρῳ καὶ ὑποστρέφει εἰς τὰ Χалκοπρατεῖα, а если Благовѣщеніе случится въ великую субботу, то ἐξερχομένης τῆς λιτῆς ἐκ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας εὐθὺς ἀνέρχεται εἰς τὰ Χалκοπρατεῖα (*Литом.*, вып. II, стр. 204, или отд. оттискъ, стр. 51; ср. мою статью о Халкопратійскомъ храмѣ въ *Литомисис*, стр. 97; 100—102).

Эти мѣста церковнаго устава совершенно согласны съ показаніями придворнаго устава относительно Халкопратійскаго храма: какъ царь, такъ и патріархъ возвращаются съ фора Константина, чтобы попасть въ Халкопратійскій храмъ; какъ царь идетъ изъ Халкопратійскаго храма во дворецъ чрезъ Милій, не заѣжая нигуда, такъ патріархъ, когда не пужно дѣлать крестнаго хода на форъ Константина, идетъ прямо изъ св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ чрезъ Милій. Профессоръ Красносельцевъ справедливо говоритъ, что на форъ Константина процессія ходила для болѣе торжественности, и что можно было изъ св. Софіи прямо пройти въ Халкопратійскій храмъ, не заходя на форъ Константина, такъ какъ Халкопратійскій храмъ былъ ближе къ храму св. Софіи, нежели форъ Константина.

¹⁾ Статья эта помѣщена въ томъ же 2-мъ выпускѣ *Литомисис* *Одесскаго историко-филологическаго общества*, въ которомъ помѣщена и статья профессора Красносельцева (см. выше перечень статей, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ) о тѣнѣ Великой Церкви (стр. 86—106).

Но почтенный литургистъ не совсѣмъ правъ или не вѣрно понималъ мои слова, если онъ полагаетъ, что, по моему мнѣнію, для того, чтобы попасть идущему отъ Августеона дворца или храма св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ, необходимо зайти сначала на форъ Константина ¹⁾. Я этого не говорилъ и не думалъ, какъ это ясно видно изъ моего описанія шествія царя въ Халкопратійскій храмъ и возвращенія его во дворецъ. (См. особ. стр. 100—101 *Литотиси*).

Если я въ доказательство своего мнѣнія привожу только обряды, въ которыхъ идетъ рѣчь о шествіи въ Халкопратійскій храмъ чрезъ форъ Константина, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я считаю шествіе чрезъ форъ этотъ безусловно необходимымъ для того, чтобы съ площади Августеона попасть въ храмъ Халкопратійскій, а слѣдуетъ только, что мнѣ неизвѣстны были случаи прямого шествія изъ храма св. Софіи въ Халкопратійскій, а былъ только извѣстенъ случай возвращенія царя изъ Халкопратійскаго храма во дворецъ чрезъ Милій, доказывающій, какъ и *возвращеніе* процессіи съ фора Константина назадъ для шествія въ Халкопратійскій храмъ, что этотъ послѣдній находился между Миліемъ и дворцомъ Лавза, на пути отъ площади Августеона къ фору Константина.

Но въ вышеприведенныхъ выпискахъ изъ устава Великой Церкви есть одно обстоятельство, которое съ одной стороны несомнѣнно подтверждаетъ мое предположеніе, что Халкопратійскій храмъ находился между форомъ Константина и площадью Августеона ²⁾, а съ другой по-

¹⁾ Профессоръ Н. О. Красносельцевъ (стр. 50 отд. изд., или стр. 203 *Литотиси*, выпускъ 2-й) говоритъ: „вопросъ о Халкопратійскомъ храмѣ былъ весьма серьезно запутанъ Лабартонъ и Наспати, которые помѣщали его поблизу юго-восточнаго угла храма св. Софіи. Профессоръ Д. Вѣлиевъ въ статьѣ своей, на основаніи обрядовъ Константина Багрянороднаго и другихъ документовъ, распуталъ эту путаницу и рѣшилъ вопросъ иначе.... Въ частности, что касается большей близости Халкопратій къ Милію, то близость эта вполне подтверждается, даже повидимому въ большей степени, чѣмъ какъ это думаетъ Д. Вѣлиевъ: изъ Миліи и Августеона можно было прямо попасть въ Халкопратію, не заходя на форъ Константина. И если лѣтніи изъ Великой Церкви въ Халкопратію заходили иногда (но не всегда) на форъ Константина, то это дѣлалось только ради большей торжественности“.

²⁾ См. стр. 102 во 2-мъ выпускѣ *Литотиси*. Профессоръ Красносельцевъ (*ibid.*, 203) приписываетъ мнѣ предположеніе, что Халкопратійскій храмъ находился „между форомъ Константина и Августеономъ, при томъ ближе къ первой площади, нежели ко второй, при чемъ ссылается на стр. 103. Считаю долгомъ замѣтить, что эти слова относятся къ дворцу Лавза, а не Халкопратійскому храму, относительно котораго на стр. 102 у меня сказано, что „его нужно помѣщать между площадью Августеона и форомъ Константина, направо отъ соединившей ихъ Средней

звояетъ сдѣлать маленькую поправку высказанной мною догадки, что Халкопратійскій храмъ находился *въ долину* между холмомъ, на которомъ находились храмъ св. Софін. Августеонъ и Большой Дворецъ (см. 101 стр. *Лѣтописи*). Въ уставѣ Великой Церкви, какъ мы видѣли, сказано, что если Благовѣщеніе приходилось въ великую субботу, то крестный ходъ прямо *восходилъ* или *поднимался* въ Халкопратійскій храмъ (*ἀνέρχεται*). Изъ этого выраженія можно заключать, что Халкопратійскій храмъ находился не въ долину, а на подъемѣ изъ этой долины къ форуму Константина, на покатоу склонѣ холма, на которомъ лежалъ этотъ форумъ, къ долину, проходившей близъ атрія св. Софін. Еслибы Халкопратійскій храмъ лежалъ въ самой долину, то едва ли было бы сказано объ идущей къ нему процессіи, что она „восходитъ“ или поднимается. Очевидно, что Халкопратійскій храмъ лежалъ выше этой долины, а слѣдовательно не такъ близко былъ къ Милію и св. Софін, какъ, повидимому, предполагаетъ профессоръ Красносельцевъ, а былъ, можетъ быть, приблизительно на срединѣ пространства, отдѣляющаго форумъ Константина отъ площади Августеона. Кромѣ этой маленькой поправки, въ приведенныхъ г. Красносельцевымъ выпискахъ изъ устава Великой Церкви я нахожу только подтвержденіе своихъ соображеній и позволяю себѣ думать, что въ виду согласныхъ свидѣтельствъ придворнаго и церковнаго уставовъ не можетъ быть больше сомнѣній въ справедливости высказаннаго мною предположенія, такъ что это предположеніе можно считать теперь вполне доказаннымъ.

Не менѣе интересно новое доказательство, находящееся въ уставѣ Великой Церкви, относительно придѣльнаго храма св. апостола Іакова, брата Господня. Хотя уже у Анонима-Кодина мы находимъ извѣстіе, что возлѣ Халкопратійскаго храма Юстинъ и Софія построили *выѣстъ* съ придѣльнымъ храмомъ св. Раки и храмъ апостола Іакова, въ которомъ покоятся мощи св. отрокови, св. Симеона Богопримца, пророка Захаріи и апостола Іакова, тѣмъ не менѣе точное положеніе храма св. Іакова относительно Халкопратійскаго храма не было извѣстно, и только на основаніи обрядовъ Константина Багрянороднаго можно было догадываться, что храмъ св. апостола Іакова былъ придѣльнымъ хра-

улицы, если идти отъ Августеона на форумъ Константина“. А при болѣе точномъ опредѣленіи мѣсто храма нужно помѣщать между Лавзонъ и Миліемъ (*ibidem*). Затѣмъ опредѣляется положеніе Миліи и Лавза, и относительно послѣдняго сказано, что онъ былъ ближе къ форуму Константина, чѣмъ къ площади Августеона.

царемъ. Ганзейскіе города, какъ мы указали, потеряли уже свое значеніе какъ торгово-политическій союзъ; каждый изъ нихъ преслѣдовалъ исключительно свои меркантильные интересы; общихъ стремлений не было, ихъ не связывало болѣе единство политическихъ воззрѣній, не объединяла болѣе мысль рѣшительно стать за свои интересы и явить сопротивленіе сѣвернымъ государямъ, какъ напримѣръ, въ XIV столѣтіи. Теперь города заискиваютъ предъ государями, а не наоборотъ; они, чувствуя свое безсиліе, ведутъ интриги, подкапываются одинъ подъ другой, завидуютъ другъ другу и исключительно только имѣютъ въ виду свои личные, узко-купеческіе интересы. (Отношенія этихъ городовъ къ Ливоніи были своекорыстныя, холодныя и сочувственныя лишь поневолѣ ¹⁾). Бургомистры Бремена, Любека, Гамбурга, Ростока и Стральзунда не жалѣли словъ и фразъ, полныхъ соблазновъ и сочувствій, какъ не жалѣли ихъ и скандинавскіе короли и Сигизмундъ польскій; они глубоко скорбѣли по поводу бѣдствій, постигшихъ орденъ, яркими красками расписывали эти бѣдствія въ донесеніяхъ сосѣднимъ государямъ и на своихъ „тагахъ“—и только: для спасенія же Ливоніи они ничего не дѣлали. Если же случалось, что города доставляли ливонцамъ иногда какую-нибудь помощь, то они тотчасъ требовали росписки въ полученіи такого то количества пороха, съѣстныхъ припасовъ и т. д. Среди страшныхъ бѣдствій войны, обрушившейся на Ливонію, ганзейцы не перестаютъ интересоваться главнымъ образомъ торговыми вопросами, требуютъ у ордена разъясненій и отчетовъ по поводу задержки торговцевъ, запрещенія того или другаго плаванія (выборгскаго, нарвскаго) и пр. Очень характерно письмо, съ которымъ любекскій ратъ обратился къ Фюрстенбергу 9-го іюля 1558 года. На просьбу магистра помочь ему бургомистры Любека отвѣчаютъ выраженіемъ удивленія за позднее сообщеніе о вторженіи русскихъ въ предѣлы Ливоніи; положимъ, заявляютъ представители Любека, мы по слухамъ давно уже знали о вторженіи русскихъ и готовы были тогда же переговорить объ этомъ съ остальными городами, но мы не могли тогда ничего рѣшить или предпринять, такъ какъ ливонцы къ намъ не обращались и могли бы на насъ обидѣться. Теперь любекскіе бургомистры совѣтуютъ ордену рѣшительно вести борьбу съ русскими, такъ какъ орденъ вѣдь и основанъ главнымъ образомъ для обороны страны отъ

¹⁾ Много любопытныхъ данныхъ по вопросу объ отношеніяхъ ганзейцевъ къ ливонцамъ даетъ второй томъ *Финляндии*, ср. стр. 112, 123, 261, 267 и разсказъ.

внѣшнихъ враговъ; не бесполезно будетъ ордену обратиться и къ сосѣднимъ государствамъ; представители ихъ могли бы назначить съѣздъ для обсужденія ливонскихъ дѣлъ, куда бы и Ганзейскіе города не отказались прислать своихъ депутатовъ. Въ заключеніе своего письма любекскій рать съ укоризною напоминаетъ Фюрстенбергу, какою черною неблагодарностью отплатилъ онъ Любеку за помощь, оказанную ему въ 1556 году.

Иронія и злорадство сквозятъ въ каждой строкѣ этого письма. Оно живо рисуетъ намъ настроеніе, господствовавшее въ Ганзейскихъ городахъ по отношенію къ Ливоніи: вмѣсто помощи менторскія назиданія!

Пруссіе города отнеслись къ Ливоніи съ большими сочувствіемъ. Данцигъ въ первый годъ войны обратился къ остальнымъ городамъ Пруссіи съ предложеніемъ оказать помощь Ливоніи ¹⁾. Въ августѣ и сентябрѣ 1558 года изъ Данцига отправили въ Ревель и Ригу оружіе и порохъ ²⁾; Торнъ также обѣщалъ помочь ливонскимъ городамъ оружіемъ и порохомъ ³⁾, остальные города съѣстными припасами. Данцигскій рать, услышавъ о внутреннихъ смутахъ, возникшихъ въ Ригѣ между ратомъ, архіепископомъ и бюргерами, предлагалъ свое посредничество для водворенія въ городѣ порядка; въ настоящую опасную пору борьбы съ Москвою, писали бургомистры Данцига, малѣйшее разногласіе дѣйствуетъ, какъ самый разъѣдающій ядъ ⁴⁾; одинъ Брунсбергъ рѣшительно отказался отъ всякой контрибуціи въ пользу ливонцевъ. Денежной помощи и Данцигъ не могъ доставить имъ; въ концѣ 1560 года онъ отказался и отъ посылки въ ливонскіе города пороха и оружія и выставлялъ уже большою заслугой съ своей стороны, что магистратъ города допускалъ вывозъ изъ города съѣстныхъ припасовъ въ зимнее время, чего не разрѣшали ни въ одной гавани ⁵⁾.

Бургомистры Гамбурга и Кольберга также указывали Ригѣ, что не могутъ оказать ей никакой сколько нибудь дѣятельной помощи.

¹⁾ Данцигскій архивъ Liber Missivarum de anno 1558. Письмо Данцига къ прусскимъ городамъ отъѣчено 19-го іюля.

²⁾ Ibid. Данцигъ Ревелю 10-го августа; Данцигъ Ригѣ—1-го сент.

³⁾ *Віснетамп*, II, 261.

⁴⁾ Данц. арх. Liber Missivarum de Anno 1559. Данцигъ Ригѣ 15-го февраля: „Die geringste unainihkeit für die allerschedtlichste Gift halten“.

⁵⁾ Данц. арх. Liber Missiv. 1560.

шалась литургія. Было-ли при этомъ съ самаго начала чтеніе синодика и проклятiе еретиковъ, изъ обряда не видно. Если оно и было, то не въ храмѣ св. Софiи, а во Влахернскомъ храмѣ, передъ крестнымъ ходомъ или по окончаніи всенощнаго бдѣнія. Что же касается до выхода царя, то онъ нѣсколько видоизмѣнился. Царь сначала слушалъ, всю литургію, стоя въ мутаторіи, какъ въ большіе Господніе праздники, и приобщался св. таниъ, послѣ чего уходилъ въ дворецъ и обѣдалъ, пригласивъ, можетъ быть, и духовенство, какъ въ годъ учрежденіи этого праздника, въ управленіе (сеодоры, которыя послѣ литургiи въ 842 году давала духовенству, участвовавшему въ соборѣ, обѣдъ, сопровождавшійся извѣстнымъ инцидентомъ, рассказаннымъ у продолжателя Теофана. Но еще до 900 года порядокъ царскаго выхода былъ нѣсколько измѣненъ: царь не слушалъ всей литургiи, а, встрѣтивъ крестный ходъ и совершивъ съ патріархомъ малый входъ въ храмъ св. Софiи, онъ уходилъ на верхъ, въ катихуменій правой стороны, слушалъ тамъ въ мутаторіи литургію до ектеніи, слѣдующей за чтеніемъ евангелiя, затѣмъ уходилъ въ патріаршій мутаторiй и дожидался тамъ окончанiя литургiи, послѣ которой патріархъ приглашалъ царя въ свои палаты на обѣдъ, который и происходилъ тамъ съ участіемъ высшаго духовенства и приглашенныхъ царемъ чиновъ сѣмклита. Что праздникъ православiя совершался въ воскресенье первой недѣли великаго поста до 900 года, это несомнѣнно видно изъ того, что въ клиторологiи атриклина Филовея, составленномъ въ 900 году, обѣдъ въ праздникъ православiя помѣщенъ послѣ обѣдовъ, происходившихъ на масленицѣ и предъ обѣдами, происходившими въ мѣсяцѣ мартѣ, да и день праздника названъ воскресеніемъ православiя сн. иконъ ¹⁾, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнiя въ томъ, что здѣсь разумѣется именно воскресеніе первой недѣли великаго поста. Точно также въ перечнѣ облаченій царя для богомольныхъ выходовъ „воскресеніе православiя“ помѣщено между Срѣтеніемъ и Благовѣщеніемъ; наконецъ, обрядъ выхода, на который ссылается профессоръ Н. О. Красносельцевъ, въ сборникѣ специальныхъ обрядовъ помѣщенъ послѣ обряда понедѣльника первой недѣли великаго поста и предъ обрядомъ крестопоклонной недѣли. Еслибы праздникъ православiя

¹⁾ Constant. Porphyrog. de Cerim., II, 52, p. 761: τῆς ὀρθοδοξίας. τῇ δὲ ἐπιούσῃ κυριακῇ τῆς τῶν ἁγίων εἰκόων ὀρθοδοξίας μετὰ τὴν ὑπάντησιν τῆς ἐκ Βλαχερνῶν εἰσοδούσης φανίης λιτανείας καὶ τὴν ἱερωτάτην μυσταγωγίαν ἐκτελεῖται κλητῶριον ἐκ τῆς ὑπερσείας τοῦ μεγάλου οἰκονομοῦ κτλ. Ср. ibid. I, 37, 191, строка 4—11, ed. Bonn.

совершался въ октябрѣ, какъ думаетъ почтенный профессоръ, то обрядъ царскаго выхода въ этотъ праздникъ помѣщенъ былъ бы безъ сомнѣнія предъ обрядами Рождества Христова, послѣ обряда выхода въ Крестовоздвиженіе ¹⁾).

Если въ обрядѣ царскаго богомольнаго выхода въ недѣлю православія нѣтъ намековъ на особенности великопостной службы, то въ этомъ обстоятельствѣ еще нельзя видѣть доказательства того, что обрядъ совершался не великимъ постомъ, такъ какъ вообще въ обрядахъ царскихъ выходовъ указанія на особенности и отличія церковной службы довольно рѣдки и являются тогда, когда съ этими отличіями соединяются какія нибудь особенныя дѣйствія царя или чиновъ его свиты и синклита. Такъ, напримѣръ, если чины синклита во время крестнаго хода поютъ тропарь праздника, то этотъ тропарь названъ, а другія свойственныя только данному празднику пѣснопѣнія не упоминаются по той причинѣ, что придворный уставъ имѣетъ въ виду дѣйствія царя и чиновъ его синклита, а не подробности церковной службы, перечисленіе которыхъ составляло содержаніе церковныхъ уставовъ, подобныхъ новооткрытому Патмійскому уставу Великой Церкви.

Отсутствіе указаній на праздникъ православія, учрежденный послѣ окончательнаго возстановленія иконопочитанія въ 842 году, указываетъ, очевидно, на то, что уставъ составленъ до собора 842 года, въ первой четверти IX вѣка, какъ думаетъ профессоръ Красносельцевъ. Въ уставѣ праздникомъ православія называется память седьмаго вселенскаго собора, бывшаго въ Никее, при Иринеѣ и Константинѣ въ 787 году. Соборъ этотъ, которымъ возстановлено было иконопочитаніе, именно 11 октября имѣлъ первое засѣданіе, потому и память его праздновалась 11 октября или въ слѣдующее за нимъ воскресенье ²⁾. По послѣ повторенія постановленій этого собора въ 842 году и учрежденія новаго праздника въ память этого повторительнаго собора,

¹⁾ О порядкѣ, въ которомъ расположены обряды богомольныхъ выходовъ въ сборникѣ специальныхъ обрядовъ, вошедшемъ въ составъ придворнаго устава Константина Багрянороднаго, см. предисловіе къ моему очерку: „Ежедневные пріемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ изъ храмовъ св. Софіи въ IX—X вв.“, въ *Запискахъ Импер. Русск. Археол. Общества*, т. VI, стр. XXXVI слѣд.

²⁾ Theoph. Chronogr., ed. de Boor, I, p. 463: ἐγένετο δὲ ἡ πρώτη συνάλευσις καὶ καθίστρα τῶν ἐκτοκόντων ἐν τῇ καθολικῇ ἀγίᾳ σοφίᾳ τῆς Νικαίας μὲν τῷ Ὀκτωβρίῳ 11, ἰνδικτιώνος 11. Объ отношеніи дѣяній VII вселенскаго собора къ дѣяніямъ собора 842 года см. *Θ. Η. Успенская* „Очерки по исторіи Византійской образованности“, С.-Пб., 1892, стр. 35 слѣд.

очевидно, праздникомъ православія стала называться въ Константинополь и праздноваться торжественно память собора 842 года, а память собора 787 года отошла на второй планъ. Но могутъ возразить намъ на это, что въ Патмійскомъ уставѣ, послѣ его составленія въ первой четверти IX вѣка, сдѣланы въ концѣ того же вѣка дополненія памятими святыхъ, жившихъ въ половинѣ и даже въ концѣ IX вѣка, и потому неупоминаніе памяти собора 842 года является не совсѣмъ понятнымъ и требующимъ объясненія, каковое обстоятельство, очевидно, и заставило профессора Н. О. Красносельцева утверждать, что въ IX и даже въ X вѣкѣ праздника православія въ первое воскресенье великаго поста еще не было и что праздникъ этотъ установленъ въ половинѣ XI вѣка патріархомъ Михаиломъ Сируларіемъ.

Дополненія, сдѣланныя въ половинѣ и концѣ IX вѣка, перечислены въ статьѣ профессора Н. О. Красносельцева на стр. 164 — 165 и кончаются памятью патріарха Игнатія, скончавшагося въ 878 году. Если эти дополненія въ Патмійскомъ списокѣ ограничиваются тѣмъ, что выписано почтеннымъ профессоромъ, то необходимо признать, что эти дополненія и прибавки далеко не исчерпываютъ всѣхъ тѣхъ новыхъ памятней и праздниковъ, которые установлены были въ второй половинѣ IX вѣка. Не говоря уже о памятняхъ святыхъ, введенныхъ за это время въ православный календарь, мы не находимъ въ уставѣ, на сколько можно судить объ этомъ по предварительнымъ сообщеніямъ одесскаго профессора, праздниковъ очень важныхъ для времени Василия Македонянина, — праздниковъ, которые совершались съ участіемъ патріарха и соединялись съ богомольными выходами царей. Такъ, напримѣръ, не упоминается освященіе Новой Великой Церкви, построенной Василиемъ Македоняниномъ; празднованіе этого событія совершалось торжественно и принадлежало къ важнѣйшимъ праздникамъ въ дворцовыхъ церквахъ. Освященіе этой церкви праздновалось 1-го мая (см. Constant., Serim., I, 20, 118 seqq.). Не упоминается празднованіе дня пророка Іліи въ придѣлѣ той же Новой Великой Церкви (ibid., I, 19, 114 seqq.) и нѣкоторые другіе праздники. Кромѣ того, нѣкоторые праздники совершаются не въ то время, въ какое они совершались по обрядамъ придворнаго устава. Словомъ, умолчаній и несогласій съ придворнымъ уставомъ, многіе богомольные обряды котораго составлялись, по всей вѣроятности, во второй половинѣ IX вѣка, въ Патмійскомъ уставѣ довольно много. Эти умолчанія и несогласія, по моему мнѣнію, доказываютъ, что дополненія и исправленія, послѣ составленія устава, сдѣланы далеко не всѣ: многія

важныя празднества и памяти не внесены въ уставъ, дополненный случайно, а не систематически и не такъ подробно и обстоятельно, какъ составленъ уставъ первоначально. Самъ профессоръ Н. О. Крассосельцевъ замѣчаетъ, „что исправленія или дополненія, внесенныя въ концѣ IX вѣка въ редакцію X вѣка (описка или опечатка вмѣсто: въ редакцію начала IX или первоначальную редакцію), имѣли мѣсто на поляхъ рукописи и не касались первоначальнаго текста. Къ такому заключенію приводитъ не только неумѣлая вставка о землетрясеніи (подъ 9-мъ январі), но и способъ помѣщенія въ ней другихъ позднѣйшихъ памятей. Древнія памяти сопровождаются болѣе или менѣе подробными уставными указаніями на особенности церковной службы, для нихъ установленной; новыя же памяти, напримѣръ, патріарха Игнатія, такими указаніями не сопровождаются и стоятъ среди другихъ памятей какъ бы одиноко“ (стр. 168—169 *Лѣтписи*).

Если таковы дополненія первоначальной редакціи и поправки, сдѣланныя въ концѣ IX вѣка, то полагаться на ихъ полноту, очевидно, нельзя, потому и заключать изъ отсутствія упоминаній о томъ или другомъ праздникѣ, введенномъ послѣ первоначальной редакціи устава, что этого праздника не было вовсе, весьма рискованно, какъ показываетъ праздникъ православія, установленный въ 842 году и несомнѣнно совершавшійся въ IX уже вѣкѣ, но не упомянутый при позднѣйшихъ дополненіяхъ и замѣткахъ. Свидѣтельства хронистовъ и вышеуказанныя точныя и ясныя показанія придворнаго устава не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что занимающій насъ праздникъ обязанъ своимъ существованіемъ не Михаилу Кируларію, а отцамъ собора 842 года и прежде всего, вѣроятно, патріарху Меоодію.

Обращаясь къ литургической сторонѣ новооткрытаго устава Великой Церкви, мы находимъ здѣсь множество интересныхъ и важныхъ указаній для состава ежедневныхъ и праздничныхъ службъ, которыя, безъ сомнѣнія, послѣ обнародованія всего устава будутъ предметомъ специальныхъ изслѣдованій со стороны нашихъ литургистовъ. Въ исторіи литургики Патмійскій списокъ займетъ, очевидно, весьма видное мѣсто, а въ исторіи собственно устава, особенно устава Великой Церкви, будетъ играть первостепенную роль.

Богатый интересными и новыми данными для литургики собственно, Патмійскій уставъ Великой Церкви, къ сожалѣнію, даетъ очень мало указаній на особенности патріаршаго служенія и дѣйствій патріарха въ такіе праздники, въ которые совершались богосольные выходы

царей и которые позволили бы сравнивать, объяснять и контролировать въ этомъ отношеніи придворный уставъ Константина Багрянороднаго.

О выходахъ царей не только въ другіе храмы, но и въ храмъ св. Софіи не упоминается; только относительно великой субботы замѣчено, что „около шестаго часа входитъ царь и перемѣляетъ покровъ св. престола“¹⁾. Даже о служеніи патріарха въ разныхъ дворцовыхъ храмахъ въ извѣстные праздники ничего не говорится. Не говоря уже о церковно-придворныхъ празднествахъ, установленныхъ при Василиѣ Македонянинѣ, даже объ участіи патріарха въ исконныхъ празднествахъ и службахъ при дворѣ ничего мы не находимъ въ Патмійскомъ спискѣ устава Великой Церкви, на сколько можно судить объ этомъ по обнародованному сообщенію профессора Н. О. Красносельцева. Такъ, напримѣръ, по придворному уставу, въ Крещенскій сочельникъ патріархъ приглашается во дворецъ для водосвященія въ храмъ св. Стофана въ Дафні (I, 25, p. 139 seqq.), а въ церковномъ уставѣ мы ничего объ этомъ не находимъ; въ немъ говорится только о благословеніи воды патріархомъ въ храмъ св. Софіи, а потомъ въ лутирѣ, то-есть, въ фіалѣ или чашѣ, находившейся посреди двора (atrium) храма²⁾.

Да и вообще о патріархѣ и его дѣйствіяхъ говорится очень рѣдко и мало такого, что позволяло бы намъ составить понятіе о вѣнечной, церемоніальной сторонѣ патріаршихъ службъ, входовъ и выходовъ патріарха и его „секрета“. Изъ упоминаній о дѣйствіяхъ патріарха интересны въ археологическомъ отношеніи только тѣ, въ которыхъ говорится о „схожденіи“ (κατέρχεται) его для службы въ храмъ св. Софіи. Это „схожденіе“ вполне подтверждаетъ выводы, сдѣланные мною на основаніи придворнаго устава о мѣстѣ жительства патріарха и ближайшей и тѣснѣйшей связи патріархата съ храмомъ св. Софіи. Изъ придворнаго устава видно, что патріархъ жилъ въ

¹⁾ Этотъ обрядъ изложенъ мною по придворному уставу Константина Багрянороднаго въ *Запискахъ Импер. Русскаго Археолог. Общества*, VI, Byzantina, кн. II, стр. 224 и слѣд. По придворному уставу, шестіе царя въ храмъ св. Софіи въ великую субботу начиналось въ 3-мъ часу дня, а не въ 6-мъ, какъ значится въ церковномъ уставѣ. Разницу этихъ показаній слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять разницею во времени написанія этихъ уставовъ: во время написанія придворнаго устава царь приходилъ въ 6-мъ часу, а во время составленія велико-субботнаго обряда придворнаго устава ходилъ гораздо раньше.

²⁾ О лутирѣ св. Софіи см. тамъ же, стр. 104 и слѣд.

покояхъ, примыкавшихъ къ правымъ катихуменіямъ, то-есть, къ южной верхней галлерей храма св. Софіи, такъ что для прибытія въ нижній этажъ храма и въ алтарь ему необходимо было спуститься по одной изъ лѣстницъ этой стороны. Совершенно согласно съ этимъ въ уставѣ Великой Церкви, когда говорится о приходѣ его въ храмъ, то-есть, нижній этажъ, говорится, что онъ „спускается, или сходитъ внизъ“ (κατέρχεται), чѣмъ доказывается, кромѣ того, и непосредственная близость жилища патріарха и связь его съ храмомъ ¹⁾.

Въ концѣ трактата объ уставѣ Великой Церкви профессоръ Красносельцевъ прилагаетъ нѣсколько извлеченій изъ него. Къ сожалѣнію, эти извлеченія сдѣланы не изъ полного списка, а сокращенной копій съ него. На сколько полный списокъ подробнѣе, не извѣстно. Можетъ быть, дѣлавшій извлеченія опустилъ много весьма важныхъ подробностей, казавшихся ему неинтересными и неважными. Въ изданныхъ извлеченіяхъ, занимающихъ 14 страницъ, по заявленію издателя, правописаніе списка, исправленное копистомъ, исправлено еще и профессоромъ Н. О. Красносельцевымъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не внушали сомнѣнія насчетъ своего смысла. Сомнительныя же мѣста оставлены въ томъ видѣ, какъ они читаются въ копій и въ подлинникѣ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, очень интересное замѣчаніе въ Пасхальной службѣ о чтеніи евангелія отъ Іоанна на двухъ языкахъ: латинскомъ и греческомъ, въ св. Софіи. Мѣсто это такъ испорчено, что исправить его дѣйствительно нелегко. Къ числу не менѣе интересныхъ, но не совсѣмъ правильно прочитанныхъ или списанныхъ и понятыхъ мѣстъ принадлежитъ также гимнъ Богоматери, который часто пѣлся въ Константинополѣ во время разныхъ праздниковъ и крестныхъ ходовъ. Въ текстѣ извлеченій онъ написанъ такъ: 'Η πόλις σου, Θεοτόκα, ἡ ἐν σοὶ βασιλεύουσα μεγάλην Δουρθεῖσιν διὰ σοῦ περιστάσεων, σὲ ὕμνον εὐρωστίας προβάλλεται, τὴν ἁγίαν σου ψῆφιν φθεγγομένη. Μεγαλόνει ἡ ψυχὴ μου τὸν Κύριον, διὰ ἐποίησέ μοι μεγάλα ὁ δυνατός καὶ μόνος πολυέλεος. Профессоръ Н. О. Красносельцевъ (стр. 179 Лѣтописи, или стр. 26 отд. изд.) переводитъ этотъ гимнъ такъ: „Городъ твой, Богородице, въ тебѣ царствующій, много разъ освобожденный, благодаря твоимъ предстательствамъ, гимнъ силы тебѣ приносить, подражалъ святой твоей пѣснѣ: величать душа моя Господа, яко сотвори мнѣ величіе сильный, единый

¹⁾ О тѣсной связи патріаршихъ налѣтъ съ храмомъ св. Софіи см. тамъ же, стр. 183 и слѣд.

многомилостивый". Въ греческомъ текстѣ, кромѣ нѣсколькихъ опечатокъ въ удареніяхъ, очевидно, вмѣсто *οὗ ὕμνον προβάλλεται* слѣдуетъ читать *οὗ ὕμνον προβάλλεται*, а переводить, мнѣ кажется, правильнѣе будетъ такъ: Городъ твой, Богородице, въ тебѣ царствующій, избавившись благодаря твоей помощи *отъ великихъ бѣдъ*, приносятъ тебѣ гимнъ силы, святую твою пѣснь возглашая: величить душа моя Господа и пр. Ошибочный переводъ первыхъ словъ произошелъ, очевидно, отъ невѣрнаго пониманія слова *περίστασις* и смѣшенія его съ *προστασία*: *περίστασις* значить буквально: обстоятельство, а преимущественно: неприятное, несчастное обстоятельство, бѣду, несчастье, бѣдствие, между тѣмъ какъ часто встрѣчающемуся въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ слову: предстательство, въ греческомъ языкѣ соответствуетъ слово: *προστασία*, ср. *προστάτης*, предстатель, заступникъ.

Впрочемъ, такіе и подобные недосмотры не умаляютъ важнаго научнаго значенія трактата профессора Н. Θ. Красносельцева, и всѣ, интересующіеся не только литургикою, но и византологіею вообще, будутъ, безъ сомнѣнія, очень благодарны почтенному профессору за интересныя сообщенія о новооткрытомъ уставѣ Великой Церкви.

Въ заключеніе нельзя не пожелать вмѣстѣ съ авторомъ сообщенія, чтобы весь текстъ устава изданъ былъ г. Дмитріевскимъ какъ можно скорѣе и такимъ образомъ предоставлена была всѣмъ возможность изучать его и пользоваться тѣмъ богатымъ, важнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ для исторіи церковнаго богослуженія и вообще византийской археологін.

Д. Вѣляевъ.

Книжныя новости.

Труды Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ XXI. С.-Пб.—Нынешній томъ заключаетъ въ себѣ продолженіе археологическихъ работъ проф. Н. И. Веселовскаго, публикующаго „Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей“. Въ первомъ выпускѣ этихъ „Памятниковъ“ (С.-Пб. 1890) помѣщены были документы, относящіеся къ царствованію царя Осодора Іоанновича; въ настоящій выпускъ вошли дѣла послѣдующихъ царствованій: Бориса Годунова („Посольство въ Персію князя А. Θ. Жирового-Засѣкина“), Василя Шуйскаго („Посольство князя Ив. П. Ромодановскаго“) и Михаила Феодоровича (посольства М. П. Тиханова и Ивана Брехова). П. И. Веселовскій печатаетъ посольскія дѣла цѣликомъ, со всѣми документами, въ нихъ вхо-

дѣяннми, и потому его публикаціи приобрѣтають болѣе широкій интересъ, чѣмъ можно о томъ судить по заглавію изданія: не только исторія между-народныхъ сношеній освѣщается этимъ изданіемъ, но и увеличивается матеріалъ для сужденія о древне-русскомъ бытѣ вообще и въ частности о московской администраціи конца XVI и начала XVII вѣка. Это обстоятельство, увеличивая ученую цѣну труда Н. И. Веселовскаго, ставитъ его „Памятники“ въ рядъ замѣтнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ археографическихъ изданій послѣдняго времени.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ VI. Выпускъ первый и второй (новая серія). С-Пб.—Содержитъ: 1) *Д. Θ. Булгеев*. Ежедневные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X вѣкахъ; 2) *Н. П. Асмаріусъ*. Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ; 3) о. *Алексій Н. Висоцкаго*. Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII вв. (съ 36 таблицами); 4) Протоколы засѣданій Императорскаго Русскаго археологическаго общества за 1891 годъ.

Калужскія кунды Дехтеревы. *А. И. Маркевича*. Одесса.—Въ этой брошюрѣ профессора А. И. Маркевича изданы 67 актовъ (купчихъ, данныхъ, раздѣльныхъ и т. д.) изъ семейнаго архива купеческаго рода Дехтеревыхъ. Всѣ акты относятся къ этому именно роду и рисуютъ его дѣятельность въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія (1636—1792 гг.). Предисловіе проф. Маркевича заключаетъ въ себѣ попытку воспользоваться данными напечатанныхъ документовъ для связной семейной хроники Дехтеревыхъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что и помимо своего спеціальнаго значенія для исторіи торговой русской семьи изданные имъ акты представляются любопытными: въ нихъ „пообще находится обильный историко-юридическій матеріалъ“. Дѣйствительно, для исторіи права они—не лишній источникъ; по есть въ нихъ любопытное и собственно для исторіи: разумѣю между прочимъ указанія на извѣстныхъ въ XVII вѣкѣ калужанъ-гостей: Смирнаго-Судовщикова и Василія Шорина. О первомъ упоминаетъ Авраамій Палицынъ и документы объ избраніи на престолъ царя Михаила Осодоровича, о второмъ—Котошихинъ и документы о волоніяхъ 1662 года.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Описание актовъ, принадлежащихъ графу Михаилу Михайловичу Толстому. *А. А. Маркевичъ*. Одесса. 1891.

— Памяти въ Бозѣ почившаго архимандрита Пяканора. Новочеркасскъ. 1893. (Отдѣльный оттискъ изъ *Домскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* за 1891—1892 годъ).

— Древне-христіанскіе храмы и Св. Александро-Афонскій Зеленичукскій монастырь, въ Зеленичукскомъ уѣздѣ Кавказскаго хребта, Кубанской области, Баталпаинскаго уѣзда. М.

— ARISTOTELOVA KNĚHA O VĚSNOSTVĚ, kterou přeložil a vysvětlivkami opatřil. P. J. Vychodil. V Brně.

— МЕТОДИКА грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ. Изложилъ I. Паульсонъ. Часть II. С.-Пб.

— БУКВАРЬ для обученія русской грамотѣ по генетическому способу. Составилъ I. Паульсонъ. С.-Пб.

— ОПЫТЪ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начального обученія ариметикѣ. Часть I. Числа первой сотни. Часть II. Числа любой величины. Составилъ Н. Павловъ. Казань.

Заявленіе профессора О. Ф. Зѣлинскаго.

По просьбѣ профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета О. Ф. Зѣлинскаго редакція дать мѣсто слѣдующему заявленію:

„Прошлою осенью я, по предложенію издателя М. И. Либермана, взялъ на себя редакцію „Полнаго собранія рѣчей М. Туллія Цицерона въ русскомъ переводѣ В. Алексѣева“ и составленіе научнаго комментарія къ нему, а также и пространной біографіи Цицерона; изданіе имѣло появиться въ двухъ томахъ приблизительно въ 50 листовъ каждый. Впослѣдствіи, уступая просьбамъ г. Либермана, выражавшаго опасеніе, что изданіе не окупитъ затратъ на него,—я разрѣшилъ ему выпустить, кромѣ полнаго собранія, еще собраніе избранныхъ рѣчей, но съ непремѣннымъ соблюденіемъ двухъ условій: сокращенное изданіе должно было появиться 1) лишь послѣ окончанія полнаго, и 2) однимъ томомъ, а не отдѣльными выпусками. Ставя послѣднее условіе, я руководился соображеніемъ, — высказаннымъ мною не разъ г. Либерману,—чтобы редактированный мною переводъ никоимъ образомъ не могъ служить пособіемъ для учениковъ гимназій при приготовленіи ими уроковъ; для этой цѣли онъ, впрочемъ, не годился уже вслѣдствіе своей сравнительной вольности, не дозволяемой въ гимназіяхъ, но безусловно необходимой для литературнаго перевода.

При такихъ обстоятельствахъ появленіе весною текущаго года одной рѣчи Цицерона *отдѣльнымъ выпускомъ* (содержавшимъ текстъ, редактированный мною переводъ и отчасти мои примѣчанія) со страннымъ заголовкомъ „Учебное изданіе римскихъ классиковъ“—было для меня

полной неожиданностью. Узнавъ о томъ, я тотчасъ потребовалъ отъ г. Либермана, чтобы, по крайней мѣрѣ, мое имя было удалено изъ этого изданія, каковое требованіе и было исполнено имъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ¹⁾).

Само собою разумѣется, — къ сожалѣнію, возникшіе въ недоброжелательной мнѣ средѣ нелѣпные толки вынуждаютъ меня заявить объ этомъ публично, — что за этотъ изданный безъ предварительнаго соглашенія со мной выпускъ я никакого вознагражденія отъ г. Либермана не получалъ и получать не намѣренъ.

Ф. Зѣлинскій.

¹⁾ Означенный выпускъ какъ въ первоначальномъ видѣ, такъ и съ измѣненіями, произведенными по требованію профессора Зѣлинскаго, выѣдетъ въ редакціи.

Ред.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Русская школа за 1891 г. №№ 1—12. Цѣна за весь годъ 6 рублей, съ пересылкою 7 рублей.

Второй годъ журнала *Русская школа* отличается такимъ же разнообразіемъ содержанія, какъ и первый годъ. Въ главный его отдѣлъ, кромѣ Правительственныхъ распоряженій, вошло нѣсколько статей, имѣющихъ близкое или отдаленное отношеніе къ исторіи воспитанія въ Россіи и на Западѣ. Таковы: вопервыхъ, воспоминанія о школьномъ періодѣ жизни: *Степанова, Фета, Засодимскаго, Хитрова, Ясинскаго Мечникова* и *Жюль Симона*; повторныхъ, некрологи: П. Г. Рѣдкина, В. О. Эвальда, Н. В. Исакова, княгини А. А. Оболенской, П. С. Максимова, учителя новгородскаго трехкласснаго городского училища, В. И. Стоюнина, А. Я. Герда и В. И. Коховскаго. Воспоминанія Степанова имѣютъ безусловно педагогическій интересъ. Въ воспоминаніяхъ Фета та часть, которая касается пребыванія его въ пансіонѣ Погодина, весьма односторонняя и можетъ имѣть значеніе едва-ли только не по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ объ Иринархѣ Введенскомъ. Въ воспоминаніяхъ Засодимскаго „Забытый міръ“, во второй части, въ фальсетонной формѣ осуждаются приемы обученія въ современной средней школѣ, то-есть, затрогивается такой предметъ, о которомъ въ серьезномъ педагогическомъ журналѣ необходимо говорить только съ надлежащею обстоятельностью; редація, впрочемъ, не оставила безъ замѣчаній этого мѣста. Краткія воспоминанія Хитрова „То-же да не то-же“, хотя и касаются одного частнаго случая изъ учебной практики въ духовной семинаріи, но все-таки имѣютъ интересъ. Также безусловно интересны воспоминанія Ясинскаго „Дома и въ школѣ“. Некрологи написаны участливо и въ нихъ сообщаются всѣ главныя данныя изъ общественной жизни описываемыхъ лицъ. Жаль только, что редація не сдѣлала надлежащей поправки къ некрологу Н. В. Исакова, гдѣ, между прочимъ, говорится, что будто бы педагогическіе

курсы для приготовленія преподавателей для средних учебных заведеній были учреждены въ Москвѣ по инициативѣ покойнаго.

Къ отдѣлу училищевѣдѣнія относятся слѣдующія болѣе или менѣе интересныя статьи: *Н. Х. Весселя* „Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи“; статья г-жи *Радомской* „Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ“; *Павловичъ* „Шесть недѣль въ Неесской учительской семинаріи (въ Швеціи)“; *К. К. Сентъ-Илера* „Какія училища нужны для Петербурга?“ *Мижусева* „Европейскія школы по описанію американца Клема“ *Древа* „Къ вопросу о замѣнѣ классной системы преподаванія предметной въ городскихъ училищахъ“ и *Козаменкова* „О желательныхъ измѣненіяхъ въ программахъ преподаванія въ городскихъ училищахъ“.

По вопросу о физическомъ воспитаніи и о школьной гигиенѣ въ журналѣ наши мѣсто слѣдующія статьи: профессора *Н. И. Быстрова* „О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ“; краткая замѣтка *Будаевскаго* „Къ вопросу о переутомленіи учащихся“; *Покровской* „Гигіена дѣтскаго возраста съ точки зрѣнія Ж. Ж. Руссо“, и *Н. Г. Моря* „Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій“. За достоинство первой статьи ручается уже имя автора. Вторая статья, то-есть, Будаевскаго, даетъ мало какихъ-либо новыхъ фактовъ по затрогиваемому вопросу, но, во всякомъ случаѣ, она не безполезна. Женщина врачъ г-жа Покровская въ своей статьѣ, наряду съ изложеніемъ воззрѣній Ж. Ж. Руссо на физическое воспитаніе дѣтей, вѣрно указываетъ на односторонность ихъ и такимъ образомъ, по совершенно справедливому замѣчанію редакціи, эта статья можетъ служить коррективомъ для читателей трактата о воспитаніи Ж. Ж. Руссо. Г. Моръ въ своей обширной и весьма дѣльной статьѣ сравниваетъ классныя и внѣ-классныя занятія учениковъ русскихъ гимназій, шведскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ, сопоставляетъ, сколько часовъ могутъ употребить воспитанники русскихъ учебныхъ заведеній на свое физическое и эстетическое развитіе при надлежащемъ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ гимназіей въ предположеніи, что въ послѣдней правильно ведется учебное дѣло, и на основаніи этихъ данныхъ приходятъ къ выводу, что у учениковъ нашихъ гимназій остается довольно времени и силъ для самостоятельныхъ занятій и для тѣлесныхъ упражненій.

По предмету педагогической психологіи въ журналѣ, кромѣ малоцѣнной статьи Герда, ничего нѣтъ самостоятельнаго, но за то

нашли мѣсто или переводныя статьи, или извлеченія изъ иностранныхъ трактатовъ, принадлежащихъ болѣе или менѣе извѣстнымъ за границею авторамъ. Таковы: *II. A. Кантерева* „Современныя французскія идеи о воспитаніи“ по сочиненію „Education et Hérité Etude sociologique par *M. Guyau*. Paris, 1889“; *Lamé* „Механизмъ вниманія“, по сочиненію *Ribot* „La psychologie de l'attention. Paris, 1889“; *B. Г.* „Развитіе нравственнаго чувства у дѣтей“ по сочиненію „Le développement du sens moral chez l'enfant par *M. Gabriel Compayré*“. Извлеченія сдѣланы толково и на столько обстоятельно, что можно понять идею оригинала. Вполнѣ переведена не особенно глубокомысленная, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оригинальная статья *Эрмана* „Еретическія мысли по вопросамъ педагогики“.

Вопросамъ объ образовательныхъ задачахъ средне-учебныхъ заведеній и объ институтахъ для приготовленія преподавателей для этого рода заведеній въ журналѣ посвящены слѣдующія статьи: профессора *Н. И. Карѣва* „Что такое общее образованіе?“; *Нейфельда* „Къ вопросу о реформѣ средне-учебныхъ заведеній въ Германіи“; его же: „Приготовленію учителей среднихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи“; *Демкова* „Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній.“ Въ статьѣ профессора Карѣва здравыя мысли и сужденія могли бы имѣть большую рельефность, еслибы изложеніе не было растянуто. Статья Нейфельда довольно обстоятельно знакомитъ съ двумя нѣмецкими сочиненіями, вызванными послѣднею реформою нѣмецкихъ гимназій, именно: 1) *Heinrich von Treitschke* „Die Zukunft des deutschen Gymnasiums“ и 2) *Adolf Lissau*, „Sint ut sunt. Für das alte Gynnasium wider die Neuerer“. Другая статья того же автора представляетъ также не болѣе, какъ отчетъ о статьѣ *Emil Böök* (Helsingfors) „Ueber die Ausbildung von Lehrern an höheren Schulen in Finland“. Г. Демковъ въ своей статьѣ коротенько, но вѣрно очерчиваетъ наши первыя правительственныя мѣры о приготовленіи вообще учителей, затѣмъ разъясняетъ, болѣе при помощи авторитетныхъ ученыхъ, чѣмъ своими собственными соображеніями, вопросъ о необходимости философскаго образованія для преподавателей гимназій.

Спеціально преподаванію въ среднихъ школахъ посвящены слѣдующія статьи: *Путиловскаю* „Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“; *Шидловскаю* „Одинъ изъ спорныхъ вопросовъ по преподаванію математики“; *Шохоръ-Троцкаю* „Цѣль и

средства преподаванія низшей математики"; *Виппера* „О преподаваніи истории въ австрійскихъ гимназіяхъ"; *Б. Т.* „Спорные вопросы преподаванія математики"; *Анненскаго* „Объ эстетическомъ отношеніи Лермонтова къ природѣ". Сюда же можно отнести статьи: *Крыгина* „Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ" и *П. Ф. Деслафта* „О преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ". Всѣ поименованныя статьи имѣютъ интересъ для спеціалистовъ, статья же Крыгина имѣетъ значеніе для родителей.

Вопросу профессиональнаго образованія въ тѣсномъ смыслѣ посвящены три статьи: *Песковскаго* „Профессиональная школа и подъемъ отечественной промышленности"; *Абрамова* „Профессиональное образованіе въ Финляндіи", и *Неручева* „Источники сельско-хозяйственнаго знанія". Г. Песковскій, на основаніи матеріаловъ, заключающихся въ трудахъ съѣзда по техническому и профессиональному образованію Россіи, очерчиваетъ состояніе у насъ въ Россіи прикладнаго обученія, характеръ его, опредѣляетъ ближайшія задачи въ этой отрасли образованія для правительственной, общественной и частной дѣятельности. Статья Абрамова, очерчивающая, хотя и въ общихъ чертахъ, профессиональное образованіе Финляндіи, даетъ, однако же, возможность читателю хорошо понять, на сколько Финляндія опередила въ этомъ дѣлѣ Россію. Довольно обширная статья Неручева распадается на слѣдующія части: 1) участіе народной школы въ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго интереса; 2) низшія сельско-хозяйственныя школы, какими онѣ есть и какими быть должны; 3) среднія земледѣльческія училища; 4) высшее агрономическое образованіе. За правильность воззрѣній, высказываемыхъ въ этихъ статьяхъ, и за полезность практическихъ совѣтовъ, предлагаемыхъ въ ней, ручается уже имя автора, который самъ занимается сельскимъ хозяйствомъ и который еще 20 лѣтъ тому назадъ предлагалъ Московскому обществу сельскаго хозяйства цѣлесообразныя средства для распространенія въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній.

Предмету низшихъ школъ и вообще народному образованію посвящены слѣдующія статьи: *Феликсова* „Спеціальныя практическія задачи русской народной школы"; *Абрамова* „Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи: а) народныя чтенія; б) частныя воскресныя школы, и в) народныя бібліотеки, созданныя частною инициативой"; *Тютрюмова* „Обзоръ мѣропріятій земствъ по народному образованію за 25-лѣтній періодъ времени"; *Бьелонскаго* „Народное образованіе во Владимірской губерніи"; *Девеля*

„Городскія и сельскія бібліотеки и читальни для народа по свѣдѣніямъ С.-Петербургскаго комитета грамотности“, и *Абрамова* „Къ вопросу о бесплатныхъ бібліотекахъ“. Фелнсковъ въ своей статьѣ толково очерчиваетъ кругъ практическихъ знаній, необходимыхъ для современнаго нашего крестьянскаго общества и разъясняетъ способы и средства, при помощи которыхъ сельская школа можетъ взять на себя распространеніе этихъ знаній. Очерки *Абрамова* читаются съ интересомъ, такъ какъ въ нихъ, на ряду съ обыкновенными фактами, сообщаются такого рода мелкія, но живыя частности, которыя съ одной стороны характеризуютъ интеллектуальную сторону сельскихъ читателей, а съ другой могутъ дать урокъ составителямъ бібліотекъ и авторамъ популярныхъ книгъ. Статьи *Тютрюмова* и *Вѣлюконскаго* сообщаютъ много фактовъ и свѣдѣній, освѣщающихъ съ благопріятной стороны дѣло нашего народнаго образованія, которое, хотя и медленно, но распространяется, встрѣчая сочувствіе въ массѣ населенія. Въ дѣльной и обстоятельной статьѣ *Девели* утверждается, между прочимъ, будто бы народныя бібліотеки не могутъ пріобрѣтать никакихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя вошли въ каталогъ, издаваемый ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Но такое утвержденіе неосновательно: ученому комитету приходилось разсматривать списки книгъ, не вошедшихъ въ поименованный каталогъ и находящихся въ Пушкинскихъ читальняхъ Москвы и Петербурга, но изъ этихъ списковъ исключены только немногія книги. дѣйствительно не имѣющія значенія для предполагаемаго круга читателей. Въ послѣдней статьѣ, *Абрамова*, разказывается поучительная исторія образованія бесплатной бібліотеки въ городѣ Богородицкѣ, Тульской губерніи.

Заканчивая рѣчь о главномъ передовомъ отдѣлѣ журнала, нельзя не упомянуть о статьѣ *К. Модзалевскаго* „Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть“, въ которой высказываются вполне правильныя мнѣнія по такимъ, напримѣръ, практическимъ вопросамъ: что предпочтительнѣе для дѣтей: дѣтскій журналъ или дѣтская книга, нескучно составленныя статьи изъ русскаго быта или же хорошія передѣлки изъ иностраннаго быта, о хорошихъ и отрицательныхъ сторонахъ научно беллетристическихъ статей *Ж. Верна* и *Майнъ-Рида* и т. д., и т. д.

Въ отдѣлѣ „Критика и бібліографія“ въ журналѣ напши мѣсто отзывы о недавно вышедшихъ или же являющихся въ новыхъ изданіяхъ русскихъ и переводныхъ сочиненіяхъ по гигиенѣ, по общей педагогикѣ

и училищевѣдѣнію, объ учебныхъ хрестоматіяхъ и учебникахъ по русскому языку, географіи и исторіи, о книгахъ для народнаго чтенія и т. п. Рецензін, хотя и не одинаковаго достоинства, но вообще довольно характерны и неоголословны. Отмѣтимъ наиболѣе обстоятельныя изъ нихъ: 1) профессора Д. Θ. Бѣляева о брошюрѣ д-ра Трифановскаго „Паша общеобразовательная школа, ея недостатки и необходимость и возможность для Россіи положить въ основаніе ея новыя начала“; 2) Сутеранскаго „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“; 3) П. Θ. Кинтерева о книгѣ Е. П. Водовозовой „Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста“; 4) I. Паульсона о книгѣ Д. Тихомирова „Чему и какъ учить на урокахъ роднаго языка въ начальной школѣ? Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковнославянскому чтенію“; 5) А. Θ. Сѣколова объ учебникѣ географіи Обломкова, и о приемахъ черченія географическихъ картъ Сенигова; 6) О сборникѣ статей С. А. Рачинскаго „Сельская школа“; 7) П. С. о книгѣ Cuessfeldt'a „Die Erziehung der deutschen Jugend“. Berlin 1890, въ которой выражается взглядъ германскаго императора Вильгельма II на современное воспитаніе, и т. д. Говоря о рецензіяхъ, нельзя не упрекнуть редакцію по поводу отзыва Н. Б. о брошюрѣ Н. Бакста „По вопросу о переутомленіи учениковъ гимназій“. По рецензії оказывается, что г. Бакстъ рѣшительно не раздѣляетъ существующихъ жалобъ на переутомленіе учениковъ гимназій; но рецензентъ, видимо, не придалъ значенія заключительнымъ выводамъ брошюры и безусловно осудилъ ее, отчасти потому, что г. Бакстъ до сихъ поръ ничего не писалъ по педагогикѣ и гигиенѣ. Упрекъ этотъ редакція заслуживаетъ еще болѣе по тому, что заключительные выводы по разсматриваемому предмету, высказанные г. Моромъ въ статьѣ, помѣщенной на страницахъ того же журнала въ томъ же году, совершенно тождественны съ выводами г. Бакста, между тѣмъ они не встрѣтили никакого возраженія со стороны редакціи.

Въ отдѣлѣ „Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ иностранныхъ и русскихъ“ даются отзывы о семи русскихъ журналахъ, одномъ польскомъ, одномъ чешскомъ, трехъ французскихъ, двухъ нѣмецкихъ, одномъ шведскомъ и одномъ датскомъ. Намѣреніе редакціи знакомить своихъ читателей съ содержаніемъ педагогическихъ журналовъ Скандинавіи, Чехіи и Польши составляетъ вообще новинку въ нашей педагогической литературѣ. Изъ немалаго числа шведскихъ педагоги-

ческихъ журналовъ редація выбрала такой, который одинъ только отстанавляетъ изученіе древнихъ языковъ въ инведскихъ гимназіяхъ. Большую цѣну также для русскихъ педагоговъ можетъ имѣть сообщеніе о польскомъ журналѣ „Пшеглондъ“, давно уже издаваемомъ въ Варшавѣ, и который съ истекшаго года принялъ особенную окраску не безъ политическаго характера.

Отдѣлъ „Педагогическая хроника“ сообщаетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся школьнаго дѣла за границею и у насъ. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, въ переводѣ кабинетный декретъ императора Вильгельма II о народномъ образованіи, его рѣчь, статистическія данныя о прусской школѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ образованіи въ Болгаріи, въ Старой Сербіи, Босно-Герцеговинѣ и Южной Венгріи, реформы гимназій въ Вюртембергѣ и Баваріи, реформа среднего образованія во Франціи, о совоспитательномъ училищѣ въ Гельсингфорсѣ, о народныхъ чтеніяхъ въ Тифлисѣ и т. п. Много страницъ посвящено „Хроникѣ народнаго образованія“; эта хроника, по прежнему ведется толково и живо г. Абрамовымъ; но нельзя не пожалѣть только, что авторъ далеко не вездѣ указываетъ на источники, откуда имъ почерпнутся сообщаемыя свѣдѣнія. Независимо отъ этого, въ хроникѣ находится много свѣдѣній, имѣющихъ справочный характеръ, какъ, напримѣръ: о засѣданіяхъ въ Комитетахъ грамотности Московскомъ и Петербургскомъ, о засѣданіяхъ Обще-педагогическаго отдѣла Педагогическаго музея, о послѣднихъ засѣданіяхъ „Родительскаго кружка“ въ С.-Петербургѣ, объ образованіи Общества взаимнаго вспомошествованія с.-петербургскихъ педагоговъ, или „Педагогическаго фонда“, объ учрежденіи въ обществѣ попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи пенсіи имени княгини А. А. Оболенской, десятилѣтіе женской гимназіи М. Н. Стоюниной и т. д. и т. д.

Обиліе и разнообразіе интереснаго и цѣннаго для педагоговъ матеріала, отсутствіе какихъ-либо крайнихъ воззрѣній, спокойный тонъ почти всѣхъ статей и выѣшняя опрятность, замѣчающаяся въ каждой книжкѣ журнала, все это производитъ благопріятное впечатлѣніе, и мы не можемъ не пожелать редакціи наибольшаго успѣха.

И. Б.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

- 1) *Виргилій Маронъ. Энеида.* Томъ II съ введоіемъ, примѣчаніями, 13 рисунками и географическою картою. Объяснилъ *Д. Нагуевскій*, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе 3-е, значительно исправленное и дополненное. 1891. Стр. 27—52. Цѣна 50 коп.
- 2) *М. Туллій Цицеронъ.* Речи противъ Катилины съ введоіемъ, примѣчаніями, 7 рисунками, географическими картами и планами Рима и римскаго форума. Объяснилъ *И. Нестушилъ*, профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета. Царское Село. 1891. Цѣна 70 коп.

Обѣ книжки составляютъ часть „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями“, издаваемого подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Оба новыя выпуска этого изданія вполне соответствуютъ тѣмъ цѣлямъ, которыя поставили себѣ издатели. Приемы работы г. Нагуевскаго извѣстны по его трудамъ, относящимся къ объясненію Виргилія, Саллюстія, Цицерона. Въ комментарий ко II-й книгѣ Энеиды многія изъ допущенныхъ въ первомъ изданіи неточностей устранены, и вообще комментарий можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Впрочемъ, кое-какія мѣста и въ немъ вызываютъ замѣчанія, на примѣръ:

Стр. 13: „Ulixes (Улиссъ) латинское имя Одиссея“. Ученикъ тщетно будетъ искать въ словарѣ латинское слово или корень, отъ котораго можно было бы произвести это имя. Оно не латинское, а греческое и, въ частности, употреблявшееся у сицилійскихъ грековъ въ формѣ οὐλίης.

Ibidem: Divina Palladis arte г. Нагуевскій совѣтуетъ ученику перевести: „по искуснымъ указаніямъ богини Паллады“ неудачно, потому что указанія богини не могутъ быть неискусными.

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензія имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Стр. 14: объясняя явленіе *hendiadys*, г. Нагуевскій говоритъ, что въ этой фигурѣ одно сложное понятіе разлагается на свои двѣ составныя части, являющіяся какъ бы равносильными. „Какъ бы“ здѣсь не умѣстно, потому что обѣ части дѣйствительно равносильны.

Ibidem: *donum Minervaе* г. Нагуевскій переводитъ „даромъ Минервы“, а на стр. 22 говоритъ, что конь былъ построенъ въ честь Минервы.

Стр. 17: трудное, по мнѣнію издателя, для пониманія учениковъ *pes* объясняется еще болѣе труднымъ: *in Ovis*.

Стр. 29: вѣрно объяснивъ форму *Panthus*, г. Нагуевскій невѣрно передаетъ еѣ по-русски въ видѣ: Панѣъ вмѣсто Панѣой.

Изъ этихъ примѣровъ явствуется, что объясненія г. Нагуевского нуждаются въ тщательномъ пересмотрѣ и устраненіи разнообразныхъ неточностей.

Гораздо отчетливѣе трудъ проф. Петушила, объяснившего Катилинаріи Цицерона: изъ разсмотрѣнія комментарія читатель выноситъ убѣжденіе, что авторъ отнесся съ знаніемъ и любовью къ своей задачѣ, что онъ не упускалъ изъ виду требованій учащихся, для которыхъ предназначенъ комментарий, старался избѣгать случайныхъ и малополезныхъ примѣчаній и не оставляетъ учениковъ безпомощными тамъ, гдѣ они дѣйствительно нуждаются въ помощи. Комментарію предислано введеніе, во многомъ замѣняющее комментарий; оно содержитъ: біографію Цицерона, его характеристику какъ оратора, какъ ритора, какъ философа, какъ человека, очерчиваетъ стиль Цицерона, сообщаетъ очеркъ топографіи города Рима при Цицеронѣ, государственнаго устройства римской державы при Цицеронѣ и характеристику Катилины. Все это съ удовольствіемъ и несомнѣнно съ пользою прочтется нашими гимназистами.

Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса. Составилъ О. Опацкій.

Изданіе 3-е, обработанное примѣнительно къ новымъ учебнымъ планамъ и снабженное многими приложеніями. Казань. 1892, стр. II + 192. Ц. 1 р.

Трудъ г. Опацкаго былъ удостоенъ большою премію императора Петра Великаго и нынѣ является въ третьемъ изданіи, обработанномъ примѣнительно къ новымъ учебнымъ планамъ и снабженномъ приложеніями. Въ частности, авторъ сократилъ и упростилъ курсъ синтаксиса, выпустивъ несущественныя подробности и тѣ явленія, которыя рѣдко встрѣчаются въ классической прозѣ, выдѣливъ изъ

курса синтаксиса тѣ его главы, которыя не вошли въ новыя программы, и отнеся ихъ, въ значительно сокращенномъ видѣ, въ отдѣлъ приложений. Для облегченія памяти учащихся нѣкоторые перечни словъ и выраженій опущены, другіе сокращены черезъ опущеніе всего излишняго. Въ отдѣлъ приложений внесены новыя статьи: краткая топика, важнѣйшіе троны и фигуры, краткая просодія и метрика, важнѣйшія римскія мѣры и сокращенія.

Всѣ сдѣланныя авторомъ измѣненія и дополненія вполне основательны и служатъ къ улучшенію книги.

Латинская хрестоматія для I, II, III, IV классовъ гимназій. Составилъ *Н. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. Части III и IV. М. 1891, стр. II + 130 и VI + 190. Цѣна 1 руб.

Первыя двѣ части хрестоматіи г. Семеновича были изданы имъ ранѣе. Третья и четвертая части составляютъ ихъ продолженіе и, въ планѣ и расположеніи учебнаго матеріала, представляютъ значительное сходство, отличаясь только тѣмъ, что матеріалъ этотъ, сообразно большому развитію и степени познаній учащихся, представляется болѣе труднымъ и разнообразнымъ. Выборъ его, особенно въ латинской части, замѣчаний не вызываетъ. Что же касается русскихъ текстовъ, то необходимо, чтобы авторъ при послѣдующемъ изданіи своей книги позаботился устранить изъ нихъ выраженія неловкія и неудачныя, въ родѣ: „съ теченіемъ времени въ этой мѣстности устроены были виноградныя сады“, стр. 3; „городъ изукрашенъ съ невѣроятнымъ блескомъ“, стр. 6; „вскорѣ однако Ніоба рассказывалась въ своемъ поступкѣ“, стр. 83; „Юпитеръ приказалъ Меркурію выгнать изъ глины женщину и подарить ей родъ человѣческій“, стр. 93.

Къ концу книги приложены словари латинско-русскій и русско-латинскій и указатели собственныхъ именъ, составленные, въ общемъ, удовлетворительно.

Латинско-русскій словарь *О. Петрученко*. Москва. Стр. II + 290. Цѣна 2 руб. 75 коп.

Г. Петрученко въ основаніе этого труда положилъ Lateinisch-Deutsches Schulwörterbuch Георгеса, отличающійся солидными достоинствами и съ успѣхомъ конкурирующій съ другими общераспространенными въ германскихъ школахъ словарями. Отличительными достоинствами труда Георгеса слѣдуетъ признать относительную полноту, благодаря которой онъ можетъ служить пособіемъ при чтеніи

не только прозаиковъ золотого вѣка, но и поэтовъ и авторовъ серебряной латыни, вроде Тацита. Рядомъ съ полнотою слѣдуетъ отмѣтить рѣдкую акрибію, результатомъ которой оказывается то, что въ словарь Георгеса внесены лишь такія лексикальныя данныя, которыя проверены составителемъ на основаніи новѣйшихъ критическихъ текстовъ древнихъ авторовъ. Третьимъ достоинствомъ словаря Георгеса слѣдуетъ поставить весьма искусную группировку значеній, представляющую логическое развитіе отгѣнковъ употребленія того или другаго слова. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго нельзя не признать, что г. Петрученко поступилъ вполне основательно, положивъ въ основу своего труда такое прекрасное пособие. Онъ не ограничился букввальнымъ переводомъ Георгеса, но старался приспособить нѣмецкій оригиналъ къ особенностямъ русскаго языка и потребностямъ русской классической школы. Съ этою цѣлію онъ позволялъ себѣ нѣкоторыя отступленія въ группировкѣ значеній, приводилъ большее число цитатъ и ихъ переводовъ, давалъ болѣе подробныя реальныя объясненія и т. д. Въ общемъ, работа производитъ впечатлѣніе благопріятное, какъ трудъ добросовѣстный, на который авторъ, по собственному заявленію, посвятилъ болѣе четырехъ лѣтъ упорнаго труда, исполненный съ любовію и умѣніемъ и вполне могущій конкурировать съ латино-русскимъ словаремъ Шульца, распространеннымъ въ нашей средней школѣ. Но, съ другой стороны, не свободенъ онъ и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, устраненіе которыхъ было бы желательно при послѣдующихъ изданіяхъ. Каковы эти недостатки, будетъ очевидно изъ слѣдующихъ, частныхъ примѣровъ:

S. v. *sarpi* читается слѣдующая, непонятная фраза: *in sarpi vertit*, постигла его жизнь, ускорила его смерть.

S. v. *cretatus* опущено указаніе, какъ слѣдуетъ перевести выраженіе: *cretata ambitio*.

S. v. *crispo* опечатка: *hostilia*, вмѣсто *hastilia*.

S. v. *supressus* въ числѣ примѣровъ приведенъ: *suparissii coniferae*.

S. v. *curia* не вѣрно говорится, будто каждая курія дѣлилась на 10 родовъ, такъ какъ извѣстно, что число родовъ въ куріи было неопредѣленно и, съ теченіемъ времени, измѣнялось.

S. v. *damno* фраза *damnare aeterna lumina nocte* неудачно передана черезъ: обречь глаза на вѣчный мракъ.

S. v. *debeo* стихъ Горация: *navis quae tibi creditum debes Vergilium finibus Atticis reddas incolumem precor* — и понять и перевести не вѣрно черезъ: долженъ доставить В. въ

S. v. debilito фраза *debilitatus a iure cognoscendo* не точно переведено черезъ: потерявшій мужество ослиять законы.

S. v. deductio слѣдовало бы привести оборотъ *domum deductio*, имѣющій техническое значеніе.

S. v. genitalis выраженіе *genitalia corpora* неточно передано черезъ стихій.

S. v. genius невѣрно утверждается, будто по смерти человека его геній оставался на землѣ; геній, какъ говоритъ Гораций, былъ *mortalis in unumquodque caput*.

S. v. gymnasium желательно было бы подтвержденіе цитатой опредѣленіе этого слова, какъ мѣсто погребенія знаменитыхъ людей.

S. v. hasta — латинскому обороту *hastam abicere* соответствуетъ скорѣе русскій: сложить оружіе, чѣмъ: повѣсить носъ, какъ утверждаетъ авторъ.

S. v. interregnum не точно утверждается, будто по смерти царя верховная власть была въ рукахъ сенатора (*interrex*)—источники говорятъ лишь о томъ, что онъ былъ патрицій.

S. v. ludus невѣрно Невію приписываются сатиры.

S. v. oratio терминъ этотъ опредѣленъ не полно, а потому и не точно.

S. v. paelex переводъ этого слова черезъ: метресса, врядъ ли одобрительнъ, какъ и переводъ *palaestra* черезъ: подвизальнище, междоуметія раба! черезъ: чортъ возьми, слова *parasita* черезъ: блюдоливица, слова *passum* черезъ: сектъ (секъ?), *pastillus* — черезъ: морселя и т. д.

S. v. perigo выраженіе: *terra perusta gelu* не точно передано черезъ: поврежденная.

S. v. pes непонятно слѣдующее опредѣленіе переноснаго значенія этого слова: вообще о текучей водѣ, рѣкахъ (будто о богахъ).

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что трудъ г. Петрученко нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ.

Рѣчи Демосфена Олиннекія и первая противъ Филиппа, съ двумя рисунками и картой Греціи. Для употребленія въ гимназіяхъ объяснилъ *Н. Ко. ренко*, преподаватель Ташкентской гимназіи. Москва. 1891, стр. 104. Цѣна 1 р.

Трудъ г. Коренькова состоитъ изъ введенія, греческаго текста трехъ Олиннекихъ рѣчей и первой противъ Филиппа, объяснительныхъ

примѣчаній, отдѣльно приложенныхъ къ каждой рѣчи, двухъ рисунковъ и карты Греціи.

Греческій текстъ, по нынѣ установившейся редакціи, вѣренъ и свободенъ отъ опечатокъ. Комментаріи носятъ на себѣ характеръ нѣмецкихъ изданій того же рода, какъ на примѣръ, комментированныхъ изданій, предпринятыхъ фирмами: въ Берлинѣ—Вейдмана, а въ Лейпцигѣ—Тейбнера. Поэтому изъ предлагаемаго г. Кореньковымъ комментарія исключены всѣ объясненія, касающіяся этимологій греческаго языка, въ томъ справедливомъ предположеніи, что ученики гимназій, дойдя до VIII класса, уже должны обладать всѣми свѣдѣніями, относящимися къ этой части греческой грамматики; на синтаксисъ же встрѣчаются указанія въ случаяхъ, выходящихъ изъ предѣловъ элементарнаго курса греческаго словосочиненія ¹⁾. По лексической части языка составитель ограничивается лишь намеками на особенныя значенія словъ, обусловленные смысломъ данныхъ мѣстъ; изрѣдка онъ даетъ и примѣрный переводъ греческаго оборота. Исключительное же вниманіе обращено на логическую связь рѣчи, на разъясненіе высказанныхъ авторомъ мыслей и на растолкованіе историческихъ и бытовыхъ фактовъ, принятыхъ въ соображеніе ораторомъ. Всѣ примѣчанія, благодаря какъ собственнымъ свѣдѣніямъ и умѣнію составителя, такъ и хорошимъ источникамъ, находившимся подъ его руками, по содержанію, составлены точно и вѣрно, за исключеніемъ развѣ только одного мѣста, *Olynth*, II. 14; ἐκὶ τῆν οἰκίαν, гдѣ толкованіе противорѣчитъ словамъ Демосфена. Съ другой стороны, помѣщенные въ комментаріѣ указанія и намеки отличаются мѣткостью и сжатостью; подчасъ они состоятъ изъ одного лишь слова и требуютъ особенной внимательности и нѣкоторой смыслености отъ пользующагося этимъ учебнымъ пособіемъ; но за то ученикъ, вполне совладавшій съ помѣщеннымъ въ изданіи г. Коренькова греческимъ текстомъ, при помощи одного только разбираемаго комментарія и общаго греко-русскаго словаря, получитъ большой запасъ филологическихъ свѣдѣній, который навсегда останется умственнымъ его достояніемъ, какъ результатъ серьезнаго самостоятельнаго труда. Приложенные къ книгѣ рисунки изображаютъ: 1) статую Демосфена, находящуюся въ Вассіо пиово въ Ватиканѣ; и 2) храмъ Посейдона

¹⁾ См. *Olynth*, I. 14, 26; II. 24 и др.

въ Калаврин, гдѣ Демосеенъ посредствомъ яда освободилъ себя отъ преслѣдованій Антипатра. Карта, наконецъ, изображаетъ Грецію съ островами во время борьбы аеонянъ съ Филиппомъ Македонскимъ. Предпосланное греческимъ текстамъ введеніе въ краткомъ очеркѣ яснымъ слогомъ даетъ вѣрную картину политической обстановки Греціи и преимущественно Аеонъ, въ періодъ враждебнаго вѣднательства Македонской монархіи въ дѣла Эллады.

А. Кем. Своенный упражненій къ греческой этимологіи, приспособленный къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ Н. Страховымъ, преподавателемъ лицея Цесаревича Николая. Часть первая. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на ѿ. Москва. 1892. стр. 143. Цѣна 80 к.

Г. Страховъ, годъ тому назадъ выпустившій въ свѣтъ вторымъ изданіемъ составленному имъ по Кэги греческую грамматику, издалъ нынѣ въ русской обработкѣ другой учебникъ того же пѣмецкаго педагога-филолога, заключающій въ себѣ практическія упражненія для прочнаго усвоенія учениками матеріала, излагаемаго въ его этимологіи. Заслуги Кэги по изложенію элементарнаго курса греческой этимологіи извѣстны: благоразумное сокращеніе и систематическое распредѣленіе сообщаемого грамматическаго матеріала выдвинули его трудъ изъ числа другихъ учебниковъ того-же рода. Тѣмъ-же свойствами отличается и второй его трудъ: Griechisches Uebungsbuch v. Dr. Adolph Kaegi usw. Erster Theil. Das Nomen und das regelmaessige Verbum auf ѿ. Berlin. 1891. Кроме того, авторъ сумѣлъ соединить два противоположные другъ другу метода практическихъ упражненій. Смотря по изучаемымъ формамъ и по возвышающемуся постепенно уровню приобрѣтенныхъ учащимися свѣдѣній, Кэги предлагаетъ въ своей книгѣ то отдѣльныя, но отличающіяся своею содержательностью фразы, то связныя статьи, заимствованныя изъ авторовъ, прямымъ путемъ ведущихъ къ чтенію Ксенофонта. Подстрочныя примѣчанія, два словаря и краткій сборникъ самыхъ необходимыхъ для толковаго пониманія греческаго и для вѣрнаго перевода русскаго текста синтактическихъ правилъ удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ здравой дидактики. Всѣ достоинства подлинника выстѣ съ его матеріаломъ перешли въ трудъ г. Страхова, заслуживающій поэтому полнаго вниманія гг. преподавателей греческаго языка, тѣмъ болѣе, что онъ въ качествѣ пособия оказывается пригоднымъ при любомъ руководствѣ греческой этимологіи.

Таблицы XII и XIII для наглядного преподавания и изучения греческих и римских древностей, съ объяснительнымъ текстомъ подъ заглавіемъ: *Греческій театр*, стр. VI+34. Составилъ и издалъ *Отепанъ Цибульскій*, учитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи. Царское село. 1891.

Изъ предпринятаго г. Цибульскимъ весьма замѣчательнаго изданія таблицъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей одновременно изданы съ объяснительнымъ текстомъ таблицы XII и XIII.

Таблица XII содержитъ изображеніе перспективнаго вида театра въ Сегестѣ въ Сициліи, близъ горы Эрика (по реставраціи археолога-архитектора Штрака). Около этой главной центральной части таблицы, начиная съ лѣваго, верхняго угла, группируются изображенія актеровъ въ сценическихъ костюмахъ, подъ надписями: Ὑποκριταὶ τραγικοί, μάντις, θεράπων, Ἀλκίποτις καὶ Ἑρμῆς;—инструментовъ струнныхъ, духовыхъ и перкуссивныхъ, употреблявшихся въ театральнхъ представленіяхъ,—сценъ изъ художественной жизни дѣйствующихъ въ театрѣ лицъ (διδασκαλεῖον или οἰκὸς τοῦ ὑποκριτῆ, μαῖνάδης или βάχουρα и ὑποκριταὶ κωμικοί) и, наконецъ, масокъ, бывшихъ въ употребленіи на сценѣ (ἑσθία πρόσωπα, ὀβλὸς κωμικὸς, κατάκωμος φῦρα, δῦκος, πρόσωπεῖα κωμῳδίας (ἡτέρον προζότης, Ἑρμῆνος γέρων, παράκοιτος) и θωρηκῆ).

Таблица XIII заключаетъ въ себѣ планы театровъ Эпидаврскаго, Мантинейскаго и Аонискаго (τὸ ἐν Διονύσει θεάτρον), — нѣкоторыхъ частей ихъ (θυράλη, βῆμα, προσκήμιον, περίκλιτος, τρίπους). Художественную отдѣлку таблицъ можно признать превосходною, а за вѣрность исполненныхъ полихроматическимъ способомъ изображеній ручаются отличные источники, которыми пользовался г. Цибульскій.

Объяснительный текстъ, въ которомъ помѣщено нѣсколько иллюстрацій, распадается на три отдѣла: 1) введеніе съ полнымъ перечнемъ древнихъ и новѣйшихъ трудовъ по вопросу о театральномъ дѣлѣ въ древнемъ мірѣ; 2) глава I. Зданія театра; части театральнаго зданія: сохранившіеся памятники театральнхъ зданій (театры Эпидаврскій, Аонискій Діониса, Мантинейскій, Сегестскій). Остальныя замѣчательныя театральныя зданія; 3) глава II. Условія постановки пьесъ въ древней Греціи (происхожденіе и виды драматической поэзіи), маски, костюмы, музыкальные инструменты. Въ объяснительномъ текстѣ, обличающемъ глубокое знакомство автора съ изда-

гаемымъ предметомъ, съ примѣрною точностью объяснены всѣ изображенія таблицъ; при чемъ показаны памятники древняго искусства, которые послужили подлинниками предлагаемыхъ картинъ. Имѣя передъ собою таблицы XII и XIII, изъ этого текста читатель не можетъ не вывести самаго полнаго и самаго живаго представленія какъ объ устройствѣ древняго театра, такъ и о сущности сценическаго дѣла у грековъ и римлянъ. Однако-жъ нельзя не замѣтить, что понятія: *προσκήμιον*, *ὑποσκήμιον*, *λογίον* и *παράσκημι* въ объясненіяхъ не довольно разъединены. Но, не смотря на этотъ, при томъ единственный, недостатокъ, трудъ г. Цибульскаго заслуживаетъ полнаго сочувствія лицъ, интересующихся древнимъ театромъ.

Исторія русской словесности. Составилъ *И. Порфирьевъ*. Часть II. Новый періодъ, отдѣлъ третій (Литература въ царствованіе Александра I). Казань. 1891. Стр. 251+II. Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 коп.

Третій отдѣлъ новаго періода „Исторіи русской словесности“ Порфирьева посвященъ ея изложенію въ царствованіе Александра I. „Къ сожалѣнію“, говоритъ издатель его, доцентъ Казанской духовной академіи Поповъ: „онъ не весь приготовленъ къ печати сообразно намѣченной авторомъ программѣ: смерть застигла его за изложеніемъ главъ о Крыловѣ, Грибоѣдовѣ и мистической литературѣ Александровскаго времени. Эти статьи, какъ не конченныя, не могли войти въ настоящее изданіе“.

Всѣ три отдѣла второй части труда Порфирьева, излагающіе исторію новаго періода нашей словесности, значительно уступаютъ въ своемъ достоинствѣ первой части (исторіи древней литературы), какъ это и было уже указано профессоромъ Соболевскимъ и отчетомъ г. Галахова о второмъ отдѣлѣ новаго періода, написаннымъ по порученію учебнаго комитета при Святѣйшемъ синодѣ (на основаніи этого отчета Порфирьеву была присуждена полная Мазарьевская премія—2.000 рублей). Первый томъ „Исторіи литературы“ Порфирьева есть трудъ самостоятельный, стоявшій ему большихъ изслѣдованій и разысканій, и внесшій не малый вкладъ въ нѣкоторые отдѣлы исторіи нашей древней словесности. Отдѣлы новаго періода этого не представляютъ. Авторъ пользовался предшествовавшими ему трудами, не внося ничего новаго. Конечно, и такое изложеніе, особенно въ послѣднемъ (3-мъ отдѣлѣ), заслуживаетъ уваженія, такъ какъ авторъ умѣло пользовался источниками.

Древнерусская книжная и народная словесность. Хрестоматія съ примѣчаніями къ тексту и предисловіемъ о древнерусскомъ языкѣ. Составилъ И. Бѣлоруссовъ, согласно учебнымъ планамъ и объяснительной запискѣ, утвержденнымъ 20-го іюля 1890 г. Орелъ 1892. X+128 стр. Ц. 90 к.

Материалъ, составляющій содержаніе небольшой книжечки г. Бѣлоруссова, двухъ видовъ: текстъ статей, указанныхъ учебными планами для изученія древнерусской словесности, и подстрочныя примѣчанія къ этому тексту. Тексту предпослано предисловіе съ краткимъ сводомъ главнѣйшихъ особенностей древнерусскаго синтаксиса и стилистики.

О содержаніи статей изъ памятниковъ древнерусской словесности говорить нечего. Количество и объемъ ихъ, за немногими исключеніями, строго соответствуетъ указаніямъ учебныхъ плановъ 1890 г. Новинку въ этомъ отношеніи, сравнительно съ общепотребительною Русскою хрестоматіей Буслаева, составляетъ внесеніе въ Хрестоматію Бѣлоруссова отрывковъ изъ Лѣтописи *Просвѣтителѣ Смиленъ* и *Послѣсловія*, пополненіе отрывковъ изъ *житія пр. Феодосія*, изъ *Слова Кирилла Туровскаго*, да совмѣщеніе въ одной книжкѣ того, что обыкновенно учащіеся безъ труда находятъ въ хрестоматіяхъ Буслаева и Галахова (напримѣръ, былинны: *О Садкѣ*, *Отчего перевелись богатыри*, *Иванъ Грозный* прочтываются по хрестоматіи Галахова). Черезъ эти перемѣщенія и пополненія Хрестоматія г. Бѣлоруссова не превышаетъ однако же 128 страницъ гражданского шрифта и не можетъ быть поставлена на одну степенъ достоинства съ Русскою Хрестоматіей Буслаева, общепотребительной донынѣ при изученіи древнерусской книжной и народной словесности.

Изъ-за чего же авторъ составлялъ и выпускалъ ее въ свѣтъ? Отвѣтами на этотъ вопросъ могутъ служить нѣкоторыя строчки предисловія, а именно: „Съ новою постановкою изученія русской словесности въ гимназіяхъ учебными планами 1890 г. хрестоматія Буслаева, снабженная по преимуществу этимологическими замѣчаніями, не смотря на несомнѣнныя свои достоинства, не въ состояніи удовлетворить *насушной* потребности, въ которой нынѣ наиболѣе нуждаются учащіеся... Синтаксическій строй старинной рѣчи представляется для учениковъ не только ватруднительнымъ, но часто и непонятнымъ; вниманіе ихъ только скользитъ по читаемому тексту и пониманіе содержанія достигается ими въ нѣкихъ случаяхъ лишь путемъ догадки, а не отчетливаго знанія языка. Для устраненія вотъ этой трудности и задумалъ я (говоритъ авторъ) составить настоящую хрестоматію,

снабдивъ всѣ читаемыя въ гимназіи древне-русскія книжныя и устныя народныя произведенія подстрочными синтаксическими и нѣкоторыми реальными комментаріями, удѣливъ при этомъ небольшое мѣсто (въ выноскахъ подъ буквами) и для этимологическихъ примѣчаній (III—IV)* Оставляя на совѣсти г. Бѣлоруссова правдивость словъ его, будто бы Русская хрестоматія Буслаева снабжена *преимущественно этимологическими* замѣчаніями и не можетъ удовлетворять даже *на-сущной* потребности учащихся нынѣ въ гимназіяхъ, изъ вышеприведенныхъ словъ можемъ мы заключить, что причиною появленія на свѣтъ Божій и отличительнымъ признакомъ хрестоматіи Бѣлоруссова было устраненіе трудностей въ пониманіи древнерусскаго синтаксиса. Сводомъ замѣчаній синтаксическаго характера, разбросанныхъ дагдѣ въ выноскахъ и примѣчаніяхъ къ тексту, заканчиваются вышеприведенныя слова автора и предисловіе.

Просматривая это резюме синтаксиса древнерусскаго, прежде всего приходится сказать, что большая часть синтаксическихъ замѣчаній хрестоматіи Бѣлоруссова, напримѣръ, о согласованіи словъ по смыслу, объ употребленіи мѣстоименій, дательнаго самостоятельнаго, винительнаго съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и т. п., входила и входитъ въ курсъ IV класса гимназій и, наравнѣ съ этимологіей ц.-славянскаго языка, усваивается учениками даже по такимъ краткимъ учебникамъ, какъ грамматика гг. Колосова, Бѣлявскаго, а тѣмъ болѣе Буслаева, знакомство съ которой (извѣстна подъ названіемъ Учебникъ Русской грамматики Буслаева) неизбѣжно при употребленіи въ V и VI классахъ Русской хрестоматіи его-же. Другая часть положеній синтаксиса древнерусскаго—обща съ требованіями современнаго синтаксиса (напримѣръ, употребленіе неопредѣленнаго наклоненія для выраженія долженствованія, въ родѣ: „Быти грому великому, ити дождю стрѣлами“, нѣкоторыхъ случаевъ управленія словъ) и, слѣдовательно, опять не составляетъ новости для учениковъ, прошедшихъ курсы III и IV класса гимназій. Затѣмъ остаются принадлежащія собственно хрестоматіи Бѣлоруссова многочисленныя указанія оборотовъ, заимствованныхъ изъ древнихъ языковъ, особенно изъ греческаго. Это, конечно, полезная для обучающагося въ классической гимназій сторона примѣчаній хрестоматіи Бѣлоруссова; усвоивъ-тому ихъ будетъ болѣе или менѣе понятно выраженіе Ломоносова, что русскій языкъ обогатился красотою греческаго языка чрезъ переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Но и занимающійся по Русской хрестоматіи Буслаева, слѣдя за указаніями въ

примѣчанійхъ на § 9 синтаксиса въ Учебникѣ русской грамматики Буслаева же, можетъ дойти до тѣхъ же результатовъ. Собственно хрестоматіи Вѣлоруссова принадлежитъ внесеніе въ синтаксисъ нѣсколькихъ терминѣвъ и названій, встрѣчающихся въ латинскихъ и греческихъ грамматикахъ. Такъ занимающіеся по хрестоматіи Вѣлоруссова ученики вспомнятъ, что есть *дателный энклитическій* (ти=τοι, стр. 63, 9), *ablativ. causae, instrumenti, auctoris*, именительный и винительный *предикативные, accusat. e participo, анаколутія* и т. п. Къ этому же виду особенностей хрестоматіи Вѣлоруссова относится и напоминаніе о томъ, что греческимъ частицамъ соотвѣтствуютъ въкоторыя русскія или славянскія, напримѣръ, *ο* = *парі с. gen.* (67, 10), *ι*ко = *ѡста* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (VIII), не *ли* = греческому *ει* въ косвенныхъ вопросахъ (23, 71) *ε*з = греческому *ἐν* (33, 20), *понались* напоминаетъ греческое *ἐλαύνω* (17, 12; 21, 22) и т. п.

Что касается стилистическихъ примѣчаній, то ихъ въ общемъ сводѣ, въ предисловіи, указано только 4, и въ томъ числѣ есть такая, напримѣръ, общеизвѣстная особенность, что глагольное сказуемое въ древнемъ языкѣ ставилось на концѣ предложенія, а опредѣленіе впереди опредѣляемаго. Въ замѣчаніяхъ или въ выносахъ подъ текстомъ, правда, можно найти и еще кое-какіе стилистическіе терминны, напримѣръ, параллелизмъ, плеоназмъ, тавтологія, эпитетъ; но названіе только извѣстнаго оборота или слова анаколутіей, плеоназмомъ и т. д., при нынѣшнемъ изученіи древнихъ памятниковъ до знакомства съ теоріей словесности, безъ помощи и объясненій учителя ничего не сообщитъ ученикамъ. Въ Русской хрестоматіи Буслаева въкоторыя стилистическія особенности и терминны, напримѣръ, аллитерація, эпось, былины (см. стр. 354—355, изд. 1881 г.) объяснены обстоятельнѣе. Въмѣсто сообщенія однихъ стилистическихъ названій важнѣе и ближе къ содержанію и цѣлямъ хрестоматіи было бы сообщить при извѣстныхъ отрывкахъ главную мысль или идею цѣлаго сочиненія или памятника, его дѣленіе на части, заимствованіе или родство съ другими, отношеніе ко всему сочиненію приведеннаго отрывка, краткія свѣдѣнія объ авторѣ, какъ это нерѣдко дѣлается въ Русской хрестоматіи Буслаева. Но ничего подобнаго нѣтъ въ хрестоматіи Вѣлоруссова, хотя въ предисловіи онъ и говоритъ о снабженіи своей хрестоматіи реальнымъ комментариемъ.

Не особенно понятно, что собственно авторъ разумѣлъ подъ реальнымъ комментариемъ. Отдѣляя изъ его примѣчаній грамматиче-

скія, стилистическія, за отсутствіемъ историческихъ, библиографическихъ и вообще какихъ либо иныхъ, приходится подъ реальнымъ комментариемъ подразумѣвать указанія въ выноскахъ значенія какого-либо древняго слова или перифразъ какого-либо оборота. Но это подстрочное указаніе значенія словъ, перифраза или смысла извѣстнаго оборота (напримѣръ, на 1 стр. выноска 1: *языкъ* — народъ; 3: *симъ* — для этихъ; 7: дат. самост. *когда славяне и князья ихъ жили крещеными*; 8: *наказать* — наставить; 11: *тѣмъ-же* — поэтому и т. д.) — самая слабая сторона хрестоматіи Вѣлоруссова, какъ учебнаго пособия. Судя по предисловію, авторъ хотѣлъ бы, чтобы учебные планы 1890 г. положили „конецъ поверхностнаго чтенія произведеній словесности“, а своими подстрочными указаніями значенія словъ и перифраза мало-мальски отдающаго старинной оборота — Вѣлоруссовъ освобождаетъ ученика не только отъ какой-либо догадки, соображенія, но и отъ самой обыкновенной при изученіи языка и словесности работы — приискать или произвести отъ извѣстнаго корня значеніе встрѣтившагося слова, подумать о лучшемъ по контексту и ближайшемъ по смыслу оборотѣ. Подобными хрестоматіи Вѣлоруссова подстрочными замѣчаніями снабжаются, быть можетъ, съ нѣкоторою пользою, только французскія, нѣмецкія и англійскія книжки, написанныя для пріученія русскіхъ дѣтей къ бѣглому чтенію на извѣстномъ языкѣ. Но неужели для русскаго мальчика V класса гимназій древне-русскій языкъ (напримѣръ, *лѣтописи* или *былины*) также неизвѣстенъ, какъ нѣмецкій или французскій? Неужели указанный методъ можетъ привести къ научному знанію языка? Неужели изученіе древне-русскаго языка не заслуживаетъ такой серьезности и вниманія, какія прилагаются къ изученію хотя бы латинскаго и греческаго языка? Зная, что на извѣстной страницѣ за чертою, подъ извѣстною цифрою, всегда указывается значеніе непонятнаго слова, выраженія, ни одинъ ученикъ, пользуясь хрестоматіей Вѣлоруссова, не станетъ никогда готовиться къ уроку, къ разбору и пониманію извѣстной грамматической или стилистической особенности памятника. Да и учитель, позволивъ себѣ преподавать по хрестоматіи Вѣлоруссова, никакъ не повѣритъ, знающій-ли предъ нимъ ученикъ переводить и указываетъ разныя грамматическія и стилистическія особенности памятника, или только ученикъ ловко опускающій глаза со строчки текста на извѣстную цифру выноски. Это — самая неудачная выдумка г. Вѣлоруссова, положительно мѣшающая его хрестоматіи сдѣлаться учебнымъ школьнымъ пособиемъ. Гораздо лучше было бы приложить къ концу книги словарь для словъ (пожалуй, и оборотовъ при нихъ),

требующихъ объясненія. Это избавило бы и книгу отъ безчисленныхъ повтореній одного и того же на разныхъ страницахъ и не парализовало бы самодѣятельности, самостоятельности труда со стороны учениковъ. Изложивъ въ предисловіи кратко синтаксическія и стилистическія особенности древнерусской рѣчи, Бѣлоруссовъ могъ бы, безъ осложненія книги многочисленными подстрочными примѣчаніями, при каждомъ достойномъ замѣчаніи оборотѣ только указывать цифрою на пунктъ синтаксиса или стилистики. Тогда ученикъ для отвѣта учителю долженъ былъ бы заранѣе справляться и съ значеніемъ словъ и съ особенностью оборота рѣчи; сдѣлавъ это нѣсколько разъ, онъ, конечно, безъ труда усвоилъ бы что-либо изъ того, что при теперешнемъ изложеніи примѣчаній онъ поверхностно будетъ прочитывать только, пока его будутъ спрашивать.

Кромѣ этого крупнаго недостатка книги Бѣлоруссова, въ замѣчаніяхъ его къ тексту кое-гдѣ встрѣчаются нѣкоторая непоследовательность и ошибочныя или спорныя положенія. Пообщавши (въ предисловіи) дѣлать этимологическія замѣчанія *подъ буквами послѣ* всѣхъ другихъ, помѣченныхъ цифрами, г. Бѣлоруссовъ, къ 2-ой стр. ставитъ 26-мъ примѣчаніемъ: „*исполь*—прялагат. несклоняемое; на 4-й стр. въ 24 примѣчаніи: *успѣ*—аор. отъ глагола успѣти; на 14 стр. въ 23 примѣчаніи: *есть стоици*—описательная форма вмѣсто *стоици*; развѣ все это (и подобное тому, напримѣръ, на 6 стр. 63 примѣч.) не этимологическія замѣчанія? Въ краткомъ сводѣ синтаксическихъ особенностей на V стр. въ 5 дѣленіи подѣлъ буквою *б*, замѣчанія: „сложныя времена образуются не только изъ спрягаемаго причастія, но и изъ склоняемаго“, по нашему мнѣнію, тоже этимологическаго характера.

Впрочемъ, мѣсто, гдѣ находится то или другое замѣчаніе, не важно: лишь бы дѣло было сказано. Вотъ съ этой точки зрѣнія трудно согласиться, напримѣръ, съ 3-мъ примѣчаніемъ 8 стр., будто бы въ предложеніи: „Кѣй ходилъ Царюгороду“ послѣднее слово есть *мѣстный* надежъ; это противорѣчитъ и окончаніемъ мѣстнаго надежа древнерусскихъ склоненій и объясненіемъ г. Буслаева, достаточно и основательно поработавшаго надъ славянскимъ языкомъ (см. Русская Хрестоматія Буслаева 24 стр. изд. 1881 г.). Противорѣчитъ опредѣленію приставки, какъ части слова, и объясненію происхожденія личныхъ окончаній въ глаголѣ изъ мѣстоименій—сдѣланное на стр. 31 замѣч. 168, будто бы въ словѣ *умрътъ* тѣ—приставка. На стр. 81 замѣчаніе 2 о томъ, что „просвѣти“=просвѣте, трудно признать правильнымъ, когда мы знаемъ о существованіи глагола *просвѣтити*,

какъ говоритъ Буслаевъ въ своей хрестоматіи на стр. 368, и когда ѣ чаще и естественнѣе всего замѣнялось я. Такого же спорнаго характера и примѣчаніе 9 на стр. 61, 60 на стр. 91.

Дѣлая множество мелкихъ и голословныхъ примѣчаній въ родѣ того, что русскій предлогъ о=карі с. genet. (67, 10), яко=ѣсте, сдѣлалось=греческому ἐνέχето (34, 22), г. Бѣлоруссовъ не объясняетъ такого общаго древнерусскому и народному языку слова, какъ она (аиъ, ма), прибавляемаго къ словамъ для точнѣйшаго опредѣленія ихъ или частицы ка; нигдѣ не объяснено, что такое апаколутиа, и почему авторъ видитъ ее именно въ извѣстныхъ оборотахъ.

Резюмируя все вышеизложенное, приходится сказать, что хрестоматія Бѣлоруссова, такъ сказать выкроенная изъ хрестоматій гг. Буслаева и Галахова, въ обрѣзъ по указанію учебныхъ плановъ 1890 г., никакъ не можетъ замѣнить въ употребленіи Русской хрестоматіи Буслаева. Если отбросить замѣчанія, изложенныя крайне неудобно для школьнаго употребленія, то хрестоматію Бѣлоруссова можно приравнять тѣмъ маленькимъ книжечкамъ, въ которыхъ сосредоточены только стихотворенія, рекомендуемыя учебными планами для заучиванія наизусть въ гимназіяхъ. Но тѣ книжечки стоятъ отъ 15—25 коп., даютъ матеріалъ для заучиванія на нѣсколько лѣтъ и освобождаютъ ученика отъ покупки хрестоматіи г. Галахова въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, 3-хъ первыхъ лѣтъ обученія въ гимназіи. Хрестоматія же Бѣлоруссова, напечатанная какъ и эти книжечки, однимъ гражданскимъ шрифтомъ на довольно дешевой бумагѣ въ 128 стр., пригодная только на годъ съ небольшимъ, и то—совмѣстно съ хрестоматіей г. Галахова, стоитъ 90 коп! Въ то же самое время Русская хрестоматія Буслаева въ 446 стр., между которыми много напечатанныхъ славянскимъ шрифтомъ, съ цѣнными грамматическими, историческими, бібліографическими, біографическими и стилистическими замѣчаніями, съ довольно полнымъ словаремъ стоитъ всего 1 руб. 75 коп.

Руководство къ изученію русскаго языка. Этимологія. Отдѣлъ первый. Фонетическій составъ, значеніе и измѣненіе словъ. Составилъ по программѣ мужскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія отъ 20-го іюля 1890 г. *Е. Дозимъ*. Варшава. 1891. XIV. 174. Цѣна 65 коп.

Означенная книжка г. Козина, какъ первый отдѣлъ этимологіи русскаго языка, представляетъ собою курсъ 1-го класса гимназій и

прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Въ ней можно замѣтить три болѣе или менѣе разнородныхъ части: предисловіе, начало синтаксиса и этимологія, ограничивающаяся краткимъ учениемъ о буквахъ, слогахъ и болѣе полнымъ — о частяхъ рѣчи и измѣненіи словъ.

Судя по такому ограниченному содержанію книжки, сначала собственно трудно объяснить, чѣмъ наполнены 174 страницы, излагающія курсъ одного только перваго класса гимназій, и что заставило автора написать на обложкѣ: „составилъ по программѣ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія отъ 20-го іюля 1890 г.“, такъ какъ эта программа собственно нисколько не измѣнила прежней программы преподаванія грамматики русскаго языка.

Эти недоумѣнія нѣсколько разрѣшаются самимъ авторомъ въ предисловіи. „Предназначая свое руководство для 1-го и 2-го классовъ (курсъ 2-го класса—словопроизводство и образованіе разныхъ грамматическихъ формъ — отнесены ко второму отдѣлу книги), и, говоритъ авторъ, стремился къ тому (II стр.), чтобы оно — въ случаѣ нужды — могло быть пригодно и для учениковъ другихъ классовъ, по крайней мѣрѣ, какъ *справочная* книга для объясненія важнѣйшихъ этимологическихъ формъ, встрѣчаемыхъ при чтеніи произведеній образцовыхъ писателей. Потому, при возможной сжатости основнаго текста, напечатаннаго крупнымъ шрифтомъ, я старался сообщить руководству надлежащую полноту, такъ чтобы, въ случаѣ надобности, ученикъ могъ найти въ немъ *все нужное*. А чтобы не обременять учащихся подробностями и частностями, и обозначилъ послѣднія мелкимъ шрифтомъ и помѣстилъ ихъ въ выноскахъ и приложеніяхъ. Въ выноскахъ же и приложеніяхъ помѣщены разные синтаксическія, стилистическія правила и даже начала логики (въ выноскахъ при началахъ синтаксиса VI стр.), сообщеніе которыхъ учащимся необходимо или полезно на первыхъ же порахъ“ (III стр.). Эти слова, достаточно объясняя, почему на одинъ первый курсъ грамматики потребовалось 174 страницы, заставляютъ вспомнить, что программами отъ 20-го іюля 1890 г. преподаваніе прозы и поэзіи, а значитъ и стилистики съ началами логики (приуроченное прежними программами къ V классу), теперь дѣлается въ теченіе всего гимназическаго курса, попутно при чтеніи образцовыхъ произведеній, а въ VIII классѣ гимназій только концентрируется и повторяется на разученныхъ или разобранныхъ уже образцахъ. По крайней мѣрѣ, только помѣщеніе въ Руководствѣ г. Ко-

зна разныхъ стилистическихъ замѣчаній нѣсколько оправдываетъ надпись, что книжка составлена по программѣ мужскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія отъ 20-го іюля 1890 г. Самъ авторъ, по поводу отступленія отъ общепринятой системы изложенія грамматикъ или этимологии русскаго языка, говоритъ только, что отступленія сдѣланы имъ въ его русской грамматикѣ или для успѣшнаго прохожденія курса латинской этимологии и вообще иностранныхъ языковъ, изучаемыхъ въ гимназій, или же въ виду необходимости усвоенія нѣкоторыхъ правилъ, напримеръ, правописанія, на первыхъ порахъ (I, II).

Сопоставляя вмѣстѣ все выписанное изъ предисловія, нельзя не усмотрѣть, что у г. Козина была сложная задача: составить курсъ грамматики русскаго языка 1-го и 2-го классовъ, но — такой, который бы 1) содѣйствовалъ успѣшному прохожденію курса латинской этимологии и вообще иностранныхъ языковъ, 2) былъ бы „справочною книгою для объясненія важнѣйшихъ этимологическихъ формъ, встрѣчаемыхъ при чтеніи произведеній образцовыхъ писателей“, въ которой ученикъ могъ бы въ случаѣ надобности найти все нужное, напримеръ, синтаксическія, стилистическія правила и даже начала логики. Первымъ слѣдствіемъ такой сложной задачи и первою отличительною чертою труда г. Козина было переполненіе книги подстрочными замѣчаніями или выписками, приложеніями, ссылками на разные пункты и параграфы. Не только нѣтъ страницы, но рѣдко попадается правило безъ нѣсколькихъ подстрочныхъ примѣчаній, въ родѣ, напримеръ, стр. 34-й, гдѣ къ пяти строчкамъ правила сдѣлано шесть подстрочныхъ примѣчаній. Смѣло можно сказать, что въ руководствѣ г. Козина гораздо больше примѣчаній и выносокъ, чѣмъ собственно грамматикѣ. Какъ вездѣ и всегда, эти примѣчанія и выноски (печатанныя мелкимъ шрифтомъ) крайне разнообразны по содержанію, не имѣютъ ни малѣйшей связи между собою и часто опираются еще на приложенія въ концѣ книги или на §§, вѣзвѣстно откуда взятые. Не особенно удобно при каждомъ иногда словѣ крупнаго шрифта прочитывать относящуюся къ нему выноски, въ ней встрѣчать ссылку на какое-либо приложеніе (помѣченное римскими цифрами) или на §, который, не знаешь, гдѣ искать. Между тѣмъ это нерѣдко встрѣчается: напримеръ, на стр. 69-й въ первой строчкѣ выноски указывается приложеніе XLVIII, на стр. 71 и 105 указывается приложеніе XLI, а всѣхъ-то приложеній въ книгѣ только XX; на стр. 165 въ выноскѣ

10 указывается § 209, между тѣмъ во всемъ 1-мъ отдѣлѣ Руководства всего 143 параграфа Согласно цѣли и общанію автора, въ выноскахъ есть замѣчанія, касающіяся этимологии и синтаксиса иностранныхъ языковъ, изучаемыхъ въ гимназіяхъ министерства народного просвѣщенія (см. стр. 168, 102, 104); есть стилистическія замѣчанія, напримѣръ, о переносномъ значеніи словъ (стр. 37), о синонимахъ (105), есть начало логики (стр. 2 и 3); есть грамматическія замѣчанія, важныя не менѣе напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, напримѣръ (стр. 36) о прописной буквѣ въ титулахъ, прозвищахъ; есть географическія свѣдѣнія, напримѣръ (стр. 64): „Аа — рѣка въ Курляндіи, мѣстное названіе ея Муха“; есть историческія свѣдѣнія, напримѣръ (стр. 102), по поводу мѣстоименія я читаемъ: „въ старину у духовенства было употребительно вмѣсто я выраженіе *наше смиреніе*; сравни съ нѣмецкимъ *Meine Wenigkeit*, въ латинскомъ *tua clementia, ex voluntate mansuetudinis tuae* — говорится о монархѣ“; есть анекдоты по поводу разныхъ грамматическихъ формъ или правилъ. Такъ на стр. 9 читаемъ по поводу знаковъ препинанія: „Грамотей-цирюльникъ помѣстилъ предъ (?) цирюльней такую вывѣску: здѣсь убираютъ, головы дергаютъ, зубы бреютъ, бороды открываютъ, кровь стригутъ и завиваютъ волосы“. На стр. 124 помѣщены два анекдота подъ рядъ по поводу видовъ русскаго глагола. Вотъ одинъ изъ этихъ анекдотовъ: „На афишѣ значилось, что новоприѣзжій фокусникъ будетъ между прочимъ влѣзать въ бутылку. Зрителей собралось множество. Въ концѣ представленія на эстрадѣ появилась обыкновенная бутылка. Фокусникъ пытался влѣзть въ нее и головой и ногами. „Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ: невозможное дѣло!“ Но вѣдь вы объявили „Я объявилъ, что буду влѣзать, но не говорилъ, что влѣзу“.

Подобно этимъ выноскамъ, которые далеки отъ грамматическаго матеріала и только увеличиваютъ объемъ книги да развлекаютъ вниманіе читателя, сообщаются въ выноскахъ же научныя подробности и тонкости, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: ѣ = а + я въ дат. и предл. п. ед. ч. ж. р. (стр. 45); платье мужское — имя собирательное, а платье женское — имя несобирательное и числѣтъ множ. число (стр. 58); мѣстоименіе *теби* сокращается въ *те*: „*волекъ те съѣсть*“ (стр. 106); неопредѣленное наклоненіе представляетъ переходъ глагола въ имя существительное, а въ другихъ языкахъ и дѣлается существительнымъ чрезъ прибавленіе члена: *τὸ γινώσκειν, le savoir vivre, das Leben* (стр. 127). При подобныхъ

научныхъ подробностяхъ нерѣдко встрѣчаются обобщенія и новизны сомнительнаго достоинства; напримѣръ, на стр. 27 въ текстѣ грамматики вводится терминъ склоненіе *колеблющееся*, на стр. 38 въ выноскѣ признаются имена *единственныя*, *множественныя*.

Есть въ книгѣ погрѣшности или, по крайней мѣрѣ, неточности и недомолвки въ нѣкоторыхъ положеніяхъ или правилахъ. Сюда можно отнести правописаніе *нлнчнть*, противорѣчащее правописанію Грота и основанное (судя по выноскѣ) на какомъ-то § 164, въ книгѣ не существующемъ. Ни изъ контекста рѣчи, ни изъ выносокъ не видно, на какомъ основаніи „ими прилагательное есть часть рѣчи, означающая признакъ постоянный“ (стр. 71), напримѣръ, въ выраженіяхъ: лошадь *слабнн*, домъ красивый, какъ будто эта же лошадь не можетъ стать безсильной, а домъ сдѣлаться некрасивымъ. Интересно было бы знать основаніа, почему на стр. 81 въ выноскѣ сказано, что имена прилагательныя относительныя бываютъ только словами опредѣлительными, сказуемымъ же могутъ быть только съ виду; почему краткая форма именъ прилагательныхъ качественныхъ признается (стр. 82) по надежамъ *не измѣняющагося*. Доказательства, приводимыя г. Козиннымъ, устарѣли. Недостаточно разъяснено, почему на стр. 127 неопредѣленное наклоненіе причисляется къ причастнымъ формамъ, когда уже раньше не разъ говорилось, что оно есть начальная форма глагола, равная именит. пад. имени существительнаго, когда въ латинскихъ грамматикахъ самыя причастія относятся къ разряду неопредѣленныхъ формъ (*verbum infinitum*). Странно, что на стр. 170 самымъ точнымъ опредѣленіемъ союза признается то, по которому „союзъ есть часть рѣчи, показывающая взаимное отношеніе между предложеніями, такъ что, напримѣръ, союзъ *и* показываетъ *согласіе*, союзъ *а* — *неодинаковость* или *противоположность* мыслей. Обыкновенно союзамъ дается названіе противоположныхъ, причинныхъ, сравнительныхъ и т. п. только по смыслу и отношенію предложеній, или соединяемыхъ, при чемъ часто одинъ и тотъ же союзъ бываетъ то соединительнымъ, то противоположнымъ, то заключительнымъ (напримѣръ, союзъ *да*), что подтверждаетъ и самъ г. Козинъ выноскою на стр. 172-й такъ что на этой одной страницѣ замѣчается противорѣчіе между грамматическимъ текстомъ и выноскою къ тому же тексту.

Нельзя назвать достаточно опредѣленнымъ или полнымъ правило правописанія сравнит. степени именъ прилагательныхъ (стр. 92), когда слышатся одно *е* на концѣ; при такомъ правилѣ придется

такъ написать стихъ Пушкина: „Печаль минувшихъ дней чѣмъ *стире*, тѣмъ *сильнѣй*“. Числительныхъ съ буквою ѣ на стр. 97 указано только три, а ихъ пять. Смутное понятіе будутъ имѣть дѣти о синонимахъ, если допустить, какъ говорится на стр. 105, что „при переводахъ съ одного языка на другой мы передаемъ слова и выраженія синонимами“, такъ что *schön* — *scheinen* — *свѣтитъ* — *прекрасный* суть синонимы.

Но есть въ книгѣ и хорошая сторона. Сюда прежде всего можно отнести вѣскольکو практическихъ замѣчаній или совѣтовъ по методикѣ преподаванія русскаго языка, высказанныхъ въ предисловіи. Напримѣръ, на стр. V учителю совѣтуется для разъясненія какаго либо грамматическаго положенія предварительно дѣлать грамматическій разборъ фразъ или текста изъ образцовыхъ произведеній, но въ одинъ урокъ не включать всѣхъ видовъ разбора, напримѣръ, этимологическаго, синтаксическаго и фонетическаго; разборъ слѣдуетъ вести всегда по выработанной формулѣ; примѣры подыскивать изъ прочтенныхъ статей; въ качествѣ усиленія практики правописанія и приученія дѣтей къ точности выраженія своихъ знаній г. Козинъ совѣтуетъ отъ времени до времени предлагать ученикамъ излагать свои отвѣты по грамматикѣ на классной доскѣ.

Въ текстѣ грамматики пріятно видѣть на стр. 6 указаніе „чтобы не сбиваться въ названіи различныхъ второстепенныхъ членовъ предложенія, отвѣчающихъ на одинъ и тотъ же вопросъ“; на стр. 8 точнѣе другихъ грамматикъ указано, когда собственно предложеніе можетъ быть названо *отрицательнымъ*. Весьма умно и для классическихъ гимназій удобно къ 1-му склоненію отнесены имена существительныхъ на первую букву *а* (стр. 44 — 45); важны игнорируемые многими учебниками и на первыхъ же порахъ обученія необходимыми замѣчаніи о правописаніи *ѣ* между *и* и *ч* (стр. 21), о склоненіи иностранныхъ словъ, объ отсутствіи особенныхъ окончаній превосходной степени въ русскомъ языкѣ (стр. 77). Хорошо подведеніе всѣхъ глаголовъ подъ три формы спряженія: дѣйствительную, возвратную и страдательную (133 стр.), введеніе терминовъ о нѣкоторыхъ частяхъ рѣчи — *изобилующимъ*, *недостаточнымъ*, въ параллель къ терминамъ латинской и греческой грамматики (стр. 142).

По всему видно, что составлялъ рассматриваемое Руководство къ изученію русскаго языка недостаточно поработавшій надъ своимъ предметомъ. Книга г. Козина можетъ быть хорошимъ пособіемъ начинающему учителю или тому, кто безъ учителя, одинъ вздумалъ бы за-

ниматься грамматикой русскаго языка. Но преслѣдованіе двухъ цѣлей—написать учебникъ для I и II классовъ и дать справочную книгу по русскому языку мѣшаетъ руководству г. Козина сдѣлаться удобнымъ учебникомъ.

Е. Ѡ. Карскій. Пособіи при изученіи русскаго языка и словесности. Выпускъ I (курсъ приготовительнаго, I, II, III и IV классовъ гимназій и прогимназій). Стихотворенія и прозаическія статьи для заучиванія наизусть. Вильно. 1892, стр. 136. Цѣна 40 коп.

Г. Карскій, какъ видно изъ заглавія его книги, намѣренъ дать цѣлый рядъ „пособій при изученіи русскаго языка и словесности“, и начинаетъ съ наименѣе труднаго—со сборника стихотвореній и прозаическихъ статей для заучиванія наизусть. Къ тому-же составилъ онъ свой сборникъ очень не замысловато: взявъ „Учебные планы“ 1890 г., г. Карскій перепечаталъ въ свою книжку всѣ стихотворенія и прозаическія статьи, предлагаемыя этими планами въ „примѣрномъ“ спискѣ, какъ пригодныя для заучиванія наизусть учениками гимназій, за исключеніемъ произведеній, которыя, по мнѣнію автора, удобнѣе заучить въ классахъ V—VII при прохожденіи курса словесности, и которыя, при томъ, помѣщены въ рекомендованныхъ для высшихъ классовъ хрестоматіяхъ А. Д. Галахова.

Г. Карскій, слѣдовательно, не принялъ на себя даже труда подбирать произведенія, годныя для намѣченной цѣли. Напрасно; не даромъ „Учебные планы“ назвали предлагаемый ими списокъ только „*примѣрнымъ*“: не все въ немъ обязательно и ничему пригодному для заучиванія въ данномъ возрастѣ онъ доступа не закрываетъ. Это заставляетъ снисходительно относиться даже къ тѣмъ частностямъ „примѣрнаго списка“, которыя иначе могли бы вызвать возраженія. Г. Карскій только распредѣлилъ намѣченные въ „планахъ“ произведенія по классамъ и снабдилъ ихъ небольшими примѣчаніями и объясненіями.

Принятое г. Карскимъ распредѣленіе статей по классамъ врядъ-ли можно признать удачнымъ¹⁾, но значенія ему можно не придавать, такъ

¹⁾ Врядъ-ли, напримѣръ, желательно, чтобы въ I-мъ классѣ заучивалась басня Хемницера „Два сосѣда“, а во II-мъ его же басня „Богачъ и Бѣднякъ“ въ той редакціи, въ какой напечаталъ эти басни г. Карскій. Высокохудожественный прологъ къ „Руслану“ для учениковъ I-го класса лишень всякаго смысла. Осмѣлюсь даже высказать (конечно, еретическую въ глазахъ составителей сборниковъ для дѣтскаго возраста) мысль, что предестинные стихи Пушкина о беззаботности птицъ,

какъ данное распредѣленіе каждый преподаватель можетъ измѣнить какъ признаетъ нужнымъ. Въ сборникѣ г. Карскаго значеніе могли бы имѣть развѣ примѣчанія, которыми онъ счелъ полезнымъ снабдить каждое изъ произведеній, напечатанныхъ по указаніямъ учебныхъ плановъ; но примѣчанія эти большею частью ограничиваются поясненіемъ отдѣльных словъ и оборотовъ рѣчи (подчасъ и такихъ, которые никакихъ поясненій не требуютъ) и далеко не удовлетворительны. На стр. 8-й, напримѣръ, говорится о „сѣибѣ“, „живнѣ“ (вмѣсто о „посѣвѣ“, „жатвѣ“) и „урожаѣ“. На стр. 15-й слово „русалка“ поясняется: „такъ народъ называетъ души умершихъ некрещенными дѣтей“. На стр. 34-й пѣсня дѣвушекъ изъ „Евгенія Онегина“ признается „хороводною“ (не хоровою), „потому что поется хоромъ“. На стр. 36-й смыслъ стихотворенія Пушкина „Птичка“ („въ чужбинѣ свято соблюдаю“) по г. Карскому, таковъ: „соблюденіе хорошихъ старинныхъ обычаевъ благотворно дѣйствуетъ на человѣка“. На стр. 44-й, плохо пояснивъ нѣсколькими вопросами планъ баллады „Лѣсной Царь“, г. Карскій заключаетъ: „слѣдовательно въ стихотвореніи этомъ изображается народное повѣріе, что въ лѣсахъ живутъ лѣшіе, которые стараются заманивать къ себѣ проѣжающихъ“. На стр. 65-й узнаемъ, будто сынъ Наполеона I-го „царствовалъ сто дней“, а стихотвореніе „Воздушный корабль“ разясняется слѣдующимъ образомъ: „въ этомъ фантастическомъ разказѣ поэтъ высказалъ ту мысль, что еслибы Наполеонъ могъ встать изъ могилы и явиться во Франціи, то не встрѣтилъ бы такъ прежней любви и преданности“. На стр. 69-й къ стиху: „Мчатся тучи, выются тучи“ данъ такой комментарий: „мчатся—массовое движеніе, выются—отдѣльныя группы“ и т. д.

Столь умѣстные для характеристики Алеко, совершенно неумѣстны въ хрестоматіяхъ для ребятъ: они не правдивы и далеко не поучительны; г. Карскій, напримѣръ, мысль этихъ стиховъ передаетъ такъ: „Птичка не знаетъ ни заботъ, ни трудовъ, а одинъ только удовольствій“. Не знаю, на сколько во II-мъ классѣ понятны „Молитва“ Лермонтова и баллада „Лѣсной царь“. Отрывокъ „Вой Руслана съ головой“, имѣетъ значеніе развѣ при объясненіи въ одномъ изъ старшихъ классовъ псевдо-народныхъ приемовъ литературы; но въ третьемъ классѣ онъ можетъ служить только къ изыращенію дѣтскаго вкуса, особенно если на ряду съ нимъ ученикамъ еще придется заучивать пригорино-сентиментальное, подкрашенное вдобавокъ ложно классическимъ обращеніемъ къ Хлоѣ, стихотвореніе Дмитриева „Стонетъ сизый голубочекъ“, „Ангелъ“ Лермонтова тоже стихотвореніе не для младшаго возраста, которому жизнь земная врядъ ли является, да и не должна являться полною „печалью и слезъ“, который не томится „чуждыми желаніями“ и не скучаетъ „пѣснями земли“. Басни Крылова я, можетъ быть, распредѣлить бы тоже нѣсколько иначе, принимая во вниманіе вопросы ими затронутые.

Къ книгѣ г. Карскаго приложены двѣ совершенно безполезныя странички „объ общихъ свойствахъ сочиненія“; даѣе четыре странички посвящены ученію о періодѣ. Онѣ въ сборникѣ стихотвореній и прозаическихъ статей, предназначаемыхъ для заучиванія совсѣмъ не у мѣста; нѣкоторыя частности въ нихъ требовали бы исправленія. Во всякомъ случаѣ эти „приложенія“ къ первому выпуску пособія г. Карскаго отнюдь не возвышаютъ его достоинствъ.

Сборники произведеній, вошедшихъ въ примѣрный списокъ учебныхъ плановъ, намъ кажутся, впрочемъ, вообще безполезными въ виду множества обращающихся въ учебныхъ заведеніяхъ хрестоматій, которыя даютъ для заучиванія нивзустъ матеріалъ вполнѣ достаточный, и даже—вредными, такъ какъ введеніе подобныхъ сборниковъ въ школу неминуемо повлечетъ за собою обращеніе „примѣрнаго списка“ въ списокъ обязательный, что врядъ-ли желательно.

Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Кричакинъ. Съ 222 рисунками. С.-Пб. 1892.

Этотъ учебникъ представляетъ такія достоинства, что его нужно признать пріятнымъ и рѣдкимъ явленіемъ въ нашей учебной литературѣ. Предметъ излагается въ систематическомъ порядкѣ, очень сокращенно, но безъ чрезмѣрной сжатости и сухости. Выборъ матеріала сдѣланъ съ большимъ искусствомъ; не опущено ничего существеннаго и не внесено чего-нибудь маловажнаго. Такимъ образомъ, авторъ успѣлъ на 232 страницахъ изложить точно и ясно множество свѣдѣній, дающихъ понятіе о научной сторонѣ предмета и интересныхъ по важности вопросовъ. Если принять во вниманіе, что 222 рисунка занимаютъ въ совокупности 30 или 40 страницъ и что страницъ 50 можно положить на мелкій шрифтъ, которымъ напечатаны мѣста, могущія быть опущенными, то мы получимъ въ остаткѣ около 150 страницъ обязательнаго текста, — то-есть, очень умѣренные размѣры, которые, разумѣется, могутъ быть еще сокращаемы при преподаваніи.

Въ предисловіи, которое, по нашему мнѣнію, слишкомъ длинно и не довольно ясно, авторъ, главнымъ образомъ, старается показать, почему онъ не ввелъ въ учебникъ низшихъ *методическихъ* примѣровъ, а строго держался *систематическаго* изложенія. Для насъ осталось не совсѣмъ яснымъ, что авторъ разумѣетъ подъ *развитіемъ нравственнаго характера*, составляющимъ, по его предположенію, вмѣстѣ съ *логическимъ мышленіемъ*, одну изъ главныхъ цѣлей методики естествознанія; но весьма справедливо онъ говоритъ, что всегда нужно

и полезно „такое руководство, которое, не стѣсняя преподавателя опредѣленными рамками, давало бы ему возможность вести преподаваніе любымъ путемъ“, что „систематическій учебникъ“ не можетъ быть *лишней* книгой, „потому что, по какимъ бы методамъ не учиться, но во всякомъ случаѣ, рано или поздно придется же приводить въ систему приобретенныя знанія“ (стр. V).

Это очень вѣрные замѣчанія. Методика есть дѣло учителя и можно предоставить ему выбирать какіе угодно приемы, лишь бы результатъ ихъ былъ такой, какой нуженъ. Но тутъ бываетъ опасность, которую не всегда принимаютъ надлежащимъ образомъ во вниманіе. Между учащимся и учебнымъ предметомъ всегда стоитъ учитель, со своимъ особеннымъ складомъ рѣчи и ума, съ своими особенными вкусами и требованіями. Если мы къ этому прибавимъ еще извѣстную совокупность методическихъ приемовъ, то мы, очевидно, усложнимъ среду, отдѣляющую учебный предметъ отъ ученика, и можемъ иногда сильно помѣшать усвоенію предмета. Для того, чтобы учащійся имѣлъ прямой доступъ къ наукѣ и достигалъ бы твердаго и строгаго познанія, безъ сомнѣнія лучшее средство—хорошій учебникъ, имѣющій научное достоинство, строгія формы и старательно подобранное содержаніе.

Отдавая справедливость ясному изложенію и тщательной обработкѣ учебника г. Крычагина, мы не можемъ, однако же, сказать, чтобы это изложеніе было безупречно и чтобы не встрѣчалось никогда нарушеній научной точности. Вотъ примѣры:

„Земная кора сложена изъ множества составныхъ частей“ (стр. 1). Конечно, проще было бы сказать: *состоитъ изъ множества частей*.

На той же страницѣ употреблено выраженіе *дневная поверхность*, которое потомъ часто встрѣчается и во всей книгѣ. Выраженіе необыкновенное и, кажется, его можно вполне замѣнить простымъ: *поверхность земли* ¹⁾.

Что значитъ выраженіе *геометрическая форма*, находящееся тамъ же въ опредѣленіи слова *минералъ*? Всякая пространственная форма можетъ быть названа геометрическою. На страницѣ 5-й въ характеристикѣ кристаллическихъ минераловъ есть выраженіе *правильная геометрическая форма*, тоже не вполне опредѣленное. Конечно, тутъ не разумѣется форма такъ называемыхъ *правильныхъ геометрическихъ*

¹⁾ На стр. 165—есть очень трудное слово: *заболочиваніе*; вѣроятно, оно значитъ *обращеніе въ болото*.

тѣла. Только на 6-й страницѣ видно, что авторъ разумѣетъ просто форму *многогранника*, то-есть, форму, состоящую изъ *плоскостей*, что и нужно бы выставить напередъ; кристаллы суть тѣла, ограниченныя плоскостями.

„Въ каждомъ правильно образованномъ кристаллѣ существуетъ опредѣленное отношеніе между элементами ограниченія: плоскостями, ребрами и углами“ (стр. 8). Вопервыхъ, можетъ быть, нѣтъ надобности въ особомъ терминѣ: *элементы ограниченія*; повторныхъ, отношеніе, о которомъ говорится, не есть свойство однихъ кристалловъ, а вообще всѣхъ формъ, ограниченныхъ плоскостями.

Можно считать лишними также термины *кристаллоидъ*, *дигрионъ*, *дитетрагонъ*, *дисексагонъ* (упоминаемые на стр. 6-8). Вообще, взлозженіе кристаллографіи, сдѣланное очень искусно и сокращенное очень правильно, можно бы, намъ кажется, упростить, именно освободить его отъ многихъ терминовъ и оставить лишь понятія о самихъ формахъ.

Еслибы мы подобнымъ образомъ прошли всю книгу, то, конечно, нашли бы поводъ ко многимъ подобнымъ замѣчаніямъ; но эти замѣчанія, какъ и предыдущія, указывали бы лишь на мелкія поправки, на которыя мы обращаемъ вниманіе только потому, что дѣло идетъ объ учебникѣ, то-есть, книгѣ, подлежащей самымъ строгимъ требованіямъ.

Иногда у автора встрѣчается также *неполнота* объясненій, очевидно, происходящая отъ стремленія къ краткости, простертаго слишкомъ далеко. Такъ, на стр. 159 упоминается *сфероидъ вращенія* (напечатано при томъ *вращенія*), при чемъ не дано никакого объясненія. На слѣдующей страницѣ является *эллипсоидъ вращенія* — учебникъ легко можетъ сбиться, видя два термина, тождество значенія которыхъ ему не указано. Тутъ же приводятся опредѣленія *величинъ сжатія*, но что измѣряется этою величиною, не объяснено. На стр. 160 сказано: „на островахъ Бонинъ-Сима одинъ и тотъ же маятникъ дѣлаетъ въ 14,2 колебаній больше, чѣмъ на берегу на той же широтѣ“. Тутъ опущено, что число колебаній берется въ теченіе сутокъ, что маятникъ разумѣется секундный и что уменьшеніе числа замѣчается *на берегу материка*, а не на какомъ другомъ.

Маленькій учебникъ, конечно, былъ для автора предметомъ долгихъ соображеній и можетъ подать поводъ ко множеству всякихъ замѣчаній, такъ что мы не думаемъ здѣсь предлагать полный его разборъ. Замѣтимъ лишь, что величайшее достоинство всякаго учебника

есть возможная точность и твердость научных понятий. Описательная минералогія въ разбираемой книгѣ имѣетъ очень правильный составъ и порядокъ. Но, кажется, слѣдовало бы нѣсколько больше остановиться на самыхъ приемахъ классификаціи. Въ нѣсколькихъ словахъ можно бы указать, что принципъ системы Дана есть химическій составъ, что это система искусственная и, слѣдовательно, только предварительная, не представляющая своимъ порядкомъ порядка и группировки всѣхъ свойствъ минераловъ. Поэтому, необходимо обратить вниманіе ученика на то, что для классовъ почти нельзя установить общихъ характеристикъ, которыхъ требуетъ всякая группировка предметовъ. Далѣе, что, не смотря на то, въ извѣстныхъ случаяхъ ясно выступаютъ общіе признаки; напримѣръ, *сѣрнистая соединеніи* образуютъ очень естественную группу и, очевидно, стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ самородными металлами. Точно также, классъ *силоидныхъ соединеній* допускаетъ отчасти общую характеристику. Указаніе на эти и подобныя естественныя отдѣлы минераловъ, а также на большее или меньшее обиліе родовъ въ такихъ отдѣлахъ, можетъ внушить учащимся понятіе о естественномъ родствѣ, существующемъ между минералами, и представить имъ какъ бы общую картину минеральнаго царства, въ которомъ они подробнѣе изучаютъ лишь немногіе роды. Въ учебникѣ г. Кричагина по необходимости иногда встрѣчаются названія минераловъ, оставленныхъ вовсе безъ описаній, напримѣръ, *санидинъ* (стр. 151), *ирейберзитъ* (стр. 78) и т. п. Въ такихъ случаяхъ, для хорошаго понятія о такомъ минералѣ, достаточно было бы указать лишь ту естественную группу, къ которой онъ относится. Вообще, не мѣшало бы въ мелкомъ шрифтѣ только называть наиболѣе извѣстныя минералы, безъ всякаго описанія. Точно также можно бы чаще ставить въ скобкахъ формулу химическаго состава описываемыхъ минераловъ. Конечно, не слѣдуетъ требовать заучиванія такихъ названій и такихъ формулъ; но они оставляютъ въ памяти ученика нѣкоторое общее впечатлѣніе, способствующее болѣе ясному пониманію заучиваемаго матеріала.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1890 ГОДУ ¹⁾.

Всѣхъ женскихъ гимназій въ Кавказскомъ учебномъ округѣ 9, а женскихъ прогимназій—7, итого 16 заведеній, которыя имѣли въ концѣ 1890 года 146 классовъ, въ томъ числѣ 124 нормальныхъ и 22 параллельныхъ,—на 3 больше, чѣмъ въ началѣ года. Всѣ 9 гимназій округа имѣютъ семиклассный составъ, а дополнительные VIII классы открыты при 6 изъ нихъ: Тифлисской, Ставропольской, Ольгинской, Владикавказской, Бакинской, Екатеринодарской и Кутанискомъ заведеніи св. Нины; въ каждой изъ этихъ шести гимназій введены двѣ спеціальности: русскій языкъ и математика, а въ Тифлисской и Бакинской гимназіяхъ, сверхъ того, имѣется отдѣленіе исторіи и географіи; отдѣленіе же французскаго языка, бывшее въ Тифлисской гимназій въ 1889 году, закрыто по незначительности числа желающихъ обучаться. Изъ прогимназій—Тифлисская, Темиръ-Ханъ-Шурина и Ейская имѣютъ по 5 основныхъ классовъ, Александропольская и Горійская—по 4, а Сухумская и Эриванская—по 3 класса. Изъ 22 параллельныхъ классовъ 20 существуютъ при 6 гимназіяхъ и 2 при одной (Тифлисской) прогимназій. Приготовительныхъ классовъ 25; они состоятъ изъ одного отдѣленія въ 4 гимназіяхъ и 4 прогимназіяхъ и изъ двухъ въ остальныхъ 5 гимназіяхъ и 5 прогимназіяхъ. Тифлисская же гимназія имѣетъ даже 3 отдѣленія VI класса, и вообще эта гимназія по числу

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

своихъ классовъ и отдѣленій (21) занимаетъ первое мѣсто среди женскихъ заведеній.

За все время своего существованія женскія гимназіи успѣли сдѣлать 95 выпусковъ изъ VII класса и 66 изъ VIII класса. Курсы VII класса окончили съ аттестатомъ 2.021 дѣвица, въ томъ числѣ въ отчетномъ году 189, изъ которыхъ 226 награждены золотою медалью, а 204 серебряною: въ отчетномъ году выпущено съ золотою медалью 19 и съ серебряною—11. Изъ VIII класса выпущены 1.352 дѣвицы, въ томъ числѣ въ отчетномъ году—147, изъ которыхъ получили званіе домашней наставницы 366 и званіе домашней учительницы—986. Изъ этого числа приобрѣли право на преподаваніе русскаго языка—591 (43,7%), математики—583 (43,1%), исторіи и географіи—166 (12,3%), новыхъ языковъ—12 (0,9%). Изъ окончившихъ многія находятся на службѣ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго округа.

Женскія гимназіи и прогимназіи округа вообще руководствуются положеніемъ 24-го мая 1870 года и правилами 31-го августа 1874 года. Отступленіемъ отъ положенія 1870 года можно считать учрежденіе, на основаніи особыхъ Высочайшихъ повелѣній, слѣдующихъ должностей: директора и инспектора—при Тифлискихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, директора при Ставропольскихъ гимназіяхъ, инспекторовъ при гимназіяхъ Владикавказской и Тифлисскомъ заведеніи св. Нины. Отступленія отъ учебныхъ плановъ 1874 года были сдѣланы незначительныя и заключались: а) въ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку и математикѣ въ младшихъ и среднихъ классахъ нѣкоторыхъ гимназій Закавказскаго края; б) въ перенесеніи двухъ недѣльных уроковъ географіи изъ VII класса въ V и VI по одному уроку въ недѣлю и во введеніи уроковъ гігіены въ VIII классѣ; в) въ замѣнѣ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ 5 уроковъ нѣмецкаго языка въ I классѣ такимъ же числомъ уроковъ французскаго языка и во введеніи практическихъ занятій по этому языку въ приготовительномъ классѣ въ Тифлисскомъ заведеніи св. Нины; г) въ сокращеніи числа уроковъ по новымъ языкамъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ число учащихся незначительно; д) во введеніи уроковъ рукодѣлія въ I и во II классахъ и въ обязательности обученія хорошему пѣнію и рисованію.

Фундаментальныя, ученическія и пансіонскія бібліотеки женскихъ гимназій и прогимназій состояли къ концу отчетнаго года изъ 12.116 названій, въ 29.855 томахъ, на сумму 38.900 руб. Физическіе кабинеты состояли изъ 1.228 приборовъ, на сумму 12.583 руб., а прочихъ

учебныхъ пособій было 7.807 предметовъ, на сумму 30.756 руб. Общая стоимость всѣхъ библиотекъ, кабинетовъ и пособій составляла 82.239 руб., больше чѣмъ въ началѣ года на 8.359 руб., что равняется 10,2%. Богаче другихъ заведеній учебными пособиями оказываются гимназіи: Тифлисская—на 16.730 руб., Тифлисское заведеніе св. Нины—на 13.964 руб. и Ставропольская гимназія св. Александры—на 9.345 руб.; самыми бѣдными оказываются: гимназія г-жи Серпичевъ—на 755 руб., прогимназія Сухумская—на 807 руб. и Эриванская—на 330 руб. На приобретеніе книгъ и другихъ учебныхъ пособій въ отчетномъ году израсходовано 8.450 руб., въ томъ числѣ гимназіями 7.792 руб. и прогимназіями—658 руб.

На содержаніе всѣхъ 16 заведеній округа въ отчетномъ году поступило 428.955 руб., больше противъ предыдущаго года на 41.085 руб. или на 10,2%. Это приращеніе доходовъ главнымъ образомъ приходится на Кутаисское заведеніе св. Нины, въ бюджетѣ котораго за прежніе годы не былъ показанъ капиталъ 33.200 руб., находящійся на храненіи въ государственномъ банкѣ, въ процентныхъ бумагахъ, и который былъ пожертвованъ свѣтлѣйшею княгинею Е. К. Воронцовой и княземъ Мирскимъ; на проценты съ означеннаго капитала воспитываются 4 пансіонерки имени княгини и 2 пансіонерки имени князя. Главнымъ источникомъ содержанія женскихъ гимназій и прогимназій служитъ сборъ за ученіе—166.333 руб. (по 15.517 руб., въ среднемъ, на одну гимназію и по 3.812 руб.—на прогимназію) и плата за частныхъ пансіонеровъ 101.400 руб., а всего 267.733 руб. или 62,2% общей суммы поступленій. Изъ государственнаго казначейства отпущено 35.010 руб. или 8,2%, въ томъ числѣ 31.100 руб. въ видѣ субсидій для 10 заведеній и 3.910 руб. на прибавочное жалованіе служащимъ; отъ городскихъ обществъ для 11 заведеній 42.230 руб. или 9,8%; остальныя 19,2% общей цифры дохода составились изъ отпуска Терскаго казачьяго войска на Владикавказскую гимназію—1.000 руб., отъ взноса почетныхъ попечителей въ двухъ гимназіяхъ—5.120 руб., пожертвованій—10.634 руб., % съ капиталовъ—9.760 руб. и другихъ поступленій—57.468 руб. Расходъ въ отчетномъ году по всѣмъ заведеніямъ составлялъ 370.725 руб., на 25.344 руб. больше, чѣмъ въ 1889 году; это увеличеніе расхода приходится главнымъ образомъ на гимназію Владикавказскую, гдѣ израсходовано 8.000 руб. на расширеніе зданія и пристройку церкви, и на Тифлисское заведеніе св. Нины, которое употребило 6.378 руб. на покрытіе долговъ. Изъ общей суммы расхода главною статьей ока-

зывается содержаніе личнаго состава, которое, вмѣстѣ съ прибавочнымъ жалованьемъ, составляетъ 57,5%; а затѣмъ слѣдуетъ расходъ на содержаніе пансіонеровъ—14,2%; остальные расходы были таковы: хозяйственные—6,5%, наемъ и ремонтъ помѣщеній—5,2%, наемъ прислуги—4,5%, на учебныя пособия—2,8%, пособия служащимъ и награды учащимся—0,7%, канцелярскіе расходы—0,8%, покрытіе долговъ—2,7% и другіе расходы—5,4%.

Благодаря тому, что по всѣмъ почти учебнымъ заведеніямъ, за исключеніемъ Владикавказской гимназіи, Тифлисскаго заведенія св. Нины и прогимназій Ейской и Сухумской, поступления отчетнаго года превышали произведенный расходъ, наличный денежный остатокъ увеличился на 58.230 руб. и составлялъ къ 1-му января 1891 года 275.615 руб., изъ которыхъ 44.410 руб. имѣются какъ наличный капиталъ, а 23.205 руб.—обращенный въ процентныя бумаги, и большая часть изъ нихъ составляетъ неприкосновенный фондъ, составившійся изъ пожертвованныхъ разновременно суммъ на учрежденіе стипендій; такихъ неприкосновенныхъ капиталовъ имѣютъ больше всего Ставропольская гимназія св. Александры—109.119 руб., Кутаисское заведеніе св. Нины—33.200 руб., Тифлисское заведеніе св. Нины—32.802 руб., Тифлисская женская гимназія—17.061 руб. и изъ прогимназій—Эриванская—18.125 руб.

Средняя стоимость обученія одной дѣвочки составляла въ отчетномъ году 64 руб., а содержаніе въ пансіонахъ—192 руб.; дешевле всего обходится обученіе въ прогимназіяхъ Сухумской—33 руб. и Ейской—35 руб., дороже всего—въ гимназіяхъ г-жи Серпиной—91 руб., въ Тифлискомъ заведеніи св. Нины—76 руб., въ гимназіяхъ Екатеринодарской—75 руб. и Владикавказской—73 руб., а также въ прогимназіи Горійской—77 руб. Плата за обученіе обязательнымъ предметамъ взимается въ различномъ размѣрѣ: въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ она установлена одинаковая во всѣхъ классахъ; такъ, въ Бакинской гимназіи—42 руб., въ Тифлискомъ заведеніи св. Нины—75 руб., въ прогимназіяхъ: Александропольской—20 руб., Сухумской—18 руб. и Эриванской—36 руб.; въ другихъ заведеніяхъ плата возрастаетъ отъ младшихъ классовъ къ старшимъ, какъ, напримѣръ, въ Тифлискихъ гимназіи и прогимназіи—50 и 60 руб., въ гимназіяхъ: Владикавказской—40 и 50 руб., Ставропольской—30 и 35 руб., Кутаисской—55 и 60 руб., Екатеринодарской—40 и 45 руб. для горожанъ и 45 и 50 руб. для лицъ, не платящихъ городскихъ повинностей; въ прогимназіяхъ: Темиръ-Ханъ-Шуриной—36 и 50 руб., въ Горійской—отъ 35 до 50 руб.; нако-

пецъ, въ третьихъ заведеніяхъ установлена особая плата для приготовительнаго класса какъ въ гимназіяхъ: Ставропольскихъ—Ольгинской—25 руб. и св. Александры—20 руб., въ Екатеринодарской—30—35 р., у г-жи Серпиннѣ—60 руб.; въ прогимназіяхъ Темиръ-Ханъ-Шуринской—9 руб. и Ейской—6 руб. Ученицы VIII дополнительнаго класса, кромѣ Бакинской гимназіи, платятъ вообще нѣсколько дороже, доходя въ Екатеринодарской гимназіи, до 100 руб. Кромѣ того, взимается особая плата за обученіе необязательнымъ предметамъ: за каждый изъ новыхъ языковъ—отъ 5 до 16 руб., за туземные—по 3 руб., за танцы—отъ 3 до 9 руб. Плата за содержаніе воспитанницъ въ пансіонахъ составляетъ отъ 120 до 300 руб. Безплатнымъ обученіемъ пользовались въ 1-е полугодіе 584 приходящихъ ученицы, во 2-е—600; въ этомъ числѣ было освобожденныхъ отъ платы попечительными совѣтами: въ первое полугодіе—3,6%, во второе—8,7%. Пансіонерокъ, не вносившихъ платы за свое содержаніе, было въ каждое полугодіе по 204. Такимъ образомъ, обучавшіяся и воспитывающіяся безплатно должны были бы внести за себя въ отчетномъ году 72.752 руб.

Обществъ для пособія учащимся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ было два: одно въ Тифлисі, основанное въ 1876 году при гимназіи и прогимназіи, и другое въ Ставрополѣ, учрежденное въ 1880 году при обѣихъ гимназіяхъ. Въ другихъ городахъ ученицы пользовались пособиями отъ обществъ, состоящихъ при мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ или основанныхъ для оказанія пособія вообще всѣмъ учащимся города. Средства названныхъ двухъ обществъ очень ограничены: къ концу года они имѣли въ остаткѣ всего 2.920 руб., въ томъ числѣ наличными 402 руб. и въ процентныхъ бумагахъ—2.518 руб.

Всѣ женскія гимназіи, за исключеніемъ гимназіи г-жи Серпиннѣ, имѣютъ собственныя помѣщенія, которыя могутъ быть признаны удовлетворительными, а нѣкоторыя изъ нихъ, по своему простору и приспособленности къ потребностямъ учебнаго заведенія, должны быть отнесены даже къ лучшимъ школьнымъ помѣщеніямъ округа, какъ, напримѣръ: зданіе Тифлисской великой княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи, построенное на суммы, собранныя при содѣйствіи августѣйшей основательницы и покровительницы этого зданія, зданіе Тифлискаго учебнаго заведенія св. Нины, расширенное и перестроенное благодаря заботамъ бывшей предсѣдательницы благотворительнаго общества покойной княгини Н. А. Дондуковой-Корсаковой; наконецъ, зданія гимназій Бакинской, Маріинской и Екатеринодар-

ской городской, отстроенныя въ 1887 году на средства городскихъ обществъ. При нѣкоторыхъ гимназіяхъ были устроены домашнія церкви, и въ отчетномъ году попечительный совѣтъ Владикавказской гимназіи рѣшилъ построить у себя церковь, а также расширить самое зданіе гимназіи, на что и отчислилъ 8.000 руб. Изъ прогимназій въ собственныхъ домахъ помѣщаются Горійская, Сухумская и Эриванская. Стоимость всѣхъ собственныхъ помѣщеній составляетъ сумму въ 823.000 руб. Изъ прочихъ пяти заведеній Ейская прогимназія помѣщается въ одномъ зданіи съ реальнымъ училищемъ, въ домѣ, принадлежащемъ городу, а гимназіи г-жи Серпинѣ и прогимназіи: Тифлисская, Александропольская и Темиръ-Ханъ-Шурина имѣютъ наемныя помѣщенія, за которыя платять въ годъ—гимназія 3.400 руб., а три прогимназіи—3.290 руб. На ремонтъ зданій израсходовано было въ отчетномъ году 12.439 руб. По простору классовъ помѣщенія женскихъ гимназій можно считать удовлетворительными (18,5 куб. аршинъ на ученицу), за исключеніемъ слишкомъ тѣсныхъ классовъ Кутаисскаго заведенія св. Нины (13,4). Особенною тѣснотой отличаются классныя комнаты въ прогимназіяхъ Ейской (11,4) и Эриванской (11,8). Въ пансіонскихъ дортуарахъ воспитанницы также пользуются вполне достаточнымъ количествомъ воздуха, ибо въ среднемъ на одну воспитанницу приходится 42,9 куб. арш. На ученическихъ квартирахъ, коихъ было 126, проживали 144 ученицы (3,2%); эти квартиры, большею частью, имѣютъ семейный характеръ, но еще чаще иногородные родители отдають своихъ дочерей въ семейства служащихъ при заведеніяхъ, гдѣ онѣ за плату не выше 40 руб. въ мѣсяцъ получаютъ полное содержаніе и необходимую помощь въ занятіяхъ. При такихъ условіяхъ не бываетъ и надобности въ частомъ посѣщеніи или инспектированіи ученическихъ квартиръ; поэтому такихъ осмотровъ было за отчетный годъ сдѣлано всего 110.

Какъ особое событіе слѣдуетъ отмѣтить празднованіе 16-го апрѣля двадцатипятилѣтія Тифлисской великой княгини Ольги Θεοδοροβны гимназіи, совпавшее съ двадцатипятилѣтнимъ же юбилеемъ служебной дѣятельности начальницы Тифлисской прогимназіи Е. Е. Митридатовой, которая удостоилась милостивыхъ рескриптовъ отъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Павловны, ея императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича и ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Θεοδοροβны, соизволившей прислать г-жѣ Митридатовой роскошный брилліантовый знакъ—брошь въ

видѣ вѣнка, въ срединѣ котораго изображена цифра XXV, составленная изъ брилліантовъ.

Женскіи гимназіи и прогимназіи пользовались всегда особымъ вниманіемъ гг. начальниковъ губерній и областей, которые, по уставу, состоятъ въ званіи ихъ почетныхъ попечителей. Больше близкое участіе въ дѣлахъ принимаетъ Тифлисскій губернаторъ князь Г. Д. Шервашидзе, избранный августѣйшею покровительницей тифлисскихъ женскихъ гимназій и прогимназій въ предсѣдатели попечительнаго совѣта. Съ такимъ же вниманіемъ относились къ заведеніямъ и нѣкоторые епархіальные начальники. Въ отчетномъ же году, 3-го сентября, Тифлисскую женскую гимназію посѣтилъ государственный контролеръ Т. И. Филипповъ.

Личный составъ женскихъ гимназій и прогимназій къ 1-му января 1891 года состоялъ изъ 559 лицъ и былъ слѣдующій: 129 почетныхъ попечителей, попечительницъ и членовъ попечительныхъ совѣтовъ, 15 начальницъ, 18 директоровъ, инспекторовъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, 40 законоучителей, 112 преподавателей языковъ, наукъ и искусствъ, 121 учительница языковъ, наукъ и искусствъ, 88 надзирательницъ, 9 врачей и 27 остальныхъ должностныхъ лицъ. Изъ этого числа 559 лицъ въ гимназіяхъ служило 407 и въ прогимназіяхъ—152, на дѣйствительной службѣ числилось 346, а 213 были приглашены по вольному найму, болѣею частью изъ числа служащихъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Собственно учебно-воспитательный персоналъ состоялъ изъ 130 лицъ мужскаго и 224 лицъ женскаго пола. Въ отчетномъ году выбыло изъ личнаго состава 102 лица и вновь назначено или приглашено по вольному найму 110 лицъ; въ томъ числѣ, приняли званіе почетнаго попечителя: Владикавказской гимназіи генералъ-лейтенантъ В. С. Кахановъ и Кутаисскаго заведенія св. Нины и Сухумской прогимназіи генералъ-лейтенантъ Шаликовъ; предсѣдателемъ педагогическаго совѣта гимназіи г-жи Серпиной назначенъ г. Крейсбергъ, состоящій учителемъ Тифлисской мужской прогимназіи, и начальницей Тифлиской прогимназіи назначена бывшая наставница Тифлиской гимназіи М. О. Горюшкова; кромѣ того, назначены 21 членъ попечительныхъ совѣтовъ, 5 законоучителей, 27 преподавателей, 43 учительницы и 9 прочихъ должностныхъ лицъ. Вакантными къ 1-му января 1891 года оставались должности начальницы Екатеринодарской женской гимназии, должность которой исправляла учительница Е. М. Калашникова, и

одного учителя въ Александропольской прогимназіи; другихъ вакантныхъ должностей не было, если не считать должностей почетныхъ попечителей и членовъ попечительныхъ совѣтовъ.

Дѣятельность служащихъ въ отчетномъ году была слѣдующая: директоръ Тифлисскихъ гимназій и прогимназій давалъ 9 уроковъ педагогики, а директоръ Ставропольскихъ гимназій—12 уроковъ математики; 3 инспектора имѣли въ сложности 41 урокъ физики и математики. Изъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ принимали участіе въ преподаваніи только 2 и имѣли всего 7 уроковъ, кои давали безвозмездно, а именно: состоящій въ Бакинской гимназій давалъ 5 уроковъ физики и состоящій въ Горійской прогимназій—2 урока исторіи. Изъ 15 начальницъ 6 вовсе не дають уроковъ, а остальные 9 имѣли въ недѣлю 111 уроковъ, большею частью, по иностраннымъ языкамъ; затѣмъ одна имѣла 10 уроковъ ариметики и исторіи, одна—12 уроковъ русскаго языка и одна—20 уроковъ рукодѣлій и чистописанія.

Классныя испытанія производятся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по тѣмъ же правиламъ, какъ и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ округа; такихъ испытаній произведено въ 1889 — 1890 учебномъ году 1.136 устныхъ и 575 письменныхъ, всего 1.711. Испытанія, большею частью, производятся при участіи начальницъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, а такъ какъ послѣдніе, по большей части, не могутъ удѣлить женскимъ заведеніямъ достаточно времени, то и число испытаній было меньше, чѣмъ въ мужскихъ заведеніяхъ. Такъ, на каждый классъ приходится, въ среднемъ выводѣ, по 11,7 испытаній, а на каждую ученицу по 5,4 отвѣта. Достоинство отвѣтовъ, въ большинствѣ случаевъ, оцѣнено тѣми же отвѣтками, какія ученицы получили за предшествующую четверть (70,7%), рѣдко высшими (18,5%) и еще рѣже низшими (10,8%). Изъ числа бывшихъ ученицъ, прошедшихъ полный прогимназическій курсъ, 6 дѣвицъ были прикомандированы въ теченіе года къ приготовительнымъ классамъ для приготовленія ихъ къ званію начальной учительницы, и изъ нихъ 4 получили удостовѣреніе въ успѣшномъ исполненіи въ теченіе полугода обязанностей помощницы учительницы приготовительнаго класса.

Число преподавательскихъ нанкировокъ въ отчетномъ году было меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ, общее число пропусковъ составляетъ 4,78%, то-есть, изъ 102.720 уроковъ, кои слѣдовало дать, пропущено всего 4.910, и въ томъ числѣ наиболѣе пропусковъ слѣ-

лено по болѣзни, именно 3.304. Но, благодаря многочисленности учебно-воспитательнаго персонала женскихъ гимназій и прогимназій, значительная часть свободныхъ уроковъ была занята производительнымъ образомъ: давались уроки директорами, инспекторами и начальницами (371 урокъ), или же кѣмъ-либо изъ свободныхъ учителей и учительницъ (772); или же ученицы занимались чтеніемъ и приготовленіемъ уроковъ подъ руководствомъ классныхъ надзирательницъ (1.403), самостоятельно (673), разными работами (124); кромѣ того, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ къ возмѣщенію свободныхъ уроковъ привлекаются и ученицы VIII класса, которыя въ отчетномъ году дали въ младшихъ классахъ вмѣсто отсутствовавшихъ учительницъ 142 урока; число же часовъ, когда ученицы вовсе увольнялись отъ занятій, составляло только 30%.

Попечительные совѣты женскихъ гимназій и прогимназій имѣли 146 засѣданій, а педагогическіе — 184. Дѣятельность попечительныхъ совѣтовъ состояла въ изысканіи мѣръ къ наибольшему улучшенію матеріальнаго положенія заведеній, начиная съ заботы освободить отъ платы за ученіе бѣднѣйшихъ ученицъ и до поддержанія и ремонта зданій; что же касается педагогическихъ совѣтовъ, то, кромѣ общихъ вопросовъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію положеніемъ 24-го мая 1870 года, они принимали мѣры, направленные къ правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла; кромѣ того педагогическіе совѣты нѣкоторыхъ гимназій занимались подробною разработкой программъ и правилъ для теоретическихъ и практическихъ занятій ученицъ VIII дополнительнаго класса, въ основу которыхъ былъ положенъ планъ, составленный министерствомъ народнаго просвѣщенія 31-го августа 1874 года.

Нѣкоторые преподаватели, а также учительницы женскихъ гимназій и прогимназій, заявили себя въ отчетномъ году слѣдующими отдѣльными трудами: инспекторъ Тифлискаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины Крупениковъ приготовилъ къ печати I выпускъ „Руководства элементарной геометріи въ связи съ рѣшеніемъ задачъ, для женскихъ учебныхъ заведеній“; кромѣ того, рассмотрѣлъ нѣсколько книжекъ на грузинскомъ языкѣ и написалъ о нихъ рецензіи; учитель Тифлискаго женскаго заведенія св. Нины Федоровскій приготовилъ къ печати статью о Лермонтовѣ, подъ заглавіемъ: „Забытый литературный вопросъ“; учитель того же заведенія Бороздинъ приготовилъ къ годичному акту рѣчь: „Характеристика поэзіи Лермонтова“; учитель того же заведенія Мтвареловъ помѣстилъ

нѣсколько статей въ грузинской газетѣ *Иверія*; учитель того же заведенія Чхипадзе приготовилъ къ печати: „Сборникъ лучшихъ русскихъ и грузинскихъ пѣсенъ для начальныхъ школъ“; законоучители Ставропольскихъ женскихъ гимназій: св. Александры — протоіерей Борнуковский и Ольгинской — протоіерей Прозоровскій произнесли съ кафедръ нѣсколько поученій; учитель обѣихъ Ставропольскихъ женскихъ гимназій Динникъ напечаталъ въ отчетномъ году: „Современные и древніе ледники Кавказа“ (*Записки Кавказскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* т. IV, вып. I), „На горахъ Западнаго Кавказа“ (журналъ *Природа и Охота*, кн. VI, VII и XII) и „Ледники Кавказа“ („Труды VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей“); учительница Кутаисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины Языкова собрала въ г. Александрополѣ армянскія пословицы; предсѣдатель совѣта Сухумской женской прогимназіи Мачавариани напечаталъ въ газетѣ *Новое Время* статью: „Сухумъ и рельсовый путь къ Черноморскому побережью Кавказа“; законоучитель Екатеринодарской женской гимназіи священникъ Вѣляковъ произнесъ съ кафедръ нѣсколько поученій; учитель Екатеринодарской же гимназіи Калашниковъ произнесъ на актѣ рѣчь: „О постепенномъ ходѣ развитія методики ариметики“ и прочелъ публичную лекцію: „Объ электрическомъ освѣщеніи“; учитель той же гимназіи Крыжановскій прочелъ публичную лекцію: „Женскіе образы въ родной поэзіи“, и напечаталъ въ *Кубанскихъ Вѣдомостяхъ* статью: „Шиллеръ и Шекспиръ“, „Лучъ свѣта въ темномъ царствіи Островскаго“, „Литературная критика объ Островскомъ“, „Новое изданіе сочиненій Грибоедова“ и „Общественный интересъ и художественное значеніе „Ревизора“ Гоголя“; послѣдняя статья издана также отдѣльною брошюрой; учительница той же гимназіи Калашникова прочла публичную лекцію: „О кометахъ“; врачъ той же гимназіи Николаевъ прочелъ публичную лекцію: „Эпидемическія болѣзни и возможные способы борьбы съ ними въ Екатеринодарѣ“.

Число учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа продолжало въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, возрастать. Въ 1889 году общее число учащихся увеличилось на 105, а въ отчетномъ году — на 172 ученицы (4,2%). Къ 1-му января 1891 года число учащихся въ 9 гимназіяхъ было 3.348, а въ 7 прогимназіяхъ — 960, всего 4.308 дѣвицъ, изъ коихъ 3.803 приходившихъ и 505 пансіонерокъ или 88,2% и 11,7%. Въ частности, увеличеніе произошло въ 12 заведеніяхъ, и особенно оно замѣтно въ гимназіи Ставропольской св. Александры (на 13,2%) и

въ трехъ прогимназіяхъ: Тифлисской (на 13,1⁰/о), Сухумской (на 12,9⁰/о) и болѣе всего въ Ейской (на 20,6⁰/о), по причинѣ открытаго при ней V-го класса; уменьшеніе же числа учащихся произошло только въ трехъ заведеніяхъ: въ гимназіяхъ Бакинской (0,9⁰/о) и Тифлисской г-жи Серпинз (8,9⁰/о) и въ прогимназіи Горійской (на 5,4⁰/о). По числу учащихся гимназіи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) Тифлисская—772 ученицы, 2) Владикавказская—431, 3) Тифлиское заведеніе св. Нины—404, 4) Кутаисское заведеніе св. Нины—352, 5) Екатеринодарская гимназія—350, 6) Ставропольская Ольгинская—324, 7) Бакинская—321, 8) Ставропольская св. Александры—240 и 9) Тифлисская г-жи Серпинз—154, а прогимназіи по численности учащихся стоятъ такъ: 1) Тифлисская—268, 2) Ейская—228, 3) Темиръ-Ханъ-Шуринская—106, 4) Эриванская—99, 5) Александропольская—99, 6) Горійская—88 и Сухумская—79. Изъ 6 пансіоновъ самые многочисленные состоятъ при заведеніи св. Нины въ Тифлиси—256 и св. Александры въ Ставрополѣ—128; въ остальныхъ 4-хъ пансіонахъ воспитанницъ немного, а именно: въ Кутаисскомъ—57, въ Сухумскомъ—32, у г-жи Серпинз—20 и въ Эриванскомъ—16. Кромѣ того, въ общій счетъ пансіонерокъ не входятъ 28 ученицъ Бакинской гимназіи, которыя, за неимѣніемъ у себя въ гимназіи пансіона, живутъ въ пансіонѣ мѣстнаго заведенія св. Нины, а между пансіонерками семиклассной Ставропольской гимназіи св. Александры числятся еще 4 пансіонерки, посѣщающія VIII классъ, имѣющіяся въ Ольгинской гимназіи.

Распределеніе учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ и національностямъ было слѣдующее: а) русскихъ—2.539, грузинокъ—503, армянокъ—792, татарокъ—5, дочерей горскихъ народовъ—19, евреекъ—154 и другихъ національностей—296; б) православныхъ—3.114, армяно-григоріанокъ—737 католичекъ—172, протестантокъ—113, евреекъ—154, мусульманокъ—5 и прочихъ исповѣданій—13; в) дворянокъ—2.499, духовнаго званія—132, дочерей почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—88, другихъ городскихъ сословій—1.305, крестьянокъ—62, дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ—147 и иностранокъ—75. Здѣсь распределеніе учащихся замѣтно отличается отъ такого же распределенія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ: изъ сословій также преобладаютъ дворянское и городское, но перваго въ женскихъ заведеніяхъ меньше (58⁰/о и 61,7⁰/о), а городского больше (30,3⁰/о и 23⁰/о) православныхъ больше (72,3⁰/о и 65,1⁰/о), а армяно-григоріанокъ меньше

(17,1°/о и 22,6°/о); учащихся русской національности значительно больше (58,9°/о и 46,8°/о), а остальных, кромѣ еврейской, меньше; такъ: грузинской—11,7°/о и 18°/о и армянской—18,4°/о и 23,4°/о. Вообще, учащихся, принадлежащихъ къ разнымъ туземнымъ народностямъ Закавказья, въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ—30,6°/о, а въ мужскихъ—44,3°/о. Въ частности, такихъ заведеній, въ которыхъ русскихъ не болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ учащихся, только 4 и около $\frac{1}{3}$ —только 2, и въ нихъ перевѣсъ берутъ грузинки, какъ въ Кутаисскомъ заведеніи св. Пимы—44,9°/о и въ Горійской прогимназіи—70,5°/о или армянки, какъ въ гимназіи г-жи Серпинѣ—43,6°/о, въ прогимназіяхъ Александропольской—54,4°/о и Эриванской—56,6°/о. Въ 4-хъ заведеніяхъ города Тифлиса изъ 1.600 учащихся русскія составляютъ 48,9°/о, грузинки—14,7°/о и армянки—25,6°/о.

Распределение учащихся по классамъ въ отчетномъ году было нормальное: оно представляло убыль отъ приготовительныхъ классовъ до VIII и въ процентномъ отношеніи для отдѣльныхъ классовъ къ общему числу учащихся было—19,2; 16,7; 14,9; 13,1; 10,7; 9,1; 7,2; 5,6; 3,4. Во многихъ заведеніяхъ имѣются классы, въ которыхъ число ученицъ превышаетъ не только цифру 35, но и 40; таковыхъ классовъ болѣе всего въ гимназіяхъ Тифлисской, именно 10, и въ Бавинской—5 классовъ. Впрочемъ, переполненіе классовъ женскихъ гимназій есть явленіе вполне естественное; заведенія эти существуютъ, главнымъ образомъ, на счетъ сбора платы за ученіе, и потому болѣе другихъ заведеній они заинтересованы тѣмъ, чтобы число платящихъ было возможно велико.

Прошеній о приѣмѣ въ отчетномъ году было подано 1.381; изъ этого числа не принято по неавѣ—50, по недостатку мѣста—14, по невыдержанію экзамена—73, по разнымъ другимъ причинамъ—57, а всего—194 или 14°/о изъ числа подававшихъ прошенія. Изъ 1.187 вновь поступившихъ большинство получило домашнюю подготовку—849 или 71,6°/о, а принято по свидѣтельствамъ другихъ гимназій и прогимназій—19°/о и по испытаніямъ изъ училищъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ—9,8°/о; изъ нихъ опредѣлены въ приготовительный классъ—48,2°/о и въ I классъ—20,3°/о. Выбыло въ теченіе года 1.015 ученицъ, между которыми было 147 окончившихъ курсъ VIII класса, 34 окончившихъ курсъ VII класса, но не пожелавшихъ поступить въ VIII классъ, 44 окончившихъ курсъ въ трехъ гимназіяхъ, не имѣющихъ дополнительнаго VIII класса, 57 окончившихъ курсъ въ 7 прогимназіяхъ и 733 оставившихъ заведенія до окончанія курса; большая

часть выбывшихъ послѣдней категоріи приходилась на средніе и малые классы; причины выбытія были, главнымъ образомъ, по прошенію—606 (82,7%), затѣмъ по болѣзни—62 увольненія, остальные за невзность платы—37, за неуспѣшность—19 (2,6%) и за смертью—9. Изъ 19 уволенныхъ за малоуспѣшность 17 было безуспѣшно учившихся по 2 года въ однихъ и тѣхъ же классахъ, а 2 уволены по особымъ постановленіямъ совѣта; изъ выбывшихъ по прошеніямъ до окончанія курса 195 выбыли съ цѣлю поступить въ другія гимназіи (121) и прогимназіи (31), а также въ другія учебныя заведенія (43).

Успѣхи учащихся и результаты занятій въ выпускныхъ классахъ, на основаніи годовичныхъ занятій, были слѣдующіе: изъ 4.100 ученицъ въ концѣ учебнаго года удостоены аттестатовъ и переведены въ слѣдующіе классы—2.734 (66,7%); оставлены въ тѣхъ же классахъ на второй годъ—440 (10,7%) и назначенъ дополнительный экзаменъ послѣ каникулъ—926 (22,6%); изъ послѣднихъ выдержали испытанія 633 (68,4%); итакъ общее число успѣвающихъ возросло до 3.367, или 82,1% числа учащихся. Изъ 16 заведеній въ 8 процентъ успѣшности былъ выше 80%, въ 6 заведеніяхъ не ниже 73,6% и только въ 2 прогимназіяхъ ниже того, именно: въ Горійской—71,6% и въ Сухумской—66,2%; изъ отдѣльныхъ классовъ наиболѣе успѣвающими были выпускные—VIII—98%, VII—87,6%, затѣмъ два старшихъ класса V—86,6% и VI—83,1% и оба приготовительные: младшіе—85% и старшіе—82,6%; процентъ успѣвающихъ въ остальныхъ классахъ отъ I до IV включительно заключается въ предѣлахъ отъ 78,6% до 80%. Въ отношеніи успѣшности въ предыдущемъ учебномъ году пансіонерки стояли значительно выше приходящихъ, 81,6% и 76,6%, и только въ Тифлисскомъ заведеніи св. Пины разниа между тѣми и другими была незначительная—79% и 78,6%. Изъ главныхъ предметовъ всѣхъ успѣвающихъ было: по русскому языку—86,6%, по математикѣ—86,6%, при чемъ по обоимъ предметамъ старшіе классы шли болѣе успѣшно, чѣмъ младшіе; по сословіямъ первое мѣсто занимаютъ дворянки (84%), затѣмъ ученицы духовнаго званія (82,6%), а по національностямъ—русскіе (84,6%) и еврейки (82,6%); успѣшность армянокъ нѣсколько выше, чѣмъ грузинокъ (78,4% и 73,7%). Изъ 19 уволенныхъ за малоуспѣшность наибольшее число не успѣвало по математикѣ—73,7% и русскому языку также—73,7%; затѣмъ не успѣвали онѣ изъ одного предмета—3, изъ двухъ—7, изъ трехъ—6 и болѣе чѣмъ изъ трехъ предметовъ—3. Изъ 150 ученицъ, бывшихъ въ концѣ года въ VIII дополнительныхъ классахъ 6 гимназій, 147 удо-

стоены правъ, а именно: на званіе домашней наставницы—31 и домашней учительницы—116, и въ томъ числѣ: по русскому языку—62, по математикѣ—64, по исторіи и географіи—17 и по новымъ языкамъ—4. По возрасту выпущенныя были: 16 и 17 лѣтъ—38, 18—45, 19—34, 20 и болѣе—30, а по національностямъ: русскихъ было—98, грузинокъ—18, армянокъ—20, евреекъ—3 и другихъ національностей—8. Изъ 215 ученицъ VII классовъ были допущены къ экзамену 210, а изъ нихъ удостоены аттестатовъ 189 и медалями награждены—золотою 19 и серебряною—11 дѣвицъ; по возрасту ихъ было: 15 лѣтъ—10, 16—44, 17—55, 18—34, 19 и старше—46, а по національностямъ: русскихъ—126, грузинокъ—17, армянокъ—26, татарокъ—1, евреекъ—3 и другихъ національностей—16; изъ удостоенныхъ аттестатовъ поступили для продолженія ученія въ VIII классъ—160, или 84,6%.

Изъ обязательныхъ предметовъ въ отчетномъ году ученицы занимались преимущественно новыми языками, которые, согласно учебнымъ планамъ 1874 года начинаютъ изучать съ I класса; въ Тифлисскомъ заведеніи св. Нины и въ гимназіи г-жи Серпинѣ оба они введены уже съ приготовительнаго класса, въ Тифлисскихъ же гимназіи и прогимназіи одинъ изъ нихъ, именно нѣмецкій, изучаютъ лишь со II класса; изъ 3.313 ученицъ тѣхъ классовъ, гдѣ введено преподаваніе языковъ, обучается обомъ имъ въ 8 заведеніяхъ 279 ученицъ, одному французскому 1.197 ученицъ во всѣхъ заведеніяхъ, кромѣ прогимназій Сухумской и Эриванской, и одному нѣмецкому—67 ученицъ въ 5 гимназіяхъ и 2 прогимназіяхъ; изъ туземныхъ языковъ—грузинскій преподается въ Тифлисскомъ и Кутаисскомъ заведеніяхъ св. Нины, и грузинки учатся своему языку въ этихъ заведеніяхъ почти всѣ—281 или 97,9%; кромѣ того, ему обучаются еще 66 ученицъ другихъ національностей; армянскій языкъ изучаютъ въ 4 гимназіяхъ и 3 прогимназіяхъ 333 (62,7%) армянки-ученицы. Изъ другихъ предметовъ—гимнастика, за неимѣніемъ учительницъ этого предмета или за недостаткомъ мѣста, введена только въ 4 заведеніяхъ: Тифлисскомъ и Кутаисскомъ св. Нины, въ прогимназіяхъ Горійской и Сухумской; гимнастикѣ обучается 765 ученицъ; танцы преподаются въ семи заведеніяхъ, обучается имъ 669 ученицъ; пѣніемъ занимаются по всѣмъ заведеніямъ, кромѣ Александропольской прогимназіи, 3.175 ученицъ и рисованіемъ въ 12 заведеніяхъ—2.647 ученицъ. Изъ 509 пенсіонерокъ, занималось: гимнастикой 345, танцами—328, пѣніемъ—411, рисованіемъ 286 и, кромѣ того, 142 воспитанницы обучались фортепианной игрѣ.

Поведеніе ученицъ женскихъ гимназій, прогимназій, равно и воспитанницъ пансіоновъ въ отчетномъ году было исполнѣе хорошее: противъ обыкновенныхъ дѣтскихъ игростей оказывались исполнѣе достаточными мѣрами уменьшеніе отгѣтокъ за поведеніе и утищанія наставницъ и начальницъ; самою же строгою мѣрою взыскапія былъ выговоръ отъ педагогическаго совѣта; ему подверглись за весь годъ 8 ученицъ, въ томъ числѣ 1 пансіонерка. За поведеніе большинство имѣло отгѣтку 5—95,8%, очень немногія 4—4,8% и 3—0,1%; между 509 пансіонерками только 25 имѣли отгѣтку 4, остальные всѣ, то-есть, 95,1%, получали отгѣтку 5. Среднее число пропущенныхъ уроковъ равнялось 44,8% на 1 ученицу и 31,3% на 1 пансіонерку, и большую часть пропусковъ уроковъ приходилось дѣлать изъ за болѣзни — 38,1% на 1 ученицу и 28,8 на 1 пансіонерку. Вообще же въ санитарномъ отношеніи всѣ пансіоны паходились въ удовлетворительномъ состояніи: серьезныхъ заболѣваній было немного, а смертныхъ случаевъ совсѣмъ не было; у приходящихъ изъ заразныхъ болѣзней появлялись чаще другихъ корь—въ 169 случаяхъ (болѣе всего во Владикавказѣ—57 и въ Баку—52), скарлатина—26 и оспа—29; въ общемъ, болѣе половины заболѣваній приходилось (57%) на лихорадку и горловыя болѣзни. Изъ ученицъ умерло всего 9 (0,21%).

Александровскій учительскій институтъ, образованный въ силу Высочайшаго повелѣнія въ 1872 году изъ бывшей до того учительской школы въ Тифлисѣ, состоитъ изъ 4-хъ классовъ, а для практическихъ упражненій воспитанниковъ при немъ находится трехклассное городское училище.

До своего преобразованія въ институтъ учительская школа выпустила 66 лицъ съ званіемъ начальныхъ учителей, а какъ институтъ, онъ въ 18-лѣтнее свое существованіе, помимо выпущенныхъ 226 воспитанниковъ съ званіемъ учителя городского училища, въ теченіе сказаннаго времени далъ возможность приобрѣсти то же званіе еще 45 лицамъ, въ числѣ коихъ было 30 изъ числа прикомандированныхъ къ институту учителей уѣздныхъ и начальныхъ училищъ и 15 стороннихъ лицъ, выдержавшихъ установленное специальное испытаніе въ его педагогическомъ совѣтѣ; кромѣ того, 16 бывшихъ воспитанниковъ института, выпущенныхъ въ разное время съ званіемъ начальныхъ учителей, также удостоились отъ института званія учителя городского училища. Такимъ образомъ, двѣ педагогическія школы дали въ общей сложности Кавказскому краю 353 учителя. Изъ числа 226 институтскихъ воспитанниковъ-учителей изъ

вѣстно о дѣятельности 124 лицъ въ своемъ округѣ, а именно: инспекторами народныхъ училищъ—4, въ городскихъ училищахъ: инспекторами—18, учителями—48 и помощниками учителей—32; затѣмъ, въ приготовительныхъ классахъ состоятъ—8 и въ низшихъ и начальныхъ училищахъ—14.

Имѣющіеся при институтѣ бібліотеки состоятъ: фундаментальная изъ 2.774 названій, въ 4.066 томахъ, и ученическая—изъ 599 названій, въ числѣ 818 томовъ; стоимость обѣихъ—6.107 р. Физическій кабинетъ содержитъ 147 различныхъ приборовъ и машинъ на сумму 3.414 р.; прочихъ учебныхъ пособій институтъ имѣетъ 458 предметовъ, стоящихъ 2.518 р. Книгъ, физическихъ приборовъ и другихъ учебныхъ пособій въ теченіе 1890 года приобретено было на сумму 446 р. Всѣми этими учебными пособиями пользуется, по мѣрѣ надобности, и состоящее при институтѣ трехклассное городское училище.

На содержаніе учительскаго института и состоящаго при немъ городского училища въ отчетномъ году поступило всего 37.976 р. изъ слѣдующихъ источниковъ: государственнаго казначейства—30.250 р., въ томъ числѣ 490 р. на прибавочное жалованье, сбора за ученіе—2.281 р., плата за частныхъ воспитанниковъ пансіона—4.200 р. и остатка отъ прежнихъ лѣтъ—1.244 р. Изъ этой суммы произведенъ расходъ въ 37.246 р., а именно: на содержаніе личнаго состава—18.498 р., наемъ и ремонтъ помѣщенія—4.533 р., на содержаніе пансіонеровъ—8.860 р., хозяйственные расходы—4.603 р., на пособия учебныя и служащимъ—1.049 р. и на отчисленіе въ спеціальныя средства министерства и учебнаго округа—203 р. Остатокъ къ концу года былъ въ 730 р. наличными. Средняя стоимость обученія 1 ученика составляетъ 291 р., а содержаніе 1 воспитанника пансіона—126 р.

Плата за ученіе частнаго ученика въ институтѣ взимается по 15 р. въ годъ, а ученика городского училища по 16 р.; на содержаніе каждаго изъ положенныхъ по штату 30 казеннокоштныхъ воспитанниковъ отпускается изъ главнаго казначейства по 145 р., а своекоштные вносятъ по 150 р. и одновременно по 30 р. на первоначальное обзаведеніе. Въ виду того, что контингентъ учащихся въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ образуется, главнымъ образомъ, изъ недостаточныхъ учениковъ, между которыми около одной трети безусловно неимущіе, институтъ, по мѣру прежнихъ лѣтъ, и въ отчетномъ году сдѣлалъ все для него возможное, чтобы улучшить матеріальное положеніе своихъ недоста-

точныхъ учениковъ, а именно: освободилъ отъ платы за учение 24 ученика, содержалъ бесплатно въ пансіонѣ института 7 учениковъ въ качествѣ экономическихъ воспитанниковъ и выдалъ пособіе деньгами, одеждой и обувью на 97 р.

Помѣщеніе, занимаемое учительскимъ институтомъ съ состоящимъ при немъ городскимъ училищемъ, хотя и наемное, но можетъ считаться вполне удовлетворительнымъ какъ по помѣстительности, такъ и по гигиеническимъ условіямъ, ибо окружено съ трехъ сторонъ садами; единственный недостатокъ помѣщенія составляетъ тѣснота двора и классныхъ комнатъ, занимаемыхъ городскимъ училищемъ. При домѣ имѣется довольно большой фруктовый и виноградный садъ, въ которомъ въ теплые мѣсяцы пансіонеры проводятъ все свободное время. Ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году было 7, и на нихъ проживало изъ 97 учениковъ института 7 человекъ, платя за мѣсячное содержаніе свое отъ 5 до 10 р. Среднее количество воздуха на 1 воспитанника института составляетъ въ классахъ 16,2, въ спальняхъ 44 и въ классахъ городского училища 5,4 куб. арш.

Личный составъ учительскаго института, состоявшій въ 1889 году изъ 10 лицъ, увеличился въ отчетномъ году прибавленіемъ еще одного законоучителя для воспитанниковъ армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія и состоялъ изъ 1 директора, 2 законоучителей, 4 учителей-воспитателей, 1 учителя рисованія, 1 учителя музыки, 1 учителя гимнастики и военного строя и 1 врача.

Всѣхъ засѣданій педагогическаго совѣта въ отчетномъ году было 31, въ томъ числѣ общихъ 18 и хозяйственныхъ 13, а засѣданій комиссій для обсужденія пробныхъ уроковъ воспитанниковъ выпускнаго класса—134, итого 165 засѣданій. Въ классахъ въ теченіе года произведено было 39 испытаній, изъ нихъ 31 устныхъ и 8 письменныхъ, а спрошенныхъ по первымъ было 78 и по вторымъ — 135, всего 213. Постороннихъ лицъ, экзаменовавшихся на званіе городского учителя, было 5, изъ коихъ удостоились этого званія 4 лица. Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ было за весь отчетный годъ 17 изъ 3.080, которые слѣдовало дать, что составитъ не много болѣе 0,56%, и изъ нихъ 14 мажировокъ были сдѣланы по причинѣ служебныхъ обязанностей и 3 по случаю отпусковъ. Свободные уроки на половину были возмѣщены уроками, данными директоромъ и другими учителями.

Всѣхъ учащихся въ учительскомъ институтѣ было, какъ въ началѣ отчетнаго года, такъ и въ концѣ его,—97 человекъ: на мѣсто

выбывшихъ по окончаніи курса 17 и до окончанія курса 9, всего 26 учениковъ, вновь поступило то же число учениковъ—26. Число же воспитанниковъ-пансіонеровъ увеличилось въ отчетномъ году съ 65 до 70; изъ нихъ воспитывались на счетъ казны 30, на счетъ армянскаго благотворительнаго общества—1, экономическихъ было 7 и своекоштныхъ—32.

Учащіеся въ институтъ распредѣлялись: а) по національностямъ: русскихъ—50, грузинъ—31, армянъ—5, горцевъ—9 и другихъ національностей—2; б) по исповѣданіямъ: православныхъ—89, армяно-григоріанъ—5, протестантовъ—1 и мусульманъ—2 и в) по сословіямъ: дворянъ—19, духовнаго званія—11, городскихъ сословій—20, крестьянъ—31, нижнихъ чиновъ и казаковъ—16. Среди пансіонеровъ по національностямъ преобладали русскіе—34 ученика, за ними грузины—24; изъ остальныхъ 12 были: 3 армянъ, 8 горцевъ и 1 иностранецъ; по исповѣданіямъ громадное большинство составляли православные—65, изъ остальныхъ пяти—3 армяно-григоріанъ и 2 мусульманъ, а по сословіямъ воспитывалось: 12 дворянъ, 9 духовнаго званія, 15 городскихъ сословій, 23 крестьянъ и 11 дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ. По классамъ ученики распредѣляются довольно равномерно: въ I классъ—26, во II—32, въ III—21 и въ IV—18. Желавшихъ поступить въ институтъ въ отчетномъ году было 60, изъ коихъ принято 26 (43,3%), и всѣ они опредѣлены въ I классъ. Огромное большинство подававшихъ прошеніе о принятіи ихъ въ институтъ получили подготовку въ городскихъ училищахъ, именно 49, или 81%, и изъ 26 оставшихъ—22 приняты съ подготовкой городскихъ училищъ, а изъ остальныхъ 4 получили подготовку 1 начального училища и 3—домашнюю. 34 непринятымъ отказано было: 6—по неимѣнью, 27—по невыдержанію экзамена и 1 по другимъ причинамъ. Въ теченіе года вышло 26 учениковъ, въ томъ числѣ 9 вышло до окончанія курса.

Успѣхи и поведеніе учащихся въ отчетномъ году были слѣдующіе: изъ 97 учениковъ, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, оказали удовлетворительные успѣхи 89, или 92,7%; успѣшность пансіонеровъ выразилась 95%, и противъ успѣшности входящихъ учениковъ была почти на 8% болѣе. Изъ 18 учениковъ выпускнаго класса 17 удостоились званія учителя городского училища и 1 выпущенъ со званіемъ сельскаго учителя. Изъ вновь выпущенныхъ 11 получили учительскія мѣста въ дирекціяхъ округа; а именно: 4—въ Тифлисской,

по 2 въ Кутаисской и Эривано-Елисаветпольской, и по 1 — въ Кубанской, Терской и Бакинско-Дагестанской.

Кромѣ занятій предметами, указанными уставомъ Александровскаго учительскаго института, воспитанники старшихъ классовъ его, по примѣру двухъ предыдущихъ лѣтъ, продолжали заниматься въ свободное отъ занятій время шелководствомъ и огневою сушкою плодовъ и овощей. Воспитаніе шелковичнаго червя стало въ настоящее время твердо въ институтѣ, такъ что получаемыя, воспитанниками по способу Пастера целилярная гrena каждую весною разсылаются въ шелководственныя мѣстности Закавказья. Равно и практическія занятія по огневой сушкѣ плодовъ и овощей ведутся также правильно, начиная со второй половины мая до половины іюня и съ 10-го сентября по 10-е октября.

Поведеніе учащихся было въ отчетномъ году вполнѣ удовлетворительное: отбѣтку 5 имѣли 84 ученика, отбѣтку 4—10, 3—2 ученика и 2—1 ученикъ. Всѣхъ пропущенныхъ уроковъ учениками было 2.601, и на каждого приходилось таковыхъ пропусковъ 26,8%, по 2.358 изъ нихъ, или 24,8%, были сдѣланы ими по причинамъ уважительнымъ и болѣзни. Въ отношеніи здоровья учащихся 1890 годъ оказался значительно благопріятнѣе двухъ предыдущихъ годовъ: на каждые 100 учащихся число заболѣваній составляло 201, а преобладающею болѣзнію была лихорадка. Смертный случай былъ 1, умеръ воспитанникъ пансіона.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ находится 4 учительскихъ семинаріи, которыя возникли на протяженіи 10-лѣтняго срока, начиная съ 1871 года, когда была открыта первая изъ нихъ, Кубанская, въ станицѣ Ладожской; затѣмъ, спусти 5 лѣтъ, именно въ 1876 году, возникла вторая, Закавказская, и, наконецъ, въ 1891 году основаны были двѣ остальные — Кутаисская въ мѣстечкѣ Хони и Эриванская — въ самомъ городѣ Эривани. Во всѣхъ 4 семинаріяхъ имѣется 17 классовъ, такъ какъ каждая состоитъ изъ трехъ полныхъ классовъ и одного приготовительнаго, кромѣ Закавказской, въ которой, одновременно съ учрежденіемъ татарскаго отдѣленія, открыто еще младшее отдѣленіе приготовительнаго класса, исключительно для татаръ. Для упражненій воспитанниковъ въ преподаваніи, при трехъ учительскихъ семинаріяхъ состоятъ при каждой по 1 русскому начальному училищу, а при четвертой, именно Закавказской, 4 таковыхъ училища: русское, грузинское, татарское и армянское. Семинаріи за время своего существованія приготовили

686 учителей, въ томъ числѣ въ отчетномъ году выпустили 50 человекъ; большую половину этого числа приготовила Кубанская семинарія — 351, за нею въ этомъ отношеніи слѣдуетъ Закавказская, приготовившая 203 учителя, а Кутаисская и Эриванская въ общей сложности выпустили 233 учителя: первая — 63, а вторая — 69. Изъ всего числа выпущенныхъ учителей 402 состоятъ въ учительскихъ должностяхъ, большею частью въ сельскихъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа; кромѣ того 26 учителей состоятъ на службѣ въ другихъ округахъ, а о 258 свѣдѣній не имѣется.

Въ бібліотекахъ четырехъ семинарій находилось: въ основныхъ — 4.356 названій, въ 8.112 томахъ, на сумму 15.613 рублей и въ учебныхъ — 4.155 названій, въ 10.091 томѣ, на сумму 8.761 рубль; за годъ для первыхъ приобретено книгъ на 1.300 рублей, для вторыхъ — на 416 рублей. Въ четырехъ физическихъ кабинетахъ находилось 1.543 различныхъ приборовъ и машинъ на сумму 7.902 рубля, сюда же вошли и вновь приобретенные 48 приборовъ стоимостью въ 159 рублей. Прочія учебныя пособія семинарій, въ числѣ 6.545 предметовъ, оцѣниваются въ 15.510 рублей; въ отчетномъ году приобретено было вновь 747 предметовъ на сумму 1.237 рублей. Въ общей сложности стоимость бібліотекъ, кабинетовъ и всѣхъ учебныхъ пособій доходила къ концу отчетнаго года до 47.786 рублей.

На содержаніе свое учительскія семинаріи имѣли въ отчетномъ году сумму въ 154.349 рублей, въ томъ числѣ оставалось отъ прежнихъ лѣтъ 11.791 рубль; вновь полученные 142.558 рублей поступили, главнымъ образомъ, изъ государственнаго казначейства — 112.841 рубль и отъ казачьихъ войскъ Кубанской области — 27.092 рубля; остальные 2.575 рублей образовались изъ сбора за ученіе (496 руб.), за содержаніе частныхъ пансіонеровъ (853 руб.), процентовъ съ капиталовъ (628 руб.) и другихъ поступленій (598 руб.). Изъ всей скопившейся суммы израсходовано въ теченіе года 141.441 рубль, а именно: на содержаніе личнаго состава — 73.385 рублей и пансіонеровъ — 38.719 рублей, на наемъ и ремонтъ помѣщеній и хозяйственные расходы — 19.378 рублей и на остальные нужды заведеній — 8.959 рублей. Средняя стоимость обученія опредѣлялась въ 322 рубля, а содержанія пансіонера — въ 199 рублей. Платы за право ученія въ учительскихъ семинаріяхъ округа не существуетъ; взимается лишь небольшая плата съ учениковъ начальныхъ училищъ при семинаріяхъ: Хонской — по 8 рублей въ годъ и въ Закавказской — по 5 рублей, но въ этой послѣдней ученики татарскаго начальнаго училища освобождены и отъ

такого взноса. На содержаніе казеннокоштнаго воспитанника отпускается 130 рублей въ годъ; такой же износъ установленъ и для сноеконтныхъ, за исключеніемъ Закавказской семинаріи, гдѣ плата за частныхъ пансіонеровъ полагается въ размѣрѣ 200 рублей; но число платящихъ воспитанниковъ весьма незначительно; такъ, въ отчетномъ году только въ Закавказской семинаріи было 4 воспитанника, содержимыхъ въ пансіонѣ на счетъ различныхъ учрежденій, а въ остальныхъ семинаріяхъ не было ни одного платнаго не казеннокоштнаго воспитанника.

Изъ четырехъ семинарій двѣ имѣютъ казенное помѣщеніе и двѣ наемное, а именно: Кубанская съ начала своего существованія помѣщается въ войсковыхъ зданіяхъ упраздненной 1-й бригады; многія изъ этихъ зданій деревянные, а нѣкоторыя — саманные, то-есть, состоящія изъ земляного кирпича, смѣшаннаго съ мелко изрубленною соломой, и какъ тѣ, такъ и другія съ каждымъ годомъ приходятъ все въ большую и большую ветхость, не смотря на значительныя затраты, дѣлаемыя войскомъ на ихъ исправленіи; въ виду этого, войсковая администрація въ отчетномъ году рѣшила выстроить для семинаріи новое зданіе съ церковью и интернатомъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ свои недостатки, теперешніе классы семинаріи вполне удобны и достаточно просторны: въ нихъ приходится на 1 ученика 25,2 куб. арш. воздуха. Все помѣщеніе, занимаемое Хонскою или Кутаисскою семинаріей, только съ 1902 года станетъ казенною собственностью, такъ какъ въ этому времени будетъ окончательно уплачена архитектору условленная плата—по 3.000 рублей въ годъ; зданіе это много имѣетъ преимуществъ предъ помѣщеніемъ семинарій Кубанской и Закавказской: въ немъ, классы, напримѣръ, болѣе, чѣмъ просторны: въ нихъ на 1 ученика приходится по 40,2 куб. арш. воздуха, равно и въ спальняхъ достаточно воздуха — на 1 воспитанника по 39,7 куб. аршинъ. Изъ двухъ наемныхъ помѣщеній менѣе удовлетворительное имѣетъ Закавказская семинарія, съ татарскимъ при ней отдѣленіемъ; она помѣщается въ зданіяхъ, принадлежащихъ двумъ разнымъ владѣльцамъ и находящихся въ разныхъ частяхъ города, а именно: сама семинарія, съ пансіономъ, тремя—русскимъ, грузинскимъ и армянскимъ начальными училищами и съ квартирою директора, помѣщается въ двухъ домахъ съ пристройками за 3.000 рублей, а въ другихъ двухъ домахъ находятся пансіонъ татарскаго отдѣленія семинаріи съ четвертымъ начальнымъ училищемъ, татарскимъ, младшимъ отдѣленіемъ приготовительнаго класса и квартирою инспектора, за что вносится ежегодной платы 2.156 рублей. Помимо такого неудобства, самыя

зданія, занимаемыя семинаріей, тѣсны: нѣтъ въ нихъ помѣщенія для устройства церкви, нѣтъ ни отдѣльныхъ помѣщеній для ея библіотекъ, мастерскихъ и прочихъ хозяйственныхъ надобностей; въ гигиеническомъ отношеніи исполнѣ удовлетворительны здѣсь только тѣ классы, въ которыхъ среднее количество воздуха на 1 ученика составляетъ 22,5 и въ спальнѣ—41,0 куб. арш.. За то помѣщеніе Эриванской семинаріи является весьма удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ построенное специально для учебнаго заведенія по плану, данному строителю учебнымъ начальствомъ. Въ немъ находится 15 большихъ покоевъ для классовъ, библіотека, физическаго кабинета, рекреационной залы, спальни, столовой и репетиционной; сверхъ сего, имѣются удобныя и прекрасныя помѣщенія для столярно-токарной мастерской и переплетной; внутри семинарскаго зданія находятся широкіе корридоры, гдѣ въ дурную погоду учащіеся занимаются гимнастикой; при семинаріи находится садъ и большая площадь, на которой воспитанники занимаются военными упражненіями. Въ классахъ приходится на 1 ученика 25,5 куб. арш., а въ спальнѣ—41,0 куб. арш. воздуха. Ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году было 19, на коихъ проживало изъ 282 учениковъ семинарій 77, а именно: 70 учениковъ Кубанской и 7 учениковъ Эриванской семинарій. Содержаніе проживающихъ на этихъ квартирахъ приходящихъ учениковъ обходится въ мѣсяцъ отъ 6 рублей до 12 рублей 50 копѣекъ. Всѣ квартиры въ теченіе года были посѣщаемы классными наставниками и другими лицами 257 разъ.

Всѣхъ служащихъ въ 4-хъ семинаріяхъ состояло къ 1-му января 1891 года 61 лицо, а именно: 4 директора, 1 инспекторъ (татарскаго отдѣленія при Закавказской семинаріи), 9 законоучителей, 21 наставникъ, 13 преподавателей искусствъ и ремеслъ, 4 врача и 9 прочихъ должностныхъ лицъ. Изъ этого числа въ теченіе года вновь назначенныхъ лицъ было 8, въ томъ числѣ 1 законоучитель, 1 наставникъ, 4 преподавателя искусствъ и ремеслъ и 2 другихъ должностныхъ лица. Вакантныхъ должностей къ концу года вовсе не было, за исключеніемъ трехъ почетныхъ попечителей. Выбыло въ теченіе года 4: изъ нихъ два перемѣщены были и 2 умерло.

Директора семинарій, согласно уставу, преподають педагогику, кромѣ директора Кубанской семинаріи, который, вмѣсто педагогики, даетъ 8 уроковъ рисованія; директоръ же Эриванской семинаріи имѣеть кромѣ 5 уроковъ педагогики еще 6 уроковъ русскаго языка.

Педагогическія collegii семинарій имѣли за отчетный годъ 859

засѣданій, изъ коихъ 166—общихъ, 196—хозяйственныхъ и 497—для обсужденія пробныхъ уроковъ воспитанниковъ выпускнаго класса. Классныхъ испытаній въ продолженіе года во всѣхъ 4-хъ семинаріяхъ было произведено 682, и изъ нихъ устныхъ 458 и письменныхъ 221, при чемъ на каждого учащагося среднимъ числомъ отвѣтовъ было: устныхъ 12,8, письменныхъ—12,4. Постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытанію на учительскія званія, было 4, и всѣ они удостоены были искомымъ званій; изъ нихъ было двое учителей и двѣ учительницы. Въ теченіе отчетнаго года слѣдовало дать во всѣхъ 4-хъ семинаріяхъ 18.578 уроковъ; изъ этого числа пропущено было 427, или 2,30%, а именно: по болѣзни—297, по служебнымъ обстоятельствамъ—83, по домашнимъ—32, вызовъ въ судъ—6 и отпускъ—9. Изъ пропущенныхъ уроковъ 236 были возмѣщены другими лицами, въ томъ числѣ директорами—104, учителями—89 и учениками—43; 132 свободныхъ урока учащіеся занимались или самостоятельно, или подъ руководствомъ и лишь 59 разъ были отпущены домой.

Нѣкоторые служащіе въ учительскихъ семинаріяхъ заняли себя въ отчетномъ году самостоятельными трудами. Преподающіе въ Закавказской семинаріи: инспекторъ татарскаго ея отдѣленія А. О. Черняевскій завѣдывалъ метеорологическою станціей при отдѣленіи и руководилъ учениковъ въ производствѣ наблюденій; ежемѣсячныя и годовые выводы изъ этихъ наблюденій, начиная съ 1886 года, печатаются въ *Литписислѣ* Главной физической обсерваторіи. Законоучитель православнаго исповѣданія той же семинаріи священникъ Туріевъ отпечаталъ вторымъ изданіемъ „Священную исторію ветхаго и новаго завета“ на грузинскомъ языкѣ и велъ внѣ-богослужебныя нравственно-религіозныя собесѣдованія съ народомъ въ Горійскомъ Успенскомъ соборѣ по праздничнымъ и другимъ днямъ. Законоучитель армяно-григоріанскаго исповѣданія протоіерей Теръ-Стенановъ напечаталъ 5-мъ изданіемъ на армянскомъ языкѣ „Начальное наставленіе въ христіанской вѣрѣ, по правиламъ армяно-григоріанской церкви“. Учитель магометанскаго вѣроученія Алиева закона и татарскаго языка мулла Абдуссаламъ-Ахундъ-Заде составилъ и напечаталъ татарскія прописи. Учитель Дмитриевъ напечаталъ въ газетѣ *Новое Обозрѣніе* статью: „Пѣшая прогулка въ Сванетію“ и приготовилъ къ печати вторую статью: „Пѣшая прогулка въ Тунетію и Пшавію“. Въ Кутаисской семинаріи учитель Петровъ руководилъ записываніемъ и переводомъ на русскій языкъ мингрельскихъ текстовъ, которые и напечатаны въ X выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описа-

нія мѣстностей и племенъ Кавказа". Въ Эриванской семинаріи учитель Карамаско приучалъ воспитанниковъ къ производству метеорологическихъ наблюденій, а учитель приготовительнаго класса Атанасянцъ составилъ описаніе древней армянской церкви въ сел. Бджани, Эриванской губерніи, и приготовилъ къ печати учебникъ по географіи для приготовительнаго класса семинаріи. Въ Кубанской семинаріи учитель Штепенко напечаталъ руководство элементарной геометріи.

Всѣхъ учащихся въ семинаріяхъ было въ началѣ отчетнаго года 287, а въ концѣ—282, то-есть, на 5 учениковъ меньше, и уменьшеніе это падаетъ на Кубанскую семинарію; въ семинаріяхъ Закавказской и Эриванской число учащихся осталось безъ перемѣны, а въ Кутаисской послѣдовало увеличеніе на 1 воспитанника. Причиной уменьшенія учащихся въ Кубанской семинаріи было то, что, по распоряженію войскаго начальства и съ согласія г. попечителя, ограниченъ пріемъ своекоштныхъ воспитанниковъ, вслѣдствіе затруднительности надзора за учениками, проживающими на частныхъ квартирахъ. Кромѣ Кубанской семинаріи приходящіе ученики имѣются еще только въ Эриванской, гдѣ ихъ 18 человѣкъ, а въ остальныхъ двухъ семинаріяхъ нѣтъ учащихся—пансіонеры. Въ семинаріяхъ для пансіонеровъ существуютъ 4 пансіона: по 1 въ Кутаисской и Эриванской и 2 въ Закавказской, и въ послѣдней положено 50 казенныхъ стипендій для христіанъ и 40—для магометанъ, а въ пансіонахъ Кутаисской и Эриванской полагается по 50 казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ каждой, итого 190 стипендій, изъ коихъ въ отчетномъ году по тремъ семинаріямъ были заняты 186 и 4 оставались вакантными. Учащихся по семинаріямъ было: въ Закавказской—86, въ Кубанской—76, въ Эриванской—69 и менѣе всего въ Кутаисской—51.

Ученики учительскихъ семинарій распредѣлялись: а) по національностямъ: русскихъ—94, грузинъ—65, армянъ—54, татаръ—47, горцевъ—13 и иностранцевъ—9; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—177, армяно-григоріанъ—54, мусульманъ—49, прочихъ исповѣданій—4; в) по сословіямъ: дворянъ—59, духовнаго званія—29, городскихъ сословіій—29, крестьянъ—84, дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ—81. По этому распредѣленію видно, какъ рѣзко отдѣляется Кубанская семинарія отъ трехъ закавказскихъ, а именно: въ ней учащиеся, кромѣ 3 горцевъ, все русскіе (73), а потому и по вѣроисповѣданію, кромѣ 2 иновѣрцевъ, все православные (74); по сословіямъ ученики, за исключеніемъ 5 чело-
вѣкъ, сыновья нижнихъ чиновъ или казаковъ (71). Не то представляютъ

учащіеся въ закавказскихъ семинаріяхъ: здѣсь русская національность остается въ значительномъ меньшинствѣ: на 185 туземцевъ и другихъ національностей приходится всего 21 человекъ русскихъ, коихъ 11 въ Закавказской и по 5 въ Кутаисской и Эриванской семинаріяхъ; преобладающее же составляютъ: въ Кутаисской семинаріи—грузины, 42 человека изъ 51, въ Эриванской—армяне, 40 изъ 69, въ Закавказской—татары, 35 изъ 86; въ вѣроисповѣдномъ отношеніи во всѣхъ 4 семинаріяхъ безусловно преобладаютъ православные, коихъ 177 (62,8%); за ними слѣдуютъ армяно-григоріане—52 (18,4%), далѣе мусульмане—49 (17,8%), другихъ исповѣданій всего 4 человека. Въ сословномъ отношеніи въ закавказскихъ семинаріяхъ преобладаютъ крестьяне—84, затѣмъ дворяне—59; духовнаго званія и городскихъ сословій имѣется одинаково—по 29 человекъ. Преобладаніе въ трехъ закавказскихъ семинаріяхъ туземцевъ объясняется, попервыхъ, тѣмъ, что по штатамъ семинарій $\frac{1}{4}$ всѣхъ казенныхъ вакансій предоставлено имъ и, во вторыхъ, тѣмъ, что будущая дѣятельность сельскаго учителя въ совершенно чуждой русской и породческой средѣ не престанетъ для нихъ ничего пріятнаго.

Распределеніе учащихся по классамъ всѣхъ 4-хъ семинарій въ концѣ отчетнаго года было такое: въ приготовительныхъ—97, въ первыхъ—75, во вторыхъ—52 и въ третьихъ—58. Новыхъ желающихъ поступить въ семинаріи было 177 лицъ, и изъ нихъ учились: въ начальныхъ училищахъ—106, въ городскихъ, горскихъ и другихъ школахъ—25, въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ—10, въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ—также 10, получили домашнее образованіе—23 и въ учительскихъ семинаріяхъ—3. Изъ этого числа принято 84 ученика или 47,5%, по большей части съ подготовкой начальныхъ училищъ, именно 52 ученика; изъ 93 непринятыхъ было отказано по неимѣнію экзамена—47, по неукѣ или отказу—30 и по другимъ причинамъ—16. Выбыло въ теченіе отчетнаго года 89 воспитанниковъ; изъ нихъ окончили курсъ 50, а 39 оставили семинаріи до окончанія курса, въ томъ числѣ за неуспѣшностью—18, по прошенію—16, по болѣзни—3, за поведеніе—1 и умеръ—1. Успѣхи учащіеся въ семинаріяхъ оказали слѣдующіе: изъ 272, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, окончили курсъ и удостоены перевода въ слѣдующіе классы—211 или 77%; наивысшая успѣшность, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась въ Кубанской семинаріи, именно 87,3%, такъ какъ тамъ составъ учащихся, за небольшимъ исключеніемъ, русскій; изъ остальныхъ семинарій по успѣхамъ выше всѣхъ стоятъ воспитанники Закав-

казской семинаріи — 78,8%, затѣмъ Кутаисской — 75,0% и ниже всѣхъ Эриванской — 66,7%, при чемъ въ этой послѣдней успѣхъ не-напсіонеромъ еще ниже — 50%. При всемъ томъ успѣшность послѣдовательно возрастала отъ младшихъ классовъ къ старшимъ: въ I-хъ классахъ — 68%, успѣвающихъ, во II-хъ — 83% и въ III-хъ — 94%; по національностямъ успѣвающихъ было: русскихъ — 84,1%, грузинъ — 73,0%, татаръ — также 73,0%, армянъ — 73,0%, горцевъ — 73,0% и другихъ національностей — 66,0%; по сословіямъ менѣе успѣвающими оказались дворяне — 64%, болѣе успѣвающими — сыновья нижнихъ чиновъ и крестьяне — 83%. Изъ 63 учениковъ выпускныхъ классовъ только 3 не получали аттестатовъ. Между окончившими курсъ было: русскихъ — 22, грузинъ и татаръ — по 6, армянъ — 12, горцевъ — 3, другихъ національностей — 1. Изъ 18 выбывшихъ за неуспѣшность болѣе всего было неуспѣвавшихъ по математикѣ — 15 и по русскому языку — 12; а неуспѣвавшихъ изъ нихъ по 1 предмету было 1, по 2 предметамъ 4, по 3 — 3 и болѣе чѣмъ по 3 предметамъ — 10.

Кромѣ положенныхъ по уставу учительскихъ семинарій предметовъ, въ трехъ семинаріяхъ Закавказскаго края преподаются мѣстные языки: въ Закавказской три — грузинскій, армянскій и татарскій, въ Эриванской два — армянскій и татарскій и въ Кутаисской одинъ — грузинскій. Изъ другихъ занятій, не для всѣхъ воспитанниковъ обязательныхъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія: въ Кубанской семинаріи, кромѣ музыки и столярнаго, токарнаго и переплетнаго мастерства, въ отчетномъ году начато ознакомленіе учащихся съ шелководствомъ, при чемъ для выкормки шелковичныхъ червей отведена особая комната и устроены приспособленія для правильнаго ихъ выращиванія. Въ Закавказской семинаріи, кромѣ занятій музыкой и столярнымъ и переплетнымъ мастерствами, при татарскомъ отдѣленіи, трудами инспектора онаго, устроена учебная пасѣка, на которой воспитанники обучаются правильному пчеловодству, готовыя быть впоследствии учителями этой отрасли сельскаго хозяйства; въ этой семинаріи введено также и обученіе учащихся шелководству. Въ Кутаисской семинаріи всѣ ученики обучаются и необязательнымъ для всѣхъ предметамъ, какъ то: грузинскому языку, рисованію и музыкѣ.

Поведеніе учащихся въ семинаріяхъ было вообще удовлетворительное: въ концѣ отчетнаго года изъ 282 учениковъ имѣли полную отгѣтку 5 — 233 человека (82,6%), затѣмъ 4 — 43 (15,3%) и 3 — только 6 учениковъ; подвергались же изысканіямъ 47 (16,7%), а именно: болѣе легкимъ, какъ аресту свыше двухъ часовъ — 33 и болѣе строгимъ мѣ-

рамъ, какъ выговору совѣта—13, въ томъ числѣ 1 былъ исключенъ съ правомъ поступить въ другое училище; въ числѣ провинившихся было 22 ученика приготовительныхъ классовъ и 25—основныхъ классовъ. Въ теченіе отчетнаго года учащимися 4 семинарій было пропущено 10.900 уроковъ или 38,8⁰/₀; на 1 ученика и изъ этого числа 10.595 приходится на болѣзни и иныя законныя причины. Случаевъ заболѣванія было по 174 на каждыхъ 100 учениковъ и таковыхъ больше всего было въ Кутаисской семинаріи—268 на 100 и менѣе всего въ Закавказской—81 на 100. Смертный случай былъ только 1, въ Закавказской семинаріи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О КОЛОФОНѢ, НОТІѢ, КЛАРѢ И О НОВЫХЪ НАДПИСЯХЪ КОЛОФОНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Въ ноябрѣ 1891 года я предпринялъ второе путешествіе въ Малую Азію ¹⁾. Пробывъ нѣкоторое время въ Смирнѣ и посѣтивъ ея окрестности ²⁾, я отправился внутрь страны. На этотъ разъ главною цѣлью моей поѣздки было ознакомленіе съ мѣстностью древнихъ Колофона, Нотія, Клара, Эфеса и Магнисіи у рѣки Меандра. По Смирнско-Динерской (Σμύρνη-Δινάρ) желѣзной дорогѣ я доѣхалъ до станціи Де великій (Δεβελίχιοι) и отсюда верхомъ совершилъ путь черезъ деревни Малкаджикъ, Деирмендере, Траца, Цилле (Μάλκαδζικ, Δεϊρμέν-δере, Τράτσα, Τσίλλε) къ лежащему близъ моря сел. Гауркіой (Γκαούρκιοι) ³⁾, откуда направился къ деревнѣ Айнасулуку (Ἀϊνασοῦλουκ), то-есть древнему Эфесу. Изъ Айнасулука вновь по желѣзной дорогѣ я доѣхалъ до станціи Валачикъ (Βαλατσίκ). Дружески принятый здѣсь Керномъ и Гейне, двумя членами нѣмецкаго археологическаго института, надвиравшими тогда за раскопками въ Магнисіи ⁴⁾, я имѣлъ возможность ознакомиться съ результатами интереснѣйшихъ раскопокъ въ мѣстности древняго города, весьма недалеко лежащаго отъ упомянутой желѣзно-дорожной станціи.

Въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ я намѣренъ подверг-

¹⁾ О первой поѣздкѣ см. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, апрѣль 1891 г., статью „Нѣсколько не изданныхъ родосскихъ надписей“; см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891 г. сентябрь (Современная лѣтопись, стр. 11).

²⁾ Считаю своимъ приятѣйшимъ долгомъ выразить здѣсь глубокую благодарность друзьямъ моимъ Стильпону Пятакѣй (Πιττακῆς), директору музея при такъ называемой Евангелической школѣ, и Александру Кондолеонту (Κοντολίμν), въ обществѣ которыхъ я часто совершалъ экскурсіи по окрестностямъ Смирны (напримѣръ, въ сел. Корбалио, Ἀγ. Τριάς, Ἀμυδιά, друг.).

³⁾ Жители этого селения — христіане, чѣмъ и объясняется его названіе („деревня невѣрныхъ“); оны называется также Χριστιάν-Κιοι.

⁴⁾ Гуманъ, главный руководитель работъ, былъ въ это время въ Смирнѣ.

нута пересмотру вопросъ о топографіи древняго Колофона, присоединивъ сюда также разсмотрѣніе нѣкоторыхъ найденныхъ мною въ колофонской области и, насколько мнѣ извѣстно, неизданныхъ надписей. Начиная съ XVIII столѣтіемъ и до послѣдняго времени не мало было высказано гипотезъ по вопросу о топографіи Колофона, Нотіа и Клара. Посѣтившій эти мѣстности весною 1765 года англичанинъ Ричардъ Чандлеръ ¹⁾, называя (очевидно, по недоразумѣнію) холмъ τὸ Κάστρον τοῦ Γκαιοῦρκιοῦ именемъ *Zille*, то-есть деревни, отстоящей отъ моря верстъ на 7, отождествлялъ *это Цилле* съ древнимъ Кларомъ ²⁾. Относительно Колофона онъ не высказалъ вполне опредѣленнаго мнѣнія, но былъ склоненъ, повидимому, помѣщать этотъ древній городъ около теперешняго сел. Гяуркіой, Нотіа же и древнюю гавань считалъ засыпанными наносной землей ³⁾.

У Аронделла въ его сочиненіи „*A visit to the seven churches of Asia*“ (Lond. 1827) p. 303 находимъ иной взглядъ по тому же вопросу: Кларъ онъ помѣщаетъ у сел. Гяуркіой, Колофонъ у дер. Цилле и Нотіа отождествляетъ съ τὸ Κάστρον τοῦ Γκαιοῦρκιοῦ ⁴⁾.

Такимъ въ послѣдней мѣстности помѣщаетъ древній Кларъ, развалины Колофона считаетъ исчезнувшими, мѣстоположенія Нотіа не опредѣляетъ ⁵⁾.

¹⁾ См. *Travels in Asia Minor and Greece by the late R. Chandler. A new edition... by N. Revett...* Vol. I, Oxford 1825. Chap. XXXI, pp. 127 — 134. Ἀριστ. Φοντρίερ, относя путешествіе Чандлера по этимъ мѣстамъ къ 1764 году, допускаетъ неточность. См. Μουσείον καὶ βιβλιοθήκη τῆς Εὐαγγελικῆς σχολῆς, Παριῶν. III. Ἐν Σμύρνῃ. 1880 σελ. 193.

²⁾ См. *Travels* p. 129: „Descending Gallesus, we suddenly discovered near the bottom some mean huts... We inquired of the inhabitants, who were Greeks, for ruins, and they directed us to *Claros*, now called *Zille*, by the sea“. Ibid. p. 130: „We were apprised of our approach to *Zille*, or *Claros*“... Согласно съ истинной мѣстоположеніе дер. Цилле опредѣлено въ „*Specialkarte vom westlichen Kleinasien*“ H. Kiepert 1890, Taf VII. По справедливому замѣчанію Фонтриера, Чандлеръ „ἀποκαλεῖ Γαλλήσιον τὸ Κοράκιον“. См. Μουσείον καὶ βιβλιοθ. Παρ. III, σελ. 193.

³⁾ См. *Travels* p. 133.

⁴⁾ Этотъ взглядъ Аронделла держался въ наукѣ весьма долго. Срв. C. I. G. № 3031: „Colophon videtur prope locum Zille s. Zilli fuisse“..., Pape's Wörterbuch d. gr. Eigennamen. 1875 s. v. Κολοφῶν „j. Ruinen bei Zille“. Срв. *Pausanias Real-Encyclop. d. class. Alterthumswiss.* II, p. 518, A dictionary of greek and roman geogr. by W. Smith s. v. Clarus, Colophon.

⁵⁾ Description de l'Asie Mineure... par Ch. Texier, II, 1849 pp. 299—301= pp. 356—358 малаго изданія „Asie Mineure“ 1862 г.

Три упомянутыхъ здѣсь путешественника затронули трактуемый вопросъ довольно поверхностно. Гораздо внимательнѣе и глубже изслѣдовалъ его Аристотель Фонтриеръ ¹⁾:

1) онъ сопоставилъ по возможности всѣ извѣстія древнихъ, которыя могли бы пролить свѣтъ на темныя точки проблемы,

2) весьма добросовѣстно изучилъ мѣстность, гдѣ обыкновенно помѣщали Колофонъ, Нотій и Кларъ, то-есть окрестности селенія Гайрукіой.

Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) развалины на такъ наз. Κάτρον τοῦ Γκαιοῦρκιοῦ (иначе Τσιφοῦτ-χαλέ) есть остатки древняго города Колофона;

2) Кларъ не городъ, но димъ или мѣстечко въ колофонской землѣ, находившееся въ зависимости отъ города Колофона. Около этого мѣстечка былъ знаменитый храмъ Апполона Кларійскаго съ рощей и пророческой пещерой. Благодаря славіи храма весь этотъ округъ съ Колофономъ и прилежащимъ берегомъ носилъ названіе Κλάρος,

3) Нотій лежалъ къ сѣверо-востоку отъ Колофона, очень близко отъ послѣдняго. Пристань Нотіа можно отождествить съ теперешней стоянкой для судовъ, называемой Τσιρλονέρι.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ изслѣдованія Фонтриера появилась весьма важная для топографіи Колофона, Нотіи и Клара статья Шухгардта ²⁾. Послѣдняго сильно занималъ этотъ вопросъ, и онъ, не ограничившись путешествіемъ, предпринятымъ въ октябрѣ 1885 г. вмѣстѣ съ Киппертомъ, отправился въ январѣ 1886 г. вновь въ область древняго Колофона въ сопровожденіи П. Вольтерса. Шухгардтъ высказалъ слѣдующіе взгляды.

1) Городъ Колофонъ должно помѣщать въ мѣстности теперешней турецкой деревни Дейрмендере, гдѣ, по указанію Ванъ-Леннепа, помѣщика въ деревни Малькаджикъ, Шухгардтъ и Вольтерсъ открыли развалины древнихъ стѣнъ, стиль постройки которыхъ на всемъ протяженіи одинаковъ. Онѣ напоминаютъ собою крѣпостныя эфесскія стѣны, возведенныя Лисимахомъ. Кромѣ развалинъ стѣнъ, никакихъ древнихъ построекъ въ Дейрмендере не сохранилось;

¹⁾ „Περὶ Κλάρου, Κολοφώνος, Νοτίου“ ὑπὸ 'Α. Φοντριέρου ἐν „Μουσείον χαβίζλ.“ Περ. III, σελ. 187 — 221.

²⁾ U. Schuchhardt, Mittheilungen d. deutsch. arch. Inst. Athen. XI (1886): Kolophou, Notion und Klaros, pp. 398—434.

2) Потіи лежалъ на томъ холмѣ, который теперь называется *Κάστρον τοῦ Γχαιοῦρχιοῦ*;

3) Кларъ находился недалеко отъ Потіи и имѣлъ общій съ послѣднимъ некрополь;

4) Храмъ Аполлона Кларійскаго должно помѣщать противъ селенія Гχαιοῦρχιοῦ, гдѣ существуетъ и теперь пещера, которую скорѣе всего можно отождествить съ древней, куда входилъ жрецъ для питья чудодѣйственной воды.

Взгляды Шухгардта въ ихъ основѣ можно считать общепринятыми въ европейской наукѣ ¹⁾).

Чтобы сколько-нибудь разобратъ въ столь разнорѣчивыхъ мнѣніяхъ учевыхъ, обратимся къ тѣмъ главнымъ основаніямъ, на которыхъ строятся тѣ или нѣны гипотезы, то-есть къ извѣстіямъ древнихъ авторовъ. Сперва рассмотримъ вопросъ о Колофонѣ и Потіи.

У Геродота мы не встрѣчаемъ никакихъ топографическихъ указаній относительно этихъ городовъ ²⁾. Въ разказѣ Фукидида о событіяхъ 427 г. Потіи является прибрежнымъ городомъ „Колофоніанъ“. Самый Колофонъ названъ у него „ἡ ἄνω πόλις Κολοφώνιον“. Слова Фукидида ³⁾ произвели различное впечатлѣніе на Фонтриера и Шухгардта: первый на основаніи ихъ заключаетъ о слишкомъ близкомъ разстояніи между Потіемъ и Колофономъ, второй видитъ въ нихъ указаніе на то, что эти города были значительно удалены одинъ отъ другаго ⁴⁾.

¹⁾ Срав. The historical geography of Asia Minor, by Prof. W. M. Ramsay, Lond. 1890, p. 431 (Addenda): „There is every probability that the article of Schuchhardt... has solved the long—standing problem of the site of that city“... См. также H. Kiepert, Specialkarte vom westlichen Kleinasien. 1890. Taf. VII.

²⁾ Геродотъ относитъ Потіи къ числу воиѣскихъ городовъ (I 149). У него Потіи не является въ политической зависимости отъ іонійскаго Колофона; нѣтъ намека на эту зависимость и въ аттическихъ спискахъ данн V вѣка до Р. Хр. На основаніи послѣднихъ можно заключить, что Колофонъ въ это время былъ значительно богаче Потіи. См. С. I. A. I №№ 226, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 234 и друг. Колофоняне здѣсь называются Колофоніои и Колофониатаи.

³⁾ Thuc. III 34: Παράπλεον δὲ πόλιν ἔσχε (Πάγης) καὶ ἐς Νότιον τῶν Κολοφώνων, οὗ κατέκηντο Κολοφώνιοι τῆς ἄνω πόλεως ἐλαωκυίας ὑπὸ Ἰταμέου... ἐν οὖν τῇ Νότη οἱ καταφυγόντες... ἐπικούρους... ἐν διατεχίσματι εἶχον καὶ τῶν ἐκ τῆς ἄνω πόλεως Κολοφώνων οἱ μηδισαντες... ἐπολίτευον...

⁴⁾ Μουσειον, Παρ. III, σελ. 202: „Νότιον καὶ Κολοφῶν ἔκαινο τόσῃ πλησίον, ὥστε Νότιον ὀνομάζει (Θουκυδίδης) μέρος τῆς πόλεως τῶν Κολοφώνων, διερ κατέληφθη ὑπὸ τῶν Ἀθηναίων, ὅπως ἡ ἄνω πόλις, ἡ Κολοφῶν, ἐκπεριεῖθη ὑπὸ τῶν βαρβάρων“.—*Mittheilungen* XI p. 410: „Was wir bei den Historikern gelegentlich über das Verhältniss Notions zu Kolophon erfahren, weist entschieden auf eine ziemliche Entfernung zwischen beiden hin. So wenn Thukydides (III 34) berichtet etc.“.

Равнымъ образомъ по поводу слѣдующихъ словъ Аристотеля: *στασιάζουσι δὲ ἐνίοτε αἱ πόλεις καὶ διὰ τοὺς τόπους, ὅταν μὴ εὐφυῶς ἔχῃ ἢ χώρα πρὸς τὸ μίαν εἶναι πόλιν, οἷον ἐν Κλαζομεναῖς οἱ ἐπὶ Χυτῶ πρὸς τοὺς ἐν νῆσῳ καὶ Κολοφῶνιοι καὶ Νότιαις* ¹⁾, вышеупомянутые исследователи высказываютъ противоположныя соображенія ²⁾.

Въ разказѣ Ксенофонта ³⁾ о событіяхъ 409 г. Нотій — прибрежный городъ, куда пристали бѣжавшіе изъ Милита афиняне и откуда, приготовившись къ походу, выступили въ Колофонъ. Разстояніи Колофона отъ Нотіа Ксенофонтъ не опредѣляетъ, но въ его словахъ содержится ясный намекъ на то, что первый лежалъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега.

Θεοπόμπη, по словамъ Арпократіона ⁴⁾, называетъ Нотій мѣстностью, лежащей *передъ* городомъ Колофонянъ, у Скилака же изъ Каріандъ читаемъ: ...*Τέως πόλις καὶ λιμὴν, Δέβεδος, Κολοφῶν ἐν μεσογαίᾳ, Νότιον καὶ λιμὴν, Ἀπόλλωνος Κλαρίου ἱερὸν...* ⁵⁾.

Изъ всѣхъ этихъ древнѣйшихъ указаній V и IV вѣковъ можно вывести лишь то заключеніе, что Нотій лежалъ у самаго берега, Колофонъ на нѣкоторомъ, болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ него.

Въ началѣ III вѣка до Р. Хр. Лисимахъ разрушилъ Колофонъ и граждане его были переселены въ Эфесъ ⁶⁾. Это несчастіе Колофонянъ было оплакано поэтомъ Финикомъ.

Опустѣла ли навсегда мѣстность, гдѣ былъ когда то Колофонъ, или она спустя нѣкоторое время оживилась, и вновь возникъ на старомъ пепелищѣ городъ, сохранившій прежнее названіе? Прямыхъ указаній относительно этого вопроса нѣтъ, и ученые рѣшаютъ его неодинаково. Обратимся сперва къ древнимъ извѣстіямъ.

Въ началѣ II вѣка до Р. Хр., то-есть черезъ столѣтіе послѣ разрушенія Колофона Лисимахомъ политическая жизнь Колофонянъ со-

¹⁾ Aristot. Polit. 1309^{ba}.

²⁾ Moeris III ed., 203, *Mittheil.* XI p. 411.

³⁾ Hellen. I, 2, 4, 11, Справ. I, 5, 12, 13, 14; II, 1, 6.

⁴⁾ Harpocration et Moeris ex rec. *Imm. Bekkeri* p. 133, 14: Νότιον. Λυσίας κατὰ Μαντίου. ὅτι δὲ ἐστὶ χωρίον προχείμενον τῇ Κολοφωνίων πόλει, Θεοπόμπος ἐν τῇ 18^ῃ φησὶν.

⁵⁾ Scyl. Car. 98 (C. Müller).

⁶⁾ Paus. I, 9, 7. См. *E. Rohde*, Griech. Roman p. 76 sq. Справ. *K. Buresch* Klaros p. 32, *O. Immisch* Klaros p. 147 sq. (послѣдняя статья въ *Jahrbücher für class. Phil.*, XVII Supplementband 1890, трудъ Буреша помѣченъ 1889 г., по ему были извѣстны результаты изслѣдованій Иммиша).

средоточивается, по видимому, въ НотіѢ. На это можно видѣть намекъ въ словахъ Поливія, буквально переведенныхъ Ливіемъ:

Polyb. XXI 48 (4)

Liv. XXXVIII 39 (8)

...Κολοφώνιους δὲ τοὺς τὸ Νότιον οἰκοῦντας καὶ Κομαίους καὶ Μυλασεῖς ἀφορολογήτους ἀφῆκαν.

...nominatim praeterea Colophonis, qui in Notio habitant, et Cymaeis et Mylasenis immunitatem concesserunt.

Въ этомъ отрывкѣ изъ договора Римлянъ съ Антиокомъ Колофоніане названы „обитающими въ Нотіѣ“, при чемъ подъ послѣдними разумѣтся не одна кака-либо часть жителей, а все вообще гражданское населеніе области, сосредоточивавшееся тогда, очевидно, въ Нотіѣ. Такъ понимаетъ указанное выраженіе и Шухгартъ, говоря: „...mit diesem Ausdruck kann nach dem Zusammenhang nicht ein einzelner Theil der Bewohner gemeint sein“¹⁾.

Въ разказѣ о событіяхъ 190 г. до Р. Хр. Ливій, основываясь, очевидно, на источникахъ II вѣка, говоритъ слѣдующее: Antiochus... ipse copias ad Notium ducit. id oppidum Colophonium mari imminens abest a vetere Colophone duo ferme milia passuum et ipsam urbem suae esse volebat potestatis, adeo propinquam Epheso²⁾.

Я долженъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ словахъ римскаго историка, важность которыхъ для топографіи Колофона и Нотіа несомнѣнна.

По мнѣнію Пертца³⁾, Ливій различаетъ здѣсь „vetus Colophon“, „nova Colophon“ и „Notium“. Мѣстоположеніе новаго Колофона неизвѣстно, но онъ, какъ можно заключить на основаніи Ливія и извѣстій позднѣйшихъ писателей, лежалъ у моря. Могутъ спросить, почему Ливій опредѣляетъ разстояніе Нотіа отъ „Стараго“, а не „Новаго Колофона“. Это объясняется, какъ думаетъ Пертцъ, тѣмъ, что въ древнихъ источникахъ постоянно опредѣлялось разстояніе Колофона отъ Нотіа, какъ это сдѣлалъ и Ливій, прибавивъ однако къ слову Колофонъ „vetus“, потому что онъ былъ тогда уже разрушенъ.

¹⁾ Mittheil. XI p. 416.

²⁾ Liv. XXXVII, 26, 5 aqq.

³⁾ Colophoniaca. Scripsit Carol. Aug. Pertz, Gottingae 1848, p. 16: „...Livius discernit Notium ab ipsa Colophone. Neque vero novam Colophonem expressis verbis commemorat. Sed tamen ipse dicit de Notio: „id oppidum“, et tum pergit verbis: „ipsam urbem“, quae quidem posteriora verba ad Colophonem referenda esse apparet. Hoc vero ipsum de nova Colophone intelligendum est... Quem vero nova Colophon habuerit situm a veteribus quidem scriptoribus non traditur“...

Кунъ¹⁾, понимая выраженіе „*vetus Colophon*“ совершенно такъ же, какъ и Пертцъ, держался того взгляда, что у Ливія Колофономъ называется собственно Нотій. Въ самомъ дѣлѣ, если мы вчитаемся внимательно въ разказъ римскаго историка о военныхъ дѣйствіяхъ Антиоха въ колофонской области²⁾, то увидимъ, что здѣсь идетъ рѣчь несомнѣнно объ осадѣ приморскаго Нотія³⁾. Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ встрѣчающіяся въ томъ же разказѣ⁴⁾ выраженія: „*cum regia classe a Colophone profectus*“, „*Colophonis obsidione abscessit*“? Наиболѣе правдоподобнымъ намъ кажется предположеніе, что названіи Нотій и Колофонъ во II уже вѣкѣ стали употребляться одно вмѣсто другаго. Такимъ образомъ, „Новый Колофонъ“ Пертца—не что иное, какъ Нотій⁵⁾. Если такъ, то само собою объясняется, почему Ливій опредѣляетъ разстояніе Нотія отъ одного лишь „древняго Колофона“.

Шухгартъ понимаетъ выраженіе „*vetus Colophon*“ не въ смыслѣ „существовавшій раньше, но несуществующій болѣе городъ“, а въ смыслѣ „носившій первоначально такое названіе“⁶⁾, всѣми силами стараясь увѣрить читателя, что „древній Колофонъ“ не исчезъ окончательно и послѣ разрушенія его Лисимахомъ.

Не трудно догадаться, почему Шухгартъ съ такимъ упорствомъ настаиваетъ на этомъ положеніи. Колофонъ древнѣйшей эпохи онъ помѣщаетъ въ Дейрмендере, гдѣ однако сохранились развалины стѣнъ Лисимахова времени⁷⁾. Для объясненія послѣдняго обстоятельства должно допустить, что спустя нѣкоторое время послѣ разрушенія городъ возникъ опять на старомъ мѣстѣ. Такъ и поступаетъ Шухгартъ, предполагая, что этотъ вновь возникшій городъ существовалъ до самыхъ позднихъ временъ.

Отсутствіе въ Дейрмендере слѣдовъ построекъ позднѣйшаго стиля, по мнѣнію Шухгарта⁸⁾, объясняется весьма просто: въ римское

¹⁾ *Emil Kuhn, Ueber die Entatehung der Städte der Alten, Leipz. 1878, p. 357: „vetus Colophon, d. h. offenbar soviel, als die ehemalige Stadt“.*

²⁾ *Liv. XXXVII 26—31.*

³⁾ Справ. *Kuhn ibid.; Mittheil. XI p. 411.*

⁴⁾ *Liv. XXXVII, 28, 4; 31, 8.*

⁵⁾ Справ. *Mittheil. XI p. 417: „Die Hauptstadt ist ihm (Livius) also „Altcolophon“, und im Gegensatze dazu Notion „Neukolophon“.*

⁶⁾ *Mittheil. XI p. 417 sq.*

⁷⁾ *Mittheil. XI p. 407.*

⁸⁾ *Mittheil. XI p. 417.*

мирное время укрѣпленія эпохи діадховъ не подвергались реставраціи и поправлять ихъ стали лишь въ византійскую эпоху. Возможно допустить еще болѣе простое объясненіе: стѣны Колофонскія не для кого и не для чего было возстановлять; мѣстность древняго Колофона въ римское время опустѣла ¹⁾). Если адѣсь и существовало въ эту эпоху поселеніе, то мы должны вообразить себѣ его бѣдной деревушкой, чему не противорѣчатъ мнѣніе самого Шухгардта ²⁾).

Ливій говоритъ, что Нотій отъ древняго Колофона отстоитъ на разстояніе почти двухъ римскихъ миль. Относительно мѣстоположенія Нотія едва ли можетъ быть теперь сомнѣніе: онъ лежалъ на холмѣ Кáстров тоѣ Гхиаѡѣрхіѡі. Если такъ, то, слѣдуя словамъ римскаго историка, „*vetus Colophon*“ мы должны помѣщать въ окрестностяхъ селенія Гхиаѡѣрхіѡі, отстоящаго отъ развалинъ Нотія версты на три.

Такъ и поступили Чандлеръ и Арондэль. Помѣщая древній Колофонъ въ дер. Дейрмендере, разстояніе которой отъ Кáстров тоѣ Гхиаѡѣрхіѡі равняется верстамъ двѣнадцати (=деяти римск. милямъ), Шухгардтъ долженъ былъ, конечно, отвергнуть показаніе Ливіева текста, что онъ и дѣлаетъ, предлагая вмѣсто „*duo ferme milia passuum*“ читать „*novem ferme milia passuum*“ ³⁾).

Мы указали выше, что уже во II-мъ столѣтіи до Р. Х. Нотій начинаетъ называться Колофономъ. Въ I-мъ же вѣкѣ и позже вмѣсто исчезнушаго имени Нѡтіѡν вошло въ постоянное употребленіе названіе Колофонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту эпоху Колофонъ является прибрежнымъ городомъ, но такъ какъ на береговой полосѣ колофонской области нигдѣ нельзя вообразить портоваго города въ другомъ мѣстѣ, кромѣ того, гдѣ лежалъ Нотій, то этотъ прибрежный Колофонъ приходится отождествлять съ прежнимъ Нотіемъ.

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, еслибы одновременно было два Колофона, то мы, вѣроятно, встрѣтили бы у какого-либо древняго автора названіе „*Néa Kolophón*“, „*Nova Colophon*“, чего однако нѣтъ. У Киперта (*Specialkarte v. westl. Kleinas. Taf. VII*) *Néa Kolophon* нѣ древнее названіе.

²⁾ *Mittheil.* XI 418.

³⁾ *Mittheil.* XI p. 410: „*Ich glaube die Ausdehnung der Ruinen (Deirmendere) ist ein so zwingender Grund für die Ansetzung Kolophons an dieser Stelle, dass wir auf ihn allein hin die einzige entgegenstehende Angabe, naemlich die Behauptung des Livius, Kolophon sei duo ferme milia passuum von Notion entfernt gewesen, für falsch erklären können*“.

Цицеронъ ¹⁾, говоря о разбояхъ пиратовъ, упоминаетъ въ числѣ потерпѣвшихъ отъ нихъ Книдъ, Колофонъ, Самось. Едва ли, конечно, можно относить эти слова оратора къ Колофону, лежавшему въ срединѣ страны: Колофонъ, опустошенный пиратами, долженъ былъ лежать на морскомъ берегу, то-есть, въ мѣстности древняго Нотіа.

Стравонъ ²⁾ не упоминаетъ о Нотіи, и Колофонъ является у него прибрежнымъ городомъ.

У Плинія ³⁾ читаемъ: „Ab Epheso *Matium aliud* Colophoniorum et intus ipsa Colophon, Haleso adfluente. inde Apollinis Claril fanum, Lebedos. *fuit* et Notium oppidum.—„Matium aliud“ Плиніева текста внушаетъ сильное подозрѣніе. Въ рукописяхъ, кромѣ чтенія matium, находимъ также слѣдующія: spatium, spatia, ratium. Нѣкоторые полагаютъ, что вмѣсто matium слѣдуетъ читать manteium = греч. μαντεῖον. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, Пертцъ ⁴⁾, Фонтриеръ ⁵⁾, слѣдующій переводу Литтрэ, и О. Иммишъ ⁶⁾. Не удивительно, что Пертцъ, изслѣдованіе котораго появилось въ 1848 г., держался этого чтенія, принятаго въ изданіи Вейзе ⁷⁾ 1841 г., но довольно странно, почему Иммишъ, возвращаясь къ теперь отвергнутому чтенію, не наложилъ причинъ, по которымъ онъ предпочитаетъ „manteium“ принятому въ изданіи Детлефсена „Matium“. Предпочитающіе чтеніе „manteium“ должны отвѣтить на слѣдующіе вопросы: а) почему Плиній называетъ прорицалище греческимъ именемъ, когда у него было въ распоряженіи лат. слово oraculum? б) почему онъ не опредѣляетъ, *какою* именно божества было это прорицалище?

Читая manteium aliud въ указанномъ мѣстѣ, мы должны читать

¹⁾ Cic. de imp. Cn. Pomp. 12, 33: Cnidum aut Colophonem aut Samum, *nobilissimas urbes* captas esse commemorem, quum vestros portus in praedonum fuisse potestatem sciatis?... Срв. Плутарха Pomp. с. 24 (754R) τῶν δὲ ἀσύλων καὶ ἄβαντων πρότερον ἱερῶν ἐξέκοψαν ἐπιόντας τὸ Κλάριον....

²⁾ Strab. C. 643 (XIV, 1, 28): εὐθιπλοῖα μὲν οὖν ἐβδμηκοντα στάδιοι εἰσιν ἐξ Ἐφέσου, ἐγκολπιζοντι δὲ ἑκάτὸν καὶ εἴκοσι.

³⁾ Nat. Hist. V, 29, 31.

⁴⁾ Colophonica p. 17.

⁵⁾ Μουσειὸν III, σελ. 205: Ὁ δὲ Πλίνιος ἐρχόμενος ἐξ Ἐφέσου ἐξιστορεῖ: „Μετα τὴν Ἐφεσον ἔταρον μαντεῖον ἀνήκον τοῖς Κολοφωνίοις κτλ.“

⁶⁾ Klaros p. 139 „auf zwei verschiedene Orakel deutet auch Plinius (V, 116): *Manteium* Colophoniorum“ etc.

⁷⁾ C. Plinii Secundi Hist. Nat. curante Car. Herm. Weisio. Lips. 1841.

у Плинія то же *mantelium* и немного выше ¹⁾), какъ это дѣлаетъ Вейзе: „In ora autem Mantelium, Ephesus Amazonum opus“ etc., но здѣсь чтеніе *Matium* = греч. Μάτιον ²⁾) даетъ вполне удовлетворительный и несравненно лучший смыслъ. Отвергая „*mantelium aliud*“, мы однако не можемъ остановиться и на „*Matium aliud*“. Мало вѣроятно, чтобы на столь небольшомъ пространствѣ было два города съ однимъ названіемъ „Μάτιον“ ³⁾). Бурешъ по этому поводу высказываетъ слѣдующій взглядъ: „Nun, er (Plinius) hat sich von Mation aus zwei verschiedenen Gewachsmaennern vorlesen lassen und hat kurzer Hand aus einem zwei gemacht; nur sein gutes Gedächtniss hat das aliud diktiert. O, er hats nicht anders getrieben“ ⁴⁾).

Быть можетъ, Бурешъ правъ. Но съ своей стороны я предложилъ бы слѣдующую догадку: *Matium* явилось въ рукописи изъ предыдущаго „In ora autem *Matium*“ etc., гдѣ оно вполне на мѣстѣ, явилось же оно вмѣсто „ora“, которое весьма было бы кстати въ разбираемомъ отрывкѣ. Эта ошибка должна была, конечно, повлечь за собой пошленіе и „*aliud*“. Чтеніе „Ab Epheso ora Colophonium et Intus ipsa Colophon“ даетъ вполне удовлетворительный смыслъ. Плиній къ словамъ „*intus ipsa Colophon*“ не прибавляетъ „*fuit*“, откуда Шухгардтъ ⁵⁾) заключаетъ, что Колофонъ месогея продолжалъ существовать и въ римское время. Мы, раздѣляя вполне взглядъ Буреша на весь этотъ отрывокъ ⁶⁾), должны воздержаться отъ подобнаго заключенія. „*Fuit et Notium oppidum*“: на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Потій, во времена Плинія городъ существовалъ, но послѣ иного названія (Колофонъ), какъ можно думать на основаніи извѣстій другихъ древнихъ авторовъ.

¹⁾ Plin. V 115.

²⁾ Такое названіе носилъ одинъ изъ критскихъ городовъ, оно встрѣчается и въ Кохидѣ. Срв. Μάτιopolis.

³⁾ См. Klaros. Untersuchungen zum Orakelwesen des späteren Altertums... von Karl Buresch, Leipzig 1889, p. 33.

⁴⁾ Klaros p. 33. О недоумѣніи Шухгардта передъ чтеніемъ „*Matium aliud*“, см. *Mittheil.* XI p. 428 sq.

⁵⁾ *Mittheil.* XI p. 418. Рунъ (Ueber die Entst. d. St. d. Alt., p. 367) о мнѣніяхъ котораго совершенно умалчиваетъ Шухгардтъ, не придаетъ столь высокаго значенія Плиніевымъ словамъ.

Klaros p. 33: „Dass gerade dieser Abschnitt infolge einer geradezu heillosen Verwendung von allerlei Quellen ganz verschiedener Zeiten etwas von einem irrlauchenden Sumpfe an sich habe, will ich anderswo gründlicher nachweisen“...

Тацитъ ¹⁾ сообщает о Германнхъ: ... ab Illo relegit Asiam *appellatque Colophonā*, ut Clarii Apollinis oraculo uteretur. Здѣсь, очевидно, разумѣется прибрежный Колофонъ, то-есть, прежній Потій. Основываясь на опредѣленіи Птолемея ²⁾, можно заключить, что Колофонъ лежалъ южнѣе Леледа.

Очевидно, онъ разумѣлъ здѣсь Колофонъ не „месоген“, но „паралин“, то-есть, древній Потій. Дейрмендере, гдѣ Шухгардтъ помѣщает Колофонъ „месоген“, лежитъ сѣвернѣе Леледа.

Морская битва 408 г., которая, по словамъ Ксенофонта ³⁾ и Діодора ⁴⁾, произошла у Потія, въ разказѣ Павсанія ⁵⁾ опредѣляется какъ происшедшая „не далеко отъ гор. Колофонянъ“, то-есть, прежній Потій у Павсанія является тождественнымъ Колофону позднѣйшей эпохи.

Элій Аристидъ ⁶⁾, захворавши въ Леледѣ, посылаетъ Зосима испросить совѣта у „Колофонскаго бога“ (χρησασθαι τῷ θεῷ τῷ ἐν Κολοφῶνι). Изъ дальнѣйшаго разказа видно, что Аристидъ разумѣлъ здѣсь Аполлона Кларійскаго ⁷⁾. Относительно мѣстоположенія Клара у морскаго берега не можетъ быть никакого сомнѣнія. Слѣдовательно, и по представленію Аристида Колофонъ—прибрежный городъ.

Припомнимъ все вышесказанное, мы можемъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовать современное состояніе вопроса о Колофонѣ и Потіѣ, возможно точнѣе разграничивая гипотезы отъ достовѣрно извѣстнаго:

¹⁾ Tacit. Annal. II 54. Замѣтимъ здѣсь, что Помпоній Мела не опредѣляетъ мѣстоположенія Колофона „близостью мыса“, какъ это полагаетъ, напримѣръ, Фонтпріеръ, слѣдующій переводу Фрадена (au voisinage d'un promontoire==τλησίον ἀκρωτηρίου). См. Μουσείον III σελ. 209. У Мелы (Pomponii Melae de Chorographia libri tres, ed G. Parthey, 1867, p. 24, § 88) читаемъ: ...Colophon, quam Marcus eiusdem Mantus filius statuit, at promunturium, quo sinus clauditur, quod altera parte... Нѣкоторыя рукописи вмѣсто at дають ad, но крайняя неудовлетворительность этого чтенія очевидна.

²⁾ Ptolem, V, 2, 7 Αἰζαδός Ὡλ' ἤν L'β'

Κολοφών νζγο' ἤν S'

Καύστρου ποτ. ἐκβολαὶ Ὡζγο' λζ L'γ.

³⁾ Hellen. I, 5, 13.

⁴⁾ Diod. Sic. XIII 71.

⁵⁾ Paus. IX, 32, 6: οὐ πόρρω τοῦ Κολοφωνίων ἄσπεως.

⁶⁾ Aristid. I 491 D.

⁷⁾ Срв. Xenoph. Ephes. I 6: ὀλίγον δ' ἀπέχει τὸ ἱερὸν τοῦ ἐν Κολοφῶνι Ἀπόλλωνος διὰ πλους ἀπ' Ἐφέσου σταθίων ἑβδομήκοντα... По опредѣленію Страбо-
на—70. Strab. XIV C. 643.

въ V и IV вѣкахъ до Р. Хр. Колофономъ назывался городъ, лежавшій внутри страны; роль его гавани игралъ Потій. Въ началѣ III столѣтія Колофонъ разрушенъ, жители его переселены въ другое мѣсто. Возникъ ли на старомъ помѣщеніи вновь городъ, носившій прежнее имя, вопросъ не вполне ясный, но болѣе данныхъ для рѣшенія его въ отрицательномъ смыслѣ. Какъ-бы то ни было, въ первые годы II вѣка до Р. Хр. центръ политической жизни Колофонянъ мы находимъ уже въ прибрежной и, слѣдовательно, другой мѣстности, именно въ Потіи, а въ I столѣтіи до Р. Хр. и позже Колофономъ обыкновенно называется Потій, между тѣмъ какъ послѣднее названіе болѣе не встрѣчается. Что развалины на Κάστρον τοῦ Γκισούρκιοι должно отождествлять съ развалинами Потія-Колофона, это можно считать болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ; что древній Колофонъ лежалъ въ мѣстности теперешней турецкой деревни Дейрмендере, это нельзя еще признать вполне доказанной истиной. Лишь археологическія раскопки, которыхъ здѣсь нѣтъ никогда не производилъ, покажутъ, насколько правъ Шухгартъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о Кларѣ.

Упомянутое о Кларѣ находимъ уже въ двухъ гомеровскихъ гимнахъ: къ Аполлону и къ Артемидѣ ¹⁾. Въ послѣднемъ онъ является мѣстопробываніемъ сребролукаго Аполлона, вультъ котораго въ Кларѣ восходитъ такимъ образомъ къ весьма древнимъ временамъ.

Изъ разсказа Фукидыды ²⁾ о дѣйствіяхъ Алены 427 года ясно, что Кларъ былъ прибрежной мѣстностью. Поэтъ Никандръ, уроже-

¹⁾ Гимнъ къ Аполл. 40.

καὶ Κλάρος αἰγλήεσσα καὶ Δισαγής ὄρος αἰπὸ

Γ. къ Арт. 4—6:

ρίμψα διὰ Σμύρνης παγχρόσειον ἄρμα διώκει
ἐς Κλάρων ἀμπλόσσααν, οὐδ' ἀργυρότοξος Ἀπόλλων
ἦστατ, μιννάων ἐκστηβάλον ἰοῦσάραν.

Перецъ облизываетъ пшпитецъ αἰγλήεσσα съ другимъ знптетомъ Клара νιφόεσσα (Colophoniasa p. 22 „quippo quae in promontorio sita sit“). Но мнѣнію Гемолла, αἰγλήεσσα указываетъ на богатство Клара приношеніями. Скорѣе здѣсь имѣется въ виду болѣе общее обозначеніе мѣстности, какъ „испускающей изъ себя лучи божественнаго свѣта“, извѣстной своимъ культамъ Аполлона. Срав. αἶγλη, αἰγλήεν именно о „божественномъ свѣтѣ“ Нум. Пом. XXXI 3; XXX 11. Αἰγλήης и θεῖος можно считать синонимами, съ тѣмъ различіемъ, что первый знптеть представляеть выраженіе болѣе образное, чѣмъ второй. Такимъ образомъ, Κλάρος αἰγλήεσσα почти одно и то же, что Κλάρος θεῖη Аналія (Anthologia lyrica ed. Bergk-Hiller. 1890 p. 65).

²⁾ Thuc. III 38. Фукидидъ не называетъ Кларъ городомъ.

нецъ Клара, жившій во II вѣкѣ до Р. Хр., называетъ свою родину „νιφέσσα πολίχνη“, то-есть снѣжнымъ городкомъ ¹⁾).

Этотъ эпитетъ можно сопоставлять съ другимъ, встрѣчающимся у Евсевія ²⁾: „κραναή Κλαρίη“. Оба они ведутъ къ заключенію, что „городокъ Клартъ“ былъ расположенъ на возвышенной мѣстности ³⁾. Въ сколіяхъ къ Аполлону Родосскому Клартъ называется то „городомъ близъ Колофона“, то „мѣстностью Колофона“ ⁴⁾; въ сколіяхъ къ Ликофрону Клартъ опредѣляется какъ „гора и городъ Азіи около Колофона“ и какъ „мѣстность Колофона“ ⁵⁾, у Евстація же онъ является „верхушкою Колофона“ ⁶⁾.

Стравонъ ⁷⁾ не говоритъ о Клартѣ, но о роцѣ Кларійскаго Аполлона: ἡ Κολοφῶν πόλις Ἰωνική καὶ τὸ πρὸ αὐτῆς ἄλσος τοῦ Κλαρίου Ἀπόλλωνος....

Объ этой роцѣ упоминаетъ и Павсаній ⁸⁾: ἐν δὲ τῇ Κολοφωνίῳ ἄλσος τε τοῦ Ἀπόλλωνος....

Мы видѣли уже выше, что Колофонъ Стравона есть ни что иное, какъ древній Нотій, который лежалъ на холмѣ Κάστρον τοῦ Γηιοῦρχιοῦ. Слѣдуя словамъ Стравона, мы должны и священную роцѣ Ἀπολλῶνα помѣщать недалеко отъ этого холма, передъ нимъ.

Эліанъ ⁹⁾, ссылаясь на Никандра, характеризуетъ Клартъ какъ

¹⁾ По мнѣнію О. Пинойдера, „νιφέσσις“ у Никандра имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ „ἀργυρόσις“ у Гомера II. II 617, 656. См. Nicandrea p. 162. Можно скорѣе согласиться съ мнѣніемъ Пертца: „νιφέσσα eodem modo intelligendum videtur, ut aliis locis, ubi de montibus usurpatur, ut omnino altitudinem significet“ (Colophoniasa p. 22).

²⁾ Praepar. Evang. V, 16, 1. Срав. Pertz Colophon. p. 22.

³⁾ Сравни. Анакреонта II (19) въ Anthol. lyr. ed. Bergk-Hiller, гдѣ идетъ рѣчь о „высокихъ берегахъ Клара“ (οἱ δὲ Κλάρου παρ' ὀχθαίς | βασηφόροις Φοίβου | λαὸν πόντες ὕδωρ | μεμνηότες βοῶσιν).

⁴⁾ Apoll. Rhod. Argonaut. I 308. Κλάρος πόλις πλησίον Κολοφῶνος, τόπος Κολοφῶνος ἀνιερωμένος Ἀπόλλωνι καὶ χρηστήριον τοῦ θεοῦ....

⁵⁾ Lycophr. Alex. 1484 Κλάρος δὲ ὕρος καὶ πόλις Ἀσίας περὶ Κολοφῶνα..., Κλάρος ὄνομα τόπου Κολοφῶνος..., Κλάρος δὲ Κολοφῶνος τόπος....

⁶⁾ Eust. ad. Dionys. Perieg. 441 ἡ δὲ Κλάρος λέγεται νεώριον εἶναι τῆς Κολοφῶνος....

⁷⁾ Strab. XIV, 1, 27 (с. 642).

⁸⁾ Pausan. VII, 5, 10.

⁹⁾ Aelian. de nat. animal. X 49. Ἰδίᾳ δὲ καὶ ἐν τῇ Κλάρῳ τὸν Διὸς καὶ Ἀθητῶς τιμῶσιν οἱ Κλάριοι καὶ πᾶν τὸ Ἑλληνικόν. Οὐκοῦν ὁ ἐνταῦθα χώρος τοῖς ἰοβόλοις θηρίοις ἀσπιβής.... Въ доказательство вѣрности своего описанія онъ приводитъ слѣдующія слова Кларіица Никандра:

οὐκ ἔχισ οὐδὲ φάλαγγες ἀπαχθέες οὐδὲ βαθυπλήθ
ἀλσεῖν αἰζηοῖς σκορπίοις ἐν Κλαρίοις,

здоровую, избавленную отъ присутствія вредныхъ животныхъ мѣстность, представляющую *глубокую долину*, обильную растительностью, поросшую травой и асенами.

Стараясь доказать, что Кларъ должно считать городомъ, Тексъ ссылается ¹⁾ на слова древняго зоолога, но изъ нихъ нельзя вывести подобнаго заключенія, на что указалъ уже Фонтриеръ ²⁾.

Едва-ли можно сомѣяться въ томъ, что наиболѣе точное обозначеніе Клару далъ уроженецъ его Никандръ, „вскормленный этимъ святымъ городкомъ“ ³⁾. Отъ этого Никандрова обозначенія получило, полагаемъ, начало опредѣленіе Клара какъ *πόλις* у всѣхъ схолиастовъ. Что послѣдніе не различали строго *πολίχνη* отъ *πόλις*, это достаточно подтверждается замѣткой схолиаста къ ст. 958 *Θηριαχά* Никандра ⁴⁾: *γράφεται καὶ Κλάρου πολίχνη, τοῦτέστιν ἢ Κλάρος αὐτή. ἔστι δὲ πόλις Κολοφῶνος.*

Кларъ не былъ городомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: древніе авторы, упоминая о Кларѣ, храмѣ, священной рощѣ, прорицалищѣ Аполлона Кларійскаго, ничего не говорятъ намъ о *городѣ* Кларѣ, какъ называютъ его, но неточно, одни лишь схолиасты.

Кларомъ первоначально называлась прибрежная мѣстность, живописная долина съ ограничивающими ее горами, носившими во времена Стравона названіе *Κοράχιον* и *Γαλλήριον* ⁵⁾.

По имени этой мѣстности сталъ называться Аполлонъ, культъ котораго здѣсь относится ко временамъ отдаленной древности. Около Аполлонова храма возникло поселеніе, „храмовый городокъ“, который получилъ одинаковое съ мѣстностью названіе *Κλάρος*. Этотъ горо-

Φοῖβος ἐπεὶ ῥ' αὐλῶνα βαθὺν μελίησι καλόφας
ποιήτρὸν δάπεδον θῆκεν ἐκὰς δακτύλων.

О чтеніи *αἰζηοῖς* вмѣсто рукописнаго *ἐνζῶοις* и конъектуры Лобека *ἐν δίαμ* см. *Schneider*, *Nicandrea*. p. 38 (Fr. 31).

¹⁾ *Asie Mineure* 1862 p. 357.

²⁾ *Μουσείον* III σελ. 210. Срав. *Mittheil.* XI p. 429.

³⁾ *Nicandri Ther.* 957—8.

Καὶ γὰρ Ὀμηρεῖοιο καὶ εἰσέτι Νικάνδροιο
μνήστιν ἔχεις, τὸν εἰραφε Κλάρου νοφέσσα πολίχνη.

⁴⁾ *Nicandrea*, ed. O. Schneider, scholia p. 74.

⁵⁾ *Strab.* XIV, 1, 27 (с. 642). Называя Кларъ горой, схолиастъ къ *Λυκοφрону* говорить такимъ образомъ лишь о части Клара. *Κλάρος νεώριον ... τῆς Κολοφῶνος*; у *Евстація* объясняется вполне удовлетворительно тѣмъ, что въ концѣ Кларійской долины, у морскаго берега, была *цаня* колофонская и *οὐρῆς*. Срав. *Pertz Colophonica* p. 22: „*Quod ... Eustathius Clagum vocat νεώριον Κολοφῶνος... nec loci natura convenit, et veterum testimoniiis caret; hoc potius de Notio dicendum erat*“. Но, вѣдь, и *Нотіѣ* лежалъ въ той же мѣстности.

докъ, обязанный своимъ происхожденіемъ храму ¹⁾, имѣлъ даже право чеканить свою монету ²⁾, привилегія, относящаяся, вѣроятно, лишь къ позднѣйшему римскому времени и свидѣтельствующая во всякомъ случаѣ о томъ, что Кларъ былъ не зауряднымъ бѣднымъ мѣстечкомъ, но достаточно богатымъ и до нѣкоторой степени автопомынымъ. Прорицарище Аполлона Кларійскаго Стравонъ ³⁾ и Павсаній ⁴⁾ называютъ весьма древнимъ, но до IV вѣка нельзя указать ни въ извѣстнѣхъ авторѣхъ, ни въ монетахъ намековъ на существованіе въ Кларѣ оракула ⁵⁾. Если онъ и существовалъ ранѣе IV столѣтія, то былъ мало извѣстнымъ. О судьбахъ храма и прорицалища въ III столѣтіи намъ ничего неизвѣстно, но не безъ основанія можно предполагать, что къ этой приблизительно эпохѣ ⁶⁾ относится начало процвѣтанія Кларійскаго оракула.

Во II столѣтіи жрецъ Аполлона Кларійскаго Никандръ, уроженецъ Клара, является вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщеннымъ поэтомъ, прославившимъ свою родину двумя сохранившимися и весьма многими утраченными для потомства произведеніями.

Въ первой половинѣ I столѣтія до Р. Хр. Кларъ подвергся нападенію морскихъ разбойниковъ и храмъ Аполлона былъ разрушенъ ⁷⁾. Построенный вновь, онъ однако не былъ оконченъ и во II столѣтіи по Р. Хр., какъ это ясно изъ словъ Павсанія ⁸⁾. Первые три вѣка по Р. Хр. представляютъ зрѣлище горичей и лихорадочной дѣятельности Кларійскаго прорицалища ⁹⁾ подобно другимъ оракуламъ, но это были ихъ „*χούφεια ἔσματα*“: суровые указы IV вѣка по Р. Хр. навсегда закрыли уста языческимъ божествамъ прорицаній.

¹⁾ Такихъ храмовыхъ городковъ было не мало въ Элладѣ. См. *Buresch* Klaros p. 30.

²⁾ *Κολοφώνιον Κλαρίων*: Mionnet, Suppl. p. 105 № 159.

³⁾ Strab. XIV C. 642: *μαντείον καλαίδν*....

⁴⁾ Paus. VII, 8, 1 *Κολοφώνιοι δὲ τὸ μὲν ἱερόν τὸ ἐν Κλάρφ καὶ τὸ μαντείον ἐκ καλαϊοτάτου γενέσθαι νομίζουσιν*.

⁵⁾ Срав. *Buresch*, Klaros p. 31. „Es kann sich aber ein eigentliches Orakel in Klaros erst zu verhältnismässig sehr später Zeit aufgethan haben.“ См. также p. 32.

⁶⁾ Скорѣе, конечно къ послѣднимъ годамъ III вѣка, чѣмъ къ первымъ, когда Колофонъ былъ разрушенъ Лисимахомъ. Срав. *Buresch*, Klaros p. 32: Въ первые годы II столѣтія центръ политической жизни Колофонинъ мы находимъ уже въ Потіѣ, который такъ близко лежалъ отъ Кларійскаго святилища, что должно было содѣйствовать оживленію этой мѣстности. Перенесеніе указаннаго центра въ Потіѣ произошло, вѣроятно, еще въ концѣ III вѣка.

⁷⁾ Cic. de imp. Cn. Pomp. 12, 33; срв. Plut. Pomp. c. 24.

⁸⁾ Paus. VII, 5, 4: *δύο δὲ (ἱερά) οὐκ ἐξεργασμένα Ἀπόλλωνος, τὸ τε ἐν Βραγχιδαῖς τῆς Μιλήσιας καὶ ἐν Κλάρφ τῇ Κολοφώνων*.

⁹⁾ Срв. *Buresch*, Klaros p. 39.

Скажу нѣсколько словъ о мѣстности, куда когда-то стекались толпы благочестивыхъ богомольцевъ, чтобы посоветоваться съ Аполлономъ по поводу того или другаго вопроса.

Небольшое христіанское селеніе Гауркіой раскинулось по склону одного изъ невысокихъ отроговъ *Караджа-даи* (древняго Керкафа). Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что подъ Коракіемъ Островъ ¹⁾ разумѣтъ

¹⁾ Упомянувъ о болотахъ, лежащихъ по дорогѣ изъ Эфеса въ Колофонъ, Страпонъ замѣчаетъ: εἴτα τὸ Γαλλήσιον ὄρος καὶ ἡ Κολοφῶν πόλις Ἰωνικῇ. Μὰ τὰ δὲ Κολοφῶνα ὄρος Κοράκιον... Колофонъ Стравонова времени лежатъ на теперешнемъ Кастронъ тоῦ Γκιουρκιοῦ. Слѣдовательно, первая гора къ западу отъ послѣдняго есть Коракіи. Такому условію удовлетворяетъ вполне упомянутый отрогъ. См. „Χωρογραφικὸς χάρτης τῆς Κολοφῶνος καὶ τῆς ἐν Ἰωνίᾳ Μητροπόλεως“ въ приложеніи къ Μουσείον III. Срв. *Mittheil.* XI p. 398. *Specialkarte vom westl. Kleinasien*, II. *Kiepert*, Taf. VII.

именно этотъ отрогъ, доходящій до самого моря. Параллельно Коракію тянется отрогъ Барбандонъ-дага, древняго Галлнсіа. По живописной долигѣ между этими двумя горами протекаетъ небольшая рѣчка *Авиджичай*. Долина покрыта довольно густой травой и, начинаясь у самого моря, по мѣрѣ приближенія къ селенію Гяўркіой становится все болѣе и болѣе узкой, *глубоко врызываясь* между горъ. Эти признаки описываемой мѣстности вполне совпадаютъ съ тѣми, которыми охарактеризовалъ ее уже Никандръ (αὐλὼν βαθὺς, ποιηρὸν βάπεδον ¹⁾). Упомянутую рѣчку Авиджй (иначе Авджй-чай) должно отождествлять съ древнимъ Алентомъ ²⁾. Недалеко отъ селенія Гяўркіой, по правую сторону отъ дороги, ведущей къ Κάστρον τοῦ Γκισούρκιοι, лежащему на морскомъ берегу, находится пещера. Старожилы недоумѣваютъ, откуда въ глубинѣ ея берется вода, когда тамъ незамѣтно ни ключа, ни колодца. Если обратимъ вниманіе на разказъ Тацита ³⁾ о жрецѣ Аполлона Кларійскаго, какъ онъ въ стихахъ даетъ отвѣты вопрошающимъ, „сойдя въ пещеру и выпивъ воды *сокровеннаго источника*“, то должны будемъ, конечно, отождествить упомянутую выше пещеру съ послѣдней. Она находится на нѣкоторой высотѣ въ скалѣ, а внизу, въ долигѣ раскинулись рощицы дубовыхъ, сосновыхъ и другихъ деревьевъ ⁴⁾. Вблизи пещеры ⁵⁾ прорицалища былъ и храмъ Аполлона Кларійскаго, но теперь отъ него не сохранилось никакихъ слѣдовъ.

¹⁾ Пертицъ отождествляетъ αὐλὼν βαθὺς съ antrum, in quo fons sacer nascebatur, cui vim divinam tribuebant (Colophoniasa p. 21). Раннимъ образомъ у Бурмана читаемъ: „der βαθὺς αὐλὼν seines Epigramms ist mit dem apseus des Tacitus und dem οἶκος κατὰγειος des Iamblich ein“ (Klaros p. 35). Слово αὐλὼν можетъ обозначать и пещеру, и долину, но у Никандра оно имѣетъ, очевидно, послѣднее значеніе: трудно себѣ вообразить пещеру въ скалѣ, гдѣ бы росли цѣлыя асеновыя рощи!

²⁾ Paus. VII, 5, 10 ἐν δὲ τῇ Κολοφωνίῳν ἄλσος τε τοῦ Ἀπόλλωνος, δένδρα μαλίστα καὶ οὐ κορρῶς τοῦ ἄλσους Ἀλγὴς ποταμὸς ψυχρότατος τῶν ἐν Ἰωνίᾳ. Срв. VIII, 28, 3. Это „*Halessus*“ Плинія. Hist. Nat. V 31. Срв. Цеца ad Lycophr. 868: Ἀλγιστος ποταμὸς Κολοφώνιος. Кипертъ, отступая отъ мнѣнія Фонтриера (Mousséion III, col. 191) и своего соотечественника Илхгардта (Mitth. XI p. 412 sg.), крайне неудачно отождествляетъ Ἀλγὴς съ Тахтали-чай, протекающимъ у деревни Малхаджика. См. Specialk. v. westl. Kleinas. Taf. VII.

³⁾ Tac. Ann. II 54: ...in specum degressus hausta fontis *arcani* aqua... Срв. Iamblichi de mysteriis rec. Parthey, p. 124 ...εἶναι γὰρ πηγὴν ἐν οἴκῳ κατὰγειο καὶ ἀπ' αὐτῆς πίνειν τὸν προφῆτην... Val. Flacc. III 299: Clarii *antra*. См. Mitth. XI p. 430 sqq.

⁴⁾ Ясней, о которыхъ говорятъ Никандръ и Павсаний, я въ Кларійской долигѣ не видѣлъ.

⁵⁾ Въ Кларѣ есть и другая пещера, находящаяся у самого берега моря. Къ ней относятся слова Тексе: „la grotte de Morsus“, Descr. de l'Asie Min. II p. 300. Ср. Фонтриеръ: „σπήλαιον τοῦ Μόφου“.

По лѣвую сторону отъ дороги къ морю на отрогѣ Галлисіа ¹⁾ замѣтны древніе слѣды работы рукъ человѣческихъ: здѣсь попадаются то ступени, то могилы, высѣченныя въ скалахъ. Въ этихъ могилахъ, кромѣ небольшихъ глиняныхъ сосудовъ (ἀγγύβοι), найдено довольно много надгробныхъ надписей ²⁾. Здѣсь былъ, очевидно, некрополь, общій для Клара и Нотія-Колофона. Приближаясь къ морю, путникъ замѣчаетъ у самой дороги изваяніе гигантскаго льва (Λεωντάρι) и еще дальше, у хижинъ, принадлежащихъ священнику Димитрію и лежащихъ какъ разъ у подношья холма Κάστρον τοῦ Γκισοῦρκιοῦ, другую подобную статую царя звѣрей ³⁾. Κάστρον τοῦ Γκισοῦρκιοῦ возвышается у самаго морскаго берега. По краямъ этого холма видны развалины стѣнъ; нѣзъ построекъ на самомъ холмѣ лучше всего сохранился театр ⁴⁾.

С. Селливановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что въ гомеровскомъ гимнѣ къ Аполлону рядомъ съ Кларомъ встрѣчается упоминаніе объ „Αἰσαγέῃ δρεσ ἀϊπό“ (ст. 40). У Пинандра, болѣе точно характеризующаго эту гору, читаемъ (Ther. 217 sq.):

....καὶ ἱερὸν δὸς

Αἰσαγέῃς κρητὸν καὶ Κέρκας ἐντὸς ἑέρυσι.

Быть можетъ, это былъ одинъ изъ холмовъ Галлисіа или параллельнаго ему Коракія? Объ Эсагѣй говорится только въ двухъ указанныхъ мѣстахъ.

²⁾ Многія могилы были раскопаны священникомъ села Γκισοῦρκιοῦ Димитріемъ Хаджи Фотиу (παππᾷ Δημήτριος Χ" Φωτίου). Раскопки свои онъ производилъ, судя по его собственнымъ словамъ, въ надеждѣ найти цѣнными вещи и обогатиться, но этого не случилось, почему теперь его археологическій пылъ значительно охладѣлъ, и онъ принялся вмѣсто раскопокъ за воздѣлываніе виноградниковъ. Случайными раскопками отца Димитрія дали однако довольно значительныя эпиграфическіе результаты.

³⁾ Она на половину въ землѣ. Объ этихъ двухъ изваяніяхъ упомянуть одинъ только Фонтриеръ (Μουσειὸν III σελ. 213).

⁴⁾ Наиболѣе точно описаны остатки древнихъ памятниковъ на Κάστρον τοῦ Γκισοῦρκιοῦ Шухардтомъ (Mitth. XI pp. 419—425). По его мнѣнію, сохранившіяся части крѣпостной стѣны принадлежать двумъ различнымъ архитектурнымъ стилямъ: 1) третьяго вѣка до Р. Х., и 2) римской эпохи. Помѣщать Нотіа на возвышенности къ св. Κάστρον τοῦ Γκισοῦρκιοῦ, между двумя бухтами Τεπρλονέρι и Καλαράκι, какъ это предлагалъ Фонтриеръ, невозможно: 1) здѣсь не обнаружено никакихъ слѣдовъ древнихъ построекъ, 2) въ небольшой бухтѣ Τεπρλονέρι съ ея скалистыми берегами не могло быть Колофонской гавани. На всемъ Колофонскомъ побережьи можно указать одна лишь мѣсто, удобное для гавани: при впаденіи рѣки Авджи-чай въ море. См. приложение къ этой статьѣ № 1.

ЧЕТЫРЕ ЭПИКИИ ПИНДАРА ВЪ ЧЕСТЬ ІЕРОНА СИРА- КУЗСКАГО И ЭТНЕЙСКАГО ¹⁾).

III-ія Пинейскія эпикіи Іерону Сиракузскому, въ честь его побѣды на скачкѣ.

О какъ желалъ бы я—и уста мои выражаютъ лишь то, чего жа-
лають всѣ ¹⁾—чтобы отшедшій отъ людей Хиронъ Филиридъ еще
былъ живъ, онъ попечительный ²⁾ потомокъ Крона Уранида, и чтобы
въ ущельяхъ Пилія (Пеліона) еще владычествовалъ житель лѣсовъ
Фиръ съ человѣколюбивымъ сердцемъ ³⁾! Вѣрный себѣ ⁴⁾, онъ пѣкогда
воспиталъ кроткаго Асклипія, создателя искусства укрѣплять и исцѣ-
лять наши члены ⁵⁾, полу-бога (героя)—отвратителя всякихъ недуговъ.

Его мать ⁶⁾, дочь богатаго конями Флегія, еще прежде, чѣмъ
породила Асклипія при помощи покровительницы матерей Элией,
пораженная въ своемъ покоѣ ⁷⁾ алатыми стрѣлами Артемиды, сошла
въ обитель Анда, по волѣ ⁸⁾ Аполлона: гнѣвъ Зевесовыхъ чадъ
не проходитъ безслѣдно (не разражается напрасно) ⁹⁾. Коринна
же въ своемъ ослѣпленіи ¹⁰⁾, презрѣвъ гнѣвъ бога, безъ вѣдома
отца, увлеклась новымъ бракомъ, хотя уже сочеталась съ дѣв-
ственно-кудрымъ Фебомъ, и уже носи въ себѣ чистое (священное
сѣмя бога, она не дождалась времени, когда наступитъ свадебный
пиръ ¹¹⁾ и раздадутся клики громогласныхъ свадебныхъ пѣсенъ,
которыя такъ любятъ молодыя дѣвушки-подруги распѣвать по вече-
рамъ; нѣтъ, она воспыкала любовью къ тому, что ей не было дано
(чего у нея не было) ¹²⁾: увы, таковъ удѣлъ многихъ людей! Да,
среди людей всего безумнѣе та толпа, которая, презирая свое, устрем-
ляетъ взоры далеко, въ погоню за призраками въ своихъ несбыточ-

¹⁾ См. августовскую и сентябрьскую книжки *Журн. Мин. Нар. Пр.* за те-
кущій годъ.

ных надеждахъ. Такое же великое бѣдствіе постигло гордость ¹³⁾ прекрасно одѣтой Коронида. Когда она взошла на ложе съ чужезланцемъ, пришедшимъ отъ предѣловъ Аркадіи, это не укрылось отъ взоровъ ея страха ¹⁴⁾. Хотя и находясь въ обильномъ жертвенномъ животными Пивонѣ, царь храма Локсій своимъ всебѣдущимъ духомъ, самымъ точнымъ свидѣтелемъ, узналъ о совершившемся и убѣдилъ свое сердце. Этого бога не введетъ въ заблужденіе никакая ложь: ни богъ, ни смертный не скроетъ отъ него ни дѣлъ своихъ, ни помысловъ.

Тогда, узнавъ о союзѣ Корониды съ чужезланцемъ — Искіемъ Илатидомъ, узнавъ о ея беззаконномъ обманѣ, богъ послалъ сестру свою, неумолимую въ ея яростъ гнѣвъ, въ Лакерію (на обрывистыхъ берегахъ Вивіадскаго озера стояло жилище дѣвы). И другихъ она являла въ бѣдствіе, теперь же она сокрушила и Корониду, и многіе сосѣди раздѣлили съ нею ту же судьбу, погибнувъ съ нею вмѣстѣ: такъ на горѣ огонь, вспыхнувъ отъ одной искры, истребляетъ густые лѣса ¹⁵⁾.

Но вотъ родные положили (погибшую) дѣву на древесный костеръ, и по немъ возилось бурное пламя Ифеста; тогда Аполлонъ произнесъ такіа слова: „вѣтъ, не потерпѣть мое сердце, чтобы мое порожденіе погибло такою жалкою смертію, дѣля тяжкую судьбу матери“.

Съ такими словами въ мгновеніе ока ¹⁶⁾ прибывъ на мѣсто, онъ исторгъ младенца изъ трупъ, и пылающій костеръ разступился передъ богомъ. Взявъ ребенка, Аполлонъ снесъ его магнитскому Кентавру, чтобы онъ научилъ его излечивать людей отъ болѣзненныхъ недуговъ.

Съ тѣхъ поръ Аскліпій сталъ врачевать приходившихъ къ нему отъ мучительныхъ страданій: отъ прирожденныхъ язвъ, отъ ранъ, причиненныхъ тѣлу острою мѣдью или надали разящимъ камнемъ, отъ ожоговъ лѣтнаго зноя или суроваго мороза ¹⁷⁾. Многихъ избавилъ онъ отъ разныхъ болѣй: однихъ онъ исцѣлялъ умягчающими заговорами, другимъ давалъ пить лекарства или натиралъ ихъ члены кругомъ мази, а иныхъ ставилъ на ноги разрывомъ ножа ¹⁸⁾.

Но увы! и мудрость побѣждается корыстью ¹⁹⁾: такъ и Аскліпій золото, блеснувшее въ его рукахъ, богатая награда, побудило воедвигнуть отъ смерти того, кто уже былъ въ ея власти; но Кроніонъ, поразивъ и того, и другаго, въ тотъ же мигъ исторгъ изъ ихъ груди дыханіе, и его блестящая молнія поразила ихъ смертію. Лишь то, что подобаетъ смертному духу, смертные могутъ просить у боговъ,—

познавъ, что имъ доступно, познавъ, что имъ дано судьбой! Не рвись ¹⁹⁾, о сердце, къ бессмертной жизни, но полною горстью черпай то, что въ предѣлахъ возможнаго. Если бы еще понинѣ мудрый Хиронъ живъ въ своей нещербѣ и еслибы мои сладкія пѣсни могли сколько-нибудь очаровать его сердце, то, конечно, я и теперь могъ бы убѣдить его послать благороднымъ мужамъ врача жгучихъ болѣзней, получившаго имя отъ сына Латоны или его отца ²⁰⁾. На корабляхъ, равсѣямъ волны Іонійскаго моря, я бы достигъ источника Ареусы въ обители гостепріимнаго ховяина Этны, царя-владыки Сиракузъ, кроткаго правителя гражданъ, чуждаго зависти къ знатнымъ и рѣдкаго покровителя-отца иноземныхъ гостей.

Если бы я прибылъ къ нему, то привезъ бы съ собою двѣ улады: золотое здоровье и пѣснь въ честь піоійскихъ побѣдъ, блистающихъ вѣнцами, которые нѣкогда пріялъ въ Киррѣ побѣдоносный Ференикъ. Я знаю, что еслибы я переплылъ глубокое море, то явился бы къ нему свѣтомъ, простирающимъ свои лучи далѣе, чѣмъ небесная звѣзда ²¹⁾.

Но я хочу воззвать къ (Великой) Матери ²²⁾, которую дѣвы по ночамъ воспѣваютъ вѣстѣ съ Паномъ у моего преддверья частыми пѣснями, священную богиню. Если ты, Іеронъ, умѣешь понять истинный смыслъ учевій (мнѣовъ), то ты знаешь нѣтъ словъ предковъ, что на одно благо бессмертныя даютъ смертнымъ два несчастья ²³⁾: неразумные не въ силахъ перевести ихъ съ честью—это доступно лишь избраннымъ, умѣющимъ видѣть благо среди бѣдствій ²⁴⁾. Твой же удѣлъ — благоденствіе. Болѣе чѣмъ на кого либо изъ людей, на тебя — вождя народа — устремляютъ благосклонные взоры великое благополучіе. Жизнь безъ горестей не была удѣломъ даже Эакиды Пилея и равнаго богамъ Кадма, хотя они, какъ говорятъ, удостоились слышать пѣніе облеченныхъ въ золото Музъ—одинъ на горѣ, другой въ семинратныхъ Оивахъ, когда одинъ (Кадмъ) вступилъ въ супружество съ волоокой Армоніей, а Пилей съ Оетидою, славною дочерью велемудраго Нирея, и боги у обоихъ были гостями на брачномъ пирѣ, такъ что оба героя лице-зрѣли царственныхъ потомковъ Крона въ ихъ золотыхъ сѣдалищахъ и приняли отъ нихъ свадебные дары. Но воля Зевса освободившись отъ прежнихъ злосключеній, они восприли сердцемъ; но въ грядущемъ одного изъ нихъ (Кадма) его три дочери горькими бѣдствіями лишили части блаженства, и все же къ бѣлорукій Оіонъ на сладкое ложе взомель отецъ Зевсъ; сынъ же второго (Пилея), котораго одного

породила безсмертная Фетида во Фейн (Фтин), на войнѣ испустившій духъ подъ ударами стрѣлъ, сожигаемый на кострѣ, вырвалъ вопль изъ груди Данаевъ. Кто изъ смертныхъ имѣетъ въ умѣ сознаніе истиннаго пути, тотъ долженъ съ покорностью переносить то, что ему посылаютъ блаженные (боги). Разные вѣтры вѣютъ въ разныя стороны въ высотахъ. Счастье не надолго дается въ удѣлъ людямъ, особенно когда оно приходитъ въ чрезмѣрномъ изобиліи. Среди малыхъ я буду малымъ, среди великихъ — великимъ²⁵). Данную мнѣ судьбу я всегда буду чтить въ сердцахъ, служа ей по мѣрѣ моихъ силъ. Если же богъ даруетъ мнѣ роскошное богатство (цвѣтущую судьбу), то я питаю надежду стяжать себѣ въ грядущемъ великую славу. О Несторѣ и Ликійскомъ Сарпидонѣ²⁶) мы знаемъ благодаря человѣческой молвѣ и изъ повѣщихъ о нихъ пѣсень, которыя сложили искусные водчіе: доблесть благодаря звучнымъ иѣсиямъ живетъ въ вѣкахъ, но немногимъ данъ такой удѣлъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Εἰ χρεὼν τοῦθ' ἀμείβεσθαι ἀπὸ γλώσσης κοινὸν εὐχασθαι ἕκαστος: „Wenn es nöthig, mit unserer Zunge dies Wort aller Welt zu beten“—nöthig, dass auch wir Dichter dem noch Worte leihen (Böhmer). У Пиндара это предложение составляетъ протезисъ условнаго предположенія, аподосисъ котораго „ἤθελον καὶ Χείρωνα ζῶεν“ поставленъ ранѣе протезиса. Мы нѣсколько отступили отъ этой конструкции, нисколько впрочемъ не измѣнивъ смысла.

2. Οὐρανίδα γόνον εὐρυμέδοντα Κρόνου (scil. Χείρωνα). Нѣсколько страннымъ кажется зпнать εὐρυμέδων, относящійся не къ Крону, а къ Хирону. По видимому, это сознавалось уже древними: во многихъ рукописяхъ (и притомъ весьма цѣнныхъ) находимъ εὐρυμέδοντος. Т. Моммзенъ считаетъ это послѣднее чтеніе возникшимъ изъ перваго вслѣдствіе того, что εὐρυμέδοντα нѣкоторые толкователи считали дорическою формою родительнаго падежа¹⁾.

Böhmer переводитъ: „des Uraniden Kronos weithinvergender Sohn“.

3. βάσαισι τ' ἄρχαισι Παλίου Φῆρ' ἀρότερον Νέον ἔχοντ' ἀνδρῶν φίλον οἶος ἱών κτλ. Общій смыслъ мѣста, изгладнившійся въ переводѣ, долженъ быть таковъ: этотъ лѣсной звѣрь (Фѣр' ἀρότερον) обладаетъ челоуѣколюбивымъ сердцемъ, другими словами: его видъ напоминаетъ звѣря, но его чувства вполне челоуѣческія.

4. Οἶος ἱών—будучи такимъ челоуѣколюбивымъ существомъ.

5. Τέχτονα ψευδονίας ἄμερον γυναιχίος (γυναιχίας — Hartung и Böhmer) — Var. Τέχτον' ἀνψευδονίας. Чтеніе Гартунга, принятое Бёмеромъ, основанное на требованіи метра, какъ намъ кажется, вполне доказательно опровергнуто Бергкомъ

¹⁾ Р. 180.

(P. L. Gr. I 161). Поэтому ограничимся объясненіемъ буквального значенія этихъ словъ: „кроткаго творца безболѣзненности, дающей возможность пользоваться нашими членами“. Schol.: τὸν κατασκευαστὴν τῆς νοσήσιας ἰατρῆς γάρ. ἡ δὲ ἀνομήνεια γυναικὸς τότε γὰρ τοῖς μέλεσιν ἐπαρκοῦμεν τοῦ σώματος, ὅταν ὦμεν ἀνομήνοιο.

6. Мать Асхлпнія—по Пиндару Корониды, по другимъ сказаніямъ—Арсиноя. См. Schol. (Boeckh II 328). Пиндаръ слѣдуетъ версіи Гесиода, 'Ηοία, fr. L, LI, LII (ed. H. Flach, 1874, p. 93) ¹⁾.

7. ἐν θαλάμῳ — гдѣ совершился ея святотатственный бракъ съ Исхіемъ—см. ниже.

8. τέχνας 'Απόλλωνος — Артемида была лишь исполнительницею замысла Аполлона.

9. Χόλος δ' οὐκ ἀλίθιος γίνεται παίδων Διός. Schol. οὐκ ἀπρακτός. ἡ δὲ ὀργή, φησί, τῶν τοῦ Διὸς παίδων οὐκ ἔστι ματαία, ἀλλὰ δυνατὴ τελειῶσαι.

10. ἀμπλαχίαισι φρενῶν — per ergores mentis (Boeckh). Ср. Пин. II 30: αἱ δύο δ' ἀμπλαχίαι φερέμενοι τελείονται.

11. Οὐκ ἔμεν' ἔλθειν τράπεζαν νομφίαν. Корониды не дождалась рожденія сына, зачатого отъ Аполлона, послѣ чего она могла бы вступить въ бракъ со смертнымъ, по выбору отца. Это было бы вполне согласно съ нравственными взглядами грековъ.

12. 'Αλλά τοι ἤρατο τῶν ἀπαέντων — nitimur in vetitum semper cupimusque rogata (Ov.).

О люди, всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.
(Пушкинъ).

13. ἔσχε τοιαύταν μεγάλην αὐτάν καλλιπέπλου λῆμα Κορωνίδος: τοιαύτην, φησὶν ἔσχεν αὐτὴν καὶ βλάβην τὸ λῆμα (vulgo λῆμμα, correxit Boeckh) τῆς Κορωνίδος, περιφραστικῶς ἡ Κορωνίς, ὡς παρ' Ὀμήρῳ Τερτὴ ἰς Τηλεμάχοιο. (Schol. B., II 331). По толкованію Бѣка ²⁾, λῆμα est mens cum notione audaciae et arrogantiae, qua indigenas fastidiebat. Едва ли не лучше это слово понять Ed. Boehmer, op. cit. 25: Solchen grossen Verderb ergriff die Begier der schöngewandigen Koronis.

14. Въ передачѣ этихъ подробностей мнѣя Пиндаръ отступаетъ отъ традиціи, сохраненныхъ у Гесиода. По словамъ послѣдняго (см. схол.), объ измѣнѣ Корониды Аполлонъ узналъ при посредствѣ ворона:

¹⁾ Ср. также Нумп. Ном. XV:

Ἰγτῆρα νόσων 'Ασκληπιὸν ἄρχον' αἰθεῖν,
Υἱὸν 'Απόλλωνος, τὸν ἐγείνατο διὰ Κορωνίς,
Δωτίφ' ἐν καθίφ, κοῦρη Φλεγύου βασιλῆος.

²⁾ За которыми, какъ всегда, слѣдуетъ и Румпель.

Τῷ μὲν ἄρ' ἄγγελος ἦλθε κόραξ ἱερῆς ἀπὸ δαιτός
 Πυθῷ ἐς ἡγαθῆν, καὶ ῥ' ἔφρασε φέργ' ἀφ' ἰθῆλα
 Φοῖβφ ἀκροεκόμῃ, ὅτι φίσχυς γῆμε Κορωνὶν
 Εἰλατίδης Φλεγύαο διογνήτοιο θυγάτρα ¹⁾.

Овидій (Met. II 531—632), слѣдѣя версіи Гесіода, прибавляетъ другія подробности: Аполлонъ по допосу воронъ, цвѣтъ перьевъ которой бѣлымъ не уступалъ цвѣту лебедя, воспылагъ гнѣвомъ къ измѣнившей ему дѣвѣ и провзнилъ ее стрѣлою; но при видѣ ея бездыханнаго трупа и узнавъ изъ ея предсмертныхъ словъ, что она поспѣшила въ своемъ негодованіи и вмѣстѣ съ преступною матерью наказала и повиннаго ея младенца, спасъ послѣднiяго и измѣнилъ цвѣтъ перьевъ вороны.

Съ этой общепринятою версіею Пиндаръ, по видимому, не согласенъ, считая ее недостойною божества: ему не нужно содѣяствiя ворона, чтобы узнать объ измѣнѣ: въ его всевѣдущемъ духѣ заключается лучшій помощникъ, недоступный ошибкѣ. Это всевѣдѣніе заставило бога повѣрить тому, во что не хотѣло вѣрить его сердце. Это мѣсто Менгеръ переводитъ такими словами: Aber in dem schafeaufnehmenden Pytho weilend vernahm es, sein Herz überzeugend, Loxias, der König des Tempels, in seinem allwissenden Geist, seinem untrüglichen Berater. Böhmner переводитъ нѣсколько иначе: im schafe-einnehmenden Python weilend erfuhr es also des Tempels König Loxias bei dem geradester Berichter Ueberzeugung gewinnend, dem alles wissenden Sinn.

Вообще мѣсто очень затруднительное и для восстановленiя текста и для перевода. Мы, согласно съ большинствомъ изслѣдователей и переводчиковъ Пиндара, удержали текстъ вульгаты, сохраненной Бергкомъ; въ переводѣ слѣдовали толкованію Менгера. Главное затрудненіе заключается въ комбинаціи словъ κοινῶν пар' αὐτοῦταφ γυνῶν πῖθων, πάντα ἴσαντι νόφ; Бѣкъ читаетъ γυνῶν πῖθων; Бергъ прежде предлагалъ, со свойственною ему смѣлостью; κοινῶν пар' αὐτοῦταφ γυνῶν πῖθων, но въ 4-мъ изданіи внолѣтъ отказался отъ этого чтенiя и, наведенный на мысль чтеніемъ Гартунга (αὐτοῦταφ, γυνῶ δ' αὐτόθεν πάντα ἴσαντι νόφ), предложилъ въ видѣ конъектуры (Pindarus videtur scripsisse): Λοξίας κοινῶν пар' αὐτοῦταφ γυνῶ πάντων πάντα ἴσαντι νόφ. Oelschläeger слова πάντα ἴσαντι νόφ относитъ не къ предыдущему, а къ послѣдующему—ψευδῶν δ' οὐχ ἄπεται.

14. Обыкновенно читается такъ: δαίμων δ' ἑταρος 'Ες χαλὸν τρέψαις ἰδараσ-σатὸ νῦν, καὶ γειτόνων πολλοὶ ἐπαύρων, ἀμρ δ' ἔφθарев. Въ этомъ мѣстѣ обращаетъ на себя вниманіе слово ἑταρος, всѣми толкователями понимаемое въ смыслѣ—adversus, infestus; Schol. ὁ κακοποιός, ὡς πρὸς τὸν ἀγαθοποιόν. Но мы смѣемъ думать, что въ данномъ мѣстѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ такому объясненію слова ἑταρος: обратимъ вниманіе на непосредственно слѣдующiя слова—καὶ γειτόνων πολλοὶ ἐπαύρων κтл. Они какъ бы служатъ объясненіемъ слова ἑταρος, принимая его въ обычномъ смыслѣ „другой“: поэтому мы предлагаемъ читать

¹⁾ Въ схолии на ст. 48 эти стихи представляются въ нѣсколько иномъ видѣ:

Τῷ μὲν ἄρ' ἦλλε κόραξ, φράσεν δ' ἄρα ἱργ' αἰθῆλα,
 Φοῖβφ ἀκροεκόμῃ, ὅτ' ἄρ' Ἴσχυς ἔγῃμε Κορωνὶν
 Εἰλατίδης Φλεγύαο διογνήτοιο θυγάτρα.

не ἑτέρος, а ἑτέρους. Затѣмъ слова δαίμων δ', по нашему мнѣнію, могли бы быть замѣнены словами καὶ μὲν. Ср. N. X 54: καὶ μὲν θεῶν πιστῶν γένος, Ol. X 34: καὶ μὲν ξυναπάτας Ἑπειῶν βασιλεὺς κтл., P. I 63: καὶ μὲν Ἡρακλειδῶν ἐχγονοὶ κтл. P. IV 90: καὶ μὲν Τιτυὸν βέλος. P. IV 289: καὶ μὲν κεῖνος Ἄτλας κтл. P. VI 6, N. II 13. Такимъ образомъ весь текстъ этого мѣста мы читаемъ такъ:

v. 32.

πέμψεν κασιγνήταν μένει

θύοισαν ἀραιμαχίτῃ

ἰς Λακέρειαν (ἐπεὶ παρὰ Βοιβιάδος κρημνοῖσιν ὤκει παρθένος)· καὶ μὲν
ἑτέρους

ἰς κακὸν τρέψαισ' ἰδραμάσατό νιν καὶ γειτόνων
πολλοὶ ἐπαῖδρον, ἀμρ δ' ἐφθαρεν.

Никого не удивить отсутствіе ясно выраженного подлежащаго, столь легко восполняемого предшествующими κασιγνήταν; точно также вполнѣ въ стихѣ Пиндара описаніе слова ἑτέρους фразою, не непосредственно къ этому слову принимающею.

Долгія слоги въ концѣ стиха не нарушаютъ метра. 4-й стихъ строфы и антистрофы этой оды Бергкэ скандуетъ такъ:

Ср. vv. 27, 50, 73, 80, 96, 103. Всѣ эти стихи 4-й строфы или антистрофы кончаются долгимъ слогомъ.

Обыкновенно приводимая ссылка на Nem. VIII 3 никакъ не можетъ доказать употребленіе слова ἑτέρος — въ смыслѣ adversus, infestus, такъ какъ этотъ стихъ составляетъ обычную фразу Пиндара: Судьба даетъ однимъ — одно, другимъ — другое. Кромѣ того здѣсь ἑτέρος непосредственно принимаетъ къ слѣдующему ἑτίραις.

Другихъ мѣстъ у Пиндара, которыя могли бы поддержать такое пониманіе мѣстоименія ἑτέρος, — нѣтъ. Тоже самое заключеніе, по видимому, приходится сдѣлать и относительно мѣстъ другихъ поэтовъ. Обыкновенно указываютъ на Эсхила Ag. 153 Weckl., Соф. Эанта 516, Клар. Мед. 636 и Иракля 1225 Kirchl.

Всѣ эти ссылки вовсе не убѣдительны. Эсх. Ag. 153 (= 143 ed. Rob. Enger):

ἶφιον δὲ καλεῖσθαι Παῖδαν,
μὴ τίνας ἀντιπνέουσιν
Δαναοῖς χρονίας ἐχνηΐδας
ἀπλοίας τεύξεη,
σπευδομένα θυσίαν
ἑτέραν ἀνομὸν τιν', ἄδαιτον,
ναικῶν τεύχονα σύμ-
φυτον οὐ θείσσηνora.

Къ словамъ θυσίαν ἑτέραν R. Enger дѣлаетъ такое примѣчаніе: Die Opferung der Iphigenie, die ein anderes Opfer genannt wird, weil es von den Adlern hiess v. 131 — αὐτότοκον πρὸ ἰσχύος μαγερὰν πτάχα θυσόμεναι. (Такъ это понято и А. К. Майковымъ въ его стихотворномъ переложеніи отрывковъ Эсхиловой трагедіи подъ заглавіемъ „Кассандра“: Будемъ молить отвратителя бѣдъ, Аполлона,

Чтобы намъ она (Артемида) бурю и вѣтръ не послала,
Требуя жертвъ мною, нечестивой, ужасной
Безъ пира и пѣсень etc.

Въ „Эпигѣ“ Софокла Техмисса, обращаясь къ Эпигу, говорить (v 514 sqq.):

Ἐμοὶ γάρ οὐκ ἐστὶν εἰς ὅτι βλέπω
πλὴν σοῦ· σὺ γάρ μοι πατρίδ' ἤσπεσας ἴδραι
καὶ μητέρ' ἄλλῃ μοῖρα τὸν φύσαντά τε
καθεῖλεν Ἀΐδου θανάσιμος οἰκήτορας

Науку въ примѣчаніи къ стиху 516 говорить: Statt des sinnlosen ἄλλῃ μοῖρα habe ich ἐμὴ μοῖρα geschrieben; also wollte Steinhart, ἐμὴ Schneidewin (Philol. 4, 464), αἰνὴ Herwerden Exerc. crit. p. 112, ἤδη Gladitsch und Mekler. Свою конъектуру Науку подтверждаетъ ссылкой на O. R. 828:

ἀρ' οὐκ ἀπ' ἐμοῦ ταῦτα δαίμονός τις ἂν κτλ.

Не болѣе убѣдительно мѣста Еврипида и другихъ авторовъ, приводимыя въ пользу пониманія ἔκτρος въ смыслѣ *adversus, infestus*.

15) Βάματι δ' ἐν κρᾶτ' χιχέν, — однимъ шагомъ, такъ какъ богу было до статочно одного шага, чтобы перенестись изъ одного края въ другой.

16, 17) Это мѣсто прекрасно рисуетъ намъ понятія древнихъ грековъ о причинахъ возникновенія болѣзней съ одной стороны и средствѣхъ ихъ врачеванія съ другой. Пиндаръ всѣ болѣзни человѣческаго тѣла рас-предѣляетъ на три категоріи: одни болѣзни людямъ прирожденны, другія суть слѣдствія пораженія какии-либо оружіемъ, третьи поражаютъ человѣческій организмъ вслѣдствіе климатическихъ вліяній. Сообразно съ этими воззрѣніями на возникновеніе болѣзней и лѣченіе ихъ распадается на три же категоріи: болѣзни прирожденные излѣчиваются молитвенными заговорами; острия пораженія — цѣлительными пантеками и перевязками, члены же, пораженные зноемъ (солнечнымъ ударомъ) или морозомъ (отморозженіемъ) требуютъ отсѣченія (операций).

18) Ἀλλὰ χέρβει καὶ σοφία δίδεται. Эта фраза есть одинъ изъ обычныхъ афоризмовъ, которые Пиндаръ любитъ приводить въ своихъ одахъ. По болѣе части такіа proverbialныя выраженія у Пиндара служатъ переходомъ отъ одной части эпиникиа къ другой, заключая въ себѣ или короткое резюме предыдущаго, или руководящую нить для пониманія послѣдующихъ стиховъ. Въ данномъ мѣстѣ приведенная поэтомъ пословица стоитъ въ тѣсной связи со всѣми послѣдующими, указывая на силу и значеніе богатства, которое олицетворялось въ героѣ оды — Геронѣ.

19) Въ этихъ словахъ заключается намекъ на болѣзнь Герона, высказанный съ свойственной Пиндару осторожностью; такимъ образомъ поэтъ снова возвращается къ тому, что составило содержание начала оды.

20) Эти слова заключаютъ въ себѣ довольно точный перефразъ вступительныхъ словъ оды. Нѣкоторое затрудненіе представляютъ слова ἤ τινα Λατοῖδα κακλήριον ἢ πατέρος. Не можетъ быть сомнѣнія, что они относятся къ Хи-рону, поэтому мы бы сложили были приняты конъектуру Бергка ἢ πατέρα, i. e. sive Apollinis atque filium sive ipsum Apollinem, P. L.² I 165.

21) Здѣсь замѣчательно сопоставленіе словъ Ἰονίαν τέμνου θάλασσαν (v. 68) и βαθύν πότον παράταις (v. 76). Пиндаръ съ намѣреніемъ указываетъ на отдѣляющее его отъ Іерона море, какъ на главное препятствіе, не позволяющее ему лично свидѣться съ сиракузскимъ владыкой.

22) Смори напу статью „Жизнь Пиндара“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1887 г.

23) Указанныя поэтомъ цифры не слѣдуетъ понимать буквально. Пиндаръ лишь хочетъ сказать, что въ человѣческой жизни несчастія преобладаютъ надъ счастливыми обстоятельствами.

24) Ἀλλ' ἀγαθοί, τὰ καλὰ τρέφεται ἔσω. Буквально: вывернуть наружу. Если текстъ не испорченъ, то здѣсь, очевидно, поэтъ пользуется простонародною пословицею. Общій смыслъ мѣста таковъ: „Іеронъ, въ своей боѣзни ты долженъ утѣшать себя сознаніемъ, что людямъ не дается въ удѣлъ полного счастья: тебѣ дано болѣе, чѣмъ кому-либо изъ смертныхъ, но и ты не избѣгъ боѣзни; во ты какъ избранныкъ долженъ смотрѣть на это бѣдствіе какъ на неизбежную каплю горечи, противъ которой ты не долженъ возставать: таковъ удѣлъ всѣхъ, и ты какъ благоразумный человѣкъ долженъ примириться съ неизбежною для смертныхъ судьбою“. Какъ на примѣръ неизбежности горя въ человѣческой жизни, поэтъ указываетъ на Кадма и на Пилея; оба эти мужа удостоились высшаго счастья, о которомъ только можно мечтать смертнымъ; они вступили въ бракъ съ бессмертными богинями, но и ихъ не пощадило неотвратимый рокъ въ лицѣ ихъ дѣтей.

25) Нѣсколько загадочныя слова. Мы склонны думать, что въ этомъ темномъ намекѣ поэта заключается скрытый урокъ сиракузскому владыкѣ: ставя себя въ его положеніе, Пиндаръ относитъ къ себѣ то, чего не считалъ удобнымъ прямо высказать Іерону.

26) Упомянутіе о Несторѣ и Сариндонѣ объясняется любимой мыслью Пиндара о значеніи пѣвца, во власти котораго безсмертіе сильныхъ міра сего. Припоминаетъ слова Горация, которыя Ломоносовъ передаетъ въ слѣдующемъ четверостишіи:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла ихъ отъ насъ,
Затѣмъ что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Бессмертный стихотворцевъ гласъ.

Валеріанъ Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ПРИСЯГЪ ХЕРСОНИСЦЕВЪ.

Строки 5 и сл. гражданской присяги Херсонисцевъ, въ транскрипціи В. В. Латышева (Греческія и латинскія надписи, найденныя въ Южной Россіи въ 1889—1891 годахъ, С.-Пб. 1892, стр. 2 = Bürger-eid der Chersonesiten: *Sitzungsberichte d. k. preuss. Akademie d. Wiss. zu Berlin*, 1892, XXVII, стр. 481), гласятъ:

- ... ὁμονοησῶ ὑπὲρ σωτηρίας
καὶ ἐλευθερίας πόλεος καὶ πολι-
τῶν καὶ οὐ προδώσω Χερσονάσον
οὐδὲ Κερκινίτιν οὐδὲ Καλὸν λιμέ-
να οὐδὲ τᾶλλα τείχη οὐδὲ τὰς ἄλ-
10. λας χώρας ἂν Χερσονασίται νέμον-
ται ἢ ἐνάμοντο οὐθένι οὐθὲν οὔτε Ἑλ-
λανι οὔτε βαρβάρῳ κτλ.

Позволяемъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ издателемъ относительно транскрипціи и толкованія словъ: οὐδὲ τὰς ἄλλας χώρας ἂν Χερσονασίται и т. д., переведенныхъ имъ такимъ образомъ: „ни прочія земли, коими Херсонаситы владѣютъ или владѣли, ничего никому— ни Эллину, ни варвару“. Конструкція νέμεσθαι τινος неупотребительна, а потому ἂν (строка 10) не можетъ быть формою родительнаго падежа. Слѣдовательно, должно читать: τὰς ἄλλας χώρας ἂν Χερσονασίται νέμονται, причемъ родительный падежъ τὰς ἄλλας χώρας будетъ нависѣть отъ οὐθέν (стр. 11).

Пользуемся случаемъ, чтобы исправить недосмотръ въ нашей за-мѣткѣ „Къ надгробію Ипанѳы, дочери Главкія“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, сентябрь, отдѣлъ классической филологіи стр. 148): вмѣсто μελανδεῖνας и μελανδεῖνῃς должно быть μελανδεῖνας и μελανδεῖνῃς.

В. Н.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АВТОРЪ НОВООТКРЫТАГО ТРАКТАТА ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ ¹⁾.

Недавно открытый трактатъ 'Αθηναίων Πολιτεία имѣетъ такое большое значеніе для историческихъ и филологическихъ наукъ, что каждый вопросъ, связанный съ нимъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія и детальной обработки.

Однимъ изъ наиболѣе капитальныхъ вопросовъ является вопросъ о томъ, можно ли считать авторомъ его Аристотеля? Этотъ вопросъ рѣшается, во первыхъ, на основаніи ссылокъ и указаній тѣхъ позднѣйшихъ писателей и лексикографовъ, которые пользовались занимающимъ насъ трактатомъ; во вторыхъ, на основаніи сближеній трактата съ общимъ сочиненіемъ Аристотеля—'Πολιτική'.

Но есть и другія довольно серьезныя средства для рѣшенія вопроса.

Это 1) *сравнительное изученіе способовъ обработки источниковъ въ 'Αθηναίων Πολιτεία и въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля;*

2) *стилистическое сопоставленіе обихъ частей 'Αθηναίων Πολιτεία съ сочиненіями Аристотеля.*

¹⁾ Работа эта стоитъ въ связи съ обширными изысканіями профессора Н. Г. Виноградова объ источникахъ 'Αθηναίων Πολιτεία. Занимаясь трактатомъ подъ руководствомъ профессора Виноградова, я пришелъ къ необходимости обратить вниманіе на источники другихъ сочиненій Аристотеля—именно его трудовъ по естествознанію. Изученіе этихъ сочиненій, въ свою очередь, дало мнѣ возможность провести стилистическую параллель между ними и новооткрытымъ трактатомъ и вѣсти поставить вопросъ о взаимномъ отношеніи частей трактата. Считаю принтымъ долгомъ засвидѣтельствовать мою живѣйшую благодарность уважаемому профессору, которому я обязанъ не только исходнымъ пунктомъ этой статьи, но также многочисленными совѣтами и указаніями относительно отдѣльныхъ вопросовъ и самой редакціи ея.

Эти два пункта и послужат главнымъ содержаніемъ моей статьи. Материаломъ для сравненія мы выбираемъ главнымъ образомъ сочиненія Аристотеля по естественнымъ наукамъ.

Сочиненія эти какъ нельзя болѣе подходятъ къ обонимъ пунктамъ нашего изслѣдованія. Прежде всего, среди источниковъ для этихъ сочиненій, равно какъ и для 'Αθηναίων Πολιτεία, видное мѣсто занимаетъ Геродотъ.

Съ другой стороны, сочиненія эти, подобно 'Αθηναίων Πολιτεία, носятъ скорѣе дескриптивный, чѣмъ научно-философскій характеръ; сообразно съ этимъ, они очень близки по наложенію къ новооткрытому трактату, или, точнѣе сказать, занимаютъ середину между исторической и антикварной частями его.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейдемъ къ разсмотрѣнію намѣченныхъ нами пунктовъ.

I.

Отношеніе Аристотеля къ его источникамъ.

Я только что сказалъ, что однимъ изъ источниковъ для сочиненій Аристотеля по естественной исторіи былъ Геродотъ. Постараюсь по возможности подробно прослѣдить отношеніе Аристотеля къ Геродоту. Съ этой цѣлью позволю себѣ предварительно процитовать, параллельно съ отрывками изъ Геродота, тѣ мѣста изъ сочиненій Аристотеля, которыя основаны на данныхъ Геродотовой исторіи.

Сопоставленіе и разборъ этихъ цитатъ изъ Аристотеля и изъ Геродота укажетъ намъ тѣ рубрики, по которымъ мы можемъ распределить свое изложеніе.

№ 1.

Herod. II 68 ¹⁾.

ἐὼν τετράπους (ὁ χροκόδειλος) χερσαῖον καὶ λιμναῖόν ἐστι· τίχτει μὲν γὰρ ψὰ ἐν γῇ καὶ ἐκλέπει.... πάντων δὲ τῶν ἡμῶς ἴδμεν θνητῶν τοῦτο ἐξ ἐλαχίστου μέγιστον γίνεται· τὰ μὲν γὰρ ψὰ χηνέων οὐ πολλῶ μέζονα

Aristot. Hist. anim. V 33.

τίχτουςι δὲ (ψὰ) καὶ σαῦρα καὶ χροκόδειλοι οἱ χερσαῖοι καὶ οἱ ποτάμιοι εἰς τὴν γῆν· ἐκλέπεται δὲ τὰ τῶν σαύρων αὐτόματα ἐν τῇ γῇ· οὐ γὰρ διατίζει ὁ σαῦρος· λέγεται γὰρ ἔκμητος εἶναι βίος σαύρας· ὁ δὲ

¹⁾ Цитую Геродота по комментированному изданію Штейна, а Аристотеля по изданію Беккера.

τίκται, καὶ ὁ νεοσσὸς κατὰ λόγον τοῦ
φοῦ γίνεται, αὐξανόμενος δὲ γίνεται
καὶ ἐς ἐπτακαίδεκα πήχεας καὶ μέ-
ζων ἐτι.

ποτάμιος κροκόδειλος τίκται μὲν φά
πολλὰ, τὰ πλείστα περὶ ἐξήκοντα
(καὶ γὰρ καὶ βιοῖ χρόνον πολὺν), ἐξ
ἐλαχίστων δ' ὦψιν ζῶον μέγιστον
γίνεται ἐκ τούτων· τὸ μὲν γὰρ
ῥὸν οὐ μετίζον ἐστὶ χηνείου, καὶ
ὁ νεοττὸς τούτου κατὰ λόγον,
αὐξανόμενος δὲ γίνεται καὶ ἐπτα-
καίδεκα πήχεων. λέγουσι δὲ τινες
ὅτι καὶ αὐξάνεται ἕως ἂν ζῇ.

№ 2.

Herod. II 68.

ἔχει (ὁ κροκόδειλος) ὀφθαλμοὺς μὲν
ὕος, ὀδόντας δὲ μεγάλους καὶ χαυλιό-
δοντας κατὰ λόγον τοῦ σώματος... ἔχει
δὲ καὶ ὄνυχας καρτεροὺς καὶ δέρμα λε-
πιδωτὸν ἄρρηκτον ἐπὶ τοῦ νώτου· τυ-
φλὸν δ' ἐν ὕδατι, ἐν δὲ τῇ αἰθρίῃ
ὀξυδερκέστατον.

Въ пачахъ гл҃авѣ: τὸ πολλὸν
τῆς ἡμέρης διατρίβει ἐν τῷ ξηρῷ, τὴν
δὲ νύκτα πᾶσαν ἐν τῷ ποταμῷ· θερ-
μότερον γὰρ δὴ ἐστὶ τὸ ὕδωρ τῆς τε
αἰθρίης καὶ τῆς θρόσου.

Arist. Hist. anim. II 10.

οἱ δὲ κροκόδαιοι οἱ ποτά-
μιοι ἔχουσιν ὀφθαλμοὺς μὲν ὕος,
ὀδόντας δὲ μεγάλους καὶ χαυλιό-
δοντας καὶ ὄνυχας ἰσχυροὺς καὶ
δέρμα ἄρρηκτον φολιδωτόν· βλέ-
πουσι δ' ἐν μὲν τῷ ὕδατι φαύλως,
ἔξω δ' ὀξύτατον.—

— τὴν μὲν οὖν ἡμέραν ἐν τῇ γῇ
τὸ πλείστον διατρίβει, τὴν δὲ
νύκτα ἐν τῷ ὕδατι· ἀλεεινότερον
γὰρ ἐστὶ τῆς αἰθρίας.

№№ 3 — 4.

Herod. II 68.

γλῶσσαν δὲ μόνον θηρίων (ὁ κρο-
κόδειλος) οὐκ ἔφουσε, οὐδὲ κινεῖ τὴν
κάτω γνάθον, ἀλλὰ καὶ τοῦτο μού-
νον θηρίων τὴν ἄνω γνάθον προσάγει
τῇ κάτω.

№ 3. Arist. Part. anim. II 17.

τοῖς δὲ κροκόδειλοις συμβάλλεται
τι πρὸς τὴν τοῦ μορίου τούτου
(i. e. τῆς γλώττης) ἀναπηρίαν καὶ
τὸ τὴν σιαγόνα τὴν κάτω ἀκίνη-
τον ἔχειν.

№ 4. Arist. Hist. anim. I 11.

ἐτι δὲ σιαγόνες δύο· τούτων τὸ
πρόσθιον γένειον, τὸ δ' ὀπίσθιον γένος·
κινεῖ δὲ πάντα τὰ ζῶα τὴν κάτωθεν
γένυν, πλὴν τοῦ ποταμίου κρο-
κοδείλου· οὗτος τὴν ἄνω μόνον.

№ 5.

Herod. II 93.

οἱ ἰχθύες.... ἐπεὶ σφας εἰσὶν οἷστρος κυΐσκεισθαι, ἀγεληδὸν ἐκπλώουσι ἐς θάλασσαν· ἡγέονται δὲ οἱ ἔρσενες ἀπορραίνοντες τοῦ θοροῦ, αἱ δὲ ἐπόμεναι ἀνακάπτουσι καὶ ἐξ αὐτοῦ κυΐσκονται.

Arist. Gener. anim. III 5.

οἱ ἄλιεῖς περὶ τῆς κτήσεως τῶν ἰχθύων τὸν εὐήθη λέγουσι λόγον καὶ τεθρολημένον, ὥνπερ καὶ Ἡρόδοτος ὁ μυθολόγος, ὡς κυΐσκομένων τῶν ἰχθύων ἐκ τοῦ ἀνακάπτειν τὸν θορόν, οὐ συνορῶντες ὅτι τοῦτ' ἐστὶν ἀδύνατον.

№№ 6—7.

Herod. III 108.

ἡ δὲ δὴ λέαινα ἐὼν ἰσχυρότατον καὶ θρασυτάτον ἅπαξ ἐν τῷ βίῳ τίττει ἐν· τίττουσα γὰρ συνεπβάλλει τῷ τέκνῳ τὰς μήτρας.

Herod. VII 126.

οὗρος δὲ τοῖσι λέουσι ἐστὶ ὁ τε δι' Ἀβδηρῶν ῥέων ποταμὸς Νέστος καὶ ὁ δι' Ἀκαρνανίης ῥέων Ἀχελῷος. οὔτε γὰρ τὸ πρὸς τὴν ἡῶ τοῦ Νέστου οὐδαμόθι πάσης τῆς ἐμπροσθε Εὐρώπης ἴδοι τις ἂν λέοντα οὔτε πρὸς ἐσπέρης τοῦ Ἀχελῷου ἐν τῇ ἐπιλοιπῇ ἡπείρῃ, ἀλλ' ἐν τῷ μεταξὺ τούτων τῶν ποταμῶν γίνονται.

№ 6. Arist., Hist. anim., VI 31.

ὄχευσι δὲ καὶ τίττει (ὁ λέων) οὐ πάσαν ὥραν, καθ' ἕκαστον μέντοι τὸν ἐνιασιόν· τίττει μὲν οὖν τοῦ ἔαρος, τίττει δ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ δύο, τίττει δ' ἐνίστε καὶ ἐν· ὁ δὲ λεχθεὶς μῦθος περὶ τοῦ ἐπβάλλειν τὰς ὑστέρας τίττοντά ληρώδης ἐστὶ, συνετέθη δ' ἐκ τοῦ σπανίους εἶναι τοὺς λέοντας, ἀποροῦντος τὴν αἰτίαν τοῦ τὸν μῦθον συνθέντος· σπάνιον γὰρ τὸ γένος τὸ τῶν λεόντων ἐστὶ καὶ οὐκ ἐν πολλῇ γίνεται τόκῃ, ἀλλὰ τῆς Εὐρώπης ἀπάσης ἐν τῇ μεταξὺ τοῦ Ἀχελῷου καὶ τοῦ Νέσσου ποταμοῦ.

№ 7. Arist. Hist. anim. VIII 28.

ἔτι δὲ λέοντες μὲν ἐν τῇ Εὐρώπῃ μᾶλλον καὶ τῆς Εὐρώπης πάσης ἐν τῇ μεταξὺ τόκῃ τοῦ Ἀχελῷου καὶ τοῦ Νέσσου.

№ 8.

Herod. III 109.

τῷ γονεὶ τιμωρόντα ἔτι ἐν τῇ γαστρὶ ἔοντα τὰ τέκνα (i. e. τὰ ἐχίδια) διεσθίει τὴν μητέρα, διαφαγόντα δὲ

Aristot. Hist. anim. V 34.

τῶν δὲ ὄψεων ὁ μὲν ἔχως ζφωτοκαὶ ἔξω, ἐν αὐτῷ πρῶτον φωτοκήσας· τὸ δ' φόν, ὥσπερ τῶν ἰχθύων, μο-

τὴν νηδὺν αὐτῆς οὕτω τὴν ἐκδύσειν ποιεῖται.

νόχρουν ἐστὶ καὶ μαλακόδερμον· ὁ δὲ νεοττός ἄνω ἐπιγίνεται, καὶ οὐ περιέχει φλοιὸς ὀστρακώδης, ὥσπερ οὐδὲ τὰ τῶν ἰχθύων· τίττει δὲ μικρὰ ἐχίδια ἐν ὑμέσιν, οἱ περιρρήγνυνται τριταῖοι· ἐνίοτε δὲ καὶ τὰ ἔσω διαφαγόντα αὐτὰ ἐξέρχεται· τίττει δ' ἐν μιᾷ ἡμέρᾳ καθ' ἐν, τίττει δὲ πλείω ἢ εἴκοσιν.

№ 9.

Herod. III 103.

κάμηλος ἐν τοῖσι ὀπισθίοισι σκέλεσι ἔχει τέσσαρας μηρούς καὶ γούνατα τέσσαρα, τὰ τε αἰδοῖα διὰ τῶν ὀπισθίων σκελέων πρὸς τὴν οὐρὴν τραμμένα.

Aristot. Hist. anim. II 1.

(κάμηλος ἔχει) τὸ αἰδοῖον ὀπισθεν· καὶ γόνυ δ' ἔχει ἐν ἐκάστῳ τῷ σκέλει ἐν καὶ τὰς χαμπὰς οὐ πλείους, ὥσπερ λέγουσι τινες, ἀλλὰ φαίνεται διὰ τὴν ὑπόστασιν τῆς κοιλίας.

№№ 10—11.

Herod. III 101.

ἡ γονὴ δὲ αὐτῶν τὴν ἀπίενται ἐς τὰς γυναῖκας, οὐ κατὰ περ τῶν ἄλλων ἀνθρώπων ἐστὶ λευκὴ, ἀλλὰ μέλαινα κατὰ περ τὸ χρῶμα· τοιαύτην δὲ καὶ Αἰθίοπες ἀπίενται θορήν.

Aristot. Gener. anim. II 2.

λευκὸν ἐστὶ σπέρμα πάντων. Ἡρόδοτος γὰρ οὐκ ἀληθῆ λέγει φάσκων μέλαιναν εἶναι τὴν τῶν Αἰθιόπων γονὴν, ὥσπερ ἀναγκαῖον ὄν τῶν τὴν χροάν μελάνων εἶναι πάντα μέλαινα, καὶ τοῦθ' ὁρῶν καὶ τοὺς ὀδόντας αὐτῶν ὄντας λευκοὺς.

№ 11. *Arist. Hist. anim. III 22.*

λευκὸν δὲ (σπέρμα) πάντων· ἄλλ' Ἡρόδοτος διέψευσται γράφας τοὺς Αἰθίοπας προῖεσθαι μέλαιναν τὴν γονὴν.

№ 12.

Herod. II 33.

Ἴστρος... ποταμὸς ἀρξάμενος ἐκ Κελτῶν καὶ Πυρρήνης πόλιος ῥέει μέ-

Arist. Meteorologica I 13¹).

ἐκ δὲ τῆς Πυρρήνης (τοῦτο δ' ἐστὶν ὁρος πρὸς δυσμὴν ἰσημερινῇν

¹) Отрывокъ этотъ можно считать заимствованнымъ изъ Геродота: несмотря на разницу точекъ зрѣнiя, у Аристотеля осталось такое же ошибочное представление о теченiи Истра.

σὴν σχίζων τὴν Εὐρώπην· οἱ δὲ Καλτοὶ εἰσι ἔξω Ἑρακλέων στηλῶν, ὁμοσφύρουσι δὲ Κυνησίοισι, οἱ ἔσχατοι πρὸς δυσμῶν οἰκεῖουσιν τῶν ἐν τῇ Εὐρώπῃ κατοικημένων· τελευταῖα δὲ ὁ Ἴστρος ἐς θάλασσαν ῥέων τὴν τοῦ Εὐξείνου κόντου διὰ πάσης Εὐρώπης, τῇ Ἰστροίῃ οἱ Μιλήσιοι οἰκεῖουσιν ἄποικοι.

ἐν τῇ Καλτικῇ) ῥέουσιν δὲ τὸ Ἴστρος καὶ ὁ Ταρτησσός· οὗτος μὲν οὖν ἔξω στηλῶν, ὁ δὲ Ἴστρος δι' ὅλης τῆς Εὐρώπης εἰς τὸν Εὐξείνου κόντον.

№ 13.

Herod. II 71.

Οἱ δὲ ἵπποι οἱ ποτάμιοι... φύσιν παρέχονται ἰδῆς τοιγύδα· τετράπους ἐστὶ δίχηλον, σιμόν, λοφίην ἔχον ἵππου, χαυλιόδοντας φαῖνον, οὐρήν ἵππου καὶ φωνήν, μέγαθος ὅσον τε βοῦς ὁ μέγιστος· τὸ δὲ δέρμα αὐτοῦ οὕτω δῆ τι παχύ ἐστι ὥστε αὐτοῦ γενομένου ξυστὰ ποιεῖται ἀκόντια ἐξ αὐτοῦ.

Aristot. Hist. anim. II 7.

ὁ δὲ ἵππος ὁ ποτάμιος ὁ ἐν Αἰγύπτῳ χαίτην μὲν ἔχει ὥσπερ ἵππος, δίχηλον δ' ἐστὶν ὥσπερ βοῦς, τὴν δὲ ὄψιν σιμός· ἔχει δὲ ἀστράγαλον ὥσπερ τὰ δίχηλα, καὶ χαυλιόδοντας ὑποφαινομένους, κέρκον δ' ὕος, φωνήν δ' ἵππου, μέγαθος δ' ἐστὶν ἡλίκον ὄνος, τοῦ δὲ δέρματος τὸ πάχος ὥστε δόρατα ποιεῖσθαι ἐξ αὐτοῦ· τὰ δ' ἐντὸς ἔχει ὅμοια ἵππῳ καὶ ὄνῳ.

№ 14.

Herod. IV 192.

ἔλαφος δὲ καὶ ὅς ἄγριος ἐν Λιβύῃ πάμπαν οὐκ ἐστὶ.

Arist. Hist. anim. VIII 28¹⁾.

ἐν δὲ τῇ Λιβύῃ πάσῃ οὐδὲ οὐς ἄγριός ἐστιν οὐτ' ἔλαφος οὐτ' αἰεὶ ἄγριος.

§ 1. Лексическое отношение текста Аристотеля к тексту Геродота.

Первый вопрос, возникающий изъ сопоставленія приведенныхъ отрывковъ, — это вопросъ лексическій. Мы видимъ, что Аристотель

¹⁾ Считаю возможнымъ признать этотъ отрывокъ реминисценціей изъ Геродота, такъ какъ въ данной главѣ Hist. an. есть другая, уже несомнѣнная, выдержка изъ Геродота о львахъ (№ 7). Кромѣ того, съ этимъ заявленіемъ проясненіемъ сопоставлено свидѣтельство другой источника: ἐν δὲ τῇ Ἰνδικῇ, ὡς φησι Κτησίας οὐκ ὦν ἀγρίοισι, οὐτ' ἄγριος οὐτε ἡμερος ὕς.

принимаетъ текстъ источника въ свое изложеніе почти буквально (ср. особенно №№ 1, 2, 13); характерныя особенности источника бросаются въ глаза даже тамъ, гдѣ Аристотель вступаетъ съ нимъ въ полемику (№№ 5, 6, 8, 9, 10, 11). Въ текстѣ Аристотеля иногда остаются слова старыя и мало свойственныя его способу выраженія.

Такое *іоническое* слово ἀναχάπτειν (5); таково далѣе γονή (10-11), вмѣсто котораго самъ Аристотель обыкновенно употребляетъ σπέρμα. Ср. Hist. anim. III 22: σπέρμα δὲ προίενται πάντα τὰ ἔχοντα αἷμα... λευκὸν ἐστὶ πάντων, ἀλλ' Ἐρόδοτος διεφθασται γράφας τοὺς λιθίοκας προίενθαι μέλαιναν τὴν γονήν τὸ δὲ σπέρμα ἐτέρχεται μὲν λευκόν...

Ср. такое же различіе въ словоупотребленіи Аристотеля и источника въ Hist. ap. V 33: τίχτουσι δὲ καὶ σαῦροι... ἐκλέπεται δὲ τὰ τῶν σαύρων (ψά) αὐτόματα ἐν τῇ γῇ· οὐ γὰρ διατίζει ὁ σαῦρος· λέγεται γὰρ ἔκμηρος· εἶναι βίος σαύρας..... (№ 1).

Но при всей зависимости отъ текста источника, мы находимъ у Аристотеля извѣстныя отличія.

Они выражаются вопервыхъ въ переводѣ *устарѣлыхъ іонизмовъ на аттический языкъ*. Въ нашихъ отрывкахъ сюда относятся слѣдующіе факты:

νηδύς—слово старое, исключительно принадлежащее языку эпическому, іоническому и также языку трагиковъ. Въ сочиненіяхъ Аристотеля оно попадаетъ только одинъ разъ (Hist. anim. IX 49 B), но именно въ цитатѣ изъ *Эсхила*:

δύο γὰρ οὖν μορφὰς φαναί,
παῖδες τε χαῦτοῦ νηδύος· μίαν ἀπο.

Аристотель замѣняетъ его (№ 8) аттическимъ и болѣе общимъ τὰ ἔσω.

ἔκδοσιν ποιεῖται—это одно изъ безчисленныхъ сложныхъ выраженій, которыя составляютъ характерную особенность языка Геродота ¹⁾, но которыя, по мѣрѣ исчезновенія многихъ отглагольных существительныхъ, стали гораздо рѣже встрѣчаться въ развитой литературной рѣчи. Аристотель замѣняетъ (ibid.) ἔκδοσιν ποιεῖται черезъ ἐτέρχεται.

Такого же характера замѣна καρταρούς и ὀξύερχέστατον черезъ ἰσχυρούς и ὀύστατον (№ 2).

Другой рядъ отличій сводится къ *исправленію терминологіи источника*. Между прочимъ Аристотель избѣгаетъ терминовъ іоническихъ и такихъ, которые въ практикѣ языка не имѣютъ точнаго и установленнаго значенія.

¹⁾ Ср. οἰκωγῆ, ὀργῇ χρᾶσθαι; δεινόν, θαῦμα ποιεῖσθαι и многія другія.

Болѣ научны ἐν τῇ γῇ, ἐν τῇ ὕδατι, ἔξω (№ 2), ποτάμιοι (№ 1), чѣмъ у Геродота ἐν τῇ ἐρηφῇ, ἐν τῇ ποταμῷ, ἐν τῇ αἰθρίῃ; λιμναῖον,

Въ № 9 старое, допускающее нѣсколько значеній πηρός переводо-дево точнымъ χαμπή.

Интересна замѣна λεπίδωτος (о крокодилѣ) черезъ φολιδωτός (№ 2). Оба термина по значенію почти тождественны. Но Аристотель различаетъ ихъ и употребляетъ φολιδωτός преимущественно по отношенію къ змѣамъ, *лицерницамъ*, черепахамъ; а λεπίδωτος по отношенію къ животнымъ, рыбамъ и проч. ¹⁾.

Въ № 6 αἱ μῆτραι замѣнено черезъ αἱ ὑστέραι. Не мѣшаетъ отмѣ-тить, что Аристотель употребляетъ слово μῆτραι для названія одного вида осъ: τῶν δὲ σφηκῶν ἐστὶ δύο γένη... αἰοὶ δ' αὐτῶν οἱ μὲν μῆτραι, οἱ δ' ἑργάται. (Hist. an. IX 41).

Въ №№ 3—4 Аристотель избѣгаетъ термина Геродота γνάθος. Это тоже характерный фактъ, объясняющійся особенностями терминологіи самого Аристотеля: σιαγόνες δύο· τούτων τὸ πρόθιον γέναιον, τὸ δ' ὀπίσθιον γένος (Hist. an. I 11). Сообразно съ этимъ Аристотель употребляетъ вмѣсто Геродотова ἡ κάτω γνάθος (II 68) или ἡ κάτωθεν γένος (№ 4) или ἡ σιαγών ἡ κάτω (№ 3).

Мы отмѣтили *сознательныя* лексическія поправки у Аристотеля. Есть однако и такія поправки, которыя представляются не существенными: таковы ἀλαεινότερον (№ 2) вмѣсто θερμότερον и κέρκος (№ 13) вмѣсто οὐρή. А одна изъ поправокъ вызываетъ даже недоумѣніе.

Геродотъ (II 71) говоритъ, что гиппопотамъ λοφίην ἔχει ἵππος; въ текстѣ же Аристотеля (Hist. an. II 7 = № 13) читаемъ: ὁ ἵππος ὁ ποτάμιος... χαίτην ἔχει ὡσπερ ἵππος.

Странность поправки состоитъ въ томъ, что Аристотель отличаетъ λοφιά отъ χαίτη, и по его терминологіи мы не должны ждать χαίτη для обозначенія гривы *лошади*: τὰ δὲ λοφίαν ἔχει, καθάπερ ἵπποι καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ζῴων, τὰ δὲ χαίτην, ὡσπερ ὁ ἄρρην λέων (Part. anim. II 14; ср. Hist. anim. II 1).

Однако съ такою же неточностью, какъ въ № 13, мы встрѣчаемся еще въ Hist. anim. VIII 5: ὃν δὲ καλοῦσιν οἱ μὲν γλάνον, οἱ δ' ὄβαιον, ἐστὶ μὲν τὸ μέγαθος οὐκ ἐλάττων λόκου, χαίτην δ' ἔχει ὡσπερ ἵππος.

Такимъ образомъ, иногда bonus dormitat Homerus!

Однако это не подрываетъ выставленнаго нами положенія о сознательномъ, рационалистическомъ отношеніи Аристотеля къ тексту

¹⁾ Pape, Griechisch-deutsches Handwörterbuch, 8 изд.

его источниковъ. Какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ §, оно не ограничивается однимъ только словоупотребленіемъ. Съ другой стороны, было бы неправильнымъ и даже педантичнымъ искать индивидуальных черты Аристотеля въ каждой отдѣльной строкѣ, въ каждомъ отдѣльномъ словѣ его сочиненій.

Обращаемся къ 'Αθηναίων Πολιτεία.

Въ тѣхъ главахъ этого трактата, которыя основаны на исторіи Геродота, мы найдемъ совершенно такія же явленія. Текстъ этихъ главъ очень близокъ къ тексту Геродота, и на примѣръ въ 20,3 сохранено *іоническое* слово ἀγῆλατεῖν ¹⁾ (Herod. V 72). Но вообще рѣзкіе іонизмы переведены на аттический языкъ: таково на примѣръ ὑπαξελθεῖν (20, 3) вмѣсто ὑπακοχεῖν (Herod. V 72). Равнымъ образомъ, переведены или замѣнены *правовые термины*; вмѣсто τὰ ἐκίατα въ 'Αθ. пол. стоитъ аттическое αἱ οἰκίαι; іоническое στρατάρχης (Herod. VIII 44) переведено черезъ πολέμαρχος (3,2); термины Геродота (I 59) οἱ παράλοι, οἱ ἀκ παδίου, οἱ ὑπεράχριοι замѣнены черезъ οἱ παράλοι, οἱ παδισκοί, οἱ διάχροι (13,4).

Неточное выраженіе τὰς ἀρχὰς ἐγχερίζειν (Herod. V 72) замѣнено точнымъ и спеціальнымъ χορίους καθιστάναί τῆς πόλεως (25,2).

Для полноты отиѣчу еще сознательную замѣну ἐχδροί (Herod. I 59) черезъ ἀντιστασιώται (14, 1) въ разказѣ о злостности Писистрата.

§ 2. Комбинированіе нѣсколькихъ источниковъ. Рационалистическая обработка деталей источника.

При сличеніи текстовъ Геродота и Аристотеля мы наблюдаемъ у послѣдняго очень искусное соединеніе нѣсколькихъ источниковъ въ предѣлахъ небольшого отрывка, на примѣръ главы и проч.

28-я глава VIII книги ²⁾, 10-я глава II книги Hist. an., а также №№ 1, 6, 8, 12—показываютъ намъ, до какой виртуозности доходилъ въ этомъ направленіи Аристотель: такая комбинація источниковъ напоминаетъ, можно сказать, мозаическую работу.

Интересны тѣ измѣненія, которыя Аристотель вноситъ въ текстъ своего источника.

¹⁾ Оно извѣстно только изъ указаннаго мѣста Геродота и изъ одного стиха Софокла (O. R. 403).

²⁾ Въ этой главѣ, кромѣ выдержекъ изъ Геродота (№ 14 и 17), упомянуты Ктисій, Гомеръ и проч.

Вообще, когда Аристотель не опровергаетъ своего источника, онъ передаетъ его текстъ, можно сказать, фразою за фразой (№№ 1, 13).

Но какъ ни близокъ текстъ Аристотеля къ тексту источника, однако не трудно замѣтить, что Аристотель, прежде всего, иногда позволяетъ себѣ нзмѣненіе въ ходѣ мыслей (№ 2); далѣе, избѣгаетъ многословія ¹⁾, иногда лучше расчленяетъ изложеніе ²⁾, опускаетъ лишнія подробности (№№ 9, 12 и особенно 1—4). Благодаря послѣднему обстоятельству, данныя *одной* главы Геродота (II 68) нашли себѣ мѣсто въ *четыре*хъ отрывкахъ изъ *двухъ* различныхъ сочиненій Аристотеля (№№ 1—4).

Наоборотъ, въ *одномъ* отрывкѣ Аристотеля (№ 6) скомбинированы *два* отрывка изъ различныхъ книгъ Геродота. Самая комбинація довольно характерна: Аристотель исправляетъ одно показаніе Геродота другимъ, взятымъ изъ того же Геродота. Уже этотъ фактъ показываетъ, что Аристотель критически относится къ своимъ источникамъ и проводитъ рѣзкую грань между достовѣрными и недостовѣрными показаніями ихъ. Какъ ни часто Аристотель полемизируетъ съ Геродотомъ или напимѣръ съ Ктисіемъ, какъ ни рѣзко отзывается онъ о томъ и о другомъ, однако онъ не отвергаетъ сообщаемыхъ ими свѣдѣній, такъ сказать, огуломъ: всѣ правдоподобныя, хотя и мелкія, подробности въ сочиненіяхъ этихъ писателей Аристотель принимаетъ къ свѣдѣнію. Это — индивидуальная черта Аристотеля, и притомъ черта рационалистическая. Не трудно убѣдиться, что Аристотель иногда пользуется данными изъ такого источника, съ которымъ онъ по извѣстнымъ вопросамъ принципиально не согласенъ. При этомъ, заимствованные изъ источника факты или смягчаются и подправляются, или получаютъ иное (самостоятельное) освѣщеніе.

Въ №№ 6 и 8, изъ Геродота заимствованы два мелкихъ факта, которые рационалистически присоединены къ тексту черезъ *ἀνίота*:

¹⁾ № 12. *Herod.* Ἰατρος ῥέει μέσην σελίῳ τὴν Εὐρώπην... ῥέων... διὰ πάσης τῆς Εὐρώπης.

№ 13 *Herod.* τὸ δὲ δέρμα αὐτοῦ οὕτω δὴ τι παχὺ ἔστι ὥστε αὐτοῦ γανομένον ξυστῇ ποιεῖται ἀκόντια ἐξ αὐτοῦ.

²⁾ № 13. *Herod.* (ὁ ἵππος ὁ κατάμιος) δίχηλον, σιμόν, λοφίτην ἔχον ἵππου.

Arist.
Ἰατρος ῥέει δι' ὅλης τῆς Εὐρώπης.

Arist.
τοῦ δὲ δέρματος τὸ πᾶχος, ὥστε δόρατα ποιεῖσθαι ἐξ αὐτοῦ.

Arist.
χαίτην ἔχει ὥσπερ ἵππος, δίχαλον δ' ἐστὶν ὥσπερ βοῦς, τὴν δὲ ὄψιν σιμός.

τίχται (ὁ λέων) δ' ἐνίοτε καὶ ἐν (6), ἐνίοτε δὲ καὶ τὰ ἐσω διαφράγοντα αὐτὰ ἐξέρχεται.

Важно, что въ обоихъ случаяхъ Аристотель стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія (точка зрѣнія Геродота providенціальная), а въ первомъ случаѣ не согласенъ съ Геродотомъ даже въ частностихъ.

Еще болѣе характеренъ № 12.

Дѣло въ томъ, что Геродотъ выводитъ большія рѣки изъ озеръ: IV 51 (Истръ), 52 (Ипанисъ, 55 (Ипакирисъ), 57 (Танаисъ). Между тѣмъ, Аристотель, подобно Эллинику и Иппократу ¹⁾, говоритъ, что рѣки берутъ свое начало въ горныхъ ивѣстахъ: τὰ δὲ ρεύματα τῶν ποταμῶν ἐκ τῶν ὀρέων φαίνεται ρέοντα (Meteor. I 13).

Однако Аристотель пользуется нѣкоторыми деталями изъ 33-й главы II книги Геродота и, кстати сказать, раздѣляетъ его ошибочное представленіе о теченіи Истра; но при этомъ Аристотель *тематично*, въ уяоду своей теоріи, замѣняетъ πόλις черезъ ὄρος:

Herod.

Ἰστρος... ἀρξάμενος... ἐκ Πορῆνης πόλιος.

Arist.

ἐκ Πορῆνης (τοῦτο δ' ἐστὶν ὄρος....) ρέουσι....

Очень хорошими примѣрами смяченія источника являются подробности въ № 2 и № 13.

№ 2. *Herod.* τυφλὸν (ὁ χροκό-

δειλος) ἐν ὕδατι

Arist.

βλέπουσιν ἐν τῇ ὕδατι φαύλως.

№ 13. *Herod.* (ὁ ἵππος ὁ ποτά-

μος) φωνὴν ἵππου καὶ οὐρὴν·

μέγας δὲ ὅσον τε βοῦς ὁ μέγιστος

Arist. (ἰ. π. ἔχει) κέρχον ὅς,

φωνὴν δ' ἵππου.

μέγας δ' ἐστὶν ἡλίχον ὄνος.

Въ общемъ, поправки и по языку и по содержанію имѣютъ у Аристотеля своей задачей сдѣлать текстъ источника болѣе простымъ, болѣе яснымъ, болѣе точнымъ. Отношеніе къ источнику — осмысленное, рационалистическое. Но рационализмъ Аристотеля, въ сравненіи съ рационализмомъ другихъ древнихъ ученыхъ, заключается въ томъ,

¹⁾ Это указаніе взято мною изъ комментарія Штейна къ Геродоту (IV 51). Долженъ сказать, что тому же комментарий Штейна и обязанъ большинствомъ приведенныхъ въ началѣ моей статьи сопоставленій текстовъ Аристотеля и Геродота; такъ какъ въ Index Aristotelicus Бонница отмѣчены только тѣ реминисценціи изъ Геродота, гдѣ послѣдній названъ у Аристотеля по имени. Мнѣ принадлежить только № 7 (Hist. anim. VIII 28 и Herod. VII 126).

что Аристотель въ сущности не выходитъ изъ рамокъ своего источника и только шагъ за шагомъ поправляетъ и проясняетъ всѣ мельчайшія подробности его текста.

Вообще, Аристотель производитъ обработку источниковъ осторожно и, можно сказать, деликатно.

Отмѣченные особенности Аристотеля въ его отношеніи къ источникамъ находятъ себѣ полную параллель въ 'Αθηναίων πολιτεία.

Разберемъ нѣсколько главъ этого трактата.

Глава 14.

Главный источникъ — Геродотъ (I 59 — 60); но данныя Геродота переплетены съ данными другихъ источниковъ.

Таковы хронологическія, оффиціальныя и проч. указанія ¹⁾:

'Αριστοῦνος γράψαντος τὴν γνῶμην; (κατέσχε τὴν ἀκρόπολιν) ἔται δ' καὶ τριακοστῇ μετὰ τὴν τῶν νόμων θέσιν ἐκὶ Κ[ω]μέου ἀρχοντος (§ 1) ἔκτῃ ἔται μετὰ τὴν πρώτην κατάστασιν ἐφ' Ἡγησίῳ ἀρχοντος (§ 3) ἔται δὲ τετάρτῃ μετὰ ταῦτα (§ 4); . . . γυναῖκα ἐξευρών, ὥς μὲν Ἡρόδοτος φησιν, ἐκ τοῦ δήμου Παιανέων, ὥς δ' ἐνίοι λέγουσιν, ἐκ τοῦ Κολυττοῦ στεφανόκωλιν Θραῖταν (ibid.).

Во 2-мъ § вставленъ изъ другаго источника (Λέγεται δὲ) рассказъ о протестѣ Солона противъ Писистрата.

Мы такимъ образомъ выдѣлили все, что не принадлежитъ Геродоту.

Какъ же поступаетъ авторъ съ текстомъ Геродота?

Прежде всего, несмотря на различныя вставки изъ другихъ источниковъ, сохраненъ ходъ мыслей Геродота.

Нѣкоторыя несущественныя подробности (о ростѣ Φίη; о томъ, какъ Писистратъ изранилъ не только себя, но и своихъ муловъ) опущены.

Изложеніе, при всей близости къ Геродоту, не такъ многословно.

Интересны двѣ поправки.

1) Herod. I 59: συνεπαναστάντες δὲ οὗτοι (οἱ χορυνηφόροι) ἅμα Πισιστράτῃ ἔσχον τὴν ἀκρόπολιν.

'Αθ. κ. 14,1: ἐπαναστὰς (Πεισιστратος) μετὰ τούτων... κατέσχε τὴν ἀκρόπολιν.

¹⁾ Цитую 'Αθηναίων πολιτεία по изданію Кайбеля и Вилламовица — Меллендорфа.

Ходъ дѣла при этой поправкѣ выигрываетъ.

2) Herod. I 59: ἔνθα δὴ ὁ Πεισίστρατος ἤρχε 'Αθηναίων οὕτα τιμὰς τὰς ἐούσας συνταράξας οὕτα θέσμια μεταλλάξας, ἐπὶ τε τοῖσι κατεστώσι ἔνεμε τὴν πόλιν. 'Αθ. π. 14,2: Πεισίστρατος δὲ λαβὼν τὴν ἀρχὴν διψχεῖ τὰ κοινὰ πολιτικῶς μᾶλλον ἢ τυραννικῶς.

Здѣсь можно видѣть уже *тенденціозную* поправку.

Съ точки зрѣнія автора, тираннія не могла пройти безъ какихъ либо измѣненій въ конституціи: καὶ γὰρ συνέβη τοῦς Σόλωνος νόμους ἀφανίσαι τὴν τυραννίδα διὰ το μὴ χρῆσθαι.

Этимъ и объясняется болѣе общая, чѣмъ у Геродота, характеристика тиранніи Писистрата.

Такимъ образомъ, уже на одной этой главѣ вполне отразились тѣ ученые приемы, которые мы констатировали у Аристотеля.

Глава 15.

1-й § соответствуетъ началу 61-й гл. 1-й книги Геродота, но изложенъ не такъ пространно и не такъ анекдотично. Данные Геродота дополнены хронологическимъ указаніемъ, что „Писистратъ былъ изгнанъ во второй разъ приблизительно на третій годъ послѣ своего возвращенія“.

Далѣе, до середины 2 §, идетъ другой источникъ; а со словъ ἐνδεκάτῃ παλιν ἔτι до конца 2 § изложеніе снова стоитъ въ зависимости отъ Геродота, съ прибавленіемъ, что въ числѣ союзниковъ Писистрата были οἱ ἱππεῖς οἱ ἔχοντας ἐν 'Ερετρίᾳ τὴν πολιτείαν.

§ 3 также близокъ къ Геродоту, но здѣсь мы находимъ прибавленіе, что Писистратъ παρείλετο τοῦ δήμου τὰ ὅπλα.

Въ 4 и 5 §§ идетъ самый разказъ о томъ, какъ это удалось сдѣлать Писистрату.

Разказъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ соответствующимъ разказомъ Геродота (I 63) о хитрости Писистрата; но крайне удивительно то, что концы обоихъ разказовъ почти буквально совпадаютъ:

Herod. I 63: φεύγοντων δὲ τούτων (τῶν 'Αθηναίων)... Πεισίστρατος... ἀναβιβάσας τοὺς παῖδας ἐπὶ τοὺς ἵππους προέπεμψε, οἱ δὲ καταλαμβάνοντες τοὺς φεύγοντας ἔλεγον τὰ ἐν- 'Αθ. π. 15,5: ὁ δὲ [ἐπειτ']ὸν ἔλ- λον λόγον ἐπατάλασαν, εἶπε καὶ περὶ τῶν ὀπλῶν τὸ γεγονός. ἔφη δ' οὐ δεῖν θαυμάζειν οὐδ' ἀθυμεῖν, ἀλλ' ἀπελθόντας ἐπὶ τῶν ἰδίων εἶναι,

τεταλμένα ὑπὸ Πεισιστράτου, θάρ- τῶν δὲ κοινῶν αὐτὸς ἐπιμαλήσεσθαι
 σέειν τα καλεῖοντες καὶ ἀκίεναί πάντων.
 ἔχαστον ἐπὶ τὰ ἑωστοῦ.

Можетъ быть, это и случайность, но можетъ быть и то, что авторъ, имѣя передъ собою два факта изъ двухъ различныхъ источниковъ скомбинировалъ ихъ въ одинъ.

Конечно, такое предположеніе покажется смѣльнымъ, но оно нисколько не противорѣчитъ общему приему переработки источниковъ у нашего автора: ср. ниже разборъ 4 § 19 главы.

Глава 20, §§ 1 — 3,

Этотъ отрывокъ почти буквально заимствованъ изъ Геродота (V 66, 69—70, 72).—Весьма важно дополненіе взятое изъ другого источника, что „Исагоръ былъ другимъ тиранномъ“.

Одно сообщеніе Геродота рационалистически поправлено:

Herod. V 72: τὴν βουλὴν κατα- λύειν ἐκείρῳ (Κλεομένης), τριη- κοσίοισι δὲ τοῖσι Ἰσαγόρῳ στα- σιώταισι τὰς ἀρχὰς ἐνεχειρίζε.	Ἀθ. κ. 20, ε: τὴν μὲν βουλὴν ἐκεί- ρῳ καταλύειν, Ἰσαγόραν δὲ καὶ τριακοσίοις τῶν φίλων μετ' αὐτοῦ κυρίως καθιστάναι τῆς πό- λεως.

Это не случайная поправка: характерно прибавленіе μετ' αὐτοῦ. Напомнимъ еще разъ, что неточное выраженіе τὰς ἀρχὰς ἐγχειρίζειν замѣнено точнымъ и любимымъ терминомъ автора κυρίως καθιστάναι τῆς πόλεως.

Оба факта указываютъ на то, что авторъ въ данномъ случаѣ сознательно отнесся къ тексту Геродота.

19-ая глава.

Основной источникъ Геродотъ (V 62—65).

Очень интересны отступленія отъ Геродота: во 2-омъ § встрѣчаемъ сообщеніе объ укрѣпленіи Мунихин; въ 3 § вставлена восточная пѣснь; въ § 6 читаемъ, что изгнаніе Писистратидовъ состоялось при архонтѣ Арпактидѣ; въ концѣ главы поправлено хронологическое указаніе Геродота.

Herod. V 62: ἐξεχώρησαν ἐκ τῆς Ἀττικῆς (οἱ τύραννοι) ἄρσαντες Ἀθηναίων ἐπ' ἑτεα εἰς καὶ τριήκοντα.

Ἀθ. πολ. 19, ε: . . . κατασχόντες τὴν τυραννίδα μετὰ τὴν τοῦ πατρὸς τελευταίην ἔτη μάλιστα ἑκτακαίδεκα, τὰ δὲ σύμπαντα σὺν οἷς ὁ πατήρ ἤρξεν ἐνὸς δεῖν πεντήκοντα.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ § 4.

Стилистическая зависимость отъ Геродота какъ нельзя болѣе ясна; но дѣло изложено совершенно иначе.

По Геродоту (V 62), Алкмеониды истратили много своихъ денегъ на Дельфійскій храмъ, такъ какъ выстроили его роскошнѣе, чѣмъ предполагалось по первоначальному плану, и между прочимъ употребили вмѣсто известняка Паросскій мраморъ. Кромѣ того, имъ понадобилось подкупить Писею.

Между тѣмъ, 'Αθηναίων πολιτεία представляетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ: послѣ неудачныхъ столкновений съ тираннами, Алкмеониды взяли на себя постройку дельфійскаго храма. Это обстоятельство было причиной ихъ обогащенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ склонило на ихъ сторону Писею.

Далѣе, причины вмѣшательства спартанцевъ въ аѳинскія дѣла выяснены въ 'Αθηναίων πολιτεία лучше, чѣмъ у Геродота: Спартакцы рѣшились воевать съ Аѳинскими тираннами не только вслѣдствіе внушеній Писеи, но также *вслѣдствіе дружбы Писистратидовъ съ Аргивянами*.

Такимъ образомъ, въ этомъ § мы находимъ интересный примѣръ *раціонализаціи показаній Геродота*. Вопросъ только въ томъ, на чемъ основана эта раціонализація: на соображеніяхъ ли автора или на указаніяхъ источниковъ?

Конечно, изъ различныхъ мѣстъ исторіи Геродота можно подобрать разрозненные факты, которые хорошо объясняютъ, напримѣръ, причину войны Спартакцевъ съ Аѳинскими тираннами ¹⁾. Но мы не рѣшаемся предполагать, что авторъ 'Αθηναίων Πολιτεία самъ скомбинировалъ эти факты; скорѣе всего, отмѣченные *поправки и дополненія къ Геродоту заимствованы изъ другихъ источниковъ*: напримѣръ изъ 17, а—а прямо видно, что авторъ писалъ о связяхъ Писистрата и Писистратидовъ съ Аргосою по другимъ, и притомъ по *несколькимъ источникамъ*.

При послѣднемъ предположеніи характерно самое соединеніе источниковъ въ 4 § 19 главы. Оно напоминаетъ 4 и 5 §§ 15 главы, гдѣ точно также въ стилистическія рамки Геродота вставленъ разказъ, совершенно несходный съ соответствующимъ разказомъ Геродота.

¹⁾ I 82, V 49, V 176—82 (о враждѣ Спартакцевъ съ Аргивянами); I 62, V 94 (о связяхъ Писистрата съ Аргосою).

Это оригинальное явленіе мы наблюдали и въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля (см. № 12).

Глава 3, 2.

Небольшой отрывокъ изъ этой главы является примѣромъ несомнѣнной *раціонализаціи* одного показанія Геродота. У послѣдняго (VIII 44) мы читаемъ: Ἴωνος δὲ Εὐόθοιο στρατάρχου γενεόμενος Ἀθηναῖοισι ἐκλήθησαν ἀπὸ τούτου Ἴωνες. Авторъ Ἀθηναίων πολιτεία неоднократно пользовался этимъ текстомъ. Сюда относится прежде всего *фрагментъ 381* ¹⁾. Приведемъ его по Арпократиону, цитаты котораго, какъ теперь показываетъ сличеніе ихъ съ текстомъ Ἀθηναίων πολιτεία, отличаются вообще замѣчательной точностью:

τὸν δὲ Ἀπόλλωνα πατρῶν τιμῶσιν Ἀθηναῖοι ἀπὸ Ἴωνος· τούτου γὰρ οἰκήσαντος τὴν Ἀττικὴν, ὡς Ἀριστοτέλης φησὶ, τοὺς Ἀθηναίους Ἴωνας κληθῆναι καὶ Ἀπόλλω πατρῶν αὐτοῖς ὀνομασθῆναι.

Ср. также Ἀθ. пол. 41, 2: πρώτη μὲν γὰρ ἐγένετο ἡ κατὰστασις τῶν ἐξ ἀρχῆς, Ἴωνος καὶ τῶν μετ' αὐτοῦ συνοικήσαντων. Этотъ же отрывокъ изъ Геродота нѣтъ въ виду и въ 3-ей главѣ Ἀθηναίων πολιτεία. Любопытны тѣ особенности, которыя внесъ въ него авторъ трактата: ионическій терминъ στρατάρχης замѣненъ аттическимъ κλέμαρχος; фактъ приглашенія Ιῶνα въ качествѣ полемарха *раціоналистически* объясненъ тѣмъ, что „нѣкоторые цари были неспособны къ военному дѣлу“.

Позволю себѣ остановиться еще на 11-й и на 6-й главахъ трактата.

11-я глава интересна, какъ образецъ соединенія стихотворныхъ и прозаическихъ источниковъ.

Начало ея стоитъ въ связи съ 29-й и 30-й главами 1-й книги Геродота:

Herod. I 29 — 30. ἀπικνέονται ἐς Σάρδις ἄλλοι τε οἱ πάντες ἐκ τῆς Ἑλλάδος σοφισταὶ ... καὶ δὴ καὶ Σόλων ἀνὴρ Ἀθηναῖος, ὃς Ἀθη- ναῖοισι νόμους καλεῖσθαι ποιήσας ἀπε- δήμησε ἔτεξ δέκα κατὰ θεω-	Ἀθ. π. 11, 1 (Σόλων) βουλόμα- νος μῆτε ταῦτα κινεῖν μῆτε ἀπε- χθάνεσθαι παρὼν ἀποδτημίαν ἐποι- ῆσατο καὶ θεωρίαν εἰς Αἰγυ- πτον [... Κ]ανόπου αὶ δέκα ἐτῶν ²⁾).

¹⁾ По изданію Валентина Розе въ коллекціи Тейбнера.

²⁾ [Конецъ этого мѣста теперь возстановленъ такъ: εἰς Αἰγύπτου, εἰκὼν ὡς οὐχ ἦξει δέκα ἐτῶν. См. изданіе Блаасса. Впрочемъ, такое чтеніе предполагаюсъ уже въ русскомъ переводѣ Н. И. Шубина. *Прим. ред.*].

ρίης πρόφασιν ἐκπλώσας, ἵνα
δὴ μὴ τίνα τῶν νόμων ἀναγκα-
σθῇ λῦσαι τῶν ἔθετο... (30)
αὐτῶν δὲ ὧν τούτων καὶ τῆς θεω-
ρίης ἐκδημήσας ὁ Σόλων εἵνεκεν ἐς
Αἴγυπτον ἀπίκατο παρὰ Ἀρσιν
καὶ δὴ καὶ ἐς Σάρδις παρὰ Κροΐζον.

Прежде всего, авторъ 'Αθηναίων πολιτεία не во всѣхъ вопросахъ, касающихся Солона, согласенъ съ Геродотомъ:

Herod. I 29: ὁρκίοισι μεγάλοισι 'Αθ. κ. 7, 2: κατακύρωσεν (ὁ
κατείχοντο (οἱ Ἀθηναῖοι) δέκα ἔτρα Σόλων) τοὺς νόμους εἰς ἑκατὸν ἔτη.
χρηθεῖσθαι νόμοισι τοὺς ἄν ὀφι Σό-
λων θῆται.

Тѣмъ не менѣе онъ пользуется Геродотомъ для 11-й главы; но при этомъ, изъ 30-й главы 1-й книги Геродота взято только извѣ-
стіе о путешествіи Солона въ Египетъ; а о его путешествіи въ Сарды
авторъ не говоритъ. Огмѣтнмъ также, что коротенькая выписка изъ
Геродота дополнена другими данными (μῆτε ἀπεχθάνεσθαι, κατ' ἐμ-
πορίαν и пр.).

Конецъ 11-й главы, равно какъ и конецъ 6-й главы, основанъ на
различныхъ стихотвореніяхъ Солона и отчасти на характеристикахъ
законодателя, написанныхъ другими историками ¹⁾.

Изъ дошедшихъ до насъ ²⁾ фрагментовъ поэзіи Солона сюда от-
носятся: фрагменты приведенные въ 12-й главѣ; фрагменты 33, 32,
15 ³⁾; стихи, неправильно приписываемые Θεогниду (945 — 948) и
пр. При сопоставленіи этихъ фрагментовъ съ 11-й и съ 6-й гла-
вами 'Αθηναίων πολιτείας, можетъ показаться, что авторъ обрабаты-
ваетъ поэтическіе тексты совершенно иначе, чѣмъ прозаическіе. Въ
самомъ дѣлѣ, стилистическое вліяніе стихотворныхъ источниковъ
очень мало замѣтно; буквальные выраженія источника, въ родѣ πάντ'
ἀνάστα (— — — —), довольно рѣдки; далѣе, большому стихотвор-
ному тексту соответствуетъ короткое и сухое резюме: ср. особенно 12-ю
главу. Но это различіе только кажущееся: мы уже видѣли, что значи-

¹⁾ 'Αθ. κ. 6, 4: ἐν τοῖς ποιήματιν αὐτοῦ πολλὰ τοῦ μέρηται καὶ οἱ ἄλλοι
νομολογοῦσι πάντες.

²⁾ Разумѣется, авторъ могъ располагать гораздо бѣльшимъ количествомъ сти-
хотвореній Солона.

³⁾ Bergk, Lyrici Graeci.

тельная часть замѣненій, вносимыхъ авторомъ въ текстъ *прозаическаго* источника, также имѣетъ въ виду точность терминологіи и сокращеніе многословія.

Во всякомъ случаѣ, такой способъ обработки поэтическихъ источниковъ мы найдемъ и въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля: ср. Hist. anim. IX 49 В (цитата изъ Эскила); De sensu 2 (цитата изъ Эмпедокла).

На этомъ мы оканчиваемъ разборъ отдѣльных главъ 'Αθηναίων πολιτεία, и переходимъ къ другимъ сопоставленіямъ трактата съ подлинными сочиненіями Аристотеля.

§ 3. Ссылки на источники.

Въ приведенныхъ мною 14 реминисценціяхъ Аристотеля изъ Геродота бросается въ глаза одна характерная черта: Геродотъ названъ по имени только *три* раза №№ (5, 10, 11); въ остальныхъ 11 случаяхъ Аристотель не называетъ Геродота и только въ двухъ полемическихъ замѣчаніяхъ говоритъ ὁ λεγόμενος ῥήθης (№ 6) и ὥσπερ λέγουσιν τινες (№ 9). Точно также Аристотель поступаетъ и съ другими источниками. Любопытны ссылки и намеки на *Платона*: иногда Аристотель называетъ имя Платона (или Сократа) и заглавіе его діалога; иногда опускаетъ или имя Платона, или заглавіе діалога; наконецъ, иногда говоритъ просто: ὥς φασί τινες, δοκεῖ τοῖνυ καὶ пр. ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтна попытка характеризовать источники по содержанию, по направленію, по формѣ ихъ произведеній. Такъ напримѣръ, Гесиода и Гомера Аристотель называетъ ὁ ποιητής, Гесиода θεολόγος; Геродотъ названъ въ Genes. anim. III 5: Ἡρόδοτος ὁ μυθολόγος. То же самое находимъ въ 'Αθηναίων πολιτεία.

Въ предыдущемъ § мы разобрали цѣлый рядъ главъ, стоящихъ въ зависимости отъ Геродота; но имя Геродота упомянуто только *одинъ* разъ (14, 4).

Другихъ источниковъ (кромя впрочемъ Солона) авторъ не называетъ; напримѣръ, опровергалъ Фукидида, онъ говоритъ: ἀλλ' ὁ λεγόμενος λόγος... οὐκ ἀληθής ἐστίν (18, 2). Большая часть источниковъ обозначена черезъ τινες, εἰς, οἱ πλείους, οἱ ἄλλοι, οἱ ἅλλοι πάντες.

Нѣкоторые источники названы οἱ δημοτικοί (6, 2—3; 18, 5); другие οἱ βλασφημεῖν βουόμενοι (6, 2) и т. д.

¹⁾ Bonitz, Index Aristotelicus p. 598.

§ 4. Полемика съ источниками.

а) И въ новооткрытомъ трактатѣ и въ другихъ сочиненіяхъ Аристотель одинаково выражается о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя онъ опровергаетъ:

‘Αθ. π. 17, 2. Φανερώς ἡ-
ροῦσιν <οἱ> φάσκοντες ἐρώμενον
εἶναι Πεισίστρατον Σόλωνος.

18, 2. ἀλλ’ ὁ λεγόμενος λό-
γος, ὡς ὁ Ἰππίας ἀποστήσας ἀπὸ
τῶν ὅπλων τοὺς κομπεύοντας ἐφώ-
ρασε τοὺς τὰ ἐγχειρίδια ἔχοντας,
οὐκ ἀληθής ἐστιν.

Gener. anim. II 2: Κτησίας ὁ
Κνίδιος ἃ περὶ τοῦ σπέρματος τῶν
ἐλεφάντων εἶρηκε, φανερός ἐστιν
ἐψευσμένος.

Ἡρόδοτος οὐκ ἀληθῆ λέγει
φάσκων μέλαιναν εἶναι τὴν τῶν Αἰθιο-
πων γонήν ¹⁾.

Hist. anim. IV 31: ὁ δὲ λε-
χθεὶς μῦθος περὶ τοῦ ἐκβάλλειν τὰς
ὀστέρας τίκοντα ληρώδης ἐστίν.

Gener. anim. III 5: οἱ ἁλιεῖς
τὸν εὐτήθη λέγουσι λόγον καὶ
τεθρολημένον, ὃν περ καὶ Ἡρό-
δοτος ὁ μυθολόγος.

б) Въ случаѣ поправки къ мнѣнію источника, любимой формой
выраженія въ ‘Αθηναίων πολιτεία и въ другихъ сочиненіяхъ Аристо-
теля является οὐ μὴν ἀλλά ²⁾. Ограничимся двумя парами параллелей:

‘Αθ. π. 6, 3... οὐ μὴν ἀλλὰ
πιπ[ανώ]τερος ὁ τῶν δημοτικῶν λόγος.

7, 4... οὐ μὴν ἀλλ’ εὐλογώτε-
ρον τοῖς μέτροις διηρηθεῖσαι καθάπερ
τοὺς πεντακκοσιμεδίμους.

Phys. III 1 (201a 25): δοκεῖ
μὲν οὖν τισιν ἅπαν κινεῖσθαι τὸ κι-
νοῦν, οὐ μὴν ἀλλὰ περὶ τούτου ἐξ
ἄλλων ἔσται δῆλον ὅπως ἔχει.

Metaphys. XIII 3 (1090a 16)...
τὸ ἐν τι ἕκαστον πειρῶνται γε λέ-
γειν πῶς καὶ διὰ τί ἐστίν. οὐ μὴν
ἀλλ’ ἐπεὶ οὗτ’ ἀναγκαῖα οὔτε δονατὰ
ταῦτα, οὐδὲ τὸν ἀριθμὸν διὰ γε ταῦτα
εἶναι λεκτέον.

в) Опровергая мнѣніе источника, Аристотель нерѣдко старается
выяснить причину ошибки:

‘Αθ. 28, 5: περὶ μὲν Νικίου καὶ
Θουκυδίδου πάντες σχεδὸν ὁμολογοῦ-

Gener. anim. III 5 (№ 5): τῶν
δὲ δαλφίνων χρονιωτέρα ἢ ἀπόλουςίς

¹⁾ Ср. Hist. anim. III 22.

²⁾ „οὐ μὴν ἀλλὰ satis usitatum etiam Aristoteli“ (Bonitz, Ind. Arist. p. 539).

οιν ἄνδρας γαγονέναι οὐ μόνον καλοὺς καγαθοὺς ἀλλὰ καὶ πολιτικοὺς καὶ τῇ πόλει πάσῃ πατρικῶς χρωμένους, περὶ δὲ θηραμένους διὰ τὸ συμβῆναι κατ' αὐτὸν ταραχώδεις (εἶναι) τὰς πολιτείας ἀμφισβήτησις τῆς κρίσεως ἐστίν.

9, 2: οἶονται μὲν οὖν τινες ἐπιτηδᾶς ἀσαφεῖς αὐτὸν (τὸν Σόλωνα) ποιῆσαι τοὺς νόμους, ὅπως τι τῆς κρίσεως (ο ὁ δῆμος ἢ κύριος· οὐ μὴν εἰκός, ἀλλὰ διὰ τὸ μὴ δύνασθαι καθόλου περιλαβεῖν τὸ βέλτιστον· οὐ γὰρ [δ]ίχ[αιον] ἐκ τῶν νῦν γινομένων ἄλλ' ἐκ τῆς ἄλλης πολιτείας θεωρεῖν τὴν ἐκαίνου βούλησιν.

ἐστὶ τῶν δὲ τοιούτων ἰχθύων ταχεῖα. διόπερ ταύτην οὐχ ὀρῶντες, τὰς δ' ἀναχάσεις τοῦ θοροῦ καὶ τῶν φῶν, καὶ οἱ ἄλιαις.... τὸν εὐήθη λέγουσι λόγον καὶ ταυρολημέον, ὅπερ καὶ Ἡρόδοτος ὁ μυθολόγος, ὡς κυίοχομένων τῶν ἰχθύων ἐκ τοῦ ἀνακάπτειν τὸν θορόν.

Hist. anim. VI 31 (№ 6): ὁ δὲ λεχθεὶς μῦθος περὶ τοῦ ἐκβάλλειν τὰς ὑστέρας τίκοντα ληρώδης ἐστίν. συνετέθη δ' ἐκ τοῦ σκανίου· εἶναι τοὺς λέοντας, ἀποροῦντος τὴν αἰτίαν τοῦ τὸν μῦθον συνθέντος.

Hist. anim. II 1 (№ 9): καμπὰς ἔχει (ὁ κάμηλος) οὐ κλείουσ, ὥσπερ λαγουσί τινες, ἀλλὰ φαίνεται διὰ τὴν ὑπόστασιν τῆς κοιλίας.

Этимъ я заканчиваю первый отдѣлъ моей статьи. Но прежде чѣмъ перейти къ стилистическимъ сближеніямъ новооткрытаго трактата съ другими сочиненіями Аристотеля считаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе.

Я съ намѣреніемъ старался подробно выяснить методы обработки источниковъ въ различныхъ сочиненіяхъ Аристотеля. Этимъ путемъ не только рѣшается вопросъ объ авторѣ новооткрытаго трактата, но также намѣчается точка опоры для рѣшенія другаго, не менѣе капитальнаго вопроса,—вопроса о характерѣ *всѣхъ тѣхъ источниковъ*, которые вообще послужили канвой для 'Αθηναίων πολιτεία.

Мы знаемъ, какъ обрабатываетъ авторъ тѣ источники, которые дошли до насъ; сравненіе трактата съ другими сочиненіями Аристотеля показало, что поправки и измѣненія, вносимыя въ текстъ источника,—не случайны, но объясняются индивидуальными особенностями автора, какъ ученаго. Слѣдовательно, имѣемъ полное право предполагать, что эти особенности отразились и на обработкѣ *тѣхъ источниковъ, которые до насъ не дошли*. Такимъ образомъ мы можемъ составить себѣ до извѣстной степени точное представленіе о характерѣ этихъ источниковъ и отсюда дѣлать довольно надежныя заклю-

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ВОСЕМЪДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
(сентябрь и октябрь 1892 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (18-го іюня 1892 года). О разъясненіи закона о правахъ и преимуществахъ, предоставленныхъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ училищахъ Императорскаго русскаго техническаго общества. 3

Высочайшіе приказы.

8-го сентября 1892 года 31

Министерскія распоряженія.

1. (17-го апрѣля 1892 года). Положеніе о стипендіи имени законоучителя Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища протоіерея Василия Ивановича Соловьева 4
2. (6-го мая 1892 года). Списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ 5
3. (20-го іюня 1892 года). Положеніе о стипендіяхъ имени штаб-лекаря коллежскаго совѣтника Исидора Ивановича Юшкевича при Гродненской мужской гимназій —

4. (2-го іюля 1892 года). Положеніе о стипендіи общества вспомо-
гательства нуждающимся ученикамъ Динабургскаго реальнаго учи-
лища, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора и всей
Его Императорской Семьи 17-го октября 1886 года 7
5. (10-го іюля 1892 года). Положеніе о стипендіи имени надвор-
наго совѣтника Ивана Александровича Самисонова при Одесскомъ
реальномъ училищѣ 9
6. (14-го іюля 1892 года). Правила объ одновременномъ денеж-
номъ пособіи, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ
процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, завѣщаннаго генералъ-
адъютантомъ, генераломъ отъ кавалеріи княземъ Владиміромъ Андре-
евичемъ Долгоруковымъ и заключающагося въ двухъ облигаціяхъ 4-го
четырёх-процентнаго внутренняго займа по 1.000 руб. каждая. 10
7. (16-го іюля 1892 года). Положеніе о стипендіи при Император-
скомъ Дерптскомъ университетѣ на счётъ процентовъ съ капитала въ
6.000 руб., завѣщаннаго докторомъ медицины Фёдоромъ Фёдоровичемъ
Зигелемъ —
8. (19-го іюля 1892 года). Положеніе о стипендіи при Импера-
торскомъ Казанскомъ университетѣ имени полковника Якова Петро-
вича Яковлева 11
9. (25-го іюля 1892 года). Положеніе о стипендіи имени умершей
дочери статскаго совѣтника Порфирія Жука, жены штабсъ-капитана
Людмила Порфирьевны Воронцовой-Вельяминовой, при 1-й Тифлисской
Великой Княгини Ольги Осодороппи женской гимназіи 12
10. (31-го іюля 1892 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйстви-
тельнаго статскаго совѣтника Александра Стопановича Нарамонова
при С.-Петербургской Введенской гимназіи 13
11. (3-го августа 1892 года). Циркулярное предложеніе гг. попо-
чителямъ учебныхъ округовъ о поспрошеніи лицамъ, желающимъ занять
учительскія должности въ начальныхъ народныхъ училищахъ, для за-
нимающимъ таковыя, вступать въ договоры съ общественными учро-
жденіями по предметамъ, предоставленнымъ по закону вѣдѣнію учи-
лищаго начальства 14
12. (9-го августа 1892 года). Положеніе о стипендіяхъ имени жены
временно-Оренбургскаго купца Прасковьи Андріановы Софроновой
при Оренбургской женской гимназіи 15
13. (22-го августа 1892 года). Положеніе о пособіяхъ въ ознамено-
ваніе 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, для
выдачи нуждающимся ученикамъ Фридрихштадтскаго мужскаго началь-
наго правительственнаго училища 32
14. (22-го августа 1892 года). Циркулярное предложеніе гг. попе-
чителямъ учебныхъ округовъ по вопросу объ открытіи пансіоновъ при
среднихъ учебныхъ заведеніяхъ —

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

11-го августа 1892 года

16

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ**

25 и 33

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ООБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ**

28 и 36

Открытіе училищъ

28

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. М. Ивановъ-Платоновъ. Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ (<i>окончаніе</i>)	1 и 205
Ө. Я. Фортинскій. Борьба Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка	61
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (<i>продолженіе</i>)	90 и 252
И. А. Тихомировъ. Нѣсколько замѣтокъ о повгородскихъ глѣтонисяхъ	144
А. С. Хахановъ. Составъ и источники начальной грузинской глѣтонисы	153
М. С. Куторга. Изслѣдованія по исторіи государственныхъ учреждений Аоннъ (<i>продолженіе</i>)	318

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. В. Помяловскій. L'armée romaine d' Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs par M. René Cagnat	161
К. П. Бестужевъ-Рюминъ. Опытъ русской исторіографіи. В. С. Иконникова. Томъ первый. Кіевъ. 1892.	179
К. П. Бестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга 6. С.-Пб. 1892.	201
В. Э. Грабаръ. В. П. Даниевскій. Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права. Вып. 1-й и 2-й. Харьковъ. 1892.	347
Д. Ө. Бѣляевъ. Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ (XI в.). Н. Ө. Красносельцева. Одесса. 1892	393
Книжныя новости	203 и 379
Заявленіе профессора Ө. Ф. Зѣлинскаго	381

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Е. П. Ковалевскій. Сельско-хозяйственные занятія въ учебныхъ семинаріяхъ и начальныхъ школахъ	1
И. В. Педагогическій журналъ Я. Г. Гуревича.	53
Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ)	60

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Наша учебная заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1890 году. 1 и 39	
И. В. Помяловскій. Николай Михайловичъ Благовѣщевскій (искролокъ)	28

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вал. В. Майковъ. Четыре эпіграммы Пиндара въ честь Іерона Сиракузскаго и Этнейскаго (продолженіе) .	113 и 119
И. Мойеръ. Савагіала	115
Ф. Г. Мищенко. Судъ присяжныхъ въ Аѣинахъ и сочиненіе Аристотеля объ Аѣинскомъ государствѣ.	119
С. П. Ждановъ. Къ Гомеру и Гесіоду.	142
В. К. Ериштедтъ. Къ надгробію Инанемъ, дочери Главкія .	147
С. А. Селивановъ. О Колофонѣ, Нотіѣ, Кларѣ и о новыхъ надписяхъ Колофонской области .	1
В. Е. Къ присягѣ херсонисцевъ	28
М. Покровскій. Къ вопросу объ авторѣ новооткрытаго трактата 'Αθηναίων Πολιτεία	29

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

(годъ 4-й, съ 1-го ноября 1892 года).

Въ послѣднихъ книгахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица:

Б. Н. Чичеринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, Вя. С. Соловьевъ, кн. Е. и С. Трубецкіе, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. А. А. Козловъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. А. И. Введенскій, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Я. Н. Колубовскій, Н. А. Иванцовъ, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Е. И. Челпановъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. М. А. Мензбиръ, В. А. Вагнеръ, К. Н. Вентцель, В. И. Штейнъ и др.

Изданіе будетъ продолжаться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде.

ПОДПСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д. Абрикосовой, № 8) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки 7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р., за границу—9 р. 50 к.

На годъ (съ 1-го января 1893 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки—6 р., съ доставкой—6 р. 50 к., за границу—7 р. 50 к.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка по 1-е ноября 1893 года НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Редакторъ проф. И. И. Гротъ.

Издатель А. А. Абрикосовъ.

Вышла сентябрьская книжка общепедагогического журнала для школы и семьи „РУССКАЯ ШКОЛА“.

1) Правительство, распоряженія; 2) Идеалы нравственного воспитанія въ царствованіи Екатерины II. (Окончаніе). М. Ф. Суларовскаго. 3. Народное образованіе въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, до открытія въ ней земскихъ учрежденій. (Окончаніе). В. Е. Пелова. 4. Изъ воспоминаній стараго воспитателя. П. М. Рогова. 5. Павелъ Павловичъ Максимовичъ. (Некрологъ). В. И. Покровскаго. 6) Обь организаціи средней школы въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ (съ приложеніемъ учебныхъ плановъ). П. С. 7. Къ вопросу объ организаціи женскаго образованія. Е. М. Гаршина. 8. Профессиональныя училища. М. Х. Весселя. 9. Мысли Шопенгауэра о преподаваніи геометріи. Е. Литвиновой. 10. Къ вопросу о прохожденіи и повтореніи историческихъ курсовъ. Н. А. Мамова. 11. Замѣтка по поводу курсовъ плодотворства для народныхъ учителей въ г. Коротѣ, Курской губерніи. И. М. 12. Къ вопросу о нѣсколькихъ образовательныхъ средствахъ народа. Н. Я. Салозубова. 13. Критика и библиографія: 1) Michel Bréal, De l'enseignement des langues anciennes. Conférences faites aux étudiants en lettres de la Sorbonne. Paris. 1891. П. М.; 2) Т. Г. Корниги. Гигіена цѣломудрія. Переводъ съ нѣмецкаго издавъ д-ръ мед. И. Лейненбергъ. Одесса. 1890. Цѣна 60 коп. Д-ръ Севедъ Риббингъ (профессоръ медицины въ Лундѣ). Половая гігіена и ея нравственныя послѣдствія. Переводъ д-ра Н. Лейненберга. Цѣна 1 р. Одесса. 1891. А. Виремуса; 3) Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное. Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серьезно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности. Сочиненія Дж. Ст. Блекки, профессора греческаго языка и литературы при Эдинбургскомъ университетѣ. Переводъ съ 18-го англійскаго изданія І. Паульсона. 3-е русское изданіе. Сиб., 1891. М. С.; 4) Педагогическій календарь на 1892—1899 г. Годъ третій. Составилъ В. А. Воскресенскій. Сиб. 1892 г. Ц. 60 к. М. М.; 5) „Васильки и колосы“. Очерки и рассказы для юношества. В. П. Авиариуса. Ц. 1 р. 26 к.; 6) Пташникъ садикъ. Рассказы для дѣтей средняго возраста Паль-Карнатты и Ф. Шмидта. Сиб. Изданіе Битепажа. Ц. 1 р.; 7) А. Пузыревскій. Методическія записки по преподаванію пѣнія въ народныхъ школахъ. Кіевъ. 1891 г. Ц. 25 к. М. 3; 8) В. Кунцикій. Задачіи по русской грамматикѣ для элементарныхъ школъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сиб. 1891 г. Ц. 60 к. А. О—сай; 9) Повторительный курсъ всеобщей и русской исторіи. Составилъ А. И. Кузнецовъ, преподаватель Маріинской Донецкой женской гимназіи. Новочеркасскъ. 1892. Цѣна 60 коп. В. М. 14. Педагогическая хроника: 1) Законъ объ обязательномъ обученіи въ Англіи. И. М.; 2) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; 3) Санитарное состояніе школъ по послѣднему „Отчету медицинскаго департамента“. А. П. Весина; 4) Московскія городскія безплатныя читальни въ 1891 году. М. Б.; 5) Нижегородская общественная бібліотека. А. И. Ульянова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

Въ текущемъ 1892 году (3-й годъ изданія) журналъ „Русская Школа“ продолжаетъ издаваться по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ истекшемъ 1891 г. Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжными не менѣе восьми почетными листами каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки — ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою ШЕСТЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногороднихъ съ пересылкою СЕМЬ рублей; съ пересылкою за границу ДВЯТЬ рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лыгошки и Басейной, гимназіи Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

За 1889 годъ кѣнется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ бібліотекъ среднѣеучебныхъ заведеній въдомени Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе тринадцатое, 1890 г., дополненное новыми статьями и рисунками. Съ позволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ старшалаьныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Учебнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтной и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 1891 г.

Одобрена Учебнымъ Советомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе четвертое, дополненное, 1891 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Учебнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Божѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 30 коп.

•ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

1-го октября вышла и разслана подписчикамъ X-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Собственноюручная записка императрицы Екатерины II о греческомъ проектѣ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—II. Императрица Екатерина II и графъ И. П. Румянцовъ. Переписка съ 1790 по 1795 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—III. Путешествіе Павла I въ Казань въ 1798 г.—IV. Императоръ Николай и освобожденіе христіанскаго Востока. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—V. Записки Николая Викторовича Веригина, род. 1796 г., † 1872 г.—VI. Воспоминанія Александра Львовича Зеланда о польскомъ возстаніи и войнѣ 1830—1831 гг.—VII. Коштина графа Ивана Ивановича Дибича 1831 г. — VIII. Императорскій московскій университетъ въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова, 1799 — 1830 гг. — IX. Надомна Николаевна Шереметева, рожденная Тютчева, духовная мать Н. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ.—X. Бытовые черты XVIII вѣка. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.—XI. Путевыя записки переклада И. М. Соловьева, 1770—1776 гг. Эпизодъ изъ исторіи русскихъ открытій въ Восточномъ океанѣ. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.—XII. Матеріалы и записки: А. П. Ермоловъ и Д. А. Гурьевъ.—Д. С. Руинъ о комедіи „Горю отъ ума“.—Ив. Яковлевъ и Михайла Данилевскій.—Записка барона М. А. Корфа о де-Сангленѣ 1846 г.—Кн. М. С. Воронцовъ и А. П. Ермоловъ.—И. Е. Андреевскій.—XIII. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Ивана Ефимовича Андреевскаго, † 20-го мая 1891 г. Графированъ на мѣди художникъ Федоръ Ивановичъ Веревкинъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

и открыта подписка на 1893 годъ.

Двадцать третій и двадцать четвертый годы изданія. Ц. по 9 р.

Подписка принимается въ магазинѣ А. О. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, у Полицейскаго моста (магазинъ бывшій Мелье), д. № 20. Иногородные обращаются въ книжный магазинъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7, кв. 2.

Нижинскій магазинъ „Русской Старины“ (Сиб., Больш. Подъяческая, № 7) высылаетъ по требованіямъ, и съ наложеннымъ платежомъ, всѣ книги, о продажѣ которыхъ гдѣ-либо было опубликовано.

Издательница Е. М. Семева.

Редакторъ Н. К. Шильдеръ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и научныя, критики и библіографическія, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Изъ городовъ также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціей, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города.

